UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00301243 2

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

ПИСЬМА

Н. В. ГОГОЛЯ.

Редакція В. И. Шенрока.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

Томъ первый.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., М. Морская, 22.

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу
новое семнадцатое изданіе
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. В. ГОГОЛЯ.

Редакція **Н. С. ТИХОНРАВОВА и В. И. ШЕНРОКА. Изданіе 17-ое, въ одномъ большомъ, компактно напечатанномъ въ 2 столбца, томѣ. Съ портретомъ Н. В. Гоголя, біографич. очеркомъ, В. И. Шенрока, и съ примѣчаніями редактора.**

Настоящее изданіе, первоначальный планъ котораго былъ составленъ, по нашему предложенію, покойными А. Н. Майковымъ и Н. Н. Страховымъ,—имѣетъ въ виду удовлетворить главнымъ образомъ требованіямъ общедоступности. Оно ставитъ себѣ цѣлью дать всѣ произведенія великаго писателя, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя имѣютъ значеніе только для ученыхъ спеціалистовъ. Мы старались соединить полноту съ дешевизною, достовѣрность текста съ внѣшнимъ изяществомъ изданія.

ОГЛАВЛЕНІЕ СОДЕРЖАНІЯ:

Предисловіе. Біографическій очеркъ, В. И. Шенрока. Предисловіе къ I изданію. **Вечера на хуторѣ близъ Диканьки.** Ч. I. Предисловіе, Сорочинская ярмарка. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. Майская ночь, или утопленница. Пропавшая грамота. Ч. II. Предисловіе. Ночь передъ Рождествомъ. Страшная месть. Иванъ Федоровичъ Шпонька и его тетушка. Заколдованное мѣсто.—**Миргородъ,** Ч. I. Старосвѣтскіе помѣщики. Тарасъ Бульба. Ч. II. Вій. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ Малороссійскія слова. Примѣчанія редактора. Носъ. Портретъ (въ позднѣйшей редакціи). Шинель. Коляска. Римъ (отрывокъ).—**Арабески.** Ч. I. Предисловіе Скульптура, живопись и музыка. О среднихъ вѣкахъ. Глава изъ историческаго романа. О преподаваніи всеобщей исторіи. Взглядъ на составленіе Малороссіи. Нѣсколько словъ о Пушкинѣ. Объ архитектурѣ нынѣшняго времени. Ал-Мамунъ (историч. характеристика). Ч. II. Жизнь. Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ. Невскій проспектъ (повѣсть). О малороссійскихъ пѣсняхъ. Мысли о географіи (для дѣтскаго возраста). Послѣдній день Помпеи (картина Брюллова). Плѣнникъ (отрывокъ изъ историч. романа). О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка. Записки сумасшедшаго.—**Статьи разнаго содержанія.** О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году. Петербургскія записки 1836 года. Ночи на виллѣ. Примѣчанія редактора. — **Комедіи: Ревизоръ.** Приложенія къ ком. «Ревизоръ». Отрывокъ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора» къ одному литератору. Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть, какъ слѣдуетъ, «Ревизора». Двѣ сцены, выключенныя и при I изданіи, какъ замедлявшія теченіе пьесы. Сцена, не внесенная авторомъ въ печатныя изданія «Ревизора». Предувѣдомленіе къ предполагающимся изданіямъ «Ревизора» въ пользу бѣдныхъ. Развязка «Ревизора». Дополненіе къ развязкѣ «Ревизора». — Женитьба. **Драматическіе отрывки и отдѣльныя сцены.** Игроки. Утро дѣлового человѣка. Тяжба. Лакейская. Отрывокъ. Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи. Примѣчанія редактора.—**Похожденія Чичикова или Мертвыя души.** Поэма. Т. I. Приложеніе къ I т. Мертвыхъ душъ. Предисловіе къ 2-му изд. I т. Мертвыхъ душъ. Замѣтки, относящіяся къ I-й части. Окончаніе IX главы въ передѣланномъ видѣ. Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ: А) Одна изъ первоначальныхъ редакцій. В) Редакція зачеркнутая цензурою.—**Похожденія Чичикова или Мертвыя души.** Поэма Т. II. Примѣчанія редактора.—**Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.** Предисловіе. Завѣщаніе. Женщина въ свѣтѣ. Значеніе болѣзней. О томъ, что такое слово. Чтенія русскихъ поэтовъ передъ публикою. О помощи бѣднымъ. Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ. Нѣсколько словъ о нашей церкви и духовенствѣ. О томъ же. О лиризмѣ нашихъ поэтовъ. Споры. Христіанинъ идетъ впередъ. Карамзинъ. О театрѣ, объ одностороннемъ взглядѣ на театръ и вообще объ односторонности. Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время. Совѣты. Просвѣщеніе. Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу «Мертвыхъ душъ». Нужно любить Россію. Нужно проѣздиться по Россіи. Что такое губернаторша. Русскій помѣщикъ. Историч. живописецъ Ивановъ. Чѣмъ можетъ быть жена для мужа въ простомъ домашнемъ быту, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей въ Россіи. Сельскій судъ и расправа. Страхи и ужасы Россіи. Близорукому пріятелю. Занимающему важное мѣсто. Чей удѣлъ на землѣ выше. Напутствіе. Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность. Святое Воскресеніе. Приложеніе. Письмо къ Аркадію Осиповичу Россети. О «Современникѣ». Авторская исповѣдь. Письмо къ В. А. Жуковскому. Размышленія о Божественной литургіи. Примѣчанія редактора.—**Юношескіе опыты.**— 1834. — Объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ. Двѣ главы изъ малороссійской повѣсти «Страшный кабанъ». Женщина. Примѣчанія редактора, относящіяся къ отдѣлу «Повѣсти».

Большой томъ, компактно напечатанный въ 2 столбца (1686 столбцовъ въ больш. 8-ю д. л.) на превосходной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. СПБ. 1901.

Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 75 к., въ красивомъ коленкоров. переплетѣ 1 р. 80 к., съ пересылкою 2 р. 30 к.

ПИСЬМА

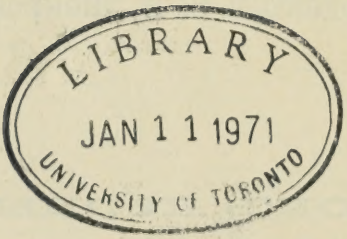
Н. В. ГОГОЛЯ.

Редакція В. И. Шенрока.

Томъ первый.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

PG
3335
A3
1901
t.1



Типографія А. Ф. Маркса, Измайловскій просп., № 29.

Предисловіе.

Настоящее изданіе, заключая въ себѣ всѣ до сихъ поръ опубликованныя письма Н. В. Гоголя, по своему объему почти вдвое больше прежняго, Кулишовскаго. Если несмотря на то и оно не можетъ быть названо безусловно полнымъ, такъ какъ возможно, что нѣкоторыя письма и понынѣ продолжаютъ оставаться подъ спудомъ, то можно смѣло утверждать, что такихъ не появившихся пока въ печати писемъ должно быть очень немного. Во всякомъ случаѣ относительно полноты настоящаго изданія сдѣлано возможное, при чемъ въ него вошли нѣкоторыя, нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныя письма. Затѣмъ, въ видахъ достиженія надлежащей исправности текста, мы поставили своей непремѣнной задачей провѣрку всѣхъ писемъ по подлинникамъ. Намъ удалось это выполнить, однако, не безусловно, хотя и въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Такъ, въ нашемъ распоряженіи были письма Гоголя къ матери (въ количествѣ 91 письма, полученныхъ отъ племянника Гоголя, В. Я. Головни, и около десяти писемъ, находящихся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеѣ), къ А. А. Иванову (всѣ письма, кромѣ одного, отсутствующаго въ собраніи, принадлежащемъ тому же музею), къ Н. Я. Проконовичу (всѣ,—кромѣ одного, отсутствующаго въ собраніи этихъ писемъ, принадлежащихъ Нѣжинскому историко-

филологическому институту), къ М. А. Максимовичу (всѣ; подлинники принадлежатъ тому же институту), къ А. О. Смирновой (кромѣ немногихъ недостающихъ въ собраніи, принадлежащихъ Румянцовскому музею), къ П. А. Плетневу (всѣ; подлинники находятся у профессора К. Я. Грота), къ А. С. Данилевскому (55 писемъ, принадлежащихъ одному изъ наслѣдниковъ Данилевскаго, Ѳ. К. Баниху, и 2 письма, принадлежащія А. А. Бахрушину), къ Н. Н. Шереметевой (9 писемъ, принадлежащихъ Е. И. Якушкину), къ Е. Г. Чертковой (письмо, принадлежащее Московскому Историческому Музею имени Александра III), 12 писемъ В. А. Жуковскому, 4 письма къ С. П. Шевыреву, одно къ И. И. Сосницкому, 4 письма къ П. П. Косяровскому, 2 письма къ преосвящ. Иннокентію, къ В. А. Соллогубу, К. И. Маркову (подлинники всѣхъ переименованныхъ писемъ, начиная съ писемъ къ Жуковскому, хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ), нѣсколько писемъ къ А. П. Толстому, къ М. П. Погодину и къ А. О. Россету, одно черновое къ В. А. Жуковскому и одно черновое къ П. И. Раевской, хранящіяся въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ), къ Н. М. Языкову (всѣ, кромѣ послѣдняго; хранятся въ Симбирской губернской архивной комиссіи), 3 письма къ И. И. Срезневскому (у сына его, В. И. Срезневскаго), по одному къ Уварову и Дондукову-Корсакову (подлинники у К. Я. Грота), одно— къ сестрамъ (у В. И. Танѣева) и проч. Сверхъ того, мы пользовались въ отношеніи нѣкоторыхъ писемъ, подлинниковъ которыхъ намъ не удалось достать, хранящимися въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ копіями, съ которыхъ производился наборъ для прежняго изданія П. А. Кулиша (въ томъ числѣ копіями съ писемъ къ Н. Д. Бѣлозерскому, о. Матвѣю и проч.), а также нашими собственными записями и замѣтками на основаніи оригиналовъ, сдѣланными въ разное время при нашихъ занятіяхъ Гоголемъ. Послѣднія особенно пригодились въ отноше-

ніи нѣсколькихъ писемъ къ А. С. Данилевскому, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи въ 1887 г., но недостающихъ въ этомъ собраніи писемъ въ настоящее время и въ отношеніи писемъ къ Вѣльгорской, напечатаннымъ нами по подлинникамъ въ 1889 г. въ «Вѣстникѣ Европы» (октябрь и ноябрь), которые были намъ вторично обѣщаны ихъ владѣльцемъ (бывшимъ директоромъ Румянцовскаго музея] М. А. Веневитиновымъ, но обѣщаніе это не могло быть исполнено вслѣдствіе постигшей г. Веневитинова тяжкой и продолжительной болѣзни. Наконецъ, мы пользовались этими записями при свѣркѣ Аксаковскихъ писемъ, подлинниковъ которыхъ намъ не удалось теперь вторично разыскать, но которые мы уже свѣряли въ 1888 г. съ разрѣшенія покойной А. Ѳ. Аксаковой. Въ отношеніи Аксаковскихъ писемъ за правильность текста особенно убѣдительно ручается почти полное совпаденіе текста въ изданіи Кулиша, въ «Русскомъ Архивѣ» (1890, VIII), въ копіяхъ Румянцовскаго музея и въ нашихъ записяхъ, и притомъ, если встрѣчаются нѣкоторыя разнорѣчія, то, какъ можетъ убѣдиться читатель изъ нашихъ примѣчаній и приводимыхъ варіантовъ, безусловно незначительныя. Во всѣхъ случаяхъ, когда мы имѣли возможность пользоваться подлинными письмами, мы подробно отмѣчали варіанты и другія заслуживающія вниманія особенности. Изъ тѣхъ писемъ, которыя не были у насъ, приводятся варіанты къ письмамъ матери, указанные при напечатаніи ихъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1896, VI—VII), варіанты къ письмамъ М. С. Щепкину по «Русской Старинѣ» (1886 г., X) и въ нѣкоторыхъ письмахъ М. П. Погодину (въ «Русской Жизни», 1891—1892), а также къ письмамъ В. В. Тарновскому и В. В. Львову—по копіямъ, полученнымъ нами отъ г. Черниговскаго предводителя дворянства, наконецъ къ письмамъ о. Матвѣю,—какъ уже сказано выше, по копіямъ, принадлежащимъ Румянцовскому музею, и наконецъ къ письмамъ М. П. Балабиной—по копіямъ, при-

сланнымъ самой нынѣ покойной Марьей Петровной Балабиной (въ замужествѣ Вагнеръ).

Порядокъ въ изданіи писемъ принятъ строго хронологическій, какъ единственный, удовлетворяющій требованіямъ научныхъ изслѣдованій, которымъ, несомнѣнно, должно служить настоящее изданіе. При изданіи писемъ Гоголя казалось намъ совершенно непростительнымъ упрощать свою задачу распредѣленіемъ писемъ по корреспондентамъ, при которомъ утратилась бы возможность слѣдить за постепеннымъ развитіемъ духовной жизни писателя, что̀ особенно важно при изученіи Гоголя.

Извѣстно, что въ числѣ писемъ Гоголя встрѣчается значительное количество не имѣющихъ годовой, а иногда и вовсе какой бы то ни было даты, что̀, конечно, не могло не представлять огромнаго камня преткновенія для перваго издателя писемъ, безъ сомнѣнія затратившаго бездну упорнаго труда и остроумія не только на весьма нелегкое и неблагодарное дѣло отысканія и собиранія писемъ (это надо испытать для того, чтобы вполнѣ оцѣнить), но особенно на достиженіе стройнаго порядка среди невообразимаго хаоса, который представляла груда еще не разсортированныхъ писемъ. Если въ настоящее время, по прошествіи почти уже полустолѣтія, когда въ печати явилось огромное множество писемъ, не бывшихъ въ рукахъ Кулиша, и собрано не мало новыхъ матеріаловъ, все-таки не малую трудность представляетъ безусловно точное выясненіе датъ,—то можно представить себѣ, какой грандіозный трудъ выпалъ на долю Кулиша. Достаточно сказать, что именно эта сторона работы потребовала и отъ насъ теперь особенно много упорныхъ усилій, при чемъ мы все-таки вынуждены были въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности въ отношеніи небольшихъ записокъ и короткихъ мало содержательныхъ писемъ, не имѣющихъ въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній, ограничиваться лишь приблизительнымъ разъясненіемъ времени, къ которому они должны быть отнесены.

Вслѣдствіе всего этого мы сочли своимъ долгомъ сопровождать такія письма, въ нашихъ редакторскихъ примѣчаніяхъ, подробными указаніями соображеній, которыми мы руководились при измѣненіи датъ, принятыхъ Кулишемъ или другими издателями. Случалось, что, опредѣливъ дату письма *приблизительно*, мы встрѣчали соображенія, дававшія возможность установить ее точнѣе, что́ вынуждало насъ, иногда уже во время печатанія, къ неудобнымъ для типографіи перестановкамъ. Въ результатѣ намъ удалось избѣгнуть нежелательнаго выдѣленія въ особый отдѣлъ «писемъ неизвѣстныхъ годовъ».

Сравнительно позднее полученіе нами отъ В. Я. Головни писемъ Гоголя къ матери было впрочемъ причиной нѣкоторыхъ незначительныхъ неточностей въ упомянутомъ отношеніи. Укажемъ здѣсь происшедшія отъ этой причины двѣ невольныя погрѣшности. Письмо къ матери, напечатанное на стр. 180, I тома, должно быть отнесено къ *4 іюля 1833 г., а не 1831 г., въ виду сообщеннаго въ немъ адреса:* на Малой Морской, въ домѣ Лепеня, — гдѣ Гоголь жилъ *въ 1833 г.* Далѣе приписка къ сестрѣ Маріи Васильевнѣ (т. I, стр. 476) должна быть отнесена къ письму отъ 22 декабря 1837 г. Наконецъ письмо, напечатанное на стр. 267 перваго тома должно быть отнесено *къ 1832, а не 1833 г.*, на что указываютъ заключительныя слова его: «Прилагаемое при семъ письмо отправьте скорѣе къ Александру Семеновичу Данилевскому», тогда какъ упоминаемое здѣсь письмо къ Данилевскому, было отъ 13 декабря *1832 г.*, (см. т. I, стр. 231—232), а не 1833 г. [1]).

---

[1]) Также сравнительно поздно намъ удалось получить письма къ Н. Н. Шереметевой и къ М. П. Погодину (къ послѣднимъ мы не могли добиться доступа, вслѣдствіе слишкомъ продолжительнаго, почти полугодового, въ прошломъ году, закрытія Румянцовскаго музея, благодаря которому надолго затруднено было также пользованіе многими другими письмами и копіями). Вслѣдствіе названныхъ причинъ нѣкоторые варіанты и письма пришлось отнести въ приложенія.

Надо замѣтить, что при свѣркѣ писемъ почти всегда первоначально получалось впечатлѣніе безплодно потраченнаго времени, вслѣдствіе почти безусловной вѣрности текста, но вдругъ иногда проскальзывала какая-нибудь неточность, маленькій пропускъ и, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, искаженіе. Если такимъ образомъ предшествующихъ издателей въ общемъ нельзя упрекнуть въ небрежномъ отношеніи къ дѣлу, то ими въ разныхъ случаяхъ было допущено не мало невольныхъ, но иногда *довольно существенныхъ* упущеній. Такъ даже П. А. Кулишъ, обыкновенно опуская однообразныя заключенія въ концѣ писемъ и подпись, напрасно пропускалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и адреса, иногда имѣющіе существенное значеніе при установленіи точныхъ датъ. Гоголь, напримѣръ, въ тѣ же числа и въ тѣ же мѣсяцы, жилъ въ Римѣ, въ 1843 и въ 1845 гг., но *на разныхъ квартирахъ*, и это ничтожное, повидимому, обстоятельство не разъ устраняетъ всякое колебаніе относительно опредѣленія времени написанія письма. Далѣе. Однажды Кулишъ отнесъ одно письмо Гоголя къ матери, *по предположенію* къ 1841 г., тогда какъ достаточно обратить вниманіе на то, что въ этомъ письмѣ Гоголь проситъ адресовать отвѣтъ не на имя Погодина, какъ онъ просилъ всегда въ началѣ 40 годовъ, а на имя Шевырева, чтобы убѣдиться въ томъ [1]), что письмо это было 1848 г., а не 1841 года.

Наконецъ, какъ можно предполагать по тому извѣстному факту, что Кулишъ принялъ редакторскій трудъ отъ Н. П. Трушковскаго и совершилъ его въ сравнительно короткій срокъ,—или самъ онъ, или еще до него Трушковскій пользовался въ черновой, подготовительной работѣ сотрудничествомъ посторонихъ лицъ. На мысль эту наводитъ особенно то обстоятельство, что наприм. въ письмахъ къ Иванову и въ большинствѣ другихъ,

[1]) Особенно притомъ въ связи съ другими указанными нами въ своемъ мѣстѣ соображеніями.

рѣдѣ чрезвычайно точно проведенъ принципъ обозначенія скобками предположительныхъ годовыхъ датъ, причемъ нерѣдко въ скобки заключены даже безусловно несомнѣнныя даты, подтверждаемыя почтовыми штемпелями и проч., но все же ***не проставленныя*** Гоголемъ ***на самомъ письмѣ***. Въ противоположность этому, въ письмахъ Гоголя къ матери, принципъ этотъ безпрестанно нарушается и предположительныя даты выставляются безъ всякихъ скобокъ и оговорокъ (что и ввело насъ въ ошибки въ выше названныхъ случаяхъ). Затѣмъ въ письмахъ къ Языкову, и притомъ ***почти исключительно въ этихъ письмахъ***, не разъ встрѣчаются своеобразные недосмотры, явно происшедшіе при изготовленіи копій, по недостатку окончательной провѣрки, напр. пропускаются цѣлыя строки ***именно въ тѣхъ случаяхъ***, когда какое-нибудь слово повторяется на небольшомъ разстояніи. При изданіи писемъ Шевырева въ «Русской Старинѣ» покойный О. Ѳ. Миллеръ, какъ можно предполагать, сортируя письма, невѣрно соединялъ иногда въ одно разныя письма, по собственнымъ соображеніямъ. Такъ, письмо къ Шевыреву отъ 18 іюля 1848 г. (т. IV, стр. 204), въ первой своей половинѣ принадлежитъ, несомнѣнно, къ 1850 г., на что указываетъ совпаденіе чиселъ, къ которымъ относятся письма къ Шевыреву и Смирновой, гдѣ Гоголь проситъ объ оказаніи покровительства своему племяннику Н. П. Трушковскому, ѣдущему учиться въ Казанскій университетъ, а также выраженіе: «Я еще сижу въ Малороссіи и *подымаюсь на югъ* не раньше, какъ черезъ полтора мѣсяца», тогда какъ въ 1848 г. Гоголь только-что вернулся съ юга и намѣревался, напротивъ, ѣхать на сѣверъ, въ Москву и проч. Съ другой стороны конецъ письма, несомнѣнно, относится къ 1848 г., такъ какъ Гоголь говоритъ здѣсь, о своемъ письмѣ къ М. А. Базили и проситъ разыскать ее, и проч., между тѣмъ какъ въ слѣдующемъ году она уже скончалась, и это было извѣстно Гоголю, написав-

шему по этому поводу утѣшительное письмо ея мужу. См. также, наши объясненія къ письму неизвѣстному лицу, на стр. 146—147, IV тома.

Очень много трудностей въ отношеніи датъ представляетъ переписка Гоголя съ 1848 г., когда число писемъ значительно сокращается и самыя письма часто не заключаютъ въ себѣ указаній на какіе-либо опредѣленные факты и притомъ уменьшается съ другой стороны количество писемъ корреспондентовъ Гоголя, а письма къ нему Смирновой становятся до того однообразными, что почти совсѣмъ не помогаютъ установленію точныхъ датъ. Но особенно затруднительно примиреніе нѣкоторыхъ противорѣчивыхъ данныхъ въ отношеніи къ письму изъ Ліона къ А. С. Данилевскому (т. I, стр. 502—537), на оборотѣ котораго ясно видно почтовое клеймо: «Octobre, 29», хотя эту дату трудно согласить съ другими извѣстными намъ данными.

Всѣ подобныя недоразумѣнія, разночтенія въ текстѣ писемъ, помѣщенныхъ въ разныхъ изданіяхъ (особенно же въ тѣхъ случаяхъ, когда мы при всемъ желаніи не имѣли возможности окончательной провѣрки по тексту подлинныхъ писемъ), побудили насъ приводить значительно бо́льшее число варіантовъ, чѣмъ мы сдѣлали бы это, еслибы въ нашемъ распоряженіи находились *всѣ* подлинники. Въ виду возможныхъ упрековъ относительно мелочности нѣкоторыхъ варіантовъ и даже сомнѣнія вообще въ ихъ надобности и пользѣ, мы должны оговориться, что *особаго* значенія варіантамъ не придаемъ, но, разъ допустивъ ихъ и признавъ ихъ въ принципѣ, вслѣдствіе указанныхъ причинъ (есть даже такой случай разночтенія: по одному варіанту читается куница, по другому — курица), въ виду притомъ крайней трудности добыванія подлинныхъ писемъ, мы, не останавливаясь даже передъ педантической точностью, стремились по возможности использовать письма полнѣе. Но мы рѣшительно отвергаемъ ни къ чему не ведущее соблюденіе

яко бы Гоголевскаго правописанія, котораго въ сущности и не было (съ основательностью этого принципа единогласно согласились всѣ рецензенты редактированныхъ нами VI и VII томовъ X изданія сочиненій Гоголя) и только мѣстахъ въ двухъ-трехъ отмѣтили выдающіяся странности. Мы безусловно отвергаемъ также необходимость описанія формата писемъ, указанія цвѣта бумаги и проч. Но мы держимся иного мнѣнія относительно варіантовъ. Послѣдніе могутъ быть очень полезны какъ *въ отрицательномъ смыслѣ*, устраняя возможность многихъ произвольныхъ догадокъ и предположеній, на которыя особенно падки люди, подходящіе къ изученію писателя съ предвзятыми намѣреніями и взглядами, такъ особенно *въ положительномъ*, начиная отъ мелочей—вродѣ ассигновки на раздачу бѣднымъ, сначала на бо́льшую сумму, затѣмъ на уменьшенную,—до тонкихъ психологическихъ соображеній по разнымъ поводамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ варіанты, безспорно, ближе вводятъ въ душевное состояніе автора и въ самый процессъ его мысли. Такъ, въ одномъ письмѣ къ о. Матвѣю (отъ 24 сентября 1847 г.) читаемъ: «Вотъ вамъ (скажу откровенно) причина моего писательства», тогда какъ прежде было написано: «*была* причина моего писательства». Здѣсь чрезвычайно любопытно видѣть во-очію, какъ совершалась борьба между прежними взглядами Гоголя и тѣми, на которыхъ настаивалъ о. Матвѣй. Защищая свое литературное призваніе, Гоголь колеблется, и уже на минуту готовъ уступить, отказываясь отъ своего прежняго убѣжденія, какъ тотчасъ же оно снова беретъ верхъ и слово «была» зачеркивается. Въ письмахъ къ А. О. Смирновой иногда любопытно слѣдить, какъ авторъ весь поглощенъ мыслью о своей корреспонденткѣ, до того, что не разъ нечаянно относитъ къ ней то, что̀ должно быть отнесено къ другому лицу, и тотчасъ же, конечно, поправляется. Въ письмѣ отъ 20 апрѣля 1844 г., встрѣчаемъ у Гоголя такія описки: «вы напишите ему» (Пе-

ровскому), «что я писалъ къ вамъ и дѣлалъ запросъ *о васъ*» (исправлено: «о немъ») «по поводу какого-то душевнаго событія, желая знать о настоящемъ *вашемъ*» (исправлено: «его») «положеніи душевномъ», и проч. Въ виду шаткости подобныхъ психологическихъ соображеній, мы, однако, воздерживались отъ нихъ въ нашихъ примѣчаніяхъ, но указываемъ здѣсь лишь на ихъ возможность и на представляемый въ такихъ случаяхъ варіантами интересъ.

Затѣмъ, ради существенной важности вопроса о томъ, насколько и когда можно считать Гоголя искреннимъ, чтобы поставить въ данномъ случаѣ сужденія на болѣе твердую и правильную почву, мы усиленно приводимъ въ примѣчаніяхъ относящіяся сюда сопоставленія, а болѣе важныя изъ нихъ позволяемъ себѣ даже напоминать, чтобы они не промелькнули безслѣдно [1]). Въ данномъ случаѣ мы имѣли также въ виду облегченіе читателя не спеціалиста. Въ виду фактическаго характера такихъ замѣчаній полагаемъ, что намъ не можетъ быть сдѣланъ упрекъ въ навязываніи своихъ взглядовъ и мнѣній. По такому же соображенію, не прибѣгая къ особой таблицѣ, мы для удобства чтенія, обыкновенно, сопровождали текстъ нашихъ писемъ неоднократными поясненіями, какихъ именно лицъ имѣлъ въ виду Гоголь, употребляя часто общія, родственныя названія въ письмахъ, не предназначавшихся, конечно, для посторонихъ читателей.

Наконецъ, намъ остается сказать, что при составленіи плана настоящаго изданія мы сочли долгомъ обратиться за совѣтомъ къ такимъ компетентнымъ ученымъ, знатокамъ литературы, какъ академикъ А. Н. Пыпинъ, покойный академикъ Л. Н. Майковъ, П. А. Ефремовъ и другіе. Кромѣ означенныхъ ученыхъ, мы обязаны искреннею

[1]) Этимъ пріемомъ мы, въ виду указанной цѣли, пользовались особенно при комментированіи писемъ послѣднихъ годовъ.

благодарностью лицамъ, любезно предоставившимъ въ наше распоряженіе подлинныя письма Гоголя: В. Я. Головня, Ѳ. К. Баниху, К. Я. Гроту, П. А. Вагнеръ, В. Н. Поливанову, Е. И. и В. Е. Якушкинымъ и проч. Но не можемъ не выразить крайняго сожалѣнія по поводу того, что покойная княгиня А. В. Голицына, въ силу страннаго завѣщанія гр. А. Е. Толстой, отказала намъ въ провѣркѣ по подлинникамъ писемъ Гоголя къ Толстымъ[1]).

В. Шенрокъ.

[1]) Г-жа Голицына ссылалась въ своемъ отказѣ на то, что она была не совсѣмъ согласна и на первоначальное напечатаніе писемъ въ «Сборникѣ въ память Юрьева» и въ «Русской Старинѣ» и не желала повторить свою «ошибку» еще разъ.

I.

ПОЛТАВСКІЯ и НѢЖИНСКІЯ ПИСЬМА.

Гимназическія и лицейскія письма Гоголя.

(1820—1828).

Дѣтскія письма Гоголя, начиная отъ 1820-го года (сюда принадлежатъ также три письма, писанныя роднымъ еще изъ Полтавы), до марта 1825 года, отличаются, какъ и естественно, крайней элементарностью содержанія: въ нихъ Гоголь проситъ у родителей денегъ, книгъ, полотна для театра; сообщаетъ о своихъ успѣхахъ въ рисованіи; проситъ прислать за нимъ лошадей передъ поѣздкой на праздники домой; освѣдомляется о томъ, когда родители пріѣдутъ навѣстить его.

Послѣ смерти отца, весной 1825 года, характеръ и содержаніе писемъ совершенно измѣняются: замѣтно, что въ душѣ юноши произошелъ переломъ и онъ начинаетъ быстро созрѣвать. Сознавая себя старшимъ членомъ семьи, на обязанности котораго стараться поскорѣе заступить для сиротъ мѣсто отца, нашъ лицеистъ тоскуетъ о своей тяжкой потерѣ, тревожится за мать и особенно живо и напряженно чувствуетъ свою связь съ родной семьей. Своему безпокойству и грусти онъ мало-по-малу находитъ противовѣсъ въ оптимистическомъ убѣжденіи, что за годиной испытаній для всей семьи настанетъ лучшая, счастливѣйшая пора. Юноша принимаетъ участіе въ домашнихъ и хозяйственныхъ заботахъ, интересуется стройками, даже винокуреніемъ. Его увлеченія книгами, рисованьемъ, театромъ становятся серьезнѣе и значительно расширяются. Нѣсколько позднѣе въ Гоголѣ начинаетъ замѣтно обозначаться наклонность къ юмору и сатирѣ: его проницатель-

ный взглядъ открываетъ недостатки и изъяны даже въ тѣхъ людяхъ, къ которымъ онъ еще такъ недавно относился съ безусловнымъ благоговѣніемъ, какъ напримѣръ къ Трощинскому, Орлаю, ко многимъ своимъ профессорамъ,— не говоря уже о подросткахъ-товарищахъ, которыхъ онъ сильно высмѣивалъ съ своимъ пріятелемъ и старшимъ товарищемъ Высоцкимъ. Это проявляется особенно въ перепискѣ съ послѣднимъ, начавшейся послѣ переѣзда его въ Петербургъ. Съ этой поры Гоголь начинаетъ тяготиться пустотой и пошлостью окружающей жизни на родинѣ и его начинаетъ сильно манить къ себѣ наша сѣверная столица, куда въ послѣдніе два года своего пребыванія въ Нѣжинѣ онъ стремится всѣми своими помышленіями, задаваясь широкими мечтами о принесеніи пользы всему государству и даже «человѣчеству». Послѣдній годъ въ Нѣжинѣ онъ принужденъ посвятить самымъ усерднымъ занятіямъ, чтобы передъ окончаніемъ курса пополнить накопившіеся за все время ученья пробѣлы. Лѣтніе мѣсяцы онъ проводитъ въ деревнѣ, причемъ особенно много пріятныхъ воспоминаній оставило въ немъ лѣто 1827 года, когда онъ наслаждался отдыхомъ и деревенскими развлеченіями въ сообществѣ своихъ любимыхъ дядей, Петра Петровича и Павла Петровича Косяровскихъ. Исключительное уваженіе къ первому изъ нихъ сказалось въ томъ, что ему прежде всѣхъ и больше всѣхъ были повѣрены тайныя мечты и широкіе замыслы, тщательно скрываемые ото всѣхъ тѣмъ, котораго еще школьные товарищи прозвали «таинственнымъ карлой». Съ запасомъ этихъ надеждъ и плановъ, высказанныхъ частью въ письмахъ къ Косяровскому, частью къ Высоцкому, Гоголь и устремляется въ Петербургъ, гдѣ надѣется найти себѣ широкое поприще, и здѣсь уже оканчивается его ученичество: юноша вступаетъ въ жизнь.

I. Полтавскія письма.

I. Къ отцу и матери.

(Изъ Полтавы, 1820.)

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Я весьма радъ, что узналъ о благополучномъ здравіи вашемъ. Я поставилъ для себя первымъ долгомъ и первымъ удовольствіемъ молить Бога о сохраненіи безцѣннаго для меня здравія вашего.

Вакаціи быстро приближаются; я не успѣлъ еще окончить всего: слѣдовательно нужно заняться вакаціями, чтобы поспѣть съ честью во второй классъ. Учитель математики мнѣ необходимъ. Если вы будете въ Полтаву сами скоро, то я увѣренъ, что все устроите для моей пользы.

Цѣлуя безцѣнныя ручки ваши, имѣю честь быть, съ сыновнимъ моимъ къ вамъ высокопочитаніемъ

вашъ послушный сынъ,
Николай Гоголь-Яновскій.

II. Къ бабушкѣ [1]).

(Изъ Полтавы, 1820.)

Дражайшая бабушка!

Извините меня въ томъ, что долгое время не могъ писать къ вамъ, дражайшая бабушка. Покорно васъ благодарю, что вы прислали гостинецъ мнѣ. Отъ всего сердца желаю вамъ благополучія и долголѣтней жизни, при чемъ остаюсь

вашъ покорный внукъ,
Николай Яновскій.

---

[1]) Вѣроятно, къ теткѣ Маріи Ивановны Гоголь, Аннѣ Матвѣевнѣ, или къ сестрѣ послѣдней, Агаѳьѣ Матвѣевнѣ Лукашевичъ, урожденной Косяровской, или же къ Маріѣ Ильиничнѣ Косяровской, рожденной Шостакъ.

Пришлите мнѣ, дражайшая бабушка, погребецъ; я куплю для него приборъ. Обрадуйте папеньку и маменьку, что я успѣлъ въ наукахъ,—то, что въ первомъ классѣ гимназіи, и учитель мною доволенъ. Прошу поцѣловать за меня Ганю [1]) и сестрицъ моихъ.

III. Къ отцу и матери.

(Изъ Полтавы, 1820.)

Почтеннѣйшіе родители, папенька и маменька!

Благодаря родительскому вашему о мнѣ попеченію, я, слава Богу, чувствую себя здоровымъ совершенно. Настойку, оставленную вами, папенька, я продолжаю, по данному наставленію.

Въ прошедшее воскресенье я обѣдалъ у Ивана Алексѣевича [2]), на другой день видѣлъ Ивана Дмитріевича [3]). Возвращаясь изъ саду съ Гавріломъ Максимовичемъ [4]), Иванъ Дмитріевичъ показывалъ намъ свой домъ. Къ величайшему моему удовольствію, узналъ я отъ него, что вы, слава Богу, живы и здоровы. Дай Богъ, чтобы безцѣнное ваше для меня здоровье продолжалось вѣчно въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Ученіе въ гимназіи начнется чрезъ недѣлю, а до того времени я слегка занимаюсь повтореніемъ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и сыновнею преданностію, имѣю честь быть,

любезнѣйшіе родители,

вашимъ покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ сыномъ,

Николай Гоголь-Яновскій.

---

[1]) Няню, Агаѳью Семеновну Власенкову (упоминается въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», т. I, 49, примѣч.).

[2]) Въ копіи этого письма, сохранившейся въ бумагахъ Н. С. Тихонравова и составленной, очевидно, во время перваго изданія писемъ, находится указаніе на то, что Иванъ Алексѣевичъ — прокуроръ Горбовскій.

[3]) По указанію той же копіи, Иванъ Дмитріевичъ—Тишевскій, знакомый родителей Гоголя; онъ же упоминается ниже, въ письмѣ Гоголя къ матери отъ 16-го ноября 1826 г.

[4]) Личность намъ неизвѣстная.

Примѣчаніе къ письмамъ I—III.

При опредѣленіи порядка дѣтскихъ писемъ Гоголя изъ Полтавы возможно руководиться только предположеніями. Въ первомъ письмѣ къ родителямъ Гоголь говоритъ о томъ, что ему необходимъ учитель математики для приготовленія ко второму классу; въ письмѣ къ бабушкѣ, вѣроятно слѣдовавшемъ за другими, не сохранившимися, письмами («извините меня въ томъ, что *долгое время не могъ писать къ вамъ*»), говорится уже: «обрадуйте папеньку и маменьку, что я успѣлъ въ наукахъ—то, что въ первомъ классѣ гимназіи, и *учитель* мною доволенъ». Такимъ образомъ письмо къ бабушкѣ находится въ связи съ предыдущимъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Гоголѣ «ближайшій» другъ его, А. С. Данилевскій, сообщалъ намъ, что Гоголь въ Полтавѣ жилъ вмѣстѣ съ братомъ у учителя Спасскаго (см. «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 100). Вѣроятно, въ названныхъ письмахъ разумѣется именно этотъ учитель. Затѣмъ письмо IX написано уже по возвращеніи Гоголя послѣ каникулъ въ 1821 году, когда онъ уже поступилъ въ гимназію [1]). Но здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ «Исторіи русской литературы» Полевого вкралась незначительная неточность: «Когда дѣтей взяли домой на каникулы и братъ Гоголя умеръ, *Гоголя не отсылали уже въ Полтаву*, и онъ оставался нѣкоторое время дома» (изд. пятое, ч. II, стр. 264). Свѣдѣніе это заимствовано изъ «Записокъ о жизни Гоголя» (I, 16), гдѣ, однако, нѣтъ подчеркнутаго нами выраженія: былъ дѣйствительно промежутокъ между ученьемъ въ Полтавѣ и Нѣжинѣ, но Гоголь былъ нѣкоторое время въ Полтавѣ по возвращеніи съ каникулъ 1820 года.

[1]) Кулишъ помѣстилъ его среди *полтавскихъ* писемъ.

II. Нѣжинскія письма.

IV. Къ отцу и матери.

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Освѣдомившись, что вы находитесь здоровы, пишу къ вамъ единственно для того, чтобы благодарить васъ за ваше родительское ко мнѣ расположеніе и просить Бога, чтобы даровалъ вамъ совершенное здравіе и спокойствіе. Что̀ касается до меня, я, слава Богу, здоровъ... [1]).

1821 года, августа 13-го числа. Нѣжинъ [2]).

V. Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Весьма опечалился, услыша, что вы пріѣдете еще въ октябрѣ мѣсяцѣ. Ахъ, какъ бы я желалъ, еслибъ вы пріѣхали какъ можно поскорѣй и узнали бъ объ участи своего сына! Прежде каникулъ писалъ я, что мнѣ здѣсь хорошо, а теперь—напротивъ того. О, еслибы, дражайшіе родители, пріѣхали въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, тогда бы вы услышали, что̀ со мною дѣлается! Мнѣ послѣ каникулъ сдѣлалось такъ грустно, что всякій Божій день слезы рѣкой льются, и самъ не знаю отчего, а особливо когда вспомню объ васъ, то градомъ такъ и льются. И теперь у меня грудь такъ болитъ, что даже не могу много писать. Простите мнѣ за мою дерзость, но нужда все заставляетъ дѣлать. Прощайте, дражайшіе родители! далѣе слезы мѣшаютъ мнѣ писать.

Не забудьте также добраго моего Симона [3]), который

---

[1]) Здѣсь въ первомъ изданіи было примѣчаніе П. А. Кулиша: «Съ этого письма, я не буду больше печатать обычныхъ окончаній писемъ, исключая только тѣхъ, которыя почему-либо интересны». Примѣчаніе это сохраняетъ силу для тѣхъ писемъ настоящаго изданія, подлинниковъ которыхъ мы не имѣли возможности достать.

[2]) Въ августѣ Гоголь уже вторично былъ привезенъ въ нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ, куда онъ поступилъ въ маѣ этого года (см. «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 16).

[3]) Дядька, старикъ-поваръ, котораго отецъ Гоголя получилъ позволеніе держать при пансіонѣ въ Нѣжинѣ въ качествѣ служителя безплатно.

такъ старается обо мнѣ, что не прошло ни одной ночи, чтобы онъ не увѣщевалъ меня не плакать объ васъ, дражайшіе родители: и часто просиживалъ по цѣлой ночи надо мною. Уже его просилъ, чтобы онъ пошелъ спать, но никакъ не могъ его принудить. Жалованья ему не выдаютъ, и онъ принужденъ самъ на насъ всѣхъ готовить кушанье; ибо другого повара нѣту. Былъ одинъ, и тотъ выпросился домой на два мѣсяца...

P. S. Учениковъ же о сю пору и половины нѣту.

1821 года, августа 14-го. Нѣжинъ.

VI. Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Долгое время не получаю я отъ васъ никакого извѣстія и начинаю уже думать, что вы какъ-нибудь потревожены. Ахъ, какъ бы я желалъ, чтобы вы были въ совершенномъ здравіи и благополучіи; дай Богъ, чтобы Онъ принялъ желаніе вашего сына, который навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью навсегда (sic) останется вашимъ послушнѣйшимъ и покорнѣйшимъ сыномъ.

Николай Гоголь-Яновскій [1]).

1821 года, августа 26-го. Нѣжинъ.

VII. Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Извините меня, что я писалъ такое письмо къ вамъ. Но когда бы вы знали, въ какомъ я тогда находился положеніи! Пріѣхавши въ Нѣжинъ, на другой день стала у меня болѣть грудь. Ночью такъ у меня болѣла грудь, что я не могъ свободно дышать. Поутру стало лучше, но грудь моя все-таки болѣла, и потому я опасался, чтобъ не было чего-нибудь худого, и притомъ мнѣ было очень грустно въ разлукѣ съ вами. Но теперь, слава Богу, все прошло, и я здоровъ и веселъ [2])...

1821 года, сентября 6-го числа. Нѣжинъ.

---

[1]) Письмо это первоначально было напечатано въ «Вѣстникѣ Европы», 1896, VI, стр. 728.

[2]) Около этого времени М. И. Гоголь писала своей родственницѣ. Ольгѣ Дмитріевнѣ Трощинской: «Возвратившійся изъ Нѣжина посланный нѣсколько успокоилъ меня на счетъ моего Николеньки: онъ затосковалъ было, а теперь началъ привыкать и сдѣлался веселѣе». «Русская Старина», 1882, VI, стр. 673—674).

VIII. Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Извините меня, что толь долгое время не могъ писать къ вамъ. Причиною сему, что не имѣлъ свободнаго времени; но теперь съ полнымъ удовольствіемъ пишу къ вамъ и извѣщаю о новостяхъ здѣшнихъ, которыя будутъ для васъ любопытны. Сюда ожидаютъ со дня на день директора, который уже утвержденъ въ здѣшнюю гимназію. Директоръ же вамъ извѣстный, докторъ Орлай, который былъ въ Кѣбенцахъ [1]). А что̀ касается до меня, то я здоровъ.

P. S. Еще прошу васъ прислать нѣсколько книгъ, потому что мнѣ въ нихъ великая надобность. Итакъ пришлите мнѣ слѣдующія книги: «Латинскую Грамматику», «Латинскій Лексиконъ», «Греческую Грамматику», «Священную Исторію», «Катихизисъ», «Ариѳметику», «Маѳематику» Фусса, въ трехъ частяхъ, и рисовальную книгу.

1821 года, октября 6-го числа. Нѣжинъ.

— — —

IX. Къ нимъ же.

(1821.)

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Крайне желая васъ видѣть, пишу къ вамъ, чтобы пріѣхали хотя вы, дражайшій папенька, за мною на праздникъ, а не то—такъ прислали бы за мною, но только съ письмомъ. Но лучше бы было, ежелибъ вы сами пріѣхали.

Третьяго дня я былъ у Ивана Семеновича [2]), и онъ говорилъ, ежели я буду хорошо вести себя, то онъ отпуститъ меня домой на праздникъ. Я, слава Богу, здоровъ и, желая вамъ быть благополучнымъ и здоровымъ, остаюсь

вашимъ послушнымъ сыномъ и покорнымъ слугою,

Николай Гоголь-Яновскій.

— — —

[1]) Имѣніе извѣстнаго малороссійскаго патріота и вельможи, Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, родственника М. И. Гоголь.

[2]) Директора гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, Орлая: см. предыдущее письмо. Письмо это мы относимъ не къ *полтавскимъ*, какъ у Кулиша, а къ *нѣжинскимъ*, имѣя въ виду особенно слова: «онъ отпуститъ меня *на праздникъ*». Очевидно, рѣчь идетъ о начальникѣ заведенія и притомъ, по тону письма, лично знакомомъ родителямъ Гоголя. Письмо это относится, вѣроятно, ко времени, незадолго предшествовавшему отпуску на Рождество.

X. Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Крайне обрадовался, получа отъ васъ письмо, изъ котораго узналъ я, что вы, слава Богу, здоровы. Извините меня, что о сю пору еще не писалъ къ вамъ. Благодарю васъ за деньги; только книги вы не всѣ прислали, и для того я прошу покорнѣйше прислать мнѣ книги, необходимо нужныя, именно: «Латинскую Грамматику» Бантышъ-Каменскаго, «Латинскій Лексиконъ», «Французскіе Разговоры» и «Нѣмецкіе Разговоры» и рисовальную книгу. Пожалуйста пришлите сіи книги поскорѣй, потому что мнѣ въ нихъ большая нужда.

P. S. Еще прошу васъ прислать мнѣ «Нравоучительныя Сказки» г. Мармонтеля, потому что мы ихъ переводимъ на французскій языкъ. У всѣхъ здѣсь есть, а у меня нѣтъ.

Ежели угодно вамъ будетъ, чтобъ я учился танцовать и играть на скрипкѣ и фортепіано, такъ извольте заплатить 10 рублей въ мѣсяцъ. Я уже подписался хотѣвшимъ учиться на сихъ инструментахъ, также и танцованію, но не знаю, какъ вамъ будетъ угодно.

1821 года, декабря 10-го. Нѣжинъ.

XI. Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Несказанно обрадовался, получа ваше письмо, въ которомъ узналъ о вашемъ здоровьѣ. Я, слава Богу, здоровъ, но только имѣю недостатокъ въ книгахъ весьма нужныхъ, о которыхъ я вамъ писалъ, и теперь прошу, чтобъ вы прислали, или, ежели пріѣдете сюда, то привезите мнѣ сіи книги: «Французскую Грамматику», «Латинскій Лексиконъ» Ивана Кронеберга, «Ариѳметику» 2-ю часть, «Священную Исторію», «Катихизисъ», «Нравоучительныя Сказки» г. Мармонтеля и рисовальную книгу, и еще «Нравственные Примѣры» съ картинками, о коихъ я уже вамъ писалъ, что они нужны для перевода съ русскаго на французскій языкъ.

Еще ежелибы вы прислали денегъ мнѣ, потому что моя казна вся истощилась. Одинъ мой товарищъ купилъ за восемь рублей ножикъ; я просилъ его, чтобы далъ мнѣ посмотрѣть; и я забылъ ему отдать сейчасъ, а положилъ въ

свой ящикъ; но чрезъ минуту посмотрѣлъ въ ящикъ, и его уже тамъ не было. Теперь онъ говоритъ, чтобы я отдалъ сейчасъ ему восемь рублей, а не то—такъ онъ возьметъ всѣ мои вещи и еще пожалуется гувернерамъ, и они меня накажутъ со всею строгостію. Простите мнѣ это. Я впередъ ужъ никогда не буду чужихъ вещей брать, а когда и попрошу впередъ, то буду сейчасъ отдавать и со всею осторожностію. И прошу васъ, пожалуйста пришлите мнѣ денегъ, хоть рублей десять; то я отдамъ ему восемь рублей, а два рубля оставлю на письма.

Еще прошу васъ, пришлите мнѣ тулупъ, потому что намъ не даютъ казеннаго ни тулупа, ни шинели, а только въ однихъ мундирахъ, несмотря на стужу. И еще ежелибъ вы прислали жилетовъ хоть два. Здѣсь намъ даютъ по одному жилету...

1822 года, 7-го января. Нѣжинъ.

XII. Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Извините меня, что я въ первомъ моемъ письмѣ не могъ обстоятельно описать пріѣздъ мой сюда. Причиною сему была скорость, съ каковою я вамъ писалъ, боясь не опоздать. Я теперь переведенъ въ четвертый классъ и, слава Богу, учусь со всѣмъ стараніемъ. Но меня безпокоитъ больше [1]) всего ваше молчаніе, и не знаю, получили ли вы то письмо, которое я вамъ писалъ. Къ намъ пріѣхалъ новый профессоръ французскаго языка, Ландраженъ [2]), и я теперь со всякимъ стараніемъ предаюсь сему языку. Но совѣтуете ли мнѣ учиться греческому языку, котораго профессоръ [3]) уже пріѣхалъ?

Я, слава Богу, здоровъ и веселъ..... Немного грустно, разставши(сь съ вами) [4]), да нечего дѣлать, книги же... пришлю по первой почтѣ, какъ скоро пришлете мнѣ деньги, потому (что) нечѣмъ будетъ заплатить на почту. Я и теперь позычилъ [5]) денегъ немного за письмо это, которое я къ вамъ

---

[1]) У Кулиша: «болѣе».

[2]) Ландражинъ, Иванъ Яковлевичъ, профессоръ французской словесности (см. «Лицей кн. Безбородко», 1881, стр. 276—277).

[3]) Іероссъ, Христоforъ Николаевичъ. См. о немъ «Лицей кн. Безбородко», стр. 264—266.

[4]) Здѣсь и дальше въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ точки, въ подлинномъ письмѣ оторвано.

[5]) У Кулиша: «позанялъ».

пишу; а потому прошу васъ покорнѣйше прислать мнѣ оныхъ денегъ [1]). Остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ слугою, послушнѣйшимъ сыномъ.

Николай Гоголь-Яновскій.

P. S. А вы, дражайшая маменька, не позабудьте мнѣ прислать припасовъ, которыхъ вы обѣщались, и еще, ежели можно, бархату, потому что того не стало. Еще прошу меня извѣстить о здоровьѣ вашемъ, также и о моихъ сестрицахъ, бабушкѣ... [2])

---

[1]) Послѣ этого до post-scriptum у Кулиша опущено.

[2]) Письмо это печатается по копіи, сообщенной г. Яновичемъ. Оно было напечатано у Кулиша послѣ письма отъ 10 октября. Отступая въ данномъ случаѣ отъ порядка, въ которомъ письма были напечатаны въ первомъ изданіи, считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую поправку: вѣроятно, и здѣсь Кулишъ ошибся въ расположеніи писемъ по порядку, помѣстивши это письмо безъ даты не раньше, а позже письма отъ 10 октября 1822 г. Необходимо отмѣтить здѣсь, во-первыхъ, въ перепискѣ весьма значительный перерывъ: послѣ 7 января нѣтъ *ни одного письма* вплоть до 10 октября того же года. Это обстоятельство, повидимому, даетъ поводъ предполагать потерю нѣсколькихъ писемъ, хотя Гоголь и говоритъ о томъ, что долго не могъ писать, потому что былъ опасно боленъ. Для болѣе вѣрнаго опредѣленія времени, когда было написано разсматриваемое письмо, мы имѣемъ нѣсколько соображеній, въ силу которыхъ его слѣдовало бы отнести приблизительно къ іюлю — или самое позднее—къ августу мѣсяцу этого же года. Дѣло въ томъ, что Гоголь только-что передъ этимъ возвратился изъ дому послѣ вакацій: это было притомъ именно *второе* письмо по возвращеніи (первое было такъ коротко, что въ немъ, по недостатку времени передъ экзаменомъ, Гоголь не описывалъ подробностей своего пріѣзда: это письмо, по всей вѣроятности, пропало). Между этимъ и предшествующимъ письмомъ, а также и самымъ пріѣздомъ, не могло быть продолжительнаго промежутка: письмо не только носитъ на себѣ свѣжіе слѣды возвращенія автора изъ дому, но и заключаетъ въ себѣ прямыя указанія на него («извините меня, что я въ первомъ моемъ письмѣ не могъ обстоятельно описать мой пріѣздъ сюда. Причиной сему была скорость, съ каковою я писалъ, боясь не опоздать» и далѣе: «Немного грустно, разставшись съ вами, а дѣлать нечего»). Во-вторыхъ, упоминается о только-что состоявшемся переходѣ Гоголя изъ третьяго въ четвертый классъ. («Я теперь переведенъ въ IV классъ и учусь со всѣмъ стараніемъ»). Весьма вѣроятнымъ въ виду сказаннаго можно считать предположеніе, что разсматриваемое письмо было написано *не позже августа*, основываясь при томъ и на оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ гимназіи высшихъ наукъ, изъ которыхъ видно, что Гоголь былъ переведенъ въ IV классъ въ іюлѣ 1824 года (см. «Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института», 1879, статья Лавровскаго: «Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ», стр. 241). Совершенно согласны съ этими данными слова Гоголя въ занимающемъ насъ письмѣ о томъ, что «онъ началъ занятія французскимъ языкомъ у недавно пріѣхавшаго

XIII. Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Извините, что столь долгое время не могъ писать къ вамъ. Причиною сему было, что я опасно былъ боленъ; но теперь уже почти выздоровѣлъ.

Учитель танцованія и музыки будетъ къ намъ въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца [1]), и для того намъ объявлено, что кто хочетъ учиться на какомъ-либо инструментѣ, долженъ писать, чтобы ему прислали оный инструментъ; услышавъ что, и я пишу, чтобъ вы прислали мнѣ скрипку, на которой я хочу учиться.

Къ намъ прибыли множество новыхъ воспитанниковъ и пансіонеровъ.

профессора Ландражина» (или Ландражена, какъ называетъ его Гоголь), который прибылъ 1 іюля 1822 г., назначенъ же 17 мая 1822 г. («Лицей кн. Безбородко», отд. I, стр. 276). Въ виду столькихъ соображеній, можно было бы считать нашу догадку несомнѣнной, еслибы, съ другой стороны, не представлялось затрудненія согласить ее съ утвержденіемъ Гоголя, что пріѣхалъ также профессоръ греческаго языка, который, по оффиціальнымъ даннымъ, значится поступившимъ лишь въ февралѣ слѣдующаго года. Кромѣ того, можетъ возникнуть вопросъ: дѣйствительно ли Гоголь говоритъ о возвращеніи домой послѣ лѣтней поѣздки, такъ какъ изъ вѣдомостей заведенія за этотъ годъ («Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института», т. 3, 1879 г., стр. 241) можно видѣть, что ученики получали отмѣтки даже за іюнь и іюль мѣсяцы, слѣдовательно какъ бы вовсе не пользовались вакаціей. Но этого, конечно, не могло быть: вакація, хотя бы мѣсячная (напр., отъ половины іюля до половины августа), была же дана воспитанникамъ, и притомъ не можетъ быть сомнѣнія, что Гоголь извѣстилъ бы родителей въ первомъ же письмѣ о своемъ переходѣ въ слѣдующій классъ, а, слѣдовательно, почти несомнѣнно и то, что письмо отъ 10 октября было написано позже разсматриваемаго письма безъ помѣты. Не можетъ ли и послѣднее указанное затрудненіе быть совершенно устранено, если принять въ соображеніе слѣдующія слова проф. Лавровскаго въ его статьѣ «Гимназія высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ» («Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института», 1879, т. 3): «Преподавателя греческаго языка не приходилось искать далеко: кровный грекъ, Христоферъ Іеропесъ, состоялъ тогда учителемъ греческаго языка въ Нѣжинскомъ Александровскомъ греческомъ училищѣ. Въ своемъ прошеніи, въ сентябрѣ 1822 г., Іеропесъ предлагаетъ обучать цѣлый годъ греческому языку....» («Изв. Нѣж. Ист.-Фил. Инст.», 1879, стр. 180, 181 и прим.). Но, можетъ быть, неоффиціальное согласіе его было извѣстно уже раньше.

[1]) Фамилія этого учителя—Севрюгинъ: онъ былъ опредѣленъ учителемъ танцованія и пѣнія 28-го октября 1822 г. (см. «Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Филологическаго института», т. III, стр. 184). Объ ученіи у него Гоголя см. «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 105.

Прошу васъ, дражайшіе родители, прислать мнѣ сколько-нибудь денегъ, потому что у меня онѣ вовсе сошли, такъ что я найдусь принужденнымъ занять; да и взаймы достать негдѣ; а мнѣ надо ужасно, а особенно въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ. Также ежелибъ еще прислали чего-нибудь изъ съѣстныхъ припасовъ, какъ маменька еще тогда обѣщалась прислать сушеныхъ вишень безъ косточекъ. Но мнѣ хоть чего-нибудь и похуже, а много ежели это...

1822 года, октября 10-го дня. Нѣжинъ.

XIV. Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Увѣдомляю васъ, что я, благодаря Бога, здоровъ и стараюсь всѣми силами учиться и весть себя хорошо. Я не знаю, отчего вы до сихъ поръ ко мнѣ не пишете. Между тѣмъ какъ я уже писалъ къ вамъ три письма, и ни на одно изъ нихъ не получилъ отвѣта, что̀ меня крайне безпокоитъ. Сдѣлайте милость, не оставьте меня въ семъ безпокойномъ недоумѣніи. Увѣдомьте меня о своемъ здоровьѣ...

1823 года, марта 23-го дня. Нѣжинъ.

XV. Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Письмо ваше я получилъ 2-го числа и былъ имъ весьма доволенъ. Однако бы мнѣ хотѣлось, ежелибъ Ѳедька пріѣхалъ ко мнѣ прежде. Прошу васъ покорнѣйше не позабыть мнѣ прислать «Вѣстникъ Европы», о которомъ я васъ просилъ въ предыдущемъ; я вамъ его скоро возвращу. Что̀ же касается о принятіи мальчика въ живописцы, то я вамъ посылаю записку живописца, гдѣ онъ увѣдомляетъ, какъ и на какомъ положеніи онъ согласится его принять.

Иванъ Семеновичъ[1]) возвратился изъ Орла, но на другой день уѣхалъ опять въ Кіевъ, и думаютъ, что онъ пробудетъ тамъ недѣли три. Денегъ же я у него не успѣлъ взять на заплату танцмейстеру, и я еще не начиналъ учиться танцовать; однако время не уйдетъ. Ежели вы только пришлете деньги черезъ Ѳедьку, то я до Рождества еще буду уже совершенно умѣть танцовать. Однако же,

[1]) Директоръ нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ Орлай; см. выше. письмо отъ 6 октября 1821 г.

папенька, не забудьте прислать всего того, чего я у васъ просилъ, за что я васъ буду благодарить. Да, я и забылъ вамъ напомнить... вы, кажется, обѣщали мнѣ прислать еще — знаете, что? пришлите мнѣ вишневаго клею. У насъ, я думаю, мальчики собирали его.

Извините, что я такъ худо пишу. Это отъ непривычки; ибо я, по правдѣ вамъ сказать, былъ боленъ, но теперь, слава Богу, здоровъ и съ трудомъ могу писать. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе дѣдушкѣ [1]), бабушкѣ [2]), также всѣмъ роднымъ...

1823 года, октября 3-го дня. Нѣжинъ.

XVI. Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Вы пишете, что не можно за мною прислать. Ахъ, сдѣлайте милость, пришлите за мною! Нужды нѣтъ, что живете въ Кибенцахъ; мнѣ съ вами вездѣ будетъ весело. Притомъ же погода къ празднику ежедневно становится лучше. Не откажите моей просьбѣ и осчастливьте своего сына...

1823 года, декабря 11-го. Нѣжинъ.

XVII. Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Скрипку и другія присланныя вами мнѣ вещи исправно получилъ. Но вы еще писали, что присылаете мнѣ деньги на смычокъ, которыхъ я не получилъ и не могу до сихъ поръ узнать, почему онѣ не дошли ко мнѣ: или вы забыли, или что-нибудь другое.

Извините, что я вамъ не посылаю картинъ. Вы, видно, не поняли, что я вамъ говорилъ: потому что эти картины, которыя я вамъ хочу послать, были рисованы пастельными карандашами и не могутъ никакъ дня пробыть, чтобъ не потеряться, ежели сейчасъ не вставить въ рамки; и для того прошу васъ и повторяю прислать мнѣ рамки такой величины, какъ я вамъ писалъ, т. е. двѣ такихъ, которыя бы имѣли $^3/_4$ аршина въ длину и $^1/_2$ аршина въ ширину, а одну такую, которая бы имѣла $1^1/_4$ длины и $^3/_4$

---

[1]) Ивану Матвѣевичу Косяровскому.

[2]) Вѣроятно, Маріѣ Ильиничнѣ Косяровской, урожденной Шостакъ, или Аннѣ Матвѣевнѣ Троцинской.

ширины, да еще маленькихъ двѣ 1/4 и 2 вершка длины и 1/4 ширины.

Посылаю вамъ при семъ «Вѣстникъ Европы» въ цѣлости и прошу покорнѣйше прислать мнѣ комедіи, какъ-то: «Бѣдность и Благородство Души», «Ненависть къ Людямъ и Раскаяніе», «Богатоновъ, или Провинціалъ въ Столицѣ», и еще ежели какихъ можно прислать другихъ, за что я вамъ очень буду благодаренъ и возвращу въ цѣлости.

Также, ежели можете, то пришлите мнѣ полотна и другихъ пособій для театра. Первая піеса у насъ будетъ представлена «Эдипъ въ Аѳинахъ», трагедія Озерова. Я думаю, дражайшій папенька, вы не откажете мнѣ въ удовольствіи семъ и прислать нужныя пособія. Такъ, ежели можно, прислать и сдѣлать нѣсколько костюмовъ,—сколько можно, даже хоть и одинъ, но лучше, ежелибы побольше; также хоть немного денегъ. Сдѣлайте только милость, не откажите мнѣ въ этой просьбѣ. Каждый изъ насъ уже пожертвовалъ, что могъ, а я еще только. Какъ же я сыграю свою роль, о томъ я васъ извѣщу.

Увѣдомляю васъ, что я учусь хорошо, по крайней мѣрѣ, сколько дозволяютъ силы. Вы пишете, что я васъ не извѣщаю о томъ, что у насъ дѣлается и случается со мною. Позвольте мнѣ вамъ сказать, что мнѣ бы самому очень бы было любопытно знать, что дѣлается, какъ съ вами, такъ и съ посторонними лицами. Напримѣръ, къ величайшему моему сожалѣнію, узналъ я о смерти Василія Васильевича Каппниста[1]); но вы мнѣ объ этомъ ничего не сказали, какъ-будто бы я еще о сю пору ребенокъ и еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, и будто бы на меня ничего нельзя положиться.

Я думаю, дражайшій папенька, ежелибы меня увидѣли, то точно бы сказали, что я перемѣнился, какъ въ нравственности, такъ и успѣхахъ. Ежелибы вы увидѣли, какъ я теперь рисую! [Я говорю о себѣ безъ всякаго самолюбія].

Машеньку вы отдали въ пансіонъ, или нѣтъ? Что дѣлаетъ Анненька и Лизанька?[2]) Надѣюсь, что вы на это мнѣ дадите отвѣтъ...

1814 года, января 22-го числа. Нѣжинъ.

---

[1]) Василій Васильевичъ Капнистъ — извѣстный авторъ «Ябеды», знакомый родителей Гоголя, скончался въ своемъ имѣніи Обуховкѣ 28 октября 1823 г.

[2]) Сестры Гоголя.

XVIII. Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Долгое молчаніе ваше удивляетъ меня. Не знаю, какая тому причина. Мѣсяца три не получаю отъ васъ извѣстія. Это повергаетъ меня въ горестное уныніе. Я начинаю думать, не случилось ли вамъ какого несчастія [чего сохрани Богъ]. Ради Бога, не терзайте меня симъ печальнымъ недоумѣніемъ. Утѣшьте хоть двумя словами...

P. S. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю присылки тѣхъ вещей, о которыхъ я васъ просилъ. Прошу васъ покорнѣйше прислать мнѣ для рисованія тонкаго полотна нѣсколько аршинъ.

1824 года, марта 30-го числа. Нѣжинъ.

XIX. Къ нимъ же.

1824 года, іюня 13-го дня.

Непонятнымъ для меня кажется ваше молчаніе: или вы не получили письма моего, или другія постороннія обстоятельства удерживаютъ васъ.

Мнѣ бы очень хотѣлось имѣть отвѣтъ на прежнее мое письмо, хотѣлось бы услышать отъ васъ самихъ о скоромъ нашемъ свиданіи, или по крайней мѣрѣ могъ бы двумя строчками, которыя для меня сократили бы медленность моего ожиданія, быть успокоенъ.

Я вамъ писалъ о пріятномъ путешествіи, которое мы скоро предпримемъ, о радостномъ нашемъ свиданіи, о удовольствіяхъ, которыя я буду вкушать. Развѣ это такой мелочный предметъ, который должно оставить безъ вниманія? Вѣрьте, любезные родители, что вся, такъ-сказать, жизнь моя основана на этомъ. Сіе блаженное время я почитаю центромъ моихъ желаній, источникомъ моихъ удовольствій. Итакъ, надѣюсь, вы ускорите письмомъ вашимъ. Но, правда, теперь уже его не нужно! Я и позабылъ, что нынѣ 13 іюня и что чрезъ 10 дней вы пришлете за мною [каникулы будутъ 20 іюня]. Но такъ какъ еще мнѣ надо сдѣлать платье, то мы не ранѣе 23-го выѣдемъ отсюда. Какъ бы я желалъ скорѣе!

Г-нъ Барановъ и Данплевскій [1]) съ нетерпѣніемъ ожи-

---

[1]) Данплевскій, Александръ Семеновичъ, школьный товарищъ и «ближайшій» другъ Гоголя, и Барановъ, Петръ Александровичъ, были постоянными спутниками Гоголя во время его школьныхъ поѣздокъ изъ Нѣжина въ деревню и обратно.

даютъ вмѣстѣ со мною каникулъ. Ежели вы будете присылать за нами, то, пожалуйста, пришлите нашу желтую коляску съ рѣшетками и шестеркою лошадей. Не забудьте— коляску съ зонтикомъ; въ случаѣ дождя, чтобъ намъ спокойно было ѣхать, не боясь быть промоченными.

Я думаю, папенька не забылъ сдѣлать того, о чемъ я его просилъ, именно—для меня лошадку.

Еще, сдѣлайте милость, пришлите намъ на дорогу, для разогнанія скуки долго оставаться на постоялыхъ дворахъ, нѣсколько книгъ изъ Кѝбенецъ[1]). Будьте увѣрены, что мы ихъ привеземъ такими, какими онѣ будутъ намъ вручены. Но, вмѣсто повѣстей, пришлите вы намъ книгу подъ заглавіемъ: «Собраніе Образцовыхъ Сочиненій» въ стихахъ, съ портретами авторовъ, въ шести томахъ, за что̀ мы будемъ очень благодарны.

Я уже почти собрался, уклалъ все свое имущество и ожидаю со дня на день сего времени. Уже вижу все милое сердцу, вижу васъ, вижу милую родину, вижу тихій Псёлъ[2]), мерцающій сквозь легкое покрывало, которое я скоро сброшу, насладясь истиннымъ счастіемъ, забывъ протекшія быстро горести. Одна счастливая минута можетъ вознаградить за годы скорбей.

Время не позволяетъ болѣе писать: мы теперь приготовляемся къ экзамену.

Прощайте, дражайшіе родители, прощайте, но не надолго! Скоро мы увидимся, и сія радостная мысль наполняетъ мою душу восторгомъ; скоро вы увидите у ногъ своихъ благодарнаго сына,

Николая Гоголь-Яновскаго.

P. S. Прошу васъ прислать мнѣ денегъ десять рублей, которыя мнѣ слѣдуетъ получить. Еще разъ, онѣ теперь мнѣ пренужны, ибо мнѣ надо расплатиться и купить еще красокъ для рисованья.

XX. Къ отцу.

Дражайшій папенька!

Письмо ваше получилъ я 28-го сентября. Весьма радъ, находя васъ здоровыми; за деньги васъ покорнѣйше благо-

---

[1]) Т. е. изъ библіотеки Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго.

[2]) Рѣка, упоминаемая въ «Сорóчинской Ярмаркѣ»; см. Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 11.

дарю. Вы писали мнѣ про стихи, которые я точно забылъ: 2 тетради съ стихами и одна «Эдипъ», которыя, сдѣлайте милость, пришлите мнѣ скорѣе. Также вы писали про одну новую балладу и про Пушкина поэму «Онѣгина»; то прошу васъ, нельзя ли мнѣ и ихъ прислать? Еще нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь стиховъ? то и тѣ пришлите.

Сдѣлайте милость, объявите мнѣ, поѣду ли я домой на Рождество; то, по вашему обѣщанію, прошу мнѣ прислать роль. Будьте увѣрены, что я ее хорошо сыграю, чѣмъ я вамъ буду много благодаренъ.

Между прочимъ, прошу васъ еще: нельзя ли какимъ-нибудь образомъ достать «Собраніе Образцовыхъ Сочиненій въ стихахъ и прозѣ»? ибо мы теперь, проходя поэзію и части эстетики, весьма нуждаемся въ примѣрахъ,—съ тѣмъ только, чтобъ на время, и я вамъ въ чистотѣ ихъ пришлю переписавши.

Еще прошу увѣдомить меня: не пріѣдете ли вы въ Нѣжинъ когда-нибудь посѣтить насъ и осчастливить меня своимъ присутствіемъ?

Прощайте, дражайшій папенька!...

XXI. Къ матери.

Дражайшая ма нька!

Позвольте, дражайшая маменька, позвольте поздравить васъ съ днемъ ангела вашего, съ симъ блаженнѣйшимъ днемъ для каждаго нѣжнаго и благороднаго сына. Ваша родительская любовь и нѣжность, ваши благодѣянія, ваши о мнѣ попеченія,—все сіе побуждаетъ меня приняться за перо, чтобъ изъявить вамъ свою благодарность. Но, къ несчастію, оно столь не твердо, силы мои такъ слабы, а о благодарности я и думать не могу: она не что иное есть, какъ слабая тѣнь, въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что я вамъ долженъ. Но если не имѣю возможности воздать вамъ болѣе, если мои силы не позволяютъ сдѣлать того, если уже и мой умъ отказывается отъ сего; то всякій бы на моемъ мѣстѣ пришелъ бы въ отчаянье, бросилъ бы съ досады перо и не захотѣлъ болѣе ломать голову надъ тщетнымъ. Но я знаю, что вы и сіе малое мое желаніе примете съ искреннимъ удовольствіемъ, и тѣмъ вознаградите меня болѣе всего, могущаго прельстить взоры другого.

Итакъ, желая вамъ, дабы вся жизнь ваша была безмятежна, исполнена всѣми возможными радостями, короче

сказать, чтобы вы всегда были здоровы, благополучны и вѣчно веселы, остаюсь...

1824 года, октября 1-го дня. Нѣжинъ.

XXII. Къ отцу и матери.

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ получилъ письмо ваше, которое меня чрезвычайно обрадовало, особливо потому, что я скоро буду видѣться съ вами; и для того мнѣ осталось только написать, когда можно отсюда выѣхать. А какъ я надѣюсь, что зима теперь будетъ хорошая, то и прошу прислать за мною 16-го декабря, потому что распускать насъ будутъ 18-го числа.

Прошу васъ еще прислать мнѣ синяго сукна на мундиръ, или здѣсь пускай купятъ, потому что у меня о сю пору тотъ мундиръ, тотъ самый, что̀ былъ на каникулахъ. Онъ совсѣмъ теперь не можетъ на меня налѣзть, — такъ сдѣлался малъ, притомъ весь въ дырахъ.

Въ ожиданіи радостнѣйшаго свиданія, остаюсь...

1824 года, октября 19-го дня. Нѣжинъ.

XXIII. Къ нимъ же.

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Увѣдомляю васъ, что насъ будутъ распускать на праздникъ Р. Х., и для того прошу васъ покорнѣйше или самимъ пріѣхать, какъ папенька говорилъ, что онъ будетъ самъ скоро, а ежели вы не пріѣдете, то пришлите за мною; ибо вы сами знаете, что я еще ни разу на сей праздникъ, или, лучше сказать, зимою, никогда не былъ дома; и для того прошу васъ покорнѣйше пріѣхать за мною. Я, однакожъ, надѣюсь, что вы исполните мою просьбу.

Я трудился долго и наконецъ успѣлъ нарисовать 3 картины, а 4 еще только-что началъ, и можно сказать, что стоитъ чего-нибудь. Ежелибъ вы ихъ повидѣли (sic), то, вѣрно бы, не могли повѣрить, что я рисовалъ. Только жаль, что онѣ пропадутъ, ежели не будетъ рамокъ; ибо онѣ всѣ рисованы на грунту и долго лежать никакъ не могутъ; и для того прошу васъ покорнѣйше прислать, какъ можно поскорѣе, рамки со стеклами. Я бы вамъ ихъ такъ прислалъ, но никакъ нельзя; ибо когда уже на мѣстѣ чуть одна не потерлась, то что̀ бъ было съ нею въ дорогѣ! Итакъ прошу

васъ покорнѣйше заказать оныя рамки: двѣ такія, чтобы имѣли въ длину полъ-аршина съ вершкомъ, а въ ширину четверть аршина и полтора вершка; другія двѣ въ длину на три четверти аршина, въ ширину на полъ-аршина и два вершка. Сдѣлайте милость, дражайшій папенька. Вы, я думаю, не допустите погибнуть столько себя прославившимъ рисункамъ. Ожидая, что вы мнѣ ихъ пришлете въ скорости и что вы пришлете за мною 20-го декабря, остаюсь...

XXIV. Къ нимъ же.

Папенька и маменька!

Получивши ваше письмо, весьма огорчился, особливо, услышавши, что вы, дражайшій папенька, весьма нездоровы. [Я уже не думаю о праздникахъ, потому, знаю самъ, никакимъ образомъ нельзя теперь ѣхать.] Когда бы только папенька выздоровѣлъ, то я уже доволенъ. Притомъ же все-таки буду скоро съ вами видѣться: до каникулъ уже не далеко [а почему знать? можетъ быть, и до Христова праздника].

Прошу васъ, дражайшій папенька, прислать мнѣ къ праздникамъ хоть нѣсколько книжекъ на прочетъ, ибо здѣсь на праздникахъ такая скука, что ужасъ; я самъ не знаю, что дѣлать. Вообразите себѣ — сидѣть одному, поджавши руки и повѣся голову; хоть кому, придетъ тоска по неволѣ. У насъ почти всѣ поразъѣзжались, кромѣ тѣхъ, которые изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ.

Да еще пришлите, пожалуйста, деньги портному, который мнѣ каждый день надоѣдаетъ. Вы не повѣрите, какъ страшно имѣть заимодавца. Я ему долженъ за шитье сюртука 10 рублей. Также, ежели можно, прислать мнѣ сколько-нибудь на праздники. Не худо бы было и провіанту.

Итакъ прощайте, дражайшіе родители. Я ожидаю извѣстія. До того, цѣлуя ваши ручки, остаюсь...

Прошу засвидѣтельствовать нижайшее почтеніе Андрею Андреевичу, Ольгѣ Дмитріевнѣ, также всѣмъ роднымъ.

XXV. Къ матери.

13-го января, 1825 года. Нѣжинъ.

Пріѣхалъ сюда преблагополучно и 12-го числа по полудни очутился въ гимназіи. Ѣзда моя, хотя была не-

выгодна, по той причинѣ, что люди позабыли взять изъ дому все, что весьма нужно для дороги, какъ-то: для обѣда и проч.,—пріѣхалъ я какъ разъ въ срокъ, ни поздно, ни рано.

Прощайте, дражайшая маменька! Я весьма безпокоюсь о вашемъ здоровьѣ. Дай Богъ, чтобы оно поправилось и вы наконецъ совершенно были здоровы. Между тѣмъ прошу васъ, маменька, писать ко мнѣ почаще. Это одно какъ-то услаждаетъ разлуку съ вами. Я буду стараться писать къ вамъ почаще. До слѣдующей почты!..

XXVI. Къ отцу и матери.

1825 года, 18-го марта.

Итакъ позвольте васъ, во-первыхъ, поздравить съ наступающимъ праздникомъ и вмѣстѣ съ желаньемъ провесть оный какъ нельзя лучше. Благодарю васъ покорнѣйше за присылку мнѣ денегъ и за наставленіе, которое вы мнѣ сдѣлали. Но, дражайшіе родители, позвольте вамъ сказать, что я не имѣю ни одной изъ тѣхъ наклонностей, объ которыхъ вы мнѣ писали, или, по крайней мѣрѣ, ни къ одной не имѣю пристрастія.

Позвольте еще васъ просить—а особливо, нельзя ли мнѣ прислать нѣсколько полотна? Письмо же сіе пишу чрезъ Петра Александровича Баранова, который, надѣюсь, самъ привезетъ къ вамъ. Можетъ быть, дражайшій папенька, не пришлете ли мнѣ какія вещи, или что-нибудь чрезъ него, особливо на возвратномъ пути его въ Нѣжинъ?

Также еще—нельзя ли мнѣ,—извините, что нѣсколько разъ тревожу васъ прошеніемъ,—прислать на праздникъ нѣсколько книжечекъ для препровожденія времени, а особливо, когда здѣсь бываетъ ужасная скука въ это время? Хотѣлъ бы вамъ (прислать) [1]) нѣсколько картинокъ, рисованныхъ на картонахъ и сухими колерами; но нѣкоторыя изъ нихъ еще не докончены, а другія, боюсь, чтобы не потерлись дорогою, потому что рисовка ихъ весьма нѣжна.

Еще я думаю, что вы мнѣ пришлете къ празднику нѣсколько съѣстныхъ припасовъ. Вы не знаете, какъ они были бы мнѣ полезны въ этомъ случаѣ.

Итакъ прощайте, дражайшіе родители! желаю вамъ провесть сіи праздники какъ можно лучше...

Нѣжинъ.

---

[1]) Это слово въ подлинникѣ пропущено.

XXVII. Къ матери.

1825 года, апрѣля 23-го дня. Нѣжинъ.

Не безпокойтесь, дражайшая маменька! Я сей ударъ перенесъ съ твердостію истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ; однакожъ не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ. Оставшись же наединѣ [1]), я предался всей силѣ безумнаго отчаянія. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего; и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая наконецъ превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему.

Благословляю тебя, священная вѣра! Въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести. Такъ, дражайшая маменька, я теперь спокоенъ, хотя не могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, вѣрнѣйшаго друга, всего драгоцѣннаго моему сердцу. Но развѣ не осталось ничего, что̀ бъ меня привязывало къ жизни? развѣ я не имѣю еще чувствительной, нѣжной, добродѣтельной матери, которая можетъ мнѣ замѣнить и отца, и друга, и всего, что̀ есть милѣе, что̀ есть драгоцѣннѣе?

Такъ, я имѣю васъ и еще не оставленъ судьбою. Вы однѣ теперь предметомъ моей привязанности, однѣ, которыя можете утѣшить печальнаго, успокоить горестнаго. Вамъ посвящаю всю жизнь свою. Буду услаждать ваши каждыя минуты. Сдѣлаю все то, что̀ можетъ сдѣлать чувствительный, благодарный сынъ. Ахъ, меня безпокоитъ болѣе всего ваша горесть! Сдѣлайте милость, уменьшите ее, сколько возможно, такъ, какъ я уменьшилъ свою. Прибѣгните такъ, какъ я прибѣгнулъ, къ Всемогущему... Зачѣмъ я теперь не съ вами? вы бы были утѣшены. Но чрезъ полтора мѣсяца каникулы—и я съ вами! До тѣхъ поръ уменьшите хоть немного свою печаль. Не забудьте, что съ вашимъ благополучіемъ соединено благополучіе и вашего сына.

Который съ почтеніемъ и нѣжною любовью къ вамъ пребываетъ...

Ник. Г.-Ян. [2])

---

[1]) Такъ въ «Запискахъ о жизни Гоголя», т. I, стр. 31; въ изданіи же писемъ у Кулиша читается: «оставшись же *я* наединѣ, *я* предался» и проч.

[2]) Это письмо было первоначально, не въ полномъ видѣ, напечатано Г. П. Данилевскимъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1852, № 124, но Кулишъ долженъ былъ потомъ исправить неточности (см. «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 31).

P. S. Напишите, дражайшая маменька, ко мнѣ: здоровы ли мои сестры? здоровы ли Машенька, Анненька, Лиза, Таня [1]) и наконецъ Оленька? что онѣ теперь дѣлаютъ? чѣмъ занимаются? Перецѣлуйте ихъ за меня; скажите имъ, что чрезъ полтора мѣсяца пріѣду къ нимъ. Поцѣлуйте за меня бабушку, почтеннѣйшую Анну Матвѣевну [2]); скажите, что я ей обязанъ болѣе, нежели жизнію. Она утѣшаетъ и возвращаетъ мнѣ мать мою. Да еще напишите мнѣ, дражайшая маменька: Машенька дома ли, или въ пансіонѣ? [3]) Ахъ, мнѣ бы весьма желательно было ее увидѣть на каникулахъ!

Съ нетерпѣніемъ ожидаю отвѣта. Сдѣлайте милость, напишите мнѣ поскорѣе, какъ можно поскорѣе, по слѣдующей почтѣ. Каждая минута просрочки меня будетъ мучить.

Еще P. S. Ежели я васъ этимъ не побезпокою и ежели вы можете, то пришлите мнѣ 10 рублей на книгу, которую мнѣ надобно купить, подъ заглавіемъ «Курсъ Россійской Словесности», ибо у насъ ее проходятъ. На свои нужды мнѣ ничего не надобно.

XXVIII. Къ ней же.

1825 года, 24-го апрѣля.

Извините моему нетерпѣнію, дражайшая маменька. Вообразите мою досаду: письмо, которое я написалъ вчера, о сю пору не отправлено, по той причинѣ, что человѣкъ еще не ѣдетъ. А между тѣмъ я мучусь каждый день объ васъ: мнѣ все представляется, что вы теперь въ величайшей горести. Ахъ, маменька, я вамъ говорю и повторяю, что я спокоенъ, что мое спокойство зависитъ отъ вашего! Сдѣлайте милость, не печальтесь; пожалѣйте насъ, несчастныхъ сиротъ, которыхъ все благополучіе зависитъ отъ васъ; пожалѣйте, говорю, не разстроивайте нашего послѣдняго счастія. Ахъ, чего бъ я не сдѣлалъ, чтобы быть теперь съ вами! Мое нетерпѣніе увеличивается: мнѣ хочется васъ видѣть, слышать, хочется говорить съ вами; но про-

---

[1]) Эта дочь Василія Аѳанасьевича и Маріи Ивановны Гоголь умерла въ самомъ раннемъ младенчествѣ.

[2]) Анна Матвѣевна Трощинская, бабушка Н. В. Гоголя, урожденная Косяровская, по мужу Трощинская, сестра Ивана Матвѣевича Косяровскаго, отца М. И. Гоголь, и мать А. А. Трощинскаго.

[3]) Марья Васильевна Гоголь училась въ Полтавѣ въ институтѣ, при начальницѣ m-me Арндтъ, матери извѣстнаго придворнаго медика («Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 56).

странство разлучаетъ насъ. Говорите хотя со мною письменно! Сдѣлайте милость, скорѣе только пишите, прошу васъ, умоляю. Ахъ, вы не знаете, въ какомъ безпокойствѣ теперь я нахожусь и днемъ и ночью! Мысли объ васъ наполняютъ мою душу, я съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего письма, по первой же почтѣ. Какъ для меня долго это время!

Когда бы приходили скорѣй каникулы! но онѣ удаляются отъ меня, онѣ смѣются моей горести, маменька! пощадите хоть вы ее.

Я папенькѣ хотѣлъ было прислать нѣсколько своихъ сочиненій, также своего рисованья картинокъ; но... ему не угодно было ихъ видѣть. Я не знаю, прислать ли мнѣ вамъ ихъ и примете ли вы милостиво первые плоды вашихъ родительскихъ обо мнѣ попеченій. Увѣдомьте меня о домашнихъ дѣлахъ и о тому подобныхъ пропешествіяхъ. Сдѣлайте милость, наполните нѣсколько страничекъ вашего драгоцѣннаго письма; чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Еще хотѣлось бы говорить съ вами, но не о чемъ и нечего. Сердце мое теперь такъ стѣснено, что едва могу владѣть перомъ.

Прощайте во второи разъ, дражайшая маменька, до первой почты...

XXIX. Къ ней же.

1825 года, 26-го мая.

Сдѣлайте милость, дражайшая маменька, успокойте меня, хотя одною строчкою; пожалѣйте обо мнѣ! Вы не знаете, что̀ причиняете мнѣ своимъ молчаніемъ; вы не знаете, что отравляете каждою минутою мою жизнь [1]). Ежелибы вы меня увидѣли, вы бы согласились, что я совсѣмъ перемѣнился. Я теперь, можно сказать, совсѣмъ не свой: бѣгаю съ мѣста на мѣсто, не могу ничѣмъ утѣшиться, ничѣмъ заняться; считаю каждую минуту, каждое мгновеніе; бѣгаю на почту, спрашиваю, есть ли хоть малѣйшее извѣстіе, но,

---

[1]) Причиной неполученія писемъ была обычная тогда неисправность почты и оказій. Въ одномъ письмѣ къ Петру Петровичу Косяровскому М. И. Гоголь говоритъ: «Я теперь, благодаря Бога, на счетъ сына моего спокойна: получила отъ него письмо; видно, что онъ много писалъ ихъ ко мнѣ, но я не получала, *такъ же, какъ и онъ моихъ*, и даже съ деньгами ни одного не получилъ». (См. «Матеріалы», I, 113; «Указатель къ письмамъ Гоголя», 1 изд., стр. 75).

вмѣсто отвѣта, получаю *нѣтъ!* и возвращаюсь съ печальнымъ видомъ въ свое ненавистное жилище, которое съ тѣхъ поръ мнѣ опротивѣло. Вы не знаете, что это несносное *нѣтъ* наноситъ мнѣ боязнь неизъяснимую. Печальныя мысли наперерывъ тѣснятся въ моей головѣ и не даютъ мнѣ ни минуты насладиться спокойствіемъ.

Сдѣлайте милость, я васъ прошу, молю, заклинаю всѣмъ, что̀ есть свято, что̀ осталось еще любезнымъ для вашего сердца, заклинаю васъ именемъ вашихъ дѣтей, которыя не могутъ жить безъ васъ: отвѣчайте мнѣ, не мучьте меня мрачною неизвѣстностію; пожалѣйте своего несчастнаго сына, несчастнаго оттого, что онъ теперь находится въ самомъ горестномъ состояніи. Онъ не знаетъ объ вашей участи. Одна только мысль меня немного подкрѣпляетъ, немного утѣшаетъ горестнаго: скоро каникулы, и я увижусь съ вами; тогда-то я васъ утѣшу. Впрочемъ я не знаю, можно ли такъ печалиться, какъ вы. Правда, я не отвергаю ее (?), вы должны печалиться, но не такъ, въ какой печали находитесь нынѣ. Вы знаете, я думаю, и то, что у васъ есть еще большая обязанность: есть дѣти, которыхъ ваша малѣйшая горесть приводитъ въ отчаяніе. Такъ, дражайшая маменька, утѣшьтесь хоть немного, живите для насъ, вѣрьте, что вы никогда не будете имѣть огорченія. Мы постараемся усладить, сколько можно, вашу драгоцѣнную для насъ жизнь.

Я писалъ вамъ письмо чрезъ людей г-на Баранова, и не знаю, получили ли вы его. Теперь посудите о моемъ отчаяніи, не получая о сю пору отвѣта. Между тѣмъ приближается время каникулъ, и не знаю, буду ли я счастливъ, или самымъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Никогда еще мнѣ не хотѣлось такъ видѣть каникулы, какъ теперь. Я вамъ говорю, что ежели я васъ не увижу, я не знаю тогда, на что̀ рѣшусь. Ежели же не получу отвѣта на это письмо, то сіе молчаніе будетъ самый ужасный для меня признакъ; тогда-то я прибѣгну къ отчаянію, и оно-то дастъ мнѣ средство, какъ избавиться отъ сей мрачной неизвѣстности. Теперь вы видите, что отъ одного вашего слова зависитъ счастіе и несчастіе вашего сына [1]).

---

[1]) То же самое повторилось и въ слѣдующемъ году. Въ письмѣ отъ 11-го мая 1826 года М. И. Гоголь говоритъ своему двоюродному брату А. А. Трощинскому: «Чувствительнѣйше благодарю васъ, любезнѣйшій братецъ, за доставленіе мнѣ отъ сына

Каникулы у насъ начнутся съ 20-го іюня, слѣдовательно за мною надо присылать 18-го іюня. Между тѣмъ я ожидаю отъ васъ съ нетерпѣніемъ, часъ отъ часу увеличивающимся, драгоцѣнныхъ для меня строкъ, которыя возвратятъ жизнь несчастному вашему сыну, которыя, какъ цѣлительный бальзамъ, прольютъ отраду въ изнывшее сердце.

Не знаю, что̀ дѣлается теперь дома; вы не извѣстили меня ни о сестрицахъ, ни о чемъ другомъ. Я думаю, все перемѣнилось; но мое сердце всегда останется привязаннымъ къ священнымъ мѣстамъ родины, и теперь она еще вдвое драгоцѣннѣе для сердца горестнаго.

Извините, дражайшая маменька, что я теперь пишу и безъ связи, и безъ разборчивости: я вамъ объявилъ причину. Всеминутно ожидая отвѣта, остаюсь...

XXX. Къ ней же.

1825 года, мѣсяца іюня 3. Нѣжинъ.

Вы не повѣрите, дражайшая маменька, какъ меня обрадовало ваше письмо, которое вы писали г-ну Баранову. Извѣстіе, что вы въ совершенномъ здоровьѣ, какъ отрадный лучъ, проникло въ мою душу; впрочемъ мнѣ весьма бы хотѣлось имѣть отъ васъ письмо собственно ко мнѣ. Вы не знаете, какъ я послѣ этого вашего молчанія, долгаго и крайне для меня мучительнаго, жажду каждой вашей строчки. Мнѣ бы весьма хотѣлось знать, гдѣ вы теперь живете и въ самомъ ли дѣлѣ спокойны такъ, какъ доказываетъ ваше письмо.

Я не знаю, можетъ быть, я васъ потревожилъ предыду-

моего письма, хотя самаго безтолковаго; но слава Богу, что онъ живъ, и я надѣюсь, что въ другой разъ онъ не напишетъ мнѣ такихъ глупостей, получа отъ меня строгій и справедливый выговоръ. Что онъ не извинялся въ долгомъ молчаніи, то это оттого, что онъ, вѣрно, не одно письмо писалъ ко мнѣ, но я не получала; *такъ же, какъ и онъ отъ меня, изъ шести ни одного не получилъ*» и проч. (См. «Русск. Стар.», 1882 г., VI, стр. 674). Но здѣсь М. И. Гоголь, вѣроятно, имѣетъ въ виду также какое-нибудь не дошедшее до насъ письмо, судя по дальнѣйшимъ словамъ: «я не могу понять, гдѣ бы дѣваться тѣмъ письмамъ. А что онъ пустяки такіе пишетъ, то воображаетъ, что этимъ можетъ меня меня развеселить» и проч. (тамъ же). Хотя въ «Русской Старинѣ» на этомъ письмѣ стоитъ дата 11-го мая 1826 года, но странно, что все содержаніе этого письма чрезвычайно подходитъ также къ письму Гоголя отъ 26 мая 1825 г.; притомъ здѣсь идетъ рѣчь о неполученіи посылки съ деньгами, «положенными ему отъ покойнаго отца его».

щимъ письмомъ; но этому виной было ваше мучительное для меня молчаніе, которое ввергнуло было меня въ нѣкоторый родъ отчаянья. Ужасныя мысли безпрестанно представлялись моему разстроенному воображенію. Но теперь я совершенно успокоился. Теперь мое все желаніе состоитъ въ томъ, чтобы вы были совершенно здоровы. Я горю нетерпѣніемъ васъ видѣть скорѣе. Слава Богу, время скоро приближается: теперь 3-е число іюня, и я въ радости твержу себѣ безпрестанно, что въ этомъ же самомъ мѣсяцѣ я увижусь съ вами, и это самое заставляетъ меня забывать всѣ горести. Экзаменъ у насъ начнется 15-го іюня, въ нашемъ классѣ кончится 17-го, и я 18-го могу уже ѣхать.

Жаль, что г-нъ Барановъ теперь ѣдетъ вмѣстѣ съ г. Забѣллою [1]); слѣдовательно уже не будетъ болѣе ѣздить съ нами. Итакъ насъ теперь будетъ двое: я и г. Данилевскій. Присылать же за нами надобно такъ, чтобы уже къ 18-му числу лошади были въ Нѣжинѣ; ибо сего числа мы выѣдемъ [2]).

Еще прошу васъ, дражайшая маменька, распорядить такъ, чтобъ намъ не заѣзжать въ Кибенцы, ибо платья у меня совсѣмъ нѣтъ, кромѣ того, которое на мнѣ. А присылать за нами прошу, ежели можно, желтую колясочку, маленькую, которая какъ разъ будетъ способна къ нашему путешествію, потому что весьма легка, мало надо лошадей, и мы можемъ поспѣть гораздо скорѣе, нежели въ какой-нибудь огромной бричкѣ.

Такъ, дражайшая маменька, я васъ скоро увижу, и восхищаюсь каждый день сею мыслію, и теперь собираюсь привезть вамъ какой-нибудь подарокъ. Но знаю, что вамъ не можетъ быть подарка лучшаго, пріятнѣйшаго, какъ привезть вамъ сердце доброе, пылающее къ вамъ самою нѣжною любовью, какую только можетъ внушить благодарность къ добродѣтельно-нѣжной матери. Но смѣю вамъ сказать, что я пріобрѣлъ уже довольно и другихъ качествъ, которыя, я думаю, вы сами увидите; можно сказать, обработалъ-таки свои понятія, которыя сдѣлались гораздо прони-

---

[1]) Забѣлло, Яковъ Павловичъ, школьный товарищъ Гоголя. См. «Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко», 2 отд., стр. CXXXIV.

[2]) «18-го іюня я посылаю за Николенькой моимъ взять на каникулы домой», писала М. И. Гоголь Петру Петровичу Косяровскому отъ 14-го іюня 1826 г. (см. «Указ. къ письмамъ Гоголя», 1 изд., стр. 75).

пательнѣе, дальновиднѣе. Ежели могу я вамъ угодить ими, тогда почту себя самымъ благополучнѣйшимъ человѣкомъ. Притомъ я постараюсь къ вамъ привезть нѣсколько своихъ произведеній, также хорошенькихъ картинокъ своей работы: дары скудные, но они отъ чистаго сердца, и ихъ приноситъ нѣжный, чувствительный сынъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидая каникулъ и вашего письма, которое надѣюсь получить сейчасъ по прочтеніи сего письма, остаюсь..

XXXI. Къ ней же.

1825 года, іюня 4-го дня.

Вы, вѣрно, на меня сердитесь, маменька, что до сихъ поръ не отвѣчаете на письма мои. Сдѣлайте милость, простите меня! Я вамъ уже сказалъ, что это было въ послѣдній разъ, и съ тѣхъ самыхъ поръ обѣщался писать къ вамъ по два раза въ мѣсяцъ, и твердо выполню обѣщаніе.

Годичное испытаніе у насъ давно началось и скоро кончится. Числа 18-го будетъ уже можно мнѣ ѣхать. Полгода какъ не бывало! Я льщусь надеждою въ этомъ мѣсяцѣ васъ увидѣть. Вы не повѣрите, маменька, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду этого свиданія. Не знаю, захотите ли вы мнѣ сдѣлать здѣсь платье; только въ такомъ случаѣ надо прислать за мною съ деньгами гораздо ранѣе. Я спрашивалъ у Симона [1]), можно ли у него теперь занять; но онъ божится, что у него нѣтъ и что его всѣ деньги теперь на рукахъ, которыхъ онъ не надѣется скоро получить; а у меня платья почти совсѣмъ нѣтъ.

На это письмо я еще ожидаю вашего отвѣта. Послѣ него, можетъ быть, я еще буду писать чрезъ Баранова, который, какъ скоро кончится у нихъ экзаменъ, ѣдетъ на почтовыхъ.

Не знаю, будете ли довольны, но только я намѣренъ привезть вамъ кое-что, въ засвидѣтельствованіе, что я не даромъ провелъ здѣсь протекшее полугодіе. Ваше одобреніе будетъ для меня лестною наградою.

Думаю, мои сестрицы очень подросли; горю нетерпѣніемъ ихъ видѣть,—особливо Анненька. Я думаю, она совсѣмъ забыла меня. Сколь о новыхъ радостей ожидаетъ меня при свиданіи! Повѣрите ли, маменька? считаю, что одинъ день

---

[1]) См. выше письмо отъ 14 августа 1821 г.

остался до каникулъ, и это сближеніе такъ радуетъ меня [въ мечтахъ], что я часто сижу по цѣлымъ часамъ у окна, поджидая знакомаго экипажа.

Кланяйтесь Александрѣ Ѳедоровнѣ [1]), ежели она у насъ. Мнѣ все такъ и представляется, что я застану ее съ вами. Вы не знаете, какъ я люблю всѣхъ тѣхъ, которые любятъ васъ и къ которымъ вы привязаны.

Ежели угодно будетъ вамъ заказать мнѣ здѣсь платье, то надо прежде 18 прислать за мною. Въ ожиданіи чего остаюсь вашимъ послушнѣйшимъ и до безъ памяти васъ любящимъ сыномъ,

Николаемъ Гоголь-Яновскимъ.

XXXII. Къ ней же.

1825 года, іюня 10 числа.

Письмо ваше, дражайшая маменька [писанное 24 мая], я получилъ 3 іюня и спѣшу отвѣчать вамъ. Я не знаю, получили ли вы прежнія два письма, которыя я къ вамъ писалъ—одно въ послѣднихъ числахъ мая, а другое (въ) первыхъ іюня. Вы не повѣрите, дражайшая маменька, какое удовольствіе принесло мнѣ ваше письмо; но вмѣстѣ съ нимъ я не могъ не быть растроганъ, особливо видя вашу любовь, вашу горячность родительскую, какую вы имѣете къ вашимъ дѣтямъ; но ваши слова: что вы уже болѣе для себя и для міра сего не живете, что, можетъ быть, я скоро долженъ занять мѣсто отца малолѣтнимъ моимъ сестрамъ,—слова сіи поселили печальныя предчувствія въ моемъ сердцѣ. Зачѣмъ предаваться горестнымъ мечтаніямъ? Зачѣмъ раскрывать грозную завѣсу будущности? Можетъ быть, она готовитъ намъ спокойствіе и тихую радость, ясный вечеръ и мирную семейственную жизнь. Будемъ надѣяться на Всевышняго, въ рукѣ Котораго находится

---

[1]) Тимченко, барышня-сосѣдка, очень любимая Гоголемъ и прозванная имъ «сестрицей», хотя они совсѣмъ не состояли въ родствѣ. А. С. Данилевскій разсказывалъ намъ, что она переодѣвалась жидомъ и мастерски изображала, какъ жидъ пробуетъ водку, подражала пріему и голосу жидовъ. Вся семья Тимченко очень любила М. И. Гоголь, и когда послѣдняя пріѣзжала къ нимъ, то у Тимченко всѣ крестьяне освобождались отъ работъ. Когда въ 1848 г. Гоголь вновь встрѣтилъ когда-то сильно любимую имъ Александру Ѳедоровну, то, по словамъ Данилевскаго, обошелся съ ней очень непривѣтливо и сухо.—Данилевскій сообщалъ также, что всѣ Тимченко были превосходныя хозяйки.

судьба наша. Что̀ касается до меня, то я совершу свой путь въ семъ мірѣ, и ежели не такъ, какъ предназначено всякому человѣку, по крайней мѣрѣ буду стараться сколько возможно быть таковымъ.

Благодарю васъ покорнѣйше, дражайшая маменька, за деньги, которыя вы мнѣ прислали и которыя мнѣ были нужны.

Въ разсужденіи каникулъ, я вамъ писалъ, что за нами надо присылать такъ, чтобы 18 или 19 лошади были уже здѣсь, потому что мы 20 или 21 іюня непремѣнно выѣдемъ. Также я вамъ писалъ, чтобы въ Кибенцы не заѣзжать, потому что у меня платья совсѣмъ нѣтъ, кромѣ того, въ которомъ хожу повседневно. Также еще я просилъ васъ, маменька, чтобы вы за нами, ежели можно, прислали маленькую желтенькую коляску, которая тогда, какъ я былъ, поправлена была въ Кибенцахъ и которую, если можно, прислали бы съ зонтикомъ. Еще просилъ бы у васъ, дражайшая маменька, прислать на дорогу нѣсколько книгъ какихъ-нибудь новыхъ и хорошихъ, оттого что дорогою будетъ намъ ужаснѣйшая скука, не дѣлавши ничего.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ теперь каникулъ. Данилевскій, какъ уже вы знаете, хотѣлъ было (ѣхать) теперь, но его удержали до экзамена, чему я весьма радъ, оттого что мнѣ бы ужасная скука была ѣхать одному.

Прощайте, дражайшая маменька, до радостнаго нашего свиданія...

XXXIII. Къ ней же.

1825 года, августа 15. Нѣжинъ.

Итакъ я уже на мѣстѣ, то есть, пріѣхалъ какъ нельзя лучше въ Нѣжинъ, и въ самую пору, ни поздно, ни рано, а такъ, какъ было должно. Иванъ Семеновичъ Орлай еще не собирался ѣхать въ С.-Петербургъ [1]), оттого что, по его словамъ, не получилъ о сю пору разрѣшенія отъ министра и не знаетъ ничего, что̀ еще его ожидаетъ. Я не

[1]) Въ это время Орлай послѣ исторіи между нѣжинскими профессорами рѣшилъ оставить нѣжинскій лицей и искалъ себѣ другое мѣсто. См. объ этомъ въ «Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Историко-Филологич. Института», т. III (1879), ст. Н. А. Лавровскаго «Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ» (вышла также отдѣльной брошюрой).

знаю, маменька, справедлива ли вѣсть, что ему въ С.-Петербургѣ есть мѣсто генералъ-штабсъ-доктора, и ежели точно справедлива, то вы напишите ко мнѣ. Здѣсь никто, и самъ онъ, о семъ ничего не знаетъ.

Рыбы, по Андрея Андреевича [1]) запискѣ, не нашли. Каракатицъ нѣтъ; а купецъ Стефанеевъ говорилъ, что ежели надо сколько, такъ онъ можетъ выписать изъ Одессы въ весьма скоромъ времени. Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ ту книгу, которую я забылъ и которую мнѣ весьма надо, а особливо потому, что она казенная. Вы, я думаю, ее помните. Она не такъ толста, въ голубой бумажкѣ, подъ заглавіемъ: «Опытъ о Русскомъ Стихосложеніи», А. Востокова. Еще, сдѣлайте милость, пришлите мнѣ адресъ Данилевскаго, какъ можно поскорѣе.

Послѣ вамъ напишу за кисти и за краски, какимъ образомъ это сдѣлать, а теперь я еще не разспросился объ этомъ, да и не успѣлъ.

Прощайте, дражайшая маменька! Дай Богъ васъ видѣть здоровыми и счастливыми; чего вамъ желая и о чемъ моля Бога, остаюсь...

XXXIV. Къ ней же.

1825 года, сентября 30 дня.

Извините меня, дражайшая маменька! виноватъ, право, виноватъ, не писавши столь долгое время. Не знаю, чѣмъ даже оправдаться; попросту сказать—лѣностью; однакожъ надѣюсь, что это послѣдній разъ.

Я говорилъ съ профессоромъ живописи о моемъ предпріятіи [2]), именно — продолжать писаніе масляными красками. Онъ берется на себя доставить нѣкоторыя вещи, какъ-то: кисти и часть красокъ, остальныя могу искупить здѣсь. Слѣдовательно деньги 50 рублей должно прислать въ началѣ октября, чтобы не опоздать занятіями.

Позвольте поздравить васъ, дражайшая маменька, съ приближающимися вашими именинами, съ которыми желаю, чтобы для васъ началось благополучіе и счастіе.

Мнѣ весьма жаль, что не отыскалась книга, о которой

---

[1]) Андрей Андреевичъ Трощинскій — дядя Н. В. Гоголя, племянникъ Д. П. Трощинскаго.

[2]) Павловъ, Капитонъ Степановичъ. О его замѣчаніяхъ и объясненіяхъ см. соч. Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 327, гдѣ подъ «рисовальнымъ учителемъ» авторъ могъ разумѣть Павлова.

я говорилъ: у меня ее спрашиваютъ. Я совѣтовалъ бы еще посмотрѣть ее въ угольномъ столикѣ въ столовой. Ее можно узнать по голубой оберткѣ; заглавіе: «Опытъ о Русскомъ Стихосложеніи».

Не знаю, дражайшая маменька, что̀ бы вамъ сказать о нашихъ происшествіяхъ: новаго у насъ такъ мало, примѣчательнаго и того менѣе; притомъ мы живемъ теперь совершенно въ глуши; никто не посѣщаетъ нашъ бѣдный Нѣжинъ. Скажу вамъ только, что нашъ Иванъ Семеновичъ ѣдетъ [хотя не такъ скоро] въ Одессу, въ тамошній лицей [1]).

Вы видите теперь сами, что совсѣмъ почти нѣтъ ничего новаго. Мы совершенно, такъ сказать, въ другомъ мірѣ, старомъ и забытомъ. Я только какъ-то и оживляюсь вашимъ письмомъ, котораго я теперь ожидаю съ нетерпѣніемъ. Надѣюсь, что вы меня извѣстите о нашемъ краѣ хотя немного; но родной и дымъ пріятенъ.

Прощайте, маменька, до слѣдующаго письма...

Деньги, которыя вы мнѣ присылаете, слѣдуютъ такимъ образомъ.

Послѣ каникулъ	15	получилъ
Передъ Покровомъ Божіей Матери, 1 октября	10	»
Передъ Рождествомъ	10	»
Передъ масленой	10	»
Передъ Воскресеніемъ Христовымъ . . .	10	»
Передъ Зеленою недѣлею	10	»
Передъ каникулами	5	»
Итого . .	70	» [2])

XXXV. Къ ней же.

1825 года, 13-го октября.

Позвольте, дражайшая маменька, и вамъ немного попенять за молчаніе. Я уже два письма писалъ къ вамъ, изъ коихъ одно чрезъ Егора Ильича г-на Бажанова [3]), и не

[1]) Въ Ришельевскій лицей въ Одессѣ, директоромъ котораго Орлай былъ назначенъ 1 августа 1826 г. (См. «Лицей кн. Безбородко», стр. 200).

[2]) Ср. «Русск. Стар.», 1882, VI, стр. 674.

[3]) Губернскій прокуроръ, хорошій знакомый родителей Гоголя, по совѣту котораго нашъ писатель былъ отданъ въ пансіонъ при гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ. См. «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 72.

знаю, получили ли вы. Также позвольте мнѣ просить васъ о присылкѣ за мною на Рождество, — тѣмъ болѣе, что я имѣю много кой-чего сказать вамъ, которое весьма интересно, какъ для васъ, равнымъ образомъ и для меня; но обстоятельства, пространство письма и другія особенныя причины не позволяютъ мнѣ объявить вамъ теперь. Надѣюсь, дражайшая маменька, что вы не откажете въ семъ желаніи сильно васъ любящаго сына. Кромѣ того, я имѣю многія основательныя причины, которыя заставляютъ меня ѣхать домой; равнымъ образомъ обстоятельства такія, которыя весьма будутъ полезны для меня по возвращеніи обратномъ въ мою гимназію. Но болѣе всего побудитъ васъ еще, что профессоръ физики и химіи, по прошенію Димитрія Прокофьевича, обѣщался пріѣхать къ нему на Рождество [1]). Итакъ вы симъ сдѣлаете удовольствіе не только мнѣ, но и Дмитрію Прокофьевичу. О присылкѣ за мною вы можете сдѣлать условіе съ родителями Даниловскаго и Баранова, которые также хотятъ прислать за ними. Слѣдовательно экипажъ надо побольше для четырехъ.

Прощайте, маменька! Изъявите почтеніе всѣмъ моимъ роднымъ и не забудьте просьбы нѣжно васъ любящаго сына, который съ нетерпѣніемъ желаетъ видѣться скорѣе съ вами...

XXXVI. Къ ней же.

1825 года, октября 23-го дня.

Письма ваши и деньги, присланныя вмѣстѣ съ ними, получилъ и спѣшу писать къ вамъ,—тѣмъ болѣе, что почтеннѣйшій Егоръ Ильичъ [2]), чрезъ котораго я вамъ вручаю сіе письмо, сейчасъ ѣдетъ. Итакъ постараюсь, сколько возможно скорѣе, увѣдомить васъ о вещахъ, на которыя вы требовали скорѣйшаго отвѣта. Во-первыхъ, о книгахъ я потому не писалъ къ вамъ такъ долго, что ожидалъ отвѣта отъ одного моего товарища, которыя я ему, выѣзжая, вручилъ, и который, уѣхавши, о сю пору не пріѣзжалъ. Въ разсужденіи же сочиненія скажу вамъ, что я его не бралъ, но оно осталось между книгами въ шкафу. Но это неболь-

---

[1]) Шапалинскій, Казиміръ Варѳоломеевичъ; см. о немъ «Лицейски. Безбородко», стр. 315—318.

[2]) Бажановъ; см. предыдущее письмо.

шая бѣда, ежели оно и точно пропало; я постараюсь васъ вознаградить новымъ и гораздо лучшимъ.

Деньги 50 рублей я также получилъ и употребилъ ихъ съ пользою.

Прощайте, дражайшая маменька. Писать болѣе не успѣваю...

Прошу засвидѣтельствовать почтеніе бабушкѣ и всѣмъ роднымъ, поцѣловать за меня сестрицъ.

XXXVII. Къ ней же.

Декабря 2-го дня, 1825 года. Нѣжинъ.

Получивши почтеннѣйшее (ваше) письмо сего 2 декабря, спѣшу немедленно отвѣчать. Во-вторыхъ, благодарю васъ покорнѣйше за исполненіе моей просьбы прислать за мною на Рождество. Не знаю теперь, можно ли ѣхать на колесахъ. Я думаю, что къ празднику зима гораздо увеличится и будетъ довольно постоянная; слѣдовательно не худо бы пріискать экипажъ санной гораздо поболѣе, чтобы можно было четыремъ удобно помѣститься; ибо, какъ я вамъ прежде упоминалъ, и г-нъ профессоръ ѣдетъ съ нами. Прислать же за нами прошу 16 числа декабря. Прощайте, дражайшая маменька, до радостнаго свиданія, которое, надѣюсь, скоро настанетъ...

P. S. Вы обѣщали мнѣ для жилета голубой матеріи; пришлите теперь ее. Изъ тѣхъ денегъ, которыя мнѣ слѣдуютъ предъ Рождествомъ, я заплачу за шитье.

XXXVIII. А. С. Данилевскому (1825).

(безъ даты, на безпорядочно оторванномъ клочкѣ синей бумаги).

Какъ-только отъ тебя пріѣхалъ, то уже все было готово. Въ ту же ночь Симонъ [1]) пріѣхалъ съ подорожною и кибиткой, и еслибы не проклятая невзгода, то я вчера совсѣмъ бы выѣхалъ; теперь же снѣгъ посыпалъ. Пріѣзжай сейчасъ; позавтракаемъ у насъ, у васъ пообѣдаемъ, а на ночь въ Кибенцы [2]). *Н.*

---

[1]) Симонъ, дядька-поваръ; см. выше, примѣч. къ письму отъ 14 августа 1821 и отъ 4 іюня 1825 г.

[2]) Записка эта печатается впервые; она не имѣетъ даты, но ее съ большимъ вѣроятіемъ можно отнести къ тому времени, когда Гоголь, уже по смерти отца, сравнительно больше располагалъ собой и когда Данилевскій еще не оставилъ Нѣжина для поступленія въ московскій

XXXIX. Къ матери.

1826 года, января 17-го дня. Нѣжинъ.

Поспѣлъ сюда вчера благополучно, и спѣшу увѣдомить васъ, дражайшая маменька. Въ замедленіи моемъ ничего мнѣ не стоило оправдаться; принятъ былъ, какъ самый добрый товарищъ. Я теперь почти въ совершенной радости, изрѣдка только воспоминаніе объ васъ туманитъ свѣтлое лицо мое, только-что недавно видѣвшее васъ. Извините, почтеннѣйшая маменька, что не могу болѣе писать: теперь столько хлопотъ, что я спѣшу какъ можно скорѣе окончить письмо. До слѣдующей почты...

XL. Къ ней же.

1826 года 21-го апрѣля. Воскресеніе Христово.

Первымъ долгомъ поставляю себѣ поздравить съ наступившимъ праздникомъ и желать вамъ провесть оный гораздо лучше, нежели я, который на немъ такъ соскучился, что съ величайшимъ чистосердечіемъ желаетъ скорѣйшаго окончанія его. Вообразите, мы теперь живемъ въ совершенномъ забытьѣ: всѣ разъѣхались, и я одинъ почти какъ безумный бѣгаю по музеямъ [1]), попеременно заглядывая въ окно, нѣтъ ли отъ васъ какой родимой вѣсточки... Не знаю даже, что̀ дѣлается у насъ. Тутъ ходятъ вѣсти, будто его высокопревосходительство Димитрія Прокофьевича [2]) приглашаютъ въ Петербургъ. Не знаю, правда ли это.

Теперь у насъ уже конецъ апрѣля; почти черезъ пол-

университетскій пансіонъ, что̀ было въ концѣ 1826 года (см. «Вѣстн. Евр.», 1890, I, 83 и «Матеріалы», I, 106), слѣдовательно, тогда не могло быть рѣчи о совмѣстномъ возвращеніи Гоголя съ Данилевскимъ въ Нѣжинъ. Относя эту записку къ 1825 году, мы основываемся также на томъ, что именно въ этомъ году Гоголь ѣздилъ домой съ Данилевскимъ на рождественскіе праздники. Въ письмѣ безъ даты, писанномъ въ концѣ 1824 года (№ XXIII), онъ прямо говоритъ: «вы сами знаете, *что я еще ни разу на сей праздникъ, т. е. зимою, никогда не былъ дома*»; въ запискѣ же упоминается о снѣгѣ и о поѣздкѣ въ Кибенцы, слѣдовательно, дѣло было зимой, во время пріѣзда домой на Рождество. Въ 1827 же Данилевскій уѣхалъ домой одинъ (см. письмо отъ 20 декабря 1827 года).

[1]) Н. А. Лавровскій въ цитированной статьѣ говоритъ о музеяхъ такъ: «Въ своихъ помѣщеніяхъ пансіонеры распредѣлялись по отдѣленіямъ, которыя назывались музеями». («Извѣстія Нѣж. Историко-Филол. Инст.», т. III (1879), стр. 139. См. также «Лицей», стр. 46).

[2]) Трощинскаго, извѣстнаго вельможу, родственника М. И. Гоголь.

тора мѣсяца и каникулы, и я буду видѣться съ вами. Это немного развеселяетъ скучную мою угрюмость.

Я васъ буду просить, дражайшая маменька, еще объ снабженіи меня деньгами. Я былъ еще передъ Рождествомъ немного боленъ, и такъ какъ у насъ не всегда хорошее содержаніе для больныхъ, то и занялъ у г. профессора; послѣ опять случилось мнѣ занять на разныя книги, и теперь набралось всего на сорокъ рублей; а какъ денегъ не имѣю ни копѣйки, то и надѣюсь единственно на ваше пособіе. Вы можете прислать хотя изъ тѣхъ, которыя мнѣ слѣдуютъ. Отъ Рождества я долженъ былъ получить два раза, и не получалъ ни разу [1]); теперь же, я думаю, вы не откажете мнѣ въ сей просьбѣ.

Напишите мнѣ что-нибудь объ хозяйственныхъ дѣлахъ. Я теперь сдѣлался большимъ хозяиномъ, умѣю различать хлѣба и на каникулахъ покажу вамъ, гдѣ сѣно, овесъ, жито и прочее [2]); и могу даже цѣлый часъ спорить съ житными панами о посѣвѣ озимой гречихи [3]). Кстати объ хозяйствѣ [4]): продолжается ли у насъ теперь постройка дома? работаютъ ли въ саду? курится ли винокурня? Эти извѣстія для меня весьма любопытны.

Глубокое почтеніе Андрею Андреевичу, Ольгѣ Дмитріевнѣ, бабушкѣ и всѣмъ роднымъ. Сестрѣ моей Аннѣ Васильевнѣ самое глубочайшее почтеніе и также всѣмъ маленькимъ...

P. S. Сдѣлайте милость, пришлите Симону на шинель сукна.

---

[1]) Ср. въ письмѣ М. И. Гоголь къ А. А. Трощинскому: «онъ пишетъ, что два раза долженъ былъ получить, и не получалъ» («Русск. Стар.», 1882, VI, стр. 674).

[2]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (т. I, стр. 33) странная ошибка: приводя послѣднюю фразу, Кулишъ говоритъ, что она находится въ письмѣ отъ 17 января 1836 года, но въ «Соч. и письмахъ Гоголя» дата правильная.

[3]) Типографическая ошибка, самая непростительная при моемъ великомъ знаніи. *Прим. Гоголя.*

[4]) Письмо это не понравилось М. И. Гоголь, которая такъ писала А. А. Трощинскому 1-го мая 1826 г.: «что онъ пустяки такіе пишетъ, то воображаетъ, что этимъ меня можетъ развеселить» и проч. («Русск. Стар.», 1882, VI, 674).

XLI. Къ ней же.

1826 года, мая 14-го дня. Нѣжинъ.

Странно и непонятно, какимъ образомъ не доходили мои письма къ вамъ, дражайшая маменька! Мнѣ было грустно, весьма грустно, слышавши, какъ вы обо мнѣ безпокоились. Послѣднее письмо я отправилъ къ вамъ на прошедшей недѣлѣ. Не знаю, какимъ образомъ оно такъ длило путь свой, хотя, однакожъ, нельзя похвалить и исправность нашей почты: ваше письмо, писанное вами 14-го апрѣля, поспѣло сюда къ 11-му маю (sic),—почти около мѣсяца!

Благодарю васъ, маменька, чувствительно за поздравленіе меня съ именинами, также за посылку, а болѣе всего за ваше необыкновенное обо мнѣ попеченіе [котораго я не заслужилъ, однакожъ не теряю надежды заслужить его]. Касательно моего здоровья, смѣло могу васъ увѣрить, что я еще никогда не былъ въ такомъ хорошемъ состояніи, какъ теперь: веселъ, радостенъ. Скученъ только въ тѣ минуты, когда думаю объ разлукѣ вашей со мною. Но мысль объ скоромъ свиданіи одна только теперь полнитъ мою душу. Близкія каникулы не выводятся изъ головы.

Аврамъ пріѣхалъ сюда 14-го мая, сего самаго дня, въ который я пишу къ вамъ; (онъ) привезъ мнѣ добрую вѣсть объ вашемъ здоровьи, которая согнала недобрыя думы съ лица моего; привезъ нѣсколько мелочныхъ новостей домашнихъ, между которыми были нѣкоторыя для меня весьма важныя, какъ-то о работѣ, производимой около дому и т. п.

Хорошая весна была у насъ: думаю, теперь можно ожидать изобилія на фрукты. Я давно уже острю на нихъ зубы, и эти каникулы увидятъ ужасное опустошеніе въ нашемъ саду. Жаль только, что мнѣ не достанется отвѣдать клубники: отойдетъ къ тому времени.

Иванъ Семеновичъ [1]) свидѣтельствуетъ свое почтеніе и приказалъ мнѣ немедленно писать къ вамъ, приговаривая, что вы обо мнѣ безпокоитесь, а я о томъ совсѣмъ не думаю...

P. S. Честное слово — писать къ вамъ по два раза въ мѣсяцъ! Пишите онъ (?) и вы ко мнѣ чаще. Черезъ полтора мѣсяца каникулы. До радостнаго свиданія!

---

[1]) Орлай еще находился пока въ Нѣжинѣ, который онъ оставилъ лѣтомъ 1826 г. (см. «Изв. Нѣж. Историко-Филологич. Института», т. III (1879), стр. 146).

XLII. Къ ней же.

1826 годъ, м. іюнь число 7.

Вы пишете, маменька, что не получаете отъ меня письма за прошлый мѣсяцъ; но я въ концѣ мая писалъ къ вамъ, извѣщая объ заблаговременной присылкѣ мнѣ полутораста, 150, рублей, потому что я хотѣлъ сдѣлать себѣ и шинель. Но теперь вижу, что она мнѣ въ лѣто не понадобится, а лучше сдѣлать ее къ зимѣ, и потому теперь мнѣ нужно не болѣе 80 рублей для сдѣлки платья лѣтняго, котораго у меня совершенно нѣтъ. Жаль же мнѣ весьма, что до сихъ поръ не получилъ я денегъ, а теперь хорошо было: я бы успѣлъ заблаговременно все себѣ сдѣлать, и оттого бы было все лучше сдѣлано; въ противномъ случаѣ, я принужденъ буду вмѣстѣ съ экипажемъ оставаться лишніе дни. Но нечего дѣлать, когда ужъ такъ вышло. Теперь сдѣлайте милость, высылайте за мною какъ можно скорѣе; чуть только получите письмо, то сейчасъ же. Хорошо, ежелибы 22-го и 23-го былъ экипажъ уже здѣсь, потому что мнѣ 26-го числа уже можно ѣхать.

Извините, милая, выше всего мною любимая маменька, что я такъ пишу наскоро и съ такою поспѣшностью: теперь и у насъ времени нѣтъ за этимъ скучнымъ экзаменомъ; но онъ скоро кончится. Я здоровъ и, оживленный мыслью, скорымъ свиданіемъ съ вами, веселюсь, ожидая съ нетерпѣніемъ дня того, когда вы обнимете любящаго васъ невыразимою любовью, на вѣкъ вѣрнаго и послушнаго сына...

Присылайте за мною акипажецъ умѣстительный, потому что я ѣду со всѣмъ богатствомъ вещественныхъ и умственныхъ имуществъ, и вы увидите труды мои.

Обнимите за меня сестрицъ моихъ. Почтенье мое Варварѣ Петровнѣ [1]), въ высочайшей точкѣ привязанности. Теперь я оканчиваю посылать за себя представителей, т. е. письма; но черезъ двѣ недѣли явится творецъ ихъ, никогда неизмѣнчивый въ своихъ чувствахъ, все тотъ же пламен-

---

[1]) Косяровской, теткѣ Гоголя, дочери Петра Матвѣевича Косяровскаго, роднаго брата отца Марьи Ивановны Гоголь, Ивана Матвѣевича. Впослѣдствіи Варвара Петровна по мужу называлась Березина.

ный, признательный, никогда не загасившій вѣчнаго огня привязанности къ родинѣ и роднымъ [1]).

XLIII. Къ ней же.

1826 года, іюня 13-го дня.

У насъ, гдѣ нѣтъ ничего постояннаго, вздумалось г-ну директору отложить экзаменъ, и объ этомъ только сегодня насъ увѣдомили. Пишу вамъ, ежели только письмо застанетъ экипажъ невысланнымъ, чтобы прислать уже не къ 18-му, а къ 22-му. Ежели же высланъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать мнѣ платье, то онъ высланъ какъ разъ въ пору, потому что шить платье здѣсь будутъ по крайней мѣрѣ дней пять...

XLIV. Любичу-Романовичу. 1826.

(Альбомная замѣтка).

Свѣтъ скоро хладѣетъ въ глазахъ мечтателя. Онъ видитъ надежды, его подстрекавшія, несбыточными, ожиданія неисполненными, и жаръ наслажденія отлетаетъ отъ сердца... Онъ находится въ какомъ-то состояніи безжизненности... Но счастливъ, когда найдетъ цѣну воспоминанію о дняхъ минувшихъ, о дняхъ счастливаго дѣтства, гдѣ онъ покинулъ рождавшіяся мечты будущности, гдѣ онъ покинулъ друзей, преданныхъ ему сердцемъ [2]).

---

[1]) Послѣднія строки этого письма были напечатаны первоначально Г. П. Данилевскимъ въ «Московск. Вѣд.», 1852, № 124, стр. 1279, но онѣ произвольно слиты съ другимъ письмомъ (ср. у Кулиша «Зап. о жизни Гоголя», т. I, стр. 40).

[2]) Эта замѣтка была написана Гоголемъ въ 1826 г. въ альбомъ его старшаго лицейскаго товарища, Василія Игнатьевича Любича-Романовича, — вѣроятно, по окончаніи послѣднимъ курса (онъ былъ кандидатъ выпуска 1826 года; см. «Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко», списки студентовъ, стр. CXXIX, хотя въ краткой біографіи Любича-Романовича въ той же книгѣ сказано невѣрно, будто онъ кончилъ курсъ въ 1827 г.; см. стр. 413) и потому относится нами къ лѣту 1826 года. Эта альбомная замѣтка была впервые напечатана Н. В. Гербелемъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г. (стр. 492), затѣмъ перепечатана нами въ книгѣ «Ученическіе годы Гоголя», I изд., стр. 121 и въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», т. I, стр. 121—122, примѣч.; наконецъ она вошла въ X изданіе сочиненій Гоголя, т. VI, стр. 454 и примѣчанія редактора, тамъ же, стр. 804.

XLV. А. С. Данилевскому. (1826).

(записка на небрежно оторванномъ клочкѣ сѣрой бумаги, безъ даты).

Извини, другъ мой, что я не сейчасъ по пріѣздѣ моемъ являюсь къ тебѣ. Лошади наши всѣ выморены (sic) ужасно. Колесивши изъ Полтавы по всѣмъ окрестностямъ [1]), теперь рѣшаюсь просить тебя—между нами нѣтъ свѣтскихъ обычаевъ; надѣюсь, ты не разсердишься, что я, не сдѣлавши контръ-визита, рѣшаюсь на такую смѣлость. Но, впрочемъ, я имѣю кое-что тебѣ поразсказать. Пріѣзжай, если тебѣ мила наша бесѣда, которая такъ радовала меня прошлый разъ, если тебѣ милъ старый другъ и бутылка мадеры [2]).

Твой Н. Гоголь.

XLVI. А. С. Данилевскому.

(Записка безъ даты на четверткѣ сѣрой бумаги).

Заходи, пожалуйста, ко мнѣ, когда выйдешь изъ дому; мнѣ хочется поговорить [3]) съ тобою объ одномъ дѣлѣ, а между прочимъ о томъ, о чемъ ты намекнулъ мнѣ вчера, что̀ меня очень интересуетъ.

Гоголь [4]).

XLVII. Къ матери.

Милостивая государыня маменька!

Пріѣхавши сюда, за первый долгъ почелъ васъ увѣдомить о благополучномъ концѣ моего пути, въ которомъ,

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «остался у Пащенка» (Пащенко, Иванъ Григорьевичъ, школьный товарищъ Гоголя и Данилевскаго).

[2]) Записка эта печатается здѣсь впервые,—по подлиннику. Трудно опредѣлить время ея написанія, но она, вѣроятно, была написана уже послѣ смерти отца Гоголя.

[3]) Въ подлинникѣ описка: «поворить».

[4]) Печатается впервые,—по подлиннику. Записка не имѣетъ даты; но мы относимъ ее къ тому времени, когда Гоголь и Данилевскій учились вмѣстѣ въ Нѣжинѣ и гостили лѣтомъ у родныхъ, потому что въ Нѣжинѣ они жили вмѣстѣ въ лицеѣ и здѣсь не могло быть употреблено выраженіе: «*когда выйдешь изъ дому*». Лѣтомъ же 1827 г. Гоголь не имѣлъ даже извѣстій о Данилевскомъ, какъ видно изъ словъ письма къ Высоцкому: «Данилевскій находится теперь въ Москвѣ; не могу навѣрное сказать — гдѣ, но, кажется, въ пансіонѣ». Впрочемъ, записка эта могла относиться и къ лѣту 1828 г., когда оба друга снова вмѣстѣ проводили время на родинѣ.

благодаря вамъ, я не имѣлъ ни въ чемъ нужды, и желая вамъ здоровья и счастья во всемъ, остаюсь...

1826 г., 16-го августа.

XLVIII. Къ ней же.

1826 года, августа 20-го дня.

Въ прошедшемъ письмѣ моемъ, я не могъ ничего сказать вамъ, кромѣ извѣщенія о своемъ пріѣздѣ: такъ я былъ озабоченъ встрѣтившимися занятіями и другими обстоятельствами. Теперь же прошу васъ [ежели только не будетъ вамъ въ тягость], чтобы извѣщать меня о всемъ, что вы намѣрены предпринимать и что дѣлаете касательно хозяйственнаго устройства. Это крайне будетъ занимать меня. Бывши въ такомъ отдаленіи отъ мѣстъ, къ которымъ я привязанъ, я жажду ихъ видѣть хотя въ письмѣ вашемъ, и надѣюсь, что вы, такъ много любя меня, не откажетесь доставить мнѣ это удовольствіе,—тѣмъ болѣе, что мнѣ хочется самому быть въ этомъ случаѣ вамъ полезнымъ. Особливо извѣщайте меня касательно построекъ, новыхъ заведеній и проч., и ежели нужно будетъ фасадъ и планъ, то сдѣлайте милость, извѣстите меня немедленно, и уже фасадъ будетъ непремѣнно хорошъ, а главное — издержки будутъ самыя малыя [не такъ, какъ домъ приказчика я думалъ сначала]. И фасадъ, и планъ будетъ тщательно нарисованъ и по первой же почтѣ безъ замедленія присланъ.

Пріятно мнѣ будетъ, ежели вы мнѣ будете повѣрять свои планы, мысли, также разные прожекты, новыя изобрѣтенія и проч., и проч., и ежели будете принимать благосклонно и мои толки, похвалите за что-нибудь доброе и побраните за худое.

Также объ какихъ-нибудь постороннихъ дѣлахъ, случающихся въ нашемъ округѣ. Говорилъ бы вамъ о своихъ, но совершенно ничего нѣтъ, все пусто, и Нѣжинъ нашъ заснулъ въ бездѣйствіи. О переводѣ моемъ въ 8-й классъ вы уже прежде знали; что я не засталъ здѣсь Орлая, тоже, думаю, знаете. Вотъ и все.

Да, забылъ вамъ сказать еще объ одномъ дѣлѣ и, думаю, весьма важномъ, а именно: когда окончится полевая работа, то не худо бы приняться отыскивать глины, годной для черепицъ. Я не знаю, что можетъ быть полезнѣе, какъ не завесть этакой заводъ. Крыша, ими укрытая, издержками не превышаетъ соломенной; зато какая выгода въ

прочности! Черепичная крыша лѣтъ пятьдесятъ и болѣе не требуетъ починки; притомъ какъ красивы подъ нею будутъ строенія! не надо никогда деревянной. Да притомъ и деревянная далеко ей уступаетъ въ прочности и крѣпости. Подъ этою крышею конюшни, амбары приняли бы другой видъ и вѣковую несломаемость. Для стѣнъ и штукатурки я знаю одинъ дешевый способъ, который со временемъ объявлю вамъ. Не знаю, придется ли по мыслямъ, но за прочность ручаюсь. Когда окончатся полевыя работы и что вы предпримете по окончаніи ихъ, прошу убѣдительно увѣдомить. Можетъ-быть, я моими просьбами наскучаю вамъ, почтеннѣйшая маменька. Но, зная вашу снисходительность и великое обо мнѣ попеченіе, я надѣюсь, что вы согласитесь принять просьбу сына, любящаго васъ болѣе всего, для котораго вы одни веселье...

XLIX. Къ ней же.

Сентября 10-го, 1826 года. Нѣжинъ.

Любопытны и занимательны были для меня ваши извѣстія. Я какъ бы участвовалъ во всѣхъ вашихъ заведеніяхъ и постройкахъ; по крайней мѣрѣ, мысль моя была тамъ. Читая письмо ваше, я былъ съ вами. Тронуло меня весьма ваше материнское наставленіе, и я поклялся въ сердцѣ всегда слѣдовать ему; но только я не примѣтилъ въ себѣ поступка, заслуживавшаго упрекъ вашъ. Я всегда любилъ родственниковъ своихъ; какого бы они ни были званія, никогда не чуждался. Быть-можетъ, неумышленное вы приняли за дѣйствительное.

Между многими извѣстіями, цѣнными для меня, я съ радостью увидѣлъ, что вы нѣкоторыя мои предположенія нашли полезными. Вы пишете, что строится птичій домикъ. Бывши дома, объ этомъ я не слыхалъ. Ежели что надобно, фасадъ или планъ, пишите ко мнѣ.

Увѣдомьте, когда его высокопревосходительство Дмитрій Прокофьевичъ будетъ у насъ, что онъ тамъ найдетъ хорошаго, что ему понравится. Мнѣ съ нетерпѣніемъ хочется знать мнѣніе великаго человѣка даже о самыхъ маловажностяхъ. Сдѣлайте милость, маменька, не пропустите ничего; большое вы дадите мнѣ удовольствіе.

Я отыскалъ планъ и фасадъ новаго дома, который я еще рисовалъ при папенькѣ. Посылаю вамъ ихъ. Они сняты безъ масштаба, безъ исправности; но ими можно поль-

зоваться, когда нѣтъ другого, и особливо касательно наружныхъ украшеній. Одинъ фасадъ представляетъ передній видъ дома, другой задній; при нихъ приложенный планъ показываетъ расположеніе пристроекъ. Онъ, я думаю, вамъ будетъ нуженъ въ это время.

Извините, что теперь не могу прислать узора: онъ еще не конченъ. По слѣдующей почтѣ вы получите. Мнѣ совѣстно передъ Ольгою Дмитріевною [1]), что я такъ долго его задержалъ.

Директоръ нашъ уже отправился въ Одессу. Теперь мы одни; однакожъ теперь все приняло другой порядокъ. Пансіонъ нашъ примѣтно началъ улучшаться; столъ теперь сдѣлался у насъ прекрасный; и этимъ всѣмъ обязаны мы нынѣшнему нашему инспектору [2]).

Вы пишете, чтобы я вамъ къ Рождеству привезъ что-нибудь изъ сочиненій своихъ [3]) Время еще далекое, однакожъ постараюсь заготовить.

Увѣдомьте меня, когда у насъ начнутъ курить водку и что̀ по тогдашнимъ цѣнамъ будетъ сто̀ить ведро. Успѣшно ли у насъ идетъ винокуреніе и приноситъ ли доходъ?

Не знаю, ежели теперь тетенька Варвара Петровна у насъ, то свидѣтельствуйте мое почтеніе. Къ Дмитрію Прокофьевичу постараюсь написать; только не знаю, когда его высокопревосходительства именины: вы не написали, 26-го ли сентября, или октября [4]).

Прощайте, почтеннѣйшая, любезная маменька. Не забудьте отписать къ любящему васъ до безъ памяти сыну...

---

[1]) Тро̀щинская, жена Андрея Андреевича Тро̀щинскаго, урожденная Кудрявцева, внучка польскаго короля Станислава Понятовскаго, тетка Н. В. Гоголя.

[2]) Бѣлоусову. О Николаѣ Григорьевичѣ Бѣлоусовѣ см. «Лицей кн. Безбородко», 240—245. О немъ см. также въ не разъ цитированной статьѣ Лавровскаго.

[3]) Г. П. Данилевскій сообщилъ, со словъ М. П. Гоголь, сохранившіеся въ ея памяти начальные стихи одного изъ присланныхъ изъ Нѣжина сыномъ стихотвореній. Оно было озаглавлено: «Россія подъ игомъ татаръ» и начиналось стихами:

«Раздвинувъ тучки среброрунны,
Явилась трепетно луна».

(См. «Моск. Вѣдомости», 1852, № 124, стр. 1278).

[4]) 26 *октября*.

L. Къ ней же.

1826 года, сентября 12-го числа.

Письмо ваше, безцѣннѣйшая маменька, я получилъ, недѣлю назадъ тому. Я писалъ къ вамъ еще чрезъ Василья Ивановича Черныша [1]). Получили ли вы то письмо? Что̀ сказать о себѣ? Я здоровъ, веселъ, а что̀ еще всего лучше, мнѣ остается только восемь мѣсяцевъ къ выпуску. Не знаю, удастся ли мнѣ до того времени быть дома. Мнѣ долго здѣсь казалось, будто чего-то все не достаетъ, и съ полученіемъ только вашего письма, гдѣ была приписка и Павла Петровича [2]), разгадалъ, что тоскую по васъ. Мнѣ почувствовалось, будто я выѣхалъ изъ дому, что-то позабывши, да и впрямь я даже не простился ни съ кѣмъ. Бабушка, я думаю, порядкомъ сердится, а еще болѣе чувствую— Елизавета Петровна [3]). Экой я въ самомъ дѣлѣ разгильдяй! а она для меня такъ трудилась: изготовила мнѣ всего на дорогу. Но что̀ же дѣлать? Таковъ свѣтъ: рѣдко сыщется человѣкъ благодарный...

Каковы у насъ дѣла хозяйственныя? Павелъ Петровичъ пишетъ, что отыскалась на томъ баштанѣ, что̀ за прудомъ [который весь высохъ], дыня съ пупкомъ, а не съ хвостомъ. Удивляясь сему необыкновенному феномену, хотѣлъ бы я знать причину.

Бываетъ ли у васъ моя любезнѣйшая сестрица Александра Осдоровна [4])? Ежели увидите, то изъясните ей мою заочную къ ней привязанность и всегдашнюю память ея добраго ко мнѣ участія. Не знаю я, когда отъ васъ бываетъ оказія къ Машенькѣ. Мнѣ хотѣлось бы кое-что послать къ ней, а не хочется, чтобы посылка долго залеживалась; такъ вы меня извѣстите, почтеннѣйшая маменька, когда будетъ случай; то я пришлю на имя ваше, а вы отправите ее къ ней...

Милая, добрая, злая, усердная, неумолимая, исполненная ядомъ злѣйшихъ насмѣшекъ и ядовитѣйшихъ колкостей,

---

[1]) Вотчимъ А. С. Данилевскаго, сосѣдъ и пріятель родителей Гоголя.

[2]) Косяровскаго, сына Петра Матвѣевича Косяровскаго и брата Петра Петровича и Варвары Петровны Косяровскихъ.

[3]) По словамъ покойной Анны Васильевны Гоголь, это была прижывалка, по фамиліи Грибоѣдова. (См. «Указатель къ письмамъ Гоголя», 2 изд., стр. 17).

[4]) Тимченко; см. выше, примѣч. къ письму отъ 4 іюня 1825 г.

милостивая государыня Елизавета Петровна! Вы, я думаю, готовы съѣсть меня, хотя за цѣлый прошедшій мѣсяцъ жаръ вашъ долженъ былъ бы остудиться. Не знаю, чѣмъ умилостивить васъ: еще чрезъ цѣлые восемь мѣсяцевъ придетъ время, когда брошусь на колѣни предъ вами, а теперь скажу вамъ тайну: Карпъ Дементьевичъ Прохвощкій признался мнѣ, что влюбленъ въ васъ по уши, и вамъ кланяется. Что вы буркалки пялите?

LI. Къ ней же.

1826 года, сентября 30-го дня.

Посылаю дорисованный мною узоръ. Сдѣлайте милость, почтеннѣйшая маменька, извините меня передъ тетенькою Ольгою Дмитріевною; только не знаю, можетъ ли что меня извинить, хотя я не такъ виноватъ еще. Видно, несчастіе — удѣлъ мой: пріѣхавши сюда, я тотъ же часъ бросился доканчивать его. Вы сами видѣли, что дома я не имѣлъ ни красокъ, ни кистей, но я хотѣлъ сдержать свое слово. Теперь же—вообразите мое несчастіе! я рылся вездѣ въ своихъ бумагахъ и не нашелъ его, считалъ уже пропавшимъ; но послѣ, не задолго до полученія письма, нечаяннымъ образомъ его отыскалъ и тутъ же минуту бросился его докончить, не спалъ ни ночей, ни дня; по неумѣнію своему [по канвѣ я въ первый разъ рисую], изорвалъ три рисунка, покуда окончилъ одинъ. Не припислите это къ безпечности, почтеннѣйшая маменька; нѣтъ, я теперь поставилъ себѣ за правило: что должно сдѣлать—дѣлать тотъ же часъ, не откладывая. Я думаю, теперь тетенька сердится сильно на меня, и по дѣломъ. Не знаю, чѣмъ испросить и гдѣ взять прощеніе. Трудно, весьма трудно поддержать объ себѣ хорошее мнѣніе: иногда самая малость — и оно потеряно.

Не знаю, получили ли вы письмо мое и при немъ планъ и фасадъ дома; только я не получалъ еще отвѣта. Вѣрно, вы сердитесь на меня, маменька. У насъ теперь великое смятеніе: ожидаютъ графа [1]) со дня на день; все убираютъ.

---

[1]) Безбородко, почетнаго попечителя гимназіи высшихъ наукъ. Здѣсь рѣчь идетъ, вѣроятно, объ Александрѣ Григорьевичѣ Кушелевѣ-Безбородко, утвержденномъ почетнымъ попечителемъ въ 1829 г. (См. «Лицей кн. Безбородко», стр. 39).

Но мнѣ грустно — или оттого, что я виноватъ предъ вами и предъ тетенькою Ольгою Дмитріевною, или, видно, осень сама располагаетъ къ этому. Какъ бы то ни было, но зима уже близко; стало-быть, чрезъ два съ половиною мѣсяца и свиданіе съ вами. Мнѣ кажется, что я уже около полугода, какъ не видѣлся: вѣрно, оттого, что не получаю письма отъ васъ.

Вы не писали, маменька, какъ вамъ теперь, весело ли. Не вредитъ ли вамъ уединеніе? навѣщаютъ ли васъ? чѣмъ вы теперь занимаетесь? Вѣрьте, маменька, всѣ эти подробности даютъ жизнь сыну, любящему васъ болѣе всего, для котораго вы только однѣ остались утѣшителемъ и счастіемъ.

Получаете ли вы письма отъ Машеньки? что она теперь дѣлаетъ? не скучно ли ей? напишите къ ней, что я требую, прошу, чтобы она ко мнѣ писала; скажите, что письма ея не будутъ оставлены безъ отвѣта, чтобы писала ко мнѣ объ нуждахъ своихъ. Ежели я могу быть только въ нихъ полезенъ, все исполню, что только зависитъ отъ меня. Не знаю только, какъ адресовать къ ней письма: писать ли къ вамъ, или чрезъ почту къ самому г. Старицкому? [1]) Извѣстите пожалуйста, можно ли чрезъ почту и какъ адресовать? А то вамъ будетъ много заботъ и трудностей отсылать изъ дому чрезъ нарочнаго.

Ожидая съ нетерпѣніемъ отраднаго для меня письма вашего, остаюсь...

Свидѣтельствуйте мое почтеніе дѣдушкѣ, бабушкѣ Аннѣ Матвѣевнѣ и тетенькѣ Варварѣ Петровнѣ.

LII. Къ ней же.

1826 года, октября 15-го дня.

Безцѣнное письмо ваше получилъ сегодня и сего же дня спѣшу отвѣчать вамъ. Съ жадностью читалъ прелестный разсказъ вашъ, почтеннѣйшая маменька, о пребываніи у насъ почетнаго гостя [2]). Всѣ мелочи, все совершенно вами сдѣланное, признаюсь, такъ было хорошо, что я никогда бы не могъ сдѣлать. Расчитавшись, я съ неудовольствіемъ и жалостью увидѣлъ конецъ письма вашего [такъ я люблю

[1]) Родственникъ и-ше Аридтъ, начальницы полтавскаго женскаго института.

[2]) Здѣсь и ниже рѣчь идетъ о Д. П. Троцинскомъ.

говорить съ вами]; но послѣ образумился, увидѣлъ, что это письмо, а не длинное описаніе, и, сообразивъ его съ прежними вашими письмами, которыя были не болѣе, какъ въ полистъ почтовой бумаги, я былъ полнъ къ вамъ живѣйшей благодарности, что вы не скучаете говорить со мною. Только не знаю, къ чему относится приписка послѣ письма, гдѣ вы говорите, что я себя возвысилъ, а унизилъ васъ. Сдѣлайте милость, напишите мнѣ, когда это было: въ письмѣ ли, которое вы получили вмѣстѣ съ планомъ, или въ другомъ чемъ-либо я показалъ это. По крайней мѣрѣ, вѣрьте, почтеннѣйшая маменька, что я никогда бы этого не сказалъ, и потому, сдѣлайте милость, напишите, въ чемъ это было.

Писали вы, чтобы я прислалъ его высокопревосходительству какое-нибудь сочиненіе; думалъ и я было сперва то сдѣлать, но послѣ разсудилъ, что, поднесши какую-нибудь эфемерную мелочь, я мало принесу себѣ пользы и мало хорошаго дамъ о себѣ мнѣнія, рѣшился, что лучше пріуготовить себя къ занятіямъ гораздо важнѣйшимъ и сдѣлать что-нибудь достойное вниманія просвѣщеннаго вельможи, благодѣтеля Малороссіи... Не хочу, ежели благодарность моя будетъ слаба и не покажетъ сердечныхъ моихъ чувствованій. Лучше пусть она будетъ сокрыта до времени и послѣ выявитъ сердце, чувствующее благодѣянія, средствомъ хотя менѣе достойнымъ сихъ благодѣяній. Узоръ я давно уже дорисовалъ и послалъ къ вамъ. Вы, я думаю, уже получили письмо съ посылкою.

Позвольте еще спросить васъ: Агаѳія Матвѣевна [1]) не перебралась еще жить къ намъ? и ежели еще, то когда именно она переѣдетъ и какъ понравится ей новое мѣсто? такъ же, что̀ нужно будетъ сдѣлать? она тогда еще хотѣла сдѣлать для себя комору, которая должна была стоять въ саду и составлять красивый фасадъ. Напишите ко мнѣ тогда, когда будете строить. Я имѣю въ умѣ очень хорошій фасадъ для этого строенія.

Приказчиковъ домъ оконченъ ли, хорошо ли онъ обдѣланъ и что̀ стоилъ? Поставили ли вы вѣтряную мельницу, которую предполагали? Отыскана ли глина, годная для черепицы? Всего этого я еще не знаю. Извините, маменька,

---

[1]) Бабушка Гоголя, одна изъ тетокъ его матери, урожденная Косяровская, по мужу Лукашевичъ; см. «Указатель къ письмамъ Гоголя», 2 изд., стр. 11.

ежели утруждаю я васъ. Я чувствую, что уже слишкомъ любопытенъ, но это страсть моя.

Варварѣ Петровнѣ моя привязанность и почтеніе. Я знаю, что милая тетенька часто забываетъ меня, но я объ ней помню. Позвольте мнѣ напомнить вамъ, маменька, что мнѣ деньги слѣдовали еще къ первому октября; но я до сихъ поръ не получалъ. Извѣщаю не въ укоръ вамъ, но потому, что мнѣ въ нихъ случилась большая нужда.

Напомните Машенькѣ, чтобы она писала ко мнѣ и доставьте ко мнѣ адресъ прямо къ ней. Сегодня 15-е октября; чрезъ два мѣсяца, то-есть 15-го декабря, мнѣ можно уже ѣхать на Рождество. Странное дѣло! не болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ я изъ дому, и уже чувствую, будто годъ не видѣлся съ вами. Итакъ, прощайте, почтеннѣйшая маменька. Не болѣе четырехъ писемъ вы еще получите отъ меня, а тамъ увидите и самого, болѣе всего на свѣтѣ любящаго васъ сына...

При семъ картинка нынѣшнихъ модъ.

LIII. Къ ней же.

Ноября 16-го дня. Нѣжинъ. 1826 года.

Письмо ваше сегодня получилъ, и сего же дня пишу къ вамъ. Вы просите извѣстить, кто теперь директоръ у насъ. Директора у насъ нѣтъ, и желательно, чтобы совсѣмъ не было. Пансіонъ нашъ теперь на самой лучшей степени образованія, до какой Орлай никогда не могъ достигнуть; и этому всему причина нашъ нынѣшній инспекторъ [1]); ему обязаны мы своимъ счастіемъ. Столъ, одѣяніе, внутреннее убранство комнатъ, заведенный порядокъ этого всего вы теперь нигдѣ не сыщете, какъ только въ нашемъ заведеніи. Совѣтуйте всѣмъ везть сюда дѣтей своихъ: во всей Россіи они не найдутъ лучшаго. Должность директора исправляетъ профессоръ физики и химіи Шапалинскій.

Досадно мнѣ было, что не получалъ долго такъ денегъ; большую нужду терпѣлъ я въ нихъ; но теперь дѣло объяснилось: вы поручили его г. Тишевскому [2]), такъ оно и теперь лежитъ въ Полтавѣ.

Вы пишете мнѣ, что слишкомъ скучаю. Это я сказалъ

---

[1]) Бѣлоусовъ.

[2]) См. о немъ въ примѣчаніяхъ къ одному изъ самыхъ первыхъ писемъ Гоголя (изъ Полтавы).

вовсе безъ умыслу: скучаю, когда не имѣю отъ васъ писемъ; а веселъ почти всегда, и особливо теперь, когда менѣе, нежели черезъ мѣсяцъ, приближается урочное время и радостно полечу обнять васъ, милая, почтеннѣйшая маменька,—обнять въ васъ мою жизнь. Такъ, маменька, вы составляете жизнь мою: до сихъ поръ не имѣю драгоцѣннѣе, священнѣе васъ. Судите вы объ радости свиданія. Сколько везу къ вамъ теперь сочиненій, картинъ! радъ буду, сильно радъ, когда сдѣлаю вамъ ими удовольствіе.

Такъ какъ платье мнѣ непремѣнно нужно имѣть къ Рождеству, то прошу васъ, ежели можно, прислать деньги впередъ по почтѣ, чтобы уже нечего было дожидаться здѣсь съ экипажемъ. На фракъ и панталоны суконные пойдетъ какъ разъ до ста рублей; но зато уже они будутъ у меня навсегда. Зимняго же платья до сихъ поръ я не имѣлъ. Ежели же вы хотите, чтобы деньги прислать вмѣстѣ съ экипажемъ, то присылайте, чтобы къ 14-му числу декабря экипажъ былъ уже здѣсь; а когда деньги прежде пришлете, то нужно, чтобы экипажъ къ 16-му числу декабря былъ здѣсь. А пришлите за мною, ежели можно, ту самую бричку, которую вы брали и тогда у дяденьки Андрея Андреевича. Она весьма легка и не трясетъ, и мало лошадей нужно, и выгодна. Не повѣрите, милая маменька, съ какимъ великимъ нетерпѣніемъ, съ какою радостью я жду этого благодатнаго времени. Сколько любопытныхъ новостей! Сколько перемѣнъ во мнѣ вы увидите! Въ ожиданіи отъ васъ еще одного письма, остаюсь...

LIV. Къ ней же.

1826 года, ноября 23-го дня.

Не могу утерпѣть, милая маменька, чтобы не писать къ вамъ, какъ ни близко, кажется, наше свиданіе, но не могу выдержать почти около мѣсяца, не поговоривши съ вами, и чрезъ то будто ускорить самую радость видѣть васъ.

Касательно присылки за мною, еще не знаю, какъ должно присылать: будетъ ли санная дорога, или на колесахъ. Мнѣ кажется, что наврядъ ли выпадетъ большой снѣгъ и состоится хорошая зима; а посему за мною можно будетъ (прислать) легонькую бричку; въ случаѣ же снѣгу и зимы—маленькую кибитку, только не ту тяжелую. Ежели платье мнѣ будетъ здѣсь дѣлаться, то въ такомъ случаѣ пришлите числа 16-го, непремѣнно уже чтобы былъ здѣсь экипажъ;

а ежели на платье вы пришлете деньги прежде, тогда уже присылать за мною такъ, чтобы 18-го числа былъ здѣсь экипажъ [1]). Также напишите письмо ко мнѣ, что присылаете за мною. Это письмо нужно будетъ показать инспектору, безъ чего не отпустятъ. Совѣтую для этого письмо составить особое, въ которомъ извѣщайте меня просто, что посылаете экипажъ съ тѣмъ, чтобы я на праздникъ Рождества Христова пріѣхалъ для свиданія къ вамъ.

Думаю, удивитесь вы успѣхамъ моимъ, которыхъ доказательства лично вручу вамъ. Сочиненій моихъ вы не узнаете: новый переворотъ настигнулъ ихъ. Родъ ихъ теперь совершенно особенный. Радъ буду, весьма радъ, когда принесу вамъ удовольствіе.

Къ намъ пріѣзжалъ графъ [2]), былъ у насъ не малое время, много говорилъ, ничего не сдѣлалъ и уѣхалъ во-свояси. Орлай нашъ успѣлъ вездѣ такъ охулить нашу гимназію, что, думаю, и онъ оттого такъ мало объ ней печется. Изъ Одессы получили на сихъ дняхъ письмо отъ Орлая. Онъ и тѣмъ заведеніемъ недоволенъ.

Но прощайте, почтеннѣйшая, милая маменька! Утѣшительная мысль, приближаемая праздникомъ Рождества, останавливаетъ письмо мое, да и зачѣмъ напрасно марать безчувственнымъ перомъ бумагу, когда на словахъ могу я выявить жаркое чувство сердца, вѣчно горящее къ вамъ сыновнею любовью!.. [3])

LV. Къ Г. И. Высоцкому.

1827 года, генваря 17-го. Нѣжинъ [4]).

Теперь только пріѣхалъ я изъ дому, гдѣ былъ всѣ праздники, и сегодня только получилъ твою записку отъ Шапа-

[1]) 20-го декабря М. И. Гоголь писала А. А. Трощинскому: «лошадей я посылаю въ Нѣжинъ, по обѣщанію моему, за Никошей». («Русск. Стар.», 1882, VI, 674).

[2]) Кушелевъ-Безбородко.

[3]) Послѣ этого слѣдуетъ довольно продолжительный перерывъ въ письмахъ Н. В. Гоголя къ матушкѣ, по поводу котораго читаемъ въ письмѣ М. И. Гоголь къ А. А. Трощинскому: «Знаю, что не лѣность, и нерадѣніе сему причиною, а развѣ такъ сильно углубился въ науки, что и не помнитъ, какъ пролетѣлъ мѣсяцъ, что съ нимъ случается». (См. «Русск. Стар.», 1882, VI, 674).

[4]) Помѣтка Высоцкаго: «Получено отъ Николая Васильевича Гоголь-Яновскаго сіе письмо 9 февраля 1827 г. въ С.-Петербургѣ» (см. «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 45).

линскаго [1]). Извини меня, безцѣнный другъ, что я такъ неблагодарно отплатилъ за твое дружеское расположеніе: на письмо твое не отвѣчалъ ни слова. Я знаю, что ты, зная меня, не подумаешь, чтобы это произошло отъ какого-либо небреженія, или холодности: нѣтъ, другъ! По крайней мѣрѣ, позволь сказать, что ни къ кому сердце мое такъ не привязывалось, какъ къ тебѣ. Съ первоначальнаго нашего здѣсь пребыванія, уже мы поняли другъ друга, а глупости людскія уже рано сроднили насъ; вмѣстѣ мы осмѣивали ихъ и вмѣстѣ обдумывали планъ будущей нашей жизни. Половина нашихъ думъ сбылась: ты ужъ на мѣстѣ, уже имѣешь сладкую увѣренность, что существованіе твое не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ; а я... зачѣмъ намъ такъ хочется скоро видѣть наше счастіе? зачѣмъ намъ дано нетерпѣніе? мысль о немъ и днемъ и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце: душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь—нетерпѣнье. Ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года видѣть тебя, и эти полтора года длятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ... Много принесло мнѣ удовольствія письмо твое; жадно перечитывалъ я тобою писанное, ловилъ слова, и мнѣ казалось, будто я слышу изъ устъ твоихъ. И послѣ всего этого, послѣ всей радости, которую ты прислалъ ко мнѣ съ письмомъ, я ни слова не сказалъ тебѣ. Какая неблагодарность чернѣе этой? Но еще разъ прошу тебя, не вини меня: ты знаешь мою оплошность, которую теперь уже оставилъ и принялъ твердое намѣреніе писать нарочно побольше писемъ въ разныя мѣста, чтобы тѣмъ пріучить себя къ исправности. Сдѣлай милость, Г. Ив., для нашей старой привязанности, для нашей дружбы не забудь меня,— пиши ко мнѣ разъ въ мѣсяцъ. Съ этой поры никогда письмо твое не будетъ оставлено безъ отвѣта.

Пиши мнѣ объ своей жизни, о своихъ занятіяхъ, удовольствіяхъ, знакомствахъ, службѣ и обо всемъ, что только напоминаетъ прелесть жизни петербургской. Это одно для меня развѣетъ горечь моего заточенія, сблизитъ урочное время и покажетъ мнѣ тебя въ твоемъ быту. Я знаю, что не оставишь меня, и уже съ восхищеніемъ въ мечтахъ

[1]) Какъ отъ лица, исправлявшаго должность директора.

читаю письмо, забывая и мѣстопребываніе свое, и весь міръ, выключая тебя съ Петербургомъ.

Я здѣсь совершенно одинъ: почти всѣ оставили меня; не могу безъ сожалѣнія и вспомнить о вашемъ классѣ. Много и изъ моихъ товарищей удалилось. Лукашевичъ [1]) поѣхалъ въ Одессу, Данилевскій [2]) тоже выбылъ. Не знаю, куда понесетъ его. Здѣсь онъ весьма худо велъ себя. Изъ старыхъ никого нѣтъ. Насъ теперь весьма мало; но мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ: я совершенно позабылъ всѣхъ. Изрѣдка только здѣшнія происшествія трогаютъ меня; впрочемъ я весь съ тобою въ столицѣ. Объ твоемъ аттестатѣ я всегда надоѣдалъ Шапалинскому, и теперь крѣпко настоялъ, чтобъ отсылать къ тебѣ. Онъ уже изготовленъ, и ты скоро получишь. Каково теперь у васъ? Какъ-то будете веселиться на масленицѣ? Ты мнѣ мало сказалъ про театръ, какъ онъ устроенъ, какъ отдѣланъ. Я думаю, ты дня не пропускаешь,—всякій вечеръ тамъ. Чья музыка?

Что тебѣ сказать объ нашихъ новостяхъ? здѣсь ихъ совершенно нѣтъ. Писать тебѣ про пансіонъ? онъ у насъ теперь въ самомъ лучшемъ, самомъ благородномъ состояніи, и всѣмъ этимъ мы одолжены нашему инспектору, Бѣлоусову [3]). Къ масленицѣ затѣваютъ театръ. Дураки все такъ же глупы. Барончикъ, Доримончикъ, фонъ-Фонтикъ-Купидончикъ, Мишель Дюсенька, Хопцики [4]) здравъ и невредимъ, и часъ отъ часу глупѣетъ. Демировъ-Мишковскій [5]), Батюшечка [6])

---

[1]) Лукашевичъ, Платонъ Акимовичъ; онъ упоминается также въ письмѣ А. С. Данилевскому отъ 25 марта 1839 г.

[2]) Данилевскій былъ въ то время (съ конца 1826 г.) въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, откуда ранѣе, нежели черезъ годъ, вернулся въ Нѣжинъ, соскучившись по товарищамъ.

[3]) О Николаѣ Григорьевичѣ Бѣлоусовѣ, профессорѣ римскаго права и инспекторѣ, см. «Лицей», 240—245.

[4]) Всѣ предыдущія прозвища относятся къ школьному товарищу Гоголя, Михаилу Александровичу Риттеру, надъ которымъ Гоголь очень любилъ подсмѣиваться.

[5]) Демировъ-Мышковскій, Иванъ Григорьевичъ, надзиратель гимназіи высшихъ наукъ (см. «Гимназія высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко», стр. CXXV), гдѣ онъ названъ просто Мышковскій, безъ первой фамиліи.

[6]) Священникъ-законоучитель Волынскій, по словамъ Данилевскаго, «большой врагъ Гоголя», котораго онъ часто наказывалъ; такъ въ «кондуитныхъ спискахъ» гимназіи были записи: «Яновскій былъ безъ чаю за то, что занимался во время класса священника игрушками». («Матеріалы», т. I, стр. 107, примѣч.). О Волынскомъ въ «Древней и Новой Россіи» (1879, т. II, стр. 175—176) было высказано совершенно неосновательное предположеніе, будто онъ былъ первымъ

и Урсо [1]) кланяются по поясъ. Мыгалычъ чуть-чуть было не околѣлъ. Впрочемъ все благополучно. Бодянъ [2]) только проситъ у тебя на водку. Но прости: я болтаю пустяки и надоѣлъ уже, думаю, тебѣ до сна. По слѣдующей почтѣ я намѣренъ еще тебѣ сказать кое объ чемъ; а до того времени не забудь твоего вѣрнаго, всегда и вездѣ тебя любящаго стариннаго друга,

Н. Гоголя [3]).

Божко и Миллеръ [4]) благодарятъ, что ты не забылъ ихъ.

LVI. Къ матери.

1827 года, февраля 1. Нѣжинъ.

Почтеннѣйшее письмо ваше, маменька, получилъ я третьяго дни и спѣшу извѣстить васъ. Благодарю васъ за незабытіе и за всегдашнюю вашу помощь и за всегдашнюю любовь вашу, которой цѣну одинъ только я могу чувствовать. Жалѣю и досадую только на заботы, удручающія васъ, которыя мѣшаютъ вамъ въ писаніи и отнимаютъ драгоцѣнныя у меня минуты.

Я не знаю, когда лучше я проводилъ время, какъ не теперь,—даже досадую на скорый полетъ его. Масленицу мы надѣемся провесть наилучшимъ образомъ. Театръ нашъ готовъ совершенно, а съ нимъ вмѣстѣ—сколько удовольствій! Не знаю, гдѣ теперь вы находитесь. Я думаю, на масленой будете въ Кибенцахъ. Желаю вамъ такъ же пріятно провесть это время. Я думаю, теперь у насъ въ деревнѣ Васильевкѣ весьма уединенно. Бываетъ ли кто-нибудь? Радъ буду весьма, когда вы живете теперь въ полномъ удовольствіи, когда изрѣдка только мимолетящая тѣнь заботъ цѣпляется, а трудныя, обременительныя вовсе вамъ

виновникомъ мистическаго направленія въ Гоголѣ. Проф. П. В. Владиміровъ въ своей брошюрѣ «Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя» справедливо опровергаетъ это мнѣніе, говоря между прочимъ: Едва ли можно съ этимъ согласиться, если принять во вниманіе отношеніе Гоголя и его товарищей къ Батюшечкѣ» (см. вообще «Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя», стр. 35). См. о немъ также «Лицей», 85—88 и 245—247.

[1]) Урсо. Осипъ Демьяновичъ—учитель фехтованія (см. «Лицей», 1881, стр. CXXVII).

[2]) Мыгалычъ и Бодянъ—сторожа.

[3]) Въ 1827, 1828 и 1829 годахъ Гоголь подписывался то просто—*Гоголь*, то—*Гоголь-Яновскій*.

[4]) Божко (Андрей Андреевичъ) и Миллеръ (Николай Николаевичъ)—товарищи Гоголя (см. «Лицей», 1881, CXXX и CXXXI).

неизвѣстны. Это занимаетъ мысли мои, днемъ и ночью объ этомъ только я думаю. Всеминутно желая вамъ безмятежной, счастливой жизни, достойной вашихъ добродѣтелей, я надѣюсь, что вы примете это нелицемѣрное всегдашнее желаніе сына, котораго любви ничего нѣтъ священнѣе васъ.

Николай Гоголь-Яновскій.

LVII. Къ ней же.

1827 года, февраля 26-го. Нѣжинъ [1]).

Къ числу мечтательностей [2]) своихъ иногда желаю быть ясновидцемъ,—знать, что̀ у васъ дѣлается, чѣмъ вы занимаетесь, и вѣрите ли, почтеннѣйшая маменька, съ какимъ удовольствіемъ я занимаюсь отгадываніемъ всего того, что̀ васъ занимаетъ! Какъ вы проводили масленую? весело ли? были ли у васъ веселыя собранія? Извините, что закидалъ васъ кучею вопросовъ. Обыкновенно человѣку, какъ говорятъ, порядкомъ повеселившемуся, всегда хочется сдѣлать участникомъ другихъ, особливо ближайшихъ къ нему. Кто жъ ближе къ моему сердцу, какъ не вы, почтеннѣйшая маменька? Ваша радость, ваше удовольствіе — и я счастливъ.

Посмотрите же, какъ я повеселился! вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго. Вы однѣ только видѣли, что подъ видомъ, иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, таилось кипучее желаніе веселости [разумѣется, не буйной], и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни [3]), удивлялся, какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись съ нимъ.

Ежели объ чемъ я теперь думаю, такъ это все о будущей жизни моей. Во снѣ и на яву мнѣ грезится Петербургъ, съ нимъ вмѣстѣ и служба государству [4]). До сихъ поръ я

---

[1]) Это письмо первоначально было напечатано П. И. Даниловскимъ въ «Моск. Вѣдом.» 1852, № 124, стр. 1279. П. А. Кулишъ упрекаетъ его въ искаженіи текста («Зап. о жизни Гоголя», т. I, стр. 34).

[2]) У Даниловскаго и у Кулиша въ изданіи писемъ: «мечтательностей»; въ «Запискахъ о жизни Гоголя»: «замѣчательностей».

[3]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя»: «счастливой, веселой жизни» (т. I, стр. 35).

[4]) У Даниловскаго: «государю».

былъ счастливъ; но ежели счастіе состоитъ въ томъ, чтобы быть довольну своимъ состояніемъ, то не совѣмъ,—не совѣмъ до вступленія въ службу, до пріобрѣтенія, можно сказать, собственнаго постояннаго мѣста.

Масленицу, всю недѣлю, мы провели такъ, что желаю всякому ее провесть, какъ мы: всю недѣлю веселились безъ устали. Четыре дня сряду былъ у насъ театръ, и, къ чести нашей, признали единогласно, что изъ провинціальныхъ театровъ ни одинъ не годится противъ нашего. Правда, играли всѣ прекрасно. Двѣ французскія піесы, соч. Мольера и Флоріана, одну нѣмецкую, соч. Коцебу, русскія: «Недоросль», соч. Фонвизина, «Неудачный Примиритель» Княжнина, «Лукавинъ» Писарева и «Береговое Право», соч. Коцебу. Декораціи были отличныя, освѣщеніе великолѣпное, посѣтителей много и все пріѣзжіе, и всѣ съ отличнымъ вкусомъ. Музыка тоже состояла изъ нашихъ: восемнадцать увертюръ Россини, Вебера и другихъ были разыграны превосходно [1]). Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой провелъ теперь. Дай Богъ, чтобъ вы провели его еще веселѣе. Ожидаютъ у насъ директора, г-на Ясновскаго [2]), со дня на день. Не знаемъ его характера: говорятъ, что слишкомъ добръ, даже до слабости, чего мы боимся.

Позвольте васъ, почтеннѣйшая маменька, потрудить одною просьбою. Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ холста самаго толстаго, штуки двѣ и, ежели можно, болѣе: намъ необходимо нуженъ [3]). Вы этимъ много, много одолжите меня: а до того остаюсь съ сыновнимъ почтеніемъ и самою жаркою преданностью и любовью, остаюсь навсегда преданнѣйшимъ сыномъ. *Н. Гоголь.*

Бабушкѣ свидѣтельствую почтеніе. Дяденькѣ Андрею Андреевичу и тет. О. Д. [4]) скажите, что я никогда не за-

---

[1]) Строки эти М. И. Гоголь почти дословно приводитъ въ письмѣ къ А. А. Трощинскому («Русск. Стар.», 1882, стр. 675), прибавляя по этому поводу: «Это все онъ, хвастунишка, мнѣ описываетъ». Но школьный театръ лицеистовъ по общимъ отзывамъ былъ дѣйствительно превосходный: на эти спектакли нарочно пріѣзжали сосѣдніе помѣщики и военные, напр. Дибичъ (братъ фельдмаршала). Столыпинъ, Эммануэль (см. «Матеріалы», т. I, стр. 241).

[2]) Ясновскій, Даніилъ Емельяновичъ, былъ директоромъ въ 1827—1835. См. «Лицей», стр. 206—209.

[3]) Для театра.

[4]) Ольгѣ Дмитріевнѣ, женѣ Андрея Андреевича (см. выше, прим. на стр. 47).

бываю ихъ ко мнѣ вниманія и любви, и досадую, что не знаю, чѣмъ доказать благодарность свою.

LVIII. Г. И. Высоцкому.

1827-й годъ мартъ 19-е число. Нѣжинъ.

Итакъ ты все-таки любишь меня, добрый, безцѣнный другъ! Ты оторвалъ часть времени тебѣ драгоцѣннаго, чтобы порадовать того, который кипитъ непзъяснимою, жаркою къ тебѣ привязанностью.—Твое письмо блеснуло для меня звѣздою радости.—Изъ стороны чуждой льдистаго сѣвера, но гдѣ также [1]), какъ и здѣсь, воображеніе грѣетъ насъ, (гдѣ уже [2]) осуществилась (въ мечтѣ) жизнь будущая для меня), мнѣ казалось, я услышалъ [3]) родные звуки сердца, меня понимающаго—это было письмо твое.

Много времени кануло со дня нашего разрозненія; лѣта кипучаго возраста охлаждались [4]) безпрерывно измѣнчивою невѣрностью счастія настоящаго. Я холодѣлъ [5]) постепенно и разучался принимать жарко къ себѣ все сбывающееся. Безъ радости и безъ горя, въ глубокомъ раздумьи, стоялъ я надъ дорогою жизни, безмолвно обсматривая будущее.— Съ минутъ твоего выбытія въ душѣ моей залегла пустота, какое-то безжизненное чувство.— И вотъ ты меня высвободилъ изъ моего [6]) мертваго усыпленія. Я теперь все тотъ же, какъ прежде: веселый, преданный тебѣ, съ виду холодный, но въ сердцѣ пламенный къ чувствамъ дружбы.

Часто среди занятій—удовольствіе: [7]) (они иногда посѣщаютъ и не совсѣмъ забыли записного ихъ поклонника) мысленно перескакиваю въ Петербургъ: сижу съ тобою въ комнатѣ, брожу съ тобою по бульварамъ [8]), любуюсь Невою, моремъ. Короче, *я* дѣлаюсь *ты*.—Часто говорю, среди самыхъ удовольствій я впадаю въ странное забытіе; вспоминаю о тебѣ и скрытая горечь ярко проскакиваетъ на лицѣ и освѣ-

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «и».

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «уже», вторично написанное.

[3]) Въ «Русскомъ Курьерѣ»: «слышалъ». См. далѣе стр. 66, примѣч. 11.

[4]) Послѣ этого опять зачеркнуто: «и».

[5]) Въ «Русскомъ Курьерѣ»: «холодѣлъ», какъ и въ подлинникѣ (см. фотографическій снимокъ г. Владимірова); но въ текстѣ у г. Владимірова: «холодалъ».

[6]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «безж(изненнаго)».

[7]) Въ брошюрѣ г. Владимірова: «удовольствіе», какъ и въ подлинникѣ: «въ «Русскомъ Курьерѣ» (1888 № 126): «удовольствій».

[8]) Въ подлинникѣ: «булеварамъ».

щаетъ его печальное движеніе, несмотря, что въ пансіонѣ у насъ теперь весело. Всевозможныя удовольствія, забавы, занятія доставлены намъ и этимъ всѣмъ мы одолжены нашему инспектору [1]). Я не знаю, можно ли достойно выхвалить этого рѣдкаго человѣка. Онъ обходится со всѣми нами совершенно какъ съ друзьями своими, заступается за насъ противъ притязаній конференціи нашей и профессоровъ [2])-школяровъ [3]) и, признаюсь, ежелибы не онъ, то у меня недостало бы терпѣнія здѣсь окончить курсъ: теперь по крайней мѣрѣ могу твердо выдержать эту жестокую пытку, эти 14 мѣсяцевъ. Масленую мы провели прекрасно. — Четыре дни сряду былъ у насъ театръ; играли превосходно всѣ.—Всѣ бывшіе изъ посѣтителей, людей бывалыхъ, говорили, что ни на одномъ провинціальномъ театрѣ не удавалось видѣть такого прекраснаго спектакля.—Декораціи (4 перемѣны) сдѣланы были мастерски и даже великолѣпно. Прекрасный ландшафтъ на занавѣсѣ довершалъ прелесть [4]), освѣщеніе залы было блистательное. Музыка также отличилась: нашихъ было 10 человѣкъ, но они пріятно замѣнили большой оркестръ, и были устроены въ самомъ выходномъ, въ громкомъ мѣстѣ. Разыграли четыре увертюры Россини, 2 Моцарта, одну Вебера, одну сочиненія Севрюгина [5]) и друг. Пьесы, представленныя нами, были слѣдующія: «Недоросль», соч. фонъ-Визина, «Неудачный примиритель», комедія Я. Княжнина, «Береговое право» Коцебу, и въ добавокъ еще одну французскую, соч. Флоріана, и еще не насытились: къ Свѣтлому празднику заготовляемъ еще нѣсколько пьесъ. Эти занятія, однакожъ, много развлекли меня и я почти позабылъ было все грустное; но надолго ли? пришелъ пость, а съ нимъ убійственная тоска. Никакихъ совершенно новостей, ничего любопытнаго вовсе не случалось. [6]) Скажу тебѣ только, что ожидаемъ со дня на день новаго нашего директора Ясновскаго. Какой онъ, не знаемъ.—Говорятъ: добренькій. — Что баронъ фонъ-Фонтикъ [7]), табачный

---

[1]) Бѣлоусову; ср. предыдущее письмо къ тому же лицу.

[2]) Въ подлинникѣ: «провессоровъ» (sic!).

[3]) См. статью Лавровскаго «Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ».

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «за(ла)».

[5]) Учителя пѣнія; см. выше, прим. на стр. 16, примѣч. 1.

[6]) Такъ въ подлинникѣ и у г. Владимірова: въ «Русск. Курьерѣ» невѣрно: «случилось».

[7]) Въ подлинникѣ буква к написана неясно; г. Владиміровъ читаетъ: «фонъ Фонтинъ»; такъ же и въ «Русскомъ Курьерѣ».

таможенный приставъ, иначе заводчикъ кунжутнаго масла, служившій только-что передъ этимъ всѣмъ драгунскимъ юнкерамъ подрядчикомъ [1]) въ торговлѣ, пьяный подрался съ Капетихою [2]), судились въ земскомъ судѣ. Но наконецъ батюшка фона [3]), узнавши объ его проказахъ, прислалъ за нимъ крытую кибитку, чтобы притащить свое чудо въ Прилуку [4]) и помѣстить его въ хозяйственные форпосты. Но Девинье [5]) объявилъ, что онъ «никогда не занимался таковою презрѣнною наукою, какова политическая экономія, а непремѣнно хочетъ ѣхать въ московскій университетъ, и вотъ слова его присланному: «скажи дураку паненькѣ, что я лучше его знаю, что̀ должно мнѣ дѣлать». Но наконецъ, побивши Лауру [6]) и разнесши по всѣмъ Магеркамъ [7]) страхъ и опустошеніе, отправился во свояси. Вообрази, что и это утѣшеніе отняли у насъ!—О Данилевскомъ ничего не могу сказать; не знаю даже, гдѣ онъ [8]). Спиридонъ, т. е. Оедоръ Бороздинъ [9]), точно въ гусарахъ и отличный гусаръ изъ самаго негоднаго попа [10]). Кто бы думалъ?—Самъ генералъ его уважаетъ!—Барановъ находится

---

[1]) Риттеръ, см. выше, прим. 4-е на стр. 56. Послѣ этого зачеркнуто слово: «доставленіи».

[2]) П. В. Владимірovъ («Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя», стр. 26), читаетъ: «Канчотихою», но изъ фотографическаго снимка, приложеннаго въ концѣ брошюры (см. 2-й снимокъ), можно прочесть: «Капѣтихою», что̀ подтверждается и письмомъ отъ 26 іюня 1827 Высоцкому же (см. ниже); въ «Русскомъ Курьерѣ» (1888, 126): «Капчетихою».

[3]) Т. е. Риттера.

[4]) Прилуки—уѣздный городъ полтавской губерніи.

[5]) Девинье—одно изъ многочисленныхъ прозвищъ Риттера.

[6]) Лаура—прозвище учителя грамматики Константина Андреевича Персидскаго; см. ниже, прим. 4-е на стр. 77. Какъ видно изъ этого и слѣдующаго письма Гоголя къ Высоцкому, Риттеръ и К. А. Персидскій были соперниками по увлеченію дочерью «Капетихи». Конечно, все это могло быть только шуткой Гоголя.

[7]) Магерки—предмѣстье Нѣжина, гдѣ нѣжинскіе школьники любили устраивать безчинства (см. напр. «Русск. Арх.», 1877, кн. 3, стр. 191; «Лицей кн. Безбородко», 1881, стр. 197; «Москвитянинъ», 1851, т. VI, смѣсь, стр. 7. «Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя». П. В. Владимірова, стр. 31).

[8]) Онъ былъ тогда въ московскомъ благородномъ пансіонѣ.

[9]) Оедоръ Корниловичъ Бороздинъ, школьный товарищъ Гоголя, (прозванный имъ «Спиридонъ Разстрига»), въ честь котораго Гоголь сочинилъ шутливые стихи («Матеріалы», т. I, стр. 87 и «Лицей», стр. 364).

[10]) Намекъ на шутливое прозвище Бороздина Разстригой Спиридономъ.

въ собственномъ благопріобрѣтенномъ и родовомъ [1]) своемъ помѣстьѣ: преосторожно, прихитро, преинтересно ловить мухъ, сажаетъ въ баночку, обшиваетъ полотномъ, запечатываетъ фамильнымъ потомственнымъ гербомъ и разсматриваетъ при лунномъ свѣтѣ. Демидовъ-Мишковскій здравствуетъ, духомъ бодръ (знаетъ подкрѣплять его), всегда дежуритъ у насъ и всегда иллюминованъ красными огнями, за которую, однако же, иллюминацію открываютъ ему обширный путь изъ гимназій во всѣ закоулки многолюднаго [2]) міра. — Въ Нѣжинѣ теперь безпрестанныя движенія между греками: шумятъ, спорятъ въ магистратѣ, хотятъ новаго образа правленія и прошедшую субботу мятежные сенаторы самовольно свергнули архонта Бафу, а на его мѣсто и въ сенаторское достоинство возвели до того неизвѣстнаго Афендулю [3]).—Базиль [4]) уже заключилъ съ нимъ [5]) мирный трактатъ и открылъ греческую лавку. Впрочемъ у насъ все идетъ своимъ чередомъ. Объ себѣ скажу, что [6]) я пролежалъ цѣлую недѣлю больнымъ, и былъ болезнь весьма опасно, даже отчаивался объ выздоровленіи и теперь только начинаю учиться ходить, падаю отъ слабости.— Но предъ тобою виноватъ, что долго не писалъ, и сажусь за столъ.—Это меня порадовало: я разговорился съ тобою и уже думаю, что сижу у тебя, что это вечеромъ мы пьемъ чай и не наговоримся объ проведенномъ днѣ, богатомъ разнообразными [7]) событіями.. .мечта! Я въ Нѣжинѣ и еще въ лазаретѣ.. Ты видѣлъ Герарда [8]), сдѣлай милость, на-

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «правленіи».

[2]) Прежде было: «обширнаго».

[3]) О нѣжинскихъ грекахъ и исторіи между профессоромъ греческаго языка Іероссомъ и греческимъ магистратомъ см. «Лицей», 264—265 и «Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя», стр. 34.

[4]) Базили, Константинъ Михайловичъ, школьный товарищъ Гоголя, родомъ грекъ, впослѣдствіи извѣстный русскій дипломатъ и авторъ многихъ сочиненій о Востокѣ; см. о немъ «Лицей», стр. 326—336. См. письма къ нему Гоголя въ концѣ сороковыхъ годовъ.

[5]) Въ «Русскомъ Курьерѣ» ошибка: «съ ними».

[6]) Это слово вписано сверху строки.

[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «богатыми».

[8]) Также одинъ изъ школьныхъ товарищей Гоголя, но не кончившій курса: въ спискѣ послѣднихъ въ «Лицеѣ» вн. Безбородко его имени нѣтъ. П. В. Владимировъ въ своей брошюрѣ «Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя» (стр. 34) приводитъ слѣдующій документъ въ статьѣ г. Хойнацкаго «Къ біографіи Н. В. Гоголя» («Древняя и Новая Россія». 1878, т. I, стр. 85): «1821 г., минувшаго апрѣля 30 дня полковникъ Кастріотъ просилъ насъ о принятіи двороваго его человѣка въ число комнатныхъ при пансіонерахъ служителей, дабы чрезъ то

пиши, гдѣ онъ теперь; онъ былъ когда-то изъ числа немногихъ друзей моихъ; не забылъ ли онъ меня? такъ ли привязанъ, какъ прежде? и зачѣмъ онъ ко мнѣ не напишетъ? Укори его пожалуйста, сдѣлай ему самый строгій выговоръ, скажи, что стыдно, неблагодарно забывать тѣхъ, которые жарко его любятъ, которыхъ связало товарищество [1]) дружбою. Ежелибы я зналъ, гдѣ онъ, я бы писалъ къ нему, но... видно, такъ уже въ свѣтѣ... Изъ всѣхъ друзей моихъ одинъ ты [2]) не измѣнилъ мнѣ; это меня утѣшаетъ болѣе всего; я теперь счастливъ. Объ одномъ только молю я Бога, объ одномъ думаю: чтобы скорѣе намъ сблизиться. Кстати ты еще о много-чемъ не извѣстилъ меня касательно жизни петербургской: каковы тамъ цѣны, въ чемъ именно дороговизна? все это съ нетерпѣніемъ хочу я узнать и заранѣе сообразоваться съ своими предположеніями. Каковы тамъ квартиры? что̀ нужно платить въ годъ за двѣ или три хорошенькія комнаты? въ какой части города дороже? гдѣ дешевле? что̀ стоитъ въ годъ протопленіе ихъ? и проч. и проч. Да, и позабылъ было совсѣмъ, какъ значительны жалованья и сколько ты получаешь? сколько часовъ ты бываешь въ присутствіи и когда возвращаешься домой?—Извини, что я тебя забрасываю кучею вопросовъ: мнѣ ужасно какъ хочется скорѣе узнать все, а до того времени не забудь стараго твоего друга, который всегда, во всѣ времена, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы ни былъ, вездѣ живетъ духомъ съ тобою и только возлѣ тебя находитъ отдохновеніе. По крайней мѣрѣ люби меня такъ, какъ я тебя. Этого для меня довольно!

Твой другъ *Н. Гоголь.*

P. S. Кланяется тебѣ Антонъ Васильевичъ Лопухайскій [3]) желаетъ тебѣ, чтобы такъ ты распузатѣлъ, какъ и онъ. Носятся слухи, что онъ хочетъ жениться. А батюшка [4]) по-

находиться ему при насылкѣ его, *пансіонеръ Герардъ*». Очевидно, это было ходатайство, равносильное тому, благодаря которому былъ принятъ на такихъ же условіяхъ крѣпостной родителей Гоголя Симонъ.—Имя Герарда значится въ одномъ изъ экзаменныхъ списковъ, напечатанныхъ въ статьѣ Лавровскаго («Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института», 1879, т. III, стр. 239).

[1]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «привяз(анностью)».

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «Герасимъ Ивановичъ».

[3]) Лопухайскій—шутливое искаженіе, вмѣсто: Лопушевскій (Антонъ Васильевичъ), учитель ариѳметики (см. «Лицей», 1881, CXXIV, и 280—282); о немъ см. также ниже, стр. 77 и «Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя», стр. 34.

[4]) Священникъ Павелъ Ивановичъ Вольнскій, законоучитель.

чтеннѣйшій объявилъ мнѣ на ухо, что при всемъ почтеніи, съ какимъ [1]) онъ имѣетъ честь пребыть [2]) къ тебѣ, просилъ, однако же, напомнить, чтобы ты ему прислалъ давно обѣщаннаго столичнаго кованаго кабанця.—Видѣлъ я на сихъ дняхъ Романовича Николая [3]); онъ теперь въ нарвскомъ гусарскомъ полку и смотрѣть на насъ не хочетъ, гордо потряхиваетъ саблею и безпрестанно посматриваетъ на юнкерскіе позументы. Вашъ кандидатъ Садовничій [4]) осрамился: пріѣхавши сюда, подавалъ прошеніе о принятіи его въ писцы правленія; ему отказали и теперь онъ до сихъ поръ шатается у Билевича [5]).—Теперь у насъ происходятъ забавныя исторіи и анекдоты [6]) съ Иваномъ Григорьевичемъ Кулжинскимъ [7]). Онъ теперь напечаталъ свое сочиненіе подъ названіемъ «Малороссійская деревня». Этотъ литературный уродъ причиною всѣхъ его бѣдствій: когда онъ только проходитъ черезъ классъ, тотчасъ ему читаютъ отрывки изъ «Малороссійской деревни» и почтенный князь бѣсится, сколько есть духу; когда онъ бываетъ въ театрѣ, то кто-нибудь изъ нашихъ объявляетъ громогласно о представленіи новой пьесы; ея заглавія: «Малороссійская деревня» или «Законъ дуракамъ не писанъ», комедія-водевиль. Нѣсколько разъ прибѣгая къ покровительству и защитѣ конференціи и, наконецъ, видя, что его жалобы худо чествуютъ, рѣшился унизительно и смиренно просить нашей милости не рушить стихотворное его спокойствіе и не срамить печатный бредъ его, а особливо не запирать его въ

---

[1]) Въ подлинникѣ не дописано; въ брошюрѣ Владимірова: «съ каковымъ» (стр. 28); въ «Русскомъ Курьерѣ» также: «каковымъ».

[2]) Въ «Русскомъ Курьерѣ» ошибка: «пребывать»

[3]) Романовичъ, Николай Ѳедоровичъ, кончилъ курсъ вмѣстѣ съ Высоцкимъ («Лицей», CXXX стр.). Онъ упоминается въ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому отъ 21 февраля 1836 г.

[4]) Садовничій, Григорій Моисеевичъ, также окончилъ курсъ вмѣстѣ съ Высоцкимъ (см. тамъ же).

[5]) Билевичъ, Михаилъ Васильевичъ, старшій профессоръ политическихъ наукъ, игравшій весьма печальную роль доносителя и интригана въ исторіи нѣжинскихъ профессоровъ. См. о немъ въ статьѣ Н. А. Лавровскаго «Гимназія высшихъ наукъ», стр. 158 и далѣе, «Лицей», 231—232. О немъ же см. въ «Матеріалахъ для біографіи», т. I, на стр. 380—381.

[6]) Въ подлинникѣ: «анектоды» (sic).

[7]) Кулжинскій, Иванъ Григорьевичъ, учитель латинскаго языка, сообщившій воспоминанія о Гоголѣ, какъ ученикѣ, въ «Москвитянинѣ», но, по словамъ покойнаго А. С. Данилевскаго, Гоголь и онъ Данилевскій, не учились у Кулжинскаго.

канцеляріи съ маіоромъ Шишкинымъ [1]), какъ до сего дѣлали [2]).

Григоровъ [3]), Божко [4]), Миллеръ [5]), Кукольникъ [6]), Николай Бороздинъ [7]), Власенко [8]), Базиль, Ванновскій [9]) и всѣ наши совершенно кланяются тебѣ, благодарятъ, что не забываешь ихъ.

Кланяйся отъ меня Любичу [10]). Что-то, я думаю, его муза подѣлываетъ? То-то раздолье: сколько въ Петербургѣ домовъ, памятниковъ, иллюминацій, пожаровъ, наводненій, тезоименитствъ, а виды съ Васильевскаго острова!..

Прощай, другъ! сдѣлай милость, порадуй письмомъ: я жду; я знаю, что никогда не охладишься въ своей дружбѣ, и радостно и весело отправляю письмо мое...

Прощай! прощай! *Н. Г.* [11]).

---

[1]) Маіоръ Шишкинъ, Спла Ивановичъ, экзекуторъ (см. «Лицей», CXXVIII стр.).

[2]) У Владимірова: «дѣлано»; (стр. 28), но, кажется, въ подлинникѣ: «дѣлали» (см. фотографическій снимокъ въ концѣ его же брошюры).

[3]) Григоровъ, Николай Петровичъ, товарищъ Гоголя «Лицей», (1881, CXXXI стр.).

[4]) Божко, Андрей Андреевичъ, товарищъ Гоголя, жившій у инспектора Бѣлоусова («Лицей», 1881, CXXX и «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 100).

[5]) Миллеръ, Николай Николаевичъ, товарищъ Гоголя (Лицей», CXXXI).

[6]) Кукольникъ, Несторъ Васильевичъ, извѣстный писатель, старшій товарищъ Гоголя, кончившій курсъ годомъ раньше, въ насмѣшку прозванный Гоголемъ «Возвышенный» за пристрастіе ко всему напыщенному. («Лицей», CXXXI).

[7]) Бороздинъ, Николай Корнпловичъ, кончившій курсъ годомъ раньше Гоголя («Лицей», 1881, CXXX стр.).

[8]) Власенко- вѣроятно, товарищъ Гоголя, не кончившій курса, такъ какъ въ спискѣ послѣднихъ его имени нѣтъ.

[9]) Ванновскій, Семенъ Ивановичъ, надзиратель; см. «Лицей», стр. CXXII.

[10]) Любичъ Романовичъ, Василій Игнатьевичъ, кончившій курсъ въ 1826 г.; см. выше альбомную замѣтку Гоголя.

[11]) Письмо это впервые напечатано въ газетѣ «Русскій Курьеръ» (1888 г., № 126), куда текстъ его былъ сообщенъ г. Сергѣемъ Манухинымъ. Впослѣдствіи подлинникъ былъ пріобрѣтенъ кіевскимъ университетомъ и письмо было переиздано въ брошюрѣ г. Владимірова «Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя», съ дипломатической точностью, даже съ точнымъ воспроизведеніемъ орографическихъ неправильностей, и съ обширнымъ комментаріемъ; въ концѣ брошюры приложены фотографическіе снимки съ письма.

LIX. Къ матери.

1827 года, марта 24. Нѣжинъ.

Письмо ваше, маменька, я вчера получилъ. Радуюсь весьма, что вамъ будетъ весело, что любезные наши родственники Петръ Петровичъ и Павелъ Петровичъ [1]) скоро пріѣдутъ къ намъ и долго проживутъ у насъ; — только чувствую, что я уже не застану ихъ. Они всегда на зло пріѣзжаютъ передъ тѣмъ временемъ, когда мнѣ должно быть дома, а въ то самое время уѣзжаютъ назадъ и намъ въ удѣлъ оставляютъ скуку. Мое первое, всегдашнее желаніе состоитъ въ томъ, чтобы прожить весело въ кругу всѣхъ близкихъ моему сердцу, и предопредѣленіе никогда не давало сбыться моимъ планамъ, будто въ насмѣшку надъ моимъ несбытодуміемъ. Жалѣю весьма, что вамъ много заботъ и до пропасти дѣлъ. Когда бы скорѣе вы могли найти хорошаго управителя! Это, чувствую, много бы вамъ помогло. Къ несчастію, эти люди рѣдки. При всемъ моемъ уваженіи къ Екименку [2]), мнѣ что-то кажется, что онъ врядъ ли хорошо выполнитъ свою должность. Притомъ же сперва онъ соглашался за гораздо меньшее жалованье, когда вы писали о своей надобности въ управителѣ. Но впрочемъ, Богъ съ нимъ, лишь бы только онъ облегчилъ ваши заботы, лишь бы только вы больше имѣли времени свободнаго — весело, радостно жить въ кругу родныхъ. Въ этомъ только радость можетъ высвѣтлиться на моемъ сердцѣ, и оно заочно живетъ вашимъ спокойствіемъ, беззаботностью.

Расписку за деньги я получилъ и берегу ее у себя. Письмо къ сестрицѣ Машенькѣ я написалъ и прилагаю его здѣсь. Сдѣлайте милость, почтеннѣйшая маменька, отправьте ей поскорѣе: она еще въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что я забылъ ее. Я писалъ къ вамъ объ полотнѣ, но ни слова не говорилъ объ самомъ тонкомъ, а напротивъ, даже просилъ, нѣтъ ли еще толще десятки.

Весна приближается—время самое веселое, когда весело можемъ провесть его [3]). Это напоминаетъ мнѣ времена

---

[1]) Косяровскіе, дяди Гоголя, сыновья Петра Матвѣевича Косяровскаго, брата отца М. И. Гоголя.

[2]) Управляющій имѣніемъ М. И. Гоголь.

[3]) Весна была любимымъ временемъ года Н. В. Гоголя; см. письма къ матери отъ 22 мая 1829, 9 іюня 1831, 23 марта 1833, письмо М. П. Балабиной (Римъ, апрѣль, годъ 2588 отъ основанія города).

дѣтства, мою жаркую страсть къ садоводству. Это-то время было обширный кругъ моего дѣйствія. Живо помню, какъ бы(ва)ло, съ лопатою въ рукѣ, глубокомысленно раздумываю надъ изломанною дорожкою... Признаюсь, я бы желалъ когда-нибудь быть дома въ это время. Я и теперь такой же, какъ и прежде, жаркій охотникъ къ саду. Но мнѣ не удастся, я думаю, долго побывать въ это время. Несмотря на все, я никогда не оставлю сего изящнаго занятія, хотя бы вовсе не любилъ его. Оно было любимымъ упражненіемъ папеньки, моего друга, благодѣтеля, утѣшителя... не знаю, какъ назвать этого небеснаго ангела [1]). Это чистое, высокое существо, которое одушевляетъ меня въ моемъ трудномъ пути, живитъ, даетъ даръ чувствовать самого себя и часто, въ минуты горя, небеснымъ пламенемъ входитъ въ меня, разсвѣтляетъ сгустившіяся думы. Въ сіе время сладостно мнѣ быть съ нимъ; я заглядываю въ него, т. е. въ себя, какъ въ сердце друга, — испытую свои силы для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастія гражданъ, для блага жизни подобныхъ, и, дотолѣ нерѣшительный, неувѣренный [и справедливо] въ себѣ, я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія, и душа моя будто видитъ этого незваннаго ангела, твердо и непреклонно все указующаго въ мѣту жаднаго исканія... Чрезъ годъ вступаю [2]) я въ службу государственную...

Позвольте, маменька... свѣча горитъ, и скоро уже полночь... Боясь, чтобы вы не безпокоились обо мнѣ касательно моего молчанія, оканчиваю письмо до слѣдующей почты.

Тетенькѣ Варварѣ Петровнѣ изъявите мое почтеніе и радость, что она гоститъ. Дай Богъ, чтобы я, пріѣхавши на каникулы, могъ застать ее у насъ. Какъ бы весело провели время вмѣстѣ! Но и она такъ же, какъ и жестокосердые ея братцы, всегда уѣзжаетъ [3]) предъ моимъ прибытіемъ. Они, вѣрно, не знаютъ, какъ я привязанъ къ нимъ, какъ люблю ихъ; но впрочемъ, нужна ли, или нѣтъ, имъ любовь моя, а я никогда не перестану любить ихъ.

Простите, маменька, я думаю, не нужно вамъ выказы-

---

[1]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (т. I, стр. 36) нѣсколько иначе: «Оно было любимымъ упражненіемъ папеньки, моего друга, благодѣтеля, утѣшителя... *не знаю, какъ назвать. Это небесный ангелъ*» и проч.

[2]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (т. I, стр. 37): «вступлю».

[3]) Въ подлинникѣ: «уѣзжаютъ».

вать той любви, благодарности, сыновняго почтенія, признательности, съ каковыми я всегда къ вамъ пребываю...

LX. Къ ней же.

1827 года, апрѣля 6 дня. Нѣжинъ [1]).

Позвольте, во-первыхъ, почтеннѣйшая маменька, поздравить васъ съ праздникомъ [2]) Воскресенія Христова. Думаю, что вы провели первые дни его хорошо; желаю и окончить его весело. Благодарю васъ за присылку денегъ, также и почтеннѣйшаго дѣдушку [3]). Въ это время онѣ бываютъ мнѣ очень нужны. Мой планъ жизни теперь удивительно строгъ и точенъ во всѣхъ отношеніяхъ; каждая копѣйка теперь имѣетъ у меня мѣсто. Я отказываю себѣ даже въ самыхъ крайнихъ нуждахъ, съ тѣмъ чтобы имѣть хотя малѣйшую возможность поддержать себя въ такомъ состояніи, въ какомъ нахожусь, чтобы имѣть возможность удовлетворить моей жаждѣ видѣть и чувствовать *прекрасное*. Для него-то я съ трудомъ величайшимъ собираю все годовое свое жалованье, откладывая малую часть на нужнѣйшія издержки. За Шиллера, котораго я выписалъ изъ Лемберга [4]), далъ я 40 рублей: деньги, весьма немаловажныя по моему состоянію; но я награжденъ съ излишкомъ и теперь нѣсколько часовъ въ день провожу съ величайшею пріятностью [5]). Не забываю также и русскихъ, и выписываю, что только выходитъ самаго отличнаго. Разумѣется, что я ограничиваюсь однимъ только чѣмъ-либо: въ цѣлые полгода я не пріобрѣтаю болѣе одной книжки, и это меня крушитъ чрезвычайно. Удивительно, какъ сильно можетъ быть влеченіе къ хорошему! Иногда читаю объявленіе о выходѣ въ

---

[1]) Это письмо первоначально было напечатано Г. П. Данилевскимъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1852 г., № 124, стр. 1279.

[2]) Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» стоитъ еще слово: «Свѣтлаго», но П. А. Кулишъ уличалъ Г. П. Данилевскаго въ порчѣ текста.

[3]) Ивана Матвѣевича Косяровскаго.

[4]) По весьма остроумному предположенію г. Авенаріуса, посредникомъ для Гоголя въ книжныхъ сношеніяхъ съ Лембергомъ могъ быть проф. Зингеръ, воспитывавшійся въ тамошнемъ университетѣ; подъ его руководствомъ ученики нѣжинской гимназіи читали и изучали Шиллера (см. «Лицей», стр. 262 и Авенаріуса «Гоголь-студентъ», стр. 222—223).

[5]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (I, 37) Кулишъ здѣсь сдѣлалъ примѣчаніе: «Прокоповичъ говорилъ мнѣ, что у Гоголя скоро не стало терпѣнія добиваться смысла въ языкѣ Шиллера, и что то было только минутное увлеченіе».

свѣтъ творенія прекраснаго; сильно бьется сердце—и съ тяжкимъ вздохомъ роняю изъ рукъ газетный листокъ объявленія, вспомня невозможность имѣть его. Мечтаніе достать его смущаетъ сонъ мой, и въ это время полученію денегъ я радуюсь болѣе самаго жаркаго корыстолюбца. Не знаю, что бы было со мною, ежелибы я еще не могъ чувствовать отъ этого радости: я бы умеръ отъ тоски и скуки. Это услаждаетъ разлуку мою съ *вами*. *Вы* рисуетесь въ свѣтлыхъ мечтахъ моихъ, и душа моя разомъ обнимаетъ всю свою жизнь. Пишете вы, что не получали отъ меня письма за мартъ мѣсяцъ; въ мартѣ я писалъ къ вамъ, кажется, послѣднихъ числъ; можетъ быть, вы до сихъ поръ уже получили.

Извѣстите меня, маменька, пріѣхали ли уже Петръ Петровичъ и Павелъ Петровичъ къ намъ, или еще нѣтъ. Сдѣлайте милость, свидѣтельствуйте имъ мою привязанность, любовь, почтеніе и проч. и проч., и наконецъ, сожалѣніе, что не могу видѣть ихъ. Варварѣ Петровнѣ отъ меня поклонъ и благодарность чувствительнѣйшую за непозабытіе меня. Ежели будете видѣть близкихъ нашихъ знакомыхъ, особливо Александру Оедоровну [1]), сдѣлайте милость, скажите, что я каждый часъ помню объ ней, объ времени проведенномъ вмѣстѣ.

Давно ли я пріѣхалъ съ Рождества? а уже трехъ мѣсяцевъ какъ не бывало; половина времени до каникулъ утекла; еще половина, и я опять съ вами, опять увижу васъ и снова развеселюсь во всю Ивановскую. Не могу надивиться, какъ весела, какъ разнообразна жизнь наша! Одно имя каникулъ уже [2]) приводитъ меня въ восхищеніе. Какъ бы то ни было, но цѣлый годъ бывши будто въ заключеніи, и въ одно мгновеніе ока увидѣть всѣхъ родныхъ, все близкое сердцу... очаровательно!

До слѣдующей почты...

Любящій васъ болѣе всего въ мірѣ сынъ вашъ

Николай Гоголь [3]).

---

[1]) Тимченко; см. выше.

[2]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» слова *уже* нѣтъ (1, 38).

[3]) Слова: «Любящій васъ болѣе всего въ мірѣ» дополняемъ по тексту «Записокъ о жизни Гоголя» (т. I, стр. 38).

LXI. Къ ней же.

1827 года, апрѣля 17 дня. Нѣжинъ.

Хотя недавно писалъ къ вамъ, маменька, но не хочу, однакожъ, утерять случая еще поговорить съ вами. Барановъ крѣпко обѣщался доставить письмо. Думаю, что вы теперь находитесь въ Васильевкѣ и что съ вами и любезные наши гости [1]).

Вы можете тамъ съ удовольствіемъ провесть это пріятное время. Подлинно я лучшей весны не помню: ни одного дождя! Но это къ худу: не будетъ ли засухи? желательно теперь мнѣ знать хозяйственныя занятія. Не забывайте, маменька, саду—тамъ, гдѣ я говорилъ прошлый годъ, распространить его засаживаніемъ деревьевъ молодыхъ; также ежелибы не утерять времени для дернованія и щепки. Какова у насъ была ярмарка? Никогда ея у насъ не видывалъ. Хотѣлъ бы знать ея положенія мѣсто. Гдѣ она выстанавливается? хорошъ ли на ней торгъ, выгоденъ ли для обѣихъ сторонъ, и на сколько привозится товаровъ? [2])

Это время я провелъ немного скучновато: книгъ со мною не было. Театръ нашъ, покуда, остановленъ [3]), и я принужденъ былъ, повѣся голову, сидѣть недвижно на одномъ мѣстѣ, перебирая старые свои уроки. Заманивала-было меня прекрасная погода весны; сначала было весело, но веселье хорошо, когда дѣлишь, и потомъ прискучилось. Только мечта объ моей радости—объ васъ высвѣтливается иногда сквозь пасмурныя думы. Человѣкъ страненъ касательно внутренняго своего пожеланія. Онъ завидѣлъ что-то вдали, и мечта о немъ ни на минуту не оставляетъ его; она смущаетъ покой его и заставляетъ употреблять всѣ силы для доставки существеннаго. Иногда и меня самая, повидимому, малость, но драгоцѣнная для меня собственно, мучитъ меня тоскою и досадою за несостояніе имѣть ее.

Увѣдомьте меня объ пріѣздѣ ожидаемыхъ гостей и когда они прибыли къ намъ. Извините меня передъ ними, что не пишу къ нимъ: оттого, что не знаю, у насъ ли они.

---

[1]) Петръ Петровичъ и Павелъ Петровичъ Косяровскіе.

[2]) Ярмарка въ Васильевкѣ была установлена Василіемъ Аѳанасьевичемъ, отцомъ Н. В. Гоголя, и сроки были выбраны для нея весьма удачно (см. «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 63, примѣч. 2-ое).

[3]) Вслѣдствіе извѣстной профессорской исторіи, о которой см. выше, примѣч. къ стр. 65, примѣч. 5-е и особенно въ статьѣ Н. А. Лавровскаго «Лицей князя Безбородко».

Варварѣ Петровнѣ, хотя черезъ письмо, свидѣтельствую мою преданность.

Что дѣлается въ Кибенцахъ? ничего не знаю совершенно объ нихъ, кромѣ только слышалъ, что Сакенъ [1]) воротился изъ Петербурга и что Сонечка, сестра Ольги Дмитріевны, больна опасно. Жаль этого дитяти!

Мое почтеніе бабушкѣ Т. С. [2]) поздравьте ее моимъ именемъ съ праздникомъ Христа. Ежели будете въ Ярéскахъ [3]),—Аннѣ Матвѣевнѣ [4]).

Съ невыразимою любовью, съ безпримѣрною привязанностью пребываю вашъ сынъ...

LXII. Къ ней же.

1827 годъ, м. май, 20 число [5]).

Получилъ ваше письмо сегодня и, къ моей горести, узналъ, что вы больны. Я уже это замѣтилъ бы изъ одной краткости письма вашего, которому, видно, мѣшала много болѣзнь. Всегда нужно проклятой судьбѣ на самомъ удовольствіи покоя, въ которомъ я уже находился, зачернить начатокъ свѣтлыхъ дней ѣдкостью горя! Меня мучитъ ваша болѣзнь. Зачѣмъ вы, маменька, ѣздили въ Полтаву? Это, я думаю, много вамъ повредило. Сдѣлайте милость, берегите себя. Въ это время, когда вы нездоровы, я чувствую самъ [6]) себя оттого нездоровымъ. Вы сами знаете, что я еще драгоцѣннѣе васъ ничего не имѣю. Чѣмъ болѣе близится мѣта свиданья, тѣмъ болѣе я опасаюсь невѣрности счастія. Дай

[1]) Остенъ-Сакенъ, Станиславъ Карловичъ, женихъ знакомой М. И. Гоголь, княжны Прасковьи Ивановны Хилковой, внучки Д. П. Трощинскаго. О ней есть упоминанія въ письмахъ М. И. Гоголь къ Петру Петровичу Косяровскому (они находятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ). Родственникъ Трощинскаго Хилковъ упоминается въ письмѣ къ Павлу Петровичу Косяровскому отъ 3-го октября 1827 г. (см. ниже, стр. 92). См. также «Русск. Стар.», 1882, VI, 642, примѣч. 1-ое.

[2]) Татьянѣ Семеновнѣ Лизогубъ, бабушкѣ Н. В. Гоголя, матери Василія Аѳанасьевича Гоголя, увезенной своимъ мужемъ изъ дома родителей, чѣмъ воспользовался Гоголь въ «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ».

[3]) Мѣстечко въ Миргородскомъ повѣтѣ.

[4]) Теткѣ М. И. Гоголь, матери А. А. Трощинскаго.

[5]) Это письмо впервые было напечатано Г. П. Данилевскимъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1852 г. № 124, стр. 1279.

[6]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» слова «самъ» нѣтъ (см. т. I., стр. 39).

Богъ, чтобъ я засталъ васъ въ здоровьи совершенномъ, въ счастіи, въ спокойствіи, окруженными всѣми возможными для васъ радостями. Не болѣе мѣсяца только осталось намъ жить въ разрозненіи; тогда я опять съ вами. Обнимите, поцѣлуйте за меня Анненьку, Лизаньку, Оленьку. Я не могу не радоваться, вспомнивъ, сколько меня ожидаетъ дома близкихъ моему сердцу, желая, чтобы этотъ годъ, какъ во всѣ будущіе [1]), Богъ подарилъ намъ изобиліе, чтобы роскошь плодородія упитала счастливое наше жилище, чтобы всѣ крестьяне наши были награждены съ избыткомъ за годичные труды свои. У насъ здѣсь поговариваютъ объ плодородіи этого года; я думаю, что и у васъ также. Желательно мнѣ бы узнать объ этомъ отъ васъ, маменька, также и водится ли что въ саду нашемъ. Здѣсь и на фрукты урожай.

Что-то теперь дѣлаютъ пенаты мои? Я думаю, всѣ ожидаютъ меня съ нетерпѣніемъ.

Позвольте поговорить съ вами теперь касательно платья. Ежели посылать деньги, то не тогда, когда будете присылать за мною; нужно гораздо прежде, а то экипажъ всегда дожидается, и тогда нужно метаться по всѣмъ портнымъ,— и то еще ежели сыщешь, несмотря на дорогую плату. Я совѣтовалъ бы вамъ, милая маменька, деньги отправить тотчасъ по полученіи моего письма; оно какъ разъ и выйдетъ, что ко времени моего отъѣзда платье поспѣетъ, для чего нужно по крайней мѣрѣ три недѣли, а то мнѣ всегда за скоростью шьютъ на живую нитку. Денегъ пришлите мнѣ 150, полтораста рублей: потому мнѣ, кромѣ крупнаго платья, нужно еще до пропасти разныхъ бездѣлушекъ, какъ то: галстухи, подтяжки, платочки: хотѣлось бы также сюртучокъ лѣтній, легенькій, простенькій, чтобы ходить дома. Казенныхъ намъ теперь не шили, и мы принуждены ходить въ суконныхъ.

Дай Богъ, маменька, чтобъ я васъ засталъ совершенно здоровыми, совершенно веселыми. Меня крушитъ ужасно какъ болѣзнь ваша. Сто разъ цѣлуя заочно ручки ваши, остаюсь [2]) вашимъ послушнѣйшимъ, вашимъ любящимъ васъ болѣе жизни сыномъ...

Николаемъ Гоголь-Яновскимъ.

---

[1]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя»: «какъ и всѣ будущіе.»

[2]) Остальныя слова письма дополнены по тексту «Записокъ о жизни Гоголя».

LXIII. Г. И. Высоцкому.

1827 годъ, м. іюнь, число 26. Нѣжинъ.

Пишу къ тебѣ таки изъ Нѣжина. Не думай, чтобы экзаменъ могъ помѣшать мнѣ писать къ тебѣ. Письмами твоими я уже болѣе сблизился съ тобою, и потому буду безпрестанно надоѣдать. Мнѣ представляется, что ты сидишь возлѣ меня, что я имѣю право поминутно тебя разспрашивать. Милый Герас. Иван., знаю привязанность твою: она вылилась вся въ письмѣ твоемъ. Она, кажется, растетъ между нами болѣе и болѣе, и утверждается нашею разлукою. Люблю тебя еще болѣе, чѣмъ прежде, и спѣшу соединиться съ тобою, хотя ты меня ужаснулъ чудовищами великихъ препятствій. Но они безсильны; или — странное свойство человѣка! — чѣмъ болѣе трудностей, чѣмъ болѣе преградъ, тѣмъ болѣе онъ летитъ туда. Вмѣсто того, чтобы остановить меня, они еще болѣе разожгли во мнѣ желаніе. Меня восхищаетъ, когда я подумаю, что тамъ есть кому ждать меня, есть кому встрѣтить роднымъ привѣтствіемъ и облеснуть лицо свѣтлою радостью. Означились мнѣ на сердцѣ также и друзья-пріятели твои. Я не знаю ихъ, никогда не видалъ, но они друзья тебѣ и я ихъ такъ же люблю, какъ и ты. Зачѣмъ ты не напменилъ ни одного изъ нихъ? Хотя имя не опредѣлитъ человѣка, не ознакомитъ съ нимъ, однако я все бы могъ изъ письма твоего узнать ихъ характеръ, свойство, съ кѣмъ ты болѣе друженъ, — особливо, когда они будутъ дѣйствующими лицами въ твоихъ письмахъ, чего мнѣ непремѣнно хочется. Уединясь совершенно отъ всѣхъ, не находя здѣсь ни одного, съ кѣмъ бы могъ слить долговременныя думы свои, кому бы могъ вывѣрить мышленія свои, я осиротѣлъ и сдѣлался чужимъ въ пустомъ Нѣжинѣ. Я иноземецъ, забредшій на чужбину искать того, что только находится въ одной родинѣ, и тайны сердца, вырывающіяся на лицѣ, жадныя откровенія, печально опускаются въ глубь его, гдѣ такое же мертвое безмолвіе. Въ такомъ случаѣ я желаю знать тебя въ кругу твоихъ друзей, гдѣ не скрываешься и гдѣ ваши занятія всегда радостны; хочу даже, чтобы ты писалъ мнѣ ваши разговоры и цѣлыя происшествія замѣчательнаго дня. Можетъ-быть, я требую многаго; но ты не откажешь въ этомъ тому, у котораго, кромѣ тебя, почти ничего не осталось и который только этимъ и бываетъ веселъ. И точно: я ничего теперь такъ не ожидаю, какъ

твоихъ писемъ. Они—моя радость въ скучномъ уединеніи. Нѣсколько только я разгоняю его чтеніемъ новыхъ книгъ, для которыхъ берегу деньги, не составляющія для меня ничего, кромѣ ихъ, и выписываніе ихъ составляетъ одно мое занятіе и одну мою корреспонденцію. Никогда еще экзаменъ для меня не былъ такъ несносенъ, какъ теперь. Я совершенно весь истомленъ, чуть движусь. Не знаю, что со мною будетъ далѣе. Только я и надѣюсь, что поѣздкою домой обновлю немного свои силы. Какъ чувствительно приближеніе выпуска, а съ нимъ и благодатной [1]) свободы! Не знаю, какъ-то на слѣдующій годъ я перенесу это время!.. Какъ тяжко быть зарыту вмѣстѣ съ созданьями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія [2]) высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться... Изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь. Ты теперь въ зеркалѣ видишь меня. Пожалѣй обо мнѣ! Можетъ-быть, слеза соучастія, отдавшаяся на твоихъ глазахъ, послышится и мнѣ.

Ты уже и успѣлъ дать за меня слово объ моемъ согласіи на ваше намѣреніе отправиться за границу. Смотри только впередъ не раскаяться! можетъ-быть, мнѣ жизнь петербургская такъ понравится, что я и поколеблюсь, и вспомню поговорку: «Не ищи того за моремъ, что сыщешь ближе». Но уже такъ и быть; ты далъ слово нужно мнѣ спустить твоей опрометчивости. Только когда это еще будетъ? Еще годъ мнѣ нужно здѣсь да годъ, думаю, въ Петербургѣ; но, впрочемъ, я безъ тебя не останусь въ немъ: куда ты, туда и я. Только будто ли меня ожидаютъ? Меня это ужасть (sic) какъ приближаетъ къ Петербургу,—тѣмъ болѣе что я внесенъ уже въ вашъ кругъ. Мое имя, я думаю, поминается между вами, и, можетъ-быть, по какому-то тайному сочувствію, кто-нибудь изъ друзей твоихъ наименитъ меня, какъ друга ихъ друга, предугадывая, что онъ также добръ. На-дняхъ я получилъ письмо отъ Любича [3]), не знаю по какой благодати. Чего только онъ въ немъ не наговo-

---

[1]) Въ изданіи Кулиша ошибочно напечатано: «благодѣтельной».
[2]) Въ подлинникѣ: «самодоволія».
[3]) Любичъ-Романовичъ, Василій Игнатьевичъ.

рилъ! и каламбуровъ, и стишковъ. Изо всего письма я только могъ замѣтить, что, увидѣвши мое письмо къ тебѣ, онъ загорѣлся воспоминаніемъ и рѣшился подкрѣпить его посланіемъ. На четырехъ страницахъ не сказалъ объ себѣ ни слова, даже не объявилъ при концѣ письма, что онъ Любичъ-Романовичъ; а въ заключеніе просилъ меня извѣстить объ *Кларочкѣ* Курдюмовой [1]), объ которой ты, я думаю, самъ знаешь, какого я глубокаго свѣдѣнія: даже не видалъ ее ни разу. Жалѣю, однакожъ, что мнѣ нѣтъ времени писать, особливо теперь. Чтобъ онъ еще, однакожъ, не почелъ за пренебреженіе! Извини меня какъ-нибудь предъ нимъ... Нѣтъ ли тамъ у васъ Николаевича-Кобеляцкаго? [2]) Мы уже годъ какъ его не видимъ. Сначала было навѣдывался къ намъ, а теперь пропалъ безъ вѣсти. У насъ теперь въ Нѣжинѣ завелось сообщеніе съ Одессою посредствомъ парохода, или брички Ваныкина. Этотъ пароходъ отправляется отсюда ежемѣсячно съ огурцами и пикулями, и возвращается набитый маслинами, табакомъ и гальвою [3]). Семеновичъ Орлай, который теперь обрѣтается въ Одессѣ, подманилъ отсюда Демирова-Мышковскаго [4]), которому давно уже гимназія открыла свободный, безъ препятствій пропускъ за пьянство; и по сему поводу пароходъ совершилъ седьмую экспедицію для взятія въ пассажиры Мышковскаго, а на мѣсто его въ гувернеры высадилъ директорскую ключницу, ростомъ въ сажень съ половиною, которая привела-было въ трепетъ всю челядь гимназіи высшихъ наукъ к. Безбородко, пока одинъ Бодянъ не доказалъ, что русскій солдатъ чорта не боится, и, въ славномъ сраженіи при Шуршѣ, оборотилъ переднія ея челюсти на затылокъ. Кукольникъ [5]) нашъ ходитъ теперь съ бритою головою [опасаясь, вѣрно, плотоядныхъ животныхъ]; но чтобы не выказать срамоты, заказалъ красную шапочку, и этимъ

---

[1]) Кларочка Курдюмова, по словамъ А. С. Данилевскаго, была сестра гувернера Августа Ивановича Амана; она была очень некрасива и служила предметомъ шутокъ для Гоголя и его товарищей.

[2]) По словамъ покойнаго А. С. Данилевскаго, Иванъ Николаевичъ Кобеляцкій, одного курса съ нимъ и Гоголемъ, перешелъ въ Царскосельскій лицей. Въ статьѣ Лавровскаго «Гимназія высшихъ наукъ» «Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Фил.-Института» (1879, 239 стр.) приводятся его отмѣтки на переходномъ экзаменѣ.

[3]) Халвой.

[4]) Надзирателя Нѣжинскаго лицея; см. выше, стр. 56, прим. 5-е.

[5]) Несторъ Васильевичъ, товарищъ Гоголя, впослѣдствіи извѣстный литераторъ.

точно охарактеризовалъ себя. И дѣйствительно, теперь онъ сдѣлался такимъ, что всякъ придетъ въ недоумѣніе, похожъ ли онъ на того человѣка, которому бреютъ голову, или на того, который ходитъ въ красной шапочкѣ, и непремѣнно бѣсится, находясь то въ степени [употреблю твое слово] «амуристики», то въ степени, обозначенной знаменитымъ изгнанникомъ Демировымъ-Мышковскимъ [1]. Данилевскій находится теперь въ Москвѣ — не могу навѣрно сказать гдѣ, но, кажется, въ пансіонѣ. Петръ Александровичъ Барановъ, наскучивъ недѣятельною жизнью, захотѣлъ отвѣдать трудностей воинскихъ, и, мѣсяцъ назадъ, я получилъ письмо, въ которомъ объявляетъ онъ о своемъ опредѣленіи въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ. Адресъ его: юнкеру Баранову, въ Цингры, Курской губерніи, отдать въ квартиру полкового адъютанта [2].

Теперь гимназія наша заселена все семействами. Всѣмъ чиновникамъ пришла блажь жениться. Объ женитьбѣ Шапалинскаго и Самойленка [3], я думаю, (ты) слышалъ; кромѣ того, Лаура [Переверскій [4]] совокупился законнымъ бракомъ съ дочерью Капитоши. Ванновскій [5] женится на Филибертисѣ [6] [онъ овдовѣлъ при тебѣ]; Іеропесъ [7]—на Базилёвой [8] сестрицѣ, которая пріѣхала изъ Одессы; Лопушевскій [9]—на какой-то французской мамзели, которой имени, ей-Богу, я до сихъ поръ не знаю, хотя три мѣсяца уже

---

[1]) Т. е. упивался виномъ. О той же слабости Кукольника Гоголь говоритъ въ письмѣ къ А. С. Данилевскому отъ 13-го мая 1838 г. (см. ниже стр. 503—504).

[2]) Дополнено по подлиннику, свѣренному нами въ 1887 г.

[3]) Самойленко, Алексѣй Ильичъ — кассиръ и учитель географіи (см. «Лицей», CXXVI).

[4]) Переверскій, Константинъ Андреевичъ, учитель грамматики и чистописанія («Лицей», CXXVI).

[5]) Ванновскій, Семенъ Ивановичъ, — надзиратель. См. «Лицей», стр. CXXII. Въ изданіи Кулиша (т. V, стр. 581) здѣсь ошибочно поставлено Б вмѣсто В, но въ подлинномъ письмѣ читаемъ: *Ванновскій* и въ «Зап. о жизни Гоголя», (т. I, стр. 48) инціалъ обозначенъ правильно буквой В.

[6]) Филибертъ—надзиратель (см. «Лицей», стр. CXXVII). По словамъ А. С. Данилевскаго, Гоголь чрезвычайно забавно копировалъ его. Филибертиса—дочь его; она была предметомъ особенныхъ насмѣшекъ Гоголя.

[7]) Іеропесъ, Христофоръ Николаевичъ — профессоръ греческаго языка («Лицей», CXXIII).

[8]) Т. е. сестрѣ Базили.

[9]) Лопушевскій, Антонъ Васильевичъ, учитель ариѳметики («Лицей», стр. CXXIV); см. выше, стр. 64.

прошло послѣ ихъ обрученія; и даже казакъ Моисеевъ [1]) намѣревается, *вѣроятно*, уничтожить одиночество своей жизни, хотя это и *кроется во мракѣ баснословія;* но доказательствомъ сему служитъ его покупка земли, на которой уже началъ домъ строить.

Мишель нашъ, баронъ Кунжутъ-фонъ-Фонтикъ [2]) — радуйся — снова у насъ; а мы уже было думали, что онъ совсѣмъ насъ оставитъ. Уже подалъ было прошеніе о принятіи его въ драгунскій полкъ; но благоразумный отецъ, узнавъ объ этомъ, отеческою рукою расписалъ ему заднія фасадъ, въ числѣ 150 ударовъ, и онъ, баронъ Кунжутъ-фонъ-Фонтикъ, обновленный, явился у насъ снова, празднуя свое перерожденіе. Но я, думаю, надоѣлъ тебѣ пустяками. Читая письмо мое, я думаю, ты почесываешь голову и частенько поглядываешь на часы, какъ на свидѣтелей теряемаго времени. Но неужели мы должны вѣкъ серьезничать, — и отчего же изрѣдка не быть творителями пустяковъ, когда ими пестрится жизнь наша? Признаюсь, мнѣ наскучило горевать здѣсь, и, не могши ни съ кѣмъ развеселиться, мысли мои изливаются на письмѣ и, забывшись отъ радости, что есть съ кѣмъ поговорить, прогнавъ горе, садятся нестройными толпами, въ видѣ буквъ, на бумагу, и въ это время — вообрази — я на какую мысль набрелъ! Уже ставлю мысленно себя въ Петербургѣ, въ той веселой комнаткѣ, окнами на Неву, такъ какъ я всегда думалъ найти себѣ такое мѣсто. Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, буду ли я точно живать въ этакомъ райскомъ мѣстѣ, или неумолимое веретено судьбы зашвырнетъ меня съ толпою самодовольной черни [мысль ужасная!] въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ.

Но покуда еще неизвѣстно намъ предопредѣленіе судьбы, ужели нельзя хотя помечтать о будущемъ? Этимъ богатствомъ я всегда буду надѣленъ. Оно не оставитъ меня во все теченіе жизни. Но слушай: будто ты сидишь у меня, будто говоримъ мы долго, будто смѣемся, и — вѣришь ли? — будто забывшись, перо выпадало разъ двадцать на бумагу, разрушало мечтательныя думы и съ досады зачеркивало ничего ему не сдѣлавшія слова. Ахъ, какъ въ это время

[1]) Моисеевъ, Кириллъ Абрамовичъ — учитель словесности, исторіи и статистики («Лицей», стр. CXXV). По словамъ А. С. Даниловскаго, «казакъ» было его обычное прозвище.

[2]) Риттеръ; см. выше, примѣч. 4-е къ стр. 56.

хотѣлось бы мнѣ обнять тебя, увидѣть тебя! Не знаю, можетъ ли что удержать меня ѣхать въ Петербургъ, хотя ты порядкомъ пугнулъ и пристращалъ меня необыкновенною дороговизною, особливо съѣстныхъ припасовъ. Болѣе всего удивило меня, что самые пустяки такъ дороги, какъ-то: манишки, платки, косынки и другія бездѣлушки. У насъ, въ доброй нашей Малороссіи, ужаснулись такихъ цѣнъ и убоялись, сравнивъ суровый климатъ вашъ, который еще нужно покупать необыкновенною дороговизною, и благословенный малороссійскій, который достается почти даромъ; а потому многіе изъ самыхъ жаркихъ желателей уже навостряютъ лыжи обратно въ скромность своихъ недальнихъ чувствъ и удовольнились ничтожностью, почти вѣчною. Хорошо, ежели они обратятъ свои дѣла для пользы человѣчества. Хотя въ самой непзвѣстности пропадутъ ихъ имена, но благодѣтельныя намѣренія и дѣла освятятся благоговѣніемъ потомковъ...

Какое теперь ужасное у насъ плодородіе, ты не повѣришь,—особливо фруктовъ! Деревья гнутся, ломятся отъ тяжести. Не знаемъ, дѣвать куда. Я воображаю объ необыкновенной роскоши, которою я буду пресыщаться, пріѣхавши домой. Уже два дни экипажъ стоитъ за мною. Съ нетерпѣніемъ лечу освѣжиться, ожить отъ мертваго усыпленія годичнаго въ Нѣжинѣ, отъ ядовитаго истомленія, вслѣдствіе нетерпѣнія и скуки. Возвратясь, начну живѣе и спокойнѣе носить иго школьнаго педантизма, пока урочепное время, со всѣми своими мучительными ожиданіями и нетерпѣніемъ, не предстанетъ снова истомленному. Какая у насъ засуха! болѣе полтора мѣсяца не шли дожди. Не знаю, что будетъ далѣе. Лѣто вдругъ у насъ перемѣнилось: сдѣлалось вдругъ такъ холодно, что даже принуждены мерзнуть, особливо по утрамъ. Весна была нестерпимо жарка.

Позволь еще тебя, единственный другъ Герас. Иван., попросить объ одномъ дѣлѣ... надѣюсь, что ты не откажешь... а именно: нельзя ли заказать у васъ въ Петербургѣ портному самому лучшему фракъ для меня? Мѣрку можетъ снять съ тебя, потому что мы одинаковаго роста и плотности съ тобой. А ежели ты разжирѣлъ, то можешь сказать, чтобы немного уже. Но объ этомъ послѣ, а теперь главное—узнай, что стоитъ пошитье самое отличное фрака по послѣдней модѣ, и цѣну выстав въ письмѣ, чтобы я могъ знать, сколько нужно посылать тебѣ денегъ. А сукно-

то, я думаю, здѣсь купить, оттого, что ты говоришь—въ Петербургѣ дорого. Сдѣлай милость, извѣсти меня какъ можно поскорѣе, и я уже приготовлю все такъ, чтобы, по полученіи письма твоего, сейчасъ все тебѣ и отправить, потому что мнѣ хочется ужасно какъ, чтобы къ послѣднимъ числамъ, или къ первому ноября я уже получилъ фракъ готовый. Напиши, пожалуйста, какія модныя матеріи у васъ на жилеты, на панталоны, выставь ихъ цѣны и цѣну за пошитье. Извини, драгоцѣнный другъ, что я тебя затрудняю такъ. Я знаю, что ты ни въ чемъ не откажешь мнѣ, и для того надѣюсь получить самый скорый отъ тебя отвѣтъ и увѣдомленіе. Какъ ты обяжешь только меня этимъ! Какой-то у васъ модный цвѣтъ на фраки? Мнѣ очень бы хотѣлось сдѣлать себѣ синій съ металлическими пуговицами [1]); а черныхъ фраковъ у меня много, и они мнѣ такъ надоѣли, что смотрѣть на нихъ не хочется. Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя отвѣта, милый, единственный, безцѣнный другъ.

Письмо мое началъ укоризнами унынія и при концѣ развеселился. Тебѣ хочется знать причину? вотъ она: я началъ его въ Нѣжинѣ, а кончаю дома, въ своемъ владѣніи, гдѣ окруженъ почти съ утра до вечера веселіемъ. Желаю тебѣ вполнѣ имъ наслаждать(ся), и чтобы никогда минута горести не отравляла часовъ твоей радости. А я до гроба твой—неизмѣнный, вѣрный, всегда тебя любящій,

Николай Гоголь.

Изъ Нѣжина къ тебѣ кланяются всѣ,— примѣчательнѣе: Лопушевскій, буфетчикъ Марко [прежній фаворитъ твой, съ своею красною женкою], баронъ фонъ-Фонтикъ, Давинье, Гусь Евлампій [2]), Григоровъ, Божко, Миллеръ [3]) и проч., и проч., а отсюдова одинъ только я привѣтствую тебя поклономъ заочно.

---

[1]) Этотъ вкусъ сохранился у Гоголя до конца жизни. Между платьемъ его, послѣ смерти, остались синій фракъ съ металлическими пуговицами и нѣсколько синихъ жилетовъ. *Примѣч. перваго изданія.*

[2]) Фельдшеръ при гимназическомъ лазаретѣ.

[3]) Лицейскіе товарищи Гоголя: Григоровъ, Николай Петровичъ (см. «Лицей кн. Безбородко», стр. CXXXI), Божко, Андрей Андреевичъ («Лицей», CXXX) и Миллеръ, Николай Николаевичъ («Лицей», CXXXI).

LXIV. Къ матери.

1827 года, августа 30.

Случай доставилъ мнѣ удовольствіе писать къ вамъ черезъ Василія Ивановича Чернышна. Болѣе двухъ недѣль какъ я нахожусь здѣсь, все такъ же здоровъ и веселъ, всегда думаю объ васъ и никогда не забываю всѣхъ сблизившихся съ моимъ сердцемъ. Не знаю, гдѣ вы теперь находитесь, почт(енная) [1]) и милая маменька. Я думаю, вы ѣздили или, можетъ-быть, поѣдете въ Кибенцы на свадьбу [2]). и, можетъ-быть, письмо мое долго будетъ ждать васъ въ деревнѣ Васильевкѣ. Съ вами ли еще Петръ Петровичъ и Павелъ Петровичъ? Цѣлую ихъ сотеро разъ и умоляю пробыть ихъ у насъ подолѣе. Хоть я ихъ не вижу, но мнѣ все пріятно думать, что они у насъ и, можетъ-быть, иногда вспоминаютъ меня.

Началось ли у насъ винокуреніе? Вы, кажется, хотѣли имѣть большой заторъ. Мнѣ говорилъ Василій Ивановичъ [3]), что этому пособить легко, что нужно только имѣть деревянный прикубникъ и посредствомъ сего можно затирать два раза въ день, что такъ дѣлаетъ Александръ Степановичъ Барановъ [4]), у котораго затору только на тридцать пудъ, а онъ всегда увеличиваетъ до 60-ти.

Не будете ли чего посылать сюда? ибо Семенова жена скоро будетъ сюда на ярмарку. Варварѣ Петровнѣ [5]) мое признательное почтеніе и вмѣстѣ желаніе провесть время какъ можно веселѣе. Елизавета Петровна [6]), что вы безмолствуете! Увѣдомьте меня, маменька, отысканъ ли прежде нанимаемый для меня мальчикъ?..

LXV. Къ Павлу Петровичу Косяровскому.

Сентября 2 (1827).

Благодарю васъ, милый Павелъ Петровичъ, благодарю васъ, дядько, за письмо ваше, за вашу память обо мнѣ. Ежелибы вы знали, какъ мнѣ дуже не добре васъ не

---

[1]) Не дописано.

[2]) Княжны Прасковьи Ивановны Хилковой съ барономъ Станиславомъ Карловичемъ Остенъ-Сакеномъ.

[3]) Чернышъ.

[4]) Отецъ школьнаго товарища Гоголя, Петра Александровича Баранова.

[5]) Теткѣ Косяровской, впослѣдствіи по мужу Березиной.

[6]) Грибоѣдова, приживалка въ домѣ М. И. Гоголь.

видѣть. Вообразите, что я одинъ безъ всякаго камрада скучаю въ Васильевкѣ. Я весь въ какомъ-то безчувствіи и только порою воспоминаніе о нашей благословенной веселой троицѣ [1]), обитавшей на верхнемъ жильѣ купно въ здравіи и благоденствіи, шевелитъ мои думы. Но все тамъ угрюмо, пусто, ни стола, ни стула, и даже самый нашъ шаткій паркетъ разобранъ при расташонкѣ ярмонки на ятки; одинъ только Дорогой [2]) остался вѣренъ своему бывшему пристанищу и на зло за то, что его часто оттуда прежде гоняли, хранитъ тамъ безотлучно. Я же съ Сюськой перебрался въ теплѣйшую комнату, въ сосѣдней къ бабушкѣ, отгородился отъ нея ширмами, потому что испаренія бабы и косоланой дѣвы, ея прислужницъ, почивающихъ въ сѣняхъ, разятъ убійственно въ мои полуоткрытыя двери. Впрочемъ, моя квартира не совсѣмъ дурна; не знаю, какова ваша.

Но довольно уже. Новостей никакихъ не имѣю, чтобы разсказать вамъ, а развѣ вы не поразскажете ли чего-нибудь намъ животрепещущаго? Когда-то вы окончите дѣла свои и Васильевка увидитъ васъ на лонѣ своемъ, вдвое веселѣе, вчетверо беззаботнѣе, вшестеро счастливѣе и все также насъ любящаго?

Въ надеждѣ осуществленія всего этого, остаюся до свиданія вашъ сахарный племянничекъ,

Н. Гоголь-Яновскій.

LXVI. Къ Павлу Петровичу Косяровскому.

Нѣж(инъ), 13 сентября 1827.

Любезнѣйшій дядюшка Павелъ Петровичъ! Благодарю несчетно разъ за вашу приписочку. Вы меня перенесли къ себѣ: мнѣ показалось уже, что я опять съ вами, что совершаемъ вмѣстѣ прогулки; вижу даже пенатовъ нашихъ, и глубокомысленный Дорогой [3]), и остроумная Пупура, и, наконецъ, всезнающая Чіюцюшка [4])—все такъ спестрилось

---

[1]) Ее составляли Гоголь и его любимые дяди. Петръ Петровичъ и Павелъ Петровичъ Косяровскіе.

[2]) Собака Гоголя, о которой, между прочимъ, упоминается въ запискахъ сестры его, Елизаветы Васильевны Быковой («Русь», 1885, № 26).

[3]) Дорогой и Пупура—клички собакъ.

[4]) Чіюцюшка — шутливое прозваніе сосѣдки, Ксеніи Ѳедоровны Тимченко, о которой см. въ письмѣ Гоголя къ тетѣ Варварѣ Петровнѣ Косяровской. Невѣроятно, чтобы это было прозваніе самой

въ моемъ воображеніи, что я не знаю, къ чему напередъ обратиться: или къ тому, что Дорогой поймалъ утку, или, что княжна перерядилась въ баронессу [1]).

Ахъ, виноватъ, безцѣн(ный) Пав(елъ) Петр(овичъ)! и забылъ передъ выѣздомъ проститься съ вами! Признаться, я не хотѣлъ будить васъ: вы такъ сладко спали, что мнѣ жаль было потревожить васъ, а впрочемъ, не въ пустомъ обрядѣ заключается сила, и вы, я думаю, увѣрены, и я увѣренъ, что мы другъ друга не забудемъ никогда.

Право, какъ подумаешь, какъ было весело намъ! чего мы не дѣлали! Помните ли, какъ мы бракованные арбузы отправляли на тотъ столъ? Кушаете ли до сихъ поръ дыни? А нижненькій Елисей и Матрена Алекс(ѣевна) [2]) не причаливали?

Кстати: вы не знаете дальнѣйшихъ приключеній съ онучею Петра Борисовича [3])? Ничего уже не вижу, что у васъ дѣлается для меня; все прошло, по пословицѣ: «всякая вологодская пивоварня имѣетъ свою сметанную тётку и всякая изюмная попадья имѣетъ свою гарусную коровницу».

Сдѣлайте милость, не оставьте меня, любезн(ый) Пав(елъ) Петр(овичъ), ежели вы помните старую дружбу и нелицемѣрную привязанность.

Чцюцюшка разовъ двадцать изъявляла мнѣ свое негодованіе касательно того, что не пишу къ ней. Сдѣлайте милость, вручите ей при семъ приложенное письмецо. Сдѣлайте милость, извините, что я такъ пишу, П. П.: почта черезъ часъ отходитъ; боюсь замедлить. По слѣдующей ожидайте отъ меня предлинную рацію.

Н. Гоголь.

Варвары Петровны. Это заключеніе выводимъ изъ предыдущаго и слѣдующаго писемъ. Анна Васильевна Гоголь не помнила, кого именно означало это прозвище.

[1]) Княгиня Прасковья Ивановна Хилкова около того времени должна была выйти за барона Станислава Карловича Остенъ-Сакена (см. «Русскую Старину», 1882, VI, 642, примѣч. 1-е).

[2]) Елисей Васильевичъ и Матрена Алексѣевна (по объясненію намъ Анны Васильевны Гоголь въ 1885 г.) Надержинскіе, помѣщики, сосѣди М. И. Гоголь; см. упоминаніе ниже въ письмѣ къ матери отъ 22 мая 1829 г. и къ П. П. Косяровскому отъ 3 октября 1827 г.

[3]) Петръ Борисовичъ и сестра его, Марья Борисовна, по объясненію А. В. Гоголь, были простые, не интеллигентные люди. Петръ Борисовичъ любилъ выпить.

LXVII. Къ теткѣ.

Драгоцѣннѣйшая тетенька Варвара Петровна!

Привѣтствую васъ изъ-за 300 верстъ и желаю вамъ наисчастливѣйшаго, наиуспѣшнѣйшаго окончанія всѣхъ вашихъ дѣлъ, работъ и занятій, и проч., и проч. Удѣляю вамъ на всю жизнь двѣ части веселости и здоровья, одну часть денегъ и четвертую часть—порядочный запасъ друзей и пріятелей. Хорошо ли проводите время? Я думаю, Ксенія Ѳедоровна [1]) бываетъ у васъ часто. Э, мини казавъ Чпючпюшка, [2]) э... каже, э... мене, каже, нихто уже юбить, каже, Пупую юбять ючше, чимъ мене и Каяюшку, э... отаке э, каже, Ччюпюшка э, бачете, шо вона каже, э... э... А паничъ нѣчжиньскій мини письмо пише, э... А шо, чи вы бачили? Ось воно, э... э...

LXVIII. Петру Петровичу Косяровскому.

13-го сентября 1827 г. [3]).

Почтеннѣйшій дяденька Петръ Петровичъ, пишу къ вамъ, не зная, застанетъ ли васъ письмо мое. Не помню, въ какое время вы назначили день отбытія своего; мнѣ все представляется, что вы пробудете долго еще въ Васильевкѣ, по крайней мѣрѣ, по какому-то странному сочувствію, мнѣ представляется, что я буду непремѣнно горевать въ тотъ день, когда вы уѣдете [4]). Я слыхалъ, что хотѣли вы вступить въ тотъ полкъ, который стоитъ въ Миргородѣ, гдѣ служитъ и Чихмаревъ [5]). Дай Богъ, чтобы сыскали тамъ счастье. Впрочемъ, я думаю, вы не преминете извѣстить объ своемъ вступленіи того, который васъ такъ любитъ, такъ интересуется знать объ васъ, и который [6]) ничѣмъ не могъ доказать любви своей и даже огорчалъ васъ частенько. Живо помню, какъ былъ когда-то я разсѣянъ, чѣмъ-то оскорбилъ васъ и даже забылъ поздороваться съ вами, и какъ черезъ

---

[1]) Тимченко, сосѣдка М. И. Гоголь.

[2]) См. предыд. письмо.

[3]) Письмо это впервые напечатано въ «Русской Старинѣ» (1875, 1, стр. 40—41).

[4]) Слова: «когда вы уѣдете» вписаны сверху.

[5]) Въ письмахъ М. И. Гоголь къ Петру Петровичу, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, не разъ идетъ рѣчь о желаніи и хлопотахъ П. П. Косяровскаго поступить въ военную службу. См. «Матеріалы для біографіи» т. I, стр. 63—65.

[6]) Послѣ этого зачеркнуто неразборчивое слово.

минуту вы обняли меня съ улыбкой примиренія — и все было забыто.

Да, безцѣннѣйшій Петръ Петровичъ, вы слишкомъ добры, чтобы видѣть во мнѣ корень характера — злое упрямство, и никогда не будете имѣть обо мнѣ худыхъ мыслей...

Весело ли вы проводите время? Когда-то судьба сблизитъ опять насъ, или она уже положила руку разрозненія и неумолимая грань будетъ надолго раздѣлять насъ? Но я буду все тотъ же, никогда любовь не остудѣетъ во мнѣ. Въ часы и тоски и радости буду вспоминать то время, когда мы вмѣстѣ составляли дружное семейство, какъ работали въ саду, трудились и, наконецъ, собирались къ домашнему незатѣйливому обѣду гораздо веселѣе и съ бо́льшимъ аппетитомъ, нежели въ Кибенцахъ, къ тамошнему—разноблюдному и огромному.

На-дняхъ я получилъ 5-ю часть «Ручной математической энциклопедіи»[1]), которая только-что вышла[2]). Не знаю, какъ воздать хвалу этому образцовому сочиненію; вѣрите ли, что я, только[3]) читая ее, понялъ все то, что̀ мнѣ казалось темнымъ, неудовлетворительнымъ, когда проходилъ математику. Какъ удивительно изъяснена теорія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія... Мнѣ нравится, что во всемъ этомъ курсѣ (который состоитъ изъ 13-ти томовъ) всякая часть, даже самая ариѳметика, написана такъ, что ее никакъ нельзя учить буквально, такъ, какъ многіе дѣлаютъ съ другими учебными книгами, особливо съ геометріею,— все здѣсь изъяснено, выведено, все основано на умственномъ созерцаніи, но такъ просто, такъ легко, ясно изложено, что дитя въ состояніи понимать его.

За пять донынѣ вышедшихъ частей я далъ 12 рублей; въ Кибенцахъ она должна быть: первыя части я видѣлъ.

Теперь у насъ проходятъ *полевую фортификацію*[4]); жаль, что мнѣ нельзя съ вами позадорить немного, а я бъ вамъ

---

[1]) Слова: «Ручной математической энциклопедіи» въ рукописи подчеркнуты.

[2]) Товарищи Гоголя были убѣждены, что, не зная и не любя математику, онъ выписалъ эту книгу, главнымъ образомъ, по пристрастію къ изданіямъ миніатюрнаго формата (см. «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 28 и «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 89).

[3]) Слово: «только» приписано сверху.

[4]) Артиллерію и фортификацію преподавалъ К. В. Шапалинскій см. статьи Лавровскаго въ «Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института» 1879 г. (т. III, стр. 184). Слова: «полевую фортификацію» въ рукописи подчеркнуты.

разсказалъ, я, я бъ вамъ разсказалъ, какой планъ войны производилъ Тюрень, принцъ Евгеній, Наполеонъ, Суворовъ, великій Конде, отчего проиграли императы [1]), какую ошибку сдѣлали французы въ укрѣпленіяхъ въ 1812 г., и проч., и проч., и проч.

Не слыхали ли [2]) чего новенькаго въ происшествіяхъ по арміямъ? что дѣлается въ Грузіи? [3]) Но я надоѣлъ вамъ моимъ письмомъ. Простите меня, милый, безцѣнный Петръ Петровичъ, не забывайте любящаго васъ вѣчно *Н. Гоголя.*

LXIX. Къ матери. [4])

19 сентября (1827).

Пріѣхалъ я сюда въ Нѣжинъ 18-го ввечеру поздно невредимо и благополучно. Въ послѣдній только день верстъ за 30 отъ Нѣжина обдало меня холоднымъ дождемъ, но съ помощью моей пространной брыки я ускользнулъ-таки отъ него и теперь укоренился въ свое мѣстопребываніе съ новою твердостью, съ новою силою, крѣпостью къ своимъ занятіямъ, съ освѣтившимся воспоминаніемъ вашей любви, вашего нѣжнаго материнскаго обо мнѣ попеченія, которое въ часы досуга услаждаетъ утружденныя мечты и порываетъ меня къ достиженію своей цѣли съ неизмѣнною непоколебимостью. Вмѣстѣ съ вами вспоминаетъ благодарное мое сердце и радостное общество близкихъ родныхъ нашихъ, моихъ дядей Петра Петровича, Павла Петровича [5]) и Варвару Петровну [6]). Ихъ образъ навсегда врѣзался въ душѣ моей. Какъ они любятъ меня! хотя я не былъ достоинъ любви ихъ и не могъ имъ выказать моей благодарности; меня нельзя было имъ узнать. Да и могли ли они думать, чтобы подъ внѣшнимъ видомъ настойчиваго упрямства, которое рѣзко означило характеръ мой, могло биться сердце, отворотившееся всего, носящаго названіе злого. Вы, почтеннѣйшая маменька, извѣдавшія хотя мало

---

[1]) Въ «Русск. Стар.» ошибка: «императоры». (sic)

[2]) Слово «ли» вписано сверху.

[3]) О пребываніи тамъ П. П. Косяровскаго см. въ «Матеріалахъ для біографіи», т. I, стр. 64.

[4]) Это письмо, не имѣющее даты, несомнѣнно, относится къ 1827 г., когда Гоголь только-что вернулся изъ дому въ Нѣжинъ, проведя лѣто съ своими любимыми дядями Косяровскими, которые гостили у М. И. Гоголь именно лѣтомъ 1827 года. Оно было впервые напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» (1896, VI, стр. 728—729).

[5]) Косяровскихъ.

[6]) Косяровскую, впослѣдствіи по мужу Березину.

тайникъ души моей, вы простите меня въ словахъ и поступкахъ, которые никогда не выливались отъ сердца, но которые были невольныя выскочки словъ: когда въ умѣ бродили другія мысли, вы знали, что я былъ часто болтливый и въ одно время раздумчивый [1]), если чего мой разговоръ не касался.

Петру Петровичу изъявите мою глубокую преданность, любовь и почтительную дружбу. Я бы писалъ къ нему, но боюсь наскучить письмомъ, которое вовсе не было бы занимательно, да и могутъ ли быть занимательны письма отшельника, простившагося на цѣлый годъ съ разнообразнымъ свѣтомъ. Павлу Петровичу и Варварѣ Петровнѣ мой нижайшій поклонъ и прошеніе не забывать такъ ихъ любящаго.—*Н. Гоголь.*

Мнѣ здѣсь очень весело, особливо когда оканчиваю на время свои занятія, которыя также приносятъ мнѣ удовольствіе неизъяснимое. Антону я еще далъ на дорогу изъ своихъ 4 р. 80 к.; у него не стало, а здѣсь овесъ чрезвычайно дорогъ.

LXX. Къ матери.

1827, м. октябрь, 2 число.

Позвольте поздравить васъ, маменька, съ протекшимъ днемъ вашего ангела. Желаніе мое вамъ извѣстно: оно всегда одно и то же — видѣть васъ въ совершенномъ здоровьи и чтобы никогда легкое облако горести не отемняло вашего счастія, чтобы вы встрѣчали всегда насъ, отвѣтившихъ вашимъ ожиданіямъ. Благодарю васъ за присылку денегъ и за посылки съ фруктами.

Ваши наставленія касательно неупотребленія напитковъ крѣпкихъ могутъ быть даже излишни, потому что во все время пребыванія моего здѣсь я безъ того не буду употреблять: притомъ же извѣстно, что я не слишкомъ-то и охочъ до нихъ.

Чувствительнѣйше благодарю Петра Петровича за матерію; пошить же его (sic) какъ, я еще не знаю, оттого, что не знаю, сколько ея. Вы напишите, много ли аршинъ. Тулунъ я отсылаю. Радъ весьма, что таки и мнѣ удалось чѣмъ-нибудь услужить ему.

На-дняхъ получилъ я письмо изъ Петербурга, письмо

---

[1]) Ср. въ письмѣ отъ 1 марта 1828 г.

касательно пошитья [1]) тамъ фрака. Лучшій портной, съ суконъ своимъ [перваго сорту] съ подкладкою, съ пуговицами и вообще со всѣмъ, требуетъ 120 рублей. Не смѣя теперь [зная ваши не слишкомъ благопріятныя обстоятельства] просить васъ объ этомъ, я буду ждать, когда вамъ можно будетъ собрать такую сумму.

Вы меня напугали немножко выговоромъ объ похищеніи какой-то бумаги. Я, право, не знаю; можетъ-быть, я ихъ и дома взялъ; только здѣсь, рывшись въ своей портфели, я сыскалъ два листа и не замѣтилъ въ ней никакого особеннаго достоинства, кромѣ того, что слишкомъ тонка. На ней тотъ же часъ я написалъ письмо къ вамъ. Впрочемъ, ежели вамъ нужна, то я могу купить: здѣсь продается почти такая же.

Петръ Петровичъ пишетъ, что за Артемомъ послѣдовали на поселеніе его жена и дѣти. Скажите: они выкупились, или вамъ за нихъ заплатили,—особливо дѣти?

Къ Машенькѣ [2]) посылочку, а въ ней и письмо, посылаю. Сдѣлайте милость, отправьте ихъ къ ней скорѣе: въ ней я посылаю нѣкоторыя нужныя ей книги.

Простите, почтеннѣйшая маменька.

Вашъ сынъ съ несоцѣненною къ вамъ любовью...

LXXI. Петру Петровичу Косяровскому [3]).

Шлиссельбургъ.—3-го октября 1827 г.

Безцѣннѣйшій отвѣтъ вашъ на письмо мое я получилъ. Не знаю чѣмъ возблагодарить вамъ, почтеннѣйшій дяденька Петръ Петровичъ. Между теперешними вашими заботами и недосугами, вы таки находите время писать ко мнѣ; это наполняетъ меня сладкою увѣренностью, что вы меня любите (можетъ-быть, я сказалъ много), что, по крайней мѣрѣ, приверженность моя къ вамъ не несносна, и я сохраню ее всегда, хотя разрозненіе наше едва ли когда можетъ соединиться. Неизвѣстность вашей участи для васъ, можетъ-быть, такъ темна, какъ и моей для меня. Къ тому времени, когда я возвращусь домой, можетъ-быть, вашъ полкъ выступитъ. Богъ знаетъ куда, а меня судьба заго-

[1]) У Кулиша: «пошиться». Не имѣя подлинника передъ собой, провѣрить не можемъ.

[2]) Сестрѣ, Маріи Васильевнѣ.

[3]) Письмо это было впервые напечатано въ «Русской Старинѣ» (1875, 1, 41—42).

нить въ Петербургѣ, откуда навряд ли залучу когда-либо въ Малороссію. Да можетъ-быть, мнѣ цѣлый вѣкъ останется отжить въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, такую цѣль начерталъ я уже издавна. Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я хотѣлъ принести хотя маѣйшую пользу [1]. Тревожныя мысли, что я не буду могъ, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принесть ему маѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ-быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ — быть въ мірѣ и не означить своего существованія — это было для меня ужасно [2]. Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ — на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только я могу быть благодѣяніемъ, здѣсь только буду истинно полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей [3] не утерять, не сдѣлавъ блага. Два года занимался я постоянно изученіемъ правъ другихъ народовъ и естественныхъ, какъ основныхъ для всѣхъ законовъ; теперь занимаюсь отечественными. Исполнятся ли высокія мои начертанія? или неизвѣстность зароетъ ихъ въ мрачной тучѣ своей? Въ эти годы, эти долговременныя думы свои я затайлъ въ себѣ. Недовѣрчивый ни къ кому, скрытный, я никому не повѣрялъ [4] своихъ тайныхъ помышленій, не дѣлалъ ничего, что бы могло выявить глубь души моей. Да и кому бы я повѣрилъ и для чего бы высказалъ себя? не для того ли, чтобы смѣялись надъ моимъ [5] сумасбродствомъ, чтобы считали пылкимъ мечтателемъ, пустымъ человѣкомъ. Никому, и даже изъ своихъ товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойныхъ. Я не знаю, почему я проговорился

[1]) Ср. сходныя мысли въ «Авторской Исповѣди» (см. соч. Гоголя' изд. X, т. IV, 247—248).

[2]) Письмо это имѣетъ выдающееся значеніе: см. подробный разборъ и сравненіе съ мыслями въ «Гансѣ Кюхельгартенѣ» въ «Матеріалахъ для біографіи», I, 160 и слѣд.

[3]) Это слово вписано сверху.

[4]) Въ «Русской Старинѣ»: «говорилъ».

[5]) Слова: «надъ моимъ» вписаны сверху.

теперь передъ вами, оттого ли, что вы, можетъ-быть, принимали во мнѣ болѣе другихъ участія или по связи близкаго родства, этого не скажу: что-то непонятное двигало перомъ моимъ, какая-то невидимая сила натолкнула меня, предчувствіе вошло въ грудь мою, что вы не почтете [1]) ничтожнымъ мечтателемъ того, который около трехъ лѣтъ неуклонно держится одной цѣли, и котораго насмѣшки, намеки болѣе заставятъ укрѣпнуть (sic) въ предположенномъ начертаніи. Ежели же вы и не поучаствуете во мнѣ, по крайней мѣрѣ, вы затаите мое письмо, такъ же, какъ я затаилъ въ себѣ одномъ [2]) свои упрямыя предначертанія. Доказательствомъ сему, можетъ? [3]), во все время бытія моего съ вами, я ни разу не давалъ себя узнать, занимался игрушками и никогда почти не заводилъ рѣчь о выборѣ будущей своей службы, о моихъ планахъ и проч. Даже маменька, которая хотѣла узнать мой образъ мыслей, еще не можетъ сказать навѣрно, куда я хочу; причинъ еще нѣкоторыхъ я не могу сказать теперь; впрочемъ, это только для одного меня можетъ только (sic) быть занимательно. Прошу васъ, безцѣннѣйшій Петръ Петровичъ, не оставлять того, который къ вамъ привязанъ болѣе, нежели ко всѣмъ на свѣтѣ, который вамъ вывѣрилъ совершенно [4]) себя. Вы, думаю, будете иногда писать ко мнѣ, я знаю, что вы не почтете этого въ тягость, хотя рѣдко, хотя черезъ нѣсколько мѣсяцевъ разъ. Но не досадно ли? я не могу больше писать къ вамъ. Совершенно истомился весь. 12 часовъ проиграло, а я еще не написалъ къ сестрѣ. Прощайте, милый, безцѣнный дяденька Петръ Петровичъ, можетъ-быть, до другой почты. *Н. Гоголь-Яновскій.*

Бѣдный дяденька, вамъ будетъ холодно, а вы и не напомнили, когда я былъ съ вами, про тулупъ, а между тѣмъ еще и свое отдали. Ахъ, какъ вы добры! хорошо, что добрая маменька моя догадалась сказать вамъ объ этомъ. Сдѣлайте милость, закутывайтесь, онъ теперь, только слишкомъ тяжелъ; онъ мнѣ былъ совсѣмъ не нуженъ, я даже его ни разу не надѣвалъ.

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «меня».

[2]) Въ «Русской Старинѣ»: «одинъ».

[3]) Слово неразборчивое; въ «Русской Старинѣ»: «можетъ»; но, кажется, можно прочитать: «мечтая».

[4]) Это слово приписано сверху.

LXXII. Къ Павлу Петровичу Косяровскому.

Нѣжинъ. Октября 3, 1827 года.

Здравствуйте, душенька дяденька Павелъ Петровичъ! Какъ я обрадовался, увидя письмо ваше! Ежелибы вы да къ листочкамъ своимъ еще прибавили хоть два, то я бы расцѣловалъ васъ; но я и теперь не знаю, чѣмъ возблагодарить вамъ.

Новости ваши весьма интересны для меня, хотя, можетъ-быть, посторонній кто-либо смѣялся бы надъ нами. По вообразите себя въ совершенномъ уединеніи, гдѣ рѣдко улыбка заглядываетъ въ лицо: не мила ли тогда будетъ намъ забавная старина? Въ Полтавѣ у васъ опять рыскаетъ новость объ войнѣ. Она и сюда заѣхала; но, по пословицѣ Романа Иван(овича) [1]): «Не всякому слуху вѣрь», я стою надъ нею въ раздумьи, вѣрить, или не вѣрить.

Что, какъ ваши дѣла? получили ли вы отвѣтъ отъ Рота [2])? Когда бы онъ — — рѣшилъ для васъ повыгоднѣе! только сдѣлайте милость, не забывайте тогда и насъ грѣшныхъ, пишите ко мнѣ. Такъ ли вы еще весело проводите время, какъ и прежде? Бывало [помните ли наши гулянья?] мы путешествуемъ даже до мельницъ и приходимъ къ вечеру, истомленные, на чай, или на богатую коллекцію дынь. Чаще всего я вспоминаю, когда послѣ ужина отправляемся на ночлегъ по нашей шаткой лѣстницѣ въ возвышенное наше обиталище. Я думаю, вы уже не спите тамъ: октябрскіе холода уже даютъ знать себя.

Экое счастіе прикатило мамзели! пускай бы уже 6 тысячъ да полторы т. на дорогу; а то еще и окорокъ ветчины! Скажите пожалуйста, гдѣ она дѣнетъ его? Нельзя ли какъ-нибудь ей посовѣтовать, по старой дружбѣ, удружить намъ? Ну, а тѣмъ же — — кибинскимъ чего тамъ выть на насъ? вѣдь мы же сказали имъ, что скоро будемъ.

Вы спрашиваете меня: что это за «Ручная Математи-

---

[1]) Романъ Ивановичъ — шутъ въ домѣ Д. П. Трощинскаго: см. о немъ въ «Запискахъ о жизни Гоголя», т. I., стр. 13. Онъ былъ выставленъ въ комедіи Гоголя-отца «Романъ и Параска». См. также «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 69. См. о немъ еще «Русск. Стар.», 1882, VI, стр. 662.

[2]) Вѣроятно, о поступленіи въ военную службу, куда въ то время хлопотали опредѣлиться оба брата Косяровскіе, особенно любимые Гоголемъ.

ческая Энциклопедія» [1])? Она заключаетъ полное собраніе физико-математическихъ наукъ; по своему новѣйшему, прекрасному расположенію, по вмѣщенію въ себѣ новыхъ истинъ и новѣйшихъ открытій, изысканій и исчисленій, наконецъ, по легкости, удобности, съ какой изложена, она можетъ быть первымъ математическимъ сочиненіемъ; вмѣщается въ 13-ти маленькихъ томахъ, которые всѣ можно размѣстить по карманамъ; заключаетъ въ себѣ всю чистую и высшую математику, динамику, статику, гидродинамику, гидравлику, гидростатику, физику, оптику и астрономію.

Долго ли вы пробыли въ Ѳедоровкѣ? [2]) Кто тамъ? однѣ ли дѣвицы, или былъ кто-нибудь изъ братьевъ ихъ? Не было ли Елисѣя съ нижнесенькою его супружницею, Матроною Алексіовною [3])? Сдѣлайте милость, напишите, какой у нея теперь чепчикъ? вѣрно, модный. А зятекъ-то ихъ какъ поживаетъ? Располагаете ли быть въ Кибенцахъ? хотя, думаю, не скоро васъ туда залучатъ. Тамъ-то теперь содому! Я думаю, пріѣзжіе господа бушуютъ. Сдѣлайте милость, увѣдомите, какъ принимаютъ тамъ Хилкова [4]) и что дѣлаетъ тотъ старый грѣховодникъ Иванъ Ефимовичъ — — — [5]).

Вѣрите ли, что у насъ въ Нѣжинѣ такъ скучно стало, что не знаешь куда дѣться? сидишь цѣлый день за книгой да зѣваешь такъ жалко, что уши вянутъ. Хотя у насъ и ярмарка [6]), хотя и графа ждутъ, а все что-то будто не клеится.

Теперь мнѣ послѣдній годъ, и тотъ уже ущербился; дѣла, однакожъ, почти нѣтъ. Прошлый только годъ мнѣ былъ самый крѣпкій; никогда его не забуду: было надъ чѣмъ трудиться! Теперь отъ занятій остается времени довольно: въ это время я читаю «Bibliotheque des Dames». Очень хорошее изданіе; ихъ всѣхъ 200 томовъ. Здѣсь найдете все. Я читаю путешествіе во всѣ страны.

На-дняхъ читалъ я «Письма о Восточной Сибири» Але-

---

[1]) См. о ней же въ письмѣ къ Петру Петровичу Косяровскому отъ 13 сентября 1827 г.

[2]) Имѣніе Тимченко, верстахъ въ 30 отъ Васильевки.

[3]) См. примѣч. къ письму къ Павлу Петровичу Косяровскому отъ 13 сентября 1827 г.

[4]) Знакомый Д. П. Трощинскаго, князь Хилковъ, дочь котораго вышла за барона Сакена. Онъ поссорился тогда съ Трощинскимъ.

[5]) Черточки въ подлинникѣ.—*П. К.*—Иванъ Ефимовичъ Трощинскій—сынъ Ефима Прокофьевича Трощинскаго и племянникъ Дмитрія Прокофьевича.

[6]) Въ подлинникѣ: «ярманка».

ксѣя Мартоса. Мнѣ они очень понравились: желалъ бы я видѣть выходящими побольше этакихъ книгъ въ свѣтъ.

Мнѣ все не выходитъ изъ ума проклятая мамзель (sic), да и Барановъ [1]) не бестія ли! Знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Посмотрите, ежели онъ не подхимститъ у нея все свиное сало, которое ей дали на дорогу!

Видѣли ли вы Анну Борисовну? что же касается до Петра Борисовича [2]), то я, дня два назадъ, видѣлъ его во снѣ, только безъ кнута и пѣшаго.

Но я надоѣлъ вамъ своими приключеніями. Вы уже хотите чѣмъ-нибудь заняться и досадуете на неумѣстное письмо мое; но я знаю вашу доброту, знаю, что вы, хотя и посердитесь, что я докучаю вамъ, однакожъ таки не оставите безъ отвѣта спротку—письмо мое.

Всегда васъ любящій, всегда вамъ приверженный слуга и племянникъ, *Н. Гоголь.*

Роману Ивановичу, Пупурѣ, Бондаревскому, Прохвощкому, Дорогому, Чцюпчюпкѣ, Петру Борисовичу и проч. мое нелицемѣрное уваженіе.

LXXIII. Къ матери.

1827 года, ноября 13-го дня.

Разныя стекшіяся мои обстоятельства: необходимость нужныхъ занятій, послѣдній годъ моего здѣсь пребыванія, все соединилось, чтобы воспрепятствовать мнѣ увидаться съ вами, почтенѣйшая маменька, на праздникѣ Рождества. Вы знаете, какъ я всегда въ это время радъ быть съ вами, а теперь принужденъ лишиться моего прекраснѣйшаго удовольствія, которое я замѣняю только утѣшеніемъ будущаго свиданія по выпускѣ моемъ, а до того времени въ твердомъ, постоянномъ занятіи и въ глубокомъ обдумьи будущей должности и новаго бытія въ дѣятельномъ мірѣ, для блага котораго посвящена жизнь моя, можетъ-быть, незамѣтная, но по крайней мѣрѣ всѣ мои силы будутъ порываться на то, чтобы означить ее однимъ благодѣяніемъ, одною пользою отечества.

---

[1]) Петръ Александровичъ, лицейскій товарищъ Гоголя и обычный спутникъ въ поѣздкахъ домой.

[2]) См. примѣч. къ письму къ Павлу Петровичу Косяровскому отъ 13-го сентября 1827 г.

На Рождество, когда будутъ посылать за Данилевскими [1]), тогда вы можете имѣть хорошій случай, если придется что-нибудь посылать мнѣ.

Я здоровъ и даже слишкомъ веселъ.

Я думаю, Павелъ Петровичъ уже уѣхалъ изъ Васильевки. Сдѣлайте милость, напишите мнѣ, гдѣ онъ; мнѣ еще нужно отвѣчать ему. Петръ Петровичъ, я думаю, уже давно на должности. Что, Машенька еще не писала ко мнѣ? я ожидаю отъ нея отвѣта.

Прощайте, безцѣнная маменька; будьте увѣрены въ моей неизъяснимой сыновней любви къ вамъ, которою неугасимо пылаю къ вамъ...

Варварѣ Петровнѣ свидѣтельствую мой глубокій поклонъ и желанье побольше спать и веселиться, и извините передъ нею неучтиваго племянника, который не написалъ самъ къ ней; но Богъ видитъ, какъ времени нѣтъ. Елисаветѣ Петровнѣ [2]) усердный поклонъ. Дѣдушкѣ и бабушкѣ [3]) мое глубочайшее почтеніе и поцѣлуйте ихъ отъ меня, который и за тридевять земель видитъ ихъ передъ своими глазами [вообразительно].

LXXIV. Къ ней же.

1827 года, декабря 15.

Письмо ваше, почтеннѣйшая маменька, я получилъ три дни тому назадъ. Къ великой радости, знаю, что вы здоровы, что дѣла ваши по крайней мѣрѣ идутъ не слишкомъ худо. Я теперь совершенный затворникъ въ своихъ занятіяхъ. Цѣлый день, съ утра до вечера, ни одна праздная минута не прерываетъ моихъ глубокихъ занятій. Объ потерянномъ времени жалѣть нечего. Нужно стараться вознаградить его, и въ короткіе эти полгода я хочу произвесть, и произведу (я всегда достигалъ своихъ намѣреній) вдвое болѣе, нежели во все время моего здѣсь пребыванія, нежели въ цѣлыя шесть лѣтъ. Мало я имѣю къ тому пособій, особливо при большомъ недостаткѣ въ нашемъ со-

[1]) Александромъ Семеновичемъ и его братомъ, Иваномъ Семеновичемъ. Данилевскій, пробывъ нѣкоторое время въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, соскучился по товарищамъ и вернулся въ Нѣжинъ.

[2]) Прижималѣ Грибоѣдовой.

[3]) И. М. Косяровскому и его женѣ, Маріѣ Ильиничнѣ, рожденной Шостакъ.

стоянiи. На первый только случай, къ новому году только, мнѣ нужно по крайней мѣрѣ выслать 60 рублей на учебныя для меня книги, при которыхъ я еще буду терпѣть недостатокъ; но при неусыпности, при моемъ жѣлѣзномъ терпѣнiи, я надѣюсь положить съ ними начало по крайней мѣрѣ, котораго уже не возможно бы было сдвинуть, начало великаго предначертаннаго мною зданiя. Все это время я занимаюсь языками. Успѣхъ, слава Богу, вѣнчаетъ мои начинанiя. Но это еще ничто, въ сравненiи съ предполагаемымъ: въ остальные полгода я положилъ себѣ за непремѣнное — окончить совершенно изученiе трехъ языковъ. На успѣхъ я не могу пожаловаться. Отъ него и отъ своего непоколебимаго намѣренiя я много надѣюсь. Мнѣ жалко, мнѣ горестно только, что я принужденъ васъ разстроивать и безпокоить, зная наше слишкомъ небогатое состоянiе, моими просьбами о деньгахъ. и сердце мое разрывается, когда подумаю, что я буду имѣть непрiятную необходимость надоѣдать вамъ подобными просьбами чаще прежняго. Но, почтеннѣйшая маменька, вы, которая каждый часъ заставляете насъ удивляться высокой своей добродѣтели, своему великодушному самоотверженiю единственно для нашего счастiя, не старайтесь сохранять для меня имѣнiя: къ чему мнѣ оно? Только развѣ на первые два или три года въ Петербургѣ мнѣ будетъ нужно вспомоществованiе, а далѣе... развѣ я не умѣю трудиться? развѣ я не имѣю твердаго, непоколебимаго намѣренiя къ достиженiю цѣли, съ которымъ можно будетъ все побѣждать? и эти деньги, которыя вы мнѣ будете теперь посылать, не значитъ ли это отдача въ ростъ, съ тѣмъ чтобъ послѣ получить утроенный капиталъ съ великими процентами? Продайте тотъ лѣсъ большой, который мнѣ назначенъ. Деньгами, вырученными за него, можно не только сдѣлать вспомоществованiе мнѣ, но и сестрѣ моей Машенькѣ [1]). Я какъ подумаю, что ей, бѣдной, слишкомъ мало достается на часть, такъ не лучше ли будетъ, если раздѣлюсь всѣмъ своимъ имѣнiемъ съ нею, особливо какъ буду въ Петербургѣ? Я бы оставилъ только домикъ для своего пріѣзду. Объ меньшихъ сестрахъ послѣ подумаемъ. А вы, маменька, осчастливите [чего я надѣюсь безъ сомнѣнiя] меня своимъ пребыванiемъ и, спустя какихъ-нибудь года три, послѣ своего

---

[1]) О великодушныхъ предположенiяхъ Гоголя въ этомъ смыслѣ см. также въ „Матерiалахъ для биографiи“, т. I, стр. 147, прим. 3-е.

бытія въ Петербургѣ, я пріѣду за вами: вы тогда не оставите меня и когда. Тогда вы будете въ Петербургѣ моимъ ангеломъ-хранителемъ, и совѣты ваши, свято мною исполняемые, загладятъ прошлое легкомысліе моей юности, и тогда-то я буду совершенно счастливъ.

Но несносный недосугъ не даетъ мнѣ болѣе времени говорить съ вами, и я опять спѣшу заняться грузомъ своихъ упражненій. Ежели пріѣдутъ Чернышa люди, тогда напишу вамъ обстоятельнѣе свои виды и поговорю объ моей службѣ; вмѣстѣ буду писать и къ Павлу Петровичу, Петру Петровичу, къ Машенькѣ...

Сдѣлайте милость, маменька, поспѣшите присылкою денегъ 60 рублей.

LXXV. Къ ней же.

1827 года, декабря 20 дня. Нѣжинъ.

Вообразите, почтеннѣйшая маменька! я опять не могу за поспѣшностью написать, о чемъ я говорилъ въ первомъ письмѣ, которое вы, я думаю, получили. Такъ неожиданно и такъ скоро отправляется Данилевскій, что я пишу къ вамъ только для того, чтобъ объявить вамъ, что я здравствую, что у меня бездна дѣлъ, ни капли времени и что ожидаю съ нетерпѣніемъ пособія, о которомъ въ прошломъ письмѣ упоминалъ.

Вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ посылаю и къ Машенькѣ посылочку съ книжкою, которую, сдѣлайте милость, отправьте къ ней скорѣе.

Развѣ по которой-нибудь изъ слѣдующихъ почтъ я буду писать къ вамъ подробнѣе. Экая досада! я хотѣлъ-было поговорить объ моихъ намѣреніяхъ касательно службы; но, видно, уже нужно послѣ.

Сдѣлайте милость, почтеннѣйшая маменька, не замедлите упоминаемыхъ мною въ предъидущемъ письмѣ денегъ.

LXXVI. Къ ней же.

1828-й, мартъ, 1 число.

Я чувствовалъ, что принесу вамъ большое неудовольствіе своею просьбою, зная трудность выполненія ея. Я, точно, во многомъ, очень во многомъ предъ вами виноватъ, почтеннѣйшая маменька. Недавно только понялъ я, что имѣлъ нужды не по своему состоянію и что моей бѣдности тя-

гостно было удовлетворять и ближайшія издержки, и узнать это тогда, когда требовались еще нужнѣйшія, для моихъ занятій.

Я не говорилъ никогда, что утерялъ цѣлыя 6 лѣтъ даромъ [1]; скажу только, что нужно удивляться, что я въ этомъ глупомъ заведеніи могъ столько узнать еще. Вы изъявляли сожалѣніе, что меня въ началѣ не поручили кому; но знаете ли, что для этого нужны были тысячи? Да что бы изъ этого было? Витѣлъ я здѣсь и тѣхъ, которые находились подъ особеннымъ покровительствомъ. Имъ только лучше ставили классные шары, а впрочемъ они были глупѣе прочихъ, потому что они совершенно ничѣмъ не занимались. Я не тревожилъ васъ увѣдомленіемъ объ этомъ, зная, что лучшаго воспитанія вы дать мнѣ были не въ состояніи. что не во всякое заведеніе можно было такъ счастливо на казенный счетъ попасть [2]. Кромѣ неискусныхъ преподавателей наукъ, кромѣ великаго нерадѣнія и проч., здѣсь языкамъ совершенно не учатъ. Доказательствомъ сему служатъ тѣ, которые, пріѣхавши сюда съ нѣкоторыми познаніями въ языкахъ, бывъ тамъ, позабыли послѣднія [3]. Ежели я что знаю, то этимъ обязанъ совершенно одному себѣ. И потому не нужно удивляться, если надобились деньги иногда на мои учебныя пособія, если не совершенно достигъ того, что мнѣ нужно. У меня не было другихъ путеводителей, кромѣ меня самого; а можно ли самому, безъ помощи другихъ, совершенствоваться? Но времени для меня впереди еще много; силы и стараніе имѣю. Мои труды, хотя я ихъ теперь удвоилъ, мнѣ не тягостны ни мало; напротивъ, они не другимъ чѣмъ мнѣ служатъ, какъ развлеченіемъ, и будутъ также служить имъ и въ моей службѣ, въ часы, свободные отъ другихъ занятій.

Что же касается до бережливости въ образѣ жизни, то будьте увѣрены, что я буду умѣть пользоваться малымъ. Я больше поиспыталъ горя и нуждъ, нежели вы думаете; я нарочно старался у васъ всегда, когда бывалъ дома, показывать разсѣянность, своенравіе и проч., чтобы вы думали, что я мало обтерся, что мало былъ прижимаемъ зломъ. Но врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей,

---

[1]) Въ письмѣ отъ 15 декабря 1827 г. Гоголь говорилъ: «въ полгода я хочу произвесть вдвое болѣе, нежели во все время моего здѣсь пребыванія, *нежели въ цѣлыя шесть лѣтъ*».

[2]) Гоголь попалъ благодаря протекціи Д. П. Трощинскаго.

[3]) Ср. «Записки о жизни Гоголя», т. 1, стр. 52.

несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ монхъ жалобъ, я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всѣхъ; никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей [1]). Вѣрите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ собою вмѣстѣ съ вами? Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ — угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., въ третьемъ—болтливъ и докучливъ до чрезвычайности [2]), у иныхъ—уменъ, у другихъ—глупъ [3]). Какъ угодно, почитайте меня, но только съ настоящаго моего поприща вы узнаете настоящій мой характеръ. Вѣрьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душѣ и что я всю жизнь свою обрекъ благу. Вы меня называете мечтателемъ, опрометчивымъ, какъ-будто бы я внутри самъ не смѣялся надъ ними. Нѣтъ, я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся на-вѣки неизгладимыми, и они—вѣрная порука моего счастія. Вы увидите, что со временемъ за всѣ ихъ худыя дѣла я буду въ состояніи заплатить благодѣяніями, потому что зло ихъ мнѣ обратилось въ добро. Это непремѣнная истина, что ежели кто порядочно обтерся, [4]) ежели кому всякій разъ давали чувствовать крѣпкій гнетъ несчастій, тотъ будетъ счастливѣйшій.

LXXVII. Къ ней же.

1828 г., марта 30 дня.

Извините, почтеннѣйшая маменька, ежели поздравлю васъ съ праздникомъ уже на исходѣ его. Впрочемъ вы, я думаю, мало нуждаетесь въ письменномъ моемъ поздравле-

---

[1]) Малороссіянизмъ.

[2]) Это предложеніе пропущено въ «Запискахъ о жизни Гоголя», т. I, стр. 53.

[3]) Ср. выше въ письмѣ, относящемся къ сентябрю 1827 г., начинающемся словами: «пріѣхалъ я сюда въ Нѣжинъ 18-го ввечеру» и проч. (стр. 86 - 87).

[4]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя: «пообтерся».

ній, зная мои чувства, желанія, мою благодарность и вѣчную признательность за вѣчно неотблагодаримыя ваши попеченія. Горько мнѣ, когда вспоминаю, что еще я вамъ буду стоить великихъ затрудненій, что еще я долженъ буду принять тягостное для меня благодѣяніе ваше, потому что я знаю, съ какимъ горькимъ трудомъ оно вамъ обойдется. Знаю, что вамъ послѣдній разъ уже сдѣлать мнѣ вспомоществованіе; но знаю и то, какъ трудно изъ нашего небогатаго состоянія это сдѣлать. Одною только мыслью утѣшаю себя, что уже болѣе не нанесу вамъ подобныхъ затрудненій и что, ежели дастъ Богъ, найду способъ и силы помогать вамъ, то-есть, моимъ сестрамъ, потому что вы совершенно посвятили себя намъ и ваше счастіе полагаете въ нашемъ.

Я думаю, что курсъ Машеньки [1]) уже конченъ. Не помню, когда настоящій срокъ; ежели же онъ пришелъ и ежели она уже дома, то извѣстите меня.

Очень меня безпокоитъ, что я еще принужденъ васъ трудить касательно моей экипировки. Деньги для этого нужно заблаговременно прислать. Казенное теперь все отберется у насъ, и для того на платье потребуется болѣе прежняго. Впрочемъ объ этомъ увѣдомлю васъ послѣдующимъ письмомъ.

Съ нетерпѣніемъ жду видѣть васъ. Теперь время моего отсутствія продолжается цѣлый годъ; но тѣмъ пріятнѣе будетъ свиданіе. Прошу васъ увѣдомить также, будутъ ли и теперь у насъ Петръ Петровичъ и Павелъ Петровичъ, и гдѣ они теперь находятся. Я не забылъ еще пріятности времени, проведеннаго вмѣстѣ.

Желаю вамъ возможнѣйшаго счастія, здоровья и облегченія трудовъ вашихъ...

Поклонъ мой добрымъ сосѣдямъ нашимъ.

LXXVIII. Къ ней же.

1828 годъ, апрѣля 7.

На сихъ дняхъ узналъ я кой-какія подробности касательно времени окончанія нашего курса: въ половинѣ іюня должно уже все быть приведено къ концу; а потому я буду просить васъ, почтеннѣйшая маменька, деньги на платье [ежели только это не причинитъ вамъ большого безпокой-

[1]) Въ Полтавѣ, въ пансіонѣ ш-ше Арендтъ и Н. Ф. Старицкой.

ства] прислать сколько возможно скорѣе, чтобы я могъ заблаговременно все приготовить, потому что послѣ не будетъ минуты свободной. Желалъ бы, сколько возможно, уменьшить свои нужды [я трепещу, воображая, какимъ трудомъ вами достается намъ даже необходимое]; но, несмотря на мои великія ограниченія, менѣе *200 рублей* не можетъ обойтиться мнѣ мое экипированіе, и потому прошу васъ покорнѣйше, ежели можно, выслать мнѣ эту сумму по крайней мѣрѣ такъ, чтобы я могъ получить 10 мая. Чувствую, сколькихъ стою вамъ затрудненій, но утѣшаюсь, что въ скорости помощь Бога дастъ мнѣ силы выявить вамъ мою благодарность сыновнюю, успокоеніемъ, удовольствованіемъ драгоцѣнныхъ для насъ дней вашихъ.

У насъ еще начало весны, но мнѣ кажется, я не видалъ лѣта, которое бы было такъ жарко. Какъ несносна для меня эта пора со всегдашнею своею спутницею лѣнью! Думаю, что въ этотъ годъ должно ожидать плодородія: зима была прекрасна; дожди шли. Дай Богъ, чтобы ожиданія исполнились и трудящіеся съ... [1]).

LXXIX. Къ ней же.

М. май, 3 число, 1828. Нѣжинъ.

Письмо ваше получилъ я въ концѣ истекшаго мѣсяца; оно было для меня прекраснымъ подаркомъ, и, признаюсь, несмотря на мою нелюбовь къ вытвержеиным наставленіямъ, ваше золотое правило, предписанное мнѣ въ концѣ письма вашего, глубоко врѣзалось въ мое сердце; оно благодѣтельно было въ тогдашнемъ моемъ состояніи, и первое мое движеніе была живая благодарность вашей неусыпной любви къ намъ.

Жалѣю очень о болѣзни сестрицыной [2]). Объ этакой болѣзни въ первый разъ слышу. Боюсь, чтобы она не оставила какихъ-либо непріятныхъ слѣдствій.

Крѣпко досадуетъ меня неисправность нашихъ почтовыхъ экспедицій. Получили ли вы письмо мое, пущенное въ половинѣ апрѣля, гдѣ я просилъ васъ о присылкѣ двухъсотъ рублей денегъ на платье? Ежели вы еще ихъ не выслали, то, сдѣлайте милость, высылайте какъ можно поскорѣй, чтобы мнѣ можно было управиться. Дѣла теперь

---

[1]) Конецъ письма потерянъ.

[2]) Марья Васильевна Гоголь была въ это время сильно больна.

столько намъ, что, право, подумать страшно. Наши премудрые наставники, дремавши цѣлый годъ, вздумали пріударить во всю ивановскую. Экзаменъ будетъ слишкомъ близко и первыхъ чиселъ іюня долженъ окончиться. Съ нѣкоторой стороны это хорошо: оно сближаетъ (sic) свиданіе наше и тѣмъ награждаетъ достойно труды мои. Теперь, я думаю, можно уже для меня приготовить бричку попространнѣе, по крайней мѣрѣ такую, въ какой—помните? я возвращался прошлый годъ въ Нѣжинъ. Андрей Андреевичъ [1]), вѣрно, не откажетъ въ ней, а я іюня 10 совсѣмъ уже буду на готовѣ ѣхать.

Пріятно мнѣ очень, что Анненька умѣетъ читать; я даже удивляюсь, какъ она могла такъ скоро выучиться; впрочемъ чего не сдѣлаетъ ваша материнская любовь? И я вдвойнѣ теперь обязанъ вамъ благодарностью, которую надѣюсь почти чрезъ одинъ только мѣсяцъ выявить передъ вами, какъ говорятъ, лично; а до того сто разъ цѣлую хотя воздушно ваши ручки и съ почтеніемъ, съ любовью, съ благодарностью остаюсь...

Да, вотъ было позабылъ! Сдѣлайте милость, пришлите, да только какъ можно поскорѣе, маленькіе чертежи и планы г-на Кафторова, которые онъ чертилъ, будучи еще ученикомъ въ полтавской гимназіи. Они должны находиться между планами и картинами въ шкапу, гдѣ были книги.

Деньги, находившіяся при семъ послѣднемъ письмѣ, я получилъ.

Не забудьте чертежей! Вѣрите ли, что этотъ пустякъ причиняетъ мнѣ много безпокойства? Самому чертить никакъ невозможно: работа долгая, а времени нѣтъ; а между тѣмъ требуютъ. Извините, что я васъ, почтеннѣйшая маменька, такъ безсовѣстно безпокою.

LXXX. Къ ней же.

1828 г., м. май, 16-е число. Нѣжинъ.

Письмо и деньги получилъ всѣ сполна 12 дня сего мѣсяца и въ первый разъ подивился исправности полтавской почты. Съ платьемъ я уже почти распорядился совсѣмъ. Благодарю васъ, почтеннѣйшая маменька, за ваши великія заботы для меня, не стоющаго ихъ. Но впрочемъ опасенія

---

[1]) Трощинскій, племянникъ Д. П. Трощинскаго. См. о немъ. «Русск. Стар.», 1882, VI, 642, примѣч. 1 и далѣе и выше, 35, прим.

ваши на-счетъ моего мнимо-ипохондрическаго состоянія въ этомъ мѣсяцѣ напрасны. Я веселъ и едва ли еще не веселѣе обыкновеннаго, хотя даже и отдалили отъ меня радостный день свиданія съ вами. Какъ на зло, на теперешній выпускъ ожидаютъ нашего графа [1]), и чрезъ это мнѣ нельзя раньше 25 іюня оставить Нѣжинъ. Впрочемъ, какъ ни тягостна долгота этого времени, но все не болѣе она полутора мѣсяца. Не знаю, успѣю ли я уже до этого времени писать къ вамъ, и для того на-счетъ присылки за мною совѣтую распорядиться, не ожидая отъ меня другого извѣстія. Главное, мнѣ нуженъ пространный экипажъ, и лучшаго не нужно, какъ тотъ, въ которомъ я возвращался прошлый годъ въ Нѣжинъ. Это была необъятная брика, которою ѣздили кибенскіе камердинеры. Я думаю, ея одной будетъ достаточно для моего укладу. Притомъ она слишкомъ легка, сплетена изъ прутьевъ и даже не тряска на ходу. За мною присылайте такъ, чтобы къ 24 или 25 экипажъ былъ уже здѣсь непремѣнно.

Отъ всей души радъ, что Петръ Петровичъ и Павелъ Петровичъ теперь у насъ. Какъ бы мнѣ желательно ихъ увидѣть еще у насъ дома! [2]) Я во многомъ виноватъ противъ нихъ; только лично могу испросить у нихъ прощенія. Поблагодарите Павла Петровича за то, что онъ не позабываетъ меня. Съ жадностью перечитывалъ его записочку. Но вы меня такъ напугали скорымъ ихъ выѣздомъ, что я не знаю, застало ли бы письмо мое ихъ. Ахъ, еслибы они подождали мѣсяца два! Зачѣмъ уѣзжать въ такое прекрасное время? Мнѣ все кажется, что мы проведемъ вмѣстѣ это время всѣ и многолюднѣе, и шумнѣе, и веселѣе, чѣмъ когда-либо. Дай Богъ, чтобы это сбылось! Я думаю, сестра [3]) уже до сихъ поръ дома. Сдѣлайте милость, приневольте ее написать ко мнѣ. Она изволитъ жаловаться, что я къ ней не пишу; а мнѣ кажется, что этотъ грѣхъ за ней: на два письма мои она ни слова...

Чувствительнѣйше благодарю Варвару Петровну за незабытіе меня и надѣюсь принесть благодарность настоящую самъ.

---

[1]) Кушелева-Безбородко. См. выше, стр. 49, примѣч. 2-е.

[2]) Это обычное желаніе на этотъ разъ не исполнилось.

[3]) Марья Васильевна, которая въ это время оканчивала курсъ въ пансіонѣ m-me Арендтъ.

Мое почтеніе бабушкѣ [1]), дѣдушкѣ Ивану Матвѣевичу [2]), Марьѣ Ильин. [3]), всѣмъ роднымъ и знакомымъ.

LXXXI. Къ ней же.

1828, май. 30 число. Нѣжинъ.

Вчера я получилъ ваше письмо, почтеннѣйшая маменька, пущенное вами 23 мая. Удивляюсь, какъ вы не получали другого письма моего, отправленнаго немедленно вслѣдъ за тѣмъ, гдѣ я писалъ, что экзаменъ намъ отсроченъ и что я могу 25 только іюня ѣхать. Боясь въ самомъ дѣлѣ, чтобы вы не успѣли выслать, я предувѣдомляю васъ, что нужно выслать къ 25 іюню (sic), котораго числа я уже совершенно свободенъ. Досадно ужасно, что меня такъ обманули; но впрочемъ и 25 недолго, и я таки скоро буду у вашихъ ногъ...

Сестру благодарю и поздравляю съ новосельемъ, родиной и курами. Только странная привычка—до сихъ поръ величать меня словомъ *вы*. Мы, кажется, оба однихъ лѣтъ, ежели еще она не старше меня, въ отношеніи къ своему полу. Впрочемъ цѣлую ее несчетно разъ.

До свиданія.

LXXXII. А. С. Данилевскому.

1828 года [4]), августа 17 числа, гимназія.

Ты не повѣришь, какъ я былъ раздосадованъ, узнавши, какъ ты былъ въ гимназіи и мнѣ не удалось тебя видѣть. А мнѣ бы весьма хотѣлось тебя поразсказать и пересказать много разныхъ разностей, изъ коихъ нѣкоторыя для тебя были бы довольно важны и занимательны. Ты не знаешь, теперь я освѣтился новыми знаніями и новыми свѣдѣніями о нашемъ любезномъ С.-Питерѣ. Не знаю, придешь ли ты сегодня къ намъ, или, лучше, напишн, могули я теперь тебя застать дома,—то я самъ къ тебѣ приду.

Прощай. *Н. Гоголь.*

---

[1]) Аннѣ Матвѣевнѣ Трощинской или Татьянѣ Семеновнѣ Гоголь, рожденной Лизогубъ. См. о ней «Матеріалы», I, 38 и 101.

[2]) Косяровскому, отцу М. И. Гоголь.

[3]) Косяровская, рожденная Шостакъ, бабушка Н. В. Гоголя, мать М. И. Гоголь (см. «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 52).

[4]) Цифра неясна: 1828 или 1825; но по всѣмъ даннымъ нельзя сомнѣваться, что слѣдуетъ читать: 1828. Письмо это печатается здѣсь впервые. - съ подлинника.

LXXXIII. А. С. Данилевскому.

(Записочка безъ даты) [1]).

Не позабудь меня увѣдомить въ случаѣ какого-нибудь измѣненія по части нашего выѣзда, то-есть если онъ подвинется подальше воскресенья (пославши верхового изъ Сорочинецъ въ пятницу или субботу). Если же все по старому, то мы всѣ будемъ въ Сорочинцы въ воскресенье [2]) на обѣдъ—никакъ не позже двухъ часовъ, а если можно, то и раньше, чтобы пораньше выѣхать послѣ обѣда въ то же воскресеніе. Твой *Г.*

LXXXIV. Петру Петровичу Косяровскому.

Сентября 8-го 1828 г. [3])

Извините, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ, что я не писалъ къ вамъ: я не зналъ, что и мое письмо будетъ служить вамъ не лишнимъ; я всегда думалъ: не нужно тамъ тратить словъ, гдѣ нужны дѣла. Что же буду писать къ вамъ? Еслибы мое письмо хотя на мигъ заставило васъ позабыть вашу скуку, тогда бы я былъ счастливъ, я бы не потратилъ тогда словъ даромъ. Теперь у насъ ярмарка [4]), и хотя его высокопревос(ходительство) [5]) не благоволилъ пріѣхать, но мы провели время все-таки недурно, безпрестанно разъѣзжали по ярмаркѣ и разорялися въ пухъ... я одинъ промоталъ пару цѣлковыхъ, но она выгоднѣе всего была нашимъ людямъ, потому что всѣ покупки шли имъ. Въ Ярескахъ [6]) я уже не помню, когда былъ. Недавно только воротился изъ Кременчуга, гдѣ также была ярмарка и гдѣ болѣе всего я промотался на вина и на закуски [7]); но какъ теперь ярсковскихъ гостей не было, то весь этотъ

---

[1]) Это записочка, вѣроятно, также относится къ 1828 году. Она печатается здѣсь впервые (съ подлинника).

[2]) Эти два слова приписаны сверху строки.

[3]) Это письмо впервые напечатано въ «Русской Старинѣ» (1875, т. 43—45).

[4]) Въ подлинникѣ здѣсь и далѣе: «ярмонка».

[5]) Д. П. Трощинскій.—Не дописано.

[6]) Имѣніе Трощинскихъ, сосѣднее съ Васильевкой. См. «Русск. Стар.», 1882, VI, стр. 641.

[7]) М. И. Гоголь однажды писала П. П. Косяровскому: «Никоша мой возвратился изъ Кременчуга и навезъ всего для угощенія Дмитрія Прокофьевича, и онъ не будетъ, потому что нѣтъ возможности пріѣхать по причинѣ тѣсноты» («Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 67).

запасъ остался намъ на все годовое продовольствіе [1]). Въ праздникъ храмовой нашей церкви мы пили таки винцо доброе, вспоминали васъ, сочтя не полное наше семейство. Зачѣмъ вы оторвались отъ насъ, отъ тѣхъ, которые думали и привыкли съ вами не разставаться. Разъ засталъ я [2]) нашу рѣдкую маменьку въ слезахъ надъ письмомъ вашимъ, въ которомъ, по словамъ ея, заключался упрекъ на молчаніе, между тѣмъ какъ она давно уже отправила письмо къ вамъ; цѣлый тотъ вечеръ мы ни о чемъ больше не говорили, какъ только объ васъ. Воспоминанія кучею тѣснились на умъ; тогда только увидѣлъ я, сколько всѣ наши любятъ васъ, и мнѣ пришла въ голову счастливая мысль, но которая вскорѣ разрушилась, когда я услышалъ, что будто вы уже располагаете покинуть [3]) навсегда [4]) Малороссію [5]). Неужели вы [6]) въ состояніи оставить тѣхъ, которые такъ васъ любятъ? зачѣмъ же было насъ всѣхъ такъ привязать къ себѣ, чтобы удаленіе ваше потомъ навело намъ горькую печаль. Я ѣду въ Петербургъ непремѣнно въ началѣ зимы, а оттуда Богъ знаетъ куда меня занесетъ; весьма можетъ быть, что попаду въ чужіе края [7]), что обо мнѣ не будетъ ни слуху, ни духу нѣсколько лѣтъ, и, признаюсь, меня самого не беретъ охота ворочаться когда-либо домой, особливо бывши нѣсколько разъ свидѣтель, какъ эта необыкновенная мать наша бьется, мучится, иногда даже объ какой-нибудь копѣйкѣ, какъ эти безпокойства убійственно разрушаютъ ея здоровье, и все для того, чтобы доставить нужное намъ и удовлетворить даже прихотямъ нашимъ. Какъ разрывалося у меня сердце, глядя на такіе труды и вспоминая [8]), что я самъ часто употреблялъ во зло. Кто же въ это время моего отсутствія можетъ заставить ее быть спокойною, когда прибавляется ей еще новая печаль, безпрестанныя заботы и часто печальныя мысли на счетъ отсутствующаго? Я прошу васъ, я умоляю, заклинаю и родствомъ, и пріязнію, и всѣмъ, что только можетъ по-

---

[1]) Ср. отрывокъ изъ письма М. И. Гоголь къ П. П. Косяровскому («Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 67).

[2]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «маменьк(ку)».

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «уже».

[4]) Слово «навсегда» вписано сверху.

[5]) Дѣйствительно, П. П. Косяровскому суждено было переселиться въ петербургскую губернію и свѣковать въ Лугѣ.

[6]) Послѣ этого зачеркнуто неразборчивое слово.

[7]) Въ подлинникѣ: «крап».

[8]) Въ «Русской Старинѣ»: «вспоминалъ».

двигнуть ваше доброе сердце, не оставьте насъ [1]), отмѣните свое грозное намѣреніе и, совершивши свое достойное дѣло,—пріѣзжайте въ Васильевку, будьте ангелъ-утѣшитель нашей матери. Вы всегда были помощникомъ ей и въ хозяйствѣ, и во всемъ добромъ, вы и теперь облегчите ея заботы; я, съ своей стороны, почти все сдѣлалъ, денегъ беру съ собой немного, чтобы стало на проѣздъ и на первое обзаведеніе; а для обезпеченія ея состоянія [2]) отказываюсь отъ своего наслѣдія и теперь занимаюсь составленіемъ дарственной записи, по которой часть [3]) имѣнія, принадлежащаго по завѣщанію мнѣ, съ домомъ, садомъ [4]), лѣсомъ и прудами, оставляется [5]) матери моей въ вѣчное владѣніе [6]). Не по легкомыслію, не по какому-либо безразсудительному хотѣнію это сдѣлаю, но самое благоразуміе этого требуетъ: нужно все предполагать. Можетъ быть, и весьма вѣроятно, что въ самомъ дѣлѣ я отлучусь и слишкомъ далеко (это и есть мое намѣреніе), обо мнѣ не будетъ и слуху, между тѣмъ уплыветъ десять лѣтъ, законная давность, — почему знать, каковы еще будутъ мои сестры!—можетъ быть, жадные наслѣдники не дадутъ ей и мѣста, гдѣ бы приклонить голову. Вы знаете этого алчнаго попа о. Меркурія [7]), который съ такою жадностью слѣдитъ наше имѣніе, и который, пользуясь правомъ родства, уже зажилилъ порядочный кусокъ [8]). Чего они не сдѣлаютъ съ женщиною, хотя благоразумною, но все-таки не имѣющей достаточной твердости для состязанія съ этими закоснѣлыми грабителями. Что̀ касается до меня, ежели найду свое счастіе, ежели приду въ состояніе помочь своимъ родственникамъ и сестрамъ—пріѣду. Ежели нѣтъ—потерплю нужду, а кого нужда не совершенствуетъ и не дѣлаетъ богатымъ? притомъ же до слишкомъ большой нужды не доѣду. Ежели для [9]) постоян-

---

[1]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «и будь(те)».
[2]) Послѣ этого зачеркнуто начатое слово: «мо».
[3]) Это слово вписано сверху.
[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «и».
[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «моей».
[6]) Ср. въ письмѣ М. И. Гоголь въ письмѣ къ Петру Петровичу Косяровскому («Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 147, примѣч. 3).
[7]) Священникъ Яновскій, дальній родственникъ Гоголя, не пользовавшійся его симпатіей, какъ и его сынъ, Степанъ Меркурьевичъ, о которомъ см. ниже въ письмѣ къ матери отъ 8 декабря 1831 года и письмѣ къ П. Я. Прокоповичу отъ 20 іюня 1847 г.
[8]) Послѣ этого зачеркнуто неразборчивое слово.
[9]) Слово «для» вписано сверху строки.

наго [1]) пріобрѣтенія знаній не буду имѣть всѣхъ способовъ, могу прибѣгнуть покуда [2]) къ другому: вы еще не знаете всѣхъ моихъ достоинствъ. Я знаю кой-какія ремесла: хорошій портной, недурно раскрашиваю стѣны алфрескою живописью, работаю на кухнѣ, и много кой-чего уже разумѣю изъ повареннаго искусства; вы думаете, что я шучу [3]),— спросите нарочно у маменьки. А что еще болѣе, за что я всегда благодарю Бога, это за свою настойчивость и терпѣніе, которыми я прежде мало обладалъ: теперь [4]) ничего изъ начатаго мною я не оставлю, пока совершенно не окончу. Не для того, чтобы хвалить себя, я говорю это, но чтобы обезпечить васъ на счетъ моей будущей участи. Итакъ, хлѣбъ у меня будетъ всегда [5]); дай только Богъ, чтобы исполнили вы нашу просьбу: меня все увѣряетъ, что не оставите насъ, что вы будете жить вмѣстѣ съ нами, что вы не оставите безутѣшную. Вы не забудете, извините, ежели смѣю сказать, свой долгъ (хотя мы вамъ одолжены всѣмъ) быть съ тѣми, которые такъ любятъ и которые рады бы [6]) пожертвовать всѣмъ, чтобы возвратить [7]) къ себѣ милаго родственника [8]). Дай Богъ вамъ возможнаго счастья и иногда, хотя рѣдко, легкой памяти обо мнѣ. Прощайте, милый дяденька! Какъ бы мнѣ хотѣлось еще разъ обнять васъ. *Н. Гоголь-Яновскій.*

LXXXV. Петру Петровичу Косяровскому [9]).

Сентября 9-го (1828 г.).—Васильевка.

Два дни было бы вамъ только подождать, и вы бы получили ваши лексиконы; но вы такъ спѣшили разстаться съ нами, какъ-будто хотѣли убраться изъ чужой стороны.

---

[1]) Въ «Русск. Стар.» невѣрно: «настоящаго».
[2]) Слово «покуда» вписано сверху.
[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «и».
[4]) Слово «теперь» вписано сверху.
[5]) Слова: «Итакъ, хлѣбъ у меня будетъ всегда» вписаны сверху строки.
[6]) Это слово вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «будутъ».
[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «васъ».
[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «и».
[9]) Письмо это было первоначально напечатано въ «Русской Старинѣ» (1875,1,45); оно должно быть отнесено къ 1828 г., потому что въ немъ упоминается о томъ, какъ адресовать письма въ Петербургъ. Вѣроятно, въ этомъ году Петръ Петровичъ Косяровскій заѣзжалъ въ Васильевку осенью дня на два, но лѣта тамъ онъ не проводилъ въ 1828 г.: онъ былъ, кажется, въ этомъ году весною и осенью проѣздомъ.

Лексиконы эти вы переплетите [1]): французскій особо, а русскія двѣ части соедините въ одинъ томъ [2]), такъ, какъ у меня. Доѣхали вы, вѣрно, хорошо: погода [3]), какъ-будто нарочно для васъ, прелестная; у насъ все начало сентября было настоящее лѣто: въ тѣни было 18 градусовъ теплоты; я, какъ добрый песъ, вылеживался на солнцѣ. Душевно желаю вамъ поздоровѣть и поправиться въ Одессѣ [4]): а между тѣмъ совѣтую вамъ не оставлять вытираться хорошенько на ночь уксусомъ, особливо поясницу. Прощайте, обнимаю и цѣлую васъ нѣсколько разъ. Вѣчно вашъ *Н. Гоголь*.

Варварѣ Петровнѣ, Павлу Петровичу и Ивану Петровичу [5]) поручаю вамъ передать мой поклонъ.

Надѣюсь, что вы не забудете написать мнѣ, въ какомъ теперь состояніи ваше здоровье. Письмо ваше еще можетъ меня здѣсь застать [6]); въ Петербургъ же вы знаете, какъ мнѣ адресовать.

При семъ и я душевно васъ всѣхъ обнимаю, милые братцы и сестрицы [7]).

LXXXVI. Петру Петровичу Косяровскому.

(Въ декабрѣ 1828 года) [8]).

Отъѣзжая уже въ свою дорогу, почитаю обязанностью и долгомъ проститься съ вами, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ, и благодарить васъ за вашу пріязнь, за ваше дружеское расположеніе, за вашу помощь всѣмъ намъ, которую всегда готово было оказать ваше рѣдкое сердце, наконецъ пожелать вамъ возможнаго счастья, достойнѣйшей награды за добродѣтель. Неугасимо во мнѣ пылаетъ благодарность, и дай Богъ, чтобы она выразилась современемъ

---

[1]) Въ «Русскомъ Старинѣ» ошибка: «въ переплетѣ».

[2]) Слово: «тамъ» вписано сверху.

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «была».

[4]) Петръ Петровичъ Косяровскій не отличался крѣпкимъ здоровьемъ (см. «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 64).

[5]) Братьямъ и сестрѣ П. П. Косяровскаго. См. ниже объ Иванѣ Косяровскомъ въ письмѣ къ матери отъ 3 января 1829 г.

[6]) Это слово вписано сверху.

[7]) Послѣднія двѣ строки писаны другою рукою.

[8]) Впервые напечатано въ «Указателѣ къ письмамъ Гоголя» 1 изд., стр. 74, потомъ въ «Матеріалахъ для біографіи» I, 147, примѣч. 3-е. Это собственно приписка въ письмѣ Маріи Ивановны Гоголь къ П. П. Косяревскому. Подлинникъ хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

не въ пустыхъ словахъ, а до того будьте увѣрены, почтеннѣйшій и любезнѣйшій дяденька, что никогда не изглажу изъ сердца того должнаго почтенія и преданности, съ которыми имѣю честь быть вѣчно признательнымъ.

П. Гоголь-Яновскій.

Изъ Петербурга буду писать къ вамъ; теперь я приготовляюсь и укладываюсь [1]).

---

[1]) Гоголь сильно рвался въ Петербургъ, но ѣхать ему долго не удавалось. Еще за три мѣсяца мать писала о немъ: «Никоша мой хочетъ непремѣнно черезъ четыре дня выѣхать; хотя и не все ему готово, но никакъ ужъ не могу удержать: надобно опредѣлиться ему мо новаго года» («Матеріалы», т. I, 148, примѣч.) и отъ 23 сентября: «Никоша безпрестанно рвется на службу и, кажется, я никакъ не могу его болѣе удержать, какъ до послѣднихъ чиселъ октября» («Указатель къ письмамъ Гоголя», 1-ое изд., стр. 76).

II.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПИСЬМА.

Письма 1829—1830 годовъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, куда Гоголь ѣхалъ съ надеждами и съ восхищеньемъ, имѣя кучу рекомендательныхъ писемъ къ болѣе или менѣе вліятельнымъ лицамъ,—въ числѣ которыхъ наиболѣе видное мѣсто занимали письма, написанныя Д. П. Трощинскимъ передъ самой смертью послѣдняго,—онъ терпитъ со всѣхъ сторонъ жестокія неудачи и испытываетъ сильнѣйшее разочарованіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ при встрѣчѣ съ совершенно незнакомой ему жизнью онъ дѣлаетъ разносторонніе наблюденія, присматривается ко всему складу петербургскаго обихода. Но чувство неудовлетвореннаго ожиданія, обостряемое безпощадными неудачами со всѣхъ сторонъ, заставляетъ Гоголя съ упоеніемъ переноситься мыслями въ ту самую родную Малороссію, откуда еще недавно его мысль такъ страстно стремилась на негостепріимный сѣверъ. Гоголя живо занимаютъ теперь украинскія думы и пѣсни, сказки и повѣрья, народныя игры, старинные обычаи, обряды и костюмы. Неудовлетворенный въ самыхъ задушевныхъ и горячихъ мечтахъ, онъ вскорѣ увлекается новымъ юношескимъ порывомъ и, взявъ деньги, присланныя матерью, въ опекунскій совѣтъ, отправляется за границу. Чтобы оправдать этотъ поступокъ въ глазахъ матери, онъ ссылается на разныя причины, приводя разныя оправданія и объясненія, большей частью невѣрныя, потому что и самъ онъ едва ли могъ дать себѣ ясный, прозаическій отчетъ въ томъ, что явилось результатомъ давно лелѣянныхъ юныхъ фантастическихъ грезъ. Здѣсь снова повторяется въ душѣ Гоголя то же, что онъ испыталъ недавно въ Петербургѣ: также пришлось спуститься

съ облаковъ на землю. Теперь дѣлается множество новыхъ наблюденій, воспринимаются впечатлѣнія отъ новой охватившей юношу суеты: въ самомъ тяжеломъ душевномъ настроеніи Гоголь интересуется иностранными обычаями, искусствомъ и просто будничнымъ теченіемъ жизни. Но приходится возвратиться въ Петербургъ, терпѣть снова гнетъ безпощадныхъ житейскихъ заботъ, перенести крушеніе другъ за другомъ всѣхъ его надеждъ, принимать не особенно охотно оказываемую помощь со стороны дяди Андрея Андреевича Трощинскаго... Наконецъ должность получена, но самое незначительное жалованье не вознаграждаетъ за трудъ мертвящій и отнимающій массу времени. Гоголь смотритъ на полученное имъ мѣсто, какъ на переходную стадію, какъ на возможность не быть больше обремененіемъ для своей сильно нуждающейся матери. Между тѣмъ литературные труды открываютъ ему широкую дорогу: познакомившись съ Дельвигомъ и ставъ сотрудникомъ его «Литературной Газеты», Гоголь мало-по-малу знакомится съ Жуковскимъ, Плетневымъ, Пушкинымъ и изъ душнаго департамента переносится въ свѣтлый міръ мысли и чувства, вступивъ въ дружеское общеніе съ первоклассными представителями современной литературы.

I. Къ матери.

С.-Петербургъ. 1829 года, января 3 числа.

Я много виноватъ предъ вами, почтеннѣйшая маменька, что не писалъ вамъ тотчасъ по моемъ прибытіи въ столицу. На меня напала хандра или другое подобное, и я уже около недѣли сижу, поджавши руки и ничего не дѣлаю. Не отъ неудачъ ли это, которыя меня совершенно обравнодушили ко всему? Изъ числа ихъ первая, что Логгинъ Ивановичъ Кутузовъ [1]), былъ во все это время опасно боленъ и я до сихъ поръ не являлся. Теперь узналъ я, что ему легче, и послѣзавтра предстану. Изъ прочихъ же, къ кому письма имѣлъ, нашелъ одного только Ивана Косяровскаго [2]), отъ котораго думалъ вывѣдать нѣ-

[1]) Логгинъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, вліятельный сановникъ, къ которому Н. В. Гоголь имѣлъ при пріѣздѣ въ С.-Петербургъ въ концѣ 1828 года рекомендательное письмо отъ Д. П. Трощинскаго.

[2]) См. выше примѣчаніе къ письму къ П. П. Косяровскому отъ 9 сентября 1828 года.

сколько свѣдѣній насчетъ житья въ Петербургѣ. Но онъ, хотя живетъ здѣсь долго, но столько же знаетъ толку, сколько и всякій провинціалъ. Не понимаю, какъ они живутъ здѣсь, ничего не видя и не слыша.

Скажу еще, что Петербургъ мнѣ показался вовсе не такимъ, какъ я думалъ. Я его воображалъ гораздо красивѣе, великолѣпнѣе, и слухи, которые распускали [1]) другіе о немъ, такъ же лживы. Жить здѣсь не совсѣмъ по-свински, т.-е. имѣть разъ въ день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали. За квартиру мы [2]) платимъ восемьдесятъ рублей [3]) въ мѣсяцъ, за однѣ стѣны, дрова и воду. Она состоитъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ и права пользоваться на хозяйской кухнѣ. Съѣстные припасы также не дешевы, выключая одной только дичи [которая, разумѣется, лакомство не для нашего брата]; картофель продается десятками; десятокъ луковицъ рѣпы стоитъ 30 копѣекъ [4]). Это все заставляетъ меня жить, какъ въ пустынѣ; я принужденъ отказаться отъ лучшаго своего удовольствія — видѣть театръ. Если я пойду разъ, то уже буду ходить часто; а это для меня накладно, т.-е. для моего неплотнаго кармана [5]). Въ одной дорогѣ издержано мною триста слишкомъ, да здѣсь покупка фрака и панталонъ стоила мнѣ двухъ сотъ, да сотня уѣхала на шляпу, на сапоги, перчатки и извозчиковъ, и на прочія дрянныя, но необходимыя мелочи, да на передѣлку шинели и на по-

---

[1]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя»: «распустили» (т. 1, стр. 60).

[2]) Т.-е. Гоголь и Данилевскій.

[3]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» прибавлено еще: «ассигнаціями».

[4]) Слова въ скобкахъ: «ассигнаціями» (очевидно, напоминаніе издателя).

[5]) Между тѣмъ М. И. Гоголь, какъ женщина небогатая, была въ величайшемъ затрудненіи, еще когда, отпуская сына въ Петербургъ, ей пришлось экипировать его съ ногъ до головы. «Сколько мнѣ затрудненій, выпровожая Николеньку»—писала она П. П. Косяровскому—«одинъ Богъ только видитъ и онъ меня поддерживаетъ» (письмо отъ 2 декабря 1828 года). Передъ отъѣздомъ сына она выхлопотала для него рекомендательныя письма и 16 декабря писала Косяровскому: «Вчера я возвратилась изъ Кибеничъ, проводя моего Николеньку въ С.-Петербургъ, и грущу, что въ такой холодъ онъ ѣдетъ въ дорогѣ. Благодѣтель нашъ примѣтно ослабѣваетъ: наслу могъ написать письмо къ своему другу, Кутузову, о моемъ сынѣ, въ которомъ назвалъ его своимъ родственникомъ и, просилъ принять подъ свое покровительство». («Указатель къ письмамъ Гоголя», 1 изд., стр. 44; «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 224—225).

кунку къ ней воротника до 80 рублей. Къ этому прибавить нужно, что, начиная отъ Чернигова до самаго Петербурга и въ самомъ Петербургѣ, рубль серебромъ ходитъ безъ двадцати пяти копѣекъ; слѣдовательно и тутъ я потерпѣлъ убытокъ. Комиссія мнѣ была съ письмами: ни на одномъ не написано адреса, и я принужденъ былъ нанимать мошенниковъ здѣшнихъ комиссіонеровъ для отысканія ихъ квартиръ, которые дерутъ дорого и ни на грошъ не приносятъ пользы.

Извините, не могу болѣе писать. На первый разъ довольно... [1])

II. Къ ней же.

30 апрѣля (1829). С.-Петербургъ.

Въ сей день я только получилъ ваше письмо съ деньгами; около двадцати дней шло оно, да болѣе недѣли пролежало уже здѣсь на почтѣ, по той причинѣ, что я пере-

---

[1]) Между этимъ письмомъ и слѣдующимъ, очевидно, было еще не одно. Такъ въ письмѣ М. И. Гоголь къ Петру Петровичу Косяровскому, отъ 18 февраля 1829 года, находимъ слѣдующія строки, указывающія на содержаніе какого-то январьскаго или февральскаго письма: «Я получила отъ Николеньки моего два письма, какъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ; въ первомъ онъ писалъ, что нашелъ Кутузова отчаянно больнымъ, *а въ другомъ – уже хвалился его ласками*, по милости благодѣтеля нашего» (т.-е. Д. П. Трощинскаго). Далѣе, мы находимъ слѣдующія строки въ письмѣ М. И. Гоголь къ П. П. Косяровскому: «Николенька мой о сю пору не опредѣленъ еще на службу. Покойный благодѣтель нашъ Дмитрій Прокофьевичъ» (Д. П. Трощинскій скончался въ самомъ началѣ 1829 года), «говорилъ мнѣ, чтобы я не скучала нескорымъ его опредѣленіемъ, потому что Кутузовъ выпрашиваетъ для него хорошую и выгодную должность, что чрезвычайно трудно теперь по штатской службѣ, гдѣ совершенно набито людей (sic). Я о семъ писала Николѣ своему, чтобы онъ не наскучилъ Кутузову и положился съ терпѣніемъ на его стараніе, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: «*вы мнѣ совѣтуете не безпокоить Лонгина Ивановича моимъ опредѣленіемъ: оно бы и хорошо, когда бы я могъ ничего не ѣсть, не нанимать квартиры и не изнашивать сапогъ, но такъ какъ я не имѣю силъ питаться, т.-е. жить воздухомъ, то и скучаю своимъ бездѣйствіемъ, сидя въ холодной комнатѣ и имѣя величайшее несчастіе просить у васъ денегъ, зная теперешнія ваши обстоятельства*». И я должна была опять занять и послать ему денегъ. Видно, что онъ былъ въ самомъ тревожномъ, положеніи, что прибавилъ: «*недаромъ я не любилъ никакихъ протекцій: безъ нихъ давно бы я опредѣлился къ мѣсту*». *).

*) См. «Указатель къ письмамъ Гоголя», I изд., 45 стр. и «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 225—226.

мѣнилъ прежнюю свою квартиру. Вы не ошиблись, почтеннѣйшая маменька: я, точно, сильно нуждался въ это время, но, впрочемъ, это все пустое. Что за бѣда — посидѣть какую-нибудь недѣлю безъ обѣда? того ли еще будетъ на жизненномъ пути? всего понаберешься. Знаю только, что если бы втрое, вчетверо, всетеро разъ было болѣе нужды, и тогда онѣ бы не поколебали меня и не остановили меня на моей дорогѣ. Вы не повѣрите, какъ много въ Петербургѣ издерживается денегъ. Несмотря на то, что я отказываюсь почти отъ всѣхъ удовольствій, что уже не франчу платьемъ, какъ было дома, имѣю только пару чистаго платья для праздника, или для выхода, и халатъ для будня, что я тоже обѣдаю и питаюсь не слишкомъ роскошно, и несмотря на это все, по разсчету менѣе 120 рублей [1]) никогда мнѣ не обходится въ мѣсяцъ. Какъ въ этакомъ случаѣ не приняться за умъ, за вымыселъ, какъ бы добыть этихъ проклятыхъ, подлыхъ денегъ, которыхъ хуже я ничего не знаю въ мірѣ? вотъ я и рѣшился... «Когда наши въ полѣ—не робѣютъ». Но, какъ много еще и отъ меня закрыто тайною, и я съ нетерпѣніемъ желаю вздернуть таинственный покровъ [2]), то въ слѣдующемъ письмѣ извѣщу васъ о удачахъ, или неудачахъ.

Теперь же разскажу вамъ слова два о Петербургѣ. Вы, казалось мнѣ, всегда интересовались знать его и восхищались имъ. Петербургъ вовсе не похожъ на прочія столицы европейскія или на Москву. Каждая столица вообще характеризуется своимъ народомъ, набрасывающимъ на нее печать національности; на Петербургѣ же нѣтъ никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцевъ; а русскіе, въ свою очередь, обыностранились и сдѣлались ни тѣмъ, ни другимъ. Тишина въ немъ необыкновенная, никакой духъ не блеститъ въ народѣ, все служащіе да должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ, все подавлено, все

---

[1]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» прибавлено: «ассигнаціями».

[2]) Намекъ на намѣреніе поступить на сцену или на изданіе «Ганца Кюхельгартена». Это уже не первый намекъ на ожидаемую удачу; уже въ письмѣ М. И Гоголь къ П. П. Косяровскому отъ 18 апрѣля 1829 года читаемъ: «Въ концѣ письма (Никона) потѣшилъ меня, что надежда мелькнула ему, но что онъ не смѣетъ еще предаваться ей и жалѣетъ, что не взялся за сіе прежде, и черезъ то много потерялъ, и я не знаю, что онъ подъ этимъ разумѣетъ». («Указатель къ письмамъ Гоголя». 1 изд., стр. 45; «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 226, примѣч.).

погрязло въ бездѣльныхъ, ничтожныхъ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается жизнь ихъ. Забавно очень встрѣчаться съ ними на проспектахъ, тротуарахъ: они до того бываютъ заняты мыслями, что, поровнявшись съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, слышишь, какъ онъ бранится и разговариваетъ самъ съ собою; иной приправляетъ тѣлодвиженіями и размашками рукъ. Петербургъ городъ довольно великъ. Если вы захотите пройтись по улицамъ его, площадямъ и островамъ въ разныхъ направленіяхъ, то вы, навѣрно, пройдете болѣе 100 верстъ, и, несмотря на такую его обширность, вы можете имѣть подъ рукою все нужное, не засылая далеко, даже въ томъ самомъ домѣ. Дома здѣсь большіе, особливо въ главныхъ частяхъ города, но не высоки; большею частію въ три и четыре этажа, рѣдко очень бываютъ въ пять; въ шесть только четыре или пять во всей столицѣ. Во многихъ домахъ находится очень много вывѣсокъ. Домъ, въ которомъ обрѣтаюсь я, содержитъ въ себѣ 2-хъ портныхъ, одну маршандъ де модъ, сапожника, чулочнаго фабриканта, склеивающаго битую посуду, декатировщика и краспльщика, кондитерскую, мелочную лавку, магазинъ сбереженія зимняго платья, табачную лавку и, наконецъ, привилегированную повивальную бабку. Натурально, что этотъ домъ долженъ быть весь облѣпленъ золотыми вывѣсками.

Я живу на четвертомъ этажѣ [1]), но чувствую, что и здѣсь мнѣ не очень выгодно. Когда еще стоялъ я вмѣстѣ съ Данилевскимъ, тогда ничего, а теперь очень ощутительно для кармана: что тогда платили пополамъ, за то самое я плачу теперь одинъ. Но впрочемъ мои работы повернулись, и я, наблюдая внимательно за ними, надѣюсь въ недолгомъ времени добыть же что-нибудь. Если получу вѣрный и несомнѣнный успѣхъ, напишу къ вамъ объ этомъ подробнѣе.

Въ Петербургѣ много гуляній. Зимою прохаживаются всѣ праздношатающіеся отъ двѣнадцати до двухъ часовъ [въ это время служащіе заняты] по Невскому проспекту; весною же, если только это время можно назвать весною, потому что деревья до сихъ поръ еще не одѣлись зеленью, гуляютъ въ Екатерингофѣ, Лѣтнемъ саду и Адмиралтейскомъ бульварѣ. Всѣ эти, однакожъ, гулянья несносны, особливо екатерингофское первое мая. Все удовольствіе

[1]) Въ Большой Мѣщанской, въ домѣ каретника Іохима.

состоитъ въ томъ, что прогуливающіеся садятся въ кареты, которыхъ рядъ тянется болѣе нежели на 10 верстъ, и притомъ такъ тѣсно, что лошадиныя морды задней кареты дружески цѣлуются съ богато убранными длинными гайдуками. Эти кареты безпрестанно строятся полицейскими чиновниками и иногда пріостанавливаются по цѣлымъ часамъ для соблюденія порядка, и все это для того, чтобы объѣхать кругомъ Екатерингофъ и возвратиться чиннымъ порядкомъ назадъ, не вставая изъ каретъ. И я было-направилъ смиренныя стопы свои, но, обхваченный облакомъ пыли и едва дыша отъ тѣсноты, возвратился вспять. Въ это время Петербургъ начинаетъ пустѣть: всѣ разъѣзжаются по дачамъ и деревнямъ на весну и лѣто. Ночи теперь не продолжаются болѣе часу. Лѣтомъ ихъ совсѣмъ не будетъ; только промежутокъ между захожденіемъ и восхожденіемъ солнца бываетъ занятъ столкнувшимися двумя зарями, вечернею и утреннею, и не похожъ ни на вечеръ, ни на утро.

Но на первый разъ довольно объ Петербургѣ: въ другомъ письмѣ еще я поговорю объ немъ. Теперь вы, почтеннѣйшая маменька, мой добрый ангелъ-хранитель, теперь васъ прошу, въ свою очередь, сдѣлать для меня величайшее изъ одолженій. Вы имѣете тонкій, наблюдательный умъ, вы много знаете обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщать мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ [1]). Это мнѣ очень, очень нужно. Въ слѣдующемъ письмѣ я ожидаю отъ васъ описанія полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ: равнымъ образомъ названія платья, носимаго нашими крестьянскими дѣвками, до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками. Вторая статья: названіе точное и вѣрное платья, носимаго до временъ гетманскихъ. Вы помните, разъ мы видѣли въ нашей церкви одну дѣвку, одѣтую такимъ образомъ. Объ этомъ можно будетъ разспросить старожиловъ: я думаю, Анна Матвѣевна, или Агаѳія Матвѣевна [2]), много знаютъ кое-чего изъ давнихъ годовъ.

---

[1]) См. «Матеріалы для біографіи», т I, стр. 175—176.

[2]) Бабушки Гоголя, тетки М. П. Гоголь, сёстры ея отца, Ивана Матвѣевича.

Еще обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская напмалѣйшихъ подробностей. Объ этомъ можно разспросить Демьяна [кажется, такъ его зовутъ; прозванія не вспомню], котораго мы видѣли учредителемъ свадебъ и который зналъ, повидимому, всѣ возможныя повѣрья и обычаи. Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть, кромѣ того, какіе-либо духи, или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ, и проч. и проч. и проч. Все это будетъ для меня чрезвычайно занимательно. На этотъ случай и чтобы вамъ не было тягостно, великодушная, добрая моя маменька, совѣтую имѣть корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ нашего повѣта. Александра Оедоровна [1]), которой смѣтливости и тонкимъ замѣчаніямъ я всегда удивлялся, можетъ въ этомъ случаѣ оказать намъ очень большую помощь. Скажите ей, что я, при моемъ заочномъ поцѣлуѣ ея ручки, не забылъ моего обѣщанія касательно филейныхъ иголокъ; но въ британскомъ магазинѣ онѣ всѣ вышли, а русскихъ я не хочу покупать; чуть только доставятъ ихъ въ здѣшнюю биржу, тотъ же часъ повергну ихъ къ рукамъ ея. Хотѣлось бы мнѣ очень моей милой сестрицѣ Марьѣ Васильевнѣ прислать чего-нибудь [2]), но, Богъ видитъ — не могу: проклятая болѣзнь, посѣтившая-было меня при вскрытіи Невы, помогла еще болѣе истребленію денегъ; но какъ-только сколько-нибудь разживемся, то непремѣнно вышлемъ что-нибудь изъ заграничныхъ диковинокъ.

Здоровы ли всѣ наши? Свидѣтельствую мое почтеніе дѣдушкѣ [3]). [Скажите пожалуйста, что его тяжба? имѣетъ ли конецъ?], бабушкѣ Марьѣ Ильиничнѣ [4]), также и Аннѣ Матвѣевнѣ [5]), а въ заключеніе всѣмъ добрымъ, искренно васъ любящимъ сосѣдямъ. Поцѣлуйте за меня Анничку [6]). Сдѣлайте милость, прилагайте всевозможное старанье о воспитаніи этого умнаго дитяти. Тайное какое-то предчувствіе мнѣ предрекаетъ, что отъ него много можно ожидать.

---

[1]) Тимченко; см. выше.—Начиная отсюда, письмо это было перепечатано въ «Вѣстникѣ Европы». 1896, VI, 729—730.

[2]) Въ «Вѣсти. Евр.»: «что-нибудь».

[3]) П. М. Косяровскому.

[4]) Урожденной Шостакъ.

[5]) Троцинской, урожденной Косяровской.

[6]) Въ «Вѣстникѣ Европы»: «Аннику».

Также шалунью Лизу, съ тѣмъ только, чтобы она не... [1])

Еще прошу васъ выслать мнѣ двѣ паненькины малороссійскія комедіи: «Овца-Собака» и «Романа съ Параскою». Здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній театръ. За это, по крайней мѣрѣ, достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ; а по моему мнѣнію, ничего [2]) не должно пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ — къ третьему, и такъ далѣе. Самая малость иногда служитъ большою помощью.

Прошу васъ также, маменька,—такъ какъ переписка наша теперь пойдетъ дѣятельнѣе, писать два раза въ мѣсяцъ, — тѣмъ болѣе, что сами наблюденія ваши того требуютъ...

III. Къ ней же.

1829 г. мая 22. Санктпетербургъ.

Нынѣшнія извѣстія письма моего не будутъ слишкомъ утѣшительны для васъ, почтеннѣйшая маменька. Мои надежды [разумѣется, малая часть оныхъ] не выполнились [3]). Хорошо же, что я не вдавался увѣрительно имъ; хорошо, что я имѣю достаточный запасъ сомнѣнія во всемъ, могущемъ случиться. Все состояло въ слѣдующемъ. Мои небольшія способности были призрѣны, и мнѣ представлялся прекрасный случай ѣхать въ чужіе краи. Это путешествіе, сопряженное обыкновенно съ величайшими издержками, мнѣ ничего не стоило; все бы за меня было заплачено, и малѣйшія мои нужды во время пути долженствовали быть удовлетворяемы. Но вообразите мое несчастіе: нужно же этому случиться! великодушный другъ мой, доставлявшій мнѣ все это, скоропостижно умеръ [4]); его на-

---

[1]) Пропущено неудобное въ печати выраженіе.

[2]) Въ «Вѣсти. Евр.»: «ничѣмъ».

[3]) Это не могло относиться пока къ неудачѣ «Ганца Кюхельгартена», потому что экземпляры «Ганца Кюхельгартена» обращались въ продажѣ около двухъ мѣсяцевъ — іюнь и около трехъ недѣль іюля (См. примѣч. П. С. Тихонравова, соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 542); рецензіи также появились позднѣе.

[4]) Ничего подобнаго, по словамъ покойнаго А. С. Данилевскаго, не было. Гоголь здѣсь постепенно подготовляетъ мать къ мысли о заграничной поѣздкѣ. Однажды было высказано мнѣніе, что этотъ другъ былъ Высоцкій. но Высоцкаго Гоголь не засталъ въ Петер-

мѣренія и мои предположенія лопнули, и я теперь испытываю величайшій ядъ горести: но она не отъ неудачи, а оттого, что я имѣлъ одно существо, къ которому истинно привязался-было навсегда, и Небу угодно было лишить меня его. Итакъ я остаюсь теперь въ Петербургѣ. Мнѣ предлагаютъ мѣсто съ 1000 рублей жалованья въ годъ. Но за цѣну ли, едва могущую выкупить годовой наемъ квартиры и стола, мнѣ должно продать свое здоровье и драгоцѣнное время? и на совершенные пустяки, — на что это похоже? въ день имѣть свободнаго времени не болѣе, какъ два часа, а прочее все время не отходить отъ стола и переписывать старыя бредни и глупости господъ столоначальниковъ и проч., въ которыхъ мнѣ столько пользы, сколько Елисею Васильевичу Надержинскому [1]) въ сухомъ деревѣ, на которомъ нѣтъ ни хорошаго листу, ни рясныхъ вѣтвей. Итакъ я стою въ раздумьѣ на жизненномъ пути, ожидая рѣшенія еще нѣкоторымъ моимъ ожиданіямъ. Можетъ-быть, на-дняхъ откроется мѣсто немного выгоднѣе и благороднѣе: но, признаюсь, ежели и тамъ мнѣ нужно будетъ употребить столько времени на глупыя занятія, то я—слуга покорный.

Наконецъ я принужденъ снова просить у васъ, добрая, великодушная моя маменька, вспомоществованія. Чувствую, что въ это время это будетъ почти невозможно вамъ, но всѣми силами постараюсь не докучать вамъ болѣе. Дайте только мнѣ еще нѣсколько времени укорениться здѣсь; тогда надѣюсь какъ-нибудь зажить своимъ состояніемъ. Денегъ мнѣ необходимо нужно теперь триста рублей. Я думаю, вы не забудете моей просьбы извѣщать меня постоянно объ обычаяхъ малороссіянъ. Я все съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего письма. Время свое я такъ расположилъ, что и самое отдохновеніе, если не теперь, то въ скорости принесетъ мнѣ существенную пользу. Между прочимъ я прошу васъ, почтеннѣйшая маменька, узнать теперь о нѣкоторыхъ играхъ изъ карточныхъ: *у Панфила* [2])

бургѣ, когда прибылъ туда въ концѣ 1828 года и притомъ Высоцкій былъ живъ еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Онъ служилъ въ военной службѣ и потомъ жилъ въ отставкѣ. (См. «Лицей», стр. CXXX).

[1]) См. о немъ выше, въ письмахъ Павлу Петровичу Косяровскому: отъ 13 сентября 1827 года и 3 октября 1827 г. (стр. 83 и 92).

[2]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя»: «Панхвиля», въ записной книгѣ Гоголя («Книга всякой всячины или Ручная Энциклопедія»): «Пахвиля».

какъ играть и въ чемъ состоитъ онъ? равнымъ образомъ, что за игра *Пашокъ, семь листовъ?* изъ хороводныхъ: въ *хрещика*, въ *журавля* [1]). Если знаете другія какія, то не премините. У насъ есть повѣрья въ нѣкоторыхъ нашихъ хуторахъ, разныя извѣсти, разсказываемыя простолюдинами, въ которыхъ участвуютъ духи и нечистые. Сдѣлайте милость, удружите мнѣ которою-нибудь изъ нихъ.

Получивши ваше письмо, я буду имѣть возможность распространиться болѣе и извѣстить васъ о чемъ-нибудь изъ нашихъ петербургскихъ новинокъ. Приходъ весны въ нашу пыльную столицу, которая вовсе не похожа на весну, заставляетъ меня съ сожалѣніемъ вспоминать о нашей малороссійской веснѣ: но не раньше, какъ развѣ въ весну будущаго года, удастся мнѣ, хотя на мгновеніе, заглянуть къ вамъ. Дай Богъ, чтобы до того времени все было спокойно и мирно въ вашемъ владѣніи и чтобы заботы, а особливо непріятности, менѣе всего смущали драгоцѣнное для меня спокойствіе ваше и здоровье. Можетъ-быть, мы будемъ жить когда-нибудь вмѣстѣ, что всегда было моимъ пламеннѣйшимъ желаніемъ, и тогда я постараюсь всѣми силами выполнить священную обязанность къ матери и къ другу своему, такъ какъ прежде не имѣлъ силъ выполнять ее...

IV. Къ ней же.

24 іюля (1829). Санктпетербургъ.

Маменька! [2]).

Не знаю, какія чувства будутъ волновать васъ при чтеніи письма моего: но знаю только то, что вы не будете

---

[1]) Требуемыя данныя не были доставлены Гоголю, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ въ «Пропавшей Грамотѣ» ограничиться разсказомъ дѣда объ игрѣ въ дурни. (См. «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 262); также вмѣсто описанія хороводной игры въ хрещика и въ журавля, очевидно, было доставлено описаніе игры въ ворона, которое и вошло въ «Майскую Ночь» (тамъ же). Въ записной книгѣ Гоголя, озаглавленной «Книга всякой всячины, или поручная энциклопедія» на стр. 122, есть, впрочемъ, описанія игръ въ хрещика, въ журавля, въ Панхвиля, запиствованныя, очевидно, изъ писемъ отъ домашнихъ, но эти описанія слишкомъ кратки, тогда какъ описаніе игры въ ворона весьма подробное (см. Соч. Гог., изд. X, т. VII, стр. 878 и 879—881). Передъ этимъ описаніемъ игры на стр. 123 записной книги помѣчено: «Изъ писемъ отъ 2 іюня».

[2]) Въ этомъ письмѣ Гоголь подготовляетъ мать къ извѣстію о предполагаемой имъ поѣздкѣ за границу, для которой онъ воспользовался деньгами, присланными для уплаты въ опекунскій совѣтъ.

покойны. Говоря откровенно, кажется, еще ни одного вполнѣ истиннаго утѣшенія я не доставилъ вамъ. Простите, рѣдкая, великодушная мать, еще доселѣ недостойному васъ сыну.

Теперь, собираясь съ силами писать къ вамъ, не могу понять, отчего перо дрожитъ въ рукѣ моей; мысли тучами налегаютъ одна на другую, не давая одна другой мѣста, и непонятная сила нудитъ и вмѣстѣ отталкиваетъ ихъ излиться предъ вами и высказать [1]) всю глубину истерзанной души. Я чувствую налегшую на меня справедливымъ наказаніемъ тяжкую десницу Всемогущаго. Но какъ ужасно это наказаніе! Безумный! я хотѣлъ-было противиться этимъ вѣчно-неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворивъ меня въ жажду, ненасытимую бездѣйственною разсѣянностью свѣта. Онъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспиталъ [2]) свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра. [3]) И я осмѣлился откинуть эти Божественные помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней между сими служащими, издерживающими жизнь такъ безплодно. Пресмыкаться другое дѣло тамъ, гдѣ каждая минута жизни не утрачивается даромъ, гдѣ каждая минута — богатый запасъ опытовъ и знаній; но изжить тамъ вѣкъ, гдѣ не представляется совершенно впереди ничего, гдѣ всѣ лѣта, проведенныя въ ничтожныхъ занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ,—это убійственно [4])! Что за счастье дослужиться въ пятьдесятъ лѣтъ до какого-нибудь статскаго совѣтника, пользоваться жалованьемъ, едва достающимъ [5]) себя содержать прилично, и не имѣть силы принести на копѣйку

---

[1]) Здѣсь въ подлинникѣ, вѣроятно, пропускъ, такъ какъ въ «Запискахъ о жизни Гоголя» находимъ здѣсь другое слово: «открыть» (I, 74), поставленное въ скобки въ знакъ того, что оно дополнено издателемъ по требованію текста.

[2]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя»: «воспитать».

[3]) Ср. въ «Авторской Исповѣди»: «Странное дѣло, даже въ дѣтствѣ» и проч. (Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 260).

[4]) Послѣ этого у Кулиша слѣдуетъ большой пропускъ до словъ: «Несмотря на это все я рѣшился»... Пропущенное мѣсто было нами возстановлено по копіи, принадлежавшей П. С. Тихонравову, еще въ «Починѣ» (1895, стр. 169) и въ «Матеріалахъ для біографіи», IV, стр. 878.

[5]) У Гоголя: «стающимъ».

добра человѣчеству! Смѣшны мнѣ очень петербургскіе молодые люди: они безпрестанно кричатъ, что они служатъ совершенно не для чиновъ и не для того, чтобы выслужиться. Спросите же только ихъ, для чего они служатъ,— они не будутъ сами въ состояніи сказать: такъ для того, чтобы не сидѣть дома и не бить баклуши. Еще глупѣе тѣ, которые оставляютъ отдаленныя провинціи, гдѣ имѣютъ помѣстья, гдѣ могли быть хорошими хозяевами и принести несравненно больше пользы, или если уже дворянину непремѣнно нужно служить, служили бы въ своихъ провинціяхъ, такъ нѣтъ! Надо потаскаться въ Петербургѣ, гдѣ мало того, что ничего не получатъ, но сколько еще перетаскаютъ денегъ изъ дому, которыя здѣсь истребляются непримѣтно въ большомъ количествѣ.

Несмотря на это все, я рѣшился, въ угодность вамъ больше, служить здѣсь во что бы ни стало; но Богу не было этого угодно. Вездѣ совершенно я встрѣчалъ однѣ неудачи [1]) и, что всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, безъ всякой протекціи, легко получали то, чего я, съ помощью своихъ покровителей, не могъ достигнуть. Не явный ли былъ здѣсь надо мною промыслъ Божій? [2]) не явно ли Онъ наказывалъ меня этими всѣми неудачами, въ намѣреніи обратить на путь истинный? Что жъ? я и тутъ упорствовалъ, ожидалъ цѣлые мѣсяцы, не получу ли чего. Наконецъ... какое ужасное наказаніе! Ядовитѣе и жесточе его для меня ничего не было въ мірѣ. Я не могу, я не въ силахъ написать... Маменька, дражайшая маменька! я знаю, вы однѣ истинный другъ мнѣ. Повѣрите ли? и теперь, когда мысли мои уже не тѣмъ заняты, и теперь, при напоминаніи, невыразимая тоска врѣзывается въ сердце. Однѣмъ вамъ я только могу сказать... Вы знаете, что я

---

[1]) Въ томъ числѣ Гоголь не могъ не считать и неудачу съ «Ганцемъ Кюхельгартеномъ», подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ рецензіи Полевого въ 87 № «Сѣверной Пчелы», вышедшемъ *20 іюля* (Ср. мнѣніе Н. С. Тихонравова въ Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 542). — Объ истребленіи Ганца Кюхельгартена см. между прочимъ письмо книгопродавца Лисенкова Криворотымъ (Русск. Стар., 1898, VI, стр. 605).

[2]) Совершенно такимъ же образомъ имѣла обыкновеніе объяснять себѣ указанія Промысла Божія и мать Гоголя, особенно по степени удачъ или неудачъ. См. напр. объ удачахъ при построеніи церкви. («Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 63; см. также примѣчаніе 1-е къ названной страницѣ). — Послѣдняя фраза почему-то пропущена въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (т. I, 75).

былъ одаренъ твердостью, даже рѣдкою въ молодомъ человѣкѣ... Кто бы могъ ожидать отъ меня подобной слабости? Но я видѣлъ ее... нѣтъ, не назову ее... она слишкомъ высока для всякаго, не только для меня [1]). Я бы назвалъ ее ангеломъ, но это выраженіе — — не кстати для нея. — — Это божество, но облеченное слегка въ человѣческія страсти. [2]) — — Лицо, котораго поразительное блистаніе въ одно мгновеніе печатлѣется въ сердцѣ; глаза, быстро пронзающіе душу; но ихъ сіянія, жгучаго, проходящаго насквозь всего, не вынесетъ ни одинъ изъ человѣковъ. О, еслибы вы посмотрѣли на меня тогда!.. правда, я умѣлъ скрывать себя отъ всѣхъ, но укрылся ли отъ себя? Адская тоска, съ возможными муками, кипѣла въ груди моей. О, какое жестокое состояніе! Мнѣ кажется, если грѣшникамъ уготованъ адъ, то онъ не такъ мученъ. Нѣтъ, это не любовь была... я по крайней мѣрѣ не слыхалъ подобной любви. Въ порывѣ бѣшенства и ужаснѣйшихъ душевныхъ терзаній, я жаждалъ, кипѣлъ упиться однимъ только взглядомъ, только одного взгляда алкалъ я... Взглянуть на нее еще разъ — вотъ бывало одно единственное желаніе, возраставшее сильнѣе и сильнѣе, съ невыразимою ѣдкостью тоски. Съ ужасомъ осмотрѣлся и разглядѣлъ я свое ужасное состояніе. Все совершенно въ мірѣ было для меня тогда чуждо, жизнь и смерть равно несносны, и душа не могла дать отчета въ своихъ явленіяхъ. Я увидѣлъ, что мнѣ нужно бѣжать отъ самого себя, если я хотѣлъ сохранить жизнь, водворить хотя тѣнь покоя въ истерзанную душу. Въ умиленіи я призналъ невидимую Десницу, пекущуюся о мнѣ, и благословилъ такъ дивно назначаемый путь мнѣ. Нѣтъ, это существо, которое Онъ послалъ лишить меня покоя, разстроить шатко-созданный міръ мой, не была женщина. Еслибы она была женщина, она бы всею силою своихъ очарованій не могла произвесть такихъ ужасныхъ, невыразимыхъ впечатлѣній.

---

[1]) Для объясненія побудительной причины, вызвавшей поѣздку, Гоголь ссылается то на неудачу, то на любовь, то на болѣзнь, не заботясь даже о послѣдовательности въ объясненіяхъ.

[2]) Начиная отъ словъ: «я бы назвалъ», возстановляемъ текстъ по «Запискамъ о жизни Гоголя», т. I, стр. 76. Въ печати было высказано мнѣніе (см. «Сѣверный Вѣстникъ», 1890, I, статья «Отношенія Гоголя къ Смирновой»), будто въ данномъ письмѣ Гоголь разумѣетъ именно ее. Но Гоголь тогда даже не видалъ еще и не зналъ Смирнову (См. «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 325—328).

Это было божество, Имъ созданное, часть Его же Самого [1]). Но, ради Бога, не спрашивайте ея имени. Она слишкомъ высока, высока!

Итакъ я рѣшился. Но къ чему, какъ приступить? Выѣздъ за границу такъ труденъ, хлопоть такъ много! Но лишь-только я принялся, все, къ удивленію моему, пошло какъ нельзя лучше; я даже легко получилъ пропускъ. Одна остановка была наконецъ за деньгами. Здѣсь уже было я совсѣмъ отчаялся; [2]) но вдругъ получаю слѣдуемыя въ опекунскій совѣтъ. Я сейчасъ отправился туда и узналъ, сколько они могутъ намъ дать просрочки на уплату процентовъ; узналъ, что просрочка длится на четыре мѣсяца послѣ сроку, съ платою по пяти рублей отъ тысячи въ каждый мѣсяцъ штрафу. Стало-быть, до самаго ноября мѣсяца будутъ ждать. Поступокъ рѣшительный, безразсудный; но что же было мнѣ дѣлать?.. Всѣ деньги, слѣдуемыя въ опекунскій совѣтъ, оставилъ я себѣ и теперь могу рѣшительно сказать: больше отъ васъ не потребую. Одни труды мои и собственное прилежаніе будутъ награждать меня. Что же касается до того, какъ вознаградить эту сумму, какъ внесть ее сполна, вы имѣете полное право данною и прилагаемою мною при семъ довѣренностью, продать слѣдуемое мнѣ имѣніе, часть, или все, заложить его, подарить и проч. и проч. Во всемъ оно зависитъ отъ васъ совершенно. Я хотѣлъ-было совершить купчую или дарственную запись: но нужно было мнѣ платить за одну бумагу триста рублей. Впрочемъ вы и посредствомъ довѣренности будете владѣть, какъ законный и полный владѣлецъ.

Не огорчайтесь, добрая, несравненная маменька! Этотъ переломъ для меня необходимъ. Это училище непремѣнно образуетъ меня: я имѣю дурной характеръ, испорченный и избалованный нравъ [въ этомъ признаюсь я отъ чистаго сердца]; лѣнь и безжизненное для меня здѣсь пребываніе непремѣнно упрочили бы мнѣ ихъ на-вѣкъ. Нѣтъ, мнѣ нужно передѣлать себя, переродиться, оживиться новою жизнью, расцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности, и если я не могу быть счастливъ [нѣтъ, я никогда не буду счастливъ для себя: это божественное су-

[1]) Начиная отъ словъ: «Это было божество», возстановлено по тексту «Записокъ о жизни Гоголя» (т. I, стр. 76).

[2]) Это предложеніе въ «Запискахъ о жизни Гоголя» пропущено.

щество вырвало покой изъ груди моей и удалилось отъ меня], по крайней мѣрѣ всю жизнь посвящу для счастія и блага себѣ подобныхъ.

Но не ужасайтесь разлуки, я недалеко поѣду: путь мой теперь лежитъ въ Любекъ. Это большой приморскій городъ Германіи, извѣстный торговыми своими сношеніями всему міру,—разстояніемъ отъ Петербурга на четыре дня ѣзды. Я ѣду на пароходѣ, и потому времени употреблю еще менѣе. Письма ваши только четырьмя днями будутъ позже доходить ко мнѣ. Покуда это письмо дойдетъ до васъ, я успѣю написать къ вамъ уже изъ Любека и извѣстить о своемъ адресѣ, а до того, если хотите писать ко мнѣ, можете адресовать въ С.-Петербургъ, на имя его благородія Николая Яковлевича Прокоповича, въ домъ Іохима, на Большой Мѣщанской. Что же касается до свиданія нашего, то не менѣе, какъ чрезъ два или три года, могу я быть въ Васильевкѣ вашей. Не забудьте прислать паспортъ Якиму, т.-е. плакатный билетъ [ему нельзя жить здѣсь безъ мѣста], все же адресуясь на имя Прокоповича.

Теперь припадаю къ страшнымъ стопамъ Всевышняго съ прошеніемъ и мольбою, да сохранитъ драгоцѣнные и священные для насъ годы жизни вашей, да отвѣетъ отъ васъ все, наносящее вамъ горечи и неудовольствія, и да исполнитъ меня силы истинно заслужить ваше материнское благословеніе...

P. S. Принося чувствительнѣйшую и невыразимую благодарность за ваши драгоцѣнныя извѣстія о малороссіянахъ, прошу васъ убѣдительно не оставлять и впредь таковыми письмами. [1]) Въ тиши уединенія я готовлю запасъ, котораго, порядочно не обработавши, не пущу въ свѣтъ; я не люблю спѣшить, а тѣмъ болѣе занимать поверхностно. Прошу также, добрая и несравненная маменька, ставить какъ можно четче имена собственныя и вообще разныя малороссійскія произношенія. Сочиненіе мое, если когда выйдетъ, будетъ на иностранномъ языкѣ, и тѣмъ болѣе мнѣ нужна точность, (чтобы) [2]) не исказить неправильными именованіями существеннаго имени націи. Извините, что и теперь не оставляю безпокоить васъ подобными просьбами;

---

[1]) Гоголь получилъ отъ матери письмо съ выписками, писанными 4 мая и 2 іюня (См. Соч. Гог., изд. X., т. VII, стр. 878 и 886).

[2]) Въ подлинникѣ пропущено: въ первомъ изданіи писемъ оно поставлено въ скобкахъ, въ «Запискахъ о жизни Гоголя» вовсе не имѣется.

но, зная, съ какимъ удовольствіемъ вы внимаете имъ, беру эту смѣлость. Въ замѣну опишу вамъ бытъ и занятія добрыхъ нѣмцевъ, духъ новизны, странность и прелесть еще доселѣ мною невиданнаго и все, что произведетъ сильное впечатлѣніе на меня. Благодарю также чувствительно почтеннѣйшаго Савву Кирилловича [1]). Прошу его также присылать приписочки въ ваше письмо.

Деньги вы можете адресовать прямо въ опекунскій совѣтъ Императорскаго воспитательнаго дома. Можно просрочить по самый ноябрь, но лучше, еслибы они получили въ половинѣ или началѣ октября. Не забудьте: съ тысячи по пяти рублей въ мѣсяцъ штрафу.

Прошу васъ покорнѣйше также, если случатся деньги когда-нибудь, выслать Данилевскому 100 рублей. Я у него взялъ шубу на дорогу себѣ, также нѣсколько бѣлья, чтобы не нуждаться въ чемъ. Адресъ его: Въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ..... мосту.

Цѣлую тысячу разъ милыхъ сестрицъ моихъ, Анненьку и Лизу. Ради Бога, прилагайте возможное попеченіе о воспитаніи Анненьки; старайтесь ей дать уразумѣть языки и все полезное. Я предрекаю вамъ, что это удивительное дитя будетъ геній, какого не видывали.

V. Къ ней же.

Любекъ. 1829, августа 13-го по новому стилю.

Сегодня поутру, часа въ три, прибылъ я въ Любекъ. Шесть дней плылъ я водою: это случилось оттого, что вѣтеръ въ продолженіе всего этого времени не былъ для насъ попутный. Теперь только, когда я, находясь одинъ посреди необозримыхъ волнъ, узналъ, что значитъ разлука съ вами, моя неоцѣненная маменька, въ эти торжественные, ужасные часы моей жизни, когда я бѣжалъ отъ самого себя, когда я старался забыть все окружавшее меня, мысль: *что я вамъ причиняю симъ*, тяжелымъ камнемъ налегла на душу, и напрасно старался [2]) я увѣрить самого себя, что прину-

[1]) Савва Кирилловичъ,—по словамъ А. С. Данилевскаго,—священникъ въ Олифировкѣ. А. С. Данилевскій очень смутно помнилъ его; Анна Васильевна Гоголь не помнила вовсе. См. «Матеріалы для біографіи», т. 1, стр. 351. См. выписки изъ письма его въ Соч. Гог., изд. X, т. VII, стр. 885 въ отдѣлѣ: «головной уборъ»—сперва выписка ихъ матери отъ 4 іюня, а далѣе: «Въ дополненіе описанія одежды дьячка»—пишетъ ко мнѣ іерей Савва» и проч.

[2]) Очень важное и характерное для Гоголя признаніе.

женъ былъ повиноваться волѣ Того, Который управляетъ нами свыше. [1]) Нѣтъ, я не могу разстаться съ вами, великодушный другъ, ангелъ-хранитель мой! Какъ! за эти безчисленныя благодѣянія, за эту ничѣмъ неотплатимую любовь я долженъ причинять вамъ новыя огорченія! Я долженъ, вмѣсто радости и счастливаго спокойствія, исполнить жизнь вашу горькими минутами! О, это ужасно! это раздираетъ мое сердце. Простите, милая, великодушная маменька, простите своему несчастному сыну, который одного только желалъ бы нынѣ — повергнуться въ объятья ваши и излить предъ вами изрытую и опустошенную бурями душу свою, разсказать всю тяжкую повѣсть свою. Часто я думаю о себѣ: зачѣмъ Богъ, создавъ сердце, можетъ, единственное, по крайней мѣрѣ рѣдкое въ мірѣ, чистую, пламенѣющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачѣмъ Онъ далъ всему этому такую грубую оболочку? зачѣмъ Онъ одѣлъ все это въ такую страшную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго смиренія? Но мой бренный разумъ не въ силахъ постичь великихъ опредѣленій Всевышняго.

Ради Бога, объ одномъ прошу васъ только: не думайте, чтобы разлука наша была долговременна. Я здѣсь не намѣренъ долго пробыть, несмотря на то, что здѣшняя жизнь сноснѣе и дешевлѣе (sic) петербургской. Я, кажется, и забылъ объявить вамъ главной причины, заставившей меня именно ѣхать въ Любекъ. Во все почти время весны и лѣта въ Петербургѣ я былъ боленъ; теперь хотя и здоровъ, но у меня высыпала по всему лицу и рукамъ большая сыпь. Доктора сказали, что это слѣдствіе золотухи, что у меня кровь крѣпко испорчена, что мнѣ нужно было принимать кровочистительный декоктъ, и присудили пользоваться водами въ Травемундѣ, въ небольшомъ городкѣ, въ 18 верстахъ отъ Любека. Для пользованія мнѣ нужно пробыть не болѣе двухъ недѣль. Если вы хотите, то вамъ стоитъ только приказать мнѣ оставить Любекъ [2]), и я его оставлю неме-

---

[1]) Ср. позднѣйшій разсказъ Гоголя въ «Авторской Исповѣди» о томъ, что онъ испыталъ и пережилъ во время своей первой поѣздки за границу. (Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 260—261). Въ разсказѣ этомъ впрочемъ, есть значительныя неточности, напр. будто Гоголь пробылъ за границей только три дня и возвратился на томъ же пароходѣ.

[2]) Такъ М. И. Гоголь и сдѣлала. Въ письмѣ отъ 17 ноября 1829 г. къ Петру Петровичу Косяровскому она пишетъ: «Николай мой

денно, тѣмъ болѣе, что я самъ не могу быть спокойнымъ, бывши отъ васъ далеко, особливо когда вы одни теперь наполняете душу мою, когда вамъ однимъ только ищу я случая доставить радость, но, къ несчастію, не могъ до сихъ поръ. Я въ Петербургѣ могу имѣть должность, которую и прежде хотѣлъ, но какія-то глупыя людскія предубѣжденія и предразсудки меня останавливали. Имѣніемъ, сдѣлайте милость, располагайте, какъ хотите. Продайте, ради Бога, продайте, или заложите хоть и все. Я слово далъ, что болѣе не потребую отъ васъ и не стану разорять васъ такъ безсовѣстно. Должность, о которой я говорилъ вамъ, не только доставитъ мнѣ годовое содержаніе, но даже возможность доставлять и вамъ вспоможенія въ вашихъ великодушныхъ попеченіяхъ и заботахъ.

Теперь представлю вамъ описаніе Любека. Это довольно старинный, вольный торговый городъ былъ изъ числа первыхъ, составляющихъ знаменитый Ганзейскій союзъ, съ которымъ наше отечество [особливо Новгородъ] было во всегдашнихъ торговыхъ сношеніяхъ. Впрочемъ и теперь, хотя онъ не можетъ почесться однимъ изъ самыхъ лучшихъ торговыхъ городовъ, но все, однакожъ, занимаетъ весьма важное мѣсто въ обширной торговлѣ Европы. Видъ его, строеніе его таково же, какъ и всѣхъ главныхъ городовъ Европы [нужно знать, что по Петербургу никакъ нельзя судить о столицахъ Европы: зданія, украшающія Петербургъ, всѣ относятся ко времени самому новѣйшему]. Домы здѣсь небольшіе, но чрезвычайно высоки. Вышина тѣмъ еще разительнѣе, что они такъ узки, что на переднемъ фасадѣ имѣется не болѣе, какъ четыре окна въ рядъ на цѣлой стѣнѣ; но всѣ по большей части этажей въ пять, шесть, иногда и того болѣе. Пишу къ вамъ ночью: окно у меня отворено; луна свѣтитъ, и городъ кажется очарованнымъ. Вотъ вамъ видъ улицы изъ моего окна, который

много занималъ своими письмами изъ Германіи, описывая все, что достойно было его примѣчанія, очень занимательно,—но несмотря на то, я ему велѣла возвратиться въ Петербургъ и вступить въ службу. Полно уже терпѣть нужду: въ чужихъ краяхъ быть безъ денегъ крайне тяжело, и даже безъ человѣка, котораго онъ оставилъ въ С.-Петербургѣ, и онъ отвѣчаетъ, что, какъ ему тамъ ни пріятно, воздухъ здоровѣе петербургскаго и жить сноснѣе, но когда я приказываю, то онъ возвратится непремѣнно и вступитъ въ службу». («Указатель къ письмамъ Гоголя», 1 изд., стр. 75 и «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 174).

наскоро набросалъ я на бумагу [1]). Таковы домы въ Любекѣ: всѣ дома сплочены тѣсно одинъ къ другому и не раздѣляются ни въ одномъ мѣстѣ заборомъ. Чистота въ домахъ необыкновенная; непріятнаго запаху нѣтъ вовсе въ цѣломъ городѣ, какъ обыкновенно бываетъ въ Петербургѣ, въ которомъ мимо иного дома нельзя бываетъ пройти. Крестьянки дѣвушки, въ красивыхъ корсетикахъ, съ зонтикомъ въ рукахъ, толпятся съ утра до вечера по рынкамъ и чистымъ улицамъ. Экипажей здѣсь вовсе не употребляютъ: добрые нѣмцы обыкновенно отправляются пѣшкомъ, и даже за городъ на нѣсколько верстъ. Извозчиковъ нѣтъ въ-поминѣ; зато вы увидите огромныя фуры, которыя здѣсь въ большомъ употребленіи, посреди которыхъ укрѣплены на ремняхъ ящики [въ родѣ висячаго стула]. Въ этихъ-то фурахъ вы увидите семейство, достойное фламандской школы, везущее въ городъ продукты. Въ ящикѣ обыкновенно сидитъ мать съ дочерью; на лошади, запряженной въ фуру, верхомъ усаживается сынъ; если же обрѣтается зять, то и тотъ находитъ себѣ мѣсто на той же самой лошади, а сзади уже пѣшкомъ какой-нибудь по нашему «наймытъ». Зато ужъ и ѣзда: ничего хуже я не знаю. Лошади здоровы и жирны, какъ волы, а между тѣмъ не скорѣе ихъ идутъ. Въ городѣ шуму почти вовсе незамѣтно, хотя движенія довольно. Изъ замѣчательныхъ зданій преимущественно каѳедральная церковь, которой считаютъ около тысячи лѣтъ; въ теченіе десяти столѣтій устояла среди всѣхъ перемѣнъ и волненій; триста лѣтъ назадъ, какъ она переименована изъ католической въ лютеранскую. Завтра я собираюсь побывать въ ней и въ слѣдующемъ письмѣ представлю вамъ подробное описаніе ея. Мѣста, окружающія Любекъ, недурны, но не годятся противъ нашихъ псельскихъ [2]). Домики, разбросанные за городомъ, увитые и усаженные деревьями, кустарниками и цвѣтами, прелестны и очень похожи на петербургскія дачи; воздухъ довольно здоровъ, а климатъ немного подходитъ къ нашему, т.-е. полтавскому, хотя фрукты, кажется, здѣсь зрѣютъ позже, однакожъ все не такъ, какъ въ Петербургѣ, гдѣ до сихъ поръ еще ѣдятъ малину и клубнику. Здѣсь видны по крайней мѣрѣ вишни уже. Учтивость и какая-то прелесть обращенія здѣшнихъ жителей мнѣ нравится. Про-

---

[1]) Слѣдуетъ рисунокъ. *Примѣч. перваго изданія.*

[2]) Т.-е. по берегамъ рѣки Псла.

стая крестьянка, у которой вы купите на рынкѣ за какой-нибудь шиллингъ фруктовъ или зелени, отвѣситъ вамъ съ такою пріятностью книксъ, которому позавидовала бы и наша горожанка. Находясь нѣсколько дней на пароходѣ и будучи окруженъ англичанами, которыхъ ухватки и образованность не слишкомъ тонки и исполнены приличія [что вообще бываетъ и у всѣхъ моряковъ], я былъ немного утѣшенъ въ Любекѣ.

Но, признаюсь, все это еще какъ будто скользитъ по мнѣ и пролетаетъ мимо, не приковывая ни къ чему моего безжизненнаго вниманія. Сначала, за годъ предъ симъ, думалъ я: каковы-то будутъ первыя впечатлѣнія при взглядѣ на совершенно новое, совершенно бывшее чуждымъ доселѣ для меня, на другіе нравы, другихъ людей! какъ любопытство мое будетъ разгораться постепенно! Ничего не бывало. Я въѣхалъ такъ, какъ бы въ давно знакомую деревню, которую привыкъ видѣть часто [1]). Никакого особеннаго волненія не испыталъ я. Какъ бы мнѣ теперь хотѣлось видѣть васъ, хотя одно мгновенье! Здоровы ли вы? О, будьте здоровы! будьте утѣшены наконецъ нами, и да ниспошлетъ намъ Богъ всевозможное счастіе, какимъ только можно пользоваться въ здѣшнемъ мірѣ! Прощайте, безцѣнная, великодушная маменька, единственное мое счастіе...

Обнимаю и цѣлую нѣсколько разъ сестрицу Марью Васильевну; усердный поклонъ Александрѣ Ѳедоровнѣ [2]); цѣлую Анничку и Лизу, и Оленьку, и кланяюсь всѣмъ роднымъ и знакомымъ моимъ. Если будете писать ко мнѣ письма, адресуйте все еще въ Петербургъ, на имя Николая Яковлевича Прокоповича, въ домъ Іохима. Отъ него я уже всегда буду исправно получать ихъ.

VI. Къ ней же.

Травемундъ. 1829, августа 25-го, по европейскому стилю.

Получили ли вы первое мое письмо, безцѣнная маменька, пущенное мною изъ Любека? Ради Бога, не безпокойтесь обо мнѣ: я чувствую себя несравненно лучше и здоровѣе; климатъ здѣшній ощутительно поправилъ меня; короче ска-

---

[1]) Объ ослабленіи по минованіи дѣтства своей изумительной впечатлительности Гоголь, какъ извѣстно, говоритъ въ началѣ VI главы перваго тома «Мертвыхъ Душъ».

[2]) Тимченко, сосѣдка М. И. Гоголь, которую Гоголь называлъ «сестрицей».

зать, тѣло мое совершенно здорово; одна только бѣдная душа моя страдаетъ. Я не могу представить себѣ, сколько я вамъ причинилъ безпокойствъ и огорченій, и ни одного до сихъ поръ истиннаго утѣшенія! Изрѣдка только, какъ будто отъ самого Бога, посѣщаетъ меня мысль, что, можетъ-быть, все это дѣлается съ намѣреньемъ; можетъ-быть, сѣются между нами огорченія для того только, чтобы мы могли потомъ безмятежно и радостно пользоваться жизнью [1]). Несмотря на мое желаніе, я не долженъ пробыть долго въ Любекѣ! я не могу, я не въ силахъ пріучить себя къ мысли, что вы безпрестанно печалитесь, полагая меня на такомъ далекомъ разстояніи [2]) Лѣто въ Петербургѣ уже прошло, и тамошній климатъ теперь уже не можетъ быть такъ для меня вреденъ. Объ одномъ только прошу Бога, чтобъ ниспослалъ вамъ драгоцѣнное спокойствіе, которое не можетъ обитать въ груди моей. По крайней мѣрѣ я теперь въ силахъ занять въ Петербургѣ предлагаемую должность и надѣюсь, что новыя занятія дадутъ силу душѣ моей быть равнодушнѣе и невнимательнѣе къ мірскимъ горечамъ. Какъ бы то ни было, это сильно подѣйствовало на мой характеръ, и я съ ужасомъ теперь помышляю о томъ, какъ бы я могъ бы доставлять вамъ ежеминутное утѣшеніе, и какъ я не выполнилъ этого первaго священнаго долга. Не я знаю, вы простите меня, вы простите. Меня измѣнили и передѣлали горя.

Въ первомъ письмѣ я сдѣлалъ вамъ небольшое описаніе города Любека; теперь прибавлю, что успѣлъ послѣ того замѣтить. Я былъ въ огромной здѣшней каѳедральной церкви. Это зданіе рѣшительно превосходитъ все, что я до сихъ поръ видѣлъ, своимъ древнимъ готическимъ великолѣпіемъ. Здѣшнія церкви не оканчиваются, подобно нашимъ, круглымъ или неправильнымъ куполомъ, но имѣютъ потолокъ ровной высоты во всѣхъ мѣстахъ, изрѣдка только пересѣкаемый изломленными готическими сводами. Высота равная во всѣхъ мѣстахъ и, вообразите, несравненно выше, нежели у насъ въ Петербургѣ Казанская церковь, съ шпицемъ и крестомъ. Все зданіе оканчивается по угламъ длиннымъ и угловатымъ, необыкновенной толщины, каменнымъ шпицемъ, теряющимся въ небѣ... Живопись внутри церкви удивительная. Много есть такихъ картинъ, которымъ около

[1]) Эта мысль часто повторяется и въ слѣдующихъ письмахъ.

[2]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя»: «въ такомъ далекомъ разстояніи» (т. I, 80).

700 лѣтъ, но которыя все еще плѣняютъ необыкновенною свѣжестью красокъ и осѣнены печатью необыкновеннаго искусства. Знаменитое произведеніе Альбрехта Дюрера, изваяніе Квелино, все было мною разсмотрѣно съ жадностью. На одной стѣнѣ церкви находится необыкновенной величины часы, съ означеніемъ разныхъ метеорологическихъ наблюденій, съ календаремъ на нѣсколько сотъ лѣтъ и проч. Когда настанетъ 12 часовъ, большая мраморная фигура вверху бьетъ въ колоколъ 12 разъ; двери съ шумомъ отворяются вверху; изъ нихъ выходятъ стройно одинъ за однимъ 12 апостоловъ, въ обыкновенный человѣческій ростъ, поютъ и наклоняются каждый, когда проходятъ мимо изваянія Іисуса Христа, и такимъ же самымъ порядкомъ уходятъ въ противоположныя двери; привратникъ ихъ встрѣчаетъ поклономъ, и двери съ шумомъ за ними затворяются. Апостолы такъ искусно сдѣланы, что можно принять ихъ за живыхъ. Я видѣлъ здѣсь комнату, принадлежащую собранію чиновъ города. Она великолѣпна своею давностью и вся въ антикахъ [1]).

Здѣшніе жители не имѣютъ никакихъ собраній и живутъ почти въ трактирахъ. Эти трактиры мнѣ очень нравятся. Вообразите себѣ какого-нибудь богатаго помѣщика хлѣбосола, какъ прежде, напримѣръ, бывало въ Кибенцахъ, у котораго множество гостей тутъ и живутъ, и сходятся вмѣстѣ только обѣдать или ужинать. Хозяинъ трактира занимаетъ здѣсь точно такую же роль и первое мѣсто за столомъ; возлѣ него его супруга, которой это не мѣшаетъ нѣсколько разъ сбѣгать во время стола на кухню; прочія мѣста занимаются гражданами всѣхъ націй. Со мною вмѣстѣ находились два швейцарца [2]), англичанинъ, индѣйскій набобъ, гражданинъ изъ Американскихъ Штатовъ и множество разноземельныхъ нѣмцевъ, и всѣ мы были совершенно какъ лѣтъ 10 другъ съ другомъ знакомы. Этого уже въ Петербургѣ не водится. Ужинъ всегда оканчивается пѣніемъ и всегда довольно поздно. Короче, время, здѣсь проведенное, было бы для меня очень пріятно, еслибы я только такъ же былъ здоровъ душою, какъ теперь тѣломъ; въ Траве-

---

[1]) Любопытно, что М. И. Гоголь, любившая перечитывать по многу разъ письма сына (и часто вслухъ) своимъ гостямъ, спустя нѣсколько лѣтъ увидѣла все это во снѣ. (См. письмо отъ 10 ноября 1835 года).

[2]) Въ подлинникѣ по старинному: «швейцара» (см. «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 82).

мундѣ я нахожусь два дня и завтра снова отправляюсь въ Любекъ.

Дорога отъ Травемунда до Любека и особливо отъ Любека до Гамбурга представляетъ большой и разнообразный садъ. Поля здѣшнія раздѣлены на небольшіе участки, которые всѣ обсажены въ два ряда кустарниками. Снопы на поляхъ не въ коннахъ, какъ у насъ, но обставливаются одинъ къ одному, какъ у насъ конопли.

Желаю возможнѣйшаго блага, молю Всевышняго, чтобы Онъ облегчилъ труды ваши и старанія о насъ, и чтобы далъ силы мнѣ быть истинно достойну вашего материнскаго благословенія...

VII. Къ ней же.

1829, сентября 24-го.

Съ ужасомъ читалъ я письмо ваше, пущенное 6-го сентября. Я всего ожидалъ отъ васъ: заслуженныхъ упрековъ, которые еще для меня слишкомъ милостивы, справедливаго негодованія и всего, что только могъ вызвать на меня безразсудный поступокъ мой; но этого я никогда не могъ ожидать. Какъ вы могли, маменька, подумать даже, что я— добыча разврата, что нахожусь на послѣдней степени униженія человѣчества! наконецъ рѣшились приписать мнѣ болѣзнь, при мысли о которой всегда трепетали отъ ужаса даже самыя мысли мои! Въ первый разъ въ жизни, и дай Богъ, чтобы въ послѣдній, получилъ я такое страшное письмо. Мнѣ казалось все равно, какъ будто я слышу проклятіе. Какъ вы могли подумать, чтобы сынъ такихъ ангеловъ-родителей могъ быть чудовищемъ, въ которомъ не осталось ни одной черты добродѣтели! Нѣтъ, этого не можетъ быть въ природѣ. Вотъ вамъ мое признаніе: одни только гордые помыслы юности, проистекавшіе, однакожъ, изъ чистаго источника, изъ одного только пламеннаго желанія быть полезнымъ, не будучи умѣряемы благоразуміемъ, завлекли меня слишкомъ далеко [1]). Но я готовъ дать отвѣтъ предъ лицомъ Бога, если я учинилъ хоть одинъ развратный подвигъ, и нравственность моя здѣсь была несравненно чище, нежели въ бытность мою въ заведеніи и дома. Что же касается до пьянства, я никогда не имѣлъ этой при-

---

[1]) П. С. Тихонравовъ одной изъ важныхъ причинъ, вызвавшихъ поѣздку Гоголя, считалъ неудачу, постигшую «Ганца Кюхельгартена». (Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 542).

вычки. Дома я пилъ еще вино; здѣсь же не помню, чтобы употреблялъ его когда-либо. Но я не могу никакимъ образомъ понять, изъ чего вы заключили, что я долженъ боленъ быть непремѣнно этою болѣзнію [1]). Въ письмѣ моемъ я ничего, кажется, не сказалъ такого, что бы могло именно означить эту самую болѣзнь. Мнѣ кажется, я вамъ писалъ про мою грудную болѣзнь, отъ которой я насилу могъ дышать, которая, къ счастію, теперь меня оставила [2]). Ахъ, еслибы вы знали ужасное мое положеніе! Ни одной ночи я не спалъ покойно, ни одинъ сонъ мой не наполненъ былъ сладкими мечтами. Вездѣ носились предо мною бѣдствія и печали, и безпокойства, въ которыя я ввергнулъ васъ. Простите, простите несчастную причину вашего несчастія!

Два дня только, какъ я пріѣхалъ изъ Гамбурга въ С.-Петербургъ. Богъ унизилъ мою гордость — Его святая воля! Но я здоровъ, и если мои ничтожныя знанія не могутъ доставить мнѣ мѣста, я имѣю руки, слѣдовательно не могу впасть въ отчаяніе: оно—удѣлъ безумца. Одно только мое моленіе къ Богу, одно желаніе: пусть Онъ изгладитъ изъ сердца вашего сына неблагодарнаго, вмѣстѣ съ несчастіями, имъ вамъ нанесенными, и да осчастливитъ васъ счастіемъ моихъ добрыхъ и безцѣнныхъ сестеръ! пусть онѣ будутъ вамъ утѣшеніемъ, пусть ни одна изъ нихъ не напомнитъ собою недостойнаго брата! Если же Всевышнему угодно будетъ дать мнѣ возможность и состояніе хотя со временемъ поправить разстройство и разореніе, мною вамъ причиненное, тогда только почту я, что надо мною произнесено Богомъ прощеніе. Не тревожьтесь, ради Бога, ради счастія вашихъ дѣтей, мыслью обо мнѣ. Но объ одномъ только прошу я васъ со слезами: не считайте меня способнымъ на развратъ, не принимайте безумія за него, хотя бы вы услышали, что нахожусь между развратнѣйшими изъ развратнѣйшихъ. Вѣрьте, что никогда не отступлю отъ священныхъ правилъ добродѣтели, которыя неизгладимымъ рѣзцомъ врѣзались мнѣ въ сердце.

Пошли вамъ, Боже, облегченіе въ вашихъ несчастіяхъ!

---

[1]) М. П. Гоголь отличалась необычайной мнительностью; поводъ къ своимъ тревогамъ она нашла въ одномъ изъ писемъ сына, въ числѣ разныхъ причинъ объяснявшаго свою поѣздку также и золотухой (см. письмо отъ 13 августа 1829 года).

[2]) Нѣтъ, рѣчь шла именно о золотухѣ и о сыпи на рукахъ и на лицѣ,—чего, по словамъ А. С. Данилевскаго, совсѣмъ не было.

Я не въ силахъ теперь извѣстить васъ о главныхъ причинахъ, скопившихся, которыя бы, можетъ-быть, оправдали меня, хотя въ нѣкоторомъ отношеніи. Чувства мои переполнены; я не могу перевести дыханія. Ваше письмо.... Простите, простите меня великодушная маменька!..

VIII. Къ ней же.

1829, октября 27-го.

Неполученіе писемъ отъ васъ, почтеннѣйшая маменька, я не смѣю приписывать молчанію, зная нынѣшнюю перемѣнчивую и дурную погоду для почтъ. Что же касается до меня, то, ради Бога, не безпокойтесь объ моей участи. Я познаю теперь невидимую руку Всевышняго, меня охраняющую: онъ послалъ мнѣ ангела-спасителя въ лицѣ нашего благодѣтеля, его превосходительства Андрея Андреевича [1]), который сдѣлалъ для меня все то, что можетъ только одинъ отецъ для своего сына; его благодѣянія и драгоцѣнные совѣты на-вѣки запечатлѣются въ моемъ сердцѣ.

Въ скоромъ времени я надѣюсь опредѣлиться въ службу [2]). Тогда съ обновленными силами примусь за трудъ и посвящу ему всю жизнь свою. Можетъ-быть, Богу будетъ угодно даровать мнѣ возможность загладить со временемъ мой безразсудный поступокъ и хотя нѣсколько приблизиться къ высокимъ качествамъ души нашего благодѣтеля, ангела между людей. Тогда только я буду достоинъ любви вашей, тогда только вы будете справедливо гордиться вашимъ сыномъ...

P. S. Я васъ безпокою одною просьбою: здѣсь очень дорого стоитъ пошитье манишекъ, и потому прошу васъ покорнѣйше приказать сдѣлать мнѣ на первый случай шесть. Для образчика прилагаю въ посылкѣ одну манишку. Милая сестрица моя, я думаю, не откажется въ этомъ также помочь мнѣ.

---

[1]) Трощинскаго; см. выше, примѣч. на стр. 35, примѣч. 1 и слѣд.

[2]) Итакъ Гоголь тогда еще не получилъ службы, хотя высказывалъ надежду на полученіе почти въ каждомъ письмѣ, но въ письмѣ отъ 2 апр. 1830 г. онъ въ вѣдомости прихода и расхода показалъ уже полученное имъ жалованье за декабрь. Слѣд. онъ поступилъ на службу съ декабря 1829 г.

IX. Къ ней же.

Санктъ-Петербургъ. Ноября 12-го, 1829.

Письмо ваше, пущенное 14-го октября, я получилъ, но не отвѣчалъ такъ долго потому, что вручилъ незадолго предъ симъ одно письмо Андрею Андреевичу, по его требованію, въ собственныя его руки, незапечатанное; слѣдовательно, вы не подивитесь, если я въ немъ немного польстилъ ему. Впрочемъ, онъ, точно, для меня много сдѣлалъ: по его милости, я теперь имѣю теплое на зиму платье, также заплатилъ должныя мною за квартиру.

Чѣмъ отплачу я вамъ, почтеннѣйшая маменька, за ваше материнское обо мнѣ попеченіе? Въ каждомъ письмѣ вашемъ я вижу доказательства тому, вмѣстѣ съ драгоцѣнными наставленіями вашими. Одна моя молитва, одно мое прошеніе у Бога, чтобы даровалъ мнѣ средства и силы доставить вамъ утѣшеніе послѣ толикихъ испытанныхъ вами горестей. Я надѣюсь получить довольно порядочное мѣсто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; но жалованья не могу получить раньше, какъ черезъ два мѣсяца. Нечего дѣлать, нужно будетъ прибѣгнуть снова къ Андрею Андреевичу, хотя онъ и слишкомъ много издержался въ Петербургѣ. Однакожъ, все-таки гдѣ-нибудь достану 300 рублей, а передъ вами сдержу свое слово. Боже сохрани, чтобы я осмѣлился просить у васъ, а особливо еще въ нынѣшнее время!

Вы пишете, что довольно неразсчетно живу или по крайней мѣрѣ жилъ прежде: но, ради Бога, не вѣрьте Свѣтличному [1]). Въ жизнь мою я не видѣлъ такого жестокаго лгуна. Когда онъ видѣлъ, чтобы у меня пировало множество гостей на мой счетъ? когда я нанималъ квартиру, состоящую изъ 3-хъ комнатъ, одинъ? И теперь нанимаемъ мы 3 комнаты, но насъ 3 человѣка вмѣстѣ стоятъ [2]), и комнатки очень небольшія. Еще прошу васъ, маменька, не думайте найти во мнѣ хотя искру гордости. Если я прежде казался таковымъ, то теперь не покажусь, вѣрно, имъ. Ваши мысли на этотъ счетъ совершенно согласны съ моими. Онѣ

---

[1]) Это имя можно видѣть въ конціи, принадлежавшей И. С. Тихонравову и сдѣланной еще для перваго изданія (см. «Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 548 и «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 91).

[2]) Гоголь, Прокоповичъ и Пащенко.

стоятъ быть написаны золотыми буквами; жаль только, что рѣдкіе слѣдуютъ имъ.

Вы просите, чтобы я написалъ еще что-нибудь о пути своемъ. Занимательнаго, впрочемъ, мало. Терпѣлъ только порядочную бурю на кораблѣ, во время которой, къ собственному удивленію моему, и мысль о страхѣ не закрадывалась въ мою душу; чувствовалъ только дурноту — неминуемое слѣдствіе качки [1]). Послѣ двухдневнаго плаванія, не видя ничего, кромѣ моря и неба, прибыли мы къ берегамъ Швеціи, гдѣ увидѣлъ я нѣсколько страннаго вида разбросанныхъ хижинъ. Народъ вообще хорошъ, особливо женщины стройны и недурны собою. Видъ острова Борнгольма, съ его дикими, обнаженными скалами и вмѣстѣ цвѣтущею зеленью долинъ и красивыми домиками, восхитителенъ. Изъ острова Борнгольма мы прямо пристали чрезъ четыре дня и вышли на берегъ Даніи. Я вамъ писалъ о пребываніи своемъ въ Травемундѣ и Любекѣ. Въ Гамбургѣ я пробылъ очень мало. Но предѣлы письма заставляютъ меня отложить до слѣдующаго подробности.

Чувствительно сожалѣю о неудачахъ Петра Петровича и желаю ему отъ души поправленья здоровья и обстоятельствъ. Прошу васъ, маменька, если только у васъ будетъ свободное время, доставлять мнѣ свѣдѣнія о повѣрьяхъ, обычаяхъ малороссіянъ, сказкахъ, преданьяхъ, находящихся въ простонародьи. Надѣюсь, что и ты, милая сестрица, не откажешься попрежнему участвовать [2]). Прошу васъ приказать вымѣрять длину, ширину, вышину дома и каждой комнаты порознь, или лучше — приказать кому-либо знающему написать планъ и фасадъ въ нынѣшнемъ его состояніи съ масштабомъ. Я нашелъ способъ расположить его чрезвычайно удобно при самой небольшой передѣлкѣ, на манеръ нѣкоторыхъ домовъ, видѣнныхъ мною въ Германіи. Если же не понравится, то пришлю еще другимъ образомъ...

X. Къ ней же.

1830-й, января 1-го. С.-Петербургъ.

Во-первыхъ, позвольте поздравить васъ съ новымъ годомъ, почтеннѣйшая маменька, и пожелать счастливаго

---

[1]) Гоголь во всю жизнь не могъ переносить морской качки.

[2]) М. В. Гоголь дѣйствительно и послѣ участвовала въ собираніи пѣсенъ, причемъ особенно угодила брату пѣснью: «Що се бращя якъ барятця» (см. ниже).

провожденія его. Пора бы, кажется, счастію обратиться къ намъ; но Провидѣніе, вѣрно, съ намѣреніемъ такъ долго медлитъ, и мы должны благословлять Его святую волю [1]). Ни одинъ день такъ не шуменъ въ Петербургѣ, какъ первый новаго года: все утро экипажи, лошади, люди то-и-дѣло что разъѣзжаютъ вдоль и поперекъ по всѣмъ улицамъ; всѣ спѣшатъ, какъ бы не опоздать поздравить, или хотя завезть карточку, и только въ четыре часа пополудни переводятъ немного духъ.

Отъ Андрея Андреевича узналъ я, что вы недавно гостили у Политики. Этому я радъ несказанно,—тѣмъ болѣе, что это хотя минутнымъ послужило развлеченіемъ вашихъ безпрерывныхъ заботъ.

Новостей въ Петербургѣ никакихъ. Проговорили-было объ уничтоженіи чиновъ, но до сихъ поръ еще ничего не послѣдовало. На дворцовой площади воздвигается великолѣпный памятникъ Александру, состоящій изъ колоссальной колонны, высѣченной изъ одного куска цѣльнаго гранита. Что-то скажетъ намъ новый 30-й годъ! Какое-то шумное волненіе замѣтно въ началѣ его. Но холодно и безжизненно встрѣтилъ я его. Наступленіе новаго года всегда было торжественною минутою для меня [2]). Каковъ-то будетъ для меня этотъ годъ? Чувства мои не перемѣнятся...

XI. Къ ней же.

1830-й, января 5-го. С.-Петербургъ.

Письмо ваше получилъ я только сегодня, писанное вами еще съ 12-го декабря. При письмѣ приложенъ планъ, снятый съ новаго дома плотникомъ. Онъ не только не разрѣшилъ моихъ сомнѣній, но даже еще бы больше запуталъ меня, еслибы я не такъ твердо зналъ его внутреннее и наружное состояніе. Все мое сомнѣніе заключалось въ одномъ только аршинѣ. Я помню вотъ какъ теперь, когда я смѣрялъ его въ длину, оказалось 26 аршинъ; у плотника же выходитъ ровно 9-саженный. Вся разница въ одномъ аршинѣ, но чрезъ это я не могу прислать вамъ вѣрнаго совершенно масштаба. Впрочемъ, это ничего, и я постараюсь изложить, сколько возможно, ясное предписаніе,

---

[1]) Гоголь часто высказывалъ эту мысль.

[2]) См. статью Гоголя «1834-ый годъ» (соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 105—106).

изъ котораго человѣку смѣтливому, даже не имѣющему глубокаго знанія въ архитектурѣ, удобно можно понять, въ чемъ состоитъ дѣло,—тѣмъ болѣе, что переправокъ будетъ очень немного. Сначала было думалъ я увеличить домъ пристройками, но теперь вижу я, что это дѣло несбыточное для васъ, потому что издержки значительно бы увеличились и домъ остался бы опять неоконченымъ на многіе вѣка. Теперешнія же ваши обстоятельства требуютъ сколько возможно большей экономіи... и потому нужно, чтобы домъ сколько возможно менѣе сталъ вамъ и чрезъ то чтобы скорѣе былъ къ услугамъ вашимъ. Изъ приложеннаго при семъ мною плана вы увидите, что я, сколько возможно, выгоднѣйшее старался дать ему расположеніе, и какъ можно менѣе передѣлокъ. Чтобы показать, какъ невѣренъ планъ, сдѣланный плотникомъ, я прилагаю и нынѣшнее его расположеніе. Оно послужитъ также и вамъ къ лучшему уразумѣнію. Зная, почтеннѣйшая маменька, ваше рѣдкое благоразуміе, я увѣренъ, что вы одобрите мой планъ. Что же касается до фасада, то я старался дать ему сколько возможно лучшій видъ, и также чтобы передѣлокъ было очень мало. Я хотѣлъ-было также сначала дать ему фасадъ совершенно въ новомъ вкусѣ, на манеръ видѣнныхъ мною въ образованной Европѣ [1]); но поразмысливъ, что это стоило бы многихъ передѣлокъ, притомъ еще не поймутъ, перепачатъ, и выйдетъ Богъ знаетъ что,—рѣшился оставить лишнія затѣи и приложить фасадъ, осуществленіе котораго ничего почти не будетъ стоить [2]).

По снятіи мезанина, рѣдкое размѣщеніе четырехъ колоннъ на широкомъ крыльцѣ будетъ уродливо и безобразно, и потому я рѣшился поставить восемь колоннъ, по двѣ вмѣстѣ. Чрезъ это крыльцо еще расширится, но видъ уже

---

[1]) Архитектура очень интересовала тогда Гоголя; онъ послѣ своей первой заграничной поѣздки долго оставался подъ сильнымъ впечатлѣніемъ видѣннаго. Вскорѣ же, вѣроятно, задумана статья «Объ архитектурѣ нынѣшняго времени», которую Гоголь впослѣдствіи помѣтилъ 1831 годомъ, хотя написана она могла быть не ранѣе второй половины 1833 года (см. Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 586).

[2]) Такимъ образомъ Гоголю пришлось испытать борьбу изящнаго вкуса съ неумолимыми практическими соображеніями, о которыхъ онъ говоритъ въ «Мертвыхъ Душахъ» при описаніи дома Собакевича («Было замѣтно, что при постройкѣ дома зодчій безпрестанно боролся со вкусомъ хозяина. Зодчій былъ педантъ и хотѣлъ симметріи, хозяинъ—удобства» и проч. (См. Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 90 и «Матеріалы для біографіи», II, 16—17).

будетъ прекрасный, какъ вы можете усмотрѣть изъ прилагаемаго при семъ фасада. Колонны эти дорическаго ордена, съ дорожками, или выемками по всему продолженію ихъ, что служитъ также немалымъ украшеніемъ. Для этого прежнія колонны можно перепилить на-двое и изъ четырехъ будетъ восемь: коротки онѣ не будутъ; если же это и случится, то можно употребить незамѣтные подмостки подъ верхними капителями. Касательно же поднятія комнатъ выше, то я нахожу это лишнимъ: нынѣ большею частію даже въ столицахъ дѣлаютъ комнаты невысокими, и я той вѣры, что въ деревнѣ лучше, если онѣ высоты посредственной. Онѣ очень милы и притомъ всегда будутъ теплы: а чрезъ это дерево съ мезанина, который бы, вѣрно, пошелъ весь на повышеніе дома, можетъ быть употреблено на кладовыя и амбары. Небольшая пристройка будетъ со стороны, прилегающей къ старому дому. Она заключаетъ въ себѣ маленькую кладовую, сѣни и проч. Въ гостиной и спальнѣ окна и стеклянныя двери въ садъ будутъ имѣть готическій видъ: это нынче всеобщій вкусъ, и въ деревнѣ я нахожу, что это будетъ прелестно. Рисунокъ ихъ прилагаю особенно, а при немъ также и поясненіе. Мѣсто, гдѣ теперь находится лѣстница, обращено въ моемъ планѣ въ комнату для Машеньки; буфетъ также перемѣненъ, потому что изъ него въ прежнемъ планѣ выходъ не въ столовую, а въ гостиную. [Задній фасадъ дому очень милъ будетъ въ натурѣ]. Зато вмѣсто буфета прежняго—теперь комнаты для ночлега пріѣзжающихъ гостей, или если я пріѣду, то мнѣ несравненно пріятнѣе быть въ одномъ домѣ съ вами. Если же въ дѣвичьей будетъ тѣсно рабочимъ, то могутъ переходить туда во время свободное отъ постою. Тамъ и постоянно можетъ производиться тканье ковра, или тому подобное.

Посылаю вамъ манишку для образца, которая тогда, по неблагоразумію Якима [1]), Богъ знаетъ гдѣ пролежала, вмѣсто почты. Прошу васъ покорнѣйше, маменька, сдѣлать ихъ мнѣ около дюжины. Онѣ необходимо мнѣ нужны болѣе всего бѣлья. Чрезъ день почти всегда я перемѣняю манишку: ужасно какъ скоро мараются! Прошу васъ также, чтобы въ ней все было сдѣлано совершенно такъ, какъ въ образцѣ. Простите меня великодушно, маменька, что я такъ много васъ утруждаю. Я просилъ бы васъ еще заго-

[1]) Крѣпостной слуга Гоголя, отпущенный съ нимъ въ Петербургъ, свидѣтель сожженія «Ганца Кюхельгартена».

товить мнѣ полдюжины рубашекъ и полдюжины исподняго бѣлья, котораго у меня ни одной штуки; но это можетъ еще потерпѣть до другого времени, а теперь прошу васъ поспѣшить манишками,—тѣмъ болѣе, что, кромѣ посланной къ вамъ манишки, у меня двѣ только, изъ коихъ одна еще домашняя.

XII. Къ ней-же.

С.-Петербургъ. Февраль 2 (1830).

Я получилъ письмо ваше, почтеннѣйшая маменька, пущенное вами 12 января. Слава Богу! вы внѣ опасности. Я такъ былъ напуганъ, узнавъ отъ Андрея Андреевича, что вы вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ семействомъ очень больны, что отдохнулъ тогда только, когда прочелъ собственныя ваши строки.

Недѣли три назадъ, какъ я отправилъ къ вамъ письмо съ фасадомъ и планомъ дома, а я старался приспособить ихъ такъ, чтобы сколько можно менѣе было издержекъ. Мѣсяцъ назадъ, я самъ былъ нездоровъ, но теперь поправился, слава Богу. Снова хожу каждый день въ должность и въ-силу, въ-силу перебиваюсь. Еще недавно взялъ у Андрея Андреевича 150 рублей на обмундировку [1]). Думалъ, что останется что-нибудь въ присоединеніе къ моему содержанію; напротивъ, еще долженъ прибавить. Жалованья получаю сущую бездѣлицу. Весь мой доходъ состоитъ въ томъ, что иногда напишу или переведу какую-нибудь статейку для гг. журналистовъ, и потому вы не сердитесь, моя великодушная маменька, если я васъ часто безпокою просьбою доставлять мнѣ свѣдѣнія о Малороссіи, или что-либо подобное [2]). Это составляетъ мой хлѣбъ. И теперь попрошу васъ собрать нѣсколько таковыхъ свѣдѣній, если

---

[1]) Это было уже второе крупное вспомоществованіе, полученное Гоголемъ отъ А. А. Трощинскаго, какъ видно изъ письма М. И. Гоголь къ послѣднему отъ 23 ноября 1830 г. (См. «Русск. Стар.», 1882, VI, 675); о первомъ же вспомоществованіи въ 300 рублей мы ничего не находимъ въ извѣстныхъ намъ письмахъ Гоголя къ матери, тогда какъ въ письмѣ Маріи Ивановны сказано прямо: «онъ мнѣ три раза писалъ число денегъ, отъ васъ имъ полученныхъ: *первый разъ 300 рублей* и пальто теплое и все, что было нужно ему». Очевидно, это письмо пропало или находится гдѣ-нибудь подъ спудомъ.

[2]) Гоголь напечаталъ въ этомъ году въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньина «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала» (въ февральской и мартовскихъ книгахъ, изъ которыхъ первая тогда уже вышла, тогда какъ вторая должна была вскорѣ выдти въ свѣтъ).

гдѣ-либо услышите какой забавный анекдотъ между мужиками въ нашемъ селѣ, или въ другомъ какомъ, или между помѣщиками. Сдѣлайте милость, опишите для меня также нравы, обычаи, повѣрья. Да разспросите про старину хоть у Анны Матвѣевны или Агаѳіи Матвѣевны [1]): какія платья были въ ихъ время у сотниковъ, ихъ женъ, у тысячниковъ, у нихъ самихъ, какія матеріи были извѣстны въ ихъ время, и все съ подробнѣйшею подробностью [2]); какіе анекдоты и исторіи случались въ ихъ время смѣшные, забавные, печальные, ужасные [3]). Не пренебрегайте ничѣмъ, все имѣетъ для меня цѣну. Въ столицѣ нельзя пропасть съ голоду имѣющему хотя скудный отъ Бога талантъ. Одного только нужно опасаться здѣсь бѣдняку—заболѣть. Тогда-то уже ему почти нѣтъ спасенья: источники его доходовъ прекращаются, издержки на лѣкарства и лѣкарей для него совершенно невозможны, и ему остается одно средство—умереть. Но этого со мною никогда не можетъ случиться: здѣсь есть Арендтъ [4]), котораго искусство и благородная душа чужды всякаго интереса.

Часто наводитъ на меня тоску мысль, что, можетъ быть, долго еще не удастся мнѣ увидѣться съ вами. Какъ бы хотѣлось мнѣ хотя на мгновеніе оторваться отъ душныхъ стѣнъ столицы и подышать хотя на мгновеніе воздухомъ деревни! но неумолимая судьба истребляетъ даже надежду на то. Какъ подумаю о будущемъ лѣтѣ, теперь даже томительная грусть залегаетъ въ душу. Вы помните, я думаю, какъ я всегда рвался въ это время на вольный воздухъ, какъ для меня убійственны были стѣны даже маленькаго Нѣжина. Что же теперь должно происходить въ это время, когда столица пуста и мертва, какъ могила, когда почти живой души не остается въ обширныхъ улицахъ, когда громады домовъ, съ вѣчно-раскаленными крышами, однѣ только кидаются въ глаза, и ни деревца, ни зелени, ниодного прохладнаго мѣстечка, гдѣ бы можно было освѣжиться! Не мудрено, когда прошлый годъ со мною произошло такое странное, безразсудное явленіе; я былъ утопающій, хватившійся за первую попавшуюся ему вѣтку [5]).

---

[1]) Тетки Н. В. Гоголя.

[2]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя»: «подробностію»; т. I, стр. 92.

[3]) Все это Гоголь вносилъ въ свою записную книжку, озаглавленную: «Книга всякой всячины» (См. Соч. Гог., изд. X, т. VII, стр. 873—891).

[4]) Знаменитый петербургскій врачъ.

[5]) Здѣсь, слѣдовательно, Гоголь даетъ новое и, конечно, искреннее объясненіе своей первой заграничной поѣздки, хотя, конечно, здѣсь указывается лишь одна изъ причинъ, обусловливавшихъ тогдашнее смутное настроеніе его души.

Хотя бы на это время я былъ въ состояніи нанять комнатку [1]) гдѣ-нибудь на дачѣ, за городомъ; но тамъ квартиры несравненно дороже, а при бѣдности моего состоянія, это почти невозможно.

Еще осмѣливаюсь побезпокоить [2]) одною просьбою: ради Бога, если будете имѣть случай, собирайте всѣ попадающіяся вамъ древнія монеты и рѣдкости, какія отыщутся въ нашихъ мѣстахъ, стародавнія, старопечатныя книги, другія какія-нибудь вещи, антики, а особливо стрѣлы, которыя во множествѣ находимы были въ Полѣ. Я помню, ихъ цѣлыми горстями доставали. Сдѣлайте милость пришлите ихъ. Я хочу прислужиться этимъ одному вельможѣ, страстному любителю отечественныхъ древностей, отъ котораго зависитъ улучшеніе моей участи [3]). Нѣтъ ли въ нашихъ мѣстахъ какихъ записокъ, веденныхъ предками какой-нибудь старинной фамиліи, рукописей стародавнихъ про времена гетманщины и прочаго подобнаго? Простите меня великодушно, маменька, что я васъ забрасываю просьбами и причиняю великое безпокойство. Чтобы не было вамъ тягости, вы раздѣлите свои порученія людямъ, на которыхъ можете положиться въ этомъ случаѣ.

Дай Богъ, чтобы вы наконецъ пользовались благополучіемъ, достойнымъ васъ, при какомъ желаніи и остаюсь...

P. S Глубокое почтеніе и поклонъ дѣдушкѣ Ивану Матвѣевичу [4]), бабушкамъ Марьѣ Ильиничнѣ [5]) и Аннѣ Матвѣевнѣ [6]), цѣлую заочно ручки милой тетеньки Катерины Ивановны [7]) и милую сестрицу, также и маленькихъ.

Я слышалъ про ужасные холода и морозы, свирѣпствующіе въ нашихъ мѣстахъ. Тѣмъ болѣе это для меня странно, что здѣсь въ С.-Петербургѣ все это время довольно тепло. Турецкіе посланники прибыли сюда благополучно и не нахвалятся учтивостью и ловкостью нашего садовника-форрейтера Павла.

---

[1]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (I, 93): «комнату».

[2]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» послѣ этого слова стоитъ: «васъ».

[3]) Однажды было высказано предположеніе, что рѣчь идетъ объ издателѣ «Отеч. Записокъ» Свиньинѣ. См. «Историч. Вѣстн.», 1892, VIII, стр. 395.

[4]) Косяровскому, отцу М. И. Гоголь.

[5]) Косяровской, рожденной Шостакъ, матери М. И. Гоголь.

[6]) Трощинской, теткѣ М. И. Гоголь.

[7]) Ходаревской, сестрѣ М. И. Гоголь.

XIII. Къ ней-же.

1830 года, апрѣля 2 дня. С.-Петербургъ.

Извините меня великодушно, почтеннѣйшая маменька, что я такъ долго не писалъ къ вамъ. Заботы и вѣчныя безпокойства тягчатъ меня всѣми неразлучными съ ними непріятностями. Я не понимаю, какъ я до сихъ поръ съ ума не сошелъ. Послѣ безконечныхъ исканій, мнѣ удалось наконецъ сыскать мѣсто, очень, однакожъ, незавидное [1]). Но что жъ дѣлать? важной протекціи я не имѣлъ никакой, а мои покровители водили меня до тѣхъ поръ, пока не заставили меня усомниться въ сбыточности ихъ обѣщаній [2]). Теперь моимъ мѣстомъ я, можно сказать, обязанъ своимъ собственнымъ трудамъ, и теперь, признаюсь, я въ ужасномъ недоумѣніи; самъ не знаю, что начать, къ чему обратиться, что дѣлать мнѣ. Часто приходитъ мнѣ на мысль все бросить и ѣхать изъ Петербурга; но въ то же время вдругъ представится мнѣ всѣ выгоды по службѣ и по всему, чего я лишусь, удалившись отсюда. Взявши въ сравненіе свое мѣсто съ мѣстами, которыя занимаютъ другіе, я тотчасъ вижу, что занимаемое мною есть еще не самое худшее, что многіе, весьма даже многіе захотѣли бы имѣть его, что мнѣ только стоитъ удвоить количество терпѣнія, и я могу надѣяться получить повышеніе: но зато эти многіе получаютъ достаточное количество для своего содержанія изъ дому, а мнѣ должно жить однимъ жалованьемъ [3]). Теперь посудите сами: сокративши всѣ возможныя издержки, выключая только самыхъ необходимѣйшихъ для продолженія жизни, никого никогда у себя не принимая, не выходя никогда почти ни на какія увеселенія и спектакли, отказавшись отъ любимаго моего развлеченія—отъ театра, и за всѣмъ тѣмъ я никакимъ образомъ не могу издерживать менѣе 100 рублей въ мѣсяцъ: сумма, съ которою бы никто изъ молодыхъ людей не рѣшился жить въ Петербургѣ [въ удостовѣреніе чего, прилагаю я расходъ моихъ денегъ за прошедшій мѣсяцъ, изъ него вы

[1]) Это мѣсто, незадолго передъ тѣмъ полученное Гоголемъ, было въ Департаментѣ Удѣловъ, гдѣ онъ получалъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго содержанія письма, менѣе 500 р. Передъ тѣмъ онъ имѣлъ мѣсто въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Гоголь не разъ жаловался матери на безрезультатность своихъ протекцій (см. выше, примѣч. 1-ое на стр. 116).

[3]) Въ связи съ этими жалобами Гоголя находятся и «реприманды» его матери, говорившей, что другіе, напр. Гежелинскій, составили себѣ на службѣ состояніе (см. отвѣтъ Гоголя отъ 3 іюня 1830).

можете увидѣть истину моихъ словъ, увидѣть, что умѣреннѣе меня врядъ ли кто живетъ въ Петербургѣ]. Сюда я не включаю денегъ, слѣдующихъ на платье, на сапоги, на шляпу, перчатки, шейные платки и тому подобное, чего наберется не менѣе, какъ на 500 рублей. Теперь вообразите: жалованья я не получаю и 500 рублей. Если присовокупить къ сему и получаемое мною иногда отъ журналистовъ, то всего выйдетъ 600 [1]); шутка ли? это мнѣ, выходитъ, и стаетъ все на одно только платье, сапоги, шляпу и вообще касающееся до одѣянія. Гдѣ же теперь мнѣ взять 100 рублей въ мѣсяцъ каждый на свое содержаніе? Занявшись же службой такъ, какъ слѣдуетъ, я не въ состояніи буду заниматься посторонними дѣлами. Хорошо, что я еще имѣлъ все это время такого рѣдкаго благодѣтеля, какъ Андрей Андреевичъ. До сихъ поръ я жилъ однимъ его вспомоществованіемъ. Доказательствомъ моей бережливости служитъ то, что я еще до сихъ поръ хожу въ томъ самомъ платьѣ, которое я сдѣлалъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ изъ дому, и потому вы можете судить, что фракъ мой, въ которомъ я хожу повседневно, долженъ быть довольно ветхъ и истерся также не мало, между тѣмъ какъ до сихъ поръ я не въ состояніи былъ сдѣлать новаго, не только фрака, но даже теплаго плаща, необходимаго для зимы. Хорошо еще, (что) [2]) я немного привыкъ къ морозу и отхваталъ всю зиму въ лѣтней шинели [3]). Деньги, которыя я выпрашивалъ у Андрея Андреевича, никогда не могъ употребить на платье, потому что онѣ всѣ выходили на содержаніе, а много я просить не осмѣливался, потому что замѣтилъ, что я становлюсь уже ему въ тягость [4]). Онъ мнѣ нѣсколько разъ уже говорилъ, что

[1]) Вѣроятно, здѣсь разумѣется гонораръ, полученный Гоголемъ отъ «Отеч. Записокъ» за повѣсть »Басаврюкъ, или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала». Ср. мнѣніе Н. С. Тихонравова. (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 516, примѣч.).

[2]) Слова «что» въ подлинникѣ нѣтъ (см. «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 94).

[3]) Такимъ образомъ Гоголь испыталъ на себѣ это лишеніе, чѣмъ и объясняется, по нашему мнѣнію, замѣна въ сюжетѣ произведенія, заимствованномъ изъ разсказа знакомаго, ружья—шинелью. (См. объ этомъ разсказѣ въ Соч. Гог. изд. X. т. II, стр. 610 и «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова. т. I, стр. 181, 188—189 и проч.).

[4]) Въ эту пору Гоголю сильно помогалъ его дядя Андрей Андреевичъ Трощинскій. Еще отпуская сына изъ дому въ Петербургъ, М. И. Гоголь должна была сдѣлать большія затраты на полную экипировку и тогда уже она писала Петру Петровичу Косяровскому: «Сколько мнѣ теперь затрудненій, выпровожая Николеньку, одинъ Богъ только видитъ и Онъ одинъ меня поддерживаетъ» (письмо отъ

помогаетъ мнѣ до того времени только, пока вы поправитесь немного состояніемъ, что у него есть семейство, что его дѣла также не всегда въ хорошемъ состояніи. И вы не повѣрите, чего мнѣ стоитъ теперь жаловаться ему о своихъ нуждахъ. Теперь, въ добавку, онъ располагаетъ ѣхать въ маѣ мѣсяцѣ совсѣмъ изъ Петербурга. Что мнѣ дѣлать въ такомъ случаѣ? Вы бы не худо, однакоже, сдѣлали, почтеннѣйшая маменька, еслибы написали къ нему письмо, въ которомъ бы выразили ему въ самыхъ живѣйшихъ и трогательнѣйшихъ словахъ свою благодарность и вмѣстѣ сказали бы ему, что я, въ своихъ письмахъ къ вамъ, не могу нахвалиться его ласками и его благодѣяніями, безпрестанно мнѣ оказываемыми. Пусть по крайней мѣрѣ не думаетъ обо мнѣ, что я неблагодаренъ [1]). Теперь остается мнѣ спросить васъ, маменька: въ состояніи ли вы выдавать мнѣ въ мѣсяцъ каждый по 100 рублей? Но, сдѣлайте милость, говорите точную правду. Если это будетъ не по состоянію вашему, если чрезъ это вы принуждены будете отказывать себѣ въ необходимомъ, о, въ такомъ случаѣ я рѣшусь пожертвовать всѣми выгодами службы, рѣшусь бросить Петербургъ, гдѣ, можетъ быть, я бы составилъ себѣ счастіе, удалюсь куда-нибудь въ провинцію, гдѣ бы содержаніе мнѣ не стоило такъ дорого, короче — все сдѣлаю, на что только возможно рѣшиться,

2 декабря 1828 года). Послѣ, 23 іюня 1829 г., она писала тому же любимому родственнику: «Николенькѣ надобно послать, сколько смогу» и далѣе въ слѣд. письмѣ: «Никоша мой служитъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Андрей Андреевичъ по милости своей поддерживаетъ его тамъ, а я не въ состояніи теперь ему послать ничего, тѣмъ болѣе что домъ начала отдѣлывать, и не могу вспомнить безъ ужасу, что онъ мнѣ будетъ стоить, но полагаюсь на Бога и не предаюсь отчаянію» (письмо это относится къ апрѣлю 1830, но помѣтки на немъ нѣтъ; начинается оно словами: «Христосъ воскресъ». (См. «Указатель къ письмамъ Гоголя», 1 изд., стр. 77 и «Матеріалы для біографіи», т. II, 18—19, примѣч.).

[1]) Желаніе Гоголя, безъ сомнѣнія, было исполнено его матерью, и, вѣроятно, въ нѣсколькихъ письмахъ ея къ А. А. Трощинскому; такъ все письмо М. И. Гоголь къ послѣднему отъ 23 ноября 1830 г. («Русск. Стар.», 1882, VI, стр. 675—677) наполнено передачей выраженій благодарности ея сына А. А. Трощинскому, причемъ она приводитъ даже слова, которыхъ нѣтъ по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ письмахъ, напр.: «что бы я дѣлалъ, не имѣя такого благодѣтеля? вы мнѣ, маменька, не высылаете денегъ; видно, ваши обстоятельства слишкомъ трудны». («Русск. Стар.», 1882, VI, 675). Подлинныя слова Гоголя, въ письмѣ отъ 2 апрѣля 1830 были: «хорошо еще, что я въ это время имѣю такого рѣдкаго благодѣтеля, какъ Андрей Андреевичъ.»

лишь бы не навесть новыхъ огорченій и заботъ вамъ! Но Боже васъ сохрани, великодушная моя маменька, если вы скажете мнѣ, что въ состояніи, и между тѣмъ необыкновенныхъ усилій и отказовъ во всѣхъ необходимыхъ потребностяхъ это будетъ стоить вамъ: въ такомъ случаѣ ваше вспомоществованіе обратится мнѣ въ ѣдкое мученіе; я буду почитать себя преступникомъ, который тучею безпокойствъ помрачаетъ и сокращаетъ драгоцѣнные дни ваши.

Всѣ посылки ваши получилъ и не могу возблагодарить достойно за нихъ васъ. Въ нихъ я видѣлъ новые знаки вашихъ нѣжнѣйшихъ заботъ обо мнѣ и живѣйшее стараніе снабдить меня всѣмъ нужнымъ. Приношу благодарность тетенькѣ Катеринѣ Ивановнѣ, которая рѣшилась [1]) пожертвовать временемъ — собрать для меня нѣсколько любопытныхъ пѣсенъ; но драгоцѣннѣйшія изъ нихъ есть, однакожъ, списанныя [2]) ваши двѣ запорожскія. Благодарю также Лукерью Ѳедоровну [3]) и Марью Борисовну [4]) за ихъ участіе. Жаль только, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рука такъ [5]) неразборчива, что я до сихъ поръ многаго не разобралъ.

Вы писали мнѣ, что не совсѣмъ довольны моимъ планомъ дому, а именно, что я не выставилъ пристроекъ, и чрезъ то дѣвичью комнату по моему плану вы находите слишкомъ малою. На это я могу отвѣчать, что въ нынѣшнемъ вашемъ домѣ, въ которомъ вы живете, и дѣвичья, и дѣтская, все вмѣщается въ одной комнатѣ, которая часто служитъ, сверхъ того, туалетомъ для сестры и для васъ, и потому я полагалъ, что небольшой особой комнаты довольно будетъ для дѣвичьей,—тѣмъ болѣе, (что) [6]) нѣкоторыя изъ нихъ должны сидѣть и въ дѣтской комнатѣ и въ Машенькиной. Чрезъ это предполагалъ и сбереженіе лѣсу, и издержекъ за работу, которыя, по словамъ вашимъ, немаловажны: 500 рублей за одну только придѣлку небольшихъ, маловажныхъ пристроекъ, за одну плотническую работу. Эта цѣна даже здѣсь въ Петербургѣ не назвалась бы дешевою. Впрочемъ, можетъ быть, теперь у насъ работ-

---

[1]) Начиная отсюда, вторая половина письма была перепечатана въ «Вѣстникѣ Европы». (1896, VI, стр. 730—732).

[2]) Въ «Вѣстникѣ Европы» опечатка: «описанныя» (1896, VI, 730).

[3]) Лукерья Ѳедоровна одна изъ приживалокъ М. П. Гоголь.

[4]) О ней см. выше, примѣч. къ письму Павлу Петровичу Косяровскому отъ 13 сентября 1827 и ниже, письмо отъ 2 апрѣля 1830 г. и отъ 22 ноября 1832 г.

[5]) Это слово въ «В. Евр.» пропущено.

[6]) Этого слова въ подлинникѣ нѣтъ (ср. «Вѣстн. Евр.», 1896, VI, 730).

ники вздорожали, я этого не знаю; мнѣ бы казалось только, что гораздо лучше своими снять мезонинъ и укрыть крышу, а особливо, если случится у васъ архитекторъ. Пристройка [1]) же небольшая съ мудростью одного десятка мужиковъ можетъ уладиться. Во многихъ мѣстахъ Европы, а теперь и въ Россіи, въ тѣхъ странахъ, гдѣ мало лѣсовъ, употребляютъ для постройки домовъ особенный составъ, котораго главную часть составляетъ глина [2]). Видѣвши собственными глазами производство такихъ строеній, я не могъ надивиться красивости и прочности ихъ. Пожары, бывающіе гибельными для каменныхъ строеній, ничего не могутъ сдѣлать надъ построеннымъ изъ этого состава, потому что глина отъ огня не разрушается, а дѣлается крѣпче еще. Съ радостью [3]) сообщилъ бы я описаніе производства, но знаю, что наши мужики не поймутъ и, напроказивши, назовутъ еще негоднымъ это изобрѣтеніе; притомъ его нужно видѣть самому.

Теперь вездѣ стараются распространять засѣваніе картофеля, польза котораго такъ очевидна, что я бы совѣтовалъ попробовать вамъ въ небольшомъ количествѣ. Въ другихъ странахъ прекратили засѣваніе хлѣба и сѣютъ только картофель. Вы хотите знать пользу его? Она многочисленна: во-первыхъ, картофель въ милліонъ разъ родится болѣе всякаго хлѣба; во-вторыхъ, на картофель никогда не бываетъ неурожаю [4]): онъ не боится ни засухи, ни граду, ничего. Употребленіе же его тоже многоразлично; изъ муки дѣлаются не дурные [5]) хлѣбы, особливо съ примѣсью четвертой доли другого хлѣба; изъ картофеля дѣлаютъ [6]) отличный крахмалъ, несравненно лучше пшеничнаго; но самое главное, что изъ картофеля выходитъ горѣлка, не уступающая дѣлаемой изъ жита, и доходитъ до 22 градусовъ. Муки, по расчисленію практиковъ, картофельной выходитъ съ одной десятины столько, сколько изъ двадцати десятинъ другого хлѣба; доходъ съ одной десятины полагаютъ простирающимся до 500 рублей. Это статья, кажется, такая, которою бы стоило позаняться. Изъ [7]) картофеля дѣлаютъ

---

[1]) Въ Вѣстн. Европы»: «пристроечка».

[2]) Видны слѣды наблюденій, сдѣланныхъ во время заграничной поѣздки.

[3]) У Кулиша: «съ радостію», въ »Вѣстн. Евр.»: «съ радостью». Мы не имѣли возможности свѣрить это письмо по подлиннику.

[4]) У Кулиша: «неурожая»; въ «Вѣстн. Евр.»: «неурожаю».

[5]) У Кулиша: «не дурно же»; въ «Вѣстн. Евр.»: «недурные».

[6]) Въ «Вѣстн. Евр.»: «дѣлаютъ»; у Кулиша: «дѣлается».

[7]) Въ «Вѣстн. Евр.»: «съ картофеля».

вино такимъ образомъ: сваривши картофель, растираютъ его и наливаютъ на него теплой воды вдвое больше количествомъ противъ картофеля; дать сему затору придти въ броженіе, для ускоренія коего прибавить немного солоду и пивныхъ дрождей. Когда все это придетъ въ совершенное броженіе, то перелить сію брагу въ кубъ, изъ котораго и получится вино отъ 20 до 22 градусовъ. Сдѣлайте изъ него хоть одно ведро на пробу и напишите, будетъ ли что-нибудь у васъ изъ него.

Въ самое это время, когда я хотѣлъ оканчивать письмо мое къ вамъ, посѣтилъ меня начальникъ мой по службѣ [1]), съ не совсѣмъ дурною новостью, что жалованья мнѣ прибавляютъ еще двадцать рублей въ мѣсяцъ. Итакъ, я снова спрашиваю васъ, маменька, можете ли вы мнѣ высылать по 80 рублей въ мѣсяцъ, исключая мая, за который мнѣ необходимо нужно 100: уменьшеніе, правда, маловажное, но по крайней мѣрѣ утѣшительно тѣмъ, что меня замѣчаютъ. Это даетъ мнѣ право надѣяться, что не будетъ ли еще прибавки къ новому году. Но впрочемъ, если не въ состояніи высылать мнѣ по такой суммѣ, то, сдѣлайте милость, не затрудняйте себя: я повторяю снова, что буду почитать себя причиною всѣхъ горестей и безпокойствъ.

Я уже совѣщался здѣсь и на-счетъ моего намѣренія перемѣститься въ провинцію; но признаюсь, Боже сохрани, если доведется ѣхать въ Россію! По-моему, ежели ѣхать, такъ уже ѣхать въ одну Малороссію. Но, признаюсь, если разсудить, какъ нужно, то, несмотря на мою [2]) охоту и желаніе ѣхать въ Малороссію, я совершенно потеряю все, если удалюсь изъ Петербурга. Здѣсь только человѣку достигнуть можно чего-нибудь; тутъ тысяча путей для него; нужно только употребить терпѣніе, съ которымъ можно-таки дождаться своего.

Вы теперь, кажется, не получаете никакого журнала. Посылаю вамъ одинъ [3]), который, по важности своихъ статей, почитается здѣсь лучшимъ и который достается мнѣ

---

[1]) Вѣроятно, Владиміръ Ивановичъ Панаевъ, извѣстный авторъ идиллій (о которомъ см. въ слѣдующемъ письмѣ), впослѣдствіи сильно не любившій Гоголя, какъ автора; см. Аксакова «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», стр. 21 и въ «Воспоминаніяхъ» Головачевой въ «Историч. Вѣстникѣ», 1889, IV, стр. 41—42. Онъ говорилъ, что Гоголю надо запретить писать. (См. также «Русскіе писатели и артисты», А. Я. Головачевой-Панаевой, стр. 178 и «Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 30).

[2]) Въ «Вѣстн. Евр.»: «такую».

[3]) «Отечественныя Записки».

даромъ, по причинѣ небольшого моего участія въ изданіи его. Каждый мѣсяцъ выходитъ книжка, которую я буду немедленно препровождать къ вамъ. Посылаю вамъ также нововышедшій романъ, подаренный мнѣ самимъ авторомъ [1]).

Простите [2]), добрѣйшая изъ матерей и попечительнѣйшая, за мои вѣчно наносимыя непріятности вамъ. Чего бы я не далъ, чего бы не сдѣлалъ [3]), чтобы избавить васъ отъ нихъ! Извините, что такъ дурно и неразборчиво пишу. Рука у меня обвязана и разрѣзана разбитымъ стекломъ; боль мѣшаетъ мнѣ болѣе писать. До слѣдующаго письма; простите. Очень жалѣю, что не въ силахъ болѣе написать вамъ о нужныхъ предметахъ, которые я хотѣлъ-было сообщить въ вашемъ письмѣ; теперь откладываю.

ПРИХОДЪ и РАСХОДЪ

ЗА

ДЕКАБРЬ 1829 и ЯНВАРЬ 1830.

ДЕКАБРЬ.

Приходъ.		Расходъ.	
Получено отъ его превосходительства Андрея Андреевича	150 р.	За квартиру	25 р.
		На столъ	25 »
		На дрова	7 »
		На свѣчи	3 »
		Водовозу	2 »
		На чай, сахаръ и хлѣбъ	20 »
		Въ библіотеку для чтенія	5 »
		На сапоги	10 »
		Прачкѣ	5 »
		На содержаніе человѣка	10 »
		Куплено ваксы на .	1 р. 50 к.
Итого . . .	150 р.	Итого . . .	113 р. 50 к.
Жалованья въ этотъ мѣсяцъ не получилъ, по причинѣ вычету за переименованіе въ чинъ, на инвалидовъ, на госпиталь и проч. [4])		Кромѣ того за мытье половъ заплачено.	1 р. 50 к.
		На лѣкарство	3 » 70 »
		На цирюльника . . .	1 » 50 »
Прежнихъ оставалось . . .	20 »	Итого . . .	6 р. 70 к.

[1]) Это былъ романъ Свиньина «Якубъ Скупаловъ». См. ниже, письмо отъ 19 декабря 1830 года.

[2]) Передъ этимъ вымарана строчка (см. «Вѣстн. Евр.», 1896, VI, 732).

[3]) Въ «Вѣстн. Евр.» вмѣсто словъ: «не сдѣлалъ» въ скобкахъ значится: «неразборчивое слово» (тамъ же).

[4]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя»: «гошпиталь» (т. I, стр. 94).

ЯНВАРЬ.

Приходъ.		Расходъ.		
Получено жалованья за м. январь	30 р.	За квартиру	25 р.	
Отъ Андрея Андреевича полученныхъ осталось	50 »	На столъ	25 »	
Выручилъ за статью, переведенную съ французскаго: «О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка», для «Сѣвернаго Архива»	20 »[1]	На дрова	7 »	
		На сахаръ, чай и хлѣбъ	20 »	
		На свѣчи	3 »	
		Водовозу	2 »	
		За перчатки заплачено	3 »	
		Прачкѣ	5 »	
		На содержаніе человѣка	10 »	
		За два носовыхъ платка	2 »	50 к.
		На мелкія издержки, какъ то: извозчикамъ, цирюльникамъ и проч. потреблено	5 »	
		На подтяжки	4 »	
Итого	100 р.	Итого	111 р.	50[2]).
		Въ баню	1 р.	50 к.

XIV. Къ ней же.

1830, іюня 3. С. Петербургъ.

До сихъ поръ не могу придти въ себя послѣ прочтенія письма вашего, великодушная маменька; въ изумленіи переверты̀ваю его въ рукахъ и не умѣю назвать того страннаго впечатлѣнія, которое произвело оно во мнѣ. Какъ! столько пожертвованій, съ такимъ самоотверженіемъ, и для кого? для того, который до сихъ поръ не доставилъ вамъ ни одного еще утѣшенія, не только помощи!.. Столько без-

[1]) Статья эта въ «Сѣверномъ Архивѣ» не была напечатана.

[2]) Послѣ этого письма былъ очень длинный промежутокъ въ перепискѣ Гоголя. М. И Гоголь въ письмѣ отъ 5 мая 1830 г. говоритъ Петру Петровичу Косяровскому: «Четвертый мѣсяцъ уже, какъ не получаю отъ Николеньки писемъ. Послѣднее отъ 2 февраля получила. Писалъ, что былъ боленъ, и уже выздоровѣлъ и опять началъ заниматься должностью и могъ очень легко простудиться и — Боже сохрани—впасть въ рецидиву. На сихъ дняхъ я получила письмо отъ Авдотьи Степановны г-жи Леонтьевой и ни слова не пишетъ о Никошѣ». (См. Указатель къ письмамъ Гоголя», I изд., стр. 77 — 78. «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 196 и II, стр. 19, примѣч.).— Леонтьева—сосѣдка по имѣнію и хорошая знакомая М. И. Гоголь.

покойствъ, столько душевныхъ тревогъ: столько печалей, и все объ комъ?.. Безумецъ! какъ я могъ, въ часы, когда неудачи и несчастія подавляли меня, какъ я могъ въ эти часы отчаиваться и изливать желчь на весь міръ, когда есть одно существо, ангелъ со всѣми ангельскими совершенствами, который любитъ меня со всѣми моими слабостями, которому одному только моя жизнь дороже всего на свѣтѣ, — и я могъ, въ полномъ избыткѣ счастія, почитать себя несчастливѣйшимъ! Но какъ назвать того, который за всю безграничную любовь платитъ черною неблагодарностью, причиняетъ безпрестанно новыя заботы и наводитъ цѣлыя тучи огорченій? Я не въ состояніи выдумать ему приличнаго названія, но положенія этого несчастливца я не пожелалъ бы и злѣйшему врагу: состояніе души его ужасно. Одно только заставляетъ меня терпѣть и покоряться, что, вѣрно, Богъ, пославшій мнѣ такое рѣдкое благо въ этомъ мірѣ, имѣетъ обо мнѣ особенное Свое попеченіе...

Чтобы не оставлять васъ въ недоумѣніи обо мнѣ насчетъ службы и прочаго, я буду отвѣчать на письмо ваше по пунктамъ. Служу я еще только третій мѣсяцъ въ департаментѣ удѣловъ, находящемся въ вѣдѣніи министерства двора. Главный начальникъ мой — вице-президентъ департамента, гофмейстеръ Л. А. Перовскій [1]); начальникъ отдѣленія мой, отъ котораго я непосредственно завишу [я нахожусь во 2-мъ отдѣленіи] В. И. Панаевъ [2]), человѣкъ очень хорошій, котораго въ душѣ я истинно уважаю; если же вы хотите знать и столоначальника, котораго должность не велика, однакожъ, и который мало надо мною вліянія имѣетъ, то фамилія его Д. И. Ермоловъ, человѣкъ, впрочемъ, недурной и не безъ воспитанія [3]). Теперь позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ вообще о службѣ. Вы говорите, почтеннѣйшая маменька, что многіе пріѣхавшіе въ Петербургъ, сначала не имѣвшіе ничего, жившіе однимъ жалованьемъ, пріобрѣли себѣ впослѣдствіи довольно значительное состояніе единственно стараніями и прилежаніемъ по службѣ и приводите въ примѣръ Гежилинскаго [4]). Я вамъ сотню

[1]) Братъ Василія Алексѣевича Перовскаго.

[2]) Владиміръ Ивановичъ; см. предыд. письмо.

[3]) Всѣ эти свѣдѣнія М. И. Гоголь воспроизводитъ въ письмѣ къ П. П. Косяровскому отъ 3 августа 1830 г. (См. »Указатель къ письмамъ Гоголя», 1 изд., стр. 78 и «Матеріалы для біографіи», т. II, стр. 23—24, примѣч.).

[4]) См. примѣч. къ письму отъ 2 апрѣля 1830 г.

самъ приведу примѣровъ такихъ людей, которые точно, не имѣя ни гроша, пріобрѣли впослѣдствіи многое; но вспомните, къ какому времени это относится, когда протекало ихъ поприще службы. Зачѣмъ вы не приведете въ примѣръ хотя одного такого, который бы въ нынѣшнее время, то есть, въ послѣднюю половину царствованія Александра и въ продолженіе царствованія Николая пріобрѣлъ богатство по службѣ? Въ этомъ-то и дѣло, что не тѣ времена. Эта вамъ скажетъ всякій служащій въ столицѣ. Тогда, особливо въ царствованіе блаженной памяти Екатерины и Павла, сенатъ, губернскія правленія, казенныя палаты были самыя наживныя мѣста. Теперь взятки господъ служащихъ въ нихъ гораздо ограничены; если же и случаются какія-нибудь, то слишкомъ незначительны и едва могутъ служить только небольшою помощью къ поддержанію скуднаго ихъ существованія. Въ департаментахъ же министерствъ служба нѣсколько болѣе еще облагорожена. Прежде человѣку, прослужившему нѣсколько лѣтъ вѣрою и правдою, въ награжденіе давали цѣлыя помѣстья, душъ тысячу и болѣе крестьянъ; теперь же вы сами знаете, этого ничего не даютъ уже. Стало-быть, вы спросите, теперь никакихъ нѣтъ выгодъ служить? Напротивъ, онѣ есть, особливо для того, кто имѣетъ умъ, знающій извлечь изъ этого пользу, предположившій впереди себѣ мѣту, ставши на которую, онъ въ состояніи дать обширный просторъ своимъ дѣйствіямъ, сдѣлаться необходимымъ огромной массѣ государственной. Этотъ умъ долженъ имѣть желѣзную волю и терпѣніе, покамѣстъ не достигнетъ своего предназначенія, долженъ не содрогнуться крутой, длинной почти до безконечности и скользкой лѣстницы, долженъ не упускать изъ виду малѣйшаго обстоятельства, кажущагося постороннимъ, но способствующимъ сколько-нибудь къ повышенію его, долженъ отвергнуть желаніе ранняго блеска, даже пренебречь часто восклицаніемъ свѣта: «Какой прекрасный молодой человѣкъ! какъ онъ милъ, какъ занимателенъ въ обществѣ!» Никакое желаніе разсѣянія, забавъ и развлеченій всякаго рода не должно останавливать его; онъ можетъ казаться занимающимся ими, но не на самомъ дѣлѣ. Тѣ, которымъ не данъ въ удѣлъ этотъ многосторонній, дѣятельный умъ, ограничиваются тѣмъ, что, выслуживъ узаконенныя 35 лѣтъ, выходятъ въ отставку и получаютъ полный пенсіонъ, равный получаемому ими въ послѣдній годъ жалованью; этотъ пенсіонъ достаточенъ для прокор-

мленія ихъ до смерти; впрочемъ участь этихъ людей мнѣ не завидна [1]). Я и донынѣ того мнѣнія, что человѣку стоитъ только захотѣть, чтобы получить, если то, что онъ захочетъ, возможное. Разумѣется, что здѣсь подразумѣваются терпѣніе и неколебимость. Черезъ годъ, а можетъ быть, и ранѣе, надѣюсь я получить штатное мѣсто. Это составляетъ покамѣсть единственное мое желаніе, и полученіе его будетъ для меня неизъяснимою радостью, потому что освободитъ отъ тягостной обязанности получать отъ васъ вспоможенія, когда оно вамъ болѣе всего нужно. Не думайте, почтеннѣйшая маменька, что я нерадиво занимаюсь своею должностью. Вы это заключаете изъ того, что мнѣ прибавки произошло всего только 20 рублей въ мѣсяцъ; но не думайте, чтобы 240 рублей въ годъ приращенія было маловажно для меня. По мѣсту, мною занимаемому, я не могу, хотя бы и изъ кожи лѣзъ, получить болѣе.

Литературныя мои занятія и участіе въ журналахъ я давно оставилъ, хотя одна изъ статей моихъ доставила мнѣ мѣсто, нынѣ мною занимаемое [2]). Теперь я собираю матеріалы только и въ тишинѣ обдумываю свой обширный трудъ [3]). Надѣюсь, что вы попрежнему, почтеннѣйшая маменька, не оставите иногда въ часы досуга присылать всѣ любопытныя для меня извѣстія, которыя только удастся собрать. Не могу изъяснить моей благодарности любезной моей сестрицѣ Машенькѣ, которая такъ много трудилась для меня въ этомъ дѣлѣ и которой прекрасныя качества узнаю я съ каждымъ разомъ болѣе. Пусть, однакожъ, она не думаетъ, что я до такой степени неблагодаренъ, что забываю о ней. Въ письмѣ моемъ, принося благодарность

---

[1]) Здѣсь такимъ образомъ разумѣется та самая категорія людей, которую въ Нѣжинѣ Гоголь прозвалъ «существователями». См. выше стр. 75.

[2]) Гоголь здѣсь опять указываетъ на то, что своей первой удачей онъ обязанъ не протекціямъ, на которыя возлагала большія надежды его мать, а собственнымъ трудамъ. М. И. Гоголь писала по поводу этого сообщенія о литературныхъ трудахъ сына: «Сынъ мой, слава Богу, здоровъ, я получила отъ него скоро послѣ написанія къ вамъ письмо. Я бы не воображала безпокоиться объ немъ, но Авдотьи Степановны» (сосѣдки Леонтьевой), «письмо было въ такомъ странномъ родѣ написано, что напугало меня ужасно» «(письмо отъ 11 іюля 1830 г.); см. «Указат. къ письмамъ Гоголя», I изд., стр. 78 и «Матеріалы», II, 19, примѣч.

[3]) Вѣроятно, разумѣются «Вечера на Хуторѣ».

даже Лукерьѣ Ѳедоровнѣ и Мар. Бор. [1]) я не помянулъ о ней ни слова, потому что хотѣлъ писать къ ней особо. И для этого-то самого я и теперь въ письмѣ вашемъ не пишу ничего, относящагося къ ней.

Несмотря на всѣ старанія свои [2]), я не могъ, однакожъ, имѣть никакой возможности переѣхать на дачу. Судьба никакимъ образомъ не захотѣла свесть меня съ высоты моего пятаго этажа въ низменный домикъ на какомъ-нибудь изъ острововъ. Необходимости должно повиноваться, но я всячески стараюсь услаждать свое заключеніе. Мнѣ совѣтуютъ дѣлать сколько можно больше движенія, и я каждый почти день прогуливаюсь по дачамъ и прекраснымъ окрестностямъ. Нельзя надивиться, какъ здѣсь пріучаешься ходить: прошлый годъ, я помню, сдѣлать верстъ пять въ день была для меня большая трудность; теперь же я дѣлаю свободно верстъ 20 и болѣе и не чувствую никакой усталости. И это здѣсь вовсе не удивительно; всякій этимъ можетъ похвалиться. Въ 9 часовъ утра отправляюсь я каждый день въ свою должность и пробываю тамъ до 3 часовъ; въ половинѣ четвертаго я обѣдаю; послѣ обѣда въ 5 часовъ отправляюсь я въ классъ, въ академію художествъ, гдѣ занимаюсь живописью, которую я никакъ не въ состояніи оставить [3]),—тѣмъ болѣе, что здѣсь есть всѣ средства совершенствоваться въ ней, и всѣ они, кромѣ труда и старанія, ничего не требуютъ. По знакомству своему съ художниками, и со многими даже знаменитыми, я имѣю возможность пользоваться средствами и выгодами, для многихъ недоступными. Не говоря уже объ ихъ талантѣ, я не могу не восхищаться ихъ характеромъ и обращеніемъ. Что это за люди! Узнавши ихъ, нельзя отвязаться отъ нихъ па-вѣки. Какая скромность при величайшемъ талантѣ! Объ чинахъ и въ поминѣ нѣтъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ статскіе и даже дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ классѣ, который посѣщаю я три раза въ недѣлю, просиживаю два часа; въ семь часовъ прихожу домой, иду къ кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ на вечеръ, — которыхъ у меня таки не мало. Вѣрите ли, что однихъ однокорытниковъ моихъ изъ Нѣжина до 25 чело-

---

[1]) См. письмо отъ 2 апрѣля 1830 года.

[2]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (т. I, стр. 95): «мои».

[3]) Любовь къ рисованію, проявившаяся у Гоголя еще въ лицеѣ, побуждала его во время заграничныхъ поѣздокъ посѣщать картин-

вѣкъ [1]). Вы, можетъ быть, думаете, что такое знакомство должно быть въ тягость. Ничуть; это не въ деревнѣ, гдѣ обязаны угощать своихъ гостей столомъ или чаемъ. Каждый у насъ ѣстъ у себя, пріятелей же и товарищей угощаютъ бесѣдою, которою всякій изъ насъ бываетъ вполнѣ доволенъ. Люди различныхъ характеровъ, разнаго темпераменту всегда найдутъ о чемъ поговорить, поспорить и образнообразить свой разговоръ. Три раза въ теченіе недѣли отправляюсь я къ людямъ семейнымъ, у которыхъ пью чай и провожу вечеръ. Съ 9 часовъ вечера я начинаю свою прогулку, или бываю на общемъ гуляньѣ, или самъ отправляюсь на разныя дачи; въ 11 часовъ вечера гулянье прекращается, и я возвращаюсь домой, пью чай, если нигдѣ не пилъ [вамъ не должно показаться это поздно: я не ужинаю], иногда прихожу домой часовъ въ 12 и въ 1 часъ, и въ это время еще можно видѣть толпу гуляющихъ. Ночей, какъ вамъ извѣстно, здѣсь нѣтъ; все свѣтло и ясно, только что нѣтъ солнца. Вотъ вамъ описаніе моего лѣтняго дня. Всячески стараюсь я лучше провесть его, но все почти вспоминаю за каждымъ разомъ деревню. Воздуху здѣсь нѣтъ настоящаго деревенскаго; весны совсѣмъ нельзя замѣтить; самыя растенія утратили здѣсь свой запахъ, какъ пересаженныя насильственною рукою на неродную имъ почву; все лѣто и весна продолжаются здѣсь только три мѣсяца; остальными девятью мѣсяцами управляютъ деспотически зима и осень. Удовольствія, которыя имѣю я здѣсь, всѣ почти состоятъ изъ упомянутыхъ, и потому не стоятъ мнѣ ничего. Всякая копѣйка у меня при-

---

ныя галлереи, а въ Петербургѣ привлекла его въ академію художествъ. Здѣсь Гоголь впервые узналъ ближе ту среду, изъ которой имъ были взяты герои «Портрета» и одинъ изъ героевъ «Невскаго Проспекта». Въ письмѣ отъ 29 сентября того же 1830 года Гоголь вновь говоритъ объ академіи художествъ. М. П. Гоголь въ письмѣ къ Ольгѣ Дмитріевнѣ Трощинской упоминаетъ о занятіяхъ сына въ академіи художествъ (см. «Русск. Стар.», 1882, VI, стр. 677). Въ Петербургѣ Гоголь вынесъ несравненно болѣе благопріятное впечатлѣніе отъ знакомства съ міромъ художниковъ, нежели впослѣдствіи въ Римѣ (см. «Матеріалы для біографіи», т. II, 84—86; III, 208—209; т. IV, 37—38).

[1]) Въ Петербургѣ вскорѣ по пріѣздѣ Гоголя образовался кружокъ нѣжинцевъ, большей частью лицейскихъ товарищей Гоголя, но тамъ были и нѣкоторыя другія лица, какъ-то: П. В. Анненковъ. Болѣе замѣчательные члены кружка были: Гоголь, Данилевскій, Прокоповичъ, Кукольникъ, Базили, Пащенко, Анненковъ, Мокрицкій, Гребенка и проч. (см. «Матеріалы для біографіи», I, 227).

строена, и малѣйшее исключеніе уже причиняетъ разстройство всему моему регулярному ходу издержекъ.

Но я, кажется, еще не на всѣ пункты ваши отвѣтилъ. Всѣ распоряженія, сдѣланныя вами касательно построекъ, очень хороши и отличаются всегдашнею вашею предусмотрительностію и благоразуміемъ. Касательно же моего мнѣнія разводить картофель, если у насъ мало родится, то объ этомъ нечего думать; не совѣтую даже и водки изъ него дѣлать, потому что это въ такомъ только случаѣ, когда картофелю несравненно бо̀льшее множество, нежели хлѣба. Еще едва было не позабылъ отвѣчать на одинъ вашъ запросъ, который повергнулъ меня еще въ большее удивленіе, нежели васъ. До сихъ поръ не могу постичь, отчего произошло ваше недоумѣніе и безпокойство, услышавши, что я обрѣзалъ стекломъ себѣ руку [еще бы ничего, еслибы кинжаломъ, ножомъ или другимъ какимъ орудіемъ]. Не представлялось ли вамъ, почтеннѣйшая маменька, что я гдѣнибудь на вакхической пирушкѣ, въ припадкѣ излишней веселости, вздумалъ колотить рюмки и бутылки, или, чего добраго, не пожелалось ли мнѣ пролѣзть куда-нибудь въ окошко? Ничего не бывало. Я сталъ ломать стекло, въ намѣреніи выгладить имъ палочку для кисти своей, и обрѣзалъ большой палецъ, который чрезъ то помѣшалъ моей пріятной обязанности продолжать письмо далѣе—вотъ и все.

Посылаю вамъ слѣдующій № журнала, разрѣзавши который, найдете вы въ листахъ его письмо это: хитрость, которую я сдѣлалъ, во избѣжаніе двойного платежа и за письмо, и за посылку, между прочимъ, какъ мнѣ то и другое стало столько же, сколько одно письмо.

Предувѣдомляю васъ, что въ этой книжкѣ, равно и во всѣхъ послѣдующихъ, вы не встрѣтите уже ни одной статьи моей [1]). Занятій моихъ литературныхъ хотя я и не прекратилъ, однакожъ, какъ они готовятся не для журнала, то и появятся не прежде, какъ по истеченіи довольно продолжительнаго времени. Рекомендую вамъ прочесть описаніе Полтавы, господина Свиньина, въ которомъ я хотя и природный жилецъ Полтавы, много, однакожъ, нашелъ для меня новаго и доселѣ неизвѣстнаго.

Бабушкамъ, дѣдушкѣ поклонъ; всѣхъ домашнихъ обни-

---

[1]) Гоголь, какъ извѣстно, остался недоволенъ передѣлками Свиньина въ «Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала» и оставилъ сотрудничество въ «Отеч. Запискахъ».

маю. Если Катерина Ивановна тетенька у васъ [1]), цѣлую нѣсколько разъ ея ручки.

XV. Къ ней же.

С.-Петербургъ. Сентября 1 дня, 1830.

Никакимъ образомъ не могу постигнуть причины вашего молчанія почтеннѣйшая маменька. Вотъ уже скоро будетъ два мѣсяца, какъ я не получаю отъ васъ никакого извѣстія. Ради Бога, если вы имѣете жалость къ вашему сыну, котораго все счастіе, все благополучіе заключается въ васъ, въ доставленіи вамъ утѣшенія и минутнаго забвенія вашихъ непрерывныхъ заботъ, хотя однимъ словомъ, одной строчкой напишите, что вы здоровы, и я счастливъ. Два письма мои не имѣли никакого успѣха совершенно. Изъ нихъ вы знаете подробно уже о моей службѣ и ежедневныхъ занятіяхъ. Андрей Андреевичъ былъ такъ милостивъ, видя нужду мою, что оказалъ мнѣ помощь, какой только можно было ожидать отъ добрѣйшаго родственника. Съ іюня мѣсяца, т.-е. съ тѣхъ поръ, когда я не получалъ ничего уже отъ васъ, я пользовался его благодѣяніемъ: на три мѣсяца онъ мнѣ выдалъ сумму, какую слѣдовало бы мнѣ получить отъ васъ. Слѣдовательно за прошедшіе мѣсяцы іюнь, іюль и августъ вамъ нечего безпокоиться. Завтра, или послѣзавтра Андрей Андреевичъ уѣзжаетъ отсюдова, и потому вчера далъ еще мнѣ и на первую половину сентября.

Служба моя, идетъ очень хорошо; начальники мои всѣ прекрасные люди. Всего только четыре мѣсяца, какъ я служу, а получилъ на дняхъ уже штатное мѣсто, до котораго многіе по пяти лѣтъ дослуживаются, иные даже по десяти, а все не получаютъ. Съ новаго года надѣюсь получать 1000 рублей жалованья, а до того времени долженъ буду еще безпокоить васъ, великодушная маменька. Всего въ этомъ году слѣдуетъ вамъ выслать мнѣ 300 рублей, которые можно раздѣлить на два куша. Часто большія неудобства встрѣчаются иногда отъ замедленія присылки, и тогда принужденъ я бываю продавать за безцѣнокъ самонужнѣйшія вещи, которыхъ пріобрѣтеніе становится впослѣдствіи мнѣ несравненно дороже. Но нужнѣе всего теперь для меня письмо ваше. Оно одно доставитъ мнѣ удовольствіе и заставитъ забыть и крайность, и нужду, и го-

[1]) Ходаревская.

лодъ, и всѣ непріятности въ свѣтѣ. Ради Бога, не мучьте меня болѣе, несравненная маменька. Одна строчка ваша— и я благополучнѣйшій человѣкъ...

Я пишу такъ несвязно и мало, и неудовлетворительно, что вы, безъ сомнѣнія, не будете довольны; но теперешнее письмо мое есть выраженіе душевныхъ безпокойствъ.

Тебя прошу, моя безцѣнная сестрица Машенька, если маменькѣ недосугъ, или, можетъ быть, за хлопотами недостаетъ времени, написать мнѣ поскорѣе слова два, чтобы я зналъ по крайней мѣрѣ, что вы здоровы. Прощай, безцѣнный другъ мой! [1]).

XVI. Къ ней же.

1830 года, сентября 29 дня. С.-Петербургъ.

Письмо ваше, безцѣннѣйшая маменька, пущенное вами отъ 11-го сентября, я сегодня получилъ и спѣшу сегодня же отвѣчать вамъ. Ни съ чѣмъ не могу сравнить того чувства, которое наполнило меня, когда увидѣлъ вашу собственную руку. Слава Богу, вы здоровы! Къ полному моему удовольствію недостаетъ, чтобы сестрица, милая моя Машенька, освободилась совершенно отъ своей болѣзни. Мнѣ кажется, что ей причиняетъ часто болѣзнь и то, что она иногда горюетъ [2]). Ради Бога, отгоняйте отъ себя всякое горе. Мнѣ вѣрится, что Богъ особенное имѣетъ надъ нами попеченіе: въ будущемъ я ничего не предвижу для себя, кромѣ хорошаго. Деньги, присланныя вами, я принимаю за сентябрь, октябрь и ноябрь; прежніе же мѣсяцы, благодаря рѣдкому, добрѣйшему нашему благодѣтелю Андрею Андреевичу, прожилъ я его деньгами [3]). Я вамъ уже писалъ [если вы получили письмо мое, писанное въ семъ мѣсяцѣ], что получилъ штатное мѣсто, что составляетъ довольно рѣдкій случай — получить такъ скоро. Жалованья мнѣ хотя и не прибавили, однакожъ обнадеживаютъ, что съ новаго года дадутъ. И потому въ слѣдующемъ году я надѣюсь получить отъ васъ половину назначенной мною суммы, и это, съ надеждою на Бога, полагаю, будетъ по-

---

[1]) Въ это время Гоголь почти въ концѣ каждаго письма къ матери приписываетъ нѣсколько строкъ къ старшей сестрѣ.

[2]) Марья Васильевна Гоголь въ ранней молодости была не разъ сильно больна: см. выше, письмо отъ 3 мая 1828 года.

[3]) Ср. объ этомъ въ письмѣ М. И. Гоголь къ А. А. Трощинскому («Русская Старина», 1882, VI, стр. 675.)

слѣдній годъ, въ который получу отъ васъ вспоможеніе, а тамъ надѣюсь быть полезнымъ и вамъ.

Все мнѣ идетъ хорошо. Ваше благословеніе, кажется, неотлучно со мною. Прошу только васъ не давать поселяться въ сердцѣ вашемъ безпокойству на-счетъ меня. Въ письмѣ вашемъ между прочимъ безпокоитесь, что квартира моя на пятомъ этажѣ. Это здѣсь не значитъ ничего, и, вѣрьте, во мнѣ не производитъ ни малѣйшей усталости. Самъ Государь занимаетъ комнаты не ниже моихъ; напротивъ, вверху гораздо чище и здоровѣе воздухъ. Начальники мои дѣйствительно хорошіе люди, и я ими весьма доволенъ. Не будете ли видѣться съ Шамшевыми [1]? Они хорошо знакомы съ Панаевымъ [2]) и ведутъ съ нимъ переписку. Въ такомъ случаѣ не мѣшало бы, еслибы они упомянули и обо мнѣ. Это, я думаю, ускорило бы мнѣ прибавку жалованья. Словца два-три отъ хорошихъ людей всегда не помѣшаютъ.

Новостей у насъ въ столицѣ нѣтъ почти никакихъ. Погода испортилась, дождлива и сыра. Лейбъ-гвардіи Измайловскій и конный полкъ праздновали на дняхъ столѣтнее свое существованье. Праздникъ былъ блистательный; всѣ офицеры, которые когда бы то ни было служили въ этихъ полкахъ, въ полныхъ мундирахъ присутствовали при немъ, и солдаты, въ первый разъ, можетъ быть, отъ роду, пили шампанское. Съ 23 сентября академія художествъ открыла выставку произведеній своихъ за три прошедшіе года. Это для жителей столицы другое гулянье: около тридцати огромныхъ залъ наполнены были каждый день до 27 числа толкающимися взадъ и впередъ мужчинами и дамами, и здѣсь встрѣчались такіе, которые года по два не видались между собою. Съ 27 числа академія открыта и для простого народа.

Свидѣтельствуя заочно мое почтеніе и мою признательную любовь дѣдушкѣ [3]), бабушкамъ [4]) и обнимая милую мою сестрицу [5]), съ желаніемъ ей совершеннаго здоровья, остаюсь...

Всѣмъ нашимъ знакомымъ свидѣтельствую мое почтеніе и посылаю поклонъ; маленькихъ сестрицъ цѣлую мысленно.

---

[1]) Знакомые М. И. Гоголь.
[2]) См. выше письмо отъ 2 апрѣля и примѣчанія къ этому письму.
[3]) Ивану Матвѣевичу Косяровскому.
[4]) Аннѣ Матвѣевнѣ Трощинской и Агаѳьѣ Матвѣевнѣ Лукашевичъ.
[5]) Марью Васильевну.

Позвольте при семъ поздравить васъ, безцѣннѣйшая маменька, съ наступающимъ днемъ ангела вашего и пожелать всегдашняго здоровья, спокойствія душевнаго и счастія. Я же прошу у Бога дать мнѣ силы и возможность доставить вамъ утѣшеніе, котораго такъ долго вы отъ меня не имѣли еще.

XVII. Къ ней же.

Октября 10 (1830) [1]).

Посылаю вамъ безцѣннѣйшая маменька, три слѣдующія книжки «Отечественныхъ Записокъ». Въ нихъ, однакожъ, выключая развѣ нѣкоторыхъ, мало занимательныхъ статей, предупреждаю васъ, чтобы и не искали тамъ чего-нибудь моего, потому что я уже съ давняго времени не участвую въ семъ журналѣ, какъ потому, во-первыхъ, что занятія мои по службѣ увеличились, такъ и потому, что мной, въ остающееся мнѣ свободное время, овладѣваетъ общая всѣмъ почти малороссіянамъ, проклятая лѣнь, съ которой доселѣ я былъ въ непримиримой враждѣ и которая, кажется, нынѣ смѣется надъ моимъ усиліемъ преодолѣть ее.

Наконецъ нашъ добрый благодѣтель Андрей Андреевичъ выѣхалъ, къ крайнему моему сожалѣнію, изъ Петербурга въ прошлую середу, 8-го числа сего мѣсяца. Теперь никого близкаго мнѣ не осталось: здѣшнихъ знакомыхъ какъ-то все почитаешь чужими; и потому-то мнѣ вдвое грустнѣе показалось послѣ ихъ отъѣзда. Прибѣгнуть въ случаѣ нужды не къ кому; узнать объ васъ, въ случаѣ вашего по какому-нибудь случаю молчанія, не отъ кого. Это одно опечаливаетъ меня. Безъ сомнѣнія, вамъ извѣстно, что Андрей Андреевичъ поѣхалъ не на Москву, какъ прежде думалъ, но на Кіевъ, и намѣренъ зимовать въ Кагорлыкѣ [2]). Печалитъ меня еще слишкомъ болѣзнь моей доброй сестрицы Машеньки.

Ради Бога, милая сестрица моя, береги свое здоровье, старайся, сколько можно, отдалять отъ себя печальныя мысли и воображай себѣ безпрестанно такъ, какъ я, что

---

[1]) Объ этомъ письмѣ М. И. Гоголь упоминаетъ въ письмѣ къ А. А. Трощинскому отъ 23 ноября 1830 г. (См. «Русск. Стар.», 1882, VI, стр. 675).

[2]) Кагорлыкъ—мѣстечко въ кіевской губерніи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ днѣпровской пристани Ржищевъ. См. разсказъ о томъ, какъ Кагорлыкъ былъ подаренъ Трощинскому Императрицей Екатериной II, въ «Русск. Старинѣ», 1882, VI, стр. 645, примѣч. 1-ое.

они таки придутъ, тѣ благословенныя времена, когда мы будемъ снова всѣ вмѣстѣ и уже въ полномъ довольствѣ, когда ты увидишь не того причудливаго и своенравнаго брата, который такъ часто оскорблялъ тебя, но кроткаго, признательнаго, котораго нужды и опытъ переродили совершенно и сдѣлали другимъ человѣкомъ: и мы тогда станемъ вмѣстѣ служить нашей несравненной, единственной маменькѣ, предупреждая малѣйшія желанія: и, можетъ быть, Богъ милостивъ, Онъ, вѣрно, намъ поможетъ въ томъ — доставимъ утѣшенія и истребимъ у нея изъ памяти тѣ годы печалей, которыя наносилъ я чувствительному ея сердцу. Ты, вѣрно, безцѣнная моя сестрица, напишешь мнѣ нѣсколько словъ о себѣ, чтобы я удостовѣрился въ твоемъ здоровьѣ. Давно уже я не получалъ отъ тебя писемъ.

XVIII. Къ ней же.

Декабря 19 дня, 1830.

Чувствительно благодарю васъ, почтеннѣйшая маменька, за присланныя вами деньги сто рублей. Вѣрьте, что я знаю имъ цѣну: могу ли я что-либо изъ нихъ употребить на ненужное, когда на каждой изъ сихъ ассигнацій читаю я тѣ величайшіе труды, съ которыми онѣ достаются вамъ? Давно уже меня занимаетъ одна и та же мысль — доставить вамъ въ этомъ отношеніи облегченіе. Мои удвоившіеся труды, мои успѣшныя занятія и лестное вниманіе ко мнѣ,—все заставляетъ меня думать, что участь моя, къ моему и вашему удовольствію, перемѣнится, и въ наступающемъ 1831 году, съ которымъ заблаговременно поздравляю васъ, желая счастія и всегдашняго здоровья, предвижу я для себя много хорошаго [1]). Будьте спокойны на мой счетъ и не слушайте никакихъ глупостей, разносимыхъ ничтожными людьми. Прежде нежели вы рѣшитесь вѣрить человѣку, разсмотрите напередъ его внимательнѣе, достоинъ ли онъ того, чтобы вѣрить ему. Человѣка, о которомъ вы говорите, я довольно хорошо знаю, хотя никогда не былъ коротко знакомъ съ нимъ. О моихъ *дѣла-*

[1]) М. И. Гоголь въ письмѣ къ А. А. Трощинскому отъ 15 января 1831 года передаетъ это такимъ образомъ: «сынъ мой продолжаетъ службу счастливо: его начинаютъ замѣчать съ хорошей стороны и любятъ, и онъ надѣется въ новомъ году получить для себя больше выгодъ и не столько будетъ нуждаться». (Русск. Стар.». 1882. VI, стр. 677).

кихъ дарованіяхъ и о *добромъ сердцѣ* онъ не имѣетъ никакого права говорить: о первыхъ онъ не имѣетъ понятія, второго не имѣлъ случая узнать. Если же онъ называетъ меня *чудакомъ*, потому что я избѣгалъ короткаго обхожденія съ нимъ, то этакого чудака онъ долженъ встрѣтить во всякомъ порядочномъ человѣкѣ. Занятій же у меня такъ много, что мнѣ рѣдко достается переговорить даже съ тѣми людьми, которыхъ я истинно уважаю, и потому мнѣ некогда было удѣлять времени *собакамъ*. Но чтобы рѣшиться сдѣлать подобный глупый поступокъ съ Кутузовымъ, для этого нужно быть человѣкомъ, просто сумашедшимъ, или не получившимъ совершенно никакого образованія. Еслибы я даже не былъ знакомъ съ Кутузовымъ [1]), я бы и тогда не отказалъ ему въ уваженіи, зная его достоинство и услуги, оказанныя имъ своему отечеству. Еслибы вовсе незнакомый человѣкъ поклонился мнѣ, хотя бы даже это былъ простой ремесленникъ или слуга, я бы отплатилъ ему тѣмъ же, потому что этого требуютъ правила учтивости и вѣжливости. Мнѣ очень больно, что я принужденъ вамъ говорить объ этомъ человѣкѣ, потому что я не люблю разславлять худого про кого бы то ни было; но вы сами заставили меня. Я отвѣчалъ сначала молчаніемъ на разспросы о немъ сестрицы моей и вовсе не хотѣлъ говорить о немъ. Когда онъ у меня просилъ письма къ вамъ, при отъѣздѣ своемъ отсюда [гдѣ онъ такъ славно окончилъ карьеръ свой], я не далъ ему, потому что въ письмѣ долженъ бы былъ рекомендовать вамъ его съ хорошей стороны и впослѣдствіи вы бы, можетъ быть, пеняли на меня, что я доставилъ вамъ такое знакомство. Теперь вы имѣете случай узнать его сами и увидѣть, что̀ онъ за паца. [2])

Всѣ эти сплетни отъ такихъ людей мнѣ столько же приносятъ неудовольствія, сколько можетъ принесть его неважное ни для кого происшествіе. Но мнѣ больно то, что вы сами, маменька, обо мнѣ говорите худое. Я здѣсь разумѣю письмо ваше, писанное вами предъ этимъ. Вы мнѣ приписываете тѣ сочиненія, которыхъ бы я никогда не

---

[1]) Имя выставлено на основаніи копіи, принадлежавшей Н. С. Тихонравову; подлиннаго письма мы не видѣли.

[2]) Какъ видно изъ письма, отъ 8 декабря 1831 г., рѣчь идетъ здѣсь о дальнемъ родственникѣ Гоголя, Степанѣ Меркурьевичѣ Яновскомъ, сынѣ священника о. Меркурія, о которомъ, см. выше въ письмѣ къ Петру Петровичу Косяровскому, отъ 8 сентября 1828 г. О Степанѣ Меркурьевичѣ см. также въ письмѣ Гоголя къ Прокоповичу отъ 20 іюня 1847 года.

признать своими ни за какія деньги. Зачѣмъ марать мое доброе, еще не запятнанное ничѣмъ имя? Если вы такъ мало знаете меня, что нашли въ этихъ сочиненіяхъ мой духъ, мой образъ мыслей, то вы слишкомъ худого мнѣнія обо мнѣ. Неужели я заслужилъ его отъ васъ? Вы бы по крайней мѣрѣ обратились къ какому-нибудь человѣку, которому извѣстенъ ходъ нашей литературы: тотъ бы вамъ сказалъ, что отрывки изъ комедіи «Свѣтскій Бытъ» были помѣщаемы три года назадъ тому, когда я былъ еще въ Нѣжинѣ, въ журналахъ и альманахахъ, съ полною подписью автора: *Павелъ Свинынъ*, отъ котораго я получилъ и романъ «Якубъ Скупаловъ». Сфера дѣйствія этого романа во глубинѣ Россіи, гдѣ до сихъ поръ еще и нога моя не была. Еслибы я писалъ что-нибудь въ этомъ родѣ, то, вѣрно бы, я избралъ для этого Малороссію, которую я знаю, нежели страны и людей, которыхъ я не знаю ни нравовъ, ни обычаевъ, ни занятій. Но главное — скажите: встрѣтили ли вы хотя одну мысль, хотя одно чувство, принадлежащее мнѣ? Третью же, самую глупѣйшую статью я принужденъ былъ теперь только прочитать наскучно. Что вы нашли моего въ этомъ лоскуткѣ бумаги? и я, посвятившій себя всего пользѣ, обработывающій себя въ тишинѣ для благородныхъ подвиговъ, пущусь писать подобныя глупости! унижусь до того, чтобы описывать презрѣнную жизнь какихъ-то низкихъ тварей, и такимъ площалнымъ, вялымъ слогомъ! буду способенъ на такое низкое дѣло, буду столько неблагодаренъ, черенъ душою, чтобы позабыть [1]) мою рѣдкую мать, моихъ сестеръ, моихъ родственниковъ, жертвовавшихъ для меня послѣднимъ для какой-нибудь дѣвчонки! Даже имя, подписанное подъ этой статьею, не похоже на мое: тамъ, если не ошибаюсь, написано: *В. Б — въ*. Зная, что вы мнѣ не повѣрите безъ доказательства [я не знаю, чѣмъ я утратилъ ваше ко мнѣ довѣріе; я вамъ говорилъ, что вы не встрѣтите въ посылаемомъ вамъ журналѣ ничего моего; вы мнѣ не повѣрили, я старался всѣми силами узнать имя автора этой пьесы, и наконецъ узналъ, что съ моей стороны и не хорошо, потому что авторъ самъ, можетъ быть, чувствовалъ глупость этой статьи и не выставилъ полнаго своего имени, а я принужденъ объявить: это нѣкто Владиміръ Бурнашевъ, служащій здѣсь, говорятъ, даже хорошій молодой человѣкъ.

[1]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» явная опечатка: «позабывать» (т. I, стр. 97); въ первомъ изданіи писемъ: «позабыть».

Но чувствую, что я заговорился много объ пустякахъ, и мое оправданье походитъ даже нѣсколько на выговоръ. Простите, великодушная моя маменька, оскорбленному нѣкотораго рода самолюбію, которое таится у всякаго человѣка и заставляетъ его защищать себя отъ часто несправедливо возводимыхъ худыхъ качествъ. Вѣрьте, безцѣнная маменька, единственный правдивый другъ мой [я думаю, что я долженъ называть васъ другомъ; я думаю, никто въ мірѣ не счастливѣе меня, имѣя такое неоцѣненное благо], что всѣ мои желанія, всѣ мои мысли ограничиваются доставленіемъ вамъ утѣшенія и забвенія всѣхъ угнетавшихъ васъ горестей.

Съ каковыми чувствами и пребуду вѣкъ вашимъ послушнѣйшимъ и нѣжно васъ любящимъ сыномъ

Николай Гоголь.

XIX. Сестрѣ М. В. Гоголь.

Милая сестрица!

Благодарю тебя, другъ мой, за твою приписочку и за воспоминаніе частое обо мнѣ. Я не знаю только, почему ты думаешь, какъ о несбыточной вещи, о нашемъ свиданіи. Вѣрь, милый другъ мой, что мы непремѣнно увидимся съ тобою, и раньше, нежели ты думаешь. Если только я буду имѣть возможность пріѣхать домой къ вамъ на свой счетъ, не доставя вамъ никакихъ издержекъ, то это будетъ мое первое дѣло и долгъ—поблагодарить васъ лично за ваши великодушныя пожертвованія для меня. Не могу тебѣ объяснить, какъ я радъ счастію милой и доброй сестрицы нашей Александры Осдоровны. Отъ всей души желаю ей продолженія его на всю жизнь. Она его достойна, по своей доброй, кроткой и прекрасной душѣ. Подарокъ мой, милая моя сестрица, носили ли бы его, или нѣтъ, я всегда буду носить на себѣ, если тебѣ только вздумается прислать его.

Цѣлую несчетно моихъ прелестныхъ сестрицъ и горю нетерпѣніемъ видѣть ихъ. Бабушкамъ, дѣдушкѣ, всѣмъ родственникамъ, знакомымъ и всѣмъ, кто только помнитъ обо мнѣ, поклонъ.

Краткій обзоръ содержанія писемъ 1831 г.

Со вступленіемъ въ литературный кругъ, въ жизни Гоголя совершается знаменательный переломъ, отражающійся въ письмахъ явнымъ подъемомъ духа. Если въ предыдущемъ году онъ высказывалъ не разъ смѣлыя надежды на будущее (несмотря на тяжелыя нѣтъ обстоятельствъ, когда постоянно приходилось просить денегъ не только у матери, но и у дяди А. А. Трощинскаго, и даже подумывать объ оставленіи Петербурга), — то тогда это былъ почти безотчетный юношескій оптимизмъ и вѣра генія въ свои силы, и только. Теперь Гоголь чувствуетъ себя уже на твердой почвѣ, и не безъ самодовольства говоритъ о своемъ измѣнившемся положеніи. Въ письмахъ чувствуется новый тонъ увѣренности въ себѣ: уже не новичка на жизненномъ поприщѣ, а какъ бы человѣка опытнаго и по праву пользующагося разнообразными успѣхами. Лѣто онъ проводитъ частію въ обществѣ Жуковскаго и Пушкина, которые дружески относятся къ нему какъ къ младшему собрату. Не безъ гордости онъ сообщаетъ уѣхавшему на Кавказъ другу своему Данилевскому: «все лѣто прожилъ я въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы: *Жуковскій, Пушкинъ и я*». «Вечера на хуторѣ» доставляютъ ему первое упоеніе большого успѣха.

XX. Къ матери.

Февраля 10 дня, 1831. С.-Петербургъ.

Письмо ваше, пущенное вами отъ 15-го января, я получилъ третьяго дня; во всемъ, даже въ требованіи вашемъ увѣдомить о г. Шостакѣ [1]), видна нѣжная ваша материнская заботливость обо мнѣ, но, къ величайшему сожалѣнію,

---

[1]) Шостакъ, Григорій Ильичъ — родственникъ Гоголя, братъ его бабушки по матери, Маріи Ильиничны, которая не разъ упоминалась въ предыдущихъ письмахъ. Онъ былъ, какъ говоритъ Гоголь, «одинъ изъ числа семи откупщиковъ, взявшихъ на себя городъ Петербургъ» Дѣло пошло сначала, повидимому, успѣшно, но вскорѣ онъ разорился, подвергся за долги домашнему аресту и наконецъ скрылся неизвѣстно куда (слышано отъ покойной Анны Васильевны Гоголь). См. «Матеріалы для біографіи», т. II, стр. 32).

вашихъ приказаній въ точности я не въ состояніи теперь выполнить. Случай свелъ меня еще въ началѣ прошлаго 1830 года [въ январѣ или въ февралѣ мѣсяцѣ, не помню] съ однимъ изъ племянниковъ Григорія Ильича. Отъ него узнавши о мѣстопребываніи его, я не замедлилъ навѣстить его. Онъ еще въ то время былъ одинъ изъ числа 7 откупщиковъ, взявшихъ на себя городъ Петербургъ. Откупщики эти не получили никакихъ совершенно выгодъ; въ разговорѣ, однакожъ, со мною онъ старался не давать этого замѣтить. Мнѣ странно только было найти въ этомъ человѣкѣ, можно сказать, изжившемъ всю жизнь свою прожектами, черты юношеской неосновательности и то, что, съ своимъ, повидимому, добрымъ сердцемъ, успѣлъ надѣлать столько непріятностей другимъ. Послѣ я узналъ уже стороною, что онъ находился все это время подъ арестомъ и ему запрещенъ былъ вовсе изъ дому выѣздъ. Бывшіе съ нимъ въ короткихъ связяхъ говорятъ, что онъ никогда даже не былъ въ хорошихъ обстоятельствахъ и, при рѣдкомъ счастіи, всегда бывалъ почти самъ причиною его утраты. Впрочемъ одинъ поступокъ тотъ, посредствомъ котораго онъ помогъ роднымъ своимъ, извиняетъ его много [1]). Удастся ли ему уберечь что-нибудь для дѣтей? Долгъ у него въ нѣсколько разъ превышаетъ имѣніе. Теперь я его не видалъ, потому что не могъ отыскать: нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ съѣхалъ съ своей квартиры, — куда, зачѣмъ и какъ, никто не знаетъ. Петербургъ взятъ на откупъ въ семъ году какою-то Остъ-зейскою компаніею.

Насчетъ дѣла г-жи Клименко [2]) удовлетворительнаго ничего не могу сказать. Одна только сильная протекція могла бы сдѣлать что-нибудь въ ея пользу, но и то не въ такихъ обстоятельствахъ, какъ ея нынѣшнія. Вамъ, я думаю, извѣстно, что комиссія построенія храма въ Москвѣ уничтожена по причинѣ страшныхъ суммъ, истраченныхъ ея чиновниками. Всѣ они находятся едва ли до сихъ поръ не подъ слѣдствіемъ; слѣдовательно не только не въ правѣ

[1]) По словамъ Анны Васильевны Гоголь, онъ прислалъ всѣмъ сестрамъ по десяти тысячъ, разумѣется вначалѣ, когда дѣло приняло было хорошій оборотъ (тамъ же).

[2]) Клименко былъ въ числѣ членовъ по комиссіи построенія храма Спасителя. Онъ былъ сосѣдъ М. И. Гоголь по имѣнію. Несмотря на то, что онъ былъ отрѣшенъ отъ должности, по смерти его вдова хлопотала о пенсіи и просила М. И. Гоголь поручить сыну справиться о ней въ Петербургѣ. («Матеріалы для біографіи» т. II, стр. 31).

требовать себѣ пенсіи, но даже могутъ ожидать непріятностей. Впрочемъ Государь милостивъ. Еслибы она нашла себѣ другой какой предлогъ требовать, можетъ быть, тогда было бы это успѣшнѣе. Въ томъ или другомъ случаѣ не совѣтуйте ей слишкомъ надѣяться и ожидать многаго. Если и получитъ успѣхъ, пусть лучше успѣхъ этотъ будетъ для нея неожиданный. Ничего нѣтъ хуже и горестнѣе для человѣка несбывшихся надеждъ.

О себѣ скажу, что мои обстоятельства идутъ, чѣмъ далѣе, лучше и лучше: все поселяетъ въ меня надежду, что если не въ этомъ, то въ слѣдующемъ году, я буду уже въ возможности содержать себя собственными трудами; по крайней мѣрѣ основаніе положено изъ самаго крѣпкаго камня [1]. Только я васъ теперь сильно потревожу убѣдительной просьбою о присылкѣ двухъ сотъ пятидесяти рублей. Это составитъ половину слѣдуемой мнѣ суммы въ нынѣшнемъ году [въ теперешнемъ году мнѣ нужно отъ васъ получить только 500]. Въ іюнѣ мѣсяцѣ попрошу у васъ остальную половину, и это требованіе, надѣюсь, будетъ послѣднее. Если вамъ можно будетъ теперь собрать такую сумму, то я васъ прошу усерднѣйше, почтеннѣйшая маменька, прислать мнѣ ихъ немедленно.

Письмо ваше меня обрадовало тѣмъ, что изъ него увидѣлъ я, что мѣста наши, слава Богу, благополучны. [2]) Вѣрьте, что Богъ ничего намъ не готовитъ въ будущемъ, кромѣ благополучія и счастія. Источникъ ихъ находится въ собственномъ нашемъ сердцѣ. Чѣмъ оно добрѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ притязаній и правъ на счастіе. Какъ благодарю я вышнюю Десницу за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ! Ни на какія драгоцѣнности въ мірѣ не промѣнялъ бы ихъ. [3]) Чего не извѣдалъ я въ то короткое время! Иному во всю жизнь не случалось имѣть такого разнообразія. Время это было для меня наилучшимъ воспитаніемъ, какого я думаю, рѣдкій міръ могъ имѣть. Зато какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ! какая

[1]) Это подало поводъ М. И Гоголь написать Ольгѣ Дмитріевнѣ Трощинской отъ 3 апрѣля 1831 г.: «Отъ сына моего я очень рѣдко получаю письма, но зато, благодаря Бога, пріятныя». («Русск. Стар.», 1882, VI, 677).

[2]) По отношенію къ свирѣпствовавшей тогда холерѣ. М. И. Гоголь, въ свою очередь, получивъ письмо отъ 19 декабря, съ облегченнымъ сердцемъ извѣщала А. А. Трощинскаго, что ея опасеніе о холерѣ въ Петербургѣ оказалось напраснымъ (Русск. Стар., 1882, VI, 677).

[3]) Ср. письмо къ Жуковскому отъ 28/16 іюня 1836 г.

неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей! Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе, но это стремленіе—польза. Мнѣ любо, когда не я ищу, но моего ищутъ знакомства [1]). Весь этотъ годъ будетъ болѣе ничего, какъ только утвержденіе мое, укрѣпленіе на мѣстѣ, обезпеченіе отъ всѣхъ нуждъ; и потому весь этотъ годъ я не могу и не долженъ даже на время оставлять поста своего, слѣдовательно долженъ даже отложить надежду на радостное свиданіе съ вами; но въ слѣдующемъ году вы прижмете къ нѣжной материнской груди вашей жарко любящаго васъ сына...

Мою безцѣнную сестрицу не знаю, какъ благодарить за ея подарокъ. Если со временемъ представится мнѣ случай принесть благодарность существенную, то этотъ случай будетъ уже для меня неизъяснимая радость: а до того, цѣлуя ее нѣсколько разъ, желаю ей всего хорошаго и главное—не измѣняться въ своихъ чувствахъ къ вѣчно любящему ее брату.

Живите какъ можно веселѣе, прогоняйте отъ себя непріятности, по крайней мѣрѣ не смущайтесь ими: все пройдетъ, все будетъ хорошо. Неужели вы не замѣчаете чудной воли высшей? Все это дѣлается единственно для того, чтобы мы болѣе поняли послѣ свое счастіе. Мысль моя всегда съ вами. За чайнымъ столикомъ, за обѣдомъ, я невидимкой сижу между вами, и если вамъ весело слишкомъ бываетъ, это значитъ, что я втерся въ кругъ вашъ;

---

[1]) Въ это время Гоголь уже былъ сотрудникомъ «Литературной Газеты» Дельвига и былъ знакомъ съ Дельвигомъ; см. въ «Воспоминаніяхъ о В. И. Далѣ» Мельникова (Печерскаго) въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1873, III, 295—296 и въ статьѣ Гаевскаго о Дельвигѣ («Современникъ», 1854, IX, 7—8), и хотя 14 января того же года Дельвигъ уже умеръ, но Гоголь вскорѣ познакомился съ Плетневымъ, Жуковскимъ и другими. 9 марта онъ уже былъ назначенъ преподавателемъ исторіи въ Патріотическій Институтъ благородныхъ дѣвицъ, на что, вѣроятно, надѣялся, уже около того времени, къ которому относится настоящее письмо. М. И. Гоголь въ письмѣ къ Петру Петровичу Косяровскому передаетъ слова своего сына такимъ образомъ: «Я получила отъ Николеньки письмо очень пріятное, — что онъ счастливо продолжаетъ службу и благодаритъ Бога за всѣ претерпѣнныя имъ нужды и разнообразія» (выраженіе Гоголя: «иному во всю жизнь не случалось имѣть такого *разнообразія*»), которыхъ «иному во весь вѣкъ не придется испытывать. Зато пишетъ: «какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ и какая твердость въ душѣ моей, и какъ пріятно мнѣ, что не я ищу, но моего ищутъ знакомства» (послѣднія строки выписаны изъ письма почти буквально). См. «Указатель къ письмамъ Гоголя», 1 изд., стр. 78 и «Матеріалы для біографіи». т. II, стр. 29—30).

и потому, если вы хотите побольше бесѣдовать и быть со мною, вы должны непремѣнно побольше веселиться.

Расцѣлуйте моими устами всѣхъ трехъ моихъ красавицъ сестрицъ, и попросите у нихъ великодушнаго извиненія за мою недогадливость — до сихъ поръ не прислать имъ даже къ новому году подарка, за которую мстятъ онѣ до сихъ поръ упорнымъ молчаніемъ.

XXI. А. С. Данилевскому.

(Записочка). [1]

То мѣсто еще не вакантное, какъ говоритъ Плетневъ. Правда, инженеръ этотъ сначала отказывался по причинѣ уменьшенія ему жалованья, но послѣ взялся снова. Впрочемъ онъ ничего не знаетъ про происшествіе, случившееся съ нимъ на дняхъ; съ своей же [2]) стороны радъ всѣми силами дѣйствовать въ мою пользу. Но я не [3]) рѣшился сегодня явиться по его совѣту къ вашему генералу, потому что непріятно и конфузно будетъ для меня, если объявитъ онъ мнѣ [4]) о невозможности выполнить по этой причинѣ моего желанія. И потому я прошу тебя узнать, сколько можно пообстоятельнѣе, про это дѣло, и если нельзя сегодня, то по крайней мѣрѣ завтра увѣдомить меня [5]).

Твой Гоголь [6]).

XXII. Къ матери.

С.-Петербургъ. 16 апрѣля 1831.

Благодарю васъ, добрая и почтеннѣйшая маменька, за присланныя вами деньги. Чувствую, сколькихъ трудовъ стоило вамъ собрать ихъ, и заранѣ(е) радуюсь, предвидя впереди возможность нѣсколько вознаградить васъ. Я вамъ

---

[1]) Записочка эта, написанная на неаккуратно оторванной нижней части полулиста сѣрой бумаги большого формата, печатается въ первый разъ. Она относится, несомнѣнно, къ тому времени, когда Гоголь съ Данилевскимъ жили вмѣстѣ въ Петербургѣ и когда, уже познакомившись съ Плетневымъ, и не удовлетворенный своей службой въ департаментѣ, нашъ писатель искалъ другую, но еще не поступилъ въ Патріотическій Институтъ, слѣд. въ концѣ 1830 или въ началѣ 1831 года.

[2]) Слово «же» вписано сверху.

[3]) Слово «не» вписано сверху.

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «что».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто какое-то начатое слово: «про»...

[6]) Не дописано.

обѣщалъ въ этомъ году потребовать отъ васъ 500 рублей, какъ послѣдніе, послѣ чего я уже не буду имѣть права просить у васъ, и это обѣщаніе выполнилъ бы непремѣнно, хотя бы обстоятельства мои и не приняли теперешняго оборота. Въ іюлѣ мѣсяцѣ я ожидаю снова отъ васъ двухъ сотъ пятидесяти рублей, послѣ чего будьте совершенно спокойны. Въ 1832 году буду имѣть возможность пріѣхать къ вамъ, не принесши вамъ никакихъ издержекъ, а въ 33, въ свою очередь, помочь вамъ. Правда, долго, но нечего дѣлать: нужно имѣть твердость и терпѣнье всегда при себѣ.

Я было вздумалъ захворать геморроидами и почелъ ее Богъ знаетъ какою опасною болѣзнію [1]). Но послѣ узналъ, что нѣтъ въ Петербургѣ ни одного человѣка, который бы не имѣлъ ея. Доктора совѣтовали мнѣ меньше сидѣть на одномъ мѣстѣ. Этому случаю я душевно былъ радъ оставить чрезъ то ничтожную мою службу, ничтожную, я полагаю, для меня, потому что иной, Богъ знаетъ, за какое благополучіе почелъ бы занять оставленное мною мѣсто. Но путь у меня другой, дорога прямѣе, и въ душѣ болѣе силы идти твердымъ шагомъ. Я могъ бы остаться теперь безъ мѣста, еслибы не показалъ уже нѣсколько себя. Государыня приказала читать мнѣ въ находящемся въ Ея вѣдѣніи институтѣ благородныхъ дѣвицъ [2]). Впрочемъ вы не думайте, чтобы это много значило. Вся выгода въ томъ, что я теперь немного больше извѣстенъ, что лекціи мои мало-по-малу заставляютъ говорить обо мнѣ и главное, что имѣю гораздо болѣе свободнаго времени: вмѣсто мучительнаго сидѣнія по цѣлымъ утрамъ, вмѣсто 42 часовъ въ недѣлю, я занимаю(сь) теперь 6, между тѣмъ жалованье даже немного болѣе; вмѣсто глупой, безтолковой работы, которой ничтожность я всегда ненавидѣлъ, занятія мои теперь составляютъ неизъяснимыя для души удовольствія. Осенью поступитъ ко мнѣ Екатерининскій институтъ и еще два заведенія; тогда я буду занимать 20 часовъ и жалованья буду получать вчетверо болѣе теперешняго. Но между тѣмъ занятія мои, которыя еще большую принесутъ мнѣ извѣстность, совершаются мною втиши, въ

---

[1]) Здѣсь мы находимъ первое упоминаніе объ этихъ страданіяхъ Гоголя, которыя впослѣдствіи такъ мучили его.

[2]) Гоголь поступилъ въ Патріотическій Институтъ учителемъ 10 марта 1831 года

моей уединенной комнаткѣ: для нихъ теперь времени много [1]).

Но я наскучилъ вамъ разсказами объ себѣ. Человѣкъ, какъ, кажется, съ виду ни исполненъ самоотверженія, а всегда на дѣлѣ эгоистъ, всегда охотнѣе заговаривается о себѣ самомъ. Всегда ли вы бываете здоровы? Ради Бога, веселитесь побольше: это одно, и самое вѣрное, лѣкарство противъ всѣхъ болѣзней. А мнѣ кажется, въ деревнѣ, въ домашнемъ кругу, столько можно найти удовольствій и веселости, какихъ не представитъ ни одна столица: нужно только умѣть находить ихъ. Трудъ, но только спокойный, полезный безъ хлопотъ, суетливости и поспѣшности, всегда имѣетъ неразлучную себѣ спутницу—веселость. Я не знаю, какъ могутъ люди жаловаться на скуку! Эти люди всегда недостойны названія людей. Я теперь болѣе, нежели когда-либо, тружусь, и болѣе, нежели когда-либо, веселъ. Спокойствіе въ моей груди величайшее... Но я опять заговорилъ о себѣ.

Опасайтесь какъ можно болѣе людей, которые набиваются сами помогать въ хозяйствѣ, особливо если они успѣли занятнать себя дурными поступками, мотовствомъ и совершеннымъ незнаніемъ хозяйства, несмотря на свою всегдашнюю хвастливость [2]). Если у васъ есть кому заняться на досугѣ, я бы очень желалъ имѣть планъ нынѣшняго двора нашего, конюшень. Какъ пріѣду, ничего не узнаю: все новое для меня. Планъ этотъ можно сдѣлать просто карандашомъ, не наблюдая слишкомъ точной вѣрности; также теперешній фасадъ дома. Какова-то, думаю часто, комната для моего пріѣзда! Вы ничего не сказали о внутреннемъ убранствѣ дома, достоинство котораго должна быть наивозможнѣйшая простота и дешевизна. Наши помѣщики большею частію заражены какимъ-то восточнымъ великолѣпіемъ: держатъ кучу прислужниковъ, покупаютъ продукты, которые весьма можно замѣнить домашними, и дивятся, что не удаются имъ прожекты и новыя предпріятія, когда они между тѣмъ не умѣютъ завести порядка въ своемъ дворѣ и домѣ, не умѣютъ сдѣлать такъ, чтобы расходъ не превышалъ прихода. Это все равно, еслибы кто,

---

[1]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки».

[2]) Подобныя предостереженія были въ высшей степени кстати въ виду крайней непрактичности и довѣрчивости М. П. Гоголь, не ослабѣвавшей даже послѣ многихъ печальныхъ опытовъ и разочарованій. (См. объ этомъ «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 58).

сложивъ на живую нитку кое-какъ фундаментъ, началъ бы на оном выводить огромныя стѣны зданія и послѣ сталъ бы сердиться, что оно валится [1]). О, домоводство великое дѣло! Я бы непремѣнно послалъ многихъ помѣщиковъ учиться въ Петербургъ. Они бы увидѣли, какъ всѣмъ огромнымъ дворомъ и домомъ управляетъ одинъ человѣкъ, и все въ величайшемъ порядкѣ; какъ знатные люди знаютъ совершенно все, что дѣлается въ имѣніяхъ ихъ, издерживаютъ менѣе многихъ незнатныхъ и въ кругу своего семейства гораздо болѣе находятъ удовольствія, нежели въ клубахъ и балахъ. Не удивительно, что богатство ихъ возрастаетъ безпрестанно.

Болѣе всего [2]) удивлялся я уму здѣшнихъ знатныхъ дамъ [лестнымъ для меня дружествомъ нѣкоторыхъ мнѣ удалось пользоваться]. Онѣ, можно сказать, еще вдвое образованнѣе мужей своихъ. Никогда не думалъ я, чтобы женщина [исключеніе я прежде дѣлалъ для однѣхъ васъ только], чтобы женщина могла имѣть столько самоотверженія, столько любви къ своимъ дѣтямъ, чтобы, отказываясь отъ всѣхъ посѣщеній и даже зазывовъ во дворецъ, посвящать и проводить съ ними все время. И это здѣсь дѣлаетъ большая часть изъ нихъ. Я часто думаю, что, еслибы одна изъ нихъ рѣшилась на время пріѣхать въ Малороссію пожить, она бы тотчасъ прослыла гордою, недоступною, и никто бы не понялъ, какой драгоцѣнный брилліантъ переселился къ намъ. Нигдѣ столько не скупы на знакомство, какъ здѣсь. Кругъ знакомыхъ всегда бываетъ тѣсенъ; но зато знакомые всѣ соединены между собою неразрывно, зато знакомые выбираются съ величайшею разборчивостью, такъ чтобы ни одинъ изъ нихъ не былъ въ тягость и каждый могъ доставить пріятное и полезное общество.

Кстати о знакомыхъ. Здоровы ли наши добрые сосѣди, безцѣнная сестрица Марія, а также сестрица Александра Осдоровна [3]), мои красавицы Лиза и Анна [4])? Кажется, я когда-то писалъ вамъ извѣстить меня о дѣлахъ Петра Осдоровича Цуревскаго [5]). Пошелъ ли его заводъ въ

[1]) Гоголь, какъ извѣстно, осмѣялъ въ Маниловѣ наклонность къ разнымъ изысканнымъ затѣямъ наряду съ самымъ элементарнымъ непониманіемъ хозяйства. Подобныя явленія онъ, очевидно, еще съ ранней юности замѣчалъ въ жизни сосѣдей помѣщиковъ.

[2]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (I, 98): «всего болѣе».

[3]) Тимченко.

[4]) Сестры Гоголя.

[5]) Зять А. Ѳ. Тимченко.

прокъ [1])? Я чрезвычайно любопытенъ знать состояніе земляковъ нашихъ, которыхъ безпрестанныя разоренія имѣній чрезвычайно трогаютъ меня. Часто на досугѣ раздумываю о средствахъ, какія могутъ найтиться для того, чтобы вывесть ихъ на прямую дорогу, и если со временемъ удастся что-нибудь сдѣлать для нашей общей пользы, то почту себя нанесчастливѣйшимъ человѣкомъ...

Всѣмъ роднымъ и знакомымъ поклонъ. Извините, что не присылаю книгъ теперь. При слѣдующемъ письмѣ надѣюсь поправить этотъ пропускъ. Сестрицѣ Маріи не пишу потому... [2]).

XXIII. Къ А. С. Данилевскому.

Записочка [3]). 1831.

Зная, что ты охотникъ до институтокъ, посылаю тебѣ билетъ на сегодняшній и на завтрашній день [4]). Подъѣздъ съ Екатерининскаго канала, подлѣ дома Шереметьева. Съ 10 часовъ. Для шинели лучше возьми Аѳанасія [5]).

Г. [6])

---

[1]) У него былъ селитряный заводъ (слышано отъ А. В. Гоголь).

[2]) Конецъ письма потерянъ. Примѣч. П. А. Кулиша.

[3]) Время этой записочки съ нѣкоторой вѣроятностью опредѣляется тѣмъ соображеніемъ, что она могла быть написана въ промежутокъ между предыдущимъ письмомъ, гдѣ Гоголь извѣщаетъ мать о началѣ своей педагогической дѣятельности въ Патріотическомъ Институтѣ, и послѣдующимъ, заключающимъ въ себѣ уже извѣстіе объ оставленіи А. С. Данилевскимъ Петербурга, послѣ чего послѣдній вернулся лишь въ 1835 году, но тогда настроеніе его и Гоголя было уже иное. Здѣсь Гоголь, повидимому, еще занятъ Патріотическимъ Институтомъ, какъ новостью, и предлагаетъ самъ своему другу билетъ, предугадывая его удовольствіе по поводу полученія. Возможно, однако, что записочка относится и къ 1835 или началу 1836 года, когда Данилевскій снова вернулся въ Петербургъ.

Гоголь получилъ увольненіе изъ Департамента Удѣловъ 9 марта 1831. (См. «Сборникъ Студентовъ Спб. Университета», вып. I, стр. 345), а съ 10 марта 1831 г. онъ занялъ должность старшаго учителя исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ.

[4]) Написано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «билетъ».

[5]) Слуга Данилевскаго.

[6]) Слѣдуетъ кудреватый росчеркъ.

На оборотѣ шутливая надпись: «Александру Семеновичу, душечкѣ безстыднику. Въ домъ Звѣркова».

XXIV. Къ матери.

28 апрѣля 1831.

Примите радушно нашего Александра Семеновича. Это вѣстникъ о моемъ прибытіи на слѣдующій годъ.

XXV. Къ А. С. Данилевскому.

Мая 2 (1831 г.) [1])

Вышла моя правда: Арендтъ [2]) совершенно забылъ и объ тебѣ, и о твоей болѣзни, несмотря на то, что я былъ у него на другой день послѣ твоего отъѣзда; и когда я сказалъ нѣсколько словъ о болѣзни твоей, онъ совѣтовалъ написать къ тебѣ, чтобы ѣхалъ скорѣе на Кавказъ и слѣдовалъ въ точности предписаніямъ тамошняго доктора, который дастъ тебѣ всѣ предуготовительныя къ тому средства. Пилюль же не почитаетъ онъ нужнымъ теперь по благорастворенности малороссійскаго воздуха и потому, что [3]) время для нихъ прошло.

Я до сихъ поръ сижу еще на прежней квартирѣ, и никакая новость и внезапность не потревожила мирной и однообразной моей жизни. Красненькій [4]) (эта вещь принадлежитъ тоже къ внезапнымъ явленіямъ) не показывался со дня отъѣзда твоего. Съ друзьями твоими, Беранжеромъ и Близнецовымъ, случились несчастія. Первый долго скитался безъ пріюта и уголка, изгнанный изъ ученаго сообщества Смирдина неумолимымъ хозяиномъ дома, вздумавшимъ передѣлывать его квартиру. Три дня и три ночи не было вѣсти о Беранжерѣ; наконецъ, на четвертый день увидѣли на окошкахъ дому (sic) графини Ланской (гдѣ были звѣри) Хозревовъ на бѣлыхъ лошадяхъ. А бѣдный Близнецовъ сошелъ съ ума!... Вотъ что наши знанія!...

На первый день мая по обыкновенію шелъ снѣгъ, и даже твой Сомъ не показывался на улицу [5]).

---

[1]) Это письмо впервые было напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» 1890, I, стр. 93—95, потомъ въ «Матеріалахъ для біографіи», т. I, стр. 350—351.

[2]) Крупная медицинская знаменитость Петербурга, лейбъ-медикъ.

[3]) Въ подлинникѣ стоитъ еще слово *ты*; затѣмъ послѣ зачеркнутаго на ходу письма слова: «(пер)вое» продолжается: «время для нихъ прошло».

[4]) П. Я. Прокоповичъ, прозванный такъ еще въ Нѣжинѣ за румяный цвѣтъ лица.

[5]) Всѣхъ названныхъ здѣсь лицъ вслѣдствіе ихъ незначительности и за давностью лѣтъ А. С. Данилевскій припомнить не могъ.

Моя книга [1]) врядъ ли выйдетъ лѣтомъ: наборщикъ пьетъ запоемъ.

Ну, какъ-то принимаютъ воина, пріѣхавшаго отдыхать на лаврахъ [2]). Не забудь (разсказать) [3]) подробно и обстоятельно, не выключая Саввы Кирилловича [4]), ни Катерины Григорьевны, ни Марины Оедоровны. Я думаю: нами обоими не слишкомъ довольны дома,—мною, что вмѣсто министра сдѣлался учителемъ, тобою—что изъ фельдмаршаловъ попалъ въ юнкера.

Счастливецъ! ты пьешь теперь весну! а у насъ что-то сырое, что-то холодное, въ родѣ осени. Упомяни хоть слова два про нее въ письмѣ своемъ, чтобы я могъ [5]) хоть за морями подышать ею.

Прощай. Адресуй: Николаю Васильевичу Гоголю въ Институтъ Патріотическій Общества благород(ныхъ) дѣвицъ,—потому что я еще не знаю, гдѣ будетъ моя квартира.

Мое нелицемѣрное почтеніе Василію Ивановичу и Татьянѣ Ивановнѣ [6]).

Твой Гоголь [7]).

---

[1]) «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки».

[2]) Гоголь не прочь былъ иногда дружески потрунить надъ друзьями, домашними и сосѣдями, которые бывали ему полезны своимъ знаніемъ малороссійской старины (см. п. отъ 17 ноября 1831), гдѣ интересно, между прочимъ, то, что онъ просилъ для этой цѣли разыскать между сосѣдями «*старосвѣтскихъ* людей».

[3]) Это слово въ подлинномъ письмѣ пропущено.

[4]) Савва Кирилловичъ—священникъ въ Олифировкѣ. Онъ сообщалъ Гоголю, какъ и нѣкоторые другіе сосѣди, разныя данныя о малороссійскомъ бытѣ для «Вечеровъ на Хуторѣ» (см. п. отъ 24 іюля 1829). Мы уже упоминали, что А. С. Данилевскій только смутно помнилъ эту личность—Марина Ѳедоровна Тимченко.

[5]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «вспом(нить)... хоть за глаза».

[6]) Отчиму и матери Данилевскаго.

[7]) По своей крайней безпечности А. С. Данилевскій сдѣлалъ даже немалую неловкость: какъ только вышли «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», о печатаніи которыхъ Гоголь сообщалъ ему въ настоящемъ письмѣ,—ему одному изъ первыхъ былъ высланъ экземпляръ въ Сорочинцы вмѣстѣ съ требуемымъ имъ словаремъ Ольдекопа. Впрочемъ посылка не застала уже Данилевскаго въ деревнѣ и книги попали въ руки его отчима В. И. Чернышна и зятя Егора Львовича Лапно-Данилевскаго (мужа родной сестры Александра Семеновича. Маріи Семеновны). Сообщая потомъ Данилевскому объ успѣхѣ «Вечеровъ», Гоголь былъ, очевидно, доволенъ имъ и упоенъ первой славой, доставшейся ему такъ легко. Онъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Плетневымъ, Пушкинымъ и Жуковскимъ, и о томъ, какія произведенія вышли изъ-подъ пера послѣднихъ; онъ уже вступилъ въ ихъ литературный кругъ. Но въ то же время онъ

XXVI. Къ матери.

9 іюня 1831 г. С.-Петербургъ [1]).

Письмо ваше отъ 9 мая я получилъ. Благодарю васъ за то, что ѣли пирогъ на моихъ именинахъ и желали совокупно мнѣ здоровья. Я самъ бы очень радъ былъ провесть этотъ день съ вами,—тѣмъ болѣе, что совершенно не помню, когда мы проводили его вмѣстѣ. Да, какъ кажется, то я весною никогда почти не бывалъ съ вами. Это случалось большею частью или лѣтомъ, или зимою, и потому я не могу даже сказать, что видѣлъ весну; здѣсь же ея не бываетъ совсѣмъ. Въ маѣ было тепло, но такъ тепло, какъ лѣтомъ. Теперь же, то-есть 9 іюня, такъ холодно, какъ въ октябрѣ. Что вамъ сказать болѣе? Новостей нѣтъ никакихъ, выключая развѣ той, что я въ будущемъ мѣсяцѣ, можетъ быть, увижусь съ вами [2]), разумѣется, если ничто не помѣшаетъ; впрочемъ не совѣтую вамъ слишкомъ предаваться надеждѣ: очень можетъ случиться, что я васъ и обману.

Письма до времени пріостановитесь ко мнѣ писать, потому что я живу теперь на дачѣ и доставлять мнѣ очень трудно. Въ слѣдующемъ письмѣ я вамъ пришлю свой адресъ, когда узнаю навѣрно, что мнѣ, противъ чаянія, не доведется свидѣться съ вами. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но ваше предчувствіе удивительный пророкъ...

XXVII. Къ ней же.

Іюля 4, 1831 г.

Я еще не получилъ отъ васъ ни одного письма, писаннаго вами въ іюнѣ мѣсяцѣ. Приписывая это не чему другому, какъ только безпрестаннымъ заботамъ, я спокоенъ. Не знаю только, получили вы мои письма, тоже недавно мною писанныя. Теперь я принялся за перо для того только, чтобы извѣстить васъ о перемѣнѣ моей квартиры. Когда будете писать, то адресуйте: въ Малую Морскую, въ домѣ Лепеня, подъ № 97.

не скрывалъ своего удовольствія и по поводу наивно-хвалебнаго письма Черныша, который называлъ его сочиненіе «прекраснѣйшимъ дѣломъ» и «благороднѣйшимъ занятіемъ». Даниловскій же позабылъ даже поблагодарить пріятеля (см. письмо къ нему отъ 1 января 1832 г.).

[1]) А. И. Кирпичниковъ относитъ это письмо къ 1832 г.; см. приложенія (тамъ же см. о слѣдующемъ письмѣ).

[2]) Раньше этого времени Гоголю недостатокъ средствъ не позволялъ даже помышлять о свиданіи съ своей семьей.

XXVII. Къ ней же.

1831 г., 21 іюля (или 27 іюня). Павловскъ.

Ради Бога, порадуйте меня, маменька, хоть строчкой вашей руки! Я въ совершенномъ недоумѣніи и не знаю, что это значитъ, что не получаю до сихъ поръ отъ васъ письма. Вы упрекаете меня лѣностью, а между тѣмъ, теперь я могу напомнить вамъ о ней. Нынѣшнія всеобщія несчастія заставляютъ меня дрожать за безцѣнное здоровье ваше. Извѣстите меня скорѣе. Холера теперь почти повсемѣстна, и нашъ Петербургъ не избѣжалъ отъ ней. Слава Богу, что она теперь не такъ опасна, и здѣшніе доктора весьма многихъ вылѣчиваютъ. У насъ въ Павловскѣ все спокойно, и я намѣренъ не выѣзжать отсюда до тѣхъ поръ, покамѣсть и въ Петербургѣ не будетъ все спокойно.

Прощайте, безцѣнная маменька, не забывайте, ради Бога, всегда васъ любящаго сына, для котораго ничего не можетъ быть въ мірѣ дороже вашего здоровья.

Н. Гоголь.

Письма адресуйте ко мнѣ на имя Пушкина, въ Царское Село, такъ: «Его высокоблагородію Александру Сергѣевичу Пушкину. А васъ прошу отдать П. В. Гоголю».

XXIX. Къ ней же.

Іюля 24 (1831). Павловскъ [1]).

Вчера только я получилъ извѣстіе изъ Петербурга, что ко мнѣ лежитъ на почтѣ ваше письмо съ деньгами. Это меня очень обрадовало. Слава Богу, нѣтъ по крайней мѣрѣ никакого сомнѣнія, что вы здоровы. Но я все очень жалѣю, что мнѣ скоро не удастся читать его. Что же касается до денегъ, то меня терзаетъ мысль, что накопленіе ихъ стоило вамъ большихъ пожертвованій. Въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаю, гдѣ теперь вамъ взять ихъ, въ нынѣшнія крутыя времена, то я желалъ бы лучше не получать ихъ. Впрочемъ этого впредь, я думаю, не случится. Теперь я обезпеченъ совершенно и не только не потребую отъ васъ, но, можетъ быть,

[1]) Это письмо (безъ обозначенія года), ошибочно отнесено Кулишемъ къ 1830 г. Во-первыхъ, холера была въ Петербургѣ въ 1831, (въ 1830 ея тамъ только боялись и ожидали; см. примѣч. къ письму отъ 10 февраля); въ 1830 Гоголь еще не былъ знакомъ съ Пушкинымъ и затѣмъ онъ именно въ 1831 г. жилъ на дачѣ у Васильчиковыхъ въ Павловскѣ и часто бывалъ тогда же въ Царскомъ Селѣ. Наконецъ здѣсь онъ освѣдомляется объ уѣхавшемъ изъ Петербурга Данилевскомъ, что также указываетъ на 1831 г. См. мои объясненія въ «Русской Старинѣ», 1897, VIII, стр. 442, примѣч.

современемъ соберу что-нибудь и для васъ, а также и для сестры.

Въ Петербургѣ холера, благодаря Богу, прекращается. Тамъ ея никто не боится; умираютъ очень, очень мало, и то собственною почти виною. Лѣчатъ ее необыкновенно хорошо. Выздоровѣвшіе не могутъ нахвалиться нарочно устроенными для того больницами. Впрочемъ я до тѣхъ поръ не пріѣду въ Петербургъ, покамѣстъ она совершенно тамъ не прекратится. Обыкновенный и самый дѣйствительный способъ лѣченія ея въ Петербургѣ состоитъ въ томъ, что больному даютъ какъ можно побольше пить теплаго молока, и чѣмъ оно теплѣе, тѣмъ лучше. Кромѣ того, многіе вылѣчиваются, принимая бѣлокъ яйца съ прованскимъ масломъ; надъ нѣкоторыми же, особливо имѣющими крѣпкое сложеніе и хорошій желудокъ [слѣдовательно это полезно для многихъ суроваго сложенія крестьянъ], оказываетъ очень хорошее дѣйствіе ложка воды съ солью, сначала съ самою горячею водою, потомъ постепенно теплѣе, теплѣе, наконецъ дается ложка соли съ холодною водою; съ послѣднимъ пріемомъ больной совершенно выздоравливаетъ. Государь, какъ и всегда, оказываетъ обыкновенное свое присутствіе духа и показываетъ наивеличайшую заботливость. Англичане, живущіе въ Петербургѣ, удивляютъ великодушіемъ своимъ и заботливостью о больныхъ.

Лѣто у насъ чрезвычайно сухое, мѣстами загораются лѣса даже. Впрочемъ сегодня идетъ дождь, и я думаю, что весь августъ зато будетъ дождливъ. Какое здѣсь лѣто! Нѣтъ и сравненія съ вашимъ. Вотъ уже и осень. Зелень, правда, ярка, какъ никогда у насъ весною; но зато воздухъ ничего не имѣетъ въ себѣ лѣтняго.

Увѣдомьте меня пожалуйста о Даниловскомъ. Я до сихъ поръ не имѣю никакого извѣстія о немъ, со времени отъѣзда его изъ Петербурга [1]). Скажите ему, что я разссорюсь съ нимъ на вѣки, если не получу отъ него письма...

Сестрицу Марію цѣлую и прошу быть всегда здоровою и побольше развлекать васъ. Это же самое приказываю дѣлать и сестрицамъ Аннѣ, Лизѣ и Олѣ. Всѣмъ родственникамъ и знакомымъ поклонъ. Помните ли вы адресъ? на имя Пушкина, въ Царское Село.

---

[1]) Т. е. съ конца апрѣля 1831 года.—Въ виду нѣкоторыхъ противорѣчій съ письмомъ отъ 24 іюля, Я. К. Гротъ относилъ предыдущее письмо къ іюню 1831 г., но не слѣдуетъ ли читать: 21 іюля (ср. съ письмомъ отъ *4 іюля*). У Кулиша: *27 іюля*.

XXX. А. С. Пушкину [1]).

16 авг(уста). С.-Петербургъ [2]).

Приношу повинную голову, что не устоялъ въ своемъ обѣщаніи по странному случаю. Я никакъ не могъ думать, чтобы была другая дорога не мимо вашего дома въ Петербургѣ, и преспокойно ѣхалъ въ намѣреніи остановиться возлѣ васъ; но вышло иначе. Я спохватился уже поздно [3]); а сопутницы мои, спѣшившія [4]) къ карантину для свиданія съ мужьями, никакимъ образомъ не захотѣли склониться на мою просьбу и потерять нѣсколько минутъ. Если же посылка ваша можетъ немножко обождать, то вы можете отдать Васильчиковой [5]), которой я сказалъ (она думаетъ ѣхать въ среду) заслать за нею къ вамъ, и тогда она будетъ доставлена въ мои руки. Я только-что пріѣхалъ въ городъ и никого еще не видалъ. Здѣсь я узналъ большую глупость моего корреспондента. Онъ, получивши на имя мое деньги и зная, что я непремѣнно буду къ 15 числу, послалъ ихъ [6]) таки ко мнѣ на имя ваше въ Царское Село вмѣстѣ съ письмомъ: и вамъ теперь, и мнѣ новое затрудненіе. Но вы снисходительны и великодушны. Можетъ быть, и ругнете меня лихимъ словомъ; но «гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость». Письмо съ деньгами вы можете также отдать для отправки ко мнѣ Васильчиковой. Теперь ничего не пишу къ вамъ, потому что собираюсь дня черезъ три пи-

---

[1]) Это письмо было впервые напечатано въ «Русскомъ Архивѣ», 1880, II. стр. 509. — (Подлинное письмо во многихъ мѣстахъ проколото при карантинномъ досмотрѣ).

О времени начала знакомства Пушкина съ Гоголемъ, существуютъ разныя мнѣнія. Я. К. Гротъ въ своей «Хронологической канвѣ для біографіи Пушкина» (2 изд., стр. 30) относитъ его къ іюню 1831 года, хотя въ первомъ изданіи «Хронологической канвы» онъ же относилъ его къ августу 1831 года. Въ своей книгѣ «А. С. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники» онъ остается при мнѣніи, высказанномъ во второмъ изданіи «Канвы». По нашему мнѣнію, это знакомство слѣдуетъ отнести къ маю 1831 года. (См. «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 345 и слѣд). См. объ этихъ датахъ въ статьѣ В. П. Авенаріуса «Первое знакомство Гоголя съ Пушкинымъ и А. О. Россетъ» («Русская Старина», 1897, II, стр. 327—332), возраженіе на эту статью г. Витберга въ томъ же журналѣ (1897, VI, 611—618) и мое возраженіе г. Витбергу (1897, VIII, 441—446.)

[2]) Въ подлинникѣ: «Спб».

[3]) Въ подлинникѣ: «поздо».

[4]) Въ подлинникѣ: «спѣшившіяся» (sic).

[5]) Сына которой училъ тогда Гоголь и на дачѣ которой онъ жилъ въ Павловскѣ.

[6]) Слово «ихъ» вписано сверху строки.

сать снова. Адресуйте ко мнѣ въ [1]) Институтъ Патріотическаго [2]) Общества на Васильевскомъ островѣ.

Вашъ Гоголь.

XXXI. Къ матери.

С.-Петербургъ. Августа 21, 1831 г.

Уже около недѣли живу я въ Петербургѣ. Слава Богу, живъ и здоровъ. О болѣзни совсѣмъ и не слышно [3]). Всѣ веселятся. Письмо ваше съ деньгами я наконецъ получилъ, — виноватъ, записку, а не письмо. Посылаю вамъ книжку маленькій [4]) ридикюль, дѣтямъ конфектовъ. Всего по каплѣ, сколько мнѣ было можно. Книжка вамъ будетъ пріятна, потому что въ ней вы найдете мою статью, которую ъ вамъ писалъ, бывши еще въ нѣжинской гимназіи. Какя, она попала сюда, я никакъ не могу понять. Издатели говорятъ, что они давно ее получили при письмѣ отъ неизвѣстнаго, и еслибы прежде знали, что моя, то не помѣстили бы, не спросивши напередъ меня, и потому я прошу васъ не объявлять ее моею никому; сохраняйте ее для себя. Пріятно похвастаться чѣмъ-нибудь совершеннымъ, но тѣмъ, что носитъ на себѣ печать младенческаго несовершенства, не совсѣмъ пріятно. Она подписана четырьмя 0000 [5]).

XXXII. А. С. Пушкину.

Спб. августа 21 [6]). (1831).

Насилу теперь только управился я съ своими дѣлами и

[1]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «Патр(іотическій)».

[2]) Не дописано.

[3]) Т. е. о холерѣ.

[4]) У Кулиша явная опечатка: «маменькѣ».

[5]) Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о подписанной четырьмя о (по числу *о* въ имени, отчествѣ и фамиліи Гоголя, принимая въ соображеніе и вторую его фамилію) «Главѣ изъ историческаго романа» и помѣщенной въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831 годъ. См. соображенія по поводу этого отрывка въ VII томѣ сочиненій Гоголя десятаго изданія, стр. 952.

[6]) Письмо это было напечатано первоначально въ «Русскомъ Архивѣ» (1880, т. II, стр. 509—511) со слѣдующимъ примѣчаніемъ къ этому и предыдущему письму: «Эти два письма должны быть отнесены къ 1831 году, когда Гоголь жилъ въ Павловскѣ наставникомъ при молодомъ Василіи Алексѣевичѣ Васильчиковѣ, сынѣ Александры Ивановны Васильчиковой». — Отвѣтное письмо Пушкина напечатано въ VII т. изданія Литературнаго фонда, стр. 289; здѣсь Пушкинъ между прочимъ говоритъ: «проектъ вашей ученой критики удивительно хорошъ. Но вы слишкомъ лѣнивы, чтобъ привести его въ дѣйствіе». — (Подлинное письмо во многихъ мѣстахъ проколото при карантинномъ досмотрѣ).

получилъ маленькую осѣдлость въ Петербургѣ. Но и теперь еще половиною (что я, половиною!), цѣлыми тремя четвертями, нахожусь въ Павловскѣ и Царскомъ Сель. Въ Петербургѣ скучно до нестерпимости. Холера и ѣхъ поразгоняла во всѣ стороны, и знакомымъ нуженъ цѣлый мѣсяцъ антракта, чтобы встрѣтиться между собою. У Плетнева я былъ, отдалъ ему въ исправности ваши посылку и письмо [1]). Любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіей: только-что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнкѣ. Это меня нѣсколько удивило; я къ фактору, и онъ, послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ сказалъ, что *«штучки, которыя изволили прислать изъ Павловска для печатанія, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву»* [2]). Изъ этого я заключилъ, что я писатель совершенно во вкусѣ черни. Кстати о черни. Знаете ли, что врядъ ли кто умѣетъ лучше съ нею изъясняться, какъ нашъ общій другъ Александръ Анфимовичъ Орловъ [3]). Въ предисловіи къ новому своему роману: «*Церемоніалъ погребенія Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина*», онъ говоритъ, обращаясь къ читателямъ: «Много, премного у меня романовъ въ головѣ (его собственныя слова), только всѣ они сидятъ еще въ головѣ; да такіе бойкіе ребятишки эти романы,—такъ и прыгаютъ изъ головы; но нѣтъ, не пущу [4]) до время (sic); а послѣ извольте, полдюжинами буду поставлять. Извольте, извольте! Охъ,

[1]) Относится къ порученію, данному Пушкинымъ Гоголю о передачѣ Плетневу посылки, въ которой заключались повѣсти Бѣлкина въ рукописномъ видѣ. Еще до своего окончательнаго возвращенія въ Петербургъ, Гоголь пріѣхалъ туда на нѣсколько дней для свиданія съ типографіей, печатавшей «Вечера». Неожиданно встрѣтилъ онъ 8 августа днемъ на Вознесенскомъ проспектѣ Пушкина, который передалъ ему свѣжее извѣстіе о новыхъ сказкахъ, написанныхъ имъ и Жуковскимъ, и поручилъ взять у него рукопись для передачи Плетневу; но вечеромъ того же дня уѣхалъ въ Царское, а случайность помѣшала Гоголю, въ свою очередь возвращавшемуся въ Павловскъ, остановиться возлѣ его квартиры и захватить рукопись. Когда обстоятельства помѣшали Гоголю заѣхать за посылкой, Пушкинъ долженъ былъ взять ее съ собой въ Царское, иначе Гоголь, не заѣхавшій къ нему на обратномъ пути, не могъ бы вмѣсто себя просить Васильчикову взять рукопись. (См. «Матеріалы», I, 346—347).

[2]) На это Пушкинъ отвѣчалъ: «Поздравляю васъ съ первымъ вашимъ торжествомъ—съ фыркапьемъ наборщиковъ и изъясненіями фактора». (Соч. Пушкина, изд. Литер. фонда, VII, 289).

[3]) См. «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 348.

[4]) Въ подлинникѣ: «не пучу» (sic).

вы, мои други сердечные, народецъ православный!» Послѣднее обращеніе такъ и задѣваетъ за сердце русскій народъ. Это совершенно въ его духѣ, и здѣсь-то не шутя рѣшительный перевѣсъ Александр(а) Анѳ(имовича) надъ Ѳаддеемъ Бенедик(товичемъ). Другой пріятель нашъ Бестужевъ-Рюминъ здравствуетъ и недавно еще сказалъ въ своей газетѣ: «Должно признаться, что «Сѣвер(ный) Меркурій» побойче таки иныхъ «Литератур(ныхъ) Прибавленій». Какъ-то теперь долженъ бѣситься Воейковъ! а онъ, я думаю, воображалъ, что бойче «Литер(атурныхъ) Прибавленій» нѣтъ ничего на свѣтѣ. Еще о черни. Знаете ли, какъ бы хорошо написать эстетическій разборъ двухъ романовъ, положимъ: Петра Ивановича Выжигина и Соколъ; «былъ бы соколъ, да курица съѣла». Начать такимъ образомъ, какъ теперь начинаютъ у насъ въ журналахъ: «Наконецъ, кажется [1]), приспѣло то время, когда романтизмъ рѣшительно восторжествовалъ надъ классицизмомъ, и старые поборники франц(узской) короны [2]) на ходульныхъ ножкахъ (что-нибудь въ родѣ Надеждина) убрались къ чорту. Въ Англіи Байронъ, во Франціи необъятный великостью своею Викторъ Гюго, Дюканжъ и другіе, въ какомъ-нибудь проявленіи объективной жизни, воспроизвели новый міръ ея нераздѣльно-индивидуальныхъ явленій. Россія, мудрости правленія которой дивятся всѣ образованные народы Европы, и проч., и проч., не могла оставаться также въ одномъ положеніи. Вскорѣ возникли и у ней два представителя ея преображеннаго величія. Читатели догадаются, что я говорю о гг. Булгаринѣ и Орловѣ. На одномъ изъ нихъ, т. е. на Булгаринѣ, означено направленіе чисто байронское (вѣдь эта [3]) мысль не дурна— сравнить Булгарина съ Байрономъ!): та же гордость, та же буря сильныхъ, непокорныхъ [4]) страстей, рѣзко означившая огненный и вмѣстѣ мрачный характеръ британскаго поэта, видны и на нашемъ соотечественникѣ; то же самоотверженіе, презрѣніе всего низкаго и подлаго принадлежитъ имъ обоимъ. Самая даже жизнь Булгарина есть больше ничего, какъ повтореніе жизни Байрона; въ самыхъ даже портретахъ ихъ замѣтно необыкновенное сходство. На счетъ Алекс(андра) Аноим(овича) можно опровергать мнѣніе Ософи-

[1]) Это слово «кажется» вписано сверху строки.
[2]) Слово «короны» въ «Русскомъ Архивѣ» пропущено.
[3]) Въ подлинникѣ: «это».
[4]) Это слово вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «непреклонныхъ».

лакта Косичкина; говорятъ, что скорѣе Орловъ болѣе [1]) философъ [2]), что Булгаринъ весь поэтъ». Тутъ не дурно взять героевъ романа: Булгарина, Наполеона и Петра Ивановича, и разсматривать ихъ обоихъ, какъ чистое созданіе самого поэта; натурально, что здѣсь нужно вооружиться очками строгаго рецензента и приводить мѣста (какихъ, само по себѣ разумѣется, не бывало въ романѣ) [3]). Не худо присовокупить: «Почему вы, г. Булгаринъ, заставили Петра Ивановича открыться въ любви такъ рано такой-то, или почему не продолжили разговора Петра Ивановича съ Наполеономъ, или зачѣмъ въ самомъ мѣстѣ развязки впутали поляка (можно придумать ему и фамилію даже)»? Все это для того, чтобы читатели видѣли совершенное безпристрастіе критика. Но самое главное — нужно согласиться съ жалобами журналистовъ нашихъ, что дѣйствительно литературу нашу раздираетъ духъ партій ужаснымъ образомъ, и оттого [4]) никакъ нельзя подслушать справедливаго сужденія. Всѣ мнѣнія раздѣлены на двѣ стороны: одни на сторонѣ Булгарина, а другіе на сторонѣ Орлова, и что они, между тѣмъ какъ ихъ приверженцы нападаютъ съ такимъ ожесточеніемъ другъ на друга, совершенно не знаютъ между собою никакой вражды и внутренно, подобно всѣмъ великимъ геніямъ, уважаютъ другъ друга.

У насъ бываютъ дожди и необыкновенно сильные вѣтры; вчерашнюю ночь даже было наводненіе: дворы домовъ по Мѣщанской и Екатерининскому каналу и еще кое-гдѣ, а также и много магазиновъ, были наполнены водою. Я живу на третьемъ этажѣ и не боюсь наводненій; а кстати квартира моя во 2 Адмиралте(йской) части, въ Офицерской улицѣ, выходящей на Вознесенскій проспектъ, въ домѣ *Брунста*.

Прощайте. Да сохранитъ васъ Богъ вмѣстѣ съ Надеждою Николаевною [5]) отъ всего недобраго и пошлетъ здравіе [6]) на вѣки. А также да будетъ Его благословеніе и надъ Жуковскимъ.

Вашъ Гоголь

---

[1]) Это слово вписано сверху строки.

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «не» («нежели?»)

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «почему».

[4]) У Гоголя написано: «отъ того», а слово *того* вписано сверху строки.

[5]) Такъ Гоголь назвалъ здѣсь, по разсѣянности, жену Пушкина, на что послѣдній отвѣтилъ: «Ваша Надежда Николаевна, т. е. моя *Наталья Николаевна* благодаритъ васъ за воспоминаніе» и проч.

[6]) Въ «Русскомъ Архивѣ» невѣрно: «здравье».

XXXIII. Къ В. А. Жуковскому.

Спб. Сентября 10 (1831) [1].

Насилу могъ я управиться съ своею книгою [2] и теперь только получилъ экземпляры для отправленія вамъ: одинъ собственно для васъ, другой для Пушкина, третій, съ сентиментальною надписью, для Розетти [3], а остальныя — тѣмъ, кому вы по усмотрѣнію своему опредѣлите [4]. Сколько хлопотъ надѣлала мнѣ эта книга! Три дня я толкался изъ типографіи въ цензур(ный) комитетъ, изъ цензур(наго) комитета въ типографію, и наконецъ теперь только переведъ духъ. Боже мой! сколько бы экземпляровъ я бы отдалъ за то, чтобы увидѣть васъ хоть на минуту! Еслибы, часто думаю себѣ, появился въ окрестностяхъ Петербурга какой-нибудь бродяга, ночной разбойникъ [5], и укралъ этотъ несносный кусокъ земли, эти 24 версты отъ Петербурга до Цар. С. и съ ними бы далъ тягу на край свѣта; — или какой-нибудь проголодавшійся медвѣдь упряталъ ихъ вмѣсто завтрака въ свой медвѣжій [6] желудокъ. О, съ какимъ бы я тогда восторгомъ стряхнулъ власами головы моей прахъ саноговъ вашихъ, возлегъ у ногъ вашего превосходительства и ловилъ бы жаднымъ ухомъ сладчайшій нектаръ изъ устъ вашихъ [7], пріуготовленный самими богами изъ тьмочисленнаго количества вѣдьмъ, чертей и всего любезнаго нашему сердцу. Но не такова досадная дѣйствительность или существенность. Карантины превратили эти 24 версты въ дорогу отъ Петербурга до Камчатки. Знаете ли что я узналъ на дняхъ только? что э... но, вы не повѣрите мнѣ, назовете меня суевѣромъ, — что всему этому виною не кто

---

[1]) Отвѣтъ Жуковскаго на это письмо никогда не былъ въ печати. Напечатано оно было въ «Русскомъ Архивѣ», 1871, 4—5, 496—498.

[2]) Такимъ образомъ ясно, что первый томъ «Вечеровъ на Хуторѣ» вышелъ въ началѣ сентября, такъ какъ въ концѣ августа, какъ мы видѣли, онъ былъ еще въ наборѣ (Ср. Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 509, примѣч. Н. С. Тихонравова).

[3]) Фрейлинѣ Александрѣ Осиповнѣ Россетъ, впослѣдствіи Смирновой. Слова: «съ сентиментальною надписью» приписаны сверху строки.

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «и въ томъ числѣ одинъ въ футлярѣ».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «который бы».—Ср. подобную шутку въ письмѣ къ Погодину отъ 8 іюля 1832 г.

[6]) Слово «медвѣжій» приписано сверху строки.

[7]) О началѣ знакомства Гоголя съ Жуковскимъ см. въ извѣстномъ письмѣ къ Жуковскому литературнаго содержанія (см. т. IV, стр. 279). Послѣ сближенія съ Жуковскимъ въ Царскомъ Селѣ Гоголь, разставшись съ нимъ, чувствовалъ тяжесть разлуки.

другой, какъ врагъ честнаго креста церквей Господнихъ и всего огражденнаго святымъ [1]) знаменіемъ. Это чортъ надѣлъ на себя зеленый мундиръ съ гербовыми пуговицами, привѣсилъ къ боку остроконечную шпагу и сталъ карантиннымъ надзирателемъ. Но Пушкинъ, какъ ангелъ святой, не побоялся сего рогатаго чиновника, какъ духъ пронесся его мимо и во мгновеніе ока очутился въ Петербургѣ, на Вознесенскомъ проспектѣ и воззвалъ голосомъ трубнымъ ко мнѣ, лѣпившемуся по низменному тротуару, подъ высокими домами. Это была радостная минута: она уже прошла. Это случилось 8-го августа. И къ вечеру того же дня стало все снова скучно, темно какъ въ домѣ опустѣломъ:

«Окна мѣломъ
Забѣлены: хозяики нѣтъ:
А гдѣ, Богъ вѣсть! пропалъ и слѣдъ» [2])!

Осталось воспоминаніе — и еще много кой-чего, что̀ достаточно усладитъ здѣшнее одиночество: это извѣстіе, что сказка ваша уже окончена и начата другая, которой одно прелестное начало чуть не свело меня съ ума. И Пушкинъ окончилъ свою сказку! Боже мой, что-то будетъ далѣе? Мнѣ кажется, что теперь воздвигается огромное зданіе чисто-русской поэзіи. Страшные граниты положены въ фундаментъ, и тѣ же самые зодчіе выведутъ и стѣны, и куполъ, на славу вѣкамъ! Да покланяются [3]) потомки и да имутъ мѣсто, гдѣ возносить умиленныя молитвы свои.— Какъ прекрасенъ удѣлъ вашъ, великіе зодчіе! Какой рай готовите вы истиннымъ христіанамъ! И какъ ужасенъ адъ, уготовленный для язычниковъ, ренегатовъ и прочаго сброду! Они не понимаютъ васъ и не умѣютъ молиться. Когда-то пріобщусь я этой божественной сказки?.. Но скоро 12 часовъ, боюсь опоздать на почту. Прощайте! Извините мою несвязную грамоту. Не далось божественное писаніе въ руки. Будьте здоровы, и да почіетъ надъ вами благословеніе Божіе, и да возбуждаетъ оно васъ чаще и чаще ударять въ священныя струны [4]); а я, вашъ вѣрный богомолецъ,

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «крестомъ».

[2]) См. сходныя мысли въ письмѣ къ М. П. Балабиной отъ 12 іюля 1844 года. — Стихи же, какъ извѣстно, приведены изъ VI главы «Евгенія Онѣгина» (размышленіе по поводу смерти Ленскаго).

[3]) Слово: «покланяются» приписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «дивятся». Въ «Русск. Арх.» неправильно: «поклонятся».

[4]) Въ «Русск. Арх.» предлогъ *въ* пропущенъ.

буду возсылать[1]) ему теплыя за сіе молитвы. Вѣчно вашъ неизмѣнный

Гоголь.

Моя квартира въ II Адмир. ч. въ Офицерской улицѣ, въ домѣ Брунста.

XXXIV. Къ матери.

С.-Петербургъ. 19 сентября 1831 г.

Поздравляю васъ, безцѣнная и несравненная маменька, съ радостнымъ днемъ вашего ангела; желаю вамъ провесть его въ полномъ удовольствіи. Очень жалѣю, что не могу прислать вамъ хорошаго подарка. Но вы и въ бездѣлицѣ видите мою сыновнюю любовь къ вамъ, и потому я прошу васъ принять эту небольшую книжку [2]). Она есть плодъ отдохновенія и досужихъ часовъ отъ трудовъ моихъ. Она понравилась здѣсь всѣмъ, начиная отъ государыни; надѣюсь, что и вамъ также принесетъ она сколько-нибудь удовольствія, и тогда я уже буду счастливъ. Будьте здоровы и веселы, и считайте всѣ дни не иначе, какъ именинами, въ которыя должны находиться всегда въ веселомъ расположеніи духа...

XXXV. Къ сестрѣ М. В. Гоголь.

19 сентября 1831 г.

Поздравляю тебя, моя милая сестрица, съ радостнымъ для насъ обоихъ днемъ, и желаю тебѣ также быть здоровою и веселою. У меня есть къ тебѣ просьба. Ты помнишь, милая, ты такъ хорошо было-начала собирать малороссійскія сказки и пѣсни, и, къ сожалѣнію, прекратила [3]). Нельзя ли возобновить это? Мнѣ оно необходимо нужно. Еще прошу я здѣсь же маменьку, если попадутся гдѣ старинные костюмы малороссійскіе, собирать всѣ для меня.

---

[1]) Въ «Русск. Арх.»: «высылать».

[2]) Это былъ первый томъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». М. И. Гоголь по этому поводу писала А. А. Трощинскому, уже не жившему тогда въ Петербургѣ: «На дняхъ я получила отъ сына моего письмо, съ поздравленіемъ меня съ именинами, и при ономъ посылаетъ мнѣ книгу своего сочиненія; пишетъ: «она есть плодъ отдохновенія досужныхъ часовъ отъ трудовъ моихъ; она понравилась здѣсь всѣмъ, начиная отъ государыни. Надѣюсь, что и вамъ она принесетъ сколько-нибудь удовольствія, и тогда я буду счастливъ». Книга сія подъ названіемъ: «Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки»; сочинителемъ подписалъ пасѣчника Рудаго Панько». (См «Русск. Стар.», 1882, VI, стр. 677—678).

[3]) Эти свѣдѣнія, полученныя отъ домашнихъ и отъ отца іерея

Если владѣльцы будутъ требовать за нихъ дорого, пишите ко мнѣ; я постараюсь собрать и выслать нужныя деньги. Я помню очень хорошо, что одинъ разъ въ церкви нашей мы всѣ видѣли одну дѣвушку въ старинномъ платьѣ. Она, вѣрно, продастъ его. Если встрѣтите гдѣ-нибудь у мужика старинную шапку или платье, отличающееся чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ, хотя бы даже оно было изорванное, пріобрѣтайте. Также нынѣшній мужской и женскій костюмъ, только хорошій и новый. Все это складывайте въ одинъ сундукъ или чемоданъ, и при случаѣ, когда встрѣтится оказія, можете переслать ко мнѣ [1]). Но, такъ какъ это не къ-спѣху, то вамъ будетъ довольно времени для собиранія. А сказки, пѣсни, происшествія, можете посылать въ письмахъ или небольшихъ посылкахъ.

XXXVI. Къ матери.

1831 года, октября 9. С.-Петербургъ.

Я, маменька, получилъ письмо ваше, писанное вами 28 августа ко мнѣ въ Павловскъ, и получилъ уже давно; но все ожидалъ, не будете ли вы мнѣ отвѣчать на которое-нибудь изъ писемъ, писанныхъ мною изъ Петербурга: но, не дождавшись ни на одно отвѣта, пишу къ вамъ, чтобы вы не укоряли меня снова въ неаккуратности. Не лучше ли будетъ, если мы, переставъ укорять неисправность почтъ и проч. и проч., заведемъ такъ, чтобы тотчасъ по полученіи письма писать отвѣтъ, не откладывая ни минуты ни для какихъ дѣлъ. Если недосугъ, то хоть двѣ строки. Меня очень опечалили ваши заботы и безденежье; но потерпимъ покуда: теперь уже мало остается терпѣть намъ. Я повторяю снова: не безпокойтесь ни о чемъ, не принимайте ничего слишкомъ близко къ сердцу и старайтесь побольше веселиться. Одного молодца вы уже совершенно пристроили. Онъ вамъ больше уже ничего не будетъ стоить, а съ слѣдующаго года будете получать съ него, можетъ-быть, и проценты [2]). О Машенькѣ также не

Саввы Кирилловича въ «Книгѣ всякой всячины». см. въ VII т. X изданія сочиненій Гоголя. стр. 884—889.

[1]) Просьба эта была исполнена; см. письмо отъ 17 ноября 1831 года.

[2]) У Гоголя было искреннее желаніе помогать своей семьѣ, была даже мечта перевезти всѣхъ своихъ въ Петербургъ (судя по припискѣ къ сестрѣ отъ 10 октября 1830 г.), а также и позднѣе онъ мечталъ при лучшихъ обстоятельствахъ видѣть свою мать въ Пта-

печальтесь: какъ-нибудь соберемъ приданое. Что же касается до маленькихъ сестрицъ, то онѣ, можетъ-быть, лучше получатъ воспитаніе, нежели мы. Еслибы вы знали, моя безцѣнная маменька, какія здѣсь превосходныя заведенія для дѣвицъ, то вы бы, вѣрно, радовались, что ваши дочери родились въ нынѣшнее время [1]). — — Я не могу налюбоваться здѣшнимъ порядкомъ. Здѣсь воспитанницы получаютъ свѣдѣнія обо всемъ, что нужно для нихъ, начиная отъ домашняго хозяйства до знанія языковъ и опытнаго обращенія въ свѣтѣ, и вовсе не выходятъ тѣми вѣтреными, легкомысленными дѣвчонками, какими дарятъ другіе институты. — — Два здѣшніе института, Патріотическій и Ека, терининскій, самые лучшіе, и въ нихъ-то, будьте увѣрены, что мои маленькія сестрицы будутъ помѣщены. Я всегда хотя долго, но достигалъ своего намѣренія и твердо увѣренъ, что, съ помощью Божіею, достигну и въ этомъ.

Сдѣлайте милость, составьте мнѣ подробную записку нашего долга въ казну: въ какомъ году занято, сколько и когда уплочено, сколько остается и проч. Я до сихъ поръ не имѣю объ немъ свѣдѣнія настоящаго. Директоръ опекунскаго совѣта мнѣ знакомъ, и мнѣ, можетъ-быть, очень бы легко удалось склонить его къ отсрочкѣ [2]). Но я не знаю, какъ приступить къ этому, не зная даже году, въ которомъ взяты деньги, не вѣдая ни имени, ни количества остающихся и взятыхъ денегъ. А безъ этого трудно и отыскать это дѣло.

XXXVII. Къ ней же.

1831 года, октября 17. С.-Петербургъ.

Къ большому моему удовольствію я получилъ письмо ваше, писанное вами отъ 30 сентября. Очень радъ, что вамъ пришлись очень кстати посланныя мною бездѣлицы и сожалѣю только, что не въ состояніи послать вамъ лучшаго. Но чего теперь не сдѣлаю, то сдѣлаю послѣ. Я

ліи, куда, согласно его мечтѣ, она должна была совершить путешествіе. (См. его письмо къ матери отъ 5/17 іюля 1836 года). Но дѣйствительность не оправдала пылкихъ мечтаній о «лучшихъ временахъ».

[1]) Гоголь здѣсь высказываетъ въ первый разъ свою мысль объ отдачѣ сестеръ въ Патріотическій Институтъ, гдѣ самъ былъ преподавателемъ исторіи.

[2]) Это находится въ связи съ долгомъ, сдѣланнымъ Гоголемъ передъ первой поѣздкой за границу. См. о тѣхъ же дѣлахъ въ письмѣ отъ 3-го декабря 1832 г.

упрямъ и всегда люблю настаивать на своемъ, хотя бы тысячи препятствій лѣзло мнѣ въ глаза. Посылаю, однакожъ, теперь то, что можно мнѣ было послать: собственно для васъ хозяйственный ридикюль и перчатки, а для сестры браслеты и пряжку [1]).

Я здоровъ, спокоенъ, не грущу ни о чемъ и желаю, чтобъ вы находились въ такомъ же состояніи. Напишите, какой цвѣтъ идетъ больше къ лицу вамъ и сестрѣ. Это не мѣшаетъ знать на всякій случай, особливо когда случатся у меня лишнія деньги. Также пришлите мнѣ мѣрку съ ногъ вашихъ: я знаю, что у васъ совсѣмъ нельзя достать хорошихъ башмаковъ; они же притомъ такъ непрочны, но здѣшніе вамъ станутъ, вѣрно, надолго...

Мой поклонъ всѣмъ роднымъ и добрымъ знакомымъ.

XXXVIII. Къ ней же.

С.-Петербургъ. 1831 года, октября 30.

Письмо ваше, маменька, писанное вами отъ 9 октября, я получилъ. Радъ, что понравилась вамъ книга [2]). Смѣшно только мнѣ, что вы бережете пряникъ. Воображаю, въ какомъ искушеніи находятся мои сестрицы, когда вы отпираете комодъ. Сдѣлайте милость, сдѣлайте ихъ соучастницами въ наслажденіи пряникомъ не одними глазами. На память же этого, къ стыду моему, рѣдкаго случая, вы можете держать заглавный листокъ, который вамъ такъ понравился. Болѣе всего я радъ тому, что вы теперь нѣсколько успокоились. Развѣ вы не видите теперь, что Богъ васъ особенно любитъ за прекрасную вашу душу? Не всегда ли, когда вы уже думали, что находитесь въ самомъ критическомъ положеніи, Онъ неожиданно посылалъ вамъ помощь? Теперь Онъ подвигнулъ Андрея Андреевича помочь вамъ; на слѣдующій годъ, можетъ быть, доставитъ мнѣ это благополучіе. Итакъ вы видите, что намъ должно быть бодрыми, дѣятельными, вмѣстѣ трудиться и веселиться.

---

[1]) При измѣнившихся къ лучшему обстоятельствахъ Гоголь въ началѣ имѣлъ намѣреніе посылать роднымъ подарки. Въ настоящемъ письмѣ видна его забота въ этомъ отношеніи. Въ слѣдующемъ письмѣ онъ выражаетъ сожалѣніе, что ему рѣдко удается дѣлать роднымъ хотя небольшіе подарки. Но послѣ оказалось, что надежды Гоголя на прочное улучшеніе обстоятельствъ не осуществились и рѣчь о подаркахъ почти совсѣмъ замолкаетъ.

[2]) «Вечера на Хуторѣ».

Принесите Аннѣ Матвѣевнѣ и отъ меня благодарность за ея прекрасный поступокъ, съ желаніемъ прожить ей лѣтъ двадцать, и будьте сами здоровы...

Да что не пишутъ ко мнѣ маленькія сестрицы? неужели онѣ до сихъ поръ не умѣютъ писать? Если же онѣ будутъ писать ко мнѣ, то, сдѣлайте милость, ни вы, ни сестра, не диктуйте имъ ничего. Пусть сами отъ себя пишутъ, что имъ вздумается. Чѣмъ больше будетъ у нихъ вздору, тѣмъ это пріятнѣе и любопытнѣе для меня. Нѣтъ ничего несноснѣе, когда дитя умничаетъ, или его заставляютъ умничать.

XXXIX. Къ А. С. Данилевскому.

Ноября 2 (1831). СПб.

Вотъ оно какъ! пятый мѣсяцъ на Кавказѣ [1]) и, можетъ быть, еще бы столько прошло до первой вѣсти, еслибы «*Купидо сердца не подогнало лозою*» [2]). Впустили молодца на Кавказъ!

Ой лыхо закаблукамъ, достанетця й передамъ!

Знаешь ли, сколько разъ ты, въ письмѣ своемъ, просилъ меня не забыть прислать нотъ? Шесть разъ: два раза съ начала, два въ серединѣ [3]), да два при концѣ. Ге, ге, ге! дѣло далеко зашло! Я, однакожъ, тотъ же часъ рѣшился исполнить твою просьбу. Для этого довольно бы тебѣ разъ упомянуть. Я обращался къ здѣшнимъ артисткамъ указать мнѣ лучшее; но Сильфида Урусова и Ласточка Розетти [4]) требовали непремѣнно, что(бъ) [5]) я поименовалъ

[1]) 28 апрѣля 1831 года Данилевскій выѣхалъ изъ Петербурга лѣчиться на Кавказъ, но нѣкоторое время, судя по разсчету Гоголя, что въ началѣ ноября онъ былъ уже *пятый* мѣсяцъ на Кавказѣ, предварительно прожилъ (мѣсяца полтора) въ деревнѣ.

[2]) Изъ комедіи Княжнина «Кутерьма». (Примѣч. 1-го изданія).

[3]) У Кулиша неточно: «серединѣ».

[4]) Здѣсь у Кулиша странная ошибка; въ примѣчаніи объяснено, будто это имена актрисъ. На самомъ дѣлѣ, это были фрейлины, названныя артистками въ шутку. Сильфида—фрейлина Софья Урусова, высокая, стройная блондинка, получившая именно за эти качества свое прозваніе. Ласточка Розетти – знаменитая Александра Осиповна Смирнова, до замужества—Россетъ. Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» было напечатано стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго:

«Красою смуглаго румянца,
Смотрите, какъ она южна;
Она желтѣе померанца,
Живѣе *ласточки* она».

(Соч. Вяземскаго, т. IV, стр. 122.)

Это былъ шутливый экспромтъ-пародія на французскіе стихи:

«Elle est jaune, comme une orange,
Elle est vive, comme un oiseau».

[5]) Въ подлинникѣ: «что».

великодушную смертную, для которой такъ хлопочу [1]). Какъ мнѣ именовать, когда я самъ не знаю, кто она? Я сказать только, что средоточіе любви моей согрѣваетъ ледовитый Кавказъ и бросаетъ на меня лучи косвеннѣе [2]) сѣвернаго солнца. Какъ бы то ни было, только забралъ все, что было лучшаго въ здѣшнихъ магазинахъ [3]). Французскія кадрили въ большой модѣ здѣсь Титова. Однакожъ я посыл(аю) [4]) тебѣ и Россини нѣсколько французск(ихъ) [5]) романсовъ, русскихъ новыхъ пѣсенъ, всего на тридцать рублей. Да что за вздоръ такой ты мелешь, что пришлешь мнѣ деньги послѣ? Къ чему это? [6]) Я тебѣ и безъ того [7]) долженъ 65 рублей. Я думалъ-было и на остальные набрать тебѣ всякой всячины—конфектъ и прочаго, да раздумалъ: можетъ быть, тебѣ что нужнѣе будетъ. Ты, пожалуйста, безъ церемоніи напиши, что прислать тебѣ на остальные 35 рублей, и я немедленно вышлю. Въ здѣшнихъ магазинахъ получено изъ-за моря столько дамскихъ вещей и прочаго, и все совершенное объѣденіе!

Порося мое давно уже вышло въ свѣтъ [8]). Одинъ экземпляръ послалъ я къ тебѣ въ Сорочинцы. Теперь, я думаю, Василій Ивановичъ [9]) совокупно съ любезнымъ зятемъ Егоромъ Львовичемъ [10]) его почитываютъ. Однакожъ, на всякій случай, посылаю тебѣ еще одинъ. Оно успѣло уже заслужить

« . . . . . славы дань—
Кривые толки, шумъ и брань» [11]).

[1]) Гоголь подшучиваетъ здѣсь и въ слѣдующихъ письмахъ надъ увлеченіемъ своего друга извѣстной Эмиліей Александровной Шанъ-Гирей, въ то время, въ дѣвицахъ,—Клингенбергъ.

[2]) Прежде было: «косвенно».

[3]) Весьма вѣроятно, что многое изъ купленныхъ Гоголемъ нотъ было рекомендовано Урусовою и Россетъ, которыя, въ свою очередь, могли руководиться указаніями Мих. Юрьевича Віельгорскаго, дававшаго такіе концерты вмѣстѣ съ братомъ Матвѣемъ Юрьевичемъ въ присутствіи Государя, какіе, по выраженію записокъ Ипполита Оже (см. «Русск. Арх.», 1877, V, стр. 60), «должно быть, играютъ въ концертахъ у Господа Бога въ раю». Віельгорскіе имѣли несомнѣнное вліяніе на музыкальные вкусы въ придворной сферѣ.

[4]) Не дописано.

[5]) Тоже.

[6]) Эти слова написаны сверху зачеркнутыхъ: «какъ будто не знаешь, что я...»

[7]) Это слово вписано сверху строки.

[8]) «Вечера на Хуторѣ».

[9]) Чернышъ; см. выше, стр. 48, примѣч. 1.

[10]) Лаппо-Данилевскимъ. Егоръ Львовичъ Лаппо-Данилевскій былъ зять А. С. Данилевскаго, женатый на его сестрѣ, Маріи Семеновнѣ. Онъ жилъ въ с. Шишахъ.

[11]) Стихи изъ конца первой главы «Евгенія Онѣгина».

Въ Сорочинцы я тебѣ также отправилъ и Ольдекоповъ словарь. Письмо твое я получилъ сегодня, то есть, 2 ноября (писанное тобою 13 октября). Пишу отвѣтъ сегодня же, а отправляю завтра. Кажется, исправно? Зато день хлопотъ. Это я для того тебѣ упоминаю, чтобы ты умѣлъ быть благодарнымъ и писалъ въ слѣдующемъ письмѣ подробнѣе. Напиши также, въ который день ты получишь письмо мое [1]) вмѣстѣ съ сею посылкою. Мнѣ любопытно знать, сколько времени оно будетъ по почтѣ идти къ тебѣ... Ну, извѣстное лицо города Пятигорска, болѣе сказать мнѣ тебѣ нечего. Вѣдь ты же самъ меня торопишь скорѣе отправлять письмо.

Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. Стало быть, не былъ свидѣтелемъ временъ терроризма, бывшихъ въ столицѣ [2]). Почти каждый вечеръ собирались мы: Жуковскій, Пушкинъ и я. О, еслибы ты зналъ, сколько прелестей вышло изъ-подъ пера сихъ мужей! У Пушкина повѣсть, октавами писанная: «Кухарка» [3]), въ которой вся Коломна и петербургская природа живая. Кромѣ того сказки русскія народныя, — не то, что «Руслань и Людмила», но совершенно русскія. Одна писана даже безъ размѣра, только съ рифмами, и прелесть невообразимая! [4]). У Жуковскаго тоже [5]) русскія народныя сказки, однѣ экзаметрами, другія просто четырехстопными стихами, и—чудное дѣло!—Жуковскаго узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэтъ, и уже чисто русскій; ничего германскаго и прежняго. А какая бездна новыхъ балладъ! онѣ на дняхъ выйдутъ.

Ты мнѣ обѣщалъ описать прибытіе свое домой, пріемъ, встрѣчи и пр., и пр., да мнѣ кажется, что у тебя на квартирѣ и пера чиненнаго нѣтъ; только одинъ карандашъ, въ часы досуга, подмахиваетъ, злодѣйское деревцо.

Прощай; будь здоровъ и любимъ, да не забывай твоего неизмѣннаго *Гоголя*. [6])

Хотя и по назначенному тобою адресу можно было меня отыскать, но все лучше и скорѣе будетъ, когда ты ста-

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «мнѣ».

[2]) Забавно, что эти строки, начиная отъ словъ: «стало быть», Кулишу пришлось пропустить изъ цензурныхъ опасеній, хотя здѣсь рѣчь касается, очевидно, ужасовъ холеры, въ шутку названныхъ страшнымъ словомъ «терроризмъ».

[3]) «Домикъ въ Коломнѣ».

[4]) Сказка о Балдѣ.

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «новыя».

[6]) Остальное у Кулиша пропущено.

нешь употреблять слѣдующій: 2 Алм(иралтейской) части, въ Офицерскую улицу, въ домѣ Брунста.

XL. Къ матери.

С.-Петербургъ. 17 ноября, 1831.

Письмо ваше, пущенное вами отъ 28 октября, я получилъ 14-го сего мѣсяца. Чувствительно благодарю васъ, маменька, за ваше попечительное стараніе отыскивать для меня костюмы [1]). Вы такъ уже и отведите нарочно для этого гардероба какой-нибудь просторный сундукъ, и все, что ни попадется, складывайте туда. «На что ему», я думаю, поговариваетъ Домна Матвѣевна [2]), «весь этотъ скарбъ?» — «То-то онъ еще съ-измалу былъ затѣйникъ!» прибавляетъ Олимпіада Ѳедоровна [3]). «Они еще вмѣстѣ съ Симономъ [4]), какъ пріѣзжали изъ Нѣжина, то выстругивали какой-то органъ изъ дерева». Обо всемъ, что ни соберете вы, пришлете маленькую роспись, чтобы я зналъ, что такое именно у васъ находится. Жаль, что у насъ нѣтъ сосѣдей какихъ-нибудь старосвѣтскихъ людей: отъ нихъ бы, вѣрно, можно было посчечиться многимъ. Но насъ, какъ нарочно, сколько мнѣ помнится, окружаютъ модники и люди нынѣшняго свѣта, у которыхъ, кромѣ чепцовъ да фраковъ, ничего не увидишь, и намъ, старымъ людямъ, т. е. мнѣ и вамъ, маменька, не съ кѣмъ и слово завесть о старинѣ.

Очень досадно мнѣ, что дѣдушкѣ [5]) нанесена такая непріятность; но что жъ дѣлать? я и тогда предвидѣлъ, что съ этого дѣла не будетъ проку. Жалко мнѣ было только смотрѣть на его заботы и безпокойства. Но теперь нужно успокоиться: почему знать? можетъ быть, это и къ лучшему. Кто можетъ постигнуть вышнія намѣренія? Не нужно поэтому и намъ сокрушаться: сегодня ненастье, завтра будетъ хорошая погода.

Имѣете ли вы извѣстія объ Андреѣ Андреевичѣ? какъ онъ управляется въ своемъ имѣніи? Пишетъ ли къ вамъ Петръ Петровичъ, каково онъ служитъ и гдѣ нынѣ находится? [6]).

---

[1]) Ср. письмо отъ 19 сентября 1831 года.

[2]) Домна Матвѣевна Косяровская—бабушка Гоголя, родная сестра его дѣда по матери, Ивана Матвѣевича.

[3]) Олимпіада Ѳедоровна Тимченко, сестра ранѣе упоминаемыхъ Александры Ѳедоровны, Марины Ѳедоровны и Ксеніи Ѳедоровны.

[4]) Дядька Гоголя; см. выше (стр. 10, прим. 3-ье).

[5]) Ивану Матвѣевичу Косяровскому, отцу М. И. Гоголь.

[6]) Петръ Петровичъ Косяровскій еще долго переписывался съ М. И. Гоголь, но въ письмахъ Гоголя больше уже не встрѣчаемъ упоминаній о немъ.

Зима у насъ наступила и очень похожа на постоянную, несмотря на то, что испанскій посланникъ, большой чудакъ и погодопредвѣщатель, увѣряетъ, что такой непостоянной и мерзкой зимы, какова будетъ теперь, еще никогда не бывало...

А что же сестрицы? Онѣ все только цѣлуютъ, а сами не пишутъ.

XLI. Къ ней же.

1831 г., декабря 8. С.-Петербургъ.

Я былъ нѣсколько въ недоумѣніи, не получая отъ васъ письма, какъ наконецъ причина объяснилась изъ вашего же письма, пущеннаго вами 17 ноября, въ отвѣтъ на мое отъ 30 октября. Стало быть, вы не получали моего письма, писаннаго 13 октября, при которомъ слѣдовала вамъ на девяносто рублей посылка съ браслетами, пряжкою, кушакомъ и конфектами [1]). Это наводитъ на меня новое недоумѣніе. Вы никакъ не упускайте этого изъ виду; сдѣлайте полтавскому почтмейстеру строгій допросъ: гдѣ находится слѣдуемая вамъ посылка, и почему онъ не далъ вамъ знать тотчасъ по полученіи ея? Это дѣло такого рода, за которое сажаютъ подъ судъ. Вы, пожалуйста, не забывайте, маменька, увѣдомлять меня, если будете получать какую бы ни было отъ меня посылку, въ какомъ видѣ вы ее получите, что такое именно вы въ ней найдете; потому что, какъ кажется, вездѣ не безъ плутней. А этого происшествія вы не оставляйте безъ вниманія и хорошенько допросите почтмейстера.

Сдѣлайте милость, не принимайте, какъ вы, такъ и сестра, моихъ словъ о Степанѣ Меркурьевичѣ [2]) въ дурную сторону. Очень радъ, что онъ не таковъ, какъ думалъ, и никогда бы я и не думалъ о немъ ничего подобнаго, если бы сестра увѣдомила меня объ немъ обстоятельнѣе. Цѣлую вашу ручку и очень жалѣю, если сестра не получила браслетъ и нечего ей будетъ надѣть на праздникъ, а вы также ридикюля. Хотя все это и вздоръ, и малость, но вы бы, вѣрно, были этому рады, зная, что это отъ искренняго и благодарнаго сердца приноситъ вашъ сынъ, *Н. Гоголь*.

---

[1]) Эта посылка была задержана на почтѣ.

[2]) Сынъ священника Яновскаго, о. Меркурія, по воспоминаніямъ А. В. Гоголь,—также священникъ, дальній родственникъ семейства Гоголя («Указатель къ письмамъ Гоголя», 1 изд., стр. 70). О немъ, повидимому, Гоголь говорилъ въ письмѣ отъ 19-го декабря 1830, а также онъ упоминаетъ о немъ въ письмѣ къ Прокоповичу отъ 20 іюня 1847 года.

Краткій обзоръ содержанія писемъ 1832 г.

Въ началѣ 1832 года Гоголь получилъ неожиданное и важное извѣстіе изъ дому: его сестра была помолвлена съ заѣзжимъ земляномъ, поляком по происхожденію, П. О. Трушковскимъ. Уже здѣсь онъ выказываетъ себя «врагомъ свадебныхъ церемоній», что позднѣе въ болѣе рѣзкой формѣ повторилось при выходѣ замужъ другой его сестры, Елизаветы Васильевны.

Лѣтомъ Гоголь собрался въ родную Васильевку и проѣздомъ черезъ Москву завязалъ рядъ новыхъ знакомствъ въ учено-литературномъ и художественномъ мірѣ, именно съ Погодинымъ, Максимовичемъ, Щепкинымъ, Загоскинымъ и Аксаковымъ. Съ первыми двумя онъ вскорѣ завязываетъ дружескую переписку, а также съ И. И. Дмитріевымъ, но съ послѣднимъ въ болѣе почтительно-благоговѣйномъ тонѣ: впрочемъ переписка съ нимъ вскорѣ же и прекращается. Изъ деревни въ Петербургъ онъ возвращается съ двумя маленькими сестрами, Анной и Елизаветой Васильевнами, которыя помѣщаются имъ въ качествѣ воспитанницъ въ Патріотическій Институтъ.

XLII. Къ А. С. Данилевскому.

1 генваря, 1832 (изъ Петербурга).

Подлинно много чуднаго въ письмѣ твоемъ. Я самъ бы желалъ на время принять твой образъ съ твоими страстишками и взглянуть на другихъ такимъ же взоромъ, исполненнымъ сарказма, какимъ глядишь ты на мышей, выбѣгающихъ на середину твоей комнаты. Право, должно быть что-то не въ шутку чрезвычайное засѣло кавказской области въ городъ Пятигорскъ. Поэтическая часть твоего письма удивительно хороша, но прозаическая довольно [1]) въ плохомъ положеніи. Кто это кавказское солнце? Почему оно именно одинъ только Кавказъ освѣщаетъ, а весь міръ оставляетъ въ тѣни, и какимъ образомъ ваша милость сдѣлалась фокусомъ зажигательнаго стекла [2]), то есть, привлекла на себя всѣ лучи его? За такую точность ты меня назовешь бухгалтер кою книгою, или инымъ чѣмъ; но самъ посуди: если не прикрыпить красавицу къ землѣ, то черты

[1]) У Кулиша: «въ довольно плохомъ».

[2]) Слово «стекла» вписано сверху строки.

ея будутъ слишкомъ воздушны, неопредѣленно-общи и потому безхарактерны [1]).

Посылаю тебѣ все, что только можно было скоро достать: «Сѣверные Цвѣты» и «Альціону» [2]). «Невскій Альманахъ» еще не вышелъ, да врядъ ли въ немъ будетъ что-нибудь путное [3]). Галстуховъ черныхъ не носятъ; вмѣсто нихъ употребляютъ синіе. Я бы тебѣ [4]) охотно выслалъ его, но сижу теперь боленъ и не выхожу никуда. Духи же, я думаю, самъ ты знаешь, принадлежатъ къ жидкостямъ, а жидкостей на почтѣ не принимаютъ. Послѣ постараюсь тебѣ и [5]) другое прислать, теперь же не хочу задерживать письма. Притомъ же [6]) «Сѣверные Цвѣты», можетъ быть, на первый разъ приведутъ въ забвеніе неисправность въ прочемъ. Тутъ ты найдешь Языкова такъ прелестнымъ, какъ еще никогда, — Пушкина чудную піесу «Моцартъ и Саліери», въ которой, кромѣ яркаго поэтическаго созданія, такое высокое драматическое искусство,—картиннаго «Делибаша», и все, что ни есть его, чудесно! — Жуковскаго «Змія». Сюда затесалась и Красненькаго [7]) «Полночь».

Письма твоего, писаннаго изъ Лубенъ, въ которомъ ты описываешь пріѣздъ свой домой, я, къ величайшему сожалѣнію, не получалъ. Проклятыя почты! [8]). Не задолго до твоего я получилъ письмо отъ Василія Ивановича [9]), въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что книги, посланныя [10])

---

[1]) Во всемъ этомъ письмѣ—шутки по поводу увлеченія Данилевскаго извѣстной красавицей Эмиліей Александровной Клингенберъ, впослѣдствіи по мужу—Шапъ-Гирей, которую неосновательное преданіе упорно отождествляло впослѣдствіи съ лермонтовской княжной Мери, несмотря на всѣ ея справедливыя разъясненія и возраженія по этому поводу. Въ 1831 г. ей было 16 лѣтъ, но она продолжала блистать и еще болѣе десяти лѣтъ, какъ доказываютъ извѣстные стихи:

«Предъ дѣвицей Эмили
Молодежь лежитъ въ пыли» и проч.

[2]) Альманахи, которые просилъ выписать Данилевскій; о нихъ см. ниже (стр. 241).

[3]) Въ подлинникѣ: «путнее» (sic).

[4]) Слова: «я бы тебѣ» въ подлинникѣ по ошибкѣ написаны дважды.

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «это п(рислать)».

[6]) Слова: «притомъ же» вписаны сверху.

[7]) Н. Я. Прокоповича; см. выше, стр. 178, примѣч. 4-е.

[8]) Слова: «проклятыя почты» были опущены у Кулиша изъ опасенія цензуры.

[9]) Черныша.

[10]) Прежде было: «присланныя».

мною тебѣ въ Семереньки [1]), онъ получилъ. Не излишнимъ почитаю при семъ привесть его слова, сказанныя въ похвалу моей книги:

«Если выдадите еще книгу въ свѣтъ «*Вечера*», то пришлите для любопытства и прочету. Мы весьма знаемъ, что присланная вами книга есть сочиненіе ваше. Это есть прекраснѣйшее дѣло, благороднѣйшее занятіе. Я читалъ и рекомендацію ей отъ Булгарина въ «Сѣверной Пчелѣ» очень съ хорошей стороны и къ поощренію сочинителя. Это видѣть пріятно».

Видишь, какой я хвастунъ! Читалъ ли ты новыя баллады Жуковскаго? Что за прелесть! Онѣ вышли въ двухъ частяхъ вмѣстѣ съ старыми и стоятъ очень не дорого: десять рублей.

Что тебѣ сказать о нашихъ? [2]) Они всѣ, слава Богу, здоровы, прозябаютъ по-прежнему, навѣщаютъ каждую среду и воскресеніе [3]) меня старика и, къ удивленію, до сихъ поръ еще ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ звѣзды и не директоръ департамента.

Разсмѣшила меня до крайности твоя приписка, или [4]) обѣщаніе въ концѣ письма: «Можетъ быть, въ слѣдующую почту напишу къ тебѣ еще, а можетъ быть, нѣтъ». Къ чему такая благородная скромность и сомнѣніе? къ чему это: *можетъ быть*, нѣтъ? Какъ-будто удивительная твоя аккуратность мало извѣстна! [5]).

Писалъ бы къ тебѣ еще, но болѣзнь моя мѣшаетъ. Отлагаю до удобнѣйшаго времени, а теперь прощай. Обнимаю тебя и вмѣстѣ завидую, что ты находишься въ странѣ здравія.

Твой Гоголь.

Да, вотъ молодецъ! пишу 1-го генваря и забылъ поздравить съ новымъ годомъ. Желаю тебѣ провесть его въ седьмомъ небѣ блаженства.

XLIII. Къ матери.

Января 4, 1832.

Непонятно! Опять письмо отъ васъ и опять ни слова о посылкѣ, посланной мною вамъ еще въ октябрѣ, цѣною на

---

[1]) Родина и имѣніе А. С. Данилевскаго, подлѣ Сорочинцевъ.
[2]) Нѣжинцахъ, товарищахъ по гимназіи.
[3]) У Кулиша: «воскресенье».
[4]) Это слово вставлено сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «въ концѣ».
[5]) Вся эта фраза вписана сверху.

девяносто рублей, съ браслетами, пряжкою, перчатками, ридикюлемъ, конфектами и письмомъ, при которомъ она слѣдовала. Ради Бога, извѣстите меня! Я бы теперь же послалъ кое-что сестрѣ, но боюсь. Скажите — — полтавскому почтмейстеру, что я на дняхъ, видѣвшись съ княземъ Голицынымъ, жаловался ему о неисправности почтъ.

Онъ замѣтилъ это Булгакову, директору почтоваго департамента; но я просилъ Булгакова, чтобъ не требовалъ объясненія отъ полтавскаго почтмейстера до тѣхъ поръ, покамѣстъ я не получу его отъ васъ [1]). Итакъ прошу васъ, сдѣлайте милость, не заставьте меня долго ждать. Мнѣ хочется непремѣнно вывесть на чистую воду это мошенничество.

Очень радъ, что сестрѣ открывается такая хорошая партія [2]). Зная вашу предусмотрительность и благоразуміе, я совершенно увѣренъ въ томъ, что вы дѣлаете такъ, чтобъ послѣ не раскаиваться; и признаюсь, хотя бы мнѣ очень желалось знать званіе жениха сестры, откуда онъ, отчего живетъ въ нашихъ мѣстахъ, имя, по крайней мѣрѣ фамилію; но такъ какъ вы почитаете за нужное не объявлять мнѣ это, то я и не смѣю этого требовать, будучи твердо увѣренъ, что, вѣрно, вы имѣете на то основательныя причины. Я только молю Бога, чтобы и вы, и сестра моя были совершенно счастливы...

XLIV. Къ ней же.

Февраля 6, 1832.

Ваше письмо отъ 19 января я получилъ. Очень жалѣю, что не дошло ко мнѣ письмо ваше, писанное по полученіи вами посылки. Въ предотвращеніе подобныхъ безпорядковъ, впредь прошу васъ адресовать мнѣ просто *Гоголю* [3]), потому что кончикъ моей фамиліи, я не знаю, гдѣ дѣлся. Можетъ быть, кто-нибудь поднялъ его на большой дорогѣ и носитъ, какъ свою собственность. Какъ бы то ни было, только я нигдѣ не извѣстенъ здѣсь подъ именемъ Яновъ-

[1]) Знакомства и связи Гоголя въ Петербургѣ въ самомъ дѣлѣ помогли ему разъяснить дѣло и посылка отыскалась, о чемъ М. И. Гоголь извѣщаетъ сына въ письмѣ отъ 19 января (затерянномъ). (См. слѣдующее письмо).

[2]) Марія Васильевна Гоголь вскорѣ послѣ этого вышла за землемѣра, краковскаго уроженца, Павла Осиповича Трушковскаго.

[3]) Гоголь не любилъ своей второй фамиліи и постепенно совершенно отказался отъ нея, говоря, что ее «поляки выдумали» (см. «Современникъ», 1854, III, стр. 86).

скаго, и почталіоны всегда почти затрудняются, отыскивая меня подъ этою вывѣскою.

Очень радъ счастью моей сестры и вижу въ васъ настоящую мать, которую скоро будутъ приводить въ примѣръ всѣмъ, умѣвшую восторжествовать надъ мелочнымъ честолюбіемъ и сребролюбіемъ, пренебречь ими для истиннаго счастія. Должно, однакожъ, признаться, маменька, что у васъ дѣти пренегодныя. Напримѣръ, хотя бы и старшая ваша дочь: она готовится вамъ сдѣлать самый непріятный комплиментъ, несносѣе котораго нѣтъ для женщины, еще далеко не достигшей возраста старухъ: что, ежели она, года черезъ два, поздравитъ васъ бабушкою? Вы извѣстите меня, когда будетъ свадьба, да напишите безъ церемоніи, какія именно вещи нужны. Что можно будетъ сдѣлать и что по силамъ моимъ, я доставлю; чего же нельзя, то будьте увѣрены, что не стану для этого лишать себя необходимаго. Дурно очень, что вы не написали, какой цвѣтъ къ лицу вамъ и сестрѣ, а также не прислали мѣрокъ съ ножекъ вашихъ, и потому не погнѣвайтесь, если въ посылаемой при семъ письмѣ посылкѣ все будетъ не по вашему вкусу. Вы, сдѣлайте милость, напишите мнѣ обстоятельно: какія именно вещи вы получили и въ надлежащей ли исправности...

Старшей сестрѣ скажите, что она напрасно думаетъ, будто вы не такъ рады теперь, имѣя прежде желаніе выдать ее за богатаго. [1]) Богатство всегда въ рукахъ человѣка. Онъ всегда можетъ нажить его; нужны только труды. Но доброй души и прекрасныхъ качествъ человѣкъ никогда не наживетъ, если ихъ не имѣетъ.

Маленькія [2]) сестрицы найдутъ въ этой посылкѣ и себѣ конфекты, только за это онѣ должны не забывать писать. Да нельзя ли ихъ какъ-нибудь заставить, чтобы въ письмѣ говорили онѣ побольше о томъ, что дѣлаютъ дома и что съ ними случается. Напримѣръ, еслибы Лиза сама описала происшествіе съ курицей [3]), вѣдь это, вѣрно, было бы не дурно.

---

[1]) Мечты о богатыхъ зятьяхъ у М. И. Гоголь совсѣмъ не имѣли серьезнаго характера, но, будучи вообще большой строительницей воздушныхъ замковъ, она часто увлекалась роскошными надеждами, отъ которыхъ, конечно, неохотно отказывалась. О ея неумѣренныхъ мечтахъ по поводу другихъ дочерей см. напр. «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. III, стр. 313.

[2]) Начиная отсюда, перепечатано въ «Вѣсти. Европы» (1896, VI, 732—733).

[3]) Въ «Вѣстникѣ Европы»: «съ куницей».

Дайте одинъ изъ кушаковъ Варварѣ Семеновнѣ. [1]) Мнѣ казалось, что сестрѣ болѣе всего шелъ розовый цвѣтъ, и потому я почти всего набралъ розоваго. Впрочемъ, здѣсь теперь онъ самый употребительнѣйшій цвѣтъ. [2]).

XLV. Къ ней же.

1832 г., февраля 26. С.-Петербургъ.

Я васъ не узнаю, маменька! Вы, кажется, совершенно потеряли ту твердость души, которая всегда отличала васъ прежде. Большая диковинка, что отъ меня мѣсяцъ нѣтъ письма! Вспомните то время, когда я мѣсяца по четыре не писалъ къ вамъ. Право, я начинаю уже жалѣть, что завелъ обыкновеніе писать къ вамъ часто: теперь малѣйшая нерегулярность васъ разстроиваетъ. Но думаю, вы теперь уже успокоились, получивши письмо мое отъ 7-го, кажется, февраля вмѣстѣ съ посылкою. [3]) Хотя я полагалъ, что вы его гораздо раньше получите, но изъ письма вашего отъ 15 февраля вижу, что оно еще не дошло къ вамъ. Еще слово о вашемъ письмѣ: ради Бога, не будьте такъ мнительны. Еслибы вы хорошенько вникнули въ мое письмо, вы бы увидѣли, что это было сказано совершенно не въ томъ смыслѣ и вовсе не серьезно о томъ, что вы имѣете причину скрывать отъ меня. Мнѣ, просто, было досадно на вашу забывчивость, и, чтобы отмстить вамъ и разсердить васъ, я написалъ это [4]).

Все то, что̀ вы вздумаете, вы можете смѣло дѣлать, не давая мнѣ вовсе о томъ знать, будучи твердо увѣрены, что мои мысли и мнѣнія никогда не будутъ разногласны съ вашими, или, въ противномъ случаѣ, вы совершенно меня не знаете. Любезная сестра моя не должна тоже имѣть о мнѣ никакого сомнѣнія. Все то, что̀ служитъ къ ея счастію, меня радуетъ; мнѣ только хочется знать, скоро ли окончится это дѣло. Напишите, что̀ знаете объ Андреѣ Андреевичѣ, и отдайте поклонъ всѣмъ близкимъ нашимъ...

Очень жалѣю, что сестра Анничка пишетъ не своими словами. Этихъ оборотовъ и этихъ обыкновенныхъ выра-

---

[1]) Няня младшихъ сестеръ Н. В. Гоголя (Данилевская).

[2]) У Кулиша повторенія слова «цвѣтъ» нѣтъ, но оно есть въ текстѣ письма въ «Вѣстникѣ Европы» (1896, VI, 733).

[3]) Это была, слѣдовательно, вторая посылка отъ Гоголя матери.

[4]) Рѣчь касается, повидимому, того, что М. И. Гоголь не сообщила сыну фамиліи будущаго зятя и вообще никакихъ подробностей о предстоящемъ бракѣ. См. письмо отъ 4 янв. 1832 года (выше, стр. 202).

женій, приличныхъ взрослому, она никогда не можетъ сдѣлать отъ себя. — — Въ прежнемъ маленькомъ ея письмѣ, которое она сама писала, одно только слово уже увѣрило меня въ томъ, что она имѣетъ талантъ большой и богатство будущее души. Этого слова ни вы, ни сестра не замѣтили, вѣрно. Пусть онѣ пишутъ пустяки, весь вздоръ, который говорятъ своей нянѣ. Чѣмъ, повидимому, будетъ глупѣе письмо, тѣмъ лучше: тутъ будутъ видны онѣ совершенно.

XLVI. Къ ней же.

1832 г., марта 10. С. Петербургъ.

Мнѣ очень странно, маменька, что вы столько хлопочете о Багрѣевѣ. Я вѣрю, что онъ хорошій человѣкъ и достоинъ всякаго уваженія; но, несмотря на то, не поѣду къ нему ни съ сего, ни съ другого въ домъ. Вы очень мало знаете приличія, маменька, или, лучше сказать, вы, можетъ быть, и знаете приличія, но не знаете моихъ отношеній въ свѣтѣ. [1]) Странно! вдругъ бы я пріѣхалъ къ нему потому, что вы были одинъ разъ у него и были приняты хорошо. Другое дѣло, если я встрѣчусь съ нимъ у Кутузова, или гдѣ-нибудь въ другомъ обществѣ, я не премину съ нимъ познакомиться, и тогда, пожалуй, какъ къ человѣку знакомому, я могу къ нему пріѣхать, но не потому, чтобы онъ могъ быть для меня чѣмъ-нибудь полезнымъ, а потому, что онъ доставилъ вамъ нѣсколько, какъ вы говорите, пріятныхъ минутъ своею любезностью. Касательно же состоянія его быть мнѣ полезнымъ, скажу вамъ вотъ что. Вы все еще, кажется, привыкли почитать меня за ничтожа, для котораго всякій человѣкъ съ небольшимъ именемъ и знакомствомъ можетъ надѣлать кучу добра. Но прошу васъ не безпокоиться объ этомъ. Пусть я имѣю гораздо прямѣе и, признаюсь, не знаю такого добра, которое бы могъ мнѣ сдѣлать человѣкъ. Добра я желаю отъ Бога, и именно — быть всегда здоровымъ и видѣть васъ всегда здоровыми.

---

[1]) Это было, конечно, вполнѣ справедливо. — Покойный А. С. Данилевскій при объясненіи этого инициала колебался между двумя фамиліями: Базилевскій и Багрѣевъ, но, сообщая мнѣ подробности объ этихъ лицахъ, высказывалъ свое заключеніе о томъ, что ѣхать къ тому или другому было бы для Гоголя совершенно некстати и что это была совершенно не подходящая фантазія со стороны Марьи Ивановны навязывать сыну подобныя знакомства. А. В. Гоголь полагала, что здѣсь въ письмѣ инициалъ *Б* означаетъ Багрѣева, что безусловно подтверждается копіей, принадлежавшей П. С. Тихонравову.

Вѣрьте моему слову, маменька, что все, кромѣ этого, гниль и суета: однако я все-таки благодарю васъ за желаніе, чтобы я познакомился съ Багрѣевымъ, особенно если онъ хорошій человѣкъ.

Зеленецкую [1]) вы можете успокоить на-счетъ ея опасенія: она слышала, что звонятъ, только не знаетъ, на которой колокольнѣ. Въ Патріотическій Институтъ благородныхъ дѣвицъ, въ которомъ я не служу, [2]) не принимаютъ ни изъ купцовъ, ни изъ мѣщанъ. [3]) Уже самое его названіе показываетъ это. Не мѣшаетъ вамъ знать, что Патріотическое общество изъ дамъ, подъ предсѣдательствомъ государыни нынѣшней, основало нѣсколько заведеній въ пользу бѣдныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько школъ, гдѣ учатъ только рукодѣлію и русскому языку, но межъ ними благородныхъ совершенно не бываетъ. Кромѣ этихъ заведеній, Патріотическое общество уже гораздо послѣ завело институтъ для благородныхъ дѣвицъ, состоящій теперь подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ государыни, въ который пансіонерки поступаютъ часто изъ лучшихъ фамилій, а казенныя — дѣти раненыхъ и убитыхъ на войнѣ. Стало быть, родственница Зеленецкой должна радоваться и посылать своихъ дѣтей: они попадутся въ хорошія руки, тѣмъ болѣе, что пріемъ давно уже начался.

Будьте здоровы, сытно ѣдите (sic), спите спокойно и не безпокойтесь ни о чемъ...

Посылаю на помощь вашимъ пріуготовленіямъ къ сестриной свадьбѣ 500 рублей. [4]) Не разсердитесь, что такъ мало. Сколько могъ собрать, столько и посылаю. Когда буду побогаче, тогда пришлю больше.

---

[1]) Зеленецкая, Варвара Степановна, по словамъ А. В. Гоголь, была сосѣдка ихъ.

[2]) Не имѣя подъ руками подлинника, мы не могли провѣрить полной вѣрности текста въ этомъ письмѣ. Извѣстно положительно, что Гоголь служилъ въ то время, когда написано это письмо, именно въ Патріотическомъ Институтѣ, но у Кулиша и въ копіи, принадлежавшей П. С. Тихоправову, откуда мы могли провѣрить наши предположенія объ инціалахъ этого письма, читается: «*не* служу». Впрочемъ, быть-можетъ, было высказано кѣмъ-нибудь предположеніе, что Гоголь хвалитъ это заведеніе потому, что самъ служитъ въ немъ, и въ возраженіе на это Гоголь почему-нибудь отрекся отъ даннаго факта.

[3]) По тону этого письма, повидимому, чувствуется, что слова Зеленецкой и слухи, ею сообщенные о Патріотическомъ институтѣ, задѣли Гоголя за живое.

[4]) Это былъ уже третій и притомъ крупный подарокъ Гоголя семейнымъ.

XLVII. Къ А. С. Данилевскому.

СПб. 1832, марта 10.

Мнѣ бы слѣдовало, просто, на тебя разсердиться и начхать, какъ говаривалъ Ландражень [1]) за твои злакія пакости. Вотъ уже скоро три мѣсяца, какъ отъ тебя ни двоеточія, ни точки. Даже не извѣстилъ меня, получилъ ли въ исправности посланные мною альманахи. Видно, тебѣ теперь ничего не нужно изъ Петербурга, потому что ты тогда только писалъ ко мнѣ, когда имѣлъ во мнѣ надобность. Эй, не плюй въ колодезь! увидишь, если не доведется изъ него же послѣ напиться. Можетъ быть, ты находишься уже въ седьмомъ небѣ и оттого не пишешь. Чортъ меня возьми, если я самъ теперь не близко седьмого неба! и съ такимъ же сарказмомъ, какъ ты, гляжу на славу и на все, хотя моя владычица куды суровѣе [2]) твоей! Еслибъ я былъ, какъ ты, военный человѣкъ, я бы, съ оружіемъ въ рукахъ, доказалъ бы тебѣ, что сѣверная [3]) повелительница моего южнаго сердца томительнѣе и блистательнѣе твоей кавказской. [4]) Ни въ небѣ, ни въ землѣ, нигдѣ ты не встрѣтишь хотя порознь тѣхъ неуловимо-божественныхъ чертъ и роскошныхъ вдохновеній, которыя ensemble дышатъ и умѣстились въ ея, Боже, какъ гармоническомъ лицѣ! [5])

Но довольно. Посылаю тебѣ вторую книжку «Вечеровъ» и, на удачу, «Онѣгина». Можетъ быть, у васъ въ глуши его еще не читали. Въ такомъ случаѣ ты обомлѣешь отъ радости и, вѣрно, не найдешь словъ, чѣмъ выразить мнѣ свою благодарность.

Прощай. Если тебѣ что̀ нужно прислать, то пиши смѣло, хотя и не случится у тебя денегъ. Все тебѣ будетъ выслано. Мы люди свои, послѣ сочтемся. Твой Гоголь [6]).

---

[1]) Учитель французскаго языка въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко.

[2]) У Кулиша: «суровѣй».

[3]) Это слово вписано сверху.

[4]) Т. е. Эмиліи Александровны Клингенбергъ, впослѣдствіи Шанъ-Гирей.

[5]) Напрасно было бы искать здѣсь какого-либо намека на дѣйствительное лицо. Во всемъ письмѣ видна игра юмора. Еслибы здѣсь рѣчь касалась подлиннаго увлеченія Гоголя, то, безъ сомнѣнія, онъ не говорилъ бы въ этомъ тонѣ.

[6]) Эта подпись у Кулиша опущена, но она есть въ подлинникѣ (а также въ «Запискахъ о жизни Гоголя», т. I, стр. 112).

XLVIII. Къ матери.

1832 г., марта 25. С. Петербургъ.

Письмо ваше отъ 7 марта я получилъ. Посылаю вамъ башмаки, какіе только удалось сыскать на скорую руку. Ботинковъ на вашу ногу не было. Я заказалъ ихъ; какъ будутъ готовы, то пришлю. Ничего больше не въ состояніи теперь прислать, потому что лишнихъ денегъ совершенно теперь не имѣю, и потому пусть сестра возьметъ немного терпѣнья; послѣ надѣюсь удовлетворить ее. Очень радъ, что вы свадьбу затѣваете безъ всякаго шума. Я всегда былъ врагъ этихъ свадебныхъ церемоній и собраній. Если-бы я вздумалъ жениться, то жена моя по крайней мѣрѣ двѣ недѣли послѣ свадьбы не показала бы ни къ кому носа. [1]) Я даже полагаю, что, если мнѣ не удастся достать ни полотна, ни платковъ батистовыхъ, то обойтись и безъ нихъ,—тѣмъ болѣе, когда вы въ такомъ состояніи, что не можете уплатить казенныхъ податей, не только долговъ. Женихъ, какъ видно изъ писемъ вашихъ, не глупъ и, вѣрно, не погонится за этимъ вздоромъ. Старушкамъ же вѣстовщицамъ и хлопотливымъ сосѣдкамъ, любящимъ потолковать о свадьбахъ, можете сказать, что у невѣсты не одна, а двѣнадцать дюжинъ платковъ и столько же батистовыхъ рубашекъ и тому подобное. Я говорю это потому, если вы боитесь, или васъ слишкомъ раздражаютъ такія незначащія злорѣчія.

Еще меня удивило очень, что вы пишете въ письмѣ вашемъ, что побожились заплатить Андрею Андреевичу отдать въ этомъ году долгъ. Я васъ не знаю, маменька. Какъ вы можете въ этомъ божиться и давать честное слово, когда не имѣете никакой возможности его исполнить [2]). На что вы полагаетесь?

Развѣ вы не знаете, что вамъ имѣніе ваше, хотя бы и не случилось скотскаго падежа, не въ состояніи бы и половины его уплатить. Но еслибы было даже достаточно, развѣ вы позабыли о томъ, что приближается время платежа въ казну процентовъ снова? Не можетъ быть, чтобы

---

[1]) Гоголь, дѣйствительно, держался такого взгляда, но сестры его и отчасти мать не были съ нимъ согласны: см. письма 1851 г.

[2]) Долгъ этотъ былъ впослѣдствіи процентъ (см. письмо къ матери отъ 10 декабря 1838 года).

вы позабыли обо всемъ этомъ тогда, когда давали свое слово [1]).

Благодарю васъ, очень благодарю за подарокъ вашъ — дюжину чулокъ. И хотя я совсѣмъ не ношу нитяныхъ чулокъ, но какъ драгоцѣнность, какъ труды рукъ вашихъ, буду беречь у себя. Прошу, однако же, васъ ничѣмъ не озабочиваться для меня: у меня совершенно все есть, что̀ мнѣ нужно. Я не знаю, какъ уплатить вамъ хотя сотую долю старыхъ долговъ, а вы налагаете на меня безпрестанно новые. Право, маменька, вы великодушны до безчеловѣчія.

Напишите мнѣ, какъ расположены жить наши молодые: въ Полтавѣ, или деревнѣ, и что̀ женихъ: намѣренъ ли служить, или заниматься хозяйствомъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ? Напомните сестрѣ о строгой бережливости и величайшемъ ограниченіи себя во всемъ. Она сама избрала такой удѣлъ для себя; стало быть, должна умѣть покориться и во всемъ строго и умно ограничивать себя. [2]) Я точно располагалъ-было пріѣхать къ вамъ нынѣшнимъ лѣтомъ, хотя на малое время, но увидѣлъ, что, кромѣ издержекъ, это предпріятіе ничего другого не поведетъ за собою, между тѣмъ какъ мнѣ, можетъ быть, удастся, вмѣсто того, сколько-нибудь сберечь для васъ денегъ. Вѣрьте, что я такъ же нетерпѣливо и пламенно желалъ увидѣться съ вами, какъ и вы со мною. Но что̀ дѣлать? Плохо бы было на свѣтѣ намъ, еслибы мы слѣдовали одному только движенію сердца, не призывая на совѣтъ разсудокъ. Будьте здоровы и спокойны...

XLIX. Къ А. С. Данилевскому. [3])

СПб. марта 30 (1832).

Я нимало не удивляюсь, что мое письмо шло такъ долго. Должно вспомнить, что теперь время самое неблагопріятное для почтъ: разлитіе рѣкъ, негодность дороги и проч. Я получилъ твои деньги и не могу скоро выполнить твоего порученья. Еслибы ты напередъ хорошенько размыслилъ

---

[1]) Этотъ отрывокъ, начиная отъ словъ: «Еще меня удивило очень», у Кулиша пропущенъ и впервые напечатанъ нами въ «Матеріалахъ для біографіи», т. III, стр. 321.

[2]) Ср. совѣты и разсужденія Гоголя въ письмахъ 1851 г. по поводу выхода замужъ его сестры Елизаветы Васильевны.

[3]) Это письмо не находится у наслѣдниковъ А. С. Данилевскаго; его не было уже въ 1887 г., когда мы получили на время письма отъ покойнаго.—Печатается по изданію Кулиша.

все, то, вѣрно, не прислалъ бы мнѣ теперь денегъ, вѣрно, бы вспомнилъ, что за двѣ недѣли до праздника ни одинъ портной не возьмется шить, и потому, въ наказанье, ты будешь ждать три сверхсрочныхъ недѣли своего сюртука, потому что, спустя только недѣлю послѣ праздника, примутся шить его тебѣ. На требованіе же мое поставить тебѣ сукно по 25 руб. аршинъ, Ручъ [1]) далъ мнѣ одинъ обыкновенный свой отвѣтъ, что онъ низкихъ сортовъ суконъ не держитъ.

Теперь нѣсколько словъ о твоемъ письмѣ. Съ какой ты стати началъ говорить о шуткахъ, которыми будто бы было наполнено мое письмо? и что ты нашелъ безсмысленнаго въ томъ, что я писалъ къ тебѣ, что ты говоришь только о поэтической сторонѣ, не упоминая о прозаической? [2]) Ты не понимаешь, что значитъ поэтическая сторона. Поэтическая сторона: «Она несравненная, единственная» и проч. Прозаическая: «Она Анна Андреевна такая-то». Поэтическая: «Она принадлежитъ мнѣ, ея душа—моя». Прозаическая: «Нѣтъ ли какихъ препятствій въ томъ, чтобъ она принадлежала мнѣ не только душою, но и тѣломъ, и всѣмъ, однимъ словомъ — ensemble?» Прекрасна, пламенна, томительна и ничѣмъ неизъяснима любовь до брака; но тотъ только показалъ одинъ порывъ, одну попытку къ любви, кто любилъ до брака. Эта любовь не полна; она только начало, мгновенный, но зато сильный и свирѣпый энтузіазмъ, потрясающій надолго весь организмъ человѣка. Но вторая часть или, лучше сказать, самая книга—потому что первая только предувѣдомленіе къ ней — спокойна и цѣлое море тихихъ наслажденій, которыхъ съ каждымъ днемъ открывается болѣе и болѣе, и тѣмъ съ бо́льшимъ наслажденіемъ изумляешься имъ, что они казались совершенно незамѣтными и обыкновенными. Это художникъ, влюбленный въ произведенье великаго мастера, съ котораго уже онъ никогда не отрываетъ глазъ своихъ и каждый день открываетъ въ немъ новыя и новыя очаровательныя и полныя обширнаго генія черты, изумляясь самъ себѣ, что онъ не могъ ихъ увидать прежде. Любовь до брака—стихи Язы-

---

[1]) Извѣстный, бывшій въ большой модѣ петербургскій портной того времени. См. въ первоначальномъ наброскѣ «Ревизора»: «Вѣдь Ручъ работалъ—вотъ что́ важно»! (Соч. Гог., изд. X, т. VI, стр. 82).

[2]) Шутливое отношеніе Гоголя къ увлеченію друга затронуло послѣдняго за живое, слѣдствіемъ чего была временная пріостановка переписки со стороны Данилевскаго («Матеріалы», т. I, стр. 355—357).

кова: они эффектны, огненны и съ перваго раза уже овладѣваютъ всѣми чувствами. Но послѣ брака любовь — это поэзія Пушкина: она не вдругъ обхватитъ насъ, но чѣмъ болѣе вглядываешься въ нее, тѣмъ она болѣе открывается, развертывается и наконецъ превращается въ величавый и обширный океанъ, въ который чѣмъ болѣе вглядываешься, тѣмъ онъ кажется необъятнѣе. и тогда самые стихи Языкова кажутся только частію, небольшою рѣкою, впадающею въ этотъ океанъ. Видишь, какъ я прекрасно разсказываю! О, съ меня бы былъ славный романистъ, еслибы я сталъ писать романы! Впрочемъ это самое я докажу тебѣ примѣромъ, ибо безъ примѣра никакое доказательство — не доказательство, и древніе очень хорошо дѣлали, что помѣщали его во всякую хрію. Ты, я думаю, уже прочелъ «Ивана Осдоровича Шпоньку». Онъ до брака удивительно какъ похожъ на стихи Языкова, между тѣмъ какъ послѣ брака сдѣлается совершенно поэзіей Пушкина.

Хочешь ли ты знать, что дѣлается у насъ въ этомъ водяномъ городѣ? Пріѣхалъ Возвышенный [1]) съ паномъ Платономъ [2]) и Пеликаномъ. [3]) — — Вся эта труппа пробудетъ здѣсь до мая, а можетъ быть, и долѣе. Возвышенный все тотъ же; трагедіи его все тѣ же. «Тассъ» [4]) его, котораго онъ написалъ уже въ шестой разъ, необыкновенно толстъ, занимаетъ четверть стопы бумаги. Характеры всѣ необыкновенно благородны, полны самоотверженья, и, вдобавокъ, выведенъ на сцену мальчишка 13 лѣтъ, поэтъ и влюбленный въ Тасса по уши. А сравненьями играетъ, какъ мячиками; небо, землю и адъ потрясаетъ, будто перышко. Довольно, что прежнія: «*губы посинѣли у него цвѣтомъ моря*», или: «*тростникъ шепчетъ, какъ шепчутъ въ мракѣ цѣни*» — ничто противъ нынѣшнихъ. Пушкина все по-прежнему не любитъ; «Борисъ Годуновъ» ему не нравится. [5]) — —

Красненькій [6]) кланяется тебѣ. Онъ еще не актеръ, но

---

[1]) Кукольникъ.

[2]) Братъ Кукольника.

[3]) Извѣстный докторъ. У Кулиша фамилія его обозначена инициаломъ, но этотъ инициалъ объяснилъ намъ въ 1887 г. самъ А. С. Данилевскій.

[4]) Извѣстная пьеса Кукольника, появившаяся въ 1832 г.

[5]) Здѣсь у Кулиша пропускъ.

[6]) Н. Я. Прокоповичъ, получившій это прозваніе за румяный цвѣтъ лица и удержавшій его даже, когда румянецъ его отъ семейныхъ заботъ угасъ. Прокоповичъ былъ весьма даровитая личность.

скоро будетъ имъ, и можетъ быть, тотчасъ послѣ Святой. У васъ, я думаю, уже весна давно. Напиши, съ котораго времени начинается у васъ весна. Я давно уже не нюхалъ этого кушанья.

L. Къ матери.

1832, апрѣля 16. С.-Петербургъ.

Я получилъ ваши письма, писанныя вами въ мартѣ мѣсяцѣ. Въ одномъ изъ нихъ вы упоминаете объ отвѣтѣ Андрея Андреевича [1]). Вы, пожалуйста, не слишкомъ озабочивайтесь его словами. Вы знаете, какой онъ чудакъ. Скорѣе бы къ дѣлу, да и концы въ воду. Я очень одобряю на этотъ разъ суевѣріе бабушекъ и желаю вмѣстѣ съ ними, чтобы этотъ бракъ, по всѣмъ предположеніямъ самый счастливый, потому что оба любятъ, кажется, истинно другъ друга, былъ заключенъ непремѣнно въ апрѣлѣ. Жалѣю только, что не могу теперь ничего послать новобрачнымъ, кромѣ желанія быть вѣчно довольными другъ другомъ и вѣчно довольными своимъ состояніемъ. Это первыя условія счастливаго брака.

Вы спрашиваете меня, появилась ли точно комета въ Петербургѣ. Охота же вамъ заниматься ею! Мало ли подобной дряни является каждый годъ! По мнѣ, хотя бы двадцать кометъ засвѣтило вдругъ и всѣ звѣзды поприцѣпляли къ себѣ длинные хвосты, придерживаясь старой моды, мнѣ бы это не больше принесло радости, какъ прошлаго году упавшій снѣгъ. Впрочемъ, когда вы мнѣ объявили, что есть комета, то я нарочно обсматривалъ по нѣсколько (sic) часамъ небо, но никакой звѣзды, даже короткохвостой или куцей, не встрѣтилъ. Кто-то, я воображаю, трудится въ Полтавѣ надъ выдумкою всѣхъ этихъ вздоровъ? [2]) — — —

Онъ вдругъ увлекся въ Петербургѣ театромъ до того, что рѣшилъ поступить на сцену, но вмѣсто того поступилъ въ театральную школу (см. «Матеріалы для біографіи», II, 190—191).

[1]) Андрей Андреевичъ Трощинскій почему-то высказывался не въ пользу предполагаемаго брака и его мнѣніе, какъ человѣка авторитетнаго и занимавшаго видное положеніе, смущало Марью Ивановну.

[2]) Кометой М. И. Гоголь интересовалась съ точки зрѣнія суевѣрныхъ соображеній относительно предстоящаго брака; она смущалась также приближеніемъ мая, считающагося неблагопріятнымъ для заключенія браковъ, вслѣдствіе чего Гоголь, повидимому, неожиданно повторяя слова протестовавшихъ противъ свадьбы въ маѣ «бабушекъ», совѣтуетъ совершить бракъ еще въ апрѣлѣ.

Какова у васъ весна? Я думаю, уже давно на деревьяхъ показались листья. Какъ вы счастливы! а мы врядъ ли въ половинѣ мая дождемся ихъ. Желаю вамъ отъ всей души весело провесть ее. Что касается до сестры, то она, вѣрно, проведетъ весело. Можно побиться объ закладъ, что веселѣе всѣхъ насъ. До слѣдующаго письма.

LI. Къ А. С. Данилевскому.

26 апрѣля (1832), С.-П(етер)б(ургъ).

Сейчасъ только-что принесли мнѣ отъ Руча твой модный сюртукъ. Мѣрка у него твоя была въ сохранности, и онъ увѣряетъ, что совершенно сдѣлалъ по ней. Я замѣчу только то, что я слишкомъ теперь сталъ тебя тоньше. Теперь еслибы ты увидѣлъ меня, то бы, вѣрно, не узналъ: такъ я похудалъ. Твой сюртукъ на меня такъ широкъ, какъ халатъ. На Кавказѣ, я думаю, ты еще больше разжирѣлъ; а здѣшній проклятый климатъ убійственъ. Очень жалѣю, что не могу прислать, кромѣ жилета, ничего больше: денегъ у меня теперь совершенно нѣтъ, и я не знаю, станетъ ли на пересылку.

Меня все смѣшатъ твои обѣщанія. Къ чему эти увѣренія, что будешь непремѣнно ко мнѣ писать чрезъ каждыя двѣ недѣли? Какъ-будто я не знаю тебя! Уже прошло около полтора мѣсяца послѣ того, а ты до сихъ поръ ни строчки. Да врядъ ли напишешь и впредь [1]), покуда какая-нибудь нужда не заставитъ. Однакожъ я прошу тебя, извѣсти меня по крайней мѣрѣ, въ исправности ли ты получилъ прежде посланныя мною книги и теперь посылаемый сюртукъ съ жилетомъ, потому что я до тѣхъ поръ не могу быть спокоенъ, пока не получу твоей расписки въ исправномъ полученіи. Признаюсь, я опасаюсь оттого тебѣ посылать новыхъ книгъ, которыхъ вышло донынѣ не мало, что не знаю, исправно ли ты ихъ получаешь. Спѣшу отправлять и не имѣю больше времени. *Твой Гоголь* [2]).

LII. Къ матери.

1832, апрѣля 27. С.-Петербургъ.

Я получилъ ваше письмо, отправленное вами 3 апрѣля. Очень радъ, что посланныя мною деньги пришли вамъ

---

[1]) Это слово вписано сверху строки.

[2]) Этой подписи въ изданіи Кулиша нѣтъ, но она приведена въ «Запискахъ о жизни Гоголя», стр. 115.

кстати. Когда-то уменьшатся эти сборы и подати? за ними вы не въ состояніи сдѣлать себѣ необходимаго. Хорошій управитель точно теперь полезнѣе для васъ всего, и я радъ, если этотъ, который теперь представляется вамъ, дѣйствительно имѣетъ хоть одно изъ упомянутыхъ вами качествъ. Но хорошіе управители такая рѣдкость, какой почти невозможно отыскать. Иной бываетъ добръ и имѣетъ много совѣсти, но зато мало понимаетъ свое дѣло; другой знаетъ свое дѣло, но зато плутъ. Дай Богъ, чтобы вашъ не походилъ ни на того, ни на другого и чтобы васъ совершенно избавилъ отъ безпокойствъ.

Очень сожалѣю, что не могу теперь отвѣчать на письмо [дѣлающее мнѣ много чести] Павла Осиповича [1]). Причина этому—недостатокъ времени. Это письмо я отправляю вамъ не по почтѣ, но его получите вы отъ нашего добраго сосѣда Алексѣя Васильевича [2]); къ слѣдующей же почтѣ я надѣюсь еще писать. Прощайте; будьте здоровы со всѣми домашними...

Увѣдомьте меня о тетенькѣ Катеринѣ Ивановнѣ [3]). Я таки немного сержусь, маменька, за то, что вы никогда почти теперь не извѣщаете о ней. Вы знаете, что я ее очень люблю.

LIII. Къ ней же.

1832, 12 мая. С.-Петербургъ.

Очень сожалѣю, что башмаки были велики. Было бы вамъ прислать назадъ, я бы перемѣнилъ ихъ. Посылаю теперь по двѣ пары вамъ и сестрѣ. Эти поменьше и должны быть вамъ въ-пору; а не то, такъ пришлите ихъ назадъ вмѣстѣ съ старымъ башмакомъ, потому что по мѣркѣ трудно подобрать. Посылаю сестрѣ платье; оно прочно и моется. Да, пожалуйста, не говорите мнѣ, что я посылаю сверхъ силъ и проч. [4]) Вы мнѣ приписываете гораздо болѣе великодушія, нежели я имѣю его въ самомъ дѣлѣ. Будьте увѣрены, что я не столько глупъ, чтобы посылать вамъ тогда, когда самъ нуждаюсь. Дѣлать это—значитъ отнимать у себя возможность быть полезнымъ вамъ впослѣдствіи. И потому безъ церемоніи! прошу

[1]) Трушковскаго, мужа М. В. Гоголь.
[2]) Кашписта, помѣщика села Обуховки.
[3]) Ходаревской, сестрѣ М. И. Гоголь.
[4]) Это былъ новый подарокъ Гоголя, но потомъ обстоятельства не позволяли ему дѣлать подарковъ.

писать ко мнѣ обо всемъ, что вамъ нужно. Когда будутъ у меня лишнія деньги, я вышлю; когда же нѣтъ, то подождете до другого случая. Нитяные чулки запрещены мнѣ носить докторомъ. Здѣшній климатъ не Малороссія. Но если вы мнѣ хотите непремѣнно сдѣлать подарокъ, то понемножку подготовляйте мнѣ къ зимѣ шерстяныхъ чулокъ. Бумажныхъ у меня довольно; шерстяныхъ же крѣпкихъ здѣсь трудно достать. Май у насъ самый дрянной: дожди и снѣгъ безпрестанные, и я не рѣшаюсь долго выѣзжать на дачу.... Но покамѣстъ прощайте...

Увѣдоми меня, сестра, придется ли тебѣ въ-пору платье. Я вмѣстѣ съ нимъ посылаю и твое старое.

LIV. Къ А. С. Данилевскому.

1832. іюня 15. С.-Петербургъ.

Опять не могу дождаться отъ тебя письма, или хоть даже короткаго извѣщенія о полученіи сюртука и прочаго. Вѣрно, тебя скука никогда не посѣщаетъ, ибо только въ такомъ расположеніи обыкновенно проходитъ охота писать.

«Счастливъ ты въ предестныхъ... [1])
Ты Сенпри въ карикатурахъ». [2])

Желалось бы мнѣ поглядѣть на тебя. Да нельзя ли это сдѣлать такимъ образомъ, чтобы мы выѣхали одинъ другому навстрѣчу? Сборное мѣсто положить хотя въ Толстомъ, или въ Васильевкѣ. Наши нѣжинцы почти всѣ потянулись на лѣто въ Малороссію, даже Красненькій [3]) уѣхалъ. А въ іюлѣ мѣсяцѣ, еслибы тебѣ вздумалось заглянуть въ Малороссію, то засталъ бы и меня, лѣниво возвращающагося съ поля отъ косарей, или беззаботно лежащаго подъ широкой яблоней, безъ сюртука, на коврѣ, возлѣ ведра холодной воды со льдомъ, и проч. Пріѣзжай!

Твой Гог(оль.) [4])

Письма можешь адресовать мнѣ въ Полтаву, а оттуда въ Васильевку.

---

[1]) Пропущено: «дурахъ».—Именно за такіе стихи Данилевскій обижался, но Гоголь этого даже не подозрѣвалъ.

[2]) А. С. Данилевскій зналъ, къ кому Пушкинъ обращался въ этихъ стихахъ, но во время моего свиданія съ нимъ не могъ припомнить имени.

[3]) Н. Я. Прокоповичъ.

[4]) Остальное у Кулиша пропущено.

LV. Къ матери.

Москва. 1832, 4 іюля.

Я очень дурно сдѣлалъ, моя безцѣнная маменька, что рѣшился выѣхать изъ Петербурга, да еще въ то время, когда чувствовалъ себя не слишкомъ здоровымъ. Зато и поплатился порядкомъ, покамѣстъ доѣхалъ до Москвы. Какъ нарочно, погода была самая скверная, дожди проливные. Я ѣхалъ день и ночь, потому что товарищъ [1]) мой, ѣхавшій до Москвы вмѣстѣ со мною, не имѣлъ времени останавливаться. Итакъ я въ Москву пріѣхалъ нездоровымъ, и хотя въ теченіе нѣсколькихъ дней почти все прошло и я поправился, но здѣшніе врачи совѣтуютъ мнѣ недѣльку обождать для совершеннаго поправленія. Итакъ я теперь не увѣренъ, буду ли у васъ, или нѣтъ, потому что срокъ моего отпуска недалеко до окончанія своего и мнѣ нужно будетъ поспѣшить въ Петербургъ; впрочемъ навѣрное я и самъ не знаю. Можетъ быть, получу еще отсрочку, и тогда все-таки побываю у васъ. Прощайте, будьте здоровы вмѣстѣ со всѣми нашими домашними. Жаль очень, что мнѣ, хотя я, можетъ быть, и пріѣду, нельзя будетъ ѣсть никакихъ фруктовъ, а безъ этого, и лѣто не лѣто...

LVI. Н. Я. Прокоповичу.

Іюля 8. Уѣздн. гор. Подольскъ, 30 верстъ отъ Москвы. (1832) [2]).

Я думаю, ты уже слышалъ отъ Божка [3]), что путь мой не слишкомъ былъ благополученъ. Въ Москвѣ я заболѣлъ и остался, и пробылъ полторы недѣли, въ чемъ, впрочемъ, и не раскаиваюсь. За все я былъ награжденъ. Теперь я выѣхалъ и дожидаюсь на первой уже [4]) станціи лошадей,— дожидаюсь часовъ шесть, но и здѣсь видна providentia и за это я долженъ благодарить судьбу. Можетъ быть, сѣмена падутъ не на каменистую и безплодную землю. По-

---

[1]) Божко; см. слѣд. письмо.

[2]) Прежде было напечатано въ «Русскомъ Словѣ» (1859, 85—86) и въ брошюрѣ Пѣтухова: «Письма Гоголя къ Максимовичу», стр. 1—2.— Передъ Пасхой Прокоповичъ собирался поступить на сцену, но потерпѣлъ неудачу или даже не рѣшился подвергнуться испытанію и уѣхалъ на родину.—Отрывки изъ этого письма см. въ «Современникѣ» (1858, II, 274—275). На письмѣ помѣтка П—ча: «*самое раннее*».

[3]) Андрей Андреевичъ Божко, школьный товарищъ Гоголя, окончившій курсъ въ Гимназіи Высшихъ Наукъ кн. Безбородко въ 1828 году (см. выше, стр. 57, примѣч. 4).

[4]) Въ брошюрѣ проф. Е. В. Пѣтухова: «Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу» это слово по ошибкѣ пропущено.

слушай [объ этомъ я хотѣлъ писать къ тебѣ изъ Москвы, но не успѣлъ]—я ѣду прямо на Полтаву [1]), слѣдовательно не увижу Нѣжина. Ты долженъ, я тебя заклинаю всѣмъ [впрочемъ, ты самъ же и слово даже далъ]—немедленно пріѣхать съ братомъ ко мнѣ въ деревню *Васильевку*, въ простонародьи зовомую Яновщина. Что тебѣ дѣлать въ Нѣжинѣ? Какія-нибудь любовныя застарѣлыя дѣлишки? Но стыдно мужу, закаленному уже опытомъ, прошедшему всѣ мытарства, ребячиться такимъ неприличнымъ образомъ. Пріѣзжай, если тебѣ я сколько-нибудь дорогъ, потому что отъ твоего пріѣзду здоровье мое непремѣнно поправится [2]). Жизнь мы проведемъ самымъ эстетическимъ образомъ: спать будемъ въ волю, ѣсть тоже будемъ очень много; а главное — что варварскій носъ твой, лишенный всякаго обонянія, прошибетъ запахъ [3]) настоящей деревни. Еще долженъ тебѣ сказать, что въ этомъ же мѣсяцѣ прибудетъ, если уже не прибылъ, Данилевскій съ Кавказа... Нѣтъ, ты будешь совершенный лошадиный пометъ, если все это не подѣйствуетъ на твою вялую душу. Тогда можно будетъ рѣшительно сказать, что весь мозгъ изъ головы твоей перешелъ въ ту неблагородную часть тѣла, которою мы имѣемъ обыкновенно (sic) садиться на стулѣ и даже на с.....ѣ, [4]) а все содержимое въ этой непозволительной и мало употребляемой въ разговорѣ части поднялось въ голову. Вотъ тебѣ маршрутъ: изъ Нѣжина въ Прилуки, изъ Прилукъ въ Пирятинъ, изъ Пирятина въ Лубны, изъ Лубенъ въ Миргородъ, изъ Миргорода на село Устивицу въ мѣстечко Яреськи, а изъ Яресекъ всякій укажетъ тебѣ дорогу на Каменецкій мостъ въ деревню Васильевку или Яновщину. Прощай. Исполни то, что тебѣ слѣдуетъ исполнить. *Твой Гоголь.*

LVII. Къ М. П. Погодину [5])

Іюля 8 (1832), Подольскъ, 1-я станція отъ Москвы.

Вотъ что называется выполнять свои обѣщанія: я обѣщалъ къ вамъ писать по крайней мѣрѣ изъ Тулы, а пишу

---

[1]) У г. Пѣтухова: «въ Полтаву».

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «это».

[3]) Это слово вписано сверху строки.

[4]) Неудобное для печати слово.

[5]) Это письмо сверено по точной копіи, принадлежащей Румянцовскому музею, какъ и другія письма Погодина, напечатанныя у Кулиша.

Приписка Погодина: «Не думалъ я печатать такъ скоро этихъ

изъ Подольска. Я ѣхалъ въ самый дождь и самою гадкою дорогою, пріѣхалъ въ Подольскъ и переночевалъ, и теперь свидѣтель прелестнаго утра. Ѣхать бы только нужно, но препроклятое слово имѣетъ обыкновеніе вырываться изъ устъ смотрителей: «*нѣтъ лошадей*». Видно, судьба моя — ѣхать всегда въ дурную погоду. Впрочемъ совѣстливый смотритель объявляль, что у него есть десятокъ своихъ лошадей, которыхъ онъ, *по доброть своей* (его собственное выраженіе) готовъ дать за пятерные прогоны. Но я лучше рѣшился сидѣть за Ричардсоновой «Кларисою», въ ожиданіи лошадей, потому что ежели на пути попадется мнѣ еще десять такихъ благодѣтелей человѣческаго рода, то нечѣмъ будетъ доѣхать до пристанища. Впрочемъ присутствія духа у меня довольно: вотъ скоро уже 12 часовъ, а мнѣ еще все люли и ни почемъ. Не знаю, такъ ли будетъ послѣ 12-ти. Ну, обнимаю васъ еще разъ. Можетъ быть, вы не выѣхали еще въ деревню. Эхъ, какъ весело имѣть деревню въ 50 верстахъ! Почему бы правительству не поручить какому-нибудь искусному инженеру укоротить путь, чтобы изъ 800 верстъ хотя 700 выбросить, и то бы было хорошо: все-таки меньше. Но это мечты, которыя я себѣ позволилъ по § цензурнаго устава [1]).

Прощайте, мой безцѣнный Михаилъ Петровичъ, братъ по душѣ! Жму вашу руку. Можетъ быть, это пожатіе дошло до васъ прежде моего письма. Вѣрно, вы чувствовали, что ваша рука кѣмъ-то была стиснута, хотя во снѣ: это жалъ ее вашъ *Гоголь.*

писемъ, но вышедшая біографія Гоголя представляетъ безъ нихъ такіе пробѣлы, что оставлять ихъ въ неизвѣстности дѣлалось непозволительнымъ. Я обѣщалъ автору доставить ихъ, дабы онъ могъ воспользоваться для второго изданія. Трушковскій, племянникъ послѣдняго (sic), объявилъ также объ намѣреніи своемъ издать письма Гоголя и просилъ о доставленіи моихъ писемъ для помѣщенія въ полномъ его собраніи. Я разсудилъ напечатать ихъ особо въ журналѣ. Біографъ возьметъ, что ему нужно для его цѣли, а издатель полнаго собранія распредѣлитъ по хронологическому порядку соотвѣтственно прочимъ. Здѣсь же они явятся въ своей особой совокупности и въ этомъ отношеніи представляютъ занимательность другого рода». *М. П.*

Письма Гоголя къ Погодину до 1842 г. были напечатаны Погодинымъ въ «Москвитянинѣ» (1855, № 19—20), остальныя—въ «Русской Жизни» за 1891—1892 гг.

[1]) Ср. сходную шутку въ письмѣ къ Жуковскому отъ 10 сентября 1831 года (выше, стр. 188).

LVIII. И. И. Дмитріеву [1]).

(1832 г.).

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Пріѣхавши на мѣсто, я почелъ долгомъ писать къ вамъ. Вашъ ласковый пріемъ и ваша доброта напечатлѣлись неизгладимо въ моей памяти [2]). Мнѣ кажется, я вижу васъ, нашего патріарха поэзіи, въ ту самую минуту, когда вы радушно протянули руку еще безызвѣстному и не довѣряющему себѣ автору. Съ того времени мнѣ показалось, что я подросъ по крайней мѣрѣ на вершокъ. Минувши заставу и оглянувшись на исчезающую Москву, я почувствовалъ грусть. Мысль, что все прекрасное и радостное мгновенно, не оставляла меня до тѣхъ поръ, пока не присоединилась къ ней другая, что, черезъ три или четыре мѣсяца, я снова увижусь съ вами. Въ дорогѣ занимало меня одно только небо, которое, по мѣрѣ приближенія къ югу, становилось синѣе и синѣе. Мнѣ надоѣло сѣрое, почти зеленое сѣверное небо, такъ же какъ и тѣ однообразно-печальныя сосны и ели, которыя гнались за мною по пятамъ отъ Петербурга до Москвы [3]). Теперь я живу въ деревнѣ, совершенно такой, какая описана незабвеннымъ Карамзинымъ. Мнѣ кажется, что онъ копировалъ малороссійскую деревню: такъ краски его ярки и сходны съ здѣшней природой. Чего бы, казалось, недоставало этому краю! Полное, роскошное лѣто! Хлѣба, фруктовъ, всего растительнаго гибель! А народъ бѣденъ, имѣнія разорены и недоимки неоплатныя. Всему виною недостатокъ сообщенія: онъ усыпилъ и обленивилъ жителей. Помѣщики видятъ теперь сами, что съ однимъ хлѣбомъ и винокуреніемъ нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинаютъ понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталовъ нѣтъ, счастливая мысль дремлетъ, наконецъ умираетъ, а они рыскаютъ съ горя за зайцами. Признаюсь, мнѣ очень грустно было смотрѣть на разстроенное имѣніе моей матери; еслибы одна только лишняя тысяча, оно бы въ три года пришло въ состояніе приносить шестерной противъ нынѣшняго доходъ. Но деньги здѣсь совершенная рѣдкость... Но я думаю, уже наскучилъ вамъ статистикой здѣшняго края.

---

[1]) Это письмо было первоначально напечатано въ «Русскомъ Архивѣ», 1866, XI—XII, стр. 1726—1728.

[2]) Очевидно, Дмитріевъ принялъ Гоголя съ свойственной ему свѣтскостью и изысканной любезностью.

[3]) Ср. сходное описаніе въ соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 654 и т. VII, стр. 487.

Такъ какъ вы были столько снисходительно добры, что изъявили желаніе знать объ обстоятельствахъ того, который, еще не видавши васъ лично, питалъ къ вамъ благоговѣйное уваженіе и привязался къ вамъ всею душою, то скажу, что здоровье мое поправляется и, кажется, въ лучшемъ состояніи, нежели въ Москвѣ. Совершеннаго же здоровья не надѣюсь скоро дождаться. Позвольте, по крайней мѣрѣ, пожелать вамъ, чтобы еще въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ вы не знали совершенно никакихъ болѣзней, чтобы горе не смѣло переступить черезъ порогъ вашъ. А я, упрашивая васъ не перемѣнять драгоцѣннаго вашего расположенія ко мнѣ, остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и вѣчною признательностію вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою *Николай Гоголь.*

LIX. Къ М. П. Погодину.

Іюля 20 (1832). Д. Васильевка.

Наконецъ я дотащился до гнѣзда своего, безцѣнный мой Михаилъ Петровичъ, проклиная безконечную дорогу и досихъ поръ не опамятовавшись послѣ проклятой ѣзды. Вѣрите ли, что теперь одинъ видъ проѣзжающаго экипажа производитъ во мнѣ дурноту? Что-то значитъ хилое здоровье! Пріѣхавши въ Полтаву (17 іюля), я тотчасъ объѣздилъ докторовъ и удостовѣрился, что ни одинъ цехъ не имѣетъ меньше согласія и единодушія, какъ этотъ. У каждаго свои мнѣнія, и иныя изъ нихъ такъ вздорны, что удивляешься, какъ и откуда залѣзли въ глупыя ихъ головы, и каждый стоитъ за свою глупую систему до зарѣзу; такъ что мнѣ не остается иного средства, какъ прибѣгнуть къ Дядьковскому [1]) и попросить у него первый рецептъ. Увѣрьте его, что съ величайшею признательностью буду благодарить его, сколько позволитъ мнѣ мое состояніе, и по гробъ буду помнить его помощь. Теперешнее состояніе моего здоровья совершенно таково, въ какомъ онъ меня видѣлъ. Поносъ только прекратился, бываетъ даже запоръ. Иногда мнѣ кажется, будто чувствую небольшую боль въ печенкѣ и въ спинѣ; иногда болитъ голова, немного грудь. Вотъ всѣ мои припадки. Дни начались здѣсь хорошіе. Фруктовъ бездна, но я ѣсть ихъ боюсь (кстати, спросите о діэтѣ). Остатокъ лѣта, кажется, будетъ чудо; но я, самъ не знаю, отчего,

[1]) Докторъ въ Москвѣ, съ которымъ совѣтовался Гоголь—вѣроятно, по рекомендаціи Погодина.

удивительно равнодушенъ ко всему. Всему этому, я думаю, причина болѣзненное мое состояніе. Притомъ же пріѣхалъ въ имѣніе совершенно разстроенное. Долговъ множество невыплаченныхъ. Пристаютъ со всѣхъ сторонъ, а уплатить теперь совершенная невозможность.

Я еще васъ обременю просьбою. Если будете въ городѣ, дайте знать книгопродавцамъ, авось-либо не купятъ (ли) [1] 2-го изданія «Вечеровъ на Хуторѣ» [2]. Много изъ здѣшнихъ помѣщиковъ посылало въ Москву и въ Петербургъ,— нигдѣ не могли достать ни одного экземпляра. Что это за глупый народъ книгопродавцы! Неужели они не видятъ всеобщихъ требованій? Отказываются отъ собственной прибыли! Я готовъ уступить за 3000 рубл., если не будутъ давать болѣе. Вѣдь это имъ приходится менѣе, нежели по три рубли за экземпляръ, а они будутъ продавать по 15 рубл., итого 12 рубл. барыша на книжкѣ! Пусть они вдругъ продадутъ только 200 экземпляровъ, то вырученная сумма за эти экземпляры уже вдругъ окупитъ издержки. Остальные 1000 экземпляровъ въ теченіе года или двухъ, вѣрно, разойдутся, особливо когда еще выйдетъ новое дѣтище. Теперь я бы взялъ отъ нихъ только 1500 рубл., потому что мнѣ они очень нужны, а остальныхъ я бы могъ подождать мѣсяца два или три [3]. Еслибы я меньше васъ узналъ, я бы сталъ оговариваться, что мнѣ совѣстно васъ обременять безпрестанными просьбами и проч. и проч. Но я васъ знаю и потому не говорю ничего. Я жажду и дожидаюсь съ нетерпѣніемъ обнять васъ лично. Знаете ли, что мнѣ представляется? (я большой въ этомъ случаѣ фантазеръ). Будто вы вдругъ неожиданно пріѣзжаете ко мнѣ въ деревню. Я васъ..., и чѣмъ далѣе, тѣмъ невѣроятнѣе. Покамѣстъ, я еще только отдыхаю. Впрочемъ родились у меня двѣ крѣпкія

---

[1]) Это слово пропущено.

[2]) Это не было собственно второе изданіе «Вечеровъ», а только второй наборъ перваго изданія. Н. С. Тихонравовъ говоритъ по этому поводу: «Эта перепечатка не названа *вторымъ изданіемъ* первой части «Вечеровъ», какъ бы слѣдовало; напротивъ, издатель старался дать ей такой видъ, чтобы она казалась совершенно тождественною съ первымъ изданіемъ книги: послѣдняя перепечатка была въ той же типографіи, строка въ строку; воспроизведены тѣ же опечатки» (см. соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 511). Объясненіе причины такой перепечатки см. въ письмѣ къ Погодину отъ 1 февраля 1833 г.: второй части не покупали безъ первой.

[3]) Пышныя надежды Гоголя не оправдались; ср. письмо къ Погодину отъ 1 февраля 1833 года.

мысли о нашей любимой наукѣ, которыми вамъ когда-нибудь похвастаюсь.

Прощайте, Михаилъ Петровичъ. Цѣлую васъ пятьдесятъ разъ. Прощайте до слѣдующей почты. Нарочный ѣдетъ съ этимъ письмомъ въ Полтаву и, вѣрно, застанетъ тамъ ваше, котораго я жду нетерпѣливо [1]).

Помните ли адресъ? Въ Полтаву, оттуда въ деревню Васильевку.

LX. Къ нему же.

Сентября 2 (1832). Д. Васильевка.

Вашей добротѣ, вѣрно, конца нѣтъ, безцѣнный Михаилъ Петровичъ! Въ письмѣ вашемъ столько готовностей на всѣ пожертвованія, что мнѣ осталось удивляться только необыкновенному своему счастію. Благодарю васъ за васъ же. Сдѣлайте милость, обо мнѣ не безпокойтесь теперь. Черезъ мѣсяцъ я обниму васъ въ Москвѣ, и тогда поговоримъ обстоятельнѣе обо всемъ. Тамъ и рѣшимся. Денегъ, покамѣстъ, мнѣ не нужно. Здоровье мое, кажется, немного лучше, хотя чувствую слегка боль въ груди и тяжесть въ желудкѣ,—можетъ быть, оттого, что никакъ не могу здѣсь соблюсть діэты. Проклятая, какъ нарочно въ этотъ годъ, плодовитость Украйны соблазняетъ меня безпрестанно, и бѣдный мой желудокъ безпрерывно занимается вареніемъ то грушъ, то яблокъ. Пилюль Дядьковскаго боюсь принимать (которыя давно уже я получилъ изъ аптеки), потому что въ рецептѣ, какъ вы пишете, была ошибка.

Прощайте, безцѣнный Михаилъ Петровичъ, до слѣдующаго раза. Болѣе не успѣваю писать: человѣкъ, черезъ котораго отправляю письмо, сейчасъ ѣдетъ въ Полтаву и не можетъ дождаться.

Вѣчно вашъ *Гоголь*.

Съ нетерпѣніемъ жажду обнять васъ. Тянетъ въ Москву.

LXI. И. И. Дмитріеву [2]).

[1832, сент(ября) 23].

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Необыкновенно пріятно изумило меня письмо ваше. Нѣсколько разъ я пе-

---

[1]) Остальное у Кулиша пропущено.

[2]) Это письмо писано еще изъ деревни, гдѣ Гоголя задержала болѣзнь его сестеръ (корь), которыхъ онъ долженъ былъ везти съ собой въ Патріотическій институтъ. Письмо было впервые напечатано въ «Русскомъ Архивѣ», 1866, XI—XII, стр. 1728—1729.

речитывалъ драгоцѣнныя для меня строки. Я не ожидалъ его; я думалъ, что мой адресъ вамъ неизвѣстенъ: но ваше заботливое вниманіе и участіе тронули меня до слезъ. Благодарю васъ за нихъ: они оживили меня и подвинули на все благое. Радъ, что вамъ понравились мои несовершенные начатки; и если со временемъ произведу что-нибудь достойное, то виновникомъ этого будете вы. Ваше поздравленіе меня съ небомъ Украйны и яркими лучами солнца пришлось очень кстати: весь августъ здѣсь былъ прелестенъ, начало сентября похоже на лѣто. Я въ полномъ удовольствіи. Можетъ быть, нѣтъ въ мірѣ другого, влюбленнаго съ такимъ изступленіемъ въ природу, какъ я. Я боюсь выпустить ее на минуту, ловлю всѣ движенія ея, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе открываю въ ней неуловимыхъ прелестей. Еще мѣсяцъ я проживу здѣсь, потомъ ѣду въ Москву и лично принесу вамъ мою благодарность за ваше снисходительное вниманіе. А до того съ совершеннымъ почтеніемъ и вѣчною признательностію остаюсь вашего высокопревосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшимъ слугою *Н. Гоголь.*

1832, сент. 23.

LXII. П. А. Плетневу [1]).

1832, 9 октября. Курскъ.

Здоровы ли вы, безцѣнный Петръ Александровичъ. Всеминутно думаю объ васъ и рвусь скорѣе повѣситься къ вамъ на шею. Но судьба какъ будто нарочно поперечитъ мнѣ на каждомъ шагу. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ, пущенномъ [2]) 11 сентября, я писалъ вамъ о моемъ горѣ,— что, поправившись немного въ здоровьѣ своемъ, собрался было ѣхать совсѣмъ; но сестры, которыхъ везу съ собою въ Патр(іотическій) Инст(итутъ), заболѣли корью и я принужденъ былъ дожидаться, пока проклятая корь прошла. Наконецъ 29 сентября я выѣхалъ изъ дому и, не сдѣлавши 400 верстъ [3]), переломалъ такъ свой экипажъ, что при-

---

[1]) Это письмо первоначально напечатано въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ» за 1900 г. (т. V), кн. I и потомъ въ брошюрѣ К. Я. Грота «Къ перепискѣ Н. В. Гоголя съ П. А. Плетневымъ», стр 4—5.

[2]) Слова: «въ послѣднемъ письмѣ, пущенномъ» написаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «изъ послѣдняго письма моего, пущеннаго»...

[3]) Послѣ этого зачеркнуто одно слово.

нужденъ былъ прожить цѣлую недѣлю въ Курскѣ, въ этомъ скучномъ и нѣмомъ Курскѣ! Вы счастливы, Петръ Александровичъ! вы не испытали, что̀ значитъ дальняя дорога. Оборони васъ и испытывать ее. А еще хуже браниться съ этими бестіями, станціонными смотрителями, которые, если путешественникъ не генералъ, а нашъ братъ мастеровой, то всѣми силами стараются дѣлать болѣе прижимокъ и берутъ съ насъ, бѣдняковъ, немилосердно штрафъ за оплеухи, которые навѣшаетъ имъ генеральская рука.

Но завтра, чуть свѣтъ, я подвигаюсь далѣе, и если дастъ Богъ, то къ 20 октябрю (sic) буду въ Петербургѣ [1]), а до того времени, обнимая васъ мысленно 1000 разъ, остаюсь вѣчно

вашъ *Гоголь.*

Вы не можете себѣ представить, какъ я сгораю жаждою васъ видѣть. Одинъ только любовникъ, летящій на свиданье, можетъ со мною сравниться.

LXIII. Къ матери.

1832, октября 10.

Я пишу къ вамъ изъ станціи подъ Курскомъ, нарочно для того, чтобы вы не соскучились, не получая долго отъ насъ извѣстія. Лиза, Анна и я, слава Богу, здоровы, какъ нельзя лучше, и даже можно прибавить—веселы, несмотря

[1]) Своимъ пріѣздомъ *только* во второй половинѣ октября, почти въ концѣ, не раньше 25 числа, такъ какъ Гоголь прогостилъ еще въ Москвѣ, Гоголь, разумѣется, не могъ (при такой отчаянной просрочкѣ, неудобной для учебнаго дѣла) не навлечь на себя нѣкотораго неудовольствія со стороны Плетнева, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ письма послѣдняго къ Жуковскому отъ 8 декабря 1832 г.: ....«Кстати о чадахъ Малороссіи: Гоголь нынѣшнимъ лѣтомъ ѣздилъ на родину. Вы помните, что онъ въ службѣ и обязанъ о себѣ давать отчетъ. Какъ же онъ поступилъ? Четыре мѣсяца не было про него ни слуху, ни духу. Оригиналъ!» Кстати приведемъ непосредственно слѣдующія любопытныя строки того же письма: «Въ Москвѣ онъ видѣлся съ И. И. Дмитріевымъ, который принялъ его со всею любезностію своею. Вообще тамошніе литераторы, кажется, порадовали его особеннымъ вниманіемъ къ его таланту. Онъ не можетъ нахвалиться Погодинымъ, Кирѣевскимъ и прочими. Гоголь очень сожалѣетъ, что Кирѣевскій при его прекрасномъ умѣ слишкомъ разсѣянно, слишкомъ свѣтски проводитъ время.

У Гоголя вертится на умѣ комедія. Не знаю, разродится ли онъ ею нынѣшней зимой; но я ожидаю въ этомъ родѣ отъ него необыкновеннаго совершенства. Въ его сказкахъ меня всегда поражали драматическія мѣста». (Соч. Плетнева, т. III, стр. 522).—Дальнѣйшія строки этого же письма будутъ приведены въ примѣчаніяхъ къ письму И. И. Дмитріеву отъ 30 ноября.

на то, что экипажъ нашъ безпрестанно ломается. Я очень желалъ дома, чтобы его осмотрѣлъ какой-нибудь опытный каретникъ и указалъ бы именно, что нужно починить. Кузнеца нашего и винить нельзя: онъ судилъ по своему толку. Впрочемъ я его теперь перечинилъ какъ слѣдуетъ, и мы, надѣюсь, успѣшнѣе подвигаться будемъ къ мѣсту. Дѣти и не думаютъ о домѣ. Я удивляюсь, какъ они такъ скоро могли забыть. Одна Анна иногда вспоминаетъ, особливо когда иной разъ долго придется дожидать лошадей. Время прекрасное! Осень чудная! Ѣхать лучше, нежели лѣтомъ.

Прощайте, маменька; будьте здоровы. Писать теперь некогда; прощайте до Москвы...

LXIV. Къ ней же.

Москва. 21 октября, 1832 г.

Вотъ уже четвертый день, какъ мы въ Москвѣ. Почти двѣ недѣли мы тянулись къ ней, за проклятымъ экипажемъ, безпрестанно ломавшимся. Здѣсь я перечинилъ его снова и кромѣ того придѣлалъ зонтикъ, потому что осень становится немного хуже и, можетъ быть, подъ Петербургомъ застанутъ насъ дожди. Всѣ мы, слава Богу, здоровы; я же чувствую себя, даже противъ моего собственнаго чаянія, гораздо здоровѣе прежняго и бодрѣе. Дай Богъ, чтобы вы тоже были веселы.

Какой дорогою я выдумалъ прелестный узоръ для ковра! Я вамъ пришлю его изъ Петербурга.

Москва такъ же радушно меня приняла, какъ и прежде, и умоляетъ усердно остаться здѣсь еще на сколько-нибудь времени. Но мы очень опоздали, и потому въ воскресенье, 23, я думаю непремѣнно выѣхать...

Отъ души обнимаю сестру и Павла Осиповича [1]) и кланяюсь всѣмъ домашнимъ.

LXV. Къ ней же.

1832 г., 22 ноября. С.-Петербургъ.

Я получилъ вчера ваше письмо, вмѣстѣ съ метрическими выписками. Вы уже знаете изъ письма моего, пущеннаго вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, что мы всѣ доѣхали благополучно, въ надлежащемъ здравіи [2]). Дѣти,

[1]) Трушковскаго, мужа М. В. Гоголь.

[2]) Это письмо, вѣроятно, затерялось; во всякомъ случаѣ въ печати оно извѣстно не было.

покамѣстъ, живутъ у меня, потому что въ институтѣ произошли небольшія передѣлки, и помѣщенія совсѣмъ нѣтъ. На слѣдующей недѣлѣ я ихъ отвезу. На счетъ отягощенія ихъ ученіемъ не безпокойтесь. Они такъ мало успѣли, что будутъ помѣщены вмѣстѣ съ семилѣтними въ предуготовительное отдѣленіе, гдѣ почти ничѣмъ не будутъ заниматься, выключая первыхъ началъ... Постараюсь побывать на этой же недѣлѣ въ опекунскомъ совѣтѣ.

Теперь у меня много дѣлъ, и потому я спѣшу скорѣе окончить мое письмо. Одно слово только прибавлю: не сомнѣвайтесь въ нашей привязанности къ вамъ. Она съ моей стороны неограниченна, и если я вамъ казался иногда холоденъ, такъ это оттого, что у меня много разныхъ занятій, между тѣмъ какъ у васъ одно только это попеченіе о дѣтяхъ вашихъ. Вѣрьте, что у всякаго, кто бы имѣлъ такую рѣдкую мать, какъ вы, благодарность, любовь и почтеніе были бы къ вамъ вѣчны. И тотъ даже посторонній былъ бы низокъ и подлъ въ высочайшей степени, который бы не оказалъ должнаго уваженія добродѣтели...

P. S. Да, сдѣлайте милость, выгоните вонъ Борисовича [1]), и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: онъ выучилъ моего Якима пьянствовать. Теперь все мнѣ открылось, когда они вмѣстѣ, Якимъ съ Яковомъ и Борисовичемъ, ходили за утками и пропадали три дня: это все они пьянствовали и были такъ мертвецки пьяны, что ихъ чужіе люди перенесли. Я Якима больно...

Благодарю тебя, милая сестрица, за свою приписку. Будь здорова, развязна, весела, и, пожалуйста, поменьше хворай. Поблагодарилъ бы тебя и за пѣсню, но она уже у меня давно есть, написанная рукою Борисовны [2]). Цѣлую тебя. Обними за меня Павла Осиповича.

Твой братъ.

LXVI. Къ М. П. Погодину.

СПБ. ноября 25 (1832).

Не сердитесь, Михаилъ Петровичъ, умоляю, не сердитесь. Я такъ по пріѣздѣ сюда завязъ въ хлопотахъ, что насилу теперь только отрезвился; а въ нетрезвомъ состояніи мнѣ было совѣстно показаться на глаза друзей. Пред-

[1]) Петра Борисовича: см. выше (83 стр., прим. 3). Гоголь здѣсь, будучи имъ недоволенъ, называетъ его съ досады только по отчеству, а также и его сестру.

[2]) Ср. выше въ письмѣ отъ 2 апрѣля 1830 года (стр. 150).

ставьте себѣ мое горе: я не могу пріѣхать къ вамъ такъ скоро, какъ бы мнѣ хотѣлось. Патріотическій Институтъ, видно, пронюхалъ мое намѣреніе [1]). Вы знаете, что я везъ туда своихъ сестеръ съ тѣмъ, чтобы за нихъ платить. Я зналъ, что комплектъ полонъ, что больше не могутъ принять; но надѣялся, что для меня будетъ сдѣлано снисхожденіе. Какой же бы, вы думали, я получилъ отвѣтъ? Что сестры мои принимаются, и плата за нихъ не требуется, он чтобы я за то находился при институтѣ неотлучно. Я согласился, чтобы сбросить съ себя полъ-обузы и избавиться на первый случай отъ хлопотъ. Отдохнувши же, я очень хорошо знаю, какъ поступить, и до весны надѣюсь быть у васъ въ Москвѣ. Очень жалѣю, что не прежде, но нечего дѣлать. Впрочемъ я, покамѣстъ, здоровъ и даже поправился. Слѣдствіе ли это совѣтовъ Дядьковскаго, которыми онъ меня снабдилъ на дорогу, и которому изъявите при случаѣ мою признательность и благодарность, или здѣшняго моего врачевателя Гаевскаго, который одобряетъ многое замѣченное Дядьковскимъ, только я чувствую себя лучше противъ прежняго. Досада только, что творческая сила меня не посѣщаетъ до сихъ поръ [2]). Можетъ быть, она ожидаетъ меня въ Москвѣ.

Прощайте. Напишите, чѣмъ вы теперь занимаетесь, и что у васъ родилось въ антрактѣ отъ нашей разлуки до этого письма. Да снидетъ на васъ благодать и да разрѣшитесь вы къ новому году томомъ широкимъ, увѣсистымъ, читая который, былъ бы

«. . . самъ какъ будто на земли,
А предъ тобою небо открывалось».

Такъ какъ вы, безъ всякаго сомнѣнія, испугались бы, еслибы моя рука вытянулась на 700 верстъ въ длину и, пробившись сквозь капитальныя стѣны вашего кабинета,

[1]) Весьма естественно, что начальство Патріотическаго Института не очень благосклонно смотрѣло на новое желаніе Гоголя воспользоваться отпускомъ.

[2]) О творческомъ бездѣйствіи Гоголя въ этомъ году см. также въ письмѣ Плетнева къ Жуковскому отъ 17 февраля 1833 года: «Одоевскій еще не напечаталъ своихъ сказокъ, которыя называются «Пестрыми съ краснымъ словцомъ». У Пушкина ничего нѣтъ, у Гоголя—тоже. Его комедія не пошла изъ головы. Онъ слишкомъ много хотѣлъ обнять въ ней, встрѣчалъ безпрестанно затрудненія въ представленіи и потому съ досады ничего не написалъ. Есть еще другая причина его неудачи: онъ въ такой холодной поселился квартирѣ, что цѣлую зиму принужденъ былъ бѣгать отъ дому, боясь тамъ заморозить себя» (стр. 528).

любовно пожала бы вашу, то, вмѣсто того, я посылаю вамъ мысленно рукопожатіе и братское объятіе.

Вѣчно вашъ *Гоголь*.

Поклонъ Кирѣевскому, Аксакову и всѣмъ нашимъ москвичамъ.

Напишите, сколько градусовъ тепла у васъ въ кабинетѣ. У меня холодна квартира, и я теперь всякаго, у кого въ комнатѣ 15 градусовъ тепла, почитаю счастливцемъ [1]).

Да: квартира моя второй Адмиралтейской части, въ Новомъ переулкѣ, домъ Демутъ-Малиновскаго, близъ Мойки.

LXVII. И. И. Дмитріеву [2]).

(1832 г., 30 ноября).

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Я очень виноватъ передъ вашимъ высокопревосходительствомъ. Никакимъ образомъ не удалось мнѣ быть у васъ передъ выѣздомъ моимъ въ Петербургъ. Одна только увѣренность, что вы, зная мою нелицемѣрную признательность и то глубокое уваженіе къ вамъ, которое должно находиться въ сердцѣ каждаго русскаго, меня извините, эта одна увѣренность совершенно меня успокоиваетъ. Сегодня будетъ мѣсяцъ, какъ я нахожусь здѣсь, и хотя еще не успѣлъ побывать у кого бы слѣдовало (чему причиною лѣнь, вывезенная мною изъ Малороссіи), однакожъ видѣлся съ Пушкинымъ. Газеты онъ не будетъ издавать,—и лучше! [3]) Въ нынѣшнее время приняться за опозоренное ремесло журналиста не слишкомъ лестно и для неизвѣстнаго человѣка; но генію этимъ заняться—значитъ помрачить чистоту и непорочность души своей и сдѣлаться обыкновеннымъ человѣкомъ. Князь Одоевскій скоро порадуетъ насъ собраніемъ своихъ повѣстей, въ родѣ «Квартета Бетговена», помѣщеннаго въ «Сѣвер(ныхъ) Цвѣтахъ» на 1831. Ихъ будетъ около десятка, и тѣ, которыя имъ написаны теперь, еще лучше прежнихъ. Воображенія и ума — куча! Это рядъ

---

[1]) Остальное у Кулиша пропущено.

[2]) Это письмо первоначально было напечатано въ «Русск. Архивѣ», 1866, XI—XII, стр. 1729—1730.

[3]) Извѣстно, что прежде изданія «Современника» у Пушкина была мысль издавать газету.

психологическихъ явленій, непостижимыхъ въ человѣкѣ! Онѣ выйдутъ подъ заглавіемъ «Домъ сумасшедшихъ» [1]).

Вотъ почти всѣ наши новости! Желая загладить передъ вами невольный проступокъ мой, я спѣшу скорѣе отправить письмо и потому не распространяюсь. Но въ слѣдующій разъ (если только это не нанесетъ вамъ скуки) постараюсь увѣдомить и объ моихъ занятіяхъ, которыя, впрочемъ, незначительны. Съ чувствомъ всегдашней признательности и глубочайшаго почтенія остаюсь вашего высокопревосходительства покорный слуга *Н. Гоголь.*

1832, Спб. 30 ноября.

Если на случай вамъ понадобится знать мой чердакъ, то вотъ его адресъ: II Адм(иралтейской) части въ Новомъ переулкѣ, домъ Демутъ-Малиновскаго, близъ Мойки.

LXVIII. Къ матери [2]).

1832 г., декабря 3.

Я былъ въ опекунскомъ совѣтѣ. Вамъ нечего слишкомъ безпокоиться: вамъ дано будетъ знать чрезъ губернское правленіе, что опекунскій совѣтъ требуетъ и напоминаетъ вамъ о процентахъ, и тогда [ежели вы соберетесь внесть] губернаторъ можетъ о васъ дать удостовѣреніе, что вы, точно, по случаю неурожая и проч. тому подобнаго, не имѣете возможности и просите отсрочки, и васъ оставятъ на время, положенное вами [3]), въ покоѣ. Впрочемъ, до требованія продлится навѣрное мѣсяцъ еще, и потому вы, вѣрно, успѣете отправить заранѣе, и тѣмъ избѣжите хлопотъ—ѣздить къ губернатору просить свидѣтельства.

Посылаю вамъ узоры. Моего изобрѣтенія здѣсь нѣтъ, потому что я его еще не кончилъ. Эти же узоры посылаю вамъ для тѣхъ ковровъ, о которыхъ я вамъ говорилъ еще дома: поле все въ клѣткахъ подъ тѣнь, такъ какъ я вамъ оставилъ рисунокъ на стулья. По полю бѣлые круги [3/4 аршина въ діаметрѣ]. Они должны быть чаще и ближе одинъ отъ другого, чтобы поля [хотя оно и клѣтчатое] видно было не-

---

[1]) Ср. въ письмѣ Плетнева къ Жуковскому: «Гоголь мнѣ сказывалъ, что князь Одоевскій (съ которымъ я самъ не видался больше полгода) готовитъ собраніе своихъ повѣстей, подъ названіемъ: Домъ сумасшедшихъ». Нѣкоторыя прочитывалъ онъ съ Гоголемъ: онѣ ему такъ нравятся, что онъ ихъ предпочитаетъ напечатаннымъ, какъ напр. «Послѣдній концертъ Бетговена» (соч. Плетнева, т. III, стр. 522).

[2]) Это письмо было перепечатано въ «Вѣстникѣ Европы» (1896, VI, стр. 733).

[3]) Въ «Вѣстникѣ Европы»: «вами положенное» (тамъ же).

много; въ кругѣ букетъ цвѣтовъ, который при семъ посылаю. Одинъ букетъ ставьте на всѣ круги. Это не будетъ однообразно, а коверъ будетъ между тѣмъ чрезвычайно ярокъ. Кайму, какую хотите изъ двухъ, употребите: или гирлянды на полкѣ [1]) по бѣлому полю [только не по черному, какъ тамъ напечатано [2])], или другую, по голубому. Лучше, я думаю, первую. Другой же коверъ—ландшафтъ, который тоже посылаю, будетъ прелестенъ. Кайму къ нему я пришлю вамъ скоро. Она необыкновенно широка и вся въ цвѣтахъ, такъ что для ландшафта [3]) остается небольшая середина ковра, и чрезъ это [4]) коверъ очень выйдетъ поразителенъ: ландшафтъ съ рамкою кажется въ отдаленіи.

Прощайте, безцѣнная маменька. Дочери ваши посылаютъ вамъ конфектъ [5]).

Любящій сынъ вашъ Николай.

Да, квартира моя: Адмир(алтейской) части въ Новомъ переулкѣ, домъ Демутъ-Малиновскаго, близъ Мойки.

LXIX. Къ М. А. Максимовичу.

СПб. 1832, декабря 12.

Я думаю, вы, земляче, порядочно меня браните за то, что я до сихъ поръ не откликнулся къ вамъ? Ваша виньетка меня долго задерживала [6]). Тотъ художникъ, малороссъ въ обоихъ [7]) смыслахъ, про котораго я вамъ говорилъ и который одинъ могъ бы сдѣлать національную виньетку, пропалъ какъ въ воду, и я до сихъ поръ не могу его отыскать. Другой, которому я поручилъ [8]), наляпалъ какихъ-то чухонцевъ, и такъ гадко, что я посовѣстился вамъ посылать. О, Русь! старая, рыжая борода! когда ты поумнѣешь [9])? Однакожъ жаль, что [10]) наши пѣсни будутъ безъ виньетки; еще болѣе жаль, если я васъ задержалъ этимъ.

---

[1]) У Кулиша: «на палкѣ».

[2]) Въ «Вѣстникѣ Европы»: «начато».

[3]) Въ «Вѣстникѣ Европы» слово «для» пропущено.

[4]) Въ «Вѣстникѣ Европы»: «а чрезъ это».

[5]) Въ «Вѣстникѣ Европы»: «конфекты».—Остальное у Кулиша опущено.

[6]) Къ приготовлявшемуся къ печати сборнику «украинскихъ пѣсенъ».

[7]) Въ подлинникѣ: «въ обѣихъ» (sic).

[8]) Послѣ этого зачеркнуто было слово (кажется: «ордерфасъ»?).

[9]) Эта фраза у Кулиша опущена.

[10]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «в(аши.?).

Какъ же вы поживаете [1])? Можно ли надѣяться мнѣ вашего пріѣзду нынѣшней зимой сюда? А это было бы такъ хорошо, какъ нельзя лучше. Я до сихъ поръ не переставалъ [2]) досадовать на судьбу, столкнувшую насъ мелькомъ на такое короткое время. Не досталось намъ ни покалякать о томъ, о семъ, ни помолчать, глядя другъ на друга. Посылаю вамъ виршу, говоренную запорожцами, и разстаюсь съ вами до слѣдующаго письма [3]).

Адресъ мой: второй Адмиралтейской части, въ Новомъ переулкѣ, домъ Демута-Малиновскаго, близъ Мойки [4]).

Н. Гоголь.

Поклонитесь отъ меня, когда увидите, Щепкину. Посылаю поклонъ также земляку, живущему съ вами, и желаю ему успѣховъ въ трудахъ, такъ интересныхъ для насъ [5]).

LXX. Къ А. С. Данилевскому.

13-го декабря. С(анктъ)-П(етер)б(ургъ) (1832) [6]).

Стыдно тебѣ не написать мнѣ ни строчки. Я отъ маменьки слышу, что ты уже не ѣдешь въ Петербургъ, а думаешь служить въ Одессѣ. Если этому виною, какъ говорятъ, холодъ, который ты воображаешь найти въ Петербургѣ, то увѣряю тебя, что здѣсь теперь теплѣе, нежели у насъ въ Малороссіи. Вотъ уже ползимы, слава Богу, а еще не было ни одного порядочнаго морозу. Термометръ постоянно показываетъ или два, или одинъ градусъ тепла. Ты все мѣряешь Петербургъ по параду, на которомъ заставляли тебя мерзнуть нѣсколько часовъ Звѣгинцевъ и Гудимъ [7]). Но впрочемъ, если ты имѣешь какія-нибудь выгоды особенныя въ [8]) Одессѣ служить, то противъ этого я ничего не смѣю тебѣ совѣтовать.

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «и».

[2]) У Кулиша: «не переставалъ».

[3]) Адресъ у Кулиша опущенъ.

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «прощайте».

[5]) Замѣтка Максимовича: «О. М. Бодянскому, который былъ тогда студентомъ университета и жилъ у меня въ ботаническомъ саду».

[6]) Первоначально напечатано въ «Вѣстникѣ Европы», (1890, т. I, 102—103 и въ «Матеріалахъ», т. I, 359—361).

[7]) Этихъ лицъ не могъ намъ припомнить А. С. Данилевскій въ 1887 году. Впрочемъ мы находимъ имя Гудима (Егора Васильевича) въ спискѣ окончившихъ въ 1832 г. курсъ лицеистовъ въ «Лицеѣ князя Безбородко», стр. CXXXIV, но это, разумѣется, другое лицо.

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «въ Петербургѣ».

Какъ бы то ни было, въ томъ или другомъ случаѣ пиши ко мнѣ и извѣщай подробнѣе обо всемъ.

Я теперь такъ спѣшу, что не сообщаю тебѣ ни о чемъ здѣшнемъ, не увѣренъ будучи, застанетъ ли это письмо тебя дома. До того времени вотъ тебѣ мой адресъ: 2-й Адмиралтейской части [1]), въ Новомъ переулкѣ, въ домѣ Демутъ-Малиновскаго. Это очень близко возлѣ твоего гнѣзда, твоихъ воспоминаній—юнкерской школы. Прощай. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя извѣстія. Твой Гоголь.

LXXI. Къ нему же.

Декабрь, 20-е (1832). СПб.

Наконецъ я получилъ таки отъ тебя письмо. Я уже думалъ, что ты далъ тягу въ Одессу или въ иное мѣсто. Очень понимаю и чувствую состояніе души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать. Я потому говорю *благодаря* [2]), что это пламя меня бы превратило въ въ прахъ въ одно мгновенье. Я бы не нашелъ себѣ въ прошедшемъ наслажденья; я силился бы превратить это въ настоящее и былъ бы самъ жертвою этого усилія. И потому-то, къ спасенью моему, у меня есть твердая воля, два раза отводившая меня отъ желанія заглянуть въ пропасть. Ты счастливецъ, тебѣ удѣлъ вкусить первое благо въ свѣтѣ — любовь; а я... Но мы, кажется, своротили на байронизмъ.

Да зачѣмъ ты нападаешь на Пушкина, что онъ прикидывался? Мнѣ кажется, что Байронъ скорѣе. Онъ слишкомъ жарокъ, слишкомъ много говоритъ о любви и почти всегда съ изступленіемъ. Это что-то подозрительно. Сильная, продолжительная любовь проста, какъ голубица, то-есть, выражается просто, безъ всякихъ опредѣлительныхъ и живописныхъ прилагательныхъ. Она не выражаетъ, но видно, что хочетъ что-то выразить, чего, однакожъ, нельзя выразить, и этимъ говоритъ сильнѣе всѣхъ пламенныхъ, краснорѣчивыхъ тирадъ. А въ доказательство моей справедливости, прочти тѣ строки, которыя ты велишь мнѣ цѣловать.

Жаль, что ты не ѣдешь въ Петербургъ [3]); но если ты

---

[1]) Прежде было: «участка».

[2]) Въ подлинникѣ курсива нѣтъ. Эти слова важны потому, что здѣсь Гоголь *самъ* опровергаетъ свои слова въ письмѣ къ матери отъ 24 іюля 1829 года о какой-то фантастической любви своей.

[3]) Написано: «Прбргъ».

находишь выгоду въ Одессѣ, то нечего дѣлать. Не позабывай [1]) только писать. Жаль, намъ дома такъ мало удалось пожить вмѣстѣ. Мнѣ все кажется, что я тебя почти что не видѣлъ.

Скажу тебѣ, что Красненькій) заходился (sic) не на шутку жениться на какой-то актрисѣ съ необыкновеннымъ, говоритъ, талантомъ, — лучше Брянскаго [3]) — я ее впрочемъ не видѣлъ — и доказываетъ очень сильно, что ему необходимо жениться. Впрочемъ мнѣ кажется, что этотъ задоръ успѣетъ простыть покамѣстъ. Здѣсь и драгунъ [4]). Такой молодецъ съ себя! съ страшными бакенбардами и очками; но необыкновенный флегма. Братецъ, чтобы показать ему все любопытное въ городѣ, повелъ его на другой день [5]) — —; только онъ во все время, когда тотъ — —, прехладнокровно читалъ книгу и вышелъ, не прикоснувшись ни къ чему, не сдѣлавъ даже значительной мины брату, какъ будто изъ кондитерской. Получивши отъ тебя письмо, я получилъ такую о тебѣ живую идею, что, когда встрѣтилъ близъ Синяго моста шедшаго подпрапорщика, то подумалъ про себя: «нужно зайти къ нему!» Его, вѣрно, не пустили за невзноску денегъ въ казну за чичеры (?), и поворотилъ къ школѣ и уже спросилъ солдата на часахъ, былъ ли сегодня великій князь и не ожидаютъ ли его, да послѣ опомнился и пошелъ домой.

Прощай! гдѣ бы ни былъ ты, желаю, чтобъ [6]) тебя посѣтилъ необыкновенный трудъ и прилежаніе такое, съ какимъ ты готовился къ школѣ, живя у Іохима [7]). Это—лѣкарство отъ всего. А чтобы положить этому хорошее начало, пиши какъ можно чаще письма ко мнѣ. Это средство очень дѣйствительно...

---

[1]) У Кулиша: «не забывай».

[2]) Н. Я. Прокоповичъ.

[3]) Знаменитый петербургскій актеръ, уступавшій только В. А. Каратыгину.

[4]) Василій Яковлевичъ Прокоповичъ.

[5]) Здѣсь и далѣе неудобныя для печати выраженія. Слова: «на другой день» вписаны сверху строки. Далѣе двумя чертами обозначены пропущенныя нами неудобныя для печати слова.

[6]) У Кулиша неточно: «чтобы».

[7]) Извѣстный каретникъ, о которомъ упоминаетъ Хлестаковъ въ монологѣ. (См. соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 220 и т. VI, стр. 179).

Краткій обзоръ содержанія писемъ 1833 и 1834 гг.

1833 годъ былъ для Гоголя не особенно благопріятенъ въ отношеніи творчества, хотя и богатъ художественными замыслами. Въ это время Гоголь дѣлилъ свои задушевные интересы между исторіей и драмой (собств. комедіей), но онъ скоро долженъ былъ убѣдиться, что въ этомъ соперничествѣ исторія обыкновенно отступала у него на второй планъ. Въ сущности онъ больше увлекался поэтической стороной прошлаго и особенно приходилъ въ восхищеніе отъ народныхъ пѣсенъ историческаго содержанія, въ сравненіи съ которыми лѣтописи казались ему слишкомъ черствыми и прозаическими. Увлеченіе украинской поэзіей сближаетъ его съ Максимовичемъ, который на время становится наиболѣе любимымъ его корреспондентомъ. Они составляютъ совмѣстные планы о занятіи каѳедръ во вновь открываемомъ кіевскомъ университетѣ св. Владиміра и хлопоты объ этомъ даютъ главное содержаніе письмамъ 1834 г. Но мечта эта осуществляется вполнѣ лишь для Максимовича. Гоголь же получаетъ каѳедру въ с.-петербургскомъ университетѣ. Не имѣя достаточной подготовки, онъ желалъ бы получить для образца лекціи Погодина, съ которыми его связываютъ не только историческіе, но и чисто литературные интересы по поводу задуманнаго Погодинымъ журнала въ противодѣйствіе «Библіотекѣ для Чтенія» Сѣнковскаго.

LXXII. Къ М. П. Погодину.

1833, января 10.

Меня изумляетъ ваше молчаніе. Не могу постигнуть причину. Не разлюбили ли вы меня? Но, зная совершенно вашу душу, я отбрасываю съ негодованіемъ такую мысль. По всему мы должны быть соединены тѣсно другъ съ другомъ. Однородность занятій, замѣтьте, и у васъ, и у меня. Главное дѣло—всеобщая исторія, а прочее стороннее. Словомъ, все меня увѣряетъ, что мы не должны разлучаться на жизненномъ пути. Я къ вамъ писалъ письмо одно и послѣ другое, въ которыхъ изъяснялъ причины, почему я не ѣду скоро въ Москву. Послалъ вамъ адресъ, просилъ и молилъ васъ не забывать своего двойника [1]), но вы позабыли.

[1]) Т. е. самого Гоголя.

Поздравляю васъ съ 1833-мъ и желаю, чтобы все замышляемое вами осуществилось въ этомъ году. А себѣ желаю, чтобы вы меня любили столько, сколько я васъ.

Если увидите Максимовича, упрекните его за то, что и онъ не далъ мнѣ отвѣта на письмо мое. Вся Москва, кажется, забыла меня, тогда какъ ее безпрестанно вижу въ мысляхъ своихъ.

Бога ради, не забудьте меня и хотя строчкою отзовитесь.

Вашъ *Гоголь.*

LXXIII. Къ матери.

1833, января 10.

Очень изумляетъ меня ваше молчаніе. На три письма мои и одну посылку я не получаю до сихъ поръ никакого отвѣта. Письмо ваше, адресованное ко мнѣ въ Патріотическій Институтъ, уже два мѣсяца какъ я получилъ, и это письмо отъ васъ было послѣднее. Я вамъ и адресъ свой послалъ. Сдѣлайте милость, не вводите меня въ недоумѣніе такимъ долгимъ молчаніемъ... Дѣти здоровы. У нихъ въ институтѣ недавно былъ маскарадъ. Желая вамъ совершеннаго здоровья и поздравляя васъ съ новымъ годомъ, остаюсь

вашъ сынъ *Николай.*

LXXIV. Къ М. П. Погодину.

1833, февраля 1. СПб.

Наконецъ дождался я письма вашего! Узнавши изъ него причину вашего молчанія, уже не досадую на васъ. Зависть только одолѣваетъ меня. Какъ! въ такое непродолжительное время и уже готова драма, огромная драма, между тѣмъ какъ я сижу, какъ дуракъ, при непостижимой лѣни мыслей! Это ужасно! Но поговоримъ о драмѣ. Я нетерпѣливъ прочесть ее,—тѣмъ болѣе, что въ «Петрѣ» вашемъ драматическое искусство несравненно совершеннѣе, нежели въ «Мареѣ». И такъ «Борисъ», вѣрно, еще ступенькою сталъ выше «Петра». Если вы хотите непремѣнно вынудить изъ меня примѣчаніе, то у меня только одно имѣется: ради Бога, прибавьте боярамъ нѣсколько глупой физіономіи. Это необходимо. Такъ даже, чтобы они непремѣнно были смѣшны. Чѣмъ знатнѣе, чѣмъ выше классъ, тѣмъ онъ глупѣе. Это вѣчная истина. А дока-

зательство въ наше время [1]). Черезъ это небольшой умъ между ними уже будетъ рѣзокъ. Объ немъ идутъ рѣчи, какъ объ разученой головѣ. Такъ бываетъ въ государствѣ. А у васъ, не прогнѣвайтесь, иногда бояре умнѣе теперешнихъ нашихъ вельможъ. Какая смѣшная смѣсь во время Петра, когда Русь превратилась на время въ цырюльню, биткомъ набитую народомъ! одинъ самъ подставлялъ свою бороду, другому насильно брили. Вообразите, что одинъ бранитъ антихристову новизну, а между тѣмъ самъ хочетъ сдѣлать новомодный поклонъ и бьется изъ силъ сковеркать ужимку французокафтанника [2]). Я не иначе представляю себѣ это, какъ вообразя попа во фракѣ. Не пожалѣйте красненькой, нарядите попа во фракъ, за другую—обрейте ему бороду и введите его въ собраніе или толкните межъ дамъ. Я это пробовалъ, и клянусь, что въ жизнь не видѣлъ ничего лучше и смѣшнѣе: каждое слово новаго фрачника нужно было записывать! — Благословенный [3]) вы избрали подвигъ! Вашъ родъ очень хорошъ. Ни у кого столько истины и исторіи въ героѣ пьесы. «Бориса» я очень жажду прочесть.

Какъ бы мнѣ достать вашихъ афоризмовъ [4])? Меня очень обрадовало, что у васъ ихъ цѣлая книга. Эхъ, зачѣмъ я не въ Москвѣ!

Журнальца, который ведутъ мои ученицы, я не посылаю, потому что онъ очень обезображенъ посторонними и чужими прибавленіями, которыя онѣ присоединяютъ иногда отъ себя изъ дрянныхъ печатныхъ книжекъ, какія попадутся имъ въ руки. Притомъ же я только такое подносилъ имъ, что можно понять женскимъ мелкимъ умомъ. Лучше обождать нѣсколько времени: я вамъ пришлю, или привезу чисто свое, которое подготовляю къ печати. Это будетъ всеобщая исторія и всеобщая географія въ трехъ, если не въ двухъ, томахъ [5]), подъ названіемъ: «Земля и

---

[1]) Начиная отъ словъ: «чѣмъ знатнѣе», у Кулиша опущено.

[2]) Послѣ этого у Кулиша большой пропускъ — до словъ: «благословенный вы избрали подвигъ».

[3]) У Кулиша: «блистательный»; исправляемъ по копіи, принадлежащей Румянцовскому музею, которая была заготовлена Трушковскимъ и легла въ основаніе текста Кулиша.—Весь предыдущій отрывокъ до слова: «нужно было записывать» у Кулиша пропущенъ.

[4]) Соч. Погодина.

[5]) Ср. съ широкими надеждами Гоголя, выраженными имъ въ письмѣ къ Погодину отъ 20 іюля 1832 г.

Люди». Изъ этого гораздо лучше вы узнаете нѣкоторыя мои мысли объ этихъ наукахъ [1]).

Да, я только теперь прочелъ изданнаго вами Беттигера. Это, точно, одна изъ удобнѣйшихъ и лучшихъ для насъ исторія. Нѣкоторыя мысли я нашелъ у ней совершенно сходными съ моими, и потому тотчасъ выбросилъ ихъ у себя. Это нѣсколько глупо съ моей стороны, потому что въ исторіи пріобрѣтеніе дѣлается для пользы всѣхъ и владѣніе имъ законно. Но что̀ дѣлать? проклятое желаніе быть оригинальнымъ! Я нахожу только въ ней тотъ недостатокъ, что во многихъ мѣстахъ не такъ развернуто и охарактеризовано время. Такъ Александрійскій вѣкъ слишкомъ блѣдно и быстро промелькнулъ у него. Греки, въ эпоху національнаго образованнаго величія, у него—звѣзда не больше другихъ, а не солнце древняго міра. Римляне, кажется, уже слишкомъ много, внутренними и внѣшними разбоями, заняли мѣста противъ другихъ. Но это замѣчанія собственно для насъ, а для Руси, для преподаванія. это самая золотая книга.

Вы спрашиваете объ «Вечерахъ» диканьскихъ. Чортъ съ ними! я не издаю ихъ; и хотя денежныя пріобрѣтенія были бы не лишнія для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никакъ не имѣю таланта заняться спекулятивными оборотами. Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ «Вечеровъ», и вы только напомнили мнѣ объ этомъ [2]). Впрочемъ, Смирдинъ отпечаталъ полтораста экземпляровъ 1-й части, потому что второй у него не покупали безъ первой [3]). Я и радъ, что не больше. Да сбрекутся они непзвѣстности, покамѣстъ что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня! [4]). Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается. Однимъ словомъ, умственный запоръ. Пожалѣйте обо мнѣ и пожелайте мнѣ. Пусть ваше слово будетъ дѣйствительнѣе клистира...

---

[1]) Гоголь надѣялся составить интересную книгу изъ того матеріала, который, по его мнѣнію, долженъ былъ накопиться въ запискахъ, веденныхъ на его урокахъ ученицами, но это оказалось неудобоисполнимымъ.

[2]) См. примѣч. къ письму отъ 20 іюля 1832 г.

[3]) Гоголь обыкновенно относился пренебрежительно къ прежнимъ произведеніямъ.

[4]) Начиная отъ словъ: «Однимъ словомъ», у Кулиша пропущено.

Видите ли, какой я сдѣлался прозаистъ и какъ гадко выражаюсь! Все отъ бездѣйствія...

Обнимая и цѣлуя васъ, остаюсь вашъ *Гоголь.*

LXXV. Къ матери.

8 февраля, 1833. СПб.

Я получилъ ваше письмо отъ 6 января. Очень жалѣю, что плутъ Лукашевичъ [1]) ввелъ васъ въ такія безпокойства и не платитъ денегъ. Если еще можно, то лучше возвратите ему его задатокъ; а я напечатаю въ газетахъ объявленіе о продажѣ имѣнія, и тутъ же у меня его купятъ. Здѣсь теперь много охотниковъ покупать имѣнія, и многіе взяли свои деньги изъ ломбарда по поводу разнесшихся слуховъ, что одинъ процентъ казна сбавляетъ. Досадно, если вамъ придется вести съ нимъ тяжбу, потому что, мнѣ кажется, очень сомнительно, чтобы онъ гдѣ досталъ 4.000 руб.

Посылаю вамъ моего изобрѣтенія еще одинъ узоръ. Все поле должно состоять изъ осьмиугольниковъ, одинъ голубой, другой оранжевый. Въ голубомъ, какъ видите, оранжевая розетка, а въ оранжевомъ голубая. Между осьмиугольниками черные четвероугольники. Кайма: вьющаяся лента по бѣлому полю. Коверъ будетъ прелестенъ.

Жаль очень, что гамана [2]) вы не достали, а теперь очень удобный случай все переслать ко мнѣ, потому что Данилевскій ѣдетъ сюда. Приготовьте къ отъѣзду его шапку смушевую съ суконнымъ верхомъ, шаровары и кунтушъ, хотя тотъ самый, который тогда приносили ко мнѣ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю сказокъ и присказокъ. Только вамъ самимъ не совѣтую этимъ заниматься. Это нѣсколько тягостная работа. Пусть лучше сестрица моя этимъ займется, призвавши на помощь Катерину Ивановну [3]).

Дѣти, слава Богу, здоровы и, кажется, никакого вліянія не произвелъ надъ ними климатъ. Смотрѣніе за ними какъ нельзя лучшее. Начальница ихъ рѣдкая женщина [4]). При семъ препровождаю ихъ письма къ вамъ.

---

[1]) Марьѣ Ивановнѣ Гоголь предстояла непріятнѣйшая тяжба съ родственникомъ Лукашевичемъ, который задолжалъ ей четыре тысячи рублей и не могъ или не хотѣлъ уплатить долгъ. (См. «Матеріалы для біографіи», т. II, стр. 147). Послѣ, впрочемъ, ей удалось заложить души, которыя были переведены отъ Лукашевича. См. письмо отъ 20 іюня 1833 года.

[2]) Кошель для табаку и для денегъ. *Примѣч. 1-го изданія.*

[3]) Ходаревскую, тетку Гоголя, сестру М. И. Гоголь.

[4]) Вистинхаузенъ.

Имѣете ли вы какія-нибудь извѣстія объ Андреѣ Андреевичѣ? Мнѣ сказывалъ Леонтьевъ [1] [который только-что уѣхалъ изъ Петербурга, но его просьбѣ къ нему], что онъ бѣднякъ очень запуталъ самъ себя и теперь не знаетъ, что дѣлать. Что Косяровскіе не пишутъ? Каково здоровье Анны Матвѣевны?

Посылаю вамъ башмаки, двѣ пары на вашу ногу, а двѣ на сестрину, и конфектъ.

Часто ли бываетъ у васъ Ал. Данилевскій? каково вы провели масленицу? Ужъ, вѣрно, не такъ, какъ здѣсь ее проводятъ. Теперь только Матрена съ супругомъ [2] возвратилась изъ балагановъ и, крестясь отъ страха, разсказываетъ, какъ, при ея глазахъ, разрѣзали человѣка на нѣсколько частей, даже кровь лилась, и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, ожилъ и началъ ходить, кривляться и паяцничать, какъ прежде; изъ маленькой дѣвчонки вдругъ сдѣлалась огромная кухня, съ посудою, горшками и проч.

Сію минуту только мнѣ принесли письмо ваше, въ которомъ вы изъявляете сожалѣніе о неполученіи мною вашихъ. Письма ваши всѣ мною получены; черезъ магазинъ Смирдина [3] скорѣе всѣхъ, но другое немного залежало. Очень благодарю васъ за то, что приказали Антошкѣ списывать сказки. Когда бы только онъ не умничалъ и не выбрасывалъ многаго!

Вы пишете, чтобы я объ себѣ писалъ вамъ. Что же такое писать? Ну, я, слава Богу, живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю. Когда проснусь, то одѣваюсь; потомъ завтракаю; часа черезъ четыре или пять обѣдаю; когда же наступитъ ночь, то ложусь спать; и такъ каждый день проходитъ. Не дѣлаю совершенно ничего: можетъ-быть, я изъ дому вывезъ съ собою лѣнь. И досадно, а ничего не хочется дѣлать.

---

[1] Кажется, Владиміръ Юрьевичъ, о которомъ см. въ письмахъ отъ 23 марта 1833 г. и отъ 5 февраля 1838 года. По словамъ А. С. Данилевскаго, упоминаемый здѣсь Леонтьевъ былъ генералъ, сводный братъ А. А. Трощинскаго.

[2] Матрена была жена крѣпостного слуги Гоголя Якима. Къ нимъ относятся шутливые стихи:

«И съ Матреной нашъ Якимъ
Потянулись прямо въ Крымъ».

(См. Анненкова «Критическіе очерки и воспоминанія», т. I. стр. 186).

[3] Многія письма и денежныя посылки пересылались въ то время Гоголю черезъ Смирдина.

Вообразите мою непріятность! Приготовился теперь же послать бритвы Павлу Осиповичу [1]), и теперь же у меня ихъ украли, какъ будто въ наказаніе, что я позабылъ сдѣлать это раньше. Я хотѣлъ-было купить, но настоящихъ англійскихъ теперь и въ Петербургѣ нѣтъ: привозъ запрещенъ, мнѣ же достались онѣ по случаю.

Много свадебъ! Поздравьте отъ меня Марью Алексѣевну [2]) и скажите, что я ей отъ всей души желаю счастія въ новомъ ея состояніи...

LXXVI. Къ А. С. Данилевскому.

1833 года, февраля 8. С.-Петербургъ.

Я получилъ оба письма твои почти въ одно время и изумился страшнымъ переворотамъ въ нашей сторонѣ. Кто бы могъ подумать, чтобы Соф(ья) В(асильевна) и М(арья) Ал(ексѣевна) [3]) выйдутъ (sic) въ одно время замужъ, что мыши съѣдятъ живописный потолокъ Юрьева и что Голтвянскія балки [4]) узрятъ на берегахъ своихъ черниговскаго форшмейстера! Насмѣшилъ ты меня Лангомъ [5]). Чтобъ его чортъ побралъ съ его клистирами [6])! Одинъ Гаврюшка въ барышахъ. Однако я отъ всей души радъ, что [7]) Марья Алексѣевна вышла замужъ. Жаль только, что ты не написалъ, за кого. Что ты? лѣнишься или скучаешь?

Мнѣ уже кажется, что время то, когда мы были вмѣстѣ въ Васильевкѣ и въ Толстомъ, чортъ знаетъ какъ отдалилось,—какъ будто [8]) ему минуло лѣтъ пять! Оно получило уже для меня прелесть воспоминанія. Я вывезъ, однакожъ, изъ дому [9]) всю роскошь лѣни [10]) и ничего рѣшительно не дѣлаю. Умъ въ странномъ бездѣйствіи; мысли такъ растеряны, что никакъ не могутъ собраться въ одно цѣлое.

И не одинъ я,—все, кажется, дремлетъ. Литература не

---

[1]) Трушковскому, мужу М. В. Гоголь.

[2]) Урожденную Данилевскую, родственницу А. С. Данилевскаго; см. слѣдующее письмо.

[3]) Софья Васильевна Капнистъ, впослѣдствіи Скалонъ, и Марья Алексѣевна Данилевская.

[4]) Мокрыя долины по рѣчкѣ Голтвѣ.

[5]) Лангъ — оберъ-форшмейстеръ. Гаврюшка — слуга Василія Ив. Чернышa.

[6]) Эта фраза у Кулиша опущена.

[7]) Это слово вписано сверху строки.

[8]) Слово «будто» вставлено сверху.

[9]) Слова: «изъ дому» вставлены сверху.

[10]) У Кулиша невѣрно прочтено: «лѣта» (письмо отъ 8 февраля, см. т. V, стр. 171).

двигается; пара только вздорныхъ альманаховъ вышла — «Альціона» и «Комета Бѣлы» [1]). Но въ нихъ, можетъ-быть, чайная ложка меду, а прочее все деготь. Пушкина нигдѣ не встрѣтишь, какъ только на балахъ. Такъ онъ протранжиритъ всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай, и болѣе [2]) необходимость, не затащатъ его въ деревню. Одинъ только князь Одоевскій дѣятельнѣе. На-дняхъ печатаетъ онъ фантастическія сцены, подъ заглавіемъ: «Пестрыя Сказки» [3]). Рекомендую: очень будетъ затѣйливое изданіе, потому что производится подъ моимъ присмотромъ. Читаешь ли ты «Пліаду»? Бѣдный Гнѣдичъ уже не существуетъ. Какъ мухи, мрутъ люди и поэты. Одинъ Хвостовъ и Шишковъ [4]), на зло и посмѣяніе вѣкамъ, остаются тверды и переживаютъ всѣхъ.... [5]) свои исподнія платья. Поздравляю тебя съ новымъ землякомъ, пріобрѣтеніемъ нашей родинѣ. Это Оаддей Бенедиктовичъ Булгаринъ. Вообрази себѣ: уже печатаетъ малороссійскій романъ, подъ названіемъ «Мазепа». Пришлось и намъ терпѣть [6])! Въ альманахѣ «Комета Бѣлы» былъ помѣщенъ его отрывокъ подъ титуломъ: «Походъ Палѣевой вольницы», гдѣ лица говорятъ даже малороссійскимъ языкомъ. Попотчевать ли тебя чѣмъ-нибудь изъ Языкова, чтобы закусить г... [7]) конфектами? Но я похвасталъ, а ничего и не вспомню. Нѣсколько строчекъ, однакожъ, приведу:

. . . . . .

«Какъ вино, вольнолюбива,
Какъ вино, она игрива

---

[1]) Ср. письмо отъ 1 января и отъ 10 марта 1832 г.

[2]) Это слово вписано сверху.

[3]) Кромѣ того, Гоголь задумалъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ и княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ изданіе подъ заглавіемъ: «Тройчатка, или альманахъ въ три этажа», причемъ псевдонимы трехъ авторовъ были: Иринархъ Модестовичъ Гомозейко (князь Одоевскій; одинъ изъ его псевдонимовъ — «Дѣдушка Иринѣй»), Бѣлкинъ (Пушкинъ) и Рудый Панекъ (Гоголь). По поводу этого задуманнаго альманаха Одоевскій писалъ Пушкину: «Скажите, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, что дѣлаетъ нашъ почтенный г. Бѣлкинъ. Его сотрудники Гомозейко и Рудый Панекъ, по странному стеченію обстоятельствъ, описали: первый — гостиную, второй — чердакъ; неужли г. Бѣлкину взять на свою отвѣтственность погребъ?»

[4]) Хвостовъ, Дмитрій Ивановичъ (графъ), бездарнѣйшій метромань; Шишковъ, Александръ Семеновичъ, изв. писатель узкаго направленія.

[5]) Неудобное для печати выраженіе.

[6]) Эта фраза у Кулиша пропущена.

[7]) Неудобное выраженіе.

И блистательно свѣтла.
Какъ вино, ее люблю я,
Прославляемое мной.
Умиляя и волнуя
Душу, полную тоской,
Всю тоску она отгонитъ
И меня на ложе склонитъ
Беззаботной головой.
Сладки пѣсни распѣваетъ
О былыхъ, веселыхъ дняхъ,
И стихи мои читаетъ,
И блеститъ въ моихъ очахъ».

Красненькій [1]) еще не женился, да что-то и не столько уже поговариваетъ объ этомъ. Баетъ, что ему не хотѣлось бы, но непремѣнно долженъ [2]).

Не знаю, врядъ ли тебѣ будетъ хорошо ѣхать теперь. Дорога, говорятъ, мерзкая; снѣгъ то вдругъ нападаетъ, то вдругъ исчезнетъ. Но, какъ бы то ни было, я очень радъ, что ты это вздумалъ и хоть ты и пострадаешь въ дорогѣ, зато я выиграю, тебя прежде увидѣвши. А Тиссонъ какъ? поѣдетъ ли онъ съ тобою, или нѣтъ? Мнѣ Акимъ [3]) надоѣлъ [онъ состоитъ въ должности повѣреннаго Аѳанасія и ходитъ здѣсь по дѣламъ его]. Безпрестанно проситъ позволенія идти къ Тушинскому, который употребляетъ фабіевскія увертки къ промедленію [4]) уплаты 15 руб. съ копѣйками. Это ты можешь передать Аѳанасію [5]).

Ты меня ужасно какъ ошеломилъ извѣстіемъ, что у васъ снѣгъ таетъ и пахнетъ весною. Что это такое *весна*? Я ее не знаю, я ее не помню, я позабылъ совершенно, видѣлъ ли ее когда-нибудь. Это должно быть что-то такое дѣвственное, неизъяснимо упоительное, Элизіумъ. «Счастливецъ!» повторилъ я нѣсколько разъ, когда прочелъ твое письмо. Чего бы я не далъ, чтобы встрѣтить, обнять, поглотить въ себя весну! Весну... какъ странно для меня звучитъ это имя! Я его точно также повторяю, какъ Кукольникъ (NB. который находится опять здѣсь и успѣлъ уже написать 7 трагедій) повторялъ—помнишь?—Поза, Поза, Поза [6]).

---

[1]) Николай Яковлевичъ Прокоповичъ.

[2]) Эта фраза у Кулиша опущена.

[3]) Это тотъ малороссіянинъ Акимъ, который присутствовалъ при сожженіи «Ганца Кюхельгартена». *Примѣч. перваго изданія.*

[4]) У Кулиша невѣрно: «въ промедленіи»; та же невѣрность въ «Запискахъ о жизни Гоголя», т. I, стр. 121.

[5]) Аѳанасій — слуга Данилевскаго.

[6]) Маркизъ Поза, пламенный энтузіастъ въ Шиллеровской драмѣ: «Донъ Карлосъ».

Кстати о Возвышенномъ[1]). Онъ нестерпимо скученъ сдѣлался. Тогда было (sic) соберетъ около себя толпу и толкуетъ или о Моцартѣ и интегралѣ, или движетъ эту толпу за собою испанскими звуками гитары. Теперь совсѣмъ не то: не терпитъ людности и выберетъ такое время придти, когда я одинъ, и тогда—или душитъ трагедіей, или говоритъ такъ странно, такъ вяло, такъ непонятно, что я рѣшительно не могу понять, какой онъ секты, и не могу замѣтить никакого направленія въ немъ.

Зато пріятель твой Василій Игнатьевичъ[2]), о которомъ ты заботишься, ни на волосъ не перемѣнился съ того времени, какъ ты его оставилъ. Та же ловкость, та же охота забѣгать по дорогѣ къ пріятелямъ за двѣ версты въ сторону. Кажется, онъ, чѣмъ далѣе, дѣлается легче на подъемъ, такъ что въ глубокой старости улетитъ, я думаю, съ тѣломъ въ поднебесныя страны, отчизну поэтовъ.

Прощай. Пиши, если успѣешь. Видишь ли ты Оедора Акимовича[3]) съ новобрачною супругою, или хотя мужественнаго Грыця! Да, что Барановъ?[4]) въ нашихъ еще краяхъ? Поклонись ему отъ меня, если увидишь, и скажи ему, что я, именемъ политики, прошу его написать строкъ нѣсколько. Что въ Васильевкѣ дѣлается? Я думаю, Катерина Ивановна напѣла тебѣ уши пѣснями про[5]) *бойрендомъ, духтеромъ*[6]).

Свидѣтельствуй мое почтеніе папенькѣ и маменькѣ и поцѣлуй за меня[7]) ручки сестрицъ Анны и Варвары Семеновны.

---

[1]) Насмѣшливое прозвище Кукольника, данное ему Гоголемъ за любовь къ высокопарности.

[2]) Любичъ-Романовичъ.

[3]) Данилевскій, родственникъ Александра Семеновича.

[4]) Барановъ, Петръ Александровичъ; см. выше, стр. 20. примѣч.

[5]) У Кулиша ошибка: «по».

[6]) Катерина Ивановна Ходаревская, тетка Гоголя, была его любимою пѣвицею малороссійскихъ пѣсенъ. Воспоминаніе о *бойрендомъ духтеромъ* относится къ полу-цыганской пѣснѣ:

Ой у полі долина,
А въ долині калина...
Припѣвъ: Бойрендомъ, янтеромъ,
Духрейдомъ, духтеромъ!

Примѣчаніе 1-го изданія.

Остальная часть письма у Кулиша опущена.

[7]) Слова: «за меня» вписаны сверху строки.

LXXVII. Къ М. П. Погодину. [1])

Февраля 20 (1833).

Я получилъ твое письмо еще февраля 12 и почти недѣлю промедлилъ отвѣтомъ. Винюсь, прости меня! Журнала дѣвицъ я потому не посылалъ [2]), что приводилъ его въ порядокъ, и его-то совершенно преобразивши, хотѣлъ я издать подъ именемъ «Земля и Люди», но я не знаю, отчего на меня нашла тоска... корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ-то не такъ теперь работается! Не съ тѣмъ вдохновенно-полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю, и что-нибудь совершу изъ ист(оріи), уже вижу собственные недостатки: то жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣе объемъ, то вдругъ зиждется совершенно новая система и рушить старую. Напрасно я увѣряю себя, что это только начало, эскизъ, что оно не нанесетъ пятна мнѣ, что судья у меня одинъ только будетъ, и тотъ одинъ—другъ. Но не

---

[1]) Это письмо было напечатано въ изданіи Кулиша съ большими пропусками; позднѣе оно было перепечатано въ «Русскомъ Архивѣ», 1872, 2369—2372. Года на этомъ письмѣ не было выставлено, вслѣдствіе чего произошло разногласіе: Кулишъ относилъ его къ 1833 году, а въ «Русскомъ Архивѣ» проставленъ, сверху письма, также по предположенію, 1834 годъ. Къ 1833 году относитъ это письмо и Н. С. Тихонравовъ (см. «Ревизоръ», Первоначальный сценическій текстъ, стр. IV и соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 735). Не знаемъ, на чемъ основано названное предположеніе «Русскаго Архива», но во-первыхъ, письмо это имѣетъ несомнѣнную и ближайшую связь съ предыдущимъ письмомъ къ Погодину отъ 1 февраля 1833 года, гдѣ также рѣчь касается журнала для дѣвицъ и предполагаемаго изданія «Земля и Люди» и также упоминается о Беттигерѣ. Далѣе тамъ упоминается, какъ о новости, о «Новоселье» Смирдина, первая книга котораго вышла именно около 19 февраля 1833 года, причемъ Смирдинъ объяснялъ: «Пустой случай—перемѣщеніе книжнаго магазина моего на Невскій проспектъ (19 февраля 1832) доставилъ мнѣ счастіе видѣть у себя на новосельѣ почти всѣхъ извѣстныхъ литераторовъ. Гости—литераторы, изъ особенной благосклонности ко мнѣ, *вызвались*, по предложенію В. А. Жуковскаго, подарить меня на новосельe каждый своимъ произведеніемъ, и вотъ дары, часть которыхъ издаю нынѣ. Присланныхъ статей достаточно было бы для составленія другой такой же книги». Подъ этимъ объясненіемъ Смирдина напечатано: «*19 февраля 1833 г.*». Въ «Русскомъ Архивѣ», вѣроятно, имѣлась въ виду вторая книжка «Новоселья», вышедшая въ 1834 г., но на этой книгѣ значится цензурное разрѣшеніе: «*апрѣля 18 дня 1834 г.*» (см. соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 702 — 703), тогда какъ настоящее письмо было написано *въ февралѣ*.

[2]) Въ «Русскомъ Архивѣ»: «послалъ».

могу, не въ силахъ... [1]) Чортъ побери пока трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другого, спокойнѣйшаго времени. Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. И я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего. Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-ьей степени» [2]), и сколько злости, смѣха и соли!.. Но вдругъ остановился [3]), увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А что изъ того, когда піеса не будетъ играться [4]): драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неконченное произведеніе? – Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ бы даже квартальный не могъ обидѣться. Но что комедія безъ правды и злости! Итакъ за комедію не могу приняться. Примусь за исторію – передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и—исторія къ чорту! И вотъ почему я сижу при лѣни мыслей.

Беттиг(ера) я не читалъ на нѣмецкомъ, прочелъ въ переводѣ. Имѣется ли у него и новая исторія, или только одна древняя? Мнѣ нравится въ ней то, что есть по крайней мѣрѣ хоть [5]) нѣсколько вѣрный анатомическій скелетъ. У насъ и этого нигдѣ не найдешь! Не будетъ ли еще чего-нибудь у васъ историч(ескаго), переведеннаго университетскими? А что Европейская исторія?

Пушкинъ недавно говорилъ о тебѣ съ государемъ насчетъ «Петра» и желанія твоего трудиться вмѣстѣ съ нимъ. Государь напередъ желалъ узнать о трудахъ твоихъ, и когда ему вычислили длинный рангъ твоихъ изданій, то

---

[1]) Въ «Русскомъ Архивѣ» нѣтъ словъ: «не могу, не въ силахъ», а вмѣсто нихъ стоитъ: «почему не...»

[2]) Объ этой комедіи см. т. II, стр. 738 и «Матеріалы для біографіи», т. II, стр. 341—354.

[3]) Послѣ этого у Кулиша пропускъ до словъ: «что изъ того».

[4]) Въ «Русск. Архивѣ»: «играна»; въ «Ревизорѣ» изд. Н. С. Тихонравова, стр. IV, «играться»; у Кулиша также: «играться».

[5]) Въ «Русскомъ Архивѣ»: «мнѣ нравится въ ней то, что есть по крайней мѣрѣ нить».

онъ тотъ же часъ изъявилъ согласіе [1]), и Пушкин
воритъ, что ты можешь, живя здѣсь или въ Москвѣ,
вать все выкапываемое въ архивахъ и брать за это
Какъ же велико будетъ твое жалованье, это ему
вѣстно [2]). Крылова нигдѣ не попалъ, чтобы нап
за портретъ [3]). Хотъ блюдолизъ, несмотря на
дою слонъ, летаешь какъ муха по обѣдамъ.
поминалъ... Читалъ ли ты Смирдинское «Н
жища ужасная; еловѣка можно уколотит
замѣчательна тѣмъ, что здѣсь въ первь
въ печати такія гадости, что читать ме
беуса: сколько тутъ и подлости, и вони,
шалъ, (что) у васъ въ Москвѣ альманах
участвуютъ люди такіе, которыхъ статьи
дутъ значительны. Будешь ли тамъ? Мнѣ оч
комета Галлея. Есть что-то чертовски утѣшит
минуты нѣкоторыхъ мыслей...

У меня теперь голова страшно забита кучей
вчера и сегодня, такъ что я... я думаю, пишу дов
безтолково и спѣшу отправить.

Отъ всей души обнимаю. Остаюсь твой *Гоголь*.

Хотѣлъ было предложить два историческіе вопроса, сильно
меня занимавшіе, не разрѣшишь ли?—но послѣ. Они тре-
буютъ много бумаги. Видишь, я несмотря... [4]) все-таки не
могу совершенно освободиться отъ исторіи.

LXXVIII. Къ матери.

1833 года, 23 марта [5]).

Письма ваши одно почтою, другое чрезъ Данилевскаго,
получилъ. Очень благодаренъ вамъ за присылку шапки,
пояса и прочаго. Жаль, что не застала васъ во время
просьба о кунтушѣ: но впрочемъ это можно исполнить при
другомъ удобномъ случаѣ. Можетъ быть, Леонтьевъ будетъ
въ нашихъ мѣстахъ, и тогда можно будетъ чрезъ него.
Радъ очень, что вы немного успокоились на-счетъ хозяй-
ственныхъ хлопотъ. Дѣти, слава Богу, здоровы [6]). Такъ какъ

---

[1]) Въ «Русскомъ Архивѣ»: «тотчасъ согласился».

[2]) Въ изданіи Кулиша здѣсь пропускъ—до словъ: «Крылова нигдѣ не попалъ».

[3]) Малороссійскій оборотъ.

[4]) Въ «Русскомъ Архивѣ» вмѣсто слова: «несмотря» стоятъ точки.

[5]) Это письмо перепечатано въ «Вѣстн. Европы» съ дополненіями (1886, VI, стр. 733-734, но тамъ стоитъ дата: 26 марта).

[6]) Начиная отсюда до словъ: «съ 1 февраля», у Кулиша пропущено.

природныхъ способностей у нихъ поми[illegible] то [illegible]
чтобы имъ нужно было непремѣнно у[illegible]ждать [illegible]
пусть этотъ годъ они почти ничего [illegible]дѣлают
ются въ томъ же классѣ еще на два [illegible]ода! Пр[illegible]
зачѣмъ имъ выходить слишкомъ м[illegible]ди?

Съ 1 февраля и до сихъ почти пор[illegible]здѣсь стои[illegible]
красная зима. Какъ у васъ? Я дума[illegible] весна уже
началась: по крайней мѣрѣ въ поле[illegible]енѣетъ. Я [illegible]
очень сожалѣю, что мнѣ никогда почти [illegible]доводилось ви[illegible]
тить весну въ нашемъ краѣ. Можетъ [illegible]ть, на слѣдую[illegible]
годъ [1]) Богъ поможетъ исполниться э[illegible]ту моему желанію.
Однако, прощайте, желаю вамъ окончи[illegible]ть постъ и провести
праздники весело. Впрочемъ до того в[illegible]мени, можетъ быть,
успѣю еще написать къ вамъ.

Вашъ сынъ *Н.* [2]).

LXXIX. Къ ней же

Поздравляю васъ съ праздникомъ. [illegible]чень бы былъ радъ, еслибъ узналъ, что вы провели его [illegible]акъ нельзя лучше. Но такъ какъ мнѣ еще ничего не и[illegible]вестно про то, что происходило въ продолженіе ихъ у в[illegible], то остается пожелать, чтобы вы всѣ дни грядущіе были такъ веселы и спокойны, какъ добрые люди въ праздникъ. Аннетъ и Лиза поздравляютъ васъ съ праздникомъ, хотя, впрочемъ, нѣсколько поздно.

Получили ли вы какое-нибудь свѣдѣніе отъ отца Емельяна? [3]). Пришлетъ ли онъ ноты? Очень бы меня обрадовалъ онъ, еслибы прислалъ. Я думаю, что Ольга Д. [4]) позабыла отдать письмо ему.

Съ 3 дня праздниковъ опять возстановилась здѣсь хорошая погода, но первый и второй день были дождливы.

Цѣлую сестру и Павла Осиповича, [illegible]также и Катерину

---

[1]) Въ «Вѣстн. Европы» вмѣсто: «на слѣдующій годъ» читается: «послѣдующій годъ».

[2]) Послѣднія строки, начиная отъ словъ: «[illegible]ако прощайте», у Кулиша пропущены.

[3]) Все это, какъ въ началѣ письма, о нотахъ, имѣетъ отношеніе къ этнографич. интересамъ Гоголя относительно Малороссіи. Отецъ Емельянъ—священникъ въ Кагорлыкѣ, имѣнье Трощинскихъ. (См. о немъ въ «Матеріалахъ для біографіи», I, 55).

[4]) Ольга Дмитріевна, жена А. А. Трощинскаго.

Ивановну. Обнимаю Василія Ивановича [1]) и да снадетъ миръ на домъ вашъ!

Вашъ *Николай.*

1833 года, апрѣля 5. СПб.

LXXX. Къ ней же.

1833 года, мая 2. С. Петербургъ.

Жаль мнѣ чрезвычайно, что вы такъ поздно получили письмо мое и долго безпокоились. Мы всѣ въ продолженіе этого времени были здоровы какъ нельзя лучше. — — —

Теперь поговоримъ о вашихъ дѣлахъ [2]). Я очень радъ, что вы хвалитесь хорошею выдѣлкою кожъ. Но не много ли будетъ четырехъ тысячъ, которыми вы жертвуете для него! Не лишите ли вы чрезъ это себя опять всего необходимаго? Я нарочно здѣсь разспрашивалъ искусныхъ фабрикантовъ въ выдѣлываніи кожъ, съ которыми именно для этого познакомился. Нѣкоторые изъ нихъ заводили въ Малороссіи и жалуются особеннымъ неуспѣхомъ, жалуются на то, что Москва всегда подрываетъ. Тамъ выдѣлываются кожи довольно дурно, и оттого чрезвычайно дешево; а народъ мало смотритъ на доброту, но болѣе на дешевизну. Изъ Москвы же развозятъ ихъ по всей Россіи. Особенно не совѣтуютъ дѣлать изъ нея сапогъ, сѣделъ и другихъ вещей, а лучше продавать ее тотчасъ по выдѣлкѣ, потому что эти вещи московской работы дѣлаются какъ попало, продаются такъ дешево, какъ грибы, и потому здѣшніе фабриканты ни одной кожи, ниже сдѣланной изъ нея вещи, не отпускаютъ въ провинцію, а продаютъ все это здѣсь, потому что здѣсь только могутъ имъ выгодно заплатить. Главное, еще совѣтуютъ смотрѣть въ оба за фабрикантомъ, не отпускать его въ дальнія мѣста, не взявъ у него паспорта, и не ввѣрять ему никогда слишкомъ большой суммы [3]).

На счетъ дѣтей Егора Львовича Лапо-Данилевскаго [4]) я еще не развѣдывалъ, но постараюсь на дняхъ узнать, и тогда напишу къ вамъ. Только, сколько мнѣ помнится, то

---

[1]) Упоминаемыя здѣсь лица: Трушковскій, Ходаревская, Чернышъ.

[2]) Около того времени М. И. Гоголь, по совѣту мечтателя зятя и злоупотреблявшаго ея довѣрчивостью фабриканта, предприняла основаніе кожевенной фабрики, кончившейся полнѣйшимъ фіаско.

[3]) Къ сожалѣнію, Марья Ивановна мало пользовалась основательными предостереженіями сына.

[4]) У Кулиша здѣсь стоятъ инициалы. По словамъ А. В. Гоголь, это былъ сосѣдъ, по фамиліи Лапо-Данилевскій; см. выше, стр. 195, прим. 10-ое.

въ медико-хирургическую академію не принимаютъ такъ молодыхъ; впрочемъ я узнаю.

Цѣлую сестру и очень благодаренъ ей за племянника [1]. То-то, я думаю, она теперь нянчится съ нимъ! Не знаетъ, воображаю, куда дѣть его. Ему, бѣлому, вѣрно, достается! Обнимаю кума [2] Павла Осиповича и отъ души поздравляю его.

Время здѣсь весь мартъ было прекрасное, дни ясные и совершенно лѣтніе. На Невскомъ проспектѣ было 16 градусовъ тепла въ тѣни. Это вдругъ послѣ зимы! Апрѣль, особливо начало его, было хуже немного. Зелень только-что начинаетъ показываться: деревья еще безъ листьевъ.

Желаю вамъ поменьше заботъ, побольше спокойныхъ и веселыхъ минутъ. Мнѣ, признаюсь, часто приходитъ на умъ, что вы скучаете, задумываетесь, и оттого я иногда бываю цѣлый день невеселъ...

Цѣлую Катерину Ивановну и кланяюсь всѣмъ домашнимъ, Василію Ивановичу, Варварѣ Семеновнѣ и проч. [3]

LXXXI. Къ М. П. Погодину.

Мая 8 (1833). СПб.

Теперь только-что получилъ я твою записку чрезъ Краевскаго [4]. Хорошъ комиссіонеръ попался! Въ ней я прочелъ странный упрекъ, который я втайнѣ было-дѣлалъ тебѣ. Странно: я писалъ къ тебѣ письмо не такъ давно. Неужели ты не получалъ его! Еще страннѣе, что я не видѣлъ и не читалъ того письма, о которомъ пишешь, что я, вѣрно, удивился, когда прочелъ его. Не приложу ума, какому сатаненку достались наши письма.

Ну, очень радъ, что уже «Самозванецъ» [5] пишется. Можетъ быть, онъ уже и конченъ? Когда-то мнѣ достанется читать! Хотѣлось бы.

Я не иначе надѣюсь отсюда вырваться, какъ только тогда, когда зашибу деньгу большую. А это не иначе мо-

---

[1]) Рѣчь идетъ о рожденіи Николая Павловича Трушковскаго, впослѣдствіи издателя сочиненій Гоголя, доконченнаго Кулишемъ вслѣдствіе разстройства умственныхъ способностей Н. П. Трушковскаго.

[2]) Гоголь заочно крестилъ своего племянника.

[3]) Упоминаемыя здѣсь лица: Ходаревская, Чернышъ и Данилевская.

[4]) Андрей Александровичъ Краевскій — извѣстный впослѣдствіи журналистъ, издатель-редакторъ въ 60 и 70 годахъ «Отечественныхъ Записокъ» и «Голоса».

[5]) Пьеса Погодина.

жетъ сдѣлаться, какъ по написаніи увѣнчистой вещи. А начало къ этому уже сдѣлано. Не знаю, какъ пойдетъ дальше.

Скоро ли у васъ выйдетъ хоть одинъ томъ Европейской исторіи? Кстати, случалось ли когда-нибудь тебѣ слышать про исторію Римской имперіи и славянскихъ народовъ? Это чудо, а не книга, типографическая рѣдкость! 1503 года и вся въ опечаткахъ, а главное, что во введеніи прежде всего говорится о истребленіи вшей и привезенныхъ въ Германію индійскихъ клоповъ. Издана въ Оснабрикѣ.

Пушкинъ ужъ почти кончилъ исторію Пугачева. Это будетъ единственное у насъ въ этомъ родѣ сочиненіе. Замѣчательна очень вся жизнь Пугачева. Интересу пропасть! Совершенный романъ!

Что дѣлаютъ наши москвичи? Что Максимовичъ? печатаетъ точно «Наума» [1]) и пѣсни, или только насъ надуваетъ? А Кирѣевскій, неужели онъ до сихъ поръ на ложѣ лѣни? Не дѣлаетъ ли чего Баратынскій, и не будетъ ли кто изъ васъ этого лѣта въ Петербургѣ?

Адресуй мнѣ пока на имя Смирдина, потому что я думаю перемѣнить на этой или на той недѣлѣ квартиру непремѣнно.

Ты, кажется, желалъ имѣть «Вечера на Хуторѣ» Теперь только я досталъ ихъ и посылаю. Гдѣ будешь лѣто проводить, въ городѣ или въ деревнѣ?

Нельзя ли напечатать скорѣй афоризмы? у меня горло пересохло отъ жажды. Съ генваря мѣсяца и до сихъ поръ я не встрѣтилъ нигдѣ ни одной новой исторической истины. Набору словъ пропасть, выраженія усилены, сколько можно усилить, и фигурно чрезвычайно, а мысль, разглядишь, давно знакомая.

Прощай. Цѣлую тебя нѣсколько разъ и да не отлучается отъ тебя вдохновенье и творческая сила!

Твой *Гоголь.*

LXXXII. Къ матери.

С. Петербургъ. 1833, іюня 20.

Я получилъ почти вдругъ три письма вашихъ. Изъ послѣдняго я увидѣлъ, что вы находитесь въ величайшемъ безпокойствѣ. Ради Бога, не принимайте близко къ сердцу

---

[1]) Полное заглавіе: «Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ».

всякую бездѣлицу [1]). Велика важность, что князь Кочубей мѣрялъ нашу землю! Пусть онъ хоть всю ее помѣститъ у себя на планѣ. Мы можемъ помѣстить его Диканьку [2]) у себя на планѣ. Это все вздоръ, когда онъ не имѣетъ на нее никакихъ актовъ. Итакъ все и кончено. Я думаю, что это измѣреніе произошло просто изъ любопытства знать сосѣднія земли. Можетъ быть, онъ имѣетъ намѣреніе прикупить къ себѣ что-нибудь, и потому измѣрилъ заранѣе для своей смѣты. Жаль, что въ Яворивщинѣ [3]) живутъ у насъ такіе олухи, которымъ ни до чего нѣтъ нужды, у которыхъ, еслибы собственный языкъ ихъ стали мѣрять аршинами, такъ они не спросили бы. За это я бы хорошенько высѣкъ ихъ и держалъ бы впередъ поаккуратнѣе тамъ стражу. Еслибы тогда какой-нибудь уполномоченный отъ васъ, положимъ, Василій Ивановичъ [4]), подъѣхавши къ князю, спросилъ его: «Помѣщица приказала мнѣ узнать отъ вашего сіятельства, съ какимъ намѣреніемъ мѣряете вы принадлежащую ей землю?», то тогда же бы всякое сомнѣніе и разрѣшилось.

Жаль мнѣ, очень жаль, что около васъ, какъ неугомонныя мухи, вьются вѣчныя заботы. Сколько разъ я проклиналъ мысленно эту сапожную фабрику, за то, что она прибавила вамъ новый вьюкъ хлопотъ! Часто думалъ я: «Зачѣмъ намъ новыя заведенія, и особливо теперь, когда еще имѣніе не совсѣмъ устроилось»? Будьте увѣрены, что дѣти ваши не жадны. Зачѣмъ намъ деньги, когда онѣ цѣною вашего спокойствія? На эти деньги (если только онѣ будутъ) мнѣ все кажется, что мы будемъ глядѣть такими глазами, какъ Іуда на сребреники: за нихъ проданы ваша тишина и, можетъ быть, часть самой жизни, потому что заботы коротаютъ вѣкъ. Для меня удивительно одно въ вашей фабрикѣ: какъ фабрикантъ готовъ подрядиться на 10,000 паръ сапоговъ и рѣшается ихъ сдѣлать въ одинъ годъ? Кто за него будетъ работать? неужели невидимая сила? Вопросъ: гдѣ онъ наберетъ работниковъ? (одинъ человѣкъ въ три дня можетъ сдѣлать только пару). Положимъ, онъ работниковъ ученыхъ наберетъ немного, остальныхъ составитъ изъ неучей, но вѣдь ихъ нужно же обучить. Для этого время! Когда же предположить, что они

---

[1]) Марья Ивановна была склонна къ тревогамъ и безпокойствамъ, часто почти безпричиннымъ.

[2]) Имѣніе Кочубея.

[3]) Мѣстечко, принадлежавшее М. П. Гоголь.

[4]) Черныш.

всѣ знающіе, то гдѣ наберутся средства для содержанія ихъ, выдачи имъ жалованья? а чтобы сшить въ годъ 10,000 сапоговъ, нужно работниковъ не меньше, какъ 100 или 80 человѣкъ. Шутка ли? цѣлая деревня!

Вы, кажется, говорили мнѣ, что имѣете намѣреніе заложить тѣ души, которыя переведены изъ Лукашевки [1]). Въ такомъ случаѣ я бы совѣтовалъ вамъ сдѣлать это, скорѣе удовлетворить фабриканта, такъ чтобы онъ васъ больше не безпокоилъ, и построекъ флигелей не производить въ этотъ годъ. Отдохните немного, а тамъ уже общими силами, на слѣдующій годъ пріѣду я, и мы начнемъ...

Дѣти здоровы какъ нельзя лучше, подросли, даже похорошѣли. — — —

Благодарю васъ очень за кунтушъ, но только комиссіонеръ вашъ чрезвычайно неисправенъ: онъ и не подумалъ явиться ко мнѣ, живя здѣсь, какъ я узналъ, почти мѣсяцъ, и еслибы Данилевскій не послалъ къ нему за письмами, которыя были къ нему, то онъ и не догадался бы прислать; и то прислалъ уже къ Данилевскому. Какъ справедлива пословица: *«Съ Хама не будетъ пана»!*

Прощайте! поклонъ мой бабушкамъ, дѣдушкѣ и Катеринѣ Ивановнѣ. Желаю въ пору дождя, солнца, да заставятъ они наши нивы обильно произвесть хлѣбъ.

LXXXIII. Къ ней же.

Іюня 24, 1833. С. Петербургъ.

Пишу къ вамъ въ самый жаркій день. Такая ли жара и у васъ, какъ у насъ? Термометръ показываетъ 24 и даже 25 градусовъ въ тѣни. Я очень рѣдко теперь живу въ городѣ, въ которомъ душно, какъ въ банѣ. Солнце тиранствуетъ, а не грѣетъ. Пользуясь тѣмъ, что многіе оставили городъ, я ищу теперь себѣ другую квартиру, потому что старая надоѣла мнѣ до смерти. Она меня заморозила зимою такъ, что одно только лѣто, подобное нынѣшнему, отогрѣло меня. А потому я прошу васъ до вре-

---

[1]) Это было сдѣлано въ вознагражденіе Маріѣ Ивановнѣ Гоголь за тѣ убытки въ количествѣ четырехъ тысячъ рублей, которыя она понесла вслѣдствіе того, что ея родственникъ Лукашевичъ не могъ уплатить ей долга. (См. примѣч. къ письму отъ 8 февраля 1833 года). Подробностей объ этой исторіи Анна Васильевна Гоголь не пожелала намъ сообщить.

мени, покамѣстъ не извѣщу о новомъ адресѣ, писать письма или въ институтъ, или въ магазинъ А. Смирдина.

Увѣдомьте Ланно-Данилевскаго, что пріемъ въ медико-хирургическую школу не имѣетъ большой трудности: только, если кто хочетъ помѣститься на казенный счетъ, долженъ подать просьбу заблаговременно еще къ сроку. Вотъ и все! Только его дѣтямъ, кажется, еще очень рано. Они должны быть слишкомъ молоды; а здѣсь не принимаютъ раньше шестнадцатилѣтняго возраста.

Прилагаю вамъ письма Аннеты и Лизы. Аннетъ была довольно умна почти весь этотъ мѣсяцъ, только все письмо написала къ вамъ коротенькое.

Гдѣ теперь живетъ бабушка Агаѳія Матвѣевна? Прошу васъ, маменька, передать ей поклонъ; также если будете у Анны Матвѣевны, то и ей. Освободилась ли она отъ боли своей въ ногахъ?

Жаль мнѣ очень, что у васъ теперь грузъ заботъ. Лѣтомъ особенно нужно вести жизнь какъ можно спокойнѣе. Чѣмъ бы я не пожертвовалъ, чтобы доставить вамъ такую жизнь! но, къ великому горю, до сихъ поръ не въ состояніи.

Прощайте, несравненная моя маменька! Цѣлую сестру, Павла Осиповича, дѣдушку, Катерину Ивановну и всѣхъ домашнихъ...

LXXXIV. Къ М. А. Максимовичу.

СПб. іюля 2 (1833).

Чувствительно благодарю васъ, земляче, за «Наума» и «Размышленія» [1]), а также и за приложенное къ нимъ письмо ваше. Все я прочелъ съ большимъ аппетитомъ, хотя и получилъ, къ сожалѣнію, поздно [2]), потому что теперь только пріѣхалъ изъ Петергофа, гдѣ прожилъ около мѣсяца, и засталъ ихъ у Смирдина лежавши(ми) [3]) около мѣсяца.

Жаль мнѣ очень, что вы хвораете. Бросьте въ самомъ дѣлѣ кацапію, да поѣзжайте въ гетманщину [4]). Я самъ думаю то же сдѣлать и на слѣдующій годъ махнуть отсюда. Дурни мы, право, какъ разсудишь хорошенько! Для чего и кому мы жертвуемъ всѣмъ [5])? Ѣдемъ! Сколько мы тамъ

[1]) Сочиненія Максимовича: «Книга Наума о великомъ Божіемъ Міръ» и «Размышленія о Природѣ».

[2]) Это слово вписано сверху строки.

[3]) Не дописано.

[4]) Эта фраза у Кулиша пропущена

[5]) Эта фраза также пропущена.

насобираемъ всякой всячины! все выкопаемъ! Если вы будете въ Кіевѣ, то отыщите эксъ-профессора Бѣлоусова [1]): этотъ человѣкъ будетъ вамъ очень полезенъ во многомъ, и я желаю, чтобъ вы съ нимъ сошлись. Итакъ, вы поймаете еще въ Малороссіи осень, благоухающую, славную осень, съ своимъ свѣжимъ, неподдѣльнымъ букетомъ. Счастливы вы: а я живу здѣсь среди лѣта и не чувствую лѣта! Душно, а нѣтъ его. Совершенная баня; воздухъ хочетъ уничтожить, а не оживить.

Не знаю, напишу ли я что-нибудь для васъ. Я такъ теперь остылъ, очерствѣлъ, сдѣлался такой прозой, что не узнаю себя. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я ни строчки. Какъ ни принуждаю себя, нѣтъ, да и только. Но, однакожъ, для «Денницы» [2]) вашей употребляю всѣ силы разбудить мозгъ свой и разворушить [3]) воображе(ніе) [4]) А до того, поручая васъ дѣятельности [5]), молю Бога, да ниспошлетъ вамъ здоровье и силы, что̀ лучше всего на этомъ грѣшномъ мірѣ. Увѣдомьте пожалуйста, какую пользу принесетъ вамъ московскій водопой и какимъ образомъ вы проводите на немъ день свой. Я слышалъ, что Дядьковскій [6]) отправился на Кавказъ. Онъ еще не возвратился? Если возвратился, то что̀ говоритъ о Кавказѣ, объ употребленіи водъ, о степени ихъ цѣлительности, и въ какихъ особенно болѣзняхъ? Изъ моихъ тщательныхъ вопросовъ вы можете догадаться, что и мнѣ пришло въ думку потащиться на Кавказъ, зане скудельный составъ мой часто одолѣваемъ недугомъ и крайне дряхлѣетъ. Хотѣлось бы мнѣ очень, вмѣсто пера, покалякать съ вами языкомъ, да этотъ годъ мнѣ никакъ нельзя отлучиться изъ Петербурга... Итакъ, будьте здоровы и не забывайте земляка, которому будетъ подаркомъ ваша строка. Прощайте.

Вашъ *Н. Гоголь.*

---

[1]) Бывшій наставникъ Гоголя въ гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. См. выше, стр. 47, примѣч. 2-е.

[2]) Альманахъ, изданный М. Максимовичемъ въ Москвѣ въ 1834 году.

[3]) Малороссійское слово; по-русски — расшевелить. Послѣ этого зачеркнуто: «въ»...

[4]) Не дописано; переправлено изъ другого слова: «памяти».

[5]) Зачеркнуто: «и здоровью».

[6]) Московскій докторъ, съ которымъ совѣтовался Гоголь.

LXXXV. Къ матери.

1833 г., августа 9.

Письма ваши всѣ я получилъ исправно, и даже адресованное на старую квартиру. Очень радъ, что вы здоровы, а также и сестра съ моимъ племянникомъ. Болѣе трехъ дней, какъ я нахожусь въ городѣ. До сего же времени жилъ за городомъ въ Стрѣльнѣ и около Петергофа. Время было довольно дурно: весь іюль мѣсяцъ былъ дождливъ, дни походили на осенніе. Напишите, каковъ у васъ былъ этотъ мѣсяцъ, въ какой степени великъ неурожай и что̀ стоитъ четверть хлѣба.

Сдѣлайте милость, не приписывайте мнѣ всякаго вздору. Я въ первый разъ слышу, и то отъ васъ, что существуетъ книга подъ названіемъ «Кулябка». Вѣрьте, что еслибы я что-нибудь выпустилъ свое, то, вѣрно бы, прислалъ вамъ. Впрочемъ, врядъ ли будетъ что-нибудь у меня въ этомъ или даже въ слѣдующемъ году. Пошлетъ ли всемогущій Богъ мнѣ вдохновенье—не знаю [1]).

Не могу вамъ также сказать совершенно вѣрно, буду ли я у васъ будущею весною, или нѣтъ. Мое желаніе самое ревностное пріѣхать, и я всѣми силами буду стараться это исполнить; но все зависитъ отъ обстоятельствъ.

Я позабылъ названіе инструментовъ, употребляемыхъ въ кожевенномъ дѣлѣ, а письма вашего, въ которомъ вы писали о нихъ, никакъ не отыскалъ, и потому не освѣдомлялся о нихъ. Но если вы возьмете трудъ опять написать названія ихъ, то я не премину увѣдомить...

LXXXVI. Къ ней же.

СПб. 30 августа. 1833 [2]).

И я отъ васъ что-то давно уже не получалъ письма, почтеннѣйшая маменька! Э, э, э! не завелся ли и за вами тотъ грѣшокъ, въ которомъ я погрязъ и тѣломъ и душою, т. е. лѣнь? Но я увѣренъ, что вы никогда не были знакомы съ этимъ грѣхомъ, или лучше—добродѣтелью. Скорѣе можно подумать, что васъ полюбили лиходѣйки-заботы и не даютъ вамъ ни покою, ни времени.

Посмотрите, какъ расписалась наша Анна! какое она

---

[1]) 1833 годъ былъ очень не производителенъ для Гоголя въ отношеніи творчества.

[2]) Письмо это у Кулиша отнесено въ 1835 году, но это несомнѣнная ошибка: см. дальше примѣчанія по поводу упоминанія объ Аннѣ Матвѣевнѣ Трощинской.

наплела къ вамъ длинное письмо! Тутъ же найдете и Лизыно (sic) царапанье.

Какое прекрасное время настало у насъ въ концѣ августа! дни ясные, солнечные, совершенно лѣтніе, а до того времени сдѣлалась-было настоящая осень. Я до сихъ поръ еще не переѣхалъ въ городъ, и хотя надписываю на письмѣ къ вамъ *Петербургъ* и выставляю виньетку стараго театра Большого, но, однакожъ, все живу еще въ Стрѣльнѣ.

Я любопытенъ очень знать, каковъ у насъ въ Малороссіи неурожай, въ какой цѣнѣ хлѣбъ, и проч. и проч. Я кажется (писалъ) [1]) объ этомъ къ вамъ въ прошедшемъ письмѣ, которое, не знаю, получили ли вы.

Здоровы ли всѣ наши: дѣдушка Иванъ Матвѣевичъ, бабушка Марія Ильинична [2]), Анна Матвѣевна, Агаѳія Матвѣевна [3]) и проч.? Получаете ли какія-нибудь извѣстія объ Андреѣ Андреевичѣ? что онъ подѣлываетъ, бѣдный, въ Кагорлыкѣ? [4])? Пишутъ ли Косяровскіе? Кланяюсь всѣмъ, кому только вы можете передать поклонъ мой. Обнимаю сестру, Павла Осиповича, Катерину Ивановну и маленькаго Николеньку...

LXXXVII. Къ ней же.

1833 г., сентября 26.

Поздравляю васъ, безцѣнная маменька, съ наступающимъ днемъ ангела вашего. Молю Бога, да пошлетъ Онъ вамъ радость, здоровье и да избавитъ отъ непріятныхъ заботъ и огорченій. Сестры посылаютъ вамъ конфектъ и присоединяютъ свои молитвы къ моимъ. Мы всѣ здоровы и веселы, и желаемъ здоровья и счастья всѣмъ нашимъ роднымъ и знакомымъ, которымъ искренно кланяемся...

---

[1]) Это слово пропущено.

[2]) Родители Марьи Ивановны Гоголь: Иванъ Матвѣевичъ Косяровскій и Марья Ильинична, жена его, урожденная Шостакъ.

[3]) Агаѳія Матвѣевна Лукашевичъ.—Что касается Анны Матвѣевны, то, не имѣя подлинниковъ, не можемъ разъяснить страннаго противорѣчія. Здѣсь Гоголь спрашиваетъ о здоровьѣ Анны Матвѣевны Трощинской, тогда какъ въ письмѣ отъ 2 октября 1833 говорится о ея смерти. Полагаемъ, что на письмѣ неясно написанъ годъ и слѣдуетъ читать: 1833, тѣмъ болѣе, что здѣсь Гоголь посылаетъ поклонъ только одному сыну сестры, «Николенькѣ», т. е. Николаю Павловичу Трушковскому, не упоминая о другомъ своемъ крестникѣ, который уже существовалъ въ 1835 г. Кромѣ того въ этомъ письмѣ, какъ и въ письмѣ отъ 9 августа 1833, упоминается о дачѣ въ Стрѣльнѣ.

[4]) Кагорлыкъ—имѣніе Андр. Андр. Трощинскаго; см. выше. стр. 164.

LXXXVIII. В. В. Тарновскому.

1833 г., октября 2. С.-Петербургъ [1]).

Фу ты пропасть, какая скорая почта! Письмо твое, писанное въ апрѣлѣ, я получилъ въ октябрѣ. Рудановскій [2]) весной не нашелъ меня, въ продолженіе же лѣта не могъ найти, потому что я лѣто и часть осени [3]) живу на дачѣ, весьма не близко отъ города. Какъ бы то ни было, только я обрадовался письму, чертовски запоздалому. Я [4]) былъ очень сердитъ на тебя, что ты вдругъ заглохъ и не далъ никакой объ себѣ вѣсти. Потомъ сердце мое прошло. Я хотѣлъ писать тебѣ, несмотря на два года антракта [5]). Освѣдомлялся о твоемъ жительствѣ у дядюшки твоего, «что съ сладкою миною» (и) [6]) у *настоящаго* [7]); но ни одинъ изъ нихъ [8]) не далъ мнѣ никакого удовлетворительнаго отвѣта. Дядюшка объявилъ, что «совершилъ-де какой-то странный карьеръ и находится, несмотря на древность фамиліи, учителемъ въ волынской, или литовской, или гродненской губерніи». Я, зная самъ, что русское землеописаніе есть самая неблагопристойная вещь, не утруждалъ его вопросомъ, что значитъ именно волынская, и что литовская, и что гродненская и въ которой изъ нихъ долженъ обрѣтаться ты, и рѣшился было писать къ твоей маменькѣ въ славную губернію Антоновку [9]). Но Руданоскій съ письмомъ твоимъ весьма во время упредилъ меня. Итакъ, ты находишься въ Житомірѣ. ...Житомiръ! Клянусь Іисусомъ, если мнѣ не во второй разъ только приходится произносить [10]) это имя: одинъ

---

[1]) Напечатано впервые въ «Кіевской Старинѣ», 1883, III, стр. 624—625, откуда мы приводимъ и примѣчанія.

[2]) Руданоскій, Леонидъ Платоновичъ, младшій товарищъ Гоголя по нѣжинской гимназіи, выпуска 1832 г., впослѣдствіи кавказскій генералъ (см. «Лицей», стр. CXXXIV).

[3]) Въ «Кіевской Старинѣ», въ полученной нами копіи: «весны».

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «хотѣлъ».

[5]) Значитъ, были письма Гоголя къ Тарновскому и въ 1831 году, но они не сохранились.

[6]) Это слово въ подлинникѣ пропущено.

[7]) Подъ дядюшкой «съ сладкой миной» Гоголь разумѣлъ Григорія Степановича Тарновскаго, бывшаго владѣльца Качановки, скончавшагося 1853 г. декабря 9. Въ то же время былъ въ Петербургѣ и другой дядя Тарновскаго.

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «какъ».

[9]) Антоновка — село пирятинскаго уѣзда полтавской губ., въ 1832 г. принадлежавшее брату Вас. Вас., Владиміру Васильевичу.

[10]) Послѣ этого зачеркнуто: «его».

разъ, когда Моисеевъ [1]) спрашивалъ урокъ, а другой— нынѣ... Житоміръ!.. у тебя, должно-быть, много слушателей жидовъ. Тебѣ должно удовлетворить меня подробнымъ описаніемъ этого города въ отношеніи къ тебѣ, только чтобъ это описаніе не пахло каѳедрой! Какъ у тебя бѣжитъ день твой? Домосѣдъ ли ты, или гость? Какова твоя даже квартира и проч. и проч.?—О себѣ совершенно не имѣю ничего сказать: я давно не видался съ тобою, должно думать, что все таковъ, какъ прежде, хотя лѣнивъ, нестерпимо лѣнивъ.

Наши одноборщики [2]) всѣ, слава Богу, здоровы. Прокоповичъ Николай женился на молоденькой, едва только выпущенной актрисѣ [3]). Прокоповичъ Василій получилъ... [4]) Кукольникъ навалялъ дюжину дюжинныхъ трагедій. Романовичъ не добылъ ума ни на копѣйку послѣ того, и часто, идя въ должность изъ Литейной на Гагаринскую, забѣгаетъ по дорогѣ ко мнѣ въ Малую Морскую. Данилевскій опять здѣсь, только служитъ не въ военно(й) [5]), а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. «*Благопристойный*», иначе Николай Бороздинъ [6]), кланяется тебѣ (его костыль получилъ такую гибкость, что онъ отваживается съ нимъ даже плясать мазурку). Кобеляцкій такъ же мастерски умѣетъ плевать [7]), какъ и прежде. Прочія лица такъ же безцвѣтны, какъ и прежде. Не видалъ ли ты, или не слыхалъ ли чего-нибудь о Лукашевичѣ; особенно о Высоцкомъ, и что Рѣдкинъ?

Прощай! Если ты мнѣ напишешь поподробнѣе, то, можетъ-быть, и я распишусь: Твой *Гоголь*.

---

[1]) Моисеевъ — профессоръ русской исторіи и статистики въ нѣжинской гимназіи (1820—1837); см. выше, стр. 78.

[2]) Здѣсь, въ «Кіевской Старинѣ» сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «Гоголь составляетъ это слово вмѣсто: «однокашники», которымъ хочетъ обозначить не однихъ товарищей по выпуску, но вообще земляковъ-полтавцевъ. Лица, о которыхъ онъ говоритъ далѣе, — студенты *разныхъ* выпусковъ; а Кобеляцкій и Лукашевичъ вовсе не были товарищами по гимназіи». Здѣсь несомнѣнная ошибка: Кобеляцкій и Лукашевичъ были въ нѣжинскомъ лицеѣ (см. пред. письма), но не окончили курса. (Первый былъ «отлично-худой нравственности»: см. «Изв. Нѣж. Ист. Фил. Инст.», т. III, стр. 145). Въ «Кіевской Старинѣ» напечатано: «одноборщики»; въ копіи, полученной нами изъ музея Тарновскаго: «одноборщики».

[3]) См. объ этомъ также въ письмѣ къ Данилевскому отъ 20 дек. 1832 г.

[4]) Неудобное для печати слово.

[5]) Не дописано.

[6]) Николай Корниловичъ, братъ Ѳедора Корниловича (Спиридона Разстриги; см. примѣч. къ письмамъ Высоцкаго), окончилъ въ 1827 г. («Лицей», CXXX).

[7]) Въ «Кіевск. Стар.»: «плясать»; въ полученной нами копіи: «плевать».

Адресъ мой: въ Малой Морской, въ домѣ № 97, артиста Лепена; прямо Гоголю, Яновскаго не называть.

LXXXIX. Къ матери.

1833 г., октября 2. С.-Петербургъ.

Я получилъ письма ваши. Одно, въ которомъ вы увѣдомляете меня о смерти Анны Матвѣевны, очень меня тронуло. О ней я не сожалѣю, потому что она была уже въ довольно преклонныхъ лѣтахъ и, послѣ примѣрной жизни, умерла, оплакиваемая истинно привязанными къ ней. Но я болѣе сожалѣлъ о васъ, что (вы) [1]) лишились этой почтенной женщины, которая всегда принимала въ васъ, а сталобыть, и въ насъ всѣхъ, самое жаркое участіе. Миръ ея праху! Она, вѣрно, тамъ счастлива. Жаль мнѣ, что вы останетесь заключены теперь въ Васильевкѣ. Прежде вы бывало ѣздили въ Ярески. Вамъ нужно болѣе проѣзживаться.

Въ другомъ письмѣ вы сожалѣете, что дѣти не учатся музыкѣ. Не безпокойтесь объ этомъ, моя безцѣнная маменька! Будьте увѣрены, что я не пощажу ничего, чтобы доставить имъ все нужное. Всѣ пріятныя искусства, необходимыя для дѣвицъ, будутъ имъ внушены. — —

Сдѣлайте милость, моя безцѣнная маменька, воспитывайте такимъ образомъ Олю — — Отдалите отъ нея дѣвичью, чтобы она никогда туда не заходила. Велите ей быть неотлучно при васъ. Лучше нѣтъ для дѣвицы воспитанія, какъ въ глазахъ матери, а особливо такой, какъ вы. Пусть она спитъ въ вашей комнатѣ. Ввечеру нельзя ли вамъ такъ завесть, чтобы всѣ (сидѣли) [2]) вмѣстѣ за однимъ столомъ: вы, сестра, Павелъ Осиповичъ и она, и каждый занимался бы своимъ. Давайте ей побольше занятій; пусть она занимается тѣми же дѣлами, что и большіе; давайте ей шить не лоскутки, а нужныя домашнія вещи; поручите ей разливать чай... [3]) Ради Бога, не пренебрегайте этими мелочами. Знаете ли вы, какъ важны впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ? то, что въ дѣтствѣ только хорошая привычка и наклонность, превратится въ зрѣлыхъ лѣтахъ въ добродѣтель.

[1]) Это слово въ письмѣ пропущено.
[2]) Тоже.
[3]) Такіе же совѣты Гоголь давалъ впослѣдствіи по поводу другихъ сестеръ, особенно Елизаветы Васильевны, когда онъ помѣстилъ ее у П. И. Раевской въ 1839 г.

Внушите ей правила религіи. Это фундаментъ всего. — — Это немного тоже сдѣлаетъ добра, если она будетъ безпрестанно ходить въ церковь. Тамъ для дитяти тоже все непонятно: ни языкъ, ни обряды. Она привыкнетъ на это глядѣть, какъ на комедію. Но вмѣсто всего этого говорите, что Богъ все видитъ, все знаетъ, что она ни дѣлаетъ. Говорите ей поболѣе о будущей жизни, опишите всѣми возможными и нравящимися для дѣтей красками тѣ радости и наслажденія, которыя ожидаютъ праведныхъ, и какія ужасныя, жестокія муки ждутъ грѣшныхъ [1]). Ради Бога, говорите ей почаще объ этомъ, при всякомъ ея поступкѣ, худомъ или хорошемъ. Вы увидите, какія благодѣтельныя это произведетъ слѣдствія. Нужно сильно потрясти дѣтскія чувства, и тогда они надолго сохранятъ все прекрасное. Я испыталъ это на себѣ. Я очень хорошо помню, какъ меня воспитывали. Дѣтство мое донынѣ представляется мнѣ. Вы употребляли все усиліе воспитать меня какъ можно лучше. Но, къ несчастію, родители рѣдко бываютъ хорошими воспитателями дѣтей своихъ. Вы были тогда еще молоды, въ первый разъ имѣли дѣтей, въ первый разъ имѣли съ ними обращеніе, и такъ могли ли вы знать, какъ именно должно приступить, что именно нужно? Я помню: я ничего сильно не чувствовалъ, я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого особенно не любилъ, выключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохнула это чувство. На все я глядѣлъ безстрастными глазами; я ходилъ въ церковь потому, что мнѣ приказывали, или носили меня; но стоя въ ней, я ничего не видѣлъ, кромѣ ризъ, попа и противнаго ревѣнія дьячковъ. Я крестился потому, что видѣлъ, что всѣ крестятся. Но одинъ разъ—я живо какъ теперь помню этотъ случай—я просилъ васъ разсказать мнѣ о Страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли [2]).

Но довольно о религіи; обратимся теперь къ наукѣ жизни.

---

[1]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя»: «грѣшниковъ» (см. т. I, стр. 160).

[2]) Замѣчательное мѣсто, какъ свидѣтельство самого Гоголя о зарожденіи въ его душѣ религіознаго чувства подъ вліяніемъ разсказа матери о Страшномъ Судѣ.

Даже играть съ своими игрушками она должна при васъ въ гостиной, или гдѣ вы будете сидѣть. Если пріѣдутъ гости, заставляйте ее быть неотлучно при гостяхъ. Пусть она говоритъ и вмѣшивается даже въ общій разговоръ, если разговоръ понятенъ для нея. Не то—пусть она приноситъ свои игрушки, или занимается дѣломъ: шьетъ или работаетъ тутъ же при гостяхъ. Это одно истребитъ ту дикость, которую получаютъ дѣти, находясь въ дѣвичьей. Этимъ однимъ она пріобрѣтетъ ту непринужденность, которая такъ мила и всегда восхищаетъ насъ. Этимъ однимъ она пріобрѣтетъ и заранѣе пріучится пріятно разсказывать и занимать другихъ своими разговорами. Найдете ли вы хоть одну дѣвицу въ окружности насъ (sic), которая умѣла бы занять, съ которой не было бы скучно [1]). Сколько есть такихъ, которыя не умѣютъ совсѣмъ слова связать! А отчего? отъ этихъ дѣвичьихъ, отъ неразсудительности матерей, которыя тогда только берутъ дочерей подъ свое покровительство и удаляютъ изъ дѣвичьей, когда онѣ уже дѣлаются совершеннолѣтними, и берегутъ ихъ, когда уже нечего беречь, когда глупости и предразсудки пустили слишкомъ глубоко свои корни. Я вижу яснѣе и лучше многое, нежели другіе. Въ немногіе годы я много узналъ, особливо по этой части. Я изслѣдовалъ человѣка отъ его колыбели до конца, и отъ этого ничуть не счастливѣе. У меня болитъ сердце, когда я вижу, какъ заблуждаются люди. Толкуютъ о добродѣтели, о Богѣ, и между тѣмъ не дѣлаютъ ничего [2]). Хотѣлъ бы, кажется, помочь имъ, но рѣдкіе, рѣдкіе изъ нихъ имѣютъ свѣтлый природный умъ, чтобы увидѣть истину моихъ словъ. Вы—другое дѣло, безцѣннѣйшая маменька, вы понимаете меня въ этомъ отношеніи. Вы увидите истину моихъ словъ, которыя, можетъ-быть, даже сходны съ собственными вашими и, вѣрно, поступите по моему предложенію,—тѣмъ болѣе, что исполнить это нѣтъ ни малѣйшей трудности и нисколько не обременитъ васъ; стоитъ только разъ завесть, а тамъ все пойдетъ такъ, какъ начато.

Вы спрашиваете у меня на-счетъ ревизіи. Сдѣлайте милость, дѣлайте такъ, какъ вы увидите нужнымъ. Имѣніе гора-

---

[1]) Эти строки, начиная отъ словъ: «найдете ли хоть одну дѣвицу», у Кулиша пропущены.

[2]) См. напр. въ «Ревизорѣ» слова городничаго о своей мнимой религіозности (соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 204): «Ну, а что изъ того» и проч

здо лучше, если будетъ всегда записываемо на одно ваше имя.

Жаль мнѣ, чрезвычайно жаль, что.... [1]).

XC. Изъ письма къ матери.

Отъ 1 ноября 1833 (?) года [2]).

Скажите Катеринѣ Ивановнѣ [3]), что мнѣ часто приходятъ на умъ ея пѣсни, но я ихъ не пою, потому что я мастеръ только подтягивать. А еслибъ запѣлъ соло, то морозъ подралъ бы по кожѣ слушателей [4]).

XCI. Къ М. А. Максимовичу.

Ноября 9, (1833). С.-Петербургъ.

Я получилъ ваше письмо, любезнѣйшій землякъ чрезъ [5]) Смирдина. Я чертовски досадую на себя за то, что ничего не имѣю, что̀ бы прислать вамъ въ вашу »Денницу«. У меня есть сто разныхъ началъ, и ни одной повѣсти, и ни одного даже отрывка полнаго, годна(го) [6]) для альманаха. Смирдинъ [7]) изъ другихъ уже рукъ досталъ одну мою старинную повѣсть [8]), о которой я совсѣмъ было-позабылъ и которую я стыжусь назвать своею: впрочемъ, она такъ велика и неуклюжа, что никакъ не годится въ вашъ альманахъ. Не гнѣвайтесь на меня, мой милый и отъ всей души и сердца любимый мною землякъ. Я вамъ въ другой разъ непремѣнно приготовлю, что̀ вы хотите. Но не теперь.

---

[1]) Конецъ письма былъ потерянъ еще въ 50-хъ годахъ (см. примѣч. въ изданіи Кулиша).

[2]) Этотъ отрывокъ изъ письма былъ первоначально напечатанъ въ «Русской Мысли» (1896, V, стр. 161) съ замѣткой: «письмо писано въ томъ году, когда Гоголь пріѣхалъ отдавать сестеръ въ гимназію»; но кромѣ того, что сестры Гоголя воспитывались не въ гимназіи, а въ Патріотическомъ *Институтѣ*, онѣ были привезены не въ 1833 г., а въ 1832 г.

[3]) Ходаревская, урожденная Косяровская, родная сестра Маріи Ивановны Гоголь. Она очень любила пѣть малороссійскія пѣсни (см. письмо отъ 2 апрѣля 1830 г. и самый конецъ письма къ А. С. Данилевскому отъ 8 февраля 1833 года). См. также «Указатель къ письмамъ Гоголя», 1-е изданіе, стр. 47—48.

[4]) Ср. «Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 105.

[5]) У Кулиша: «черезъ».

[6]) Не дописано.

[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «гдѣ-то».

[8]) «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», напечатанную Смирдинымъ въ «Новоселѣ».

Еслибъ вы знали, какіе со мною происходили страшные [1]) перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня! Боже, сколько я пережегъ [2]), сколько перестрадалъ! Но теперь я надѣюсь, что все успокоится, и я буду снова дѣятельный, движущійся. Теперь я принялся за исторію нашей единственной, бѣдной [3]) Украйны. Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили.

Я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокуплен(іи) [4]) пѣсенъ и собраніи Ходаковскаго [5]). Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя, пѣсни! какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!.. Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними! прелесть! Я вамъ ихъ спишу... [6]) не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да, я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни [7]), выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость, и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ. Я не могу жить безъ пѣсенъ. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько пѣсенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знаю. Это все равно, еслибъ кто передъ женщиной сказалъ, что онъ знаетъ секретъ, и не объявилъ бы ей. Велите переписать четкому, красивому писцу въ тетрадь in quarto, на мой счетъ. Я не имѣю терпѣнія дождаться печатнаго; притомъ я тогда буду знать, какія присылать вамъ пѣсни, чтобы у васъ не было двухъ сходныхъ дублетовъ. Вы не можете

---

[1]) У Кулиша: «странные».

[2]) У Кулиша: «пережилъ»; у г. Пономарева — правильно (стр. 3); также и въ «Зап. о жизни Гоголя», I, стр. 124).

[3]) Слова: «единственной, бѣдной» у Кулиша опущены.

[4]) Не дописано.

[5]) Зорянъ Доленга Ходаковскій, извѣстный собиратель этнографическихъ матеріаловъ. (См. о немъ въ «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпина, т. III, стр. 38—87). Упом. въ «Родословной моего героя».

[6]) Гоголь исполнилъ это обѣщаніе: у Максимовича хранилась тетрадь со списанными имъ пѣснями. (См. «Записки о жизни Гоголя», т. I, стр. 125).

[7]) Послѣ этого зачеркнуто одно слово.

представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни [1]). Даже не историческія, даже похабныя; онѣ все даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе, увы! прошедшую жизнь и, увы! прошедшихъ людей... Велите сдѣлать это скорѣе. Я вамъ зато пришлю находящія(ся) [2]) у меня, которыхъ будетъ до двухъ-сотъ, и что замѣчательно [3])—что многія изъ нихъ похожи [4]) совершенно на антики, на [5]) которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарытые.

Прощайте, милый, дышащій прежнимъ временемъ землякъ, не забывайте меня, какъ я не забываю васъ [6])... Лучше вычеркнуть...

Пишите ко мнѣ.

Вѣчно вашъ *Гоголь*.

XCII. Къ матери.

1833 г., ноября 22. С.-Петербургъ [7]).

Во-первыхъ, прежде всего я долженъ благодарить васъ за посылку: сестру за пѣсни, изъ которыхъ особенно та что: «*Що се братця* [8]) *якъ барятця!*» очень характерна и хороша; но болѣе всего одолжили вы меня присылкою старинной тетради съ пѣснями: между ними есть многія очень замѣчательныя [9]). Сдѣлаете большое одолженіе, если отыщете подобныя той тетради съ пѣснями, которыя, я думаю, болѣе всего водятся въ старинныхъ сундукахъ между старинными бумагами у старинныхъ поповъ [10]) или у потомковъ старинныхъ поповъ [11]). Жаль очень, что почтмейстеръ

---

[1]) Въ началѣ 1834 года Гоголь напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 34) и въ «Московскомъ Телеграфѣ» (№ 3, стр. 523) объявленіе «Объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ». См. текстъ его въ соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 107. См. также «Записки о жизни Гоголя», I, 125.

[2]) Не дописано.

[3]) Послѣ этого зачеркнуто написанное вторично: «что замѣчательно».

[4]) Вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «есть».

[5]) Слово «на» вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «кам(еи)».

[6]) Послѣ этого густыми чернильными чертами вычеркнуты двѣ строки, причемъ можно разобрать въ началѣ: «шлите мнѣ» и въ концѣ: «прощайте».

[7]) Это письмо перепечатано съ дополненіями въ «Вѣстникѣ Европы» (1896, VI, 734—735).

[8]) Въ «Вѣсти. Европы»: «братця».

[9]) У Кулиша: «замѣчательны».

[10]) У Кулиша: «пановъ»; въ «Вѣсти. Евр.»: «поповъ».

[11]) Тоже.

былъ такъ нагълъ, что распечаталъ письмо, тогда, когда по новому, недавно вышедшему постановленію, посылка не должна вскрываться до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до мѣста. Мою посылку онъ имѣетъ право вскрыть, но вашу только здѣсь въ Петербургѣ должны распечатывать. И потому сторонною предостерегите его: если онъ еще это сдѣлаетъ, то я буду жаловаться директору почтоваго департамента Булгакову, съ которымъ я знакомъ [1]).

Сапоги теплые хороши и недурно сдѣланы. Одно только дурно: гдѣ сыщете вы покупщиковъ? Врядъ ли хорошія вещи найдутъ сбытъ. Нужны хорошія, но самыя грубыя, въ которыхъ бы нуждался окружающій народъ [2]). Впрочемъ вы, я думаю, лучше это знаете.

Бобовъ я не совѣтую вамъ присылать. Это будетъ только затрудненіе. За фунтъ вамъ нужно платить на почту вѣсовыхъ до 70 копѣекъ. Между тѣмъ ихъ этотъ годъ былъ урожай и здѣсь, и они продаются не дороже рубля за фунтъ.

Пѣсни я совѣтую вамъ, если будете присылать, то давайте имъ видъ тетради или книги. Для этого непремѣнно нужно какую-нибудь пришить къ нимъ обвертку изъ цвѣтной бумаги. Потому что чиновники, служащіе въ почтамтахъ, очень глупы и никакъ не могутъ отличить пѣсенъ или другого чего-нибудь отъ дѣловой казенной бумаги. Также писемъ не кладите во внутрь посылки, чтобы не давать имъ поводу къ привязкамъ. Если какія-нибудь попадутся вамъ старыя рукописи, вы тотчасъ велите имъ сдѣлать обвертку.

Теперь, я думаю, у васъ въ винѣ большая нужда по случаю неурожая. Какъ бы я желалъ чѣмъ-нибудь помочь вамъ! Но теперь, какъ на бѣду, для меня весь этотъ годъ прошелъ совершенно безъ всякой пользы. Ничего я не могъ пріобрѣсть. На слѣдующій, если Богъ поможетъ, то я буду имѣть кое-что и буду, можетъ-быть, такъ счастливъ, что уменьшу хоть сколько-нибудь заботы ваши.

Вы очень хорошо дѣлаете, что отдаете Оленьку въ пансіонъ. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ ничего лучше не можно сдѣлать. Хорошо также, что вы не даете съ нею дѣвки. Это совершенно не нужно. Особенно подтвердите и мадамѣ, чтобы она держала ее при себѣ или съ дру-

[1]) Начиная отъ словъ: «Жаль очень, что почтмейстеръ» и до словъ: «съ которымъ я знакомъ», у Кулиша пропущено.

[2]) Ср. письмо отъ 2 мая 1833 года.

гими дѣтьми, но чтобы отнюдь не обращалась она съ дѣвками. Больше всего заставлять заниматься ее рукодѣліемъ и практикою языковъ, музыки, особенно танцами: это укрѣпляетъ члены.

Прощайте [1]), безцѣнная маменька, желаю вамъ удачъ и успѣховъ и молю Бога скорѣе вамъ дать возможность [2])— —

Вашъ сынъ Николай.

Обнимаю и цѣлую всѣхъ сестру, Петра Ивановича, дѣдушку, бабушекъ.

XCIII. Къ ней же.

1833 г., 13 декабря. С.-Петербургъ.

Я получилъ письмо ваше отъ 23 ноября третьяго дня. Очень радъ, что вы здоровы. Въ письмѣ вы извѣщаете, между прочимъ, что хотите продать одну землю, а людей оставить. Но выгодно ли это будетъ вамъ? Вѣдь вамъ нужно, маменька, денегъ и въ приказъ отдать, и въ опекунскій совѣтъ, а еще нѣсколько тысячъ на предполагаемый вами кожевенный заводъ. Точно ли притомъ вы увѣрены, что люди дѣйствительно добры? Вѣдь имъ самимъ вѣрить нельзя. Этотъ народъ лукавъ: это ничего не значитъ, что они многіе помнятъ васъ съ-пзмалу. Они, пожалуй, будутъ падать въ ноги, и при этомъ будутъ самыя бестіи. Но довольно объ этомъ. Я увѣренъ, что все, что вы ни дѣлаете, дѣлаете, посовѣтовавшись напередъ съ собственнымъ благоразуміемъ, которое всегда васъ выручало.

Объ дѣтяхъ не безпокойтесь. Они уже въ институтѣ; покамѣстъ, ничего не дѣлаютъ, только привыкаютъ. Не знаю, какъ васъ благодарить за гамапъ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ скорѣе его увидѣть.

Желая вамъ всегдашняго здоровья и во всемъ успѣха, остаюсь вашъ сынъ.

Очень благодаренъ Катеринѣ Ивановнѣ за приписку. Обнимаю сестру [3]) мысленно, также и Оленьку.

Прилагаемое при семъ письмо отправьте скорѣе Александру Семеновичу Данилевскому... [4]).

---

[1]) Начиная отсюда, у Кулиша пропущено.

[2]) Непрочитанное слово.

[3]) Марью Васильевну.

[4]) Это письмо, повидимому, не сохранилось; его нѣтъ въ изданіи Кулиша, нѣтъ и у наслѣдниковъ А. С. Данилевскаго.

XCIV. Къ ней же.

1833 г., декабря 20. С--Петербургъ.

Поздравляю васъ съ наступающими праздниками и желаю вамъ провесть ихъ какъ только можно веселѣе. Надѣюсь, что вы не преминете извѣстить меня, какимъ образомъ и гдѣ встрѣтите и проведете ихъ.

Снѣгу валитъ вездѣ множество. Зима, какъ слышу, вездѣ стоитъ ровно. Такая ли и у васъ, и каковы всходы? Это меня тѣмъ болѣе интересуетъ, что вездѣ я слышу неблагопріятныя вѣсти о новыхъ посѣвахъ. Каково идетъ вашъ заводъ кожевенный? имѣется ли сбыть?

Кстати, если можно будетъ, прикажите мнѣ сдѣлать калоши въ такомъ родѣ, какъ присланные вами теплые сапоги, которые, несмотря на то, что недурно сдѣланы и какъ разъ по ногѣ, лежатъ у меня совершенно безъ употребленія. Ходить въ нихъ на улицѣ хорошо, но съ улицы нужно же войти въ комнату, гдѣ нельзя сидѣть, по причинѣ ихъ теплоты; а носить съ собою сапоги для перемѣны другіе — тоже не слишкомъ ловко. По калоши мнѣ бы очень теперь были нужны; когда бы только онѣ были сдѣланы въ пору и могли бы удобно находить на сапоги.

Кого вы видаете чаще изъ знакомыхъ, имѣете ли вѣсти объ Андреѣ Андреевичѣ, и что подѣлываетъ управитель въ Кагорлыкѣ вмѣстѣ съ отцомъ Емельяномъ? [1])

Павелъ Осиповичъ писалъ ко мнѣ въ письмѣ, что собирается ѣхать въ Петербургъ. Жаль мнѣ очень, если онъ это выполнитъ, потому что меня, я думаю, не застанетъ. У насъ теперь свободное время, и я думаю ѣхать на два или на три мѣсяца въ Ревель, куда призываютъ меня разныя необходимыя для моего труда разысканія [2]); итакъ мы не будемъ видѣться съ нимъ. Не лучше ли дождать лѣта, когда, можетъ быть, я какимъ-нибудь случаемъ заверну къ вамъ? и тогда можно вмѣстѣ пріѣхать въ Петербургъ. Однакожъ вы письма все пишите по тому же адресу: хоть меня не будетъ и я даже перемѣню, можетъ быть, квартиру, однако все же мнѣ доставятъ очень аккуратно въ самый Ревель ваше письмо [3]).

[1]) См. о немъ въ примѣч. къ письму отъ 5 апрѣля 1833 г. (стр. 281).

[2]) Гоголь здѣсь изобрѣтаетъ отговорку, чтобы не видаться съ зятемъ, которому онъ не могъ простить затѣяннаго по его милости плачевнаго проекта насчетъ кожевенной фабрики.

[3]) Сомнѣнія въ аккуратности пересылки и быть не могло, потому что не надо было и пересылать. Ср. письмо отъ 9 марта 1834 г.: «Въ Ревель я уже не ѣду».

Прощайте, безцѣннѣйшая маменька! Желаю вамъ побольше веселиться и быть спокойными при видѣ вашихъ ежедневныхъ хлопотъ, и да утѣшаетъ васъ мысль, что все перемѣнится, что мы когда-нибудь заживемъ лучше. Обнимаю сестру, племянника и Павла Осиповича.

XCV. М. А. Максимовичу.

(1833, въ декабрѣ).

Благодарю тебя за все: за письмо, за мысли въ немъ, за новости и проч. Представь, я тоже думалъ: туда, туда! въ Кіевъ, въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ — не правда ли? [1]) тамъ [2]) или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей [3]). Я работаю. Я всѣми силами стараюсь; но на меня находитъ страхъ: можетъ быть, я не успѣю! Мнѣ надоѣлъ Петербургъ, или, лучше, не онъ, но проклятый [4]) климатъ его: онъ меня допекаетъ. Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра. А новая жизнь среди такого хорошаго края! Тамъ можно обновиться всѣми силами. Развѣ это малость? Но меня смущаетъ, если это не исполнится!... Если же исполнится, да ты надуешь [5]), тогда одному пріѣхать въ этотъ край, хоть и желанный, но быть одному соверш(енно) [6]), не имѣть съ кѣмъ заговорить языкомъ души — это страшно! Говорятъ, уже очень много назначено туда какихъ-то нѣмцевъ! Это тоже не такъ [7]) пріятно. Хотя бы для св. Владиміра побольше славянъ! [8]). Нужно будетъ стараться кого-нибудь изъ извѣстныхъ людей туда впихнуть, истинно просвѣщенныхъ и также чистыхъ и добрыхъ душою, какъ мы

---

[1]) Это слово «ли» въ подлинномъ письмѣ пропущено. Слова: «Онъ нашъ, онъ не ихъ—не правда (ли)?» у Кулиша пропущены.

[2]) Послѣ этого вачеркнуто на ходу письма: «вок(ругъ)».

[3]) Послѣ этого не зачеркнуто какое-то недописанное и забытое слово.—Гоголь еще въ письмѣ отъ 2 іюля уговаривалъ М—ча ѣхать въ Кіевъ.

[4]) Это слово у Кулиша пропущено.

[5]) Послѣ этого зачеркнуто слово: «это». Здѣсь въ подлинномъ письмѣ значится примѣчаніе Максимовича: «а вышло наоборотъ! и я извѣдалъ то, чего онъ такъ боялся!»

[6]) Не дописано.

[7]) Г. Пономаревъ читаетъ здѣсь: «очень», но хотя слово это написано особенно неразборчиво, намъ послѣ долгаго напряженія удалось прочесть: «*не такъ*».

[8]) Эти фразы у Кулиша пропущены, начиная отъ словъ: «Говорятъ, что очень много».

съ тобою. Я говорилъ Пушкину о стихахъ [1]). Онъ написалъ путешествуя двѣ большія піесы [2]). но отрывковъ изъ нихъ не хочетъ давать, а обѣщается написать нѣсколько маленькихъ [3]). Я съ своей стороны употреблю стараніе его подгонять.

Прощай до слѣдующаго письма. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя обѣщанной тетради пѣсенъ, — тѣмъ болѣе, что безпрестанно получаю новыя, изъ которыхъ много [4]) есть историческихъ. еще больше — прекрасныхъ. Впрочемъ я нетерпѣливѣе тебя и никакъ не могу утерпѣть, чтобы не выписать здѣсь одной изъ самыхъ интересныхъ [5]), которой, вѣрно, у тебя нѣтъ [6]).

---

[1]) Для «Денницы», альманаха. издаваемаго Максимовичемъ.
[2]) Послѣ этого зачеркнуто одно слово: («постараюсь? »)
[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «стихотвореній».
[4]) Зачеркнуто на ходу письма: «чрезвычайно)..
[5]) Приводимъ полный текстъ этой пѣсни. какъ онъ записанъ у Гоголя:

«Наварыла сечевыци,
Поставыла на полыци
Сечевыци сходыть, сходыть,
Самъ до мене козакъ ходыть.
Наварыла гороху,
Да послала Явдоху.
Що се съ биса, нема съ лѣса?
Що се брацця якъ баряцця?
Наварыла каши зъ лоемъ,
Налыгалась зъ упокоемъ.
Що се съ биса, нема съ лѣса?
Що се брацця якъ баряцця?
Я съ того поговору
Пишла... за комору.
Що се съ биса, нема съ лѣса?
Що се брацця якъ баряцця?
Сила дивка тай заснула *),
Свынья бигла тай запхнула.
Що се съ биса, нема съ лѣса?
Що се брацця якъ баряцця?
Бижыть свынья кованая (?).
«Чого сыдышъ, поганая?
Чого сыдышъ надулася?
Чому въ кожухъ навдяглася?»
Бодай въ тебе стильки духъ,
Якъ у мене есть кожухъ?
Що се съ биса, нема съ лѣса?
Що се брацця якъ баряцца?
Ведуть свынью передъ пана.

[6]) Это письмо слѣдовало за письмомъ отъ 9 ноября: здѣсь Гоголь впервые говоритъ съ Максимовичемъ на «ты».

*) Черта совершенно малороссійская. *Прим. Н. В. Гоголя.*

XCVI. А. С. Пушкину.

23 декабря 1833 [1].

Еслибы вы знали, какъ я жалѣлъ, что засталъ вмѣсто васъ одну записку вашу на моемъ столѣ. Минутой мнѣ бы возвратиться раньше, и я бы увидѣлъ васъ еще у себя. На другой же день я хотѣлъ непремѣнно побывать у васъ, но какъ будто нарочно все сговорилось пойти мнѣ наперекоръ: къ моимъ геморроидальнымъ добродѣтелямъ вздумала еще присоединиться простуда, и у меня теперь на шеѣ цѣлый хомутъ платковъ. По всему видно, что эта болѣзнь запретъ меня на недѣлю. Я рѣшился, однакожъ, не зѣвать и, вмѣсто словесныхъ представленій, набросать мои мысли и планъ [2]) преподаванія на бумагу [3]). Еслибы Уваровъ былъ изъ тѣхъ, какихъ не мало у насъ на первыхъ мѣстахъ, я бы не рѣшился просить и представлять ему мои мысли, какъ и поступилъ я назадъ тому три года, когда [4]) могъ бы занять мѣсто въ московскомъ университетѣ, которое мнѣ предлагали; но тогда былъ Ливенъ, человѣкъ

Крычить свынья: «я не пхала;
Вона сама въ г... впала».
Крычить свина репетуе,
Никто ей не ратуе.
Що се съ биса, нема съ лѣса?
Що се брацця якъ баряцця?»

Пѣсня эта такъ понравилась Гоголю, что онъ особенно благодаритъ за нее сестру, Марью Васильевну, которая списала ее для него, и выписываетъ ее цѣликомъ для Максимовича. О ней см. въ письмѣ къ матери отъ 22 ноября 1833 года.

[1]) Это письмо первоначально было напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» (1880, т. II, стр. 512—513) съ слѣдующимъ поясненіемъ,— при имени Уварова: «писано въ то время, когда между Уваровымъ и Пушкинымъ еще не было непріятностей, отравившихъ жизнь Пушкина. Министръ переводилъ на французскій языкъ стихи: «Клеветникамъ Россіи», а осенью 1833 года въ Москвѣ пригласилъ Пушкина въ университетъ, повелъ на лекціи и сказалъ студентамъ: «Вотъ вамъ сама поэзія!»

Объ отношеніяхъ Гоголя къ Уварову см. ниже, въ письмѣ къ М. А. Максимовичу отъ 29 мая 1834 г. и къ П. П. Срезневскому отъ 1 іюня того же года; также къ Шевыреву въ маѣ 1839 г.

[2]) Слово «планъ» вписано сверху строки.

[3]) Здѣсь разумѣется статья Гоголя: «О преподаваніи всеобщей исторіи», написанная для представленія Уварову, какъ образецъ задуманныхъ Гоголемъ историческихъ работъ. П. С. Тихонравовъ приходитъ къ заключенію, что эта статья написана въ декабрѣ 1833 года. (См. соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 567).

[4]) Слово «когда» вписано сверху строки.

ума недальняго [1]). Грустно, когда некому оцѣнить нашей работы. Но Уваровъ собаку съѣлъ. Я понялъ его [2]) еще болѣе по тѣмъ бѣглымъ, исполненнымъ ума замѣчаніямъ и глубокимъ мыслямъ во взглядѣ на жизнь Гёте. Не говорю уже о мысляхъ его по случаю экзаметровъ, гдѣ столько философическаго познанія языка и ума быстраго. Я увѣренъ, что у насъ онъ болѣе сдѣлаетъ, нежели Гизо во Франціи [3]). Во мнѣ живетъ увѣренность, что [4]) если я [5]) дождусь прочитать планъ мой [6]), то въ глазахъ Уварова онъ меня отличитъ отъ толпы вялыхъ профессоровъ, которыми набиты университеты [7]).

Я восхищаюсь заранѣе, когда вооружу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ [8]). Тамъ я выгружу изъ-подъ спуда многія вещи, изъ которыхъ я не всѣ еще читалъ вамъ. Тамъ кончу я исторію Украйны и юга Россіи [9]) и напишу всеобщую исторію, которой, въ настоящемъ видѣ ея, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не только на Руси, но даже и въ Европѣ, нѣтъ. А сколько соберу тамъ преданій, повѣрьевъ (sic), пѣсенъ и проч.! Кстати, ко мнѣ пишетъ Максимовичъ, что онъ хочетъ оставить московскій университетъ и ѣхать въ кіевскій. Ему вреденъ климатъ [10]). Это хорошо. Я его люблю. У него въ естественной исторіи есть много хорошаго, по крайней мѣрѣ ничего похожаго на [11]) галиматью Надеждина. Еслибы Погодинъ не обзавелся домомъ [12]), я бы уговорилъ его проситься въ Кіевъ. Какъ занимательными можно сдѣлать [13]) университетскія записки; сколько можно помѣстить подробностей, совершенно новыхъ

---

[1]) Въ подлинникѣ: «недальнаго».

[2]) Слово «его» вписано сверху строки.

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «если только онъ прочтетъ планъ мой». О гекзаметрахъ Гоголь разумѣетъ здѣсь, вѣроятно, совѣтъ Уварова Гнѣдичу перевести «Иліаду» *этимъ* размѣромъ, а не александрійскими стихами съ рѳмами, какъ онъ началъ было переводить.

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «онъ пойметъ»; слово: «меня» вписано сверху.

[5]) Это слово «я» вписано сверху строки.

[6]) Это слово переправлено изъ какого-то другого слова.

[7]) Уваровъ, однако, нашелъ въ планѣ Гоголя нѣкоторые недостатки, которые предложилъ ему исправить.— По этому поводу началась переписка съ Сербиновичемъ (см. ниже).

[8]) Относится къ сборамъ Гоголя вмѣстѣ съ Максимовичемъ въ Кіевъ.

[9]) Слова: «и юга Россіи» вписаны сверху строки.

[10]) Слова: «ему вреденъ климатъ» вписаны сверху строки.

[11]) Послѣ этого зачеркнуто: «безтолковую».

[12]) На Дѣвичьемъ полѣ.

[13]) Это слово переправлено изъ какого-то другого.

о самомъ краѣ! Порадуйтесь находкѣ: я досталъ лѣтопись безъ конца [1]), безъ начала, объ Украйнѣ, писанную [2]), по всѣмъ признакамъ, въ концѣ XVII-го вѣка. Теперь покамѣсть до свиданія! Какъ только мнѣ будетъ лучше, явлюсь къ вамъ. Вѣчно вашъ *Гоголь.*

XCVII. Къ М. А. Максимовичу.

Январь 7. (1834, изъ С.-Петербурга).

Поздравляю тебя съ 1834 и отъ души благодарю тебя за «Денницу», которой, впрочемъ, я до сихъ поръ не получалъ, потому что Одоевскій заблагоразсудилъ кому-то отдать мой экземпляръ. Слышу, однакожъ, что въ ней есть много хорошаго—по крайней мѣрѣ мнѣ такъ говорилъ Жуковскій.

Что жъ ты не пишешь ни о чемъ? Охъ, эти земляки мнѣ! Что мы, братецъ, за лѣнтяи съ тобою! Однако напередъ положить условіе: какъ только въ Кіевъ — лѣнь къ чорту! чтобъ и духъ ея не пахъ. Да превратится онъ въ русскія Аѳины, богоспасаемый нашъ городъ! Да отчего до сихъ поръ не выходитъ ни одинъ изъ московскихъ журналовъ? Скажи Надеждину, что это не хорошо, если онъ вздумаетъ, по-прошлогоднему, до тѣхъ поръ не выпускать новыхъ, покамѣстъ не додастъ старыхъ. Что за рыцарская честность! теперь она въ наши времена такъ же смѣшна, какъ и ханжество. Подписчики и читатели и прошлый годъ на него сердились всѣ. Притомъ же для него хуже: онъ не нагонитъ и будетъ отставать вѣчно, какъ Полевой.

Знаешь ли ты собраніе галицкихъ пѣсенъ, вышедшихъ въ прошломъ году [довольно толстая книжка, in-8]? Очень замѣчательная вещь! Между ними есть множество настоящихъ малороссійскихъ, такъ хорошихъ, съ такими свѣжими красками и мыслями, что весьма не мѣшаетъ ихъ включить въ гадаемое собраніе [3]).

Какъ проводишь время и что дѣлаешь въ Москвѣ? и что другіе дѣлаютъ? Вѣрно, есть что-нибудь новое. Когда же погляжу я на пѣсни?

Прощай. Твой *Гоголь.*

---

[1]) Это слово вписано сверху строки.

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «въ концѣ».

[3]) Послѣ этого у Кулиша опущенъ весь конецъ письма, кромѣ словъ: «когда же я погляжу на пѣсни?»

XCVIII. Къ М. П. Погодину.

Января 11 (1834).

Эге, ге, ге, ге!.. Уже 1834 захлебнуло полмѣсяца! Да, давненько! Много всякой дряни уплыло на свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ мы въ послѣдній разъ перекинулись жиденькими письмами, а еще больше съ тѣхъ поръ, какъ показали другъ другу свои фигуры. Поздравилъ бы тебя съ новымъ годомъ и пожелалъ бы... да не хочу: во-1-хъ, потому, что поздно, а во-2-хъ потому, что желанія наши гроша не стоятъ. Мнѣ кажется, что судьба больше ничего не дѣлаетъ съ ними, какъ только . . . . , [1]) когда ходитъ въ н . . . къ [2]). До сихъ поръ мнѣ всѣ желанія не доставили алтына.

Счастливъ ты, златой кузнечикъ, что сидишь въ новоустроенномъ своемъ домѣ, безъ сомнѣнія, холодномъ. [NB. Но у кого на душѣ тепло, тому не холодно снаружи]. Рука твоя летитъ по бумагѣ; фельдмаршалъ твой бодрствуетъ надъ ней; подъ ногами у тебя валяется толстый дуракъ, т. е. первый № Смирдинской «Библіотеки».

Кстати о «Библіотекѣ». Это довольно смѣшная исторія. Сенковскій [3]) очень похожъ на стараго пьяницу и забулдыжника, котораго долго не рѣшался впускать въ кабакъ даже самъ цѣловальникъ, но который, однакожъ, ворвался и бьетъ, очертя голову, сулеи, штофы, чарки и весь благородный препаратъ. Сословіе, стоящее выше Брамбеусины, негодуетъ на безстыдство и наглость кабачнаго гуляки. Сословіе, любящее приличіе, гнушается и читаетъ. Начальники отдѣленій и директоры департаментовъ читаютъ и надрываютъ бока отъ смѣху. Офицеры читаютъ и говорятъ: «с...сынъ!» [4]) какъ хорошо пишетъ!» Помѣщики покупаютъ и подписываются и, вѣрно, будутъ читать. Одни мы, грѣшные, откладываемъ на запасъ для домашняго хозяйства. Смирдина капиталъ растетъ. Но это еще все ничего. А вотъ что хорошо. Сенковскій уполномочилъ самъ себя властью рѣшить, вязать: маратъ, передѣлываетъ, отрѣзываетъ концы и пришиваетъ другіе къ поступающимъ пье-

---

[1]) Неудобное для печати слово.

[2]) Эта фраза у Кулиша пропущена.

[3]) Это имя у Кулиша обозначено инціаломъ, но оно раскрыто уже въ «Запискахъ о жизни Гоголя», I, 156.

[4]) У Погодина въ «Москвитянинѣ» произвольно замѣнено: «*добрый* сынъ» (1855, 19 и 20, стр. 12).

самъ [1]). Натурально, что если всѣ такъ будутъ кротки, какъ почтеннѣйшій Оаддей Венедиктовичъ [котораго лицо очень похоже на лорда Байрона, какъ изъяснялся нешутя одинъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка офицеръ [2])], который объявилъ, что онъ всегда за большую честь для себя почтетъ, если его статьи будутъ исправлены такимъ высокимъ корректоромъ, котораго «Фантастическія путешествія» даже лучше его собственныхъ. Но сомнительно, чтобы всѣ были такъ робки, какъ этотъ почтенный государственный [3]) мужъ.

Но вотъ что плохо, что мы всѣ въ дуракахъ! Въ этомъ и спохватились наши тузы литературные, да поздно. Почтенные редакторы зазвонили нашими именами, набрали подписчиковъ, заставили народъ разинуть ротъ и на нашихъ же спинахъ и разъѣзжаютъ теперь [4]). Они поставили новый краеугольный камень своей власти. Это другая «Пчела»! И вотъ литература наша безъ голоса! А между тѣмъ наѣздники эти дѣйствуютъ на всю Русь. Вѣдь въ столицѣ нашей чухонство, въ вашей купечество [5]), а Русь только среди Руси.

Но прощай. Скоро ли тебя поздравить отцомъ, и какимъ? Умнаго дѣтища, т. е. книжнаго? или такого, которое будетъ со временемъ умно, т. е. того, которое не перомъ . . . . . ? [6]).

Твой *Г.*

Я весь теперь погруженъ въ исторію малороссійскую и всемірную; и та и другая у меня начинаетъ двигаться. Это сообщаетъ мнѣ какой-то спокойный и равнодушный къ

---

[1]) Подъ 10 января 1834 года А. В. Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ: «На Сенковскаго поднялся страшный шумъ. Всѣ участники въ «Библіотекѣ» пришли въ ужасное волненіе. Разнесся слухъ, будто онъ позволяетъ себѣ статьи, поступающія къ нему въ редакцію, передѣлывать по своему. У меня сегодня былъ Гоголь-Яновскій въ великомъ противъ него негодованіи». («Русск. Старина», 1889, VIII, 275).

[2]) Это сравненіе (насмѣшливое) очень нравилось Гоголю; онъ повторяетъ его, вѣроятно, не въ первый разъ; во всякомъ случаѣ см. письмо къ Пушкину отъ 21 августа 1831 года.

[3]) Это слово въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (I, 156) пропущено.

[4]) Извѣстно, что «Библіотека для Чтенія» при своемъ возникновеніи запаслась именами и тотчасъ же стала злоупотреблять этимъ.

[5]) Послѣднія строки, начиная отъ словъ: «вѣдь въ столицѣ нашей чухонство», въ «Запискахъ о жизни Гоголя» пропущены (I, 156).

[6]) Пропущено одно слово.

житейскому характеръ [1]), а безъ того я бы былъ страхъ сердить на всѣ эти обстоятельства. Ухъ, братъ! Сколько приходитъ ко мнѣ мыслей теперь! да какихъ крупныхъ! полныхъ, свѣжихъ! Мнѣ кажется, что сдѣлаю кое-что не-обшее во всеобщей исторіи. Малороссійская исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иначе, впрочемъ, и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней уже слишкомъ горитъ, не исторически жгучь и живъ; но что за исторія, если она скучна!

Кстати: я прочелъ только изъ всего № 1-го Брамбеуса твои «Афоризмы». Мнѣ съ тобою хотѣлось бы поговорить о нихъ. Я люблю всегда у тебя читать ихъ, потому что или найду въ нихъ такія мысли, которыя вѣрны и новы, или же найду такія, съ которыми хоть и не соглашусь иногда, но онѣ зато всегда наведутъ меня на другую новую мысль. Да печатай ихъ скорѣй!

Поцѣлуй за меня Кирѣевскаго! Правда ли, что онъ печатаетъ русскія пѣсни? Поклонъ всѣмъ нашимъ.

XCIX. Къ матери.

С.-Петербургъ. 1834. февраля 10.

Сегодня я получилъ письмо ваше отъ 24 января, вмѣстѣ съ посылкою. Очень благодарю васъ за присланные сапоги и галоши. Они какъ разъ пришлись мнѣ въ-пору. Изъявите также отъ меня благодарность фабриканту за его труды для меня. Вы очень меня радуете извѣстіемъ, что проводите время иногда весело.

Да посовѣтуйте Ивану Даниловскому [2]) не ѣхать сюда. Онъ навсегда здѣсь можетъ разстроить свое здоровье, а особливо, когда даже дома бываетъ часто боленъ. Скажите ему, что я самъ, года черезъ два, думаю навострить отсюда лыжи, хотя и не чувствую себя нездоровымъ слишкомъ. Все предосторожность вещь не лишняя!

---

[1]) Объ успѣхахъ задуманныхъ трудовъ Гоголя по всеобщей и малороссійской исторіи см. въ письмѣ къ Пушкину отъ 23 декабря 1833 года и въ письмахъ къ Максимовичу (напр. отъ 12 февраля 1834 года).

[2]) Иванъ Семеновичъ Даниловскій—родной братъ Александра Семеновича. Онъ упоминается въ письмахъ къ матери отъ 10 января 1835 г., 17 марта 1834 г., отъ 28 августа 1838 г. и 8 мая 1839 г. къ А. С. Даниловскому, а также въ письмѣ къ нему отъ 7 марта и 5 іюня этого же года.

Прощайте! Бога ради, будьте веселы и не скучайте за нами. Дѣти здоровы какъ нельзя лучше.

Цѣлую сестру и ея Количку [1]), который, какъ она говоритъ, *очень проворный мальчишка*. Передайте поклонъ мой Татьянѣ Ивановнѣ и Василію Ивановичу Чернышамъ и скажите имъ, что я всегда помню ихъ пріязнь ко мнѣ.

С. Къ М. А. Максимовичу.

СПб. Февраля 12 (1834).

Я получилъ только сегодня два твоихъ письма: одно отъ 26-го генваря, другое отъ 8 февраля,—все это по милости Одоевскаго, который изволитъ ихъ чортъ знаетъ сколько удерживать у себя. Въ одномъ письмѣ ты пишешь за Кіевъ [2]). Я думаю ѣхать. Дѣла, кажется, мои идутъ на ладъ [3]). Но вотъ что̀ скверно: министръ не соглашается на твое желаніе,—какъ, дескать, тебя сдѣлать профессоромъ словесности въ Кіевѣ, когда ты недавно сдѣланъ ординарнымъ ботаникомъ. Такой переломъ чрезвычайно кажется страненъ, и онъ и слышать не хочетъ. А между тѣмъ Брадке очень нуждается въ профессорѣ словесности. Я думаю вотъ что̀: не мѣшаетъ тебѣ написать обстоятельно къ Брадке, что ты, дескать, недомогаешь страшно въ московскомъ климатѣ, что тебѣ потребно... и проч. Бери кафедру ботаники или зоологіи. А такъ какъ профессора словесности нѣтъ, то ты можешь занять на время и его кафедру. А тамъ, по праву давности, ее отжилить, а отъ ботаники отказаться. А? [4])

Ты говоришь, что, если залѣнишься, то тогда, набравши силы, въ Москву. А на что̀ человѣку дается характеръ и желѣзная сила души? Къ чорту лѣнь, да и концы въ воду! Ты разсмотри хорошенько характеръ [5]) земляковъ [6]): они лѣнятся, но зато, если что̀ задолбятъ въ свою голову, то на-вѣки. Вѣдь тутъ только рѣшимость: разъ начать — и все... Типографія будетъ подъ бокомъ. Чего жъ больше?

---

[1]) Николая Павловича Трушковскаго.

[2]) Т. е. о Кіевѣ. Гоголь употребляетъ полонизмъ.

[3]) Послѣ этого у Кулиша пропускъ до словъ: «ты говоришь, что если залѣнишься».

[4]) У г. Пономарева («Письма Гоголя къ Максимовичу», стр. 6, здѣсь опечатка вмѣсто: «на время и» напечатано: «и по времени».— Слово «и» вписано въ письмѣ Гоголя сверху строки.

[5]) Переправлено изъ: «характеровъ».

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «нашихъ».

А воздухъ! а гливы! а рогизъ! а соняшники! а наслинъ! а цыбуля [1]! а *вино хлибное!* [2]) какъ говоритъ пріятель нашъ Уманковъ. Тополи, груши, яблони, сливы, морели, деренъ, варенники, борщъ, лопухъ... Это просто роскошь! Это одинъ только городъ у насъ, въ которомъ какъ-то пристало быть кельѣ ученаго.

«Запорожской Старины» я до сихъ поръ нигдѣ не могу достать. Этотъ Срезневскій долженъ быть большой руки... [3]). Исторію Малороссіи я пишу всю отъ начала до конца. Она будетъ или въ шести малыхъ, или въ четырехъ большихъ томахъ. Экземпляра пѣсенъ галицкихъ здѣсь нигдѣ нѣтъ; мой же собственный у меня замоталъ одинъ задушевный пріятель. Пѣсенъ я тебѣ съ большою охотою прислалъ (бы) [4]), но у меня ихъ ужасная путаница. Незнакомыхъ тебѣ, можетъ быть, будетъ не болѣе ста, зато извѣстныхъ, вѣроятно, около тыся(чи) [5]), изъ которыхъ большую часть мнѣ теперь нельзя посылать. Если бы ты прислалъ свой списокъ съ находящихся у тебя, тогда бы я зналъ, какія тебѣ нужны, и прочія бы выправилъ съ моими списками и послалъ бы тебѣ.

Ну, покамѣстъ [6]) прощай [7])! а тамъ придетъ время, что будемъ все это говорить, что теперь заставляемъ царапать наши руки, въ богоспасаемомъ нашемъ градѣ.

Твой *Гоголь.*

CI. Къ И. И. Срезневскому [8]).

СПБ., марта 6 1834 г.

Ваше пріятное для меня письмо я получилъ 2 марта [9]). Отъ всей души благодарю васъ за вашу готовность помо-

---

[1]) Все это лакомства малороссійскихъ простолюдиновъ, кромѣ воздуха и гливъ (бергамотъ). *Примѣч. перваго изданія.*

[2]) Курсивъ въ подлинникѣ.

[3]) Здѣсь Гоголь употребляетъ выраженіе, равнозначительное слову *чудакъ.*

[4]) Пропущено въ подлинникѣ.

[5]) Не дописано.

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «еще».

[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «пока».

[8]) Это письмо было первоначально напечатано въ «Русской Старинѣ» (1892, III, стр. 756—758). Измаилъ Ивановичъ Срезневскій—въ то время профессоръ харьковскаго университета, позднѣе петербургскаго и ординарный академикъ; скончался 8 февраля 1880 года.

[9]) Письмо И. И. Срезневскаго, на которое отвѣчаетъ здѣсь Гоголь, напечатано въ «Русской Старинѣ», 1892, III, стр. 754—755.

тать мнѣ въ трудѣ моемъ и крѣпко пожимаю вашу руку. Вы правы: намъ одинаково нужны матеріалы; но хотя бы ваша книга [1]) превратилась въ исторію, мы и тогда бы не были соперниками. Я радъ всему, что ни появляется о нашемъ краѣ, и еслибы я узналъ, что въ эту минуту кто-нибудь готовитъ тоже исторію Украйны, я бы пріостановилъ свое изданіе до тѣхъ поръ, покамѣстъ ему нужно для сбыта своей книги. Чѣмъ больше попытокъ и опытовъ, тѣмъ для меня лучше, тѣмъ моя исторія будетъ совершеннѣе. Я увѣренъ, что въ образѣ мыслей не встрѣчусь съ другими, денежной прибыли отъ нея не ищу, стало-быть, у меня нѣтъ соперниковъ! Вы уже сдѣлали мнѣ важную услугу изданіемъ «Запорожской Старины». Гдѣ выкопали вы столько сокровищъ? Всѣ думы, и особенно повѣсти бандуристовъ, ослѣпительно-хороши. Изъ нихъ только пять были мнѣ извѣстны прежде, прочія были для меня всѣ—новость [2])! Я къ нашимъ лѣтописямъ охладѣлъ, напрасно силясь въ нихъ отыскать то, что хотѣлъ бы отыскать. Нигдѣ ничего о томъ времени, которое должно бы быть богаче всѣхъ событіями. Народъ, котораго вся жизнь состояла изъ движеній, котораго невольно (еслибы онъ даже былъ совершенно недѣятеленъ отъ природы) сосѣди, положеніе земли, опасность бытія выводили на дѣла и подвиги, этотъ народъ... Я недоволенъ польскими историками: они очень мало говорятъ объ этихъ подвигахъ; впрочемъ они могли знать хорошо только со времени уніи, но и тамъ ни одного лѣтописца съ нечерствою душою [3]), мыслями. Еслибы крымцы и турки имѣли литературу, я бы былъ увѣренъ, что ни одного самостоятельнаго тогда [4]) народа въ Европѣ не была бы такъ интересна исторія, какъ казаковъ. И потому-то каждый звукъ пѣсни мнѣ говоритъ живѣе о протекшемъ [5]), нежели наши вялыя и короткія лѣтописи, если можно назвать лѣтописями не современныя записки, но позднія выписки, начавшіяся уже тогда, когда память уступила мѣсто забвенію. Эти лѣтописи похожи на хозяина, прибившаго

---

[1]) «Запорожская Старина»; ея изданіе начато въ 1833 г. Въ этомъ письмѣ Н. В. Гоголь говоритъ только о двухъ первыхъ выпускахъ ея (третій разрѣшенъ цензурою 25 мая 1834 г.). *Прим. В. И. Срезневскаго.*

[2]) Въ «Русской Старинѣ» напечатано: «прочія для меня были новость».

[3]) Слова: «нечерствою душою» вписаны сверху.

[4]) Слово «тогда» вписано сверху.

[5]) Въ «Русской Старинѣ»: «о прошедшемъ».

замокъ къ своей конюшнѣ, когда лошади уже были украдены. Хорошо еще, если между ними попадались съ рѣзкою физіономіею, съ характеромъ, какъ, напримѣръ, Кониссній, который выхватилъ хоть горсть преданій и знать, о чемъ онъ пишетъ. Но всѣ другія такъ пусты, такъ безцвѣтны! и вмѣсто того, чтобы дослушиваться къ умирающему голосу послѣднихъ воспоминаній, они обезьянски переписывали другъ у друга вырванные листки не происшествій, а разъѣ оглавленія происшествій. Еслибы нашъ край не имѣлъ такого богатства пѣсенъ, я бы никогда не писалъ исторіи его, потому [1]) что я не постигнулъ бы и не имѣлъ понятія о прошедшемъ, или исторія моя была бы совершенно не то [2]), что я думаю съ нею сдѣлать теперь. Эти-то пѣсни заставили меня съ жадностью читать всѣ лѣтописи и лоскутки какого бы [3]) то ни было вздору. Я имѣлъ случай многія перечесть и, къ сожалѣнію, пропустилъ случай многія переписать. Изъ означенныхъ вами въ «Запорожской Старинѣ» мнѣ неизвѣстны двѣ: пространная повѣсть объ Украйнѣ до смерти Хмельницкаго. Заглавіе этой рукописи мнѣ показалось незнакомымъ [4]). Увѣдомите (sic) меня, имѣется ли въ ней что-нибудь новое противъ лѣтописей Кониссказо, Шафонскаго, Ригельмана [5])? Если на мое счастье въ ней окажется новое, то я буду надѣяться на снисхожденіе ваше [6]) и попрошу васъ отдать ее теперь же понемногу переписывать. Мнѣ [7]) хочется имѣть ее всю, тогда [8]) я могу въ ней отыскать можетъ-быть другими незамѣченное, или не казавшееся важнымъ, что случалось со мною довольно часто. Я очень знаю, что наши списки [9]) лѣтописей [10])

---

[1]) Слово «потому» написано два раза; первое зачеркнуто.

[2]) Въ «Русской Старинѣ»: «не та».

[3]) Въ подлинникѣ: «какихъ бы то ни было вздору».

[4]) Объ этой рукописи упомянуто въ предисловіи къ второй книгѣ «Запорожской Старины» (ч. 1) при перечисленіи рукописныхъ источниковъ (стр. 10), которыми пользовался Измаилъ Ивановичъ Срезневскій для составленія примѣчаній, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ (стр. 35—131); здѣсь она названа такъ: «пространная повѣсть о томъ, что случилось въ Украинѣ до смерти гетмана Хмельницкаго». *Примѣч. В. П. Срезневскаго.*

[5]) Послѣ этого приписано и зачеркнуто: «и друг.».

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «то».

[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «въ такомъ случаѣ».

[8]) «Тогда» написано сверху зачеркнутаго «потому».

[9]) Это слово вписано въ текстѣ.

[10]) Первоначально было: «лѣтописи», затѣмъ приписано и зачеркнуто: «подъ тѣми же именами».

иногда между собою разнятся: у однихъ выпущено [1]) что-нибудь и у другихъ прибавлено. Иногда одна прибавка стоитъ всей лѣтописи. Потому-то я имѣю и стараюсь имѣть по нѣскольку списковъ. Для этого-то я и не означалъ, какіе находятся у меня матеріалы, зная, что тогда я не получу многихъ [2]) списковъ [3]). Печатныя есть у меня почти всѣ тѣ, которыми пользовался Бантышъ-Каменскій [4]). Пѣсенъ я знаю и имѣю много. Около ста пятидесяти пѣсенъ я отдалъ прошлый годъ Максимовичу, совершенно ему неизвѣстныхъ. Послѣ того я пріобрѣлъ еще около 150; у Максимовича теперь уже 1.200. Но я бьюсь объ чемъ угодно, что теперь же еще можно сыскать въ каждомъ хуторѣ, подальше отъ большой дороги и разврата, десятка два неизвѣстныхъ другому хутору. Если я управлюсь съ моими дѣлами, то, можетъ-быть, лѣтомъ буду въ Малороссію и буду благодарить васъ, можетъ-быть, лично за ваше радушіе и готовность. А между тѣмъ ожидаю съ нетерпѣніемъ страшнымъ выхода въ свѣтъ вашей «Старины» третьей и четвертой книжки. Я увѣренъ, что тамъ будетъ много для меня пищи. Но —до слѣдующаго письма! Я хотѣлъ вамъ еще о чемъ-то писать, но небольшой случай [5]) перебилъ мои мысли.

Чувствуя вполнѣ ваше благорасположеніе, остаюсь всегда вашимъ покорнѣйшимъ и благодарнымъ слугою

Н. Гоголь.

CII. Къ матери.

9 марта 1834. С.-Петербургъ.

Я получилъ письмо ваше, моя безцѣнная маменька, писанное вами 18 февраля. Очень радъ, что вы надѣетесь получить выгоду отъ фабрики. Дай Богъ, чтобы все пошло хорошо, въ чемъ я и не сомнѣваюсь. А между тѣмъ я съ своей стороны имѣю въ виду доставить фабриканту самую выгодную работу [6]). Я вамъ послѣ напишу объ этомъ по-

---

[1]) Въ подлинникѣ явная описка: «бынучено».

[2]) Это слово вставлено въ текстъ.

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «съ находящихся».

[4]) Въ подлинникѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ въ письмахъ Гоголя (см. ниже, стр. 13 и проч.): «Бандышъ (sic) Каменскій».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «сейчасъ».

[6]) Одно время Гоголь, какъ видно, получалъ изъ дому утѣшительныя вѣсти о дѣлахъ фабрики, и тогда измѣнилось было отношеніе его къ фабриканту и самому предпріятію.

дробнѣе. Теперь я вамъ совѣтую обращать наиболѣе вниманія на то, чтобы работниковъ какъ можно болѣе было изъ своихъ людей, нежели изъ нанятыхъ, чтобы исподоволь пріучать и занимать всѣхъ мальчишекъ, даже дѣвочекъ, и все, что ни есть изъ мелкаго народа. Работа и сбытъ будутъ. Я нарочно сдѣлалъ для этого сношенія и знакомства со многими нужными людьми.

Въ Ревель я уже не ѣду [1]). По впрочемъ чрезъ четыре мѣсяца все-таки надѣюсь съ вами видѣться. Ну, развеселитесь же!

Благодарю очень васъ и сестру за пѣсни и желаю съ нетерпѣніемъ васъ видѣть всѣхъ.

Есть ли у васъ теперь снѣгъ, или нѣтъ? У насъ до сихъ поръ еще зима. Впрочемъ дни ясные и солнечные.

Правили ли вы молебенъ объ успѣшномъ ходѣ фабрики? Если нѣтъ, то поручите отцу Ивану отправить молебенъ, чтобы всѣ дѣла ваши шли хорошо, а равнымъ образомъ, чтобъ и мои пошли такимъ чередомъ, какъ я думаю.

Прощайте; будьте здоровы и да хранитъ васъ Богъ отъ всякихъ непріятностей! Обнимаю сестру и Павла Осиповича, а также и племянника Николю...

Да отчего это такъ долго шло письмо ваше? Оно писано вами, 18 февраля, а между тѣмъ я его получилъ только сегодня, т. е. 9 марта. Цѣлыя три недѣли шло. Вѣрно, дороги очень дурны?

CIII. Къ М. А. Максимовичу.

Марта 12. СПб. 1834.

Да это, впрочемъ, не слишкомъ хорошо, что ты не изволишь [2]) писать ко мнѣ. Молодецъ! меня подбилъ ѣхать въ Кіевъ, а самъ сидитъ и ни гадки [3]) о томъ. А между тѣмъ я почти что не на выѣздѣ уже. Что жъ, ѣдешь, или нѣтъ? влюбился же въ — эту старую, толстую бабу [4]) — Москву [5]), отъ которой, кромѣ щей да матерщины, ничего не услышишь. Слушай, вѣдь ты посуди самъ, по чистой совѣсти, каково мнѣ одному быть въ Кіевѣ. Земля и край — вещь

[1]) См. примѣчаніе къ письму матери отъ 20 декабря 1833 года, (стр. 267).

[2]) У Кулиша: «изволилъ».

[3]) *Ни гадки*, съ малороссійскаго, значитъ — ни помышленія.

[4]) Слова: «эту старую толстую бабу» у Кулиша опущены.

[5]) Слѣдующее предложеніе у Кулиша опущено.

хорошая, но люди чуть ли еще не лучше, хотя не полезнѣе, NB, для нездороваго человѣка, каковъ ты да я.

Пѣсни намъ нужно издать непремѣнно въ Кіевѣ. Соединившись вмѣстѣ, мы такое удеремъ изданіе, какого еще никогда ни у кого не было. Весну и лѣто мы бы тамъ славно отдохнули, набрали матеріаловъ, а къ осени бы и засѣли работать. Послушай: не бросай сего дѣла! Подумай хорошенько. Здоровье — вещь первая на свѣтѣ. Предлогъ къ перемѣщенію ты имѣешь самый уважительный—вредъ климата. Исчисляй свои труды по словесной части, доказывай, что ты можешь занять съ честію означенную каѳедру; грози отставкою. Должны будутъ согласиться! [1])... Что жъ, получу ли обѣщанныя пѣсни?

Твой Гоголь.

CIV. Къ матери.

Марта 17, 1834. С. Петербургъ.

Письмо ваше отъ 26 февраля я получилъ чрезъ Ивана Данилевскаго [2]). О здоровьѣ моемъ не безпокойтесь: я еще не такъ не здоровъ, чтобы мнѣ не можно было жить здѣсь. Въ прошломъ мѣсяцѣ я чувствовалъ себя немного нездоровымъ, но въ это время весь городъ былъ почти боленъ кашлемъ и прочими принадлежностями простуды. Теперь же я опять здоровъ. Я безпокоюсь только о вашемъ положеніи: мнѣ кажется, не слишкомъ ли вы предаетесь надеждамъ на-счетъ хозяйственныхъ будущихъ прибылей, которыя надѣетесь получить отъ фабрики, потому что вся уже округа ваша знаетъ, что вы намѣрены получить скоро большія деньги. Мнѣ кажется, что не лучше ли объ этомъ еще не говорить никому, потому что все, что ни есть впереди, все невѣрно. Мы не можемъ поручиться за одинъ часъ впередъ. Можетъ быть, фабрикантъ и его работники, несмотря на всѣ усилія, не будутъ въ состояніи поставить къ назначенному времени. А развѣ этого не можетъ случиться, что фабрикантъ, взявши деньги, вдругъ вздумаетъ улизнуть? что тогда? [3]) Искать его—напрасный трудъ, потому что сама

---

[1]) Начиная отъ словъ: «предлогъ къ перемѣщенію», все это мѣсто у Кулиша опущено.

[2]) Покойный А. С. Данилевскій говорилъ мнѣ, что его брата, кромѣ Гоголя, очень многіе отговаривали отъ пріѣзда въ Петербургъ въ виду его крайне слабаго здоровья, но онъ пріѣхалъ таки.

[3]) Къ сожалѣнію, эти слова Гоголя оказались слишкомъ скоро сбывшимся пророчествомъ.

полиція за 500 рублей укажетъ ему дорогу, куда бѣжать. Натурально, этого не можетъ случиться. Но кто знаетъ людей? Какъ многіе изъ нихъ долго могутъ носить личину и казаться совершенно не тѣмъ, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ! Но что тогда будетъ, если это случится? Вы должны будете отвѣчать всѣмъ имѣніемъ вашимъ: казна въ этомъ случаѣ никакой не можетъ имѣть отсрочки. Я впрочемъ это пишу не для того, чтобы напрасно смущать, но для того, чтобы вы, на всякій случай, были очень осторожны и не предавались заранѣе надеждамъ. Не лучше ли вамъ держать деньги у себя и не всѣ вдругъ выдавать фабриканту, но по мѣрѣ надобности? Вѣдь ему не всѣ же восемь тысячъ возить съ собою на каждую ярмарку? Для этого можно брать и по тысячѣ, такъ чтобы вы видѣли, что дѣйствительно куплено то, для чего были браты деньги. Но все это нужно дѣлать осторожно и не давать ему замѣтить, что вы слѣдуете по пятамъ его, но что вы именно дѣлаете съ тѣмъ, чтобы облегчить ему труды. Я тоже почитаю излишнимъ говорить объ этомъ много сосѣдямъ. Это, несмотря на все доброжелательство видимое, всегда возбуждаетъ зависть; а зависть нечувствительно ведетъ за собою ненависть, и вы вдругъ пріобрѣтете себѣ недоброжелателей. Кромѣ того, это возбудитъ въ другихъ жадность и желаніе подражать и себѣ. Они будутъ стараться всячески сманивать фабриканта, предлагать ему выгодныя условія, которыхъ хотя они и не въ состояніи будутъ выполнить, но которыя вскружатъ ему голову. Онъ будетъ самонадѣянніе, пріобрѣтетъ самоувѣренность и наглость, безпрестанно усиливающіяся требованія и будетъ манкировать своимъ дѣломъ, зная, что не вы ему, а онъ вамъ нуженъ [1]). Вы скажете: онъ совершенно не такой человѣкъ; онъ истинно добрый и совѣстный (?), и привязанный. Такъ, покамѣстъ бѣденъ, покамѣстъ успѣхъ не сдѣлалъ его дерзкимъ. Сколько есть людей, которые, покамѣстъ были малы и незначительны, были добродѣтельнѣе ангеловъ, но какъ только пріобрѣтали богатство и имя, вдругъ становились совершенно другими! Истинно мудрый заводчикъ держитъ въ тайнѣ первоначальные успѣхи своей фабрики и никогда не хвалится выгодами. Но когда фабрика утвердится, усп-

[1]) Замѣчательны всѣ эти наставленія непрактичной М. И. Гоголь, которая не сумѣла оцѣнить проницательности и глубокой справедливости совѣтовъ своего сына, пока не сдѣлалась явно жертвой своей невозможной мечтательности и довѣрчивости.

лится и укрѣпится, тогда другое дѣло; тогда можно объявлять о ея успѣхахъ и встрѣчному и поперечному; тогда уже не могутъ подорвать. Теперь же вспомните, что вся ваша фабрика держится на одномъ человѣкѣ. Умри онъ— и фабрика ваша лопнула: работники у васъ нанятые,—своихъ мастеровъ еще нѣтъ; стало быть, безъ него невольно она должна разстроиться. Вотъ почему я совѣтовалъ вамъ, чтобы сначала не давать большого размѣра фабрикѣ, но стараться понемногу прежде обучить собственныхъ нѣсколько человѣкъ: тогда основаніе ея, фундаментъ, будетъ тверже, прочнѣе. Нанятые сегодня здѣсь, завтра Богъ знаетъ гдѣ; свои же всегда остаются дома. Я уже не говорю о томъ, что нанятые мастеровые всегда приносятъ съ собою развратъ, часто разныя заразительныя болѣзни въ деревнѣ. Не оставьте совершенно безъ вниманія этихъ словъ моихъ. Старайтесь исполнить, если невозможно всѣхъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ предосторожностей, о которыхъ я вамъ говорилъ. Помните старую правдивую пословицу: «*Береженаго и Богъ бережетъ*». Но да хранитъ васъ Богъ отъ всѣхъ могущихъ встрѣтиться непріятностей! да увѣнчаетъ всѣ ваши предпріятія успѣхомъ!..

CV. Къ М. П. Погодину.

Марта 19, 1834. СПб.

Письмо ваше, in 94 долю листа, имѣлъ счастіе получить, въ которомъ вы меня укоряете за короткость моихъ писемъ. При этомъ почтеннѣйшемъ вашемъ письмѣ я получилъ маленькое прибавленіе, впрочемъ гораздо больше письма вашего, о вѣнчаніи меня, недостойнаго, въ члены общества любителей слова [1]), труды котораго, безъ сомнѣнія, слышны въ Лондонѣ, Парижѣ и во всѣхъ городахъ древняго и новаго міра. Приношу вамъ чувствительную благодарность, почтеннѣйшій секретарь общества, Михаилъ Петровичъ, и прошу также изъявить ее благородному сословію. Но, увы! вы избрали самаго негоднаго члена, который даже не можетъ ничего прислать вамъ по своей лѣности и во сиѣ время-препровожденію. Я хотѣлъ было, однакожъ, прислать вамъ кое-что, но болѣзнь, которая приколотила меня было къ кровати ровно на двѣ недѣли, отняла всякую къ тому возможность. Скажи Надеждину,

---

[1]) Въ этомъ году Гоголь былъ избранъ въ дѣйствительные члены Общества Любителей Россійской Словесности.

что эта же самая причина помѣшала мнѣ прислать обѣщанный ему отрывокъ изъ исторіи [1]). Она у меня въ такомъ забытіи и такою облечена пылью, что я боюсь подступить къ (ней) [2]), и чтобы вырвать изъ нея отрывокъ для печати, нужно ее хорошенько перечистить.

Выговоры ваши за объявленіе тоже имѣлъ честь получить. Это правда, я писалъ его, совершенно не раздумавши. Впрочемъ, охота тебѣ вступаться за Бантыша [3])! вѣдь онъ г...о и замоталъ у многихъ честныхъ людей многіе матеріалы и рукописи.

Гдѣ ты лѣтомъ будешь жить? Могу ли я тебя застать въ Москвѣ? А что дѣла твои? все ли ты живешь еще на небѣ, или уже начинаешь обращать вниманіе и на мірскія дѣла? Популярная исторія твоя скоро ли выйдетъ?

N. Гоголь.

CVI. Къ М. А. Максимовичу.

Марта 26 (1834). СПб.

Во-первыхъ, твое дѣло не клеится какъ слѣдуетъ, несмотря на то, что и князь Петръ [4]), и Жуковскій хлопотали [5]) объ тебѣ. И ихъ мнѣніе, и мое вмѣстѣ съ ними, есть то, что тебѣ непремѣнно нужно ѣхать самому. За глаза эти дѣла не дѣлаются. Да и Мекка (NB) любитъ поклоненіе. Теперь поется, что ты де [6]) нуженъ московскому университету, что въ Кіевѣ, мѣсто почти занято уже и проч. Но если ты самъ прибудешь лично и объявишь свои резоны [7]), что ты бы и радъ дескать, но твое здоровье.... и прочее, тогда будетъ другое дѣло; князь же съ своей стороны и Жуковскій не премнутъ подкрѣпить, да и Пушкинъ тоже. Пріѣзжай; я тебя ожидаю. Квартира же у тебя готова. Садись въ дилижансъ и валяй! потому что зѣвать не на-

---

[1]) Это относится къ статьѣ Гоголя «Взглядъ на составленіе Малороссіи», отрывокъ изъ которой онъ обѣщалъ Надеждину (См. Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 579, примѣчанія Н. С. Тихонравова).

[2]) Это слово пропущено.

[3]) Въ подлинникѣ: «Бандыша» (sic). Здѣсь рѣчь идетъ, конечно, объ авторѣ извѣстной малороссійской исторіи Бантышъ-Каменскомъ.

[4]) П. А. Вяземскій.

[5]) У Кулиша: «хлопоталъ»; также въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (I, 132).

[6]) Слово «де» вписано сверху. Вся фраза: «Да и Мекка»... у Кулиша пропущена.

[7]) У Кулиша и г. Пономарева невѣрно: «свой резонъ».

добно: какъ разъ какой-нибудь олухъ влѣзетъ на твою каѳедру.

Ты, нечего сказать, мастеръ надувать! пишетъ: [1]) посылаю пѣсни; а между тѣмъ о нихъ ни слуху, ни духу; заставилъ разинуть ротъ, а вареника и не всунулъ. А я справлялся около недѣли въ почтамтѣ и у Смирдина, нѣтъ ли посылки ко мнѣ. Вацлавъ [2]), я тебѣ говорилъ, что [3]) отжиленъ у меня совершенно безбожно однимъ молодцомъ, взявшимъ на два часа и улизнувшимъ, какъ я узналъ, совершенно изъ города.

Поговоримъ объ объявленіи твоемъ: зачѣмъ ты дѣлишь свое собраніе на гулливыя, казацкія и любовныя? Развѣ казацкія не гулливыя и гулливыя не всѣ ли [4]) казацкія? Впрочемъ, я не знаю настоящаго значенія твоего слова *казацкія*. Развѣ нѣтъ такихъ пѣсней, у которыхъ одна половина любовная, другая гулливая? [5]). По мнѣ, раздѣленія не нужно въ пѣсняхъ. Чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ [6]) возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую, совершенно противнаго содержанія. Мнѣ кажется, что пѣсни должно раздѣлять на два разряда: въ первомъ должны помѣститься всѣ твои три первыя отдѣленія, во второмъ—обрядныя; много же, если на три разряда: 1-й—историческія [7]), 2-й—всѣ, выражающія различные оттѣнки народнаго духа, и 3-й—обрядныя. Впрочемъ, какъ бы то ни было, раздѣленіе вещь послѣдняя. Я радъ, что ты уже началъ [8]) печатать. Еслибы я имѣлъ у себя списки твоихъ пѣсенъ, я бы прислужился тебѣ и, можетъ быть, даже пѣсколько помогъ; но [9]) въ теперешнемъ состояніи не знаешь, за что взяться. Да и несносно ужасно дѣлать комментаріи, не зная на что, а если и зная, то не будучи увѣренъ, кстати ли они будутъ и не окажутся ли лишними. Если не пришлешь пѣсенъ, то хоть привези съ собою. Да пріѣзжай поскорѣй. Мы бы такъ славно все обстроили здѣсь, какъ нельзя лучше. Я очень многое хотѣлъ писать къ тебѣ,

---

[1]) У Кулиша: «пишешь».

[2]) Т. е. изданіе пѣсенъ Вацлава съ Олеска.

[3]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «за(жиленъ»).

[4]) Слова: «всѣ ли» вписаны сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «бываютъ».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «что̀ к(асается)».

[6]) Слово «вдругъ» вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «тотчасъ».

[7]) У Кулиша и г. Пономарева: «историческій». Слово *же* у нихъ пропущено.

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «писа̀ть».

[9]) Послѣ этого зачеркнуто: «такъ».

но теперь у меня бездна хлопотъ, и все совершенно вышло изъ головы.

Прощай, до слѣдующей почты. Мысленно цѣлую тебя и молюсь о тебѣ, чтобы скорѣй тебя выпихнули въ Украйну.

Твой Гоголь.

CVII. Къ нему же.

1834, Марта 29. СПб.

Пѣсню твою про Нечая получилъ вчера. Вотъ все, что получилъ отъ тебя, вмѣсто обѣщанныхъ какихъ-то книгъ. Что ты пишешь про Цыха [1])? развѣ есть какое-нибудь офиціальное объ этомъ извѣстіе? Министръ мнѣ обѣщалъ непремѣнно это мѣсто и требовалъ даже, чтобъ я сейчасъ подавалъ просьбу, но я останавливаю(сь) [2]) затѣмъ, что мнѣ даютъ только адъюнкта, увѣряя впрочемъ, что черезъ годъ непремѣнно сдѣлаютъ ординарнымъ; и [3]) признаюсь [4]), я сижу затѣмъ только еще здѣсь, чтобы какъ-нибудь выработать себѣ на подъемъ и раздѣлаться кое съ какими здѣшними обстоятельствами. Эй, не зѣвай! садись скорѣе въ дилижансъ. Безъ твоего присутствія ничего не будетъ.

Посылаю тебѣ за Нечая другой списокъ Нечая, который списанъ изъ галицкаго собранія. Видно, какъ много она терпѣла измѣненій. Каневскій перемѣненъ на Потоцкаго; даже самыя обстоятельства [5]) въ описаніи другія, исключая главнаго...

Твой Г(оголь [6]).

CVIII. Къ М. П. Погодину.

Апрѣля 4 (1834). СПб.

Пожалуйста, не сердись такъ сильно, какъ ты объясняешь въ письмѣ. Во-первыхъ, это потому не хорошо, что кровь портится, а во-вторыхъ, если я пріѣду въ Москву и разскажу тебѣ кое о чемъ, то ты увидишь самъ, что на меня не должно сердиться.

---

[1]) Это—лицо, получившее въ кіевскомъ университетѣ каѳедру всеобщей исторіи, которой искалъ Гоголь. *Примѣч. перваго изданія.*

[2]) Не дописано.

[3]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «друг(ія)».

[4]) У Кулиша стоитъ передъ этимъ словомъ знакъ пропуска, но сличеніе съ подлинникомъ доказываетъ, что пропуска нѣтъ.

[5]) Зачеркнуто: «другія».

[6]) Не дописано.

Ты спрашиваешь о моемъ здоровьи. Здоровье такъ же, какъ и финансы мои, не въ весьма завидномъ положеніи,— здоровье потому, что я не быкъ и не русскій мужикъ, финансы потому, что я не Брамбеусъ и не Гречъ. Въ Москвѣ надѣюсь быть не раньше іюня, или мая послѣднихъ чиселъ. Когда ты будешь въ деревнѣ: весною, или и лѣтомъ?

Пожалуйста, не сердись, что мало пишу. Натурально, если хорошенько подумать, то, конечно, нельзя сказать, чтобы, какъ говорятъ, не набралось предметовъ для письма. Но чортъ меня возьми, если я уважаю хоть сколько-нибудь письменное искусство! Такая лѣнь находитъ, что мочи нѣтъ. То ли дѣло языкъ? куды лучше пера! Въ чернильницу его не нужно обмакать,—развѣ только слегка въ бокалъ шампанскаго, послѣ чего онъ такъ исправно ворочается, что никакое перо за нимъ не угонится. Можетъ быть, оттого, что я какъ-то все это время неспокоенъ, и лѣность приходитъ. Какъ бы то ни было, только жажду видѣть тебя и побраниться съ тобою лицомъ къ лицу.

Твой Гоголь.

CIX. Къ М. А. Максимовичу.

Апрѣля 7 (1834). СПб.

Не безпокойся: дѣло твое, кажется, пойдетъ на ладъ. Третьяго дня я былъ у министра; онъ говорилъ мнѣ такими словами: «Кажется, я Максимовича переведу въ Кіевъ, потому что [1]) для русской словесности не находится болѣе достойный его человѣкъ. Хотя предметъ для него новъ, но онъ имѣетъ даръ слова, и ему можно успѣть легко въ немъ, хотя, впрочемъ, онъ теоретическаго никакого не выпустилъ еще сочиненія». На что я сказалъ, что ты мнѣ показывалъ многія свои сочиненія, обнаруживающія вѣрное познаніе литературы и долгое занятіе ею. Также при этомъ напомнилъ ему о твоихъ трудахъ въ этомъ родѣ, помѣщаемыхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Изъ словъ его, сказанныхъ на это, я увидѣлъ только, что препятствій, слава Богу, никакихъ нѣтъ. Итакъ поздравляю тебя. Я тоже, съ своей стороны, присовокупилъ [2]), какъ на тебя дѣйствуетъ тамошній климатъ и

---

[1]) Это слово «что» вписано сверху строки.

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «что .

какъ разстроивается твое здоровье. Видно было, что старанія князя Вяземскаго и Жуковскаго не были тщетны. Онъ, по крайней мѣрѣ, не представлялъ уже никакихъ невозможностей и совершенно [1]) соглашался съ тѣмъ, что состоянье [2]) здоровья твоего должно быть уважено. Для окончательнаго дѣла тебѣ бы весьма не мѣшало бы (sic) предстать самому, потому что, сколько я могъ замѣтить, личное присутствіе ему нравится. Но, впрочемъ, если тебѣ нельзя и состояніе твоего здоровья не дозволяетъ, то я въ такомъ случаѣ перестаю о томъ просить тебя, несмотря на то, что мнѣ очень бы хотѣлось видѣться съ тобою. Мнѣ, впрочемъ, кажется, что еслибы былъ въ состояніи, то весьма бы было не худо. Но, какъ бы то ни было, прощай до слѣдующаго письма. Я очень радъ, что письмо мое тебя успокоитъ, и потому не хочу ничего посторонняго писать, чтобы не задержать его, чтобы ты получилъ его какъ разъ въ пору [3]). О полученіи его увѣдоми меня немедленно.

Прощай; будь здоровъ! Цѣлую тебя и поручаю тебя охраненію невидимыхъ благихъ силъ.

Твой *Гоголь(ь).* [4])

CX. Къ нему же.

20 апрѣля (1834). СПб.

Письмо твое отъ 16 я получилъ сегодня [5]). Ну, я радъ отъ души и отъ сердца, что дѣло твое подтвердилось уже оффиціально. Тѣперь тебѣ, точно, не зачѣмъ уже ѣхать въ Петербургъ. Тебя только безпокоятъ дѣла московскія. Смѣлѣе съ ними: одно по боку, другому киселя дай, и все кончено. Изъ необходимаго нужно выбирать необходимѣйшее, и ты выкрутишься скоро. Я сужу по себѣ. Да, кстати о мнѣ: знаешь ли, что представленія Брадке чуть ли не больше значатъ, нежели нашихъ здѣшнихъ ходатаевъ? Это я узналъ вѣрно. Слушай, сослужи службу: когда будешь писать къ Брадке, намекни ему о мнѣ вотъ какимъ образомъ: что вы бы, дескать, хорошо сдѣлали, еслибы залучили въ университетъ Гоголя, что ты не знаешь ни-

---

[1]) Это вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «кажется».
[2]) Это слово вписано сверху строки. У Кулиша: «состояніе».
[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «получивши».
[4]) Не дописано.
[5]) Эта фраза у Кулиша опущена.

кого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, и тому подобныя скромныя похвалы, какъ будто вскользь. Для примѣра ты можешь прочесть предисловіе къ грамматикѣ Греча, или Греча къ романамъ Булгарина [1]). Онъ, сколько я замѣтилъ, основывается на видимомъ [2]) авторитетѣ и на занимаемомъ мѣстѣ. Ты, будучи ординарнымъ профессоромъ московскаго университета, во мнѣніи его много значишь; я же, бѣдный, почти нуль для него. Грѣшныхъ сочиненій моихъ онъ не читывалъ, имени не слыхивалъ, стало-быть, ему нечего и безпокоиться обо мнѣ. Тѣмъ болѣе мнѣ это нужно, что министръ [3]), кажется, расположенъ сдѣлать для меня все, что̀ можно, еслибы только попечитель ему хотя слово прибавилъ отъ себя. Тогда бы я скорѣе въ дорогу [4]) и, можетъ-быть, еще бы засталъ тебя въ Москвѣ.

Благодарю тебя за пѣсни. Я теперь читаю твои толстыя книги; въ нихъ есть много прелестей. Отпечатанные листки меня очень порадовали. Изданіе хорошо. Примѣча(нія) [5]) съ большимъ толкомъ. О переводахъ я тебѣ замѣчу вотъ что̀. Иногда нужно отдаляться отъ словъ подлинника, нарочно для того, чтобы быть къ нему ближе. Есть пропасть такихъ фразъ, выраженій, оборотовъ, которые намъ [6]), малороссіянамъ, кажется, очень будутъ понятны для русскихъ [7]), если мы переведемъ ихъ слово въ слово, но которые иногда уничтожаютъ [8]) половину силы подлинника. Почти всегда сильное [9]) лаконическое мѣсто становится непонятнымъ на русскомъ [10]), потому что оно не въ духѣ русскаго языка; и тогда лучше десятью словами опредѣлить всю обширность его, нежели скрыть его. Этихъ замѣчаній, впрочемъ, ты не можешь еще приноровить къ [11]) приведенному тобою переводу, потому что онъ очень хорошъ; окончаніе его прекрасно... Но, чтобы и къ нему

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «по».
[2]) Это слово вписано сверху строки.
[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «совершенно».
[4]) Это слово вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «брику».
[5]) Не дописано.
[6]) Это слово вписано сверху строки, вмѣсто: «какъ».
[7]) У Кулиша: «на русскомъ».
[8]) Это слово вписано сверху строки.
[9]) Это слово вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «самое».
[10]) У Кулиша неправильно: «для русскихъ».
[11]) Послѣ этого зачеркнуто: «одному».

сдѣлать придирку, вотъ тебѣ замѣчаніе, на первый случай... мотай на усъ:

«Оедора Безроднаго, атамана куренного пострѣляли, порубили, только не поймали чуры».

Во-первыхъ, *пострѣляли* не русское слово, оно не по-русски спрягнулося и скомпоновалося, и вмѣстѣ съ словомъ *порубили* на русскомъ слабѣе выражаетъ, нежели на нашемъ. Мнѣ кажется, вотъ какъ бы нужно было сказать:

«Куренного атамана Оедора Безроднаго они всего пронизали пулями, всего изрубили, не поймали только его чуры».

Въ переводѣ болѣе всего нужно привязываться къ мысли и менѣе всего къ словамъ, хотя послѣднія чрезвычайно соблазнительны, и, признаюсь, я самъ, который теперь разсуждаю объ этомъ съ такимъ хладнокровнымъ безпристрастіемъ, врядъ ли бы уберегся отъ того, чтобы не вклепить звонкое словцо въ русскую рѣчь, въ простодушной увѣренности, что его и другіе также поймутъ. Помни, что твой переводъ для русскихъ, и потому всѣ малороссійскіе обороты рѣчи и конструкцію прочь! Вѣдь ты, вѣрно, не хочешь дѣлать подстрочнаго перевода? Да, впрочемъ, это было бы излишне, потому что онъ у тебя и безъ того [1]) приложенъ къ каждой пѣснѣ. Ты каждое слово такъ удачно и хорошо растолковалъ, что кладешь его въ ротъ всякому, кто захочетъ понять пѣсню [2]). Я бы тебѣ много кой-чего хотѣлъ еще сказать [3]), но, право, чертовски скучно писать о томъ, что можно переговорить гораздо съ большею ясностью и толкомъ. Да притомъ это такая длинная матерія: зацѣпи только — и пойдетъ тянуться. Въ подобныхъ случаяхъ [4]) болѣе всего нужны толки съ другою головою, потому что, вѣрно, одна замѣтитъ то, что другая пропуститъ. Какъ бы то ни было, я съ радостью ребенка держу въ рукахъ твой первый листъ и говорю [5]): «Вотъ все, что̀ осталось отъ прежнихъ думъ, отъ прежнихъ лѣтъ!» какъ выразился Дельвигъ. Я еще никому не успѣлъ показать его, но понесу къ Жуковскому

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «пмѣе(шь)».

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «самъ».

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «объ этомъ же предметѣ, но...»

[4]) Это слово вписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «чрезвычайно хорошо».

[5]) Это слово вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «вот(ъ»).

и похвастаюсь Пушкину [1]), и мнѣнія ихъ сообщу тебѣ поскорѣе. А между тѣмъ подгоняй свои типографскіе станки. Я тебѣ пришлю скоро кое-какія пѣсни, которыя, впрочемъ, войдутъ въ послѣдній развѣ только отдѣлъ твоего [2]) перваго тома. За «Пѣснями Люду Галичскаго» я послалъ въ Варшаву, и какъ только получу ихъ, то ту же минуту пришлю ихъ тебѣ. Здѣшніе скоты книгопродавцы такъ пугаются [3]) всего, что̀ выходитъ на польскомъ языкѣ, что даже польскаго букваря нигдѣ не отыщешь и съ важнымъ видомъ говорятъ только: [4]) «запрещенъ!» Одоевскому скажу, чтобы онъ скорѣе пристроилъ твоего «Наума». Эти дни, можетъ-быть, не увижу его, потому что ты самъ знаешь, что̀ за безалаберщина дѣется у людей на праздникахъ: они всѣ какъ шальные. По улицамъ мечутся пестрые мундиры и трехъ-угольныя шляпы, а дома между тѣмъ никого. У Плетнева постараюсь тоже на этихъ дняхъ отобрать нужныя для тебя свѣдѣнія. Но до того прощай. Поручаю тебя ангелу хранителю твоему: да будешь ты здравъ и спокоенъ.

Весь твой *Гоголь*.

CXI. Къ матери.

1834 года, апрѣля 20. С.-Петербургъ [5]).

Поздравляю васъ съ наступающимъ праздникомъ [6]) Воскресенія Христова и желаю, чтобы вы этотъ радостный для христіанъ день и всѣ слѣдующіе провели весело и [7]) счастливо. Насчетъ фабрики я не то хотѣлъ сказать, — но объ этомъ послѣ. Порученіе ваше къ князю Кочубею я постараюсь исполнить.

Странно, что мартъ былъ [8]) у васъ холодный. Здѣсь же, напротивъ, онъ весь состоялъ изъ солнечныхъ и теплыхъ дней. Напишите, каковъ былъ у васъ апрѣль, — вѣрно, дождливъ? Я заключаю это изъ того, что письма наши те-

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «живѣе только».
[2]) Прежде было: «твоихъ», послѣ этого зачеркнуто: «пѣсн...»
[3]) Прежде было, кажется: «напуганы всѣмъ».
[4]) Это слово вписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «что».
[5]) Это письмо было перепечатано въ «Вѣстникѣ Европы», 1896, т. VI, стр. 735—736.
[6]) У Кулиша: «съ наступающими праздниками».
[7]) Въ «Вѣстникѣ Европы» союза «и» нѣтъ.
[8]) Въ «Вѣстникѣ Европы» слово «былъ» пропущено.

перь очень долго идутъ; впрочемъ, это кажется, хорошо для хлѣба.

Жаль мнѣ очень, что вы должны занимать и покупать въ долгъ. Это безпрестанно васъ вводитъ въ новыя хлопоты. Какъ бы мнѣ хотѣлось, хоть [1]) немного, помочь вамъ, но до сихъ поръ не имѣю никакой возможности. Мы должны всю надежду возложить на Бога и стараться какъ можно болѣе быть благоразумными, осторожными и выбирать, что изъ полезнаго самое полезное.

Вы не знаете—на сколько времени ѣдетъ Андрей Андреевичъ на воды и къ которому мѣсяцу думаетъ возвратиться? Это мнѣ нужно знать.

Прощайте, безцѣнная маменька! Благодарю васъ за молитвы, которыя возсылаете [2]) вы обо мнѣ. Онѣ, вѣрно, будутъ услышаны, потому что Богъ ни въ чемъ не отказываетъ добродѣтельнымъ. Умоляя съ своей стороны, я увѣренъ, что Его святая воля и безъ моей грѣшной молитвы пошлетъ вамъ счастіе.

Вашъ сынъ *Николай.*

Поклонъ дѣдушкѣ и бабушкамъ [3]). Благодарю сестру и Катерину Ивановну [4]) за память обо мнѣ и желаю имъ также веселиться болѣе на праздникахъ. Павлу Осиповичу [5]) особенный поклонъ... Да! Пожалуйста, не приписывайте мнѣ чужихъ сочиненій. Неужели васъ не научили безпрестанныя ошибки въ предположеніяхъ? На этотъ разъ вы ошиблись сильнѣе, нежели когда-либо. Если вамъ впередъ что-нибудь покажется моимъ, то вы, по крайней мѣрѣ, не разсказывайте этого другимъ. Впрочемъ, это такіе пустяки, о которыхъ нечего говорить, и мнѣ это ни мало не обидно. Я сдѣлалъ это замѣчаніе потому только, что авторъ барона Брамбеуса не на слишкомъ хорошемъ счету. Его грязныя сочиненія нравятся только низшему классу [6]).

Аннетъ и Лиза, слава Богу, здоровы. Онѣ бы, вѣрно, написали вамъ письма, но мнѣ некогда идти въ институтъ,—тѣмъ болѣе, что почта сейчасъ отходитъ.

---

[1]) Въ «Вѣстникѣ Европы»: «хоть»; у Кулиша: «хотя».

[2]) Въ «Вѣстникѣ Европы»: «возносите».

[3]) Ивану Матвѣевичу, Агаѳьѣ Матвѣевнѣ и Марьѣ Ильиничнѣ.

[4]) Ходаревскую.

[5]) Трушковскому.

[6]) Начиная отъ словъ: «Да! Пожалуйста не приписывайте мнѣ», весь этотъ отрывокъ у Кулиша пропущенъ; возстановляемъ по тексту «Вѣстника Европы».

CXII. Къ ней же [1]).

Христосъ воскресе! [2]).

Поздравляю васъ съ праздникомъ, почтеннѣйшая маменька! Вы что-то давно ужъ не писали [3]) ко мнѣ. Ужъ не сердитесь ли вы на меня, или за почтою опять началъ водиться старый грѣхъ, и письма пропадаютъ, или залеживаются? [4]).

Я, слава Богу, здоровъ. Прошу попрежнему Бога, чтобы и вы всегда были здоровы. Сестры мои здоровы, учатся хорошо. Праздники здѣсь очень хороши. Все время стоитъ прекрасная погода, совершенное лѣто, или самая теплая весна. Я слышу, въ вашихъ мѣстахъ еще лучше. Пора, въ самомъ дѣлѣ, намъ, хотя разъ, воспользоваться хорошимъ временемъ. До сихъ поръ, у насъ всѣ времена года совершенно столкнулись съ мѣстъ своихъ [5]).

Я думаю, уже Павелъ Осиповичъ насадилъ огородъ и любуется первыми всходами, а сестра моя хвораетъ, охаетъ и приготовляетъ новыя философскія и мудрыя изреченія по поводу весны. Я прошу ее убѣдительно написать на особой запискѣ, которую да приложитъ она къ вашему письму, обстоятельно и подробно, сколько разъ она въ этомъ году поспорила. Это будетъ очень любопытная и замѣчательная вещь. Я совѣтую ей особеннымъ родомъ это сдѣлать [6]). Для этого я пришлю ей очень красивый альбомъ. Подъ каждымъ числомъ и днемъ написать: «сегодня я поспорила столько-то разъ и, благодареніе Богу, очень успѣшно; сегодня — увы! я не поспорила больше одного раза, но съ помощью Божіей, можетъ-быть, завтра за все вознагражду»... и такъ далѣе [7]).

Прощайте, моя маменька. Хотѣлъ-было къ празднику прислать вамъ и сестрѣ красныхъ яичекъ, но такъ былъ захлопотанъ, что никакъ не успѣлъ. Итакъ до слѣдующаго раза. Будьте здоровы и веселы.

Вашъ сынъ *Николай.*

---

[1]) Это письмо было перепечатано съ дополненіями въ «Вѣстникѣ Европы», 1896, VI, стр. 736—737.

[2]) Слова: «Христосъ Воскресе» у Кулиша опущены.

[3]) У Кулиша: «пишете», въ «Вѣстникѣ Европы»: «писали они сами».

[4]) Такъ въ «Вѣстникѣ Европы»; у Кулиша: «задерживаются».

[5]) Послѣ этого у Кулиша пропускъ до словъ: «Прощайте»; дополнено по тексту «Вѣстника Европы».

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «и вотъ какимъ образомъ».

[7]) Весь этотъ отрывокъ, начиная отъ словъ: «Я думаю, что Павелъ Осиповичъ... », у Кулиша опущенъ.

Да! одно слово сестрѣ Маріи. Она писала мнѣ о картахъ, которыя гдѣ-то видѣла. Если тамъ есть карты Галиціи, Буковины, Кроаціи, Венгріи, Богеміи, Трансильваніи, Помераніи и вообще западныхъ славянскихъ земель и Австріи, то пусть пріобрѣтетъ. Но мнѣ не нужно ни Франціи, ни Голландіи, ни Испаніи, ни Швеціи, ни Англіи, ни Италіи, ни Швейцаріи, ни Даніи... А я ей за это пришлю нотъ.

CXIII. Къ ней же.

(1834, май).

Посылаю вамъ сѣмена для огорода [1]). Только прошу васъ посадить ихъ какъ можно скорѣе. — если можно, то даже въ тотъ день, когда получите ихъ; намачивать ихъ вовсе не нужно, но просто прямо посадить въ землю. Только непремѣнно нужно поливать нѣсколько разъ въ день послѣ посадки. Мѣсто выбрать для нихъ лучше поближе къ пруду; особенно позаботьтесь, чтобы было получше для цвѣтной капусты, артишоковъ и брюколей, которые я очень люблю. Не забывайте особенно приказывать хоть кому-нибудь изъ комнатныхъ дѣвушекъ поливать ихъ. Хоть они садятся нѣсколько поздно, но садовникъ здѣшній увѣряетъ меня, что при аккуратномъ поливаніи они весьма могутъ поспѣть въ іюнѣ. Со всѣхъ сторонъ доходятъ слухи и стращаютъ о неурожаѣ. Обратите на это вниманіе и велите, по крайней мѣрѣ, насѣять побольше картофелю, если хлѣба немного. Да нельзя ли не строить въ этотъ годъ фабрики и другихъ построекъ? Неужели въ винокурнѣ нельзя дать мѣсть выдѣлывать кожъ; она же теперь совершенно гуляетъ. Приладьте какъ-нибудь. Вѣдь не въ наружномъ видѣ, не въ строеніи сила, а въ томъ, что дѣлается внутри. Фабрикантъ большой фантазеръ. Ему, конечно, пріятно видѣть огромное строеніе съ пышнымъ названіемъ «фабрика», но уговорите его, скажите, что вы на слѣдующій годъ выстроите ему золотую фабрику съ брилліантовою крышею, но что теперь нельзя-ли какъ-нибудь пристроить въ винокурнѣ всѣ препараты, что нѣтъ никакой возможности поступить иначе...

---

[1]) Это письмо было первоначально напечатано нами въ «Русской Старинѣ» (1889, I, стр. 141, потомъ въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», т. II, стр. 145—146, примѣч.).— Ср. съ письмомъ отъ 13 мая.

CXIV. Къ А. С. Пушкину.

13 мая (1834).

Я раздумавши увидѣлъ, что теперь писать къ Левашеву [1]) точно будетъ излишне. Это лучше сдѣлать тогда, когда я буду уже собираться въ дорогу и чрезъ меня. Теперь же я буду васъ безпокоить вотъ какою просьбою: если зайдетъ обо мнѣ рѣчь съ Уваровымъ, скажите, что вы были у меня и застали меня еле-жива; при этомъ случаѣ выбраните меня хорошенько за то, (что) [2]) живу здѣсь и не убираюсь сей же часъ вонъ изъ города; что доктора велѣли ѣхать сей же часъ и стараться захватить тамъ это время. И сказавши, что я могу весьма легко черезъ [3]) мѣсяцъ протянуть совсѣмъ ножки, завесть рѣчь о другомъ, какъ-то: о погодѣ или о чемъ-нибудь подобномъ. Мнѣ кажется, что это не совсѣмъ будетъ безполезно.

Вѣчно вашъ *Гоголь*.

CXV. Къ матери.

1834, мая 13. С.-Петербургъ.

Я получилъ письмо ваше и благодарю васъ, маменька, за поздравленіе съ прошедшими праздниками. Дай Богъ, чтобы вы, какъ будни, такъ и праздники, отнынѣ проводили весело и въ совершенномъ спокойствіи, безъ большихъ хлопотъ.

Я нимало не безпокоился на счетъ подрядовъ, но намекнулъ вамъ кое-что только въ предостереженіе. Я бы тоже не совѣтовалъ вамъ давать знать фабриканту, что вы ему ни въ чемъ не вѣрите, но растолковать ему хорошенько все дѣло, обходиться съ нимъ ласково, короче сказать—держать его крѣпко въ рукахъ, но не давать ему этого разумѣть, что вы держите его въ рукахъ. Впрочемъ,

---

[1]) Письмо это первоначально напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» (1880, II, 512), причемъ при имени Левашовъ сдѣлано предположительное пояснение о томъ, что здѣсь, вѣроятно, имѣется въ виду предсѣдатель Государственнаго Совѣта. На письмѣ нѣтъ даты: но оно, несомнѣнно, относится къ 1834 г., въ виду того, что запрещеніе «Московскаго Телеграфа», о которомъ идетъ рѣчь въ письмѣ, состоялось въ апрѣлѣ 1834 г.; см. статью М. И. Сухомлинова: «Н. А. Полевой и его журналъ», въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1886, III, и IV и Соч. Сухомлинова, т. II, 365—432. Отвѣтное письмо Пушкина, въ которомъ онъ говоритъ: «Пойду сегодня же назидать Уварова, и кстати о смерти «Телеграфа», поговорю и о вашей»; см. въ VII т. сочиненій Пушкина, изд. Литер. Фонда, стр. 348.

[2]) Это слово въ подлинникѣ пропущено.

[3]) Въ «Русск. Арх.» невѣрно: «чрезъ».

я, позабывши, читаю вамъ наставленія, тогда какъ вы, безъ сомнѣнія, лучше меня все это знаете. Отложите боязнь и темныя мысли и думайте о томъ, какъ впередъ поступить лучше. Если вы отправили молебенъ объ успѣхѣ вашихъ предпріятій, то все пойдетъ хорошо. А тамъ, какъ пріѣду, то, можетъ-быть, найдемъ средство дать ей лучшій ходъ. Что начато, того уже нельзя оставлять. Я удивляюсь только, что это предпріятіе съѣло такъ много денегъ, между тѣмъ какъ ничего почти не сдѣлано и не сбыто. Но какъ бы то ни было, дастъ Богъ, будетъ все хорошо.

Я, слава Богу, здоровъ, дѣти тоже. Дай Богъ, чтобы вы были здоровы. Получили ли вы сѣмена, которыя я послалъ вамъ для посѣва, и принялись ли они? Въ приложенномъ при нихъ письмѣ я просилъ васъ приказывать почаще поливать, особенно въ тѣ дни, когда нѣтъ дождей,— также болѣе всего прилагать старанія объ артишокахъ, особенно объ кордонѣ испанскомъ, цвѣтной капустѣ, бронколяхъ.

Прощайте; будьте здоровы! Обнимая сестру, племянника, Павла Осиповича, Катерину Ивановну и привѣтствуя всѣхъ домашнихъ, остаюсь...

Извѣстите, идутъ ли дожди.

CXVI. К. С. Сербиновичу. (Записка). [1])

1.

Всѣ ваши и Сергѣя Семеновича [2]) замѣчанія я нахожу очень справедливыми и, какъ видите, воспользовался ими. Въ одномъ мѣстѣ я только оставилъ *связь* и *связываютъ*. Я нарочно такъ выразился, потому что это составляетъ фигуру въ слогѣ, а не ошибку. Такъ мнѣ кажется. При томъ, этотъ оборотъ именно тотъ, который болѣе всего выражаетъ мою мысль. Я очень вамъ благодаренъ за ваше присовокупленіе о истинной религіи. Оно очень хорошо, и я бы не выдумалъ такъ. Я къ вамъ заѣду въ 12 часовъ, авось не застану ли васъ! Теперь же, сейчасъ, никакимъ образомъ не могу.

---

[1]) Эта записочка была впервые напечатана въ «Русск. Арх.», 1876, т. III, октябрь, стр. 202.

[2]) Уварова.—Гоголь тогда читалъ лекціи всеобщей исторіи въ петербургскомъ университетѣ и помѣщалъ статьи въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія, а Сербиновичъ завѣдывалъ изданіемъ этого журнала. *Примѣч.* «*Русскаго Архива*».

Много обязанный вамъ и чувствующій ваше благорасположеніе

Н. Гоголь.

— —

CXVII. Къ М. А. Максимовичу.

Мая 28 (1834, изъ С.-Петербурга).

Извини меня: точно я, кажется, давно не писалъ къ тебѣ. У меня тоже большой хламъ въ головѣ. Благодарю тебя за листъ пѣсенъ, который ты называешь шестымъ и и который, по моему счету, 4-й. О введеніи твоемъ ничего не могу сказать, потому что я не имѣю его и не знаю, отпечатано ли оно у тебя. Кстати: ты можешь прочесть въ «Журналѣ Просвѣщенія», 4 мъ нумерѣ, статью мою «О малороссійскихъ пѣсняхъ»; тамъ же находится и кусокъ изъ введенія моего въ исторію Малороссіи, впрочемъ, писанной мною очень давно.

Мои обстоятельства очень странны. Сергѣй Семеновичъ [1]) даетъ мнѣ экстраординарнаго профессора и деньги на подъемъ, однакожъ, ничего этого не выпускаетъ изъ рукъ и держитъ меня — не знаю для чего — здѣсь, тогда какъ мнѣ нужно дѣйствовать и ѣхать. Между тѣмъ Б. [2]) пишетъ ко мнѣ, что не угодно ли мнѣ взять каѳедру русской исторіи, что сіе-де прилично занятіямъ моимъ, тогда какъ онъ самъ обѣщалъ мнѣ, бывши здѣсь [3]), что всеобщая исторія не будетъ занята до самаго моего пріѣзда, хотя бы это было черезъ годъ, а теперь, вѣрно, ее отдали этому Цыху, котораго принесло какъ нарочно. Право, странно: они воображаютъ, что различія предметовъ это такая маловажность и что, кто читалъ словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку, какъ будто пирожникъ для того созданъ, чтобы тачать сапоги. Я съ ума сойду, если мнѣ дадутъ русскую исторію. Если же они меня поводятъ далѣе и не отправятъ теперь же [4]), то, признаюсь, я брошу все и откланяюсь... Богъ съ ними совсѣмъ! И тогда махну или на Кавказъ, или въ долы Грузіи, потому что здоровье мое здѣсь еле держится. Ты знаешь Цыха? кто это Цыхъ? кажется, Погодинъ его знаетъ. Нельзя ли какъ-нибудь уговорить Цыха,

[1]) Въ подлинникѣ только: «С. С.».
[2]) Брадке.
[3]) Слова: «бывши здѣсь» вписаны сверху.
[4]) Слово: «же» у г. Пономарева пропущено.

чтобы онъ взялъ себѣ, или просилъ, или бы, по крайней мѣрѣ, согласился бы (sic) взять каѳедру русской исторіи?

Ты извини меня, что я не толкую съ тобою ничего о пѣсняхъ. Право, душа не въ спокойномъ состояніи. Перо въ рукахъ моихъ какъ деревянная колода, между тѣмъ какъ мысли мои состоятъ теперь изъ вихря. Когда увижусь съ тобою, то объ этой статьѣ потолкуемъ вдоволь; потому что, какъ бы ни было, а все-таки надѣюсь быть въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Москвѣ. Прощай, да пиши ко мнѣ. Въ эти времена волненія письма все-таки сколько-нибудь утишаютъ душу.

Прощай. Твой *Гоголь*.

CXVIII. Къ нему же.

Мая 29 (1834, изъ Петербурга).

Только-что я успѣлъ отправить къ тебѣ вчерашнее письмо мое, какъ вдругъ получилъ два твоихъ письма: одно еще отъ 10-го мая, другое отъ 19-го мая. Ну, теперь я не удивляюсь твоему молчанію. Смирдинъ никуда не годится: онъ ихъ изволилъ продержать у себя больше недѣли. Благодарю, очень благод(арю) [1]) тебя за листки пѣсенъ. Я не пишу къ тебѣ никакихъ замѣчаній, потому что я ужасно не люблю печатныхъ или письменныхъ критикъ, т.-е. не читать ихъ не люблю, но писать. Недавно С. С. [2]) получилъ отъ Срезневскаго экземпляръ пѣсней и адресовался ко мнѣ съ желаніемъ видѣть мое мнѣніе о нихъ въ «Журналѣ Просвѣщенія», такъ же, какъ и о бывшихъ до него изданіяхъ—твоемъ и Цертелева. Что жъ я сдѣлалъ? я написалъ статью, только самаго главнаго позабылъ: ничего не сказалъ ни о тебѣ, ни о Срезневскомъ, ни о Цертелевѣ. Послѣ я спохватился и хотѣлъ-было прибавить и проболтаться о твоемъ великолѣпномъ новомъ изданіи, но опоздалъ [3]): статья уже была отпечатана. Такъ какъ не скоро къ вамъ доходятъ петербургскія книги, то посылаю тебѣ особый отпечатанный листокъ, также и листокъ изъ исторіи Малороссіи, которой мнѣ зѣло не хотѣлось давать. Я слышалъ уже сужденія нѣкоторыхъ присяжныхъ знатоковъ, которые глядятъ на этотъ кусокъ, какъ

---

[1]) Не дописано.

[2]) Сергѣй Семеновичъ (Уваровъ).

[3]) Слова: «но опоздалъ» зачеркнуты и снова вписаны сверху строки.

на полную исторію Малороссіи, забывая [1]), что еще впереди цѣлыхъ 80 главъ [2]) они будутъ читать и что эта глава только — фронтисписъ [3]). Я бы, впрочемъ, весьма желалъ видѣть твои замѣчанія, — тѣмъ болѣе [4]), что этотъ отрывокъ не войдетъ въ цѣлое сочиненіе, потому что оно начато писаться послѣ того гораздо [5]) позже и нынѣ [6]) почти въ другомъ видѣ [7]). Но изъ новой моей исторіи Малороссіи я никуда не хочу давать отрывковъ. Кстати: ты просилъ меня сказать о твоемъ раздѣленіи исторіи. Оно очень натурально и, вѣрно, приходило въ голову каждому, кто только слишкомъ много занимался чтеніемъ и изученіемъ нашего прошедшаго. У меня почти такое же раздѣленіе [8]), и потому я не хвалю его, считая неприличнымъ хвалить то, что̀ сдѣлалось [9]) уже нашимъ — и твоимъ, и моимъ вмѣстѣ.

Прощай, цѣлую тебя нѣсколько разъ
твой *Гоголь.*

CXIX. И. И. Срезневскому.

1834. 1 іюня. СПб. [10])

Не сердитесь на меня, почтеннѣйшій Измаилъ Ивановичъ, что долго не отвѣчалъ на ваше письмо. Оно залежалось въ лавкѣ у Смирдина. Я тоже былъ въ отсутствіи...

Очень благодаренъ вамъ за вашу память обо мнѣ. Поблагодарите также земляка нашего (о которомъ вы упоминаете въ письмѣ вашемъ, какъ о пишущемъ исторію Малор.) за его благородный трудъ. Я очень радъ, что не одинъ я занимаюсь этимъ. Я хотѣлъ-было сдѣлать нѣсколько замѣчаній и оцѣнку съ своей стороны вашей «Запорожской Старины» [11]) и уже приступъ къ этому подъ

---

[1]) У Кулиша: «позабывая».

[2]) У Кулиша: «глазъ».—Слово: «цѣлыхъ» у Кулиша пропущено.

[3]) Слова: «что это глава только фронтиспись» вписаны сверху строки.

[4]) Слова: «тѣмъ болѣе» вписаны сверху строки.

[5]) Слово: «гораздо» вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «совершенно».

[6]) Слова: «и нынѣ» вписаны сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «все же».

[7]) Это слово вписано сверху.

[8]) Въ подлинникѣ: «раздѣленія» (sic).

[9]) Это слово вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «похоже».

[10]) Это письмо было сперва напечатано въ «Русск. Стар.», 1892, III, 758—759.

[11]) Въ подлинникѣ написано: «стороны».

заглавіемъ «О малороссійскихъ) пѣсняхъ» отослалъ въ «Журналъ Просвѣщенія» [1]), но лѣнь проклятая одолѣла, и я сѣлъ на одномъ приступѣ: лѣтомъ я ничего больше не дѣлаю, кромѣ лежанья; къ тому же еще и болѣзнь меня безпокоитъ... Вы тамъ же найдете и кусокъ изъ первой части моей исторіи [2]). Не [3]) налегайте слишкомъ на нее: [4]) я нарочно выбралъ самое начало, въ которомъ показана только перспектива того, что будетъ впереди. Коницскому я также, какъ и вы, во многомъ не вѣрю; но я [5]) говорилъ совсѣмъ [6]) не касательно достоинства лѣтописца. Всѣ происшествія его со временъ Петра записаны [7]). Справедливость многихъ я узналъ, нашедши доказательства въ здѣшнихъ архивахъ [8]).

Да выпускайте скорѣе свою «Старину», я жажду! Пожалуйста, не дожидайтесь мнѣній рецензентовъ. Охота же вамъ, наконецъ, услышать, что запятую вамъ нужно поставить не въ томъ мѣстѣ, а въ другомъ, и что не «Запорожскою», [9]) а какою-нибудь другою стариною нужно было назвать вашу книгу. Другого вы ничего не услышите. Ваша мысль напечатать [10]) пѣсни обрядныя очень хороша. Недурно бы ихъ было помѣстить совершенно въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдуютъ одна за другою во время

---

[1]) Напечатано было въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1834, I. Объ этой статьѣ Гоголь писалъ М. А. Максимовичу: «Недавно Сергѣй Семеновичъ (Уваровъ) получилъ отъ Срезневскаго экземпляръ пѣсней и адресовался ко мнѣ съ желаніемъ видѣть мое мнѣніе о нихъ въ «Журналѣ Просвѣщенія» такъ же какъ и о бывшихъ до него изданіяхъ—твоемъ и Цертелева. Что жъ я сдѣлалъ? Я написалъ статью, только самаго главнаго (sic) позабылъ: ничего не сказалъ ни о тебѣ, ни о Срезневскомъ, ни о Цертелевѣ. Послѣ я спохватился и хотѣлъ-было прибавить и проболтаться о твоемъ великолѣпномъ новомъ изданіи» (т.-е. 1834 года; первое вышло въ свѣтъ въ 1827 году), «но опоздалъ: статья была уже отпечатана». Такимъ образомъ объясненія даннаго факта въ письмахъ (почти одновременныхъ) Гоголя къ Максимовичу и Срезневскому сильно расходятся.

[2]) Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи, т. I, книга I, глава I. («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1834, ч. II).

[3]) Передъ этимъ зачеркнуто: «Вы».

[4]) Слово: «нее» вставлено въ текстѣ.

[5]) Слово: «я» вписано сверху.

[6]) Это слово вписано сверху.

[7]) Написано очень неразборчиво: можетъ-быть, слѣдуетъ читать «записаны», можетъ-быть: «замѣчаю».

[8]) Въ подлинникѣ: «архивѣ».

[9]) Послѣ этого зачеркнуто: «стариною».

[10]) Въ подлинникѣ: «напечать».

обрядовъ съ объясненіемъ — при какихъ обстоятельствахъ. Это была бы очень нужная вещь, и вѣрно бы всѣ понимающіе важность этого дѣла были бы вамъ очень благодарны.

Свидѣтельствуя съ своей стороны вамъ истинное мое уваженіе, остаюсь весь вашъ *Н. Гоголь.*

CXX. Къ М. А. Максимовичу.

8 іюня (1834). СПб.

Я получилъ твое письмо черезъ Щепкина, который меня очень обрадовалъ своимъ пріѣздомъ. Что тебѣ сказать о здоровьѣ? — — [1]) мы, братецъ съ тобой! Что же касается до моихъ обстоятельствъ, то я самъ, хоть убей, не могу понять ихъ. За меня просили Дашковъ, Блудовъ; Сергѣй Семеновичъ [2]) самъ также, кажется, благоволитъ ко мнѣ и очень доволенъ моими статьями. Кажется, какой сильный авторитетъ! Еслибы какія особенныя препятствія мнѣ преграждали путь, но ихъ нѣтъ! Я имѣю чинъ коллежскаго асессора, не новичокъ, потому что занимался довольно преподаваніемъ, между тѣмъ какъ всѣхъ учителей кременецкаго лицея произвели пря(мо) [3]) въ ординарные... и при всемъ я не могу понять: слышу увѣренія, ласки и больше ничего! Чортъ возьми! они воображаютъ, что у меня недостанетъ духу плюнуть на все. Я не могу также понять и Брадке [4]): давши слово Жуковскому ожидать меня даже цѣлый годъ и не отдавать никому каѳедры всеобщей исторіи и черезъ мѣсяцъ отдать ее Цыху! Это досадно, право, досадно! — Ты видишь, что сама судьба вооружается, чтобы я ѣхалъ въ Кіевъ. Досадно, досадно! потому что мнѣ нужно, очень нужно мое здоровье; мое занятіе, мое упрямство требуетъ этого. А между тѣмъ мнѣ не видать его! Пѣсни твои идутъ, чѣмъ дальше, лучше. Да что ты не присылаешь мнѣ до сихъ поръ введенія? мнѣ очень хочется его видѣть. Кстати о введеніи: если ты встрѣтишь что-нибудь новое въ моей статьѣ о пѣсняхъ, то можешь прибавить къ своему: «дескать вотъ что еще

---

[1]) Здѣсь употреблено Гоголемъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя онъ называлъ *крпткими* и которыя часто употреблялъ въ письмахъ къ короткимъ пріятелямъ.

[2]) Въ подлинникѣ: С. С. — У Кулиша здѣсь пропускъ до словъ: «Ты видишь».

[3]) Не дописано.

[4]) Въ подлинникѣ одна буква: «Б».

объ этомъ говоритъ Гоголь». Да что, вѣдь книжка должна у тебя быть теперь совершенно готова?

Прощай. Да хранятъ тебя небеса и пошлютъ крѣпость душѣ и тѣлу. Пора, пора вызвать мочь души и дѣйствовать [1]) крѣпко!..

Твой Гоголь.

CXXI. Къ нему же.

10 іюня (1834. изъ С. Петербурга.

Я получилъ твое письмо отъ 5 іюня вчера, т. е. 9 числа [2]). Тебя удивляетъ, почему меня такъ останавливаетъ русская исторія. Ты очень странень и говоришь еще о семъ, что ты рѣшился же [3]) взять словесность. Вѣдь для этого у тебя было желаніе, а у меня нѣтъ. Чортъ возьми, еслибы я не согласился взять скорѣе ботанику или натологію, нежели русскую исторію. Еслибы это было въ Петербургѣ, [4]) я бы, можетъ быть, взялъ ее, потому что здѣсь я готовъ, пожалуй, два раза въ недѣлю на два часа отдать себя скукѣ. Но, оставляя П(етер)бургъ, знаешь ли, что я оставляю? Мнѣ оставить Петербургъ не то, что тебѣ Москву: здѣсь все, что дорого, что было мило моему сердцу, люди, съ которыми сдружился и которыхъ алчетъ душа, все, что привычка сдѣлала еще драгоцѣннѣйшимъ. Бросивши [5]) все это, нужно стараться всѣми силами заглушить сердечную тоску: нужно отдалять всѣми мѣрами то, что можетъ вызывать ее. И ты въ добавокъ хочешь еще, чтобъ самая должность была для меня тягостью! Если меня не будетъ занимать предметъ мой, тогда я буду несчастливъ. Я очень хорошо знаю свое сердце, и потому то, что для другого кажется своенравіемъ, то есть у меня слѣдствіе дальновидности. Но, впрочемъ, кажется, это не можетъ остановить ихъ. С. С. [6]) сказалъ мнѣ, что это ничего не значитъ [7]), что можно помѣняться каѳедрами; только то скверно, что я теперь мало всему этому вѣрю послѣ всѣхъ этихъ про-

---

[1]) Не дописано.

[2]) Эта фраза у Кулиша опущена.

[3]) Слово «же» вписано сверху строки.

[4]) Послѣ этого зачеркнуто слово: «взялъ». Передъ этимъ предыдущая фраза: «чортъ возьми... у Кулиша опущена до словъ: «Если бы это было въ Петербургѣ».

[5]) У Кулиша: «бросивъ».

[6]) Т. е. Сергѣй Семеновичъ (Уваровъ).

[7]) Слова: «не значитъ» вписаны сверху строки.

водовъ. Остановка вся за однимъ Б. [1]) Безъ Б. С. С. ни до порога. [2]) Итакъ, я жду теперь отъ него рѣшенія, и по немъ узнаю, велитъ ли мнѣ судьба ѣхать, или нѣтъ. О пѣсняхъ твоихъ постараюсь написать извѣщеніе и одолѣть сколько-нибудь свою лѣнь, которая уже почу(я)ла лѣто и становится деспотомъ. До слѣдующаго письма. [3])

Твой Гог(оль).

CXXII. Къ матери.

1834 іюня 15. СПб. [4])

Я получилъ письмо ваше отъ 16 мая, сего іюня 2-го числа. Въ немъ я нашелъ пріятное для меня поздравленіе съ крестникомъ и новымъ племянникомъ моимъ. [5]) Очень благодаренъ сестрѣ и Павлу Осиповичу за дружеское ко мнѣ расположеніе и пожалованіе меня въ кумовья и въ крестные отцы. Можетъ быть, Богъ поможетъ мнѣ быть со временемъ имъ полезнымъ.

Жаль мнѣ очень, что вы не можете похвалиться совершеннымъ здоровьемъ. Я думаю, виною всему заботы, безпрестанно васъ смущающія. Можетъ быть, мнѣ скоро удастся прожить у васъ нѣсколько времени, и тогда, можетъ быть, соединивши силы, намъ удастся лучше привести все въ порядокъ.

Когда я началъ-было писать это письмо, мнѣ принесли ваше другое отъ 4-го іюня. Странно, что сѣмена получены

---

[1]) Брадке.

[2]) См. прим. 6-ое на стр. 303. Все это мѣсто, начиная отъ словъ: «С. С. сказалъ мнѣ», у Кулиша опущено.

[3]) Здѣсь помѣтка Максимовича: «отвѣтъ 23 іюня».

[4]) Не имѣя подъ руками подлинника, не можемъ точно опредѣлить, къ какому времени письмо относится. Но дата: 1835 іюня 15 является вдвойнѣ сомнительной: во первыхъ, она не вяжется съ письмомъ отъ 24 мая 1835 г. къ Прокоповичу; во-вторыхъ, здѣсь рѣчь идетъ о рожденіи второго сына Трушковскихъ, Ивана, о которомъ упоминается при передачѣ поцѣлуевъ и поклоновъ уже въ письмахъ 1834 года. См. письмо отъ 6 ноября 1834 года: «Цѣлую крестниковъ моихъ: Николю и Ваню»; письмо отъ 15 декабря 1834 г.: «Благодарю сестру за то, что не забываете меня и обнимаю малютокъ ея»; 20 марта: «Обнимаю племянниковъ» и проч. Вѣроятно, на письмѣ не выставленъ годъ, а Кулишъ поставилъ 1835 годъ по предположенію.

[5]) Это былъ уже второй заочный крестникъ Гоголя въ семьѣ Трушковскихъ; потомъ въ письмѣ отъ 6 ноября 1834 года Гоголь приписываетъ: «Цѣлую крестниковъ моихъ: Николю и Ваню».

вами такъ поздно. По однакоже они все-таки должны принять(ся). [1])

Сестры, слава Богу, здоровы: письма ихъ прилагаю вамъ.

Здѣсь теперь большой съѣздъ: затѣваются праздники и проч. по случаю пріѣзда короля прусскаго [2]). Это лѣто я живу въ городѣ и не переѣзжаю на дачу. Если буду къ вамъ, то не раньше августа. Желая вамъ совершеннаго здоровья и спокойствія, остаюсь...

Милая сестрица! Поздравляю тебя съ сыномъ и желаю, чтобы онъ росъ, росъ и сдѣлался великаномъ и богатыремъ по силѣ и по уму, и по душѣ. Это поздравленіе, натурально, тебѣ должно раздѣлить вмѣстѣ съ Павломъ Осиповичемъ, котораго отъ души обнимаю и благодарю за избраніе меня въ кумовья. Будьте здоровы, веселы и вспоминайте иногда истинно любящаго васъ брата,

Ник. Гоголя.

CXXIII. Къ М. П. Погодину.

СПб. 23 іюня. (1834).

Письмо твое, противъ обыкновенія, довольно обширное [вся 16-я доля листа была исписана кругомъ], я получилъ сего 20 іюня и заранѣе догадывался, что дѣло должно быть важное. На предложеніе твое объ адъюнктствѣ я вотъ что скажу тебѣ. Я недавно только-что проспался профессоромъ въ Кіевъ, потому что здоровье мое требуетъ этого непремѣнно, также и труды мои. Вотъ чѣмъ можно извинить мнѣ исканіе профессорства [3]), которое, еслибы не у насъ на Руси, то было бы самое благородное званіе. Прося профессорства въ Кіевѣ, я обезпечиваю тамъ себя совершенно въ моихъ нуждахъ, большихъ и малыхъ; но взявши московскаго адъюнкта, я не буду сыть, да и климатъ у васъ въ Москвѣ ничуть не лучше нашего чухонскаго, петербургскаго. Итакъ ты видишь физически невозможнымъ мое перемѣщеніе. Впрочемъ въ іюлѣ мѣсяцѣ я постараюсь побывать въ Москвѣ, и мы потолкуемъ о томъ о семъ.

Весьма радъ, что тебѣ понравились мои статьи, хотя, признаюсь, я въ нихъ, особливо въ первой, мало нахожу того, что нужно бы и что можно бы сказать объ этомъ

[1]) Не дописано.

[2]) Къ открытію Александровской колонны (30 авг. 1834 года), въ виду того, что въ торжествѣ принимали участіе представители прусской арміи, ожидался пріѣздъ короля Фридриха Вильгельма III.

[3]) Начиная отсюда, до точки у Кулиша опущено.

предметѣ. Но какъ-бы то ни было, мысли объ этомъ можно изъявить въ другомъ, болѣе удобномъ случаѣ и мѣстѣ.

Ты говоришь о Цыхѣ. Что это за Цыхъ? Откуда онъ и какъ онъ взялся? Я имени его еще нигдѣ не встрѣчалъ въ литературномъ мірѣ.

Скажи пожалуйста: кто тебя всегда толкаетъ подъ руку, когда ты пишешь? [1]) Хоть бы одно слово можно было разобрать съ перваго разу! Я твое шестнадцатидольное письмо читалъ три дни и до сихъ поръ нѣкоторыя слова остались неразгаданными. Я ихъ такъ и оставилъ, и потому не сердись, если отвѣтъ мой неполонъ.

Если я пріѣду въ Москву, то или къ тебѣ, или къ кому-нибудь другому, только въ деревню, потому что мнѣ городъ такъ надоѣлъ, что не могу смотрѣть на него равнодушно.

Прощай; цѣлую тебя нѣсколько разъ. Кланяйся всѣмъ нашимъ.

Твой Гоголь.

CXXIV. Къ М. А. Максимовичу.

27 іюня (1834, изъ Петербурга).

Я получилъ сегодня письмо твое отъ 23 іюня [2]). Итакъ ты въ дорогѣ. Благословляю тебя! Я увѣренъ, что тебѣ будетъ весело, очень весело въ Кіевѣ. Не предавай(ся) [3]) заранѣ(е) никакимъ сомнѣніямъ и мнительности. Я къ тебѣ буду, непремѣнно буду, и мы заживемъ вмѣстѣ... чортъ возьми все! [4]) Дѣла свои я повелъ такимъ порядкомъ, что непремѣнно буду въ состояніи ѣхать въ Кіевъ, хотя нераннею осенью, или зимою: но когда бы то ни было, а [5]) я все-таки буду. Я далъ себѣ слово, и твердое слово; стало быть, все кончено: нѣтъ гранита, котораго бы не проби(ли) [6]) человѣческая сила и желаніе.

Ради Бога, не предавайся грустнымъ мыслямъ, будь веселъ, какъ веселъ теперь я, рѣшившій, что все на свѣтѣ трынъ-трава. Терпѣніемъ и хладнокровіемъ все достанешь. Еще просьба: ради всего нашего, ради нашей Украйны,

---

[1]) Погодинъ имѣлъ обыкновеніе писать отчаянно неразборчивымъ почеркомъ и большею частью на листахъ самаго малаго формата.

[2]) Эта фраза у Кулиша опущена.

[3]) Не дописано.

[4]) У Кулиша и г. Пономарева: «все»; но это слово очень неразборчиво: быть-можетъ, слѣдуетъ читать: «еще».

[5]) У Кулиша: «а я»; у г. Пономарева *я* пропущено.

[6]) Не дописано.

ради отцовскихъ могилъ, не сиди надъ книгами! Чортъ возьми, если онѣ не служатъ теперь для тебя къ то(му) [1]) только, чтобы отемнить свои мысли! Будь таковъ, какъ ты есть, говори свое, и то какъ можно поменьше. Студенты твои такой глупый [2]) будетъ народъ, особливо сначала, что, право, совѣстно будетъ для нихъ слишкомъ много трудиться. Но впрочемъ лучше всего ты дѣлай эстетическіе съ ними разборы. Это для нихъ полезнѣе всего: скорѣе разовьетъ ихъ умъ, и тебѣ будетъ пріятно. Такъ дѣлаютъ всѣ благоразумные люди. Такимъ образомъ поступаетъ и Плетневъ, который нашелъ — и весьма справедливо, — что всѣ теоріи—совершенный вздоръ и ни къ чему не ведутъ. Онъ теперь) [3]) бросилъ всѣ прежіе читанныя лекціи и дѣлаетъ съ ними въ классѣ эстетическіе разборы, толкуетъ и наталкиваетъ ихъ морду на хорошее. Онъ очень удивляется тому, что ты затрудняешься, и совѣтуетъ, съ своей стороны, тебѣ работать [4]) прямо съ плеча, что придется. Вкусъ у тебя хорошъ, словесность русскую ты знаешь лучше всѣхъ педагоговъ-толмачей: итакъ чего тебѣ больше? Послушай: ради Бога, занимайся поменьше этой [5]) гилью. Лѣто(ты) [6])непремѣнно долженъ въ Кіевѣ полѣниться. Жаль, что я не съ тобою теперь: я бы не далъ тебѣ и заглянуть въ печатную бумагу. Я бы тебя повезъ [7]) по Полу, гдѣ бы мы лежали [8]) въ натурѣ, [9]) купались, а въ добавокъ бы еще женилъ тебя [10]) на одной хорошенькой, если не на распрехорошенькой. Но такъ и [11]) быть! пожди до лѣта слѣдующаго, а теперь прими совѣтъ и крѣпко держи его въ памяти. Книгъ я тебѣ въ Москву не посылаю, потому что боюсь, чтобы ты съ ними не разминулся, а посылаю прямо въ Кіевъ, гдѣ онѣ будутъ тебя ожидать. Какъ на-

---

[1]) Тоже.
[2]) У Пономарева: «тупой».
[3]) Не дописано.
[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «тебѣ».
[5]) Не дописано.
[6]) Этого слова въ подлинникѣ нѣтъ.
[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «бы».
[8]) Опять зачеркнуто: «бы».
[9]) Намекъ на извѣстныя привычки Ивана Никифоровича: «Извините, что я передъ вами въ натурѣ». См. «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». (Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 413).
[10]) Это слово вписано сверху строки.
[11]) Тоже.

рочно, [1]) эти книги нашлись у меня, и потому денегъ тебѣ за нихъ платить не нужно [2]). Изъ всѣхъ открытій, сдѣланныхъ мною и другими достовѣрными людьми, оказывается, что нашъ Б(радке) [3]) знаетъ славно экзекуторскую должность при университ(етѣ); [4]) высшая же оркестровка [5]) не такъ имъ сподручна, и потому ты можешь, принявши сіи свѣдѣнія, какъ слѣдуетъ распорядиться своими поступками, сирѣчь приходить въ назначенное время на лекціи, [6]) ни раньше, ни позже, и вести аккуратность и порядокъ, чтобы смирно сидѣли по мѣстамъ и прочее. [7]) Но во [8]) всемъ этомъ [9]) ты можешь обойтиться (sic) и безъ моихъ совѣтовъ. Я же тебя умоляю еще разъ беречь свое здоровье; а это сбереженіе здоровья состоитъ въ слѣдующемъ секретѣ: быть какъ можно болѣе спокойнымъ, стараться бѣситься и веселиться сколько можно, до упадку, хотя бываетъ [10]) и не всегда весело, и помнить мудрое правило, что все на свѣтѣ трынъ-трава и [11]) — — Въ этихъ немногихъ, но значительныхъ словахъ заключается вся мудрость человѣческая. Чортъ возьми! я какъ воображу, что теперь на кіевскомъ рынкѣ цѣлые рядна вываливаютъ персикъ (sic), абрикосъ, которое все тамъ ни по чемъ, что кіево-печерскіе монахи [12]) уже облизываютъ уста, помышляя о дѣланіи вина изъ доморощеннаго винограду, и что тополи ушпигуютъ скоро весь Кіевъ,—такъ, право, и разбираетъ ѣхать, бросивши все; но, впрочемъ, хорошо, что ты ѣдешь впередъ. Ты приготовишь тамъ все къ моему прибытію и пріищешь мѣстечко для покупки, ибо я хочу непремѣнно завестись домкомъ въ Кіевѣ, что, безъ сомнѣнія, и ты не замедлишь учинить, съ своей стороны. Да, пріѣхавши въ Кіевъ, ты долженъ непремѣнно познакомиться съ эксъ-профессоромъ Бѣлоусовымъ.

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «всѣ».

[2]) Послѣ этого у Кулиша пропускъ—до словъ: «Но во всемъ этомъ» и т. д.

[3]) Въ подлинникѣ только инпціалъ.

[4]) Не дописано.

[5]) Слово «оркестровка» вписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «ординатура».

[6]) У г. Пономарева: «на лекцію».

[7]) Все это мѣсто, начиная отъ словъ: «Изъ всѣхъ открытій», у Кулиша пропущено.

[8]) Это слово вписано сверху строки, вмѣстѣ зачеркнутаго: «это».

[9]) Это слово вписано сверху строки.

[10]) Послѣ этого зачеркнуто: «иногда».

[11]) Послѣ этого слѣдуютъ два непечатныя слова.

[12]) Это слово у Кулиша замѣнено двумя чертами.

Онъ живетъ въ собственномъ домѣ.—на Подолѣ, кажется. Скажи ему, что я [1]) просилъ его тебя полюбить, какъ и меня. Онъ славный малый, и тебѣ будетъ пріятно сойтись съ нимъ.

Да послушай: какъ только тебѣ выберет(ся) [2]) время, даже въ дорогѣ, то тотчасъ пиши ко мнѣ, меня все интересуетъ о тебѣ... самая дорога и проч., и проч...

Смотри, пожалуйста, не забывай писать мнѣ почаще: ты мнѣ дѣлаешься очень дорогъ и, долго не получая отъ тебя письма, я уже скучаю.

Но да почіетъ надъ тобо(ю) [3]) благословеніе Божіе! Я твердо увѣренъ, что ты будешь счастливъ. Мнѣ пророчитъ мое сердце,

Твой *Гоголь.*

CXXV. Къ нему же.

СПб. Іюль 1 (1834).

Итакъ посылаю тебѣ книги прямо въ Кіевъ, гдѣ, надѣюсь, онѣ тебя уже застанутъ; вмѣстѣ съ ними и тетрадь пѣсенъ, которыя въ разныя времена списывал(ись) [4]). Она замѣчательна тѣмъ, что содержитъ въ себѣ самыя обыкновенныя, общеупотребитель(ныя) [5]) пѣсни, по которыхъ врядъ ли кто [6]) можетъ пересказать изъ поющихъ: такъ утратились слова ихъ. Я думаю, ты теперь можешь много коечего отрыть въ Кіевопечерской лаврѣ, а для чичероне [7]) возьми Бѣлоусова, о которомъ я тебѣ писалъ. Ты теперь въ такомъ спокойномъ, уютномъ и святомъ мѣстѣ, что трудъ и размышленія [8]) къ тебѣ притекутъ сами. Умѣй только распредѣлить [9]) хорошо время... Занимайся каждый день, но не болѣе, какъ два и—много—три часа. Остальное время отдавай все прогулкѣ. Моціонъ [10]) тебѣ необходимъ. Наше солнце и нашъ воздухъ укрѣпятъ тебя, только занимайся всегда поутру; ввечеру [11]) и въ полдень Боже

---

[1]) Это слово вписано сверху строки.
[2]) Не дописано.
[3]) Тоже.
[4]) Тоже.
[5]) Тоже.
[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «у(мѣетъ?)».
[7]) Въ подлинникѣ: «чичерони».
[8]) У Кулиша и г. Пономарева: «размышленіе».
[9]) У Кулиша: «распорядить».
[10]) Въ подлинникѣ: «муціонъ».
[11]) У Кулиша: «ввечеру, а въ полдень».

тебя сохрани. Въ полдень лежи на солнцѣ, но голову (держи) [1]) въ тѣни; ввечеру гуляй, или иди къ кому-нибудь на вечеръ. Домой приходи пораньше и ложись пораньше. Это непремѣнно долженъ соблюсти: если соблюдешь, то лучше поправишься, нежели на Кавказѣ. Прощай; да пребываетъ съ тобою все хорошее. Опиши все до иголки, какъ ты найдешь Кіевъ, въ какомъ видѣ представится тебѣ твое новое житье; все это ты долженъ неукоснительно описать. Я же буду ожидать съ нетерпѣніемъ твоего отзыва. Да, Бога ради, будь поравнодушнѣе ко всему кажущемуся тебѣ съ перваго взгляда непріятнымъ; смотри на міръ такъ, какъ смотритъ на него поэтъ [2]), у котораго онъ подъ ногами—и употребляется на обтирку ногъ его.

Прощай [3]). Цѣлую тебя на новосельѣ и ожидаю твоего письма.

Твой *Гоголь.*

CXXVI. Къ матери.

1834, іюля 10. С. Петербургъ.

Я получилъ письмо ваше, безцѣнная маменька, отъ 19 іюня, сего мѣсяца 3-го числа. Изъ вашего письма я узнаю, маменька, что вы фабрику бросили совершенно. Я прошу въ такомъ случаѣ, пришлите мнѣ подробный счетъ издержкамъ, расходамъ и доходамъ по этому дѣлу: когда именно и что̀ куплено, какія именно вещи и когда были сдѣланы, что̀ испродано, что̀ не могли сбыть; какія распоряженія, сколько и когда было закуплено, кѣмъ и по какимъ цѣнамъ. Все это нужно, чтобы было въ порядкѣ, за каждый мѣсяцъ особенно, и при концѣ итогъ всей суммы. Мнѣ это необходимо нужно для составленія своей смѣты. Вы можете это поручить Василію Ивановичу [4]); онъ, я думаю,

---

[1]) Пропущено въ подлинникѣ.

[2]) Вѣроятно, Гоголь разумѣетъ Пушкина, который говоритъ:

«Душевныхъ нашихъ мукъ не стоитъ міръ»...

Примѣч. П. А. Кулиша.

Остальныя строки этого письма у Кулиша опущены.

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «ну».

[4]) Гоголь при жизни В. И. Чернышa обыкновенно поручалъ матери обращаться за совѣтами къ нему и вообще считалъ его самымъ дѣловымъ и заслуживающимъ полнаго довѣрія сосѣдомъ и другомъ дома. Послѣ его смерти, онъ такое же значеніе придавалъ его вдовѣ Татьянѣ Ивановнѣ, матери А. С. Данилевскаго, а потомъ разнымъ лицамъ уже по необходимости, напр. сосѣдкѣ Цуревской. См. письмо къ А. С. Данилевскому отъ 29 декабря 1839 года.

это можетъ сдѣлать; не то—Павелъ Осиповичъ можетъ помочь ему. Да ведете ли вы, то есть, ведетъ ли Василій Ивановичъ, приходъ и расходъ по имѣнію аккуратно каждый мѣсяцъ? Это необходимо нужно: тогда только можно хорошо управлять хозяйствомъ, когда совершенно знаемъ количество прихода и расхода. Соображаясь съ приходомъ, можно размѣрять и расходъ свой; тогда можно положить за правило издерживать никакъ не болѣе той суммы, которая осталась въ приходѣ. Если въ какомъ мѣсяцѣ приходъ будетъ очень малъ, нужно стараться, чтобы расходъ былъ и того меньше. Если же приходъ очень великъ, то все-таки нужно стараться не слишкомъ возвышать расходъ, чтобы послѣдующее время, не слишкомъ хорошее, можно безъ труда привыкнуть къ небольшимъ расходамъ и чтобы хоть что-нибудь было въ остаткѣ. Безъ этого, что бы вы ни заводили, все не будетъ клеиться. Богу никакъ нельзя приписывать нашихъ неудачъ. Богъ милостивъ, и всякому, кто трудится съ благоразуміемъ и съ осмотрительностью принимается за дѣло, Онъ всегда оказываетъ всемогущую свою помощь. «*Береженаго и Богъ бережетъ*», говоритъ старинная пословица. Но если, вмѣсто этого, мы предадимся безплоднымъ мечтаніямъ и будемъ сидѣть сложа руки, надѣясь во всемъ на милосердіе Божіе; то мы никогда не будемъ имѣть ничего. Я испыталъ многое на себѣ. Во всемъ, чѣмъ я только займусь съ большою осмотрительностію, хорошенько обсужу дѣло, поведу съ величайшею аккуратностью и порядкомъ, не занимаясь мечтами о будущемъ, во всемъ этомъ я вижу ясно Божію помощь.

По этому-то самому я не вижу даже большой необходимости ѣхать вамъ въ Воронежъ. Я уважаю очень угодниковъ Божіихъ, но молиться Богу все равно, въ какомъ бы мѣстѣ вы ни молились. Онъ вездѣсущъ, стало быть, Онъ вездѣ слышитъ нашу молитву, и Ему столько молитва нужна, сколько нужны дѣла наши. Впрочемъ я не настою на томъ, чтобы вы не ѣхали въ Воронежъ, особливо если позволятъ вамъ ваши финансы.

Я бы съ радостью прислалъ вамъ сколько-нибудь, но этотъ годъ былъ и для меня нѣсколько тяжелъ. Даже намѣреніе мое ѣхать къ вамъ рушилось: впрочемъ я этому даже радъ, несмотря на желаніе большое васъ видѣть. Еслибы я поѣхалъ теперь, я бы потерялъ по службѣ, между тѣмъ какъ, оставшись здѣсь еще на полгода, я много выиграю. Я знаю, что вы, безцѣннѣйшая маменька,

сами будете въ этомъ случаѣ согласны со мною и, вѣрно, не будете о томъ печалиться, что я не буду къ вамъ теперь. Но зато въ январѣ или февралѣ мѣсяцѣ уже ничто не удержитъ меня. Много ли вамъ обождать? всего шесть мѣсяцевъ, не больше.

Я бы вамъ прислалъ теперь Смирдина журналъ [1]), но онъ такъ толстъ, что за пересылку его больше нужно заплатить, нежели сколько онъ самъ стоитъ; притомъ же очень глупъ. Всѣ порядочные люди и великіе писатели отъ него отказываются; въ высшемъ кругу его никто не читаетъ. Только въ провинціи находятся люди, которые его читаютъ, еще и восхищаются дрянью. Я не знаю, что за охота пришла нашимъ(мъ) судить и рядить о литературѣ. Я зналъ много людей, которыхъ почитали умными, хорошими хозяевами и даже свѣдущими во многомъ; но когда эти люди захотятъ непремѣнно судить и сообщать другимъ свои сужденія, то ихъ безъ смѣха нельзя слушать. Въ какія можно впадать ошибки, можно какому (бы то) [2]) ни было извѣстному (писателю) [3]) приписывать сочиненіе чужое, сочиненіе гадкое, которымъ оскорбляется и умъ, и вкусъ... Но довольно объ этомъ.

Сестры мои хотя не много выросли, но зато въ музыкѣ дѣлаются доки и начинаютъ играть довольно трудныя піесы. Я хотѣлъ прислать при семъ письма ихъ, но онѣ еще до сихъ поръ мнѣ не доставили ихъ...

CXXVII. Къ М. А. Максимовичу.

СПб. Іюля 18 (1834).

Я получилъ твои экземпляры пѣсенъ и по принадлежности роздалъ, кому слѣдовало. Препровождаю къ тебѣ благодарность получателей. Жуковскій читалъ нѣкот(орыя) [4]): онѣ произвели эффектъ. Многія понравились наслѣднику. Я, однакоже, все ожидалъ, что ты еще будешь писать [5]) ко мнѣ изъ Москвы. Мнѣ хотѣлось знать, какъ ты собрался въ дорогу, сѣлъ въ бричку и прочее [6]).

---

[1]) «Новоселье», часть II. См. примѣч. къ письму Погодину отъ 20 февраля 1833 года. Но, можетъ быть, здѣсь разумѣется уже «Библіотека для Чтенія».

[2]) Этихъ словъ въ подлинникѣ нѣтъ.

[3]) Тоже.

[4]) Не дописано.

[5]) Слово: «писать» приписано сверху строки, другими чернилами.

[6]) Остальная часть письма написана другими чернилами.

Что-то ты теперь подѣлываешь въ Кіевѣ? А кстати, чтобы не позабыть: къ вамъ, или къ намъ, въ Кіевъ, хочетъ ѣхать одинъ препитересненьшій [1]) и прелюбезнѣйшій человѣкъ, который тебѣ понравится до-нельзя, настоящій землякъ и человѣкъ, съ которымъ никогда не будетъ скучно, никогда, сохранившій все то, что требуется для молодости, несмотря на то, что ему за сорокъ лѣтъ. Онъ хочетъ занять мѣсто директора гимназіи, если нельзя въ Кіевѣ, то въ какой-нибудь [2]) другой [3]) кіевскаго же округа. Въ началѣ онъ служилъ по ученой части, потомъ былъ за границей, потомъ въ таможняхъ, изъѣздилъ всю Русь, охотникъ страшный до степей [4]) и Крыма и, наконецъ, служитъ здѣсь въ почтовомъ департаментѣ. Извѣсти только, есть ли у васъ [5]) какое-нибудь вакантное мѣсто, и въ такомъ случаѣ замолвь словечко отъ себя Брадке, не прямо, но косвенно, т. е. вотъ какимъ [6]) образомъ: что ты знаешь де человѣка, весьма годнаго занять мѣсто и истинно достойнаго, но что не знаешь де, согласится ли онъ на это, потому что въ Петербургѣ имѣетъ выгодное мѣсто и считаютъ его [7]) нужнымъ человѣкомъ [8]), что прежде онъ хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ; то по(про)бовать [9]), можетъ быть, онъ [10]) согласится, — тѣмъ болѣе, что тамъ близко [11]) его родина... А съ своей стороны ты очень будешь доволенъ имъ.

Познакомился ли ты съ Бѣлоусовымъ, какъ я тебѣ писалъ въ прежнемъ письмѣ? Онъ находится теперь при графѣ Левашевѣ [12]).

Да что ты не прислалъ мнѣ нотъ малороссійскихъ пѣсенъ? прислалъ одинъ листъ подъ названіемъ «Голоса», а самихъ-то голосовъ и нѣтъ! Я съ нетерпѣніемъ дожидаюсь ихъ.

---

[1]) Не дописано.

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «пзъ».

[3]) Зачеркнуто, повидимому: «вашего же?»

[4]) Изъ его разсказовъ Гоголь запмствовалъ много красокъ для своего «Тараса Бульбы», напримѣръ: степные пожары и лебеди, летящіе въ заревѣ по темному ночному небу, какъ красные платки.

Примѣч. П. Кулиша.

[5]) Слова: «у васъ» у Кулиша пропущены.

[6]) Не дописано.

[7]) Это слово вписано сверху строки.

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «но что теперь».

[9]) Въ подлинникѣ описка: «побровать».

[10]) Послѣ этого зачеркнуто: «это».

[11]) У Кулиша: «близка».

[12]) Генералъ-губернаторъ въ Полтавѣ. О службѣ у него Бѣлоусова упоминается въ письмѣ къ Тарновскому отъ 7 авг. 1834 года (ниже, стр. 316).

Каково у васъ лѣто? какъ ты проводишь его?

Да пиши скорѣе. Что это! я уже около мѣсяца не получаю отъ тебя никакой вѣсти. Это скучно... Прощай.

Твой *Гоголь.*

CXXVIII. А. С. Пушкину [1]).

(Въ іюлѣ?).

Я вчера былъ у Уварова. Ничего я не могу вамъ сказать утѣшительнаго для себя. Еслибы я былъ хотя въ такомъ состояніи, какъ вчера, я бы явился къ вамъ. Но теперь я такъ зло захворалъ, что никуда не могу носа показать. Если вы будете въ нашей сторонѣ и станете проходить мимо моей Морской, то будьте великодушны и загляните ко мнѣ, страдающему и тѣломъ, и духомъ. Я имѣю вамъ кое-что сказать.

Вѣчно вашъ *Н. Гоголь.* [2])

CXXIX. Къ. М. П. Погодину.

23 іюль (1834). СПб.

Рекомендую тебѣ добраго товарища моего Рѣдкина [3]). Онъ только-что возвратился изъ чужихъ краевъ, куда былъ посланъ для усовершенствованія своего ученія, съ тѣмъ, чтобы занять профессорскую каѳедру. Онъ очень жаждетъ съ тобою познакомиться. Онъ по юридической части. Впрочемъ, ты можешь отъ него узнать и о состояніи прочихъ наукъ въ Германіи.

Я на время рѣшился занять здѣсь каѳедру исторіи, и именно среднихъ вѣковъ [4]). Если ты этого желаешь, то я

---

[1]) Это письмо было напечатано въ геліографическомъ снимкѣ въ «Русской Старинѣ» (1879, т. XXIV, IV, стр. 776).

[2]) Сбоку написано на томъ же листѣ изъ малороссійской пѣсни:

«Черна роля заорана,
Гей, гей!
И кулями засіяна,
Билымъ тиломъ взволочена,
Гей, гей!
И кровію сполочена».

(См. «Русск. Стар.», 1879, т. XXVI. IV, апр., стр. 776; геліографическій снимокъ).

[3]) Извѣстный профессоръ, Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ.

[4]) Гоголь сдѣлался профессоромъ С.-Петербургскаго Университета 24 іюля 1834 года, когда было получено оффиціальное утвержденіе, но онъ зналъ о немъ и раньше и уже 23 іюля сообщалъ Погодину о своемъ назначеніи.

пришлю тебѣ нѣкоторыя свои лекціи, съ тѣмъ только, чтобы ты взамѣнъ прислалъ мнѣ свои [1]). Весьма недурно, еслибы ты отнялъ у какого-нибудь студента тетрадь записываемыхъ имъ твоихъ лекцій, особенно о среднихъ вѣкахъ, и прислалъ бы черезъ Рѣдкина мнѣ теперь же.

Надъ чѣмъ ты теперь сидишь въ деревнѣ? Что у тебя готовится и работается? Извѣсти.

Твой *Гоголь.*

CXXX. Къ матери.

С. Петербургъ. 1834, августа 1.

Я получилъ письмо ваше и былъ очень огорченъ, даже до сихъ поръ не могу совершенно быть спокойнымъ, вообразивъ, что вамъ предстоитъ такъ малый срокъ, только до августа, къ уплатѣ пяти тысячъ рублей. Гдѣ вы ихъ возьмете? и зачѣмъ вы увѣряете меня, что вы совершенно спокойны? какъ-будто я не знаю, что вы должны находиться въ величайшемъ безпокойствѣ. О, Бога ради, маменька, не заводите никакихъ новыхъ предпріятій и фабрикъ! Для того, чтобы заводить ихъ, нужно слишкомъ быть свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ; нужно быть самому фабрикантомъ. Фабрики и заведенія новыя не оттого лопаютъ (sic), что онѣ глупость, но оттого, что не всякій знаетъ, какъ за нихъ взяться. Старайтесь лучше сохранить и усовершенствовать то, что у насъ есть, и берегите болѣе всего ваше здоровье, которое для насъ драгоцѣннѣе всего. Если у васъ уже выучились выдѣлывать кожи, то вы не оставляйте этого вовсе. Пусть выдѣлываютъ, но только выдѣлываютъ, и больше ничего, но шить и дѣлать какіе-нибудь подряды — Богъ съ ними! И то выдѣлывать могутъ тогда только, когда требуетъ этого надобность.

Вы жалуетесь, что я васъ не увѣдомляю ничего о службѣ и о прочемъ. Что же сказать вамъ? вѣдь вы знаете сами, гдѣ я нахожусь. Впрочемъ я скинулъ съ себя лишнюю обузу и отказался отъ другихъ занятій. Я теперь только профессоръ здѣшняго университета и больше никакой не имѣю должности, потому что и не имѣю желанія занять и не имѣю времени.

Я здоровъ, довольно веселъ; сестры также. Письмо ихъ вамъ при семъ посылаю.

---

[1]) Презирая «вялыхъ профессоровъ». Гоголь, однакоже, собирался читать лекціи по чужимъ профессорскимъ запискамъ.

Прощайте; цѣлую ваши руки. Обнимаю сестру Марію, Павла Осиповича и Катерину Ивановну и кланяюсь дѣдушкѣ и бабушкамъ...

Поклонъ отъ меня Татіанѣ Ивановнѣ и Василію Ивановичу. Также поклонъ Ларію Ив(ановичу) Трощинскому [1]).

CXXXI. Къ В. В. Тарновскому.

СПб. 1834 г. августа 7 [2]).

Извини меня, любезный Василь («э, Василь! а що, якъ бы гимназія сгоріла!!.») [3]), извини, что долго не писалъ къ тебѣ. Я немного обчелся въ обстоятельствахъ своихъ. Думалъ было на каникулахъ быть въ Малороссіи и лично видѣться съ тобою, откладывалъ нарочно для того писать къ тебѣ; — и ничего этого не случилось: я попрежнему пребываю въ Питерѣ. Посылаю тебѣ Нибура столько книгъ, сколько до сихъ поръ переведено на французскомъ.

Что, видѣлъ ли Рѣдкина? Онъ поѣхалъ на мѣсяцъ полобызаться съ батюшкою и потомъ долженъ опять возвратиться сюда. Онъ говорилъ, что если ты будешь дома, то заѣдетъ къ тебѣ въ Антоновку; если же ты будешь въ Житомірѣ, то по краткости времени не можетъ заглянуть къ тебѣ туда. Ну, каково живутъ дѣла твои? Какъ ты проводишь дома время каникулъ? Что болящій? Что дядюшка Гриша Степановичъ? Что попъ, который говоритъ: «*И чого-бъ такы сыдить такъ? вы бъ такы або грали, або танцювалы и такъ, и такъ!*» Бываешь ли ты часто въ Кіевѣ? Вѣдь тебѣ, кажется, чрезъ него лежитъ дорога домой. Я слышалъ, что Бѣлоусова [4]) дѣла доволь(но) [5]) по-

---

[1]) Настоящее имя его было Иларіонъ.

[2]) Это письмо напечатано впервые въ «Кіевской Старинѣ», 1883, III, стр. 826—827.

[3]) Гоголь, очевидно, вспоминаетъ ту фразу, которою часто обмѣнивались школьники-товарищи въ низшихъ классахъ о своемъ учебномъ заведеніи: «какъ было бы хорошо, еслибъ гимназія сгорѣла! насъ бы распустили»! и проч.

[4]) Бѣлоусовъ профессоръ-инспекторъ нѣжинской гимназіи во время Гоголя; въ 1830 г. онъ былъ удаленъ со службы по интригамъ товарищей (см. не разъ цитированную статью Лавровскаго) и только въ 1831 г. онъ пріобрѣлъ себѣ покровительство гр. Левашева, кіевскаго генералъ-губернатора, и ему дозволено было поступить на службу въ Кіевѣ по гражданской части; умеръ въ 1854 г. «Нѣжинскіе профессора большіе бестіи!» писалъ по этому поводу Гоголь (см. письмо къ Максимовичу отъ 14 авг. 1834 г., стр. 320).

[5]) Не дописано.

правились,—я этому очень радъ. Да, пожалуйста, скажи, если будешь въ Кіевѣ, Максимовичу, который тамъ профессоръ словесности, скажи, что я просто пріѣду и поколочу его на всѣ боки. Что въ самомъ дѣлѣ за дрянь такая! Вотъ ровно мѣсяцъ, если не больше [1]), какъ я отъ него ни строки не получаю. По крайней мѣрѣ изъ Кіева онъ мнѣ ни двухъ запятыхъ [2]) до сихъ поръ не написалъ, и не знаю, что съ нимъ, мерзавцемъ, дѣлается. Ты скажи ему, что я велѣлъ ему особенно полюбить тебя и стараться перевести тебя въ Кіевъ, хотя адъюнктомъ, потому что киснуть тебѣ въ литовскомъ городѣ не годится [3]). Что, какъ твое здоровье? Какъ с... [4]) ты, въ кругъ или въ смятку? и регулярно, или нерегулярно? Такъ же на счетъ поясницы и прочихъ почечуйностей. Каково идетъ ваша житомірская гимназія? Часто ли посѣщаетъ васъ пресловутый вашъ Б(радке)? [5])... Ну, какой сволочи набрали въ вашъ кіевскій университетъ! Мнѣ даже жаль бѣднаго Максимовича, что онъ попался между нихъ. Можно ли это? Новый университетъ! тутъ бы нужно стараться, пользуясь этою выгодою, набрать новыхъ профессоровъ, а вмѣсто этого набрали старой плѣсени изъ глупаго кременецкаго лицея. Я самъ было думалъ въ кіевскій университетъ, да [6]), къ счастью, не сошелся съ вашимъ Б(радке) [7]), остался въ здѣшнемъ, и лучше, потому что черезъ четыре мѣсяца получаю здѣсь экстраординарнаго [8]) профессора.

Не слышалъ ли чего-нибудь о нашихъ, особенно о Лукашевичѣ старшемъ или о Высоцкомъ? Видаешь ли Маркова [9])? Кажется, мнѣ кто-то говорилъ, что онъ намѣревался сюда ѣхать. Имѣешь ли хорошій аппетитъ, и чѣмъ именно болѣе всего обжираешься—арбузами или дынями, или грушами? Много ли ходишь, прогуливаешься и во-

---

[1]) Тоже.

[2]) Вмѣсто «ни двухъ запятыхъ», прежде было написано: «ни строчки», но Гоголь, перечитывая это письмо, замѣтилъ повтореніе одного и того же слова.

[3]) Ср. письмо къ Максимовичу отъ 22 января 1835 г. (стр. 331).

[4]) Неудобное для печати слово.

[5]) Брадке, бывшій тогда попечителемъ въ Кіевѣ. Гоголь его крѣпко не взлюбилъ за то, что Брадке предпочелъ ему проф. Цыха на каѳедру всеобщей исторіи въ кіевскомъ университетѣ.

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «только».

[7]) Въ подлинникѣ только инициалъ.

[8]) Въ подлинникѣ описка: «экстрординнаго».

[9]) Марковъ, Владиміръ Михайловичъ. См. «Лицей князя Безбородко», стр. CXXX.

обще дѣлаешь муціонъ (sic!), и есть ли у васъ гдѣ нибудь такія мѣста, гдѣ можно [1]) прогуляться? Чѣмъ изобилуетъ въ это время Житоміръ? И какой у... [2]) обыкновенно употреблешь—фаянсовый или мѣдный?

Впрочемъ, да хранятъ тебя вышнія [3]) власти!

Будь здоровъ, пиши и не забывай твоего.

Гоголя [4]).

CXXXII. Къ М. А. Максимовичу.

14 августа, 1834 (изъ С.-Петербурга).

Я получилъ письмо твое отъ 4 августа вчера (13-го) [5]). Во-первыхъ, позволь тебѣ замѣтить, что ты страшный нюня! все идетъ какъ слѣдуетъ, а онъ еще и киснетъ! Когда я, который долженъ остаться въ чухонскомъ городѣ [6]), плюю на все и говорю, что все на свѣтѣ трынъ-трава... а признаюсь, грусть хотѣла было сильно подступить ко мнѣ [7]), но я далъ ей, по выраженію твоему, такого пиздлесня, что она задрала [8]) ноги. Что мнѣ было дѣлать съ вашимъ Брадке [9]). Обѣщать и не исполнить обѣщаннаго—развѣ этакъ можно дѣлать! Жуковскій писалъ къ нему, что министръ наконецъ согласенъ мнѣ дать экстр(аординарнаго) проф(ессора) [10]) и что отъ него теперь зависитъ. Въ отвѣтъ было получено письмо, что онъ, Б(радке) [11]), согласенъ мнѣ дать адъюнкта (какъ будто объ адъюнктѣ его просили!) и что это мѣсто для меня очень выгодное (какъ будто я нищій и мнѣ оно дается изъ милости!). Я заключилъ, что я не нуженъ, что я не имѣю счастія нравиться попечителю [12]). Стало быть, съ моей стороны весьма

---

[1]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «упот(реблялись)».

[2]) Неудобное для печати слово.

[3]) Въ подлинникѣ: «вышнія» (вышнія или высшія)?

[4]) Въ подписи можно разобрать только «Гог», а все остальное слилось въ самыя проказливыя завитушки, словно у Гоголя перо закружилось.

[5]) Эта фраза у Кулиша пропущена.

[6]) Эта фраза у Кулиша также пропущена.

[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «да».

[8]) Прежде было, кажется: «задрыгали» (?).

[9]) Въ подлинникѣ только инціалъ; послѣ этого зачеркнуто: «Жуковск(ій)».

[10]) Не дописано.

[11]) Только инціалъ, вписанный сверху строки.

[12]) Послѣ этого зачеркнуто: «вашему».

неприлично навязываться самому, а тѣмъ болѣе дѣйствовать мимо его [1]).

Я рѣшился ожидать благопріятнѣйшаго и удобнѣйшаго времени, хотѣлъ даже ѣхать осенью непремѣнно въ гетманщину, какъ здѣшній попечитель, князь Корсаковъ[2]) предложилъ мнѣ, не хочу ли я занять каѳедру всеобщей исторіи въ здѣшнемъ университетѣ, обѣщая мнѣ черезъ три мѣсяца экстраорд. [3]) профессора, зане не было ваканціи [4]). Я, хорошенько разсчитя, увидѣлъ, что мнѣ выбраться въ этомъ году нельзя никакъ изъ Питера: такъ я связался съ нимъ долгами и всѣми дѣлами своими, что было единственною причиною неуступчивости моихъ требованій въ разсужденіи Кіева. Итакъ я рѣшился принять предложеніе остаться на годъ въ здѣшнемъ университетѣ, получая тѣмъ болѣе правъ къ занятію въ Кіевѣ. Притомъ же отъ меня зависитъ пріобрѣсть имя, которое можетъ заставить быть посноснсходительнѣе въ отношеніи ко мнѣ и не почитать [5]) меня за несчастнаго просителя, привыкшаго чрезъ длинныя передшія и лакейскія пробираться къ мѣсту. Между тѣмъ, поживя здѣсь, я буду имѣть возможность выпутаться изъ своихъ денежныхъ обстоятельствъ. На театръ здѣшній я ставлю пьесу, которая, надѣюсь, кое-что принесетъ мнѣ, да еще готовлю изъ-подъ полы другую [6]). Короче, въ эту зиму я столько обдѣлаю, если Богъ поможетъ, дѣлъ, что не буду раскаиваться въ томъ, что остался здѣсь этотъ годъ. Хотя душа сильно тоскуетъ за Украйной, но нужно покориться, и я покорился безропотно, зная, что съ своей стороны употребилъ всѣ возможныя силы. Я не знаю, отчего это произошло, что попечитель согласенъ теперь, по крайней мѣрѣ по твоимъ словамъ, дать мнѣ экстраор(динарнаго) [7]). Отчего же онъ прежде не хотѣлъ и отказалъ напрямикъ Жуковскому? Видно, Левашевъ просилъ его за

---

[1]) Все предыдущее, начиная отъ словъ: «Что мнѣ было дѣлать съ вашимъ Брадке», у Кулиша пропущено.

[2]) Дондуковъ-Корсаковъ.

[3]) Не дописано.

[4]) Слова: «зане не было ваканціи» вписаны сверху строки.

[5]) Это слово вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «быть».

[6]) Послѣ этого зачеркнуто написанное по ошибкѣ вторично: «и не почитать».

[7]) Рѣчь идетъ о «Женитьбѣ» и «Ревизорѣ». См. объясненіе въ «Ревизорѣ» (изд. Тихонравова, VII, примѣч. 2 и соч. Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 590, примѣч. 4 и «Русск. Арх.», 1890, VIII, стр. 9—10).

[8]) Не дописано.

меня, которому Данковъ писалъ два раза, но только все мнѣ непонятно. Письмо Жуковскій получилъ довольно поздно. Какъ бы то ни было, но перебираюсь на слѣдующій годъ, и если вы не захотите принять къ себѣ въ Кіевъ, то въ отеческую берлогу, потому что мнѣ доктора велятъ напрямикъ убираться; да, притомъ [1]), и самому становится, чѣмъ далѣ, нестерпимѣе петербургскій воздухъ.

Я тебя прошу, пожалуйста, развѣдывай, есть ли въ Кіевѣ продающіяся мѣста для дома, если можно, съ садикомъ и, если можно, гдѣ-нибудь на горѣ, чтобы хоть кусочекъ Днѣпра былъ виденъ изъ него, и если найдется, то увѣдоми меня; я не замедлю выслать тебѣ деньги. Хорошо бы, еслибы наши жилища были вмѣстѣ.

Пожалуйста, напиши мнѣ обстоятельнѣе о Кіевѣ. Теперь ты, я думаю, его совершенно разнюхалъ, каковъ онъ, и каковъ имѣетъ характеръ людъ, обитающій въ немъ: офицеры, поляки, ученый дрязгъ нашъ, перекупки и монахи.

Тотъ пріятель нашъ, о которомъ я рекомендовалъ тебѣ, есть Семенъ Данилов(ичъ) [2]) Шаржинскій: воспитыва(лся) [3]) въ здѣшнемъ педагогическомъ институтѣ, гдѣ окончивъ [4]) курсъ, былъ отправленъ учителемъ въ Ѳеодосію, послѣ въ другія мѣста въ южной Россіи, — въ какія, не помню, а спросить его позабылъ,—потомъ служилъ въ таможняхъ, наконецъ нахо(ди)тся у Булгакова въ почтовомъ департаментѣ. Въ Нѣжинъ не изъявляетъ желанія, зная, что тамъ болѣе трудностей, потому что гимназія имѣетъ [5]) особенныя права и постановленія, да притомъ знаетъ, что тамошніе профессора большія бестіи, отъ которыхъ уже товарищи его, вмѣстѣ съ нимъ воспитывавшіеся и бывшіе тамъ профессорами, пострадали [6]).

Спѣшу къ тебѣ кончить письмо, зане страхъ некогда: сейчасъ ѣду въ Царское, гдѣ проживу двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ непремѣнно буду писать къ тебѣ...

Прощай, твой *Гоголь.*

---

[1]) У Кулиша: «признаюсь»; у г. Пономарева правильно: «притомъ».
[2]) Не дописано.
[3]) Тоже.—О Шаржинскомъ см. выше, стр. 313.
[4]) У Кулиша и г. Пономарева: «окончилъ».
[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «и другія».
[6]) См. письмо къ Тарновскому отъ 7 августа 1834 г.—Все это мѣсто послѣ слова: «постановленія» у Кулиша опущено.

CXXXIII. Къ нему же.

Августа 23 (1831, изъ С.-Петербурга).

Пріятель нашъ Семенъ Данилов(ичъ) [1] Шаржинскій хочетъ ли въ Каменецъ-Подольскую, или въ Винницкую гимназію, и потому я тебѣ еще разъ пишу объ этомъ. Если эти мѣста не вакантны теперь, то, можетъ быть, тебѣ извѣстно, когда они будутъ вакантны, и въ такомъ случаѣ, пожалуйста, не прозѣвай. Пронюхай, что̀ есть путнаго [2] въ вашей библіотекѣ, относящагося до нашего края; весьма бы было хорошо, еслибы [3] ты поручилъ кому-нибудь составить имъ [4] маленькій реестрецъ, дабы я могъ все это принять къ надлежащему свѣдѣнію. Я получаю много подвозу изъ нашихъ краевъ. Между ними есть довол(ьно) [5] замѣчательныхъ вещей.

Исторія моя терпитъ страшную перестройку: въ первой части цѣлая половина совершенно новая. Есть ли что-нибудь на рукахъ у Берлинскаго? вѣдь онъ старый корпила, а у монаховъ неужели ни———[6] это жаль! Я тружусь какъ лошадь, чувствуя, что это послѣдній годъ, но только не надъ казенною работой, т. е. не надъ лекціями, которыя у насъ до сихъ поръ еще не начинались, но надъ собственно своими вещами.

На дняхъ Сенков(скій) [7] и Гречъ перегрызлись, какъ собаки; но, впрочемъ, есть надежда, что сіи достойные люди скоро помирятся. Наши всѣ почти разъѣхались: Пушкинъ въ деревнѣ, Вяземскій уѣхалъ за границу, для поправленія [8] здоровья своей дочери. Городъ весь застроенъ подмостками для лучшаго усмотрѣнія Александровской колонны, имѣющей открыться 30 августа. Офицерья и солдатства [9] страшное множество — и прусскихъ, и голландскихъ, и австрійскихъ. Говядина и водка вздорожали страшно [10].

---

[1]) Не дописано.

[2]) Въ подлинникѣ: «путняго», какъ обыкновенно у Гоголя.

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «маленькій реестрецъ».

[4]) Слова: «составить имъ» вписаны сверху строки.

[5]) Не дописано.

[6]) Неудобныя для печати два слова.

[7]) Не дописано.

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «своего».—Дочь Вяземскаго скончалась и похоронена въ Римѣ; см. примѣч. къ письму отъ 25 іюня 1838 г.

[9]) Слова: «и солдатства» вписаны сверху строки.

[10]) Начиная отъ слова: «офицерья», у Кулиша опущено. Объ участіи въ этомъ торжествѣ представителей прусской арміи см. въ га-

Прощай. Пиши, что и какъ въ Кіевѣ...

Твой *Гоголь.*

CXXXIV. Къ В. В. Тарновскому [1]).

(Сентябрь 1834 г.).

Письмо твое получилъ тоже не слишкомъ по скорой почтѣ. Хорошъ, братецъ, ты! пишешь съ 1 сентября, а я получаю 20, между тѣмъ какъ письмо изъ Житоміра идетъ никогда не больше десяти дней. Ты, вѣрно, поступаешь со мною такъ же, какъ я съ почтенными родителями своими, т. е. выставляешь заднимъ числомъ [2]). Что я не пишу аккуратно къ тебѣ, это извинительно, потому что я лѣнивъ; но что ты не пишешь, то это вовсе непростительно тебѣ, потому что ты былъ всегда трудящимся человѣкомъ... Ну, какъ поживаешь? Да: что тебѣ за охота думать о перемѣщеніи въ Нѣжинъ? Охота же возиться съ этою дрянью, каковы напримѣръ Мазепичъ Самойленко, Лопушевскій, Урсо и прочіе [3]). Мнѣ кажется, нѣтъ лучше тебѣ мѣста, какъ въ Кіевѣ. Если хочешь, я напишу объ тебѣ Максимовичу [4]); но если до того времени увидишься съ нимъ, то скажи ему только, что ты мой товарищъ. Мы съ нимъ большіе друзья и онъ для тебя, вѣрно, съ большою готовностію будетъ стараться. Имѣешь ли ты нужныя пособія для твоихъ лекцій? Какими ты курсами руководствуешься? Есть ли у тебя исторія Мишеле новая, или средняя Демишеля, и если неполныя, то, по крайней мѣрѣ, «Précis»? Если нѣтъ, то увѣдоми меня: я тебѣ постараюсь ихъ выслать.

А что, какъ твоя женитьба? А я собираюсь крестить маленькаго крикуна-козленка, который имѣетъ отъ тебя быть. Пожалуйста, увѣдоми меня, когда будутъ крестины. Какъ идетъ ваша административная, ученая часть? Что

зетахъ этого времени или въ Энциклопедич. Словарѣ Брокгауза (томъ I, 383). О предполагавшемся пріѣздѣ прусскаго короля см. выше въ письмѣ отъ 15 іюня 1834 года (стр. 305).

[1]) Это письмо первоначально было напечатано С. И. Пономаревымъ въ «Кіевской Старинѣ» (1883, III. 628–629); оно не имѣетъ даты, но, по справедливому мнѣнію г. Пономарева, какъ показываетъ его содержаніе, относится къ 1834 г.

[2]) Ср. въ письмѣ къ Данилевскому отъ 14 апрѣля 1838 года.

[3]) Учителя нѣжинской гимназіи: Самойленко—географіи, Лопушевскій—ариѳметики, Урсо—фехтованія.

[4]) См. письмо Гоголя къ Максимовичу отъ 22 января 1835 года.

говорятъ объ университетѣ, о профессорахъ, о попечителѣ и о прочемъ? Я познакомился здѣсь съ твоимъ дядюшкой. Видѣлъ дорогого нашего Булыча [1]). Впрочемъ, да хранитъ тебя Богъ отъ всего злого и поведетъ тебя тою дорогою, по которой желаетъ душа твоя!

Весь твой *Гоголь*.

Замѣтки г. Пономарева къ предыдущему письму.

(въ «Кіевской Старинѣ» 1882, III, 629).

«Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе согласія Тарновскаго на ходатайство о переводѣ его въ Кіевъ, Гоголь въ 1835 году два раза писалъ о немъ Максимовичу: отъ 22 января:

«Есть нѣкто, мой соученикъ, чрезвычайно добрый малый» и т. д. (см. ниже, стр. 331).

Максимовичъ изъявилъ полное согласіе и просилъ Тарновскаго къ себѣ въ адъюнкты по русской словесности. Гоголь на это отвѣчалъ отъ 22 марта:

«Тарновскій идетъ по исторіи» и проч. (см. ниже, стр. 340). «Изъ дальнѣйшаго хода дѣла оказывается, что Тарновскій соглашался поступить адъюнктомъ къ Максимовичу, и Максимовичъ ходатайствовалъ о немъ передъ попечителемъ; но Брадке не внялъ его представленію, не принявъ ни Тарновскаго, ни М. Г. Чистякова».

CXXXV. К. С. Сербиновичу (записка [2]).

29 сент. 1834.

Очень благодаренъ вамъ за присылку корректуры. Если можно, то я бы попросилъ у васъ прислать сегодня же и хвостикъ ея. Слова *чутья* [3]) никакъ не могу перемѣнить. У насъ совершенно нѣтъ ему равнозначительнаго. При томъ я его употребилъ потому, что оно уже получило нѣкоторое право гражданства: его употребилъ Пушкинъ и даже

---

[1]) Въ спискѣ нѣжинскихъ воспитанниковъ его нѣтъ: вѣроятно, это одинъ изъ близкихъ земляковъ Гоголя и Тарновскаго.

[2]) Эта записка была напечатана въ «Русскомъ Архивѣ», 1876, III, октябрь, стр. 202.

[3]) Слово *чутье* встрѣчается въ статьѣ «О среднихъ вѣкахъ», напечатанной въ сентябрьской книгѣ «Журнала Мин. Нар. Просв.», въ выраженіи: «Я не отрицаю, что для самаго умѣнья найти все это, нужно быть одарену тѣмъ *чутьемъ*, которымъ обладали немногіе историки». (Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 120).

Жуковскій [1])—въ путешествіи по Саксоніи, въ смыслѣ художественномъ, хотя это прекрасное письмо его, кажется, доселѣ не напечатано. Нечего дѣлать, нужно намъ перенять нѣкоторыя добродѣтели и у четвероногихъ.

Желаю вамъ совершеннаго здоровья.

Остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга *Н. Гоголь.*

CXXXVI. Къ М. П. Погодину.

Ноября 2 (1834). СПб.

Письмо твое я получилъ вчера. Очень радъ, что московскіе литераторы наконецъ хватились за умъ [2]), и охотно готовъ съ своихъ сторонъ помогать по силамъ. Только я бы вотъ какой совѣтъ далъ: журналъ нашъ нужно пустить какъ можно по дешевой цѣнѣ. Лучше на первый годъ отказаться отъ всякихъ вознагражденій за статьи, а пустить его непремѣнно подешевле. Этимъ однимъ только можно взять верхъ и сколько-нибудь оттянуть привалъ черни къ глупой «Библіотекѣ», которая слишкомъ укрѣпила за собою читателей своею толщиною. Еще: какъ можно болѣе разнообразія и подлиннѣе оглавленіе статей! Количествомъ и массою болѣе всего поражаются люди. Да чтобы смѣху, смѣху, особенно при концѣ! Да и вездѣ недурно напшиговать имъ листки. И, главное, никакъ не колоть въ бровь, а прямо въ глазъ. Эхъ жаль, что я не могу для перваго листа ничего дать, потому что страшно занятъ, и печатаю кое-какія вещи [3])! но какъ-только обстрою дѣла свои, то непремѣнно пришлю что-нибудь. Впрочемъ оно и лучше, что я теперь ничего не даю: теперь мое имя не слишкомъ видно; но послѣ напечатанія моихъ небольшихъ мараканій, все-таки лучше.

Охота тебѣ заниматься и возиться около Герена, который далѣе своего нѣмецкаго носа и своей торговли ничего не видитъ. Чудной человѣкъ: онъ воображаетъ себѣ, что политика какой-то осязательный предметъ, господинъ во фракѣ и башмакахъ, и притомъ совершенно абсолютное существо, являющееся мимо художествъ, мимо наукъ, мимо

---

[1]) Въ напечатанномъ отрывкѣ письма изъ Саксоніи нѣтъ слова: *чудные* даже тамъ, гдѣ его можно бы ожидать. (Соч. Жук., изд. VII, т. VI, стр. 461 и 464).

[2]) Мысль основать журналъ въ противодѣйствіе литературной кликѣ Булгарина, Греча и Сенковскаго сильно занимала Пушкина и Гоголя.

[3]) «Арабески» и «Миргородъ».

людей, мимо жизни, мимо правовъ, мимо отличій вѣковъ, не старѣющее, не молодѣющее, ни умное, ни глупое, чортъ знаетъ что такое. Впрочемъ, если ты займешься Гереномъ съ тѣмъ, чтобъ развить и передѣлать его по своему, это другое дѣло. Я тогда радъ, и мнѣ нѣтъ дѣла до того, какое названіе носитъ книга. Пять-шесть мыслей новыхъ уже для меня искупаютъ все. Ну, а извѣстное дѣло, куда ты сунешь перо свое, то уже, вѣрно, тамъ будетъ новая мысль. Я готовъ плюнуть въ башку глупому вашему Каченовскому за этакія проказы. Мнѣ нужны твои «Афоризмы». Это, просто, досадно.

Но обратимся къ журналу. Какъ ему кличка? Да кто будетъ болѣе всего работать? Кирѣевскій будетъ? Пожалуйста, работайте не такъ, какъ вы всегда работаете. Что за лѣнтяи эти москвичи! Ни дать ни взять, какъ наши малороссіяне. Мнѣ кажется, вамъ жены больше всего мѣшаютъ. Ради Бога, не забывайте, что и кромѣ женъ есть еще такія вещи на свѣтѣ, о которыхъ нужно подумать.

Печатаешь ли ты Демишеля, котораго перевели твои студенты? Пожалуйста, печатай скорѣе хоть новую исторію, которую ты, какъ говоришь, составилъ. Я самъ замышляю дернуть исторію среднихъ вѣковъ,—тѣмъ болѣе, что у меня такія роятся о ней мысли... но я не раньше, какъ черезъ годъ, пріймусь писать... [1])

Прощай, цѣлую тебя пятьдесятъ пять разъ.

Твой *Гоголь.*

CXXXVII. Къ матери.

1834 года, ноября 6. вторникъ. С.-Петербургъ.

Письмо ваше я получилъ 2 сего мѣсяца. Очень благодарю васъ за сообщеніе разныхъ извѣстій о васъ и нашихъ знакомыхъ. Очень жалѣю только, что вы не имѣете теперь рѣшительно никакихъ доходовъ. Можетъ быть, если Богъ поможетъ, послѣ новаго года я получу сколько-нибудь денегъ и, можетъ быть, буду такъ счастливъ, что сколько(нибудь) облегчу вашу возможность уплатить хотя самые нужные долги.

Жалѣю, что добрый дѣдушка мой становится очень слабъ [2]). Поцѣлуйте его за меня и скажите, что я тоже желаю его видѣть, а весною постараюсь быть въ Малороссію.

---

[1]) Остальное у Кулиша опущено.

[2]) И. М. Косяровскій.

Вы желаете знать, по какой части профессоръ я въ здѣшнемъ университетѣ. Я читаю исторію среднихъ вѣковъ. Вы до сихъ поръ еще не охладѣли отъ страсти къ чинамъ и думаете, что я непремѣнно и чинъ долженъ получить выше. Ничуть не бывало: я все тѣмъ же, чѣмъ и былъ, то-есть, коллежскимъ асессоромъ, и ничего болѣе. Еслибы я имѣлъ какую-нибудь существенную выгоду для себя въ чинѣ, я, вѣрно бы, не упустилъ этимъ воспользоваться; я не такъ глупъ, чтобы пренебречь этимъ. Но мои обстоятельства и мое положеніе таково... Но мнѣ нельзя этого растолковать вамъ. Мы можемъ не понять другъ друга и будемъ только переводить напрасно бумагу. Оставимъ чины. Я васъ люблю, люблю такъ, какъ рѣдкую и примѣрную мать, — чего же вамъ болѣе? Вы, вѣрно, меня любите тоже до такой степени, что пощадите напоминаніемъ о томъ, и въ слѣдующемъ письмѣ, вѣрно, уже не скажете ни слова объ этой статьѣ...

Цѣлую крестниковъ моихъ Николю и Ваню [1]). Какъ пріѣду, привезу имъ по калачу. Съ своей стороны я заранѣе готовлю въ желудкѣ мѣсто для помѣщенія того пирожнаго, по поводу котораго Марія Васильевна бѣгаетъ на кухню.

CXXXVIII. Къ М. П. Погодину.

Декабря 14 (1834). Спб.

Я получилъ письмо твое отъ ноября 20. Объ Геренѣ я говорилъ тебѣ въ шутку, между нами; но я его при всемъ томъ гораздо болѣе уважаю, нежели многіе, хотя онъ и не имѣетъ такъ глубокаго генія, чтобы стать на ряду съ первоклассными мыслителями, и я бы отъ души радъ былъ, еслибъ намъ подавали побольше Гереновъ. Изъ нихъ можно таскать обѣими руками. Съ твоими мыслями я уже давно былъ согласенъ, и если ты думаешь, что я отсѣкаю народы отъ человѣчества, то ты не правъ. Ты не гляди на мои историческіе отрывки: они давно писаны; не гляди также на статью о среднихъ вѣкахъ въ д(епартаментско)мъ журналѣ [2]). Она сказана только такъ, чтобы сказать что-нибудь и только раззадорить нѣсколько въ слушателяхъ потребность узнать то, о чемъ еще нужно разсказать, что

[1]) Сыновей старшей сестры Гоголя, Марьи Васильевны, Трушковскихъ.

[2]) «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» называли тогда часто: «Журналъ *Департамента* Народнаго Просвѣщенія».

оно такое. Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое, и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобъ я старался только возбудить чувства и воображеніе. Клянусь, у меня цѣль высшая! Я, можетъ-быть, еще мало опытенъ, я молодъ въ мысляхъ, но я буду когда-нибудь старъ. Отчего же я черезъ недѣлю уже вижу свою ошибку? Отчего же передо мною раздвигается природа и человѣкъ? Знаешь ли ты, что̀ значитъ не встрѣтить сочувствія, что̀ значитъ не встрѣтить отзыва? Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ [1]). Никто меня не слушаетъ, ни на одномъ, ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я рѣшительно бросаю теперь всякую художественную отдѣлку, а тѣмъ болѣе—желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками и только смотрю въ даль и вижу его въ той системѣ, въ какой оно явится у меня вылитою черезъ годъ. Хоть бы одно студенческое существо понимало меня! Это народъ безцвѣтный, какъ Петербургъ. Но въ сторону все это.

Ты спрашиваешь, что̀ я печатаю. Печатаю я всякую всячину. Всѣ сочиненія и отрывки, и мысли, которые меня иногда занимали. Между ними есть и историческія, извѣстныя уже и неизвѣстныя. Я прошу только тебя глядѣть на нихъ поснисходительнѣе. Въ нихъ много есть молодого [2]).

Я радъ, что ты, наконецъ, принялся печатать. Только мнѣ все не вѣрится. Ты мастеръ большой надувать; пришли, пожалуйста, лекціи хоть въ корректурѣ. Мнѣ онѣ очень нужны,—тѣмъ болѣе, что на меня взвалили теперь и древнюю исторію, отъ которой я прежде было и руками и ногами, а теперь поставленъ въ такія обстоятельства, что долженъ принять по-неволѣ послѣ новаго года! Такая бѣда! А у меня столько теперь дѣлъ, что некогда и подумать о ней.

Кланяйся отъ меня всѣмъ, да скажи журналистамъ, чтобы

---

[1]) Лекціи Гоголя, какъ извѣстно, были, кромѣ двухъ, весьма неблистательны, да и взгляды на обязанности профессоровъ, высказываемые имъ въ письмахъ къ Максимовичу, къ Погодину и пр., уже сами по себѣ достаточно объясняютъ причину его неуспѣховъ на каѳедрѣ. Напомнимъ лишь воспоминаніе о профессурѣ Гоголя И. С. Тургенева (посмертное изданіе, томъ I, стр. 80—81. См. и «Матеріалы для біографіи», т. II, стр. 231—243).

[2]) Здѣсь Гоголь разумѣетъ «Арабески» (Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 557). Пока Гоголь проситъ о снисходительности къ его новому сочиненію заранѣе; по выходѣ книги онъ проситъ о томъ же вторично въ письмѣ отъ 22 января 1835 года (см. ниже, стр. 332).

думали о томъ только, чтобы потолще книжки были и побольше было въ нихъ всякой нестроты, а въ веленевой бумагѣ, ей Богу, не знаютъ толку наши читатели!

Ну, прощай. Принимаюсь опять за заботы и хлопоты. Пиши скорѣе, хоть немного, да скорѣе; страницъ пять, а больше и не нужно.

Твой *Гоголь.*

CXXXIX. Къ матери.

1834, декабря 15. С.-Петербургъ [1]).

Вчера получилъ я письмо ваше, маменька. Очень радъ, что вы здоровы. Только вы напрасно тужите о сдѣланныхъ долгахъ. Что жъ дѣлать? Вѣдь не вы виноваты,—виноваты тяжелые годы. Я почти никого не знаю, кто бы не дѣлалъ въ продолженіе ихъ долговъ.

Жаль мнѣ очень, что не могу такъ скоро сдѣлать плана для иконостаса. Еслибы вы согласились немного обождать, то я бы прислалъ вамъ. — Впрочемъ, вы сами виноваты: вы не прислали ни мѣры, (ни) [2]) величины его, — такъ нельзя сообразить. Притомъ вамъ нужно бы было прислать рисунокъ прежняго, т. е. того, который хотѣли вы заказать. Для смѣты это необходимо. Необходимо также знать число образовъ, длину и ширину ихъ. По зимней дорогѣ мнѣ не можно быть къ вамъ; притомъ я съ дѣлами здѣшними не раньше могу управиться, какъ къ веснѣ [3]). Стало-быть, мѣсяца два вы еще должны подождать послѣ февраля. Аннетѣ и Лизѣ еще далеко до большого класса. Я вамъ и прежде говорилъ, что полтора (года) должны потеряться, потому что онѣ не были такъ приготовлены дома, чтобы черезъ полтора года вступить въ большой классъ, или ихъ нужно было взять маленькими, или приготовленными. Впрочемъ, это не мѣшаетъ, если онѣ пробудутъ еще; время не вовсе пропащее. Онѣ болѣе выучатся музыкѣ и другимъ искусствамъ [4]).

Но прощайте! Благодарю сестрину за то, что не забываетъ меня, и обнимаю малютокъ ея. Завидую очень Павлу

---

[1]) Это письмо было напечатано въ полномъ видѣ первоначально въ «Вѣстникѣ Европы», 1896, VI, 737—738.

[2]) Это слово почему-то зачеркнуто.

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «только».

[4]) Весь послѣдній отрывокъ, начиная отъ словъ: «Аннетѣ и Лизѣ далеко еще до большого класса», у Кулиша пропущенъ; возстановлено по тексту «Вѣстника Европы».

Осиповичу, что онъ разъѣзжаетъ себѣ съ мѣста на мѣсто, между тѣмъ какъ я сижу байбакомъ въ своей норѣ.

Вашъ сынъ *Николай*.

CXL. Къ А. С. Пушкину [1]).

(Въ декабрѣ).

Вышла вчера довольно непріятная заѣзда по цензурѣ [2]), по поводу «Записокъ Сумасшедшаго»: но, слава Богу, сегодня немного лучше; по крайней мѣрѣ я долженъ ограничиться выкидкою лучшихъ мѣстъ. Ну, да Богъ съ ними! Еслибы не эта задержка, книга моя, можетъ быть [3]), завтра вышла. Жаль однакожъ, что мнѣ не удалось видѣться съ вами. Я посылаю вамъ предисловіе; сдѣлайте милость, просмотрите, и если что, то поправьте и перемѣните тутъ же чернилами. Я вѣдь, сколько вамъ извѣстно, серьезныхъ предисловій еще не писалъ, и потому въ этомъ дѣлѣ совершенно неопытенъ.

Вѣчно вашъ *Гоголь*.

CXLI. Къ нему же [4]).

(Въ декабрѣ).

Я до сихъ поръ сижу боленъ; мнѣ бы очень хотѣлось видѣться съ вами. Заѣзжайте часу во второмъ; вѣдь [5]) вы, вѣрно, будете въ это время гдѣ-нибудь возлѣ меня. Посылаю вамъ два экземпляра «Арабесковъ», которые, ко всеобщему изумленію, очутились въ 2-хъ частяхъ: одинъ экземпляръ для васъ, а другой разрѣзанный для меня. Вы читайте мой и сдѣлайте милость, возьмите карандашъ въ ваши ручки и никакъ не останавливайте негодованія при видѣ ошибокъ, но тотъ же часъ ихъ всѣхъ (sic) на лицо. Мнѣ это очень нужно.

Пошли вамъ Богъ достаточнаго терпѣнія при чтеніи.

Вашъ *Гоголь*.

---

[1]) Эта записка была напечатана въ «Русск. Архивѣ», 1880, II, стр. 513; написана въ декабрѣ, 1834 г. передъ выходомъ изъ цензуры «Арабесокъ». Ср. соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 611.

[2]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «если... но, слава Богу кажется...»

[3]) Въ подлинникѣ: «можебыть» (sic).

[4]) Напечатано тамъ же, стр. 513—514.

[5]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто начатое слово: «тре...(?)».

Краткій обзоръ содержанія писемъ 1835 года.

Потерявъ надежду на каѳедру въ Кіевѣ и устроившись въ петербургскомъ университетѣ, Гоголь продолжалъ нѣкоторое время вести весьма оживленныя сношенія съ Максимовичемъ, одобряя его, давая ему совѣты и прося у него протекціи для своихъ друзей. Но главнымъ центромъ его интересовъ стали комедіи «Женитьба» и «Ревизоръ», а также только-что изданные въ свѣтъ «Арабески» и «Миргородъ»—съ одной стороны, а съ другой предполагавшееся близкое участіе въ предпринятомъ Погодинымъ журналѣ «Московскій Наблюдатель». Въ концѣ года Гоголь покидаетъ каѳедру и совершенно сосредоточивается на постановкѣ на сцену «Ревизора».

CXLII. Къ матери.

1835, января 4.

Поздравляю васъ, почтеннѣйшая маменька, съ новымъ годомъ! Желанія мои вамъ извѣстны: они безпрерывно на моемъ благодарномъ сердцѣ и состоятъ въ томъ, чтобы вы провели остальную жизнь вашу въ радости и счастіи, которыми вы такъ достойны пользоваться, и чтобы всѣ протекшія ваши печали исчезнули даже въ вашихъ воспоминаніяхъ. Время праздниковъ и первые дни новаго года я провелъ довольно хорошо, и тому, безъ сомнѣнія, способствовали ваши материнскія о мнѣ молитвы, которыя, вѣрно, будутъ хранить меня и въ будущіе. Поздравляя отъ всего сердца сестру и Павла Осиповича и желая имъ всего хорошаго, также и всѣмъ роднымъ нашимъ, остаюсь благодарнымъ сыномъ вашимъ

Николай.

Новостей здѣсь совершенно нѣтъ никакихъ. У васъ только происходятъ перемѣны. Вы, безъ сомнѣнія, извѣстны о томъ, что вмѣсто князя Репнина [1]) будетъ военнымъ губернаторомъ графъ Гурьевъ. Какова зима у васъ? Я слышалъ, что будто вовсе нѣтъ снѣга. Не получали ли вы чего-нибудь объ Андреѣ Андреевичѣ и о его поѣздкѣ?

[1]) Николая Григорьевича, отца Варвары Николаевны Репниной.

CXLIII. Къ М. А. Максимовичу.

Спб. января 22, 1835.

Ну, братъ, я уже не знаю, что и думать о тебѣ. Какъ! ни слуху, ни духу! Да не сочиняешь ли ты какой-нибудь календарь, или конскій лѣчебникъ? Посылаю тебѣ сумбуръ, смѣсь всего, кашу, въ которой есть ли масло—суди самъ [1]). Зато ты долженъ непремѣнно описать все, что и какъ, начиная съ [2]) университета и до послѣдней кіевской букашки. Я думаю, что ты пропасть услышалъ новыхъ пѣсенъ. Ты долженъ непремѣнно подѣлиться со мною и прислать. Да нѣтъ ли какихъ-нибудь эдакихъ старинныхъ преданій? Эй, не зѣвай! Время бѣжитъ, и съ каждымъ годомъ все стирается.

А! послушай, хоть не кстати, но чтобъ не позабыть. Есть нѣкто, мой соученикъ, чрезвычайно добрый малый и преданный наукѣ. Онъ, имѣя довольно хорошее состояніе, рѣшился на странное дѣло: захотѣлъ быть учителемъ въ Житомірской гимназіи изъ одной только страсти къ исторіи. Фамилія его Тарновскій [3]). Нельзя ли его какъ-нибудь перетащить въ университетъ? Право, мнѣ жаль, если онъ закиснетъ въ Житомірѣ. Онъ былъ послѣ и въ московскомъ университетѣ, и тамъ получилъ канди(да)та [4]). Узнай его покороче. Ты имъ будешь доволенъ.

Ну, весною увидимся; нарочно ѣду на Кіевъ для одного тебя.

Что тебѣ сказать о здѣшнихъ пропешествіяхъ? У насъ хорошаго, ей Богу, ничего нѣтъ. Вышла Пушкина «Исторія Пугачевскаго бунта», а больше ни-ни-ни [5]). Печатаются Жуковскаго полныя сочиненія и выйдутъ всѣ 7 томовъ къ маю мѣсяцу. Я пишу исторію среднихъ вѣковъ, которая, думаю, будетъ состоять томовъ изъ 8, если не изъ 9. Авось-либо и на тебя нападетъ охота и благодатный трудъ. А нужно бы, право, нужно озарить Кіевъ чѣмъ-нибудь хорошимъ. Но...

---

[1]) «Арабески».

[2]) Прежде было: «отъ».

[3]) Василій Васильевичъ Тарновскій окончилъ курсъ въ Нѣжинѣ въ 1826 г. (См. «Лицей князя Безбородко, CXXIX). См. выше письма къ нему Гоголя.

[4]) Въ подлинникѣ описка: «кандита» (sic).

[5]) Объ «Исторіи Пугачевскаго бунта» Гоголь писалъ Погодину еще 8 мая 1833 года.

Прощай! Да неужели у тебя не выберется минуты времени писнуть хоть двѣ строчки?

Твой *Гоголь.*

CXLIV. Къ М. П. Погодину.

Спб. Вторникъ, 22 генваря (1835).

Посылаю тебѣ всякую всячину мою [1]). Погладь ее и потрепли. Въ ней очень много есть дѣтскаго, и я поскорѣе ее старался выбросить въ свѣтъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ выбросить изъ моей конторки все старое, и, стряхнувшись, начать новую жизнь. Изъяви свое мнѣніе объ историческихъ статьяхъ въ какомъ-нибудь журналѣ. Лучше и приличнѣе, я думаю, въ журналѣ просвѣщенія [2]). Твое слово мнѣ поможетъ, потому что у меня, кажется, завелись какіе-то ученые непріятели, но... ихъ м... [3])

Какъ поживаешь и что̀ подѣлываешь? Ты все только говоришь, а ничего не дѣлаешь. Ну что̀ за срамъ! до сихъ поръ я не дождусь твоихъ лекцій: говоришь печатаешь, а до сихъ поръ еще не вышли. Неужели онѣ такъ велики, что типографіи ваши не управятся? Пожалуйста, не мучь такъ долго. Я также думаю хватить среднюю исторію томиковъ въ 8 или 9, если Богъ поможетъ... Раздай прилагаемые экземпляры по принадлежности.

Твой *Гоголь.*

CXLV. Къ матери.

1835, января 30. С.-Петербургъ.

Благодарю васъ, безцѣнная маменька, за поздравленіе меня съ новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобы желанія ваши совершенно исполнились и чтобы мы всѣ въ этомъ и будущихъ годахъ были счастливы. Очень радуюсь, что зима предвѣщаетъ вамъ хорошій урожай. Сдѣлайте милость, не скучайте за дѣтьми [4]) и развлекайте себя всѣми силами. Вы должны себя беречь для жизни самой пріятной, и это время, которое вамъ такъ кажется долго, вдругъ пролетитъ, и мы будемъ снова вмѣстѣ. Развѣ вамъ не радостно бу-

[1]) «Арабески», о которыхъ Гоголь уже писалъ Погодину 14 декабря 1834 года (выше, стр. 327).

[2]) Гоголь впослѣдствіи поручилъ однажды Прокоповичу просить Бѣлинскаго о рецензіи на свои сочиненія.

[3]) Неудобное для печати выраженіе.

[4]) Малороссіянизмъ: вмѣсто—«о дѣтяхъ» или «относительно дѣтей».

детъ, когда ваши дочери будутъ умны и воспитаны? И я также если не поглупѣю, то поумнѣю, дастъ Богъ.

Да скажите Ивану Данилевскому [1]), что братецъ его, который сейчасъ только ушелъ отъ меня, приказывалъ ему крѣпко-накрѣпко привезть ему варенья, по крайней мѣрѣ пять банокъ. Онъ бы и самъ къ нему писалъ объ этомъ, да не пишетъ потому, что въ десять разъ лѣнивѣе меня.

Благодарю тебя, сестрица, и васъ также, любезный братъ Павель Осиповичъ, за ваши приписку и поздравленія. Отъ души желаю вамъ также всякаго счастія. Пришли, пришли, сестра, пѣсню, о которой пишешь. Очень буду благодаренъ! Поцѣлуй за меня племянника моего и крестника [2]). Что онъ, уже учится азбукѣ, или нѣтъ еще? Я передъ нимъ очень виноватъ, что до сихъ поръ не присылаю ему ничего. Извини меня какъ-нибудь передъ нимъ, чтобы не сердился. Послѣ я надѣюсь загладить свою вину...

CXLVI. Къ М. П. Погодину.

Генваря 31 (1835).

Я получилъ твое письмо in $^{1}/_{1000}$ долю листа отъ Одоевскаго. Скажи нашимъ господамъ, что сгораю желаніемъ приклеить свои труды къ ихнимъ [3]). Но, ей Богу, раньше какъ къ 3-й книжкѣ не могу прислать имъ повѣсти. Я теперь въ такихъ хлопотахъ, что страшно и подумать. Кромѣ всего прочаго, я стараюсь, чтобы чрезъ три недѣли вышло мое продолженіе «Вечеровъ» [4]); итакъ ты посуди самъ. Но впрочемъ все это для нихъ же лучше; вещь, которую я напишу послѣ, все же должна сколько-нибудь быть лучше той, которая написана раньше. Я началъ даже для нихъ повѣсть [5]). Но, ей Богу, двѣ недѣли, по крайней мѣрѣ, я не буду имѣть времени даже подумать о ней.

Будь здоровъ. Прощай. Цѣлую тебя.

Твой *Гоголь*.

---

[1]) Брату Александра Семеновича Данилевскаго.

[2]) Колю Трушковскаго.

[3]) Это относится къ задуманному москвичами журналу «Московскій Наблюдатель».

[4]) Говорится о «Миргородѣ», въ заглавіи котораго сказано: «Повѣсти, служащія продолженіемъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». (См. данныя объ этомъ въ соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 558).

[5]) Рѣчь идетъ о повѣсти «Носъ», которую Гоголь потомъ едва могъ вытребовать обратно.

CXLVII. Къ матери.

1 февраля 1835.

Я получилъ ваше письмо. Очень благодарю васъ за поздравленіе съ новымъ годомъ. Я увѣренъ, что при вашихъ желаніяхъ проведу его счастливо. П(авла) О(синовича) благодарю также за его приписку и желаніе. Посылаю вамъ для развлеченія слѣдуемыя при семъ книги: одинъ экземпляръ для васъ, а другой, надписанный, Василію Ивановичу Чернышу, который прошу ему вручить при первой оказіи [1]).

CXLVIII. Къ М. П. Погодину.

(9 февраля, 1835).

Я только сегодня получилъ твое письмо, т. е. *9 февраля* [2]) Ты слишкомъ крупно выставилъ титулъ Смирдина, и онъ распечаталъ его, принявши за адресованное къ нему. Я радъ по самое *нельзя* твоему пріѣзду, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и досадую на проклятый случай, заставившій тебя сдѣлать это. Я живу теперь въ тѣснотѣ (выгнать изъ прежней квартиры по случаю передѣлки дома). Но если тебѣ не покажется безпокойнымъ чердакъ мой, то авось какъ-нибудь помѣстимся. Впрочемъ вѣдь мы люди такого сорта, которыхъ вся жизнь протекаетъ на чердакѣ.

Прощай! Цѣлую тебя и жду съ нетерпѣніемъ твоего пріѣзда...

Твой *Гоголь.*

Издатели «Московскаго Наблюдателя» ничего не умѣютъ дѣлать. Разошлите объявленія огромными буквами при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и при нѣсколькихъ номерахъ, и говорите смѣло, что числомъ листовъ не уступитъ «Библіотекѣ для Чтенія», и содержаніемъ будетъ самый разнообразный. Изъ «Вечеровъ» ничего не могу дать, потому

---

[1]) Марья Ивановна Гоголь такъ писала объ этомъ Ольгѣ Дмитріевнѣ Трощинской: «Мой сынъ старается утѣшать меня, какъ только можетъ. Благодарю Бога, на сихъ дняхъ я получила отъ него книги, «Арабески», подъ собственнымъ уже его именемъ изданныя» («Русск. Стар.», 1882, VI, стр. 678).

[2]) Въ копіи, принадлежащей Румянцовскому музею, здѣсь нѣтъ курсива. Но П. С. Тихонравовъ отмѣтилъ, что «Миргородъ» поступилъ въ продажу *лишь* въ началѣ апрѣля. (Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 558). Ср. письмо къ матери отъ 12 апрѣля 1835 г.

что «Вечера» на дняхъ выходятъ [1]). Но я пишу для «М. П.» особенную повѣсть.

CX IX. Къ нему же.

Февраля 20 (1835). СПб.

Письмо твое отъ 7 февраля я получилъ отъ Смирдина сегодня, то есть, 20 числа. Нельзя ли впередъ адресовать прямо на мою квартиру? Что за лѣнь такая! Въ Малой Морской, въ домѣ Ленена. Хорошъ и ты! Какъ мнѣ прислать вамъ повѣсти, когда моя книга уже отпечатана и завтра должна поступить въ продажу? Мерзавцы вы всѣ московскіе литераторы! Съ васъ никогда не будетъ проку. Вы всѣ только на словахъ. Какъ! затѣяли журналъ, и никто не хочетъ работать! Какъ же вы можете полагаться на отдаленныхъ сотрудниковъ, когда не въ состояніи положиться на своихъ? Срамъ, срамъ, срамъ! Вы посмотрите, какъ петербургскіе обдѣлываютъ свои дѣла [2]). Гдѣ у васъ то постоянство и трудъ, и ловкость, и мудрость? Смотрите на наши журналы: каждый изъ нихъ чуть ли не сто лѣтъ собирается прожить. А вамъ что? Вы сначала только раззадоритесь, а потомъ чрезъ день и весь пылъ вашъ къ чорту. И на первый номеръ до сихъ поръ нѣтъ еще статей. Да вамъ должно быть стыдно, имѣя столько головъ, обращаться къ другимъ, да и къ кому же? ко мнѣ! Но ваши головы думаютъ только о томъ, гдѣ бы и у кого ѣсть блины во вторникъ, середу, четвергъ и другіе дни. Если васъ и дѣло общее не можетъ подвинуть, всѣхъ устремить и связать въ одно, то какой въ васъ прокъ? что у васъ можетъ быть? Признаюсь, я вовсе не вѣрю существованію вашего журнала болѣе одного года. Я сомнѣваюсь, бывало ли когда-нибудь въ Москвѣ единодушіе и самоотверженіе, и начинаю вѣрить, ужъ не правъ ли Полевой, сказавши, что война 1812 есть событіе вовсе не національное и что Москва невинна въ немъ. Боже мой! столько умовъ и все оригинальныхъ: ты, Шевыревъ, Кирѣевскій... чортъ возьми, и жалуются на бѣдность! Баратынскій, Языковъ... ай, ай, ай! Ей Богу, вы всѣ похожи на петербургскихъ шаромыжниковъ, шатающихся съ мелочью въ карманѣ, назначенною только для расплаты съ извозчиками!

---

[1]) Говорится о «Миргородѣ», какъ о продолженіи «Вечеровъ».

[2]) Впослѣдствіи Гоголь перемѣнилъ мнѣніе и о петербургскихъ литераторахъ. Ср. письмо къ П. М. Языкову отъ 26 октября 1844 г.

Скажи пожалуйста, какъ я могу работать и трудиться для васъ, когда знаю, что изъ васъ никто не хочетъ трудиться? Развѣ жаръ мой не долженъ естественнымъ образомъ охладѣть? Я поспѣшу сколько возможно скорѣе окончить для васъ назначенную повѣсть, но все не думаю, чтобы она могла подоспѣть раньше 3-й книжки. Впрочемъ я постараюсь какъ можно скорѣе.

Прощай. Да ожидать ли тебя въ Петербургѣ, или нѣтъ?

CL. Къ С. П. Шевыреву.

10 марта 1835 г. [1])

Посылаю вамъ мой «Миргородъ» и желалъ бы отъ всего сердца, чтобы онъ для моей собственной славы доставилъ вамъ удовольствіе.

Изъявите ваше мнѣніе, напримѣръ, въ «Московскомъ Наблюдателѣ», вы этимъ меня обяжете много: вашимъ мнѣніемъ я дорожу.

Я слышалъ также, что вы хотѣли сказать кое-что объ «Арабескахъ». Я просилъ князя Одоевскаго не писать разбора, за который онъ хотѣлъ было приняться, потому что мнѣніе его я могъ слышать всегда и даже изустно. Ваше же я могу услышать только печатно [2]). Я къ вамъ пишу уже слишкомъ безъ церемоній. Но, кажется, между нами такъ быть должно. Если мы не будемъ понимать другъ друга, то я не знаю, будетъ ли тогда кто-нибудь понимать насъ. Я васъ люблю почти десять лѣтъ, съ того времени, когда вы стали издавать «Московскій Вѣстникъ», который я началъ читать, будучи еще въ школѣ, и ваши мысли подымали изъ глубины души моей многое, которое еще донынѣ не совершенно развернулось. Вамъ просьба отъ лица всѣхъ, отъ литературы, литераторовъ и отъ всего, что̀ есть литературнаго: поддержите «Московскій Наблюдатель», все будетъ зависѣть отъ успѣха его. Ради Бога, уговорите москвичей работать; грѣхъ, право, грѣхъ имъ всѣмъ. Скажите Кирѣевскому, что его ругнетъ все, что̀ будетъ послѣ насъ, за его бездѣйствіе. Да, впрочемъ, этотъ упрекъ можно присоединить ко многимъ. Я съ своей сто-

---

[1]) Это письмо впервые было напечатано въ «Русской Старинѣ» (1875, IX, стр. 113—114).

[2]) Любопытно сопоставить это дипломатическое оправданіе просьбы съ тѣмъ откровеннымъ порученіемъ, которое Гоголь дѣлаетъ Погодину (См. дальше письмо къ Погодину отъ 23 марта 1835 года; стр. 341).

роны радъ все употребить. На дняхъ, я, можетъ быть, окончу повѣсть для «Московскаго Наблюдателя» и начну другую. Ради Бога, посѣщите первыми книжками. Здѣсь большая часть потому не подписывается, что не увѣрена въ существованіи его, потому что Сенковскій и прочая челядь разглашаетъ, будто бы его совсѣмъ не будетъ и онъ уже запрещенъ. Подгоните съ своей стороны всѣхъ, кого слѣдуетъ, и, самое главное, посовѣтуйте употребить всѣ старанія къ тому, чтобы аккуратно выходили [1]) книжки. Это чрезвычайно дѣйствуетъ на нашу публику. Москвѣ предстоитъ старая ея обязанность — спасти насъ отъ нашествія иноплеменныхъ языковъ. Прощайте! Жму крѣпко вашу руку и прошу [2]) убѣдительно вашей [3]) дружбы. Вы пріобрѣтаете такого человѣка, которому можно все говорить въ глаза и который готовъ употребить Богъ знаетъ что, чтобы только услышать правду.

Обнимите за меня Кирѣевскаго и вручите ему посылаемый при семъ экземпляръ. Другой экземпляръ прошу васъ отправить Надеждину. [4])

Желаю вамъ всего хорошаго, труда, спокойствія и прочаго. Остаюсь вашимъ покорнымъ слугой.

Ник. *Гоголь.*

CLI. Дружеское шутливое пари [5]).

Мы, нижеподписавшіеся, Николай Гоголь-Яновскій и Иванъ Пащенко, сирота, сынъ Григорьевъ, закладъ держали о имѣющемъ родиться [6]) отъ Николая Прокоповича и супруги

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто слово: «всѣ».

[2]) Зачеркнуто слово: «васъ».

[3]) Зачеркнуто слово: «руки».

[4]) Николаю Ивановичу, извѣстному профессору московскаго университета.

[5]) Первоначально напечатано въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», т. III, стр. 152 и въ соч. Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 453—454 и 803.

Эта шутка относится къ 1835 году или къ первой половинѣ 1836 г. Время написанія этого пари можетъ быть опредѣлено по слѣдующимъ соображеніямъ: когда А. С. Данилевскій въ 1831 году уѣхалъ изъ Петербурга на Кавказъ (см. «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. III, 540 и 152). До 1834 Прокоповичъ не былъ женатъ, и слѣдовательно къ тому времени пари относиться не могло. Послѣ этого Данилевскій пріѣхалъ снова въ Петербургъ только въ 1835 г. и опять уѣхалъ оттуда съ Гоголемъ за границу въ началѣ іюня 1836 года.—Пари написано на несложенномъ полулистѣ бумаги.

[6]) Въ подлинникѣ: «родить».

его, Маріи, чадѣ, утверждая — первый, что оное чадо будетъ мужеска пола, второй же, Иванъ Пащенко,—что оно имѣетъ быть женскаго пола. А закладъ оный состоялъ въ томъ, что [1]) проигравшій угощаетъ обѣдомъ какъ онаго выигравшаго, такъ равномѣрно и четырехъ персонъ, по приличію избранныхъ, со включеніемъ, кромѣ ординарныхъ винъ, бутылки шампанскаго и предоставленіемъ полнаго права выигравшему потребовать себѣ [2]) варенья, какого ему будетъ угодно по [3]) вкусу и по надобности.

Въ увѣреніе истиннаго соблюденія сего контракта подписались:

Николай Гоголь-Яновскій.
Сирота Иванъ Пащенко.
Свидѣтели: А. Данилевскій.
Прокоповичъ [4]).

CLII. Къ М. П. Погодину.

(Марта 18, 1835)

Ну, какъ ты доѣхалъ? Что и какъ нашелъ все? Посылаю тебѣ «Носъ». Да если вашъ журналъ не выйдетъ, пришли мнѣ его назадъ. Оба и вы съ вашимъ журналомъ...[5]) Вотъ уже 18 число, а нѣтъ и духа. Если въ случаѣ глупая цензура привяжется къ тому, что «Носъ» [6]) не можетъ быть въ Казанской церкви, то, пожалуй, можно его перевести въ католическую. Впрочемъ я не думаю, чтобы она до такой степени ужъ выжила изъ ума [7]).

Кланяйся всѣмъ нашимъ.

---

[1]) Въ подлинникѣ: «чтобы».
[2]) Слово: «себѣ» приписано сверху строки.
[3]) Въ подлинникѣ: «до вкусу».
[4]) На оборотѣ были написаны еще и потомъ зачеркнуты слѣдующія строки: «къ двумъ вышеупомянутымъ закладодержателямъ присоединились и мы, нижеподписавшіеся, съ бутылкою шампанскаго: первый къ Гоголь-Яновскому, а второй — къ сиротѣ Пащенкѣ. В. Прокоповичъ. Алек. Данилевскій».
[5]) Рѣзкое выраженіе.
[6]) См. соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 570.
[7]) Эти строки у Кулиша пропущены.

CLIII. Къ матери.

20 марта (1835 [1])

Я получилъ письмо ваше, писанное вами 10 февраля, только сегодня, стало быть, ровно черезъ полтора мѣсяца. Я думаю, не пролежало ли оно какъ-нибудь въ Полтавѣ.

Я, слава Богу, здоровъ, хотя много занятъ. На меня возложили не слишкомъ для меня пріятную обузу по университету [2]), отъ которой я, однакоже, скоро отдѣлаюсь, и потому покамѣстъ и [3]) вы не сердитесь, что мало пишу. Зато посылаю вамъ письма сестеръ, которыя находятся въ хорошемъ здоровьѣ и начинаютъ понемногу успѣвать.

У насъ теперь третій день стоитъ самая крѣпкая зима и санная дорога, послѣ цѣлой недѣли почти весенннихъ дней, въ которые было весь снѣгъ растаялъ. Желая исполненія всѣхъ вашихъ желаній, остаюсь вашъ сынъ

Н. *Гоголь* [4]).

Обнимаю сестру, маленькую Оленьку, племянниковъ и Павла Осиповича.

CLIV. Къ М. А. Максимовичу.

Марта 22 (1835. Изъ С.-Петербурга).

Ой, чи живи, чи злорóви,
Всі рóдичи гарбузóвы? [5]).

Благодарю тебя за письмо. Оно меня очень обрадовало, во-первыхъ, потому, что не коротко, а во-вторыхъ, потому, что я изъ него больше гораздо узналъ о твоемъ образѣ жизни.

Посылаю тебѣ «Миргородъ». Авось-либо онъ тебѣ придется по душѣ. По крайней мѣрѣ я бы желалъ, чтобы онъ прогналъ хандрическое твое расположеніе духа, которое, сколько я замѣчаю, иногда овладѣваетъ тобою и въ Кіевѣ.

---

[1]) Это письмо напечатано у Кулиша съ пропусками; въ полномъ видѣ появилось впервые въ «Вѣстникѣ Европы», 1896, VI, стр. 738.

[2]) Чтеніе лекцій по древней исторіи; см. «Матеріалы...» т. II, стр. 230 и «Русск. Стар.», 1881, V, 157—158.

[3]) Такъ въ «Вѣстникѣ Европы». У Кулиша, вѣроятно, просто опечатка: «Итакъ покамѣстъ я, вы не сердитесь, что мало пишу».

[4]) Остальное у Кулиша пропущено.

[5]) Изъ народной комической пѣсни:

«Ходитъ гарбýзъ по городу,
Пытáецця свогó рóду...»

Примѣч. П. Кулиша.

Гоголь очень любилъ этими словами привѣтствовать своихъ земляковъ. Такъ, впервые придя къ Щепкину, онъ вошелъ въ домъ съ этими словами. (См. соч. Тихонравова, т. III, стр. 531).

Ей Богу, мы всѣ страшно отдалились отъ нашихъ первозданныхъ элементовъ. Мы никакъ не привыкнемъ [особенно ты] глядѣть на жизнь, какъ на трынъ-траву, какъ всегда глядѣлъ казакъ. Пробовалъ ли ты когда-нибудь, вставши поутру съ постели, дернуть въ одной рубашкѣ по всей комнатѣ трепака? Послушай, братъ: у насъ на душѣ столько грустнаго и заунывнаго, что если позволять всему этому выходить наружу [1]), то это чортъ знаетъ что̀ такое будетъ. Чѣмъ сильнѣе подходитъ къ сердцу старая печаль, тѣмъ шумнѣе [2]) должна быть новая веселость. Есть чудная вещь на свѣтѣ: это бутылка добраго вина. Когда душа твоя потребуетъ другой души, чтобы разсказать всю свою полугрустную исторію, заберись въ свою комнату и откупори ее, и когда выпьешь стаканъ, то почувствуешь, какъ [3]) оживятся всѣ твои чувства. Это значитъ, что въ это время я, отдаленный отъ тебя 1.500 верстами, пью и вспоминаю тебя. И на другой день двигайся и работай, и укрѣпляйся желѣзною силою, потому что ты опять увидишься съ старыми своими друзьями. Впрочемъ, я въ концѣ весны постараюсь приѣхаться въ Кіевъ, хотя мнѣ, впрочемъ, совсѣмъ не по дорогѣ.

Я думалъ о томъ, кого бы отсюда намѣтить въ адъюнкты тебѣ, но рѣшительно нѣтъ. Изъ заграничныхъ все правовѣдцы, да притомъ отъ нихъ такъ пахнетъ семинаріей, что ужъ слишкомъ. Тарновскій идетъ по исторіи, и потому не знаю, согласится ли онъ перемѣнить предметъ; а что̀ касается до его качествъ и души, то это такой человѣкъ, котораго всегда на-подхватъ можно взять. Онъ добръ и свѣжъ чувствами какъ дитя, слегка мечтателенъ, и всегда съ самоотверженіемъ. Онъ думаетъ только о той пользѣ, которую [4]) можно принесть слушателямъ, и дѣтски преданъ этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себѣ, награждаютъ ли его, или нѣтъ. Для него не существуетъ ни чиновъ, ни повышеній, ни честолюбія. Еслибы даже онъ не имѣлъ тѣхъ достоинствъ, которыя имѣетъ, то и тогда я бы посовѣтовалъ тебѣ взять его за одинъ характеръ; ибо я знаю по опыту, что̀ значитъ имѣть при университетѣ однимъ больше благороднаго человѣка.

---

[1]) Въ подлинникѣ, какъ всегда у Гоголя: «внаружу».

[2]) Это слово вписано сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «сплънѣе».

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «будто бы».

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «опъ».

Но прощай. Напиши, въ какомъ состояніи у васъ весна. Жажду, жажду весны! Чувствуешь ли ты свое счастіе? знаешь ли [1]) ты его? Ты, свидѣтель ея рожденія, впиваешь ее, дышишь ею — и послѣ этого ты еще смѣешь огворить, что не съ кѣмъ тебѣ перевести душу... Да дай мнѣ ее одну, одну, и никого больше я не желаю видѣть, по крайней мѣрѣ на все продолженіе ея, ни даже любовницы, что̀, казалось бы, потребнѣе всего весною. Но прощай. Желаю тебѣ больше упиваться ею, а съ нею и спокойствіемъ и ясностью жизни, потому что для прекрасной души нѣтъ мрака въ жизни.

Твой *Гоголь.*

CLV. Къ М. П. Погодину.

(23 марта, 1835).

Такъ какъ «Московскій Наблюдатель» не будетъ существовать [2]), то пришли мнѣ мой «Носъ» назадъ, потому что онъ мнѣ очень нуженъ. Да пожалуйста напечатай въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе объ «Арабескахъ». Сдѣлай милость, въ такихъ словахъ: что теперь, дескать, только и говорятъ вездѣ, что объ «Арабескахъ», что сія книга возбудила всеобщее любопытство, что расходъ на нее страшный [NB. до сихъ поръ ни гроша барыша не получено] и тому подобное.

Здорово ли у васъ все въ домѣ? Я немного прихварываю, но утѣшаюсь предстоящею поѣздкою, во время которой предстану къ вамъ. Прощай. Люби тебя Богъ и шли всякаго добра!

Твой *Г.*

CLVI. Къ матери.

1835, апрѣля 12. СПб.

Письмо ваше, писанное вами 24 марта, я получилъ. Хлопоталъ о порученности вашей перезаложить въ ломбардъ имѣніе. Это дѣлается не такъ скоро, какъ вы думаете. Еслибы даже можно было теперь приступить къ этому, то покамѣстъ я получу отъ васъ уполномочіе, т. е.

---

[1]) Переправлено изъ: «вѣдаеш(ь)».

[2]) Слухъ этотъ оказался невѣрнымъ, но повѣсть «Носъ» не была напечатана въ журналѣ, потому что редакторы нашли ее «грязною» (sic). См. соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 592—593 и 606 и примѣчанія Н. С. Тихонравова къ повѣсти «Носъ». (Соч. Гоголя, т. X, т. II, стр. 570).

довѣренность, покамѣстъ вы получите позволеніе изъ опеки на заложку (sic) имѣній малолѣтнихъ моихъ сестеръ, куда должны вы подавать просьбу, покамѣстъ все это будетъ готово, можетъ пройти, по крайней мѣрѣ, полтора мѣсяца; а между тѣмъ черезъ три недѣли, если не раньше, я выѣзжаю изъ Петербурга. Во-вторыхъ, самое главное, перезакладывать имѣнія, заложеннаго на 12 лѣтъ, нельзя до совершенной уплаты долга. Имѣнія по новому уставу, не на двадцать четыре, а на 26 лѣтъ и на 36 закладываются. Итакъ вы видите, что теперь этого нельзя сдѣлать. Еслибы вы раньше объ этомъ увѣдомили меня, я бы, можетъ быть, успѣлъ кое-кого упросить помочь въ этомъ дѣлѣ, но теперь уже выѣзжаютъ на дачи и не до того теперь. — —

Я очень постигаю васъ. Я знаю, что ваша вся жизнь была въ заботахъ, что вы вѣчно должны были бороться съ критическими обстоятельствами. Отъ этого не мудрено, что душа ваша ищетъ успокоенія въ мечтѣ и что вы любите предаваться ей, какъ вѣрному своему другу, а не мудрено, что она васъ завлекаетъ иногда. Вамъ нуженъ совѣтникъ, который бы практическимъ образомъ глядѣлъ на жизнь. Этотъ совѣтникъ вамъ буду я. Почитайте меня за друга, съ которымъ вы должны дѣлить свои мысли и не сердиться, если этотъ другъ будетъ подавать вамъ совѣты. Если же вы совѣты станете почитать за строгія наставленія и умничанья, вашъ другъ тогда замолчитъ, и вы ничего отъ него не услышите. О дѣлахъ хозяйственныхъ, о средствахъ къ уплатѣ долговъ и о прочемъ поговоримъ, когда увидимся. Я намѣренъ не шутя приняться за хозяйство, и грѣхъ на моей душѣ лежитъ, что я не сдѣлалъ этого прежде, набросивъ на васъ цѣлый грузъ самыхъ тягостныхъ заботъ, омрачившихъ вашу драгоцѣнную для насъ жизнь.

Теперь поговоримъ о не такъ важныхъ пунктахъ вашего письма. Вы слишкомъ предаетесь вашимъ мечтаніямъ. Вы, говоря о моихъ сочиненіяхъ, называете меня геніемъ. Какъ бы это ни было, но это очень странно. Меня, добраго, простого человѣка, можетъ быть, не совсѣмъ глупаго, имѣющаго здравый смыслъ, называть геніемъ! [1]) Нѣтъ, ма-

[1]) Гоголь сильно волновался по поводу привычки его матери передъ знакомыми неумѣренно восхвалять сына: не разъ онъ ей писалъ объ этомъ, но Марью Ивановну остановить въ этомъ отношеніи было невозможно. Она доходила, наконецъ, до того, что стала приписывать сыну всѣ новѣйшія открытія и изобрѣтенія, что его страшно оскорбляло, такъ какъ это дѣлало его мать въ глазахъ знакомыхъ смѣшной.

менька, этихъ качествъ мало, чтобы составить его; иначе у насъ столько геніевъ, что и (не) [1] протолпиться. Итакъ я васъ прошу, маменька, не называйте меня никогда такимъ образомъ, а тѣмъ болѣе еще въ разговорѣ съ кѣмъ-нибудь. Не изъявляйте никакого мнѣнія о моихъ сочиненіяхъ и не распространяйтесь о моихъ качествахъ. Скажите только просто, что онъ добрый сынъ, и больше ничего не прибавляйте и не повторяйте нѣсколько разъ. Это для меня будетъ лучшая похвала [2]).

Я знаю очень много умныхъ людей, которые вовсе не обращаютъ вниманія на литературу, и тѣмъ не менѣе я ихъ уважаю. Литература вовсе не есть слѣдствіе ума, а слѣдствіе чувства,—такимъ самымъ образомъ, какъ и музыка, какъ и живопись. У меня, напримѣръ, нѣтъ уха къ музыкѣ, и я не говорю о ней, и меня оттого никто не презираетъ. Я не знаю ни въ зубъ математики, и надо мною никто не смѣется. Но если, не зная математики, начну говорить о ней, тогда надо мною будетъ всякій смѣяться.

Еслибы вы знали, какъ непріятно, какъ отвратительно слушать, когда родители говорятъ безпрестанно о своихъ дѣтяхъ и хвалятъ ихъ! Я вамъ говорю, что я никогда не чувствовалъ уваженія къ такимъ родителямъ: я ихъ считалъ всегда жалкими хвастунами, и сколько мнѣ удавалось слышать отъ другихъ, то и имъ казались отвратительными похвалы эти. Еще одна просьба: не судите никогда, моя добрая и умная маменька, о литературѣ. Вы въ большомъ заблужденіи. Вы воображаете, что умный человѣкъ непремѣнно долженъ судить о литературѣ и понимать ее—ничуть не бывало!

Знаете ли вы, въ какой можно попасть просакъ. Вотъ вы, напримѣръ, приписали мнѣ сочиненія такого автора, которымъ гнушается истинный вкусъ автора, который ничего рѣшительно не имѣетъ общаго со мною, которымъ только на хуторахъ восхищаются и который пользуется презрѣніемъ даже отъ не совсѣмъ постигающихъ читателей, а вы его приписали мнѣ, и когда я увѣрялъ васъ, въ моемъ письмѣ клялся,—вы упрямо стояли на своемъ. Когда я прочиталъ этотъ кусокъ изъ вашего письма одному человѣку, имѣвшему вкусъ (я, однакожъ, ни слова не ска-

[1]) Это слово въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (т. I, стр. 161) поставлено въ скобки: вѣроятно, въ подлинникѣ оно пропущено.

[2]) Начиная отсюда, у Кулиша большой пропускъ, возстановленный въ «Матеріалахъ для біографіи», т. III, стр. 322—323.

залъ, что это письмо ваше), онъ захохоталъ. Мнѣ самому было смѣшно, когда я читалъ его, но вмѣстѣ досадно, когда я видѣлъ, какъ умная, прекрасная дама, исполненная истиннаго благородства души, можетъ себя компрометировать и унизить, не видѣть то, какъ много нужно тонкости и особеннаго чутья въ литературѣ, которое и литераторамъ дается немногимъ, чтобы судить вѣрно. Васъ обмануло то, что вамъ точно дано чувство и вкусъ вообще, и что вамъ показались понятными и хорошими нѣкоторыя мѣста, и вы положили, что можете разобрать и осудить строго твореніе. Но знаете ли вы, что именно тѣ мѣста, которыя вамъ незамѣтны, тѣ-то и есть, можетъ-быть, истинно достойныя, и что, можетъ-быть, вы видите только сотую долю того, что другой видитъ или долженъ бы видѣть все... Очень трудно это искусство! Знаете ли, что въ Петербургѣ [1]), во всемъ Петербургѣ, можетъ-быть, только человѣкъ пять и есть, которые истинно и глубоко понимаетъ искусство; а между тѣмъ въ Петербургѣ есть множество истинно прекрасныхъ, благородныхъ, образованныхъ людей. Я самъ, преданный и погрязнувшій въ этомъ ремеслѣ, я самъ никогда не смѣю быть такъ дерзокъ, чтобы сказать, что я могу судить и совершенно понимать такое-то произведеніе. Нѣтъ, можетъ-быть, я только десятую долю понимаю. Итакъ, не говорите объ этомъ. Если васъ спросятъ—отвѣчайте, но отвѣчайте односложно и перемѣняйте тотчасъ разговоръ на другое. Помните, что это говоритъ вамъ другъ вашъ, который желалъ бы, чтобы весь свѣтъ почиталъ васъ такъ, какъ вы того заслуживаете прекрасными вашими качествами.

Но объ этомъ довольно. Посылаю вамъ, въ завершеніе, мои повѣсти, довольно давнія, которыя, впрочемъ, недавно вышли изъ печати [2]).

Посылаю вамъ нѣсколько огородныхъ сѣмянъ. Поспѣшите ихъ приказать посѣять; только мѣсто нужно выбрать хорошее и поливать предъ восхожденіемъ солнца и по захожденіи. Сестры посылаютъ племянникамъ конфектъ.

Не знаю, буду ли я еще къ вамъ писать, или, можетъ-быть, уже не удастся,—развѣ изъ Москвы напишу. Будьте здоровы и да пошлетъ вамъ Богъ все хорошее: урожай на хлѣбъ и на все хозяйство. Обнимаю сестеръ и племян-

---

[1]) Начиная отсюда до словъ: «десятую долю понимаю», мы находимъ текстъ также въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (I, 161).

[2]) Рѣчь идетъ о «Миргородѣ».

никовъ, Павла Осиповича [1]) и Катерину Ивановну [2]) вмѣстѣ съ моею кузиною, если онѣ только вблизи отъ васъ.

Праздники здѣсь были [кстати, поздравляю васъ съ праздниками], праздники здѣсь были очень дурны. На первый день явилась вдругъ зима съ морозомъ и санною дорогою послѣ совершенно весеннихъ дней. Теперь идутъ безпрестанно дожди...

CLVII. Къ М. П. Погодину.

Апрѣля 17 (1835).

Самъ чортъ развѣ знаетъ, что̀ дѣлается съ «Носомъ!» Я его послалъ какъ слѣдуетъ, запитаго въ клеенку, съ адресомъ въ московскій университетъ. Я не могу и подумать, чтобы онъ могъ пропасть какъ-нибудь. У насъ единственная исправная вещь—почтамтъ. Если и онъ начнетъ заводить плутни, то я не знаю, что̀ уже и дѣлать. Пожалуйста, потормоши хорошенько тамошняго почтмейстера. Не запрятался ли онъ куда-нибудь по причинѣ своей миніатюрности между тучными посылками?.. Черезъ двѣ недѣли буду въ Москвѣ.

Твой *Г.*

CLVIII. Къ Н. Я. Прокоповичу [3]).

(Мая [4]) 24) Полтава (1835).

Пишу къ тебѣ изъ дому. Сижу дома на перепутьи около недѣли уже, не зная, куда лучше ѣхать—на Кавказъ или въ Крымъ, гдѣ нынѣ славятся минеральныя грязи и купальни въ морѣ. Изъ Москвы никакъ не могъ писать: былъ страшно захлопотанъ и при всемъ томъ многихъ не видѣлъ. Твоя піеса за день до моего пріѣзда только получена и еще до сихъ поръ не была въ рукахъ Совѣта. Я поручилъ Погодин(ну) [5]) сей же часъ увѣдомить тебя, и далъ ему твой адресъ. Получилъ ли ты отъ него отзывъ или нѣтъ? Ну, что̀ слышно у васъ въ Петербургѣ, и что̀ тамъ дѣлается [6]) теперь? Мнѣ кажется, какъ будто я уже годъ его не видѣлъ. Да, пожалуйста, — я къ тебѣ съ просьбою!

---

[1]) Трушковскаго.

[2]) Ходаревскую.

[3]) Это письмо было впервые напечатано въ «Русскомъ Словѣ», (1859, I, стр. 86—87) и въ «Письмахъ Гоголя къ Прокоповичу», стр. 3.

[4]) Въ брошюрѣ г. Пѣтухова ошибка: «іюля»; въ рукописи: «мая».

[5]) Не дописано.

[6]) У г. Пѣтухова: «дѣлаете».

сдѣлай милость, ступай на мою квартиру и адресуйся къ Матренѣ [1]), чтобы она тебѣ дозволила входъ къ книгамъ и возьми тамъ «Исторію Англіи» аббата де Тоараса [2]), на русскомъ, одинъ томъ, содержащій 1 и 2 часть (онъ въ кожаномъ переплетѣ), и пришли мнѣ, пожалуйста, какъ можно его поскорѣе. Крайняя въ немъ нужда! Если же, на случай тамъ какъ-нибудь не отыщет(ся) [3]), то возьми у Смирдина и пришли мнѣ немедленно. Еще: сходи къ Роспини и купи у него три термометра—2 для комнаты и одинъ долженствующій быть на дворѣ, обыкновенныхъ, простыхъ, которые я у него бралъ по три рубли каждый, итого составитъ 9 рублей. Переложи ихъ хлопчатою бумагою въ деревянномъ ящикѣ и пришли мнѣ вмѣстѣ съ книгою. Всѣ издержки съ благодарностью возвращу. Или— нѣтъ: два термометра ты можешь снять съ крючковъ у меня въ комнатѣ [4]); только одинъ, стало-быть тебѣ нужно купить. Обнимаю и цѣлую тебя и прощаюсь до скораго времени. Напиши, пожалуйста, что̀ дѣлаешь и что̀ такое писатоночки [5]) и какъ пребыва(ютъ) [6]) Ге, Гусъ [7]), Гюго, Жаненъ [8]) и проч. и проч. и проч.

Твой *Гоголь.*

Адресъ мой: въ Полтаву, а оттуда въ д. Васильевку.

---

[1]) Женѣ Якима, слуги Гоголя; см. выше, стр. 239.

[2]) «Исторія Англинская. Соч. Рапина де Тоараса. Перевелъ съ французскаго Степанъ Рѣшетовъ. 6 частей. Спб. 1768—1783».—Примѣч. г. Пѣтухова.

[3]) Не дописано.

[4]) Послѣ этого зачеркнуто какое-то только-что начатое слово.

[5]) Шутливое выраженіе, т. е. что̀ твои сочиненія?

[6]) Не дописано.

[7]) Мы затрудняемся прочесть иначе это неясно написанное слово, но въ виду свидѣтельства П. В. Анненкова (см. слѣд. примѣчаніе) полагаемъ, что такое чтеніе невѣрно. Примѣч. Е. Пѣтухова.

[8]) П. В. Анненковъ въ своей статьѣ «Н. В. Гоголь въ Римѣ лѣтомъ 1841 года» передаетъ: «Около 1832 года, когда я впервые познакомился съ Гоголемъ, онъ далъ всѣмъ своимъ товарищамъ по Нѣжинскому Лицею и ихъ пріятелямъ прозвища, украсивъ ихъ именами знаменитыхъ французскихъ писателей, которыми тогда восхищался весь Петербургъ. Тутъ были Гюго, Александры Дюма, Бальзаки и даже одинъ скромный пріятель, теперь покойный именовался Софія Ге. Не знаю, почему я получилъ титулъ Жюль Жанена, подъ которымъ и состоялъ до конца». («Воспоминанія и критическіе очерки», отд. I. Спб. 1877, стр. 172—173).—Примѣч. Е. Пѣтухова.

CLIX. Къ И. И. Срезневскому [1]).

1835. 11 іюля. Д(еревня) Васильевка.

Милостивый государь, Измаилъ Ивановичъ. Пріятное для меня письмо ваше я получилъ. Благодарю васъ за ваше поздравленіе и душевно жалѣю, что не могу никакимъ образомъ быть у васъ въ Харьковѣ [2]). Маршрутъ мой теперь на Кіевъ, куда призываютъ меня кое-какія гербовыя заботы, а между прочимъ нужно видѣться и съ нашимъ землякомъ, моимъ старымъ пріятелемъ, вамъ извѣстнымъ Максимовичемъ, которому я уже далъ слово. Эти же три недѣли, которыя остаются мнѣ, я намѣренъ отдохнуть послѣ поѣздки моей въ Крымъ [3]), гдѣ странствовалъ для здоровья и для того, чтобы повидать его.

Итакъ мнѣ остается заочно привѣтствовать васъ и говорить съ вами.

Очень радъ, что вы, наконецъ, отпечатали четыре книжки разомъ вашей «Старины» и съ нетерпѣніемъ жажду читать ихъ, благодаря заранѣе за вашу доброту, обѣщающуюся мнѣ прислать ихъ. Адресуйте мнѣ такъ, какъ адресовали письмо: въ Полтаву, а оттуда въ д(еревню) Васильевку. Чѣмъ скорѣе пришлете, тѣмъ лучше.

Желая вамъ всего хорошаго: трудовъ, охоты, здоровья и денегъ,

остаюсь вамъ преданный *Никола(й)* [4]) *Гоголь.*

CLX. Къ В. А. Жуковскому.

Полтава Іюля 15-го 1835 [5]).

Человѣкъ, страшно соскучившій(ся)[6]) безъ васъ, шлетъ вамъ поклонъ изъ дальняго [7]) угла Руси, съ желаніемъ здоровья [8]), вдохновенья и всѣхъ благъ. Можетъ-быть, вы и не

---

[1]) Это письмо было прежде напечатано въ «Русской Старинѣ», (1892, III, стр. 759—760).—Дата выставлена въ концѣ письма.

[2]) Изъ писемъ Измаила Ивановича Срезневскаго, напечатанныхъ въ «Живой Старинѣ» за 1893 г., ясно, что Гоголь познакомился съ Срезневскимъ только въ 1839 г. въ Москвѣ и, слѣдовательно, въ Харьковъ Гоголь къ нему въ 1835 г. не заѣзжалъ (См. «Матеріалы біографіи», т. III, стр. 545).

[3]) Зачеркнуто: «куда».

[4]) Не дописано.

[5]) Это письмо было напечатано въ «Русскомъ Архивѣ», 1871, 4—5, стр. 948—949.

[6]) Не дописано.

[7]) Въ подлинникѣ: «дальнаго».

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «и».

догадаетесь, что этотъ человѣкъ есть Гоголь, къ которому вы бывали всегда такъ благосклонны и благодѣтельны. Все почти мною извѣдано и узнано, только на Кавказѣ не былъ, куда [1]) именно хотѣлъ направить путь. Проклятыхъ денегъ не стало и на половину вояжа. Былъ только въ Крыму, гдѣ начкался въ минеральныхъ грязяхъ [2]). Впрочемъ, здоровье, кажется, уже [3]) отъ однихъ переѣздовъ поправилось [4]). Сюжетовъ и плановъ нагромоздилось во время ѣзды ужасное множество, такъ что [5]) еслибъ не жаркое лѣто, то много бы изошло теперь у меня бумаги и перьевъ: но жаръ вдыхаетъ страшную лѣнь [6]), и только десятая доля положена на бумагу и жаждетъ быть прочтенною вамъ. Черезъ мѣсяцъ я буду [7]) самъ звонить (въ) колокольчикъ у вашихъ дверей, крехтя отъ дюжей тетради. А теперь докучаю вамъ просьбою: вчера я получилъ [8]) извѣщеніе изъ Петербурга о странномъ происшествіи, что мѣсто мое въ Пат(ріотическомъ) Инст(итутѣ) [9]) долженствуетъ замѣститься другимъ господиномъ, что [10]) для меня крайне прискорбно, потому что, какъ бы то ни было, это мѣсто доставляло мнѣ хлѣбъ, и притомъ мнѣ было очень пріятно заниматься: я привыкъ считать чѣмъ-то роднымъ и близкимъ. Мнѣ странно, потому что не имѣетъ права сдѣлать это Лонгиновъ [11]), и вотъ

---

[1]) Въ «Русск. Арх.» опечатка: «туда».

[2]) О сборахъ Гоголя на Кавказъ и въ Крымъ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ письмѣ къ Максимовичу отъ 28 мая 1834 года Гоголь говоритъ: «Махну или на Кавказъ или въ долы Грузіи, потому что здоровье мое здѣсь еле держится». Въ письмѣ къ Прокоповичу отъ 24 мая: «Сижу дома на перепутьѣ около недѣли уже, не зная, куда ѣхать — на Кавказъ или въ Крымъ, гдѣ нынѣ славятся минеральныя грязи и купальни въ морѣ». Именно на этихъ минеральныхъ грязяхъ Гоголь въ концѣ концовъ и остановился.

[3]) Въ «Русск. Арх.»: «ужъ».

[4]) Гоголь во многихъ мѣстахъ переписки и въ извѣстномъ лирическомъ отступленіи въ IX главѣ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» говоритъ о благотворномъ дѣйствіи на него дороги.

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «не даетъ».

[6]) Жалобы на лѣтнюю лѣнь мы встрѣчаемъ и въ письмахъ Гоголя предшествующихъ лѣтъ.

[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «къ».

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «странное».

[9]) Не дописано.

[10]) Въ «Русск. Арх.» невѣрно: «это».

[11]) Онъ завѣдывалъ учрежденіями импер. Маріи Ѳеодоровны. Гоголь одно время давалъ уроки его сыновьямъ, о чемъ см. воспоминанія М. Н. Лонгинова въ «Современникѣ» (1854, III, отд. 2, стр. 85—90).

почему: когда я просился на Кавказъ для поправленія здоровья, онъ мнѣ сказалъ, что причина моя законная, и никакого препятствія нѣтъ на мой отъѣздъ. Зачѣмъ же онъ мнѣ тогда не сказалъ, что поѣзжайте, но помните, что вы чрезъ это лишитесь своего мѣста: тогда другое дѣло [1]), — можетъ-быть, я бы и не поѣхалъ. Впрочемъ, Плетневъ мнѣ пишетъ, что еще о новомъ учителѣ будетъ представленіе въ августѣ мѣсяцѣ первыхъ чиселъ, и что если императрица не согласится, чтобы мое мѣсто отдать новому учителю, то оно останется за мною. И по этому-то поводу я прибѣгаю къ вамъ, нельзя ли такъ сдѣлать, чтобы императрица не согласилась? Она добра и, вѣрно, не согласится меня обидѣть. Впрочемъ, что-то (sic) будетъ, то будетъ, а вѣрно будетъ такъ, какъ лучше. Все, что ни случалось доброе и злое, было для меня хорошо. Дай Богъ, чтобы [2]) и впередъ такъ было. Желая вамъ всего, что есть для насъ лучшаго, обнимая васъ, цѣлуя и оставаясь съ совершеннымъ почтеніемъ и глубокой преданностью, всегда вашъ

Гоголь.

CLXI. Къ М. А. Максимовичу.

Полтава. Іюль, 20 дня, 1835.

О тебѣ я потерялъ совершенно всѣ слухи. Не получая долго писемъ, я думалъ, что ты занятъ; къ тому же на ухо шепнула мнѣ лѣнь моя, что нечего и тебѣ докучать письмами, и я рѣшился лучше всего этого явиться къ тебѣ вдругъ въ Кіевъ. Но вышло не такъ: ѣхавшему вмѣстѣ со мною нужно было поспѣшать въ срокъ и никакъ нельзя было дѣлать заѣздовъ [3]), и Кіевъ былъ пропущенъ мимо. Теперь я живу въ предковской деревнѣ и черезъ три недѣли ѣду опять въ Петербургъ. Къ 13 или къ 14, впрочемъ, буду непремѣнно въ Кіевѣ, нарочно сдѣлавши 300 верстъ кругу, и проживу два дни съ тобою [4]), и тогда поговоримъ о томъ и о другомъ, и о прочемъ. Больше, право, ничего не знаю и не умѣю сказать тебѣ, кромѣ того развѣ, что я тебя крѣпко люблю и съ нетерпѣніемъ желаю обнять тебя. Впрочемъ, ты, вѣрно, это и безъ моихъ

---

[1]) Въ «Русск. Арх.» стоитъ послѣ этого союзъ «и», котораго въ подлинникѣ нѣтъ.

[2]) Въ «Русск. Арх.»: «чтобъ».

[3]) У Кулиша: «разъѣздовъ».

[4]) Въ подлинникѣ здѣсь читаемъ замѣтку М. А. Максимовича: «онъ ожилъ у меня, въ домѣ Катеринича, дней пять».

объявленій знаешь. Тупая теперь такая голова сдѣлалась, что мочи нѣтъ. Языкомъ ворочаешь такъ, что унять нельзя, а возьмешься за перо—находитъ столбнякъ.

А что, какъ ты? Я думаю, такъ движешься и работаешь, что небу становится жарко. Дай тебѣ Богъ за то возрастанія силъ и здоровья. Если будетъ тебѣ время, то отзовись еще; письмо твое успѣетъ застать меня. Право, соскучилъ безъ тебя. Дай хоть руку твою увидѣть.

Прощай. Твой *Гоголь.*

CLXII. Записка П. М. Погодину.

(1835, въ Москвѣ).

Завтра въ 3 часа къ обѣду нагрянетъ къ тебѣ весь ученый міръ, предводимый растеніемъ Рѣдькою [1]). Означенное растеніе Рѣдька нарочно присылалъ къ тебѣ человѣка узнать квартиру твою, ибо мы съ тобою, по свойственному однимъ намъ благоразумію, забыли выставить мѣсто жительства.

CLXIII. Къ нему же.

(1835, въ Москвѣ).

А что же брюки? О Боже мой, Боже мой! Боже мой! Боже мой! что это такое дѣлается съ ними!

Пожалуйста, дай знать, когда мнѣ можно тебя застать дома. Мнѣ хотѣлось поговорить еще о многихъ вещахъ съ тобою.

Твой I.

CLXIV. Къ матери.

Сентября 2, 1835 г. С.-Петербургъ.

Пишу къ вамъ на другой день послѣ пріѣзду моего въ Петербургъ, который совершился благополучно. Пріѣхалъ я здоровъ; все нашелъ хорошо. Былъ у сестеръ. Обѣ онѣ, какъ Аннетъ, такъ и Лиза, довольно подросли за эти 4 мѣсяца и во все продолженіе ихъ были совершенно здоровы. Сентябрь здѣсь стоитъ прекрасный. Погода самая пріятная, дни солнечные. За симъ извѣстивши васъ обо всемъ этомъ и желая вамъ, почтеннѣйшая маменька, здоровья и счастья со всѣмъ домомъ, остаюсь вашимъ послушнымъ сыномъ...

---

[1]) Т. е. Петромъ Григорьевичемъ Рѣдкинымъ.

CLXV. Къ ней же.

Сентября 22 (1835). С. Петербургъ [1]).

Я получилъ письмо ваше изъ Бѣлгорода. Поздравляю васъ съ благополучнымъ пріѣздомъ и радуюсь душевно, что поѣздка эта доставила вамъ успокоеніе и развлекла немного. Поздравляю васъ также съ наступающимъ днемъ ангела вашего. Желанія не прибавляю: оно, безъ сомнѣнія, извѣстно. Еслибы оно только исполнилось, то вы бы давно не имѣли непріятныхъ заботъ и жили бы смѣясь отъ утра до вечера. Лиза и Анна, безъ сомнѣнія, желаютъ того же, хотя и не успѣли написать вамъ своего поздравленія. Я посылаю при семъ ихъ прежн(ія) [2]) письма, которыя у нихъ нѣсколько залежались.

Очень прискорбно мнѣ было отъ васъ слышать, что хлѣба у насъ дурны. Я не знаю, какъ вы въ состояніи будете прокормить крестьянъ. Какъ вы сдѣлались съ Татьяной Ивановной? вѣдь, кажется, кромѣ этого едва ли теперь вамъ приходится взносить въ ломбардъ. Но, впрочемъ, Богъ, вѣрно, устроитъ все хорошо [3]).

Вѣдь я, кажется, два года тому назадъ былъ у васъ на именинахъ, и, помнится мнѣ, довольно не скучно мы провели (время) [4]). Еще ваши именины я помню одинъ разъ, назадъ лѣтъ пять слишкомъ, когда я былъ еще дома. Когда былъ... Кто бишь былъ? [5]) Я никого уже не помню... Кажется, Данилевскій Оедоръ Яким(овичъ) [6]). Что онъ? что

---

[1]) Это письмо съ дополненіемъ пропущенныхъ строкъ было напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» (1896, VI, стр. 738 — 739).

[2]) У Кулиша: «прежи(ія)»; въ «Вѣстникѣ Европы»: «прежнія».

[3]) Начиная отъ словъ: «Какъ вы сдѣлались съ Татьяной Ивановной» (Черныш), у Кулиша пропущено; дополнено по тексту «Вѣстника Европы».

[4]) Это слово пропущено въ подлинникѣ (См. въ «Вѣстникѣ Европы», 1896, VI, 739).

[5]) У Кулиша: «были»; въ «Вѣстн. Европы»: «былъ». Кромѣ того слово: «бишь» въ «Вѣстникѣ Европы» пропущено.

[6]) Въ «Вѣстникѣ Европы»: «Напримѣръ, Оедоръ Зосимовичъ»; у Кулиша: «Оедоръ Акимовичъ». Слѣдуя въ данномъ случаѣ Кулишу, имѣемъ въ виду слѣдующее соображеніе: А. С. Данилевскій, также называлъ эту личность (своего родственника), Оедоромъ *Якимовичемъ*. О немъ А. С. Данилевскій говорилъ намъ, что онъ послужилъ Гоголю прототипомъ для Петра Петровича Пѣтуха, но онъ былъ безъ ногъ; въ чинѣ полковника; въ 1812 г. ему оторвали обѣ ноги. Когда онъ возвращался послѣ войны, государь, узнавъ объ его тяжкомъ положеніи, принялъ подъ свое особое покровительство: онъ считался на службѣ, удерживалъ жалованье, получилъ чинъ. Онъ любилъ за

дѣлаетъ? и какъ поживаетъ съ своею молодою супругою? А что Ларіонъ Тр.? [1]) служитъ, или въ отставкѣ, и чѣмъ занимается? Передайте ему поклонъ. Каковы вѣсти объ Андр(еѣ) Андре(евичѣ), также и о Косяровскихъ? Если Агаѳія Матвѣевна живетъ у насъ, то напомните ей, что я очень часто вспоминаю о ней.

Милостивая Государыня Катерина Ивановна! Припасли ли вы мнѣ пѣсенъ?.. [2])

Вашъ Николай [3]).

CLXVI. Къ ней же.

1835, октября 1. С. Петербургъ [4]).

Поздравляю васъ, маменька, съ днемъ вашего ангела и желаю вамъ всего, что̀ можетъ составить счастіе ваше на землѣ [5]): чтобы имѣли сколько можно менѣе безпокойствъ [6]), чтобы Богъ благословилъ и наградилъ ваши попеченія, чтобы дѣти ваши, то-есть, всѣ мы, были всегда послушны, признательны и почтительны, и чтобы вы меньше задумывались, а больше веселились. Я, вашими молитвами, здоровъ и спокоенъ; прочее все пустое и трынъ-трава. Сестры тоже здравствуютъ и, безъ сомнѣнія, будутъ писать вамъ поздравленія.

Передайте поклонъ мой Василію Ивановичу Чернышу, [7]), Татьянѣ Ивановнѣ и Аннѣ Семеновнѣ [8]). Что̀ онѣ, еще не вышли замужъ? [9]). Но особенный поклонъ бабушкѣ

казывать обѣдъ. Былъ хорошій разсказчикъ. У него была такъ сдѣлана деревянная нога, что онъ могъ свободно ходить безъ костылей. См. «Матеріалы для біографіи», IV, 719, примѣч. 2-е.

[1]) Ларіонъ Трощинскій, по словамъ А. С. Данилевскаго, вращался въ Петербургѣ; см. упоминаніе о немъ въ письмѣ отъ 1 августа 1834 г. (выше, стр. 316).

[2]) У Кулиша: «пѣсенокъ»; въ «Вѣстн. Евр.»: «пѣсенъ».

[3]) Подпись у Кулиша опущена.

[4]) Это письмо было напечатано съ возстановленіемъ пропусковъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1896, VI, стр. 739—740).

[5]) Такъ у Кулиша; въ «Вѣстн. Евр.» вмѣсто словъ: «на землѣ», стоятъ точки и поясненіе: «неразборчивое слово».

[6]) У Кулиша: «безпокойства»; въ «Вѣстн. Евр.»: «безпокойствъ».

[7]) Послѣ этого слѣдуетъ неразборчивое слово, совсѣмъ пропущенное Кулишемъ. (См. «Вѣстн. Евр.», 1896, 739), или, вѣрнѣе, самое слово: Чернышъ, отсутствующее въ «Вѣстн. Евр.», было не прочитано и именно это слово названо неразборчивымъ.

[8]) Данилевской.

[9]) Вѣроятно, Гоголь разумѣетъ Варвару Семеновну и Анну Семеновну Данилевскихъ.

Марьѣ Ильиничнѣ, а вслѣдъ затѣмъ тетушкѣ Катеринѣ Ивановнѣ, которой скажите, что очень жалѣю, что до сихъ поръ незнакомъ съ моей сестрицей [1]).

Что же касается до любезной сестрицы Маріи Васильевны, то я хотѣлъ ей написать особенно съ присылкою кое-какихъ дамскихъ аттрибутовъ, но отлагаю до другого времени и посылаю поклонъ, который да раздѣлитъ она пополамъ между собою и мужемъ.

Вашъ покорный сынъ *Николай*.

Да скажите пожалуйста, какой плутъ полтавскій почтмейстеръ! Я, право, буду на него жаловаться. Мнѣ были посланы отсюда двѣ посылки, которыя я долженъ былъ получить еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, а онъ ни объ одной изъ нихъ не объявилъ [2]). Сдѣлайте милость, поручите Павлу Осиповичу [3]) справиться. Въ одной изъ нихъ находятся термометры, а въ другой книги. Термометры оставьте у себя, а книги мнѣ пришлите назадъ. Недурно, если случатся у васъ готовыя пары три шерстяныхъ чулокъ; присообщите къ книгамъ.

CLXVII. Къ А. С. Пушкину.

7 октября 1835. [4])

Рѣшаюсь писать къ вамъ самъ; просилъ прежде Наталью Николаевну, но до сихъ поръ не получилъ извѣстія. Пришлите, прошу васъ убѣдительно, если вы взяли съ собою, мою комедію, которой въ вашемъ кабинетѣ не находится и которую я принесъ вамъ для замѣчаній [5]). Я сижу безъ денегъ и, рѣшительно безъ всякихъ средствъ; мнѣ нужно давать ее актерамъ на разыграніе, что обыкновенно дѣлается, по крайней мѣрѣ, за два мѣсяца прежде. Сдѣлайте милость, пришлите скорѣе [6]) и сдѣлайте наскоро хоть сколько-нибудь главныхъ замѣчаній.

Началъ писать «Мертвыхъ Душъ». Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ.

---

[1]) Съ дочерью Катерины Ивановны Ходаревской, Марьей Николаевной Спиридоновой (она упом. въ письмѣ отъ 10 декабря 1848 г.).

[2]) Послѣднія строки, начиная отъ словъ: «Да, скажите пожалуйста», у Кулиша пропущены.

[3]) Трушковскому.

[4]) Первоначально напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» (1880, т. II, стр. 514).

[5]) Какъ видно изъ конца письма, рѣчь идетъ о «Женитьбѣ», которую Гоголь назначалъ для одновременныхъ бенефисовъ Щепкину и Сосницкому.

[6]) Слова: «пришлите скорѣе» вписаны сверху строки.

Но теперь остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись. Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хотя съ одного боку всю Русь.

Сдѣлайте милость, дайте какой-нибудь сюжетъ, хоть какой-нибудь смѣшной или несмѣшной, но русскій чисто анекдотъ. Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію. Если жъ сего не случится, то у меня пропадетъ даромъ время, и я не знаю, что̀ дѣлать тогда съ моими обстоятельствами. Я, кромѣ моего скверная жалованья университетскаго 600 рублей, никакихъ не имѣю теперь мѣстъ. Сдѣлайте (же) милость, дайте сюжетъ; духомъ будетъ комедія изъ пяти актовъ, и клянусь — куда смѣшнѣе чорта! Ради Бога, умъ и желудокъ мой оба голодаютъ. И пришлите «Женитьбу». Обнимаю васъ и цѣлую и желаю обнять скорѣе лично. Вашъ *Гоголь*.

Мои ни «Арабески», ни «Миргородъ» не идутъ совершенно. Чортъ ихъ знаетъ, что̀ это значитъ! Книгопродавцы такой народъ, которыхъ безъ всякой совѣсти можно повѣсить на первомъ деревѣ.

CLXVIII. Къ матери.

1835, ноября 10. С.-Петербургъ.

Я получилъ ваши два письма почти вдругъ одно послѣ другого. Одно меня порадовало, потому что я видѣлъ изъ него, что вы веселы, а другое не понравилось мнѣ, потому что изъ него видно, что вы были скучны и въ печальномъ расположеніи духа [1]). Я долженъ съ горестьюзамѣтить вамъ, маменька, что вы, чѣмъ далѣе, теряете ясность и спокойствіе духа. Васъ тревожатъ всякія мелочи. Вы ищете непремѣнно предчувствій. Предзнаменованіямъ вы начинаете вѣрить и самымъ пустымъ примѣтамъ. Однимъ словомъ, вы живете въ какомъ-то собственномъ мірѣ. Ваши мысли наполнены мечтами. Вы, кажется, часто невнимательны рѣшительно ни къ чему. Ради Бога, маменька, ищите больше обществъ, развлекайте себя; вы даже пишете мнѣ о своихъ снахъ. Помилуйте, маменька: мало ли какой чепухи снится намъ; да если мы будемъ обо всемъ вздорѣ думать, такъ у насъ поневолѣ голова пойдетъ кругомъ. Вы пишете, что

---

[1]) Слѣдующій отрывокъ у Кулиша пропущенъ до словъ: «Напишите мнѣ о томъ, писали ли въ опекунскій совѣтъ» и проч. См. «Матеріалы», томъ I, стр. 212—213.

очень странный сонъ вамъ видѣлся. Да, когда же сны не бываютъ странные! Мнѣ прежде снилась такая дичь, что, вѣрно, въ пятьсотъ разъ болѣе странная... Сонъ есть отраженіе нашихъ безпорядочныхъ мыслей, то, что мы думаемъ, что насъ занимаетъ, намъ видится и во снѣ, только натурально на изнанку. Хотите ли, я вамъ объясню вашъ сонъ. Вы поставили себѣ идею, что я окруженъ такими-то друзьями; а такъ какъ вы любите сейчасъ ваше предположеніе утверждать, стоять за него горою и уже никто васъ не переубѣритъ, то вы уже потомъ идете дальше и дальше въ мысляхъ,—что эти друзья меня обманываютъ и проч. и проч., что вы, помнится мнѣ, часто говорили, хотя, признаюсь, мнѣ совершенно были непонятны слова ваши, что вамъ приснилось, что я говорю вамъ: «вотъ что надѣлали мнѣ друзья!» А часы явились вамъ, какъ воспоминаніе, которое иногда вдругъ приходитъ къ намъ во снѣ, иногда изъ самыхъ временъ дѣтства, и о которыхъ мы совсѣмъ не думали... Вотъ вамъ съ идеей о мнѣ вспомнились и тѣ часы, о которыхъ я писалъ вамъ изъ Любека [1]), что когда бьетъ на нихъ 12 часовъ, показывается 12 человѣческихъ фигуръ. При этомъ, можетъ быть, вы часто думали о моемъ будущемъ путешествіи по Европѣ и вотъ, вмѣстѣ съ этимъ, что-нибудь взбрело вамъ на умъ и о моемъ прежнемъ пребываніи за границей. Итакъ вы видите, маменька, что сонъ есть больше ничего, какъ безсвязные отрывки, не имѣющіе смысла, изъ того, что мы думали, и потомъ склеившіеся вмѣстѣ и составившіе винегретъ... Сдѣлайте милость, пожалѣйте всѣхъ насъ, маменька, не предавайтесь мечтательности. Вспомните, какъ вы были веселы и съ вами не скучно было быть вмѣстѣ никому. Мы всѣ здѣсь здоровы. Сестры растутъ и учатся, и играютъ. Я тоже надѣюсь кое-что получить пріятное. Итакъ не болѣе, какъ годка черезъ два, я приду въ такую возможность, что, можетъ быть, приглашу васъ въ Петербургъ посмотрѣть на нихъ, а до того времени нечего досадовать. Истинный и добрый христіанинъ никогда не бываетъ суевѣренъ и не вѣритъ пустякамъ...

Напишите мнѣ о томъ, писали ли въ опекунскій совѣтъ о разсрочкѣ, или нѣтъ? Напишите также, куда бабушка Марія Ильинична подала просьбу и котораго числа и мѣ-

---

[1]) Гоголь припоминаетъ здѣсь о письмѣ отъ 25 августа 1829 г., изъ Травемюнде. (См. выше, стр. 135).

сяца. А до того до свиданья. Занимайтесь больше хозяйствомъ и ѣздите больше по гостямъ; то и другое васъ развлечетъ...

Благодарю тебя, милая сестра, за приписку и извѣстіе о моемъ крестникѣ и о Павлѣ Осиповичѣ. Благодарю тебя за усердіе, съ которымъ ты стараешься надѣлить меня старинными картами; только это мнѣ вовсе не нужно и не относится къ моему предмету. Обнимаю тебя отъ души. Твой братъ.

CLXIX. Къ ней же.

, 1835, ноября 19. С. Петербургъ. [1]).

Письмо ваше получилъ 12 сего мѣсяца. Если будетъ время и возможность, то я постараюсь доставить вамъ сульета(?) [2]). Объ Оленькѣ я хлопоталъ. Мало имѣю надежды; на свой счетъ покамѣстъ не могу [3]). Впрочемъ это дѣло еще впереди [4]).

Посылаю вамъ письма сестеръ, которыя, слава Богу, здоровы.

Благодарю очень сестру за приписку, а еще болѣе за любовь, въ награду за которую затерялъ я [5]) письмо къ ней отъ Аннеты. Цѣлую Николеньку и Ванечку [6]) и постараюсь привезть имъ гусаровъ или лошадей... [7]) Желаю вамъ здоровья и веселаго расположенія духа.

Остаюсь вашъ *Николай.*

CLXX. Къ М. П. Погодину.

Декабря 6. С. Петербургъ. 1835.

Здравствуй, душа моя! Спасибо тебѣ, что ты пріѣхалъ и написалъ ко мнѣ. Но я думалъ, что ты сдѣлаешь лучше

---

[1]) Это письмо съ возстановленіемъ пропуска перепечатано въ «Вѣстникѣ Европы» (1896, VI, 740).

[2]) Въ «Вѣсти. Европы»: «сульета»; у Кулиша: «сульеты».

[3]) Ольгу Васильевну Гоголь (потомъ въ замужествѣ г-жа Головня; она здравствуетъ донынѣ) такъ и не удалось помѣстить въ Патріотическій Институтъ.

[4]) Послѣднія строки, начиная отъ словъ: «Объ Оленькѣ я хлопоталъ», у Кулиша пропущены.

[5]) У Кулиша: «затерялъ я»; въ «Вѣсти. Евр.»: «затерялъ и...»

[6]) У Кулиша: «Ваню»; въ «Вѣсти. Евр.»: «Ваничку».

[7]) Остальное у Кулиша пропущено.

и пріѣдешь прежде въ Петербургъ. Мнѣ бы хотѣлось на тебя поглядѣть и послушать, послушать, что и какъ было въ пути, и что Нѣмечина и нѣмцы. Этого мнѣ хотѣлось потому, что твои глаза ближе къ моимъ, чѣмъ кого другого. Но на письмѣ я знаю самъ, что писать объ этомъ слишкомъ громоздко, и для насъ, людей лѣнивыхъ, очень скучно. Я жадно читалъ твое письмо въ журналѣ просвѣщенія, но еще хотѣлъ бы слышать изустныхъ прибавленій [1]). Увѣдомь, какія книги привезъ и что есть такого, о чемъ намъ неизвѣстно.

Я расплевался съ университетомъ, и черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года—годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся—въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ монхъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ, мои небесныя гостьи, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія; когда вы исторгнетесь съ бо́льшею силою и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика.... и проч. и проч.... Я тебѣ одному говорю это; другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ, и больше ничего. Мимо, мимо все это!

Теперь вышелъ я на свѣжій воздухъ. Это освѣженіе нужно въ жизни, какъ цвѣтамъ дождь, какъ засидѣвшемуся въ кабинетѣ прогулка. Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да здравствуетъ комедія! Одну наконецъ рѣшаюсь давать на театръ, принялся переписывать экземпляръ для того, чтобы послать къ тебѣ въ Москву, вмѣстѣ съ просьбою предувѣдомить кого слѣдуетъ по этой части [2]). Скажи Загоскину, что я буду писать къ нему объ этомъ, и убѣдительно просить о всякомъ съ его стороны вспомо-

---

[1]) Письмо это о заграничной поѣздкѣ Погодина см. въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1835, VII, 544, 552. (Полное заглавіе: «Письмо ординарнаго профессора московскаго университета Погодина къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія изъ Германіи»). О путешествіи Погодина у г. Барсукова, т. IV, 312—334.

[2]) Рѣчь идетъ о «Ревизорѣ».

ществованіи [1]), а милому Щепкину, что ему десять ролей въ одной комедіи: какую хочетъ, пусть такую беретъ; даже можетъ разомъ всѣ играть. Мнѣ очень жаль, что я не приготовилъ ничего къ бенефису его. Такъ я былъ озабоченъ это время, что едва только успѣлъ третьяго дня окончить эту піесу. Той комедіи, которую я читалъ у васъ въ Москвѣ, давать не намѣренъ на театръ [2]). Ну, прощай, мой Погодинъ. Обнимаю тебя очень крѣпко! Поцѣлуй за меня ручку супруги своей.

Твой *Гоголь.*

CLXXI. Къ матери.

1835, декабря 18. СПб.

Поздравляю васъ, маменька, съ наступающимъ новымъ годомъ и дай Богъ, чтобы онъ былъ для васъ счастливѣе всѣхъ когда-либо бывшихъ! По крайней мѣрѣ я предчувствую, что отъ него намъ ожидать много добра. Я, слава Богу, здоровъ; сестры также. Онѣ посылаютъ вамъ конфекты и кое-что изъ работъ своихъ. Я, при этой оказіи, приложилъ сѣмена огородныя: оно же и кстати на новый годъ: это эмблема и девизъ, и вмѣстѣ желаніе, чтобы вы насѣяли много хорошаго въ началѣ этого (года) и въ этомъ же самомъ, чтобы (вели жизнь) счастливую, имѣющую продолжиться отнынѣ на всѣ годы.

Кстати о сѣменахъ. Причину невсхода сѣмянъ садовникъ полагаетъ, что ихъ глубоко садили въ землю. Онъ совѣтуетъ ихъ слегка только прикрыть землею, лишь бы закрыть сѣмечко, чтобы солнце могло на нихъ дѣйствовать, и никакъ не совѣтуетъ прежде намачивать въ водѣ но садить ихъ сухими лучше, потомъ полить. И потому всѣмъ этимъ совѣтую Павлу Осиповичу воспользоваться.

Сестрѣ посылаю какія нашлись у меня книги. Пусть ихъ

---

[1]) См. ниже письмо отъ 10 мая 1836 г.

[2]) Рѣчь идетъ о пьесѣ «Женихи», впослѣдствіи названной «Женитьба». О чтеніи этой комедіи у Погодина см. въ «Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ». («Русск. Арх.», 1890, VIII, стр. 9—10). Эту комедію Гоголь не хотѣлъ отдать въ то время Щепкину потому, что назначалъ ее для бенефисовъ сразу—Щепкина въ Москвѣ и Сосницкаго въ Петербургѣ. См. письмо къ Щепкину отъ 29 апрѣля 1836 г.

читаетъ во здравіе. Она ихъ, я думаю, въ одну недѣлю проглотитъ всѣ. Желая всего хорошаго и посылая при этомъ поклонъ всѣмъ роднымъ и знакомымъ, остаюсь...

CLXXII. Къ А. С. Данилевскому (записка) [1].

Не хочешь ли вкусить старины? Въ такомъ случаѣ приходи ко мнѣ въ началѣ 2-го часу и отправимся къ Гаку сразиться въ бильярдъ и пообѣдаемъ. Это хорошо для моціона и геморроидъ.

П.

---

[1] Нѣтъ никакихъ данныхъ для опредѣленія времени написанія этой записки. Помѣщаемъ ее предположительно подъ 1835 годомъ (если только она не относится къ позднѣйшему, заграничному періоду).

Краткій обзоръ содержанія писемъ Гоголя въ 1836 г.

Переписка Гоголя въ 1836 году распадается на двѣ части: въ первой половинѣ этого года онъ занятъ хлопотами и приготовленіями по постановкѣ на сцену «Ревизора», а потомъ, разочарованный и огорченный ожесточеніемъ публики противъ этой піесы, рѣшаетъ ѣхать за границу, «размыкать ту тоску, которую ежедневно наносятъ соотечественники»; онъ ѣдетъ также затѣмъ, чтобы «глубже обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія». Уже въ эту пору въ его письмахъ начинаютъ проявляться аскетическіе взгляды, и впервые заходитъ рѣчь о внутреннемъ «воспитаніи» и о благодарности Провидѣнію за ниспосланныя непріятности и огорченія. Во время путешествія Гоголь отдается захватывающей его новизнѣ впечатлѣній, и открывшійся передъ нимъ незнакомый міръ отвлекаетъ его на время отъ грустныхъ воспоминаній и аскетическихъ думъ. Проѣхавъ Ахенъ, Крейцнахъ, Баденъ-Баденъ и проч., Гоголь долѣе остается въ Швейцаріи, гдѣ наслаждается красотами природы и пріятнымъ обществомъ случайно встрѣченныхъ имъ петербургскихъ знакомыхъ, Балабиныхъ и Репниныхъ; потомъ вмѣстѣ съ Данилевскимъ остается на зиму въ Парижѣ, отложивъ до весны свое намѣреніе ѣхать въ Италію, по причинѣ свирѣпствовавшей тамъ холеры.

CLXXIII. Къ М. П. Погодину.

18 генваря, 1836. СПб.

Э, братъ! ты совсѣмъ позабылъ меня. Я ждалъ отъ тебя письма на мое письмо, да и пересталъ ждать. Извини, что до сихъ поръ не посылаю тебѣ комедію [1]). Она совсѣмъ готова и переписана, но я долженъ непремѣнно, какъ увидѣлъ теперь, передѣлать нѣсколько явленій. Это не замедлится, потому что я во всякомъ случаѣ рѣшился непремѣнно дать ее на Свѣтлый праздникъ. Къ посту она будетъ совсѣмъ готова, и за пость актеры успѣютъ разучить совершенно свои роли.

Да скажи пожалуйста, ты меня не увѣдомилъ, какъ распорядился съ посланными къ тебѣ еще въ маѣ мѣсяцѣ 90

[1]) Рѣчь идетъ о «Ревизорѣ».

экземплярами «Миргорода». Если они не проданы еще и если тебѣ нужны взятые мною 500 руб., то я постараюсь прислать тебѣ, потому что я долженъ получить кое-что за комедію.

Да сдѣлай милость, пришли мнѣ моего «Носа». Мнѣ теперь онъ до крайности нуженъ. Я хочу его немного передѣлать и помѣстить въ небольшое собраніе, которое готовлю издать [1]). Благодарю тебя много за твои подарки: «Самозванца» [2]), «Русскую Исторію» и лекціи по Герену.

«Самозванецъ» мнѣ очень нравится. Онъ не движется на сценической интригѣ, но тѣмъ не менѣе составляетъ полную, исполненную правды, стало быть историческую и поэтическую картину. «Исторія» твоя составляетъ замѣчательное явленіе, но въ ней есть слѣдующій недостатокъ. Она больше похожа на сочиненіе, назначенное быть темою для профессора университета, а не для гимназическаго курса. Въ ней слишкомъ сжато, даже, можетъ быть, много уложено въ тѣсныя рамки. Притомъ въ ней, мнѣ кажется, необходимо было бы тебѣ именно развить тотъ эскизъ, который ты помѣстилъ въ «Наблюдателѣ». Онъ мнѣ очень нравится. Это до самого Петра чрезвычайно полное изложеніе, ясное, исполненное дальновиднаго вѣрнаго вывода. Вѣрно, ты эскизъ свой писалъ уже послѣ. Впрочемъ во всякомъ случаѣ твоя «Исторія» останется лучшею, и я буду очень радъ, если она введется во всеобщее употребленіе и изгонитъ безпрестанно перевирающіяся записки, составленныя въ началѣ Богъ знаетъ кѣмъ, не повѣренныя умомъ и наблюдательностью. Жаль очень, что я не могу тебя видѣть. Мнѣ бы хотѣлось потолковать съ тобою о весьма многомъ.

Да кстати объ исторіи. Мнѣ наговорили, что дѣтская исторія Полевого хорошее сочиненіе [3]). Я взялъ ее въ руки.

---

[1]) См. примѣч. П. С. Тихонравова къ повѣсти «Носъ». (Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 571). И. С. Тихонравовъ между прочимъ говоритъ тамъ: «сколько извѣстно, Гоголь, поглощенный въ началѣ 1836 года печатаніемъ и постановкою на петербургской сценѣ «Ревизора», не готовилъ къ отдѣльному изданію никакого «небольшого собранія своихъ сочиненій», но обработывалъ цѣлый рядъ своихъ набросковъ для «Современника» Пушкина. Получивши наконецъ отъ Погодина ту редакцію «Носа», которая была выработана для «Московскаго Наблюдателя», Гоголь «немного передѣлалъ ее» и эта новая редакція повѣсти появилась только въ третьемъ томѣ «Современника», вышедшемъ въ сентябрѣ 1836 года».

[2]) Драматическое сочиненіе М. П. Погодина.

[3]) «Исторія русскаго народа» Полевого.

но увидѣлъ, что яблоко отъ яблони не далеко падаетъ. Къ счастью, я получилъ твою и отвелъ немного душу.

Прощай! не можешь ли ты чего-нибудь мнѣ выкопать о славянахъ? Сдѣлай милость. Можетъ быть, ты составилъ какія-нибудь выписки изъ разнаго сору, и особенно что-нибудь о Галиціи древней и новой. Нѣтъ ли гдѣ какого-нибудь описанія обрядовъ, обычаевъ ихъ и проч.?

Прощай. Цѣлую тебя нѣсколько разъ. Хотѣлось бы мнѣ очень побывать теперь въ Москвѣ, да не знаю, удастся ли прежде лѣта. Прощай.

Твой *Гоголь.*

CLXXIV. Къ матери.

С. Петербургъ. Февраля 10, 1836 [1]).

Я получилъ ваши письма оба, но медлилъ отвѣчать на нихъ, потому что ожидалъ отвѣта князя Репнина по дѣлу Павла Осиповича, который, къ сожалѣнію, заключаетъ въ себѣ отказъ [2]).

Намѣреніе ваше заложить въ приказъ я одобряю. Дай Богъ, чтобы это помогло вамъ быть спокойнѣе и дало возможность управляться успѣшнѣе съ хозяйскими дѣлами. Вы напрасно только на меня имѣли неудовольствіе, какъ я видѣлъ изъ перваго письма вашего; тоже еще напраснѣе принимаете вы на чистыя деньги слова, сказанныя мною Татьянѣ Ивановнѣ или кому другому. Развѣ вы не видите, что я шутилъ? Я одному говорилъ, когда меня спрашивали, скоро ли я буду, что я буду черезъ пять лѣтъ, другой[3])—черезъ десять. Вамъ я сказалъ ближе всего къ тогдашнимъ моимъ мыслямъ, потому что я дѣйствительно думалъ тогда черезъ два года пріѣхать опять въ Васильевку на недѣлю. и черезъ годъ на три мѣсяца, воротившись изъ-за границы.

Я къ вамъ пишу, выпроводивши масленицу, которая была здѣсь не такъ шумна, потому что смущена была несчастнымъ приключеніемъ. Во время представленія сгорѣлъ балаганъ со всѣми зрителями, изъ которыхъ едва

---

[1]) Это письмо съ возстановленіемъ пропусковъ перепечатано въ «Вѣстникѣ Европы» (1896, VI, стр. 740—741).

[2]) Начало письма до этихъ словъ у Кулиша пропущено. Хлопоты о какомъ-то дѣлѣ П. О. Трушковскаго были очень непріятны для Гоголя; см. также письмо отъ 22 февраля 1836 года (ниже, стр. 367).

[3]) У Кулиша: «другому»; въ «Вѣсти. Евр.»: «другой».

половину могли спасти. Это много помѣшало всеобщей веселости, которая всегда бываетъ въ это время.

Сестры здоровы: учатся, какъ говорить, очень недурно. Аннетъ приготовляетъ вамъ какой-то большой подарокъ [1]).

Прощайте, безцѣнная маменька: сообщите поклонъ мой всѣмъ роднымъ и знакомымъ нашимъ.

Вашъ почтительный сынъ *Николай*.

CLXXV. Къ Н. Д. Бѣлозерскому.

21 февраля, 1836. СПб. [2]).

Мы съ вами, Николай Даниловичъ, кажется, рѣшились вовсе прекратить всякія сношенія и переписку. Богъ знаетъ, кто изъ насъ виноватъ. Можетъ быть [3]), мнѣ прежде слѣдовало писать къ вамъ. Но во всякомъ случаѣ нужно той и другой сторонѣ [4]) подобную ошибку всегда поправлять,— тѣмъ болѣе, что между нами, какъ между людьми вовсе не-чиновными и не-чинящимися, слово *поздно* [5]) не имѣетъ въ себѣ никакого неприличія и доказываетъ только благородну(ю) нашу наклонность къ лѣни.

Прежде всего, каково здоровье ваше? потомъ, какъ ваши обстоятельства? О второмъ вопросѣ я интересуюсь потому, (что) [6]) здѣсь пронеслись слухи, которые я желалъ бы со всѣмъ участіемъ моего сердца, чтобы были ложны. Говорятъ, что вашъ домъ сгорѣлъ. Мнѣ очень непріятно было слышать объ этомъ, зная, какъ вамъ дорого отцовское гнѣздо ваше. Вы, сдѣлайте милость, извѣстите меня объ этомъ. Еще занеслись для меня другія вѣсти, также очень, очень непріятныя для меня, будто бы сгорѣлъ Нѣжинскій лицей. Признаюсь, это [7]) такъ меня огорчило, какъ

---

[1]) Послѣ этого окончаніе письма у Кулиша пропущено.

[2]) Подлинникъ этого и другихъ писемъ Н. Д. Бѣлозерскаго остался намъ неизвѣстнымъ, такъ какъ сами наслѣдники Бѣлозерскаго о нихъ ничего не знаютъ. Мы провѣрили текстъ этого письма по копіи Трушковскаго, принадлежащей московскому Румянцовскому музею.

[3]) Послѣ этого въ изданіи Кулиша (V, 250) стоитъ союзъ *и*, котораго нѣтъ въ копіи, принадлежащей Румянцовскому музею.

[4]) У Кулиша: «съ той и другой стороны»; такъ же и въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (I, 179.

[5]) У Кулиша: «поздо».

[6]) Это слово, постановленное у Кулиша и въ копіи, принадлежащей Румянцовскому музею, въ скобкахъ, очевидно, пропущено въ подлинникѣ.

[7]) У Кулиша: «оно».

не огорчило бы извѣстіе о сгорѣвшемъ моемъ собственномъ отцовскомъ домѣ. И когда я вспомнилъ, какъ безжалостно поступила со мною судьба, или, можетъ, какое-нибудь предопредѣленіе, или, можетъ быть, я самъ, — но не тотъ я, который я есть во глубинѣ души моей, но я, раздосадованный, дорожный [1]), разсерженный станціонными смотрителями; то, признаюсь, невыразимый упрекъ кипитъ во мнѣ. И, какъ нарочно, какое было тогда прекрасное утро! одно изъ тѣхъ самыхъ, которыя принадлежатъ невозвратной нашей юности. Я и у васъ былъ послѣ того смутенъ и не съ такою ясностью васъ встрѣтилъ. Вы увѣдомите меня поскорѣе; можетъ быть, это неправда, и страшный Лемносскій пожаръ породилъ всю эту длинную исторію пожаровъ только на словахъ.

Извѣстите о томъ, что̀ новаго въ нашихъ сторонахъ [2]). Наши всѣ ведутъ себя довольно хорошо и не перемѣнились ни въ чемъ. Божко̀ рѣшился, наконецъ, совершенно углубиться въ бездну мудрости и солидной, аккуратной жизни. Все проситъ читать книгъ, и хотя еще ничего не прочиталъ, но со временемъ успѣетъ. Карть совершенно не беретъ въ руки; только два раза, когда я зашелъ къ нему, онъ пунтировалъ, но и то проигралъ не больше, какъ рублей четыреста. Шаржинскій, какъ вамъ извѣстно, навостряетъ лыжи въ Радзивиловъ [3]) почтмейстеромъ и, вѣроятно, скоро удеретъ оттуда опять въ Петербургъ, если только какая-нибудь полька не сядетъ верхомъ на его синія очки. Романовичъ [4]) женился на одной вдовѣ, вояжировавшей въ Италію, изъ которой можетъ выйти четыре Романовича и которая едва ли не старше еще и его лѣтами [5]). Симоновскій [6]) попрежнему обыкновенно рѣшительно недоволенъ всѣмъ. Даниловскій вамъ кланяется; Прокоповичъ тоже; нижеподписавшійся тоже.

Собираюсь ставить на здѣшній театръ комедію [7]). Пожe-

---

[1]) У Кулиша: «дорожными (непріятностями)», но въ копіи Румянц. музея: «дорожный». Слово же «непріятностями», поставленное Кулишемъ въ скобки, произвольно дополнено имъ.

[2]) У Кулиша: «въ вашей сторонѣ».

[3]) У Кулиша: «въ Радзивилъ».

[4]) См. выше, стр. 65.

[5]) Романовичъ упоминается также въ письмѣ къ Высоцкому отъ 19 марта 1827 года. См. «Лицей кн. Безбородко», стр. CXXX.

[6]) Симановскій, Иванъ Павловичъ—нѣжинскій студентъ, окончившій курсъ въ 1830 г. (тамъ же, стр. CXXXII).

[7]) «Ревизора».

лайте, дабы была удовлетворительнѣе сыграна, что, какъ вы сами знаете, нѣсколько трудно при нашихъ актерахъ. Да кстати: есть въ одной кочующей труппѣ Штейна, подъ дирекціею Млотковскаго, одинъ актеръ, по имени Соленикъ [1]). Не имѣете ли вы какихъ-нибудь о немъ извѣстій? и, если вамъ случится встрѣтить его гдѣ-нибудь, нельзя ли какъ-нибудь уговорить его ѣхать сюда? Скажите ему [2]), что мы всѣ будемъ стараться о немъ. Данилевскій видѣлъ его въ Лубнахъ и былъ въ восхищеніи. Рѣшительно комическій талантъ! Если же вамъ не удастся видѣть его, то, можетъ быть, вы получите какое-нибудь извѣстіе о мѣстѣ пребыванія его и куда адресовать къ нему [3]).

Прощайте, мой почтенный Николай Даниловичъ! Обнимаю васъ и прошу не забывать меня.

Вашъ *Н. Гоголь.*

CLXXVI. Къ М. П. Погодину.

21 февраля. 1836. Спб.

Никакъ не могу разрѣшить причины твоего молчанія. Два письма я писалъ къ тебѣ, и ни на одно отвѣта. Живъ ли ты, здоровъ ли ты, что дѣлаешь—я рѣшительно ничего не знаю. Конечно между нами, людьми пишущими, лѣность извинительна, но все же нужно знать мѣру. Грѣхъ тебѣ, право, грѣхъ! Загладь хоть теперь его и напиши строчку.

Я теперь занятъ постановкою комедіи [4]). Не посылаю тебѣ экземпляра потому, что безпрестанно переправляю. Не хочу даже посылать прежде моего пріѣзда актерамъ, потому что ежели они прочтутъ безъ меня, то уже трудно будетъ переучить ихъ на мой ладъ. Думаю быть если не въ апрѣлѣ, то въ маѣ въ Москвѣ [5]).

Не можешь ли прислать мнѣ каталога книгъ, пріобрѣтенныхъ тобою и непріобрѣтенныхъ относительно Славянщины, исторіи и литературы — очень обяжешь — и, если

---

[1]) Крупная провинціальная знаменитость въ сферѣ актеровъ, артистъ съ огромнымъ талантомъ. О Соленикѣ см. въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», т. III, стр. 14, 2-е примѣчаніе (рядъ библіографическихъ указаній).

[2]) Это слово у Кулиша пропущено.

[3]) Остальное у Кулиша пропущено.

[4]) «Ревизора».

[5]) Это объщаніе потомъ не могло быть исполнено. О предполагаемой отправкѣ «Ревизора» Гоголь одновременно писалъ и Щепкину (ср. письмо отъ 29 апрѣля 1835 г.).

можно, въ двухъ-трехъ словахъ означить достоинство каждой и въ какомъ отношеніи можетъ быть полезна.

Новостей особенныхъ здѣсь никакихъ. О журналѣ Пушкина [1]) безъ сомнѣнія, уже знаешь. Мнѣ извѣстно только то, что будетъ много хорошихъ статей, потому что Жуковскій, князь Вяземскій и Одоевскій приняли живое участіе. Впрочемъ узнаешь подробнѣе о немъ отъ него самого, потому что онъ, кажется, на-дняхъ ѣдетъ къ вамъ въ Москву.

Прощай! Хоть что-нибудь напиши. Авось-либо это письмо мое будетъ счастливѣе другихъ и дождется отвѣта.

Твой *Гоголь.*

CLXXVII. Къ матери.

Спб. 22 февраля, 1836 [2]).

Письмо ваше я получилъ. Радъ, если вы точно избавились отъ хлопотъ взятіемъ денегъ изъ ломбарда, и душевно желаю, чтобы не случилось такъ, какъ въ первый разъ, когда вы должны были всякій разъ занимать, чтобы уплачивать проценты, что̀ было нѣсколько похоже на человѣка, отрѣзывающаго себѣ фалды, съ тѣмъ, чтобы заплатать локти. Въ хозяйствѣ и желаніе, и ревность не значатъ столько, сколько аккуратность и порядокъ: они одни только могутъ помочь свести концы съ концами. И потому [3]) прежде всего пришлите мнѣ небольшой счетъ, изъ котораго бы я могъ видѣть, сколько кому назначено и уплачено вами, сколько осталось и на что̀ намѣрены вы употребить ихъ. Это будетъ очень полезно и для васъ самихъ, потому что вы, сдѣлавъ такой счетъ, можете яснѣе видѣть, какъ поступить.

Еще: я не знаю, хорошо ли вы сдѣлали, что рѣшились [4]) остаться безъ управителя. Не обманываете ли вы сами себя въ этомъ случаѣ? Вамъ даже при управителѣ было очень трудно управляться; безъ управителя—еще труднѣе,—это естественно. Я опасаюсь за васъ: множество хлопотъ могутъ еще болѣе увеличить вашу разсѣянность и раз-

[1]) «Современникъ».

[2]) Это письмо было перепечатано съ возстановленіемъ пропусковъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1896, VI, стр. 741—742).

[3]) Начиная отъ словъ: «когда вы должны были всякій разъ занимать», у Кулиша пропущено.

[4]) Такъ у Кулиша; въ «Вѣсти. Евр.»: «рѣшили».

строить спокойствіе ваше, для насъ драгоцѣнное. Сообразите все это и подумайте...

Желая вамъ во всемъ успѣховъ и удачи, остаюсь вашъ послушный сынъ *Николай*.

Поклонъ Павлу Осиповичу, Катеринѣ Ивановнѣ, Оленькѣ и всѣмъ роднымъ и знакомымъ. А сестрѣ Маріи, которую при этомъ случаѣ обнимаю заочно, скажите, что я ничего не могъ успѣть по ея просьбѣ, о чемъ и извѣстилъ Павла Осиповича особеннымъ письмомъ. Я заклялся о чемъ-нибудь просить послѣ этого случая, и при этомъ случаѣ я только подтвердилъ старую свою истину, которой я всегда слѣдую, что человѣкъ долженъ возлагать надежду только на Бога и на себя. Я никогда для себя не просилъ, и только для Павла Осиповича рѣшился нарушить это правило [1]).

Прощайте! Извѣстите, какъ вы проводите время, съ кѣмъ больше видитесь, и проч. и проч.

CLXXVIII. Къ А. С. Пушкину [2]).

(въ мартѣ 1836 г.).

Посылаю вамъ «Утро чиновника». Отправьте ее, если можно, сегодня же или завтра поутру къ цензору, потому что онъ можетъ ее взять въ ценз(урный) [3]) комитетъ вмѣстѣ

---

[1]) Отъ словъ: «А сестрѣ Маріи» у Кулиша пропущено.

[2]) Письмо это не имѣетъ даты, но оно, несомнѣнно, относится къ марту 1836 года, такъ какъ «Коляска» въ первоначальной редакціи была внесена въ той книгѣ, «въ которую онъ вписывалъ свои наброски въ 1835 г. и «Пушкинъ получилъ эту повѣсть въ 1835 году для «Альманаха», который онъ предполагалъ издать и который былъ замѣненъ журналомъ «Современникъ». (См. соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 620 — 621; тамъ же Н. С. Тихонравовъ приводитъ слѣдующія строки письма Пушкина къ Плетневу изъ Михайловскаго отъ 11 октября 1835 г.: «Спасибо, великое спасибо Гоголю за его «Коляску»: въ ней Альманахъ далеко можетъ уѣхать» и проч. (См. соч. и переписку Плетнева, т. III, стр. 380 и изд. Литер. Фонда Сочиненій Пушкина т. VII, стр. 385). Въ томъ же письмѣ упоминается дальше, какъ о свѣжей новости, объ «Утрѣ дѣлового человѣка». Въ апрѣлѣ 1836 г. уже вышла въ свѣтъ первая книга «Современника». Такимъ образомъ письмо должно было непосредственно предшествовать этому времени. Н. С. Тихонравовъ дважды высказался за отнесеніе этого письма къ двадцатымъ числамъ марта 1836 г. (см. соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 745 и т. V, стр. 651, примѣч. 3, гдѣ читаемъ: «Письмо (это) напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» безъ даты. Мы относимъ его къ двадцатымъ числамъ марта, потому что въ это время Пушкинъ возвратился изъ своей командировки въ Москву (24 марта письмо къ Жибару. Ср. «Пушкинъ» Анненкова, стр. 405)».

[3]) Не дописано.

съ «Коляскою», ибо [1]) завтра утромъ засѣданіе. Да возьмите изъ типографіи статью о журнальной литературѣ. Мы съ вами пребезалаберные люди и позабыли, что туды (sic) нужно включить многое [2]) изъ остающагося у меня хвоста.—Я прошу сдѣлать такъ, чтобъ эта сцена шла впередъ, а за ней ужъ о литературѣ.

Н. Гоголь.

CLXXIX. Къ М. С. Щепкину.

1836. Спб. Апрѣля 29

Наконецъ пишу къ вамъ, безцѣннѣйшій Михаплъ Семеновичъ. Едва ли, сколько мнѣ кажется, это не въ первый разъ происходитъ. Явленіе точно замѣчательное: два первые лѣнивца въ мірѣ наконецъ рѣшаются изумить другъ друга письмомъ. Посылаю вамъ «Ревизора». Можетъ быть, до васъ уже дошли слухи о немъ. Я писалъ къ лѣнивцу 1-й гильдіи и безпутнѣйшему человѣку въ мірѣ, Погодину, чтобы онъ увѣдомилъ васъ; хотѣлъ даже посылать къ вамъ его, но раздумалъ, желая самъ привезти къ вамъ и прочитать собственногласно, дабы о нѣкоторыхъ лицахъ не составились заблаговременно превратныя понятія, которыя— я знаю—чрезвычайно трудно послѣ искоренить, но, познакомившись съ здѣшнею театральною дирекціею [3]),—я такое получилъ отвращеніе къ театру, что одна мысль о тѣхъ пріятностяхъ, которыя готовятся для меня еще и на московскомъ театрѣ, въ силѣ удержать поѣздку въ Москву и попытку хлопотать о чемъ-либо [4]). Къ довершенію, наконецъ, возможнѣйшихъ мнѣ пакостей, здѣшняя дирекція, т. е. директоръ Гедеоновъ, вздумалъ, какъ слышу я, отдать главныя роли другимъ персонажамъ послѣ четырехъ представленій ея, будучи подвинутъ какою-то мелочною личною ненавистью къ нѣкоторымъ главнымъ актерамъ въ моей пьесѣ, какъ-то: къ Сосницкому, къ Дюру. Мочи нѣтъ! Дѣлайте, что хотите съ моею піесою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтен-

---

[1]) Слово «ибо» въ «Русск. Архивѣ» пропущено.

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «нужно».

[3]) Эта фраза у Кулиша пропущена. Далѣе у него: «въ силахъ», а не «въ силѣ».

[4]) Начиная отсюда до словъ: «мочи нѣтъ», у Кулиша пропускъ.

ные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы [1]) противъ меня. Бранятъ и ходятъ на піесу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Еслибы не высокое заступничество государя [2]), піеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Маленькій призракъ истины—и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что же было бы, еслибы я взялъ что-нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная. Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ между тѣмъ братскою любовью [3]).

Комедію мою, читанную мною вамъ въ Москвѣ, подъ заглавіемъ «Женитьба», я теперь передѣлалъ и переправилъ, и она нѣсколько похожа теперь на что-нибудь путное [4]). Я ее назначаю такимъ образомъ, чтобы она шла вамъ и Сосницкому въ бенефисъ здѣсь и въ Москвѣ [5]), что, кажется, случается въ одно время года. Стало быть [6]), вы можете адресоваться къ Сосницкому, которому я ее вручу. Самъ же черезъ мѣсяца полтора, если не раньше, ѣду за границу, и потому совѣтую вамъ, если имѣется ко мнѣ надобность, не медлить вашимъ отвѣтомъ и меньше предаваться нашей общей пріятельницѣ, лѣни... [7])

Прощайте, отъ души обнимаю васъ и прошу не забывать вашего стараго земляка, много, много любящаго васъ *Гоголя*.

Раздайте прилагаемые при семъ экземпляры по принадлежности. Неподписанный экземпляръ отдайте по усмотрѣнію, кому разсудите [8]).

---

[1]) Въ подлинникѣ: «литературы».

[2]) См. «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. III, стр. 22.

[3]) Прежде было написано: «который любитъ между тѣмъ (ихъ сердце съ) братскою любовью». Послѣ этого зачеркнуто: «прощайте».

[4]) Въ оригиналѣ: «путнее».

[5]) Слова: «здѣсь и въ Москвѣ» у Кулиша пропущены.

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «о ней».—По этому поводу Щепкинъ писалъ П. И. Сосницкому: «Ты, Ваня, сдѣлалъ маленькую оплошность, что оставилъ ему комедію («Женитьбу») для поправки: онъ, занявшись другой комедіей, забудетъ о ней совершенно». (См. «Записки и письма М. С. Щепкина», стр. 184).

[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «вамъ».

[8]) Послѣдняя фраза приписана съ боку письма.

CLXXX. Къ М. П. Погодину.

(1836).

Три письма—и ни на одно не отвѣчать! Можно ли такъ дѣлать! Что съ тобой? гдѣ ты? что ты? Я ничего не знаю. Я не знаю, что писать къ тебѣ, и нужно ли писать къ тебѣ, и нравится ли тебѣ, что къ тебѣ пишу. Сердитъ я на тебя, ужасно сердитъ!

CLXXXI. Къ нему же [1]).

Мая 10, 1836. Спб.

Я виноватъ, очень виноватъ, мой добрый, мой милый Погодинъ, что бранилъ тебя за твое невниманіе къ моимъ письмамъ. Дѣло теперь объясняется само собою: всему виноваты знакомые и пріятели, черезъ которыхъ ты писалъ и которые имѣли обыкновеніе проживать на дорогѣ у знакомыхъ, или жить въ Петербургѣ по цѣлому мѣсяцу, и потомъ уже припоминали о твоихъ письмахъ. Теперь только я получаю письма твои, писанныя въ февралѣ, генварѣ и мартѣ. Прости меня за то, что я напустился на тебя. На что и какъ теперь отвѣчать тебѣ? Многіе вопросы твои уже потеряли свою современность. Послѣ разныхъ волненій, досадъ и прочаго, мысли мои такъ разсѣяны, что я не въ силахъ собрать ихъ въ стройность и порядокъ. Я хотѣлъ было ѣхать непремѣнно въ Москву и съ тобой наговориться вдоволь. Но не такъ сдѣлалось. Чувствую, что теперь не доставитъ мнѣ Москва спокойствія, а я не хочу пріѣхать въ такомъ тревожномъ состояніи, въ какомъ нахожусь нынѣ. Ѣду за границу, тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ [2]). Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все

[1]) Отвѣтъ на это письмо былъ напечатанъ нами въ «Русской Старинѣ» (1889, VIII, стр. 381—382).

[2]) О глубокомъ нравственномъ потрясеніи Гоголя см. соч. Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 609, примѣч. И. С. Тихонравова, также его «Ревизоръ». первоначальный сценическій текстъ», стр. XXIX—XXX.

принимается. Частное принимать за общее, случай за правило! Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ-трехъ плутовъ — тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: «Мы не плуты». Но Богъ съ ними! Я не оттого ѣду за границу, чтобъ не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе. Пора уже мнѣ творить съ большимъ размышленіемъ. Лѣто буду на водахъ, августъ мѣсяцъ на Рейнѣ, осень въ Швейцаріи, уединюсь и займусь. Если удастся, то зиму думаю пробыть въ Римѣ или Неаполѣ. Можетъ быть, тамъ увидимся съ тобою, если только это правда, что ты тоже думаешь ѣхать. Отправляюсь или въ концѣ мая, или въ началѣ іюня.

Письмо твое еще можетъ застать меня. Только, пожалуйста, не пиши чрезъ пріятелей: они чрезвычайно долго задерживаютъ письма. Лучше по почтѣ, хотя и за почтой нашей, которая до сихъ поръ была примѣръ исправности, начали водиться грѣхи. Я писалъ къ тебѣ три письма и адресовалъ ихъ прямо въ университетъ. Кажется, довольно точный адресъ, а между тѣмъ, какъ вижу изъ словъ твоихъ, ты ни одного не получилъ. Это письмо я вкладываю въ письмо къ Щепкину. Авось-либо это будетъ вѣрнѣе. Прощай [1]).

CLXXXII. Къ М. Н. Загоскину.

1836, Спб. 10 мая [2]).

Милостивый Государь Михаилъ Николаевичъ,

Препроводивъ къ вамъ моего «Ревизора», смѣю льстить себя надеждою, что окажете ему ваше покровительство въ постановкѣ на московскую сцену [3]). Въ разсужденіи мно-

[1]) Подписи нѣтъ и въ копіи съ письма, принадлежащей Московскому Публичному и Румянцовскому музею.

[2]) Это письмо впервые напечатано въ Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1882 г., стр. 40—41 съ примѣчаніемъ о томъ, что автографъ полученъ отъ «камергера Высочайшаго Двора С. М. Загоскина». *Дата письма выставлена внизу.*

[3]) Ради будущихъ сношеній съ главными начальниками театра Гоголь въ 1832 г. познакомился съ Загоскинымъ (см. «Матеріалы для біографіи», т. II, стр. 114—115). Въ письмѣ къ Погодину отъ 6 декабря 1835 года Гоголь говоритъ: «Скажи Загоскину, что я буду писать къ нему и убѣдительно просить о всякомъ съ его стороны вспомоществованіи». (См. выше, стр. 357).

гихъ обстоятельствъ сценическихъ уполномочиваю Щепкина [1]), которому я передалъ свои замѣчанія на счетъ распредѣленія ролей, костюмовъ и прочаго. — Снисшедши къ моей убѣдительной просьбѣ, вы много обяжете пребывающаго къ вамъ съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью.

Вашъ, Милостивый Государь, покорнѣйшій слуга
Николай Гоголь [2]).

CLXXXIII. Къ М. С. Щепкину.

1836, мая 10. Спб.

Я забылъ вамъ, дорогой Михаилъ Семеновичъ, сообщить кое-какія замѣчанія предварительныя о «Ревизорѣ». Во-первыхъ, вы должны непремѣнно, изъ дружбы ко мнѣ, взять на себя все дѣло постановки ея. Я не знаю никого изъ актеровъ вашихъ, какой и въ чемъ каждый изъ нихъ хорошъ, но вы это можете знать лучше, нежели кто другой. Сами вы, безъ сомнѣнія, должны взять роль городничаго: иначе она безъ васъ пропадетъ. Есть еще труднѣйшая роль во всей піесѣ—роль Хлестакова. Я не знаю, выберете ли вы для нея артиста. Боже сохрани, (если) [3]) ее будутъ играть съ обыкновенными фарсами, какъ играютъ хвастуновъ и повѣсъ театральныхъ! Онъ просто глупъ; болтаетъ [4]) потому только, что видитъ, что его расположены слушать; вретъ потому, что плотно позавтракалъ и выпилъ порядочнаго вина; вертлявъ онъ тогда только, когда подъѣзжаетъ къ дамамъ. Сцена, въ которой онъ завирается [5]), должна обратить особенное вниманіе. Каждое слово его, то есть, фраза или реченіе, есть экспромтъ, совершенно неожиданный, и потому должно выражаться отрывисто. Не должно упускать изъ виду, что къ концу этой сцены начинаетъ его мало-по-малу разбирать; но онъ вовсе не долженъ шататься на стулѣ; онъ долженъ только раскраснѣться и выражаться еще неожиданнѣе и, чѣмъ далѣе, громче и громче. Я сильно боюсь за эту роль. Она

---

[1]) См. письмо къ Щепкину отъ того же числа.

[2]) Кромѣ этого письма Гоголя къ Загоскину было еще одно не дошедшее до насъ, о которомъ упоминаетъ С. Т. Аксаковъ въ своей «Исторіи знакомства съ Гоголемъ». (См. «Русск. Арх.», 1890, VIII, стр. 57).

[3]) Пропущено.

[4]) Написано вмѣсто зачеркнутаго: «вретъ».

[5]) Написано вмѣсто зачеркнутаго: «когда завирается».

и здѣсь была исполнена плохо, потому что для нея нуженъ рѣшительный талантъ [1]). Жаль, очень жаль, что я никакъ не могъ быть у васъ: многія изъ ролей могли быть совершенно понятны только тогда, когда бы я прочелъ ихъ. Но нечего дѣлать. Я такъ теперь мало спокоенъ духомъ, что врядъ ли бы могъ быть слишкомъ полезнымъ. Зато, по возвратѣ изъ-за границы, я намѣренъ основаться у васъ въ Москвѣ. Съ здѣшнимъ климатомъ я совершенно въ раздорѣ. За границей пробуду до весны, а весною къ вамъ [2]).

Скажите Загоскину, что я все поручилъ вамъ. Я напишу къ нему, что распредѣленіе ролей я послалъ къ вамъ. Вы составьте записочку и подайте ему, какъ сдѣлано мною [3]). Да еще—не одѣвайте Бобчинскаго и Добчинскаго въ томъ костюмѣ, въ какомъ они напечатаны [4]): это ихъ одѣлъ Храповицкій [5]). Я мало входилъ въ эти мелочи и приказалъ напечатать по-театральному. Тотъ, который имѣетъ свѣтлые волоса, долженъ быть въ темномъ фракѣ, а брюнетъ, то есть Бобчинскій, долженъ быть въ свѣтломъ. Нижнее — обоимъ темныя брюки. Вообще, чтобы не было форсировань(ья) [6]). По брюшки у обоихъ должны быть непремѣнно, и притомъ остренькія, какъ у беременныхъ женщинъ.

Покамѣстъ, прощайте. Пишите; еще успѣете. Ѣду не раньше [7]) 30 мая, или даже, можетъ, въ первыхъ іюня.

Н. Гоголь.

Кланяйтесь всѣмъ вашимъ отраслямъ домашнимъ, моимъ землячкамъ и землякамъ.

---

[1]) Въ Петербургѣ эту роль исполнялъ талантливый артистъ Дюръ Замѣтки о Хлестаковѣ и о другихъ лицахъ «Ревизора» впослѣдствіи развиты полнѣе и глубже въ «Предувѣдомленіи для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть какъ слѣдуетъ «Ревизора» (см. соч. Гог., изд. VI, 249—258 и 667—672).

[2]) Трудно сказать, насколько искренно было это обѣщаніе. Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 28/16 іюня 1836 г. изъ Гамбурга Гоголь говоритъ: «Отсутствіе мое» (изъ Россіи), «вѣроятно, продолжится на нѣсколько лѣтъ» и далѣе: «ни за что въ свѣтѣ не возвращусь скоро» (см. соображенія по этому поводу въ «Матеріалахъ для біографіи», т. III, стр. 3—4, подстрочное примѣчаніе).

[3]) Не дописано.

[4]) Передъ этимъ на ходу письма зачеркнуто: «напис(аны)».

[5]) Чиновникъ при Александринскомъ театрѣ.

[6]) Не дописано.

[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «послѣ».

CLXXXIV. Къ матери.

С. Петербургъ. 12 мая, 1836.

Я получилъ письмо ваше послѣ долгаго молчанія и очень обрадовался ему. Слава Богу, вы здоровы и, сколько видно изъ словъ вашихъ, спокойны и довольны вашими хозяйскими дѣлами. Много и желать покамѣстъ не нужно. Дай Богъ, чтобы всегда были довольны и веселы. На-счетъ поѣздки моей за границу я еще не рѣшилъ, но думаю, что это исполнится въ этомъ году. Намѣреніе мое побывать на водахъ, потомъ быть въ Швейцаріи и Италіи и наконецъ возвратиться сухимъ путемъ чрезъ Москву и Малороссію, пожить нѣсколько времени дома. Все путешествіе, полагаю, займетъ годъ, или полтора года [1]).

У насъ въ Петербургѣ, покамѣстъ, нѣтъ еще и признака хорошаго весенняго времени. Въ срединѣ апрѣля было такъ тепло, какъ лѣтомъ, а въ маѣ, кажется, сама Сибирь переѣхала въ Петербургъ.

Благодарю сестру Марію за приписку. Очень радъ, что ей понравились мои книги. Теперь я спѣшу кончить мое письмо, потому что почта отходитъ и мнѣ нужно спѣшить по разнымъ дѣламъ. На слѣдующей недѣлѣ надѣюсь поговорить съ вами подробнѣе...

CLXXXV. Къ С. Т. Аксакову.

15 мая (1836). Спб.

Я получилъ пріятное для меня письмо ваше. Участіе ваше меня тронуло. Пріятно думать, что, среди многолюдной, неблаговолящей толпы, скрывается тѣсный кружокъ избранныхъ, повѣряющій творенія наши вѣрнымъ внутреннимъ чувствомъ и вкусомъ; еще болѣе пріятно, когда глаза его обращаются на творца ихъ [2]) съ тою любовью, какая дышитъ въ письмѣ вашемъ.

Я не знаю, какъ благодарить за готовность вашу принять на себя обузу и хлопоты по моей піесѣ. Я поручилъ ее уже Щепкину и писалъ объ этомъ письмо къ Загоскину [3]).

---

[1]) См. примѣчаніе къ предыдущему письму.
[2]) Это слово у Кулиша пропущено.
[3]) См. выше письмо къ Загоскину отъ 10 мая 1836 г. (стр. 371—372).

Если же ему точно нѣтъ возможности ладить самому съ дирекціей и если онъ не отдавалъ еще письма, то извѣстите меня: я въ ту же минуту приготовлю новое письмо къ Загоскину.

Самъ я никакимъ образомъ не могу пріѣхать къ вамъ, потому что занятъ приготовленіями къ моему отъѣзду, который будетъ если не 30 мая, то 6 іюня непремѣнно. Но по возвращеніи [1]) изъ чужихъ краевъ, я постоянный житель столицы древней.

Еще разъ приношу вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность, остаюсь навсегда

вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Н. Гоголь.

CLXXXVI. Къ М. С. Щепкину.

Мая 15 (1836). СПб.

Не могу, мой добрый и почтенный землякъ, никакимъ образомъ не могу быть у васъ въ Москвѣ. Отъѣздъ мой уже рѣшенъ. Знаю, что вы всѣ приняли бы меня съ любовью; мое благодарное сердце чувствуетъ это. Но не хочу и я тоже съ своей стороны показаться [2]) вамъ скучнымъ и не раздѣляющимъ вашего драгоцѣннаго для меня участія [3]). Лучше я съ гордостью понесу въ душѣ своей эту просвѣщенную признательность старой столицы моей родины и сберегу ее какъ святыню въ чужой землѣ. Притомъ, еслибы я даже пріѣхалъ, я бы не могъ быть такъ полезенъ вамъ, какъ вы думаете. Я бы прочелъ ее вамъ дурно, безъ малѣйшаго участія къ моимъ лицамъ, — во-первыхъ, потому, что охладѣлъ къ ней: во-вторыхъ, потому, что многимъ недоволенъ въ ней, хотя совершенно не тѣмъ, въ чемъ обвиняли меня мои близорукіе и неразумные критики.

Я знаю, что вы поймете въ ней все, какъ должно [4]), и въ теперешнихъ обстоятельствахъ поставите ее даже

---

[1]) У Кулиша просто: «по возвращеніи».

[2]) Послѣ этого слова зачеркнуто: «не вполнѣ».

[3]) Сначала было написано: «ваше драгоцѣнное для меня участіе».

[4]) Слова: «поймете все, какъ должно», написаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «также понимаете».

лучше, нежели [1]) еслибы я самъ былъ [2]). Я получилъ письмо отъ Сер(гѣя) Тим(оосевича) Аксакова тремя днями послѣ того, какъ я писалъ къ вамъ, со вложеніемъ письма къ Загоскину. Аксаковъ такъ добръ, что самъ предлагаетъ поручить ему постановку пьесы. Если это точно выгоднѣе для васъ тѣмъ [3]), что ему, какъ лицу стороннему, дирекція меньше будетъ противорѣчить, то мнѣ жаль, что я наложилъ на васъ тягостную обузу. Если же вы надѣетесь поладить съ дирекціей, то пусть остается такъ, какъ порѣшено. Во всякомъ случаѣ я очень благодаренъ Сер(гѣю) Т(имоѳеевичу), и скажите ему [4]), что я умѣю понимать его радушное ко мнѣ расположеніе. Прощайте! Да любитъ васъ Богъ и поможетъ вамъ въ вашихъ распоряженіяхъ, а я дорогою буду сильно обдумывать одну замышляемую мною піесу. Зимою въ Швейцаріи буду писать ее, а весною причалю съ нею прямо въ Москву, и Москва первая будетъ ее слышать. Прощайте еще разъ! Цѣлую васъ нѣсколько разъ. Любите всегда также вашего Гоголя.—Мнѣ кажется, что вы сдѣлали бы лучше, еслибы піесу оставили къ осени или зимѣ.

Всѣ остающіяся двѣ недѣли до моего отъѣзда я погруженъ въ хлопоты по случаю моего отъѣзда и это одна изъ главныхъ причинъ, что не могу исполнить ваше желаніе ѣхать въ Москву [5]).

— —

CLXXXVII. Къ М. П. Погодину.

Мая 15 (1836). СПб.

Я получилъ письмо твое. Приглашеніе твое убѣдительно, но никакимъ образомъ не могу: нужно захватить время пользованія на водахъ. Лучше пусть пріѣду къ вамъ въ Москву обновленный и освѣженный. Пріѣхавши, я проживу съ тобою долго, потому что не имѣю никакихъ должностныхъ узъ и не намѣренъ жить постоянно въ Петер-

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «когда».
[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «вмѣстѣ съ вами».
[3]) Это слово вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «потому».
[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «при первомъ случаѣ».
[5]) Эта приписка, начиная отъ словъ: «всѣ остающіеся», сдѣлана съ боку первой страницы письма.

бургѣ. Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь [1]), не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня, не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты; но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столпу, грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ; грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него, и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. «Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ»! И кто же говоритъ? Это говорятъ мнѣ люди государственные, люди выслужившіеся [2]), опытные люди, которые должны бы имѣть на сколько-нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ русскій свѣтъ, называетъ образованными. Выведены на сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи, зачѣмъ выводить на сцену плутовъ. Пусть сердятся плуты; но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы. Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что же бы сказала столица, еслибы выведены были хотя слегка ея собственные нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей піесы; меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны, но жизнь петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея — и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники! [3]). И то, что бы приняли люди просвѣщенные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ, то самое возмущаетъ желчь невѣжества: а это невѣжество всеобщее. Сказать о плутѣ, что онъ плутъ, считается у нихъ подрывомъ государственной машины; сказать какую-нибудь

---

[1]) Отвѣтъ на письмо Погодина отъ 6 мая 1836 г. (См. Русск. Стар.», 1889, VIII, стр. 381—382).

[2]) Начиная отъ словъ: «Всѣ противъ него, и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него», у Кулиша пропускъ: дополнено по копіи, принадлежащей Румянцовскому музею. См. также Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 788—789.

[3]) Ср. съ письмомъ Погодина отъ 29 апрѣля.

только живую и вѣрную черту — значитъ, въ переводѣ, опозорить все сословіе и вооружить противъ него другихъ, или его подчиненныхъ [1]). Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ же соотечественниковъ, и скажи ему, что есть небольшой кругъ, понимающій его, глядящій на него другими глазами, утѣшитъ ли это его? Москва больше расположена ко мнѣ, но отчего? Не оттого ли, что я живу въ отдаленіи отъ ней, что портреть ея еще не былъ виденъ нигдѣ у меня, что, наконецъ... не хочу на этотъ разъ выводить всѣ случаи. Сердце мое въ эту минуту наполнено благодарностью къ ней за ея вниманіе ко мнѣ. Прощай. Ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія, и возвращусь къ тебѣ, вѣрно, освѣженный и обновленный. Все, что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой. Онъ, вѣрно, необходимъ для меня.

Цѣлую тебя несчетно. Пиши ко мнѣ; еще успѣешь.

Твой *Гоголь.*

CLXXXVIII. Къ матери.

СПб. 1836, мая 26.

Пишу къ вамъ во время всеобщаго разъѣзда. Изъ монхъ оконъ даже видны безпрестанно переѣзжающія фуры и телѣги на дачи [2]). Я на дачу не перебираюсь и живу въ го-

---

[1]) Гоголь часто жалуется на это и въ своихъ произведеніяхъ, какъ напр., въ началѣ повѣсти «Шинель», въ повѣсти «Носъ» (Маіоръ Ковалевъ полагалъ, что «въ театральныхъ пьесахъ можно пропускать все, что относится къ оберъ-офицерамъ, но на штабъ-офицеровъ никакъ не должно нападать». Соч. Гоголя, X, т. II, стр. 17). Въ статьѣ «Петербургскія записки 1836 года»: «Если сказать, что въ одномъ городѣ одинъ надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія, то всѣ надворные совѣтники обидятся... Нужны ли примѣры? Вспомните «Ревизора». (Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 517) и въ «Театральномъ Разъѣздѣ» (т. II, стр. 498, 506, но особенно на стр. 511: «сегодня онъ скажетъ: «такой-то совѣтникъ нехорошъ, а завтра скажетъ, что и Бога нѣтъ»).

[2]) Ср. съ окончаніемъ статьи «Петербургскія записки 1836 года» (Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 521). Несмотря на различіе содержанія въ отношеніи подробностей, то и другое мѣсто являются отголоскомъ того же настроенія. Объ окончаніи записокъ Н. С. Тихонравовъ говоритъ, что оно «*вылилось* изъ-подъ пера автора въ концѣ мая 1836 года» (тамъ же, стр. 660).

родѣ, несмотря на то, что уже показывается лѣто и жаръ становится порядочный. Я полагаю, что въ Петербургѣ не проживу болѣе двухъ недѣль, или, по крайней мѣрѣ, никакъ не далѣе мѣсяца. Попутчиковъ мнѣ много. Никогда не отправлялось за границу такое множество, какъ теперь. Впрочемъ передъ выѣздомъ моимъ, или если назначу навѣрное день моего выѣзда, то увѣдомлю васъ въ слѣдующемъ письмѣ. За границей полагаю пробыть болѣе года.

Я слышалъ, что въ нашихъ мѣстахъ опять поговариваютъ о неурожаяхъ. Если эти непріятные слухи точно справедливы, то не лучше ли бы вамъ не думать теперь о куреніи водки, а приберечь запасъ? Ко мнѣ дошли еще слухи, что бабушка моя Марья Ильинична умерла. Если то правда, то мнѣ очень жаль: ей бы еще нужно пожить. Впрочемъ вы бы, вѣрно, меня увѣдомили и не стали бы секретничать, потому что это дѣлается только съ маленькими дѣтьми.

Напишите, что̀ дѣлается новаго въ нашемъ краѣ и довольны ли Левашевымъ [1]).

Дѣти вамъ готовятъ какой-то сюрпризъ. Аннетъ что-то вышиваетъ, Лиза сочиняетъ. Обѣ находятся весьма въ добромъ здоровьѣ.

Прощайте, покамѣстъ, до слѣдующаго письма. Мой поклонъ всѣмъ, кого увидите...

CLXXXIX. Къ ней же.

СПб. Іюня 5 (1836)

Спѣшу пользоваться на лету первою минутою писать къ вамъ. Захлопотанъ чрезвычайно, готовясь къ выѣзду, который имѣетъ быть завтрашняго дня. Акимъ [2]) вамъ долженъ доставить письмо мое, по разсчету моему, 6 іюля. Заплатите за меня довезшему извозчику остающіеся 130 рублей — у меня лишнихъ не случилось — и прикажите выпать сколько-нибудь овса въ его ненасытную телѣгу.

Посылаю вамъ на платье битепажевскаго ситцу и алый платокъ-шаль, другой же платокъ, по черному фону, прочилъ я для Маріи Ильиничны, если же она не существуетъ,

---

[1]) Генералъ-губернаторъ въ Полтавѣ: о немъ же въ письмѣ Максимовичу отъ 18 іюля 1834 года (выше, стр. 313).

[2]) Въ прежнихъ письмахъ онъ назывался: «Якимъ».

то передайте его Катеринѣ Ивановнѣ. Для сестры посылаю шляпку и платье. Посылаю вамъ также нѣсколько книгъ, и въ томъ числѣ моего «Ревизора», который надѣлалъ здѣсь чрезвычайно много шума, пріобрѣлъ мнѣ новыхъ благопріятелей и еще бо́льшее число неблагопріятелей. Еслибы самъ государь не оказалъ своего высокаго покровительства и заступничества, то, вѣроятно, она не была бы никогда играна или напечатана. Посылаю вамъ видъ [1]) Невскаго проспекта, со всѣми домами, которые на немъ есть. Вы можете повѣсить его въ комнатѣ подъ самымъ карнизомъ и непремѣнно въ одной; въ другую не переносите: иначе это будетъ смѣшно. Павлу Осиповичу посылаю трубку. Сестры посылаютъ вамъ своей работы подончики для чернильницъ, колокольчиковъ и подсвѣчниковъ.

Прощайте! Будьте здоровы. Болѣе, право, некогда писать. Изъ-за границы вы, вѣрно, получите первое письмо мое прежде, нежели Акимъ успѣетъ дотащиться съ своею фурою и семьею. Цѣлую ваши ручки...

---

[1]) А. И. Кирпичниковъ полагаетъ, что здѣсь должно быть: «*виды*», но здѣсь, кажется, рѣчь идетъ о большой картинѣ, снимокъ съ которой занималъ цѣлую стѣну въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ на Пушкинской выставкѣ Общества Любителей Россійской Словесности въ 1899 г.

III.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ПИСЬМА 1836—1839 гг.

I. Къ В. А. Жуковскому.

Гамбургъ 28/16 іюня (1836) [1].

Мнѣ очень было прискорбно, что не удалось съ вами проститься передъ моимъ отъѣздомъ, тѣмъ болѣе, что отсутствіе мое, вѣроятно, продолжится на нѣсколько лѣтъ. Но теперь для меня есть что-то въ этомъ утѣшительное. Разлуки между нами не можетъ и не должно быть, и гдѣ бы я ни былъ, въ какомъ бы отдаленномъ уголкѣ ни трудился, я всегда буду возлѣ васъ. Каждую субботу я буду въ вашемъ кабинетѣ, вмѣстѣ со всѣми близкими вамъ [2]). Вѣчно вы будете представляться мнѣ слушающимъ меня читающаго. Какое участіе, какое заботливо-родственное участіе видѣлъ я въ глазахъ вашихъ!.. Низкимъ и пошлымъ почиталъ я выраженіе [3]) благодарности моей къ вамъ [4]). Нѣтъ [5]), я не былъ проникнутъ [6]) благодарностью; клянусь, это что-то выше, что-то больше ея; я не знаю, какъ назвать это чувство, но катящіяся въ эту минуту слезы, но взволнованное до глубины сердце говорятъ, что оно одно изъ тѣхъ чувствъ, которыя рѣдко достаются въ удѣлъ жителю земли.—Мнѣ ли не благодарить Пославшаго меня на землю [7])! Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ [8]) ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный

---

[1]) Это письмо было впервые напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» (1871, 4—5, стр. 949—952).

[2]) Гоголь былъ нерѣдкимъ посѣтителемъ субботъ» Жуковскаго. Есть, какъ извѣстно, картина, изображающая его вмѣстѣ съ другими извѣстными литераторами въ кабинетѣ Жуковскаго. У Жуковскаго одно время собирались также по пятницамъ (см. «Воспоминанія графа В. А. Соллогуба»).—«Новыя свѣдѣнія о предсмертномъ поединкѣ Пушкина», 1866 г., стр. 17).

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «всѣ».

[4]) Ср. извѣстное письмо къ Жуковскому литературнаго содержанія, отъ 1848. Генваря 10. отъ 1847. Декабря 29. (Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 279).

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «это не благодарность».

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «не».

[7]) Послѣ этого зачеркнуто слово, которое нельзя разобрать.

[8]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «впечатл(ѣній)».

человѣкъ. Львиную силу чувствую въ душѣ своей и замѣтно слышу [1]) переходъ свой изъ [2]) дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношескій возрастъ. Въ самомъ дѣлѣ, если разсмотрѣть строго и справедливо [3]), что̀ такое все написанное мною до сихъ поръ? Мнѣ кажется, какъ будто я разворачиваю давнюю [4]) тетрадь ученика, въ которой на одной страницѣ видно нерадѣніе и лѣнь, на другой нетерпѣніе и поспѣшность [5]), робкая, дрожащая рука начинающаго и смѣлая замашка шалуна [6]), вмѣсто буквъ выводящая крючки, за которую бьютъ по рукамъ. Изрѣдка, можетъ быть [7]), выберется страница, за которую похвалитъ развѣ только учитель, провидящій [8]) въ нихъ зародышъ будущаго. Пора, пора наконецъ заняться дѣломъ [9]). О, какой непостижимо-изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни! Какъ спасительны для меня были всѣ непріятности и огорченія [10])! Они имѣли въ себѣ что-то эластическое; касаясь ихъ, мнѣ казалось, я отпрыгивалъ выше, по крайней мѣрѣ [11]) чувствовалъ въ душѣ своей крѣпче отпоръ. Могу сказать, что я никогда не жертвовалъ свѣту моимъ талантомъ. Никакое развлеченіе, никакая страсть не въ состояніи была на минуту овладѣть моею душою и отвлечь меня отъ моей обязанности. Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни, и нынѣшнее мое [12]) удаленіе изъ отечества, оно послано свыше, тѣмъ же Великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое. Это великій переломъ, великая эпоха моей жизни. Знаю, что мнѣ много встрѣтится непріятнаго, что я буду терпѣть и недостатокъ и бѣдность, но [13]) ни за что въ свѣтѣ не возвращусь скоро. Долѣе, долѣе, какъ можно долѣе буду въ чужой

---

[1]) Слово: «слышу» приписано сверху строки.
[2]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «школьна(го)».
[3]) Слово «справедливо» приписано сверху строки.
[4]) Слово: «давнюю» приписано сверху строки.
[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «на третьей».
[6]) Слово: «шалуна» приписано сверху строки.
[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «кое-гдѣ».
[8]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «буду(щій)».
[9]) Вся эта фраза приписана сверху строки.
[10]) Нѣкоторые полагали (въ томъ числѣ г. Авенаріусъ), что мистицизмъ явился у Гоголя только послѣ смерти Пушкина, но онъ замѣчается ясно еще въ 1835 г. (см. «Вѣстн. Евр».. 1885, т. VIII, стр. 773) и здѣсь, а это писано было при жизни Пушкина.
[11]) Послѣ этого зачеркнуто: «крѣпче».
[12]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «путеш(ествіе)».
[13]) Слово «но» приписано сверху.

землѣ. И хотя [1]) мысли мои [2]), мое имя, мои труды будутъ принадлежать Россіи, но самъ я, но [3]) бренный составъ мой будетъ удаленъ отъ нея [4]).

Не знаю, какъ благодарить васъ за хлопоты ваши доставить мнѣ отъ императрицы на дорогу. Если это сопряжено съ неудобствами, или сколько-нибудь неприлично, то не старайтесь объ этомъ. Я надѣюсь, что, при теперешней бережливости моей [5]), могу какъ-нибудь управиться съ моими средствами. Правда, раздѣлавшись съ Петер(бургомъ), я едва только вывезъ двѣ тысячи, но, можетъ быть, съ ними я протяну какъ-нибудь до октября, а въ октябрѣ мѣсяцѣ долженъ мнѣ Смирдинъ вручить тысячу слишкомъ [6]). Съ петербургскими моими долгами я кое-какъ распорядился: иные выплатилъ изъ моей суммы, другіе готовы подождать. Если же на случай вы получите для меня деньги, то вручите ихъ Плетневу, который мнѣ можетъ переслать, если мнѣ придется большая надобность. Я ѣду теперь прямо въ Ахенъ. Письмо же [7]) къ Коппу [8]) отправилъ по почтѣ вчера, раньше никакъ не могъ.

Наше плаваніе было самое несчастное. Вмѣсто четырехъ дней, пароходъ шелъ цѣлыя полторы недѣли, по причинѣ дурного и бурнаго времени и безпрестанно портившейся пароходной машины. Одинъ изъ пассажировъ, графъ М(уси)нъ) [9]) Пушкинъ, умеръ [10]). Въ Ахенѣ я дождусь отвѣта Коппа, къ которому послалъ описаніе моей болѣзни, впрочемъ не слишкомъ важной. Въ Ахенѣ я займусь мѣсяца два языками, потому что мнѣ чрезвычайно трудно изъясняться, и потомъ ѣду на Рейнъ. Передайте мой поклонъ [11]) князю Вяземскому и благодарите его отъ меня за его участіе и письмо. Даже съ Пушкинымъ я не успѣлъ и не могъ про-

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «мои».
[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «моя».
[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «я человѣкъ».
[4]) Послѣ этого зачеркнуто нѣсколько словъ, которыя нельзя разобрать.
[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «я».
[6]) Слово «слишкомъ» приписано сверху зачеркнутаго неразборчиваго слова.
[7]) Слово «же» въ «Русск. Арх.» пропущено.
[8]) Докторъ во Франкфуртѣ, съ которымъ часто совѣтовались потомъ Гоголь, Жуковскій, Языковъ и другіе.
[9]) Не дописано.
[10]) Вся эта фраза приписана сверху строки.
[11]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «Вязем(скому)».

ститься; впрочемъ онъ въ этомъ виноватъ [1]). Для его журнала [2]) я приготовлю кое-что, которое, какъ кажется мнѣ, будетъ смѣшно: изъ нѣмецкой жизни. Плетневу скажите, что я буду писать къ нему изъ Ахена, и что я очень сильно жму его руку. Желая вамъ какъ можно [3]) лучше, веселѣе проводить время и прося васъ [4]) думать иногда о томъ, который думать о васъ почитаетъ праздникомъ и приготовляетъ только на закуску послѣ трудовъ, остаюсь навсегда вашъ

Н. Гоголь.

II. Къ матери.

Гамбургъ. $\frac{29}{17}$ іюня, 1836.

Послѣ довольно продолжительнаго и утомительнаго путешествія моремъ, наконецъ отдыхаю я на нѣсколько времени въ Гамбургѣ и спѣшу воспользоваться свободнымъ временемъ, чтобы писать къ вамъ.

Безъ сомнѣнія, Акимъ съ семействомъ своимъ достигъ уже Васильевки и разсказалъ вамъ о моемъ выѣздѣ довольно подробно. Письмо мое тоже вы, вѣроятно, уже получили.

Выбравшись изъ парохода, который мнѣ надоѣлъ жестоко [5]), я проѣхалъ очень скоро Травемунде, Любекъ и нѣсколько деревень, не останавливаясь почти нигдѣ до самаго Гамбурга. Мѣста эти всѣ мнѣ знакомы. Гамбургъ тоже старинный знакомый. Теперь только я разсмотрѣлъ лучше, нежели въ прежнее время. Это торговый городъ, одинъ изъ огромнѣйшихъ, который, можно сказать, потонулъ въ мага-

---

[1]) Эти слова любопытны въ томъ отношеніи, что они показываютъ, что «Письмо къ одному литератору» не было написано тотчасъ по представленіи «Ревизора» Пушкину, но значительно позднѣе и даже какъ бы заднимъ числомъ, когда Пушкина не было въ живыхъ; оно было написано для *публики*, но когда Гоголь писалъ его, онъ въ своемъ воображеніи обращался къ Пушкину. Недаромъ онъ писалъ Погодину отъ 30 марта 1837 года: «Когда я говорилъ, *я видѣлъ передъ собою только Пушкина*». См. «Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 56—57.

[2]) Для журнала «Современникъ».

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «болѣе».

[4]) Слова: «прося васъ» приписаны сверху строки.

[5]) Гоголь избѣгаетъ говорить объ этомъ подробно въ письмѣ къ матери, ограничиваясь мимоходнымъ упоминаніемъ, тогда какъ въ другихъ письмахъ вездѣ подробно говоритъ о качкѣ.

зинахъ. Тутъ продаются вещи, собранныя со всей Европы. Въ какую улицу ни заглянешь, она кажется похожею на рядъ лавокъ. Все дешево и прекрасно, и эта дешевизна невыгоднѣе всего для бѣднаго путешественника, потому что по неволѣ заставляетъ его разоряться. Впрочемъ мнѣ совершенно не нужно никакихъ вещей. Все почти мое со мною. Видъ города очень хорошъ: домы высокіе, улицы узенькія, тѣсныя, дворовъ нѣтъ, все выливается на улицу; но при всемъ томъ вездѣ почти чистота: все это стекаетъ въ подземныя трубы, и вони на улицахъ гораздо меньше, нежели въ Петербургѣ [1]). Окрестности Гамбурга тоже хороши. Для гуляній мѣста очень довольно. Садъ занимаетъ весь городской валъ и почти окружаетъ весь городъ. Изъ него много видовъ на городъ, котораго улицы мелькаютъ перспективами. Домы, налѣпленные на домы, крыши на крыши, и куча трубъ, въ самомъ разнообразномъ безпорядкѣ, почти безпрестанно передъ глазами и видны съ разныхъ точекъ. Кораблей приходитъ очень много.

Я не знаю еще навѣрно, когда я выѣду отсюда, завтра или послѣзавтра. Во всякомъ случаѣ письма ко мнѣ прошу васъ адресовать въ Aix la Chapelle, въ тамошній почтамтъ, откуда я могу всякій разъ брать ихъ съ собою.

Что сказать вамъ о себѣ? Здоровъ, благодаря Бога, какъ слѣдуетъ. Въ дорогѣ затрудненій почти нѣтъ никакихъ, по крайней мѣрѣ несравненно меньше, нежели на нашихъ станціяхъ.

Напишите, что дѣлается теперь у васъ: началась ли косовица, каково идетъ, хороши ли травы и хорошъ ли хлѣбъ? Въ здѣшнихъ мѣстахъ все хорошо, и объ урожаяхъ почти никогда не слышишь, потому что поля такъ обработаны, что во всякое время могутъ приносить хорошій плодъ. Но на первый разъ болѣе не могу писать, потому что времени совершенно нѣтъ и я долженъ уже думать о дорогѣ дальше. Черезъ четыре или пять дней я полагаю быть въ Ахенѣ (Aix la Chapelle), гдѣ пробуду мѣсяцъ или два и, можетъ быть, попробую тамошнихъ водъ. Ѣхать буду чрезъ голландскія и прусскія владѣнія...

---

[1]) Гоголь въ письмахъ о своемъ заграничномъ путешествіи очень часто говоритъ о запахахъ, что подало поводъ къ насмѣшливымъ шуткамъ на счетъ его. Краевскій писалъ Погодину: «Всѣ города оцѣняетъ онъ одною мѣркою, запахомъ: въ этомъ городѣ нѣтъ вони, а вотъ въ этомъ очень воняетъ, потому что льютъ нечистоты на улицу». («Жизнь и труды Погодина» П. Барсукова, т. IV, стр 341).

III. Къ сестрамъ Елисаветѣ Васильевнѣ и Аннѣ Васильевнѣ.

1836 года, $\frac{17}{4}$ іюля. Ахенъ.

Здравствуйте, мои безцѣнныя сестрицы Аннетъ и Лиза. Вы, вѣрно, не соскучились безъ меня и очень рѣдко думаете обо мнѣ. Если же это не правда и вы думаете обо мнѣ часто и хотите знать, гдѣ я и что дѣлается со мною, то я вамъ сейчасъ все это разскажу.

Простившись съ вами, я тотчасъ выѣхалъ изъ Петербурга [1]). Выѣхалъ я на пароходѣ. Знаете ли вы, что такое пароходъ? Но нѣтъ, вы не знаете, что такое пароходъ, потому что онъ, кажется, никогда не прогуливался передъ вашими окнами. Это—корабль, который безпрестанно дымится и запачканъ, какъ трубочистъ, но зато идетъ гораздо скорѣе, нежели обыкновенный корабль. Я думаю, вамъ показалось бы очень странно ѣхать на кораблѣ. Вообразите, что кругомъ васъ одно море, — море, и больше ничего нѣтъ. Вы, вѣрно бы, соскучились, но у насъ было очень большое общество; дамъ было чрезвычайно много, и многія страшно боялись воды. Одна изъ нихъ, M-me Барантъ, жена французскаго посланника, [2]) просто, кричала, когда сдѣлалась буря. Вы, вѣрно, знаете, что на пароходѣ внизу есть прекрасная зала, какъ-будто въ домѣ, и у каждаго изъ насъ небольшая комнатка, никакъ не больше орѣховой скорлупы.

Мы плыли, плыли и, наконецъ, чрезъ недѣлю, пристали къ берегу, гдѣ увидѣли все новое: городъ выстроенъ не такъ, какъ у насъ, люди не говорятъ совсѣмъ по-русски, словомъ— мы были въ чужой землѣ. Улицы узенькія, есть даже такія, что можно изъ окошка протянуть руку и пожать руку того, который живетъ противъ васъ. Домики маленькіе, но зато чрезвычайно высокіе: есть въ шесть и семь этажей.

Пообѣдавши въ городѣ Любекѣ, я отправился въ Гамбургъ. Гамбургъ прекрасный городъ, и жить въ немъ очень весело. Тамъ есть одна набережная, которая назы-

---

[1]) Гоголь простился съ сестрами въ институтѣ, на пароходъ же его провожали товарищи пѣвчіе и князь Вяземскій (См. «Русск. Арх.», 1865. VII, 787—788, и ниже, письмо къ Вяземскому).

[2]) Это была жена французскаго посланника Баранта, мать будущаго противника Лермонтова въ его первой дуэли въ 1840 году.

вается Jungfernſteig, на которой такая гибель гуляющихъ, что упасть некуда. По ней вездѣ павильоны, въ которыхъ безпрестанно играетъ музыка; за городомъ тоже очень много мѣстъ, гдѣ собираются гуляющіе слушать музыку и обѣдать. Лавокъ и магазиновъ страшное множество, и въ нихъ такъ много прекрасныхъ вещей, и все очень дешево. Я вамъ купилъ одну вещицу... не скажу что. Какъ привезу, тогда увидите. Вотъ какіе домы въ Гамбургѣ [1]).

Не правда ли странные? окошекъ чрезвычайно много. Я былъ въ театрѣ, который дается въ саду на открытомъ воздухѣ. Вы бы, вѣрно, смѣялись, еслибы посидѣли тамъ. Нѣмцевъ чрезвычайное множество приходитъ смотрѣть, а нѣмки приходятъ сюда со всѣмъ хозяйствомъ, ставятъ передъ собою рабочій столикъ тутъ же въ креслахъ и ложахъ, и всѣ, сколько ни есть, вяжутъ чулокъ во все продолженіе представленія. Я былъ и на балѣ. Дамъ немного, но мужчинъ чрезвычайное множество, и съ усами и безъ усовъ. Больше все англичане. Англичанинъ есть человѣкъ довольно высокаго роста, который садится всегда довольно свободно, поворотившись спиною къ дамѣ и положивши одну ногу на другую. Ахъ, я разскажу вамъ одинъ пресмѣшной балъ, на который попалъ я случаемъ! Гуляя за городомъ, я увидѣлъ одинъ домъ, довольно большой и великолѣпно освѣщенный. Музыка и толпа народа заставила и меня войти. Залъ огромный, люстры и освѣщенія много; но меня удивило, что танцующіе одѣты, какъ сапожники, въ чемъ ни попало. Вы бы умерли со смѣху. Танцовали вальсъ. Такого вальса вы еще въ жизни не видывали: одинъ ворочаетъ даму свою въ одну сторону, другой въ другую; иные, просто, взявшись за руки, даже не кружатся, но, уставивъ одинъ другому глаза, какъ козлы, прыгаютъ по комнатѣ, не разбирая, въ тактъ ли это или нѣтъ. Послѣ я узналъ, что это былъ знаменитый матросскій балъ.

Изъ Гамбурга я поѣхалъ на Бременъ. Это городъ очень старинный. Еслибы вы увидѣли здѣшнюю церкву! Такой старины вы еще никогда не видѣли. Слушайте, еще что я видѣлъ въ Бременѣ: я видѣлъ погребъ, который имѣетъ такое странное свойство, что всѣ тѣла, которыя похоронены тамъ, не тлѣютъ. Мнѣ показывали и раскрывали всѣ гробы. На мертвецахъ кожа только немного высохла, но я знаю, что вамъ бы страшно было взглянуть на нихъ. Вы

[1]) Слѣдуетъ рисунокъ перомъ.

обѣ трусихи. Что̀ еще сказать вамъ? Тутъ такой странный обычай, что когда вы ѣдете, маленькія дѣвчонки бѣгутъ за вашею каретою и бросаютъ къ вамъ на всемъ лету въ окна цвѣты; за это вы должны имъ выбросить какую-нибудь мелкую монету; если же выбросите имъ назадъ букетъ, то онѣ опять будутъ бросать къ вамъ въ карету до тѣхъ поръ, покамѣстъ вы не бросите имъ маленькую монету.

Много городовъ я проѣхалъ и, наконецъ, пріѣхалъ въ Ахенъ, откуда теперь пишу къ вамъ. Это одинъ изъ самыхъ старинныхъ городовъ. Если вы будете учить среднюю исторію, то вы узнаете, что здѣсь похороненъ Карлъ Великій и что это была столица его имперіи. Вы, кажется, обѣ не любите восхищаться хорошими видами, и потому вамъ нечего говорить о томъ, что видъ Ахена съ горы чудо какъ хорошъ! Весь городъ у васъ подъ ногами, такъ что вы можете перечесть всѣ домы. Вообразите, что въ Ахенѣ есть воды, то есть, ручьи, которые текутъ и кипятъ вмѣстѣ, и такіе горячіе, что въ нихъ съ трудомъ можно купаться. Однакоже, кто купается въ нихъ, тотъ выздоравливаетъ, въ какой бы ни былъ болѣзни. Такъ какъ я не боленъ, то и не намѣренъ оставаться долго въ Ахенѣ, и взялъ уже билетъ въ дилижансъ, который довезетъ меня до другого города, тоже стариннаго. Вы знаете, что̀ такое дилижансъ: это карета, въ которую всякій, заплативши за свое мѣсто, имѣетъ право сѣсть. Въ серединѣ кареты сидятъ по шести человѣкъ. Если со мною рядомъ будутъ сидѣть два тоненькіе нѣмца, то это хорошо: мнѣ будетъ просторно. Если же усядутся толстые нѣмцы, то плохо: они меня прижмутъ. Впрочемъ я одного изъ нихъ сдѣлаю себѣ подушкою и буду спать на немъ. Если же мнѣ придется сидѣть между дамъ, то это хуже всего: тогда нельзя будетъ мнѣ ни облокотиться, ни спать. Здѣшній каѳедраль [такъ называется здѣсь соборная церковь] очень хорошо выстроенъ, хотя тоже большая старина. Вы такихъ строеній никогда не видывали. Вотъ онъ [1]).

Некогда кончить. Остальное можете дополнить въ вашихъ головахъ. Церковь очень высока и внутри такъ свѣтло, какъ въ оранжереѣ или бельведерѣ. Вотъ вамъ, въ придачу, портретъ того содержателя или хозяина

---

[1]) Слѣдуетъ рисунокъ. *Л. К.*

гостиницы, у котораго я стою [1]). Смотри, Лиза, не влюбись!

Прощайте, мои безцѣнныя! Пишите! Я къ вамъ большое письмо написалъ; смотрите, чтобы и вы мнѣ также большое написали...

IV. Къ матери.

1836, 17/5 іюля. Ахенъ.

Не знаю, получили ли вы письмо мое, писанное изъ Гамбурга. Если получили, то увѣдомьте также о благополучномъ прибытіи Акима. Въ Гамбургѣ я прожилъ недѣлю. Выѣхалъ не помню какого числа. Думалъ прежде взять дорогу на Голландію. Это было бы несравненно пріятнѣе; но не всегда имѣется въ запасѣ возможность удовлетворить нашему желанію. Эта дорога заняла бы у меня очень много времени. Итакъ я рѣшился (ѣхать) сухимъ путемъ чрезъ Бременъ. Оснабрюкъ и Дюссельдорфъ. Мѣста мало чѣмъ лучше нашихъ; примѣчательнаго мало. Въ Бременѣ заглянулъ въ погреба, гдѣ покоится знаменитый рейнвейнъ нѣсколько сотъ лѣтъ, который продается за деньги, но отпускается только опаснымъ больнымъ и знаменитымъ путешественникамъ. Такъ какъ я не принадлежу ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, то и не безпокоилъ моими просьбами гражданъ города Бремена, которые рѣшаютъ дѣла такого рода въ собраніи сената [2]). Видѣлъ тамъ же старинный катедраль [соборную церковь] и подвалъ, имѣющій силу сохранять тѣла нетлѣнными. Тѣлъ около 15: всѣ они лежатъ въ гробахъ; подъ ними даже простыни не истлѣли. Нѣмцы обращаются съ ними безъ всякаго уваженія, подымаютъ ихъ и бросаютъ на мѣста ихъ. Въ Минстерѣ я видѣлъ только наружность прекрасныхъ готическихъ церквей. Въ Дюссельдорфѣ только остановился по-

---

[1]) Слѣдуетъ рисунокъ. *П. К.*

[2]) А. С. Даниловскій разсказывалъ намъ, какъ однажды, обѣдая съ нимъ въ гостиницѣ, Гоголь неожиданно сказалъ торжественнымъ тономъ: «потребуемъ стараго, стараго рейнвейна». Но вино ни ему, ни Даниловскому не понравилось вовсе. По воспоминанію Даниловскаго, оно было слишкомъ capiens (его собственное выраженіе) и не понравилось также сосѣдямъ, бывшимъ съ ними за табль д'отомъ. (См. объ этомъ «Матеріалы для біографіи», т. III стр. 120). Вѣроятно, это былъ другой сортъ рейнвейна, который продается безъ разрѣшенія въ собраніи сената.

завтракать. Это городъ уже не старинный, но совершенно новый и столица нижнерейнскихъ провинцій. Въ одинъ день почти я медленною нѣмецкою ѣздою переѣхалъ земли мекленбургскія, ганноверскія, прусскія и датскія. Наконецъ, недѣлю назадъ, какъ пріѣхалъ я въ Ахенъ [Aix la Chapelle].

Ахенъ, одинъ изъ самыхъ старинныхъ городовъ, лежитъ въ долинѣ и виденъ весь, какъ на ладони, если взойти на одну изъ окружающихъ его горъ. Видъ его издали очень хорошъ, но вблизи ничто не поразитъ сильно, выключая развѣ только вони. Всѣ ванны находятся внутри самаго города въ гостиницахъ, такъ что вы, живя въ городѣ, не будете знать, гдѣ онѣ. Во многихъ домахъ минеральныя воды проведены подземными трубами. Только за городомъ можно встрѣтить источники въ натуральномъ видѣ, въ видѣ маленькаго ручейка, отъ котораго клубится горячій паръ. На водахъ здѣшнихъ ведутъ жизнь самую скучную, потому что всѣ воды находятся въ городѣ, а не за городомъ, какъ въ другихъ мѣстахъ. Оттого всѣ почти отдѣлены другъ отъ друга. Притомъ сюда пріѣзжаютъ только старики и уже слишкомъ больные. Воды здѣшнія очень сильны. Такъ какъ я чувствую себя совершенно здоровымъ, то и не намѣренъ брать. Въ Ахенѣ находится прекрасный старинный катедраль въ готическомъ вкусѣ. Окна идутъ отъ земли до самаго верха. Вся церковь свѣтла, какъ оранжерея. Здѣсь хранится стулъ Карла Великаго, на которомъ онъ погребенъ сидящимъ [1]).

Изъ Ахена отправляюсь въ Кельнъ, старинный и очень примѣчательный городъ, въ которомъ катедраль считается первымъ въ Европѣ по своей архитектурѣ. Изъ Кельна предстоитъ мнѣ самое пріятное путешествіе на пароходѣ по рѣкѣ Рейну. Это совершенная картинная галлерея: съ обѣихъ сторонъ города, горы, утесы, деревни, словомъ — виды, которыхъ даже на эстампахъ вы рѣдко встрѣчали. Очень жаль, что вы не можете видѣть всего этого. Когда-нибудь, подъ старость лѣтъ, когда поправятся и ваши, и

---

[1]) Несмотря на такое описаніе Ахена, послѣдній произвелъ на Гоголя весьма непріятное впечатлѣніе; они съ Данилевскимъ были недовольны тамошней пылью и обѣдами въ гостиницахъ и проч. См. объ этомъ письмо къ Данилевскому отъ 8 мая 1839 года и «Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 121.

мои обстоятельства, отправимся мы поглядѣть на это [1]). Письмо адресуйте ко мнѣ во Франкфуртъ на Майнѣ, потому что къ тому времени буду тамъ.

Напишите что-нибудь о вашихъ новостяхъ...

Всѣмъ нашимъ роднымъ и знакомымъ передайте мой поклонъ.

V. Къ ней же.

Франкфуртъ на Майнѣ. Іюля $^{26}/_{14}$, 1836 г.

Получили ли вы письмо мое изъ Ахена? Съ того времени множество городовъ, большихъ и малыхъ, мелькнуло мимо меня, и едва могу припомнить имена ихъ. Только путешествіе по Рейну осталось нѣсколько въ моей памяти. Рѣка Рейнъ — очень замѣчательная вещь въ Германіи. Она уставлена съ обѣихъ сторонъ горами и усыпана городами. Два дня шелъ пароходъ нашъ, и безпрестанные виды наконецъ надоѣли мнѣ [2]). Глаза устаютъ совершенно, какъ въ панорамѣ или въ картинѣ. Передъ окнами вашей каюты, одни за другими, проходятъ города, утесы, горы и старые рыцарскіе развалившіеся замки. Очень многіе изъ нихъ картинны и до сихъ поръ еще прекрасны. Всѣ горы, которыя состоятъ почти изъ голаго камня, покрыты виноградными грядками. Это родина рейнвейна, кромѣ котораго здѣсь почти не употребляютъ другихъ винъ и котораго здѣсь множество сортовъ, изъ коихъ многіе никогда не заходили къ намъ. Въ Майнцѣ, большомъ и старинномъ городѣ, вышелъ я на берегъ, не остановился ни минуты, хотя городъ очень стоилъ того, чтобы посмотрѣть его, и сѣлъ въ дилижансъ до Франкфурта.

Франкфуртъ называютъ Парижемъ Германіи. Онъ точно шуменъ и наполненъ иностранцами, съѣзжающимися со всѣхъ сторонъ изъ Парижа, Лондона, Петербурга, Италіи и проч. Городъ очень хорошо выстроенъ, уютный, свѣтленькій и окруженъ со всѣхъ сторонъ предлиннымъ и прекраснымъ садомъ. Лѣтомъ онъ бываетъ не такъ веселъ, какъ зимою, потому что зимою остаются въ немъ жить и

---

[1]) Какъ въ болѣе ранніе годы, въ бытность свою въ Петербургѣ, Гоголь мечталъ о совмѣстной жизни съ своими, хотѣлъ имъ помогать и дѣлать подарки, но впослѣдствіи мало имѣлъ къ тому возможности, такъ и здѣсь мы встрѣчаемъ такое же мечтательное увлеченіе.

[2]) Ср. въ письмѣ къ Прокоповичу отъ 27 сентября 1836 года: «Что тебѣ сказать о Швейцаріи? Все виды да виды и проч.».

нарочно съѣзжаются для этого, а лѣтомъ разъѣзжаются на воды, которыхъ въ окружности находится чрезвычайное множество. Я не могу до сихъ поръ выбраться изъ минеральныхъ водъ; проѣхалъ Ахенъ, теперь пошли другія: Крейценахъ, Баденъ-Баденъ, эмскія, висбаденскія, швальцбахскія, лангенъ-швальбахскія, словомъ — несчетное множество. Во Франкфуртѣ очень хорошо даютъ оперу. Оркестръ франкфуртскій одинъ изъ первыхъ въ Европѣ. Не знаю, просилъ ли я васъ адресовать ко мнѣ письма во Франкфуртъ, или нѣтъ. Если просилъ, то теперь прошу опять перемѣнить адресъ и писать въ Лозанну, въ Швейцаріи, куда я на слѣдующей недѣлѣ полагаю быть. Извѣстите, что̀ дѣлается у васъ хорошаго: хорошо ли стоитъ лѣто, хороши ли косовицы, жнива и прочее? Здѣсь дни самые капризные: разъ по пятнадцати начинаетъ идти дождь. Слишкомъ жаркаго дня еще, кажется, не бывало. Но пора кончить письмо и убираться изъ Франкфурта. Почтовая карета меня уже ожидаетъ...

VI. Къ ней же.

Баденъ-Баденъ. Августа 14/2, 1836.

До сихъ поръ еще ни одного письма вашего не получилъ, почтеннѣйшая маменька! Вѣрно, я ихъ получу разомъ вдругъ. Кстати о письмахъ: адресуйте письма ко мнѣ въ Швейцарію, въ Лозанну. Это будетъ дѣйствительнѣе: я дня черезъ четыре буду въ Швейцарію и проживу тамъ всю осень. Послѣднее письмо мое къ вамъ было изъ Франкфурта. Не знаю, получили ли вы его.

Теперь я живу на знаменитыхъ водахъ баденъ-баденскихъ, куда заѣхалъ только на три дня и откуда уже три недѣли не могу выбраться. Встрѣтилъ довольно знакомыхъ [1]). Больныхъ серьезно здѣсь никого нѣтъ. Всѣ пріѣзжаютъ только веселиться. Мѣстоположеніе города чудесно. Онъ построенъ на стѣнѣ горы и сдавленъ со всѣхъ сторонъ горами. Магазины, зала для баловъ, театръ—все въ саду. Въ комнату здѣсь никто почти не заходитъ, но весь день сидятъ за столиками подъ деревьями. Горы почти лиловаго цвѣта, даже вблизи. Между гостями есть много извѣстныхъ европейскихъ лицъ. Мѣстъ для гулянья въ окружности страшное множество; но на меня такая напала лѣнь,

[1]) Балабиныхъ, Репниныхъ и другихъ.

что никакъ не могу приневолить себя все обсмотрѣть. Каждый разъ собираюсь пораньше встать, и всегда почти просплю. Лѣто здѣсь хорошо. Слишкомъ жаркихъ дней нѣтъ.

Оканчиваю письмо уже въ Раштадтѣ, который находится въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бадена. Завтра сажусь въ дилижансъ и буду черезъ двое сутокъ, а можетъ быть, и раньше, въ Бернѣ, гдѣ уже горы съ снѣжными вершинами...

Прощайте, почтенная маменька, до слѣдующаго письма. Вашъ Н. Обнимаю сестеръ и всѣхъ [1]).

VII. Къ ней же.

Женева. Августъ 23/11, 1836.

Уже около недѣли, какъ я въ Швейцаріи; проѣхалъ лучшіе швейцарскіе города: Бернъ, Базель, Лозанну и четвертаго дня пріѣхалъ въ Женеву. Альпійскія горы вездѣ почти сопровождали меня. Ничего лучшаго я не видывалъ. Изъ-за синихъ горъ вдали показываются ледяныя и снѣговыя вершины Альпъ. Во время захожденія солнца, снѣга Альпъ покрываются тонкимъ розовымъ и огненнымъ свѣтомъ. Часто, когда солнце уже совсѣмъ скроется и все уже темно, что̀ блеститъ, горы покрыты темнымъ свѣтомъ, — Альпы однѣ сіяютъ на небѣ, какъ-будто транспарантныя. Передо мной Женевское озеро, котораго воды кажутся бирюзоваго цвѣта, и Рона, которая здѣсь сливается съ озеромъ. Женева — очень хорошій городъ и называется уголкомъ Парижа. Языкъ французскій здѣсь самый чистый. Костюмы поселянокъ швейцарскихъ такъ хороши, какъ вы себѣ вообразить не можете. Въ каждомъ кантонѣ, или республикѣ, они перемѣняются. Совершенныя картинки! Дороги вездѣ почти живописны.

Въ Италіи я врядъ ли буду въ этомъ году. Я думаю, что останусь всю осень и начало зимы въ Женевѣ, если не поѣду въ Парижъ. Зимы здѣсь вездѣ почти дурны, то есть, онѣ довольно теплы, но домы очень холодны,—печей нѣтъ, камины очень худы. Но впрочемъ въ нынѣшнемъ году предвѣщаютъ теплую зиму.

---

[1]) Послѣднія строки, послѣ словъ: «въ Бернѣ, гдѣ уже горы съ нѣжными вершинами», дополнены по копіи, принадлежащей Московскому Публичному и Румянцовскому музею.

Какъ вы проводите время? увѣдомьте меня: какое у васъ лѣто, хороши ли пчелы и жнива, которыя, безъ сомнѣнія, уже окончились, и что̀ новаго въ нашей сторонѣ?..

VIII. Къ М. П. Погодину.

Женева. Сентября $^{22}/_{10}$ [1]).

Здравствуй, мой добрый другъ! Какъ живешь? что̀ дѣлаешь? Скучаешь ли, веселишься ли? или работаешь, или лежишь на боку да лѣнишься? Богъ въ помощь тебѣ, если занятъ дѣломъ! Пусть весело горитъ передъ тобою свѣча твоя!.. Мнѣ жаль, слишкомъ жаль, что я не видался съ тобою передъ отъѣздомъ. Много я отнялъ у себя пріятныхъ минутъ... Но на Руси есть такая [2]) изрядная коллекція гадкихъ рожъ, что не въ терпежъ мнѣ пришлось глядѣть на нихъ. Даже теперь плевать хочется, когда объ нихъ вспомню. Теперь передо мною чужбина, вокругъ меня чужбина; но въ сердцѣ моемъ Русь,—одна только прекрасная Русь: ты, да нѣсколько другихъ близкихъ, да небольшое число заключившихъ въ себѣ прекрасную душу и вѣрный вкусъ. Я не пишу тебѣ ничего о моемъ путешествіи. Впечатлѣнія мои уже прошли, уже я привыкъ къ окружающему, и потому описаніе его, сомнѣваюсь, чтобы было любопытно. Два предмета только поразили и остановили меня: Альпы да старыя готическія церкви.

Осень наступила, и я долженъ положить свою дорожную палку въ уголъ и заняться дѣломъ. Думаю остаться или въ Женевѣ, или въ Лозаннѣ, или въ Веве, гдѣ будетъ теплѣе [здѣсь нѣтъ нашихъ теплыхъ домовъ]. Принимаюсь перечитывать вновь всего Вальтера Скотта, а тамъ, можетъ быть, за перо.

Письма адресуй ко мнѣ въ Лозанну. Ты долженъ писать ко мнѣ теперь чаще. Тебѣ должно быть извѣстно, что̀ значитъ получить письмо изъ родины. Прощай! Обнимаю тебя. Увѣдоми меня о томъ, что̀ говорятъ обо мнѣ въ Москвѣ. Я не имѣю до сихъ поръ ни объ чемъ никакихъ

---

[1]) Это письмо помѣщается передъ слѣдующимъ въ виду того, что тамъ рѣчь идетъ о предполагаемомъ выѣздѣ въ Лозанну, тогда какъ данное письмо писано уже изъ этого города, вслѣдствіе чего слѣдуетъ предположить, что письмо къ матери помѣчено старымъ, а къ Погодину—новымъ стилемъ.

[2]) У Кулиша: «также»; но, вѣроятно, слѣдуетъ читать: «такая».

извѣстій. Ни одного русскаго журнала не вижу. До другого письма...

Твой *Гоголь.*

IX. Къ матери.

1836, сентября 21. Лозанна [1])

Я получилъ сегодня, пріѣхавши въ Лозанну, два письма ваши: одно, адресованное въ Ахенъ, другое въ Лозанну. О письмахъ не безпокойтесь. Здѣшнія почты такъ хорошо устроены, что, куда бы вы ни написали [2]) ко мнѣ, письма ваши найдутъ меня хоть на краю свѣта. Непріятная новость, которую вы сообщаете въ письмѣ вашемъ, поразила меня. Всегда жалко, когда видишь человѣка въ свѣжихъ и цвѣтущихъ лѣтахъ похищеннаго смертью; еще болѣе, если этотъ человѣкъ былъ близокъ къ намъ. Но мы должны быть тверды и считать наши несчастія за ничто, если хотимъ быть христіанами. Можетъ ли кто изъ насъ похвалиться несчастіями и испытаніями? Такія ли бываютъ несчастія! Сколько есть на землѣ людей, которые, можетъ быть, несчастія наши почли бы только за слабыя огорченія, въ сравненіи съ другими, жесточайшими! Если мы имѣли удовольствія [3]) и потомъ потеряли ихъ, мы должны быть за нихъ благодарны и воспоминать о нихъ съ сладкимъ умиленіемъ, а не сокрушаться о потерѣ ихъ. Мы должны помнить, что нѣтъ ничего вѣчнаго на свѣтѣ, что горе перемѣшано съ радостью и что, еслибы мы не испытывали горя, мы бы не умѣли оцѣнить радости, и она бы не была намъ радостью.

Нѣтъ, никто изъ насъ не въ-правѣ назвать себя несчастнымъ, или говорить, что онъ испытываетъ долгія или безпрерывныя несчастія,—и вы первыя, маменька, не можете сказать этого. Правда, вы [4]) имѣли большую утрату: вы потеряли рѣдкаго друга, а нашего нѣжнаго отца, котораго до сихъ поръ никто изъ насъ не позабылъ; а 17 лѣтъ непрерывнаго, невозмущаемаго счастія, которымъ вы наслаждались съ нимъ, развѣ ничего не значатъ [5])? Всякій

---

[1]) Это письмо было напечатано съ возстановленіемъ пропусковъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1896, VI, 742—743).

[2]) Въ «Вѣстникѣ Европы»: «писали»; у Кулиша: «написали».

[3]) Въ «Вѣстникѣ Европы»: «удовольствіе», но это явная опечатка.

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «потеряли».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «кто».

ли можетъ похвалиться имъ? Нѣтъ, должно признаться, что мы всѣ, люди, неблагодарны. Мы хотимъ, чтобы не было границъ нашему блаженству. Мы позабываемъ [1]), что существуютъ законы для міра. Нѣтъ, маменька, мы должны благодарить за все, что̀ мы имѣли хорошаго; мы должны быть тверды и спокойны всегда и—ни слова о своихъ несчастіяхъ. Я знаю, что вы вкуспте еще много радостей. Подобно вамъ, и сестра моя не должна кручиниться [2]), если она точно достойна назваться христіанкою [3]). Вы очень заботитесь на счетъ Оленьки. Сердечно жалѣю, что вы не можете доставить ей приличнаго воспитанія. Я съ своей стороны всѣми силами готовъ бы пособить, еслибы это было возможно. Я послалъ письмо въ Петербургъ просить о ней государыню, но сомнѣваюсь, чтобы былъ какой-нибудь успѣхъ, потому что всѣ институты наполнены, и притомъ теперь нѣтъ пріема [4]).

Вы удивляетесь, что я скоро летаю съ мѣста на мѣсто, а я, напротивъ того, удивляюсь тому, что я двигаюсь необыкновенно медленно. Вы къ тому присоединяете ту же минуту свою догадку; но ваши догадки [не разсердитесь, маменька] всегда были невпопадъ. Вы думаете, что я оттого такъ скоро перемѣняю мѣста, что имѣю недостатокъ въ деньгахъ, между тѣмъ какъ я въ такомъ случаѣ долженъ былъ-бы долѣе сидѣть на одномъ мѣстѣ, потому что ѣздить здѣсь несравненно дороже, нежели сидѣть на одномъ мѣстѣ. Въ дорогѣ вы издерживаете здѣсь вдвое болѣе противъ обыкновенной городской жизни. Я еще ничего не знаю о томъ, гдѣ я проведу конецъ осени.

Теперь я ѣду въ Веве, маленькій городокъ [5]) недалеко отъ Лозанны. Въ этомъ городѣ съѣзжаются путешественники, и особенно русскіе [6]), съ тѣмъ, чтобы пользоваться виноградным лѣченіемъ. Этотъ образъ лѣченія для васъ, вѣрно, покажется страннымъ. Больные ѣдятъ виноградъ, и ничего больше, кромѣ винограду. Въ день съѣдаютъ по нѣскольку фунтовъ, наблюдаютъ діэту, и послѣ этого виноградъ, говорятъ, такъ сдѣлается противенъ, что смотрѣть не захо-

---

[1]) Такъ у Кулиша: въ «Вѣстникѣ Европы»: «позабылп».
[2]) У Кулиша: «крушиться».
[3]) Рѣчь идетъ о смерти ея мужа. П. О. Трушковскаго.
[4]) Начиная отъ словъ: «Вы очень заботитесь на счетъ Оленьки», у Кулиша пропущено.
[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «въ».
[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «лѣчиться и».

чется. Я ѣду съ тѣмъ, чтобы повидаться съ нѣкоторыми знакомыми и посмотрѣть городокъ, который хотя очень невеликъ, но занимаетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ Швейцаріи. Письма вы можете мнѣ адресовать по-прежнему въ Лозанну.

На счетъ замѣчанія вашего объ итальянкахъ замѣчу, что мнѣ скоро будетъ 30 лѣтъ [1]).

Что̀ касается до здоровья моего, то я, слава Богу, здоровъ. Молю Бога, чтобы и вы тоже вмѣстѣ съ сестрами [3]) и племянниками были здоровы. Желая вамъ всего хорошаго, остаюсь вашъ признательный сынъ Н.

Не пишетъ ли Данилевскій къ своей матери? Узнайте и извѣстите меня о его адресѣ. Я ничего о немъ не знаю съ того времени, какъ съ нимъ разстался [4]).

X. Къ Н. Я. Прокоповичу. [5])

Женева, 27 сентября (1836).

Что̀ вы дѣлоночки, мои краснотоночки [6])? Не грѣхъ ли вамъ не писать ко мнѣ, а я по тебѣ соскучилъ страшно. Пожалуйста, пиши. Пишетъ ли къ тебѣ Данилевскій? Я три

---

[1]) Эта фраза у Кулиша пропущена.

[2]) Тоже.

[3]) У Кулиша: «сестрою»; въ «Вѣстникѣ Европы»: «съ сестрами».

[4]) Данилевскій часто отличался неисправностью въ отношеніи корреспонденціи.

[5]) Это письмо было впервые напечатано въ «Русскомъ Словѣ» (1859. I, стр. 87—91); потомъ въ «Письмахъ Гоголя къ Прокоповичу» Пѣтухова, стр. 4—7.

[6]) «Что̀ вы дѣлоночки, мои краснотоночки?»—шутливое выраженіе, т. е. «что̀ ты дѣлаешь, мой Красненькій?»

Красненькій — прозвище Н. Я. Прокоповича. Въ брошюрѣ проф. Пѣтухова приведены по этому поводу слѣдующія данныя.

Н. В. Гербель въ своей статьѣ «Н. Я. Прокоповичъ и его отношенія къ Гоголю» пишетъ: «Въ молодости Прокоповичъ былъ хорошъ собой и отличался цвѣтущимъ здоровьемъ... Благодаря своимъ румянымъ щекамъ, онъ получилъ въ школѣ прозвище «Красненькій», съ которымъ и оставался до конца... Подъ именемъ Красненькаго является онъ во всѣхъ первыхъ письмахъ Гоголя къ А. С. Данилевскому и другимъ его лицейскимъ товарищамъ».—(Стихотвор. Прокоповича, стр. 14; см. также выше. стр. 178, прим. 4-е). Ср. ниже письмо Гоголя изъ Рима отъ 15 апрѣля 1838 года: «Мнѣ очень жаль, что я нанесъ тебѣ столько хлопотъ и безпокойствъ, мой добрый, мой милый.. Я хотѣлъ было сказать по старому—Красненькій, но вспомнилъ, что мы оба уже устарѣли, и что, можетъ, твои педагогическія заботы извели твою краску, которую такъ пріятно было моему сердцу зрѣть на твоихъ щекахъ».

мѣсяца, какъ разстался съ нимъ и не получаю отъ него ни строчки и не знаю даже, гдѣ онъ [1]) теперь. Увѣдоми меня и приш(ли) [2]) его адресъ, если имѣешь. Здоровы ли вы всѣ? какъ живете? Меня очень обрадуешь, хотя [3]) письменнымъ разсказомъ, а я не знаю, что̀ я напишу. Мнѣ кажется, здѣсь нѣтъ ничего такого, что̀ бы удивило васъ. Можетъ-быть, еслибы это путешествіе мое предпринялъ я годами шестью ранѣе, можетъ-быть, я бы тогда болѣе нашелъ для меня новаго. Мои чувства были тогда живѣе и мое описаніе [4]), можетъ-быть, было бы тогда интереснѣе для васъ. Но теперь только ледяные богатыри Альпъ да старыя готическія церкви меня поразили. Они только заставили меня подумать, что еще есть что-то новое для меня. Но, можетъ-быть, я и къ нимъ привыкну.

Увы! мы приближаемся къ тѣмъ лѣтамъ, когда наши мысли и чувства поворачиваютъ къ старому, къ прежнему, а не къ будущему. Какъ быть! но прекрасно старое. Когда нибудь мы соберемся вмѣстѣ—и вспомянемъ и Нѣжинъ, и Петербургъ, и молодость. Весела и грустна будетъ наша пирушка...

Что̀, какъ идутъ учительскія дѣла твои? Нахваталъ ли ты новыхъ часовъ, или нѣтъ — и думаешь дать тягу изъ Петербурга? Теперь я, какъ подумалъ хорошенько, не знаю, хорошо ли будетъ для тебя его оставить. Въ Петербургѣ все можно сдѣлать, все подъ рукою: не нравится служба — перемѣни и бери другую. Притомъ, какъ бы то ни было, — ближе къ людямъ, ближе къ міру литературному и крещеному. Въ провинціи этого нельзя сдѣлать. Захочешь писаточки [5]) — есть типографія и книгопродавцы, все передъ глазами. Я ужъ и [6]) не говорю о многихъ другихъ удобствахъ и о томъ, что жаль оставить Петербургъ. И для меня теперь Петербургъ остается [7]) чѣмъ-то такимъ пріятнымъ. Впрочемъ,— какъ требуютъ твои выгоды. Во всякомъ случаѣ, извѣсти меня подробнѣйшимъ

---

[1]) Это слово вписано сверху строки.
[2]) Не дописано.
[3]) Это слово вписано сверху строки.
[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «стремле(нія)».—Конецъ слова выжженъ.
[5]) Т. е. писать (шутливое выраженіе).
[6]) Въ брошюрѣ Е. В. Пѣтухова слово «и» пропущено; въ «Русскомъ Словѣ» есть.
[7]) Въ «Русск. Словѣ» (1859, 1, 88) невѣрно: «остался», въ брошюрѣ Пѣтухова правильно.

образомъ о всѣхъ своихъ планахъ, намѣреніяхъ и распоряженіяхъ. Письма адресуй ко мнѣ на *Лозанну*, подписывай внизу: «poste restante».

Что тебѣ сказать о Швейцаріи [1])? Все виды да виды, такіе(е) [2]), что мнѣ уже отъ нихъ наконецъ становится тошно, и еслибы мнѣ попалось теперь наше подлое и плоское русское мѣстоположеніе, съ бревенчатою избою и сѣренькимъ небомъ, то я бы въ состояніи имъ [3]) восхищаться, какъ новымъ [4]). Я не пишу ничего [5]) тебѣ о всѣхъ городахъ и земляхъ, которые я проѣхалъ, во-первыхъ потому, что о половинѣ ихъ писалъ къ тебѣ Данилевскій, котораго перо и [6]) взглядъ, можетъ-быть, живѣе моихъ, а во-вторыхъ потому, что, право, нечего объ нихъ писать. Изо всѣхъ воспоминаній моихъ остались только воспоминанія о безконечныхъ обѣдахъ, которыми [7]) преслѣдуетъ меня обжорливая Европа и то развѣ потому, что ихъ хранитъ желудокъ, а не голова. Охъ, мнѣ эти обѣды! Проклятое обыкновеніе! Я ѣмъ черезъ одно блюдо, по каплѣ, но чувствую въ своемъ желудкѣ страшную дрянь. Какъ будто бы кто загналъ туда цѣлый табунъ рогатой скотины [8]). Жалѣю очень, что не взялъ водъ. На слѣдующую весну, или—бишь—лѣто перечищу его всего начисто. Европа поразитъ съ перваго разу, когда въѣдешь въ ворота, въ первый городъ. Живописные домики, которые [9]) то подъ ногами, то [10]) надъ головою, синія горы, развѣсис(тыя) [11]) липы, плющъ, устилающій, вмѣстѣ съ вино-

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто нѣсколько неразборчивыхъ словъ: «разъ швейцарскаго прiб... тугой». (?)

[2]) Не дописано.

[3]) Переправлено изъ: «имѣть».

[4]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «впд(омъ)».

[5]) Это слово пропущено въ «Русск. Словѣ»; въ брошюрѣ г. Пѣтухова правильно.

[6]) Въ брошюрѣ г. Пѣтухова вполнѣ правильно.—Послѣ этого зачеркнуто: «можетъ».

[7]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «безъ жа(лости)».

[8]) Содержаніе этого письма сдѣлалось извѣстно Краевскому, который въ письмѣ къ Погодину поднимаетъ Гоголя на смѣхъ: «Гоголь живетъ теперь въ двухъ верстахъ отъ Женевы, въ деревнѣ. Говоритъ, что бросилъ страшническій посохъ и принялся *за большое дѣло*, за какое—не пишетъ; читаетъ прилежно Мольера, Вальтеръ-Скотта. Вся пройденная имъ Европа показалась ему трактиромъ» и пр. «Жизнь и труды Погодина», IV, 340—341.

[9]) Прожено.

[10]) Это слово вписано сверху строки.

[11]) Не дописано.

градо(мъ) [1]), стѣны и ограды — все это хорошо, и нравится, и ново, потому что все пространство Руси нашей не имѣетъ этого, но послѣ, какъ увидишь далѣе то же да то же, привыкнешь и позабудешь, что это хорошо.

Изъ город(овъ нѣ)мецкихъ [2]), послѣ Гамбурга, лучше другихъ — Франкфуртъ. Это городокъ-щеголь. Прелестнѣйшій садъ окружаетъ весь городъ и служитъ ему стѣною. Говорятъ въ немъ жить весело, особенно [3]) зимою; но я имѣю антипатію къ жидовскимъ городамъ [4]).

Веселѣе всѣхъ другихъ, въ продолженіе лѣта, Баденъ-Баденъ. Это—дача всей Европы. Изъ Парижа, изъ Англіи, изъ Испаніи, изъ Петербурга паѣзжаетъ сюда народъ на лѣто вовсе не для того, чтобы лѣчиться, но чтобы сколько-нибудь веселѣе профинтить время. Его мѣстоположеніе такъ картинно, что можно только кистью, а не перомъ нацарапать. Городъ между горами, раскинутъ на уступѣ одной изъ нихъ. Магазины, театръ, зала для баловъ — все въ саду и [5]) все вмѣстѣ. Я прожилъ почти мѣсяцъ въ Баденѣ довольно весело, потому что встрѣтилъ много знакомыхъ.

Города швейцарскіе мало [6]) для меня были занимательны. Ни Базель, ни Бернъ, ни Лозанна не поразили. Женева лучше и огромнѣе ихъ, и остановила меня тѣмъ, что (въ ней) [7]) есть что-то [8]) столично-европейское. Почти каждый домъ облѣпленъ афишами и объявлені(ями) [9]) о книгахъ, печатанными въ Парижѣ, на желтой бумагѣ, буквами страшной величины: каждая буква больше Данченка [10]). Ощутительна [11]) близость къ Франціи. Женева надъ самымъ [12]) Женевскимъ озеромъ, которое почти, какъ море. Боковыя

---

[1]) Тоже.

[2]) Тоже.

[3]) Въ «Русскомъ Словѣ»: «особенно»; у г. Пѣтухова: «особливо».

[4]) Здѣсь, очевидно, Гоголь имѣлъ въ виду густо населенный кварталъ Josefstadt, гдѣ живетъ множество евреевъ.

[5]) Это слово какъ-то полузачеркнуто; «Русск. Слово» и г. Пѣтуховъ его пропускаютъ.

[6]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «замѣч(ательны)».

[7]) Эти слова: «въ ней» въ подлинникѣ пропущены.

[8]) Послѣ этого слова зачеркнуто: «евр(опейское)».

[9]) Не дописано.

[10]) Вѣроятно, Николай Ѳедоровичъ Данченко, кандидатъ выпуска 1832 г. («Лицей», стр. CXXXV).

[11]) Слово: «ощутительна» вписано сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «это показываетъ».

[12]) Въ подлинникѣ: «самымъ».

кулисы занимаютъ съ одной стороны сине-фіолетовыя горы Савойскія, а изъ-(за) [1]) нихъ Монбланъ вытыкаетъ снѣжную свою вершину; съ другой стороны [2])—синяя цѣпь горъ, называемыхъ Юра, которыя принадлежатъ Франціи. Въ Женевѣ я прожилъ больше мѣсяца, но наконецъ не стало мочи отъ здѣшняго глупаго климата. Вѣтры здѣсь грознѣе петербургскихъ. Совершенный Тобольскъ! Ѣду теперь въ маленькій городокъ Веве, который находится на этомъ же озерѣ, недалеко отъ извѣстнаго тебѣ замка Шиліона. Тамъ климатъ совершенно другой, потому что съ сѣвера заслоняетъ гора. Сегодня поутру посѣтилъ я старика Вольтера: былъ въ Фернеѣ. Старикъ хорошо жилъ. Къ нему идетъ длинная, прекрасная аллея: въ три ряда каштаны. Домъ въ два этажа изъ сѣренькаго камня, еще довольно крѣпокъ. Я..... [3]) въ его залъ, гдѣ онъ обѣдалъ и принималъ; все въ томъ же порядкѣ, тѣ же картины висятъ. Изъ залы дверь въ его спальню, которая была вмѣстѣ и кабинетомъ его. На стѣнѣ портреты всѣхъ его пріятелей: Дидеро, Фридриха, Екатерины). Постель перестлана [4]), одѣяло старинное, кисейное, едва держится, и мнѣ такъ и представлялось, что вотъ-вотъ отворяется [5]) дверь и войдетъ старикъ въ [6]) знакомомъ парикѣ, съ отстегнутымъ бантомъ, какъ старый Кромида, и спроситъ: «что вамъ угодно»?.. Садъ очень хорошъ и великъ. Старикъ зналъ, какъ его сдѣлать. Нѣсколько аллей сплелись въ непроницаемый сводъ, искусно простриженный, другія вьются не регулярно, и во [7]) всю длину одной стороны сада сдѣлана стѣна [8]) изъ подстриженныхъ деревьевъ въ видѣ [9]) аркадъ, и сквозь эти арки видна [10]) внизу другая аллея въ лѣсъ, и вдали

---

[1]) Это слово пропущено.

[2]) Послѣ этого зачеркнуто какое-то начатое слово.

[3]) Это слово прожжено.

[4]) Слово неразборчивое; въ «Русскомъ Словѣ» оно замѣнено точками; г. Пѣтуховъ невѣрно читаетъ: «пуховая» (??). См. примѣч. къ слѣдующему письму.

[5]) Въ «Русскомъ Словѣ» и у г. Пѣтухова: «отворятъ».

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «своемъ».

[7]) Слова: «и во» вписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго «п».

[8]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «арк(а)».

[9]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «арк(адъ)» и снова написано.

[10]) Такъ въ «Русскомъ Словѣ» и у г. Пѣтухова; но въ рукописи: «виденъ» и далѣе вмѣсто: «другая», въ рукописи: «другой», послѣ чего зачеркнуто: «и дорог(а)».

виденъ Монбланъ. Я вздохнулъ и нацарапалъ русскими буквами мое имя, самъ не отдавши себѣ отчета для чего.

Получилъ ли ты письмо Данилевскаго, писанное изъ Гамбурга, при которомъ была моя приписочка? Помнишь ли ты мою просьбу насчетъ портрета и насчетъ аккуратнаго сбереженія оставленныхъ мною тебѣ рукописныхъ книгъ и бумагъ? Пиши ко мнѣ, пожалуйста, пиши почаще. Ты знаешь, какъ много значитъ здѣсь получить русское письмо, да притомъ еще отъ тебя. Кланяйся всѣмъ нашимъ отъ меня: Жюлю [1]), Пащенку [2]) и проч., и если у нихъ руки еще держатся, то пусть напишутъ, сколько достанетъ терпѣнія.

Не забудь адресовать письма въ *Лозанну*.

Прощайте, мои краснотоночки. Обнимаю васъ.

Маріи Никифоровнѣ поклонъ [3]).

XI. Къ матери.

Genève. 1836 г., $\frac{\text{октября } 6}{\text{сентября } 24}$

Поздравляю васъ съ наступающимъ днемъ вашего ангела. Вы, вѣрно, получите это письмо гораздо послѣ него, и потому желаніе мое будетъ не у мѣста, при томъ же вы, вѣрно, его знаете хорошо. Мы всѣ молимъ Бога о дарованіи вамъ много, много счастливыхъ годовъ.

Я въ Женевѣ не болѣе, какъ на одинъ день, по дорогѣ. Таскался по горамъ и возвращаюсь уже назадъ. Видовъ такая бездна и такихъ великолѣпныхъ, что писать въ письмѣ о нихъ нѣтъ возможности. До сихъ поръ, во все время путешествія моего, облака были подъ моими ногами. Четыре дня нужно для того, чтобы взойти на верхушку Монблана, одной изъ высочайшихъ горъ. Другія горы,

---

[1]) Такъ называлъ Гоголь Павла Васильевича Анненкова (издателя «Сочиненій Пушкина»). «Надо сказать», говоритъ Анненковъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Гоголѣ» («Библ. для Чтен.», 1858, N 2, отд. II, стр. 121), «что около 1832 года, когда я впервые познакомился съ Гоголемъ, онъ далъ всѣмъ своимъ товарищамъ по нѣжинскому лицею и ихъ пріятелямъ прозвища, украсивъ ихъ именами *знаменитыхъ* французскихъ писателей, которыми тогда восхищался весь Петербургъ... Не знаю, почему я получилъ титулъ Жюль-Жанена, подъ которымъ и состоялъ до конца.

[2]) Пащенко, Иванъ Григорьевичъ, школьный товарищъ Гоголя; см. выше, стр. 44, примѣч. и также 139, примѣч. 1-ое, 159, примѣч. 1-ое. См. «Лицей», стр. CXXXII.

[3]) Жена П. Я. Прокоповича, урожденная Трохнева.

тоже ужасной величины, служатъ ей ступенями. Онѣ всѣ покрыты лѣсомъ. За ними слѣдуютъ покрытыя кустарниками; потомъ начинается, тамъ, гдѣ оканчивается ихъ верхушка, Монбланъ, который также начинается кустарниками; еще выше растетъ на немъ одна дикая трава; наконецъ, когда поднимаешься еще выше, одинъ мохъ, и потомъ прекращаются всѣ произрастенія, начинаются снѣга, и вы совершенно очутились среди зимы. Передъ вами снѣга, надъ вами снѣга, вокругъ васъ снѣга, внизу земли (нѣтъ): вы видите, вмѣсто нея, въ нѣсколько рядовъ облака. Цѣлыя ледяныя стѣны, сквозь которыхъ просвѣчиваетъ солнце, висятъ вокругъ. Иногда слышатся трещины съ такимъ сильнымъ звукомъ, какъ ударъ грома, и потомъ цѣлая лавина летитъ внизъ, и сверху слышенъ весь громъ, который она производитъ, катясь по горамъ и низвергаясь въ долину. Здѣшніе проводники такъ знаютъ время, когда лавина должна упасть, что скажутъ вамъ даже минуту. Дождь и громъ — все это у васъ подъ ногами, а наверху солнце. Когда я былъ внизу, была дождливая погода, которая продолжалась нѣсколько дней; когда я наконецъ поднялся выше дальнихъ облаковъ, солнце свѣтило, и день былъ совершенно ясенъ, только было холодно, и легкій морозъ сверкалъ свѣтлыми искрами на снѣгу, и я, вмѣсто легкаго сюртука, надѣлъ теплый плащъ. Спускаясь внизъ, дѣлалось теплѣе и теплѣе; наконецъ облака проходили мимо, наконецъ спряталось солнце, наконецъ я опять очутился среди дождя, долженъ былъ взять зонтикъ, и уже такимъ образомъ спустился въ долину.

Какова у васъ осень? здѣсь теперь снова начались теплые дни, какъ лѣтомъ, и я спѣшу въ Веве опять воспользоваться ими, потому что тамъ климатъ гораздо лучше, нежели въ Женевѣ. Здѣсь на одномъ и томъ же озерѣ одинъ городъ имѣетъ климатъ не теплѣе нашего полтавскаго, а другой тутъ же, въ какихъ-нибудь въ пятидесяти верстахъ отъ него, теплѣе Одессы. Здѣсь можно безпрестанно любоваться костюмами швейцарокъ. Почти въ каждомъ городѣ все розные и все такъ хороши и такъ ловко сидятъ на нихъ, какъ на картинкахъ.

Вчера я былъ въ Фернеѣ и посѣтилъ Вольтера. Видѣлъ его дворецъ, куда пріѣзжали короли и принцы. Къ нему ведетъ прекрасная каштановая аллея въ три ряда. Передъ домомъ маленькая церковь, съ надписью: «*Вольтеръ Богу!*» Комнаты его въ томъ же видѣ; въ спальнѣ его перестлана

даже кровать [1]), съ тѣмъ же самымъ одѣяломъ, которымъ онъ укрывался, которому уже почти сто лѣтъ; тѣ же картины висятъ. Путешественники до сихъ поръ стекаются толпами. Садъ прекрасенъ; тѣни много; на одной сторонѣ его сдѣлана изъ подстриженныхъ деревьевъ стѣна съ арками. Сквозь эти арки виденъ вдали Монбланъ, спинѣющія горы Савойскія, деревни и мызы.

Женева, хотя великъ и хорошъ городъ, и можно въ немъ провести время веселѣе, нежели въ другихъ окружныхъ мѣстахъ, но не по мнѣ: вѣтровъ много и слишкомъ ощутительна сырость въ воздухѣ...

XII. Къ М. П. Балабиной.

Путешествіе изъ Лозанны въ Веве [2]).

Веве. Октября 12-го, 1836.

Хотя вы, милостивая государыня Марья Петровна, не изволили мнѣ описать вашего путешествія въ Антверпенъ и въ Брюссель, и хотя слѣдовало бы и [3]) съ моей стороны сдѣлать то же, но несмотря на это, я рѣшаюсь описать вамъ путешествіе мое въ Веве [4]), — во-первыхъ, потому, что я очень благовоспитанный кавалеръ, а во-вторыхъ, потому [5]), что предметы такъ интересны, что мнѣ было бы грѣхъ не писать о нихъ.

Простившись съ вами—что, какъ вы помните, было въ исходѣ перваго часа,—я отправился Hôtel du Faucon обѣдать. Обѣдало насъ три человѣка: я посреди, съ одной стороны почтенный старикъ французъ, съ перевязанною рукою и ордс мъ, а съ другой стороны почтенная дама, жена его. Подали супъ съ вермишелями. Когда мы всѣ трое супъ откушали, подали намъ вотъ какія блюда: говядину отварную, котлеты баранья, вареный картофель, шпинатъ со шпигованной телятиной и рыбу средней величины къ бѣлому соусу. Когда я откушалъ картофель, который я весьма люблю, особливо когда онъ хорошо сва-

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ Гоголь употребляетъ почти тѣ же выраженія, какія въ письмѣ къ Прокоповичу отъ 27 сентября 1836 года. Въ подлинникѣ послѣдняго письма крайне неразборчиво написано: «постель переслая»; очевидно, (при сопоставленіи съ даннымъ мѣстомъ письма къ матери) здѣсь пропускъ буквъ, вмѣсто: «перестланная».

[2]) Подзаглавіе, стоящее въ подлинникѣ.

[3]) Это слово вписано сверху.

[4]) Слова: «вамъ путешествіе мое въ Веве» вписаны сверху.

[5]) Слово: «потому» у Кулиша пропущено.

ренъ, французъ, который сидѣлъ возлѣ меня, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Милостивыи государь...» Или нѣтъ, я позабылъ: онъ не говорилъ: «Милостивый государь»; онъ сказалъ: «Monsieur, je vous servis этою говядиною. Это очень хорошая говядина».

На что я сказалъ: «Да, дѣйствительно, это очень хорошая говядина».

Потомъ, когда приняли говядину, я сказалъ: «Monsieur, позвольте васъ попотчевать бараньей котлеткой».

На что онъ сказалъ: «Съ большимъ удовольствіемъ. Я возьму котлетку,—тѣмъ болѣе, что, кажется, хорошая котлетка».

Потомъ приняли и котлетку, и поставили вотъ какія блюда: жаркое—цыпленка, потомъ другое жаркое—баранью ногу, потомъ [1]) поросенка, потомъ пирожное — компотъ съ грушами, потомъ другое пирожное — съ рисомъ и яблоками. Какъ-только мнѣ перемѣнили тарелку и я ее вытеръ салфеткой, французъ, сосѣдъ мой, попотчевавъ меня цыпленкомъ, сказалъ: «Puis-je vous offrir цыпленка?»

На что я сказалъ: «Je vous demande pardon, monsieur, я не хочу цыпленка; я очень огорченъ, что не могу взять цыпленка; я лучше возьму кусокъ бараньей ноги, потому что я баранью ногу предпочитаю цыпленку».

На что онъ [2]) сказалъ, что онъ, точно, зналъ многихъ людей, которые предпочитали баранью ногу цыпленку.

Потомъ, когда откушали жаркое, французъ, сосѣдъ мой, предложилъ мнѣ компотъ изъ грушъ, сказавъ: «Я вамъ совѣтую, monsieur, взять этого компота: это очень хорошій компотъ».

«Да», сказалъ я, «это, точно, очень хорошій капотъ (sic). Но я ѣдалъ» [продолжалъ я] «компотъ, который приготовляли собственныя ручки княжны Варвары Николаевны Репниной [3]) и котораго можно назвать королемъ компотовъ и главнокомандующимъ всѣхъ пирожныхъ».

На что онъ сказалъ: «Я не ѣдалъ этого компота, но

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «третье жаркое».

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «точно».

[3]) Княжна В. Н. Репнина разсказывала намъ, что, замѣтивъ пристрастіе Гоголя къ десерту и лакомствамъ, она старалась ему угодить и, желая доставить ему удовольствіе, собственноручно приготовляла для него компотъ, который чрезвычайно нравился Гоголю; такой компотъ онъ называлъ «главнокомандующимъ всѣхъ компотовъ». («Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 128).

сужу по всему, что онъ долженъ быть хорошъ, ибо мой дѣдушка былъ тоже главнокомандующій».

На что я сказалъ: «Очень жалѣю, что не былъ знакомъ лично съ вашимъ дѣдушкою».

На что онъ сказалъ: «Не стоитъ благодарностью» (sic).

Потомъ приняли блюда и поставили десертъ. Но я, боясь опоздать къ дилижансу, попросилъ позволенія оставить столъ, на что французъ, сосѣдъ мой [1]), отвѣчалъ очень учтиво, что онъ не находитъ съ своей стороны никакого препятствія.

Тогда я, взваливши [2]) шинель на лѣвую руку, а въ правую взявъ дорожный портфель [3]) съ бѣлою бумагою и разною собственноручною дрянью, отправился на почту.

Дорога отъ Фокона [4]) до почты вамъ совершенно извѣстна, и потому я не берусь ее описывать. Притомъ [5]) вы сами знаете, что предметовъ [6]), которые бы слишкомъ поразили воображеніе, на ней очень, очень немного. Когда я пришелъ къ дилижансу, то увидѣлъ, къ крайнему своему изумленію, что внутри кареты все было почти занято. Оставалось одно только мѣсто въ срединѣ. Сидѣвшіе дамы и мужчины были люди очень почтенные, но нѣсколько толсты, и потому я минуту предавался размышленію. «Хотя» [7]), подумалъ я, «мнѣ здѣсь не будетъ холодно, если я усядусь посрединѣ; но, такъ какъ я человѣкъ суетильный и тщедушный, то весьма можетъ быть, что они изъ меня сдѣлаютъ лепешку, покамѣстъ я доѣду до Вевe». Это обстоятельство заставило меня взять мѣсто на верху кареты. Мѣсто мое было такъ широко и покойно, что я нашелъ приличнымъ положить вмѣстѣ съ собою и мои ноги [8]), за что, къ величайшему моему изумленію, не взяли съ меня ничего и не прибавили платы, что заставило меня думать, что мои ноги очень легки. Такимъ образомъ, помѣстясь лежа на каретѣ, я началъ разсматривать всѣ бывшіе по сторонамъ виды. Горы чрезвычайно хороши, и

---

[1]) Слова: «сосѣдъ мой» вписаны сверху.

[2]) У Кулиша: «взваливъ».

[3]) Въ подлинникѣ: «дорожный портвель» (sic).

[4]) Т. е. отъ вышеупомянутаго Hôtel de Faucon.

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «какъ».

[6]) Слово: «предметовъ» вписано сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «на ней».

[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «я».

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «и такимъ образомъ лежа продолжалъ я все путешествіе».

почти ни одной не было такой, которая шла внизъ, но всѣ вверхъ. Это меня такъ изумило, что я ужъ и пересталъ смотрѣть на другіе виды. Но болѣе всего поразилъ меня гороховый фракъ сидѣвшаго со мной кондуктора. Я такъ углубился въ размышленіе, отчего одна половина его была темнѣе, а другая свѣтлѣе, что и не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до Веве [1]). Мнѣ такъ понравилось мое мѣсто, что я хотѣлъ еще и больше полежать на верху кареты: но кондукторъ сказалъ, что пора сойти, на что я сказалъ, что я готовъ съ большимъ удовольствіемъ.

«Такъ пожалуйте мнѣ вашу ручку!» сказалъ онъ.

«Извольте», отвѣчалъ я.

Съ кареты [2]) сходилъ я сначала лѣвою ногою, а потомъ правою; но, къ величайшему прискорбію вашему [потому что я знаю, что вы любите подробности], не помню, на которую спицу колеса ступилъ я ногою — на третью, или на четвертую. Если хорошо припомнишь всѣ обстоятельства, то, кажется, на третью; но опять, если разсмотрѣть съ другой стороны, то представляется, какъ-будто [3]) на четвертую. Впрочемъ я вамъ совѣтую немедленно теперь же послать за кондукторомъ: онъ, вѣрно, долженъ знать: и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, потому что [4]), если онъ выспится, то [5]) позабудетъ.

По сошествіи съ кареты, отправился я къ набережной встрѣчать пароходъ. Это путешествіе могло бы доставить очень много пользы, особенно для молодыхъ людей, и, вѣроятно, развило бы прекрасно ихъ способности, еслибъ не было слишкомъ коротко [6]); ибо оно продолжалось никакъ не больше одной минуты съ половиною. Изъ пассажировъ, бывшихъ на пароходѣ, не оказалось ни одной физіономіи русской, даже такой, на которой бы выстроенъ былъ хотя [7]) нѣмецкій [8]) городъ. Выгрузились три дамы, Богъ знаетъ какого происхожденія, два кельнера и три англичанина съ такими длинными ногами, что насилу могли выйти изъ лодки.

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «доѣхавши до Веве».

[2]) Слова: «съ кареты» вставлены сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «потомъ отправился я встрѣчать пароходъ».

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «на вторую».

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «наконецъ».

[5]) Дальше зачеркнуто: «послѣ этого все».

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «я дошелъ до набережной».

[7]) Слова: «былъ хотя» вписаны сверху.

[8]) Послъ этого зачеркнуто: «даже».

Вышедши изъ [1]) лодки, они сказали «гопшъ!» и пошли искать table d'hôte. Потомъ я пошелъ къ себѣ въ комнату, гдѣ сначала сидѣлъ на одномъ диванѣ, потомъ пересѣлъ на другой, но нашелъ, что все равно [2]),—что если два равные дивана, то на нихъ рѣшительно сидѣть одинаково [3]).

Здѣсь оканчивается путешествіе. Все прочее, что ни было, все было незамѣчательно. Какъ вы хотите, но отвѣтъ вы непремѣнно должны написать мнѣ. Если вы затрудняетесь, какимъ образомъ писать, то я вамъ могу дать небольшой образецъ. Вы можете написать въ такомъ духѣ:

«Милостивый государь, почтеннѣйшій Николай Васильевичъ!

«Я имѣла честь получить почтеннѣйшее письмо ваше сего октября... такого-то числа. Не могу выразить вамъ, милостивый государь, всѣхъ чувствъ, которыя волновали мою душу. Я проливала слезы въ сердечномъ умиленіи. Гдѣ обрѣли вы высокое искусство говорить такъ понятно душѣ и сердцу? Стократъ, стократъ желала бы я имѣть искусное перо, подобное вашему, чтобы быть въ возможности изливать такими же словами признательную и растроганную благодарность».

Потомъ вы можете написать: «Покорная къ услугамъ», или «Готовая ко услугамъ», или что-нибудь подобное, и письмо—я васъ увѣряю—будетъ хорошо [4]). Засимъ позвольте мнѣ пожелать вамъ всего, что ни есть хорошаго на свѣтѣ, и остаться вашимъ преданнѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою.

Н. Гоголь.

P. S. Еще одно, не въ шутку, весьма нужное слово. Присоедините вашу просьбу къ моей и упросите вашу маменьку [5]) пріѣхать сегодня же или завтра, въ Веве, если не состоится ваша поѣздка въ Женеву [6]). При свиданіи съ вами, я былъ глупъ, какъ швейцарскій баранъ.—совершенно позабылъ вамъ сказать о прекрасныхъ видахъ, которые нужно вамъ непремѣнно видѣть. Вы были въ Монтрё

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «больш(ой)».
[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «послѣ».
[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «все прочее было».
[4]) Начиная отсюда, до post scriptum у Кулиша опущено.
[5]) Варвару Осиповну Балабину.
[6]) Послѣдняя фраза приписана съ боку страницы.

и въ Шильонѣ, но не были близко. Я вамъ совѣтую непремѣнно сѣсть въ омнибусъ, въ которомъ очень хорошо сидѣть и который отправляется изъ вашей гостиницы въ семь часовъ утра. Вы поспѣете сюда къ завтраку, и я васъ поведу садами, лѣсами; вокругъ насъ будутъ шумѣть ручьи и водопады; съ обѣихъ сторонъ горы, и нигдѣ почти намъ не нужно будетъ подыматься на гору. Мы будемъ идти прекраснѣйшею долиною, которая — я знаю — вамъ очень понравится. Усталости вы не будете чувствовать... Вы знаете, что меня трудно расшевелить видомъ. Нужно, чтобы онъ былъ очень хорошъ. Здѣсь пообѣдаемъ, если вамъ будетъ угодно, въ часъ, или можете отправиться къ обѣду въ Лозанну. Во всякомъ случаѣ, если вамъ не противно будетъ, я опять провожу васъ до Лозанны... [1]).

XIII. Къ А. С. Данилевскому.

23 октября (1836). Лозанна.

Какъ не получить письма? получилъ въ тотъ самый почти день, какъ пришло. Какъ-будто зналъ, что пріѣхалъ сегодня въ Лозанну [я живу въ Веве]. Ну, не стыдно ли, не совѣстно ли тебѣ? Какъ можно до сихъ поръ не дать совершенно о себѣ [2]) никакой вѣсти! Я писалъ, писалъ, нѣсколько разъ писалъ въ Крейцнахъ, разослалъ къ тебѣ письма во всѣ нѣмецкіе дорожные [3]) города, писалъ на всѣхъ памятникахъ и замѣчательныхъ мѣстахъ и улицахъ углемъ и карандашомъ мой адресъ; оставилъ во всѣхъ гостинницахъ къ тебѣ письма; наконецъ писалъ къ трактирщикамъ, чтобы они разспрашивали о тебѣ путешественниковъ... и все понапрасну [4])! Зато, въ наказаніе, ты просадишь изрядное количество сентимовъ, если получишь всѣ мои письма. Но зато, въ награду за безпокойство, даются намъ маленькія наслажденія. Я не знаю, такъ ли бы я былъ обрадованъ [5]), еслибы получилъ милліонъ денегъ, какъ былъ обрадованъ твоимъ письмомъ. Почти въ продолженіе цѣлаго мѣсяца я видѣлъ тебя безпрестанно во снѣ, и все въ самыхъ неблагопріятныхъ положеніяхъ, такъ

[1]) Все письмо написано въ самомъ шутливомъ тонѣ, какъ и отвѣтныя письма Балабиной; см. нѣкоторыя изъ нихъ въ «Матеріалахъ для біографіи», т. IV, стр. 922—928.

[2]) Слова: «о себѣ» у Кулиша пропущены.

[3]) Въ подлинникѣ: «дорожніе».

[4]) Въ подлинникѣ: «понапрасно».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «твоимъ».

что я уже со страхомъ начиналъ о тебѣ развѣдывать и думалъ уже, не лучше ли оставаться въ неизвѣстности; но, слава Богу, ты живъ и здоровъ, и я, посылая къ тебѣ это письмо, лечу вслѣдъ за нимъ самъ въ Парижъ.

Я провелъ время какъ-то такъ, Богъ знаетъ какъ. Болѣе мѣсяца слишкомъ прожилъ въ Женевѣ (если ты когда-нибудь будешь въ семъ городѣ, то увидишь на памятникѣ Руссо начертанное русскими буквами къ тебѣ посланіе). Въ семъ городѣ я былъ въ пансіонѣ, гдѣ начиналъ-было собачиться по-французски, но, смекнувши, что мы съ тобой для пансіоновъ нѣсколько поустарѣли и, озлобившись на иркутскій климатъ Женевы и на гадкое время, удралъ оттуда въ Веве, гдѣ прожилъ тоже чуть не мѣсяцъ [1]). Я никого почти не нашелъ тамъ русскихъ, но этотъ городокъ мнѣ понравился. Съ прекрасными синими и голубыми горами, его обнесшими, я сдѣлался пріятель; старая тѣнистая капитановая аллея надъ самымъ [2]) озеромъ видала меня каждый день, сидящаго на скамьѣ и, наклонившись нѣсколько на правый бокъ, предававшаго варенію свой желудокъ, побѣжденный совершенно тѣмъ же убійственно-обильнымъ столомъ, на который ты имѣлъ такую справедливую причину жаловаться. Кажды(й) (день) [3]) ровно въ три часа я приходилъ, вмѣстѣ съ немноголюдными жителями Веве, зѣвать на приставшій къ берегу пароходъ, гдѣ каждый разъ я думалъ встрѣтить тебя, и каждый разъ вылѣзали только англичане съ длинными ногами, послѣ чего я чувствовалъ почти полчаса какую-то безчувственную скуку и уходилъ ее развѣтривать въ мои прекрасныя горы. Я даже сдѣлался болѣе русскимъ, чѣмъ французомъ, въ Веве, и это все произошло оттого, что я началъ здѣсь писать и продолжать моихъ «Мертвыхъ Душъ» (sic), которыхъ былс оставилъ. Но... остальное разскажу увидѣвшись.

Наша ли жизнь не богата радостями! Не съ умысломъ и не свыше ли назначено было наше мгновенное разлученіе, чтобы доставить намъ случай [4]) узнать, что̀ значитъ увидѣться въ чужой землѣ двумъ, которые уже даже не

[1]) Послѣ этого зачеркнуто слово: «это».
[2]) Въ подлинникѣ: «самимъ».
[3]) Это слово пропущено.
[4]) Это слово вписано сверху.

помнятъ, съ которыхъ поръ знаютъ другъ друга? Но до свиданія, прощай...

(Слѣдуетъ неразборчивый росчеркъ).

XIV. Къ В. А. Жуковскому.

12 ноября. (1836. Парижъ) [1].

Я давно не писалъ къ вамъ; я ждалъ, чтобы минуло лѣто, потому что въ это время обыкновенно какъ-то мало вспоминается объ отсутствующихъ. Къ тому жъ у меня не было ничего [2]) достойнаго писать къ вамъ. Но я знаю, что вы меня любите и что съ наступленіемъ осени вы вспомните обо мнѣ, обо мнѣ, который каждую минуту васъ видитъ передъ собою. Я къ вамъ писалъ, кажется, въ самомъ началѣ моего путешествія.

Промотавшись лѣто на водахъ, я перебрался на осень въ Швейцарію. Я хотѣлъ скорѣе усѣсться на мѣстѣ и заняться дѣломъ; для этого поселился въ загородномъ домѣ близъ Женевы. Тамъ принялся перечитывать я Мольера, Шекспира и Вальтеръ-Скотта. Читалъ я до тѣхъ поръ, покамѣстъ сдѣлалось такъ холодно, что пропала вся охота къ чтенію. Женевскіе холода и вѣтры выгнали меня въ Веве. Никого не было въ Веве: одинъ только Блашне [3]) выходилъ ежедневно въ 3 часа къ пристани встрѣчать пароходъ. Сначала было мнѣ нѣсколько скучно, потомъ я привыкъ и сдѣлался совершенно вашимъ наслѣдникомъ: завладѣлъ мѣстами вашихъ прогулокъ, мѣрялъ разстояніе по назначеннымъ вами верстамъ, колотя палкою бѣгавшихъ по стѣнамъ ящерицъ, нацарапалъ даже свое имя русскими буквами въ Шильонскомъ подземельѣ, не посмѣлъ подписать его подъ двумя славными именами творца и переводчика «Шильон. Узник.»; впрочемъ, даже не было и [4]) мѣста. Подъ ними расписался какой-то Бурнашевъ. Внизу послѣдней колонны, которая въ тѣни, когда-нибудь русскій путешественникъ разберетъ мое птичье имя, если не сядетъ на него англичанинъ.

Недоставало только мнѣ завладѣть комнатой въ вашемъ домѣ, въ которомъ живетъ теперь Великая Кн. Анна Ѳедоровна.

---

[1]) Это письмо было впервые напечатано въ «Русскомъ Архивѣ», 1871, 4—5, стр. 953—957.

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «такого, что бы было».

[3]) Личность намъ неизвѣстная.

[4]) Слово «и» вписано сверху какого-то неразборчиваго слова.

Осень въ Веве наконецъ настала [1]) прекрасная, почти лѣто. У меня въ комнатѣ сдѣлалось тепло, и я принялся за «Мертвыхъ Душъ», которыхъ было началъ въ Петербургѣ [2]). Все начатое передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ и теперь веду его спокойно, какъ лѣтопись. Швейцарія сдѣлалась мнѣ съ тѣхъ поръ лучше; сѣро-лилово-голубо-сине-розовыя ея горы легче и воздушнѣе. Если совершу это твореніе такъ, какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ [3])! Это будетъ первая моя порядочная вещь,—вещь, которая вынесетъ мое имя. Каждое утро въ прибавленіе къ завтраку, вписывалъ я по три страницы въ мою поэму, и смѣху отъ этихъ страницъ было для меня достаточно, чтобы усладить мой одинокій день. Но наконецъ и въ Веве сдѣлалось холодно. Комната моя была нимало не тепла; лучшей я не могъ найти. Мнѣ тогда представился Петербургъ, наши теплые домы; мнѣ живѣе тогда представились вы, вы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ встрѣчали меня приходившаго къ вамъ и брали меня за руку, и были рады моему приходу... И мнѣ сдѣлалось страшно скучно. Меня не веселили мои «Мертвыя Души», я даже не имѣлъ въ запасѣ столько веселости, чтобы продолжать ихъ. Докторъ мой отыскалъ во мнѣ признаки ипохондріи, происходившей отъ геморроидъ, и совѣтовалъ мнѣ развлекать себя; увидѣвши же, что я не въ состояніи былъ этого сдѣлать, совѣтовалъ перемѣнить мѣсто. Мое намѣреніе до того было провести зиму въ Италіи, но въ Италіи бушевала холера страшнымъ образомъ [4]); карантины покрыли ее, какъ саранча. Я встрѣчалъ только бѣжавшихъ оттуда итальянцевъ, которые отъ страху въ маскахъ проѣзжали свою землю. Не надѣясь развлечься въ Италіи, я отправился въ Парижъ, куда вовсе

[1]) Слово «настала» приписано сверху строки.

[2]) Въ письмѣ къ Пушкину отъ 7 октября 1835 г. Гоголь сообщалъ: «началъ писать «Мертвыхъ Душъ». Такимъ образомъ начало этой поэмы слѣдуетъ отнести ко второй половинѣ 1835 года. Теперь, оправившись отъ вывезенныхъ изъ Петербурга впечатлѣній, Гоголь возвращается къ оставленному надолго труду (см. примѣч. редактора къ VII т. X изданія сочиненій Гоголя, стр. 486—502).

[3]) Здѣсь, очевидно, планъ Гоголя уже значительно расширился. (См. въ письмѣ къ Пушкину: «Мнѣ хочется въ этомъ моментѣ показать хоть *съ одного боку* всю Русь» («Русск. Архивъ», 1880, т. II, стр. 514 и выше, стр. 354).

[4]) Послѣ этого зачеркнута одна строка слишкомъ, которую нельзя разобрать.

не располагалъ было ѣхать. Здѣсь встрѣтилъ я своего двоюроднаго брата [1]), съ которымъ выѣхалъ изъ Петербурга. Это лучшій изъ выпущенныхъ вмѣстѣ со мною изъ Нѣжина. Жаль, что вы не знаете его стиховъ, которые подъ величайшимъ страхомъ показалъ онъ только одному мнѣ, и то не прежде, какъ затворивши всѣ двери, чтобы и французы не услышали.

Парижъ не такъ дуренъ, какъ я воображалъ, и, что всего лучше для меня, мѣсть для гулянья множество: одного сада Тюльери и Елисейскихъ полей достаточно на весь день ходьбы. Я нечувствительно дѣлаю препорядочный моціонъ, что для меня теперь необходимо. Богъ простеръ здѣсь надо мною Свое покровительство и сдѣлалъ чудо: указалъ мнѣ теплую квартиру, на солнцѣ, съ печкой, и я блаженствую [2]). Снова веселъ. «Мертвыя» текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве, и мнѣ совершенно кажется, какъ будто я въ Россіи: передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы,— словомъ, вся православная Русь. Мнѣ даже смѣшно, какъ подумаю, что я пишу «Мертвыхъ Душъ» въ Парижѣ. Еще одинъ Левіаѳанъ [3]) затѣвается. Священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, какъ подумаю о немъ; слышу коечто изъ него? Божественныя вкушу минуты... но... теперь я погруженъ весь въ «Мертвыя Души». Огромно велико мое твореніе, и не скоро конецъ его. Еще возстануть противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ; но чтожъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. *Тетьніе!* Кто-то незримый [4]) пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ. Знаю,

---

[1]) Такъ Гоголь здѣсь и во многихъ другихъ случаяхъ называетъ А. С. Данилевскаго,—просто по расположенію, какъ нѣкогда Александру Ѳедоровну Тимченко, хотя никакого кровнаго родства между ними не было.

[2]) А. С. Данилевскій мнѣ разсказывалъ: «Въ Парижѣ онъ не поѣхалъ въ гостиницу, а прямо ко мнѣ. Потомъ взялъ номеръ въ гостиницѣ, но тамъ мерзъ, потому что не было печей, а были камины. Мы хотѣли найти теплую квартиру и поселились на углу Place de la Bourse и Rue Vivienne; въ этомъ домѣ мы нашли наконецъ печь. Здѣсь Гоголь писалъ «Мертвыя Души». Я къ нему не заглядывалъ, потому что онъ былъ постоянно занятъ; только по вечерамъ мы часто собирались въ театрѣ» («Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 149—150).

[3]) Письмо это замѣчательно по обнаружившемуся въ немъ настроенію.

[4]) Слово «незримый» приписано сверху строки.

что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки тѣхъ же земляковъ моихъ, можетъ быть [1]), съ глазами влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни [2]). Пришлите мнѣ портретъ вашъ. Ради всего, что есть для васъ дорогого на свѣтѣ, не откажите мнѣ въ этомъ, но чтобы онъ былъ теперь снятъ съ васъ. Если у васъ нѣтъ его, не поскупитесь, посидите два часа на одномъ мѣстѣ если вы не исполните моей просьбы, то... но нѣтъ, я не хочу и думать объ отказѣ. Вы не захотите меня опечалить. Акварелью въ миніатюрѣ, чтобы онъ могъ не сворачиваясь уложиться въ письмо, и отдайте его для отправленія Плетневу. Я вамъ пришлю свой, который закажу я [3]) налитографировать только [4]) въ числѣ пяти экземпляровъ, чтобы никто, кромѣ моихъ ближайшихъ, не имѣлъ его. Напишите что-нибудь ко мнѣ, хоть только двѣ строчки, что вы здоровы и что получили мое письмо. Еслибъ вы знали, какую бодрость вдвинутъ въ меня ваши строки! Я думаю, что я пробуду въ Парижѣ всю зиму, тѣмъ болѣе что здѣсь жить для меня несравненно дешевле, нежели было доселѣ въ Германіи и Швейцаріи. А съ началомъ февраля отправлюсь въ Италію, если только холера прекратится, и «Души» потекутъ тоже за мной.

Адресъ мой: Place de la Bourse, № 12.

Не представится ли вамъ какихъ-нибудь казусовъ, могущихъ случиться при покупкѣ мертвыхъ душъ? Это была бы для меня славная вещь, потому, какъ бы то ни было, но ваше воображеніе, вѣрно, увидитъ такое, чего не увидитъ мое. Сообщите объ этомъ Пушкину; авось либо и онъ найдетъ что-нибудь съ своей стороны. Хотѣлось бы мнѣ страшно вычерпать этотъ сюжетъ со всѣхъ сторонъ. У меня много есть такихъ вещей, которыя бы мнѣ никакъ прежде не представились; но несмотря (на то) [5]), вы все еще можете мнѣ сказать много новаго, ибо что голова, то умъ. Никому не сказывайте, въ чемъ состоитъ сюжетъ «Мертвыхъ Душъ».

---

[1]) Слово «быть» вписано сверху строки.

[2]) Около этого времени Гоголь сталъ все чаще высказывать мысли о своемъ высокомъ предназначеніи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ говорить пренебрежительно о славѣ при жизни. (См. письмо къ Прокоповичу отъ 25 января 1837 года: «Одна только слава по смерти знакома душѣ неподдѣльнаго поэта»).

[3]) Слово «я» въ «Русск. Арх.» пропущено. Послѣ этого зачеркнуто слово, которое нельзя разобрать.

[4]) Слово «только» приписано сверху строки.

[5]) Этихъ словъ въ подлинномъ письмѣ нѣтъ.

Названіе можете объявить всѣмъ. Только три человѣка: вы, Пушкинъ да Плетневъ, должны знать [1]) настоящее дѣло. Прилагаемое письмо [2]) прошу васъ покорнѣйше вручить Плетневу немедленно; оно нужное.

Будьте всегда здоровы и веселы, и да хранитъ васъ Богъ отъ почечуевъ и отъ встрѣчъ съ тѣми физіогноміями, на которыя нужно плевать; и да бѣгутъ онѣ отъ васъ, какъ ночь бѣжитъ отъ дня.

Прощайте! до слѣдующаго письма.

XV. Къ матери.

Парижъ. (1836).

Письмо ваше я получилъ и не отвѣчалъ такъ долго потому, что ожидалъ отвѣта на прежнія мои письма. Прожектъ кой ѣхать въ Италію зимовать разрушенъ. Тамъ теперь холера свирѣпствуетъ страшнымъ образомъ, и потому я отправился въ Парижъ, гдѣ нашелъ по крайней мѣрѣ теплую комнату. Здѣсь встрѣтилъ я и Данилевскаго [3]). Я не знаю, что вамъ писать объ Парижѣ. Въ немъ столько много всего, что не знаешь, съ которой стороны приняться. Жить въ немъ можно какъ хотите, и дорого и дешево,— въ такой степени дешево, какъ нельзя даже въ Петербургѣ.

Въ вашемъ письмѣ вы заботитесь и безпокоитесь, что у меня не достанетъ денегъ. Неужели вы думаете, что я похожъ на нѣкоторыхъ нашихъ помѣщиковъ, которые думаютъ только о томъ, какъ бы теперь прожить, а о будущемъ и не помышляютъ, и говорятъ: «Авось Богъ милосердый поможетъ какъ-нибудь выпутаться»; между тѣмъ запутываются болѣе и болѣе въ долги. Я знаю очень хорошо пословицу: «*Береженаго и Богъ бережетъ*», и потому никогда не полагаюсь на чудеса и чрезвычайные случаи. Еще не выѣзжая изъ Петербурга, я уже такъ устроилъ дѣла, что въ какомъ городѣ бы я ни былъ, банкиръ, живущій въ немъ, по первому моему востребованію, выдастъ мнѣ сумму, какую я захочу. Кромѣ того, одно слово, написанное въ Петербургъ, который у меня подъ рукою, потому что письма доходятъ менѣе, нежели въ двѣ недѣли, одно слово уже достаточно, чтобы мнѣ выслали

[1]) Послѣ этого незачеркнуто неразборчивое слово.
[2]) Слово «письмо» приписано сверху строки.
[3]) См. примѣч. къ предыдущему письму (примѣч. 2-е къ стр. 415).

сумму, мною требуемую. Но еслибы я даже и ничего этого заблаговременно не устроилъ, то, явившись къ нашему посланнику въ какомъ бы то ни было мѣстѣ и государствѣ, я бы могъ всегда занять, сколько мнѣ хотѣлось. Итакъ вы видите, что обо мнѣ нечего вамъ безпокоиться. Какъ бы то ни было, но мои дѣла всегда лучше вашихъ [1]), и потому я совѣтую вамъ болѣе обратить вниманія на ваши дѣла. Я очень цѣню тѣ заботы, которыя имѣетъ обо мнѣ ваше родительское сердце. Но весьма будетъ неблагоразумно съ вашей стороны тревожить себя пустыми безпокойствами и неосновательными предположеніями. Вы должны всегда помнить, что я не вѣтреный мальчикъ и что, вѣрно, знаю, какъ вести свои дѣла. О ничтожной платѣ за письма тоже не безпокойтесь. Я очень увѣренъ, что мнѣ гораздо легче платить за нихъ, нежели вамъ. Притомъ я плачу несравненно меньше, нежели вы: ибо вы приплачиваетесь и за мое, и за ваше письмо вмѣстѣ.

Въ Парижѣ я проживу, можетъ быть, всю зиму, и потому буду имѣть много еще времени, чтобы о немъ написать къ вамъ. Вчера я былъ въ Луврской картинной галлереѣ, во второй уже разъ, и все насилу могъ выдти. Картины здѣсь собрались лучшія со всего свѣта. Былъ на прошлой недѣлѣ въ извѣстномъ саду (Jardin des plantes), гдѣ собраны всѣ рѣдкія растенія со всего свѣта, и все на вольномъ воздухѣ. Слоны, верблюды, страусы и обезьяны ходятъ тамъ, какъ у себя дома. Это первое заведеніе въ этомъ родѣ въ мірѣ. Кедры растутъ тамъ такіе толстые, какъ только въ сказкахъ говорится. Для всѣхъ звѣрей, птицъ особенный даже павильонъ и бесѣдки, и у каждаго изъ этихъ обитателей свой садикъ. Весь Парижъ наполненъ теперь музыкантами, пѣвцами, живописцами, артистами и художниками всѣхъ родовъ. Улицы всѣ освѣщены газомъ. Многія изъ нихъ сдѣланы галлереями, освѣщены сверху стеклами. Полы въ нихъ мраморные и такъ хороши, что можно танцовать. Но, покамѣстъ, довольно.

Прощайте до слѣдующаго письма. Я спѣшу скорѣе окончить, потому что мнѣ еще много нужно писать сегодня писемъ...

Да что сестра Марья ничего не пишетъ? Я получилъ отъ Аннетъ и Лизы не такъ давно письма.

---

[1]) Все это проникнуто какимъ-то тономъ обиды, хотя совершенно непонятенъ поводъ къ ней. Кажется, самолюбіе Гоголя было оскорблено нѣсколько, быть можетъ, не ловко и наивно выраженными матерью опасеніями за него.

Краткій обзоръ содержанія писемъ въ 1837 году.

Переписка Гоголя въ 1837 году была очень не велика. Въ началѣ этого года мы находимъ нѣсколько писемъ изъ Парижа (къ матери и обширное письмо къ Прокоповичу). Къ Пасхѣ Гоголю удается осуществить свое желаніе — пріѣхать въ Римъ, гдѣ онъ остается до лѣтнихъ мѣсяцевъ, предаваясь упоенію чудесами природы и искусства. Восторги вѣчнымъ городомъ помогаютъ ему перенести убійственную вѣсть о кончинѣ Пушкина. Лѣтніе мѣсяцы Гоголь проводитъ въ разъѣздахъ, и почти на полгода ускользаетъ отъ вниманія изслѣдователей и читателей писемъ (въ этотъ промежутокъ онъ былъ между прочимъ въ Испаніи). Осень онъ пріятно проводитъ съ Данилевскимъ въ Швейцаріи, а къ зимѣ возвращается въ Римъ.

XVI. Къ матери.

Парижъ. Январь $\frac{14}{2}$ 1837.

Поздравляю васъ, почтеннѣйшая маменька, съ новымъ годомъ, и да ниспошлетъ вамъ Богъ въ немъ всего, что есть для васъ утѣшительнаго. Я получилъ ваше письмо изъ Лозанны, писанное вами 18 октября.

Очень радъ, что вы здоровы и что сестра благополучно разрѣшилась сыномъ [1]). Жаль мнѣ, что у васъ опять небольшая благодать въ дѣлахъ хозяйственныхъ. Наша Малороссія, точно, несчастный край: неурожай—бѣда; урожай—тоже. Когда я вспомню, какъ васъ все это безпокоитъ, у меня здѣсь болитъ сердце. Дай Богъ, чтобы винокурня немного васъ поправила, хотя я сомнѣваюсь, чтобы она доставила вамъ большія выгоды, потому что покамѣстъ вы приметесь курить, водка непремѣнно должна упасть въ цѣнѣ. При такой дешевизнѣ хлѣба, невозможно, чтобы она и мѣсяцъ постояла въ одной цѣнѣ. Во всякомъ случаѣ,

[1]) Это былъ третій сынъ Маріи Васильевны, родившійся послѣ смерти отца, по имени Михаилъ, скончавшійся черезъ шесть недѣль послѣ рожденія. (Слышано отъ Ольги Васильевны Головни, рожденной Гоголь, сестры Н. В. Гоголя).

молю Бога, чтобы вы получили какую-нибудь прибыль, въ воздаянье вашихъ попеченій о насъ.

Я сижу еще въ Парижѣ и просижу до половины февраля, то есть, до начала весны, чтобы съ весною предпринять путь въ Италію, гдѣ уже въ это время будетъ совершенная весна, если не лѣто, что̀ для здоровья моего, надѣюсь, будетъ хорошо, потому что въ Парижѣ стоитъ не слишкомъ хорошее время — слякоть и сырость. Здѣсь зимы совсѣмъ нѣтъ. Одинъ или два раза было по градусу морозу. Здѣшніе жители въ лѣтнихъ сюртукахъ ходятъ всю зиму...

XVII. Къ Н. Я. Прокоповичу.

Парижъ. 25 января 1837 [1]).

Я давно не писалъ къ тебѣ. Я хотѣлъ получить прежде твое письмо, о которомъ я зналъ, что оно лежитъ въ Лозаннѣ, и которое пришло ко мнѣ довольно поздно.

Прежде всего нужно тебя поздравить съ новымъ годомъ. Желаю [2]) одного—чтобы онъ былъ плодороднѣе для тебя прочихъ, чтобы ты, наконецъ, принялся за дѣло. Тебѣ нужно испытать горькое и пріятное нашего ремесла. Жизнь твоя не полна: ты теперь [3]) долженъ иногда чувствовать пустоту ея. Пора, братъ, пора! Вотъ тебѣ и желаніе мое и упрекъ вмѣстѣ. Изъ письма Данилевскаго ты, я думаю, уже узналъ о моемъ пребываніи здѣсь. Я попалъ въ Парижъ почти нечаянно. Въ Италіи [4]) холера, въ Швейцаріи холодно. На меня напала хандра, да притомъ и докторъ требовалъ для моей болѣзни перемѣны мѣста. Я получилъ письмо отъ Данилевскаго, что онъ скучаетъ въ Парижѣ, и рѣшился ѣхать раздѣлять его скуку. Парижъ городъ хорошъ [5]) для того, кто именно ѣдетъ для Парижа, чтобы [6]) погрузиться во всю его жизнь. Но для такихъ

---

[1]) Это письмо было впервые напечатано въ «Русскомъ Словѣ» (1859, I, стр. 91—99) и въ брошюрѣ г. Пѣтухова: «Письма къ Прокоповичу». стр. 7—14. Отрывки были напечатаны въ «Современникѣ», 1858, II, стр. 278—280 и «Стихотворенія Прокоповича», стр. 28—31.

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «тебѣ».

[3]) Это слово вписано сверху.

[4]) Послѣ этого зачеркнуто нѣсколько начатыхъ словъ.

[5]) Въ «Русскомъ Словѣ»: «хорош(ій)».

[6]) Это слово вписано сверху.

людей, какъ мы съ тобою,—не думаю, развѣ нужно скинуть съ каждаго изъ насъ по 8 лѣтъ. Къ удобствамъ здѣшнимъ [1]) приглядишься, тѣмъ болѣе, что ихъ болѣе, нежели сколько нужно; люди легки, а природы, въ которой всегда находишь ресурсъ и утѣшеніе, когда все пріѣстся,—нѣтъ: итакъ, нѣтъ того, что бы могло привязать къ нему мою жизнь. Жизнь политическая, жизнь вовсе противоположная смиренной художнической [2]), не можетъ понравиться такимъ счастливцамъ праздным, какъ мы съ тобою. Здѣсь все политика, въ каждомъ переулкѣ и переулочкѣ библіотека съ журналами. Остановишься на улицѣ чистить сапоги, тебѣ суютъ въ руки журналъ; въ н..... [3]) даютъ журналъ. Объ дѣлахъ Испаніи больше всякій хлопочетъ, нежели о своихъ собственныхъ. Только въ одну жизнь театральную я иногда вступаю: итальянская опера здѣсь чудная! Гризи, Тамбурини, Рубини, Лаблашъ—это такая четверня, что даже странно, что они собрались вмѣстѣ. На свѣтѣ большею частію бываетъ такъ, что одна вещь находится въ одномъ углу [4]), а другая, которой бы слѣдовало быть возлѣ нея, въ другомъ. Не приведи Богъ принести сюда Пащенка. Бѣда была бы нашимъ ушамъ. Онъ бы напѣвалъ, я думаю, ежедневно и ежеминутно. Я былъ не такъ давно въ Théâtre Français, гдѣ торжествовали день рожденія Мольера. Давали его піесы «Тартюфъ» и «Мнимый Больной». Обѣ были очень хорошо играны, но крайней мѣрѣ въ сравненіи съ тѣмъ, какъ играются [5]) они у насъ. Каждый годъ Théâtre Français торжествуетъ день рожденія Мольера. Въ этомъ было что-то трогательное. По окончаніи піесы поднялся [6]) занавѣсъ: явился бюстъ Мольера. Всѣ актеры этого театра [7]) попарно подъ музыку подходили вѣнчать бюстъ. Куча вѣнковъ [8]) вознеслась на головѣ его. Меня обняло какое-то [9]) странное чувство. Слы-

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «и къ особенностямъ приглядишься, да притомъ ихъ болѣе»...

[2]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: »кото(рая)».

[3]) Неудобное для печати слово; потомъ зачеркнуто: «тебѣ».

[4]) Слова «въ одномъ углу» приписаны сверху строки.

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «у».

[6]) Въ Русскомъ Словѣ» и у г. Пѣтухова: «подняли»; въ подлинникѣ мы читаемъ: «поднялся».

[7]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «подъ му(зыку)».

[8]) Это слово вписано сверху строки.

[9]) Тоже.

шитъ ли онъ, и гдѣ онъ слышитъ это [1])? Видѣлъ въ трехъ [2]) піесахъ M-elle Mars. Ей 60 лѣтъ. Въ одной піесѣ играла она 18-лѣтнюю дѣвицу. Немножко смѣшно было сначала, но потомъ въ другихъ дѣйствіяхъ, когда дѣвица становится замужней женщиною [3]), ей прощаешь лишніе годы. Голосъ ея до сихъ поръ гармоническій и, зажмурившись глаза, можно вообразить живо предъ собою 18-лѣтнюю [4]). Все просто, живо; очищенная натура въ мѣстахъ патетическихъ; слова исходятъ [5]) прямо изъ глубоко-тронутой души; ничего дикаго, ни одной фальшивой или искусственной ноты. На русскомъ нашемъ театрѣ далеко недостаетъ до Mars [6]). Актеровъ много, очень много хорошихъ. На каждомъ театрѣ есть два или три своихъ корифея. Видѣлъ наслѣдника Тальмы—*Ligier*. Средняго росту, пожилыхъ лѣтъ человѣкъ, бѣгаетъ по сценѣ довольно свободно, какъ дома, не складываетъ рукъ крестомъ и не глядитъ изъ-за плеча. Піесъ, гдѣ герой является идеаломъ физической силы [7]), онъ, какъ кажется, избѣгаетъ. Я его не видѣлъ [8]), по крайней мѣрѣ, никогда ни въ старыхъ трагедіяхъ, ни въ новыхъ драмахъ, гдѣ герои сильно страдаютъ и много бѣснуются. Игралъ онъ Людовика XI въ піесѣ Делавиня и, кажется, врядъ ли Делавиню такъ написать, какъ Ligier игралъ. Онъ былъ даже смѣшенъ—до такой степени хорошъ. Король, распоряжающійся очень коварно и плутовски и между тѣмъ дающій всему этому видъ необходимости, имъ же самимъ наложенной, былъ очень занимателенъ [9]) для зрителя [10]). Въ піесахъ Мольера старики, дяди, опекуны и отцы играются очень хорошо, плуты-слуги тоже прекрасно [11]). Еслибы собрать, съ каждаго изъ [12]) здѣш-

[1]) Ср. въ «Театральномъ Разъѣздѣ»: «А вонъ стонутъ балконы и перила театровъ... Слышатъ ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости?» (Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 515).

[2]) Переправлено изъ: «двухъ».

[3]) Въ «Русскомъ Словѣ» и у г. Пѣтухова: «женщиной»; послѣ этого зачеркнуто: «она».

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «дѣвицу».

[5]) Прежде было: «вы(ходятъ)».

[6]) Послѣ этого зачеркнуто неразборчивое слово.

[7]) Въ «Русскомъ Словѣ» невѣрно: «физическихъ силъ»; у г. Пѣтухова вѣрно: «физической силы».

[8]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «никог(да)».

[9]) Переправлено изъ другого слова.

[10]) Послѣ этого зачеркнуто начало слова: «Б...».

[11]) Послѣ этого зачеркнуто: «о» (?).

[12]) Слова: «съ каждаго изъ» вписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «со всѣхъ».

нихъ театровъ, но три первыхъ персонажа, то можно бы такимъ образомъ обставить піесу, какъ только можетъ себѣ составить идею [1]) одинъ комикъ или трагикъ. Театры всѣ устроены прекрасно [2]). Они не имѣютъ великолѣпныхъ наружныхъ фасадовъ, но внутри все какъ слѣдуетъ. Отъ перваго до послѣдняго слова слышно и видно [3]) всѣмъ. Балеты становятся съ такою роскошью [4]), какъ въ сказкахъ; особливо костюмы необыкновенно хороши, съ страшною историческою точностію. Сколько прежде французы глядѣли [5]) мало [6]) на духъ вѣка, столько теперь приглядываются на мелочи; само собою, что при этомъ ускользаетъ много крупнаго. Золота, атласу и бархату на сценѣ много. Какъ у насъ одѣваются на сценѣ первыя танцовщицы, такъ здѣсь всѣ до одной фигурантки. Далеко—Гедеонову [7]) до Петрова дня, хотя ему и значительно помогаетъ въ украшеніи декорацій Оедоръ Андреевичъ. Тальони—воздухъ! Воздушнѣе еще ничего не бывало на сценѣ. Впрочемъ, здѣсь около десяти есть такихъ танцовщицъ, или солистокъ, передъ которыми Пейсаръ — Пащенко. Скажи Жюлю, какъ, право, ему не совѣстно жить съ мамзель Жоржъ. Вѣдь ей 67 лѣтъ. Да притомъ видно, что она только красотой своей брала. Игра ея очень монотонна и часто напыщенна. Впрочемъ, говорятъ, что ее нужно видѣть только [8]) въ старыхъ трагедіяхъ, которыхъ, однакожъ, не играютъ вовсе на томъ театрѣ, гдѣ она теперь находится. Играетъ она въ театрѣ Potre St. Martin, гдѣ играются только однѣ новыя драмы и мелодрамы, и гдѣ зрители шумятъ больше, нежели на всѣхъ другихъ театрахъ. Всякій почти разъ въ партерѣ происходитъ какая-нибудь комедія или даже и водевиль, если у зрителей хорошъ голосъ. Тогда актеры дѣлаются зрителями: сначала слушаютъ, а потомъ уходятъ со сцены, занавѣсъ опускается, музыка начинаетъ играть и піесу начинаютъ снова. Народъ очень любитъ драмы и особенно партія рес-

---

[1]) Это слово вписано сверху строки.
[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «они не велики».
[3]) Это слово вписано сверху зачеркнутаго: «всѣмъ».
[4]) Не дописано.
[5]) Послѣ слова: «глядѣли» снова написано сверху: «прежде», вмѣсто зачеркнутыхъ: «въ этомъ отноше(ніи)»; рядомъ съ словомъ «прежде» зачеркнуто: «и это».
[6]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «то(лько)».
[7]) Гедеоновъ—директоръ театра.
[8]) Это слово пропущено въ «Русскомъ Словѣ» и у г. Пѣтухова.

публиканская. Это народъ сумрачный, аплодируетъ рѣдко. Прочіе ходятъ въ водевиль [1]), среднее сословіе [2]), въ театръ Variété, или въ театръ Палерояля [3]) (лучшіе водевильные театры). *Знать*, какъ бываетъ всегда, корчитъ меломановъ и ходитъ въ итальянскую или въ Большую оперу (на французскомъ діалектѣ), гдѣ конопатятъ до сихъ поръ еще «Гугенотовъ» и «Роберта», ударяя въ мѣдные горшки и тазы сколько есть духу; или иногда въ [4]) Opéra Comique (французскую оперу).

Но Богъ съ ними,со всѣми этими операми, водевилями [5]) и комедіями! Поговоримъ теперь о тебѣ. Что ты подѣлываешь теперь? Тамъ же ли ты, гдѣ и прежде, на той ли самой [6]) квартирѣ? Такъ же ли похаживаешь по комнатѣ съ трубочкою, въ томъ ли самомъ халатѣ, нѣсколько поизношенномъ, какъ бываетъ у всѣхъ порядочныхъ людей? Ты ничего мнѣ не написалъ [7]) объ этомъ. Можетъ быть, ты квартиру свою перемѣнилъ, и письмо мое долго будетъ таскаться изъ дома въ домъ, а, можетъ быть, не попадется даже въ руки къ тебѣ... Это [8]), признаюсь, было бы мнѣ страшно непріятно. Я все имѣю надежду [9]) на скорый твой отвѣтъ, который для меня теперь [10]) почти такое же заключаетъ въ себѣ наслажденіе, какъ чтеніе прекрасной поэмы. Душенька, пиши ко мнѣ! Ты долженъ это дѣлать чаще моего потому, что твое письмо доставляетъ мнѣ теперь больше удовольствія, нежели мое [11]) тебѣ.

Тощи ваши петербургскія литературныя новости [12]). Да скажи, пожалуйста, съ какой стати пишете вы всѣ про «Ревизора»? Въ твоемъ письмѣ и въ письмѣ Пащенка, которое вчера получилъ Данилевскій, говорится, что «Ревизора» играютъ каждую недѣлю, театръ полонъ и проч... и

---

[1]) Въ «Русскомъ Словѣ» невѣрно прочитано: «въ особенности»; у г. Пѣтухова правильно: «водевиль».

[2]) Слова: «водевиль» и «среднее сословіе» вписаны сверху строки.

[3]) Послѣ этого зачеркнуто слово: «это».

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: »опера».

[5]) Это слово у г. Пѣтухова пропущено; въ «Русскомъ Словѣ» есть.

[6]) Это слово вписано сверху строки.

[7]) Въ «Русскомъ Словѣ» ошибка: «пишешь»; у г. Пѣтухова правильно: «написалъ».

[8]) Прежде было: «это(го)».

[9]) Послѣ этого зачеркнуто: «что».

[10]) Это слово вписано сверху строки.

[11]) Послѣ этого зачеркнуто: «къ».

[12]) Прежде было: «новости литературныя».

чтобы это было доведено до моего свѣдѣнія. Что это за комедія? Я, право, никакъ не понимаю этой загадки. Во-первыхъ, я на «Ревизора» — плевать, а во-вторыхъ — къ чему это? Еслибы это была правда, то хуже на Руси мнѣ никто бы не могъ нагадить. Но, слава Богу, это ложь: я вижу черезъ каждые три дни русскія газеты. Не хотите ли [1]) вы изъ этого сдѣлать что-то въ родѣ побрякушки и тѣшить меня ею, какъ ребенка? И ты!... Стыдно тебѣ!— ты предполагалъ во мнѣ столько мелочнаго честолюбія! Если и было во мнѣ что-нибудь такое, что могло показаться легко меня знавшему тщеславіемъ, то его уже нѣтъ. Пространства, которыя раздѣляютъ меня съ тобою, поглотили *все* то [2]), за что поэтъ слышитъ упреки во глубинѣ души своей. Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараньяхъ. Они [3]) въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ. Забвенья, долгаго забвенья проситъ душа. И еслибы появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры «Ревизора», а съ ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, и обо мнѣ, въ теченіе долгаго времени, ни [4]) печатно, ни изустно не произносилъ [5]) никто ни слова—я бы благодарилъ судьбу. Одна только слава по смерти (для которой, увы! не сдѣлалъ я, до сихъ поръ, ничего) знакома душѣ [6]) неподдѣльнаго поэта. А современная слава не стоитъ копѣйки. Но ты долженъ узнать её. Ты долженъ начать съ нея непремѣнно [7]), вкусить и горькіе и сладкіе плоды, покамѣстъ безотчетныя лирическія чувства объемлютъ душу, и не потребовалъ тебя на судъ твой внутренній грозный судья. Моимъ голосомъ, который теперь долженъ имѣть надъ тобой [8]) двойную силу и власть, я заклинаю тебя [9]) стряхнуть лѣнь. Не принимайся за большое дѣло: примись сначала за малое; пиши повѣсти, все, что угодно, но только пиши непремѣнно, рядись на всѣ журналы, помѣшай и бери деньги. У тебя есть языкъ, но еще не разболтался.

---

[1]) Это слово «ли» вписано сверху строки.
[2]) Тоже («все то»).
[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «какъ» и какое-то еще неразборчивое слово: «какъ летучія (мыши) ??».
[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «одинъ».
[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «и вовсе».
[6]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «истин(наго)».
[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «съ нея».
[8]) Переправлено изъ: «для тебя».
[9]) Послѣ этого зачеркнуто «приняться за дѣл(о)».

Годъ или два употребн непремѣнно, чтобы расписаться, и тогда... нечего говорить: ты самъ узнаешь и постигнешь тогда [1]) свое назначеніе и рѣшишь—за что и какъ нужно взяться. Кстати о литературныхъ новостяхъ. Они, однакожъ, не тощи. Гдѣ выберется у насъ полугодіе, въ теченіе котораго явились бы разомъ двѣ такія вещи, каковы «Полководецъ» и «Капитанская Дочь». Видана ли была гдѣ-нибудь такая прелесть! Я радъ, что «Капитанская Дочь» произвела всеобщій эффектъ. Даже Иванъ Григорьевичъ [2]) пишетъ, что чудная вещь. Когда эта музыкальная душа признала ея достоинство, то что же, я думаю, говорятъ прочіе. Что ты ничего не пишешь обстоятельнѣй о тѣхъ литературныхъ новостяхъ, которыя хоть [3]) и не такъ сильно выглядываютъ, но дороги намъ потому, что творцы [4]) ихъ или кумовья, или другіе близкіе намъ родственники, напримѣръ: Кукольникъ [5]), Базили [6]). Ты очень легко упомянулъ о «Художественной Газетѣ». Можно бы даже привести отрывочекъ. Это было бы пріятно. Также о «Босфорѣ»... Нѣтъ ли тамъ еще какого-нибудь реверанса? Не дурно также бы [7]) упомянуть нѣсколько и объ ихъ частной жизни, о новыхъ подвигахъ ихъ на [8]) пользу отечества, а также и на собственную пользу, которая, безъ сомнѣнія, ни въ какомъ случаѣ не забывается. Въ какомъ салонѣ виденъ теперь Базили, и какую имѣетъ моральную физіономію? А другой Базили — съ кистью, вмѣсто пера, художникъ Мокрицкій? [9]) Это тоже лицо не бездѣльное. Обо всемъ этомъ непремѣнно нужно говорить; все это родственники, которые будутъ интересовать насъ въ про-

[1]) Это слово вписано сверху.

[2]) Панаенко.

[3]) Въ «Русск. Словѣ» и у г. Пѣтухова: «хотя».

[4]) Это слово вписано сверху вмѣсто слова: «издатели».

[5]) Несторъ Васильевичъ Кукольникъ—извѣстный писатель. Товарищъ Гоголя по Лицею; см. выше, стр. 66, примѣч. 6-е.

[6]) Константинъ Михайловичъ Базили, авторъ «Очерковъ Константинополя», «Архипелага и Греціи», «Босфора» и другихъ сочиненій, пріобрѣтшихъ заслуженную извѣстность; также школьный товарищъ Гоголя, позднѣе полномочный императорскій комиссаръ въ княжествахъ Валахіи и Молдавіи. См. выше, стр. 63, примѣч. 4-е.

[7]) Это слово вписано сверху, вмѣсто другого зачеркнутаго слова.

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «общественную».

[9]) Аполлонъ Николаевичъ Мокрицкій, также школьный товарищъ Гоголя, потомъ академикъ Императорской Академіи Художествъ и преподаватель въ Училищѣ Живописи и Ваянія Московскаго Художественнаго Общества. См. выше, стр. 159, примѣч. 1-е. («Лицей», CXXXIII).

долженіе всей нашей жизни. Второстепенныя лица въ этомъ романѣ также необходимы, и потому, отъ времени до времени, непремѣнно нужно будетъ говорить [1]) о философѣ Данченкѣ [2]) и объ меньшихъ братцахъ. Само-собою, что сюда должны войти и кумовья [3]), какъ-то: Жюль, Комаровы и всѣ, которыхъ мы близко и коротко знаемъ. Всѣмъ имъ поклонъ мой. Жюля особенно попроси, чтобы написалъ ко мнѣ. Ему есть о чемъ писать. Вѣрно, въ канцеляріи случился какой-нибудь анекдотъ. Если дѣйствующія лица выше надворныхъ совѣтниковъ, то, пожалуй, онъ можетъ поставить вымышленныя названія, или господинъ N.N. Скажи ему, что если онъ меня сколько-нибудь любитъ, пусть непремѣнно напишетъ тоже повѣсть, напечатаетъ и пришлетъ мнѣ. Я читалъ одну [4]) изъ старыхъ его повѣстей, которая длинна и растянута, но въ ней много есть такого, что говоритъ, что вторая будетъ лучше, а третья еще лучше.

Извѣсти меня, что это такое «Литературныя Прибавленія», которыя издаетъ Краевскій и о которыхъ пишетъ Пащенко? и отчего мое бѣдное имя туда заѣхало? или ему суждено [5]) валяться, какъ векселю несостоявшагося банкрота, отъ котораго хотя не ждутъ никакой пользы, но не раздираютъ его потому только, что [6]) когда-то онъ стоилъ денегъ. Впрочемъ мнѣ это непріятно; и только въ нашемъ литературномъ мірѣ могутъ случаться такія самоуправства. Я не желалъ бы [7]), очень не желалъ, чтобы мое имя упоминалось въ печати [8]).

Прощай, душа моя! Не забывай же, пиши ко мнѣ. Ты еще можешь одинъ разъ писать ко мнѣ въ Парижъ потому, что я не раньше, какъ черезъ мѣсяцъ, ѣду въ Италію.

Мой усердный поклонъ Марьѣ Никифоровнѣ. Здоровъ ли сынъ твой Николай—мой имѣвшійся быть крестникъ? о чемъ я безпрестанно сожалѣю [9])? И что такое онъ те-

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «о нихъ».

[2]) См. выше, стр. 402, примѣч. 1-ое.

[3]) Называя «родственниками» своихъ петербургскихъ пѣвчихъ, Гоголь другихъ членовъ того же кружка именуетъ «кумовьями».

[4]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: («пов(ѣсть)».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «быть».

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «знаютъ».

[7]) Слово «бы» вписано сверху строки.

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «чтобы».

[9]) Т. е. о томъ, что, выѣхавъ за границу, не могъ осуществить своего намѣренія крестить ожидавшагося ребенка.

перь болтаетъ? И есть ли какое преумноженіе въ семействѣ [1]); а если есть, то что̀ такое Богъ послалъ, сына или дочь? и какъ идутъ дѣла корпусныя твои? что дѣлаетъ Кушакевичъ, Стефинъ и прочіе? и гдѣ ты теперь разглагольствуешь? Все то̀, что̀ кажется тебѣ не занимательно, все то̀ занимательно для меня, особливо если оно касается тебя. Да что̀ дѣлаетъ Лукашевичъ [2])? Уѣхалъ ли онъ за границу, или нѣтъ? и если не [3]) уѣхалъ, то почему? и что̀ дѣлаетъ онъ теперь? Пожалуйста, передай ему мой поклонъ и скажи ему, что я надѣюсь съ нимъ увидѣться. Получили (ли) [4]) вы куплеты: «*Да здравствуетъ нѣжинская бурса*»! [5]), которые Данилевскій послалъ въ письмѣ

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «то».

[2]) Платонъ Якимовичъ, школьный товарищъ Гоголя; см. выше, стр. 56, примѣч. 1-е.

[3]) Слово «не» вписано сверху строки.

[4]) Это слово пропущено.

[5]) Стихотвореніе это найдено въ бумагахъ покойнаго Прокоповича, подъ нижеслѣдующимъ заглавіемъ:

Неоконченные стихи Гоголя и Данилевскаго, присланные изъ Парижа.

«Да здравствуетъ нѣжинская бурса!
Севрюгинъ a), Билевичъ b) и Урсо c),
Студенты перваго курса,
И прочіе курсы всѣ также!
Безъ нихъ обойтиться какъ же?
Не всѣ они теперь въ Петербургѣ:
Въ каретѣ въ Стамбулъ уѣхалъ одинъ d), другой въ Оренбургѣ;
А тѣ же e), что̀ прочихъ здоровьемъ пожиже.
Все лѣто водами лѣчились, а зиму проводятъ въ Парижѣ;
Женились одни—и въ сладкомъ дремлютъ покоѣ;
Учители въ корпусѣ двое f);
Извѣстный лгунишка бумаги въ юстиціи пишетъ g),—
Чортъ его колышетъ!
Артистовъ, поэтовъ межъ нихъ есть довольно,
Читаешь—сердцу становится больно.
А тѣ, что̀ въ гусарахъ—не храбраго люди десятку—
Коней объѣзжаютъ въ манежѣ, гнутъ короля и десятку....» h)

a) Учитель музыки и танцованія въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко; см. выше, стр. 16, примѣч. 1-е.

b) Старшій профессоръ политическихъ наукъ того же заведенія; см. выше, стр. 65, примѣч. 5-е.

c) Учитель фехтованія (тамъ же); см. выше, стр. 57, примѣч. 1-е.

d) К. М. Базили; см. выше, стр. 63, примѣч. 4-е.

e) Сами сочинители.

f) Ник. Як. Прокоповичъ и братъ его Василій Яковлевичъ, умершій въ 1840 г. (см. «Лицей», стр. CXXXV).

къ Пащенку. Увѣдоми, часто ли ты видаешься съ Плетневымъ и кто теперь у него бываетъ? о чемъ говорятъ? Кланяйся ему и скажи [1]), что деньги получены мною съ невѣроятною исправностью.

Адресъ мой: Place de la bourse, 12. Пиши фамилію мою правильнѣе, иначе [2]) происходятъ на почтѣ недоразумѣнія. Пиши просто, какъ произносится: Gogol.

XVIII. Къ матери.

Парижъ. Февраль 15, 1837. [3])

Я получилъ ваше письмо, почтеннѣйшая маменька. Оно шло довольно долго: болѣе мѣсяца. Это происходитъ оттого, что почты зимою не такъ удобны, какъ лѣтомъ. Здѣсь зима не то, что у насъ. У насъ она облегчаетъ путь, а здѣсь, напротивъ, затрудняетъ, потому что здѣсь она не что иное, какъ мокрая осень. Мнѣ теперь даже странно было услы-

---

g) Рѣчь идетъ о И. Г. Пащенко, въ честь котораго и написано приводимое здѣсь стихотвореніе.

h) Эти шуточные стихи, нарочно написанные безъ мѣры, я провѣрилъ по письму А. С. Данилевскаго къ покойному Прокоповичу и Пащенко (отъ 5-го декабря 1836 года, изъ Парижа), и потому за вѣрность ихъ ручаюсь. Кстати помѣщаю здѣсь отрывокъ изъ этого письма, касающійся сочиненія помянутыхъ стиховъ. Вотъ онъ: «Вчера, едва мы, я и Гоголь, сѣли за чай-«ный столикъ, какъ явился нашъ portier (человѣкъ весьма ин-«тересный: отставной воинъ и карлистъ) и положилъ письмо «на столъ, съ надписью на мое имя. Окончивъ чай, и заку-«ривъ сигару, я расположился въ креслахъ; Гоголь сталъ по-«зади меня. Распечатавъ письмо, я вытащилъ во-первыхъ твои «каракули, а потомъ листокъ съ краснымъ почеркомъ Ивана «Григорьевича (Пащенко). Да, мой милый Николай, ты нехотя, «предаваясь воспоминаніямъ, написалъ нѣчто въ родѣ элегіи, «глубокой, траурной элегіи въ прозѣ, нѣчто, имѣющее для меня «образъ осенняго, желтаго листа, изъ котораго, будь я поэтъ, «выкроилъ бы двадцать этегій по формѣ. Ты, Иванъ Григорье-«вичъ, написалъ не элегію — скорѣе что-то въ родѣ куплетовъ; «по крайней мѣрѣ письмо твое навело насъ на куплеты еще «весьма неоконченные, плохіе покамѣстъ, но обѣщающіе много. «Вотъ ихъ начало: (слѣдуютъ стихи). Можетъ-быть, вы продол-«жали бы куплеты еще и далѣе, но сегодня пріѣхалъ Симанов-«скій (ихъ товарищъ по Лицею), и вдохновеніе, какъ робкая «птица, улетѣло».

Прим. П. Гербеля.

[1]) Слѣдующее предложеніе написано съ боку страницы.

[2]) Прежде было: «отъ этого».

[3]) Это письмо было перепечатано, съ возстановленіемъ пропусковъ, въ «Вѣстникѣ Европы». (1896, VI, стр. 743—745).

шать о морозахъ, и особенно узнать изъ письма вашего, что они были до такой степени сильны, что [1]) много было замерзшихъ. Во все это время здѣсь всѣ ходили въ однихъ сюртукахъ, и солнце очень часто было совершенно весеннее [2]).

Я болѣе полуторы недѣли не думаю оставаться въ Парижѣ. Болѣзнь въ Италіи давно прекратилась, и время становится благопріятнымъ для путешествія. Я въ Парижѣ все обсмотрѣлъ уже, что̀ есть замѣчательнаго. Успѣлъ побывать и въ Версалѣ (въ 25 верстахъ отъ Парижа), этомъ великолѣпномъ [3]) обиталищѣ французскихъ королей, составляющемъ большой городъ (около 50 тысячъ душъ [4]). Дворецъ, [5]) сады, парки, безъ всякаго сравненія великолѣпнѣе нашего Царскаго Села и построены [6]) съ большимъ вкусомъ.

Теперь въ Парижѣ самое шумное время—карнавалъ: [7]) балы за балами, спектакли великолѣпные [8]). Въ послѣдній день карнавала было такое множество народа, какого я никогда еще не видывалъ. Всѣ бульвары, проходящіе съ одного конца до другого весь Парижъ, были завалены народомъ; цѣлые экипажи [9]) наполнены были масками. Маски разныхъ націй и костюмовъ перебѣгали безпрестанно по улицамъ. Впрочемъ, и до сихъ поръ, хотя вчера уже начался постъ, ни балы, ни маскарады не прекратились. Мнѣ хочется свѣтлый праздникъ встрѣтить въ Римѣ и быть въ церкви Святого Петра, гдѣ долженъ служить самъ папа, и потому вы можете теперь адресовать ко мнѣ письма въ Римъ, post restante. (Если я вамъ пишу обстоятельно, означая даже нумеръ дома, въ которомъ живу, тогда уже не нужно ставить post restante [10]); ибо сестра должна знать, что это значитъ *остающаяся почта*, т. е. чтобы письмо оставалось на почтѣ до того времени, пока-

---

[1]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «нѣск(олько)».

[2]) Такъ у Кулиша; въ «Вѣстникѣ Европы» совершенно иначе: «а чаще, очень часто было время совершенно весеннее».

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «жилищѣ».

[4]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «въ нѣсколь(кихъ)».

[5]) У Кулиша здѣсь явная ошибка: «дворъ»; въ «Вѣстн. Евр.»: «дворецъ».

[6]) Это слово у Кулиша пропущено.

[7]) Такъ у Кулиша. Въ «Вѣсти. Европы»: «Теперь въ Парижѣ самое шумное время карнавала».

[8]) Въ «Вѣсти. Евр.»: «спектакли великолѣпны»; у Кулиша: «великолѣпные».

[9]) Послѣ этого зачеркнуты слова: «какъ въ маскахъ и»...

[10]) Послѣ этого зачеркнуто: «потому».

мѣстъ я не приду его взять самъ. Если же на письмѣ означенъ адресъ дома, тогда его принесутъ ко мнѣ). Въ Римѣ я не знаю, гдѣ остановлюсь, и потому пишу: poste restante. Итакъ, прощайте до Рима. Желая вамъ всякаго [1]) добра, радости, здоровья и всего, что̀ ни есть для всѣхъ драгоцѣннаго, остаюсь всегда почтительнымъ, любящимъ васъ сыномъ *Н.*

Обнимаю нѣсколько разъ сестрицу и моего племянника и крестника. Объ Оленькѣ, которую тоже заочно цѣлую, я совершенно не имѣю никакихъ вѣстей изъ Петербурга, и не знаю, будетъ ли она принята или нѣтъ [2]).

Не премините увѣдомить о всемъ, что̀ ни происходитъ въ нашихъ мѣстахъ съ нашими знакомыми, и проч. и проч.

Давно ли получали письма отъ сестеръ изъ Петербурга?

XIX. Записка Богдану Залѣсскому. [3])

Дуже-дуже було жалко, що не заставъ пана земляка дома. Чувавъ, що на пана щось напало—не то *соящныця*, не то *завійныця* (хай ій прыснытся лысый дидько), та теперъ, спасибо Богови, кажутъ начей-то панъ зовсимъ здоровъ. Дай же Боже, щобъ надовго, на славу усій козацкій земли дававъ бы чернецького хлиба усякій болизни и злыднямъ. Та й насъ бы не забувавъ, пысульки въ Рымъ славъ. Добре бъ було, колы бъ и самъ туды колы-небудь прымандрувавъ. Дуже, дуже блызькый землякъ, а по серцю ще блыжчый, чимъ по земли.

Мыкола Гоголь.

---

[1]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «здоров(ья)».

[2]) Вся эта точка у Кулиша пропущена. Гоголь здѣсь спрашиваетъ о томъ, была ли принята его сестра, Ольга Васильевна, въ Патріотическій Институтъ.

[3]) Эта записка впервые была напечатана въ «Кіевской Старинѣ» 1899, X, стр. 284). Богданъ Залѣсскій —извѣстный польскій писатель. Съ нимъ и съ Мицкевичемъ Гоголь сблизился въ послѣднее время пребыванія въ Парижѣ въ 1836 году. Данилевскій мнѣ разсказывалъ, что такъ какъ Гоголь не могъ объясняться по-польски, то разговоръ шелъ обыкновенно на русскомъ гораздо чаще на малороссійскомъ языкѣ. (См. «Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 166).

XX. Къ П. А. Плетневу.

16 марта. 1837. Римъ.

Что̀ мѣсяцъ, что̀ недѣля, то новая утрата; но никакой вѣсти хуже [1]) нельзя было получить изъ Россіи. Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я [2]) не воображалъ его предъ [3]) собою. Что̀ скажетъ онъ, что̀ замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что̀ меня только занимало и одушевляло [4]) мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу... Боже! нынѣшній трудъ мой, [5]) внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался я [6]) за перо—и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!.. Напишите [7]) мнѣ хоть строчку, что̀ дѣлаете вы, или скажите объ этомъ два слова Прокоповичу: онъ будетъ писать ко мнѣ.

Я былъ очень боленъ, теперь начинаю немного оправляться. Пришлите мнѣ деньги, которыя долженъ [8]) внести мнѣ Смирдинъ къ первымъ числамъ апрѣля. Вручите ихъ такимъ же порядкомъ Штиглицу [9]), дабы онъ отправилъ ихъ къ одному изъ банкировъ въ Римѣ для передачи мнѣ. Лучше, если онъ переведетъ на Валентина [10]): этотъ, говорятъ, честнѣе прочихъ здѣшнихъ банкировъ. Если возможно, то ускорите это сколько возможно. Я не могъ вамъ написать прежде потому, что не установился на мѣстѣ и шатался все въ дорогѣ.

Да хранитъ васъ Богъ и сбережетъ отъ всего злого. Мой адресъ: Via S. Isidoro, № 17, rimpetto alla chiesa S. Isidoro, vicino alla Piazza Barbierini.

N. *Гоголь.*

---

[1]) У Кулиша: «нельзя было получить хуже». Рѣчь идетъ о смерти Пушкина.

[2]) Это слово вписано сверху.

[3]) У Кулиша: «передъ».

[4]) Въ подлинникѣ: «отдушевляло»; послѣ этого зачеркнуто: «трудъ» мои» и сверху (передъ этимъ) вписано сверху и не зачеркнуто: «на».

[5]) «Мертвыя Души».

[6]) У Кулиша слово «я» пропущено.

[7]) Начиная отсюда, у Кулиша пропускъ до конца письма.

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «вручить».

[9]) Извѣстный банкиръ.

[10]) Слѣдовало написать: Валентини, какъ послѣ Гоголь его всегда и называлъ.

XXI. Къ матери.

Римъ. Марта $\frac{2}{16}$, 1837.

Два дня, какъ я здѣсь. Пріѣздъ мой въ Италію, или, лучше, въ самый Римъ, затянулся почти на три недѣли. Ѣхалъ и моремъ, и землею съ задержками и остановками, но, несмотря на все это, поспѣлъ какъ разъ къ празднику. Обѣдню прослушалъ въ церкви Святого Петра, которую отправлялъ самъ папа [1]). Онъ 60 лѣтъ и внесенъ былъ на великолѣпныхъ носилкахъ съ балдахиномъ. Нѣсколько разъ носильщики должны были останавливаться посреди церкви, потому что папа чувствовалъ головокруженіе. Церковь же Петра такъ огромна, что будетъ въ длину около полуверсты. Съѣздъ въ Римѣ былъ огромный. Народу нѣсколько тысячъ стояло въ церкви, но она, при всемъ томъ, все еще казалась пуста. Дни лѣтніе, солнце прекрасное, звѣзды еще лучше, блестятъ въ нѣсколько разъ ярче, нежели у насъ, словомъ—небо настоящее италіянское. Весна почти не замѣтна, потому что очень мало такихъ деревьевъ, которыя должны развиваться. Все почти вѣчно зеленѣющія, не роняющія во время зимы листьевъ. Я успѣлъ осмотрѣть только часть древностей и развалинъ, которыхъ на каждомъ шагу много, и часто такъ случается, что въ новый домъ вдѣлана часть развалины, кусокъ стѣны, или колонна, или рельефъ. Я не смотрѣлъ еще ни картинныхъ галлерей, ни множества разныхъ дворцовъ, гдѣ смотрѣть станетъ на цѣлый годъ. Вся земля пахнетъ и дышитъ художниками и картинами. Мозаики и антики продаются кучами. Школы живописи и скульптуры на улицѣ почти у каждыхъ дверей.

До Рима я успѣлъ еще побывать кромѣ многихъ другихъ въ двухъ знаменитыхъ городахъ, въ Генуѣ и Флоренціи. Генуя великолѣпна; множество домовъ больше похожи на дворцы и украшены картинами лучшихъ италіянскихъ художниковъ, но зато улицы есть такъ узеньки, что двумъ человѣкамъ нельзя пройти въ рядъ. Впрочемъ, онѣ выложены мраморными плитами и очень чисты.

Послѣ, въ слѣдующемъ письмѣ, напишу вамъ о томъ, что увижу въ Римѣ; а теперь спѣшу кончить: иду на

---

[1]) О желаніи поспѣть къ Пасхѣ въ Римъ и присутствовать при богослуженіи, совершаемомъ папой, см. письмо отъ 15 февраля 1837 года (выше, стр. 430).

солнце, на которомъ мнѣ предписано находиться какъ можно больше...

XXII. Къ М. П. Погодину.

1837, марта 30. Римъ.

Я получилъ письмо твое въ Римѣ. Оно наполнено тѣмъ же, чѣмъ наполнены теперь всѣ наши мысли. Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь какъ русскій, какъ писатель, я... я и сотой доли не могу выразить моей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Мои свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь; мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что̀ есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой есть его созданіе [1]). Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка его (?) не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что̀ будетъ нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что̀ трудъ мой? Что̀ теперь жизнь моя?...

Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ. Для чего? не для того ли, чтобъ повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ? Или ты нарочно сдѣлалъ такое заключеніе послѣ сильнаго тобой приведеннаго примѣра, чтобъ сдѣлать еще разительнѣе самый примѣръ. Для чего я пріѣду? Не видалъ я развѣ дорогого сборища нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ? Ты пишешь, что всѣ люди, даже холодные, были тронуты этою потерею. А что̀ эти люди готовы были дѣлать ему при жизни? Развѣ я не былъ свидѣтелемъ горькихъ, горькихъ минутъ, которыя приходилось чувствовать Пушкину, несмотря на то, что самъ монархъ (буди за то благословенно имя его!) почиталъ (его) [2]) талантъ? О, когда я вспомню нашихъ судей, меценатовъ, ученыхъ умниковъ, благородное

[1]) Извѣстно, что сюжеты «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, переданы были Гоголю Пушкинымъ.

[2]) Это слово пропущено.

наше аристократство [1]), сердце мое содрогается при одной мысли! Должны быть сильныя причины, когда онѣ меня заставили рѣшиться на то, на что бы я не хотѣлъ рѣшиться. Или, ты думаешь, мнѣ ничего, что мои друзья, что вы отдѣлены отъ меня горами? Или я не люблю нашей неизмѣримой, нашей родной русской земли! Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасныя небеса, міръ, богатый искусствами и человѣкомъ; но развѣ перо мое принялось описывать предметы, могущіе поразить всякаго? Ни одной строки не могъ посвятить я чуждому. Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему, и нашъ бѣдный, неяркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженныя пространства предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядѣвшимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить своей отчизны? Но ѣхать, выносить надменную гордость безмозглаго класса [2]) людей, которые будутъ передо мною дуться и даже мнѣ пакостить,—нѣтъ, слуга покорный! Въ чужой землѣ я готовъ все перенести, готовъ нищенски протянуть руку, если дойдетъ до этого дѣло; но въ своей—никогда! Мои страданія тебѣ не могутъ вполнѣ (быть) [3]) понятны: ты въ пристани, ты, какъ мудрецъ, можешь перенесть и посмѣяться. Я бездомный, меня бьютъ и качаютъ волны, и упираться мнѣ только на якорь гордости, которую вселили въ грудь мою высшія силы,—сложить мнѣ голову свою на родинѣ!

Если ты имѣешь желаніе ѣхать освѣжиться и возобновить свои силы, увидѣть меня—пріѣзжай въ Римъ. Здѣсь мое всегдашнее пребываніе. На іюнь и іюль ѣду въ Германію на воды и, возвратившись, провожу здѣсь осень, зиму и весну. Небо чудное. Пью его воздухъ и забываю весь міръ.

Напиши мнѣ что-нибудь про ваши московскія гадости. Ты видишь, какъ сильна моя любовь: даже гадости я готовъ слышать изъ родины [4]). Прощай.

Твой *Гоголь*.

Мой адресъ: Via di Isidore, 17 casa, Giovanni Massuci.

---

[1]) Слова: «благородное наше аристократство», у Кулиша пропущены.

[2]) Слова: «безмозглаго класса» у Кулиша пропущены.

[3]) Это слово пропущено.

[4]) Не упрекалъ ли Погодинъ Гоголя, какъ послѣ Аксаковъ, въ равнодушіи къ родинѣ?—Остальное у Кулиша пропущено.

XXIII. Къ Н. Я. Прокоповичу.

Марта 30. Римъ. (1837) [1])

Я не дождался письма твоего. Не знаю, когда получу его изъ Парижа [если оно только было писано и [2]) послано]. Мнѣ очень скучно безъ твоего письма. Ты давно не писалъ ко мнѣ. Да притомъ, кажется, ты всего только одинъ разъ и писалъ ко мнѣ. Отъ вашихъ хладныхъ береговъ такія грустныя несутся вѣсти. Великаго не стало [3]). Вся жизнь моя теперь отравлена. Пиши ко мнѣ, Бога ради! Напоминай мнѣ чаще, что еще не все умерло для меня (на) [4]) Руси, которая уже начинаетъ казаться могилою, безжалостно похитившею все, что̀ [5]) есть драгоцѣннаго для сердца. Ты знаешь и чувствуешь великость моей утраты. Что̀ ты дѣлаешь теперь? Я ничего не знаю, а мнѣ хотѣлось бы все знать, даже — какъ ты скучаешь. Зайди къ Плетневу и узнай, послалъ ли онъ ко мнѣ деньги, о [6]) которыхъ я писалъ къ нему изъ Рима? Если посланы, то—когда и на имя какого банкира онѣ адресованы? Я въ нихъ нуждаюсь... Что̀ тебѣ сказать объ Италіи? Она прекрасна. Она менѣе поразитъ съ перваго раза, нежели послѣ. Только всматриваясь болѣе и болѣе, видишь и чувствуешь ея тайную прелесть. Въ небѣ и облакахъ виденъ какой-то серебрян(ый) [7]) блескъ. Солнечный свѣтъ далѣе объемлетъ горизонтъ. А ночи?.. прекрасны. Звѣзды блещутъ сильнѣе, нежели у насъ, и по виду кажутся больше нашихъ, какъ планеты. А воздухъ! — онъ такъ чистъ, что дальніе предметы кажутся близкими. О туманѣ и не слышно. Я бы болѣе упивался ею, еслибы былъ совершенно здоровъ; но чувствую хворость въ самой благородной части тѣла—въ желудкѣ. Онъ, бестія, почти не варитъ вовсе, и запоры такіе упорные, что никакъ не знаю, что̀ дѣлать. Все надѣла(лъ) [8]) гадкій парижскій кли-

---

[1]) Это письмо первоначально было написано въ «Русскомъ Словѣ» (1859, I, стр. 99—100); потомъ въ брошюрѣ Е. В. Пѣтухова »Письма Гоголя къ Прокоповичу, стр. 14—15.

[2]) Слова: «писано и» въ брошюрѣ г. Пѣтухова пропущены.

[3]) А. С. Пушкинъ скончался 29 января 1837 г.

[4]) Это слово пропущено.

[5]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «было дл(я)...»

[6]) Это слово вписано сверху строки.

[7]) Не дописано.

[8]) Тоже.

матъ, который, несмотря (на то) [1], что не имѣетъ зимы [2], но ничѣмъ не лучше петербургскаго. Ничего не хочу больше писать, потому что ожидаю ежеминутно твоего письма изъ Парижа, которое ты, вѣрно, писалъ, и на которое мнѣ хочется отвѣчать; но ты, пожалуйста, напиши мнѣ отвѣтъ на это поскорѣе, хотя не много, хотя столько строкъ, сколько придетъ въ твою лѣнивую память. Цѣлую тебя безсчетно. Мой адресъ: Roma, via di Isidoro, casa Giovanni, Massuci, 17. [Vicino alla piazza Barbierini]. Данилевскій обѣщался недѣлею послѣ меня быть въ Римѣ, но до сихъ поръ его не вижу.

P. S. Впрочемъ, адресуй лучше въ poste restante, потому что, можетъ-быть, случится къ тому времени перемѣнить квартиру.

XXIV. Къ А. С. Данилевскому.

Римъ. Апрѣля (1837) [3].

Никогда я еще не получалъ отъ тебя такого страннаго письма, какъ теперь. Оно мнѣ показалось такъ смутнымъ, какъ-будто было писано въ-просонкахъ. И что тебѣ пришла за блажь ѣхать въ Швейцарію? [4]) Я ожидалъ тебя [5]) со дня на день, вѣрилъ въ непреклонность твоего обѣщанія и думалъ, что вотъ-вотъ [6]) дверь отворится, и ты войдешь въ мою комнату, и вдругъ—письмо изъ Женевы! И выбралъ же время! Или ты не знаешь, и я тебѣ не говори(лъ) [7]), что весною нельзя ѣхать въ Швейцарію? И что ты будешь дѣлать тамъ? [8]) и почему тебѣ захотѣлось такъ пригнѣздиться къ Женену? Тебѣ будетъ довольно скучно, ты будешь голоденъ, и больше ничего (ибо хотя твой желудокъ не то [9]), что мой, однакожъ все-таки нагрузиться любитъ). Право, какъ досадно! я думалъ было по Швейцаріи сдѣлать вмѣстѣ вояжъ, и Богъ знаетъ, теперь уви-

[1]) Эти слова въ подлинникѣ пропущены.
[2]) Слова: «не имѣетъ зимы» вписаны сверху.
[3]) Это письмо Кулишъ по ошибкѣ отнесъ къ 1838 году, но оно относится къ тому времени, когда Гоголь, пріѣхавъ въ 1837 г. въ Римъ, съ нетерпѣніемъ со дня на день ждалъ своего друга, который тогда еще ни разу не видалъ Рима (см. письмо).
[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «и въ...».
[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «всякую».
[6]) У Кулиша второе *вотъ* пропущено.
[7]) Не дописано.
[8]) Это слово вписано сверху.
[9]) «То» вписано сверху.

димся ли мы, или нѣтъ? И выигрышу никакого ты не сдѣлалъ насчетъ кошелька: [1]) въ Швейцаріи дороже, я же никакъ не могу теперь ѣхать къ тебѣ. Не могу, во-первыхъ, потому, что еще рано; а во-вторыхъ, самое главное, потому, что сижу безъ денегъ. Я пріѣхалъ въ Римъ только съ двумя стами франками, и еслибъ [2]) не страшная дешевизна и удаленіе всего, что̀ вытряхиваетъ [3]) кошелекъ, то ихъ бы давно уже не было. За комнату, то-есть, старую [4]) залъ съ картинами и статуями, я плачу 30 франковъ въ мѣсяцъ, и это только одно дорого. Прочее все ни по чемъ. Если выпью поутру одинъ стаканъ шоколаду, то плачу немножко больше 4 су, съ хлѣбомъ, совсѣмъ. Блюда за обѣдомъ очень хороши и свѣжи, и обходится иное по 4 су, иное по 6. Мороженаго больше не съѣдаю, какъ на 4, а иногда на 8. Зато ужъ мороженое такое, какое и не снилось тебѣ. Не ту дрянь, которую мы ѣдали у Тортони, которое тебѣ такъ нравилось,—масло! Теперь я такой сдѣлался [5]) скряга, что если лишній байокъ (почти су) передамъ, то весь день жалко [6]). Я не знаю, право, какъ мнѣ теперь быть! Я жилъ мыслью [7]), что мы вмѣстѣ поѣдемъ въ Неаполь. Теперь какъ мнѣ ѣхать? Я ужъ [8]) не поѣду, по крайней мѣрѣ въ этомъ году. Тебя выписывать я ужъ [9]) не смѣю, потому что теперь переѣздъ тебѣ будетъ дорогъ. Это не то, что̀ моремъ, какъ бы ты могъ сдѣлать изъ Марселя; съ другой стороны мнѣ страшно жаль, что ты, вмѣсто того, чтобы наслаждаться, чтобы окунуться совершенно въ новый міръ [10]), долженъ скучать и мерзнуть.

Здѣсь тепло, какъ лѣтомъ; а небо, небо—совершенно кажется серебрянымъ. Солнце дальше и больше, и сильнѣе обливаетъ его [11]) своимъ сіяніемъ. Что̀ сказать тебѣ вообще объ Италіи? Мнѣ кажется, какъ будто бы я заѣхалъ къ старинным малороссійскимъ помѣщикамъ. Такія же [12]) дрях-

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «тебѣ».
[2]) У Кулиша: «еслибы».
[3]) У Кулиша невѣрно: «вытрачиваетъ».
[4]) Это слово вписано сверху.
[5]) У Кулиша: «сдѣлался такой».
[6]) У Кулиша невѣрно: «тоска».
[7]) У Кулиша: «мыслію».
[8]) У Кулиша: «уже».
[9]) Тоже.
[10]) Послѣ этого зачеркнуто: «ты».
[11]) Это слово вписано сверху.
[12]) Слово «же» у Кулиша пропущено.

лыя двери у домовъ, со множествомъ безполезныхъ дыръ, маракція платье мѣломъ; старинные подсвѣчники и лампы въ видѣ церковныхъ; блюда всѣ особенныя; все на старинный манеръ. Вездѣ доселѣ видѣлась мнѣ картина измѣненій; здѣсь все остановилось на одномъ мѣстѣ и далѣе нейдетъ. Когда въѣхалъ въ Римъ, я въ первый разъ не могъ дать себѣ яснаго отчета: онъ показался маленьк(имъ) [1]; но, чѣмъ далѣе, онъ мнѣ кажется бо́льшимъ и бо́льшимъ, строенія [2]) огромнѣе, виды красивѣе, небо лучше [3]); а картинъ, развалинъ и антиковъ смотрѣть на всю жизнь станетъ. Влюбляешься въ Римъ очень медленно [4]), понемногу — и ужъ на всю жизнь. Словомъ, вся Европа для того, чтобы смотрѣть [5]), а Италія для того, чтобы жить [6]). Это говорятъ всѣ тѣ, которые остались здѣсь жить [7]). И правда, что зато врядъ ли гдѣ сыщешь землю, гдѣ бы можно такъ дешево прожить. Никакихъ (бездѣлокъ) [8]) и ничего того, «что̀ въ Парижѣ вкусъ голодный изобрѣтаетъ для забавъ», Въ магазинахъ только Оссія да антики. Но зато для наслажденій художническихъ... Ты не можешь себѣ дать никакой идеи, что̀ такое Рафаэль. Ты будешь стоять предъ нимъ такъ же [9]) безмолвный и обращенный весь въ глаза, какъ ты сиживалъ нѣкогда передъ Гризи. Но чортъ возьми! Я для тебя приготовилъ и квартиру, и готовился быть твоимъ чичероне, и вмѣсто того...

Напиши по крайней мѣрѣ, гдѣ ты располагаешь быть черезъ [10]) полтора мѣсяца; ибо черезъ [11]) полтора мѣсяца я выѣду изъ Италіи заглянуть на какія-нибудь нѣмецкія воды. Нужно же когда-нибудь направить з..... у [12]) на прямой путь. Ей Богу, даже смѣшно, какъ воображу, что ты сидишь и мерзнешь у Жанена! Я никакъ сначала не могъ взять въ толкъ, про какого Анненкова ты пишешь, и ду-

---

[1]) Не дописано.
[2]) Въ подлинникѣ: «строеніе».
[3]) Слова: «виды красивѣе, небо лучше» вписаны сверху.
[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «но зато надолго».
[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «а Римъ для»...
[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «всѣ тѣ, которые».
[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «а ужъ за».
[8]) Это слово добавляетъ Кулишъ; очевидно, Гоголь нечаянно пропустилъ какое-то существительное. Далѣе стихъ изъ 1-ой главы «Онѣгина».
[9]) Послѣ этого зачеркнуто: «какъ».
[10]) У Кулиша: «чрезъ»
[11]) Тоже.
[12]) Неудобное для печати слово.

малъ, уже не свихнулъ ли ты [1]), Боже сохрани, съ разума, говоря, что я у него стоялъ! Но при концѣ письма, не видя ни адреса, ничего, догадался, что это aux eaux vives. Врядъ ли ты, мнѣ кажется, высидишь мѣсяцъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ пиши, пожалуйста, почаще и извѣщай обо всякой перемѣнѣ, тобою затѣваемой, какихъ, я думаю, должно случиться съ тобою [2]) немало. Что-нибудь изъ хорошаго намъ нужно посмотрѣть вмѣстѣ. Ты или нарочно меня водишь за носъ [3])... Прошлый годъ давалъ слово пріѣхать ко мнѣ въ Швейцарію — дернулъ въ Парижъ; теперь, обѣщавшись навѣрно пріѣхать въ Италію, дернулъ въ Швейцарію. У тебя ужъ, видно, такой бѣсъ сидитъ внутри, который ворочаетъ тобою наперекоръ. Тебѣ нужно было, непремѣнно нужно, испытать художническо-монастырскую жизнь въ Италіи, покушать мрамора и гипса, котораго здѣсь вдоволь, упиться звѣздами ночи, которыя блещутъ здѣсь необыкновеннымъ блескомъ, наглядѣться на монаховъ и аббатовъ, которыми, какъ макомъ, усѣяны улицы.

Я пріѣхалъ въ Римъ какъ разъ наканунѣ Свѣтлаго Праздника, и первое, что увидѣлъ, это былъ папа. Такимъ образомъ я выполнилъ старое правило. Обѣдню отслушалъ въ безпредѣльномъ Петрѣ, который все казался пустъ, какъ ни много въ немъ было народу.

Я получилъ твое письмо сегодня и сегодня же написалъ къ тебѣ этотъ отвѣтъ, и сегодня же его отправилъ бы, еслибъ можно было, но теперь поздно, вечеръ, а завтра не принимаютъ: праздникъ! Итакъ оно идетъ послѣзавтра. Прощай. Цѣлую тебя. Поскорѣе отвѣтъ!

Напиши адресъ Симоновскаго, если узнаешь. Я къ нему писалъ изъ Ливорна въ Парижъ. Не знаю, получилъ ли онъ его, или нѣтъ [4]).

Прежде всего найди церковь Святого Исидора, а это вотъ какимъ образомъ сдѣлаешь. Изъ Piazza di Spagna подымись по лѣстницѣ на самый верхъ и возьми направо. Направо будутъ двѣ улицы; ты возьми вторую; этою ули-

[1]) Это слово вписано сверху.
[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «много».
[3]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «тогд(а)».
[4]) Эти строки, начиная отъ словъ: «напиши адресъ Симоновскаго», приписаны сбоку. Письмо здѣсь кончается и напечатанное дальше у Кулиша продолженіе, вѣроятно, было написано на вложенномъ и нынѣ затерянномъ лоскутѣ.

цею ты дойдешь до Piazza Barberia. На эту площадь выходитъ одна улица съ бульваромъ. По этой улицѣ ты пойдешь все вверхъ, покамѣстъ не упрешься въ самого Исидора, который ее и замыкаетъ; тогда поверни налѣво. Противъ самаго Исидора есть домъ № 16, съ надписью надъ воротами: Appartements meublé. Въ этомъ домѣ живу я.

XXV. Къ В. А. Жуковскому.

Римъ. Апрѣль 18/6 (1837). [1])

Я пишу къ вамъ на этотъ разъ съ намѣреніемъ удручить васъ моею просьбою [2]). Вы одни въ мірѣ, котораго интересуетъ моя участь. Вы сдѣлаете, я знаю, вы сдѣлаете все то, что̀ только въ предѣлахъ возможности. Меня страшитъ мое будущее. Здоровье мое, кажется, съ каждымъ годомъ становится плоше и плоше. Я былъ недавно очень боленъ, теперь мнѣ сдѣлалось немного лучше. Если и Италія мнѣ ничего не поможетъ, то я не знаю, что̀ [3]) тогда уже дѣлать. Я послалъ въ Петербургъ за послѣдними моими деньгами, и больше ни копѣйки; впереди не вижу совершенно никакихъ средствъ добыть ихъ. Заниматься какимъ-нибудь журнальнымъ мелочнымъ вздоромъ не могу, хотя бы умиралъ съ голода [4]). Я долженъ продолжать [5]) мною начатой, большой трудъ, который писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его созданіе и которой обратился для меня съ этихъ поръ въ священное завѣщаніе. [6]) Я дорожу теперь минутами моей жизни потому, что не думаю, чтобъ она была долговѣчна [7]); а между тѣмъ... я начинаю вѣрить тому, что̀ прежде считалъ басней, что [8]) писатели въ наше

[1]) Это письмо было прежде напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» (1871, 4 — 5, 0932 — 0935). Оно ошибочно отнесено редакціей къ 1837 г. Причина ошибки та, что въ концѣ письма говорится объ «ужасной утратѣ», подъ которою разумѣлась смерть Пушкина, а не І. М. Віельгорскаго, какъ сказано въ примѣчаніи редактора «Русскаго Архива»: онъ былъ живъ даже *5 мая* (см. П. Погодину отъ 5 мая 1839 г.).

[2]) Зачеркнуто на ходу письма: «може(...)».

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «мнѣ»; въ редакціи «Русскаго Архива» это слово ошибочно внесено въ текстъ.

[4]) Въ «Русск. Арх.»: «съ голоду».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «то».

[6]) «Мертвыя Души».

[7]) Послѣ этого зачеркнуто нѣсколько словъ, которыя невозможно разобрать.

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «бы».

время могутъ умирать съ голоду. Но чуть ли это не правда. Будь я живописецъ, хоть даже плохой, я бы былъ обезпеченъ. Здѣсь въ Римѣ около 15 человѣкъ нашихъ художниковъ, которые недавно высланы изъ академіи, изъ которыхъ иные рисуютъ хуже моего: они всѣ получаютъ по три тысячи въ годъ.—Поди я въ актеры—я бы былъ обезпеченъ: актеры получаютъ по 10.000 и больше, а вы сами знаете, что я не былъ бы плохой актеръ. [1])—Но я писатель—и потому долженъ умереть съ голоду. На меня находятъ часто печальныя мысли, слѣдствіе ли это ипохондріи, или чего другого. Доктора больше относятъ къ первому, я и самъ готовъ съ ними согласиться; но вы можете видѣть, что мои слова, съ своей стороны [2]), также справедливы. Разсмотрите положеніе, въ которомъ я нахожусь, мое болѣзненное состояніе, мою невозможность заняться чѣмъ-нибудь постороннимъ, и дайте мнѣ спасительный совѣтъ, что̀ я долженъ сдѣлать для того, чтобы протянуть [3]) на свѣтѣ свою жизнь до тѣхъ поръ, покамѣстъ сдѣлаю сколько-нибудь изъ того, что̀ мнѣ нужно сдѣлать. Я думалъ, думалъ и ничего не могъ придумать лучше, какъ прибѣгнуть къ государю.

[1]) Извѣстно, что Гоголь обладалъ весьма главными способностями, необходимыми для актера, обнаружившимися еще въ то время, когда онъ былъ лицеистомъ. «Всѣ мы думали» — говорилъ одинъ изъ его товарищей,—«что Гоголь поступитъ на сцену, что у него громадный сценическій талантъ и всѣ данныя для игры на сценѣ: мимика, гримировка, перемѣнный голосъ и полнѣйшее перерожденіе въ роли, какія онъ играетъ. Думается, что Гоголь затмилъ бы и знаменитыхъ комиковъ артистовъ, еслибы вступилъ на сцену». («Матеріалы для біографіи», т. I. стр. 242). См. также воспоминанія Щепкина объ его изумительной способности воспроизводить характеры и рѣчь изображаемыхъ лицъ («Берегъ», 1880, № 268, статья В. Пашкова). Данилевскій же прямо говорилъ, что «еслибы Гоголь поступилъ на сцену, то онъ былъ бы Щепкинымъ» («Матеріалы для біографіи», т. I, стр. 102). Весьма высокаго мнѣнія объ артистическомъ дарованіи Гоголя была и В. Н. Репнина («Матеріалы», т. III, стр. 129). Вообще, несмотря на то, что Гоголь былъ забракованъ при испытаніи его сценическихъ способностей въ петербургскомъ театрѣ, по всѣмъ отзывамъ слѣдуетъ считать его слова, сказанныя здѣсь Жуковскому, безусловно справедливыми. Гоголь иногда высказывалъ то же и другимъ лицамъ, напр. онъ говорилъ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой: «я не гожусь на роль драматическаго актера, а Бобчинскаго я бы сыгралъ отлично, и увѣренъ, что Щепкинъ не выгналъ бы меня изъ труппы, еслибы у него была своя труппа и свой театръ» (См. Матеріалы для біографіи, т. IV, стр. 267).—Послѣ слова: «актеръ» зачеркнуто: «бы».

[2]) Выраженіе: «слова, съ своей стороны» написано сверху зачеркнутаго: «мысли и предложеніе съ своей...».

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «ся».

Онъ милостивъ; мнѣ памятно до гроба то вниманіе, которое онъ оказалъ къ моему «Ревизору». [1]) Я написалъ письмо, которое прилагаю; если вы найдете его написаннымъ какъ слѣдуетъ, будьте моимъ предстателемъ, вручите [2])! Если же оно написано не такъ, какъ слѣдуетъ, то — онъ милостивъ, онъ извинитъ бѣдному своему подданному. Скажите, что я невѣжа, незнающій, какъ писать къ его высокой особѣ, но что я исполненъ весь такой любви къ нему, какою можетъ быть исполненъ одинъ только русскій подданный, и что осмѣлился [3]) потому только безпокоить его просьбою, что зналъ, что мы всѣ ему дороги какъ дѣти.—Но я знаю, вы лучше и приличнѣе скажете, нежели я. Не въ первый разъ я обязанъ многимъ, многимъ вамъ. чего сердце не умѣетъ высказать; и я бы почувствовалъ на душѣ совѣсть безпокоить васъ, еслибъ вы не были вы! Но въ сторону все это; я съ вами говорю просто, и [4]) я бы покраснѣлъ до ушей, еслибы сказалъ вамъ какой затѣйливый комплиментъ. — Еслибы мнѣ [5]) такой пансіонъ, какой дается воспитанникамъ академіи художествъ, живущимъ въ Италіи, или хоть [6]) такой, какой дается дьячкамъ, находящимся здѣсь при нашей церкви, то я бы протянулся, тѣмъ болѣе, что въ Италіи жить дешевле [7]). Найдите случай и средство, указать какъ-нибудь государю на мои повѣсти: «*Старосвѣтскіе Помѣщики*» и «*Тарасъ Бульба*». Это тѣ двѣ счастливыя повѣсти, которыя нравились совершенно всѣмъ вкусамъ и всѣмъ различнымъ темпераментамъ; всѣ недостатки, которыми они изобилуютъ, вовсе непримѣтны были для всѣхъ, кромѣ васъ, меня и Пушкина. Я видѣлъ, что по прочтеніи ихъ болѣе оказывали вниманія. Еслибы ихъ прочелъ государь! Онъ же такъ расположенъ ко всему, гдѣ есть [8]) теплота чувствъ и что̀ пишется отъ души. О, меня что-то увѣряетъ, что онъ бы прибавилъ ко мнѣ участія. Но будь все то, что̀ угодно Богу. На Него [9]) и на

---

[1]) См. письмо Гоголя къ матери отъ 5 іюня 1836 г. и данныя собранныя въ «Матеріалахъ», т. III, стр. 21—23.

[2]) Въ «Русск. Арх.» невѣрно: «выручите». Послѣ этого зачеркнуто неразборчивое слово.

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «ему».

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «что».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто неразборчивое слово.

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «дьячкамъ».

[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «нежели въ».

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «вѣрныя».

[9]) Въ подлинникѣ: «Его» (sic).

васъ моя надежда.—Увѣдомьте меня вашей строчкой, или скажите Плетневу: онъ, можетъ быть, ко мнѣ напишетъ.

Прощайте! Храни Богъ прекрасную вашу жизнь!

Я ничего не пишу къ вамъ теперь ни о Римѣ, ни объ Италіи. Меня одолѣваютъ теперь такія печальныя мысли, что я опасаюсь быть несправедливымъ теперь ко всему, что̀ должно утѣшать и восхищать душу. — Можетъ быть, это отчасти дѣйствіе той ужасной утраты, которую мы понесли и въ которой я до сихъ поръ не имѣю силъ увѣриться, которая, кажется, какъ будто оборвала въ моей жизни лучшія ея украшенія и сдѣлала ее обнаженнѣе и печальнѣе.

Вашъ *Гоголь.*

XXVI. Къ Н. Я. Прокоповичу [1]).

Римъ. Іюня 3 (1837).

Наконецъ, я дождался отъ тебя письма; хотя коротенькое, но спасибо и за это. Слава Богу, ты здоровъ, моя радость. Не скучай и не негодуй на пространство, которое насъ раздѣляетъ. Конечно, лучше лежать вмѣстѣ на диванчикѣ твоей постоянной квартиры у б(арона) [2]) Врангеля, — ты въ халатѣ, съ трубочкой, я — въ старомъ сюртукѣ, и толковать о всякомъ вздорѣ. Признаюсь, часто, когда вспомню ваньку, тащащаго меня на тряскихъ дрожкахъ въ Свѣчной переулокъ, то очень бы хотѣлось мнѣ въ Петербургъ. Но что̀жъ дѣлать? Будемъ покорны нашей судьбѣ. Я тебя такъ живо вижу; ты, вѣрно, тоже воображаешь часто меня передъ собою. Притомъ мы любимъ другъ въ другѣ то̀, что̀ не обнимается чувствами внѣшними. Итакъ, да будетъ между нами Римъ близокъ отъ Петербурга. Данилевскій теперь тоже здѣсь. Онъ думаетъ на зиму возвратиться въ Петербургъ, и разскажетъ тебѣ все. Да, кстати, чтобы не позабыть: пожалуйста, выбрани хорошенько Пащенка за эту достойную его догадку, что мы поссорились, и потому ѣздимъ не вмѣстѣ. Что мы не ѣздимъ всегда вмѣстѣ, это зависитъ, кромѣ того, что иногда пріятно разлучиться для того, чтобы скоро увидѣться, — это зависитъ отъ [3]) разности въ образѣ воззрѣнія, кото-

[1]) Это письмо было сперва напечатано въ «Русскомъ Словѣ» (1859, I, 100—103), потомъ въ брошюрѣ Пѣтухова, стр. 16—19. У Гербеля ошибка: 3 іюля.

[2]) Не дописано; слова «съ трубочкой» вписаны сверху.

[3]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «небольш(ой)».

рою разнообразно исполнены наши людскіе [1]) умы. Полковникъ [2]) больше человѣкъ современный, воспитанный на современной литературѣ и жизни; я больше люблю старое. Его тянетъ въ Парижъ, меня гнететъ въ Римъ. Но, порыскавши, мы всегда сходимся, и приготовляемъ такимъ образомъ другъ для друга запасъ для разговоровъ. Я бы хотѣлъ съ тобою теперь поговорить о Римѣ; но это такое бездонное море, что не знаешь, откуда, съ котораго конца начать, и о чемъ говорить. Я живу скоро три мѣсяца, всякій день смотрю что-нибудь новое,— и все еще бездна остается смотрѣть. Тутъ только узнаешь, что такое искусство. (А природа? Она—итальянская красавица, больше я ни съ чѣмъ не могу ея сравнить,—итальянская пейзанка, смуглая, сверкающая, съ черны(ми) [3]), большими-большими глазами, въ платьѣ алаго, нестерпимаго для глазъ цвѣта, въ бѣломъ [4]), какъ снѣгъ, покрывалѣ). Тутъ только можно [5]) узнать, что такое Рафаэль, котораго имя привыкли мы произносить, и который для насъ, не бывшихъ здѣсь, существо идеальное и миоъ высокаго искусства. Но къ чему говорить и толковать объ этомъ?

«Другъ попечительный, больного
Въ дремотѣ сладкой не тревожь!»

сказалъ, кажется, гдѣ-то Баратынскій [6]); впрочемъ, этотъ же самый стихъ можно иногда обратить и ко мнѣ. Я теперь намѣренъ тебя прежде всего навьючить страшнымъ множествомъ порученій, которыя всѣ ты долженъ выполнить. Первое и самое главное, узнай отъ Плетнева, или попроси, чтобы Плетневъ узналъ, получилъ ли Жуковскій мое письмо, и какой имѣло успѣхъ письмо мое къ государю. Отъ него зависитъ моя судьба. Потомъ мелкое дѣло. Весь ли вексель Смирдина послалъ ко мнѣ Плетневъ, или нѣтъ? Мнѣ кажется, что онъ былъ на тысячу двѣсти. Впрочемъ, можетъ-быть, что я и ошибаюсь; если же есть остатокъ, то скажи ему, что я просилъ его [7]) назначить эти деньги для сестеръ, поручивши ихъ въ институтѣ какой-нибудь дамѣ. Я думаю, что у нихъ не заплачено ни за музыку, ни

[1]) Это слово вписано сверху.
[2]) Такъ названъ здѣсь въ шутку Данилевскій, какъ служившій въ военной службѣ.
[3]) Не дописано.
[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «покрывалѣ».
[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «сказать».
[6]) Въ стихотв. «Не искушай меня безъ нужды».
[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «убѣд(ить)».

чего (sic). 3-е, у него же, Плетнева, узнай, получилъ ли онъ отъ Жуковскаго что-нибудь, что̀ мнѣ слѣдовало отъ государыни за поднесеніе экземпляра моей комедіи. Жуковскій мнѣ сказалъ [1]) передъ выѣздомъ, чтобы я не имѣлъ объ этомъ никакого сомнѣнія, что онъ и по отъѣздѣ моемъ будетъ стараться. Это все, что̀ нужно узнать отъ Плетнева. Итакъ, три вещи. Теперь—нужно тебѣ всѣ рукописныя мои книги, которыя находятся въ моей библіотекѣ въ связкахъ, сложить въ ящикъ, запаковать, и отправить ко мнѣ. Мнѣ очень нужны онѣ, и безъ нихъ я, какъ безъ рукъ. Тамъ у меня выписки и матеріалы всего. Теперь же принимаюсь не на шутку за важное дѣло. Сдѣлать это вотъ какимъ образомъ: узнать, какой изъ иностранныхъ кораблей идетъ прямо въ Ливорно [2]), адресоваться къ капитану его и заплатить за доставку деньги, которыхъ придется немного, потому что перевозка очень не дорога. Но во всякомъ случаѣ, что̀ бы ни потребовали, нужно заплатить, потому что мнѣ нужны эти книги и тетради. На вьюкѣ, выставивши мое имя, адресовать на имя нашего консула въ Ливорно [3]), съ просьбою тутъ же, на вьюкѣ, чтобы оно дождалось (sic) у него моего пріѣзда въ Ливорно. 2-е, пришли вышедшую первую книжку «Современника» на этотъ годъ. Его можешь взять у Плетнева; присоедини къ этому «Ундину» [4]) и еще, если вышло что-нибудь замѣчательнаго. Это можешь взять у Смирдина, на мое имя. Пусть поставитъ его (sic) на мой счетъ. Послать же это ты можешь вотъ какимъ образомъ: завернуть книги [5]) въ пакетъ, одинъ или два-три, какъ хочешь, и надписать: «въ Вѣну, въ русское посольство, г. Горчакову, а оттуда въ Римъ, на имя Кривцова, нашего chargé d'affaires въ Римѣ», и больше ничего; но подъ этимъ верхнимъ конвертомъ долженъ быть другой конвертъ на мое имя, и больше ничего. Эти пакеты ты долженъ отдать въ [6]) канцелярію Иностранной Коллегіи, прося ихъ отправить къ Кривцову прямо, что книги-де слѣдуютъ ему, не платя за это ничего. И будетъ сдѣлано.

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «чтобъ я».
[2]) Въ подлинникѣ: «Ливурно».
[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «чтобы».
[4]) «Ундина», изданная въ 1837 г., была тогда литературной новинкой.
[5]) Переправлено изъ: «книгу».
[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «иностранную».

Итакъ, вотъ тебѣ порученія. Смотри же, пожалуйста, не забудь. Ты имѣешь обыкновеніе въ письмѣ твоемъ не отвѣчать ни слова на мои запросы, такъ, какъ бы ихъ совершенно не было. Но теперь, пожалуйста, какъ будешь писать ко мнѣ, держи передъ своими глазами мое письмо, и отвѣчай на каждый пунктъ. Прежде всего узнай отъ Плетнева на счетъ письма къ государю, а потомъ все прочее.

Право, даже досадно, какъ ты мало объявляешь о себѣ. Хоть бы строчку о томъ, что̀ пишешь, что̀ читаешь; даже ничего о томъ [1]), въ какіе корпуса ходишь. Ей, пора тебѣ. Берись за перо; не то будетъ поздно. Пиши повѣстоночки или стишоночки; если стишоночки, то пришли ихъ въ твоемъ письмѣ кусоночки [2]). На меня пришла теперь особенная жажда читать твои стихи. Послѣ италіанскихъ звуковъ, послѣ Тасса и Данта, душа [3]) жаждетъ послушать русскаго.

Да еще одно: чтобы не позабыть тебѣ. Пожалуйста, побывай въ институтѣ. Навѣдайся къ моимъ сестрамъ, къ которымъ влагаю при этомъ письмо, и узнай, не нуждаются ли онѣ въ чемъ, и отъ нихъ возьми письмо ко мнѣ. Если онѣ въ чемъ имѣютъ нужду истинную, и у нихъ не хватитъ денегъ, то купи на свои; я тебѣ все возвращу при первомъ удобномъ случаѣ [4]). Если ты можешь побывать у нихъ [5]) въ каждыя двѣ недѣли по разу, то этимъ обяжешь меня. Онѣ, бѣдненькія, я думаю, скучаютъ. Еслибы ты постарался достать себѣ мѣсто въ этомъ институтѣ, то бы это было очень хорошо.

Еще: узнай, гдѣ теперь Демидовъ, Павелъ Николаевичъ [6]). Его домъ въ Большой Милліонной. Еще: хотя ты въ первый разъ и не отвѣчалъ, и во второй тоже, но я еще спрошу, гдѣ Лукашевичъ, Платонъ Якимовичъ, и [7]) уѣхалъ ли онъ, или нѣтъ, за границу? Теперь, кажется, совершенно всѣ запросы.

На тѣ, которые нужнѣе, отвѣчай скорѣе; на другіе же [8])

---

[1]) Слова: «даже ничего о томъ» приписаны сверху строки.

[2]) Гоголь въ письмахъ къ Прокоповичу любилъ употреблять подобныя оригинальныя уменьшительныя формы.

[3]) Переправлено изъ: «умъ».

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: »скажи имъ, чтобы».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «въ недѣли двѣ разъ».

[6]) Вскорѣ Гоголь написалъ къ нему письмо; см. ниже.

[7]) Это слово въ «Русскомъ Словѣ» и у г. Пѣтухова пропущено.

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «скажи».

распишись только, что приняты,—чтобы я не думалъ, что они канули мимо ушей.

Прощай, мой жизненочекъ. Цѣлую тебя милліонъ-милліоновъ разъ. Ты старый, вѣрный спутникъ отъ незапамятной юности. Будь здоровъ и веселъ мыслью, что хотя немноголюденъ [1]) кругъ нашъ, состоящій, можетъ-быть, изъ трехъ [2]) только лицъ; но тѣсна связь его, и будетъ продолжаться даже тогда, когда даже ни одного изъ насъ не будетъ на свѣтѣ. Прощай до слѣдующаго письма.

Приписка сбоку. Другое письмо, которое при семъ прилагается, постарайся отдать лично М. Мелентьевой, классной дамѣ въ институтѣ. Она очень добрая и ми(лая) [3]).

XXVII. Къ матери.

Римъ. 12 іюня, 1837.

Наконецъ я получилъ ваше письмо, почтеннѣйшая маменька. Изъ него я узналъ, что вы, слава Богу, здоровы. Очень сожалѣю, что здоровье сестры моей такъ плохо. Надѣюсь, что хорошее лѣтнее время должно возстановить его. Я проживу, думаю, все лѣто въ Римѣ [4]). На одинъ мѣсяцъ, впрочемъ, ѣду въ Швейцарію попробовать новыхъ минеральныхъ водъ, о которыхъ много говорятъ. Время стоитъ прекрасное, дни безоблачны, небо сине и ясно. Я дождался наконецъ италіянскихъ жаровъ. Уже теперь такіе дни, какихъ у насъ вовсе не бываетъ. Самый жаркій день нашего лѣта не можетъ сравниться, хотя теперь, по нашему стилю, послѣднія числа мая. Въ полдень почти все запирается: улицы пусты, въ комнатахъ темно, всѣ ставни закрыты. Въ семь часовъ вечера начинаетъ двигаться народъ. Вся ночь (прекрасная ночь!) состоитъ изъ гуляній. Нерѣдко, проснувшись въ два часа ночи, слышишь на улицѣ серенаду, и движенье не прекращается. Города въ окружности Рима съ виллами прекрасны. Виллами называются дачи, загородные дворцы, которыхъ здѣсь очень много и почти всѣ великолѣпны. Виды прекрасны [5]). Ав-

[1]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «тройствен(ный)».

[2]) Гоголь, Прокоповичъ и Данилевскій.

[3]) Не дописано.

[4]) Эти слова представляютъ явное противорѣчіе съ словами слѣдующаго письма изъ Турина, написаннаго тремя днями послѣ, гдѣ Гоголь говоритъ, что не будетъ въ Римѣ *полтора* мѣсяца. Не относится ли письмо къ 1838 г.?

[5]) Объ увлеченіи Гоголя Италіей см. въ «Матеріалахъ для біографіи», т. III. Покойная Анна Васильевна также много разсказы-

густъ мѣсяцъ бываетъ въ Италіи такъ жарокъ, что кричатъ собаки, ходя по улицамъ. Но въ августѣ я не буду въ Италіи, и возвращусь сюда развѣ только въ сентябрѣ. Дай Богъ, чтобы сборъ хлѣба у васъ былъ хорошъ. Здѣсь уже начинается его уборка, но, кажется, его не будетъ много, потому что много полей осталось незасѣянными. Прошлый годъ былъ голодъ. Итальянцы лѣнивы. Папа надняхъ раздавалъ хлѣбъ народу. Развалины все такъ же прекрасны, увиты плющемъ, который здѣсь такъ разрастается, что не тоньше въ корнѣ нашихъ дубовъ. Запахъ померанцевъ отъ солнца сильнѣе. Одинъ лѣзетъ въ мое окошко, и я могу доставать рукою съ него плоды.

Цѣлую ваши ручки, обнимаю обѣихъ сестрицъ и племянника моего Колю...

XXVIII. Къ ней же.

Туринъ. 15 іюня 1837.

Вы не удивляйтесь, почтеннѣйшая маменька, что не получаете отвѣтовъ на ваши письма. Я ихъ не буду получать по крайней мѣрѣ полтора мѣсяца: они, безъ сомнѣнія, всѣ адресованы вами въ Римъ, а я не раньше туда возвращусь, какъ въ августѣ, или въ началѣ сентября. Пишу и теперь къ вамъ изъ столицы короля Сардинскаго, которая не уступаетъ въ великолѣпіи прочимъ. Славится правильностью своихъ улицъ, опрятностью, регулярностью и чистотою домовъ. Природа уже теряетъ здѣсь чисто итальянскій характеръ. На мѣсто кипарисовъ — тополи; на мѣсто кактусовъ, маслиничныхъ деревъ, миндальныхъ и лимонныхъ, чаще попадается болѣе обыкновенныхъ деревъ. Словомъ, это переходъ отъ Италіи къ Швейцаріи, и завтра же я увижу опять мѣста и горы, которыя видѣлъ прошлый годъ. Въ Баденѣ я опять проживу недѣли двѣ или три и, можетъ быть, возьму тамошнихъ водъ. Все же таки нужно когда-нибудь отвѣдать, что такое минеральныя воды. Я до сихъ поръ ими не пользовался, и хотя чувствую себя здоровымъ, но для моихъ геморроидъ доктора совѣтуютъ ихъ, какъ дѣйствительное средство. Если вы хотите, чтобы я раньше получилъ ваше письмо, то адресуйте его въ Женеву, въ poste restante. Если успѣете его отправить въ августѣ мѣсяцѣ, то оно будетъ мною получено, по-

вала о томъ, съ какой любовью и съ какимъ восхищеніемъ братъ всегда разсказывалъ ей объ Италіи (особенно о Римѣ), о небѣ Италіи, объ итальянской ночи и проч.

тому что, можетъ быть, я въ Женевѣ пробуду недѣли двѣ, на возвратѣ въ Италію. Цѣлую сестрицъ и племянника.

Вашъ *Николай.*

XXIX. Къ В. О. Балабиной.

Баденъ-Баденъ. 16 іюля, 1837 [1]).

Я обѣщался писать къ вамъ, пріѣхавши на мѣсто, гдѣ мнѣ суждено пользоваться водопоемъ и передать вамъ тѣ впечатлѣнія, которыя на меня произвела Швейцарія послѣ Италіи. Вы знаете, что я почти съ грустью разставался съ Италіей. Мнѣ жалко было и на мѣсяцъ оставить Римъ. И когда при въѣздѣ въ сѣверную Италію, на мѣсто кипарисовъ и куполовидныхъ римскихъ сосенъ, увидѣлъ я тополи, мнѣ сдѣлалось какъ-то тяжело. Тополи стройные, высокіе, которыми я восхищался бы прежде непремѣнно, теперь показались мнѣ пошлыми. Чтобы быть безпристрастнѣе, я заранѣе старался себя приготовить, какимъ образомъ нужно смотрѣть Швейцарію и не сравнивать между собою этихъ двухъ странъ.

Я думалъ, что природа Италіи — странная — греческо-римская архитектура съ колоннами, плоскими куполами, плоскими архитравами. Природа Швейцаріи сумрачная, архитектура готическая съ углообразными сводами, летящими въ небо остроконечными шпицами, величавая, вдыхающая безпредѣльныя мысли;—что природа Италіи дѣйствуетъ на чувство, а Швейцарія—на мысль и прочіе пустяки; я думалъ, стараясь себя увѣрить, что мнѣ такъ же бу-

---

[1]) Это письмо впервые было напечатано въ «Русскомъ Словѣ», 1860, XII, стр. 26—28. — Варвара Осиповна Балабина—мать любимой ученицы, а потомъ пріятельницы Гоголя, Марьи Петровны. Въ Баденъ-Баденѣ Гоголя охватило съ особенной силой воспоминаніе о милой и дорогой для него семьѣ Балабиныхъ, съ которыми, а также съ Репниными, онъ годомъ раньше пріятно провелъ время въ этомъ городѣ. Варвару Осиповну Балабину Гоголь очень любилъ и уважалъ. Онъ иногда читалъ ей свои произведенія. Покойная княжна Варвара Николаевна Репнина намъ разсказывала, какъ неподражаемо-превосходно Гоголь читалъ Варварѣ Осиповнѣ и Марьѣ Петровнѣ Балабинымъ «Ревизора» и «Записки Сумасшедшаго» и своимъ чтеніемъ приводилъ всѣхъ въ восторгъ; а когда однажды онъ дошелъ до того мѣста, въ которомъ Поприщинъ жалуется матери на производимыя надъ нимъ истязанія, Варвара Осиповна Балабина не могла выдержать и зарыдала. (См. «Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 128—129).

деть пріятно взглянуть на Швейцарію послѣ Италіи, какъ послѣ Колизея взглянуть на кёльнскій катедраль, какъ послѣ прекрасно сготовленнаго обѣда прочесть стихи Пушкина. — Оттого ли, что я ѣхалъ чрезъ пустынную Савою, видѣлъ обнаженныя ребра скалъ, покрытыя тощими кустарниками и остроконечными соснами, похожими на наши сѣверныя, только мнѣ показалась Швейцарія въ это время Сибирью. Еслибы я видѣлъ долины Шамуни или Юнгфрау, я увѣренъ, что мои впечатлѣнія были бы другія. Душа бы почувствовала сладкій трепетъ и священный ужасъ, глаза бы съ наслажденіемъ окунулись въ страшно-прекрасныхъ пропастяхъ, подлѣ которыхъ, какъ мелкая трава, растутъ лѣса и цараиаются по камнямъ сосны и брызжутъ водопады и мысль бы моя, какъ царь, облетѣла отъ снѣговыхъ бѣлоянтарно-розовыхъ вершинъ Альпъ, въ темныя ущелья и зеленыя долины. Дикое и вмѣстѣ высокое наслажденіе!

A propos, — въ Турнѣ очень хорошіе сухари къ чаю.

Вотъ мое мнѣніе: кто былъ въ Италіи, тотъ скажи «прощай» другимъ землямъ. Кто былъ на небѣ, тотъ не захочетъ на землю. — Мнѣ кажется, уже душа не въ силахъ будетъ наслаждаться прекраснымъ видомъ какого-нибудь мѣста, — она будетъ помнить лучшее и уже ничто не въ силахъ изъ нея выгнать его. — Тѣ горы, которыя казались мнѣ голубыми до Италіи, теперь кажутся сѣрыми. Воздуха нѣтъ, этого прозрачнаго, транспарантнаго воздуха. Солнце здѣсь не любитъ такъ земли и людей, какъ въ Италіи. Тамъ оно даетъ имъ какой-то радушный, сверкающій колоритъ. Словомъ, Европа въ сравненіи съ Италіей все равно, что день пасмурный въ сравненіи съ днемъ солнечнымъ. Я вамъ совѣтовалъ бы сдѣлать вотъ что: прожить въ Италіи лишнюю недѣлю и пробѣжать всю Европу вдругъ, какъ можно скорѣе, не останавливаясь нигдѣ. Пусть все мелькнетъ передъ вами, какъ въ фантастическомъ снѣ. Тогда это будетъ имѣть свое достоинство и въ быстротѣ, можетъ быть, покажется пріятнымъ. Ни за что не рѣшился бы остаться на житье въ серединѣ Европы; мнѣ въ этомъ случаѣ противна середина.

Я въ Баденѣ мимоѣздомъ. Еще неизвѣстно, на какія воды буду отправленъ. Во всякомъ случаѣ въ августѣ мѣсяцѣ надѣюсь быть непремѣнно въ Швейцаріи и, можетъ быть, буду такъ счастливъ, что встрѣчу васъ еще разъ. Если жъ нѣтъ, то позвольте вамъ пожелать всего, что есть лучшаго на свѣтѣ, что достойно вашей прекрасной души.

Я вамъ много-много благодаренъ. Воспоминаніе о васъ принадлежать будетъ навсегда къ числу самыхъ прекрасныхъ воспоминаній моей жизни. Я отъ васъ ожидаю отвѣта на это письмо изъ Петербурга. Мнѣ хочется знать, какое чувство будетъ обладать вашею душою при возвращеніи вашемъ на родину въ среду вашего единственнаго въ мірѣ по добротѣ семейства. Вы меня очень обяжете, если что-нибудь изъ него разскажете. Между тѣмъ я заранѣе прыгаю отъ радости, воображая, что получу вмѣстѣ съ тѣмъ письмо отъ Марьи Петровны на трехъ листахъ, все наполненное петербургскими сплетнями. А такъ какъ я всегда былъ большой охотникъ до сплетней, то это для меня такой лакомый кусъ, съ какимъ не сравнится и то мороженое, какое мы ѣдали у Боюдони.

Въ Баденѣ я встрѣтился еще разъ съ Смирновой; она живетъ даже въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жила прежде (кто живетъ въ вашемъ, я не знаю). У ней прочиталъ я «Ундину» Жуковскаго. Чудо что̀ за прелесть! И вы и Марья Петровна будете восхищены ею,—это я знаю напередъ. А до того да сопутствуетъ вамъ Богъ въ вашемъ путешествіи и да доставитъ вамъ еще много-много пріятныхъ минутъ, много такого, на что нужно и прекрасно глядѣть.

Пребываніе же мое помните твердо. Въ Римѣ и нигдѣ больше, и потому письма ваши адресуйте въ Римъ.

XXX. Къ Н. Я. Прокоповичу.

Баденъ-Баденъ. Іюль (21/9) (1837) [1].

Къ тебѣ съ просьбой! съ убѣдительной просьбой! Возьми изъ банка полторы тысячи и пришли ихъ мнѣ. Чрезъ полгода надѣюсь тебѣ непремѣнно возвратить ихъ. Я посылаю въ началѣ слѣдующаго года печатать мою крупную вещь, которая, думаю, вознаградитъ мои труды и заботы о ней. Пришли, пожалуйста, скорѣе; я совсѣмъ прожился. Я думалъ, что я успѣю гораздо раньше окончить мое сочиненіе—не тутъ-то было! Я сижу теперь на водахъ, лѣчусь. Взявши деньги, ты отправься тотчасъ къ Штиглицу, въ контору его, что̀ на Англійской набережной, и скажи ему, чтобы векселя были доставлены во Франкфуртъ на имя русскаго посольства, съ извѣщеніемъ, чтобы тотчасъ

[1] Это письмо было сперва напечатано въ «Русскомъ Словѣ» (1859, I, 103—104), потомъ въ брошюрѣ г. Пѣтухова, стр. 19—20.

же были доставлены мнѣ. Объ этомъ ты, между прочимъ, мнѣ самъ дай знать, чрезъ poste restante, во Франкфуртъ. Получилъ ли ты письмо мое изъ Рима? [1]). Въ немъ были, между прочимъ, два письма въ институтъ. Если ты ихъ не отдавалъ туда, то и не отдавай. Пусть останутся у тебя. Прощай. Спѣшу кончить. Какое гадкое, какое ужасное время! Дождь, слякоть! Сердце мое тоскуетъ по Римѣ и по моей Италіи! И не дождусь, покамѣстъ пройдетъ [2]) мѣсяцъ [3]), который мнѣ нужно убить на здѣшнихъ водахъ [4]).

Твой *Гоголь*.

XXXI. Къ нему же.

Женева. Сентября 19 (1837) [5]).

Я не получилъ отъ тебя никакого отвѣта на письмо, писанное изъ Бадена. И опять повторяю тебѣ прежнюю просьбу. Если у тебя не случится теперь 1.500 рублей, а изъ банка нельзя будетъ взять скоро, то продай мою библіотеку. Кажется, Одоевскій хотѣлъ у меня купить. Предложи ему. Она мнѣ стоила до 3.000, но если можно за нее выручить половину, то слава Богу. Мнѣ бы не хотѣлось ее сбывать, хотя я и не буду имѣть случая ею пользоваться, но я знаю, что многія книги полезны тебѣ, и

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «если получилъ, т(о)».

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «этотъ».

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: »чтобы».

[4]) Послѣ этого въ перепискѣ Гоголя наступаетъ продолжительный перерывъ. Въ это время о Гоголѣ носились даже слухи, будто онъ посаженъ за долги въ тюрьму. 30 апрѣля 1838 года Погодинъ писалъ: «Грановскій говоритъ, что, будучи въ Берлинѣ, онъ слыхалъ отъ кого-то, что Гоголь живетъ теперь въ Римѣ, бросилъ лѣчиться отъ увѣренности, что онъ непремѣнно долженъ умереть въ концѣ нынѣшняго года. Онъ растолстѣлъ, ничѣмъ рѣшительно не занимается, проводя все время въ обществѣ нашихъ художниковъ, и играя съ ними не то въ карты, не то въ биллiардъ. *Вѣдь онъ былъ въ Испаніи!* Что за ужасная судьба преслѣдуетъ лучшія наши головы» («Жизнь и труды Погодина», т. V, стр. 159). «Иванъ Ермолаевичъ Великопольскій», писалъ С. Т. Аксаковъ Погодину, «сказалъ мнѣ, что видѣлъ у васъ Кони, который подтвердилъ непріятное извѣстіе о Гоголѣ и предложилъ мнѣ составить для него подписку. Великопольскій даетъ тысячу рублей. Мысль святая! Вѣдь это позоръ всѣмъ намъ, если Гоголя засадятъ въ тюрьму» (тамъ же). О пребываніи Гоголя въ Испаніи лѣтомъ 1837 г. см. «Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 195—196 и т. I, стр. 336.

[5]) Было напечатано въ «Русскомъ Словѣ» (1859, I, 104—106), потомъ въ брошюрѣ г. Пѣтухова, стр. 20—22.

мнѣ пріятно воображать, что ты роешься, вмѣсто меня, въ нихъ. Но я въ большой крайности. Я получилъ 1.000 рублей отъ Плетнева назадъ тому двѣ недѣли; уплатилъ нѣкоторые долги и сдѣлалъ себѣ платье все (съ) [1]) изнова, потому что старое разлѣзлось въ куски — послѣдній продуктъ моей отчизны. Холера [2]), опустошающая теперь Римъ, разстроила теперь всѣ мои планы и предположенія. Я уже такъ-было устроился и распорядилъ дѣла свои, что могъ жить [3]) въ Римѣ [4]), какъ у себя дома. Куда дешевле того, какъ жилъ въ Петербургѣ. Теперь я таскаюсь безпріютно. Въ Швейцаріи все вдвое дороже противъ римскаго. Къ тому же расположеніе моей болѣзни таково, что я не могу теперь забраться въ совершенную глушь и противъ воли долженъ искать развлеченіе [5]): я боюсь ипохондріи, которая гонится за мной по пятамъ. Смерть Пушкина, кажется, какъ будто отняла отъ всего, на что погляжу, половину того, что̀ могло бы меня развлекать. Желудокъ мой гадокъ до невозможной степени и отказывается рѣшительно варить, хотя я ѣмъ теперь очень умѣренно. Геморроидальные мои запоры по выѣздѣ изъ Рима начались опять, и, повѣришь ли, что если не схожу на дворъ, то въ продолженіе всего дня чувствую, что на мозгъ мой [6]), какъ будто бы надвинулся какой-то колпакъ, который препятствуетъ мнѣ думать и туманитъ мои мысли. Воды мнѣ ничего не помогли, и я теперь вижу, что онѣ ужасная дрянь; только чувствую себя [7]) хуже: легкость въ карманахъ и тяжесть въ желудкѣ. Мысль [8]) о тебѣ да о двухъ-трехъ только [9]) дорогихъ для сердца душахъ, пребывающихъ въ Петербургѣ, иногда согрѣваетъ меня, но уже не столько [10]), какъ прежде, отъ того, что я слишкомъ часто и неумѣренно предаюсь ей.

---

[1]) Это слово пропущено у г. Пѣтухова; въ «Русскомъ Словѣ» есть.

[2]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «ра(зстроила)».

[3]) Въ «Русскомъ Словѣ» ошибка: «въ немъ»; у г. Пѣтухова вѣрно: «въ Римѣ».

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «несравненно».

[5]) Въ «Русскомъ Словѣ» и у г. Пѣтухова: «развлеченія»; въ подлинномъ письмѣ: «развлеченіе».

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «совер(шенно)».

[7]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «гора(здо)», а послѣ слова: «хуже»—«пуст(оту)».

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «моя».

[9]) Это слово пропущено въ «Р. Словѣ»; но есть у г. Пѣтухова.

[10]) Въ «Р. Словѣ»: «такъ»; у г. Пѣтухова—правильно.

Я отъ тебя давно не получалъ писемъ. Что ты подѣлываешь, жизнь и душа моя? Здоровъ? Веселъ? Работаешь? Пишешь? Читаешь? Напиши, пожалуйста. Ты такъ мало говоришь о себѣ. И нѣтъ ли у васъ какой-нибудь сколько-нибудь радостной новости?

Узнай отъ Плетнева, правда ли это, что говорятъ, что будто на слѣдующій годъ ѣдетъ наслѣдникъ, а съ нимъ, безъ сомнѣнія, и Жуковскій, а, можетъ-быть, и Плетневъ, въ Италію. Какъ бы я желалъ, чтобы этому [1]) была правда. Я соскучилъ страшно безъ Рима. Тамъ только я былъ совершенно спокоенъ, здоровъ и могъ предаться моимъ занятіямъ. Мутно и туманно все кажется послѣ Италіи [2]). Прежнія синія горы теперь кажутся сѣрыми; все пахнетъ сѣвероmъ послѣ нея. И какъ вспомню, что я долженъ буду прожить мѣсяцъ, а можетъ-быть, и болѣе, вдали отъ нея (холера, по всѣмъ вѣроятьямъ, не оставитъ Рима раньше мѣсяца), то, мнѣ кажется [3]), я заживо вижу передъ собою вѣчность. Прощай, моя жизнь! не забудь моей просьбы.

Когда добудешь деньги, то не медля, ту же минуту неси ихъ къ Штиглицу, чтобы онъ взялъ изъ нихъ 600 франковъ и отослалъ въ *Растатъ*, что въ Баденскомъ Великомъ Герцогствѣ, къ тамошнему банкиру, который называется: François Simon Meyer, извѣстивши его, что это слѣдуемыя ему отъ меня занятыя у него деньги, а на [4]) остальныя же деньги, 1.000 франковъ, или около, чтобы Штиглицъ прислалъ мнѣ вексель въ Женеву.

Адресуй или въ poste restante, или въ мою квартиру: Rue Croix d'or, № 25. Au deuzième porte gauche, chez M-me Buestoz.

XXXII. Къ нему же [5]).

(1837) [6])

Ну, братъ, я рѣшительно ничего не могу понять изъ твоего молчанія. Живъ ли ты, здоровъ ли? Хоть бы слово

---

[1]) Въ «Русскомъ Словѣ»: «это»; у г. Пѣтухова вѣрно: «этому».

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «не тѣ горы».

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «передъ».

[4]) Это слово вписано сверху строки.

[5]) Это письмо было сперва напечатано въ »Русскомъ Словѣ» 1859, I, 106—107; потомъ въ брошюрѣ г. Пѣтухова, стр. 22—23.

[6]) Письмо это не имѣетъ даты. Оно написано на лоскуткѣ почтовой бумаги самымъ мелкимъ почеркомъ, и было вложено въ письмо къ г. Плетневу, что видно изъ слѣдующаго письма Гоголя. Вверху стоитъ отмѣтка Прокоповича: «1837 г.». *Прим. И. Гербеля.*

на мое письмо, хоть бы строчку въ отвѣтъ! Не совѣстно ли тебѣ и не стыдно ли? Ты знаешь самъ очень хорошо, что̀ *я* тебѣ и что̀ *ты* мнѣ, и послѣ всего этого молчишь. Я писалъ къ тебѣ изъ Рима, изъ Франкфурта, изъ Бадена — хоть бы одно слово! Ради Бога, выведи меня скорѣе изъ неизвѣстности о себѣ. Пиши и адресуй въ Римъ: Strada Felice, № 126, ultimo piano. Я тебя просилъ выслать мнѣ мои рукописи,—всѣ соверш(енно) [1]), безъ исключенія. Пожалуйста, не позабудь этого исполнить. Онѣ мнѣ совершенно всѣ нужны, въ томъ числѣ, вмѣстѣ съ ними, есть и печатные экстракты изъ дѣлъ и докладны(я) [2]) записки [3]) и малорос(сійскія) [4]) пѣсни; все это перешли. Если достанешь еще какія-нибудь дѣла—попроси отъ меня Пащенка, Ивана Гр(игорьевича) [5]). Онъ можетъ похитить изъ своей юстиціи. Можетъ-быть, Анненковъ еще что-нибудь достанетъ [6])? Все это запакуй вмѣстѣ и перешли мнѣ. А переслать вотъ какимъ образомъ: отнеси все это къ M-r Pongis [7]), а гдѣ онъ живетъ, объ этомъ можно узнать у Штиглица. Къ Pongis уже объ этомъ писано. Онъ отправитъ ящикъ въ Ливорно къ тамошнему консулу. Спроси его — нужно ли ему въ Петербургѣ заплатить за пересылку, или на мѣстѣ? Если въ Петербургѣ, то, пожалуйста, заплати ему за меня: это стоитъ бездѣлица. Я тебѣ все это возвращу при первомъ случаѣ. Я радъ, что у тебя не отнялъ денегъ, которыя, можетъ-быть, тебѣ нужны самому и которыя я просилъ у тебя въ займы. Я получилъ отъ государя (спасибо ему!) почти [8]) неожиданно и теперь не нуждаюсь. Если что-нибудь вышло по части Русск(ой) Исто(ріи) [9]), изданія Нестора, или Кіевской Лѣтописи, Ипатьевской, или Хлѣбниковскаго списка—пожалуйста, пришли. Если вышелъ переводъ славянской исторіи Шафарика, или что-нибудь относит(ельно) славянъ или миѳол(огіи) слав(янской) [10]). Также какіе-нибудь акты

[1]) Не дописано.
[2]) Тоже.
[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «все это. перешли».
[4]) Не дописано.
[5]) Тоже.
[6]) Въ «Русск. Словѣ» (1859, стр. 106), и у г. Пѣтухова ошибка: «досталъ».
[7]) Въ подлинникѣ: «Pongis»; въ «Русскомъ Словѣ» невѣрно: «Pondis».
[8]) Въ «Р. Словѣ»: «пять».
[9]) Не дописано.
[10]) Тоже.

къ [1]) древней русск(ой) [2]) исторіи, или хорошее изданіе русскихъ пѣсенъ или малоросс. [3]) пѣсенъ. Все это возьми у Смирдина. Пусть поставитъ на мой счетъ. Также, если есть что̀ новое на счетъ раскольничьихъ сектъ. Если вышло Снегирева описаніе праздниковъ и обрядовъ — пришли. Или другого какого-нибудь [4]). Да [5]), ради Бога, пиши. Я къ тебѣ ничего не пишу — ни (о) моей жизни, ни трудахъ, потому что не увѣренъ, будешь ли ты и на это отвѣчать. Какъ получу—напишу.

XXXIII. Къ матери.

Женева. 1 октября, 1837.

Спѣшу васъ поздравить, почтеннѣйшая маменька, со днемъ вашего ангела. Дай Богъ, чтобы вы его провели, а съ нимъ и всѣ слѣдующіе дни прекрасно, въ совершенномъ здоровьѣ, получая одни только извѣстія пріятныя и не зная ничего, что̀ бы могло нанесть вамъ огорченіе. Я уже давно не получалъ отъ васъ письма, а равнымъ образомъ и отъ сестеръ изъ Петербурга. Я болѣе мѣсяца провелъ въ Баденѣ, гдѣ пользовался водами, которыя пользы мнѣ не сдѣлали ни на полушку и только разстроили то, что̀ я совершенно поправилъ-было въ Италіи [6]). Теперь я вижу ясно, что для меня больше всего нуженъ воздухъ и что воздухъ Италіи одинъ только можетъ совершенно искоренить всѣ мои геморроидальные припадки. Впрочемъ, можетъ быть, и хорошо, что я въ то время выѣхалъ изъ Италіи, потому что безъ меня явилась тамъ холера и пожрала множество людей. Теперь она почти проходитъ, но я обожду въ Женевѣ до тѣхъ поръ, пока она исчезнетъ тамъ совершенно, что̀, полагаю, должно̀ сбыться въ продолженіе мѣсяца непремѣнно, потому что, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Рима, уже сняты даже карантины, и всѣ выздоравливаютъ.

Извѣстите меня, какъ идутъ ваши хозяйственныя дѣла и что̀ дѣлается новаго въ нашихъ земляхъ.

---

[1]) Слово: «къ» вписано сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «изъ исторіи».
[2]) Не дописано.
[3]) Тоже.
[4]) Эта фраза вписана послѣ.
[5]) Начиная съ этого слова, приписка сбоку страницы.
[6]) Замѣчательно, что Гоголь, говоря о своемъ пребываніи въ Баденѣ, нигдѣ не упоминаетъ въ письмахъ о томъ, гдѣ онъ былъ *послѣ* Бадена.

Швейцарія все такая же, какъ прежде. Я посѣтилъ опять чудеса натуры. Снѣговой Монбланъ передъ моими глазами; Женевское озеро, съ своими бирюзовыми водами и живописными окрестностями, все такъ же хорошо; но я гляжу уже на нихъ другимъ окомъ, — равнодушнѣе прежняго. Послѣ Италіи, здѣшнее небо не такъ кажется ясно и сине, а воздухъ, этотъ божественный воздухъ, который такъ прозраченъ въ Италіи и вливаетъ въ нервы такое освѣжительное здоровье, здѣсь не тотъ [1]). Осень привела сюда туманы и даетъ чувствовать, что зима, которая не существуетъ въ Италіи, уже недалеко. Впрочемъ я надѣюсь ускользнуть отъ ней.

Если вы успѣете получить мое письмо по крайней мѣрѣ 5 октября по вашему стилю, то пишите отвѣтъ въ Женеву; когда же нѣтъ, то адресуйте въ Римъ...

Сестру и милаго Колю цѣлую много разъ. А что дѣлаетъ Оленька? Гдѣ она теперь?

XXXIV. Къ В. А. Жуковскому.

Октября 30. Римъ. 1837 [2]).

Я получилъ данное мнѣ великодушнымъ нашимъ государемъ вспоможеніе. Благодарность сильна въ груди моей, но изліяніе ея не достигнетъ къ его престолу. Какъ нѣкій Богъ, онъ сыплетъ полною рукою благодѣянія и не желаетъ слышать нашихъ благодарностей; но, можетъ быть, слово бѣднаго при жизни поэта дойдетъ до потомства и

---

[1]) См. сходныя мысли въ письмѣ къ В. О. Балабиной отъ 16 іюля 1837 года.

[2]) Это письмо было впервые напечатано въ «Русскомъ Архивѣ», 1871, 4—5, 957—959.

Въ виду нѣкоторой сбивчивости датъ въ письмахъ Гоголя 1837 года укажемъ здѣсь предположительный маршрутъ его въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отъ половины іюня до конца ноября; 12 или 13 іюня онъ выѣхалъ изъ Рима, 15-го былъ въ Туринѣ, потомъ былъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, прожилъ около мѣсяца въ Баденъ-Баденѣ, потомъ, какъ можно предполагать, былъ въ Испаніи (къ другому времени нельзя отнести эту поѣздку, да и приведенные выше слухи объ его путешествіи въ Испанію относятся именно къ этому времени; см. «Жизнь и труды Погодина», т. V, стр. 159); потомъ былъ въ Женевѣ, откуда поѣхалъ въ Римъ и прибылъ туда въ концѣ октября, затѣмъ снова пріѣхалъ въ Парижъ и въ Швейцарію, наконецъ изъ Женевы возвратился черезъ Семплонъ, проѣхавъ мимо острова Isola Bella, въ Миланъ, Флоренцію и Римъ (см. «Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 202 и 540—542).

прибавить умиленную черту къ его царственнымъ [1]) доблестямъ. Но до васъ можетъ досягнуть моя благодарность. Вы, все вы! Вашъ исполненный любви взоръ бодрствуетъ надо мною! Какъ будто нарочно дала мнѣ судьба тернистый путь, и сжимающая нужда увила жизнь мою, чтобы [2]) я былъ свидѣтелемъ прекраснѣйшихъ явленій на землѣ [3]).

Вексель съ извѣстіемъ еще въ августѣ мѣсяцѣ пришелъ ко мнѣ въ Римъ, но я долго не могъ возвратиться туда [4]) по причинѣ холеры. Наконецъ я вырвался. Еслибы вы знали, съ какою радостью я бросилъ Швейцарію и полетѣлъ въ мою душеньку, въ мою красавицу Италію! Она моя! Никто въ мірѣ ея не отниметъ у меня. Я родился здѣсь. Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ — все это мнѣ снилось. Я проснулся опять на родинѣ, и пожалѣлъ только, что поэтическая часть этого сна — вы, да три-четыре оставившихъ вѣчную радость воспоминанія въ душѣ моей, не перешли въ дѣйствительность. Еще одно безвозвратное... О, Пушкинъ, Пушкинъ! Какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе! Что бы за жизнь моя была послѣ этого въ Петербургѣ; но какъ-будто съ цѣлью [5]) всемогущая рука Промысла бросила меня подъ сверкающее небо Италіи, чтобы я забылъ о горѣ, о людяхъ, о всемъ, и весь впился въ ея роскошныя красы. Она замѣнила мнѣ все. Гляжу какъ изступленный на все и не нагляжусь до сихъ поръ. Вы говорили мнѣ о Швейцаріи, о Германіи и всегда вспоминали о нихъ съ восторгомъ. Моя душа также ихъ приняла живо, и я восхищался ими, даже, можетъ съ большей живостью, нежели, какъ я въѣхалъ въ первый разъ въ Италію. Но теперь, когда я побывалъ въ нихъ [6]) послѣ Италіи, низкими, пошлыми, гадкими, сѣрыми, холодными показались мнѣ они со всѣми ихъ горами и видами, и мнѣ кажется, какъ будто бы я былъ въ Олонецкой губерніи и слышалъ медвѣжье дыханіе сѣвернаго океана [7]).

---

[1]) Въ «Русскомъ Архивѣ» ошибка: «нравственнымъ».

[2]) Въ словѣ: «чтобы» частица «бы» приписана сверху.

[3]) Ср. соч. Гог., изд. X. т. IV, стр. 279, извѣстное литературное письмо Гоголя къ Жуковскому.

[4]) Слово: «туда» написано вмѣсто зачеркнутыхъ: «въ Римъ».

[5]) Слово: «съ цѣлью» вписаны сверху зачеркнутаго: «нарочно».

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «во второй разъ».

[7]) Ср. съ письмомъ В. О. Балабиной отъ 16 іюля 1837 года. Это между прочимъ оправдываетъ дату на письмѣ, т. е. подтверждаетъ, что оно относится дѣйствительно къ 1837 году.—Это «медвѣжье ды-

И неужели вы не побываете здѣсь и не поглядите на нее, и не [1]) отдадите тотъ поклонъ [2]), которымъ долженъ красавицѣ-природѣ всякъ кадящій прекрасному? Здѣсь престолъ ея. Въ другихъ мѣстахъ мелькаетъ одно только воскраіе ея ризы, а здѣсь она вся глядитъ прямо въ очи своими пронзительными очами.— Я веселъ. Душа моя свѣтла. Тружусь и спѣшу всѣми силами совершить трудъ мой. Жизни! Жизни! Еще бы жизни! Я [3]) ничего еще не сдѣлалъ, что̀ бы было [4]) достойно вашего трогательнаго расположенія. — Но, можетъ быть, это [5]), которое пишу нынѣ, будетъ достойно его. По крайней мѣрѣ мысль о томъ, что вы будете читать его нѣкогда, была одна изъ первыхъ, оживлявшихъ меня во время бдѣнія надъ нимъ. Храни Богъ долго, долго прекрасную жизнь вашу!

Вашъ *Гоголь*.

Мой адресъ: Strada Felice, № 126, ultimo piano. Прошу васъ покорнѣйше отдать эти письма Алекс. Осип. Смирновой и Андрею Карамзину [6]).

XXXV. Къ П. А. Плетневу.

Римъ, 2 ноября 1837 г. [7]).

Не сердитесь на меня, что письма мои такъ пусты и глупы: я бы радъ былъ написать лучше [8]), но въ то са-

ханье» и т. п.) любимое выраженье Гоголя въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ говорилъ о сѣверѣ; см. письма къ М. П. Балабиной отъ апрѣля 1838 (2588 отъ основанія города) и отъ 1842 г. («Хотя нѣсколько строкъ напишу къ вамъ»), гдѣ, говоря о Россіи, Гоголь называетъ ее «снѣжной берлогой».

[1]) Слово: «не» вписано сверху строки.

[2]) Въ подлинникѣ: «поклоненіе»; первоначально было написано: «то поклоненіе», но потомъ Гоголь переправилъ *то* на *тотъ*, забывъ исправить *поклоненіе* на *поклонъ*.

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «то».

[4]) Въ подлинникѣ описка: «что̀ бы бы было» (sic).

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «будетъ».

[6]) Эти письма не были обнародованы и едва ли сохранились. — На оборотѣ написано: «Его Превосходительству Василію Андреевичу Жуковскому *)».

[7]) Эта дата, значащаяся на копіи письма, переписаннаго для цензуры (Гоголь предполагалъ напечатать это письмо цѣликомъ), подвержена сомнѣнію. Кулишъ относитъ это письмо къ 1838 году, но помѣтка цензора показываетъ, что оно могло бы принадлежать развѣ самому началу его.

[8]) Прежде было: «лучше написать» (порядокъ измѣненъ сверху обозначенными цифрами).

*) Эти слова, написанныя на оборотѣ, въ „Русскомъ Архивѣ“ ошибочно внесены въ самый текстъ письма.

мое время, когда примусь за перо, мысль моя уже занята другимъ. Кажется, много, о чемъ бы хотѣлось поговорить, но какъ скоро дойду до дѣла—голова моя точно деревянная; разсказывать же то, о чемъ трезвонитъ весь міръ, и разсказывать такими пошлыми словами, какъ разсказываютъ путешественники,—это хуже, чѣмъ святотатство. Тутъ невольно придетъ на память вся пошлость и водяность, какая только существуетъ на этомъ грѣшномъ свѣтѣ, и такъ не сердитесь [1]), виновникъ многихъ, многихъ прекрасныхъ минутъ моей жизни, что въ письмахъ моихъ нѣтъ того, о чемъ любитъ изливаться молодая душа путешественника. Теперь, на первый случай, знайте обо мнѣ, что я счастливъ какъ нельзя больше: добрый государь нашъ (храни его за это Богъ!), пожаловавши мнѣ 5000 руб., далъ мнѣ средство по крайней мѣрѣ полтора года прожить безбѣдно въ Италіи.

Что за земля Италія! Никакимъ образомъ не можете вы ее представить себѣ. О, еслибы вы взглянули только на это ослѣпляющее небо, все тонущее въ сіяніи! Все прекрасно подъ этимъ небомъ; что ни развалина, то и картина; на человѣкѣ какой-то сверкающій колоритъ; строеніе, дерево, дѣло природы, дѣло искусства — все, кажется, дышитъ и говоритъ подъ этимъ небомъ. Когда вамъ все измѣнитъ, когда вамъ больше ничего не останется такого, что бы привязывало васъ къ какому-нибудь уголку міра, пріѣзжайте въ Италію. Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ; цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ Божеству [2]). Князь Вяземскій очень справедливо сравниваетъ Римъ съ большимъ прекраснымъ романомъ, или эпопеею, въ которой на каждомъ шагу встрѣчаются новыя и новыя, вѣчно неожиданныя красы [3]). Передъ Римомъ всѣ другіе города кажутся блестящими драмами, которыхъ дѣйствіе совершается шумно и быстро въ глазахъ зрителя; душа восхищена вдругъ, но не приведена въ такое спокойствіе, въ такое продолжительное наслажденіе, какъ при чтеніи эпопеи. Въ самомъ дѣлѣ, чего въ ней нѣтъ? Я читаю ее, читаю... и до сихъ поръ не могу добраться до конца; чте-

---

[1]) Все это мѣсто до повторенія слова: «сердитесь», у Кулиша пропущено.

[2]) У Кулиша: «къ Богу»; кромѣ того, кто-то красными чернилами намѣтилъ здѣсь измѣненіе для цензуры: «къ небу».

[3]) См. письмо къ кн. Вяземскому отъ 25 іюня 1838 г. и примѣчанія къ нему (ниже, стр. 513, примѣч. 2-е).

ніе мое безконечно. Я не знаю, гдѣ бы лучше могла быть проведена жизнь человѣка, для котораго пошлыя удовольствія свѣта не имѣютъ много цѣны. Это городъ и деревня вмѣстѣ. Обширнѣйшій городъ—и, при всемъ томъ, въ двѣ минуты вы уже можете очутиться за городомъ. Хотите—рисуйте, хотите—глядите... не хотите ни того, ни другого—воздухъ самъ лѣзетъ вамъ въ ротъ. Проглянетъ солнце (а оно глядитъ каждый день)—и ничего уже болѣе не хочешь; кажется, ничего уже не можетъ прибавиться къ вашему счастію. А если случится, что нѣтъ солнца (что бываетъ такъ же рѣдко, какъ въ Петербургѣ солнце), то идите по церквамъ. На каждомъ шагу и въ каждой церкви чудо живописи, старая картина, къ подножію которой несутъ милліоны людей умиленное чувство изумленія. Но небо, небо!.. Вообразите, иногда [1]) проходятъ два-три мѣсяца, и оно отъ утра до вечера чисто, чисто — хоть бы одно облачко, хотя бы какой-нибудь лоскуточекъ его!

Но я разучился совсѣмъ писать письма; одно слово толкаетъ другое, я мараю, ставлю ошибки... но когда-нибудь вы увидите записки, въ которыхъ отразились, можетъ-быть, вѣрно впечатлѣнія души моей, гдѣ она вылила признательныя движенія свои, которыхъ не могла бы излить открыто, не нарушая тонкой разборчивости тѣхъ, кому въ глубинѣ ея сожигается неугасимо жертвенный пламень благодарности. Тамъ и тѣ предметы, диво природы и искусства, къ которымъ издалека мы несемся пламенной душой, въ томъ видѣ, въ какомъ она приняла ихъ [2]).

XXXVI. Къ матери.

Миланъ. 24 ноября 1837.

Я пробылъ въ Женевѣ больше, нежели думалъ (ожидая изъ Петербурга нужныхъ для меня писемъ) [3]). Разсчитавши,

---

[1]) У Кулиша: «когда».

[2]) Внизу страницы помѣтка: «28 марта 1838 г. Цензоръ А. Никитенко».

[3]) Здѣсь крайне запутанныя и противорѣчивыя даты, примирить которыя можно лишь предположеніемъ, что Гоголь, какъ сказано раньше, пріѣзжалъ въ Римъ на нѣкоторое время изъ Швейцаріи и потомъ обратно уѣхалъ въ Швейцарію. Гоголь, какъ онъ говоритъ, могъ получить отвѣтъ на письмо свое отъ 1 октября, которое должно было по его разсчету быть получено его матерью 5 октября, (*только въ этомъ случаѣ*), если же письмо пришло бы позднѣе 5-го, то онъ совѣтовалъ адресовать отвѣтъ въ Римъ: слѣдовательно онъ долженъ

что съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ къ вамъ, есть мѣсяцъ, я рѣшился писать прежде прибытія въ Римъ, гдѣ находятся ваши письма, чтобы вы не безпокоились на-счетъ моего здоровья и прочаго. Я съ большою радостью оставилъ наконецъ Женеву, гдѣ, впрочемъ, мнѣ не было скучно, — тѣмъ болѣе, что я тамъ имѣлъ счастливую встрѣчу съ Данилевскимъ и такимъ образомъ мы провели осень довольно пріятно, до тѣхъ поръ пока, наконецъ, всѣ горы, не только огромныя, высокія и далекія, но даже и ближнія, покрылись снѣгомъ. При всемъ томъ мысль увидѣть Италію опять, вновь произвела то, что я бросилъ Швейцарію, какъ узникъ бросаетъ темницу. Я избралъ на этотъ разъ другую дорогу, сухимъ путемъ, чрезъ Альпы, самую живописную, какую только мнѣ удавалось видѣть. Громады горъ безобразныхъ, дикихъ неслись во всю дорогу; мимо оконъ нашего дилижанса мелькали водопады, шумящіе, состоящіе изъ водяной пыли. Половину сутокъ все подымались мы на Сенплонъ, одну еще не изъ самыхъ высокихъ горъ. Дорога наша кружилась по горѣ, въ виду цѣлыхъ цѣпей другихъ горъ. Стремнины страшныя становились глубже и глубже съ правой стороны дороги. Все очутилось внизу. Тѣ горы, на которыя взглянуть было трудно, какъ говорится, не уронивши съ головы шапки, казались теперь малютками. Скалы, утесы, водопады, все было подъ нашими ногами. Дорога наша часто проходила насквозь скалу, сквозь просѣченный въ ея каменной массѣ коридоръ. Часто висѣлъ надъ нами натуральный сводъ. Часто мы проѣзжали сквозь искусственную длинную каменную галлерею, потому что безъ нея дорога была бы занесена снѣгомъ. И, встрѣтивши, такимъ образомъ на вершинѣ Сенплона около 20 градусовъ морозу мы наконецъ начали спускаться внизъ быстро, мимо скалъ, мимо водопадовъ. Ничего вы не можете себѣ представить живописнѣе. На картинахъ вы не видали ничего подобнаго. Уже бросили сани, взяли и карету, и все летѣли съ быстротою по кружающимъ (sic) дорогамъ, окруженнымъ картинными горами. Меньше, нежели въ три часа, спустились мы съ тѣхъ горъ, на которыя подымались около сутокъ, и климатъ къ концу такъ измѣнился, что, вмѣсто морозу, было около 12 градусовъ теплоты. Разстилавшіяся

былъ получить письма матери до 24 ноября, ибо на письмѣ къ Жуковскому стоитъ дата: 30 октября, а къ Плетневу—2 ноября и на обоихъ значится: Римъ. Затрудняемся примирить эти противорѣчія.—Не должно ли читать: 24 *октября?*

вдали долины Италіи представляли удивительно какой видъ! Наконецъ, минувши знаменитое большое озеро съ его прекрасными островами (можетъ быть, вы слышали про Изолу-Беллу, одинъ изъ острововъ, который состоитъ изъ девяти этажей, изъ террасъ, дворцовъ и всѣхъ возможныхъ растеній въ мірѣ), минувши нѣсколько городовъ совершенно итальянскихъ, я прибылъ въ Миланъ.

Онъ великъ, — можетъ быть, больше всѣхъ другихъ въ Италіи по населенности, похожъ нѣсколько на Парижъ. Но что̀ больше всего поражаетъ видъ, это катедраль, по нашему—соборъ. Вообразите себѣ огромнѣйшую массу, всю изъ мрамора, всю изъ разныхъ украшеній, похожую на кружево. Театръ миланскій, по величинѣ, первый въ мірѣ, послѣ неаполитанскаго. Картинная галлерея, по обыкновенію всѣхъ итальянскихъ городовъ, прекрасная, и станетъ на нѣсколько дней ее глядѣть. Я пробуду еще день въ Миланѣ и отправлюсь во Флоренцію, а оттуда въ Римъ. Не успѣлъ я выѣхать въ Италію, уже чувствую себя лучше. Благословенный воздухъ ея уже дохнулъ.

Прощайте до другого времени. Будьте здоровы со всею нашею семьею, васъ обожающею.

Вашъ послушный сынъ

Николай.

XXXVII. Къ ней же.

1837, декабря 22. Римъ.

Я засталъ ваше письмо въ Римѣ и спѣшу отвѣчать. Изъ него я узналъ, что вы еще не получали писемъ, писанныхъ мною изъ другихъ мѣстъ [1]). Я очень радъ, что вы немного развлекли себя поѣздкою въ Кіевъ. Это для васъ хорошо—и для здоровья, и для удовольствія, и для души, потому что пріятнѣе помолиться тамъ, гдѣ почіютъ святые.

На-счетъ моихъ чувствъ и мыслей объ этомъ, вы правы, что спорили съ другими, что я не перемѣню обрядовъ своей религіи. Это совершенно справедливо; потому что, какъ религія наша, такъ и католическая, совершенно одно и то же, и потому совершенно нѣтъ надобности перемѣ-

[1]) Т. е., вѣроятно, изъ Женевы и Милана; см. выше. Вскорѣ эти письма были получены, и 11 января 1838 года Марья Ивановна Гоголь писала Петру Петровичу Косяровскому: «Сынъ мой теперь въ Италіи и каждый мѣсяцъ пишетъ ко мнѣ отъ того мѣста, гдѣ находится». (См. «Указатель къ письмамъ Гоголя», I изд., стр. 79).

нить одну на другую. Та и другая истинна; та и другая признаетъ одного и того же Спасителя нашего, одну и ту же Божественную Премудрость, посѣтившую нѣкогда нашу землю, претерпѣвшую послѣднее униженіе на ней, для того, чтобы возвысить выше нашу душу и устремить ее къ небу [1]). Итакъ, на-счетъ моихъ религіозныхъ чувствъ вы никогда не должны сомнѣваться.

Теперь поговоримъ о другомъ. Вы желаете скорѣе моего возвращенія; я самъ также желалъ бы увидѣть васъ, моихъ родныхъ и моихъ знакомыхъ, которые дороги моему сердцу. Но прежде всего мы должны слушаться совѣтовъ благоразумія. Здоровье мое не таково еще, чтобы рисковать имъ, отправляясь теперь въ Россію. Въ послѣднее время въ Петербургѣ я очень страдалъ геморроидальными припадками. Когда я былъ послѣдній разъ у васъ, вы, я думаю, сами замѣтили, что не зналъ, куда дѣваться отъ тоски, и напрасно искалъ развлеченій. Я самъ не зналъ, откуда происходила эта тоска, и уже, пріѣхавши въ Петербургъ, узналъ, что это былъ припадокъ моей болѣзни (геморроидъ). Выѣздъ изъ Петербурга и путешествіе меня поправили, а особливо жизнь въ Италіи; но потомъ я желалъ совершенно освободиться навсегда отъ моей болѣзни и принялъ, по совѣту не очень дальновидныхъ медиковъ, минеральныя воды, которыя мнѣ не только не помогли, но даже разстроили, и только возвращеніе мое въ Италію меня опять оживило. Благодѣтельный воздухъ этой земли дѣйствуетъ спасительно,

---

[1]) Изъ выраженій, въ какихъ Гоголь отзывается здѣсь о вѣроисповѣданіяхъ православномъ и римско-католическомъ, и изъ того, какъ характеризуетъ онъ свои побужденія оставаться въ православной вѣрѣ, видно, что нашъ великій писатель имѣлъ въ ту пору еще довольно неясныя и смутныя понятія о степени уклоненій, отдѣляющихъ Римскую церковь отъ Восточной. Въ письмахъ, относящихся къ послѣдующему періоду его жизни, какъ читатель увидитъ самъ, Гоголь выражаетъ свои понятія объ этомъ предметѣ гораздо съ большею ясностію и правильностію. Тамъ слышна уже не только увѣренность, что обѣ Церкви исповѣдуютъ одного и того же Спасителя, но и глубокое убѣжденіе въ томъ, что Восточная церковь одна сохранила это исповѣданіе во всей первоначальной чистотѣ и что это высокое превосходство нашей Церкви должно служить особеннымъ побужденіемъ оставаться ей вѣрнымъ. Размышленіе, чтеніе и собственный душевный опытъ образовали въ Гоголѣ это убѣжденіе: черта замѣчательная въ процессѣ его воспитанія, продолжавшагося чрезъ всю его жизнь. Поэтому мы сочли нужнымъ, для интересующихся этимъ процессомъ, сохранить вполнѣ вышеприведенныя выраженія Гоголя о Церкви, съ присоединеніемъ охранительнаго замѣчанія.
Прим. перваго изданія.

и только долговременное пользованіе имъ можетъ одно меня совершенно освободить отъ моей болѣзни. Возвратиться же теперь, не поправившись совершенно, въ Россію значитъ погубить себя [1]), и я не хочу послѣдовать примѣру нѣкоторыхъ людей, которые, не послушавшись этого, были сами причиною своей гибели. Итакъ, зная, какъ вы меня любите, я увѣренъ, что вы не станете требовать, почтеннѣйшая маменька, моего скораго возвращенія.

Я увѣренъ [2]), что вы не станете требовать, почтеннѣйшая маменька, моего скораго возвращенія.

Теперь возвратимся къ третьему пункту вашего письма. Судьба Оленьки меня безпокоитъ. Я придумалъ вотъ что: помѣстить ее въ Полтавскій институтъ. Что ни говорите, но все это будетъ лучше, нежели домашнее воспитаніе въ чужомъ семействѣ, и особенно, когда оно еще не совершенно коротко вамъ извѣстно. Въ институтѣ же узнаетъ она несравненно болѣе, да притомъ тамъ находится, какъ вы говорите, классною дамою ея прежняя воспитательница, по словамъ вашимъ, хорошая женщина, ее любящая. Я просилъ княгиню Репнину о томъ, чтобы помѣстить ее на казенный счетъ, и она обѣщалась написать объ этомъ непремѣнно въ институтъ... [3]).

Изъ письма вашего я вижу, что вы иногда нуждаетесь въ моихъ сочиненіяхъ, для раздачи ихъ вашимъ знакомымъ. Я напишу въ Петербургъ, чтобы вамъ прислали нѣсколько экземпляровъ, дабы вы могли, не скупясь, ими надѣлять деревенскихъ охотниковъ до чтенія... [4]).

Будьте здоровы и счастливы и прощайте до слѣдующей почты. Вашъ любящій и почтительный сынъ Ник(олай).

---

[1]) Около этого времени Марья Ивановна вдругъ стала настойчиво требовать возвращенія сына домой. См. письмо отъ 5 февраля 1838 года, гдѣ Гоголь возражаетъ на наивное утвержденіе, будто полтавскій врачъ Кричевскій можетъ излѣчить отъ всѣхъ болѣзней.

[2]) Начиная отсюда до конца—у Кулиша опущено.

[3]) Все это мѣсто, начиная отъ словъ: «Теперь возвратимся къ третьему пункту», у Кулиша опущено; впервые напечатано въ «Матеріалахъ для біографіи», на стр. 316. Остальная часть письма у Кулиша опущена.

[4]) Это слово вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «могли».

Краткій обзоръ содержанія писемъ 1838 года.

Продолжается упоеніе Гоголя Италіей. Оно раздѣляется и нѣкоторыми его друзьями, напр. А. С. Данилевскимъ, М. П. Балабиной, не говоря уже о художникѣ Ивановѣ. Мать усиленно зоветъ его на родину и даже увѣряетъ, что мѣстный полковой врачъ въ Полтавѣ можетъ исцѣлить всѣ недуги, а малороссійскій климатъ будто бы не уступаетъ климату Италіи. Лучшіе мѣсяцы 1838 г. Гоголь проводитъ въ Неаполѣ, а на зиму снова возвращается въ Римъ. Въ этомъ году его друга, Данилевскаго, постигаютъ одно за другимъ два несчастія: смерть горячо любимой имъ матери, а затѣмъ мошенническая продѣлка съ присланнымъ на его имя векселемъ. Гоголь принимаетъ въ своемъ другѣ сердечное участіе, утѣшая его въ великой, невознаградимой утратѣ и выручая изъ денежнаго затрудненія займомъ денегъ у Погодина, причемъ Гоголь деликатно представилъ Данилевскому дѣло въ такомъ видѣ, будто Погодинъ самъ неизвѣстно какимъ образомъ узналъ о его затруднительномъ положеніи и прислалъ ему деньги.

XXXVIII. Къ А. С. Данилевскому.

2 февраля. Римъ. 1838.

Наконецъ я добился отъ тебя письма. Оно меня очень обрадовало. Одно только мнѣ непонятно: неужели ты не получилъ моего письма? Я былъ, по обыкновенію, аккуратнѣе тебя [1]), и тотчасъ же, по пріѣздѣ въ Римъ, написалъ къ тебѣ письмо. Это было, если не ошибаюсь, въ первыхъ числахъ ноября. Ты, пожалуйста, обыщи хорошенько poste restante. Это мнѣ, признаюсь, очень непріятно,— тѣмъ болѣе, что я боюсь и за это письмо. Ты же мнѣ ни слова не написалъ, о своемъ адресѣ, такъ что я долженъ адресовать тоже въ poste restante.

Въ прежнемъ письмѣ я уже увѣдомлялъ тебя, (что) въ Римѣ всѣ живы, не только знакомые и русскіе художники,

[1]) Это слово вставлено.

но даже и всѣ тѣ лица, съ которыми встрѣчался ты [1]) чаще на улицѣ. Съ Жюзепие [2]) было поссорился за то, что подалъ дурной кусокъ ломбо di mongana, но, нанесши ему ударъ прямо въ сердце тѣмъ, что пообѣдалъ два раза въ другой комнатѣ, наконецъ съ нимъ примирился, и теперь онъ угощаетъ меня лучше, нежели когда-нибудь, съ самымъ трогательнымъ, почти отеческимъ расположеніемъ. Только одна бѣдная хозяйка твоя [3]), Роза, умерла. Обо всемъ этомъ я уже писалъ къ тебѣ, и мнѣ скучно повторять два (раза) [4]). Я жалѣю о тебѣ много, что скучаешь. Что же до меня, то никогда я не чувствовалъ себя такъ погруженнымъ въ такое спокойное блаженство. О Римъ, Римъ! о Италія! Чья рука вырветъ меня отсюда! [5]) Какъ твоя Гризи? онѣ мнѣ кажутся (sic) въ пятьсотъ разъ лучше противъ прежняго. (Кстати о Гризи: я видѣлъ во снѣ, что ты пріѣхалъ съ Гризи вмѣстѣ въ одной каретѣ въ Римъ и представлялъ ее мнѣ какъ свою жену или любовницу,—хорошенько не помню, а карета была раззолочена). Что за небо! что за дни! Лѣто — не лѣто, весна — не весна, но лучше и весны, и лѣта, какія бываютъ въ другихъ углахъ міра. Что за воздухъ! Пью—не напьюсь, гляжу—не нагляжусь. Въ душѣ небо и рай. У меня теперь въ Римѣ мало знаком(ыхъ), или, лучше, почти никого (Репнины во Флоренціи). Но никогда я не былъ такъ веселъ, такъ доволенъ [6]) жизнью.

О Симоновскомъ [7]) я рѣшительно не имѣю никакихъ вѣстей. Куда онъ дѣлся [8]) и куда пропалъ, это Богъ одинъ знаетъ. Жаль мнѣ очень, что ты не нашелъ Лукашевича [9]); еще болѣе, что не нашелъ Ноэля [10]). Благодарю душевно Гризи, что хоть она тебя развлекаетъ. О деньгахъ не хлопочи. Ты можешь ихъ прислать мнѣ послѣ. Я думаю, въ

[1]) Это слово вписано сверху строки.
[2]) Гарсонъ въ ресторанѣ.
[3]) Это слово вписано сверху.
[4]) Это слово пропущено.
[5]) Послѣ этого у Кулиша пропускъ до словъ: «Что за небо! что за дни!»
[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «оставшеюся мнѣ».
[7]) Школьный товарищъ Гоголя; см. выше, стр. 429. Симоновскій, бывшій нѣкоторое время съ Гоголемъ и Данилевскимъ въ Парижѣ, потомъ былъ обоими потерянъ изъ виду. (См. о немъ «Лицей», CXXXII).
[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «рѣшительно».
[9]) Платонъ Акимовичъ; см. выше, стр. 56, примѣч. 1-е.
[10]) Ноэль—молодой французъ, обучавшій Гоголя и Данилевскаго разговорному итальянскому языку. («Матеріалы», т. III, стр. 153).
[11]) См. выше.

нихъ не буду имѣть нужды въ теченіе добрыхъ полгода. Напиши мнѣ, между прочимъ, какъ ты располагаешь съ дальнѣйшими своими намѣреніями. Долго ли и сколько времени именно пробудешь въ Парижѣ, и куда потомъ, и какою дорогою?

Теперь время карнавала. Римъ гуляетъ напропало. Удивительное явленіе въ Италіи карнавалъ [1]), а особливо въ Римѣ: все, что ни есть, все на улицѣ, всѣ въ маскахъ. У котораго же нѣтъ никакой возможности нарядиться, тотъ выворотитъ тулупъ или вымажетъ рожу сажею. Цѣлыя деревья и цвѣтники ѣздятъ по улицамъ; часто протащится телѣга вся въ листьяхъ и гирляндахъ, колеса убраны листьями и вѣтвями, и, обращаясь, производятъ удивительный эффектъ, а въ повозкѣ сидитъ поѣздъ совершенно во вкусѣ древнихъ церериныхъ празднествъ [2]), или той картины, которую написалъ Роберть. На Корсо совершенный снѣгъ отъ бросаемой муки. Я слышалъ о конфетти, (но) [3]) никакъ не думалъ, чтобы это было такъ хорошо. Вообрази, что ты можешь высыпать въ лицо самой хорошенькой цѣлый мѣшокъ муки, хоть будь это Боргези [4]), и она не разсердится, а отплатитъ тебѣ тѣмъ же. Франты и джентльмены [5]) издерживаются по нѣскольку сотъ скудъ на одну муку. Экипажи всѣ рѣшительно маскированы. Слуги, кучера,— все въ маскарадномъ платьѣ. Въ другихъ мѣстахъ одинъ только народъ кутитъ и маскируется, здѣсь все мѣшается вмѣстѣ. Вольность удивительная, отъ которой бы ты, вѣрно, пришелъ въ восторгъ. Можешь говорить и давать цвѣты рѣшительно какой угодно. Даже можешь забраться въ коляску [6]) и усѣсться между ними. Коляски всѣ ѣдутъ [7]) шагомъ, и оттого часто забіяки, забравшись на балконъ, имѣютъ возможность цѣлые четверть часа валять горстями и ведрами мучные шарики на сидящихъ въ коляскахъ, большею частью на дамъ, которымъ и больно, и смѣшно, и онѣ только что закрываютъ [8]) очень мило рукою глаза и вытираютъ лицо. Для интригъ время удивительно счастливое.

---

[1]) У Кулиша невѣрно: «время карнавала, и»...
[2]) Въ подлинникѣ: «праздненствъ» (sic!)
[3]) Это слово пропущено.
[4]) Извѣстная владѣлица виллы Боргезе.
[5]) Въ подлинникѣ: «джентлемены».
[6]) Прежде было: «карету».
[7]) У Кулиша невѣрно: «ѣдутъ всѣ».
[8]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «весьма м(ило)».

При мнѣ завязано множество исторій самыхъ романическихъ съ нѣкоторыми моими знакомыми, и даже въ томъ числѣ съ нѣкоторыми нашими художниками (разумѣется, только не съ Дурновымъ) [1]). Всѣ красавицы Рима всплыли теперь на верхъ; ихъ такое теперь множество! [2]) и откуда онѣ взялись, одинъ [3]) Богъ знаетъ. Я ихъ никогда не встрѣчалъ доселѣ; все незнакомыя.

Кстати, ты [4]) совѣтовалъ Дурнову меньше волочиться. Нѣтъ, это неисправимое его зло [5]). Академическій коричневый сюртукъ его, который, я думаю, тебѣ очень извѣстенъ, переправленъ; придѣланы какіе-то лацканы, или отвороты, въ родѣ бархатныхъ. Художниковъ пріѣхало нѣсколько новыхъ, все люди видные изъ себя, молодцы, щеголеватѣе старыхъ, но [6]) талантливый одинъ только [7]) Логановскій [8]), котораго ты знаешь по стихамъ Пушкина, написаннымъ на его «сваечника» [9]).

Изъ Петербурга я рѣшительно не имѣю никакого извѣстія. Ничего отъ Прокоповича, ни строчки, и рѣшительно ни отъ кого: какъ-будто всѣ перемерли. И твои новости, т. е. тѣ, которыя ты получилъ изъ Петербурга [10]), страшно холодны и ничтожны; у Пащенка флюсъ; братья Крашенинниковы восхищаются Таліони... фу, ты, какая дрянь! Я получилъ только извѣстія стороною, что въ Петербургѣ доходило до 30 градусовъ мороза. Каково же! А я здѣсь купилъ недавно бѣлую шляпу, потому что лучи солнца дѣйствуютъ такъ сильно, и ни одинъ разъ во всю зиму не топилъ [11]) въ своей комнатѣ. Впрочемъ, говорятъ даже италь-

---

[1]) Дурновъ—художникъ, жившій въ Римѣ. Гоголь любилъ надъ нимъ посмѣяться.

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «что».

[3]) Это слово вписано сверху.

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «спрашивалъ».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «еще не тамъ».

[6]) Послѣ этого у Кулиша стоитъ: «мнѣ кажется», но въ подлинникѣ этихъ словъ нѣтъ. Это, вѣроятно, сдѣлано въ видахъ смягченія рѣзкаго отзыва о живыхъ еще тогда лицахъ.

[7]) Слово: «только» вписано сверху строки.

[8]) Логановскій — извѣстный скульпторъ.

[9]) На мальчика, играющаго въ свайку:

«Юноша полный красы, напряженья, усилія чуждый,
Строенъ, легокъ и могучъ, тѣшится быстрой игрой.
Вотъ товарищъ тебѣ, Дискоболъ! онъ достоинъ, клянуся,
Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры отдыхать!..»

[10]) Послѣ этого зачеркнуто: «чѣмъ».

[11]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «печ(ку)».

янны, что давно не бывало такой теплой зимы. Маменька пишетъ, что и у насъ есть маски. На ея именины наѣхало много замаскированныхъ и [1]) очень хорошо исполняли свои роли. Притомъ, по обыкновенію, прилагается приглашеніе мнѣ ѣхать въ Васильевку, и что климатъ Малороссіи такой же, какъ и въ Италіи, а Кричевскій [2]) вылѣчиваетъ отъ всякихъ совершенно болѣзней. Сестру мою [3]) зудитъ страннымъ образомъ [4]) выходить замужъ; по крайней мѣрѣ изъ весьма загадочныхъ и неясныхъ словъ письма я вывожу такое заключеніе. Я почти готовъ держать пари, что она въ это самое время, какъ я пишу къ тебѣ письмо, уже [5]) стоитъ въ церкви подъ вѣнцомъ.

Но довольно съ тебя. Больше писать не о чемъ, или лучше—все, что̀ осталось, нужно или нюхать, или смотрѣть и унываться. Знаешь самъ. Прощай [6]). Будь же уменъ и пиши ко мнѣ. Прощай [7]). Не помни ничего того, какъ я надоѣдалъ тебѣ, и помни только, какъ я люблю тебя, тебя, моего спутника, шедшаго о плечо мое во всю дорогу моей жизни, отъ тѣхъ поръ, когда ты ѣлъ въ первый разъ клюкву въ нашемъ домѣ [8])...

Не лѣнись и пиши. Адресуй не на poste restante, но въ мою квартиру (вся на солнцѣ): Strada Felice, № 126, ultimo piano [9]).

---

[1]) Это слово вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «которые».
[2]) Полковой докторъ въ Полтавѣ.
[3]) Марью Васильевну, овдовѣвшую послѣ смерти Павла Осиповича Трушковскаго.
[4]) У Кулиша измѣнено: «сестра моя собирается выходить замужъ».
[5]) Это слово вписано сверху.
[6]) Послѣ этого было написано еще разъ «прощай» и зачеркнуто.
[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «какъ хорошо это слово»: «пощади».
[8]) См. объ этомъ въ «Матеріалахъ для біографіи», т. I, стр. 98.— Остальныя строки письма у Кулиша опущены.
[9]) На оборотѣ списанные Гоголемъ стихи:

Пѣснь Невская.

«Стоитъ царскій дворецъ на Невѣ рѣкѣ
Передъ нимъ лежитъ площадь бѣлая,
А на ней стоитъ царь-гранитный столбъ, притащилъ
петербургскій мужикъ, притащилъ его...

XXXIX. Къ матери.

Римъ. Февраля 5. 1838 [1]).

Я получилъ ваше письмо, почтеннѣйшая маменька, пущенное вами 17 декабря. Вы ожидаете съ нетерпѣніемъ моего пріѣзда и совѣтуете мнѣ имъ поспѣшить. Мнѣ бы самому, съ своей стороны, было бы не меньше пріятно. Но прежде всего мы должны повиноваться тому, что̀ [2]) предписываетъ намъ благоразуміе. Для моего здоровья нужно прожить долѣе въ Италіи, во время же короткое нельзя вынесть большой пользы отсюда. Вы, я полагаю, знаете, что [3]) климатъ дѣйствуетъ медленнѣе, нежели другія средства. Это не то, что̀ лѣкарство отъ кашля, или лихорадки, или отъ тому подобныхъ болѣзней, что сегодня принялъ, а завтра здоровъ,—не то даже, что̀ воды, которыя [4]) дѣйствуютъ тоже [5]) скорѣе. Для того, чтобы [6]) почувствовать вліяніе климата, нужно остаться годъ-два [7]) по крайней мѣрѣ. Къ тому жъ я не вижу никакихъ побудительныхъ причинъ, чтобы [8]) присутствіе мое было необходимо теперь дома или въ Петербургѣ. Вы увѣряете, что нашъ климатъ въ Малороссіи производитъ то же самое дѣйствіе, что̀ въ Италіи, и что Кричевскій [9]) меня вылѣчитъ непремѣнно. На это я вамъ скажу, что климатъ здѣшній вовсе не то, что̀ въ Малороссіи. У васъ теперь, безъ сомнѣнія, 25 градусовъ морозу, а здѣсь 15 градусовъ тепла, никакого вѣтра, тепло и гораздо лучше, нежели весною. Во всю зиму я ни разу не топилъ еще въ комнатѣ, и у меня въ ней, вѣрно, теплѣе, нежели у васъ. Что̀ же касается до того, что Кричевскій меня вылѣчитъ, я и съ

---

[1]) Это письмо перепечатано съ возстановленіемъ пропусковъ въ «Вѣстникѣ Европы», 1896, VI, стр. 746—748. Въ «Вѣстн. Европы» пропущено число; у Кулиша значится: «5 февраля». Въ «Вѣстникѣ Европы» невѣрно обозначенъ на этомъ письмѣ *1837* годъ, но тамъ же въ концѣ письма замѣчено, что на заграничномъ штемпелѣ значится *1838* годъ, 10 февраля.

[2]) У Кулиша: «тому, кто предписываетъ», и проч.

[3]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «дѣйствит(еленъ)».

[4]) Въ «Вѣстникѣ Европы»: «вода, которая дѣйствуетъ тоже скорѣе»; у Кулиша: «воды, которыя...» и проч.

[5]) Это слово въ «Вѣстн. Европы» пропущено.

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «узнать».

[7]) Такъ въ «Вѣстникѣ Европы»; у Кулиша: «года два».

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «спѣшить къ тому возвратиться и чтобы».

[9]) Полтавскій докторъ.

этимъ не согласенъ. Кричевскій, конечно, не дурной докторъ, но геморроиды [1]) не такая болѣзнь, какъ другія, разлающіяся внезапно. Никакія лѣкарства для нея ненужны [2]). Нужно обращать вниманіе только на климатъ и на родъ жизни. И признаюсь, что я началъ себя чувствовать хуже съ того времени, когда, по совѣту Кричевскаго, началъ принимать, бывши дома, теплыя ванны и сарсепарель.

Но обратимся теперь къ другимъ пунктамъ вашего письма. Вы говорите о намѣреніяхъ сестры моей Мари вступить въ новое супружество [3]). Говорите ей о томъ, который привлекаетъ ея вниманіе и ищетъ руки ея, но все такимъ же загадочнымъ образомъ, какъ и въ первый разъ ея помолвки, когда я узналъ только о имени и фамиліи жениха не прежде [4]), какъ получивъ уже отъ него письмо съ извѣстіемъ, — что все уже кончено, и что за мной только дѣло, и еслибы онъ не вздумалъ подписать [5]) внизу свое имя, то я бы долго не зналъ, кого имѣю честь называть своимъ зятемъ [6]). Такимъ же образомъ и теперь вы [7]) не упоминаете ни слова ни о его фамиліи, ни о его званіи и чинѣ. Говорите только, что онъ прекраснаго характера [8]), но въ два-три свиданія узнать трудно человѣка, — тѣмъ болѣе, что онъ явился изъ чужой губерніи; и вы не сказали ни слова, кто изъ вашихъ знакомыхъ такой, на котораго можно бы положиться [9]), ручался за него, которому бы характеръ его, его состояніе было извѣстно. Я вамъ совѣтовалъ бы, во всякомъ случаѣ, прежде посовѣтоваться осторожно съ разсудительнымъ человѣкомъ. Теперь, какъ вы пишете, пріѣхалъ въ наши [10]) мѣста съ тѣмъ, чтобы

---

[1]) Такъ у Кулиша; въ «Вѣстн. Евр.»: «геморроидъ».

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «ей нужны».

[3]) См. объ этомъ также въ письмѣ къ А. С. Данилевскому, отъ 2-го февраля 1838 г.: «Сестру мою зудитъ выходить замужъ; по крайней мѣрѣ, изъ весьма загадочныхъ и неясныхъ словъ письма я вывожу такое заключеніе. Я почти готовъ держать пари, что она въ это самое время, какъ я пишу къ тебѣ письмо, уже стоитъ въ церкви подъ вѣнцомъ» (выше, стр. 471).

[4]) См. письма Гоголя къ матери отъ 4 января и 26 февраля 1832 г.

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «подъ»

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «и теперь».

[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «говорите».

[8]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «я вамъ ска(залъ?)».

[9]) Послѣ этого зачеркнуто: «вамъ».

[10]) Прежде было: «ваши»; переправлено: «наши».

поселиться, Владиміръ Юрьев(ичъ) [1]) Леонтьевъ [2]). Я бы совѣтовалъ вамъ иногда прибѣгать къ его мнѣнію. Онъ человѣкъ весьма неглупый, очень опытный и видитъ вещи въ настоящемъ видѣ. Разумѣется, заблаговременно вы съ нимъ совѣтуйтесь [3]), пока еще дѣло не начато; потому что иначе, какъ всякій благоразумный человѣкъ, онъ не скажетъ вамъ своего мнѣнія, опасаясь произвесть взаимное неудовольствіе и безалаберщину.

Одну [4]) вещь я вамъ осмѣлюсь замѣтить: къ чему такая поспѣшность? [5]) кажется, какъ будто кто сзади толкаетъ это ваше предпріятіе [6]): едва прошелъ годъ послѣ замужества, уже сестрѣ моей не терпится. Но она должна, я думаю, помнить, что ей смѣшно будетъ теперь, послѣ перваго опыта, рискнуть опять такимъ же образомъ. Ради Бога, будьте осторожною и прежде [7]) осмотритесь и менѣе всего полагайтесь на толки, худые или хорошіе, вашихъ кумушекъ и сосѣдокъ [8]). Онѣ старыя дѣвицы, любятъ рядить, толковать и плесть исторіи и могутъ совсѣмъ сбить съ толку. Все это, что я вамъ говорю, есть не болѣе, какъ совѣтъ,—потому что сестра теперь совершенная госпожа надъ собою и надъ своею волею. Но если совѣтъ любящаго ее брата имѣетъ надъ нею какой-нибудь вѣсъ, то я бы сказалъ ей: не мѣнять своего вдовьяго состоянія на супружество, если только это супружество не представитъ большихъ выгодъ. Вы сказали только, что женихъ съ состояніемъ [9]), но ни слова не сказали, какъ велико это состояніе. Если это состояніе немногимъ больше ея собственнаго, то это еще небольшая вещь. Она должна помнить, что отъ нея пойдутъ дѣти, а съ ними тысячи заботъ и нуждъ, и чтобы она не вспоминала потомъ [10]) съ завистью о своемъ прежнемъ бытьѣ. Дѣвушкѣ 18-лѣтней извинительно предпочесть всему наружность, доброе сердце, чувствительный

---

[1]) Не дописано.

[2]) О немъ см. въ письмѣ къ матери отъ 23 марта 1833 г.; тамъ же см. примѣчанія. (См. выше, стр. 246).

[3]) Слова: «вы съ нимъ совѣтуйтесь» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «потому что, когда дѣло...»

[4]) Передѣлано изъ «одинъ» и зачеркнуто слово: «совѣтъ».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «сестра Марія».

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «сестра Мари должна уже».

[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «развѣдайте хорошенько».

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «эти».

[9]) У Кулиша: «въ состояніи»; въ «Вѣстникѣ Европы»: «съ состояніемъ».

[10]) Послѣ этого зачеркнуто: «тогда».

характеръ и для него презрѣть богатство и средства для существованія. Но вдовѣ 24 лѣтъ, и притомъ безъ большого состоянія непростительно ограничиться только этимъ. Она еще молода. Партія ей всегда можетъ представиться [1]).

Притомъ же дѣвушка боится [2]) постарѣть въ дѣвкахъ; вдовѣ нечего опасаться. Ея самое лучшее состояніе,—свободное состояніе... [3]) Но довольно. Я надѣюсь, что мои совѣты примутся въ соображеніе, и что сестра будетъ хотя на этотъ разъ руководиться благоразуміемъ [4]).

Я радъ, что вы провели хорошо день вашихъ именинъ. Не помню, поздравлялъ ли я васъ съ новымъ годомъ. Если нѣтъ, позвольте поздравить теперь. Сохрани васъ Богъ здоровыми и устрой все къ лучшему.

Вы упомянули въ вашемъ письмѣ, что климатъ въ Римѣ опасенъ и что тамъ [5]) холера была два раза. Климатъ въ Римѣ не опасенъ и лучшій въ мірѣ, а холера была одинъ разъ и нигдѣ не дѣйствовала такъ слабо; никто не умеръ, кромѣ небольшого числа [6]) чернаго и простого народа. Тотъ, кто сказалъ вамъ это, ошибся, или, можетъ быть, вы не такъ поняли его слова: холера была два раза въ Неаполѣ, а не въ Римѣ.

Еще я позабылъ спросить васъ: отослали ли вы двѣ толстыя рукописныя книги въ Кіевъ къ профессору Максимовичу, или отвезли ихъ сами, бывши въ Кіевѣ [7])? Сдѣлайте милость, извѣстите меня объ этомъ,—тѣмъ болѣе, что онъ напоминалъ мнѣ о нихъ, и я такъ передъ нимъ виноватъ....

Прощайте, почтеннѣйшая маменька. Цѣлую ваши ручки и обнимаю сестру. Вашъ послущ(ный) сынъ

Николай [8]).

---

[1]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «ей нечего опаса(ться)».

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «остаться».

[3]) Такъ въ копіи Румянцовскаго музея; въ «Вѣстн. Евр.»: «ея самое лучшее и самое свободное состояніе».

[4]) Все предыдущее мѣсто, начиная отъ словъ: «Но обратимся къ другимъ пунктамъ вашего письма», у Кулиша опущено и пропускъ этотъ былъ впервые возстановленъ въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», т. III, стр. 317—318.

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «климатъ опасенъ».

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «самаго».

[7]) Это были малороссійскія пѣсни, собранныя Зоріаномъ Доленгой-Ходаковскимъ. См. о немъ выше, стр. 263.

[8]) На оборотной сторонѣ адресъ: «Poltawa, en Russie Meridionale. Ея высокоблагородію Маріи Ивановнѣ Гоголь-Яновской. Въ Полтаву, а оттуда въ д(еревню) Васильевку».

XL. Къ сестрѣ Марьѣ Васильевнѣ Гоголь [1]).

Милая моя сестрица Мари!

Я очень былъ обрадованъ твоею припискою, изъ которой я узналъ, что ты совершенно здорова [2]), даже до такой степени, что подумываешь о хорошей партіи. Слава Богу! благословеніе мое всегда съ тобою и ты можешь имъ располагать заочно. Но да водитъ Богъ и осторожность твоими намѣреніями. Величайшее благоразуміе ты теперь должна призвать въ помощь и помнить, что ты теперь не дѣвушка и что нужно, чтобы партія была слишкомъ и слишкомъ выгодная, чтобы рѣшиться перемѣнить свое состояніе и продать свою свободу.

Обнимаю тебя и вмѣстѣ твоего Колю и желаю вамъ здоровья, счастья и всего добраго.

XLI. Къ М. П. Балабиной.

Roma. Marz 15, 1838.

Ditemi un poco, la mia illustrissima signora, che significa questa musica? Tacete, non dite nulla, non scrivete nulla... E possibile di fare cosi! Voi avete forse dimenticato che dovete scriver mi tre lettere larghe e lunghe com'i mantelli dei Bernardini [3]), tre lettere tutti piene di callunnia che a mio parere é una cosa necessaria nel mondo, tre lettere scritte, col piu piccolo carattere e di vostro proprio pugno.

Ma forse voi godete talmente della vaghezze e bellezze del vostro dolce clima (che fa tremar da capo a piè tutti gli uomini del mondo), che non volete distrarvi per alcun' altra cosa. O forse siete tropo occupata della vostra celeberrima collezzione di marmi, pietre antiche, e molte moltissime cose, che la vostra signoria a rubata onestamente in Roma (perche doppo Attila e Enserico nessuno a mandato tanto a sacco la città eterna quanto l'a fatto la brillantissima signora Russa Maria Petrovna). O fosse voi... ma non posso trovar piu ragioni per iscusarvi.

O mia cara signorina, getatti per la fenestra il vostro Pietroburgo, duro come il quercio d'alpine, e venite qua. S'io fossi nei panni vostri, mostrarei subito il calcagno.

---

[1]) Эта приписка была впервые напечатана нами въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», т. III, стр. 319.

[2]) Намекъ на частыя заболѣванія небогатой здоровьемъ сестры.

[3]) Въ «Русскомъ Словѣ» явилась опечатка: «Bernardoni».

Se voi sapeste che bel inverno abbiamo qui. L'aria é tanto dolce, piu dolce del *riso a la milanese* che voi avete sovente mangiato in Roma ed il cielo, o dio, che bel cielo! Egli è sereno, sereno simile agli occhi... a, che peccato che i vostri occhi non siano azzuri per far il parragone! ma almeno egli e simile alla vostra anima e com'ella resta tutto il giorno sgombro di nuvole. Ma sapete meglio di me che tutta Italia e un boccone da ghiotto ed io bevo la sua aria balsamica a creppagozza, in modo che par altre forestieri non ne resta niente. Figuratevi [1]) che sovente mi pare di vedervi spasseggiare nelle strade di Roma tenendo in una mano Nibbi e nell'altra qualche santissima antichità trovata, nel mezzo del camino, nera e sporca com'un carbone, che domanda almeno la forza d'Ercole per poterla portare. Cosi a voi vi si rapresenta forse il mio naso, lungo e simile a quello degli uccelli (o dolce speranza!). Ma lasciamo in pace i nasi; é questa una materia delicata e tratandosi di questa, si puo facilmente restare con un palmo di naso. Ma tornaremo a bomba: Non trovo alcune novita da scrivervi, le novita come sapete voi stessa non abita in Roma, qui tutto è antico: Roma, Papa, le chiese, i quadri. A mio parere [2]), le novita son inventate da quelli, che s'annojano, ma sapete voi stessa che nessuno puo annojarsi in Roma fuorche quelli che hanno l'anima fredda come gli abitanti di Pietroburgo e principialmente i suoi impiegati, innumerevoli come arena del mare. Tutto sta qui in buona salute: S. Pietro, monte Pincio, Colosseo e molti altri vostri amici vi reveriscono. La piazza Barberini vi fa cosi una umplissima reverenza. Poveretta! ella é adesso tutta solitaria; i tritoni soli muscosi e senza naso al suo solito spingono tuttavia l'aqua all'insu piangendo della contenanza della bella signora boreale che sovente udiva dalla fenestra il lor murmorio melanconico e sovente lo prendeva per quello di pioggia. Le Capre e gli scultori spasseggiano, signora, sulla strada Felice dove ho la mia stanza (№ 126, ultimo piano) a proposito della capre: il signor Meier non conta piu adesso, é innamorato come un gatto e gnaule sotto voce per non farsi sentire. D'altra parte tutto va al suo solito; tutti sono incollera [3])

[1]) Въ «Русскомъ Словѣ» опечатка: «Figurateri».

[2]) Въ «Русскомъ Словѣ» по ошибкѣ эти два слова слиты: «Amio parere».

[3]) Въ «Русскомъ Словѣ» явная опечатка: «comalera» (?!).

con voi che non scrivete niente. Il Collosseo é molto ad rato contro la vostra signoria. Per questo ragione non vado da lui perche mi domanda sempre: «dite mi un poco, mio caro uomicio (ma chiama sempre cosi), che fa adesso la mia donna signora Maria? Ella a fatto il giuramento sull'ara d'amarmi sempre e con tutto cio tace e non vuole conoscermi, dite cosa é questo?» ed io rispondo: «non lo so», ed egli dice: «dite mi perche ella non continua a volermi bene?» ed io rispondo: «siete tropo vecchio, signor Colosseo! «Ed egli dopo aver sentito tali parole aggrotta le ciglia, e la sua fronte deviene burbera e severa, e le sue crepaccie — quelle rughe di vecchiezza mi pareano allora patetre e minacevoli, per modo, ch'io sento paura e mi ritiro spaventato. Di grazia, la mia chiarissima signora, non dimenticate la vostra promessa: scrivete! farete un gran piacere a noi. Le ombre di Romulo, di Scipione, di Augusto, tutti ve ne sarano tenuti ed io massimamente [1]).

A rivederla, mia illustrissima signora, il vostro servidore fino alla morte.

Nicola Gogol.

XLII. Къ М. П. Балабиной (переводъ) [2]).

Римъ, марта 13. 1838 г.

Скажите, почтенѣйшая синьора, что́ это за пѣсня? Молчите, не говорите ничего, не пишете ничего!.. Возможно ли такъ поступать! Вы, можетъ статься, забыли, что должны мнѣ написать три письма, длинныя и широкія, какъ мантіи Бернардинцевъ, три письма, всѣ наполненныя злословіемъ, которое, какъ мнѣ кажется, вещь непзбѣжная въ свѣтѣ, три письма, написанныя мельчайшимъ шрифтомъ и собственнымъ вашимъ почеркомъ.

Впрочемъ, можетъ быть, вы наслаждаетесь удовольствіями и сладостями вашего климата, (заставляющаго дрожать съ головы до ногъ все живое въ мірѣ), что не хотите развлечься чѣмъ-нибудь инымъ. Или, можетъ быть, вы слишкомъ заняты вашей знаменитой коллекціей мраморовъ, античныхъ камеевъ и многимъ множествомъ вещицъ, добро-

[1]) Въ «Русскомъ Словѣ» явная опечатка: «massi mamente».

[2]) Это шутливое письмо впервые было напечатано въ «Русскомъ Словѣ» (1860, XII, стр. 28—32; 28—30 — итальянскій текстъ, 30—32 — переводъ).

совѣстно пріобрѣтенныхъ вашей милостью въ Римѣ (такъ какъ, послѣ Аттилы и Гензерика, никто такъ не разорялъ вѣчнаго города, какъ блистательная русская синьора Марія Петровна). Или, можетъ статься, вы... но не могу найти болѣе предлоговъ для вашего извиненія.

О, любезнѣйшая синьорина, бросьте въ окошко вашъ Петербургъ и пріѣзжайте сюда. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я тотчасъ показалъ бы каблуки. Еслибъ вы знали, какая здѣсь у насъ прекрасная весна! Воздухъ такъ сладокъ, слаще, чѣмъ рисъ, приготовленный *по милански*, который вы такъ часто кушали въ Римѣ; а небо, Боже! что за чудное небо! Оно ясно, ясно — какъ глаза... какъ на грѣхъ, у васъ глаза не голубые и не идутъ для сравненія! Но, по крайней мѣрѣ, оно подобно вашей душѣ, и остается цѣлый день безоблачно. Но вы знаете лучше меня, что вся Италія это лакомый кусочекъ, и я упиваюсь ея бальзамическимъ воздухомъ до надрыва горла, съ такою жадностью, что для другихъ иностранцевъ не остается ничего. Вообразите, мнѣ часто кажется, что вижу васъ идущею по римскимъ улицамъ въ одной рукѣ съ путеводителемъ Ниббп, а въ другой — съ какимъ-то священнымъ антикомъ, найденнымъ на перепутьи, грязнымъ и чернымъ, какъ уголь, и требующимъ, по крайней мѣрѣ, геркулесовской силы для того, чтобъ нести его. Такъ, можетъ быть, и вамъ видится мой носъ длинный, подобный птичьему (о сладостная надежда!). Но оставимъ въ покоѣ носы: это матерія деликатная: трактуя о ней, легко можно остаться съ носомъ [1]).

Обратимся къ дѣлу: не нахожу никакой новости написать вамъ. Новости, какъ вы сами изволите знать, не обитаютъ въ Римѣ; здѣсь все древности: и городъ, и папа, и церкви, и картины. Мнѣ кажется, что новости изобрѣтаются тѣми, кто скучаетъ; но сами знаете, никто не можетъ скучать въ Римѣ, кромѣ тѣхъ, у кого душа холодна, какъ у жителей Петербурга, и особенно у его чиновниковъ, несчетныхъ какъ песокъ морской. Все здѣсь въ добромъ здоровьи: храмъ св. Петра, холмъ Пинчіо, Колизей и многіе другіе ваши друзья вамъ кланяются. Площадь Барберини посылаетъ вамъ также нижайшій поклонъ. Бѣдняжка! Она теперь совершенно пустынна; одинокіе тритоны, мшистые и безносые, точатъ попрежнему воду, тайно плача по дале-

[1]) Подобныя же шутки см. въ альбомной записочкѣ Е. Гр. Чертковой (ниже, стр. 615).

кой, прекрасной сѣверной синьоръ, которая часто изъ окна вслушивалась въ ихъ меланхолическій ропотъ и часто принимала его за шумъ дождика. Козы и скульпторы попрежнему бродятъ по улицѣ Felice, гдѣ моя квартира (№ 126, въ верхнемъ этажѣ). Кстати о козлахъ: синьоръ Мейеръ нынѣ уже больше не поетъ: онъ влюбленъ, какъ котъ, и мурлычетъ вполголоса, чтобы не выдать себя.

Съ другой стороны, все здѣсь идетъ своимъ обычнымъ ходомъ; только всѣ въ гнѣвѣ на васъ, за то, что ничего не пишете. Колизей сильно гнѣвается на вашу милость. По этой причинѣ я его не посѣщаю, потому что онъ вѣчно у меня спрашиваетъ: «скажи-ка мнѣ, любезнѣйшій дружище», (такъ онъ всегда меня называетъ), «что-то подѣлываетъ теперь моя любезная синьора Марія? Она дала клятву любить меня вѣчно и при всемъ томъ молчитъ и знать меня не хочетъ: скажи, что это значитъ?» И я отвѣчаю: «не знаю!» А онъ говоритъ: «скажи мнѣ, почему она перестала благоволить ко мнѣ?» А я отвѣчаю: «старъ ты слишкомъ, синьоръ Колизей!» Слыша такія слова, онъ хмуритъ брови и лобъ его становится еще мрачнѣе и суровѣе, и его разсѣлины—эти морщины старости—мнѣ кажутся тогда еще темнѣе и грознѣе, такъ что я, объятый страхомъ, поспѣшно удаляюсь.

Помилосердуйте, яснѣйшая синьора, и не нарушайте своего обѣта, пишите! Доставите намъ большое удовольствіе. Тѣни Ромула, Сципіона и Августа, всѣ здѣсь вамъ будутъ очень обязаны и я всѣхъ болѣе.

До свиданія, моя достославнѣйшая синьора.

Вашъ покорный слуга до гроба.

Николай Гоголь

XLIII. Къ князю В. Ѳ. Одоевскому.

Римъ, 1838 года, марта 15 [1]).

Любитъ ли меня князь Одоевскій такъ же, какъ прежде? вспоминаетъ ли онъ обо мнѣ? Я его люблю и вспоминаю. Воспоминаніе о немъ заключено въ талисманъ [2]), который ношу на груди своей. Талисманъ составленъ

---

[1]) Это письмо впервые было напечатано въ изданіи Кулиша. («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 302); потомъ перепечатано съ возстановленіемъ пропуска въ концѣ въ «Русскомъ Архивѣ», 1864. № 7—8, стр. 838—839 и изд. 2. стр. 1030.

[2]) Въ «Русскомъ Архивѣ»: «въ талисманъ»; у Кулиша: въ «талисманъ».

изъ немногихъ сладкихъ для сердца именъ, — именъ, унесенныхъ изъ родины: но, переселенцы, они дышатъ тамъ не такъ, какъ цвѣты, пересаженные въ теплицу [1]; нѣтъ, они тамъ [2]) живутъ живѣе, чѣмъ жили прежде, и [3]) талисманъ этотъ меня [4]) хранитъ отъ невзгодъ, и когда нечистое подобіе, тоски или скуки подступитъ ко мнѣ, я ухожу въ мой талисманъ, и въ кругу мнѣ сладкихъ [5]) заочныхъ и вмѣстѣ присутствующихъ друзей нахожу свой якорь и пристань.

Помнятъ ли меня мои родные, соединенные со мною святымъ союзомъ музъ? Никто ко мнѣ не пишетъ. Я не знаю, что они дѣлаютъ, надъ чѣмъ трудятся. Но мое сердце все еще болитъ донынѣ, когда занесется сюда газетный листокъ, и [6]) напрасно силюсь отыскать въ немъ знакомое душѣ имя или что-нибудь, на чемъ бы можно остановиться. Все рынокъ да рынокъ, презрѣнный холодъ торговли да ничтожество! [7]). Доселѣ все жила надежда, что снидетъ Іисусъ, гнѣвный и неумолимый, и безпощаднымъ бичемъ изгонитъ и очиститъ святой храмъ отъ торга и продажи, да свободнѣе возлетитъ святая молитва [8]).

Теперь... Пишите, скажите Карамзину, чтобъ онъ прислалъ мнѣ то, что обѣщалъ. Я къ нему писалъ, но — никакого отвѣта! Теперь же есть оказія! черезъ Кривцова [9]) можно переслать все.

Обнимите за меня Жуковскаго и Плетнева. Если увидите кн(язя) Вяземскаго [10]), передайте ему мой поклонъ.

Много, много любящій васъ *Гоголь.*

Не забывайте меня!

---

[1]) Слова: «пересаженныя въ теплицу» у Кулиша пропущены.
[2]) Слово: «тамъ» у Кулиша пропущено.
[3]) Союзъ «и» у Кулиша пропущенъ.
[4]) Это слово у Кулиша пропущено.
[5]) У Кулиша: «сладкомъ».
[6]) У Кулиша это мѣсто читается такъ: «Когда занесется сюда газетный листокъ, я напрасно силюсь» и проч.
[7]) У Кулиша: до ничтожества».
[8]) Послѣ этого весь конецъ письма у Кулиша опущенъ.
[9]) Павелъ Ивановичъ Кривцовъ былъ тогда назначенъ начальникомъ русскихъ художниковъ въ Римѣ.
[10]) Андрею Николаевичу, съ которымъ Гоголь имѣлъ даже небольшую переписку.

XLIV. Къ А. С. Данилевскому.

(11 апрѣля, 1838. Римъ).

Уже хотѣлъ я грянуть на тебя третьимъ и послѣднимъ письмомъ, исполненнымъ тѣхъ громовъ, которыми нѣкогда разилъ Ватиканъ коронованныхъ[1]) ослушниковъ; уже рука моя начертала даже нѣсколько тѣхъ привѣтствій, послѣ которыхъ дѣлается невареніе[2]) въ желудкѣ и прочіе разные accidente[3]), какъ вдругъ предсталъ передъ меня Золотаревъ[4]) съ веселымъ лицомъ и письмомъ въ рукѣ. Это появленіе его и это письмо въ рукѣ въ одну минуту ослабило мои перуны.

Я получилъ твое письмо вчера, т. е. 10 апрѣля, и пишу къ тебѣ сегодня, 11-го. Прежде всего тебѣ выговоръ, потому что въ самомъ дѣлѣ подозрѣнія твои непростительны[5]). Ты ужъ, слава Богу, великъ, выросъ на красоту и[6]) на зависть мнѣ, приземистому и невзрачному; тебѣ пора знать, что подобные фокусы, какъ-то: выставленіе писемъ заднимъ числомъ, просрочки, ложь и прочее и прочее[7]), употребляются только съ[8]) людьми почтенными, которыхъ мы обязаны любить и почитать, и съ Рождествомъ ихъ поздравлять,

«Чтобъ въ остальное время года
О насъ не думали они»[9]).

Итакъ ты самъ могъ бы знать, что[10]) это было бы[11]) очень смѣшно, еслибы что-нибудь тому подобное могло случиться между нами[12]). Я къ тебѣ писалъ, пріѣхавши ту же[13]) минуту въ Римъ, и вижу, что на этотъ разъ дѣйствительно виновата почта, и я иду сей же часъ бранить почтмейстера[14]) сильно, на италіянскомъ діалектѣ, если только онъ пойметъ его, за то, что онъ жидовскимъ образомъ воспользовался[15]) пятью байоками. Второе же

---

[1]) У Кулиша: «коронованныхъ».—На конвертѣ письма: «23 avril 1838».
[2]) У Кулиша: «несвареніе».
[3]) Случайности.
[4]) Иванъ Ѳедоровичъ; см. «Матеріалы», т. III, стр. 181—185 и его воспоминанія о Гоголѣ въ «Историч. Вѣстникѣ», 1893, 1, 36—38.
[5]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «подобн(о)».
[6]) «И» вставлено сверху строки.
[7]) У Кулиша повтореніе словъ: «и прочее» пропущено».
[8]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «род(ственниками)».
[9]) Стихи изъ IV главы «Евгенія Онѣгина».
[10]) Послѣ этого зачеркнуто: «бы».
[11]) Это слово у Кулиша пропущено.
[12]) Послѣ этого зачеркнуто: «до».
[13]) Слова: «ту же» вписаны сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «сію».
[14]) Это слово вставлено сверху.
[15]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «тре(мя)».

письмо я, точно, отдалъ на почту позже, нежели написалъ, но позже только тремя днями, и потому, что хотѣлъ дождаться карнавала, чтобы написать тебѣ что-нибудь о немъ. Изъ всего этого я вижу, что есть на свѣтѣ одна только почта неисправная—наша римская.

Ты спрашиваешь меня, куда я лѣтомъ. Никуда, никуда, кромѣ Рима. Посохъ мой странническій уже не существуетъ. Ты помнишь, что моя палка унеслася волнами Женевскаго озера. Я теперь сижу дома; никакихъ мучительныхъ желаній, влекущихъ вдаль, нѣтъ [1]), развѣ проѣздиться въ Семереньки, то есть, въ Неаполь, и въ Толстое, то есть, во Фраскати или въ Альбани.

Я бы совѣтовалъ тебѣ отложить всякую идею о Нѣмеціи, гдѣ ты, Боже святой, какъ соскучишься! и объ этихъ мерзкихъ водахъ, которыя только разстроиваютъ желудки и приводятъ въ такое положеніе бѣдныя наши филейныя части, что впослѣдствіи не на чемъ сидѣть [2]).

Досадую на тебя очень, что не догадался списать для меня ни «Египетскихъ Ночей», (н)и [3]) «Галуба». Ни того, ни другого здѣсь нѣтъ. «Современникъ» въ Римѣ не получается, и даже ничего современнаго. Если «Современникъ» находится у Тургенева [4]), то попроси у него моимъ именемъ. Если можно привези весь; а не то—перепиши [5]) стихи. Еще, пожалуйста, купи для (меня) [6]) новую поэму Мицкевича,—удивительнѣйшую [7]) вещь: «Панъ *Тадеушъ*». Она продается въ польской лавкѣ. Гдѣ эта польская лавка, ты можешь узнать у другихъ книгопродавцевъ. Еще: не отыщешь ли ты [8]) гдѣ-нибудь перваго тома Шекспира,—того изданія, которое въ двухъ столбцахъ и въ двухъ томахъ? Я думаю, въ этихъ [9]) лавочкахъ, что̀... въ Палеройалѣ, весьма легко можно отыскать его. Еслибы былъ Ноэль [10]), онъ славно исполнилъ бы эту комиссію. За него можно дать до 10 франковъ, ибо я за оба тома далъ 13 фран(ковъ) [11]).

---

[1]) Слово: «нѣтъ» вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «не существуетъ».
[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «что».
[3]) Въ подлинникѣ: «и».
[4]) Александра Ивановича.
[5]) У Кулиша невѣрно: «перешли».
[6]) Это слово пропущено.
[7]) У Кулиша невѣрно: «удивительную».
[8]) Это слово у Кулиша пропущено.
[9]) У Кулиша: «тѣхъ».
[10]) См. выше, стр. 468 и «Матеріалы», т. III, 121, 153, 179, 241.
[11]) Не дописано.

Кстати о томъ, что въ Парижѣ лѣзутъ деньги. Я, наконецъ, совершенно начинаю понимать науку экономіи. Прошедшій мѣсяцъ былъ для меня верхъ торжества: я успѣлъ [1]) возвести издержки во все продолженіе его до 160 рублей нашими деньгами, включая въ это число плату за квартиру, жалованье учителю [2]), bon goût, кафе grec и даже книги, купленныя на аукціонѣ.

Дни чудные! на небѣ лучшихъ нѣтъ. Садись скорѣе въ дилижансъ и правь путь къ Средиземному морю. Да не смущаетъ зрѣнія твоего ни Рейнъ съ Кобленцами, Биберихами и Крейценахами, ни да поражаетъ ушей твоихъ языкъ, на которомъ изъясняются враги христіянскаго рода. Обнимаю тебя и ожидаю [3])...

Твой *Гоголь.*

Золотаревъ проситъ тебя сходить на квартиру Козлова, (хотя бы онъ даже и уѣхалъ уже) [4]) и взять тамъ письмо, которое онъ, Золотаревъ, завтра къ нему напишетъ и прочитать его вмѣсто Козлова.

XLV. Къ Н. Я. Прокоповичу.

Іюнь, апрѣля 15. 1838 [5]).

Вообрази, что я теперь только получилъ письмо твое съ векселями, говорю — съ векселями, потому что въ это же самое время получилъ и отъ Симона Меіера твой вексель [6]), ибо ему деньги уже давно мною уплачены. Причины всей этой путаницѣ тѣ, что римское правительство вздумало [7]) сдѣлать разныя преобразованія почтѣ, которая, въ продолженіе холеры и прочихъ несчастныхъ обстоятель(ствъ) [8]), пришла въ весьма жалкое положеніе съ тѣхъ поръ, какъ сдѣланы эти преобразован(ія) [9]). Пропало уже два письма, которыя я писалъ къ нѣкоторымъ моимъ знакомымъ, а ко мнѣ, я думаю, множество, потому что я бо-

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «его возвесть до».

[2]) За уроки итальянскаго языка Поэлю (см. выше, стр. 468) или Грифи (см. «Матеріалы», т. III, стр. 277).

[3]) Остальное у Кулиша опущено.

[4]) Скобки въ подлинникѣ.

[5]) Это письмо было напечатано въ «Русскомъ Словѣ», 1859. I, стр. 107—109 и въ брошюрѣ г. Пѣтухова: «Письма Гоголя къ Прокоповичу», стр. 23—25.

[6]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «кото(рый)».

[7]) Въ подлинникѣ: «вздумала».

[8]) Не дописано.

[9]) Тоже.

лѣе полугода рѣшительно не получ(алъ) [1]) писемъ. Твои же письма, вмѣстѣ съ векселями, были присланы къ здѣшнему банкиру Валентини, который теперь только меня извѣстилъ объ этомъ, хотя, я думаю, они у него лежали очень долго. Мнѣ очень жаль, что я нанесъ тебѣ столько хлопотъ и безпокойствъ, мой добрый, мой милый... я хотѣлъ было сказать по старому — *красненькій* [2]), да вспомнилъ, что мы оба уже устарѣли, и что, можетъ, твои педагогическія заботы извели твою краску, которую такъ пріятно было моему сердцу зрѣть на твоихъ щекахъ. Но все же въ именахъ, данныхъ во времена нашей юности, есть сладость [3]), отъ которой не хочется отказаться. Итакъ, мнѣ очень было жаль нанести тебѣ заботы [4]). Извѣщеніе твое, что ты долженъ былъ прибѣгнуть къ займу для того, чтобы доставить мнѣ эту сумму, меня смутило. Мнѣ представилось, что ты терпишь или нуждаешься въ чемъ-нибудь за меня, и мнѣ досадно, что письмо твое такъ долго не попало въ мои руки, и что я не могъ тебѣ выслать раньше этой суммы. По крайней мѣрѣ, теперь ее пересылаю тебѣ черезъ Штиглица 1660 франковъ, которые [5]) ты, явившись къ нему, имѣешь получить.

Получилъ ли ты мою маленькую записочку, которую я вложилъ въ письмо къ Плетневу и въ которой я просилъ тебя выслать мнѣ всѣ мои рукописи и къ тому числу присовокупить [6]) нѣсколько новыхъ замѣчательныхъ книгъ, «Современникъ» и прочее, что̀ ты найдешь достойнымъ, которыя взять отъ имени моего у Смирдина съ тѣмъ, чтобы онъ поставилъ мнѣ ихъ на счетъ, особенно книгъ относит(ельно) ист(оріи) [7]) славянской и русской, русскихъ обряд(въ) [8]), праздниковъ и раскольничьихъ сектъ, и попросить у Пащенка, Ивана Григорьевича, очень пріятнаго, полезнаго и хорошаго человѣка, чтобы онъ совершилъ небольшого роду похищеніе какихъ-нибудь казусныхъ дѣлъ. Поклонись ему отъ меня пониже и [9]) назови его помѣ-

---

[1]) Тоже.
[2]) Курсива въ подлинникѣ нѣтъ.
[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «которую не выразить».
[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «это...».
[5]) Это слово зачеркнуто и вновь возстановлено чертами снизу.
[6]) Въ подлинникѣ: «присовукупить» (sic).
[7]) Не дописано.
[8]) Тоже.
[9]) Это слово вписано сверху строки; послѣ этого: «скажи ему, что ты помѣщикъ».

щикомъ, красавцемъ и всѣмъ, что̀ есть для него пріятнаго.

Все это, какъ я тебѣ говорилъ, ты препроводи къ М-г Pongis. Гдѣ живетъ этотъ Pongis, ты узнаешь у Штиглица. Скажи ему только, чтобы онъ доставилъ въ Римъ, или на мое имя, или, еще лучше, на имя княгини Зинаиды Волконской. Еще, прилагаемое письмо отнеси, пожалуйста, сестрамъ въ институтъ, и возьми отъ нихъ отвѣтъ, который перешли ко мнѣ [1]).

Нѣкоторыя слова въ письмѣ твоемъ меня смутили. Ты пишешь, что ты такъ занятъ своей должностью и такое нашелъ въ ней забвеніе [2]) всего [3]), что даже мысль ни о чемъ другомъ не тревожитъ. Нѣтъ, изъ жалости не бросай такъ равнодушно этихъ лѣтъ. Они не возвратятся и никогда не возвратится съ ними та дѣятельность воображенія, которую подымаютъ свѣжія силы молодости. Жизнь моя была бы самая поэтическая въ мірѣ, еслибы не вмѣшалась въ нее горсть самой негодной прозы: эта проза — мое гадкое здоровье [4]).

Жду съ нетерпѣніемъ лѣта. Зима была здѣсь чудная. Я ни одинъ разъ не топилъ въ комнатѣ, да и печи нѣтъ. Солнце, и дни безъ облака; но весна принесла и холодъ и дожди; а Римъ безъ солнца — ослѣпшая красавица. Былъ я на дняхъ на академическомъ собраніи по случаю построенія города Рима Ромуломъ... Въ этомъ есть что-то чудное. Когда я услышалъ произнесенный 2581-й годъ, душа во мнѣ невольно всшелохнулась.

Недавно получилъ письмо отъ Даниловскаго изъ Парижа. Онъ все также говоритъ Парижемъ и мыслитъ о Гризи, но, кажется, ему бѣдному тамъ немного прискучилось. Я уже давно не видался съ нимъ и хотѣлъ бы поглядѣть.

Обними всѣхъ нашихъ, Пащенка особенно, хотя онъ на меня и сердится, кажется. Кстати о Пащенкѣ. Только, пожалуйста, не говори этого никому. Онъ въ большой чести въ Италіи. Не говоря уже о томъ, что онъ лежитъ здѣсь на всякой улицѣ и что играетъ роль во многихъ повѣстяхъ, даже въ самомъ Аріостѣ; но есть напечатана цѣлая

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «опи».
[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «въ письмѣ».
[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «въ ней».
[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «но что».

поэма подъ названіемъ: «Г... о» [1]). Но ни слова объ этомъ, сдѣлай милость. Поклонись отъ меня Бѣлоусову [2]), ежели увидишь его, и скажи ему, что мнѣ очень жаль, что не удалось съ нимъ увидаться въ Петербургѣ.

Что дѣлаетъ Жюль [3])? и бываетъ ли кто у тебя? и [4]) какой день — середа или четвергъ, во время [5]) котораго исчезаетъ у тебя прозаическая мысль о завтра и ты предаешься весь себѣ... [6]) своихъ товарищей?

Поклонъ Маріѣ Никифоровнѣ [7]) и поцѣлуй сына Яна [8]) въ самый разумный лобъ за то, что произноситъ мое имя.

XLVI. Къ сестрамъ Аннѣ Васильевнѣ и Елизаветѣ Васильевнѣ.

Римъ 1838, апрѣля 28.

Наконецъ я получилъ отъ васъ письмо, мои милыя сестрицы. Изъ него я узналъ, что вы меня любите. Мнѣ было пріятно также замѣтить изъ этого письма вашего, что вы уже не дѣти, что вы уже чувствуете глубже, понимаете и мыслите. Теперь мы съ вами ровны совершенно. Мы можемъ говорить между собою обо всемъ и разсуждать обо всемъ. Конечно, лучше говорить, чѣмъ писать: сказать можно гораздо больше, нежели написать, и я бы далъ много, много за то, чтобъ васъ и увидѣть, и наговориться

---

[1]) Неудобное для печати слово.

[2]) Николай Григорьевичъ Бѣлоусовъ, одинъ изъ лучшихъ профессоровъ Гимназіи Высшихъ Наукъ кн. Безбородко, во время пребыванія тамъ Гоголя. Вслѣдствіе извѣстной исторіи о вольнодумствѣ, былъ уволенъ отъ службы въ Гимназіи 26 октября 1830 года, потомъ въ 1835 году снова былъ принятъ на службу — секретаремъ Кіевскаго Попечительнаго комитета о тюрьмахъ, а во второй половинѣ 30-хъ годовъ переѣхалъ изъ Кіева въ Петербургъ, получивъ мѣсто въ Капитулѣ россійскихъ орденовъ: см. «Гимназія высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко», 2 изд., стр. 240 — 245. Въ юношескихъ письмахъ Гоголя находимъ довольно часто восторженные отзывы о Бѣлоусовѣ: см. письма отъ 10 сентября 1826 года, 16 ноября 1826 г. и 17 января 1827 г. *П. Владимировъ.* «Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя». Кіевъ 1890, стр. 15. Ср. *П. Кулишъ.* «Записки о жизни Н. В. Гоголя», т. I, стр. 100.

Начиная отъ словъ: «Что дѣлаетъ Жюль?»—приписка сбоку:

[3]) Прозваніе П. В. Анненкова.

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «по какимъ».

[5]) Слова: «во время» вписаны сверху.

[6]) Одно слово вырвано.

[7]) Женѣ Прокоповича.

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «за то».

съ вами; но... мы съ вами не дѣти [1]), мы должны доказать, что мы имѣемъ характеръ. Итакъ будемъ писать обо всемъ, что ни случается съ нами: что мы дѣлали, съ кѣмъ говорили и объ чемъ говорили; все это мы будемъ теперь класть на бумагу и повѣрять другъ другу всѣ малѣйшія тайны сердца. Я теперь устроилъ такимъ образомъ, что намъ переписка не будетъ стоить ничего. Отвѣтъ на это письмо вы дадите Прокоповичу, а слѣдующія письма вы будете отдавать вотъ какимъ образомъ.

Теперь у васъ будетъ много знакомыхъ, меня знающихъ, съ которыми вы должны будете познакомиться и подружиться какъ можно покороче, потому что онѣ всѣ мои друзья. Еслибы вы знали, какія онѣ всѣ добрыя, какія милыя дамы! Первая, которая къ вамъ пріѣдетъ, будетъ графиня К*** [2]). Она такая добрая и такая хорошенькая собой! Съ ней вы можете говорить все, что вамъ ни вздумается, все равно, какъ со мною. Потомъ будетъ у васъ А***, тоже очень добрая. Еще будетъ у васъ К***, такая премиленькая! Она васъ очень полюбитъ. Она воспит. въ Екатерининск. институтѣ. Только вы будьте съ ними какъ можно проще и старайтесь говорить обо всемъ, обо всемъ. Менѣе всего избѣгайте быть застѣнчивыми, какъ бываютъ дѣвочки, которыя растутъ по деревнямъ и никогда не воспитывались въ институтахъ [3]). Но вы уже большія, вы знаете все это сами. Вы должны помнить, что всѣ эти дамы мои друзья, и, стало быть, вы должны съ ними быть, какъ съ вашими сестрами. ———— Но съ дамами вы должны не только говорить, но разспрашивать, шутить, смѣяться и

[1]) Повторяя здѣсь въ другой разъ это выраженіе, Гоголь, очевидно, хотѣлъ пожурить молоденькихъ дѣвушекъ вообще и особенно въ отношеніи переписки, на которую онѣ были лѣнивы.

[2]) Анна Васильевна Гоголь не могла намъ назвать этихъ дамъ, но, насколько она могла припомнить, ни одна изъ нихъ и не была у нея въ институтѣ. Здѣсь для насъ интересно то, что Гоголь, очевидно, очень заботился о томъ, чтобы доставить сестрамъ развлеченіе, чтобы онѣ не скучали и проч.

[3]) Въ самомъ дѣлѣ застѣнчивость сестеръ Гоголя, Анны и Елизаветы Васильевнъ, была чрезмѣрная. Во своихъ воспоминаніяхъ Елизавета Васильевна сообщаетъ, какъ онѣ конфузились съ сестрой, когда въ 1839 г., по окончаніи курса въ институтѣ, онѣ нѣсколько дней пробыли съ братомъ у Балабиныхъ, гдѣ сильно затруднили хозяевъ тѣмъ, что отказывались отъ всякаго рода угощеній и даже отъ обѣда, тогда какъ послѣ тайкомъ доставали угли изъ печки и ѣли и т. д. (См. «Русь», 1885, № 26). Кромѣ того, онѣ производили своей конфузливостью, несмотря на несомнѣнный умъ, очень невыгодное впечатлѣніе на Погодина и другихъ.

дѣлать все, что вамъ ни приходитъ на умъ, быть болѣе даже развязными, чѣмъ со мной. Но я знаю, что вамъ онѣ очень понравятся, вы ихъ очень полюбите. Вы ихъ спросите, когда онѣ будутъ писать въ Италію, и, узнавши когда, вы къ тому времени приготовьте ваши письма, а онѣ мнѣ ихъ перешлютъ вмѣстѣ съ своими. Да кстати, не забудьте поклониться отъ меня г-мъ К***—ему и ей. Скажите имъ, что я очень, очень благодаренъ имъ за то, что они васъ иногда навѣщаютъ, и что благодарность эту чувствую въ сердцѣ, а не на словахъ. Итакъ вы будете имѣть очень часто оказіи писать ко мнѣ, не платя ничего на почту. Смотрите же, не лѣнитесь.

Теперь вамъ скажу о себѣ. Мое здоровье немного лучше. Мнѣ помогло хорошее время, которое стояло всю зиму. Вообразите, что здѣсь зима гораздо и теплѣе, и лучше весны. Здѣсь никто не топитъ комнатъ. Дни были такіе солнечные, такіе свѣтлые! Ни одного облачка; а сводъ неба весь синій, какъ не бываетъ у насъ. Но вы, вѣрно, еще не знаете, что такое Римъ, и вы очень ошибетесь, если подумаете, что онъ похожъ сколько-нибудь на Петербургъ. Это городъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Петербургъ самый новый изъ всѣхъ городовъ, а Римъ самый старый. Въ Петербургѣ все убрано, все чистенько, стѣны выбѣлены; а здѣсь все напротивъ: стѣны домовъ совсѣмъ темныя, похожія на Зимній, или на нашъ Мраморный дворецъ, и иногда возлѣ новаго дому стоитъ такой, которому тысяча лѣтъ. Иногда въ стѣнѣ дома вдѣлана какая-нибудь колонна, которая еще была сдѣлана при римскомъ императорѣ Августѣ,—вся почернѣвшая отъ времени. Иногда цѣлая площадь вся покрытая развалинами, и всѣ развалины эти покрыты плющемъ, и на нихъ растутъ дикіе цвѣты, и все это дѣлаетъ прекраснѣйшій видъ, какой только можете себѣ вообразить. По всему городу бьютъ фонтаны, и всѣ они такъ хороши! Одни изъ нихъ представляютъ Нептуна, выѣзжающаго на колесницѣ, и всѣ лошади его мечутъ на воздухъ фонтаны. Въ другомъ мѣстѣ Тритоны, поднявши вверхъ раковину, бьютъ высоко вверхъ воду. Можетъ, вы не знаете, что ни въ какомъ городѣ въ мірѣ нѣтъ столько церквей, какъ въ Римѣ, и внутри онѣ такъ украшены, какъ не бываетъ ни (въ) одномъ дворцѣ. Колонны изъ мрамора, изъ порфира, изъ рѣдкаго голубого камня, котораго называютъ лаписомъ; слоновая кость, статуи, словомъ—все великолѣпно. А что еще больше укра-

шаетъ ихъ, такъ это картины. Вы, я думаю, слышали имена знаменитыхъ живописцевъ Рафаеля, Микель-Анджела, Корреджія, Тиціана и проч. и проч., которыхъ картины теперь стоятъ милліоны и которыхъ даже нельзя купить. Вообразите, что здѣсь всѣ эти картины. Кромѣ церквей, въ здѣшнихъ дворцахъ, которыхъ тутъ много и которые принадлежатъ лучшимъ римскимъ фамиліямъ, есть цѣлыя картинныя галлереи, наполненныя произведеньями лучшихъ мастеровъ; такъ что, хотя нѣсколько лѣтъ оставайся въ Римѣ, всегда останется что-нибудь смотрѣть. Ватиканъ (гдѣ живутъ папы) есть очень большой дворецъ, и въ немъ бездна комнатъ и галлерей, и всѣ эти галлереи наполнены статуями, тѣми статуями, которыя сдѣланы еще во времена древнихъ грековъ и римлянъ знаменитыми скульпторами, которыхъ имена вы, я думаю, читали въ исторіи. Словомъ, все то, что вы читаете въ книгахъ, вы видите здѣсь передъ собою.

Я не знаю, писалъ ли я вамъ что-нибудь о карналѣ [1],—то, что называется у насъ масленицею. Это очень замѣчательное явленіе. Вообразите, что въ продолженіе всей недѣли всѣ ходятъ и ѣздятъ замаскированные по улицамъ во всѣхъ костюмахъ и маскахъ. Иной одѣтъ адвокатомъ—съ носомъ, величиною черезъ всю улицу, другой туркомъ, третій лягушкой, паяцемъ и чѣмъ ни попало. Кучера даже на козлахъ одѣты женщинами въ чепчикахъ. Всякій старается одѣться во что можетъ; кому не во что, тотъ, просто, выпачкаетъ себѣ рожу, а мальчишки выворотятъ свои куртки и изодранные плащи. У каждаго въ рукахъ по цѣлому мѣшку шариковъ, сдѣланныхъ изъ муки. Этими шариками они бросаютъ другъ въ друга и засыпаютъ совершенно всего мукою. Всѣ смѣются и хохочутъ. Иногда, вмѣсто муки, бросаютъ конфекты. Въ послѣдній вечеръ, который называется moccoletti, гасятъ масленицу, т. е. вездѣ, во всѣхъ окнахъ, показываются огни. Всѣ, которые ни ѣдутъ въ коляскахъ (а въ коляскахъ сидитъ человѣкъ по 12), всѣ держатъ на длинныхъ шестахъ огни, а другіе бѣгутъ за ними тоже съ шестами, на которыхъ навязаны платки, и этими платками они стараются погасить свѣчи. Если имъ удастся это сдѣлать, тогда они смѣются отъ всей души. Во все продолженіе этого, все

[1]) Карнавалъ Гоголь подробно описывалъ также въ письмѣ къ Данилевскому. (См. выше, стр. 469—470).

сливается въ одинъ гулъ; всѣ до одного кричатъ: «Senza moccolo, senza moccolo!» Иные прибавляютъ: «O che oscurita!» т. е. «какая темнота!» Дамы между тѣмъ изъ балконовъ домовъ протягиваютъ тоже длинные шесты съ огнями и зажигаютъ тѣ, у которыхъ погасли. Это продолжается до 11 часовъ ночи, и такимъ образомъ оканчивается карнавалъ. Но для этого, чтобы знать, нужно видѣть. Можетъ быть, когда-нибудь вамъ удастся побывать въ Италіи, въ этой землѣ, такъ непохожей на всѣ другія.

Хотя въ Италіи обыкновенно всѣ иностранцы проводятъ зиму, но мнѣ лучше нравится въ Италіи лѣто. Это правда, что очень жарко; но зато природа въ Италіи въ это время во всемъ блескѣ. Два-три мѣсяца иногда продолжается, что небо ясное во весь день, и вы проснетесь и видите передъ собою небесный сводъ, чистый, чистый — хоть бы лоскуточекъ облачка, такъ что вы позабудете, есть ли на свѣтѣ облака. Въ это время города и деревни около Рима чудо, какъ хороши! А еслибы вы увидѣли, какъ здѣсь одѣваются крестьянки, обитательницы большихъ деревень и городовъ! Чудо, чудо! Иныя изъ нихъ есть совершенныя красавицы. Но я вамъ разскажу въ слѣдующемъ письмѣ. Можетъ быть, я найду случай прислать вамъ что-нибудь изъ Италіи италіянское. Цѣлую васъ много, много.

XLVII. Къ М. П. Балабиной.

Римъ, мѣсяцъ апрѣль, годъ 2588 отъ основанія города [1].

Я получилъ сегодня ваше милое письмо, писанно(е) вами отъ 29 генваря по медвѣжьему стилю [2]) отъ 10 февраля по здѣшнему счету. Оно такъ искренно, такъ показалось мнѣ полно чувства и въ немъ такъ отразилась душа ваша, что я рѣшился идти сегодня (же) въ одну изъ церквей римскихъ, тѣхъ прекрасныхъ церквей, которыя вы знаете, гдѣ дышитъ священный сумракъ и гдѣ солнце, съ вышины овальнаго купола, какъ Святой Духъ, какъ вдохновеніе, посѣщаетъ середину ихъ,

[1]) Обыкновенно полагаютъ, что Римъ основанъ за 753 года до Р. Х. Если вычесть это число изъ 2588, то выйдетъ, что письмо было написано въ 1835 году, когда Гоголь находился еще въ Россіи; а между тѣмъ оно, очевидно, относится къ 1838 году.

Примѣч. перваго изданія.

[2]) Слова: «отъ 29 января по медвѣжьему стилю или» у Кулиша пропущены. Ср. примѣч. 7-е на стр. 459.

гдѣ двѣ-три молящіяся на колѣняхъ фигуры не только не отвлекаютъ, но, кажется, даютъ еще крылья молитвѣ и размышленію [1]). Я рѣшился тамъ помолиться за васъ (ибо въ одномъ только Римѣ молятся, въ другихъ мѣстахъ показываютъ только видъ, что молятся), я рѣшился тамъ помолиться за васъ[2]). Хотя вашу ясную душу слышитъ и безъ меня Богъ и хотя немного толку въ моей грѣшной молитвѣ, но все-таки я молился и [3]) исполнилъ этимъ движеніе души моей; я просилъ, чтобы [4]) послали вамъ высшія силы, прекрасныя небесса, солнце и ту живую [5]), юную природу, которая достойна окружать васъ. Вы похожи теперь на картину, въ которой художникъ великій употребилъ [6]) всѣ свои силы на то, чтобы создать прекрасную фигуру, которую онъ помѣстилъ на первомъ планѣ. Потомъ ему надоѣло заняться прочимъ, второй планъ онъ напачкалъ какъ ни попало, или, лучше [7]), далъ напачкать другимъ. Оттого вышло, что позади васъ находится Петербургъ и [8]) чухонская природа. Я слышу отсюда всѣ ваши чувства, и, зная васъ хорошо, я зналъ, что вы должны быть полны Римомъ, что онъ живетъ еще святѣе [9]) въ вашихъ мысляхъ теперь, чѣмъ прежде.

Въ самомъ дѣлѣ, есть что-то удивительное въ немъ. Когда я жилъ въ Швейцаріи, гдѣ, по причинѣ холеры, я

---

[1]) Богослуженіе въ католическихъ храмахъ производило сильное впечатлѣніе на Гоголя. Въ исправленной редакціи «Тараса Бульбы» см. превосходное, полное лиризма, описаніе служенія въ костелѣ. Здѣсь сходны даже всѣ подробности. «Нѣсколько женщинъ, похожихъ на привидѣнія, стояли на колѣняхъ, опершись и совершенно положивъ изнеможенныя головы на спинки стоявшихъ передъ ними стульевъ и темныхъ деревянныхъ лавокъ; нѣсколько мужчинъ, прислонясь у колоннъ и пиластръ, печально стояли тоже на колѣняхъ. Окно съ цвѣтными стеклами, бывшее надъ алтаремъ, *озарилось розовымъ румянцемъ утра* и упали отъ него на полъ голубые, желтые и другихъ цвѣтовъ кружки свѣта, освѣтившіе внезапно темную церковь» и проч. (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 296).

[2]) Слова: «ибо въ одномъ только Римѣ молятся, въ другихъ мѣстахъ показываютъ только видъ, что молятся» и повтореніе: «я рѣшился тамъ помолиться за васъ», у Кулиша пропущены.

[3]) У Кулиша: «я исполнилъ»; въ точной копіи, присланной намъ самой Балабиной (нынѣ г-жей Вагнеръ): «и исполнилъ».

[4]) У Кулиша: «чтобъ».

[5]) Послѣ слова: «живую» зачеркнуто: «кипящую».

[6]) Слово «употребилъ» написано сверху зачеркнутаго: «приложилъ».

[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «далъ другимъ».

[8]) Слова: «Петербургъ и» у Кулиша пропущены.

[9]) У Кулиша: «свѣтлѣе».

остался гораздо долѣе, нежели (сколько) [1]) думалъ, я не могъ дождаться часа, минуты ѣхать въ Римъ: и когда я получилъ въ Женевѣ вексель, который доставилъ мнѣ возможность ѣхать туда, я такъ обрадовался этимъ деньгамъ, что еслибы [2]) въ это время нашелся свидѣтель моей радости, то онъ бы принялъ меня за ужаснаго [3]) скрягу и сребролюбца. И когда я увидѣлъ наконецъ во второй разъ Римъ, о, какъ онъ мнѣ показался лучше прежняго! Мнѣ казалось, что будто я увидѣлъ свою родину, въ которой нѣсколько лѣтъ не бывалъ я, а въ которой жили только мои мысли. Но нѣтъ, это все не то: не свою родину, но родину души своей я увидѣлъ, гдѣ душа моя жила еще прежде меня, прежде чѣмъ я родился на [4]) свѣтъ. Опять то же небо, то все серебряное, одѣтое въ какое-то атласное сверканіе, то синее, какъ любитъ оно показываться сквозь арки Колисея; опять тѣ же кипарисы, эти зеленые обелиски, верхушки куполовидныхъ сосенъ, которыя кажутся иногда плавающими въ воздухѣ, тотъ же чистый воздухъ, та же ясная даль, тотъ же вѣчный куполъ, такъ величественно круглящійся въ воздухѣ. Нужно вамъ знать, что я пріѣхалъ совершенно одинъ, что въ Римѣ я не нашелъ никого изъ моихъ знакомыхъ. Ваша сестрица оставалась еще во Флоренціи. Но я былъ такъ полонъ въ это время и мнѣ казалось, что я въ такомъ многолюдномъ обществѣ, что я припоминалъ только, чего бы не забыть, и тотъ же часъ отправился дѣлать визиты всѣмъ своимъ друзьямъ. Былъ у Колисея, и мнѣ казалось, что онъ меня узналъ, потому что онъ, по своему обыкновенію, былъ величественно милъ и на этотъ разъ [5]) особенно разговорчивъ. Я чувствовалъ, что во мнѣ рождались такія прекрасныя чувства! [6]) стало быть, онъ со мною говорилъ. Потомъ я отправился къ Петру и ко всѣмъ другимъ, и мнѣ казалось, они всѣ сдѣлались на этотъ разъ гораздо болѣе со мною разговорчивы [7]). Въ первый разъ

---

[1]) Этого слова, вставленнаго Кулишемъ, въ подлинномъ письмѣ, судя по присланной намъ точной копіи (если здѣсь нѣтъ случайнаго пропуска), не имѣется.

[2]) У Кулиша: «еслибъ».

[3]) Такъ исправлено у Кулиша; въ копіи, присланной намъ М. П. Вагнеръ: «ужасную».

[4]) Слова: «родился на» вписаны сверху зачеркнутаго: «увидѣлъ».

[5]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «даже бы(лъ)».

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «тогда».

[7]) Въ подлинникѣ: «разговорчивѣе». Ср. выше, стр. 478 и 480.

нашего знакомства они, казалось, были болѣе молчаливы. дичились и считали меня за форестьера.

Кстати о форестьерахъ. Всю зиму, прекрасную, удивительную зиму, лучше во сто разъ петербургскаго лѣта,— всю эту зиму я, къ величайшему счастію, не видалъ форестьеровъ; но теперь ихъ наѣхала вдругъ куча къ Пасхѣ, и между ними цѣлая ватага русскихъ [1]). Что̀ за несносный народъ! пріѣхалъ и сердится, что въ Римѣ нечистыя улицы, нѣтъ никакихъ совершенно развлеченій, много монаховъ, и повторяетъ вытверженныя еще въ прошломъ столѣтіи изъ календарей и старыхъ альманаховъ фразы, что итальянцы подлецы, обманщики и проч. и проч. А какъ несетъ отъ нихъ казармами, — такъ просто мочи нѣтъ! [2]) Впрочемъ они наказаны за глупость своей души уже тѣмъ, что не въ силахъ наслаждаться, влюбляться чувствами и мыслію въ прекрасное и высокое, не въ силахъ узнать Италію. Есть еще классъ людей, которые за фразами не лѣзутъ въ карманъ и говорятъ: «Какъ это величаво! какъ хорошо!» словомъ [3]), превращаются очень легко въ восклицательный знакъ и выдаютъ себя за людей съ душою. Ихъ не терпитъ тоже душа моя [4]), и я скорѣе готовъ простить, кто надѣваетъ на себя маску набожности, лицемѣрія, услужливости для достиженія какой-нибудь своей [5]) цѣли, нежели кто надѣваетъ на себя маску вдохновенія и поддѣльныхъ поэтическихъ чувствъ.

Знаете, что̀ я вамъ скажу теперь о римскомъ народѣ? Я теперь занятъ желаніемъ узнать [6]) его [7]) во глубинѣ, весь его характеръ, слѣжу его во всемъ, читаю всѣ народныя произведенія, гдѣ только онъ отразился, и скажу, что, можетъ быть, это первый народъ въ мірѣ, который одаренъ до такой степени эстетическимъ чувствомъ, невольнымъ чувствомъ понимать то, что̀ понимается только пылкою [8]) природою, на которую холодный, разсчетливый, меркантильный

---

[1]) Слова: «и между ними цѣлая ватага русскихъ» у Кулиша пропущены.

[2]) Слова: «а какъ несетъ отъ нихъ казармами, такъ просто мочи нѣтъ!» у Кулиша пропущены.

[3]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «претворяю(тся)».

[4]) У Кулиша невѣрно: «моя душа».

[5]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «политик(и)».

[6]) Слова: «желаніемъ узнать» вписаны сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ на ходу письма: «тѣмъ желані(емъ)».

[7]) Слово: «его» у Кулиша пропущено.

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «чувствомъ и сердцемъ».

европейскій умъ не набросилъ своей узды. Какъ показались мнѣ гадки нѣмцы послѣ итальянцевъ. нѣмцы, со всею ихъ мелкою честностью и эгоизмомъ! Но объ этомъ я вамъ, кажется, уже[1]) писалъ. Я думаю, уже вы сами слышали очень многія черты остроумія римскаго народа, того остроумія, которымъ иногда славились древніе римляне, а еще болѣе — аттическій вкусъ грековъ. Ни одного происшествія здѣсь не случится безъ того, чтобъ не вышла какая-нибудь острота и эпиграмма въ народѣ. Во время торжества и праздника по случаю избранія кардиналовъ, когда городъ былъ иллюминованъ три дня (да, кстати здѣсь сказать, что нашъ пріятель Меццофанти [2]) сдѣланъ тоже кардиналомъ и ходитъ въ красныхъ чулочкахъ), во время этого праздника было почти все дурное время; въ первые же дни карнавала, дни были совершенно итальянскіе, тѣ свѣтлые, безъ малѣйшаго облачка дни, которые вамъ такъ знакомы, когда на голубомъ полѣ неба сверкаютъ стѣны домовъ, всѣ въ солнцѣ, и такимъ блескомъ, какого не вынесетъ сѣверный глазъ,—въ народѣ вышелъ вдругъ экспромтъ [3]): «I Dio vuol carnevale e non vuol cardinale» [4]). Это напоминаетъ мнѣ экспромтъ по случаю запрещенія папою карнавала въ прошломъ году. Вы знаете, что нынѣшняго папу, по причинѣ его большого носа, зовутъ пульчинеллой; вотъ экспромтъ:

«Oh! questa si ch'e bella!
Proibisce il carnevale pulcinella!»

Знакомы ли были вы съ транстеверянами, то есть, жителями по ту сторону Тибра, которые такъ горды своимъ чистымъ римскимъ происхожденіемъ? Они однихъ себя считаютъ настоящими римлянами. Никогда еще транстеверянинъ не женился на иностранкѣ (а иностранкой называется всякая, кто только не въ городѣ ихъ), и никогда транстe-

---

[1]) Слово «уже» у Кулиша пропущено.

[2]) Кардиналъ, знаменитый полиглоттъ, умѣвшій говорить на множествѣ языковъ, въ томъ числѣ и по русски,—но порусски съ большимъ трудомъ, съ постоянными запинками и безконечными повтореніями въ разной формѣ одной и той же мысли. Гоголь очень любилъ его копировать. (См. «Воспоминанія и критическіе очерки» Анненкова, т. I, стр. 211—212 и «Матеріалы для біографіи», т. II, стр. 317).

[3]) Слово: «экспромтъ» вписано сверху зачеркнутыхъ: «мнѣніе, что...»

[4]) Послѣ этого до словъ: «знакомы ли вы были съ транстеверянами» у Кулиша пропускъ.

верянка не выходила замужъ за иностранца. Случалось ли вамъ [1]) слышать языкъ il Meo Patacca, для которой рисунки дѣлалъ Пинелли? Но вамъ, вѣрно, не случалось читать сонетовъ нынѣшняго римскаго поэта Белли [2]), которые впрочемъ [3]) нужно слышать, когда онъ самъ читаетъ. (Въ нихъ), въ этихъ сонетахъ, столько соли и столько остроты, совершенно неожиданной, и такъ вѣрно отражается въ нихъ жизнь нынѣшнихъ транстеверянъ, что вы будете смѣяться, и это тяжелое облако, которое налетаетъ часто на вашу голову, слетитъ прочь вмѣстѣ съ докучливой и несносной вашей головной [4]) болью. Они писаны in lingua romanesca; они не напечатаны, но я вамъ ихъ послѣ пришлю.

Кстати мы начали говорить о литературѣ. Намъ извѣстна только одна эпическая литература итальянцевъ, то есть, литература умершаго времени, литература XV и XVI вѣковъ; но нужно знать, что въ прошедшемъ XVIII и даже въ концѣ XVII вѣка у итальянцевъ обнаружилась сильная наклонность къ сатирѣ, веселости, и если хотите изучить духъ нынѣшнихъ итальянцевъ, то нужно ихъ изучать въ ихъ поэмахъ герои-комическихъ. Вообразите, что собраніе «Autori burleschi italiani» состоитъ изъ сорока толстыхъ томовъ. Во многихъ изъ нихъ блещетъ такой юморъ, такой оригинальный юморъ, что дивишься, почему никто не говоритъ о нихъ. Впрочемъ нужно сказать и то, что однѣ итальянскія типографіи могутъ печатать ихъ. Во многихъ изъ нихъ есть нѣсколько нескромныхъ выраженій, которы(я) [5]) не всякому можно позволить читать.

Я вамъ разскажу теперь объ этомъ праздникѣ, который не знаю, знаете ли вы, или нѣтъ. Это—торжество по случаю основанія [6]) Рима, юбилей рожденія, или именины этого чуднаго старца, видѣвшаго въ стѣнахъ своихъ Ромула. Этотъ праздникъ, или, лучше сказать, собраніе академическое, было очень просто, въ немъ не было ничего особеннаго; но самый предметъ былъ такъ великъ и душа

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «языкъ ихъ»...

[2]) Объ итальянскомъ поэтѣ, писавшемъ сонеты на транстеверинскомъ нарѣчіи, Гоголь бесѣдовалъ съ знаменитымъ французскимъ критикомъ Сенъ-Бевомъ (см. «Matériaux pour la biographie», т. IV, стр. 413, примѣч.). О Белли и знакомствѣ съ Гоголемъ см. статью П. Д. Боборыкина въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 1899, № 123 и 149.

[3]) Это слово у Кулиша пропущено.

[4]) У Кулиша: «головною».

[5]) Въ подлинникѣ: «которыхъ».

[6]) У Кулиша: «построенія».

такъ была настроена къ могучимъ впечатлѣніямъ, что все казалось въ немъ священнымъ, и стихи, которые читались на немъ небольшимъ числомъ римскихъ писателей, больше нашими друзьями абатами, всѣ безъ изъятія казались прекрасными и величественными, и, какъ-будто по звуку трубы, воздвигали въ памяти моей древнія стѣны, храмы, колонны, и возносили все это подъ самую вершину небесъ. Прекрасно, прекрасно все это [1]) было! но такъ ли оно прекрасно, какъ теперь? Мнѣ кажется, теперь... по крайней мѣрѣ, еслибы мнѣ предложили [2]) натурально, не, какой-нибудь [3]) государь-императоръ или король, а кто-нибудь посильнѣе ихъ—что бы я предпочелъ? видѣть передъ собою—древній Римъ въ грозномъ и блестящемъ величіи, или Римъ нынѣшній въ его теперешнихъ развалинахъ, я бы предпочелъ Римъ нынѣшній. Нѣтъ, онъ никогда не былъ такъ прекраснъ. Онъ прекраснъ уже тѣмъ, что ему 2588-й годъ, что на одной половинѣ его дышитъ вѣкъ языческій, на другой Христіанскій, и тотъ и другой—огромнѣйшія двѣ мысли въ мірѣ.

Но вы знаете, почему онъ прекраснъ. Гдѣ вы встрѣтите эту божественную, эту райскую пустыню посреди города [4])? Какая весна! Боже, какая весна! Но вы знаете, что̀ такое молодая, свѣжая весна среди дряхлыхъ развалинъ, зацвѣтшихъ плющомъ и дикими цвѣтами. Какъ хороши теперь синіе клочки неба промежъ деревъ, едва покрывшихся свѣжей, почти желтой зеленью, и даже темные, какъ воронье крыло, кипарисы, а еще далѣе—голубыя, матовыя, какъ бирюза, горы Фраскати и Албанскія, и Тиволи! Что̀ за воздухъ [5])! кажется, какъ потянешь носомъ, то по крайней мѣрѣ семьсотъ ангеловъ влетаютъ въ носовыя ноздри. Удивительная весна [6])! Гляжу — не нагляжусь. Розы усыпали теперь весь Римъ: но обоянію моему еще слаще отъ цвѣтовъ, которые теперь зацвѣли и которыхъ имя я, право, въ эту минуту позабылъ. Ихъ нѣтъ у насъ. Вѣрите ли, что часто приходитъ неистовое желаніе превратиться въ одинъ носъ: чтобы не было ни-

[1]) У Кулиша невѣрно: «все, что̀ было».

[2]) Послѣ этого до словъ: «что̀ бы я предпочелъ» у Кулиша пропущено.

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «императоръ».

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «Вы знаете, что̀ такое молодая».

[5]) Послѣ этого у Кулиша пропускъ — до словъ: «удивительная весна!»

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «глядишь и не наглядишься».

чего больше—ни глазъ, ни рукъ, ни ногъ, кромѣ одного только большущаго носа, у котораго бы ноздри были въ добрыя ведра, чтобы можно было втянуть въ себя какъ можно побольше благовонія и весны.

Но я чуть было не позабылъ, что пора мнѣ уже [1]) отвѣчать на сдѣланные вами вопросы и порученія. Первое [2])—поклониться первому аббату, котораго я встрѣчу на улицѣ—я исполнилъ, и вообразите, какая исторія! Но [3]) вамъ нужно ее разсказать. Выхожу я [4]) изъ дому (Strada Felice, № 126); иду я дорогою къ Monte Pincio и у церкви Trinita готовъ спуститься лѣстницею внизъ. Вижу [5]), поднимается [6]) на лѣстницу аббатъ. Я, припомнивъ ваше порученіе, снялъ шляпу и сдѣлалъ ему очень вѣжливый поклонъ. Аббатъ, какъ казалось, былъ тронутъ моею вѣжливостью и поклонился еще вѣжливѣе. Его черты мнѣ показались пріятными и исполненны(ми) [7]) чего-то благороднаго, такъ что я невольно остановился и посмотрѣлъ на него. Смотрю—аббатъ подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ меня очень учтиво, не имѣетъ ли онъ чести меня [8]) знать и что онъ имѣетъ несчастную память (позабывать) [9]). Тутъ я не утерпѣлъ, чтобъ не засмѣяться, и разсказалъ ему, что одна особа, проведшая лучшіе дни своей жизни въ Римѣ, такъ привержена къ нему въ мысляхъ, что просила меня поклониться всему тому, что̀ болѣе всего говоритъ о Римѣ, и, между прочимъ, первому аббату, который мнѣ попадется, не разбирая, каковъ бы онъ ни былъ, лишь бы только былъ въ чулочкахъ, очень хорошо натянутыхъ на ноги [10]), и что я радъ, что этотъ поклонъ достался ему. Мы оба посмѣялись [11]) и сказали въ одно время, что наше знакомство началось такъ странно, что стоитъ его продолжать. Я спросилъ его имя, и—вообразите — онъ поэтъ, пишетъ очень недурные стихи, очень уменъ, и мы съ нимъ теперь (очень) [12]) подружились. Итакъ

---

[1]) У Кулиша: «уже мнѣ».
[2]) У Кулиша: «первый»; въ копіи М. П. Вагнеръ: «первое».
[3]) Слово «но» у Кулиша пропущено.
[4]) Слово «я» у Кулиша пропущено.
[5]) У Кулиша опибка: «внизу».
[6]) У Кулиша: «подымается».
[7]) Не дописано.
[8]) Въ копіи М. П. Вагнеръ: «меня чести».
[9]) Этого слова въ копіи М. П. Вагнеръ нѣтъ.
[10]) Послѣ этого зачеркнуто: «Я прибавилъ, что знакъ...»
[11]) Такъ у Кулиша; въ копіи М. П. Вагнеръ: «смѣялись».
[12]) Этого слова въ копіи М. П. Вагнеръ нѣтъ.

позвольте мнѣ поблагодарить васъ за это пріятное знакомство.

Съ аббатомъ Lanci [1]) я не имѣлъ чести встрѣтиться [2]), а то бы, вѣрно, и ему отдалъ поклонъ [3]).

На вопросъ вашъ: «здорова ли Мейерова [4]) блуза пыльнаго цвѣта?» имѣю честь отвѣтствовать, что здорова. Я ее еще недавно видѣлъ верхомъ на своемъ господинѣ, а господинъ былъ верхомъ на лошади, и такимъ образомъ пронеслись всѣ трое вихремъ по Monte Pincio.

Соломенная шляпа, вѣроятно, тоже здорова. На вопросъ же вашъ: «боготворитъ ли онъ статуи?» имѣю честь доложить, что онъ, кажется, предпочитаетъ имъ живыя творенія; но крайней мѣрѣ онъ побольше (sic) попадается съ дамами въ шляпкахъ и лентахъ, нежели съ статуями, у которыхъ нѣтъ ни шляпокъ, ни лентъ, а одна только запыленная драпировка, накинутая какъ ни [5]) попало. Впрочемъ, Мейеръ теперь въ модѣ, и княжна Варвара Николаевна [6]), которая подтрунивала надъ нимъ, первая говоритъ теперь, что Мейеръ совершенно не тотъ, какъ узнать его покороче, что въ немъ очень много хорошаго.

Кустодъ Колисея тоже здоровъ и англичанъ цѣлыми вя-

---

[1]) Покойная княжна В. Н. Репнина сообщила намъ о немъ слѣдующее. «Насъ нерѣдко навѣщалъ аббатъ Lanci. Помню, какъ однажды вечеромъ Гоголь у насъ, не переставая, говорилъ порусски (онъ былъ тогда, что̀ называется, въ ударѣ), такъ что аббатъ, не понимая нашего языка, не могъ во весь вечеръ проронить ни слова. На этотъ разъ—но это случилось только однажды,—и очень любившая его Варвара Осиповна Балабина осталась не довольна Гоголемъ и бранила его за недогадливость и неучтивость». (См. «Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 190).

[2]) У Кулиша: «видѣться».

[3]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «что̀ к(асается)».

[4]) По словамъ В. Н. Репниной, надъ страстью Мейера къ женскому полу смѣялись всѣ въ домѣ Балабиныхъ. Это былъ археологъ. У него была оригинальная странность: онъ часто влюблялся въ многихъ близко знакомыхъ ему особъ и горячо увѣрялъ и доказывалъ, что въ этомъ нисколько не обнаруживается его непостоянство, но, наоборотъ, это именно служитъ доказательствомъ постоянства самаго чувства, которое не измѣняется, но только избираетъ себѣ разные предметы поклоненія. Однажды онъ написалъ даже романъ подъ заглавіемъ «Eduard in Rom», гдѣ въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ была изображена княжна В. Н. Репнина. Ей онъ посвятилъ книгу, но романъ былъ такъ скученъ, что она не могла его прочесть. («Матеріалы», т. III, стр. 208).

[5]) Это слово «ни» у Кулиша пропущено.

[6]) Репнина.

занками тащитъ на лѣстницу Колисея. Каждую ночь почти иллюминація.

О свинкахъ вамъ ничего не могу сказать, потому что до сихъ поръ еще не видалъ ни одной, но козловъ множество. Кажется, всѣ римскія деревни рѣшились просвѣтить ихъ и отправили страшныя толпы. Народъ очень умный, но лежатъ совершенно безъ всякаго дѣла [1]), и сомнѣваюсь, чтобы они могли что-нибудь разсказать, пришедши домой, о римскихъ памятникахъ, а тѣмъ болѣе о живописи.

Вы спрашиваете еще, правда ли, что Каневскій [2]) ѣдетъ въ Петербургъ? Это очень можетъ случиться, и нѣтъ ничего удивительнаго; страннѣе, еслибы онъ остался въ Италіи: для этого нужно имѣть душу художника. Каневскій можетъ нарисовать хорошо портретъ Кривцова [3]), но до художника ему далеко, какъ до небесной звѣзды.

У англійскихъ скульпторовъ побываю непремѣнно, и очень вамъ благодаренъ за это порученіе: безъ васъ бы мнѣ это не пришло въ голову.

Трагедію Николини: «Антоніо Фоскарини» купилъ и завтра принимаюсь читать.

Что̀ касается до madamigella Conti, о которой вы интересуетесь, то она не ходитъ въ церковь Петра, ибо madama Conti, узнавши [4]), что она много глядитъ на форестьеровъ, схватила ее въ охапку и увезла въ деревню Сабины, въ 12 [5]) или около, миляхъ отъ Рима.

Вотъ вамъ и все. Кажется, ничего не пропустилъ. Жаль мнѣ, и я золъ до нельзя на головную боль, которая продолжаетъ васъ мучить. Нѣтъ, вамъ нужно подальше изъ Петербурга. Этотъ климатъ живетъ за-одно съ этой болѣзнію; оба они мошенничаютъ вмѣстѣ. Пишите ко мнѣ обо всемъ, что̀ у васъ ни есть на душѣ и на мысляхъ. Помните, что я вашъ старый другъ и что я молюсь за васъ здѣсь, гдѣ молитва на своемъ мѣстѣ, то есть, въ

---

[1]) Послѣ этого сверху вписано и зачеркнуто слово: «такіе».

[2]) Каневскій—художникъ, пенсіонеръ академіи художествъ, жившій въ Римѣ.

[3]) Кривцовъ Павелъ Ивановичъ, начальникъ русскихъ художниковъ Рима, родственникъ по женѣ В. П. Репниной, (онъ былъ женатъ на сестрѣ ея Елизаветѣ Николаевнѣ). Портретъ его, исполненный Каневскимъ, по словамъ В. Н. Репниной, былъ въ самомъ дѣлѣ очень удаченъ.

[4]) У Кулиша: «узнавъ».

[5]) У Кулиша: «въ 18».

храмѣ [1]). Молитва же въ Парижѣ, Лондонѣ и Петербургѣ все равно, что̀ молитва на рынкѣ. Будьте здоровы. О здоровьѣ только вашемъ молюсь я: что̀ же до души вашей и сердца, я не молюсь о нихъ: я знаю, что они не перемѣнятся и останутся вѣчно такими же прекрасными [2]).

Очень жалѣю, что я не получилъ вашихъ писемъ, писанныхъ вами въ Веве. Получили ли вы два письма мои, одно къ вашей матушкѣ [3]), другое къ вамъ [4]), которыя я послалъ чрезъ Кривцова [5]).

Кланяйтесь всѣмъ: Петру Ивановичу, Варв(арѣ) Осип(овнѣ) [6]), братцамъ [7]).

Гоголь.

XLVIII. Къ А. С. Данилевскому.

Римъ. 2588-й годъ отъ основанія города, 13 мая (1838).

Я получилъ письмо твое вчера. Мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, вмѣсто него, увидѣть высунувшееся изъ-за дверей, улыбающееся лицо твое; но судьбамъ вышнимъ такъ угодно. Будь такъ, какъ должно̀ быть лучше! Мысль твоя объ женѣ и свекловичномъ сахарѣ меня поразила. Если это намѣреніе обдуманное, крѣпкое, то оно, конечно, хорошо, потому что всякое *твердое* намѣреніе хорошо и достигаетъ непремѣнно своей цѣли. Существо, встрѣтившее тебя на лѣстницѣ, заставило меня задуматься [8]). Но съ другой стороны я никакъ не могъ согласить встрѣчу твою съ гризеткою и приглашеніе ее на... [9]) того же самаго дня. Пусть это случалось прежде, но ты говоришь въ письмѣ ясно: «сегодня я славно проведу——[10])»! Но что̀ если она тебѣ подсунетъ ——[11]). Тогда и женитьба и сахар-

---

[1]) Послѣ этого у Кулиша пропускъ до словъ: «будьте здоровы».

[2]) Остальное у Кулиша опущено.

[3]) См. выше; письмо отъ 16 іюля 1837 года.

[4]) См. выше; письмо отъ 13 марта 1838 года.

[5]) См. выше, примѣч. къ стр. 507.

[6]) Не дописано.

[7]) Братья М. П. Балабиной были слѣдующіе: Викторъ Петровичъ, Евгеній Петровичъ и Иванъ Петровичъ. Первые два упомянуты въ сообщеніи Я. К. Грота о семействѣ Балабиныхъ. (См. «Русскій Вѣстникъ», 1890, XI, стр. 36 и «Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 130).

[8]) Эта фраза у Кулиша опущена и далѣе до словъ: «Но въ сторону такія смутныя мысли».

[9]) Одно слово пропускаемъ.

[10]) Пропущено то же слово.

[11]) Неудобное для печати слово.

ный заводъ очень постраждутъ. Но въ сторону такія смутныя мысли! О тебѣ въ моемъ сердцѣ живетъ какое-то пророческое, счастливое предвѣстіе.

Я пишу къ тебѣ письмо, сидя въ гротѣ на виллѣ у кн(ягини)[1]) З(инаиды)[2]) Волконской[3]), и въ эту минуту грянулъ прекрасный проливной, лѣтній, роскошный дождь, на жизнь и на радость розамъ и всему пестрѣющему около меня прозябенію. Освѣжительный холодъ проникъ въ мои члены, утомленные утреннею, немного душною прогулкою. Бѣлая шляпа уже давно носится на головѣ моей, но блуза еще не надѣвалась. Прошлое воскресеніе[4]) ей хотѣлось очень немного порисоваться на моихъ широкихъ и вмѣстѣ тщедушныхъ плечахъ, по случаю предположенной было поѣздки въ Тиволи[5]); но эта поѣздка не состоялась. Завтра же, если погода [а она теперь уже[6]) постоянно прекрасна], то блуза въ дѣло; ибо питторія[7]) вся отправляется, и ослы уже издали весело помаваютъ мнѣ. Да, я слышу носомъ ихъ. Все это заманчиво для тебя, и, признаюсь, я бы много далъ за то, чтобы имѣть тебя выѣзжающаго объ руку мою на ослѣ. Но будь такъ, какъ[8]) угодно высшимъ судьбамъ! Отправлюсь[9]) помолиться за тебя въ одну изъ этихъ темныхъ, дышащихъ свѣжестью и молитвою церквей... [10])

Вообрази, что я получилъ недавно [мѣсяцъ назадъ... нѣтъ, три недѣли] письмо отъ Прокоповича съ деньгами, которыя я просилъ у него въ Женевѣ. Письмо это отправилось въ Женеву, тамъ[11]) пролежало мѣсяца два и оттуда, какимъ образомъ, ужъ, право, не могу дознаться, отправлено было къ Валентини[12]); у Валентини оно пролежало тоже мѣсяца два, пока, наконецъ, извѣстили объ этомъ меня. Про-

---

[1]) Не дописано.
[2]) Тоже.
[3]) О знаменитой княгинѣ Зинаидѣ Волконской см. статью П. А. Бѣлозерской («Историческій Вѣстникъ», 1897, III и IV).
[4]) Послѣ этого слова зачеркнуто опять: «прошлое воскресеніе».
[5]) Извѣстное по живописности предмѣстье Рима.
[6]) Это слово у Кулиша пропущено.
[7]) Всѣ художники-живописцы, жившіе въ Римѣ: pittore — живописецъ (ит. слово).
[8]) Слово «какъ» вписано сверху строки.
[9]) У Кулиша: «отправляюсь».
[10]) Многоточіе въ подлинникѣ.
[11]) Послѣ этого зачеркнуто: «отправилось».
[12]) Извѣстный банкиръ въ Римѣ.

коновичъ пишетъ, что онъ моей библіотеки не продалъ [1]), потому что никто не хотѣлъ купить, но что онъ занялъ для меня деньги 1500 р., и проситъ ихъ возвратить ему по возможности скорѣе. Я этихъ денегъ не отсылалъ, ожидая тебя и думая, не понадобятся ли онѣ тебѣ [2]; но наконецъ, видя, что не ѣдешь, и разсудивши, что Прокоповичъ нашъ, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ стѣсненъ немного, я отправилъ ихъ къ нему чрезъ Валентини. Это мнѣ стало все [3]) около 20 скудъ почти издержки. Золотареву [4]) я заплатилъ не двѣсти франковъ, какъ ты писалъ, а только 150, потому что онъ сказалъ мнѣ, что вы какъ-то съ нимъ сдѣлались въ остальной суммѣ. Ты, пожалуйста, теперь не затрудняйся высылать мнѣ твоего долга, потому что тебѣ деньги — я знаю — будутъ нужны слишкомъ на путь твой, но [5]) въ концѣ года, или даже въ началѣ будущаго [6]), когда ты пріѣдешь въ Петербургъ.

Прокоповича [7]) письмо очень, очень коротенькое. Говоритъ, что онъ совершенно сжился съ своею незамѣтною и скромною жизнью, что педагогическія холодныя заботы ему даже какъ-то нравятся, что даже ему скучно, когда придутъ праздники, и что онъ теперь постигнулъ все значеніе словъ:

«Привычка свыше намъ дана—
Замѣна счастія она». [8])

Говоритъ, что на вопросъ твой о томъ, что дѣлаетъ кругъ нашъ, или его [9]), можетъ отвѣчать только: что онъ —«сокъ умной молодежи», и больше ничего; что новостей совершенно нѣтъ никакихъ, кромѣ того, что обломался какой-то мостъ, начали ходить паровозы въ Царское Село и Ку-

---

[1]) Гоголь поручилъ Прокоповичу продажу библіотеки (см. выше, стр. 453).

[2]) Данилевскій и Гоголь отчасти даже странствовали на общія средства.

[3]) Это слово вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «только».

[4]) Иванъ Ѳедоровичъ Золотаревъ — кандидатъ дерптскаго университета, выѣхавшій за границу вмѣстѣ съ Гоголемъ и Данилевскимъ и ѣхавшій съ ними на одномъ пароходѣ изъ Петербурга въ Любекъ. Впослѣдствіи онъ еще разъ встрѣтился съ Гоголемъ въ Римѣ. (См. воспоминанія И. Ѳ. Золотарева въ «Истор. Вѣстникѣ», 1893, I, 36—38 и «Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 181—184).

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «лучше».

[6]) Это слово вписано сверху.

[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «очень».

[8]) Стихи изъ второй главы «Евгенія Онѣгина»; послѣ: «счастія» зачеркнуто: «намъ».

[9]) Послѣ этого зачеркнуто какое-то начатое слово.

кольникъ пьетъ мертвую. Отчего произошло послѣднее, я никакъ не могу догадаться. Я [1]) съ своей стороны могу допустить только развѣ [2]) то, что Брюлловъ [3]) извѣстный пьяница, а Кукольникъ, вѣроятно, желая тверже упрочить свой союзъ съ нимъ, ему началъ подтягивать, и, такъ какъ онъ натуры нѣсколько слабой, то, можетъ быть, и черезчуръ перелилъ.

На дняхъ я получилъ письмо отъ Смирнова [4]). Онъ упоминаетъ, между прочимъ, объ обѣдѣ, данномъ Крылову по случаю его пятидесятилѣтней литературной жизни [5]). Я думаю, уже тебѣ извѣстно, что государь, узнавши объ этомъ обѣдѣ, прислалъ на тарелку Крылову Станислава 2-й степени. Но замѣчательно то, что [6]) Гречъ и Булгаринъ отказались быть на этомъ обѣдѣ; но когда узнали, что государь интересуется самъ, прислали тотчасъ просить себѣ билетовъ. Но Одоевскій, одинъ изъ директоровъ, имъ отказалъ. Тогда они нагло пришли сами, говоря, что имъ приказано быть на обѣдѣ; но билетовъ больше не было, и они не могли быть, и не были. Смирновъ прибавляетъ, что Булгаринъ, на возвратномъ пути въ Дерптъ, былъ кѣмъ-то, вѣроятно, изъ дерптск(ихъ) студентовъ, такъ исправно поколоченъ, что недѣли двѣ пролежалъ въ постели. Этого наслажденія я не понимаю; по мнѣ, поколотить Булгарина такъ же гадко, какъ и поцѣловать [7]) его [8]). По случаю этого празднества были написаны [9]) и читаны на немъ же стихи: одни, Бенедиктова, незамѣчательны; другіе кн. Вяземскаго, очень милы и очень умны и остроумны. Они были пѣты. Музыку написалъ Вьельгорскій [10]).

Вотъ они:

I.

«На радость полувѣковую
Скликаетъ насъ веселый зовъ:

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «полагаю».

[2]) У Кулиша слово: «развѣ» пропущено.

[3]) О знакомствѣ Гоголя съ Брюлловымъ см. кстати въ «Историч. Вѣстникѣ» 1881, I, стр. 135—138.

[4]) Николая Михайловича, мужа Александры Осиповны, урожденной Россетъ.

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «Государь п(рислалъ)?»

[6]) Слово «что» вписано сверху.

[7]) Приписано сверху, вмѣсто по ошибкѣ написаннаго сверху вторично: «поколотить».

[8]) Послѣ этого зачеркнуто по ходу письма: «на этотъ обѣ(дъ).»

[9]) Послѣ этого зачеркнуто: «стихи».

[10]) Михаилъ Юрьевичъ; о немъ см. выше, стр. 188.

Здѣсь съ музой свадьбу золотую
Сегодня празднуетъ Крыловъ.
(Днись счастливою судьбою) [1])
На этой свадьбѣ всѣ мы сваты.—
И не къ чему таить вину!—
Всѣ за одно, всѣ безъ изъятья
Мы влюблены въ его жену.

*

Днись счастливою судьбою
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

II.

И этотъ бракъ былъ не безплодный.
Самъ Фебъ его благословилъ!
Потомству нашъ поэтъ народный
Свое потомство укрѣпилъ.
Изба его дѣтьми богата
Подъ сѣнью брачнаго вѣнца:
И дѣти—славные ребята!
И дѣти всѣ умны въ отца.

*

Днись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

III.

Мудрецъ игривый и глубокій,
Простосердечное дитя,
И *дочкамъ* онъ давалъ *уроки* [2])
И батюшекъ училъ шутя.
Искусствомъ ловкаго обмана
Гдѣ и кольнетъ изъ-подъ пера:
Тамъ *Петръ киваетъ на Ивана,*
Иванъ киваетъ на Петра.

*

Днись счастливою судьбою
Нить счастливыхъ намъ годовъ!
Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

IV.

Гдѣ нужно, онъ навесть умѣетъ
Свое волшебное стекло,
И въ зеркалѣ его яснѣетъ
Суровой истины чело.

---

[1]) Этотъ стихъ потомъ опущенъ, какъ написанный не на мѣстѣ.
[2]) Намекъ на комедію: «Урокъ дочкамъ».

Весь міръ въ рукахъ у чародѣя,
Всѣ твари дань ему несутъ:
По дудкѣ нашего Орфея
Всѣ звѣри пляшутъ и поютъ.
Здравствуй съ дѣтками своими... etc.

V.

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль,
И баснями себя прославилъ
И слава эта—наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по-русски говорятъ;
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.
Здравствуй съ милою женою и проч.
Чего ему намъ пожелать бы?
Чтобы отъ свадьбы золотой
Онъ дожилъ до алмазной свадьбы
Съ своей столѣтнею женой!
Онъ такъ безпечно, такъ досужно
Прошелъ со славой долгій путь,
Что до ста лѣтъ не будетъ нужно
Ему прилечь и отдохнуть.
Здравствуй съ дѣтками» и проч.

Ну, что̀ еще тебѣ сказать? Только и хочется говорить о небѣ да о Римѣ. Золотаревъ пробылъ только [1]) полторы недѣли въ Римѣ и, осмотрѣвши, какъ папа моетъ ноги и благословляетъ народъ, отправился въ Неаполь осмотрѣть наскоро все, что̀ можно осмотрѣть [2]). Въ двѣ недѣли онъ хотѣлъ совершить все это и возвратиться въ Римъ досмотрѣть все прочее, что̀ ускользнуло отъ его неутомимыхъ глазъ; но вотъ уже больше двухъ недѣль, а его все еще нѣтъ.

Что̀ дѣлаютъ русскіе питторы [3]), ты знаешь самъ: къ 12 и 2 часамъ къ Лепре [4]), потомъ [5]) кафе грекъ, потомъ на Монте Пинчіо, потомъ къ bon goût, потомъ опять къ Лепре, потомъ на биліардъ. Зимою заводились-было русскіе чаи и карты, но, къ счастію, то и другое прекратилось. Здѣсь чай [6]) — что-то страшное, что-то похожее на привидѣніе, приходящее пугать насъ. И притомъ мнѣ было грустно это подобіе вечеровъ, потому что

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «полетѣлъ», «пробылъ».
[2]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «послѣ че(го)».
[3]) Художники-живописцы (итал. слово).
[4]) Lepre—названіе ресторана; также cafe Greco и проч.
[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «или на див(анѣ)».
[6]) Это слово вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «такое».

оно напоминало наши вечера и другихъ людей и другіе разговоры [1]). Иногда бываетъ дико и странно, когда очнешься и вглядишься, кто тебя окружаетъ. Художники наши, особливо пріѣзжающіе вновь, что-то такое... [2]) Какое несносное теперь у насъ воспитаніе! Дерзать и судить объ всемъ — это сдѣлалось девизомъ всѣхъ средственно воспитанныхъ у насъ теперь людей, а такихъ людей теперь множество. А судить и рядить о литературѣ считается чѣмъ-то необходимымъ и патентомъ на образованнаго человѣка. Ты можешь судить, каковы сужденія литературныя людей, окончившихъ свое воспитаніе въ Академіи художествъ и слушавшихъ Плаксина [3]).—Дурновъ мнѣ [4]) надоѣлъ страшнымъ образомъ тѣмъ, что ругаетъ [5]) совершенно наповалъ все, что ни находится въ Римѣ. Но довольно взглянуть на небо и на Римъ, чтобы позабыть все это.

Но что ты пишешь мнѣ мало о Парижѣ? Хоть напиши по крайней мѣрѣ, какіе халаты теперь выставлены въ Passage Colbert, или въ Орлеанской галлереѣ, и здоровъ ли тотъ dindeaux въ 400 р., который нѣкогда насъ совершенно обольщалъ въ Rue Vivienne. Если, на случай, кто изъ русскихъ или не-русскихъ будетъ ѣхать въ Римъ, перешли мнѣ вмѣстѣ съ «Тадеушемъ» Мицкевича, коробочку съ pilules stomachiques, которую возьми въ аптекѣ Кольберта, и вмѣстѣ съ нею возьми еще другую, подъ названіемъ pilules indiennes [6]).

Но цѣлую и обнимаю тебя и ожидаю съ нетерпѣніемъ твоего письма.

XLIX. Къ матери.

1838, мая 16. Римъ.

Я получилъ ваше письмо и уже хотѣлъ-было отвѣчать на него, какъ вдругъ мнѣ принесли еще одно ваше письмо, въ которомъ вы извѣщаете о смерти Татьяны Ивановны [7]). Мнѣ было тоже прискорбно объ этомъ слышать. Мнѣ еще болѣе было жаль, что мой добрый Данилевскій не со мною

---

[1]) Гоголь здѣсь вспоминаетъ о своемъ петербургскомъ кружкѣ нѣжинскихъ товарищей.

[2]) Точки въ подлинникѣ. Слово: «что» (что-то) вписано сверху.

[3]) Плаксинъ, преподаватель словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

[4]) Послѣ этого зачеркнуто какое-то начатое слово: «да...»

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «всѣ».

[6]) Остальное у Кулиша опущено.

[7]) Черныш, матери А. С. Данилевскаго.

въ это время, чтобы я могъ сколько-нибудь облегчить участіемъ его потерю и утѣшить его въ ней. Я, однакожъ, написалъ къ нему объ этомъ въ Парижъ, гдѣ онъ теперь находится и гдѣ, можетъ быть, уже получилъ это печальное извѣстіе безъ меня. Частыя потери, наконецъ, такъ пріучаютъ сердце и умъ къ мысли о смерти, что она, наконецъ, не имѣетъ для насъ ничего ужаснаго. Истинный христіанинъ радуется смерти близкаго своему сердцу. Онъ, правда, разлучается съ нимъ, онъ не видитъ уже его, но онъ утѣшенъ мыслью, что другъ его уже вкушаетъ блаженство, уже бросилъ всѣ горести, уже ничто не смущаетъ его; и въ этомъ-то состоитъ глубокое самоотверженіе, какое можетъ только быть и какое можетъ только внушить одна христіанская религія.

Мнѣ очень жалко было слышать, что наша Оленька[1]) такъ часто хвораетъ. Я васъ прошу, когда будете писать, не забыть извѣстить меня, какого роду ея припадки, не скрывая ничего, такъ, какъ-бы доктору. Я посовѣтуюсь съ своей стороны съ лучшими здѣшними докторами. «*Умъ хорошо, а два лучше*», говоритъ пословица.

Недавно я получилъ письмо отъ сестеръ[2]) изъ Петербуга. Онѣ здоровы, и мнѣ пріятно было видѣть изъ письма ихъ, что онѣ поумнѣли и поняли свой долгъ и обязанность. Онѣ уже не надоѣдаютъ, какъ дѣти, просьбами о пріѣздѣ къ ихъ именинамъ и проч. Онѣ говорятъ и просятъ поступать такъ, какъ требуетъ мое здоровье. Я писалъ нарочно къ нѣкоторымъ моимъ знакомымъ, образованнымъ и милымъ дамамъ, посѣщать ихъ въ институтѣ. Онѣ были такъ добры, что взялись съ охотою исполнить мою просьбу [3]). Это доставитъ имъ пріятное развлеченіе и вмѣстѣ съ тѣмъ нечувствительно ихъ образуетъ и познакомитъ съ тѣмъ, какъ вести себя.

Въ Римѣ время съ началомъ мая прелестное. Лѣтомъ, когда сдѣлается очень жарко, думаю на мѣсяцъ уѣхать въ одну изъ прелестныхъ деревень около Рима, — тѣмъ болѣе, что всѣ почти въ это время уѣзжаютъ. Кн. Зин. Волконская [4]),

---

[1]) Ольга Васильевна Гоголь, нынѣ г-жа Головня.

[2]) Анны и Елизаветы Васильевнъ.

[3]) См. письмо къ Аннѣ и Елизаветѣ Васильевнамъ отъ 28 апрѣля 1838 года. (См. выше, стр. 487—491).

[4]) Знаменитая княгиня Зинаида Александровна Волконская, о которой см. статью П. А. Бѣлозерской (»Историч. Вѣстникъ», 1897, III—IV и »Матеріалы для біографіи», т. III, 190 и проч.).

къ которой я всегда питалъ дружбу и уваженіе и которая услаждала мое время пребыванія въ Римѣ, уѣхала, и у меня теперь въ городѣ немного такихъ знакомыхъ, съ которыми любила бесѣдовать моя душа. Но природа здѣшняя замѣняетъ все [1]).

Вы спрашивали, кажется, въ одномъ изъ вашихъ писемъ о Репниныхъ. Они всегда почти живутъ въ Неаполѣ или во Флоренціи, а не въ Римѣ.

Но пора мнѣ кончить...

L. Къ А. С. Данилевскому.

16 мая 1838. Римъ [2]).

Не знаю, застанетъ ли это письмо тебя въ Парижѣ. Не знаю даже, застало ли тебя то письмо, которое писалъ я къ тебѣ третьяго-дня [3]). Причина же, почему я пишу къ тебѣ вслѣдъ за первымъ второе, есть представившаяся оказія. Письмо тебѣ это вручитъ мой добрый пріятель m-r Pavé [4]), который, вѣрно, тебѣ понравится. Онъ знаетъ даже и по-русски (ибо воспитывался вмѣстѣ съ сыномъ кн(ягини)

---

[1]) Марья Ивановна Гоголь такъ передавала содержаніе этого письма А. А. Трощинскому отъ 4 іюня 1838 года: «Сынъ мой все еще въ Италіи» (Марья Ивановна его все уговаривала вернуться): «избѣгая жаровъ, выѣзжаетъ изъ Рима въ прекрасныя окрестности его. Я недавно получила отъ него письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что тамъ проживала княгиня Волконская, съ которой *душа его любила бесѣдовать*, но по выѣздѣ ея природа замѣняетъ ему все. Я писала ему, почему не пишетъ о монаршихъ ему милостяхъ, и я слышу только отъ другихъ?» («Русск. Стар.», 1882, VI, стр. 678). Тамъ же далѣе любопытное сообщеніе: «Недавно я слышала, что онъ писалъ къ г. Жуковскому—занять ему денегъ три тысячи рублей, что онъ ему скоро возвратитъ, и въ такомъ смѣшномъ видѣ написалъ, что тотъ показывалъ многимъ изъ придворныхъ и наконецъ дошло до государя. Онъ изволилъ потребовать письмо, много смѣялся, читая его, и велѣлъ послать ему четыре тысячи рублей и притомъ сказалъ: «пусть еще напишетъ такое письмо, и я еще ему пошлю денегъ». Не знаю, правда ли это, потому что отъ него я ничего о семъ не имѣю».—И такому вздору она была въ состояніи повѣрить!

[2]) Это письмо первоначально было напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» (1890, II, стр. 564—566) и въ «Матеріалахъ къ біографіи», т. III, стр. 229—231.

[3]) Гоголь разумѣетъ здѣсь письмо, напечатанное у г. Кулиша на 321—325 страницахъ пятаго тома (см. выше, стр. 501—507).

[4]) M-r Pavé около того же времени упоминается въ письмѣ къ Марьѣ Петровнѣ Балабиной (см. ниже, стр. 511 и въ другихъ мѣстахъ).

Зин(аиды) [1]) Волконской) [2]), но говорить на нашемъ языкѣ затрудняется, и потому, чтобы лучше расшевелить его и заставить говорить, говори по-французски или на нашемъ второмъ родномъ языкѣ, т.-е. по-итальянски. Вторая причина, почему я пишу къ тебѣ—но ты, можетъ быть, уже ее знаешь!..

Я былъ пораженъ [3]), когда услышалъ. Нужно знать, что не успѣлъ я бросить въ окошко письмо, которое долженствовало летѣть къ тебѣ въ Парижъ, какъ изъ другого окошка, въ poste restante, подали мнѣ другое изъ дому.

Печальная новость была заключена въ первыхъ строкахъ. Итакъ, добрая мать твоя не существуетъ! Эта потеря была для меня слишкомъ родственной [4]). Ты для меня роднѣе родного брата [5]); это ты знаешь самъ [6]). Въ твоей матери я потерялъ близкое къ тебѣ, стало-быть и близкое ко мнѣ, и я вспомнилъ при этомъ Семеренькн, Толстое, и наши поѣздки, и тѣ счастливыя только три версты разстоянія между наши(ми) [7]) бывалыми жилищами, и мнѣ стало грустно!... Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ разрываются болѣе и болѣе узы, связывающія меня съ нашимъ холоднымъ отечествомъ!..

Но тебѣ теперь нужно, между прочимъ, подумать обо всѣхъ дѣлахъ... Маменька моя не пишетъ никакихъ подробностей. Она только-что услышала объ этомъ и въ ту же минуту бросилась меня извѣстить [8]). Видно, что и она была этимъ сильно потревожена, потому что письмо ея писано наскоро... Татьяна Ивановна умерла въ Семеренькахъ, и

---

[1]) Не дописано.

[2]) Княгиня Зинаида Волконская часто видѣлась съ Гоголемъ въ Римѣ, который захаживалъ къ ней въ ея изящную загородную виллу за церковью chiesa San Giovanni di Laterano. Здѣсь любилъ Гоголь любоваться плющами, обвивающими развалины старинныхъ зданій. См. о Зинаидѣ Волконской и отношеніяхъ къ ней Гоголя, о томъ, какъ онъ бывалъ у нея на виллѣ, у Анненкова «Критическіе очерки и воспоминанія», т. I, стр. 203. Одно изъ писемъ Данилевскому, предшествующее данному, Гоголь писалъ, сидя въ гротѣ на виллѣ Волконской. Гоголь очень уважалъ княгиню Волконскую; Пушкинъ посвятилъ ей же стихи при посылкѣ поэмы «Цыганы» (см. Соч. Пушк., изд. лит. фонда, т. II, стр. 13, примѣчаніе).

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «сильно».

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «я вспомнилъ Толстое, Семеренькн и мнѣ стало».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «но».

[6]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «и я вспомн(илъ)».

[7]) Не дописано.

[8]) Передѣлано изъ: «ко мнѣ п(исать)».

вотъ почему нѣтъ никакихъ подробностей объ этомъ у насъ.

Итакъ, тебѣ нужно поскорѣе освѣдомиться о ея распоряженіяхъ послѣднихъ, и обо всемъ [1]), сколько для себя, столько и для другихъ, потому что ты — старшій братъ. Но ты самъ поймешь все. Напиши мнѣ все, что и какимъ образомъ ты теперь предпримешь, словомъ, твои намѣренія.

Прощай, будь здоровъ, и да уладится все къ лучшему для тебя!..

Кстати: вещи, о которыхъ я просилъ тебя, ты теперь можешь прислать чрезъ Pavé [2]): онъ мнѣ ихъ привезетъ въ самый Римъ. Помоги ему, если можешь, выбрать или заказать для меня парикъ. Хочу сбрить волоса—на этотъ разъ не для того, чтобы росли волоса, но собственно [3]) для головы, не поможетъ ли это испареніямъ, а вмѣстѣ съ нимъ (sic) и вдохновенію испаряться сильнѣе. Тупѣетъ мое вдохновеніе; голова часто покрыта тяжелымъ облакомъ, который (sic) я долженъ безпрестан(но) [4]) стараться разсѣевать, а между тѣмъ мнѣ такъ много еще нужно сдѣлать.

Есть парики новаго изобрѣтенія, которые приходятся на всякую голову, дѣланные не съ желѣзными пружинами, а съ гумиластическими.

LI. Къ Н. Я. Прокоповичу.

Римъ. Іюня 2 (1838) [5]).

Не совѣстно ли тебѣ, мой милый, не писать ко мнѣ, позабыть меня! Не совѣстно ли тебѣ лѣниться! А я-о тебѣ думаю часто, всегда. И ни роскошь этихъ странъ, гдѣ я живу теперь, ни югъ, ни чудныя небеса, ничто не въ силахъ помѣшать мнѣ думать о тебѣ, съ кѣмъ начался [6])

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «если».
[2]) См. выше, стр. 509.
[3]) Это слово вписано сверху.
[4]) Не дописано.
[5]) Въ рукописи: «іюня»; у Гербеля и Пѣтухова: «іюля». Это письмо было впервые напечатано въ «Русскомъ Словѣ» (1859, I, стр. 109—110), потомъ въ брошюрѣ проф. Пѣтухова: «Письма Гоголя къ Прокоповичу», стр. 26—27.
[6]) Переправлено изъ: «начались».

оюзъ нашъ подъ аллеями липъ нѣжинскаго сада, во второмъ музеѣ [1]), на маленькой сценѣ нашего домашняго театра, и [2]) крѣпился, стянутый стужею петербургскаго климата, чрезъ всѣ дни нашего пребыванія вмѣстѣ. Не совѣстно ли тебѣ! Ты мнѣ не написалъ даже отвѣта на письмо мое, пущенное къ тебѣ вмѣстѣ съ деньгами, которыя я возвратилъ [3]) тебѣ посредствомъ здѣшняго банкира Валентини къ вашему Штиглицу. Ты меня не извѣстилъ, получилъ ли ты [4]) деньги въ исправнос(ти) [5]).

Теперь ты радъ: Данилевскій съ тобою. Ты вкусилъ минуту свиданія послѣ такой длинной разлуки. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами. Но я уже почти отказался отъ этой сладкой мысли. Пожалуйста, не забывайте меня. Отправилъ ли ты книги и рукописи чрезъ Pongis, какъ я къ тебѣ писалъ? Я ничего не получалъ и не знаю, гдѣ и какъ мнѣ о нихъ освѣдомиться, не имѣя совершенно никакого объ этомъ отъ тебя извѣстія. Извѣсти меня о своей жизни обстоятельно. Безъ сомнѣнія, ты уже учишь грамотѣ сына Яна, котораго ты несправедливо назвалъ Николаемъ и глядя на котораго, всегда у меня рождалась досада и сожалѣніе, что не я крестилъ его [6]). И какого рода есть у тебя новыя прибавленія [7])? Прибавилъ (бы) [8]) сколько-нибудь словъ о гостяхъ своихъ, о нашихъ старыхъ, которымъ всѣмъ по поклону, — Жюлю, Пащенку и прочимъ. Пиши, пожалуйста, пиши. Я не могу къ тебѣ писать много потому, что спѣшу. Данилевскій, вѣрно, ожидаетъ моего письма, которое ему нужно и которое ты ему вручишь.

Черезъ три или четыре дня ѣду въ Неаполь, гдѣ пробуду [9]) полтора мѣсяца и потому до половины августа пиши ко мнѣ въ Неаполь. По истеченіи же этого срока— въ Римъ, въ poste restante.

Доставь поклонъ мой Марьѣ Никифоровнѣ.

---

[1]) См. выше, стр. 39, примѣч. 1-е.
[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «длился».
[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «къ».
[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «или нѣтъ и...».
[5]) Не дописано.
[6]) См. выше, стр. 487.
[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «ко...».
[8]) Это слово пропущено.
[9]) Послѣ словъ: «гдѣ пробуду» вписано сверху: «и отъ нихъ»; кромѣ того зачеркнуты недоконченныя слова и фразы: «Пи(ши) и пот... доставь поклонъ мой».

LII. Къ П. А. Вяземскому.

Іюнь 25. Римъ [1]).

Уже протекло болѣе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ удовольствіе видѣть и слышать васъ, князь. Но я помню такъ, какъ бы это было вчера, и буду помнить долго вашу доброту, вашъ прощальный поцѣлуй, данный вами мнѣ уже на пароходѣ, ваши рекомендательныя письма, которыя пріобрѣли мнѣ благосклонный пріемъ отъ тѣхъ, которымъ были вручены. Живя въ Римѣ, я припомнилъ все то, что вы говорили мнѣ о немъ. Все это справедливо, также какъ и вѣрное ваше сравненіе его съ Неаполемъ [2]). Я читаю этотъ романъ каждый день съ новымъ и новымъ наслажденіемъ и, какъ въ картинѣ стариннаго автора, я въ немъ отыскиваю каждый день новое и только говорю: «какъ много новаго въ старомъ и куда какъ больше, нежели въ самомъ новомъ!» Еще не такъ давно былъ я вмѣстѣ съ княгиней Зин. Волконской [3]) на знакомой и близкой вашему сердцу могилѣ [4]). Кусты розъ и кипарисы растутъ; между ними прокрались какіе-то незнакомые два-три цвѣтка. Я уважаю тѣ цвѣты, которые вырастаютъ сами собою на могилѣ. Мнѣ все кажется, что это рѣчи усопшаго къ намъ, но мы глядимъ, силимся и не можемъ понять ихъ. Потомъ я былъ еще одинъ разъ съ однимъ москвичемъ, знающимъ васъ—и вновь увѣрился, что эта могила не сирота: въ Италіи нельзя быть сиротою ни живущему, ни усопшему. Дождемся ли мы васъ подъ наше роскошное небо, хотя на нѣсколько дней отогрѣть душу, безъ сомнѣнія уставшую отъ жесткихъ ласкъ сѣвера, хотя и родственныхъ? Я думалъ, что я по крайней мѣрѣ встрѣчу здѣсь извѣстіе о выходѣ полнаго собранія вашихъ сочиненій, но сколько ни переглядывалъ нашу тощую «Сѣверную Пчелу», нигдѣ не нашелъ объ этомъ ничего. Что касается до меня... но прежде позвольте мнѣ замучить васъ моею убѣдительною просьбою. Ваша доброта и ваша прекрасная душа дають

---

[1]) Это письмо впервые было напечатано въ «Русскомъ Архивѣ». 1865, VII, стр. 787—790 (изд. II, стр. 1295—1298).

[2]) Кн. П. А. Вяземскій называлъ Неаполь блестящею волшебною оперой, на которую смотрятъ съ удовольствіемъ, а Римъ хорошимъ романомъ Вальтеръ-Скотта, который чѣмъ болѣе читаешь, тѣмъ глубже въ него вчитываешься, съ нимъ сживаешься и роднишься.

[3]) Въ подлинникѣ: «Волхонской».

[4]) Въ Римѣ похоронена дочь князя Петра Андреевича Вяземскаго, княжна Прасковья Петровна (1817—1835).

мнѣ эту дерзость. Примите благосклонно подателя этого письма, брата моего—Данилевскаго [1]). Отлагая въ сторону родство, я могу сказать, что это одинъ изъ достойнѣйшихъ молодыхъ людей: въ немъ много таланта и вкуса. Бывши два года въ Парижѣ, въ Италіи и Германіи, онъ не пропустилъ ничего, чего бы не обратить въ свою пользу. Онъ мой единственный родственникъ и единственный другъ отъ колыбели, отъ первыхъ лѣтъ юности дѣлившій со мною все, всѣ небольшія мои радости и горя. Онъ намѣренъ теперь заняться службою. Помогите ему вашимъ вліяніемъ и вашимъ добрымъ совѣтомъ. Вѣкъ не позабуду вашей этой милости, и за нее буду въ пятьсотъ разъ болѣе вамъ обязанъ, нежели еслибы вы мнѣ оказали ее самому, и, клянусь, она падетъ не на камень. Онъ достоинъ быть болѣе счастливъ, нежели есть: вы это увидите. Извините меня великодушно, что я такъ дурно и съ такими ошибками пишу. Увы, не въ силахъ! Здоровье мое плохо: всякое занятіе, самое легкое, отяжелѣваетъ мою голову. Италія, прекрасная, моя ненаглядная Италія продлила мою жизнь, но искоренить совершенно болѣзнь, деспотически вшедшую въ составъ мой и обратившуюся въ натуру, она невластна. Что̀ если я не окончу труда моего?.. О, прочь эта ужасная мысль! Она вмѣщаетъ въ себѣ цѣлый адъ мукъ, которыхъ не доведи Богъ вкушать смертному. Да сохранятъ васъ небеса въ силахъ негаснущихъ и въ здоровьѣ. Не забывайте того, который, не вѣдая ни отношеній, ни приличій свѣта, только слѣдовалъ побужденіямъ своего сердца, благоговѣлъ предъ талантомъ, читать и изучать его считалъ высшимъ наслажденіемъ въ свѣтѣ, а для себя единственнымъ, и который вслѣдствіе этого былъ всегда исполненъ къ вамъ высокаго, непритворнаго уваженія и любви, знакомой немногимъ.

Вашъ покорный и вѣрный слуга
Н. Гоголь.

---

[1]) Такъ Гоголь рекомендовалъ Данилевскаго своимъ друзьямъ; см. письмо отъ 12 ноября 1836 г. къ В. А. Жуковскому (выше, стр. 413—417).

LIII. Къ А. С. Данилевскому. [1]).

Римъ. 30 іюня (1838).

Я получилъ твое письмо отъ 4 іюня [2]). Да, я знаю силу твоей потери. У меня самого, еслибы я имѣлъ болѣе надежды на жизнь, у меня самого это печальное событіе омрачило бы много, много свѣтлыхъ воспоминаній. Я почти такимъ же образомъ получилъ объ этомъ извѣстіе, какъ и ты. Въ тотъ самый день, какъ я тебѣ написалъ письмо, которое ты получилъ, въ тотъ самый день уже лежало на почтѣ это извѣстіе. Маменька, вслѣдъ за письмомъ своимъ ко мнѣ, отправила на другой день другое, содержавшее эту вѣсть. Она только-что ее услышала и также никакъ еще не успѣла узнать подробностей. Я къ тебѣ отправилъ объ этомъ письмо съ однимъ моимъ знакомымъ, который ѣхалъ въ Парижъ и, безъ сомнѣнія, туда прибылъ уже послѣ твоего отъѣзда. Вижу, что ты долженъ теперь дѣйствовать, идти рѣшительною и твердою походкою по дорогѣ жизни. Можетъ быть, это тотъ страшный переломъ, который высшія силы почли для тебя нужнымъ, и эти исполненныя сильной горести слезы были для оживленія твоей души. Во всякомъ случаѣ, твой старый, вѣрный, неразлучный съ тобою отъ временъ первой молодости другъ, съ которымъ, можетъ быть, ты не увидишься болѣе, заклинаетъ тебя такъ думать и поступать согласно съ этой мыслью. Эти слова мои должны для тебя быть священны и имѣть силу завѣщанія. По крайней мѣрѣ знай, что если придется мнѣ разстаться съ этимъ міромъ, гдѣ такъ много довелось вкусить прекрасныхъ, божественныхъ минутъ, и болѣе половины съ тобою вмѣстѣ, то это будутъ послѣднія мои слова къ тебѣ.

Въ эту минуту я болѣе, нежели когда-либо, жалѣлъ о томъ, что не имѣю никакихъ связей въ Петербургѣ, которыя могли бы быть совершенно полезны. Даю тебѣ письма къ тѣмъ, которые были полезны мнѣ въ другомъ отношеніи, менѣе существенномъ. Если они любятъ меня и если имъ сколько-нибудь дорога память о мнѣ, они, вѣрно, для тебя сдѣлаютъ, что могутъ. Я написалъ къ Жуковскому,

---

[1]) Это письмо не находится въ числѣ полученныхъ нами отъ наслѣдниковъ А. С. Данилевскаго, но мы въ 1887 г. видѣли его у покойнаго и тогда же отмѣтили пропуски.

[2]) Это письмо напечатано въ «Матеріалахъ для біографіи», т. III, стр. 231—232.

Вяземскому [1]) и Одоевскому. Съ Плетневымъ ты самъ будешь знать объясниться. Еще отнеси это письмо къ Балабиной. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты познакомился съ этимъ домомъ. Пользы прозаической ты не извлечешь тамъ никакой, но ты найдешь ту простоту, ту непринужденность, ту прелесть и пріятность во всемъ... Я много провелъ тамъ свѣтлыхъ минутъ; мнѣ бы хотѣлось, чтобы и ты наслѣдовалъ ихъ также. Отнеси маленькую эту записочку моимъ сестрамъ въ институтъ, а также и одной изъ классныхъ дамъ, М-ІІе Мелентьевой, которая введетъ тебя къ нимъ. Тебѣ довольно сказать только, что ты братъ мнѣ. Не совѣтую тебѣ хватать первую должность представившуюся; разсмотри прежде внимательно свои силы и попробуй еще, попытай себя въ другихъ занятіяхъ. Можетъ быть, настало время проснуться въ тебѣ способностямъ, о которыхъ ты прежде думалъ мало. Но во всякомъ случаѣ руководи высшая сила тобою! Она, вѣрно, знаетъ лучше насъ и на этотъ разъ, вѣрно, укажетъ тебѣ опредѣлительнѣе путь. Только, пожалуйста, не вздумай еще испытать себя на педагогическомъ поприщѣ: это, право, не идетъ тебѣ къ лицу. Я много себѣ повредилъ во всемъ, вступивши на него.

Напиши мнѣ вѣрно и обстоятельно о пріемѣ, который тебѣ сдѣлаетъ родина, о чувствахъ, которыя пробудятся въ тебѣ при видѣ Петербурга, и обо всемъ томъ, что намъ еще дорого съ тобою. Что касается до меня—здоровье мое плохо. Мнѣ бы нужно было оставить Римъ мѣсяца три тому назадъ. Дорога мнѣ необходима: она одна развлекала и доставляла пользу моему бренному организму. На одномъ мѣстѣ мнѣ не слѣдовало бы оставаться такъ долго. Но Римъ, нашъ чудесный Римъ, рай, въ которомъ, я думаю, и ты живешь мысленно въ лучшія минуты твоихъ мыслей, этотъ Римъ увлекъ и околдовалъ меня. Не могу, да и только изъ него вырваться. Другая причина есть существенная невозможность. Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы меня какой-нибудь (духъ) пронесъ черезъ подлую Германію, Швейцарію, горы, степи и потомъ, черезъ три-четыре мѣсяца, возвратилъ опять въ Римъ! Донынѣ вспоминаю мое возвращеніе въ Римъ! Какъ оно было прекрасно! какъ чудесна была Италія послѣ Сенплона! какъ прекраснъ былъ италіянскій городъ Domo d'Ossola! [2]).

---

[1]) См. предыдущее письмо (стр. 514).

[2]) Въ подлинникѣ: «Ossola»; у Кулиша: «Onola».

Прощай, мой милый, мой добрый! Цѣлую тебя безсчетныя количества; шлю о тебѣ нескончаемыя молитвы. Не забывай меня. Какъ мнѣ теперь прекрасно представляется пребываніе наше въ Женевѣ! Какъ умѣла судьба располагать наше путешествіе, доставляя намъ многія прекрасныя минуты даже въ тѣ времена и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы вовсе объ нихъ не думали![1]) Теперь ѣду въ Неаполь: тамъ пробуду два мѣсяца, т. е. до послѣднихъ чиселъ августа, послѣ чего возвращаюсь въ Римъ. Итакъ до этого времени ты адресуй письма въ Неаполь (poste restante), по истеченіи же этого времени въ poste restante въ Римъ.

Я узналъ, что Жуковскій уѣхалъ уже за границу, и потому не посылаю къ тебѣ письма. Можетъ быть, мнѣ удастся увидѣться съ нимъ лично, и я поговорю съ нимъ, а до того времени ты напиши ко мнѣ, что, по твоему мнѣнію, ты считаешь для себя лучшимъ, чтобы я зналъ, какъ дѣйствовать[2]).

Прощай, мой ближайшій мнѣ! Не забывай меня; пиши ко мнѣ!..

LIV. Къ матери.

Неаполь. Іюля 30, 1838.

Я давно уже не получалъ отъ васъ письма. Можетъ быть, оно уже давно лежитъ на почтѣ въ Римѣ и дожидается меня, но тѣмъ не менѣе мнѣ бы хотѣлось[3]) слышать вѣсти о вашемъ здоровьѣ и вашемъ препровожденіи времени, почтеннѣйшая маменька! Въ Римѣ же я буду не ранѣе мѣсяца. Въ Неаполь боюсь вамъ назначить адресовать письма. Они, безъ сомнѣнія, не застанутъ меня здѣсь и пропадутъ на почтѣ. Итакъ во всякомъ случаѣ адресуйте по-прежнему въ Римъ.

Здоровье мое недурно. Климатъ Неаполя не сдѣлалъ на меня никакой перемѣны. Я ожидалъ, что жары здѣшніе будутъ для меня невыносимы, но вышло напротивъ: я едва ихъ слышу, даже не потѣю и не устаю: впрочемъ, можетъ быть, оттого, что не дѣлаю слишкомъ большого движенія.

Видъ Неаполя, какъ вы, я думаю, знаете изъ описаній

---

[1]) Послѣ этого у Кулиша почти все остальное опущено, кромѣ двухъ послѣднихъ строкъ («Прощай, ближайшій мой» и проч.).

[2]) Ср. «Вѣстн. Евр.», 1890, I, 113, примѣч. и «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. III, стр. 204—205.

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «отъ васъ».

и разсказовъ, удивительный! Передо мною море, голубое, какъ небо, лиловыя и розовыя горы, съ городами вокругъ его. Предо мною Везувій. Онъ теперь выбрасываетъ пламя и дымъ. Спектакль удивительный! Вообразите себѣ огромнѣйшій фейерверкъ, который не перестаетъ ни на минуту. Давно уже онъ не выбрасывалъ столько огня и дыма. Ожидаютъ изверженія. Громы, выстрѣлы и летящіе изъ глубины его раскаленные красные камни, все это—прелесть! Еще четыре дня назадъ можно было подыматься на самую его вершину и смотрѣть въ его ужасное отверстіе. Теперь нельзя. Доходятъ только до половины, далѣе чувствуется слишкомъ большой жаръ, и опасно отъ летящихъ камней. Мѣсто, гдѣ я живу, въ сорока верстахъ отъ него въ разстояніи. Но онъ совершенно кажется близокъ, и, кажется, къ нему нѣтъ и двухъ верстъ. Это происходитъ отъ воздуха, который такъ здѣсь чистъ и тонокъ, что все [1]) совершенно видно вдали. Небо здѣсь ясно и свѣтло-голубого цвѣта, но такого яркаго, что нельзя найти краски, чтобы нарисовать его. Все свѣтло. Свѣтъ отъ солнца необыкновенный. Кажется, здѣсь совсѣмъ нѣтъ тѣней. Весь Неаполь и всѣ города, которые попадаются въ этой сторонѣ Италіи, безъ крышъ. Домы вамъ покажутся [2]) или недостроенными, или погорѣвшими. Вмѣсто крыши, гладкая платформа, на которой по вечерамъ здѣсь имѣютъ обыкновеніе сидѣть, наслаждаясь видомъ залива, Везувія, неба и удивительныхъ окрестностей.

На дняхъ я сдѣлалъ маленькую поѣздку по морю, на большой лодкѣ, къ нѣкоторымъ островамъ, и между прочимъ посѣтилъ знаменитый голубой гротъ на островѣ Капри. Мы въѣхали въ дыру, прорытую въ скалѣ, никакъ не шире [3]) узенькой лодки. Въѣхали мы туда на лодочкахъ [4]), нагнувши свои головы, и очутились вдругъ подъ огромнымъ и широкимъ сводомъ. Все пространство подъ этимъ сводомъ было покрыто лодками. Темнота порядочная, но воды ярко ярко-голубыя и казались освѣщенными снизу какимъ-то голубымъ огнемъ. Эффектъ былъ удивительный. Нѣсколько плавающихъ и кричащихъ моряковъ и лазарони (такъ называются обитатели Неаполя, народъ, который лежитъ на-

---

[1]) У Кулиша: «вамъ».

[2]) У Кулиша: «кажутся».

[3]) Слова: «не шире» вписаны сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ: «не больше».

[4]) Слова: «на лодочкахъ» вписаны сверху строки.

гишомъ весь день на улицѣ [1]) и лежа глотаетъ макароны длины непомѣрной) оживляли эту картину. Скалы и утесы здѣсь картинны. Ихъ такое множество!

Но мнѣ жизнь въ Римѣ нравится лучше, чѣмъ въ Неаполѣ, несмотря на то, что здѣсь гораздо шумнѣе. Жаль, что нельзя никакимъ образомъ ничег(о) переслать отсюда: я бы вамъ могъ прислать кое-что изъ здѣшнихъ вещей, которыя работаются изъ лавы Везувія. Онѣ очень милы и отличаются искусствомъ работы. Но послѣ, можетъ быть, мнѣ удастся, по крайней мѣрѣ, привезть ихъ со временемъ [2]), а теперь позвольте поцѣловать заочно ваши ручки, почтеннѣйшая маменька, и сказать вамъ: «прощайте» до слѣдующаго письма или почты! При этомъ случаѣ цѣлую сестрицу Марію, племянника Колю и кланяюсь всѣмъ знакомымъ вашимъ.

Вашъ покорнѣйшій сынъ *Ник(олай)*.

LV. Къ М. П. Погодину.

1838 года, августа 20. Неаполь.

Я получилъ твое письмо въ письмѣ Бодянскаго изъ Карлсбада. Благодарю тебя! Ты заботишься обо мнѣ, а я, я тебя люблю много, много. Я писалъ къ тебѣ, но не получилъ отвѣта на послѣднее письмо мое и не зналъ, что ты дѣлаешь и гдѣ ты. Нигдѣ въ газетахъ мнѣ не случалось встрѣтить твоего имени; стало быть, ты работаешь что-то большое для будущаго. Пришли мнѣ что-нибудь изъ твоего, или привези. У меня забилось сердце, когда я прочиталъ твою записку, гдѣ ты говоришь, что будущею весною будешь въ Италіи. Итакъ мы увидимся, обнимемся, можетъ быть, еще разъ! Благодарю тебя за это.

О себѣ ничего не могу (сказать) [3]) слишкомъ утѣшительнаго. Увы! здоровье мое плохо, и гордые мои замыслы... О другъ! еслибы мнѣ на четыре, пять лѣтъ еще здоровья! И неужели не суждено осуществиться тому... Много думалъ я совершить... Еще донынѣ голова моя полна, а силы, силы... но Богъ милостивъ. Онъ, вѣрно, продлитъ дни мои. Сижу надъ трудомъ, о которомъ ты уже знаешь: я писалъ къ тебѣ о немъ; но работа моя вяла, нѣтъ той живости...

---

[1]) Въ подлинникѣ описка: «на улицу» (sic).

[2]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «проща(йте)». — Остальное у Кулиша опущено.

[3]) Это слово пропущено.

Недугъ, для котораго я уѣхалъ и который было, казалось, облегчился, теперь усилился вновь. Моя геморроидальная болѣзнь вся обратилась на желудокъ. Это несносная болѣзнь. Она меня сушитъ. Она мнѣ говоритъ о себѣ каждую минуту и мѣшаетъ мнѣ заниматься. Но я веду свою работу, и она будетъ кончена, но другія, другія... О другъ! какіе существуютъ великіе сюжеты! Пожалѣй о мнѣ! Но я съ тобою увижусь.

Я къ тебѣ теперь обращу одну очень холодную и прозаическую просьбу. Ты былъ такъ добръ, что предлагалъ мнѣ сдѣлать заемъ, если я нуждаюсь. Мнѣ не хотѣлось пользоваться твоею добротою. Теперь я доведенъ до того. Если ты богатъ, пришли вексель на 2000 [1]). Я тебѣ черезъ годъ, много черезъ полтора, ихъ возвращу. Сочиненіе мое велико, у насъ же товаръ продается по величинѣ, и потому я думаю за него получить столько, что въ состояніи буду заплатить этотъ (долгъ) въ концѣ будущаго года. Мои обстоятельства денежныя плохи, и всѣ мои родные терпятъ то же, но чортъ побери деньги, еслибы здоровье только! годъ какъ - нибудь, можетъ, съ помощью твоей... какъ нибудь проплетется. Если будешь посылать вексель, пожалуйста вели банкиру своему послать прямо къ римскому банкиру Валентини на его имя, еще лучше — кредитивнымъ письмомъ; и письма ко мнѣ адресуй тоже банкиру Валентини въ Римъ. Черезъ полтора мѣсяца я уже буду въ Римѣ. Прощай, мой добрый, мой милый Погодинъ [2]). Неужели мы увидимся? Обнимаетъ тебя твой *Гоголь*.

---

[1]) См. примѣч. къ письму Данилевскаго отъ того же числа и года.

[2]) Это письмо заслуживаетъ особеннаго вниманія: оно ясно показываетъ, что еще до болѣзни въ Римѣ въ 1839 г., оставившей навсегда сильные слѣды въ Гоголѣ, болѣзненный процессъ подготовлялся многими годами. Ср. въ письмѣ Прокоповичу, отъ 19 сентября, 1837 г.: Въ продолженіе всего дня чувствую, что на мозгъ мой какъ будто бы надвинулся какой-то колпакъ, который препятствуетъ мнѣ думать и туманитъ мои мысли». («Русское Слово», письма Гоголя Прокоповичу, 1859, I, стр. 105). См. выше, стр. 454.

LVI. Къ А. С. Данилевскому.

Неаполь. 20 августа (1838) [1].

Ты знаешь, ты можешь себѣ вообразить, съ какимъ чувствомъ читалъ я письмо твое. И какъ мнѣ досадно было, какъ плакалъ я, что оно пришло ко мнѣ поздно, что я его получилъ еще не въ Римѣ! Я не знаю, что мнѣ дѣлать. Читаю въ концѣ твоего письма: «Пріѣзжай въ Парижъ» [2]. Я бъ пріѣхалъ, я бы гдѣ-нибудь досталъ денегъ и непремѣнно бы пріѣхалъ, потому что обнять тебя послѣ такой долгой разлуки — это такая радость! Но какъ это сдѣлать? Если ты уже выѣхалъ? если я тебя уже не застану? Письмо твое повергло меня въ жесточайшее недоумѣніе. Сижу надъ нимъ и ни на что не могу рѣшиться. Состояніе твоего здоровья меня тоже весьма тревожитъ; я бы не совѣтовалъ тебѣ еще ѣхать въ Петербургъ. Можетъ-быть, этотъ непріятный случай, такъ несчастный, эта исторія съ векселемъ, можетъ быть, она приключилась нарочно, чтобы тебѣ помѣшать этотъ годъ ѣхать [3].

Мое здоровье тоже плохо; но еслибы мы были вмѣстѣ, мы бы доставили другъ другу бальзамъ утѣшенія. Я уже было-простился съ тобою, уже отправилъ къ тебѣ письмо въ Петербургъ, уже, холодно сжавши сердце, приготовилъ на одиночество остатокъ своей жизни. Теперь опять виденъ мнѣ какой-то лучъ надежды тебя увидѣть. Какъ я воображу себѣ, что ты одинъ, одинъ сидишь безъ денегъ, полубольной и подъ вліяніемъ скуки и тоски смертельной... Еслибы я зналъ, что ты еще въ Парижѣ! путешествіе, можетъ, было бы полезно для моего здоровья. Если ты получишь

---

[1]) Этого письма нѣтъ у наслѣдниковъ Данилевскаго и не было у него въ 1887 г. Печатается по изданію Кулиша. Отвѣтъ на это письмо (отъ 27 августа 1838 г.) см. въ «Вѣстн. Евр.», 1890, 570—571 и въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», т. III, стр. 237—238.

[2]) См. письмо отъ Данилевскаго послѣ 27 августа 1838 года. «Матеріалы», т. III, стр. 237.

[3]) Съ А. С. Данилевскимъ случилась въ это время бѣда, благодаря мошенническому похищенію какимъ-то евреемъ присланныхъ ему изъ дому денегъ. Хуже всего было то, что трудно было напасть на слѣды скрывшагося виновника похищенія. Гоголь немедленно выпросилъ у Погодина (отчасти и для помощи другу) 2000 франковъ. Это 2000 франковъ составились благодаря той складчинѣ, о которой говоритъ С. Т. Аксаковъ («Русск. Арх.», 1890, VIII, 13—14). Въ ней приняли участіе Аксаковъ, Погодинъ, Баратынскій, Н. Ф. Павловъ и особенно П. Е. Великопольскій. («Матеріалы для біографіи», III, стр. 235, въ примѣч.).

мое письмо, посиди еще недѣлю, не поскучай... можетъ быть, я увижусь еще разъ, обниму тебя и, поблагодаривши тебя за все, за всѣ пріятныя минуты и Бога, пославшаго мнѣ тебя, я уѣду опять въ Римъ свой, или, можетъ быть, и тебя утащу съ собою. Зима въ Римѣ прелестна. Я такъ себя чувствовалъ хорошо! Теперь мнѣ хуже: лѣто дурно, душно и холодно.

Неаполь не тотъ, какимъ я думалъ найти его. Нѣтъ, Римъ лучше. Здѣсь душно, пыльно, нечисто. Римъ кажется Парижъ противъ Неаполя, кажется щеголемъ. Кафе римскіе, магазины и парикмахеры великолѣпны противъ неаполитанскихъ. Итальянцевъ здѣсь нельзя узнать; нужно прибѣгать къ палкѣ, — хуже, чѣмъ у насъ на Руси. Природа прелестна, но вовсе не въ томъ видѣ, какъ она прежде рисовалась въ моихъ мысляхъ; и странно: мнѣ все кажется, какъ-будто я не въ Италіи. Сосенъ этихъ, на которыхъ мы привыкли нѣжить когда-то глазъ свой, нѣтъ, кипарисовъ тоже. Вмѣсто ихъ низенькія деревья: виноградъ, уродливые мелкіе тополи, фиги, не дѣлающія никакого вида, и зелень, бѣлая отъ пыли, лежащей цѣлою массою на листьяхъ. Небо... я, кажется, еще не приглядѣлся къ нему. Могъ ли бы ты подумать? оно совершенно свѣтло-голубое. Мнѣ было непріятно это. Я думалъ его найти темнымъ, по крайней мѣрѣ не свѣтлѣе римскаго; но римское противъ него кажется синимъ. Зато въ немъ есть какая-то хрустальность, воздушность, и когда долѣе въ него всматриваешься, замѣчаешь что-то особенное: голубизна, несмотря на свою свѣтлость, ярка. Я живу въ Кастелла-Маре, въ двухъ часахъ отъ Неаполя. Я здѣсь началъ-было пить воды, но оставилъ воды. Водъ здѣсь страшное множество: одинъ островъ Искію весь обнаренъ минеральными ключами. Говорятъ, ихъ здѣсь больше, чѣмъ въ Германіи. Скалы прелестны. Онѣ и плоскія крыши домовъ напоминаютъ, что живешь на югѣ. Пальмъ нѣтъ, и вообще врутъ, что будто за Террачиномъ начинается другая природа, африканская: въ Террачинѣ на скалѣ двѣ пальмы и потомъ ихъ нигдѣ (нѣтъ), [1]) и мнѣ показалось, что я пріѣхалъ въ Ломбардію.

Время я провожу кое-какъ: я бы проводилъ его прекрасно, еслибы не мое здоровье. Но ты, ты... какъ ты меня смутилъ своимъ письмомъ, или лучше, — какъ меня

[1]) Этого слова въ изданіи Кулиша нѣтъ.

смутила эта медленная проволочка твоего письма! Если ты въ Парижѣ, помедли одну, полторы недѣли; напиши мнѣ тотчасъ письмо въ Марсель, въ poste restante на всякій случай. Можетъ быть, судьба готовитъ намъ еще свиданіе и мнѣ удастся облегчить сколько-нибудь душевное твое состояніе. Письмо мое черезъ Паве [1]) ты не получилъ черезъ собственныя руки потому, что онъ измѣнилъ вдругъ свой маршрутъ и, вмѣсто Парижа, поѣхалъ въ Петербургъ. Прощай, мой другъ. Обнимаю тебя много разъ, до свиданія.

P. S. Мнѣ пришла мысль, которая можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на твой процессъ съ мошенникомъ. Ты, вѣрно, говорилъ кому-нибудь, или хозяевамъ твоей квартиры, или portier, что ты ожидаешь векселя; вѣрно, объ этомъ узналъ кто-нибудь изъ знакомыхъ консіержу, или portier, или хозяину, и караулилъ издавна почталіона: потому, не бывши предувѣдомлену, нельзя вдругъ напасть и распечатать чужое письмо. Можетъ быть, не замѣтилъ ли почталіонъ лицо принявшаго письмо и не зажилъ ли кто-нибудь роскошно, кто-нибудь изъ знакомыхъ portier, или хозяина. Но твой адвокатъ уже, можетъ быть, безъ меня наталкивался на всѣ эти подозрѣнія. Какой неожиданный случай! Признаюсь, мнѣ всегда онъ приходилъ на умъ, когда я получалъ въ письмѣ вексель. И какъ глупо дѣлаютъ банкиры, которые принимаютъ вексель, не спросивши паспорта!

Напиши два отвѣта на это письмо: одно въ Марсель, другое въ Неаполь [2]). Если какимъ-нибудь случаемъ я не отправлюсь еще, то—чтобы я зналъ, что мнѣ дѣлать.

---

[1]) По словамъ княжны В. Н. Репниной, monsieur Pavé былъ воспитанникъ княгини Зинаиды Александровны Волконской и ея двоюроднаго брата Александра Никитича Волконскаго (сынъ простого солдата). Гоголь часто пользовался имъ въ качествѣ исполнителя порученій.

[2]) Эти слова ясно указываютъ на колебаніе Гоголя ѣхать или не ѣхать въ Парижъ.

LVII. Къ матери.

Ливорно. Августъ(а) 28 (1838 г.).

Давно я не получалъ [1]) отъ васъ писемъ, почтеннѣйшая маменька. Я еще до сихъ поръ не въ Римѣ [2]), и потому, если они и лежатъ тамъ на почтѣ, то я долго ихъ не буду еще читать, — по крайней мѣрѣ цѣлый мѣсяцъ. Въ Римѣ теперь жить еще жарко, и мнѣ притомъ хочется увидѣть еще много невиданныхъ мною городовъ и земель [3]).

Я тоже очень давно не получалъ писемъ отъ сестеръ изъ Петербурга. Я безъ нихъ очень соскучилъ; онѣ, можетъ быть, также безъ меня. Но все зависитъ отъ Бога, Который всѣмъ располагаетъ. Какъ только Его милость прольется надо мною, то я увижу вновь васъ и всѣхъ дорогихъ моему сердцу, съ которыми я теперь въ разлукѣ.

Напишите ко мнѣ, когда будете писать вообще о теперешнемъ состояніи нашего края. Поправляется ли наша полтавская губернія и каковъ нынѣшній генералъ-губернаторъ, и каковы доходы нашихъ помѣщиковъ? Объ этомъ я ничего не знаю [4]), а хотѣлъ бы, между прочимъ, знать. Увѣдомьте, между прочимъ, о сосѣдѣ нашемъ Васил(ьѣ) Ивановичѣ) Чернышѣ, который [5]), безъ сомнѣнія, чувствуетъ свою потерю еще и не успѣлъ утѣшиться [6]). Увѣдомьте, какъ онъ живетъ теперь и каковы были распоряженія покойницы Татьяны Ивановны на-счетъ ея дѣтей, а также и его. И гдѣ теперь находятся Данилевскіе Иванъ и Елисей? [7])

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «еще». Цифры 1838 въ подлинникѣ нѣтъ.

[2]) Лѣто Гоголь провелъ въ Неаполѣ.

[3]) Маршруты Гоголя въ это время неясны по недостатку данныхъ. Въ *это* время Данилевскій звалъ его въ Парижъ, но Гоголь говоритъ еще о своемъ намѣреніи, «*увидѣть лично невиданныхъ городовъ и земель*», слѣд. онъ предполагалъ тогда вообще попутешествовать.

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «и».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «вѣрно».

[6]) Позднѣе, въ письмѣ отъ 7 марта 1839 г., Гоголь сообщалъ своему другу о томъ, какъ сильно былъ убитъ горемъ Василій Ивановичъ Чернышъ, потерявъ жену, что было уже черезъ годъ почти послѣ ея смерти (см. ниже, стр. 573).

[7]) Братья Александра Семеновича Данилевскаго. Объ Иванѣ Семеновичѣ было сказано въ примѣч. къ письму матери, отъ 10 февраля 1834 года (выше, стр. 275), Елисей Семеновичъ былъ помѣщикомъ и скончался въ шестидесятыхъ годахъ. (См. «Матеріалы для біографіи», III, стр. 242—243; примѣч. къ письму матери отъ 10 февраля 1834 года).

Да и любезная сестра моя Марія Васильевна теперь совершенно затихла, эта смѣлая строительница весьма робкихъ и миніатюрныхъ прожектовъ. Поговоримте опять о нашей старинѣ: разскажите мнѣ объ сосѣдяхъ: и кто изъ нихъ пріѣзжалъ къ намъ въ церковь въ воскресный день и потомъ, разумѣется, обѣдалъ у насъ, и въ чемъ былъ одѣтъ, или одѣта, и что говорилъ, или говорила. Я не знаю, отчего мнѣ теперь пришла фантазія знать объ этомъ. Я даже вамъ не хочу больше на этотъ разъ сообщать [1]) никакихъ чужеземныхъ новостей и диковинокъ. О нихъ разскажу вамъ послѣ. Впрочемъ, можетъ быть, онѣ уже надоѣли вамъ. Если будете писать къ Андрею Андреевичу, поклонитесь ему отъ меня и скажите, что я всегда помню о немъ. Онъ, точно, всегда былъ добръ, и теперешній его поступокъ въ отношеніи къ вамъ на-счетъ долга вполнѣ доказываетъ доброту его души [2]). Увѣдомьте меня о его здоровьѣ [3]) ...

Прощайте, почтеннѣйшая маменька, до слѣдующаго раза. Обнимаю сестру и Колю.

Вашъ признательный сынъ *Nicol(as)* [4]).

LVIII. Къ ней же.

Генуа. Октября $\frac{13}{1 \text{ по нашему}}$, 1838 [5]).

Я, право, что-то ужъ очень давно не получалъ отъ васъ писемъ, почтеннѣйшая маменька. Ничего не знаю, что у васъ дѣлается [6]). Живы ли вы, здоровы ли? Мнѣ, право, очень скучно ничего не слышать объ васъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Впрочемъ, можетъ, я виноватъ, находясь до сихъ поръ въ отлучкѣ отъ Рима. Я льщу себя надеждою, что найду на почтѣ по крайней мѣрѣ два вашихъ письма. Но позвольте мнѣ прежде всего исполнить самый пріятнѣйшій долгъ,

---

[1]) Это слово приписано сверху строки.

[2]) Андрей Андреевичъ Трощинскій около этого времени простилъ Маріѣ Ивановнѣ Гоголь довольно крупный долгъ. См. письмо отъ 10 декабря 1838 года (см. ниже, стр. 552). Долгъ былъ сдѣланъ еще въ 1831 г. (см. выше, стр. 193). Гоголь сильно упрекалъ мать за этотъ, по его мнѣнію, опрометчивый заемъ (см. выше, стр. 208).

[3]) Остальное у Кулиша пропущено.

[4]) Письмо было опущено въ Генуѣ, какъ видно изъ почтоваго клейма.

[5]) Это письмо съ возстановленіемъ пропусковъ напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» (1896, VI, стр. 748—749).

[6]) Гоголь спрашивалъ объ этомъ въ предыдущемъ письмѣ.

то-есть, поздравить васъ съ днемъ вашего ангела. О желаніяхъ своихъ ничего не говорю; вы ихъ знаете наизусть: это молитва о вашемъ здоровьи, счастіи и долгоденствіи.

Я пишу къ вамъ на дорогѣ, возвращаюсь въ Римъ[1]), куда надѣюсь быть черезъ четыре дня и откуда напишу къ вамъ подлинное письмо. Въ Римѣ надѣюсь провесть зиму хорошо, если Богъ поможетъ. На зиму туда ѣдутъ, а можетъ быть, уже и пріѣхали, множество моихъ знакомыхъ изъ Россіи. Я думаю, вы уже знаете, что наслѣдникъ расположенъ тоже жить зиму въ Римѣ[2]).—Здѣсь носятся слухи о войнѣ, которая намъ предстоитъ, или по крайней мѣрѣ о приготовленіяхъ къ войнѣ. Извѣстите меня о томъ, какъ говорятъ у васъ на-счетъ этого. Я опасаюсь, чтобы это васъ не вовлекло въ разные издержки и расходы: рекрутскіе наборы и прочія повинности. Я знаю, что это не легко исполнять въ теперешнія тяжелыя времена. Давно ли получали письма отъ сестеръ? Какъ бы мнѣ хотѣлось обнять ихъ и поговорить съ ними! Не получали ли еще отъ кого-нибудь писемъ и новостей? Да попеняйте сестрицѣ моей Маріи за то, что она лѣнива страхъ: вовсе не хочетъ писать.

Стыдно, моя милая сестрица! Вы должны ко мнѣ писать почаще и погуще,—во-первыхъ, уже потому, что вы женщина, а женщины гораздо способнѣе для писемъ, чѣмъ мужчины, и могутъ ихъ писать гораздо скорѣе. Но прощай до слѣдующаго раза.

Прощайте, почтеннѣйшая маменька. Будьте здоровы, веселы и покойны. Этого проситъ у Бога вашъ многолюбящій сынъ

Николай.

---

[1]) Къ сожалѣнію, нельзя *откуда*, т. е. возвращался ли Гоголь отъ Данилевскаго изъ Парижа, или просто возвращался изъ путешествія (см. предыдущее письмо).

[2]) Эта фраза у Кулиша пропущена.—Здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду супруговъ Шевыревыхъ, Погодиныхъ, Чертковыхъ, Жуковскаго, Вельгорскихъ и проч. и проч.

LIX. Къ княжнѣ В. Н. Репниной.

Римъ. 14 (1838).

Итакъ вы уже въ Неаполѣ [1]). Какъ я завидую вамъ! глядите на море, купаетесь мыслью въ яхонтовомъ небѣ, пьете, какъ мадеру, упоительный воздухъ. Передъ вами лежатъ живописные лазарони; лазарони ѣдятъ макароны; макароны длиною съ дорогу отъ Рима до Неаполя, которую вы такъ быстро пролетѣли. Я думаю, какъ вамъ теперь кажется печаленъ нашъ бѣдный Римъ съ его монастырями, Колизеями, кардиналами и Піацою Барберини! И я, грѣшный, признаюсь вамъ, принимаюсь съ робостью за перо, чтобы напомнить вамъ объ обѣщаніи писать. Я не постигаю причинъ вашего молчанія. Я былъ на почтѣ и спрашивалъ, нѣтъ ли мнѣ писемъ изъ Неаполя. Non c'è, отвѣтилъ мнѣ сидѣвшій за рѣшеткою съ перомъ за ухомъ impiegato [2]). Пишите, ради Бога, пишите! Ничего не скрывайте, пишите хладнокровно и по порядку. Прежде всего позвольте узнать, гдѣ выбрали вашу квартиру: возлѣ королевскаго дворца, или Castel Nuovo? и съ которой стороны у васъ море: съ правой, или лѣвой? Великъ ли театръ Сенъ-Карло, въ которомъ, безъ сомнѣнія, вы были не одинъ разъ? и какъ вы нарисовали видъ Неаполя: карандашемъ, или акварелью? Если вамъ угодно, то я закажу для него рамы въ Римѣ,—тѣмъ болѣе, что возлѣ меня живетъ мастеръ, очень хорошій человѣкъ, хмѣльного не беретъ въ ротъ и весьма дешево беретъ за работу. Я думаю, кн. Григорій Петровичъ [3]) въ большихъ теперь хлопотахъ: рас-

---

[1]) Это была шутка, требующая разъясненія. Репнины каждый день собирались въ Неаполь, наконецъ рѣшили, что въ назначенный день уѣдутъ непремѣнно, но снова остались. По этому поводу Гоголь и написалъ въ шутку въ этомъ письмѣ: «Итакъ вы уже въ Неаполѣ» и проч., тогда какъ на самомъ дѣлѣ письмо было переслано изъ одного дома въ другой въ Римѣ. Отсюда шутливый, полунасмѣшливый тонъ письма. См. «Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 210—211. Письмо это не имѣетъ мѣсячной даты. Оно могло быть написано или въ іюнѣ (до поѣздки Гоголя въ Неаполь), или въ октябрѣ. Первое считаемъ болѣе вѣроятнымъ: но, не имѣя точныхъ данныхъ, не рѣшаемся исправлять въ данномъ случаѣ порядокъ писемъ у Кулиша.

[2]) Опять та же шутка.

[3]) Это былъ сынъ Петра Михайловича Волконскаго. Репнины, по объясненію А. С. Даниловскаго, собственно Волконскіе. Фамилія Репнинныхъ угасала, оставалась только дочь извѣстнаго Николая Васильевича Репнина, который былъ посланникомъ въ Варшавѣ. Это

предѣляетъ комнаты, повелѣваетъ одной сдѣлаться дѣтскою, другой быть столовою, третьей гостиною, въ которой увы! врядъ ли достанется сидѣть пишущему сіи строки. Прошу извинить меня великодушно, что такъ нахально втиснулъ я сюда свою особу. Издавна уже такъ устроено людское самолюбіе: всюду хочется всунуть свою рожу, хоть эта рожа ни на что не похожа. И въ самомъ дѣлѣ, до того ли вамъ, будучи теперь такъ очарованными красотами Неаполя, чтобы думать о такой пѣшкѣ, каковъ я? Извините, что ничего не пишу о новостяхъ римскихъ: со временъ вашего отъѣзда рѣшительно ничего здѣсь не случилось новаго. Массоти [1]) вамъ кланяется. Жена того мужа [2]), который, при возвѣщеніи о приходѣ къ вамъ, названъ былъ маленькимъ человѣкомъ [3]), слава Богу, здорова.

Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою преданностью имѣю честь быть,

вашъ покорный слуга,
Н. *Гоголь.*

P. S. А вѣдь Емельяни ужъ уѣхалъ [4])!

одна изъ извѣстныхъ древнихъ фамилій. Единственная представительница рода вышла за Волконскаго и передала свою фамилію мужу и дѣтямъ. (См. «Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 386).

[1]) По словамъ княжны Репниной, «Mazzotti—жандармъ, командовавшій отрядомъ, весьма дряннoй человѣкъ». Поклонъ именно отъ него, разумѣется, тоже шутка, въ томъ же тонѣ и духѣ, въ которомъ написано все письмо.

[2]) По объясненію княжны Репниной, рѣчь идетъ здѣсь о живописцѣ Габерцеттелѣ, жена котораго вмѣстѣ съ своимъ супругомъ возбуждала насмѣшки Гоголя, особенно потѣшавшагося надъ тѣмъ, какъ она наивно разсказывала о мужѣ: «Мой мужъ такъ старательно рисуетъ, что тотчасъ же соскабливаетъ все нарисованное». Онъ же упоминается и въ книгѣ Боткина: «Ивановъ, его жизнь и переписка», стр. 112.—См. «Матеріалы для біографіи», III, 211, примѣч.

[3]) Выраженіе это употреблено, быть можетъ, въ переносномъ значеніи, но во всякомъ случаѣ и въ прямомъ, такъ какъ Габерцеттель былъ замѣчательно маленькаго роста.

[4]) Кулишъ невѣрно объяснилъ это выраженіе. Онъ говоритъ: «Это родъ пословицы, образовавшейся у римскихъ жителей по случаю страннаго романа одного музыканта, какого-то Емельяни. *Емельяни уѣхалъ* не означаетъ чьего-нибудь отъѣзда: это напоминаетъ только одинъ моментъ изъ романа, тѣшившаго нѣкоторое время римлянъ». По словамъ В. Н. Репниной, это была шутка надъ сестрой Зинаиды Александровны Волконской, Магдалиной Александровной Власовой. Она была, въ противоположность своей въ высшей степени даровитой сестрѣ, женщина очень ограниченная, но очень добрая и сердечная. Она имѣла серьезное лицо, на которомъ

LX. Къ сестрамъ Аннѣ Васильевнѣ и Елизаветѣ Васильевнѣ [1]).

Римъ. 15 октября (1838).

Я получилъ твое письмо, душенька моя Аннетъ, чрезъ кн. Волконскаго [2]). При немъ была маленькая приписочка отъ Лизы, которая полѣнилась написать ко мнѣ подлиннѣе. Не грусти, моя милая: я пріѣду, я постараюсь пріѣхать къ вашему выпуску. Вы знаете, что я васъ очень люблю. Я васъ люблю столько, сколько вы себѣ не можете представить. Здоровье мое будетъ лучше — я въ этомъ увѣренъ; но я васъ прошу только не писать маменькѣ ничего о томъ, что я бывалъ иногда немного боленъ. Это ее слишкомъ огорчитъ. Душеньки мои, я о васъ очень часто вспоминаю и хотѣлъ бы васъ перецѣловать много разъ. Помните ли, какъ мы видѣлись съ вами въ этой узенькой, маленькой комнатѣ въ институтѣ, гдѣ стоитъ обыкновенно фортепіано и гдѣ г. Высоцкій [3]) съ нетерпѣніемъ ожидалъ своихъ ученицъ? Я помню, какъ теперь, какъ Лиза проситъ меня не позабыть о томъ, что скоро ея именины и что нужно купить орѣховъ 4 фунта, конфектовъ два фунта, варенья двѣ банки, желе банку, пряниковъ, яблокъ, изюму и проч. и проч.; и все это не только на словахъ, но даже было написано съ чрезвычайною аккуратностью на запискѣ; и все это сопровождается словами: «Да смотрите, не поза-

---

иногда совершенно неожиданно и некстати появлялась улыбка, которая обыкновенно сопровождалась неизмѣннымъ восклицаніемъ: «А вѣдь Емельяни уѣхалъ, уѣхалъ». Эти слова время отъ времени повторяла всѣмъ и каждому, нисколько не заботясь о томъ, знали ли ея собесѣдники Емельяни. Странная привычка этой Власовой объясняется ея неудавшимся страстнымъ желаніемъ устроить судьбу одной знакомой дѣвушки, въ которую влюбился Емельяни, но почему-то потомъ раздумалъ и скрылся. Власова, по добротѣ своей, когда узнала объ этомъ, долго ни за что не хотѣла повѣрить этому и разстаться съ надеждой на возвращеніе Емельяни и все повторяла, что онъ уѣхалъ. («Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 210).

[1]) Надо полагать, что это письмо пролежало довольно долго у Гоголя до отправки и было переслано уже *въ ноябрѣ* 1838 г. черезъ М. П. Балабину. (См. ниже это же письмо и письмо къ Балабиной отъ 7 ноября 1838 г.; стр. 548). Во всякомъ случаѣ содержаніе этихъ писемъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что они относятся къ одному, именно 1838 году.

[2]) Такъ объяснила мнѣ этотъ инціалъ покойная А. В. Гоголь, но подлиннаго письма я никогда не имѣлъ въ рукахъ.

[3]) Учитель танцевъ, котораго, конечно, нельзя смѣшивать съ лицейскимъ пріятелемъ Гоголя.

будьте; за день прежде купите и пришлите». И вслѣдъ за симъ ты, Лиза, бывало разскажешь — — — какой у тебя новый другъ, и о томъ, какъ у тебя хорошо въ пюльпитрѣ — въ какомъ порядкѣ лежатъ книги, тетрадки и бонбоньерки, и какъ ты на-дняхъ помѣнялась съ той-то, или другой. И при этомъ у тебя, Лиза, пальцы были въ чернилѣ, и на передникѣ было чернильное пятно, величиною въ мѣсяцъ. Все это я помню, и помню даже, какъ Аннетъ была больна и лежала въ лазаретѣ, и я у васъ былъ; и потомъ помню, помню еще объ одномъ, но не хочу говорить... о, я все помню!

Да скажите мнѣ, т.-е. напишите, получили ли вы мое письмо, которое я писалъ къ вамъ чрезъ Данилевскаго Александра Семенов. [1]), вашего кузена, которому уже теперь пора быть въ Петербургѣ, и навѣщали ли васъ нѣкоторыя мои знакомыя, которыхъ я просилъ навѣщать васъ, и кто именно [2]). Напишите мнѣ объ этомъ всемъ. Я теперь представляю вамъ случай познакомиться и знаю, что вы очень рады будете знакомству съ Балабиной М. П., молоденькой, почти однихъ лѣтъ съ вами, такой милой, такой доброй! Вамъ она очень, очень понравится [3]). Я это знаю напередъ. Мнѣ сказывала княжна Волконская, что она васъ рекомендовала одной пріятельницѣ своей. Была ли она у васъ, или нѣтъ? напишите. Да вы мнѣ ничего не разсказываете о томъ, что у васъ дѣлается. Вѣдь у васъ много перемѣнъ — не правда ли? Я думаю, новые учителя. Да разскажите мнѣ что-нибудь о Плетневѣ. Такъ же ли онъ бываетъ у васъ часто, и по-прежнему ли любимъ всѣми?

Мнѣ вамъ уже, вѣрно, нечего разсказывать о Римѣ. Вы все, я думаю, о немъ уже узнали отъ Посникова [4]). Вѣдь вы, я думаю, прошли давно уже Италію. Вы, я думаю, уже знаете, что Римъ—самый старинный городъ въ Европѣ, что построенъ онъ на семи холмахъ, что домы самые неровные между собою. Великолѣпные дворцы, и рядомъ съ ними почернѣвшіе, запачканные домы. О, Петербургъ покажется вамъ щеголемъ послѣ Рима, покажется гладенькимъ, чи-

[1]) Гоголь и сестеръ училъ называть Данилевскаго кузеномъ. Въ то время предполагалось возвращеніе Данилевскаго на родину въ виду измѣнившихся обстоятельствъ послѣ смерти матери, не позволявшихъ ему продолжать безпечную жизнь за-границей; но отъѣздъ состоялся значительно позднѣе.

[2]) См. выше, стр. 488.

[3]) См. выше, примѣч. къ этому же письму.

[4]) Учитель исторіи.

стымъ, опрятнымъ, вымытымъ, вытертымъ! Зато въ Петербургѣ нѣтъ такихъ развалинъ, покрытыхъ плющомъ и цвѣтами,—самыхъ живописныхъ, какія только случалось видѣть (вамъ) на картинкахъ [1]); зато въ Петербургѣ нѣтъ кипарисовъ; зато въ Петербургѣ небо сѣрое и туманное, а здѣсь оно ясное и синее, а солнце обливаетъ все своимъ сіяніемъ такъ пріятно! зато въ Петербургѣ вы уже мерзнете и топите печи, а здѣсь не закрываются никогда окна, и въ этотъ же самый день, въ который я пишу къ вамъ, тепло, какъ лѣтомъ.

Случалось ли вамъ когда-нибудь глядѣть на улицу? Кого вы встрѣчали больше всего на улицѣ? Не правда ли — военныхъ и иногда чиновниковъ? Сколько въ Петербургѣ попадается на улицѣ офицеровъ военныхъ, столько въ Римѣ аббатовъ, поповъ и монаховъ. Видѣли ли вы, какъ одѣвается католическое духовенство? Священники и аббаты въ треугольныхъ шляпахъ, во фракахъ, въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ. Или монахи? Но монаховъ здѣсь множество разныхъ орденовъ. Одни Доминиканцы, совершенно одѣваются, какъ женщины, особливо старушки: въ темныхъ и черныхъ капотахъ, изъ-подъ которыхъ видно исподнее бѣлое платье, тоже женское. Иные носятъ совершенныя ваши пелеринки. Самъ папа очень похожъ на старуху. Если вы увидите его лицо на портретѣ, то подумаете, что это портретъ женщины.

Я не знаю, писалъ ли я вамъ про церкви въ Римѣ. Онѣ очень богаты. Такихъ у насъ нѣтъ совсѣмъ церквей. Внутри все мраморъ разныхъ цвѣтовъ; цѣлыя колонны изъ порфира, изъ голубого, изъ желтаго камня. Живопись, архитектура — все это удивительно. Но вы еще ничего не знаете этого. Вы не знаете, что̀ такое живопись. Вы думаете, что это просто рисованіе и больше ничего. Вы еще не можете отличить, что̀ хорошо, что̀ дурно. Вы не знаете, что̀ такое картина Рафаэля, или Тиціана, или Корреджія. О, какъ много есть того, чего вы не видали! Впрочемъ нельзя никакъ все видѣть и знать: для это(го) не достанетъ нашей жизни. Мнѣ бы теперь болѣе всего, знаете ли, что̀ желалось бы увидѣть? Вы, вѣрно, никакъ не догадаетесь, что̀ было бы это такое! Мнѣ бы хотѣлось теперь увидѣть васъ, поцѣловать васъ и поговорить съ вами. Пишите

[1]) Отчасти Гоголь повторяетъ здѣсь содержаніе письма сестрамъ отъ 28 апрѣля того же года. (См. выше, стр. 487—491).

ко мнѣ чаще. Когда вамъ сдѣлается очень грустно на душѣ, сейчасъ берите въ руки перо и пишите ко мнѣ. Если вы на кого разсердитесь, или будетъ вамъ досадно— въ ту же минуту за перо и въ ту же минуту разскажите мнѣ. Пожалуйста не думайте объ томъ, чтобы написать мнѣ хорошо письмо; пишите какъ попало. Я терпѣть не могу хорошихъ писемъ. Чѣмъ хуже письмо, чѣмъ больше чернильныхъ пятенъ и ошибокъ, тѣмъ для меня лучше. Я лучше люблю такія письма. Прощайте, мои миленькія...

LXI. Къ А. С. Данилевскому.

Lyon. 28, воскресеніе (октябрь 1838) [1].

Хотя бы вовсе не слѣдовало писать изъ Ліона, этого не извѣстно почему неприличнаго мѣста, но покорный произне-

---

[1]) Необходимо здѣсь сознаться, что при точномъ установленіи датъ встрѣчаются иногда большія затрудненія. Такъ, Кулишъ при всемъ тщательномъ отношеніи къ дѣлу, очевидно, именно за этотъ промежутокъ отъ 1837 до 1839 г., нѣсколько разъ впадаетъ въ явныя ошибки при опредѣленіи датъ нѣкоторыхъ изъ писемъ по предположенію (въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно выставляетъ предполагаемый годъ въ скобкахъ). Покойный А. С. Данилевскій также не могъ разъяснить многихъ недоумѣній, ссылаясь на то, что невозможно помнить, по истеченіи почти 50 лѣтъ, когда именно имъ было получено то или другое письмо. Гербель, несомнѣнно правильно, отнесъ по предположенію къ 1837 г. письмо къ Прокоповичу отъ 19-го сентября [1]) изъ Женевы, изъ котораго ясно, что Гоголя удерживала внѣ Италіи холера и потому онъ «*соскучился страшно безъ Рима*», и, кромѣ того, еще другое письмо, въ которомъ упомянуто о полученіи денегъ отъ государя. Притомъ въ этомъ же письмѣ мы узнаемъ маршруты Гоголя, именно 1837 г.: «*Я писалъ тебѣ изъ Рима, изъ Франкфурта, изъ Бадена — хоть бы одно слово!..*» [2]) Эта жалоба на молчаніе Прокоповича объяснилась потомъ задержкой писемъ во время карантина отъ холеры въ концѣ 1837 г. Послѣ этого, казалось бы, слѣдовало отнести къ самому концу 1837 г. или къ началу 1838 г. и письмо Гоголя къ Данилевскому изъ Ліона, изъ котораго видно, что, простившись съ другомъ, Гоголь взялъ съ него слово писать какъ можно чаще, и самъ писалъ ему съ дороги во Францію изъ Марселя и въ Римъ изъ Ліона и изъ Марселя письмо, начинающееся словами: «Не стыдно ли, не совѣстно ли?» Въ этомъ письмѣ мы читаемъ (въ концѣ): «*Я думалъ застать въ Римѣ много писемъ, и ничего почти не засталъ. Отъ Прокоповича никакихъ вѣстей.* Не получаешь ли ты? Это удивительный человѣкъ. Еслибы другому — можно пропустить такое молчаніе, но ему—нѣтъ: это безсовѣстно». Всѣ эти соображенія какъ бы указываютъ на конецъ 1837 г., куда въ такомъ случаѣ слѣдовало бы пріурочить и письмо изъ Ліона безъ

[1]) См. выше, стр. 453—455.

[2]) Стр. 456.

сенному слову въ минуту разставанія [1]) нашего, о мой добрый братъ и племянникъ [2])! пишу. Хотя совѣмъ нечего писать, но да будетъ это [3]) между нами обычаемъ [4]) извѣщать другъ друга даже о томъ, что не имѣется матеріи для письма. Я много, много кратъ досадовалъ [5]) на то, что взялъ эту подлую дорогу на Марсель. Ничего родного до самаго Рима—это, право, тоска! Тамъ хоть Женева съ

даты: «Хотя бы вовсе не слѣдовало писать изъ Ліона», *какъ предшествующее*, и все это было бы вполнѣ согласно съ слѣдующими словами начала письма изъ Рима, о которомъ только-что была рѣчь: «Не стыдно ли тебѣ, не совѣстно ли? Я думалъ, пріѣхавши въ Римъ, застать отъ тебя письмо. Вѣдь мы дали обѣщаніе писать непремѣнно, писать часто другъ къ другу. Гдѣ это обѣщаніе? Я писалъ къ тебѣ *изъ Ліона*,—изъ Марселя» [1]). Оба письма, повидимому, слѣдовали одно за другимъ вскорѣ по выѣздѣ изъ Парижа: въ лионскомъ письмѣ Гоголь *положительно* пишетъ по дорогѣ изъ Парижа и упоминаетъ, какъ о свѣжей новости, о потерѣ своего «итальянскаго Курганова»: въ письмѣ изъ Рима онъ также говоритъ: Мысль моя не вся еще оторвалась отъ Монмартра и бульвара des Italiens» [2]). Однако, въ послѣднемъ письмѣ Гоголь говоритъ о Римѣ слѣдующее: «Здѣсь я встрѣтилъ *нѣкоторыхъ знакомыхъ*, которые не дали еще вступить въ мою прежнюю колею», — совѣмъ иначе въ письмѣ къ Балабиной отъ апрѣля 1838 г.: «Нужно вамъ знать, что я пріѣхалъ въ Римъ *совершенно одинъ*, что въ Римѣ я не нашелъ никого изъ моихъ знакомыхъ [3])», и объ этомъ упоминается въ другомъ почти одновременномъ письмѣ къ Данилевскому: «У меня теперь въ Римѣ *мало знакомыхъ*» и проч., — тогда какъ въ первой половинѣ 1837, второй половинѣ 1838 и 1839 гг. Гоголь, имѣя въ Римѣ многихъ знакомыхъ, не могъ бы сказать этого. Кромѣ того въ занимающемъ насъ письмѣ изъ Рима безъ даты читаемъ также: «Я до сихъ поръ еще какъ-то не очнулся въ Римѣ. Какъ будто какая-то плева на глазахъ моихъ, которая препятствуетъ мнѣ видѣть его въ томъ чудномъ великолѣпіи, въ какомъ онъ представился мнѣ, когда я въѣхалъ въ него *во второй разъ*» [4]). О томъ же своемъ впечатлѣніи при въѣздѣ во второй разъ Гоголь то же самое пишетъ въ письмѣ отъ апрѣля 1838 г.; но такъ какъ въ 1838 г., судя по датамъ писемъ, онъ не

---

[1]) У Кулиша: «разставанья».

[2]) Шутливыя названія, выражающія любовь и ласку: см. выше, стр. 33, 48 и проч.

[3]) Переправлено изъ: «этого».

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «писать даже».

[5]) Не дописано.

---

[1]) См. ниже, стр. 537.

[2]) См. ниже, стр. 538.

[3]) Тамъ же.

[4]) См. письмо къ Балабиной, мѣсяцъ апрѣль 2588 отъ основанія города (выше, стр. 493).

[5]) Письмо изъ Рима Данилевскому: «Не стыдно ли тебѣ, не совѣстно ли?» (См. ниже, стр. 538)

мамзелями Фабръ и Каламъ [1]), съ чаемъ въ Коронованной гостиницѣ и наконецъ съ вдохновеннымъ Мицкевичемъ [2]), что̀ мнѣ предоставляло [3]) не мало удовольств(ія). А здѣсь, вмѣсто всего этого, день безцвѣтный, тоскливый, въ этомъ безличномъ Ліонѣ. Какъ я завидовалъ тебѣ всю дорогу, тебѣ, сѣдоку въ этомъ солнцѣ великолѣпія, въ Парижѣ! Вообрази, что по всей дорогѣ, по всѣмъ городамъ храмы [4]) бѣдные,

выѣзжалъ изъ Италіи, и прямо говорилъ: «Посохъ мой странническій уже не существуетъ» [1]); если не считать пріѣзда изъ Неаполя), то остается предположить, не считалъ ли онъ третьимъ пріѣздомъ своимъ въ Римъ тотъ, который имѣлъ мѣсто въ концѣ 1838 года (приблизительно въ ноябрѣ; см. далѣе). Такимъ предположеніемъ устранились бы всѣ трудности, но его нельзя считать твердо обоснованнымъ. Въ письмѣ отъ 2-го февраля 1838 г. Гоголь говоритъ между прочимъ: «Я былъ, по обыкновенію, аккуратнѣе тебя, и тотчасъ же, по пріѣздѣ въ Римъ, написалъ тебѣ письмо. *Это было, если не ошибаюсь, въ первыхъ числахъ ноября*» [2]). Итакъ, казалось бы, не опредѣляется ли хоть этимъ дата занимающихъ насъ писемъ? Затѣмъ даты остальныхъ писемъ у Кулиша, несомнѣнно, вѣрны, кромѣ одного, о которомъ мы скажемъ послѣ, и письма отъ 2-го апрѣля изъ Рима, написаннаго, очевидно, послѣ смерти матери Данилевскаго, слѣдовательно въ *1839*, а не въ 1838 году [3]). Любопытно еще, что послѣ приведенныхъ выше словъ: «Посохъ мой странническій уже не существуетъ», — Гоголь прибавляетъ: «Ты помнишь, что моя палка унеслась *волнами Женевскаго озера*. Я теперь сижу дома; никакихъ мучительныхъ желаній, влекущихъ вдаль, нѣтъ, развѣ проѣздиться въ Семеренькѣ, т.-е. въ Неаполь, и въ Толстое, т.-е. въ Фраскати, или въ Альбани» [4]). Слѣдовательно, именно *по пріѣздѣ изъ Швейцаріи* Гоголь надолго основался безвыѣздно въ Римѣ. Выяснить вопросъ точнѣе и очевиднѣе не позволяетъ недостатокъ вполнѣ установленныхъ данныхъ. Дѣло осложняется еще причудливостью маршрутовъ Данилевскаго, которому Гоголь говорилъ: «У тебя ужъ, видно, такой бѣсъ сидитъ внутри, который ворочаетъ тобою наперекоръ» [5]). Есть еще одно соображеніе. Въ письмѣ изъ Ліона Гоголь говоритъ о стихахъ, написанныхъ на пожаръ Зимняго дворца, а пожаръ этотъ былъ 17 декабря 1837 года, такъ что это

[1]) Содержательницы Hôtel de Couronne.

[2]) О встрѣчахъ и знакомствѣ съ нимъ см. въ «Матеріалахъ для біографіи», т. III, стр. 201, 214, 278, 289.

[3]) У Кулиша: «доставляло».

[4]) Кулишъ замѣнилъ это словомъ: «caffés», на основаніи рукописнаго подстрочнаго объясненія Данилевскаго. Замѣна сдѣлана, очевидно, въ виду цензурныхъ опасеній. Гоголь въ шутку называлъ рестораны храмами, а прислугу въ нихъ—жрецами.

[1]) Письмо къ Данилевскому отъ 11 апрѣля 1838 г. (см. выше, стр. 483).

[2]) Письмо къ Данилевскому отъ 2 февраля 1838 г. (выше, стр 467).

[3]) См. ниже, стр. 580—583.

[4]) Письмо къ Данилевскому отъ 11 апрѣля 1838, (выше, стр. 483).

[5]) Тамъ же, стр. 440.

богослуженіе [1]) тоже, жрецы [2]) невѣжи и неопрятно: благородная форма чашки въ видѣ круглаго колодца совершенно исчезла, и мѣсто [3]) ея замѣ(нила [4]) подлѣйшая форма суповой чашки, которая, къ тому же, показываетъ довольно скоро неопрятное дно свое, а о вкусѣ и благоуханіи жертвъ [5]) нечего и говорить: на дубовые желуди похожъ и дѣлается изъ чистой цикоріи; такъ что, признаюсь, по неволѣ находятъ вольнодумныя и богоотступныя(я) [6]), мысли, и чувствую, что ежеминутно [7]) слабѣютъ мои религіозныя пра-

---

можетъ быть принято за terminus a quo. Но затѣмъ, если принять въ соображеніе, что Гоголь надписалъ письмо: «28, воскресенье», то, значитъ, его можно отнести къ январю или октябрю 1838 г., когда 16 и 28 приходилось въ воскресенье. Трудно думать, чтобы Гоголь считалъ въ данномъ случаѣ по старому стилю, и притомъ воскресенье приходилось въ 1838 г. только *въ августѣ*, когда Гоголь не могъ быть въЛіонѣ, потому что отъ этого числа есть письмо къ Данилевскому же и изъ Неаполя. На штемпелѣ письма значится октябрь, 1838; но какъ это согласить съ тѣмъ, что Гоголь уже 15 октября 1838 г. былъ въ Римѣ *и снова 7 ноября* (см. письма)? Если предположить, что Гоголь, отозвавшись на приглашеніе Данилевскаго, тотчасъ поѣхалъ къ нему въ Парижъ (на письмо отъ 20 августа; стр. 520), то поѣздка должна была совершиться въ *сентябрѣ*, въ такомъ случаѣ письмо изъ Ливорно къ матери было написано по дорогѣ во Францію (стр. 524), а отъ 1/13 октября изъ Генуи (стр. 525) на обратномъ пути въ Римъ. Но этому противорѣчитъ письмо къ сестрамъ *изъ Рима* отъ 15 октября (стр. 529) и показаніе почтоваго штемпеля, правда, значительно стертаго, но все-таки достаточно яснаго и почти не возбуждающаго сомнѣній. Выходитъ, что Гоголь не въ сентябрѣ, а въ октябрѣ ѣздилъ во Францію, именно во второй его половинѣ; но тогда какъ же онъ могъ *къ 7 ноября* (черезъ 10 дней) вернуться въ Римъ (см. письмо его къ Балабиной отъ 7 ноября; стр. 541) и куда же онъ ѣздилъ въ промежуткѣ между августомъ и октябремъ, когда заѣзжалъ въ Ливорно и Геную? Затрудняемся разъяснить эти недоумѣнія. Подобной путаницы нигдѣ больше не встрѣчаемъ въ письмахъ Гоголя. Полагаемъ, что Гоголь, когда писалъ къ матери письмо отъ 28 августа, путешествовалъ; маршруты же его намъ неизвѣстны.

---

[1]) Обѣды. У Кулиша: «служеніе».

[2]) Гарсоны въ ресторанахъ.

[3]) Въ подлинникѣ: «вмѣсто».

[4]) Въ подлинникѣ описка: «замѣла» (sic).

[5]) Кофе. Все это мѣсто является совершенно непонятнымъ вслѣдствіе измѣненій, сдѣланныхъ Кулишомъ въ виду цензурныхъ опасеній, вслѣдствіе чего является невѣрное объясненіе у Н. С. Тихонравова (см. соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 665 и сборникъ «Памяти Тихонравова», стр. 121), какъ о поводѣ къ подозрѣнію въ религіозномъ вольнодумствѣ.

[6]) У Кулиша, изъ опасенія цензуры: «вольнодушныя (sic); слово и богоотступныя» совсѣмъ пропущено.

[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «готовъ».

вила и вѣра въ истинную религію [1]), такъ что, еслибы только нашлась другая съ искусными жрецами, а особенно жертвами, какъ напр., чай или шеколадъ, то прощай и послѣдняя набожность! [2]) Счастливы монмартрскіе богомольцы [3])!

Много еще мнѣ предстоитъ пути. Ни Лафитъ, н(и) Notre Dame не имѣютъ тутъ своихъ дилижансовъ, и меня сдали такъ же, какъ назадъ тому было два года, какой-то преподлой компаніи. Ничего не случилось въ дорогѣ, кромѣ того только, что сегодня поутру — — [4]) на дорогѣ и отъ радости позабылъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ — — [5]), моего италіянскаго Курганова [6]), котораго купилъ случаемъ [7]) въ Парижѣ и который мнѣ до сихъ поръ служилъ въ дорогѣ утѣшеніемъ; и спохватился скоро, но безжалостный кондукторъ, который, впрочемъ, очень похожъ былъ лицомъ на Сосницкаго [8]), никакъ не хотѣлъ подождать двухъ минутъ.

Мнѣ кажется, я позабылъ мелкі(е) стихи Касти [9]). Маленькая книжка! Ежели ее отыщешь, то перешли съ тѣмъ, кто поѣдетъ въ Италію прежде, — съ Квиткой [10]), или съ кѣмъ другимъ.

Если увидишь Тургенева [11]), то скажи ему, что я никакъ не успѣлъ передъ выѣздомъ отвѣчать на его записку, но что изъ Рима, тотчасъ по пріѣздѣ, пишу къ нему и пришлю требуемые имъ стихи *на пожаръ Зимняго Дворца* [12]).

Прощай, мой ненаглядный! Безъ всякаго сомнѣнія, еще

---

[1]) Послѣднія слова у Кулиша пропущены.
[2]) У Кулиша: «ревность».
[3]) Посѣтители cafés въ Парижѣ.
[4]) Пропущено неудобное для печати выраженіе.
[5]) Пропущено неудобное для печати выраженіе.
[6]) Здѣсь, очевидно, разумѣется путеводитель.
[7]) У Кулиша невѣрно: «случайно».
[8]) Ивана Ивановича, знаменитаго петербургскаго артиста.
[9]) Итальянскій поэтъ.
[10]) По словамъ А. С. Даниловскаго, это былъ племянникъ Квитки Основьяненко. Отецъ его былъ въ Харьковѣ лѣтъ тридцать губернскимъ предводителемъ, а самъ онъ служилъ въ гвардейцахъ. Потомъ онъ вышелъ въ отставку, и былъ въ отставкѣ, когда познакомился съ Гоголемъ.
[11]) Александра Ивановича.
[12]) Остальное у Кулиша опущено.

(увидишься) [1]) со мною не разъ, не два, другъ. На это (письмо) [2]) я уже надѣюсь застать въ Римѣ отвѣтъ.

Кланяйся Квиткѣ и Козлову [3]).

LXII. Къ нему же.

Римъ (1838) [4]).

Не стыдно ли тебѣ, не совѣстно ли? Я думалъ, пріѣхавши въ Римъ, застать отъ тебя письмо. Вѣдь мы дали обѣщаніе писать непремѣнно, писать часто другъ къ другу. Гдѣ это обѣщаніе? Я писалъ къ тебѣ изъ Ліона, изъ Марселя. Неужели и теперь ты будешь отговариваться, что не получилъ моихъ писемъ? Ты знаешь, что меня должно интересовать все, что́ ни дѣлается теперь [5]) съ тобою. Я долженъ, я хочу все знать, даже самую скуку [6]), которую ты чувствуешь; даже ничтожность и мелкость, и безпрописествіе твоей парижской жизни можетъ подать тебѣ сюжетъ для письма, ибо ты долженъ знать, что ты пишешь ко мнѣ: стало-быть, и обѣдъ, и завтракъ, и несвареніе желудка, и поносъ, и запоръ, и италіянская опера, и Монкорта, и Филиппъ, не тотъ Филиппъ, что поймалъ за усы la liberté французской націи, но тотъ Филиппъ [7]), который является съ большимъ серебрянымъ [8]) кофейникомъ, безъ сомнѣнія, più dimandato da noi che le belle putte,—все это можетъ войти въ составъ письма; стало-быть, за сюжетомъ нечего лазить въ карманъ. Но я не требую длинныхъ писемъ: нѣсколько строчекъ, записочку, но только, чтобы это было часто. Это бы мнѣ напоминало, что ты еще существуешь, что ты еще подъ бокомъ у меня, что идешь рука

---

[1]) Это слово вырвано, хотя его свободно можно прочесть по остаткамъ буквъ.

[2]) Вырвано.

[3]) Козловъ, Николай Иларіоновичъ, извѣстный медикъ, впослѣдствіи начальникъ Медико-Хирургической Академіи въ Петербургѣ.— Въ виду запутанности данныхъ, помѣщаемъ сряду три письма безъ даты 1838 г., *такъ какъ между ними есть связь*. Быть можетъ, Гоголь по просьбѣ Данилевскаго, ѣздилъ въ сентябрѣ 1838 г. въ Парижъ; тогда въ слѣдующемъ письмѣ объяснится фраза: «Когда я *изъ Неаполя* выѣхалъ во Францію».

[4]) Это письмо относится къ концу 1838.

[5]) Это слово у Кулиша пропущено.

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «даже».

[7]) Garçon въ отелѣ, гдѣ жилъ въ Парижѣ Данилевскій.

[8]) Это слово также пропущено у Кулиша.

въ руку со мною [1]), хотя невидимо. Пожалуйста, прошу, молю, умоляю, заклинаю [2]). Въ ту жъ минуту, въ томъ же великолѣпномъ храмѣ [3]), гдѣ ты приносишь двойную жертву божеству [4]), тотчасъ же послѣ кофею, или, по крайней мѣрѣ, послѣ «Courrier Français» [5]), но прежде чѣмъ возьмешься за кій, берись за перо или за карандашъ и наскоро записку [6]), и потомъ, послѣ трехъ или четырехъ партій, иди и брось въ boite. Увѣряю тебя, (что) ты будешь самъ доволенъ и веселъ [7]) послѣ того цѣлый день; желудокъ твой сваритъ исправно; Рубини будетъ лучше пѣть; Гризи [8]) будетъ въ пятьсотъ разъ привлекательнѣе. Попробуй только, исполни.

Я до сихъ поръ еще какъ-то [9]) не очнулся въ Римѣ. Какъ-будто какая-то плева на глазахъ моихъ, которая препятствуетъ мнѣ видѣть его въ томъ чудномъ [10]) великолѣпіи, въ какомъ онъ мнѣ представился, когда я въѣхалъ въ него во второй разъ. Можетъ-быть, оттого, что я еще до сихъ поръ не приладилъ себя къ римской жизни. Парижъ [11]) съ своими великолѣпными храмами [12]) меня много разстроилъ. Куды [13]) ни иду, все чудятся храмы. Мысль моя еще не вся оторвалась отъ Монмартра и бульвара [14]) des Italiens. Здѣсь встрѣтилъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, которые мнѣ не дали [15]) еще вступить въ мою прежнюю колею, въ которой я плелся [17])-было мѣрно, или лучше—кое-какъ [16]). Хотѣлъ-было кинуться съ жаромъ новичка на искусства и бѣжать [18])

---

[1]) Слова: «со мною» вписаны сверху.
[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «сейчасъ».
[3]) Въ ресторанѣ (на условномъ языкѣ Гоголя и Данилевскаго).
[4]) Т. е. обѣдаешь.
[5]) Прежде было: «Courrier de Français».
[6]) Переправлено изъ: «записы(вай)».
[7]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «цѣл(ые)» или «цѣл(ый)».
[8]) Знаменитые представители оперной труппы.
[9]) Послѣ этого зачеркнуто: «не».
[10]) Послѣ этого зачеркнуто: «видѣ».
[11]) Послѣ этого зачеркнуто: «много». Далѣе у Кулиша пропущенъ предлогъ: «съ».
[12]) Ресторанами.
[13]) У Кулиша: «куда»
[14]) Въ подлинникѣ: «булевара».
[15]) Послѣ этого зачеркнуто: «мнѣ».
[16]) Прежде было: «тащился»; потомъ зачеркнуто и сверху надписано: «плелся».
[17]) Послѣ этого зачеркнуто: «готовился было».
[18]) Это слово написано сверху, вмѣсто зачеркнутыхъ на ходу письма: «въ желудкѣ сид(итъ)».

дѣятельно осматривать вновь всѣ [1]) чудеса римскія; но въ желудкѣ сидитъ какой-то чортъ, который(й) мѣшаетъ все видѣть въ такомъ видѣ, какъ бы хотѣлъ видѣть, и напоминаетъ то объ обѣдѣ, то объ завтракѣ, словомъ—всѣ грѣховныя побужденія, несмотря на святость мѣстъ, на чудное солнце, на чудные дни. Но одно [2]) еще поразило меня: это синее небо и этотъ далеко обнимающій его солнечный свѣтъ. Когда я изъ Неаполя выѣхалъ во Францію [3]), я не замѣтилъ совсѣмъ перемѣны въ небѣ и въ солнцѣ, и, пріѣхавши даже въ Парижъ, мнѣ казалось [4]) все передо мною то же небо; но когда я подвигался къ Италіи, даже въ Марселѣ... у, какая разница! Потокъ свѣта! Ей, ей, полнеба тонетъ въ свѣту!

Я думалъ застать въ Римѣ много писемъ, и ничего почти не засталъ. Отъ Прокоповича никакихъ вѣстей. Не получаешь ли ты? Это удивительный человѣкъ. Еслибы другому—можно простить такое молчаніе, но ему — нѣтъ, это безсовѣстно!

Да что́ меня больше всего поразило, такъ это Петръ [5]). Онъ страшно выросъ, куполъ необыкновенно сдѣлался огромнѣе.

Прощай. Хотѣлъ-было писать болѣе, но, право, ты не стоишь. Обнимаю тебя милліонъ разъ и жду съ нетерпѣніемъ твоего оправданія.

Твой *Г(оголь)*.

LXIII. Къ нему же.

(1838) (записочка).

Ни слова, ни полслова и никакого словечка! Но, можетъ-быть, тебѣ тяжело писать. Если дастъ Богъ и мои силы, трудъ и здоровье позволятъ, то, можетъ-быть, будущую зиму мы увидимся въ Россіи.

Прощай, цѣлую тебя.

Твой [6])

---

[1]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «рп(мскія)».

[2]) Въ подлинникѣ явная описка: «оно».

[3]) У Кулиша ошибка: «во Франкфуртъ»: конецъ слова написанъ неотчетливо.

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «я все».

[5]) Знаменитый храмъ Св. Петра (San-Pietro).

[6]) Слѣдуетъ кудрявый росчеркъ. — Судя по послѣднимъ словамъ, письмо относится къ 1838 году.

LXIV. Къ матери.

Римъ. Ноябрь, 1838 [1]).

Письмо ваше, писанное вами отъ сентября 10, я получилъ. Оно было одно только, которое лежало для меня на почтѣ. Я думалъ ихъ застать больше. Слава Богу, вы здоровы, но меня печалитъ, что вы такъ несчастливы въ управленіи вашимъ имѣніемъ, печалитъ потому, что я знаю, что эти неудачи всѣ очень чувствительны вашему сердцу. О, еслибы я могъ найти какія-нибудь средства, чтобы васъ избавить отъ этихъ хлопотъ! Когда вы закладывали во второй разъ имѣніе и говорили мнѣ, что теперь будетъ гораздо легче уплачивать ваши подати и проценты, увы! я предчувствовалъ противное. Но малодушно отчаиваться! Будемъ надѣяться на Бога.

Вы спрашиваете о сестрахъ. Выпускъ ихъ еще не такъ близко: еще годъ; къ этому времени, во всякомъ случаѣ, я надѣюсь быть, и мы объ этомъ потолкуемъ [2]).

На счетъ вашего мнѣнія, что онѣ могутъ найти себѣ хорошую партію, живя въ Васильевкѣ,—я не согласенъ. По крайней мѣрѣ, я никого не вижу въ сосѣдствѣ, а выѣзжать—вопросъ: куда? или въ Полтаву, или въ Миргородъ. Съ этого немного толку, и чтобы выѣзжать, для этого нужны деньги, а ихъ-то у насъ съ вами нѣтъ. Что же касается до того, что вы говорите, чтобы онѣ положились во всемъ на вашъ выборъ и слушались васъ, то это очень тоже трудно: прошу уладить съ молодыми дѣвицами— ихъ не такъ легко заставить во всемъ слушаться. Доказательство—ваша старшая дочь, подъ вашимъ же руководствомъ и при всемъ томъ..... Словомъ, видите, какъ трудно ладить съ молодыми дѣвицами. Вы должны помнить и то, что вы мать, что вы добры и даже слишкомъ добры, и что ваше доброе сердце вамъ препятствуетъ видѣть всѣ недостатки, проникнуть насквозь и обдумать все; но нечего теперь объ этомъ заботиться. Послѣ я вамъ напишу, что придумаю со своей стороны лучшимъ, и мы посовѣтуемся... На счетъ же

---

[1]) Это письмо съ возстановленіемъ пропусковъ перепечатано въ «Вѣстникѣ Европы», 1896, VI, 749—750.

[2]) Послѣ этого, начиная отъ словъ: «На-счетъ вашего мнѣнія, что онѣ могутъ найти себѣ хорошую партію, живя въ Васильевкѣ,» у Кулиша пропущено. Впервые это пропущенное мѣсто было напечатано нами въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя» т. III, стр. 314—315.

того, что вы пишете объ Васильевкѣ [1]), то это была только мысль, вовсе не намѣреніе. Притомъ этому было лѣтъ 8, а можетъ-быть, болѣе, когда я вамъ сказалъ это, и то вовсе не жить, а погостить... Будьте увѣрены, что, во всякомъ случаѣ, мнѣ болѣе было бы желательно, чтобы онѣ были съ вами. Но нужно такъ распорядиться, чтобы онѣ не были заброшены въ глушь, чтобы вмѣстѣ съ этимъ онѣ были въ состояніи составить партію нужную для ихъ счастія. Но до этого, какъ я сказалъ, еще далеко. Я писалъ кое-какимъ добрымъ знакомымъ своимъ,—людямъ умнымъ, не ослѣпленнымъ и не отуманеннымъ воображеніемъ и мечтаніями, но знающимъ хорошо свѣтъ и положеніе вещей въ свѣтѣ,—чтобы они иногда навѣщали ихъ и мало-помалу пріучали ихъ къ наукѣ жизни [2]).

Римъ такъ же хорошъ, старъ и величественъ, какъ былъ прежде. Погода такъ же прекрасна. Никто не ходитъ въ шинеляхъ и плащахъ. Дни теплые, небо свѣтлое и солнечное. Здѣсь теперь очень много русскихъ, и между ними нѣсколько изъ моихъ знакомыхъ. Они всѣ пріѣхали провесть здѣсь зиму, одни для здоровья, другіе такъ... [3]).

До слѣдующаго письма, почтеннѣйшая маменька, цѣлую нѣсколько разъ ваши ручки.

LXV. Къ М. П. Балабиной.

Римъ. 7 ноября, 1838.

Ваше письмо, Марья Петровна, получено мною очень исправно чрезъ Мr Паве [4]). Я вамъ за него очень [5]) много благодаренъ. Вы мнѣ живо напомнили [6]) все — и вашъ Петербургъ, и мой Римъ, то есть, мои первыя впечатлѣнія и

---

[1]) Въ «Вѣстникѣ Европы» опечатка: «Васильчиковой», въ копіи, принадлежащей Румянцовскому и Публичному музею: «Васильевкѣ».

[2]) Здѣсь разъясняется, почему Гоголь такъ хлопоталъ, чтобы его сестеръ навѣщали въ институтѣ преимущественно знакомыя ему дамы.

[3]) Послѣ этого заключительныя строки письма у Кулиша пропущены.

[4]) См. примѣч. къ письму отъ 16 мая 1838 года къ А. С. Данилевскому (509 стр., примѣч. 3-е).

[5]) Въ изданіи Кулиша и въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (томъ I, стр. 217): «очень много благодаренъ», но въ полученной нами точной копіи, провѣренной М. П. Вагнеръ, слова «много» нѣтъ.

[6]) У Кулиша въ изданіи и въ «Запискахъ о жизни Гоголя»: «напоминаете».

ваши первыя впечатлѣнія [1]). Помните, во время первыхъ дней нашихъ въ Римѣ, когда, съ Нибіемъ [2]) въ рукахъ и проч. и проч.? То время уже далеко; уже другія впечатлѣнія наполнили [3]) мою душу; уже весьма часто прохожу я мимо [4]) тѣхъ памятниковъ и сѣдыхъ, дряхлыхъ чудесъ, передъ которыми зѣвалъ по нѣскольку безмолвныхъ часовъ. Уже не съ готовымъ удивленіемъ новичка и чужестранца ищу ихъ... Но до сихъ поръ, какъ прекрасное сновидѣніе, посѣщаетъ меня иногда воспоминаніе обо всемъ этомъ, и я тогда жажду повторить этотъ сонъ: спѣшу увидѣть вновь, что видѣлъ прежде, и на минуту становлюсь опять новичкомъ. Опять мои чувства тѣ же [5]). Вы ихъ разбудили вашимъ письмомъ, вы ихъ пріятно разбудили. Я люблю очень читать ваши письма. Хотя въ нихъ надежи бываютъ иногда большіе либералы и иногда не слушаются вашей законной власти, но ваша мысль всегда ясна и иногда такъ выражена счастливо, что я завидую вамъ [6]). Уже два мѣста, два цѣлыхъ періода я укралъ изъ нихъ,—какія именно, я вамъ не скажу, потому что намѣренъ совершенно завладѣть ими... Потому еще люблю ваши письма, что въ нихъ мало того, что̀ бываетъ обыкновенно въ петербургскихъ письмахъ.

Но обратимся къ первому пункту вашего письма. Вы мнѣ показались теперь очень привязанными къ Германіи. Конечно, не спорю, иногда находитъ минута [7]), когда хотѣлось бы изъ среды табачнаго дыма и нѣмецкой кухни улетѣть на луну, сидя на фантастическомъ плащѣ нѣмецкаго студента, какъ, кажется, выразились вы. Но я сомнѣваюсь, та ли теперь эта Германія, какою ее мы представляемъ себѣ. Не кажется ли она намъ такою только въ сказкахъ Гофмана? Я по крайней мѣрѣ въ ней ничего не видѣлъ, кромѣ скучныхъ табльдотовъ и вѣчныхъ, на одно и то же

---

[1]) Послѣ слова: «впечатлѣнія» зачеркнуто: «при видѣ».

[2]) Путеводитель Нибби, упоминаемый также въ письмѣ къ Иванову отъ 20 октября 1841 года; можетъ быть, его же разумѣетъ Гоголь подъ именемъ итальянскаго Курганова. Курганов авторъ извѣстнаго въ прошломъ вѣкѣ «Письмовника».

[3]) У Кулиша въ изданіи писемъ и въ «Запискахъ: «объемлютъ».

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «не» и сверху вписано: «не останавливаясь», но не введено въ текстъ, такъ что въ подлинникѣ читается: «мимо... не останавливаясь... тѣхъ»...

[5]) У Кулиша: «живы».

[6]) Это замѣтно и въ письмахъ М. П. Балабиной къ Гоголю, напечатанныхъ въ «Матеріалахъ для біографіи», т. IV, стр. 922—928.

[7]) У Кулиша: «иногда находятъ минуты».

лицо состряпанныхъ кельнеровъ и безконечныхъ толковъ о томъ, изъ какихъ блюдъ былъ обѣдъ и въ которомъ городѣ лучше ѣдятъ; и та мысль, которую я носилъ въ умѣ объ этой чудной и фантастической Германіи, исчезла, когда я увидѣлъ Германію въ самомъ дѣлѣ, такъ, какъ исчезаетъ прелестный голубой колоритъ дали, когда мы приближаемся [1]) къ ней близко. Я знаю, есть эта земля, гдѣ все чудно и не такъ, какъ здѣсь; но къ этой землѣ не всякіе знаютъ дорогу. Вы, кажется, теперь стараетесь отыскивать эту дорогу. Ахъ, Марья Петровна! что это вы дѣлаете? Я не узнаю васъ. Не вы ли еще такъ недавно отвергали все то, что иногда неугомонно бродитъ въ нашемъ воображеніи и увлекаетъ его далеко, далеко? Не вы ли готовились доказать—и доказать формально, на бумагѣ, ясно—что первое занятіе человѣка на землѣ есть свинки [2])? Или эти свинки не такъ толсты, огромны и жирны въ Петербургѣ, какъ вы думали? Но мнѣ кажется, этихъ животныхъ въ Петербургѣ весьма [увы!] достаточно. Тамъ же есть чухонцы, которые особенно славятся смотрѣніемъ за ними. Но я чувствую, я знаю, это сильная и вѣрная истина. Трудно, трудно удержать середину [3]), трудно изгнать воображеніе и любимую прекрасную мечту, когда онѣ существуютъ въ головѣ нашей; трудно вдругъ и совершенно обратиться къ настоящей прозѣ; но труднѣе всего согласить эти два разнородные предмета вмѣстѣ—жить вдругъ и въ томъ, и другомъ мірѣ [4]). Знаете ли, сказать ли вамъ откровенно: я вашъ старый другъ, я объ васъ забочусь, мысли мои поминутно ворочаются около васъ. Вы мнѣ други по всему; наша дружба очень, очень древняя. Мнѣ стало очень грустно, когда я читалъ письмо ваше. Я мыслилъ: будетъ ли счастлива моя пріятельница Марья Петровна? и когда я представилъ себѣ этотъ холодный, прозаическій, мелкій чувствами и характерами міръ, который окружаетъ Марью

---

[1]) У Кулиша: «приближаемся».

[2]) Намекъ на матеріальную жизнь, которой лучшими представителями Гоголь почиталъ животныхъ, названныхъ въ этомъ письмѣ. Во время прогулокъ по Риму, онъ любилъ наблюдать за свинками среди античныхъ улицъ, говорящихъ о высокихъ идеалахъ искусства, и смѣяться надъ попраніемъ прекраснаго. Это чувство, забавляя умъ, мучило его душу; но онъ любилъ предаваться ему. *Примѣч. перваго изданія.*

[3]) У Кулиша: «середину».

[4]) Послѣ этого у Кулиша пропускъ—до словъ: «я радъ очень, что Петербургъ»...

Петровну, облако сомнѣнія отуманило мнѣ очи. Клянусь, мнѣ было грустно. Но я вспомнилъ, что у Марьи Петровны есть черты римскаго характера, есть что-то твердое и сильное, есть наша воля и рѣшительность на великія вещи [1]). И во мнѣ вдругъ поселилась увѣренность... на счетъ васъ я сталъ покойнѣе.

Я радъ очень, что Петербургъ для васъ становится сносенъ; по крайней мѣрѣ, вы находите теперь развлеченія, которыя васъ занимаютъ. Ваше описаніе желѣзной дороги и поѣздки по ней очень живо; стало быть, вамъ было [2]), весело; стало быть, вы были довольны, и, признаюсь, сказать вамъ нужно втайнѣ и по секрету, я крѣпко завидовалъ вамъ. Все-таки сердце у меня русское. Хотя при видѣ, то есть, при мысли о Петербургѣ, морозъ проходитъ по моей кожѣ и кожа моя проникается насквозь страшною сыростью и туманною атмосферою; но хотѣлось бы мнѣ сильно прокатиться по желѣзной дорогѣ и услышать это смѣшеніе словъ и рѣчей нашего вавилонскаго народонаселенія въ вагонахъ. Здѣсь много можно узнать того, чего не узнаешь обыкновеннымъ порядкомъ. Здѣсь бы, можетъ быть, я бы разсердился вновь—и очень сильно—на мою любезную Россію, къ которой [3]) гнѣвное расположеніе мое начинаетъ уже ослабѣвать, а безъ гнѣва—вы знаете—немного можно сказать: только разсердившись, говорится правда. Когда я былъ въ школѣ и былъ юношей, я былъ очень самолюбивъ (не въ томъ смыслѣ самолюбивъ); мнѣ хотѣлось смертельно знать, что̀ обо мнѣ говорятъ и думаютъ другіе. Мнѣ казалось, что все то, что̀ мнѣ говорили, было не то, что̀ обо мнѣ думали. Я нарочно старался завести ссору съ моимъ товарищемъ, и тотъ натурально, въ сердцахъ высказывалъ мнѣ все то, что̀ во мнѣ было дурного [4]). Мнѣ этого было только и нужно; я уже бывалъ совершенно доволенъ, узнавши [5]) все о себѣ. Но въ сторону все прочее; поговоримъ о нашемъ любезномъ Римѣ. Вы его не позабыли; вы интересуетесь о немъ до сихъ поръ. Вы читаете теперь исторію Мишле. Это страшный вздоръ; это совершенно

---

[1]) Послѣ слова: «вещи» зачеркнуто на ходу письма: «и ваша будущность сдѣла(лась)».

[2]) У Кулиша: «вамъ очень весело».

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «сердце уже...», потомъ сверху вписано и также зачеркнуто: «гнѣвъ».

[4]) Ср. письмо къ матери 1 марта 1828 года (см. выше, стр. 97—98).

[5]) У Кулиша: «узнавъ».

русскій Полевой. Но, къ счастію, вы не читали Полевого. Мишле, какъ попугай, повторяетъ Нибура: обокралъ оттуда и оттуда, у того и у другого, умничаетъ не кстати, разсуждаетъ Богъ знаетъ какъ и модный педантъ, какъ всѣ французы.

Вы спрашиваете на счетъ новооткрытыхъ мозаикъ въ катакомбахъ, чудесныхъ, какъ говорятъ газеты, однакоже, вовсе нѣтъ. Отыскали мозаикъ, и очень много, но всѣ очень повреждены; даже не знаютъ до сихъ поръ, къ какому времени отнести. Антикваріи раздѣлились на двѣ партіи; одни относятъ ко временамъ Христіанства, другіе—къ языческимъ [1]). Но найдена у Porta Maggiore гробница булочника, которую [какъ объявляетъ самъ булочникъ въ надписи, имъ же сдѣланной] онъ воздвигъ себѣ и своей женѣ. Монументъ очень великъ [булочникъ былъ очень тщеславенъ]. На немъ барельефъ; на барельефѣ изображено печеніе хлѣба, гдѣ супруга его мѣситъ тѣсто. Прошлый годъ... но, можетъ быть, вы слышали объ этомъ?... нашелся одинъ спекуляторъ, который взялся рыть, съ тѣмъ чтобы найденными вещами дѣлиться пополамъ съ правительствомъ, а остальныя ему продавать. Онъ вырылъ нѣсколько гробницъ, множество золотыхъ и бронзовыхъ вещей; въ числѣ ихъ статуи четыре, скульптуры перваго [2]) и лучшаго вкуса. Они раздѣлились. Нашедшій взялъ на свою долю мало, но самыхъ отличныхъ. Правительство взяло много, но достоинствомъ хуже. Остальныя правительство оцѣнило и готовилось заплатить 5,000 скуди; но когда пришло дѣло до платежа, сколько ни рылось оно по своимъ старымъ карманамъ, ничего не нашло [3]), кромѣ нѣсколькихъ меццо-наоловъ, говорятъ, очень истертыхъ, и нашедшій продалъ почти все въ Англію, а лучшую изъ статуй купилъ король Баварскій [4]) за нѣсколько сотъ тысячъ и перевезъ въ Мюнхенъ.

Но довольно о старинѣ [5]). Въ Римѣ завелось очень много новостей. Здѣсь происходятъ совершенные романы, и совершенно во вкусѣ среднихъ вѣковъ въ Италіи [6]). Первый ро-

[1]) У Кулиша: «къ язычеству».

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «разряда».

[3]) У Кулиша: «не могло найти».

[4]) Короля Баварскаго, за его любовь къ искусству и пониманіе его Гоголь очень уважалъ, какъ показываетъ его письмо къ Языкову отъ 5 августа 1842 года.

[5]) Послѣ слова: «старинѣ» зачеркнуто: «поговоримъ или»...

[6]) У Кулиша предлогъ *въ* пропущенъ.

манъ... но героини его вамъ извѣстны. Это ваши пріятельницы, дѣвицы Конти, которыя, какъ вамъ извѣстно, очень плотны и толсты, и потому не [1]) любятъ ходить совершенно alla moda, и которыя всегда жаловались на самодержавіе [2]) своей матушки, не пускавшей ихъ всякій день въ церковь Св. Петра, когда́ очень много форестьеровъ. Итакъ [3]) дѣвицы Конти влюбились страшнымъ образомъ въ двухъ жандармовъ; но такъ какъ, по причинѣ того же самаго самодержавнаго [4]) правленія своей матушки, онѣ не могли видѣть часто своихъ любовниковъ, то [средство, какъ вы увидите, очень оригинальное] онѣ рѣшились задавать матушкѣ каждый день въ извѣстное время добрый пріемъ опіума и въ продолженіе того времени, какъ матушка спала, впускали къ себѣ своихъ жандармовъ. Одинъ разъ матушка [5]) еще [6]) не успѣла совершенно вздремнуть, одна изъ этихъ героинь — которая именно, не помню — сгорая нетерпѣніемъ видѣть своего жандарма, полѣзла къ ней подъ подушку доставать ключи. Мать проснулась и съ этихъ поръ усилила присмотръ, а дочки рѣшились усилить пріемъ опіума. Старуха никакъ не могла понять, отчего у ней кружится голова. Пріемы опіума, видно, были довольно велики. Она давно уже [7]) подозрѣвала, что дочери что-то съ ней дѣлаютъ, и рѣшилась одинъ разъ прикинуться спящею. Дочери вели преспокойно въ своей комнатѣ бесѣду съ своими любовниками, какъ вдругъ стучатъ въ дверь, и голосъ матери приказываетъ имъ отворить. Дочери спрятали ихъ какъ могли [8]); но, по разстроенному и испуганному ихъ виду, мать догадалась, что въ комнатѣ что-нибудь есть, начала искать, искать и вытащила изъ шкапа обоихъ [9]) жандармовъ. Выгнавши жандармовъ, мать заперла дочерей. Но дочери скоро нашли случай уйти и убѣжали въ монастырь. Оттуда онѣ написали письмо къ одному монсиньору, ихъ опекуну,

---

[1]) Въ подлинникѣ неясно: «не» или «же»; по смыслу слѣдуетъ читать: «не». (Такъ читалъ и Кулишъ).

[2]) Слово «самодержавіе» Кулишъ изъ цензурныхъ соображеній замѣнилъ словомъ: «самовластіе».

[3]) У Кулиша вмѣсто: «итакъ» стоитъ: «это».

[4]) У Кулиша опять вмѣсто *самодержавнаго* стоитъ: «самовластнаго».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «какъ-то не слишкомъ».

[6]) У Кулиша: «Одинъ разъ, когда матушка не успѣла».

[7]) У Кулиша: «уже давно».

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «двухъ любовниковъ».

[9]) Въ подлинникѣ: «обьихъ» (sic).

жалуясь на деспотизмъ своей матери и требуя, чтобъ ихъ выдали замужъ за жандармовъ. Монсиньоръ изъявилъ свое разрѣшеніе, и теперь объ Конти—супруги; живутъ и питаются рѣшительно одною любовью, потому что у жандармовъ нѣтъ ни копѣйки, а мать, съ своей стороны, не хочетъ дать ни меццобайока.

Другой романъ. Одинъ изъ фамиліи Doria [1]) влюбился до безумія въ одну дѣвушку сироту, хорошей, впрочемъ, фамиліи, а главное — прекрасную [2]) собою. Все дѣло было между ними улажено, и черезъ недѣлю свадьба, какъ вдругъ Дорія получаетъ извѣстіе, заставляющее [3]) его ѣхать въ Геную. Онъ проситъ свою невѣсту переѣхать на время въ монастырь, потому что онъ не желалъ бы ее знать [4]) до тѣхъ поръ въ свѣтѣ. Уѣзжаетъ въ Геную; оттуда пишетъ письмо, довольно страстное; жалуется на обстоятельства, которыя заставляютъ его пробыть немного долѣе; описываетъ ей великолѣпіе своего генуэзскаго дворца и приготовленія [5]), которыя онъ дѣлаетъ къ принятію ея. Изъ Генуи Дорій поѣхалъ въ Парижъ и оттуда написалъ письмо, менѣе страстное, и наконецъ [6]) увѣдомляетъ [7]) ее, что свадьба не можетъ между ними состояться, что она должна позабыть его, что дядя его не соглашается на этотъ союзъ. Бѣдная невѣста не сказала ни слова на это [8]), никакихъ укоризнъ, но черезъ пять дней умерла. Тѣло ея было выставлено въ одной изъ римскихъ церквей. Она и мертвая была прекрасна.

Третій романъ тоже съ Доріемъ, другимъ. Но не хочу болѣе сплетничать. Вы знаете о немъ, безъ сомнѣнія, изъ газетъ, потому что онъ былъ публикованъ. Въ Римѣ шумно, болѣе, нежели сколько бы желалось. Форестьеровъ гибель. Русскихъ, англичанъ, французовъ—хоть метлой мети. Это скучно. Вы знаете сами, что это скучно. Римъ мнѣ кажется теперь похожимъ на домъ, въ которомъ мы провели когда-то лучшее время нашей жизни и въ которой теперь пріѣзжаемъ, и находишь, что домъ продань; изъ оконъ выгля-

[1]) У Кулиша: «Доріевъ».
[2]) У Кулиша: «прекрасную»: въ подлинникѣ ошибка: «прекрасной».
[3]) У Кулиша: «извѣстія, заставляющія».
[4]) Такъ въ копіи М. П. Вагнеръ; у Кулиша: «видѣть».
[5]) У Кулиша: «пріуготовленія».
[6]) У Кулиша: «а наконецъ».
[7]) У Кулиша: «увѣдомилъ».
[8]) Послѣ этого въ копіи стоитъ съ знакомъ вопроса и въ скобкахъ: «не сдѣлала».

дываютъ какія-то глупыя лица новыхъ хозяевъ... словомъ, грустно.

Пишите ко мнѣ, не забывайте вашего обѣщанія. Пишите ко мнѣ не тогда, когда вамъ будетъ весело, но тогда, когда вамъ сдѣлается скучно, или, лучше, когда душа ваша пожелаетъ съ кѣмъ-нибудь раздѣлить [1]), когда вы почувствуете потребность передать именно кому-нибудь ваши [2]) мысли. Будь онѣ самыя сокровенныя, пишите ихъ смѣло: я ихъ сохраню, какъ секретъ. Еще одна просьба къ вамъ, и я васъ попрошу, чтобы (вы) [3]) попросили отъ меня тоже вашу маменьку: будьте такъ добры, навѣстите когда-нибудь моихъ сестеръ въ Патріотическомъ Институтѣ. Вы этимъ сдѣлаете имъ большое благодѣяніе. Можетъ быть, онѣ украдутъ что-нибудь изъ вашихъ прекрасныхъ качествъ; а это можетъ доставить имъ много радости въ жизни. Мнѣ часто становится грустно при мысли, что у нихъ никого нѣтъ изъ родныхъ близко. Если жъ вамъ не будетъ времени и вы будете заняты, то отправьте имъ это письмо, которое я при семъ прилагаю [4])...

LXVI. Къ М. П. Погодину.

1838 года, декабря 1. Римъ.

Я получилъ твое письмо, милый мой, писанное тобою [5]) отъ сентября на имя Валентини, вмѣстѣ съ секундами векселей. Я не отвѣчалъ на него тотчасъ потому, что ожидалъ перваго твоего письма, которое искало меня по всему Неаполю и Риму, и, какъ водится, вовсе не тамъ, гдѣ меня нужно было искать. Наконецъ я получилъ его и пишу къ тебѣ.

Благодарю тебя, добрый мой, вѣрный мой! много, много благодарю тебя! Далеко, до самой глубины души тронуло меня ваше безпокойство о мнѣ! Столько любви! столько

---

[1]) У Кулиша: «раздѣлиться».

[2]) Это слово у Кулиша пропущено.

[3]) Это слово пропущено у Кулиша и въ копіи М. П. Вагнеръ: очевидно, его нѣтъ въ подлинникѣ.

[4]) См. примѣч. къ письму сестрамъ отъ 15 октября 1838 г. стр. 529, (прим. 1-е).

[5]) Текстъ этого письма приведенъ въ «Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ» С. Т. Аксакова, именно: «Видя, что ты находишься въ нуждѣ, на чужой сторонѣ, я, имѣя свободныя деньги, посылаю тебѣ 2,000 р. ассигнаціями. Ты отдашь мнѣ ихъ тогда, когда разбогатѣешь, что, безъ сомнѣнія, будетъ» («Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 14).

заботъ! За что это меня такъ любитъ Богъ? Но грустно вмѣстѣ съ этимъ мнѣ было видѣть, но тяжело, невыносимо тяжело для сердца чувствовать... Боже, я недостоинъ такой прекрасной любви! Ничего не сдѣлалъ я! Какъ бѣденъ мой талантъ! Зачѣмъ мнѣ не дано здоровье? Громоздилось кое-что въ этой головѣ и душѣ, и неужели мнѣ не доведется обнаружить и высказать хотя половину его? [1]) Признаюсь, я плохо надѣюсь на свое здоровье.

Но въ сторону объ этомъ. Мнѣ было очень грустно узнать изъ письма твоего, что ты живешь не безъ непріятностей и огорченій... Литературныя разныя пакости, и особливо теперь, когда нѣтъ тѣхъ, на конхъ почіетъ надежда, въ состояніи навести большую грусть, даже, можетъ быть, отравить торжественныя и вдохновенныя минуты души. Ничего не могу сказать тебѣ въ утѣшеніе. Битву, какъ ты самъ знаешь, нельзя вести тому, кто благородно вооруженъ одною только шпагой, защитницей чести, противъ тѣхъ, которые вооружены дубинами и дрекольями. Поле должно остаться въ рукахъ буяновъ. Но мы можемъ, какъ первые христіане въ катакомбахъ и затворахъ, совершать наши творенія. Повѣрь, онѣ будутъ чище, прекраснѣе, выше.

Меня ты очень разжалобилъ Щепкинымъ. Мнѣ самому очень жалко его. Я о немъ часто думаю. Я даже, признаюсь, намѣренъ собрать черновые, какіе у меня есть, лоскутки истребленной мною комедіи и хочу что-нибудь изъ нихъ для него сшить [2]).

Кстати о «Ревизорѣ». Ты хочешь печатать «Ревизора» [3]). Мнѣ, признаюсь, хотѣлось бы немного обождать. Я началъ передѣлывать и поправлять нѣкоторыя сцены, которыя были написаны довольно небрежно и неосмотрительно. Я хо-

[1]) Какъ прекрасно сказались здѣсь печать высшей натуры и мученія высоко одареннаго человѣка!

[2]) Щепкинъ сильно тосковалъ о томъ, что на сценѣ почти не даются оригинальныя и талантливыя пьесы и особенно желалъ обновленія театральнаго репертуара какимъ-нибудь произведеніемъ Гоголя. Объ этомъ онъ и самъ говорилъ, писалъ и передавалъ это чрезъ Погодина. Подъ лоскутками истребленной комедіи разумѣются: «Утро дѣлового человѣка», «Лакейская» и «Отрывокъ и Тяжба», первоначально входившіе въ комедію «Владиміръ 3-й степени».

[3]) Погодинъ напечаталъ исправленныя сцены VI дѣйствія въ «Прибавленіяхъ къ изящной словесности», четвертой книжки «Москвитянина» на 1841 г., подъ заглавіемъ: «Новыя сцены къ комедіи «Ревизоръ» (см. соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 651).

тѣлъ бы издать его теперь исправленнаго и совершеннаго. Но если ты находишь, что второе изданіе необходимо нужно, и безъ отлагательства, то располагай по своему усмотрѣнію. Я не думаю, чтобы онъ доставилъ теперь большія деньги. Но если наберется около двухъ, или слишкомъ, тысячъ, то я буду очень радъ, потому что, признаюсь, мнѣ присланныя тобою деньги нѣсколько тяжелы: мнѣ все кажется, что ты отказалъ себѣ и что нуждаешься. Если за «Ревизора» дадутъ вдругъ деньги, то ты, пожалуйста, пополни ими нанесенную мною пустоту твоему кошельку, или отдай ихъ тому, у кого ты занялъ для меня.

Меня было очень обрадовали слухи о твоемъ намѣреніи пріѣхать на зиму въ Римъ, но твое письмо разрушило мою надежду. О твоемъ пріѣздѣ мнѣ писалъ Бодянскій [1]), къ которому я не могъ отвѣчать, потому что онъ мнѣ не далъ своего адреса. Я надѣялся съ нимъ увидаться въ Римѣ.

Ахъ, еще одна просьба! Я получилъ письмо, которое лежало, дожидаясь моего пріѣзда, 3 мѣсяца. Письмо это было молодого Аксакова [2]). Пожалуйста, обними его за меня, если увидишь, и скажи ему, что я очень благодаренъ ему за письмо и его доброе расположеніе ко мнѣ, и жалѣю весьма, что не получилъ его во-время и чрезъ то, можетъ быть, заставилъ его просидѣть лишній день въ Цюрихѣ, въ ожиданіи моего отвѣта. Передай также поклонъ доброму отцу его.

Прощай, мой добрый, мой милый, мой великодушный! Зачѣмъ я ничѣмъ не могу выказать мою благодарность!

LXVII. Къ сестрамъ Аннѣ Васильевнѣ и Елизаветѣ Васильевнѣ.

Декабря 4. (1838) [3]).

Благодарю васъ, любезныя сестрицы, за ваши приписочки, хоть, признаюсь, я въ правѣ бы ожидать отъ васъ

---

[1]) Письма Бодянскаго къ Гоголю и Гоголя къ Бодянскому не сохранились.

[2]) Константина Сергѣевича. Гоголь остался чрезвычайно доволенъ этимъ письмомъ, но не отвѣтилъ на него; въ немъ К. С. Аксаковъ горячо убѣждалъ Гоголя возвратиться въ Россію. (см. «Русскій Архивъ», 1890, VIII, стр. 14).

[3]) Это письмо впервые было напечатано нами въ «Матеріалахъ для біографіи», т. III, стр. 327.—Для опредѣленія года нѣтъ точныхъ данныхъ, но по содержанію и по тону видно, что оно писано уже взрослымъ дѣвушкамъ, вслѣдствіе чего письмо это можетъ быть скорѣе всего отнесено къ 1838 г., такъ какъ позднѣе Анна Васильевна и Елисавета Васильевна уже мало жили вмѣстѣ.

и больше, чѣмъ полстранички. Какъ бы то ни было, прошелъ цѣлый мѣсяцъ, нельзя же, чтобъ не случилось событій позначительнѣй пропажи клѣтчатаго фуляра. Вѣрно же приходятъ подчасъ и минуты тоски и того тяжелаго состоянія, когда хотѣлось бы найти хоть одну живую душу, чтобы передать ей это состояніе. Мнѣ кажется, что съ вами должны случаться такія минуты. Если вы меня любите, исполните одну мою просьбу, за которую послѣ скажете мнѣ большое спасибо. Не начинайте вашего дня иначе, какъ чтеніемъ одной главы изъ Апостольскихъ посланій, по порядку, какъ онѣ слѣдуютъ въ Евангеліи, начиная съ апостола Іакова. Но такъ старайтесь прочесть, чтобы все содержаніе прочитаннаго осталось въ головѣ, чтобы его мысленно вы себѣ припоминали одинъ разъ передъ обѣдомъ, одинъ разъ за обѣдомъ, одинъ разъ послѣ обѣда и сверхъ того всякій разъ передъ тѣмъ, когда вамъ захочется сильно поспорить о чемъ-нибудь и доказать, что правда на вашей сторонѣ. Ручаюсь вамъ, что ваша жизнь пройдетъ и ровнѣе, и спокойнѣе, и вы нечувствительно, сами не зная какъ, отвыкнете отъ многаго того, отъ чего бы хотѣли сами отвыкнуть и не имѣете силы. Дайте мнѣ обѣщаніе, мои добрыя сестры, исполнить честно и добросовѣстно мою просьбу, и я увѣрюсь тогда, что вы меня любите точно, не на словахъ, а на дѣлѣ.

Вашъ весь любящій братъ.

LXVIII. Къ матери.

Римъ. 10 декабря, 1838 [1]).

Письмо ваше, почтеннѣйшая маменька, писанное вами отъ 1 октября, я получилъ недѣлю тому назадъ; стало быть, 3 и 4 декабря, по здѣшнему стилю. Благодарю васъ за пріятное для меня извѣстіе о вашемъ препровожденіи времени во время бытности вашей въ Полтавѣ. Мнѣ было точно пріятно читать, что вы встрѣтили тамъ своихъ старыхъ знакомыхъ и, какъ кажется, провели время нескучно. Мнѣ даже было смѣшно нѣсколько, когда я добрался до того мѣста вашего письма, гдѣ поспорили за меня съ нѣкоторыми вашими пріятеля(ми) [2]). Пожалуйста, вы обо мнѣ не

[1]) Пропущенное мѣсто изъ этого письма (двѣ строки) дополнено по прежней моей выпискѣ изъ подлиннаго письма, находящагося въ Румянцовскомъ музеѣ.

[2]) Не дописано.

очень часто говорите съ ними, и особенно не заводите изъ-за меня никакихъ споровъ. Гораздо лучше будетъ и для васъ, и для меня, если на замѣчанія и толки о моихъ литературныхъ трудахъ вы будете отвѣчать: «Я не могу быть судьею его сочиненій, мои сужденія всегда будутъ пристрастны, потому что я его мать, но я могу сказать только, что онъ добрый, меня любящій сынъ, и съ меня этого [1]) довольно». И будьте увѣрены, что почтеніе другихъ [2]) усугубится къ вамъ вдвое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ко мнѣ, потому что такой отзывъ матери есть лучшая репутація [3]) человѣку, какую только онъ можетъ имѣть. Родители же, которые хвастаютъ сочиненіями своихъ сыновей, чрезвычайно наивны и смѣшны въ своей наивности. Я зналъ такихъ, которые мнѣ были очень смѣшны [4]). Я объ этомъ потому заикнулся, что въ моихъ сочиненіяхъ очень [5]), очень много грѣховъ, и тѣ, которые съ вами спорятъ, иногда бываютъ очень, очень справедливы. Я вамъ совѣтую иногда прочесть разборы въ «Библіоте(кѣ) для Чтенія» и «Сѣверн(ой) Пчелѣ» о моихъ сочиненіяхъ, и вы увидите, что ихъ вовсе не такъ хвалятъ, какъ вы объ нихъ думаете, и почти всегда эти замѣчанія справедливы. Но когда-нибудь въ другое время поговоримъ объ этой статьѣ.

Бѣдный Андрей Андреевичъ, какъ видно, очень плохъ въ своихъ хозяйственныхъ обстоятельствахъ. Нужно же ему было заводить тяжбу, которая его, безъ всякаго сомнѣнія, разоритъ! Мнѣ очень жаль его. Онъ былъ къ намъ добръ, и простить намъ долгъ, который былъ довольно значителенъ — это съ его [6]) стороны очень много показываетъ доброты [7]). Мнѣ, признаюсь, очень прискорбно, что у насъ мнѣніе составилось весьма несправедливое о человѣкѣ, о которомъ я у васъ спрашивалъ. Онъ былъ всегда мнѣ хорошимъ пріятелемъ и въ первое время моего пріѣзда въ

---

[1]) Слова: «этого» у Кулиша нѣтъ.

[2]) Это слово вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «говорящихъ».

[3]) Это слово вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «похвала».

[4]) Начиная отъ словъ: «родители же, которые хвастаютъ сочиненіями своихъ сыновей», у Кулиша небольшой пропускъ.

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «много».

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «дѣло».

[7]) Объ этомъ долгѣ см. письмо къ матери отъ 28 августа 1838 г., изъ Ливорно. Это былъ тотъ самый долгъ, по поводу котораго Гоголь упрекалъ мать за неосторожно данное слово: «Какъ вы можете божиться и давать честное слово, когда не имѣете никакой возможности его исполнить» и проч.

Петербургъ былъ для меня очень полезенъ, а что касается до толковъ о его умѣ, то мнѣ было это смѣшно, потому что у него его, по крайней мѣрѣ, болѣе гораздо, нежели у тѣхъ, которые о немъ составили такое мнѣніе.

Увѣдомьте меня пожалуйста, гдѣ находится Иванъ Данилевскій [1]), дома, или въ Петербургѣ, и чѣмъ занятъ. Напишите мнѣ слова два о моемъ Екимѣ [2]), что онъ подѣлываетъ, не избаловался ли, и помнитъ ли обо мнѣ? Скажите ему, если будетъ себя хорошо вести, то я ему привезу гостинецъ. А самое главное, вы мнѣ [3]) не написали ни слова объ Оленькѣ и почему она ко мнѣ ни разу не напишетъ...

LXIX. Къ А. С. Данилевскому [4]).

Римъ. 28 декабря [5]) (1838).

Не безсовѣстно ли тебѣ, не стыдно ли тебѣ не писать ко мнѣ! Трудно тебѣ развѣ было сдѣлать? одну строчку, только одну строчку, что я бы зналъ [6]) по крайней мѣрѣ, что ты живъ! Я никакъ не ожидалъ отъ тебя этого. Три письма—и ни на [7]) одно нѣтъ отвѣта! Но Богъ съ тобою, я прощаю тебя и этотъ разъ; только [8]) покайся, если у тебя есть капля любви, покайся! и сію же минуту за перо, и напиши ко мнѣ два, три слова, не болѣ, что ты здоровъ. Я чортъ знаетъ чего не передумалъ объ тебѣ въ эти дни! Богъ знаетъ, можетъ быть, и это письмо будетъ такъ же безуспѣшно, какъ и три предыдущія. Можетъ быть, ты уже не въ Парижѣ, а гдѣ-нибудь или въ Брюсселѣ, или въ иномъ городѣ Европы. Я бы писалъ къ тебѣ о многомъ, но по этому самому поводу не могу писать: не хочется даромъ терять словъ и чувствъ, не зная, услышитъ ли кто ихъ.

Если ты въ Парижѣ, то рекомендую тебѣ моихъ доб-

---

[1]) Иванъ Семеновичъ Данилевскій, братъ Александра Семеновича.

[2]) Якимъ, слуга Гоголя, жившій при немъ въ Петербургѣ.

[3]) Остальное въ настоящее время зачеркнуто.

[4]) Принадлежность этого письма безъ даты къ 1838 г. доказывается сопоставленіемъ съ слѣдующимъ: тамъ и здѣсь напр. Гоголь рекомендуетъ своему другу Межаковыхъ.

[5]) Въ подлинномъ письмѣ: «декабрь 28».

[6]) Такъ въ подлинномъ письмѣ (у Кулиша воспроизведено точно).

[7]) Это слово *на* вписано сверху.

[8]) Это слово *только* вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «не».

рыхъ пріятелей Межаковыхъ[1]), отца и сына: ты ими очень будешь доволенъ и, вѣрно, благодарить[2]) меня за знакомство. Пожалуйста, облегчи имъ и помоги сдѣлать скорѣе первое знакомство съ Парижемъ. Укажи, гдѣ и что̀ лучше и какъ что̀ нужно дѣлать, и проч. и проч.

Жду съ нетерпѣніемъ твоего отвѣта. Слово, полслова! но твоей руки и поскорѣе.

Въ первый разъ такъ сильно гнѣвный противъ тебя,

И. Г.[3])

LXX. Къ нему же.

31 декабря (1838)[4]). Римъ.

Наконецъ, слава Богу, я получилъ твое письмо. Ну, ты по крайней мѣрѣ живъ. Трогаетъ меня сильно твое положеніе. Видитъ Богъ, съ какою готовностью и радостью помогъ бы тебѣ, и радость эта была бы мое большое счастіе, но, увы!... что̀ дѣлать? Дѣлюсь по крайней мѣрѣ тѣмъ, что̀ есть: посылаю тебѣ билетъ въ 100 франковъ, который у меня долго хранился. Я не трогалъ его никогда, какъ-будто зналъ его пріятное для меня назначеніе[5]). На дняхъ я перешлю тебѣ черезъ Валентини франковъ, можетъ быть, 200. Ты, по полученіи этого письма, навѣдайся къ банкиру Ружемонту; отъ него ихъ получишь. Я, пріѣхавши въ Римъ, нашелъ здѣсь для меня 2000 франковъ отъ добраго моего Погодина[6]), который, не знаю, какимъ образомъ, пронюхалъ, что я въ нуждѣ, и прислалъ мнѣ ихъ. Они мнѣ были очень кстати,—тѣмъ болѣе ,что дали возможность уплатить долгъ Валентини, который лежалъ у меня на душѣ, и переслать эту бездѣлицу къ тебѣ.

Что̀ тебѣ сказать о Римѣ? Онъ такъ же прекрасенъ, об-

[1]) Межаковы—знакомые Гоголя, которыхъ онъ направилъ въ Парижѣ къ Данилевскому, какъ товарищу, съ рекомендательнымъ письмомъ. Они были вологодскіе помѣщики: отецъ былъ предводителемъ, а сынъ еще юноша (слышано отъ А. С. Данилевскаго).

[2]) У Кулиша: «благодаришь».

[3]) На оборотѣ адресъ: «à Paris, a monsieur Alexandre Danilewski, rue de Marivaux, № 11, au coin de boulevard des Italiens».

[4]) Этого письма нѣтъ у наслѣдниковъ Данилевскаго и не было уже при его жизни (въ 1887 г.). Печатается по изданію Кулиша съ прибавленіями изъ «Записокъ изъ жизни Гоголя» (I, стр. 244).

[5]) Деньги эти, какъ мы знаемъ, Гоголь получилъ отъ Погодина, но изъ дружеской деликатности онъ присылку Погодина объясняетъ его предупредительностью и умалчиваетъ о своей просьбѣ.

[6]) См. выше, стр. 520.

ширенъ, такое же роскошное обиліе предметовъ для жизни духовной и всякой). Но, увы! притупляются мои чувства, не такъ живы мои... Здѣсь теперь гибель, толпа страшная иностранцевъ, и между ними не мало русскихъ. Изъ моихъ знакомыхъ здѣсь Шевыревъ, Чертковъ; прочіе незначительные, то есть, для меня. На дняхъ пріѣхалъ наслѣдникъ, а съ нимъ вмѣстѣ Жуковскій. Онъ все такъ же добръ, такъ же любитъ меня. Свиданье наше было трогательно: онъ весь полонъ Пушкинымъ. Наслѣдникъ, какъ извѣстно тебѣ, имѣетъ добрую душу.—Всѣ русскіе были приглашены къ его столу на второй день его пріѣзда.

Ты спрашиваешь о моемъ здоровьи — — Плохо, братъ, плохо; все хуже, — чѣмъ дальше, все хуже. Таковъ законъ природы. Болѣзненное мое расположеніе рѣшительно мѣшаетъ мнѣ заниматься. Я ничего не дѣлаю и часто не знаю, что̀ дѣлать съ временемъ. Я бы могъ проводить теперь время весело, но я отсталъ отъ всего, и самимъ моимъ знакомымъ скучно со мною, и мнѣ тоже часто не о чемъ говорить съ ними. Въ брюхѣ, кажется, сидитъ какой-то дьяволъ [1]), который рѣшительно мѣшаетъ всему, то рисуя какую-нибудь соблазнительную картину неудобосваримаго обѣда, то... Ты спрашиваешь, что̀ я такое завтракаю. Вообрази, что ничего! Никакого не имѣю аппетита по утрамъ, и только тогда, когда обѣдаю, въ 5 часовъ, пью чай, сдѣланный у себя дома, совершенно на манеръ того, какой мы пивали въ кафе anglais, съ масломъ и прочими атрибутами. Обѣдаю же я не въ Лепре, гдѣ не всегда бываетъ самый отличный матеріалъ, но у Фалькона,—знаешь, что̀ у Пантеона? гдѣ жареные бараны поспорятъ, безъ сомнѣнія, съ кавказскими, телятина болѣе сыта, а какая-то crostata съ вишнями способна произвесть на три дни слюнотеченіе у самаго отъявленнаго объѣдала (sic). Но, увы! не съ кѣмъ дѣлить подобнаго обѣда. Боже мой! еслибы я былъ богатъ, я бы желалъ... чего бы я желалъ? чтобъ остальные дни мои я провелъ съ тобою вмѣстѣ, чтобы приносить въ одномъ храмѣ жертвы [2]), чтобы сразиться иногда въ биліардъ послѣ чаю, какъ — помнишь? — мы игрывали не такъ давно... и какое между нами вдругъ разстояніе! Я игралъ потомъ въ биліардъ здѣсь, но какъ-то не клеится, и я бросилъ.

[1]) Ср. слова В. П. Репниной о томъ, что она и ея родные, въ бытность съ Гоголемъ въ Castellamare, «жили въ его желудкѣ». (См. «Матеріалы для біографій», т. III, стр. 415).

[2]) См. выше, стр. 534, примѣч. 4-е.

Ни съ кѣмъ не хочется, какъ только съ тобой. Чувствую, что ты бы наполнилъ дни мои, которые теперь кажутся пусты. Но зачѣмъ отчаиваться? Вѣдь мы сколько разъ почти прощались навсегда, а между тѣмъ встрѣчались-таки и благодарили Бога. Богъ дастъ, еще встрѣтимся и еще проживемъ вмѣстѣ.

Филиппъ [1]), брошенный тобою невзначай въ твоемъ письмѣ, выглядываетъ оттуда очень пріятно. Но adieu великолѣпнѣйшій кафе въ необъятныхъ чашкахъ! Къ madame Hochard я рекомендовалъ многимъ русскимъ [2]) (sic). Одинъ изъ нихъ, Межаковъ [3]), я думаю, уже вручилъ тебѣ мое письмо, исполненное самыхъ сильныхъ укоризнъ, которыхъ, впрочемъ, ты стоилъ, какъ и самъ сознался.

Я получилъ письмо отъ маменьки. Она пишетъ, — — что въ Полтавѣ дожидалась очень долго, съ тѣмъ, чтобы дождаться, какъ будутъ давать «Ревизора» на какомъ-то тамошнемъ театрѣ и что крѣпостный олухъ, посланный объ этомъ освѣдомиться, перевралъ и перепуталъ, и ничего не добился, и что онѣ, вмѣсто этого, попали на Шекспирова «Гамлета», котораго выслушали всего, и на другой день, къ несказанному удовольствію ихъ, т. е. маменьки и сестры, узнали, что будутъ играть «Ревизора», и отправились тотъ же вечеръ. Воображаю, что «Ревизоръ» долженъ быть во всѣхъ отношеніяхъ игранъ злодѣйскимъ образомъ, потому что даже сама маменька, женщина, какъ тебѣ извѣстно, очень снисходительная, говоритъ, что слугу играли изрядно, а прочіе, по способностямъ, какъ могли, чѣмъ богаты, тѣмъ были и рады. По нѣсколь(кимъ) нечаянно сказаннымъ словамъ въ письмѣ маменьки, я могъ также замѣтить, что мои соотечественники, т. е. полтавской губерніи, терпѣть меня не могутъ.

Но прощай. Цѣлую тебя несчетное множество разъ. Пожалуйста, не забывай писать почаще. Кланяйся Козлову [4])

---

[1]) О Филиппѣ см. примѣч. къ письму изъ Рима 1838, начинающемуся словами: «Не стыдно ли тебѣ? не совѣстно ли?» (выше, стр. 537). Въ «Запискахъ о жизни Гоголя», I. стр. 245 забавная опечатка: «филинъ»; въ изданіи писемъ вѣрно.

[2]) У madame Hochard снимали многіе изъ нихъ комнаты.

[3]) См. примѣч. къ письму отъ 28 декабря (стр. 534).

[4]) Козловъ, Николай Иларіоновичъ—извѣстный медикъ, впослѣдствіи начальникъ медицинской академіи (или же братъ его Аполлонъ Иларіоновичъ).

и скажи, однакожъ, что это неблагородно съ его стороны: я его просилъ, садясь въ дилижансъ, такъ убѣдительно, такъ сильно, и онъ мнѣ далъ слово провесть ту ночь въ моей комнатѣ и не оставлять тебя во весь тотъ вечеръ, а онъ... мелкая душонка, стправился къ себѣ, изъ мужицкаго чувства — быть болѣе à son aise. Какъ въ одной чертѣ можетъ отразиться ничтожность характера и недостатокъ чувствъ, сколько-нибудь глубокихъ!

Краткій обзоръ содержанія писемъ 1839 года.

Въ первой половинѣ этого года въ Римъ пріѣзжаютъ многіе изъ самыхъ близкихъ Гоголю людей, какъ напр. Жуковскій и Погодинъ; въ это же время онъ сближается съ пріѣхавшимъ также въ Римъ Шевыревымъ. Изъ пріѣхавшихъ въ Римъ знакомыхъ онъ особенно сходится съ умирающимъ Іосифомъ Віельгорскимъ, но Віельгорскій недолго борется съ злой чахоткой и Гоголь лишается новаго друга. Онъ сильно потрясенъ постигшимъ его несчастіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ здоровье его сильно разстраивается, и онъ особенно жалуется на жестокія желудочныя боли и страданія. Вся вторая половина года очень неудачна для Гоголя: ему приходится, по причинѣ крайней непрактичности сестеръ, только-что кончившихъ курсъ институтокъ, ѣхать за ними въ Россію, чтобы озаботиться ихъ судьбой и отвезти ихъ домой въ деревню, или устроить у кого-нибудь въ Москвѣ. Гоголю сильно не хочется предпринимать далекую и разорительную для него поѣздку, но отклонить ее нѣтъ никакой возможности, и приходится покориться судьбѣ. По пріѣздѣ съ Погодинымъ въ Москву онъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, гдѣ ему пришлось пробыть около мѣсяца; онъ крайне недоволенъ и неудержимо стремится въ Москву, куда ему удается попасть только въ самомъ исходѣ 1839 года.

LXXI. Къ княжнѣ В. Н. Репниной [1]).

Римъ. 1839, генваря 18.

Всѣми святыми клянусь, не знаю, какъ благодарить васъ, княжна, за ваше милое письмо и за то, что вы меня потрудились увидѣть во снѣ! Я съ такимъ любопытствомъ читалъ вашъ сонъ, что мнѣ казалось, будто бы я самъ спалъ въ это время, или лучше сказать—я не могу [2]) ясно

---

[1]) Это письмо перепечатано изъ «Сына Отечества», 1856 года, стр. 186, и потому въ собственныхъ именахъ оставлены тѣ сокращенія, какія найдены тамъ, такъ какъ не объяснено, кто ихъ сдѣлалъ. *Примѣч. перваго изданія.* Имена эти не могла намъ разъяснить сама В. Н. Репнина.

[2]) Въ «Сынѣ Отечества» отмѣчено, что послѣ этого слова зачеркнуто: «разобрать и...»

отличить его отъ дѣйствительности, и мнѣ кажется, что я дѣйствительно пилъ Аликанто. Но вы, княжна, начали писать ко мнѣ первыя, — я бы не простилъ себѣ такого неучтивства. Письмо мое изъ Рима я послалъ за вами въ погоню въ Пизу, пятью или шестью днями послѣ вашего отъѣзда. По ему, какъ вижу, досталась несчастная участь — не попасться въ ваши руки. Какой-нибудь impiegato на почтѣ, которому, вѣрно, дурно платятъ, понуждаемый голодомъ, проглотилъ его вмѣсто шекола да. Да не варитъ его желудокъ за это ничего болѣе, кромѣ финиковъ! и да будетъ онъ за это въ 40 лѣтъ плѣшивъ, какъ Чекини, музыкальный учитель, то-есть В—вой!

Сюда дошли слухи, что вы довольны Пизой, что здоровье князя [1]) значительно улучшилось, но мнѣ непріятно было слышать, что у васъ комната холодна. Хотя у насъ, то есть въ благословенной небесами Италіи, комната не нужна вовсе и, глядя на небо, синее, осіянное солнцемъ, бѣжитъ прочь всякая мысль о холодѣ; но... вы любите сидѣть въ комнатѣ, и мнѣ очень досадно, что она холодна. Мнѣ также страшно за васъ въ разсужденіи того, что Пиза теперь, говорятъ, потоплена и запружена несчетнымъ множествомъ разныхъ мисъ, Джонъ-пудинговъ, бульдоговъ и прочихъ англицкихъ джентльменовъ, въ разныхъ переплетахъ и сюртукахъ. Боюсь, чтобы это шипѣніе и визгъ заржавленныхъ желѣзныхъ побрякушекъ, которое въ простонародіи называется англицкимъ языкомъ, не произвело какого-нибудь непріятнаго вліянія на ваши нервы. Но... Богъ милостивъ и можно надѣяться, что этого не случится.

Сколько у васъ въ Пизѣ англичанъ, столько у насъ въ Римѣ русскихъ. Всѣ они, по обыкновенію, очень бранятъ Римъ за то, что въ немъ нѣтъ отелей и магазиновъ, такихъ какъ въ Парижѣ, и кардиналы не даютъ баловъ. Одинъ нашъ землякъ, безъ сомнѣнія, знакомый вамъ, Б—скій [2])

---

[1]) Николая Григорьевича, отца княжны Варвары Николаевны.

[2]) В. Н. Репнина думала, что здѣсь рѣчь идетъ о Базилевскомъ, о которомъ она говорила, что онъ былъ большой оригиналъ: но еще страннѣе была мать его, отличавшаяся безусловною скупостью. У нея при Александрѣ I былъ цѣлый сундукъ съ ассигнаціями, который она тщательно хранила. Когда потомъ счетъ на ассигнаціи былъ замѣненъ счетомъ на серебро, то ихъ надо было размѣнять, и всѣ онѣ оказались сгнившими. Когда княжна Репнина гостила у нея съ матерью, то она изъ какого-то безсмысленнаго опасенія даже спала на своемъ завѣтномъ сундукѣ. У нея было два сына: старшій былъ полковникъ и жестоко обращался съ солдатами: другой, жена-

[тотъ, который потолще], за игрою въ вистъ спросилъ: «А гдѣ находится Ватиканъ?» Когда игравшіе съ нимъ изумились такому неожиданному вопросу, онъ, нимало не смутившись, сказалъ, что это ничуть не удивительно, ибо онъ нѣтъ и двухъ недѣль, какъ въ Римѣ, и потому очень мудрено въ такое короткое время все знать. Впрочемъ, это небольшое невѣжество онъ очень скоро поправилъ и изумилъ свѣдѣніями, которыхъ никто въ немъ не предполагалъ. Когда повелъ его чичероне [1]) въ церковь Петра, онъ немедленно спросилъ: «А гдѣ же Павелъ? Вѣдь тутъ и Павелъ долженъ быть». И когда кустодъ началъ ему объяснять, что Павелъ дѣло совершенно другое и находится въ другой сторонѣ города, то нашъ соотечественникъ такъ началъ ему говорить сильно и убѣдительно, что самъ чичероне наконецъ убѣдился, что, точно, и Павелъ долженъ быть тутъ. Много было и другихъ разныхъ анекдотовъ, но «*на одномъ гвоздѣ всего не повѣсишь*» [2]), говоритъ русская пословица. Сегодня отвалъ русскихъ въ Неаполь. Великій князь ѣдетъ сегодня и потому все плетется вслѣдъ [3]).

Вы заботитесь и спрашиваете о моемъ здоровьи. Да хранитъ васъ Богъ за вашу доброту и расположеніе! О здоровьи моемъ я теперь не думаю вовсе: право, наскучило. Я же такъ теперь счастливъ пріѣздомъ Жуковскаго, что это одно наполняетъ меня всего. Свиданіе наше было очень трогательно. Первое имя, произнесенное нами, было—Пушкинъ. Понынѣ чело его облекается грустью при мысли объ этой утратѣ. Мы почти весь день вмѣстѣ обсматривали Римъ съ утра до ночи, исключая тѣхъ дней, въ которые онъ обязанъ дѣлать этотъ курсъ съ наслѣдникомъ [4]). Онъ весь упоенъ Римомъ, и только жалѣетъ на короткость времени. Появленіе его здѣсь для меня точно сновидѣніе.

тый на Грессеръ, племянницѣ министра двора, П. М. Каменскаго, былъ необыкновенно ревнивъ. У него, хотя онъ былъ молодъ, были вставные зубы и парикъ и, ложась спать, онъ весь, такъ сказать, разбирался на кусочки. Это семейство часто возбуждало насмѣшки Гоголя и Репниныхъ.

[1]) Гоголь всегда писалъ: «чичерони».

[2]) Гоголь часто любилъ употреблять это выраженіе, напр. въ письмѣ къ Щепкину отъ ноября 1842 г., начинающееся словами: «Только-что получилъ ваше письмо, Михаилъ Семеновичъ, отъ 24 октября»...

[3]) Начиная отъ словъ: «великій князь», у Кулиша пропущено; дополняемъ по тексту «Сына Отечества».

[4]) Послѣднія слова, начиная отъ словъ: «исключая тѣхъ дней», у Кулиша пропущены; дополняемъ по тексту «Сына Отечества».

Наслаждаюсь своимъ сномъ и боюсь и подумать о пробужденіи. Получаете ли вы извѣстія отъ Балабиныхъ? я не знаю рѣшительно, что они теперь дѣлаютъ. Я увѣренъ совершенно, что письмо мое, которое я вручилъ княгинѣ [1]), дошло до нихъ исправно, но отвѣта я не получаю вовсе никакого. Напишите мнѣ подробно обо всемъ: то есть, какъ вы проводите день вашъ, какъ веселитесь, какъ скучаете, какъ васъ терзаютъ англичане, словомъ—все. Вы знаете, что все это очень, очень интересно для меня. Я о васъ думаю часто, очень часто, и молюсь за васъ; не знаю, доходятъ ли только мои грѣшныя молитвы. Будьте же здоровы и не забывайте признательно помнящаго васъ всякую минуту

Гоголя.

Прошу васъ убѣдительно не позабыть засвидѣтельствовать мое глубокое почтеніе князю и княгинѣ [2]).

LXXII. Къ А. С. Данилевскому.

5 февраля (1839). Римъ.

Я получилъ письмо твое. Оно, по обыкновенію, принесло мнѣ много радости, потому что письма отъ тебя всегда приносятъ мнѣ радость. Но я вспоминаю и думаю чаще о тебѣ, нежели ты (о) [3]) мнѣ. Твое письмо начинается такъ: «Четыре или пять дней, какъ я получилъ письмо твое и деньги», и проч. Я не такъ дѣлаю: я положилъ навсегда для себя правиломъ писать къ тебѣ того же дня [4]) по полученіи твоего письма, какія бы ни были препятствія. Нѣтъ нужды [5]), что не наберется еще матеріаловъ для наполненія страницы. Она не должна наполняться вовсе, если только нужно искать, чѣмъ бы ее наполнить. Лучше пять или шесть строкъ, но именно тѣ, которыя родились чтеніемъ письма. А главное—не нужно запускать. Это вѣрно. Въ первую минуту, покамѣстъ горячо, всегда больше и лучше, и нужнѣе [6]) напишешь. Мы приближаемся съ тобою [высшія силы, какая это тоска!] къ тѣмъ лѣтамъ, когда ухо-

---

[1]) Волконской, теткѣ В. Н. Репниной.

[2]) Родителямъ Варвары Николаевны Репниной.

[3]) Этого слова въ подлинникѣ нѣтъ.

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «какъ».

[5]) Слово: «нужды» вписано сверху строки.

[6]) Въ подлинникѣ: «нужнѣе», но не отчетливо. П. А. Кулишъ прочелъ: «путнѣе» (т. V, стр. 357).

дятъ на дно глубже наши живыя впечатлѣнія и когда наши ослабѣвающія, деревянѣющія [1]) силы, увы! часто не въ силахъ вызвать ихъ внаружу [2]) такъ же легко, какъ онѣ прежде вспывали сами, почти безъ зазыву. Мы ежеминутно должны бояться, чтобы кора, насъ облекающая, не окрѣпла и не обратилась наконецъ [3]) въ такую толщу, сквозь которую имъ въ самомъ дѣлѣ никакъ нельзя будетъ пробиться. Употребимъ же, по крайней мѣрѣ, все, (чтобы) [4]) спасти [5]) ихъ [6]) хотя бѣдный остатокъ. Пусть мы будемъ имѣть хотя нѣсколько минутъ, въ которыя будемъ свѣжи и молоды. Пусть же мы встрѣтимъ нашу юность, наши живыя, молодыя лѣта, наши прежнія чувства, нашу прежнюю жизнь, — пусть же все это мы встрѣтимъ въ нашихъ письмахъ! Пусть хотя тамъ мы предадимся [7]) лирическому сердечному излiянію, котораго [8]) бѣднаго гонять, которому заклятые враги пошлость глупѣйшаго препровожденія времени, презрѣнная идея обѣда, рисующаяся со времени поднятія съ постели, роковыя 30 лѣтъ, гнусный желудокъ и всѣ гадости потухающаго черствaго разсудка. Итакъ вотъ ужъ причина, по которой мы должны писать скоро, вдругъ свои письма, покамѣстъ не простыла рысь.

Я радъ, очень радъ, что тебѣ присланная мною небольшая помощь пришлась въ-пору. Я точно въ разсужденіи этого всегда бывалъ счастливъ. Ко мнѣ Богъ бывалъ всегда особенно милостивъ и давалъ мнѣ чувствовать большія наслажденія. Сколько припомню, все посылаемое мною бывало какъ-то тебѣ кстати. Я радъ [9]) еще больше, что процессъ наконецъ выигранъ и что мерзавецъ жидъ наконецъ-таки наказанъ достойнымъ образомъ, и такимъ образомъ все-таки вышло на старый манеръ, что порокъ попранъ, а добродѣтель восторжествовала. Но дурно, что ты не пишешь, что теперь предпринимаешь дѣлать, когда и въ какое время собираешься ѣхать; безъ сомнѣнія, не иначе, какъ весною. Не встрѣтимся ли мы опять гдѣ-нибудь съ тобою? Я думаю ѣхать на воды въ Маріенбадъ. Еще одинъ разъ хочу попытаться.

---

[1]) Слово: «деревянѣющія» у Кулиша пропущено.
[2]) Въ подлинникѣ: «внаружу»; у Кулиша: «наружу».
[3]) Слово: «наконецъ» приписано сверху строки.
[4]) Этого слова въ подлинникѣ нѣтъ.
[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «этотъ».
[6]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «оста(токъ)».
[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «хотя».
[8]) Переправлено изъ: «которую».
[9]) Послѣ этого зачеркнуто: «очень».

Желудокъ мой наконецъ меня совершенно вывелъ изъ терпѣнія. Право, нѣтъ мочи наконецъ. И теперь онъ наконецъ въ такомъ дурномъ состояніи, какъ никогда. Даже досадно, право: для Рима, для этого прекраснаго Рима, и вдругъ пріѣхать съ такимъ гнуснымъ желудкомъ! Слышишь, видишь [1]), какъ вызываетъ все на жизнь, на чудное наслажденіе, а между тѣмъ у тебя въ брюхѣ сидитъ дьяволъ. Римъ! прекрасный Римъ!.. Ты помнишь ли его знойную Piazza di Spagna, кипарисы, сосны, Петра и дубъ Тасса, гдѣ мы простились, и тво(я) [2]) purificatione? Я начинаю теперь вновь чтеніе Рима, и, Боже! сколько новаго для меня, который уже въ четвертый разъ читаетъ его! Это чтеніе теперь [3]) имѣетъ двойное наслажденіе, оттого что у меня теперь прекрасный товарищъ. Мы ѣздимъ каждый день съ Жуковскимъ, который весь влюбился въ него и который, увы! черезъ два дни долженъ уже оставить его. Пусто мнѣ сдѣлается безъ него! Это былъ какой-то небесный посланникъ ко мнѣ, какъ тотъ мотылекъ, имъ описанный, влетѣвшій къ узнику, хотя Римъ ни въ какую минуту горя нельзя назвать темницею, хотя бы [4]) бѣдствовать въ немъ въ томъ [5]) состояніи, какъ ты бѣдствовалъ въ Парижѣ, не имѣть байока въ карманѣ и имѣть процессъ за перехваченныя деньги съ жидомъ. До сихъ поръ я больше держалъ въ рукѣ кисть, чѣмъ перо. Мы съ Жуковскимъ рисовали на лету лучшіе виды Рима. Онъ [6]) въ одну минуту рисуетъ ихъ по десяткамъ, и чрезвычайно вѣрно и хорошо.

Я живу, какъ ты, вѣрно, знаешь, въ томъ же домѣ и той же улицѣ, via Felice, № 126 [7]). Тѣ же самыя знакомыя лица вокругъ меня; тѣ же нѣмецкіе художники, съ узень-ки(ми) [8]) рыженькими бородками, и тѣ же козлы, тоже съ узенькими бородками; тѣ же разговоры и о томъ (же) [9])

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «все».

[2]) Кулишъ исправляетъ: «твое».

[3]) Слово: «теперь» пропущено у Кулиша; оно стоитъ между зачеркнутыми сверху словами: «для меня» и зачеркнутыми внизу: «тѣмъ же».

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «жить».

[5]) Слова: «въ томъ» приписаны сверху строки.

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «имѣетъ».

[7]) У Кулиша опечатка: 127; въ подлинникѣ ясно: 126. Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» вѣрно: 126 (т. I, стр. 248).

[8]) Не дописано.

[9]) Не дописано.

говорятъ, высунувшись изъ оконъ, мои сосѣдки: такъ же раздаются крики и лепетанія Аннунціатъ, Розъ, Дындъ, Панпъ и другихъ, въ шерстяныхъ капотахъ и притоптанныхъ башмакахъ, несмотря на холодное время. Зима въ Римѣ холодна, какъ никогда; по утрамъ морозы, но днемъ солнце, и морозъ бѣжитъ прочь, какъ бѣжитъ отъ свѣта тьма. Я, однакожъ, теперь совершенно привыкъ къ холоду и даже въ комнатѣ не ставлю скальдины. Одно солнце ее нагрѣваетъ. Теперь начался карнавалъ; шумно, весело. Нашъ Его Высочество доволенъ чрезвычайно, и разъѣзжая въ блузахъ вмѣстѣ съ свитою [1]), бросаетъ муку [2]) въ народъ корзинами и мѣшками и во что ни попало.

Пожалуй(ста), мой милый, пиши мнѣ сію же минуту, и напиши все, что̀ ни дѣлаешь ты, хотя бы это было ничего больше, какъ только то, что ты сегодня хорошо позавтракалъ и прочиталъ въ газетахъ какую-нибудь статью, — о всемъ, о всемъ. Я оканчиваю письмо не потому, что не хочется дѣлать пакета, но потому, что не хочется задержать [3]) сего и чтобы черезъ то ты не получилъ его позже.

Приписка сверху первой страницы письма.

Поклонись отъ меня Квиткѣ, Мантейфелю и Дмитрію Толстому, также обѣимъ (sic) Межаковымъ, и скажи отцу, что я очень интересенъ знать (sic), какъ онъ проводитъ время въ Парижѣ.

LXXIII. Къ нему же.

Римъ. 12 февраля (1839).

Получилъ твое письмо третьяго дня чрезъ Лейнголь(да) [4]). Оно было для меня очень интересно по небольшимъ извѣстіямъ о тебѣ, а также о Васькѣ [5]), Базили [6]) и Аѳанасіи [7]). Ну, теперь чего тебѣ еще хочется? Протекція и все тебѣ готово; только тебя недостаетъ. Петербургъ, ка-

---

[1]) Начиная отъ словъ: «Его Высочество» см. также въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (I, стр. 248), но слова: «вмѣстѣ со свитою» тамъ опущены.

[2]) Послѣ слова: «муку» зачеркнуто на ходу письма: «корз(инами)».

[3]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «и не посла(лъ)».

[4]) Не дописано.

[5]) Василій Яковлевичъ Прокоповичъ.

[6]) Въ подлинникѣ: «Базилъ» (sic); у Кулиша: «Базинъ» (sic).

[7]) Слуга Данилевскаго.

жется, наконецъ рѣшается къ тебѣ осклабиться и протянуть радушныя объятія. Но годишься ли ты теперь для Петербурга? Много переродили три года [1])... Благодарю также за парижскія новости. Очень радуюсь, что Филиппъ [2]) подхватилъ какую-то, которую я не разобралъ. Клотильдѣ за поклонъ тоже благодаренъ. Кстати, я думаю, уже ты ..... ее, и тѣмъ болѣе, что оно очень близко, кажется, только черезъ кухню. Квитка же, какъ кажется, не можетъ тебѣ мѣшать. Я слышалъ, что у него какая-то есть постоянная, у которой онъ — —. M-me Hochard, въ отвѣтъ на ея тысячу любезностей, посылаю ей другую тысячу такихъ же.

Догадки твои, что я счастливецъ и наслаждаюсь каждый день воздухомъ и полднемъ въ Монте-Пинчіа (sic), не совсѣмъ справедливы. На Монте-Pincio я не захожу вовсе. Я не люблю его, когда онъ набитъ англичанами и иностранцами. Мои прогулки простираются гораздо далѣе, глубже въ поле. Чаще посѣщаю я термы Каракаллы, Roma Vecchia, съ ея храмами и гробницами и открытыми полями. Villa Matei, Villa Milz... и проч. и проч. Дни настали чудные, погода удивительная.

Пріятели твои, которымъ ты [3]) рекомендуешь показывать древности, люди, какъ я замѣтилъ по полету [4]), не такого десятка, чтобы углубляться въ древности, а напротивъ, кажется, болѣе охотники до новостей; и потому я имъ рекомендовалъ ѣхать въ Неаполь, гдѣ они, безъ сомнѣнія, найдутъ себѣ болѣе пищи и проведутъ время гораздо лучше, чѣмъ постомъ въ Римѣ.

Я, какъ уже тебѣ извѣстно, проводилъ все время съ Римомъ, то-есть, съ его развалинами, природою и Жуковскимъ, который теперь только уѣхалъ и оставилъ меня сиротою, и мнѣ сдѣлалось въ первый разъ грустно въ Римѣ. Здоровье мое... не стоитъ говорить о немъ.

Къ тебѣ просьба убѣдительная: пожалуйста, пришли мнѣ съ кѣмъ-нибудь изъ русскихъ, которые будутъ отправляться въ Италію, нѣсколько красокъ фабрики Panio, на меду, кружками, какіе—помнишь?—я покупалъ въ бытность мою

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «Ты пишешь, что угадываешь... Очень радъ».

[2]) Слуга въ ресторанѣ.

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «меня».

[4]) Прежде было: «по глазамъ».

въ Парижѣ. Онѣ продаются въ красоч(номъ) [1]) магазинѣ, въ Rue de Petits champs, близко Rue de la Paix. Впрочемъ ихъ можно найти во всякомъ магазинѣ. Продаются они по 4, или *по пяти су* каждая, исключая нѣкоторыхъ, которыя подороже. Цвѣта слѣдующіе: берлинская лазурь, охра простая, охра жженая [brulée], индиго, кобольдъ, гумми-гутъ, баканъ [lac], teinte neutre, ultramarine, черную и самую темную кофейную [2]),—всякой по два кружка, которые совѣтую лучше положить въ деревянный ящикъ [3]), если же ихъ завернуть просто въ бумагу, то онѣ могутъ прилипнуть къ ней, и будетъ трудно отдирать. Пожалуйста, не позабудь и будь на этотъ разъ исправенъ, такъ какъ я исправенъ въ отношеніи къ тебѣ. Ты меня этимъ очень обяжешь.

Еще одно. Нельзя ли тебѣ сходить къ M-lle Josefine Turninger... Но не хочу [4]) давать этой комиссіи: боюсь тебя обременить, и ты тогда, безъ сомнѣнія, ни одной не исполнишь.

Теперь о самомъ важномъ дѣлѣ. У какого жреца [5]) ты завтракаешь и такую ли, ту же ли живую охоту чувствуешь ты и аппетитъ, то-есть, вмѣстѣ [6]), или... [7]) аппетитные серебряные кофейни(ки съ) [8]) большими длинными клевами? Ужъ (нѣтъ) [9]) ли какихъ новыхъ открытій? проклятые храмы [9]) между прочимъ доканали мой ж(елудокъ) [10]). Братецъ, какое теперь небо въ Римѣ! ка(къ оно) [11]) чудно глядитъ на меня въ эту самую м(инуту), [12]), какъ пишу къ тебѣ! Зачѣмъ ты т(еперь) [13]) не въ Римѣ? Пора бъ тебѣ жизнь чувстве(нную) перемѣнить на духовную, naplevat [14]) на женщинъ и на храмы, mangiare poco e respirar

---

[1]) Не дописано.
[2]) Всѣ эти названія въ подлинникѣ подчеркнуты.
[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «иначе».
[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «тебѣ».
[5]) Т. е. въ какомъ ресторанѣ.
[6]) Эти три слова вписаны сверху.
[7]) Здѣсь вырвано одно слово, пропущенное и у Кулиша. Потомъ на ходу письма зачеркнуто: «сере(бряные)».
[8]) Оторвано.
[9]) Тоже.
[10]) Рестораны.
[11]) Оторвано.
[12]) Тоже.
[13]) Тоже.
[14]) Въ подлинникѣ болѣе рѣзкое выраженіе.

una dolcissima aria e così vivere. Пора, пора [1]) вонъ чорта, который сидитъ въ брюхѣ и (подстрекаетъ на разныя похоти. Въ [2]) одномъ завидую (о тебѣ): ты слушаешь оперу. Пожалуйста, разскажи, что тамъ теперь бываетъ и какія новости. Здѣсь давали оперу новую. Авторъ Фридрихъ.... [3]). Заглавіе: «Эдинбургская Темница». Музыка прелестная! Послѣ Россини, я ничего не слышалъ лучше. У васъ въ Парижѣ ее чудно исполнятъ: а здѣсь этотъ годъ труппа не то, что была назадъ тому годъ, о которой ты уже знаешь изъ моихъ разсказовъ и похвалъ. Но прощай, покамѣстъ, мой безцѣнный! Не забывай меня и пиши почаще.

Весь твой *Гоголь*.

Ты меня спрашиваешь, гдѣ я живу: Неужели ты не знаешь, что моя квартира вѣчно та же: Via Felice, 126, terzo piano.

LXXIV. Къ В. А. Жуковскому.

Римъ. Февраль (1839, около 18 числа [4]).

Вотъ ужъ [5]) недѣля, какъ васъ нѣтъ въ Римѣ, а я все еще нахожусь въ такомъ состояніи, какъ будто бы вы уѣхали только сегодня поутру, то-есть разинувъ ротъ, глупо глядя вслѣдъ уѣзжающей вашей каретѣ и не зная потомъ, куда направить шаги свои. Два первые дни [6]) рѣшительно не зналъ за что приняться. Еслибы хотя была въ это время [7]) гадкая, дождливая погода, но какъ на бѣду дни были чудные, какихъ при васъ еще не было, теплые, потопленные въ солнцѣ. Я отправился въ Колисей, на Форумъ Roma(num [8]) и такъ странно глядѣлъ на все это, какъ еще никогда не глядѣлъ. Я возвратился въ городъ смутно, а къ вечеру мнѣ сдѣлалось просто скучно. Подлецъ Лауницъ [9]) не прислалъ мнѣ даже вашего бюста, который онъ просилъ удержать

---

[1]) Вырвано.

[2]) Предлогъ вписанъ сверху.

[3]) Тоже.

[4]) Это письмо впервые напечатано въ «Русскомъ Архивѣ», 1871, (4—5. 959—0932).

[5]) Въ «Русск. Арх.»: «уже».—Въ письмѣ къ Данилевскому отъ 12 февраля Гоголь говоритъ, что Жуковскій только-что уѣхалъ, а данное письмо было написано черезъ недѣлю, слѣд. около 18 или 19 числа.

[6]) Слово «дни» вписано сверху строки.

[7]) Слово «время» приписано сверху строки.

[8]) Послѣ этого зачеркнуть конецъ слова: «num».

[9]) Личность намъ неизвѣстная.

на двѣ минуты и котораго я до сихъ поръ не могу у него добиться. Какъ я терпѣть не могу этого человѣка, и странно, что это чувство раздѣляютъ всѣ видящіе его въ первый разъ. Моя комната была бы тогда полнѣе и лучше, успокоительнѣй; а теперь мнѣ все кажется, что изъ ней кто-то сію минуту выѣхалъ или выѣзжаетъ, что половину (sic) уложенный чемоданъ [1]) стоитъ по серединѣ, по всѣмъ угламъ клоки обверточной бумаги, веревочекъ, стараго бѣлья [2])... Гдѣ вы теперь въ эту самую минуту, когда пишу? Къ какому мѣсту подъѣзжаете? Слышите [3]) ли и видите ли эти божественные дни, которые теперь настали, передовые гонцы несущейся уже недалеко весны. Какъ я ихъ люблю! Боже, еслибы вы встрѣтили ихъ еще здѣсь! Но кто знаетъ, можетъ быть, вы бы не захотѣли тогда выѣхать изъ Рима. Чудное время! Я бы былъ счастливъ совершенно, еслибы въ мое наслажденіе не вмѣшалось нѣсколько изъ того томительнаго чувства, какое чувствуетъ школьникъ, когда учитель его отправится гулять за городъ съ его товарищами, а его оставитъ за лѣность одного въ маленькомъ школьномъ садикѣ, и онъ видитъ пропадающій вечеръ и видитъ сквозь него, глазами воображенія, вдали [4]) лугъ, на немъ свѣтъ солнца, кучу товарищей, летящій вверхъ мячъ, веселые крики. Все видитъ онъ и не хочетъ оторваться отъ своего зрѣлища, натирая [5]) кулакомъ и рукавомъ свою упрямо-кислую рожу и не спуская глазъ съ опускающагося ежеминутно ниже солнца [6]). Моя портфель съ красками готова; съ сегодняшняго дня отправляюсь [7]) рисовать на весь день. Я думаю въ Колисей. Обѣдъ возьму въ карманъ. Дни значительно прибавились. Я вчера пробовалъ рисовать, Краски ложатся сами собою, такъ что потомъ дивишься [8]). какъ удалось подмѣтить и составить такой-то колоритъ и оттѣнокъ. Еслибы вы остались здѣсь еще недѣлю, вы бы уже не принялись за карандашъ. Колоритъ потеплѣлъ не-

---

[1]) Это слово приписано сверху.

[2]) У Гоголя въ одномъ мѣстѣ «Мертвыхъ Душъ» есть художественное изображеніе тѣхъ впечатлѣній, о которыхъ онъ здѣсь говоритъ; см. соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 218 и 128 — 129; т. VII, стр. 135.

[3]) Послѣ слова: «слышите» зачеркнуто: «эти».

[4]) Это слово написано сверху другого зачеркнутаго, которое нельзя разобрать.

[5]) Въ «Русскомъ Архивѣ»: «потирая».

[6]) См. «Матеріалы для біографіи», III, 439, примѣч. 2-е.

[7]) Въ «Русскомъ Архивѣ» невѣрно: «отправлюсь».

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «самъ».

обыкновенно; всякая развалина, колонна, кусть, ободранный мальчишка, кажется, вьются къ вамъ и просятъ красокъ. Какъ чудно! Въ другихъ мѣстахъ весна дѣйствуетъ только на природу: вы видите, оживаетъ трава, дерево, ручей. Здѣсь же она дѣйствуетъ на все: оживаетъ развалина, оживаетъ плисъ на курткѣ бирбачона, оживаетъ [1]) высеребренная солнцемъ стѣна простого дома; оживаютъ лохмотья нищаго, оживаетъ ряса капуцина съ висящими назади капучіо; даже этотъ продуктъ, котораго мы находили цѣлыя плантаціи, разведенныя трудолюбивыми римлянами подъ всѣми почти стѣнами и оградами [2]), принялъ какой-то [3]) весьма пріятный для глазъ коричневый цвѣтъ; а сами производители его теперь попадаются несравненно чаще [4]) и совершенно какъ дома; скидаютъ галстухъ и подтяжки... и въ такомъ количествѣ, что рады или не рады, а къ вамъ который-нибудь [5]) непремѣнно попадетъ въ первый планъ. Бывало [6]), помните, мы гонялись за натурою, то есть движущеюся, а теперь она сама лѣзетъ въ глаза: то оселъ, то албанка, то аббатъ, то, наконецъ, такого страннаго рода существа, которыхъ опредѣлить трудно. Вчера, напримѣръ, когда я рисовалъ, сталъ прямо противъ меня мальчишка, у котораго были такого рода странные штаны, какихъ, безъ сомнѣнія, ни одинъ портной не шилъ. Я потомъ уже догадался, что они передѣланы изъ отцовской раздранной куртки; но только дѣло въ томъ [7]), что они не перешиты, а просто ноги вдѣты въ рукава, и на брюхѣ подвязано [8]) веревкой; входъ къ зад... ѣ совершенно свободенъ, такъ что онъ можетъ [9]), по примѣру отцовскому, разводить коричневыя плантаціи подъ стѣнами развалинъ. Въ Колизеѣ явились проповѣди, толпы [10]) народа, и монахи съ бѣлыми бородами, и одѣтые всѣ съ низу до верху въ бѣлое, какъ древніе жрецы. Драпировка чрезвычайно счаст-

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «ослѣпительно».

[2]) Не совсѣмъ приличное описаніе.

[3]) Частица «то» приписана сверху.

[4]) Слово «чаще» написано сверху зачеркнутаго: «въ большемъ количествѣ».

[5]) Это слово написано сверху зачеркнутаго: «они».

[6]) Въ подлинникѣ: «было»; въ «Русскомъ Архивѣ»: «бывало». — Послѣ этого зачеркнуто: «то».

[7]) Въ рукописи повторяется: «въ томъ въ томъ».

[8]) Въ «Русскомъ Архивѣ»: «подвязано»; въ подлинникѣ: «подвязана».

[9]) Послѣ этого въ подлинникѣ стоитъ совершенно неприличная фраза, которую опускаемъ.

[10]) Въ «Русскомъ Архивѣ» ошибка: «и толпы».

лива для нашего брата mezzo-художника; одинъ взмахъ кисти, и монахъ готовъ. Вчера солнце освѣтило мнѣ одного изъ нихъ, тогда какъ всѣ прочіе были обняты тѣнью. Это было прелесть какъ эффектно и какъ легко рисовать. Вчерашній день [1]) кончились празднества по случаю избранія двухъ [2]) кардиналовъ, большимъ фейерверкомъ на Monte Citorio, гдѣ пушки между прочимъ составили какой-то музыкальный концертъ. Всѣ три дня [3]) Римъ былъ иллюминованъ такъ, какъ теперь не иллюминуютъ въ другихъ городахъ: цѣлыя пылающія стѣны домовъ! смоляныя бочки по всѣмъ улицамъ! Я взглянулъ съ Monte Pincio — прелесть! Вообразите: смоляныхъ бочекъ не видно, а только [4]) стѣны въ огнѣ, такъ что, кажется, весь [5]) городъ грѣется у очага [6]). Вотъ вамъ новость старыхъ временъ: на два дни ѣзды изъ Рима вырытъ на прошлой недѣлѣ новый [7]) амфитеатръ, почти равный величиной съ Teatro Marcello; весь первый [8]) этажъ цѣлъ, обломковъ отъ [9]) колоннъ, и статуи думаютъ на днѣ найти цѣлыя. Первымъ временемъ установившейся весны воспользуюсь и поѣду поглядѣть. Теперь жаль на минуту оставить Римъ: [10]) такъ онъ хорошъ и такая бездна предметовъ для рисованія [11]). Доживу ли я до того времени, когда мы вновь сядемъ вмѣстѣ, оба съ кистями [12])? Вѣрите ли, что иногда, рисуя, я, позабывшись, вдругъ оборачиваюсь, чтобъ сказать слово вамъ и, оборотившись [13]), вижу и какъ будто слышу пустоту, по крайней мѣрѣ на нѣсколько минутъ, въ землѣ, гдѣ всякое мѣсто наполнено и гдѣ нѣтъ пустоты. Даже болвана Антонія [14]) не встрѣтили мои глаза, по крайней мѣрѣ я бы тогда обрадовался его присутствію [15]). Какъ странно, когда встрѣтишь [16]) вдругъ среди улицы слугу,

---

[1]) Это слово вписано сверху.
[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «и иллюминованъ».
[3]) Въ «Русскомъ Архивѣ»: «дни».
[4]) Слова: «а только» вписаны сверху строки.
[5]) Это слово приписано сверху строки.
[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «Кстати».
[7]) Это слово въ «Русскомъ Архивѣ» пропущено.
[8]) Слово «первый» въ «Русскомъ Архивѣ» пропущено.
[9]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «стат(уй)».
[10]) Въ «Русск. Арх.»: «Рима».
[11]) Въ «Русскомъ Архивѣ»: «рисованья».
[12]) Это высокое наслажденіе для Гоголя уже не повторилось.
[13]) Послѣ этого зачеркнуто: «такъ».
[14]) Наемный слуга Жуковскаго въ Римѣ.
[15]) Послѣ этого зачеркнуто: «даже и теперь».
[16]) Послѣ этого зачеркнуто: «слугу».

котораго мы знали въ услуженіи близкимъ и дорогимъ нашему сердцу и который теперь служитъ другимъ: съ перваго разу вдругъ подойдешь къ нему съ живостью; мысль о господахъ его не отрѣшилась еще [1]) отъ него въ глазахъ нашихъ. Даже спросишь: «какъ, что твои господа?» И потомъ вдругъ остановишься, вспомнивши, что теперь [2]) господа его чужіе. Вотъ настоящая [3]) мефистофелевская насмѣшка надъ человѣкомъ. Здѣсь только въ первый разъ видишь поэзію крѣпостного человѣка [4]). Я бы очень желалъ знать, какъ вашъ теперь маршрутъ: гдѣ и сколько дней? и не знаю, какъ бы это сдѣлать. Вамъ объ этомъ некогда меня увѣдомить. Поручите кому-нибудь маленькія два слова, только главное, нѣтъ ли то-есть главныхъ измѣненій въ вашемъ маршрутѣ, чтобы [5]) я зналъ, куда писать къ вамъ. Можетъ-быть, вамъ некогда читать мои письма. Но теперь это моя потребность: мнѣ кажется, я сталъ веселѣе, написавши къ вамъ письмо.

На оборотѣ:

Vienne (en Autriche).

Его Превосходительству Василію Андреевичу Жуковскому.

Recomandée aux soins obligeants de la légation Impériale de Russie Zukowsky [6]).

LXXV. Къ А. С. Данилевскому.

Марта 7 (1839) [7]).

Вчера получилъ твое письмо отъ 22-го февраля. Взоры мои были поражены ужаснымъ множествомъ новооткрывшихся кафе, которыхъ имена увидѣли они начертанными

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «въ нашемъ воображеніи».

[2]) Слово «теперь» въ «Русскомъ Архивѣ» пропущено.

[3]) Слова: «вотъ настоящая» написаны сверху неразборчивыхъ зачеркнутыхъ словъ.

[4]) Какъ человѣка, связаннаго навсегда съ своимъ господиномъ, въ противоположность равнодушному къ постоянно мѣняющимся господамъ наемному лакею.

[5]) Въ «Русскомъ Архивѣ»: «чтобъ».

[6]) Фамилія почему-то въ «Русскомъ Архивѣ» пропущена.

[7]) Это письмо первоначально напечатано нами въ «Вѣстникѣ Европы», въ 1890, II, стр. 572—574, потомъ въ «Матеріалахъ для біографіи», т. III, стр. 240—243.

твое(й) [1]) рукою. За нѣсколько мѣсяцевъ [2]) былъ бы [3]) сильно раздраженъ и мой желудокъ, но теперь аппетита нѣтъ, да и чортъ съ нимъ!

«Твоя Estelle, которая присутствовала у тебя [4]) во время антракта между писаніемъ письма, года два-три назадъ, вѣроятно, вызвала бы изъ памяти и воображенья, еще полнаго утраченной юности, множество нескромныхъ воспоминаній... Но теперь Богъ съ ней! Да здравствуетъ, впрочемъ [5]), она и надѣляетъ тебя мгновеньями младости и благъ, которыя ты еще, счастливецъ, чувствуешь!

Въ письмѣ твоемъ мнѣ пріятно было болѣе увидѣть выглянувшее имя Ноэля [6]); оно мнѣ напомнило вечерніе чаи, madame Courtain, Семеновскаго [7]), который пропалъ совершенно [8]), какъ въ воду, и совершенное незнаніе храмовъ [9]) и вообще невѣжество въ религіи.

Я получилъ наконецъ изъ дому два письма. Грустно мнѣ было читать ихъ! Они были совершенная вывѣска несчастнаго положенія домашнихъ. Наконецъ, маменька, кажется, дохозяйничалась, наконецъ [10]), до того, что теперь рѣшительно, кажется, не знаетъ, что дѣлать. Дѣла наши по деревнѣ, кажется, такъ разстроены, какъ только возможно, и я никакихъ не имѣю средствъ помочь. Какъ нарочно къ

---

[1]) Не дописано.

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «они».

[3]) Слово «бы» вставлено сверху строки.

[4]) Слова: «у тебя» вписаны сверху, вмѣсто зачеркнутаго на ходу письма: «при(...)».

[5]) Это слово вставлено сверху.

[6]) Молодой французъ, Ноэль, давалъ уроки итальянскаго языка Гоголю и Данилевскому, когда они жили въ Парижѣ. Потомъ Данилевскій рекомендовалъ его Алексѣю Васильевичу Капнисту въ гувернеры къ дѣтямъ, но это не состоялось, потому что онъ уѣхалъ въ Брюссель и слѣды его не отыскались. По словамъ А. С. Данилевскаго, онъ былъ даже нѣсколько поэтъ.

[7]) Такъ написано у Гоголя; должно быть: «Симановскаго». Это никольскій товарищъ Г. и Д., живній одно время съ ними въ Парижѣ. (См. о немъ выше, стр. 361, 429, примѣч., 440, 468).

[8]) Разставшись съ Симановскимъ въ началѣ 1838 г., Гоголь и Данилевскій потеряли его изъ вида. Гоголю очень хотѣлось его отыскать. См. выше, стр. 468: «О Симановскомъ я рѣшительно не имѣю никакихъ вѣстей. Куда онъ дѣлся и куда пропалъ, это Богъ одинъ знаетъ», и выше, стр. 440: «Напиши адресъ Симоновіано, если узнаешь. Я къ нему писалъ изъ Ливорна въ Парижъ. Не знаю, получилъ ли онъ его, или нѣтъ».

[9]) Намекъ на временное пользованіе домашними обѣдами у Ноэля.

[10]) Слово это повторено въ подлинномъ письмѣ.

этому времени приближается и срокъ или выпускъ моимъ сестрамъ!..

Грустно, мой милый, ужасно грустно имѣть семейство!.. Я былъ до этого времени почти спокоенъ; меня мучило мое здоровье; но я предалъ его въ волю Бога, пріучилъ себя къ прежде невыносимой мысли, и уже ничего не было для меня страшнаго ни въ жизни, ни въ смерти. А теперь иногда такое томительное безпокойство заглядываетъ въ мою душу, такая боязнь за будущее, къ несчастью, очень близкое!.. О, ты много счастливѣе меня: ты можешь терпѣть одинъ; всѣ члены вашего семейства пристроены; тебѣ остается — только одинъ ты... Грустно! Мысль моя теряется. Я ничего не нахожусь сдѣлать и надумать [1]).

А кстати: въ первомъ письмѣ маменьки, между прочимъ, извѣстіе, касающееся по тебѣ (sic). Она была у Василія Ивановича [2]) на свадьбѣ его дочери, а твоей сестры, которая теперь шасть [3]) (?) за Казань. Василій Ивановичъ за столомъ вспомнилъ о томъ, что теперь онъ долженъ одинъ благословить свою дочь, что Татьяны Иван(овны) [4]) уже нѣтъ на свѣтѣ... и заплакалъ! Гости были тоже тронуты. Въ другомъ письмѣ маменька говоритъ, что видѣлась не такъ давно съ Василіемъ [5]) Иванов(ичемъ), и что онъ спрашивалъ у нея, не пишу ли я тебѣ и не знаю ли я, гдѣ ты, что онъ совершенно не имѣетъ о тебѣ никакихъ слуховъ и не получаетъ отъ тебя никакихъ писемъ, и что онъ проситъ меня узнать, гдѣ ты. Маменька упомянула тоже мимоходомъ о твоихъ братьяхъ, что они оба [6]) живутъ въ Семеренькахъ; очень плохи здоровьемъ, часто бо-

---

[1]) По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною, Гоголь въ это время былъ страшно разстроенъ и озабоченъ дурнымъ ходомъ домашнихъ дѣлъ.

[2]) Черныша.

[3]) Очень неразборчиво написано: «таетъ за Казань», «таетъ за казакъ» или «шасть за Казань»... Судя по дальнѣйшему тексту, вѣрно послѣднее, такъ какъ рѣчь идетъ о вышедшей замужъ сестрѣ Данилевскаго.

[4]) Чернышъ, матери Данилевскаго.

[5]) Въ подлинникѣ: «съ Василемъ».

[6]) Одинъ изъ братьевъ Александра Семеновича Данилевскаго, Иванъ Семеновичъ, уже упоминался выше; о немъ также см. выше, стр. 94, 275, 282 и 333. Другой братъ, Елисей Семеновичъ, былъ также въ гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, потомъ былъ помѣщикомъ и скончался въ шестидесятыхъ годахъ. Иванъ Семеновичъ здравствуетъ донынѣ и проживаетъ въ Малороссіи. О двоюродной сестрѣ Александра Семеновича, Маріѣ Алексѣевнѣ, см. выше, стр. 270.

лѣють и [1]) не были ужъ очень давно у нея по причинѣ болѣзни. Я просилъ тебя въ одномъ письмѣ о прис(ланіи) мнѣ красокъ [2]), и теперь вспомнилъ, что ты къ краскамъ можешь еще присовокупить одну очень пріятную для меня вещь, это твою палку, которую ты мнѣ подарилъ [3]) и которую, я не знаю почему, я не взялъ съ собою. Я былъ такъ обезголковленъ предъ моимъ выѣздомъ изъ Парижа! Я не понимаю, что бы я былъ безъ этой счастливой отсрочки моего отъѣзда, которая доставила [4]) мнѣ радость поцѣловаться съ тобой и вновь сказать: «здравствуй».

Будь здоровъ. Да! ты меня спрашиваешь [5]), какой я дамъ отвѣтъ на счетъ предложенія Василія Прокоповича. Я уже отвѣчалъ ему, что не могу имъ воспользов(аться), потому-что подобное предложеніе было сдѣлано мнѣ раньше Погодинымъ; а такъ какъ я ему долженъ двѣ тысячи слишкомъ, то я представилъ ему въ совершенное распоряж(еніе) всѣ полученные отъ этого доходы.

Чуть было не позабылъ одно для тебя очень важное открытіе: удивительное производитъ дѣйствіе на желудокъ хорошія сушеныя фиги; нужно ихъ ѣсть на ночь или по утру на свѣжій желудокъ. Мнѣ посовѣтовалъ одинъ итальянецъ, за что его нужно вызолотить.

Въ первый день, когда я ихъ съѣлъ, чувствовалъ не много нехорошо какъ будто въ желудкѣ, но потомъ чудо! слабятъ, но такъ легко, можно сказать, подмасливаютъ дорогу г...у. Только нужно, чтобы фиги были самыя свѣжія и не засушенныя слишкомъ [6]).

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «тоже».

[2]) Письмо отъ 12 февраля 1839 г. и отъ 25 марта того же года (см. выше, стр. 565—566 и 578—579).

[3]) О томъ же см. письмо отъ 2 апрѣля 1839 г.: «Я вхожу къ себѣ и вижу: на столѣ лежитъ знакомая мнѣ палка». Послѣднія слова ясно показываютъ, что письмо, напечатанное у Кулиша на 304 стр. V тома (отъ 2 апрѣля), ошибочно отнесено по предположенію къ 1838 г. вмѣсто 1839 г., какъ о томъ было сказано выше. Кромѣ этого въ данномъ письмѣ и отъ 2 апр. краски, о которыхъ рѣчь была въ данномъ и указанныхъ выше письмахъ, оказываются уже купленными.

[4]) Въ подлинникѣ: «который доставилъ».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «что».

[6]) Послѣднія строки, начиная отъ словъ: «чуть было не позабылъ», написаны съ боку страницы.

LXXVI. Къ М. П. Погодину.

1839 г., мартъ (въ Римѣ.) [1])

Посылаю тебѣ подателя сей записки, для принятія твоего чемодана, и ожидаю васъ, для распитія русскаго чаю.

LXXVII. Къ матери.

1839, марта 12. Римъ.

Ваше письмо отъ 9 февраля получено мною четыре дни назадъ. Благодарю васъ много за него и за ту любовь, которая дышитъ въ немъ. Но вмѣстѣ меня нѣсколько опечалило ваше замѣчаніе, что будто я сдѣлалъ вамъ урокъ насчетъ нѣкоторыхъ пунктовъ и въ томъ числѣ насчетъ замужества моей старшей сестры и проч. и проч. [2]). Никогда я не имѣлъ никакого права, ни причины упрекать васъ. Вы невинны! Вы дѣлали, вы по крайней мѣрѣ желали дѣлать все для нашего счастія, вы жили, вы существовали для насъ. Какой жестокій сынъ осмѣлится послѣ этого сдѣлать вамъ какой-либо упрекъ? Вы невинны! виноваты несчастія, которыя подавили васъ, которыя навалили на васъ кучи заботъ, требовавшихъ силъ твердаго мужа, а не доброй, чувствительной женщины. Виноваты эти заботы, которыя лишили насъ прежняго милаго, веселаго характера нѣжно любимой нами маменьки и навели на него мрачное облако задумчивости, разсѣянности, вѣчно тревожныхъ мыслей, отлучавшихъ и отвлекавшихъ ее невольно отъ дѣйствительности [3]) и происходившаго передъ глазами теченія дѣлъ и обстоятельствъ, которыя чтобы вести хорошо, нужно было имѣть слишкомъ твердый характеръ, какой имѣетъ мужчина, нужно быть слишкомъ спокойну и не поражену несчастіемъ. Итакъ вы видите, что вы невиноваты. Вы не могли быть болѣе, чѣмъ вы были. Мы должны дѣлать упреки несчастіямъ. Когда я былъ въ послѣдній разъ у васъ, я былъ пораженъ (теперь я этого не скрою [4])—и все

---

[1]) Письмо это безъ даты было написано приблизительно около 7 марта, когда Погодинъ пріѣхалъ въ Римъ. («Годъ въ чужихъ краяхъ», т. II, стр. 2).

[2]) Слова: «въ томъ числѣ насчетъ замужества моей старшей сестры» и проч. и проч., у Кулиша пропущены; дополнено по копіи Румянцовскаго музея.

[3]) См. «Матеріалы для біографіи» т. 1, ст. 57.

[4]) Позволяемъ себѣ здѣсь исправить явную ошибку Кулиша: «не скоро» (sic).

разскажу], я былъ пораженъ перемѣной, которую я нашелъ въ васъ, перемѣной, происшедшей въ эти даже три небольшіе года, послѣ моего перваго пріѣзда изъ Петербурга. Я не могу вамъ разсказать той грусти, которую я чувствовалъ, глядя на васъ. Эта совершенная ваша разсѣянность въ словахъ и задумчивость; это ваше вѣчно устремленное куда-то вниманіе, но не къ предметамъ, васъ окружавшимъ, не къ тѣмъ, о которыхъ шла рѣчь, такъ что вы казались совершенно среди насъ живущею въ какомъ-то другомъ мірѣ, чуждою всего того, что̀ около васъ происходило. Я съ содроганіемъ видѣлъ слѣды и читалъ ихъ на лицѣ вашемъ, слѣды, проведенные побѣдившими совершенно васъ заботами. Нѣтъ, я не обвинялъ васъ, я не обвинялъ васъ, видя и то, и другое не такъ въ хозяйствѣ, я не обвинялъ васъ за неосмотрительности и за то, что васъ легко было обмануть, и чѣмъ далѣе, еще легче; я не обвинялъ ни въ чемъ этомъ. Но я обвинялъ въ этомъ себя, я слышалъ изъ глубины души своей ѣдкій упрекъ самому себѣ. Я былъ причиною всему этому: я не облегчилъ трудовъ, я не устроилъ спокойствія моей матери, я не доставилъ ей беззаботной, счастливой жизни и радостной старости; напротивъ, я обременилъ ее, я взвалилъ на нее всю возможную тяжесть, которую болѣе крѣпкія силы не вынесли бы. Я былъ причиною измѣненія ея прежняго свѣтлаго характера. Словомъ, я не исполнилъ первой обязанности сына. Мнѣ только въ утѣшеніе оставалось одно оправданіе,—что я тоже не рожденъ былъ хозяиномъ, что я не могъ никакимъ образомъ по существующимъ государственнымъ постановленіямъ [1]), не пріобрѣвши имени, или, какъ говорятъ, чина и вѣсу, заняться самому хозяйствомъ, принять на себя всѣ обязанности попечителя нашей всей фамиліи и жить въ деревнѣ. Но я хотѣлъ вознаградить потомъ все и заняться самъ ревностно и дѣльно. Увы! мое глупое здоровье отняло у меня эту возможность, заставило меня выѣхать изъ Россіи и, можно сказать, бросить неоконченнымъ начатое. Итакъ вотъ гдѣ вина и причина всему. А вы чисты совѣстью и душой! Я видѣлъ въ послѣдній разъ, когда былъ, что дѣла наши идутъ плохо, но вмѣстѣ съ этимъ я видѣлъ безсиліе мое помочь этому. Но дѣла хозяйственныя—Богъ съ ними, я не о нихъ горевалъ,

[1]) Слова: «по существующимъ государственнымъ постановленіямъ» у Кулиша пропущены; возстановляемъ по копіи Румянцовскаго музея.

я горевалъ о васъ, видя ваши терзанія, ваши печали при вѣчныхъ неудачахъ. [1]) И вотъ между прочимъ, моя добрая и почтенная маменька, одна изъ причинъ, по которой я бы не хотѣлъ, чтобы сестры мои дорогія оставались въ деревнѣ. Теперь, увы! вы можете быть несравненно скорѣе обмануты, чѣмъ прежде, хотя вы вовсе этого не думаете. Въ вашихъ предположеніяхъ на счетъ будущей участи сестеръ моихъ дышитъ столько материнской нѣжной любви къ нимъ, какой отыскать рѣдко въ комъ-либо другомъ, а доказательство этой любви уже то, что вы даже соглашаетесь на временное отдаленіе ихъ и разлуку съ ними. Да, моя добрая и почтенная маменька, это истина: онѣ въ Васильевкѣ не только не сыщутъ себѣ партіи, но даже могутъ потерять все то, что пріобрѣли онѣ воспитаніемъ, могутъ испортиться, измѣниться характеромъ, могутъ... Я трепещу за ихъ участь. Обратите только на то вниманіе и разсмотрите, гдѣ у насъ и какое будетъ общество? что у нихъ и какая будетъ компанія? Притомъ уже само по себѣ разумѣется, что гдѣ четыре сестры и притомъ еще такихъ разныхъ характеровъ, изъ которыхъ двѣ ссорятся между собою и теперь, будучи еще въ институтѣ... вообразите, когда онѣ соберутся и будутъ жить вмѣстѣ: Помните между прочимъ, что старшая сестра хочетъ тоже замужъ и сколько уже по одному этому поводу между ними могутъ явиться разныхъ непріятныхъ отношеній! Словомъ, онѣ могутъ создать у васъ въ дому такой сумбуръ, что вамъ покоя и мѣста не будетъ. А о партіи для нихъ я вовсе не составилъ такихъ идей и большихъ мечтаній, какія даже, какъ видно изъ письма вашего, иногда занимаютъ васъ. Нѣтъ, моя добрая маменька, довольно если выйдутъ онѣ за истинно достойныхъ людей съ состояніемъ такимъ, которое было бы достаточно для спокойной, безбѣдной жизни. Вы говорите, что знаете недалеко отъ васъ проживающаго обыкновенно въ Одессѣ какого-то молодого человѣка съ 260,000 годового дохода, который могъ бы быть женихомъ для Аннеты. Это мечта. Объ этомъ нечего и думать. Я тоже знаю многихъ молодыхъ людей, у которыхъ есть и побольше годового дохода; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы они были женихи для Аннеты. Будьте увѣрены, что еслибы вы и имѣли экипажъ и, какъ говорите, удобность прилично одѣться и прилично выѣхать, то это

[1]) Начиная отсюда, у Кулиша опущено.

бы ничуть не помогло. Партіи составляются между равными, и нужно быть для этого порядочнымъ дуракомъ, или слишкомъ оригинальнымъ человѣкомъ, чтобы вдругъ итти наперекоръ своимъ роднымъ, своимъ выгодамъ и отношеніямъ въ свѣтѣ и избрать небогатую, неизвѣстную дѣвушку; или нужно, чтобы для этого дѣвушка была рѣшительно собраніе всѣхъ совершенствъ, прелестей и ума, чего натурально не можетъ представить наша Аничка, впрочемъ добрая дѣвушка, могущая быть хорошею женою. Итакъ, намъ нужно, отбросивши все мечтательное, обратить вниманіе на дѣйствительное. Я не рѣшилъ еще, гдѣ имъ жить. Лучше, я покамѣстъ полагаю, въ Москвѣ, — тамъ у меня есть многіе пріятели и друзья, которые доказали мнѣ на дѣлѣ истинную пріязнь и дружбу; люди съ большимъ умомъ и образованіемъ, которые могутъ быть имъ полезны и совѣтами, и помощью, и обществомъ, то-есть: докончить ихъ образованіе не въ школѣ, не въ пансіонѣ, но въ свѣтѣ. И вотъ почему я не хотѣлъ, чтобы онѣ провели первый годъ послѣ своего выпуска въ деревнѣ. Пусть онѣ прежде укрѣпятся совершенно въ характерѣ, дадутъ ему твердость и тактъ, безъ котораго онѣ не будутъ счастливы въ свѣтѣ и будутъ похожи на тѣ былинки, которыя колеблются въ ту сторону, куда повѣетъ вѣтеръ. Но въ слѣдующемъ письмѣ поговоримъ объ этомъ побольше...

LXXVIII. Къ А. С. Данилевскому.

Римъ. Марта 25 (1839) [1]).

Письмо твое и привезшаго его Трохимовскаго [2]), я получилъ исправно. За знакомство съ нимъ благодарю тебя. Онъ, точно, добрый малый и мнѣ понравился; при томъ же мы съ нимъ почти что родственники, или побратимы, кажется: его отецъ былъ моимъ крестнымъ отцомъ. Только не благодарю тебя за то, что ты не прислалъ мнѣ съ нимъ красокъ. Что тутъ за сомнѣніе? ты знаешь, что мнѣ пріятнѣе, безъ всякаго сомнѣнія, имѣть лучшія краски, нежели худшія; и, что тутъ за бѣда, что двумя или тремя су дороже? Одна только просьба, чтобы онѣ были круглыя и

[1]) Этого письма нѣтъ у наслѣдниковъ Данилевскаго и не было при покойномъ въ 1887 г.

[2]) Здѣсь разумѣется Николай Михайловичъ Трохимовскій, сынъ Михаила Михайловича Трохимовскаго и внукъ доктора Михаила Яковлевича. (См. »Матеріалы для біографіи», III, 270).

плоскія, чтобы могли помѣститься въ мой ящикъ, который тебѣ очень извѣстенъ: онъ сдѣланъ палитрой, и на манеръ его ты увидишь много въ извѣстномъ тебѣ магазинѣ.

Я тебѣ уже писалъ, что Жуковскій уѣхалъ изъ Рима. Но я необыкновенно счастливъ: на мѣсто его пріѣхалъ ко мнѣ Погодинъ. Мы теперь живемъ вмѣстѣ: его комната съ моею; завтракаемъ и говоримъ вмѣстѣ. Черезъ мѣсяцъ я препровожу его къ тебѣ въ Парижъ, прямо къ благодѣтельницѣ M-me Hochard. Онъ пробудетъ въ Парижѣ мѣсяцъ, да въ Лондонѣ, можетъ-быть, недѣли двѣ. Я поручилъ ему притащить тебя въ Маріенбадъ, куда и я тоже думаю поплестись, гдѣ будетъ и онъ, и гдѣ, мнѣ кажется, тебѣ не мѣшаетъ побывать: одна изъ главнѣйшихъ болѣзней твоихъ, кажется, имѣетъ аналогію съ моей и относится прямо къ желудку, а для этого Маріенбадъ, говорятъ, очень хорошъ. Погодинъ привезъ мнѣ извѣстіе о Лукашевичѣ [1]). Онъ встрѣтилъ его въ Прагѣ. Этотъ пріятель нашъ и чудакъ будетъ нынѣшнее лѣто въ Маріенбадѣ [2]). Кромѣ того, Погодинъ выписалъ къ лѣту туда кучу разныхъ славянъ, такъ что мы можемъ имѣть хорошее общество, составить свой столъ и ускользнуть такимъ образомъ отъ вредоносныхъ табльдотовъ; словомъ, лѣчиться серьезно, методически и весело, укрѣпляя и поддерживая другъ друга, а это весьма не послѣдняя вещь на водахъ.

Я вытащилъ недавно на почтѣ изъ подваловъ, обреченныхъ забвенію, письмо отъ маменьки, писанное еще отъ іюля мѣсяца, гдѣ, между прочимъ, одна очень замѣчательная черта о томъ, какимъ образомъ распространяются слухи еще на счетъ извѣстнаго тебѣ письма, писаннаго мною года за два передъ этимъ государю. Маменька пишетъ между прочимъ, что получила письмо отъ Варвары Петровны, бывшей Косяровской, нынѣ Березиной [3]), которая извѣ-

---

[1]) Лукашевичъ, Платонъ Акимовичъ. См. «Годъ въ чужихъ краяхъ» Погодина, I, стр. 133—134, и выше, стр. 56, 258, 357, 428, 447, 468.

[2]) Это—одинъ изъ соучениковъ Гоголя, котораго онъ очень любилъ, несмотря на то, что не уважалъ его мнимой учености. Но Лукашевичу мало было пріязни Гоголя. Однажды, получивъ отъ него комическое и очень любезное письмо изъ-за границы, онъ тотчасъ бросилъ его въ огонь; а письмо, по свидѣтельству другого товарища Гоголя, «стоило многихъ ученыхъ книгъ даже и не такихъ писателей, какъ Лукашевичъ». *П. К.*

[3]) См. выше, стр. 42, 47, 50, 52, 68, 70, 72, 81, 86, 87, 94, 102, и 108.

шаетъ, что знаетъ навѣрное [1]), что я писалъ письмо къ Жуковскому, прося его занять гдѣ-нибудь для меня три тысячи, но, что это письмо было такъ написано смѣшно, что Жуковскій показалъ его государю и что государь схватился за бока, цѣлые четверть часа катался со смѣху и приказалъ выдать мнѣ не три, а четыре тысячи и сказалъ: «пусть онъ напишетъ ко мнѣ еще такое письмо — я ему дамъ еще четыре тысячи» [2])! Маменька говоритъ, что въ этомъ не сомнѣвалась, хотя я ей ничего, дескать, никогда не говорилъ и не пишу о подобныхъ вещахъ; но что въ одномъ только не соглашается, что гораздо справедливѣе полагать, что государь далъ мнѣ шесть тысячъ, а не четыре, потому что даже какой-то (фамиліи его не помню) хорошій и почтенный человѣкъ, который служилъ когда-то въ Петербургѣ и очень начитанъ и свѣдущъ въ литературѣ, говоритъ, что шесть [3])... Но въ сторону толки.

Какъ твое здоровье? что̀ чувствуешь? — — [4]) какъ ѣстся и что̀ желудокъ? Напиши объ этомъ; теперь это кстати. Ты спрашиваешь о художникахъ русскихъ. Я, право, ихъ почти не вижу. А Дурнова твоего, если гдѣ встрѣчу, право, тошнитъ. Что̀ за народъ! Кузьминъ, Никитинъ, Ефимовъ, ужасъ какая тоска! и всякій изъ нихъ увѣренъ отъ души, что имѣетъ много таланту. Кланяйся всѣмъ нашимъ знакомымъ: Квиткѣ, Межаковымъ, Мантейфелю и проч. и, проч. и твоей Estelle, если она только тебѣ не наварила [5])...

LXXIX. Къ нему же.

Римъ. Апрѣля 2 (1839) [6]).

Я пишу и отвѣчаю на твое письмо немножко позже, чѣмъ думалъ,—все оттого, что хотѣлъ писать къ тебѣ съ оказіей

[1]) Въ копіи Румянцовскаго музея, вѣроятно, описка: «повѣрнѣе».

[2]) См. выше, 509, примѣч. 1-ое и «Русск. Стар.», 1882, VI, стр. 678—679.

[3]) Все это мѣсто послѣ словъ: «одна замѣчательная черта» у Кулиша опущено; дополняемъ по копіи Румянцовскаго музея.

[4]) Неприличное слово.

[5]) Мѣсто неудобное для печати.

[6]) Кулишъ неправильно отнесъ это письмо къ 1838 г., тогда какъ оно заключаетъ въ себѣ извѣстіе о смерти матери Даниловскаго, Татьяны Ивановны, скончавшейся въ маѣ 1838 года. Письмо это написано уже годъ спустя послѣ ея смерти. Свое предположеніе о годѣ Кулишъ, очевидно, основывалъ на выраженіяхъ: «Да, письмо твое нѣсколько грустновато. Мнѣ самому даже будущность твоя не представляется въ заманчивомъ видѣ». Но это не могъ быть отвѣтъ на первое письмо отъ Даниловскаго послѣ смерти его матери, пи-

черезъ Чилищева [1]), котораго, безъ сомнѣнія, ты встрѣтишь въ Парижѣ, въ родѣ тѣхъ офицеровъ-лихачей, которые водятся только у насъ на Руси. Но такъ какъ Чилищевъ меня надулъ и, вмѣсто [2]) назначеннаго дня, уѣхалъ раньше, то я наконецъ долженъ писать по почтѣ.

Письмо твое привезли довол(ьно) [3]) исправно и скоро пріятели твои, Боткинъ [4]) и Исаевъ, и потомъ ушли, и, куда дѣлись, я никакъ не могу [5]) догадаться. Въ первый разъ они меня не застали дома. Я вхожу къ себѣ и вижу—на столѣ лежитъ знакомая мнѣ палка. Этотъ сюрпризъ меня очень обрадовалъ [6]): мнѣ показалось, какъ-будто бы я увидѣ(лъ) [7]) часть тебя самого. Краски я тоже получилъ, хотя не всѣ изъ [8]) тѣхъ самыхъ [9]) колеровъ, которые я тебѣ назначилъ. Я не просилъ ни jaune d'or, ни кармину[10]), но «дареному коню въ зубы не смотрятъ». Благодарю тебя очень за все. Я хотѣлъ-было просить... [11])

Въ эту[12]) самую минуту высунулся ко мнѣ въ дверь почталіонъ и подалъ мнѣ отъ тебя письмо новое. Это обстоятельство и чтеніе его совершенно выбило изъ головы моей, о чемъ я хотѣлъ-было просить тебя. Да, письмо твое нѣсколько грустновато [13]). Мнѣ самому даже будущность твоя

санное *4 іюня 1838*. (См. «Матеріалы для біографіи», III, стр. 231—232). Притомъ Гоголь говоритъ здѣсь о своемъ предположеніи ѣхать на воды Маріенбадъ, куда онъ отправлялся въ 1839 году. Кромѣ того, два мелочные факта: какъ мы знаемъ, Гоголь поручалъ прежде своему другу купить краски и прислать палку (см. выше, стр. 574, 578 и 579; см. письма отъ 7 и 25 марта): здѣсь эти порученія оказываются уже исполненными. На почтовомъ клеймѣ цифра совершенно стерта.

[1]) Чилищевъ-офицеръ; онъ по словамъ А. С. Данилевскаго, былъ лихой малый.

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «того».

[3]) Не дописано.

[4]) У Кулиша ошибка: «Бодиско»; въ подлинникѣ: «Бодкинъ». Это былъ Николай Петровичъ Боткинъ, о которомъ см. во II томѣ, 81, 88, 109 и проч.

[5]) У Кулиша ошибка: «не могъ».

[6]) Переправлено изъ какого-то другого слова.

[7]) Не дописано.

[8]) Это слово надписано сверху. — Слово «всѣ» переправлено изъ «всѣхъ».

[9]) Въ подлинникѣ: «самихъ».

[10]) Послѣ этого зачеркнуто: «ты, вѣрно».

[11]) Перерывъ въ подлинникѣ.

[12]) Въ подлинномъ письмѣ явная описка: «это».

[13]) Дѣла Данилевскаго пошли плохо послѣ его смерти матери Татьяны Ивановны, по второму мужу Чернышъ. См. напр. его письмо въ «Матеріалахъ для біографіи», т. III, стр. 231—232.

не представляется въ заманчивомъ видѣ. Я бы тебѣ даже не совѣтовалъ ѣхать въ Петербургъ. Чортъ съ нимъ [1])! холодно и для тѣла, и для души. Мнѣ кажется, лучше было бы для тебя поселиться въ Москвѣ. Тамъ жить дешевле [2]), люди привѣтливѣй; тамъ живутъ мои пріятели, которые любятъ меня непритворно, искренно: они полюбятъ тоже тебя. Тамъ тебѣ будетъ радушнѣе. Мы объ этомъ поговоримъ съ тобою въ Маріенбадѣ, куда, я надѣюсь, будешь и ты [3]). Я думаю даже, что въ Москвѣ ты скорѣе можешь найти какую-нибудь службу, или — пора тебѣ попробовать себя—не будь упрямъ, можетъ быть, тебѣ Богъ далъ расположеніе и талантъ, котораго ты еще не знаешь. Примись за что-нибудь, пиши! Хоть изъ любви ко мнѣ, если не хочешь изъ любви къ себѣ. Тебѣ, вѣрно, пріятно исполнить мое приказаніе, такъ, какъ мнѣ пріятно исполнять твое. Пиши или переводи. Ты теперь языкъ французскій знаешь хорошо; безъ сомнѣнія, и итальянскій также. Или веди просто записки. Матеріалу у тебя для этого [4]) понабралось. Ты не мало уже видѣлъ и слышалъ: и хлопочущій Парижъ, и карнавальная Италія; право, много всего... и русскій человѣкъ въ серединѣ. Погодинъ и Шевыревъ примутся не шутя издавать настоящій, [5]) дѣльный журналъ; ты бы могъ трудиться для него тоже. Съ первымъ днемъ 1840 года, кажется, должна выдти первая книжка [6]). Кстати о журналѣ «Отечественныя Записки». Я получ(илъ) тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Римъ предлинное письмо отъ Краевскаго [7]), на которое я никакъ не собрался отвѣчать, да при томъ и не знаю какъ, къ тому жъ и самое письмо пошло на какія-то требы. Краевскій просто воетъ и подымаетъ рѣшительно всѣхъ ополчиться [8]) на сатану; [9]) говоритъ, что здѣсь должны *мы* [10]) всеобщ(ими) силами двинуться, что это послѣдній крестовый походъ и что

---

[1]) У Кулиша ошибка: «Чортъ возьми».

[2]) Въ подлинникѣ: «дешевлѣе».

[3]) Слова: «и ты» вписаны сверху.

[4]) Это слово вписано сверху строки.

[5]) Въ подлинникѣ окончаніе неясно; Кулишъ читаетъ: «настояшо дѣльный».

[6]) Начиная отсюда, у Кулиша опущено.

[7]) Краевскій, Андрей Александровичъ — извѣстный редакторъ «Отеч. Записокъ» и впослѣдствіи также «Голоса».

[8]) Слово «ополчиться» вставлено сверху.

[9]) Послѣ этого зачеркнуто: «апо»...

[10]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

если этотъ. . . . [1]), то тогда уже рѣшительно нужно бр(осить) [2]) все и отчаяться. Я себѣ представляю мысленно, какъ этотъ человѣчекъ хлопочетъ и почесываетъ очень солидно бакенбарды на своемъ миніатюрномъ лицѣ.

Погодинъ видѣлъ первую книжку и говоритъ, что вдвое больше «Библіотеки для Чтенія», но что онъ не заглядывалъ въ середину книги и не имѣлъ для этого времени. Еще онъ же сказывалъ, что ему говорилъ одинъ, — что Краевскій очень благонамѣренно дѣйствуетъ и поощряетъ молодыхъ литераторовъ, собирая ихъ около, но что именъ этихъ литераторовъ трудно упомнить, а литераторы хорошіе и очень [3]) образованные. Я самъ тоже думаю.

Слѣдующее письмо вручитъ тебѣ Погодинъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ.

Прощай цѣлую тебя.

Твой *Г.*

LXXX. Къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ.

Римъ 12 апрѣля, 1839 г. [4]).

Тебѣ было грустно читать мое письмо, ты плакала, моя добрая и милая Аннетъ. Что жъ дѣлать? безъ грусти не бываетъ на этомъ свѣтѣ. Мы всѣ рано или поздно должны платить ей дань. Твои слезы и сожалѣнія дѣлаютъ тебѣ честь: они показываютъ твое доброе сердце. Ты вся исполнена грусти при мысли о нездоровьи маменьки. Но я не знаю, откуда ты это взяла. Слава Богу, наша маменька физически совершенно здорова. Я разумѣлъ душевную, умственную болѣзнь; о ней была рѣчь [5]). Я разумѣлъ слѣды заботъ, вѣчныхъ неудачъ и неисполненій, проведенные на ея челѣ, которые нечувствительно и незамѣтно отнимали живость и любезность ея характера и, вмѣсто спокойнаго и осмотрительнаго взгляда въ хозяйствѣ и въ распоряженіяхъ по имѣнію, набросили на нее разсѣянность, задумчивость, ко-

[1]) Вырвано.

[2]) Тоже.

[3]) Это слово вписано сверху строки.

[4]) Это письмо напечатано у Кулиша съ пропусками, которые возстановлены у насъ въ «Матеріалахъ для біографіи» (т. III, стр. 319—320), по копіи, принадлежащей Московскому Публичному и Румянцовскому музею.

[5]) Въ копіи, принадлежащей Румянцовскому музею, здѣсь не видно пропуска, хотя у Кулиша стоятъ три черты, обыкновенно означающія пропускъ; но нѣсколько выше опущено слово «умственную», къ которому, вѣроятно, и должны быть отнесены эти черты.

торые ей много мѣшали въ дѣлахъ и были причиною, что имѣніе наше разстроено совершенно и что она, думая поправлять, разстроивала его еще болѣе, сама не зная этого. Конечно, имѣніе не стоитъ для меня гроша, въ сравненіи съ здоровьемъ нашей доброй маменьки, но я почелъ долгомъ объ этомъ написать вамъ, чтобы приготовить заранѣ васъ къ непріятностямъ, необходимымъ въ жизни, чтобы вы болѣе старались надѣяться на самихъ себя, чтобы вы лучше и тверже воспитали свой характеръ, чтобы вы больше обратили вниманія на знанія, нужныя и необходимыя въ жизни, чтобы, еслибы довелось вамъ самимъ заботиться о себѣ, чтобы вы имѣли достаточно твердости и духу, и силъ взяться самимъ за трудъ, и умѣть доставить себѣ такимъ образомъ необходимое; чтобы вы, возложивъ надежду на Бога, Который помогаетъ мужественнымъ и непорочнымъ сердцамъ, могли бы(sic) героически встрѣтить все непріятное, никогда не уныть духомъ и не слезами, а трудомъ, дѣятельностью, твердостью и терпѣніемъ переломили бы самую судьбу. Вотъ для чего почелъ я долгомъ не скрывать отъ васъ ничего на счетъ нашего разстроеннаго состоянія, какъ сильно любящій васъ братъ и любящій васъ любовью, глубже той, которою обыкновенно любитъ братъ сестру. Я васъ люблю любовью брата, отца и матери вмѣстѣ. Не наружными признаками нѣжности вы измѣряйте мою любовь. Нѣтъ, она погружена вся во глубинѣ моей души. Она блюдетъ и думаетъ надъ вашею будущею судьбою, и много бы хотѣла пожертвовать и отдать вамъ, и, вѣрно бы, сдѣлала для васъ болѣе, еслибы не мое несчастное здоровье. Итакъ, какъ любящій васъ такимъ образомъ братъ, я почелъ долгомъ написать вамъ такое письмо, которое заставило васъ задуматься и плакать. Пилюля моя горька, но вы должны проглотить ее: она несетъ вамъ здоровье.

Теперь поговоримъ о средствахъ, которыя, по твоему мнѣнію, милая моя Аннетъ, могли-бы найтись къ поправленію обстоятельствъ. Ты готовишься помогать всѣми силами маменькѣ. Мысль и желаніе прекрасны. Но чѣмъ? Твои силы здѣсь не нужны. Не маменька нуждается, но имѣніе разстроенное, но небольшое имущество ваше [1]) и сестеръ вашихъ [2]). Маменька хлопочетъ и трудится не для себя: для

[1]) Т. е. ея и жившей съ нею въ Петербургѣ сестры ея Елизаветы Васильевны.

[2]) Т. е. Маріи Васильевны и Ольги Васильевны.

ня немного нужно: она имѣетъ все, — но для васъ. Но если и она ничего не можетъ сдѣлать, то вамъ и думать нечего. Управленіе имѣніемъ требуетъ опытнаго и свѣдущаго хозяина, сильнаго характеромъ мужа, а не слабой женщины, для которой совершенно чужды и незнакомы дѣла этого рода. Ты предлагаешь еще какъ средство къ поправленію: продать деревню и купить въ Петербургѣ домъ. Но и это дѣло невозможное. Во-первыхъ, трудно продать деревню, да еще и разстроенную; да притомъ вырученныхъ денегъ не станетъ заплатить за четвертую часть дома.

Ты думаешь, что есть еще одно средство: это просить государыню. Но какое право мы можемъ имѣть на это? Тысячи есть такихъ, какъ мы, и, можетъ-быть, даже милліоны, и еслибы всѣмъ этимъ господамъ захотѣла государыня раздавать деньги, то для этого всего государства не станетъ. При томъ осмѣливаются утруждать государей просьбами только тѣ, которымъ дали на это право оказанныя ими заслуги отечеству. А мы что̀ съ тобой сдѣлали для отечества? кажется, немного [1]).

Итакъ ты можешь видѣть теперь ясно, въ чемъ дѣло. Не объ маменькѣ шла рѣчь, но объ васъ; не объ маменькѣ я заботился, но объ васъ. Маменька счастлива, когда мы счастливы: для этого она живетъ. И повѣрьте, что кто любитъ истинно и глубоко, тотъ любовь не въ томъ поставляетъ, чтобъ глядѣть въ глаза и цѣловать въ ручки. Кто любитъ сильно, тотъ согласится и на пожертвованіе, и на удаленіе, тотъ согласится долго не видѣть предметъ привязанности своей, если только отъ этого зависитъ счастіе [2]).

Я писалъ еще вамъ о совершенной невозможности жить у насъ въ деревнѣ. Человѣкъ долженъ жить въ обществѣ; общество только можетъ образовать его,—не многолюдное, но небольшой кругъ истинныхъ, добрыхъ друзей, одаренныхъ прекраснымъ характеромъ и просвѣщеннымъ умомъ. Но когда я вообразилъ себѣ общество, которое окружаетъ нашу деревню—невѣжей-сосѣдей, которыхъ всего на всего два-три человѣка, да старыхъ дѣвицъ и сплетницъ-сосѣдокъ,—сердце мое содрогнулось невольно. Вы еще молоды,

[1]) Весь предшествующій отрывокъ, начиная отъ словъ: «Ты предлагаешь», у Кулиша пропущенъ.

[2]) Послѣ этого у Кулиша снова большой пропускъ, до словъ: «она готова».

еще не знаете свѣта. Какъ много значитъ для васъ первый шагъ, первое знакомство и первое обращеніе по выходѣ изъ института! Маменька наша имѣетъ рѣдкое сердце, но она слаба характеромъ; она легко можетъ быть обманута. Долговременныя заботы, неудачи и хлопоты много отняли у ней времени и притупили ея проницательность. Она не имѣетъ той проницательности и предусмотрительности, которая для васъ теперь такъ необходима и нужна.

Она готова за васъ отдать послѣднюю каплю жизни, пожертвовать всѣмъ для вашего счастія, но она не спасетъ васъ отъ могущихъ случиться бѣдъ. Вотъ почему я все это пишу къ вамъ, чтобъ вы возлагали надежду, во-первыхъ, на Бога, а во-вторыхъ, на себя; чтобъ вы воспитывали заранѣе свой характеръ, сообщили ему твердость, мужество, чтобы вы были ласковы, умѣренны, услужливы, никогда бы не ссорилась съ вашими пріятельницами, но старались всѣми силами поддерживать разъ сдѣланное знакомство, а главное—чтобы имѣли власть надъ самими собою, и если замѣтите, что у васъ кипитъ въ душѣ что-то похожее на злость или неудовольствіе, старайтесь тотчасъ дать ему остыть, займитесь чѣмъ-нибудь другимъ, чтобы въ это время не думать и не помышлять о немъ и потомъ вы будете довольны сами собою. Еще любите другъ друга. Вы сестры, вы еще болѣе, чѣмъ сестры: вы товарищи отъ раннихъ лѣтъ вашей жизни. Ваше воспитаніе шло вмѣстѣ. Мнѣ очень было грустно видѣть, что вы часто между собою ссоритесь. Мое сердце страдало, видя это. Ради Бога, я васъ прошу объ этомъ, чтобы этого не было. Когда вамъ захочется или придетъ [1]) на умъ поссориться, вообразите тотчасъ меня печальнаго, больного, смотрящаго на васъ съ невыразимымъ чувствомъ грусти. Если вы вообразите только меня въ такомъ видѣ и живо, я васъ увѣряю, что у васъ вдругъ пройдетъ всякое желаніе ссориться; иначе будетъ значить, что вы не имѣете ко мнѣ любви ни на крошку [2]).

Пишите ко мнѣ какъ возможно чаще. Теперь мы имѣемъ болѣе нужды сообщать наши мысли и чувства другъ другу.

---

[1]) Въ копіи Рум. музея: «придется».

[2]) Весь этотъ отрывокъ, начиная отъ словъ: «Я писалъ еще вамъ о совершенной невозможности жить у насъ въ деревнѣ», у Кулиша пропущенъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ—отъ словъ: «Она готова за васъ отдать» до словъ: «поддерживать разъ сдѣланное знакомство».

Я вамъ найду оказію писать. Но главное — не дожидайтесь оказіи, пишите и приготовляйте ваши письма; потомъ вы можете вдругъ три-четыре письма разомъ переслать. Пишите, просто, журналъ всего, что вы сдѣлали, что вы думали и что приходило вамъ на умъ. Я очень радъ, что вы теперь не одинѣ, что васъ теперь навѣщаютъ, какъ вы пишете, Андрей Андр. и Ольга Дм. Кланяйтесь имъ отъ меня и скажите, что я непремѣнно буду писать къ нимъ, и дайте мнѣ ихъ адресъ, чтобы я зналъ, куда посылать имъ письма. Скажите, что я буду благодарить за все ихъ добро и расположеніе къ намъ. Въ вашей любви ко мнѣ я не сомнѣваюсь [1]), иначе вы обѣ, Аннетъ и Лиза, были бы очень злы ко мнѣ: не платить любовью за любовь и за ту любовь, которая не такъ вѣтрена, какъ Лизина, это непростительно.

Прощайте, мои миленькія, мои много, много любимыя мною сестры.

Да, чуть было не позабылъ. Пришлите мнѣ въ письмѣ вашемъ двѣ тоненькія ниточки, чтобы одна изъ этихъ ниточекъ была длиною въ ростъ Лизинъ, а другая въ Аннетъ. Смотрите только не ошибитесь и положите ихъ въ письмо. Для чего мнѣ это нужно, я вамъ скажу послѣ. Еще разъ цѣлую васъ милліонъ разъ.

LXXXI. Къ А. С. Данилевскому.

Римъ. Апрѣля 14-го 1839 [2]).

Письмо тебѣ это вручитъ Погодинъ, для котораго ты будешь долженъ отвести прежде всего квартиру у нашей madame Hochard [3]). Одной комнатки будетъ весьма достаточно для нихъ обоихъ, а полуторная кровать, которая едва удовлетворяла своею шириною тебя одного, замѣнитъ имъ двойную. И мужъ и жена неприхотливаго свойства и не

---

[1]) Послѣ этого до словъ: «прощайте» и проч. у Кулиша пропущено; возстановляемъ по копіи, принадлежащей Московскому Публичному и Румянцовскому музею.

[2]) Это письмо впервые было напечатано нами въ «Вѣстникѣ Европы», 1890, т. II, стр. 574—578, потомъ въ «Матеріалахъ для біографіи», т. III, стр. 278—282.

[3]) Дѣйствительно, Погодинъ прежде всего, пріѣхавъ въ Парижъ, отправился къ Данилевскому: «Позавтракавъ, отправился съ Гоголевымъ письмомъ къ Данилевскому, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о квартирѣ, ибо оставаться на нашемъ чердакѣ было бы несносно». («Годъ въ чужихъ краяхъ», т. III, стр. 3).

любятъ даромъ издерживаться; стало быть, они могутъ платить какъ будто бы за одного человѣка А другую комнатку, если она случится, приготовь для Шевырева, который тоже намѣренъ пробыть мѣсяцъ [1]) въ Парижѣ. Ну, теперь, покамѣстъ, ты долженъ благодарить меня за пріятное общество, которое я тебѣ доставилъ, и которымъ ты, безъ сомнѣнія, будешь очень доволенъ. Будь имъ расторопнымъ чичероне [2]), води ихъ по театрамъ, кафе́... виноватъ! по [3]) храмамъ... ресторанамъ, концертамъ. Обмундируй дешево и хорошо.

Поведи Погодина къ пассажнымъ портнымъ, гдѣ выбери прежде всего для него сюртукъ, ибо онъ все еще ходитъ въ томъ, въ которомъ ходилъ въ Москвѣ. О покроѣ не очень заботься: другъ мой не имѣетъ нужды въ фасонѣ и не ставитъ его въ грошъ вмѣстѣ съ портными и всѣми причудами модъ, и потому ты долженъ наблюдать три вещи: чтобы было просторно, прилично его фигурѣ (и), насколько возможно, дешево.

Они тебѣ передадутъ вѣрную и, къ несчастію [4]), пошлую исторію моей жизни. Право, странно: кажется, не живешь, а только забываешься или стараешься забыться [5]): забыть страданіе, забыть прошедшее, забыть свои лѣта и юность, забыть воспоминаніе, забыть свою пошлую, текущую жизнь! Но если есть гдѣ на свѣтѣ мѣсто, гдѣ страданія, горя, утраты [6]) и собственное безсиліе можетъ позабыться, то это развѣ въ одномъ только Римѣ. Здѣсь только тревоги не властны и не касаются души. Что бы было со мною въ другомъ мѣстѣ! Здѣсь только самая разлука [7]) съ близкими и друзьями, которая такъ тяжела [8]), менѣе тяжка.

Къ числу пріятныхъ забвеній въ Римѣ прибавилась опера, ровно съ того дня, какъ у тебя въ Парижѣ она прекратилась. Первый персонажъ ея—знаменитый Доницелли, котораго, какъ кажется, ты знаешь только по наслышкѣ, который былъ въ труппѣ итальянцевъ въ Парижѣ и котораго, впрочемъ, мы читали только біографію. Игра

---

[1]) Написано сокращено: «мцъ».
[2]) Въ подлинникѣ: «чичерони».
[3]) Слово «по» вписано сверху.
[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «нѣсколько» и сверху надписано: «много».
[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «забыть свои лѣта» и сверху зачеркнуто еще: «болѣзнь».
[6]) Въ подлинникѣ: «траты».
[7]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «кото(рая)».
[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «здѣсь тяжка она».

и голосъ чудные! Онъ до сихъ поръ достойный соперникъ Рубини. Примадонна тоже очень недурна: напоминаетъ фигурой и тѣлесною крѣпостью Гризи. Несмотря на то, что порядочно поустарѣла (ей за тридцать), но черты лица прелесть! Я думаю, была чудная красавица!

Но самое главное, съ чего бы слѣдовало начать письмо: я получилъ письмецо отъ Васил(ія)[1] Прокоповича въ отвѣтъ на мое, ему писанное. Я, признаюсь, имѣю плохую надежду на то, чтобы онъ выслалъ требуемую тобою сумму. Онъ мнѣ пишетъ, что получилъ письмо твое, въ которомъ ты опять требуешь отъ него денегъ, и что онъ совершенно не знаетъ, что̀ дѣлать, что больше половины капитала онъ занялъ брату на покупку дома, а остальное ему самому нужно. Я ему тотъ же часъ отписалъ и усовѣщивалъ, сколько могъ, что это долгъ, что, имѣя истинно благородныя чувства и помня узы товарищества, онъ долженъ это сдѣлать, и что ты продашь все свое имѣніе и ему заплатишь по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ. Но не[2]) знаю, способенъ ли онъ послушать этихъ словъ. Еслибы какимънибудь образомъ ты могъ написать заемное письмо сколько возможно по формѣ и какъ возможно обезпечительно, можетъ-быть, это имѣло бы больше надъ нимъ дѣйствія. Въ этомъ или другомъ случаѣ я бы совѣтовалъ тебѣ попытаться написать еще разъ домой, хоть по крайней мѣрѣ для того, чтобы разгадать и изъяснить себѣ лучше эту покамѣстъ непостижимую загадку, точно ли все это произошло отъ неполученія писемъ, или это была маска? Для лучшаго и болѣе очевиднаго удостовѣренія я прошу тебя отправить письмо твое ко мнѣ, а я его отправлю къ маменькѣ съ тѣмъ, чтобы маменька собственноручно вручила его, кому слѣдуетъ, и тогда мы можемъ узнать настоящее дѣло.

Новости, объявляемыя въ письмѣ Василія Прокоповича, отличаются какою-то нестройностью,—что Плюшаръ[3]) обанкротился и энциклопедич(ескій) словарь лопнулъ, что Базили[4]), воротившись съ[5]) Кавказа, обсчиталъ Аоанасія[6]) и

---

[1]) Не дописано.
[2]) Слово «не» вписано сверху.
[3]) Плюшаръ—извѣстный издатель «Энциклопедическаго Словаря».
[4]) Въ подлинникѣ: «Базиль».
[5]) Въ подлинникѣ «изъ Кавказа» (sic).
[6]) Слугу Даниловскаго. Это мѣсто опять подтверждаетъ, что въ письмѣ отъ 12-го февр. 1839 г. въ началѣ слѣдуетъ читать: о Базилѣ (т.-е. Базили), а не Базинѣ.

уѣхалъ въ Смирну консуломъ, что Мокрицкій [1]) усе *пыше* св. Себастіана такъ же хорошо, какъ и штанишки (все это слова Васьки) [2]); что Кукольникъ издаетъ альманахъ «Новогодникъ» и хотѣлъ издавать журналъ «Иностраніе» [3]) подъ покровительствомъ Жукова (табачнаго фабриканта), что братъ (его) [4]), т.-е. Николай [5]), показываетъ своимъ дѣтямъ китайскія тѣни, и что онъ самъ, т.-е. Васька, ситъ на скрипкѣ [6]), и что дни, такимъ образомъ, будто бы текутъ незамѣтно...

Письмо это я прекратилъ-было писать, потому что еще рано отправлять его. Погодинъ только завтра долженъ пріѣхать изъ Неаполя въ Чивита-Веккію, куда я прибылъ для встрѣчи его прямо изъ театра, изъ [7]) «Отелло».

Чудно какъ шло! Донизелли удивителенъ! Рубини былъ выше его, когда хотѣлъ быть, особливо въ знаменитой первой аріи [8]), но весьма часто былъ онъ ниже, какъ говорится, себя [9]), иногда даже вовсе не хотѣлъ войти въ себя... Донизелли съ начала до конца ровенъ [10]), отъ перваго до послѣдня(го). Страшная сила голоса и игра удивительная!..

Мы такъ усовершенствовали нашу переписку и аккуратность ея, чему много помогла установившаяся [11]) наша почта знакомыхъ нашихъ, ѣдущихъ то изъ Рима въ Парижъ, то изъ Парижа въ Римъ, что недѣли три антракта [12]) уже кажутся очень долгимъ временемъ, такъ что мнѣ кажется, я уже очень давно не получалъ отъ тебя писемъ. Можетъ-быть, это происходитъ еще отъ того, что послѣд-

---

[1]) Мокрицкій, Аполлонъ Николаевичъ, художникъ, товарищъ Гоголя по лицею, впослѣдствіи академикъ императорской академіи художествъ и преподаватель въ училищѣ живописи и ваянія московскаго художественнаго общества (См. «Русское Слово», 1859, I, 96, примѣч. Н. Гербеля и «Лицей кн. Безбородко», отдѣлъ II, стр. CXXXIII); также см. выше, стр. 63, примѣч. 1-ое, 159, примѣч. 1-ое и 426.

[2]) Василія Яковлевича Прокоповича.

[3]) Въ подлинникѣ подчеркнуто.

[4]) Это слово пропущено.

[5]) Т.-е братъ Василія Яковлевича Прокоповича, Николай Яковлевичъ.

[6]) Въ подлинникѣ: «скрыпкѣ».

[7]) Это слово вписано сверху строки.

[8]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «но Донизел(ли)».

[9]) Слова: «какъ говорится, себя» вписаны сверху.

[10]) Это слово вписано сверху.

[11]) Тоже.

[12]) Послѣ этого зачеркнуто: «и молчанія».

нее письмо мое очень важно и отвѣтъ на оное, какъ рѣшеніе твое на счетъ поѣздки въ Маріенбадъ [1]), еще [2]) важнѣе и дразнитъ мое нетерпѣніе. Право [3]), по моему, тебѣ бы очень не лишня была бы (sic) эта поѣздка!.. Но я, впрочемъ, надѣюсь на Погодина: онъ на тебя наляжетъ и уговоритъ, а между тѣмъ я слышу безпрестанно даже сюда въ Италію пробирающіеся слухи о чудесахъ, производимыхъ посредствомъ лѣченія холодною водою въ Греффенбергѣ [4]), очень недалеко отъ Маріенбада, которая, между прочимъ, особенно оказываетъ чудо въ болѣзняхъ твоего рода. Я самъ послѣ маріенбадскихъ водъ намѣренъ отправиться туда.

Посылай скорѣе отвѣтъ на это письмо. Кланяйся всѣмъ нашимъ знакомымъ: Квиткѣ, Межаковымъ, Мантейфелю [5]) и прочимъ. Боткинъ твой — добрый малый, но Исаевъ [6]) глупъ страшно.

Я слышалъ, между прочимъ, что у васъ въ Парижѣ завелись шпіоны. Это, признаюсь, должно было ожидать, принявши въ соображеніе это большое количество русскихъ, влекущихся въ Парижъ мимо запрещеній. Эти двусмысленныя экспедиціи разныхъ Скромненокъ и Строевыхъ [7]) за какими-то мистическими славянскими рукописями, которыхъ никогда не бывало... Будь остороженъ! Я увѣренъ, что имена [8]) почти всѣхъ русскихъ вписаны въ черной книгѣ нашей тайной полиціи... Я совѣтую тебѣ перенести

---

[1]) См. письмо отъ 25-го марта 1839 (см. выше, стр. 582).

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «болѣе».

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «мнѣ».

[4]) Такимъ образомъ еще въ 1839 г. Гоголь восторгался лѣченіемъ Присница въ Греффенбергѣ, которое причинило ему такъ много вреда въ 1845. Гоголь въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ возлагалъ свои надежды на помощь отъ холодныхъ ваннъ, которыми въ разное время пользовались и его друзья: въ 1843 Аркадій Осиповичъ Россетъ, въ 1845 (до Гоголя) Александръ Петровичъ Толстой (см. VI, стр. 14 и проч., гдѣ литера F означаетъ Россета, и 212).

[5]) О нихъ см. 537, 554, 556, 564, 580 и проч.

[6]) Здѣсь разумѣется Н. П. Боткинъ, который вскорѣ оправдалъ отзывъ Гоголя въ гораздо большей степени, чѣмъ, можетъ-быть, могъ ожидать Гоголь: по словамъ В. А. Панова, «этотъ истинно-добрый человѣкъ ухаживалъ, какъ нянька», за Гоголемъ, во время болѣзни въ Вѣнѣ (См. изд. Кул., V, 424, примѣч. и т. II, стр. 88).— А. С. Данилевскій самъ не могъ припомнить Исаева (см. выше, стр. 581).

[7]) О немъ см. примѣч. ниже. Онъ упомянается въ письмахъ Гоголя два раза: у Кулиша въ V томѣ, стр. 434, гдѣ онъ обозначенъ инициаломъ С., и 390, гдѣ стоитъ литера №№, и настоящаго изданія томъ II, стр. 18.

[8]) Это слово вписано сверху.

резиденцію изъ Мореля къ другому ресторану. Теперь же у тебя общество будетъ. Вы можете обѣдать вмѣстѣ, т.-е. съ Погодинымъ и Шевыревымъ, у какого-нибудь новаго ресторана.

Прощай до слѣдующаго письма. Цѣлую тебя. Твой Г.

LXXXII. Къ сестрамъ Аннѣ и Елизаветѣ Васильевнамъ.

Римъ. 1839, апрѣля 18.

Пишу къ вамъ, мои голубушки, мои много любимыя мною сестрицы, чрезъ моихъ добрыхъ знакомыхъ Крюковскихъ, которые мнѣ обѣщались [1]) побывать у васъ. Они вамъ разскажутъ что-нибудь обо мнѣ. Мы съ ними часто видѣлись въ Римѣ. Посылаю вамъ бездѣлушки: по кольцу и по булавкѣ. Глядите на нихъ больше, чѣмъ просто на кольца и булавки. Къ нимъ прижалась, прицѣпилась и прилетѣла вмѣстѣ съ ними часть моихъ чувствъ и любви моей къ вамъ. Какъ эти кольца сожмутъ и обхватятъ пальцы ваши, такъ сжимаетъ и обхватываетъ васъ любовь моя. Какъ эта булавка застегиваетъ на груди вашей косынку, такъ хотѣлъ бы я васъ хранительно застегнуть и оградить и укрыть отъ всего, что то(лько) [2]) есть горькаго и непріятнаго на свѣтѣ, молодые цвѣтки мои! отрада мыслей моихъ!

Будьте здоровы и веселы сколько возможно, долго и постоянно, а я молю вашего добраго Ангела-Хранителя, да не удалится ни на часъ отъ васъ Его хранительная рука и да Богъ милосердый и правый будетъ благосклоненъ къ его кроткимъ, любовнымъ молитвамъ.

Прощайте, мои душеньки. Вашъ братъ

Никола(й) [3]).

---

[1]) Послѣ этого вписано сверху и зачеркнуто: «мнѣ».

[2]) Не дописано.

[3]) Тоже.

На оборотѣ: «Аннетѣ и Лизѣ Гоголь въ Патріотическомъ Институтѣ, въ 10 линіи».

Это письмо печатается впервые; оно сообщено намъ В. И. Танѣевымъ, получившимъ подлинное письмо отъ своей родственницы, учившейся вмѣстѣ съ сестрами Гоголя и сохранившей его на память объ одной изъ нихъ.

LXXXIII. Къ С. П. Шевыреву [1]).

Чивитавеккіа. Апрѣля (29) 1839.

Сей же часъ пишу къ вамъ подробное донесеніе [2]). Знаю, что вамъ нужно. Мы, помните? разстались: вашъ пароходъ уходилъ; мы стояли на башнѣ. Мы стояли долго, пока наконецъ ваши лица и фигуры не скрылись и пароходъ не обратился въ одинъ синѣющій столбъ и струю дыма надъ нимъ. Я предложилъ Софьѣ Борисовнѣ возвратиться домой. Ей все еще хотѣлось глядѣть. «Хотя я не вижу его, но крайней мѣрѣ вижу бѣгъ его: вѣдь онъ на немъ, на томъ пароходѣ; онъ вѣдь тамъ!» она говорила. Наконецъ мои представленія, что воздухъ посвѣжѣлъ, заставили ее неохотно оторвать глаза отъ милаго ей въ ту минуту моря. Мы сошли съ башни. Она была печальна. Я не хотѣлъ утѣшать ее развлеченіемъ мыслей, потому что такого рода развлеченія неумѣстны, особливо, когда они доставляются тому, кто чувствуетъ много и глубоко. Мнѣ казалось лучше дать свободное теченіе необходимой грусти. Пришедши домой, я старался говорить именно побольше объ васъ, потому что уже въ этомъ была для нея большая сладость. Мы говорили долго, припоминали все, всѣ ваши качества, все, что составляетъ васъ. Софья Борисовна наконецъ сдѣлалась веселѣе и улыбалась. Я вообще замѣтилъ въ ней мнительность, чувство опасенія, воображеніе, готовое представлять могущію произойти непріятныя случаи. Это было трудно побѣдить. Но мы, сообразивши вмѣстѣ, какъ

---

[1]) Погодинъ въ своей брошюрѣ «Воспоминаніе о Шевыревѣ» пишетъ: «Въ Чивиту-Веккію на возвратномъ пути нашемъ, изъ Неаполя выѣзжалъ къ намъ навстрѣчу Гоголь проститься». («Воспоминанія о Шевыревѣ», стр. 24). Въ другомъ своемъ сочиненіи, въ своемъ путевомъ дневникѣ «Годъ въ чужихъ краяхъ», онъ разсказываетъ такъ (т. II, стр. 153): «Простились съ нашимъ любезнымъ Гоголемъ до Чивита-Веккіи, *куда обѣщалъ онъ выѣхать къ намъ на встрѣчу, ибо пароходъ на пути изъ Неаполя въ Марсель останавливается тамъ на нѣсколько часовъ*». Погодинъ и Шевыревъ поѣхали дальше, а жена Шевырева, Софья Борисовна, и сынъ, Борисъ, направились съ Гоголемъ въ Римъ (см. въ концѣ письма: «Мы доѣхали счастливо и благополучно въ Римъ»). Въ одномъ письмѣ Погодина Шевыреву находимъ слѣд. строки: «Гоголь пріѣхалъ четвертаго дня и привезъ намъ пріятное извѣстіе, что Софья Борисовна *переноситъ разлуку бодро*». («Русск. Арх.», 1883, I, стр. 77).

[2]) Оставляя въ Римѣ во время своей отлучки жену, Софью Борисовну, и маленькаго сына Бориса, Шевыревъ поручалъ ихъ вниманію и заботамъ Гоголя.

Богъ милостивъ, оказавъ уже въ этомъ попеченіе о васъ, пославъ вамъ въ спутники Погодина [1]) именно въ ту самую пору, которая такъ тяжка, въ пору разлуки, вывели ясное заключеніе, что хранительная Его рука простерта надъ вами и съ вами ничего не можетъ случиться кромѣ хорошаго. Я даже прибавилъ, что вы очень задумались, когда я вамъ намекнулъ о возможности пріѣхать въ Римъ раньше положеннаго срока, что вы даже сказали, что это можетъ случиться и въ самомъ дѣлѣ. Софья Борисовна чуть не засмѣялась. Она, однакожъ, очень ослабѣла и чувствовала усталость. Я замѣтилъ, и она тоже согласна съ этимъ, что къ вечеру ея мнительность становится всегда почти сильнѣе и воображеніе тревожнѣе, и потому я былъ очень радъ, что мы провели тотъ вечеръ такимъ образомъ, а не другимъ. Борисъ былъ совершенно веселъ: произвелъ мою лѣвую ногу въ каретную лошадь, привязалъ ее къ стулу, тянулъ очень долго за поводья и былъ этимъ очень доволенъ. Съ тѣхъ поръ онъ получилъ очень нѣжную привязанность къ моей ногѣ и все спрашиваетъ: «здорова ли лошадь»? На другой день, въ 7 часовъ утра, мы были уже на ногахъ. Софья Борисовна была очень бодра. Мы отправились, покамѣстъ закладывали экипажъ глядѣть виллу, которую княгиня располагаетъ нанять. Прогулка наша была по берегу моря, и хотя къ ней было не совсѣмъ близко, хотя туда и назадъ мы ходили пѣшкомъ, несмотря на то она не устала ни мало, что̀ съ ней, какъ она говоритъ, рѣдко случалось. Вѣтеръ морской ее замѣтно освѣжилъ, и я даже почти увѣренъ, что онъ надъ нею будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе, когда она проживетъ мѣсяцъ или полтора въ Чивитавеккіи... Во всю дорогу она была свѣжа и очень себя чувствовала здоровой. Дорога наша была прекрасна; и море, и хорошее время,

[1]) Шевыревъ пріѣхалъ въ Римъ гораздо раньше Погодина; онъ усердно посѣщалъ лекціи археологическаго института и изучалъ славянскія рукописи Ватиканской библіотеки. Отчеты о его занятіяхъ печатались въ концѣ 1838 года въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Погодинъ же пріѣхалъ въ Римъ незадолго до Пасхи, именно 7 марта 1839 года. (См. «Годъ въ чужихъ краяхъ» Погодина, т. II, стр. 2). О ихъ совмѣстномъ пребываніи въ Римѣ см. «Матеріалы», т. III, стр. 270 и далѣе. У Кулиша здѣсь имя Шевырева скрыто подъ инціаломъ *L L*, а его жены *L* L**. Хотя мы подлинника не имѣли случая видѣть, но, кромѣ всѣхъ другихъ соображеній, здѣсь упоминается мальчикъ Борисъ, названный en toutes-lettres и говорится о Погодинѣ, какъ другѣ и спутникѣ Шевырева.

все было у насъ въ виду. Мы доѣхали счастливо и благополучно въ Римъ. Обо всемъ этомъ я почелъ долгомъ васъ увѣдомить.

Письмо это я началъ въ Чивитавеккіи, а окончилъ въ Римѣ... Прощайте. Будьте здоровы. Цѣлую васъ и жму вашу руку крѣпко и братски.

Вашъ Гоголь.

LXXXIV. Къ М. П. Погодину.

1839, 5-го мая[1]). Римъ.

Что̀ ты подѣлываешь, жизненочекъ мой? здоровъ ли? и весело ли похаживаешь по Парижу? Мнѣ до сихъ поръ скучно по тебѣ. Комната твоя до сихъ поръ еще стращитъ меня своею пустотою. Пора бы, впрочемъ, кажется, имѣть мнѣ отъ тебя письмо. Кое-что иногда слышу отъ Шевыревой[2]), т. е. что такого-то числа былъ ты въ такомъ городѣ и что съ вами ѣхала въ дилижансѣ собака, попугай и черепаха. Больше ничего не знаю.

Я получилъ письмо на дняхъ отъ Шафарика[3]), съ книгами, которыя онъ просилъ, по прочтеніи, возвратить, что̀ будетъ исполнено съ аккуратностію. При этомъ прислалъ мнѣ въ презентъ свои «Старожитности». Я ихъ читаю и дивлюсь ясности взгляда и глубокой дѣльности. Кое-гдѣ я встрѣчалъ мои собственныя мысли, которыя хранилъ въ себѣ и хвастался втайнѣ, какъ открытіями, и которыя, натурально, теперь не мои, потому что уже не только образовались, но даже напечатались, прежде моего. И я похожъ теперь на Ефимова[4]), который показывалъ тебѣ сти-

---

[1]) У Кулиша невѣрно: 3 (вмѣсто 5); по крайней мѣрѣ, такъ читается въ копіи находящейся нынѣ въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеѣ, принадлежавшей Трушковскому и положенной въ *основаніе* изданія Кулиша.

[2]) См. примѣч. къ предыдущему письму (къ С. П. Шевыреву).

[3]) Великій ученый славянскій.—Погодинъ бесѣдовалъ иногда съ Гоголемъ, въ ихъ бытность за границей, о славянскихъ земляхъ и объ ученыхъ славистахъ (см. «Годъ въ чужихъ краяхъ», т. II, стр. 83), чѣмъ не мало способствовалъ усиленію въ немъ интереса къ славянству.

[4]) Въ точной копіи, принадлежащей Московскому Румянцовскому музею, стоятъ только двѣ буквы Еф., но очевидно, что рѣчь идетъ объ архитекторѣ Дмитріи Егоровичѣ Ефимовѣ, съ которымъ Гоголь всегда спорилъ, какъ сообщала намъ княжна В. И. Репнина. Онъ отличался самоувѣренностью и самодовольствомъ при ограничен

петскія древности, въ увѣренности, что это его собственныя открытія, потому только, что онъ имѣетъ благородное обыкновеніе, свойственное, впрочемъ, всѣмъ художникамъ, не заглядывать въ книги.

Снег(иревъ)[1]) мнѣ полезенъ. Онъ, несмотря на охоту завираться и безпрестанно глядѣть по сторонамъ дороги, вмѣсто того, чтобы идти по ней прямо, говоритъ много нужнаго при всемъ томъ. Иногда выкопаетъ такую пѣсню, за которую всегда спасибо. Есть въ русской поэзіи особенныя, оригинально замѣчательныя черты, которыя теперь я замѣтилъ болѣе и которыхъ, мнѣ кажется, другіе не замѣчали, по крайней мѣрѣ тѣ, съ которыми я говорилъ объ этомъ предметѣ когда-либо. Эти черты очень тонки, простому глазу незамѣтны, даже еслибы указать ихъ; но, будучи употреблены, какъ источникъ, какъ золотыя жилы рудниковыхъ глыбъ, обращенныя въ цвѣтущую пѣснь языка и поэзіи нынѣшней доступной, они поразятъ и зашевелятъ сильно. Но объ этомъ можно поговорить.

Сахаровъ [2]), несмотря на свое доброе намѣреніе, глупъ. Онъ долженъ быть молодой человѣкъ. На вещи, на которыя нужно глядѣть простыми глазами, онъ глядитъ въ чортъ знаетъ какія преогромныя очки, а, главное, теперь страшно важничаетъ, приступая къ какому-нибудь дѣлу. Началъ полнымъ трактатомъ о славянской миѳографіи, а предметъ этой миѳографіи абсевега славянскихъ суевѣрій да одна журнальная статейка на двухъ страничкахъ. Наговорившись о нихъ до-сыта, я думаю: «Ну, теперь, братъ, подавай-ка намъ собственныя свои мысли!» а собственныхъ-то онъ и позабылъ, ихъ-то и не сказалъ: вмѣсто этого слѣдуетъ описаніе игры въ горѣлки, гдѣ говоритъ, что она производится на зеленомъ лугу въ пріятномъ мѣстѣ и что нѣтъ счастливѣе возраста юности и любви, и слѣдуютъ о любви и о подобныхъ предметахъ цѣлыя страницы. Меня остановила мысль, или лучше сказать,—вздоръ этой мысли: что будто-бы намъ нужно отвергнуть всѣхъ боговъ, о ко-

---

ныхъ познаніяхъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что Погодинъ далеко не такъ презрительно относился къ Ефимову и многое въ показанныхъ ему портфеляхъ признавалъ вовсе не лишеннымъ интереса. См. «Годъ въ чужихъ краяхъ», т. II, стр. 117 и 119.

[1]) Извѣстный ученый, Иванъ Михайловичъ Снегиревъ, авторъ нѣсколькихъ трудовъ по народной поэзіи.

[2]) Иванъ Петровичъ, извѣстный авторъ «Сказаній русскаго народа»; см. о немъ въ «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпина, т. I, стр. 276—313.

торыхъ не говоритъ Несторъ, что они или составлены послѣ, или были у другихъ народовъ, къ которымъ онъ причисляетъ и другихъ славянъ. Но Несторъ монахъ и лѣтописецъ текущихъ событій. Ему нѣтъ нужды перечислять всѣхъ боговъ. Притомъ, какъ христіанинъ и монахъ, онъ не могъ углубляться въ предметъ презрительный и неприличный для христіанина въ то время. Но объ этомъ поговоримъ тоже.

Ничего я до сихъ поръ не сдѣлалъ для Колара [1]). Видѣлся наконецъ съ Демидовымъ [2]), но лучше, еслибы не дѣлалъ этого. Чудакъ страшный! Его останавливаетъ — что бы ты думалъ? Что скажетъ государь? Что мы переманиваемъ австрійскаго подданнаго. Изъ-за этого могутъ произойти непріятности между двумя правительствами. Я толковалъ ему, что мы не переманиваемъ, но что это вспоможеніе, которое оказать никому не можетъ быть воспрещено, но замѣтилъ, что мои убѣжденія были похожи на резиновый мячикъ, которымъ сколько ни бей въ стѣну, онъ отъ нея только-что отскакиваетъ [3]). Словомъ, это меня разсердило, и я не пошелъ къ нему на обѣдъ, на который онъ меня приглашалъ на другой день [4]). А Вѣльгорскій хочетъ, и я съ нимъ согласенъ: онъ хочетъ написать объ этомъ Уварову, и вздразнить [5]) его самолюбіе. Но я теперь объ этомъ ему не напоминаю, потому что онъ ходитъ какъ убитый.

Іосифъ, кажется, умираетъ рѣшительно. Бѣдный, кроткій, благородный Іосифъ [6])! Можетъ быть, его не будетъ уже на

---

[1]) Извѣстный славянскій ученый.

[2]) Павелъ Николаевичъ; о немъ см. также въ письмѣ къ Данилевскому отъ 26 (14) февраля 1843 года.—По словамъ А. С. Данилевскаго, Павелъ Демидовъ былъ женатъ на Аврорѣ Карловнѣ Шерваль, а братъ его, Анатолій, былъ женатъ на сестрѣ Жерома Наполеона. У Кулиша здѣсь пропускъ до словъ: «Мои убѣжденія»...

[3]) Гоголь, несомнѣнно, подъ впечатлѣніемъ разговора съ Демидовымъ, писалъ по поводу Коробочки: «Иной почтенный и даже государственный человѣкъ, какъ зарубилъ себѣ въ голову, тутъ его ничѣмъ не переспоришь; сколько ему ты ни представляй доводовъ, ясныхъ какъ день, все отскакиваетъ отъ него, какъ резиновый мячъ отъ стѣны» (Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 49 и «Матеріалы для біографіи», III, 425).

[4]) Послѣ этого у Кулиша пропускъ до словъ: «Іосифъ, кажется умираетъ рѣшительно».

[5]) Въ подлинникѣ созвучное, но слишкомъ рѣзкое выраженіе.

[6]) Іосифъ Михайловичъ Вѣльгорскій, сынъ Михаила Юрьевича Вѣльгорскаго. О немъ см. въ слѣдующихъ письмахъ.

свѣтѣ, когда ты будешь читать это письмо. Не житье на Руси людямъ прекраснымъ; однѣ только свиньи тамъ живущи [1])!

Писемъ къ тебѣ на почтѣ больше нѣтъ. Я справлялся постоянно. Кланяется тебѣ Грифи [2]). Онъ сегодня мнѣ объявилъ послѣ многихъ *о*, *о*, *о*, что занимается очень важными двумя сочиненіями, которыя печатаетъ. Одно—сравненіе русскихъ съ австріяками, въ которомъ (онъ) говоритъ, что австріяки смотрятъ только на однѣ запятыя, а русскіе не смотрятъ. Другое сочиненіе о Рафаэлѣ, о Сибиллахъ; кажется, ихъ толкованіе мистическое. «Una cosa», говоритъ, «affata, non scritta mai». Я думаю, что эти два сочиненія будутъ совершенно одинакихъ достоинствъ.

Здоровье мое такъ же неопредѣленно, и глупо, и странно, какъ и при тебѣ. Живу надеждою на Маріенбадъ, а съ нимъ вмѣстѣ и на пріятность съ тобою увидаться.

Прощай! Обнимаю васъ обоихъ. Обними также за меня Шевырева. Прощай, мой ненаглядный. Я думаю, другого письма нечего писать къ тебѣ: оно тебя, вѣрно, не найдетъ. А то не дурно, коли строки двѣ пришлешь. До свиданья!..

LXXXV. Къ А. С. Данилевскому.

Римъ. Мая 8 1839 [3]).

Я получилъ, послѣ небольшого антракта, наконецъ твое письмо, то есть, то письмо, въ которомъ ты жалуешься на негодность свою [4]), во всякомъ дѣлѣ и особливо въ журнальномъ, противъ чего [5]), впрочемъ, не спорю, ибо признаю ее въ послѣднемъ градусѣ силъ во мнѣ самомъ. Но

---

[1]) Эта фраза у Кулиша пропущена.

[2]) Грифи былъ отрекомендованъ Гоголемъ Погодину, какъ хорошій учитель итальянскаго языка (См. «Матеріалы для біогр.», т. III, стр. 277).

[3]) Это письмо Кулишомъ ошибочно было отнесено къ 1841 г., въ чемъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія сопоставленіе его съ другими письмами 1839 г. (см. дальнѣйшія примѣчанія).

[4]) Слово: «свою» приписано сверху строки.

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «рѣшительно». Вѣроятно, эти строки вызваны словами письма Данилевскаго на слѣдующее предложеніе Гоголя въ письмѣ отъ 2 апрѣля 1839 г.: «Примись за что-нибудь! пиши» и проч.; особенно же Данилевскій могъ имѣть въ виду слова Гоголя: «Погодинъ и Шевыревъ примутся издавать, настоящій, дѣльный журналъ; *ты бы могъ трудиться для него тоже*» (выше, стр. 582).

я представилъ тебѣ подобное именно для того, чтобы поставить на видъ, какъ средство, къ которому, можетъ быть, придется наконецъ прибѣгнуть.

Новости твои изъ дому, какъ кажется, совершенно неутѣшительны. Этотъ Иванъ Семеновичъ [1]), который купилъ дрожки для разъѣздовъ по экономіи, кажется, не выйдетъ большимъ хозяинамъ, и не думаю, чтобы экономія получила существенныя выгоды отъ этихъ дрожекъ. Съ другой стороны, я не вижу никакой возможности поправить эту часть, зане мы съ тобою, какъ самъ знаешь, тоже небольшіе экономы.

Приглашеніе твое въ Ахенъ, увы! несмотря на всю пріятность увидаться съ тобою, никакъ не можетъ меня подвигнуть. Золотуха теперь одна изъ самыхъ сноснѣйшихъ [2]) моихъ болѣзней и, кажется, теперь давно уже угасла, но крайней мѣрѣ я не вижу никакихъ ея признаковъ. Главный дьяволъ у меня въ желудкѣ. Притомъ одна уже мысль объ Ахенѣ и о трактирѣ Карломановомъ, и объ несчастнѣйшемъ, покрытомъ пылью гуляньѣ, и объ моей болѣзни въ горлѣ, которая тамъ приключилась, и объ тоскѣ, которая тамъ задаетъ свои балы во всемъ своемъ разгульѣ, и объ красномъ Энгельгардтѣ [3]), которому тамъ посчастливилось узнать врага своего; словомъ, ничто, ничто не можетъ заманить туда во второй разъ. И послѣ этой представившейся мнѣ картины Маріенбадъ мнѣ показался не только сноснымъ, но даже заманчивымъ. Хотя, при-

---

[1]) Братъ Александра Семеновича Данилевскаго, котораго дрожки почему-то произвели фуроръ и вошли въ извѣстность, такъ что ихъ называли по его имени и отчеству: «дрожки Ивана Семеновича». Впрочемъ здѣсь имѣла значеніе и вообще извѣстность его въ уѣздѣ. См. въ письмѣ Гоголя отъ 5 іюня 1839 г.: «Человѣкъ, дрожки котораго называются по имени и отчеству, а не по фамиліи, безъ всякаго сомнѣнія, пребываетъ въ возможности дать взаймы». (выше, стр. 612—613).

[2]) Прежде было: «легчайшихъ».

[3]) Гоголь вспоминаетъ здѣсь свое пребываніе съ Данилевскимъ въ Ахенѣ въ 1836 г. Объ Энгельгардтѣ, къ сожалѣнію, я не могъ въ свое время спросить Данилевскаго, потому что, не имѣлъ случая видѣть подлинникъ, находившійся въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, членомъ котораго я тогда не былъ, и не зналъ, что инициалъ Э у Кулиша означаетъ здѣсь: Энгельгардтъ.—Данилевскій разсказалъ намъ по поводу этого письма: «Ахенъ, гдѣ мы проскучали нѣсколько дней, обильно, но плохо обѣдали въ нарядныхъ гостиницахъ, задыхались отъ пыли на гуляньѣ, понятно, оставилъ въ Гоголѣ не особенно пріятное впечатлѣніе». («Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 121).

знаться, грустно подумать—оставлять Италію. Тамъ теперь хорошо! и [1]) май, какой чудный, прекрасный май! ты [2]) знаешь, каковъ онъ въ Римѣ! Альбано, Фраскати, ослы и эти чудесныя деревья и лазурныя небеса. Чего не позабудешь въ это время! и слишкомъ нужно быть сильной болѣзни физической, чтобы не позабыть ее хотя въ половину.

Но разскажи мнѣ, что дѣлаютъ теперь твои гости [3]), мои добрые, мои истинно вѣрные друзья, гдѣ ты ихъ водишь и какъ проводите вы тамъ время, которое, вѣрно, тебѣ кажется теперь сноснѣе въ Парижѣ, я думаю, теперь совершенно ограбленномъ Лондономъ [4]), отчасти отдаленными южными небесами, а болѣе всего цѣлительными водами и ключами. Кстати, писалъ ли я тебѣ о томъ, что если Маріенбадъ мнѣ не поможетъ, поѣду въ Грефенсбергъ [5]) на лѣченіе холодною [6]) водою, которое, въ самомъ дѣлѣ, производитъ чудеса надъ всякаго рода болѣзнями и преимущественно надъ тѣми, которыя лѣчатся сильной испариной? Говорятъ, производитъ лошадиныя испаренія. Прощай!..

LXXXVI. Къ П. Н. Демидову.

Милостивый государь, Павелъ Николаевичъ! Мое сожалѣніе на мои неудачи васъ видѣть такъ велико, что я рѣшилъ писать къ вамъ. Нѣтъ, во что бы то ни стало, но я долженъ васъ видѣть. Впечатлѣніе, оставленное вами въ моемъ сердцѣ, слишкомъ пріятно и сильно, чтобъ отъ этого отказаться. Это не условіе, не приличіе, нѣтъ, это потребность внутренняя, въ которой я самъ не могу дать себѣ отчета, которая понуждаетъ меня видѣть и слышать васъ еще одинъ разъ. Вы сами въ этомъ виноваты; зачѣмъ вы стали выше вашихъ соотечественниковъ, прочихъ аристократовъ? Зачѣмъ вы мыслите болѣе и дальновиднѣе устремляете взглядъ на предметы, чѣмъ многіе другіе? Вы должны

[1]) У Кулиша: «но» (V, 444).

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «его».

[3]) Т. е. Погодинъ и Шевыревъ (см. выше, стр. 587 д. слѣд.).

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «и».—Не было ли въ то время въ Лондонѣ выставки или чего-либо подобнаго?

[5]) Такъ написалъ Гоголь вмѣсто: Грефенбергъ. Гоголь звалъ Данилевскаго въ Маріенбадъ въ письмѣ отъ 25 марта и 2 апрѣля 1839 г. (см. выше, стр. 579 и 591) и въ Грефенбергъ.

[6]) У Кулиша «холодной».

теперь бояться двойной осады: со стороны людей, которые влекутся къ вамъ вашими отношеніями, вашимъ положеніемъ въ свѣтѣ, вашею щедростью и богатствомъ, и, наконецъ, со стороны людей, которые гоняются по всему свѣту за умомъ и чувствами, такъ рѣдкими на этомъ свѣтѣ.

Я терпѣлъ въ жизни строгую нужду, не былъ богатъ и не имѣлъ никакихъ связей, но умѣлъ гордо презирать одно и не искать другого.

Не зная еще вашихъ достоинствъ личныхъ, я васъ почиталъ по имени, которое слилось съ народностію и Россіею и осталось съ ними нераздѣльнымъ съ вашимъ подвигомъ для просвѣщенія: но никогда бы я не приблизился къ вамъ. Ваше богатство стояло передо мною рубежомъ, какъ вдругъ вашъ раздавшійся голосъ и ваше полное великодушія предстательство о мнѣ, вамъ неизвѣстномъ, вниманіе къ малой крупицѣ моего таланта,—все это меня тронуло сильно. Это уже вамъ извѣстно. Это было однимъ изъ пріятнѣйшихъ моихъ воспоминаній, какія только вывезъ съ собою изъ Россіи. Но, признаюсь, я убѣгалъ старательно встрѣчи съ вами, мнѣ не хотѣлось, чтобы вы перемѣнили обо мнѣ ваше доброе мнѣніе. Мы обыкновенно воображаемъ видѣть писателя чѣмъ-то болѣе обыкновеннаго человѣка, стало-быть, чѣмъ-то болѣе, чѣмъ онъ есть, и увидѣвши пошлую, даже слишкомъ обыкновенную его фигуру, мы никакъ не можемъ соединить съ ней то лицо, которое намъ представлялось въ мысляхъ. Вотъ почему мнѣ не хотѣлось, чтобы вы меня когда-либо увидали, хотя очень хотѣлъ васъ увидѣть. Но теперь, когда мнѣ удалось услышать лично изъ устъ вашихъ просвѣщенный образъ вашихъ сужденій и глубокое знаніе Россіи, рѣдкое въ государственномъ человѣкѣ, и вашъ твердый, вѣрный взглядъ на вещи и ваши мнѣнія, когда все это удалось, говорю, услышать, неужели я буду такъ глупъ, что не постараюсь ими воспользоваться? Нѣтъ, вы для меня кладъ,—я теперь привязанъ къ вамъ собственнымъ своимъ интересомъ. Я васъ увижу; этого мало: я, по старой авторской наглости, поймаю пальцемъ петлю вашего кафтана и заставлю васъ выслушать четыре, пять огромныхъ листовъ и добьюсь вашего сужденія, которое для меня дорого, и это неизбѣжно, какъ судьба. Вамъ только остается заранѣе и добровольно согласиться и назначить часъ, когда я, не помѣшавъ вамъ въ занятіяхъ, могу имѣть это счастіе.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и вѣчною, признательною преданностію, вашъ покорнѣйшій слуга

Н. Гоголь [1]).

LXXXVII. Къ А. С. Данилевскому.

Римъ. Мая 16-го (1839) [2]).

Вчера я получилъ твое письмо отъ 4-го мая. Дѣлай какъ хочешь, и распоряжайся на счетъ водъ. Во всякомъ случаѣ я прошу отъ тебя одного: вылѣчись и будь здоровъ. Что касается до меня, я ѣду, можетъ быть, для того, чтобы очистить совѣсть и не упрекать себя потомъ [3]), что не попробовалъ еще одного средства. Признаюсь, я не столько надѣюсь на самый Маріенбадъ, сколько на Грефенбергъ [4]), на его холодное лѣченіе, объ которомъ ежеминутно слышу чудеса, которое (лѣчитъ) [5]) удивительно золотушныя, венерическія, ломотныя и ревматизмы,—словомъ, всѣ болѣзни, кромѣ грудныхъ, и потому я думаю, что они должны также лѣчить успѣшно желудочныя и геморроидальныя [6]) болѣзни, въ которыхъ, какъ тебѣ извѣстно, холодная вода [7]) не можетъ не быть употреблена съ пользою.

Желалъ бы очень сильно я, чтобы ты получилъ скорѣе

---

[1]) Это письмо было впервые напечатано А. А. Гатцукомъ въ «Русской Старинѣ» (1888, III 766 — 767) со слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Объ этомъ, повидимому, Демидовѣ, подъ литерами G. G., Гоголь неблагосклонно отзывается, какъ въ письмѣ къ А. С. Данилевскому (V т., стр. 430, «Соч. и письма Гоголя», Кулиша), когда онъ еще не видѣлся съ Демидовымъ, такъ и послѣ свиданія: «Видѣлся, наконецъ, съ Демидовымъ; но лучше бы не дѣлалъ этого. Чудакъ страшный!..» (V т., стр. 370). Гоголь былъ натура слишкомъ впечатлительная и подвижная, чтобы можно было ставить ему въ упрекъ нерѣдко встрѣчающіяся въ его письмахъ противорѣчія въ мнѣніяхъ о людяхъ; тѣмъ болѣе невозможно подозрѣвать его въ лести и искательствѣ относительно Демидова или кого другого.»—Трудно опредѣлить время написанія этого письма. Помѣщаемъ его, предположительно приводя въ связь съ предыдущимъ. Покойный А. А. Гатцукъ нашелъ копію этого письма въ бумагахъ О. М. Бодянскаго, который послѣ помѣщательства Трушковскаго принялъ было на себя (до Кулиша) изданіе сочиненій и писемъ Гоголя.

[2]) Это письмо впервые напечатано нами въ «Вѣстникѣ Европы», 1890, II, стр. 578, потомъ перепечатано въ «Матеріалахъ для біографіи», т. III, стр. 283—284.

[3]) Послѣ этого зачеркнуто какое-то только-что начатое слово.

[4]) Въ подлинникѣ: «Греффенсбергъ» (sic).

[5]) Это слово вырвано.

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «прот...».

[7]) Въ подлинникѣ: «игра». (Sic).

подкрѣпленіе денежное[1]). Съ какою бы радостью подѣлился[2]) съ тобою я этимъ презрѣннымъ металломъ, еслибы судьба меня надѣлила имъ.

Писалъ ли ты послѣ моего письма къ Васькѣ [3]), и такъ, какъ я тебѣ говорилъ? Это человѣкъ, котораго нужно гвоздить порядочно, а безъ того будетъ мало успѣха [4]).

LXXXVIII. Къ С. П. Шевыреву.

(Изъ Рима, въ маѣ, 1839.)

Благодарю тебя милліонъ разъ за твое милое письмо и цѣлую тебя за него, и обнимаю. Я радъ очень, что ты доволенъ своимъ помѣщеніемъ и совершенно спокоенъ: безъ этого нельзя начать, какъ слѣдуетъ, своихъ наблюденій. Между прочимъ не позабудь провѣдать и найти Тургенева [5]) [если только онъ въ Парижѣ]. Онъ вамъ очень будетъ полезенъ. Данилевскій [6]) долженъ знать адресъ его. Если случится тебѣ встрѣтиться съ Мицкевичемъ [7]), обними его за меня крѣпко.

Новость твоя объ Уваровѣ достигла и сюда. Лучше ея, конечно, не могло ничего быть: это первая, сколько мнѣ помнится, утѣшительная новость изъ Россіи. — Кажется, мстительная тѣнь Пушкина вмѣшалась въ это дѣло и, защищая за гробомъ любезныя ей права литературы и просвѣщенія, наконецъ настигла преслѣдуемаго неизбѣжно ею хищника. Здѣсь говорятъ объ этомъ разно, но никто не знаетъ настоящаго дѣла. Я тутъ вижу чудо, и больше ничего. Уваровъ съ его гибкостью, съ его всѣми условіями, требуемыми правительствомъ, могъ лишиться его милости— это почти непостижимо!.. Я бы желалъ знать день и часъ, въ который это случилось...

Со мной происходятъ какія-то пророческія событія. Не

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «и».

[2]) Прежде было: «бы дѣлился... бы...»

[3]) Василію Яковлевичу Прокоповичу. См. выше, стр. 589.

[4]) Начиная отъ слова: «гвоздить», приписано съ боку страницы.

[5]) Александра Ивановича.

[6]) Данилевскій не особенно сошелся съ Погодинымъ и Шевыревымъ, но обоимъ понравился. Смотри записку о немъ Погодина Шевыреву въ «Русск. Арх.», 1883, I, стр. 88 и «Матеріалы для біографіи», III, 284—285.

[7]) Объ отношеніяхъ Гоголя къ Мицкевичу см. въ «Матеріалахъ для біографіи», т. III, стр. 166, 214. (См. выше, стр. 431, примѣч. 3 и 507).

случилось ли это въ тотъ самый день, въ который я написалъ ему приговоръ послѣ разговора нашего съ Погодинымъ: объ этомъ приговорѣ скажетъ тебѣ Погодинъ. Я хотѣлъ было разослать его по знакомымъ въ Россію, но теперь натурально оставлю его въ портфелѣ, какъ памятникъ моихъ тогдашнихъ движеній. Лежачаго не бьютъ [1]).

Прощай, мой милый и добрый.

Твой Гоголь.

Письмо твое я получилъ только вчера. Четыре дня я не видалъ Софьи Борисовны: всѣ эти дни и ночи вмѣстѣ я проводилъ у одра больного Іосифа, моего Вьельгорскаго. Бѣдненькій, онъ не можетъ остаться минуты, чтобы я не былъ возлѣ. И было бы безсовѣстно съ моей стороны, еслибы я не заплатилъ, увы! можетъ быть, послѣдняго долга дружбы, и потому я пишу къ тебѣ немного, но мы знаемъ теперь еще короче другъ друга, и наши души договорятъ остальное [2]). Софья Борисовна, я нахожу, поправилась. Воздухъ здѣшней весны для ней, видно, очень хорошъ.

LXXXIX. Къ М. П. Балабиной.

Май 30, 1839. Римъ.

Я получилъ ваше письмо и, распечатавши [3]), долго не вѣрилъ, ваше ли это письмо, вы ли пишете ко мнѣ. Какъ вы перемѣнились! Уже годъ, какъ я не получалъ отъ васъ писемъ, и вы въ этотъ одинъ годъ такъ выросли и образовались чувствами, мыслями и душой. Какая зрѣлость и быстрый ходъ! Даже почеркъ [4]) письма вашего измѣнился [5]), даже русскій языкъ и падежи васъ слушаются. Я вижу теперь, это справедливо, что дѣвушка на 18-мъ году въ одинъ годъ проходитъ тотъ курсъ, который нашему брату едва дается въ нѣсколько лѣтъ. Вы писали ваше письмо,

---

[1]) Весь этотъ отрывокъ, начиная отъ словъ: «новость твоя объ Уваровѣ» и проч., у Кулиша пропущенъ; возстановляемъ его по копіи, принадлежащей Московскому Публичному и Румянцовскому Музею; впервые этотъ пропускъ былъ напечатанъ нами въ «Матеріалахъ для біографіи», т. III, стр. 289—290.

[2]) Ср. «Ночи на виллѣ». (Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 530—532 и «Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 256—263).

[3]) У Кулиша: «распечатавъ»; въ точной копіи М. П. Вагнеръ: «распечатавши».

[4]) Это слово написано сверху зачеркнутаго: «характеръ».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «начиная съ почерка».

какъ сами говорите, подъ вліяніемъ записокъ Александрова, или Дуровой, которыя вы въ то время читали. Ваши сужденія объ этой книгѣ [1]) и оригинальны и вмѣстѣ тонки и вѣрны. Ваши мысли тѣ же, какія я зналъ въ васъ и встрѣчалъ прежде. То же въ нихъ своеобразное выраженіе вашего характера, и я бы угадалъ ихъ, зная хорошо васъ, еще прежде, чѣмъ вы бы ихъ сказали. Но онѣ получили здѣсь такую зрѣлую оболочку, такую точность, такъ выразились ясно, отчетливо, что я вижу — это и вы, и не вы вмѣстѣ. Еслибы ваше письмо пришло нѣсколькими мѣсяцами раньше, я бы съ готовностію и живою, многорѣчивою охотою пустился бы соглашаться съ вами и поперечить вамъ, и судить, и спорить обо всѣхъ тѣхъ предметахъ, о которыхъ вы пишете; но чувствую, что теперь буду и тупъ, и вялъ, и глупъ. Мысли не лѣзутъ вовсе изъ моей головы: другія, совершенно непризванныя, являются на мѣсто призываемыхъ. Увы! я пишу къ вамъ тоже подъ вліяніемъ книги, которую теперь читаю, но другой и какъ противоположной вашей! Печальны и грустно-краснорѣчивы ея [2]) страницы. Я провожу теперь безсонныя ночи у одра больного, умирающаго моего друга Іосифа Вьельгорскаго [3]). Вы, безъ сомнѣнія, о немъ слышали, можетъ быть, даже видѣли его иногда; но вы, безъ сомнѣнія, не знали ни прекрасной души его, ни прекрасныхъ чувствъ его, ни его сильнаго, слишкомъ твердаго для молодыхъ лѣтъ характера, ни необыкновенной основательности [4]) ума его; и все это—добыча неумолимой смерти; и не спасутъ его ни молодыя лѣта, ни права на жизнь, безъ сомнѣнія, прекрас-

---

[1]) Слово «и» у Кулиша пропущено.

[2]) Прежде было: «мои».

[3]) О горячей привязанности Гоголя къ молодому графу Іосифу Михайловичу Вielьгорскому, о кончинѣ послѣдняго и проч. см. въ «Матеріалахъ для біографіи», т. III, стр. 256—265. Молодой Вielьгорскій скончался на рукахъ Гоголя и Елизаветы Григорьевны Чертковой. Съ тѣхъ поръ всѣ Вielьгорскіе сильно полюбили Гоголя, который выѣхалъ навстрѣчу его матери, графинѣ Луизѣ Карловнѣ и первый объявилъ ей о его кончинѣ. Когда онъ сказалъ ей это, она сѣла на полъ, накрыла лицо шалью и просидѣла въ неподвижномъ положеніи двое сутокъ. Гоголь не отходилъ отъ нея: онъ все старался ее растрогать, чтобы она заплакала, и, наконецъ, это удалось ему, когда онъ сказалъ: «бѣдный Іосифъ! онъ умиралъ безъ матери!» Тутъ она разразилась рыданіями. («Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 263 — 264). Впрочемъ, по другому разсказу, дѣло происходило иначе.

[4]) У Кулиша: «необыкновеннаго, основательнаго».

ную и полезную! Я живу теперь его умирающими днями, ловлю минуты его [1]). Его улыбка, или на мгновеніе развеселившійся видъ уже для меня эпоха, уже происшествіе въ моемъ однообразно проходящемъ днѣ. Итакъ не вините меня, если я глупъ и не умѣю къ вамъ написать письмо [2]) такъ же умно, какъ вы написали его ко мнѣ. Бѣдный мой Іосифъ! одинъ единственно прекрасный и возвышенно благородный изъ вашихъ петербургскихъ молодыхъ людей, и тотъ!.. Клянусь, непостижимо странна судьба всего хорошаго у насъ въ Россіи! Едва только оно успѣетъ показаться—и тотъ же часъ смерть! безжалостная, неумолимая смерть! Я ни во что теперь не вѣрю, и если встрѣчаю что прекрасное, то [3]) жмурю глаза и стараюсь не глядѣть на него. Отъ него мнѣ несетъ [4]) запахомъ могилы. «Оно на короткій [5]) мигъ», шепчетъ глухо внятный мнѣ голосъ. «Оно дается для того, чтобы существовала по немъ вѣчная тоска сожалѣнія, чтобы глубоко и болѣзненно крушилась по немъ душа.»

Кстати о прекрасномъ. Когда я думалъ объ васъ (я объ васъ часто думаю и особенно о вашей будущей судьбѣ), я думалъ: «Кому-то вы достанетесь? Постигнетъ ли онъ васъ и доставитъ ли вамъ счастіе, котораго вы такъ достойны?» Я перебиралъ всѣхъ молодыхъ людей нашихъ въ Петербургѣ: тотъ просто глупъ, другой получилъ какъ-то несчастную крупицу ума и зато уже хочетъ выказать ее всему свѣту; тотъ ни глупъ, ни уменъ, но бездушенъ, какъ самъ Петербургъ. Одинъ былъ человѣкъ, на которомъ я остановилъ взглядъ—и этотъ человѣкъ готовится не существовать болѣе въ мірѣ... Вы извините, что я пустился быть вашей свахой, что называется иначе кума. Мое мысленное сватовство, какъ вы видите, неудачно... Я вамъ все говорю, я не хитрю съ вами, не таю отъ васъ моихъ мыслей. Дѣлайте и вы такъ со мною [6]).

Зачѣмъ вы ни слова не написали мнѣ о вашемъ здоровьи, о его подробномъ, то есть [7]), состояніи? Я бы вамъ далъ совѣтъ очень не хуже докторскаго. Знайте же: ваша

---

[1]) См. «Ночи на виллѣ». (Соч. Гог., изд. X, п. V, стр. 530—532).

[2]) Слово: «письмо» вписано сверху зачеркнутыхъ: «такъ умно».

[3]) У Кулиша: «тотчасъ же».

[4]) У Кулиша: «несетъ мнѣ».

[5]) У Кулиша: «краткій».

[6]) Все это мѣсто, начиная отъ словъ: «кстати о прекрасномъ», у Кулиша пропущено.

[7]) Такъ у Кулиша; въ копіи М. П. Вагнеръ слова: «*то-есть*» нѣтъ.

болѣзнь излѣчима совершенно, и со мною согласны всѣ тѣ, которымъ я давалъ идею о вашей болѣзни. Вы должны лѣчиться холодною водою въ Греффенбергѣ [1]). Слышали ли вы о чудесахъ, производимыхъ тамъ медикомъ, воспитаннымъ одною натурою, безъ помощи медицинскихъ академій, и проч. и проч.? Я одинъ изъ числа самыхъ невѣрующихъ, какъ вы сами знаете, и всегда сомнительно качалъ головою, когда слышалъ, какъ вы внимали взорамъ Фишера, или глотали ваши гомеопатическіе порошки и аллопатическія гадости въ видѣ микстуръ. Но, клянусь, я самъ, своими глазами видѣлъ такія чудеса! Нѣтъ, я умоляю вашу маменьку всѣми силами небесными — испытать это средство. Холодной водой лѣчатъ всѣ болѣзни, кромѣ грудныхъ, но болѣе всего лѣчатъ болѣзни вашего рода. Въ вашей болѣзни самое главное — нужно произвести испарину. Холодная вода въ рукахъ этого медика производитъ такую испарину, о которой нельзя имѣть понятія [2]). Если ваша болѣзнь даже, просто, только головной ревматизмъ, то ревматизмы цѣлятся удивительно. Словомъ, послушайте слова истины и поѣзжайте.

Кстати о здоровьѣ и болѣзняхъ, если о нихъ уже мы заговорили. Говорятъ, для больного нѣтъ большаго наслажденія, какъ встрѣтиться тоже съ больнымъ и наговориться съ нимъ досыта о своихъ болѣзняхъ. Они говорятъ объ этомъ съ такимъ наслажденіемъ, съ какимъ говорятъ только обжоры о съѣденныхъ ими блюдахъ. Итакъ, вслѣдствіе этого, скажу вамъ о своемъ тоже здоровьи. Здоровье мое «non vale un fico», какъ говорятъ итальянцы,—хуже нынѣшней русской литературы, о которой вы мнѣ доставили въ вашемъ письмѣ извѣстіе [3]). Лѣтомъ ѣду въ Маріенбадъ на одинъ мѣсяцъ. Вы не повѣрите, какъ грустно оставить на одинъ мѣсяцъ Римъ и его [4]) ясныя, его [5]) чистыя небеса, мою красавицу, мою ненаглядную землю. Опять я увижу эту п...ую [6]) Германію, гадкую, запачканную и закопченную табачищемъ... Но я позабылъ [7]), что вы ее такъ любите,

---

[1]) Второе упоминаніе объ увлеченіи Гоголя лѣченіемъ Принцица; первомъ см. выше, стр. 591.

[2]) Начиная отъ словъ: «въ вашей болѣзни», все это мѣсто у Кулиша пропущено.

[3]) У Кулиша: «извѣстія».

[4]) У Кулиша: «мои».

[5]) Вмѣсто этого у Кулиша снова: «мои».

[6]) Это бранное слово у Кулиша пропущено.

[7]) У Кулиша: «забылъ».

и чуть было не сказалъ еще нѣсколько приличныхъ ей эпитетовъ. Впрочемъ совершенно не понимаю вашей страсти. Или, можетъ быть, для этого нужно жить въ Петербургѣ, чтобы почувствовать, что Германія хороша? И какъ вамъ не совѣстно! Вы, которыя такъ восхищались въ вашемъ письмѣ Шекспиромъ, этимъ глубокимъ, яснымъ, отражающимъ въ себѣ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, весь огромный міръ и все, что составляетъ человѣка, и вы, читая его, можете въ то же время думать о нѣмецкой дымной путаницѣ! И можно [1]) ли сказать, что всякій нѣмецъ есть Шиллеръ?! Я согласенъ, что онъ Шиллеръ, но только тотъ Шиллеръ, о которомъ вы можете узнать, если будете когда-нибудь имѣть терпѣніе прочесть мою повѣсть «Невскій Проспектъ». По мнѣ, Германія есть не что другое, какъ самая неблаговонная отрыжка гадчайшаго табаку и мерзѣйшаго пива. Извините маленькую неопрятность этого выраженія. Что жъ дѣлать, если предметъ самъ неопрятенъ, несмотря на то, что нѣмцы издавна славятся опрятностью? Но вы, я думаю, на меня сердитесь за это ужаснымъ образомъ и, можетъ быть, даже имѣете маленькое желаніе поджарить меня за это на медленномъ огнѣ. Но полно! больше не буду васъ сердить.

Вы меня очень заинтересовали новымъ романомъ, который вы читали и который вамъ понравился. Я вѣрю, что [2]) онъ долженъ быть очень хорошъ, ибо всѣ ваши сужденія въ этомъ вашемъ послѣднемъ письмѣ такъ основательны, что я никакъ не смѣю имъ не вѣрить [отсюда исключается словъ нѣсколько о нѣмцахъ]. Я говорю о романѣ Миклашевичевой [3]), о которомъ вы пишете. Дѣйствительно [4]), рѣдкость у насъ на Руси. Порядочный романъ!.. что-то очень... [5]). У меня на языкѣ вертѣлось [6]) вставить здѣсь одно слово, которое чрезвычайно просилось на языкъ, но лучше повоздержаться. Не все то можно, что хочется сказать [7]), особенно [8]) въ письмѣ; ибо есть очень много такихъ почтенныхъ людей, которые чрезвычайно любятъ [можетъ быть, даже изъ любви къ просвѣ-

---

[1]) У Кулиша: «можете».
[2]) Слово «что» у Кулиша пропущено.
[3]) Онъ не былъ напечатанъ. *Примѣч. перваго изданія.*
[4]) У Кулиша: «онъ, точно»...
[5]) Здѣсь слова два вырвано облаткою. *Примѣч. перваго изданія.*
[6]) Это слово вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «ввернуть».
[7]) Это слово у Кулиша пропущено.
[8]) У Кулиша: «особливо».

щенію] читать чужія письма и доставлять такимъ образомъ невинное утѣшеніе добродушной душѣ своей, а иногда выводить даже изъ этого невинныя сплетни. Въ вашемъ письмѣ, между прочимъ, еще теплятся слѣды восторга, чувствованнаго вами при представленіи «Гамлета». Вы имъ полны. Впечатлѣнія ваши живы и сильны. Такъ они и должны быть. Вы его смотрѣли въ первый разъ, и актеръ, исполнявшій роль его, долженъ былъ вамъ нравиться безусловно, совершенно. Таковъ законъ, которому подвергается живая, исполненная чувства душа. Потомъ вы будете тоже восхищаться, но будете болѣе находить большихъ промаховъ въ актерѣ. Каратыгинъ есть одинъ изъ тѣхъ актеровъ, который вдругъ и съ перваго раза влечетъ къ себѣ, схватываетъ васъ въ охапку насильно и уноситъ съ собой, такъ что вы не имѣете даже времени очнуться и придти въ себя. Есть [1]) роли совершенно въ его родѣ. Но большая часть ролей, созданныхъ Шекспиромъ, и въ томъ числѣ Гамлетъ, требуютъ тѣхъ добродѣтелей, которыхъ недостаетъ въ Каратыгинѣ [2]). Вы можете это увидѣть [3]) только послѣ, по долгомъ соображеніи и долгомъ изученіи характеровъ, созданныхъ Шекспиромъ, и потому я не хочу говорить вамъ объ этомъ. Лучше, если вы дойдете къ этому сами.

Вы спрашиваете меня (о новостяхъ [4]), что происходитъ новаго среди вѣчныхъ древностей? Все прекрасно, чудесно. Больше ничего не могу сказать. Цвѣтутъ розы, темнѣютъ кипарисы, ослѣпительно сіяетъ синій небесный сводъ, убраны по-праздничному всѣ развалины и вашъ другъ Колизей [5]). Но вы все это знаете и безъ моихъ словъ. Картина Бруни [6]), о которой вы интересуетесь знать, кажется, стоитъ на томъ же, на чемъ стояла. Вѣкъ художника, кажется, оканчивается, когда онъ оставляетъ (разъ [7]) Италію, и, дохнувъ тлетворнымъ [8]) дыханіемъ сѣвера, онъ, какъ цвѣтокъ юга, никнетъ головою. Бруни какъ будто бы прихватило петер-

---

[1]) У Кулиша: «Эти роли».

[2]) Послѣ этого зачеркнуто: «что именно требуетъ».

[3]) У Кулиша: «увидать».

Въ то время еще немногіе понимали это; Гоголь замѣчательно сходится здѣсь во взглядѣ съ Бѣлинскимъ.

[4]) Этого слова нѣтъ въ копіи М. П. Вагнеръ, но оно есть у Кулиша.

[5]) См. итальянское письмо къ М. П. Балабиной и переводъ его.

[6]) Извѣстный художникъ.

[7]) Этого слова въ копіи М. П. Вагнеръ нѣтъ.

[8]) У Кулиша: «дохнувъ холоднымъ».

бургскимъ морозомъ; по крайней мѣрѣ кисть его скользитъ лѣниво и [1]) не работаетъ. Объ аббатѣ Ланчи [2]) не имѣю никакихъ свѣдѣній [3]).

Вы пишете и спрашиваете, когда я буду къ вамъ. Это задача для меня самого, которую, признаюсь, я не принимался даже еще разрѣшать. Притомъ же вы подали совѣтъ моему двоюродному брату [4]) такой, который и мнѣ можетъ пригодиться. Прощайте. Будьте здоровы. Не оставьте совершенно безъ вниманія поданный мною вамъ совѣтъ насчетъ здоровья вашего — я имѣю хорошее предчувствіе и не сердитесь за глупость письма моего. Право, еслибы вы знали положеніе души моей, о, вы бы извинили глупость письма моего [5]).

Прощайте, напишите мнѣ скорѣе въ Маріенбадъ, poste restante.

Гоголь.

XC. Къ М. П. Погодину.

(1839).

Получилъ я твою приписочку, милый мой другъ. Очень радъ, что вамъ помѣщеніе пришлось по душѣ. Елисавету Васильевну [6]) слѣдовало бы, впрочемъ, пожурить немножко за то, что она захворала. Но я надѣюсь, что это больше ничего, какъ усталость послѣ большой дороги. Докторъ здѣсь — отдыхъ, и потому, поручая ему заботу, ожидаю съ нетерпѣніемъ описанія и отчета вашего вояжу.

Я теперь очень и слишкомъ занятъ моимъ больнымъ Вѣльгорскимъ: [7]) сижу надъ нимъ ночи безъ сна и ловлю всѣ его мановенія. Есть святыя услуги дружбы, и я долженъ теперь ихъ исполнить. Но удивительно — я не чувствую

---

[1]) У Кулиша: «а».

[2]) Съ Lanci. Гоголь встрѣчался у Балабиныхъ, но самъ имъ вовсе не интересовался. См. выше, стр. 499.

[3]) У Кулиша: «никакого свѣдѣнія».

[4]) А. С. Данилевскому. Совѣтъ ему, повидимому, заключался въ томъ, чтобы не приходить въ отчаяніе отъ разстроенныхъ дѣлъ и не спѣшить выѣздомъ изъ Парижа.

[5]) У Кулиша: «меня». Остальное у Кулиша опущено.

[6]) Жену Погодина.

[7]) Погодинъ немного зналъ Вѣльгорскаго, который успѣлъ произвести на него хорошее впечатлѣніе (см. «Годъ въ чужихъ краяхъ», т. II, стр. 26 и 52).—Письмо это безъ даты помѣщаемъ здѣсь, какъ и слѣдующее за нимъ письмо къ Данилевскому, такъ какъ было написано передъ самою смертью І. М. Вѣльгорскаго.

никакой усталости, здоровье мое ничуть не сдѣлалось хуже. Даже лицо мое не носитъ никакихъ знаковъ изнеможенія. Находятъ даже меня поправившимся. Сладки и грустны мои минуты нынѣшнія. Но я вѣчно благодарю Бога, что во мнѣ случилась эта надобность и что именно случился въ это время я, а не лицо чуждое, неродное, непріятное для больного.

Прощай. Цѣлую тебя. Будь здоровъ..

XCI. Къ А. С. Данилевскому.

Римъ. Іюнь 5 (1839 [1]).

Письмо твое пахнетъ унынiемъ, даже чтобы не сказать отчаянiемъ и припадками рѣшительной безнадежности. Мнѣ кажется только, что послѣднимъ двумъ слишкомъ рано предаваться. Неужели тебѣ уже рѣшительно ничего не остается на свѣтѣ, которое бы тебя привязывало? Погоди, по крайней мѣрѣ, покамѣстъ я умру, тогда уже можешь предаться имъ,—но крайней мѣрѣ, сыскать [2]) какой-нибудь предлогъ для нихъ, если они тебѣ такъ нравятся; а до того времени Богъ знаетъ... Конечно, я не имѣю теперь отъ себя [3]) никакихъ средствъ тебѣ помочь; но вѣдь я еще живу, стало быть, я на что-нибудь тебѣ нуженъ [4]). Впрочемъ, я состоянiе твое совершенно понимаю. Одиночество въ этомъ пустынно-многолюдномъ Парижѣ, и притомъ еще въ это время года, время [5]) томительныхъ жаровъ, которые вездѣ томительны, кромѣ Италiи,—это, конечно, страшно [6]). Еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ грустно покидать на два мѣсяца Римъ! Почти такъ же грустно, какъ тебѣ оставаться въ Парижѣ. Я недавно еще чувствовалъ одну сильную, почти незнакомую для меня, въ эти лѣта грусть,—грусть живую, грусть прекрасныхъ лѣтъ [7]) юношества, если не отрочества души. Я похоронилъ на дняхъ моего друга, котораго мнѣ

---

[1]) На оборотѣ ясно видно—на почтовомъ клеймѣ: 1839.

[2]) У Кулиша: «искать».

[3]) Переправлено изъ другого слова.

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «словомъ, для тебя, кажется, нѣтъ мѣста... Что же касается, впрочемъ...»

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «времени тѣхъ».

[6]) Слова: «это, конечно, страшно» вписаны сверху строки.

[7]) Это слово также вписано сверху.

дала судьба въ то время, въ ту эпоху [1]) жизни, когда друзья уже не даются. Я говорю объ моемъ Іосифѣ Вьельгорскомъ [6]). Мы давно были привязаны другъ къ другу, давно уважали другъ друга, но сошлись тѣсно, неразрывно и рѣшительно братски только, увы! во время его болѣзни. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени была это благородно-высокая, младенчески-ясная душа. Выскочки (sic) ума и таланта мы видимъ иногда часто (sic) [7]) у людей; но умъ и талантъ и вкусъ, соединенные съ такою строгою основательностью, съ такимъ твердымъ [8]), мужественнымъ характеромъ, — это явленіе, рѣдко повторяющееся между людьми. И все было у него на 23 году возраста. И при твердости [9]) характера, при стремленіи дѣйствовать полезно и великодушно, такая дѣвственная чистота чувствъ! Это былъ бы [10]) мужъ, который бы украсилъ одинъ будущее[11]) царствованіе Ал(ександра) Ник(олаевича). Всѣ прочіе его окружающіе хоть бы крупицу таланта имѣли! И [12]) прекрасное должно было погибнуть, какъ гибнетъ все прекрасное у насъ на Руси [13]).

Ты опять сидишь безъ извѣстій [14]) о домѣ. Я думаю, мнѣ кажется, лучше всего покамѣстъ тебѣ обратиться къ сестрѣ; она такъ добра и такъ полна къ тебѣ братской любви, что я не могу подумать, чтобъ она тебя могла оставить въ минуту, когда тебѣ такъ нужна помощь; при томъ же она одна въ состояніи понять настоящее твое положеніе. Напиши, представь ей хорошенько и живо — твое положеніе. Я не думаю, чтобы она отказала тебѣ, это невозможно! Ты лѣнивъ, тебѣ трудно подвигнуться на что-нибудь; мнѣ кажется, сначала бы написать въ Лубны къ Ивану Сем(еновичу) твоему [15]): человѣкъ,

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: «моей».
[2]) Слова: «это, конечно, страшно» вписаны сверху строки.
[3]) Это слово вписано.
[4]) Іосифа Михайловича Віельгорскаго.
[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «моей».
[6]) Въ подлинникѣ: «Вельегорскомъ».
[7]) Послѣ этого на ходу письма зачеркнуто: «про...»
[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «такимъ».
[9]) Вписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «силѣ».
[10]) Послѣ этого зачеркнуто: «одинъ».
[11]) Это слово вписано сверху.
[12]) Послѣ этого зачеркнуто: «это».—Предыдущая фраза, начиная отъ словъ: «всѣ прочіе», у Кулиша пропущена.
[13]) У Кульша невѣрно: «въ Россіи».
[14]) У Кулиша: «вѣстей».
[15]) Послѣ этого зачеркнуто: «онъ, какъ модный человѣкъ, безъ всякой».

братья котораго называются по имени и отчеству, а не (по) фамиліи, безъ всякаго сомнѣнія, пребываетъ въ возможности дать взаймы [1]). Словомъ, тебѣ средства есть. Нельзя, чтобы ихъ не было. На то данъ человѣку умъ или [2]) даже простой инстинктъ. Но на тебя странно дѣйствуетъ нужда. Она тебя не [3]) подстрекаетъ на изобрѣтеніе, какъ обыкновенно бываетъ, а подавляетъ тебя всего [4]) собою. Твой умъ [5]) менѣе всего — я замѣчалъ — дѣйствуетъ въ это время; на него находитъ летаргическое усыпленіе, и ты самъ идешь навстрѣчу отчаянію, съ распростертыми руками и объятіями, тогда какъ ему слѣдовало бы иногда, вмѣсто этого, дать под(затыльника) [6]).

Но довольно объ этомъ предметѣ. Мнѣ очень жаль, что ты мало сошелся и сблизился съ своими гостями [7]). Впрочемъ, и то сказать, что пріѣхавшій въ Парижъ новичокъ худой товарищъ обжившемуся парижанину. Первый еще жаждетъ и ищетъ; другой уже усталъ и утомленъ. Имъ трудно сойтиться, и особливо, когда времени всего только одинъ мѣсяцъ. Жаль! они были бы для тебя полезны. Впрочемъ, я надѣюсь, они будутъ еще полезны тебѣ послѣ.

О, какъ бы я желалъ быть сію же минуту въ состояніи... [8]) впрочемъ напиши по крайней мѣрѣ, сколько тебѣ нужно, чтобы выѣхать изъ Парижа и переѣхать на воды, чтобы (ничто) [9]) тебя не задерживало. Я не потому спрашиваю тебя, чтобъ имѣлъ возможность тебѣ сейчасъ помочь, но потому, чтобы знать, чтобы имѣть въ виду, чтобы вѣдать [10]), какъ при случаѣ нужно иногда дѣйствовать, чтобы иногда, хоть по крайней мѣрѣ жестомъ, помочь тебѣ, или выраженіемъ рожи, какъ дѣлаетъ человѣкъ, когда видитъ, что другому больно...

Прощай, мой милый! Цѣлую тебя. Твой *Г.*

---

[1]) Начиная отъ словъ: «Я думаю, мнѣ кажется...», у Кулиша пропускъ, а въ подлинникѣ впослѣдствіи посторонною рукою перечеркнуто такъ сильно, что съ большимъ трудомъ можно было разобрать.

[2]) У Кулиша: «и».

[3]) Это слово вписанс сверху.

[4]) Послѣ этого зачеркнуто: «своей».

[5]) Это слово вписано сверху.

[6]) Здѣсь смягчено выраженіе

[7]) Погодинъ и Шевыревъ тѣмъ не менѣе полюбили Данилевскаго; см. объ этомъ «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. III, стр. 284—285.

[8]) Многоточіе въ подлинникѣ.

[9]) Это слово пропущено.

[10]) Приписано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «знать».

XCII. Къ матери.

1839, іюнь. Римъ.

Я получилъ не такъ давно ваше письмо, почтеннѣйшая маменька, на которое не могъ отвѣчать раньше сегодня. Судя по его содержанію, я думаю, что оно должно было быть предшествуемо другимъ, котораго я не получилъ [1]), потому что вы говорите о какомъ-то молодомъ человѣкѣ, о которомъ я доселѣ не слыхалъ и не могу знать—о комъ и, наконецъ о какихъ-то двоюродныхъ сестрахъ вашихъ, проживающихъ у васъ, о которыхъ я тоже отъ васъ прежде не слышалъ. Мнѣ очень жаль, если ваше письмо пропало. Вы еще пишете, что дѣти боятся экзамена и письма ихъ къ вамъ наполнены опасеніями и проч. и проч. Это совершенный вздоръ и васъ никакъ не должно безпокоить. Это робость, свойственная всѣмъ въ этомъ возрастѣ. Послѣ окончанія экзамена онѣ сами будутъ надъ ней смѣяться. Вы пишете еще, что опасаетесь за старшую сестру на счетъ ея робости, и что эта робость увеличилась отъ доставленныхъ мною имъ знакомствъ. Какъ можно такъ несправедливо думать: напротивъ, это одно средство, которое было причиною уменьшенія ихъ робости. Онѣ, пріѣхавши изъ деревни, были совершенныя дикарки, отъ которыхъ посторонній человѣкъ не могъ добиться слова. Теперь по крайней мѣрѣ онѣ могутъ вести разговоръ въ обществѣ и произнести нѣсколько удовлетворительныхъ словъ. Я имъ доставлялъ знакомства постепенно и притомъ такія, которыя не заставляли ихъ вовсе жеманиться, но быть совершенно простыми и непринужденными, знакомства, которыя могли имъ доставить пользу существенную, образовать ихъ умъ, и вмѣсто всего этого... Можно ли такъ судить! [2]).

Я вамъ очень благодаренъ, маменька, за ваши воспоминанія обо мнѣ и любовь вашу. Но я васъ прошу не очень заботиться на счетъ пріуготовленія нужныхъ по вашему

---

[1]) Послѣ этого у Кулиша слѣдуетъ пропускъ до словъ: «Я вамъ очень благодаренъ, маменька»; онъ былъ напечатанъ мною въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя» (т. III, стр. 321—322), по копіи, принадлежащей Московскому Публичному и Румянцовскому Музею.

[2]) О робости Анны и Елизаветы Васильевныхъ см. разсказъ въ воспоминаніяхъ послѣдней въ «Руси» (1885, № 26), также въ «Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ» С. Т. Аксакова («Русск. Архивъ», 1890, VIII, стр. 26—29).

мнѣнію вещей. Мнѣ рѣшительно въ этомъ родѣ ничего не нужно. Напрасно вы нашили мнѣ рубашекъ. Я ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, не могу носить и не буду, потому что онѣ сшиты не такъ, какъ я привыкъ. Лучше обождать, покамѣсть вы будете имѣть на образецъ мою рубашку, на манеръ которой вы можете уже заказать мнѣ сшить. Во всякомъ случаѣ не нахожу словъ, какъ благодарить васъ за ваши заботы.

Что касается до времени моего пріѣзда, то ничего навѣрно не могу вамъ сказать: все это будетъ зависѣть отъ моего здоровья и обстоятельствъ. Впрочемъ я постараюсь быть непремѣнно къ выпуску сестеръ въ Петербургѣ, хотя заранѣе содрогаюсь отъ нашего жестокаго климата, который рѣшительно былъ признанъ гибельнымъ докторомъ для моего здоровья. Больше ничего не имѣю вамъ теперь сказать. Прощайте до слѣдующаго письма. Для лучшаго и исправнѣйшаго полученія писемъ, адресуйте ваше письмо въ Маріенбадъ, въ Богемію [1]); оттуда оно будетъ ко мнѣ отправлено вѣрнѣйшимъ образомъ...

Вашъ любящій много сынъ.

XCIII. Къ Е. Г. Чертковой (альбомная замѣтка) [2]).

Наша дружба священна. Она началась на днѣ табакерки. Тамъ встрѣтились наши носы и почувствовали братское расположеніе другъ къ другу, несмотря на видимое несходство ихъ характеровъ. Въ самомъ дѣлѣ: вашъ красивый, щегольской, съ весьма пріятною выгнутою линіею; а мой рѣшительно птичій, остроконечный и длинный, какъ Браунъ, могущій навѣдываться лично, безъ посредства пальцевъ, въ самыя мелкія табакерки (разумѣется, если не будетъ оттуда отраженъ щелчкомъ). Какая страшная разница! только между городомъ Римомъ и городомъ Клиномъ можетъ существовать подобная разница. Впрочемъ, несмотря на смѣшную физіономію, мой носъ очень добрая ско-

---

[1]) Потомъ Гоголь отказался отъ этихъ своихъ словъ (см. письмо отъ 26 сентября 1839 года, писанное якобы изъ Трієста, а на самомъ дѣлѣ изъ Москвы; см. примѣч. къ тому письму).

[2]) Впервые напечатано въ «Русской Старинѣ», 1870, т. II, № 11, стр. 528—529 со слѣдующимъ примѣчаніемъ редактора: «Эта шутливая замѣтка написана Гоголемъ въ бытность его въ Римѣ въ альбомъ доброй его знакомой г-жѣ Е(лизаветѣ) Г(ригорьевнѣ) Чертковой), передъ отъѣздомъ ея въ Россію. Г-жа Елизавета Г(ригорьевна) Черткова) нюхала табакъ.

тина: не вздергивался никогда кверху или къ потолку; не чихалъ въ угожденіе начальникамъ и начальству—словомъ, несмотря на свою непомѣрность, велъ себя очень умѣренно, за что, безъ сомнѣнія, попалъ въ либералы. Но въ сторону носы! [1])—Этотъ предметъ очень плодовитъ, и о немъ было довольно писано и переписано; жаловались вообще на его глупость, и что онъ нюхаетъ все безъ разбору, и зачѣмъ онъ выбѣжалъ на средину лица. Говорили даже, что совсѣмъ не нужно носа; что вмѣсто носа гораздо лучше, еслибы была табакерка, а носъ бы носилъ всякій въ карманѣ въ носовомъ платкѣ. Впрочемъ все это вздоръ и ни къ чему не ведетъ. Я носу своему очень благодаренъ. Онъ мнѣ говоритъ немножко объ вашемъ русскомъ табакѣ, отъ котораго я чихалъ, пріятно чихалъ. Табакъ говоритъ мнѣ о патріотизмѣ, отъ котораго я также чихалъ довольно часто. Патріотизмъ говоритъ мнѣ о Москвѣ, до сихъ поръ мною любимой, Москва—о васъ, вы—объ ангелахъ и объ ангельскихъ, т. е. вашихъ качествахъ. Ибо, какъ вамъ извѣстно, ангелъ и чортъ — это два идеала, къ которымъ стремятся мужчины и женщины. Отъ женщины требуется, чтобъ она была ничуть не хуже ангела; отъ мужчины, — чтобъ немного былъ лучше чорта. Ваше назначеніе вы исполнили: вы ничѣмъ не хуже ангела; но лучше ли я чорта—это еще не рѣшено. Во всякомъ случаѣ надъ нами странно-прихотливая игра случая: ангела онъ посылаетъ въ тотъ...?.. [2]) климатъ, который былъ бы въ пору чорту, а чорта усаживаетъ въ рай, гдѣ долженъ бы обитать ангелъ [3]). Но и въ виду этихъ чистыхъ римскихъ небесъ, въ странѣ, гдѣ все чудеса, на увѣшанныхъ и увѣнчанныхъ плющемъ развалинахъ, цѣлуемыхъ южными, теплыми поцѣлуями широкко, тоскующій чортъ будетъ помнить долго свой отдаленный адъ и ангела, сіяющаго въ небольшомъ уголкѣ его сумрачнаго пространства.

Н. В. Гоголь.

---

[1]) Ср. въ итальянскомъ письмѣ къ М. П. Балабиной: «Ma lasciamo in pace i nasi» (выше, стр. 477). «Но оставимъ въ покоѣ носы» (стр. 178).

[2]) Это слово пропущено въ «Русской Старинѣ».

[3]) Т. е. похожую на ангела Черткову посылаетъ въ Москву, а похожаго на чорта автора письма усаживаетъ въ рай, т. е. въ Римъ.

XCI. Къ ней же [1].

Вѣна, іюня 22.

Странная вещь! Какъ-только напьюсь чаю, въ ту же минуту кто-то невидимкой [2]) толкаетъ меня подъ руку писать къ вамъ, и Елисавет(а) Григорьевна не сходитъ ни на минуту съ мыслей. И отчего бы это? Пусть бы еще эта потребность являлась во время кофію, тогда, по крайней мѣрѣ, понятно. Кофій клеится въ моей памяти съ вами: вы сами мнѣ клали сахаръ и наливали; но во время чаю [3]) вы не брали на себя никакой должности. Отчего же это? Я теряюсь и становлюсь похожимъ на того почтеннаго гражданина и дворянина, который всю жизнь свою задавалъ себѣ вопросъ, почему онъ Хрисанѳій, а не Иванъ, и не Макеимъ, и не Онуфрій, и даже не Кондратъ [4]) и не Прокофій [5]). Вы, вѣрно, знаете, отчего вы живёте въ моихъ мысляхъ послѣ чаю. Вѣрно, вы одинъ разъ, напившись его, вообразили, что льете мнѣ его на голову и вылили вашу чашку на полъ. Или хотѣвши нивернуть блюдечкомъ мнѣ [6]) въ лобъ, попали имъ въ верхнюю губу и передній зубъ вашего доктора, который только-что успѣлъ вамъ разсказать, какъ весь городъ удивляется терпѣнію вашего Гриши, или, можетъ быть, ваша Лиза, взявши чашку съ чаемъ и, приготовляясь пить, закричала во весь голосъ: «ахъ мама, вообрази—здѣсь въ чашкѣ сидитъ Гоголь?» Вы бросились съ мѣста и вскрикнули: «гдѣ Гоголь»? Лиза принялась ловить ложечкой въ стаканѣ и закричала вновь: «ахъ, это не Гоголь, это муха!» И вы увидѣли, что это была, точно, муха и, можетъ быть, въ эту минуту [7]) сказали: «ахъ, зачѣмъ эта муха, которая такъ надоѣдала мнѣ, уже далеко отъ меня!» Словомъ, что-нибудь, вѣрно, случилось, иначе мнѣ бы не было такого сильнаго, желанія писать къ вамъ именно послѣ чаю [8]). Вы мнѣ [9]) обыкновенно представляетесь сидя-

---

[1]) Это письмо было впервые напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1867, III, стр. 473—475.

[2]) Въ подлинникѣ неясно: «невидимкой» или «невидимый».

[3]) Слово «чаю» вписано сверху строки.

[4]) Въ подлинникѣ: «Кодратъ».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто: «и то».

[6]) Въ подлинникѣ: «меня».

[7]) Послѣ этого зачеркнуто: «вы».

[8]) Послѣ этого зачеркнуто: «и хотя мнѣ чай вреденъ и отнынѣ я буду пить чай... его...»

[9]) Эти слова вписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутыхъ: «другое время».

щею въ креслахъ, въ вашихъ креслахъ. Но послѣ чаю вы стоите возлѣ меня живо, опершись на спинку стула, и какъ будто что-то говорите. Почти такъ, какъ, помните, одинъ [1]) разъ вы сказали или, можетъ, даже подумали такъ, что сосѣдъ вашъ вовсе не слыхалъ, а услышалъ я. Вы сидѣли у окна, ваши губы едва [2]) шевельнулись, или почти не шевельнулись. Вы мнѣ лучше и чаще представляетесь въ эту минуту. Словомъ, хотя мнѣ чай вреденъ, но я буду его пить чаще, чтобы [3]) имѣть подобныя минуты.

Знаете ли, что это письмо пишется къ вамъ изъ Вѣны? Я могъ бы сію минуту сходить въ poste restante и взять тамъ ваше письмо и написать на него отвѣтъ, но я не хотѣлъ этого сдѣлать для того, чтобы до завтра быть въ сладкой увѣренности, что тамъ лежитъ точно ваше письмо ко мнѣ. Если жъ тамъ нѣтъ его — Боже! сколько злости прольется, всѣмъ достанется: и нѣмцамъ, и Вѣнѣ, и шлянамъ, и перчаткамъ, и мостовой, и собственному носу, о чемъ, какъ кажется, было уже писано. И ни одному нѣмцу, который будетъ сидѣть со мною въ дилижансѣ, не позволю выкурить ни одной сигары, — пусть онъ треснетъ, проклятый!

Прощайте, цѣлую ваши ручки. *(Гоголь)* [4]).

XCV. Къ С. П. Шевыреву.

Вѣна. 10 августа (1839) [5]).

Третьяго дни я получилъ письмо твое. Какъ оно мнѣ было пріятно, объ этомъ нечего говорить. Оно было бы пріятно даже безъ этой важной новости, тобою объявляемой: но съ этою новостью, увѣсистой, крупной новостью, оно и сказать нельзя, какъ хорошо. Ты за Дантомъ! ого-го-го! и объ этомъ ты объявляешь такъ, почти въ концѣ письма [6]). Да, спаси Богъ за это Мюнхенъ и ту скуку, которую онъ поселилъ въ тебя! Но не совѣстно ли тебѣ,

---

[1]) Слова: «одинъ разъ» вписаны сверху строки.

[2]) Слово: «едва» вписано сверху строки.

[3]) Послѣ этого зачеркнуто: «видѣть».

[4]) Въ подлинникѣ вмѣсто подписи росчеркъ.

[5]) А. И. Кирпичниковъ, по разнымъ соображеніямъ, полагаетъ, что это письмо Гоголь по ошибкѣ подписалъ: *10 августа* — вмѣсто *10 сентября*.

[6]) Шевыревъ, прекрасный знатокъ итальянскаго языка, сильно увлекался тогда Дантомъ. Извѣстенъ его стихъ, поднятый на смѣхъ Бѣлинскимъ: «Что въ моръ купаться, то Данта читать».

не приложить въ письмѣ двухъ-трехъ строкъ? Клянусь моимъ честнымъ словомъ, что желаніе ихъ прочесть у меня непреодолимое! О, какъ давно я не читалъ стиховъ! а въ твой переводъ я вѣрю, вѣрю непреложно, рѣшительно, безсомнѣнно. Это мало, что ты владѣешь стихомъ и что стихъ твой силенъ: такимъ былъ онъ и прежде; но что̀ самое главное и чего меньше было у тебя прежде, это внутренняя, глубокая, текущая изъ сердца поэзія: нота, взятая съ вѣрностью удивительною и такимъ скрипачомъ, у котораго въ скрипкѣ сидитъ душа. Все это я заключаю изъ тѣхъ памятныхъ мнѣ стиховъ въ день моего рожденія, которые ты написалъ въ Римѣ [1]). Донынѣ я ихъ читаю, и мнѣ кажется, что я слышу Пушкина. Я не знаю, знаешь ли ты и чувствуешь ли, во сколько разъ ты болѣе въ нихъ сталъ поэтомъ противъ прежняго поэта. Вотъ почему я такъ обрадовался твоему огромному предпріятію. И ты не прислалъ мнѣ даже образчика! Хорошо ли это? Да знаешь ли ты, что это необходимо? и тебя, вѣрно, мучитъ тайное желаніе прочитать свое начало и слышать судъ. Безъ этого не могъ существовать ни одинъ художникъ. Вслѣдствіе это (го) [2]) пришли мнѣ непремѣнно сколько хочешь и можешь. Я не покажу никому и не скажу никому. Ай да Мюнхенъ! Ты долженъ имя его выгравировать золотыми буквами на порогѣ дому твоего.

Что̀ касается до меня, я... странное дѣло, я не могу и не въ состояніи работать, когда я преданъ уединенію, когда не съ кѣмъ переговорить, когда нѣтъ у меня между тѣмъ другихъ занятій и когда я владѣю всѣмъ пространствомъ времени, неразграниченнымъ и неразмѣреннымъ. Меня всегда дивилъ Пушкинъ, которому для того, чтобы писать, нужно было забраться въ деревню, одному, и запереться. Я, наоборотъ, въ деревнѣ никогда ничего не могъ дѣлать, и вообще я не могу ничего дѣлать, гдѣ я одинъ и гдѣ я чувствовалъ скуку. Всѣ свои нынѣ печатные грѣхи я писалъ въ Петербургѣ, и именно тогда, когда я былъ занятъ должностью, когда мнѣ было некогда, среди этой живости и перемѣны занятій, и чѣмъ я веселѣе провелъ канунъ, тѣмъ вдохновеннѣй возвращался домой, тѣмъ свѣ-

---

[1]) Объ этихъ стихахъ говоритъ Погодинъ въ своемъ «Воспоминаніи о Шевыревѣ», стр. 22—23, но странно, что эти стихи были произнесены Шевыревымъ *17 декабря 1838 г.* (См. «Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 267).

[2]) Не дописано.

жѣе у меня было утро... Въ Вѣнѣ я скучаю. Погодина до сихъ поръ нѣтъ [1]). Ни съ кѣмъ почти незнакомъ, да и не съ кѣмъ, впрочемъ, знакомиться. Вся Вѣна веселится, и здѣшніе нѣмцы вѣчно веселятся. Но веселятся нѣмцы, какъ извѣстно, скучно, пьютъ пиво и сидятъ за деревянными столами, подъ каштанами, — вотъ и все тутъ. Трудъ мой, который началъ, не йдетъ; а, чувствую, вещь можетъ быть славная [2]). Или для драматическаго творенія нужно работать въ виду театра, въ омутѣ со всѣхъ сторонъ уставившихся на тебя лицъ и глазъ зрителей, какъ я работалъ во времена оны? Подожду, посмотримъ. Я надѣюсь много на дорогу. Дорогою у меня обыкновенно развивается и приходитъ на умъ содержаніе; всѣ сюжеты почти я обдѣлывалъ въ дорогѣ. Неужели я ѣду въ Россію? я этому почти не вѣрю. Я боюсь за свое здоровье. Я же теперь совсѣмъ отвыкъ отъ холодовъ: каково мнѣ переносить? Но обстоятельства мои такого рода, что я непремѣнно долженъ ѣхать: выпускъ моихъ сестеръ изъ института, которыхъ я долженъ устроить судьбу и чего нѣтъ возможности никакой поручить кому-нибудь другому. Словомъ, я долженъ ѣхать, несмотря на все мое нежеланіе. Но какъ только обдѣлаю два дѣла — одно относительно сестеръ, другое драмы, если только будетъ на это воля всемогущаго Бога, доселѣ помогавшаго мнѣ въ этомъ, какъ только это улажу, то въ февралѣ уже полечу въ Римъ и, я думаю, тебя еще застану тамъ. Между тѣмъ я сижу все еще въ Вѣнѣ. Погодина еще нѣтъ. Время стоитъ прекрасное. Тепло и вѣчно хорошая погода.

Прощай. Пиши и не забудь просьбы... Твой *Гоголь.*

CXVI. Къ М. П. Погодину.

1839 г., августа 15. Маріенбадъ.

Благодарю тебя много за твою записку изъ Егера. Слова ея утѣшительны. Мнѣ было очень пріятно ее читать. Бла-

---

[1]) Гоголь ожидалъ Погодина въ Вѣнѣ, чтобы ѣхать вмѣстѣ въ Маріенбадъ.

[2]) Рѣчь идетъ о драмѣ изъ малороссійской жизни подъ заглавіемъ: «Выбритый усъ», не оконченной и брошенной въ каминъ. Объ этой драмѣ см. замѣчанія П. С. Тихонравова. (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 663; т. V, стр. 673, 677, гдѣ цитируется данное мѣсто изъ письма къ Шевыреву, 677—679, «Русь», 1880, № 6, стр. 10 и проч. и «Матеріалы для біографіи», т. III, стр. 291, 334, 454, 457 и статью Кулиша: «Замѣтки и наброски П. В. Гоголя для драмы изъ украинской исторіи» («Основа», 1861, I, стр. 116—120).

годарю. Еще нѣтли на полторы остаюсь въ Маріенбадѣ. Время настало ясное, дождей нѣтъ. Ничего особеннаго со мною не случилось. Слышу пустоту безъ тебя, но не грушу. Малороссійскія пѣсни со мною. Запасаюсь и тщусь сколько возможно надышаться стариной. Прощай, мой безцѣнный, и будь здоровъ. Равномѣрное желаніе посылаю и Елисаветѣ Васильевнѣ. Твой *Гоголь*.

Бенардаки [1]) еще не получалъ ни письма, ни коляски. Онъ тебѣ кланяется.

XCVII. Особая приписка (въ письмѣ къ Погодину, изъ Вѣны).

На всякій случай, если нескоро меня отыщешь, оставляю записочку въ poste restante. Живу zum (sic) Römischen Kaiser, Freiung, комната 27. Твой Гоголь [2]).

XCVIII. Къ С. П. Шевыреву.

Вѣна. 25 августа (1839).

Я хотѣлъ писать къ тебѣ съ Погодинымъ и совершенно обезтолковѣлъ въ день его выѣзда; даже позабылъ, что онъ долженъ ѣхать черезъ Мюнхенъ. Я сегодня только, виноватъ, вчера пріѣхалъ въ Вѣну. Передъ выѣздомъ моимъ изъ Маріенбада получилъ письмо отъ Погодина изъ Мюнхена [3]), въ которомъ онъ говоритъ о тебѣ и пересылкѣ

---

[1]) Извѣстный богатый откупщикъ. См. также то письмо къ П. В. Нащокину (1842 г.), въ которомъ Гоголь желаетъ склонить его заняться воспитаніемъ дѣтей Бенардаки (во II томѣ).

Бенардаки, по словамъ С. Т. Аксакова, «былъ единственнымъ человѣкомъ въ Петербургѣ, который называлъ Гоголя геніальнымъ писателемъ и знакомство съ нимъ ставилъ себѣ за большую честь». («Русск. Архивъ». 1890, VIII, стр. 25). Познакомился (или ближе сошелся) Гоголь съ Бенардаки въ Маріенбадѣ, гдѣ они часто составляли тріо съ Погодинымъ. (См. напр. Погодина: «Годъ въ чужихъ краяхъ», т. IV, стр. 74 и проч.). Въ одномъ мѣстѣ Погодинъ говоритъ о немъ: «Гоголь выспрашивалъ Бенардаки о разныхъ искалъ и, вѣрно, дополнитъ свою галлерею оригинальными портретами, которые когда-нибудь увидимъ на сценѣ» (т. IV, стр. 75). Бенардаки потомъ оказалъ въ Москвѣ значительную денежную помощь въ 2000 р. (См. «Русск Арх.», 1900, VIII, стр. 24—25).

[2]) Эту приписочку возстановляемъ по копіи, принадлежащей Московскому Публичному и Румянцовскому Музею.

[3]) Гоголь разстался съ Погодинымъ въ Маріенбадѣ, но послѣ снова съѣхался съ нимъ. Въ книгѣ Погодина: «Годъ въ чужихъ краяхъ», читаемъ (въ дневникѣ подъ 8 августа): «Прогулявшись съ Гоголемъ, благословилъ его остаться долѣчиваться и пріѣхать въ Вѣну навстрѣчу» (т. IV, стр. 84).

какой-то статуйки Фіезоле, о которой я ничего не знаю и которую ты перешлешь. Мнѣ бы слѣдовало сходить на почту и узнать, не написалъ ли и ты чего-нибудь ко мнѣ, но не хочется потерять утра и хочется хотя два-три слова написать къ тебѣ. Это желаніе сердца—хотя эти два, три слова вовсе пустыя и не значатъ ничего, но въ нихъ нуждалось сердце. Я еще не видѣлъ тебя ни разу, послѣ нашего *ты*. Ты теперь мнѣ гораздо дороже и ближе, чѣмъ прежде, и мнѣ жаль, что я не скоро буду видѣться съ тобою... Теперь о себѣ. Что я въ Маріенбадѣ, ты это зналъ. Лучше ли мнѣ, или хуже, Богъ его знаетъ. Это рѣшитъ время. Говорятъ, слѣдствія водъ могутъ быть видимы только послѣ. Но что̀ главное и что̀, можетъ быть, тебя заинтересуетъ [ибо ты любишь меня, какъ и я люблю тебя] это — посѣщеніе, которое сдѣлало мнѣ вдохновеніе. Передо мною выясниваются и проходятъ поэтическимъ строемъ времена казачества, и, если я ничего не сдѣлаю изъ этого, то я буду большой дуракъ [1]). Малороссійскія ли пѣсни, которыя теперь у меня подъ рукою, навѣяли ихъ, или на душу мою нашло само собою ясновидѣніе прошедшаго, только я чую много того, что̀ нынѣ рѣдко случается. Благослови!

Напиши мнѣ, часто ли получаешь вѣсти изъ Рима и что̀ дѣлаетъ Софья Борисовна, каково ей понравилась жизнь во Фраскати, и отъ меня самый добрый и здравожелательный поклонъ. О Римъ, Римъ! мнѣ кажется, пять лѣтъ я въ тебѣ не былъ. Кромѣ Рима, нѣтъ Рима на свѣтѣ, хотѣлъ было сказать—счастья и радости, да Римъ больше, чѣмъ счастіе и радость. Адресуй мнѣ письмо въ poste restante. Я еще, думаю, проживу въ Вѣнѣ, чтобы получить болѣе, чѣмъ одно письмо твое. Впрочемъ пиши тогда, когда тебѣ захочется. Мнѣ всегда казалось странно требовать непремѣнно въ извѣстное время письма. Это для писемъ должностныхъ, а для писемъ вольныхъ, сердечныхъ, нѣтъ правила: они напишутся скорѣе и быстрѣе, чѣмъ думаешь, если только ихъ требуетъ сердце...

На дняхъ пріѣдетъ къ вамъ, если уже не пріѣхалъ, Иноземцевъ [2]), которому отдай, пожалуйста, это письмо.

---

[1]) Рѣчь идетъ все о той же драмѣ изъ малороссійской жизни: «Выбритый усъ», какъ и въ предъидущемъ письмѣ.

[2]) Знаменитый московскій докторъ.

XCIX. Къ матери.

Вѣна. 1839. августа 28 [1]).

Все-таки я отъ васъ не получаю писемъ. Я вамъ, кажется, адресъ такой доставилъ, по которому нельзя и думать, чтобы письма могли меня не найти, или до меня не дойти. Вотъ вамъ еще одинъ адресъ: лучше всего адресуйте въ Москву на имя Погодина, который мнѣ доставитъ ихъ аккуратно и даже черезъ курьера, что будетъ еще скорѣе и исправнѣе. (Надписывайте на пакетѣ вотъ какимъ образомъ: «Его Высокоблагородію Михаилу Петровичу Погодину, профессору Императорскаго Московскаго Университета, на Дѣвичьемъ полѣ, въ собственномъ домѣ для доставленія Николаю Васильевичу Гоголю») [2]).

Къ октябрю, или ноябрю, можетъ быть, я самъ буду въ Москву. Знаю, что дѣлаю дурно, что мнѣ рано еще возвращаться въ Россію, что здоровье мое не укрѣпилось и что я испорчу этимъ все; но что дѣлать? нужно ѣхать выкупать сестеръ изъ института и устроить, сколько можно лучше, ихъ судьбу. Богъ милостивъ, авось-либо удастся хорошо обдѣлать это дѣло. Во всякомъ случаѣ, нужно смотрѣть только на то, что истинно и существенно имъ полезно, и умѣть жертвовать всѣмъ для ихъ счастья. Но я не могу теперь много писать. Когда получу ваше письмо, котораго ожидаю съ нетерпѣніемъ, тогда. Теперь прощайте [3]). Цѣлую ваши ручки и желаю вамъ быть здоровыми.

Вашъ сынъ *Н. Гоголь.*

C. Къ сестрамъ Аннѣ Васильевнѣ и Елизаветѣ Васильевнѣ.

Вѣна. Августа 30 (1839) [4]).

Право, на васъ я сердитъ не въ шутку, точно, истинно сердитъ. Зачѣмъ же вы не пишете? почему вы не пи-

---

[1]) Это письмо было перепечатано съ возстановленіемъ пропусковъ въ «Вѣстникѣ Европы», 1896, VI, стр. 751.

[2]) Строки, заключенныя въ скобки, у Кулиша пропущены.

[3]) Слѣдующія заключительныя слова письма у Кулиша пропущены. Все письмо напечатано безъ пропусковъ въ «Матеріалахъ для біографіи», т. III, стр. 324.

[4]) Это письмо пропущено въ изданіи Кулиша; оно напечатано нами съ копіи, принадлежащей Московскому Публичному и Румянцовскому Музею, въ III томѣ «Матеріаловъ для біографіи», стр. 325—326.

шете? Должно наконецъ сказать, что вы изъ всѣхъ сестрицъ, какія только есть на свѣтѣ, самыя негодныя сестрицы и меня же потомъ укоряете, что я не пишу. А я больше пишу даже, нежели вы. Притомъ мнѣ совсѣмъ другое дѣло: я могу, и не писавши къ вамъ, любить васъ, а вамъ никакъ нельзя доказать, что вы любите меня, не писавши. Притомъ же мнѣ множество нужно писать писемъ и не къ однѣмъ вамъ, а вамъ писать только къ одному мнѣ, стало-быть, вамъ всегда есть время. Притомъ я старше, а вы моложе. Мнѣ можно иногда и полѣниться, а вамъ никакъ нельзя. Итакъ слушайте, лѣнивицы! прошу васъ покорнѣйше писать ко мнѣ, а если не напишете сейчасъ же по полученіи письма, то, право, не пріѣду къ вашему выпуску. Вотъ вамъ адресъ. По этому адресу никакъ ваше письмо не можетъ пропасть:

«Его высокоблагородію, Михаилу Петровичу Погодину, профессору Импер. Москов. университета. *Въ Москвѣ*, въ собств. домѣ на Дѣвичьемъ полѣ, для передачи Николаю Васильев. Гоголю».

Итакъ понимаете? Вы отправите ваше письмо прямо въ Москву на имя Погодина, а онъ уже будетъ знать, какъ и куда переслать мнѣ, ибо я теперь не знаю, въ какомъ городѣ и мѣстѣ проживу долѣе, стало-быть, и не могу вамъ означить моего адреса вѣрно. Теперь покамѣсть я живу въ Вѣнѣ, гдѣ пробуду никакъ не дольше двухъ недѣль. Потомъ подберусь еще ближе къ вамъ, а тамъ, если Богъ дастъ, и если мое здоровье поможетъ, вы увидите меня въ Петербургѣ, но не раньше, какъ за мѣсяцъ до вашего выпуска. Если же вы желаете моего пріѣзда именно для моего пріѣзда, то-есть для меня самого, то я благодарю васъ много и больше со стороны вашей ничего мнѣ не нужно за мои старанія о васъ и мысли. Если жъ вы потому только желаете моего пріѣзда, чтобы выбраться скорѣе изъ института, и потому, что мой пріѣздъ есть ничто иное для васъ, какъ вѣстникъ вашего освобожденія, то позвольте мнѣ сказать вамъ, что я васъ больше люблю, чѣмъ вы меня, и что ваша любовь ничто противъ моей чистой, безкорыстной любви и что вамъ никогда не понять ни сердца, ни души моей, ни моихъ душевныхъ движеній.

Прощайте! Пишите! Обнимаю васъ мою братскою любовью.

CI. Къ нимъ же.

Вѣна (?) Сентября 15 (1839).

А! наконецъ я получилъ ваше письмо. Эге, ге! да вы напустились на меня такъ, что я, читая ваше письмо, нѣсколько разъ оглядывался назадъ, не стоите ли вы позади меня, и велики ли ногти на рукахъ вашихъ... Я для васъ рѣшаюсь ѣхать въ Петербургъ. Знаете ли вы, какую я жертву для васъ дѣлаю? [1]) Знаете ли, что я за милліоны не согласился бы пріѣхать въ Петербургъ, еслибы не вы? Итакъ вы можете изъ этого судить, меньше ли я васъ люблю, чѣмъ вы меня. Завтра я ѣду изъ Вѣны. Черезъ полтора мѣсяца, я думаю, буду въ Петербургѣ, если не позже. Письмо мое, какъ видно, къ вамъ было скоро доставлено. Вы видѣли ли Балабину [2]) и какъ ея здоровье? лучше ли? Она все была больна. Напишите мнѣ, кто у васъ бываетъ чаще. Извѣстите меня также, гдѣ теперь Андр. Андр. и Ольга Дмит. Трощинскіе: въ Петербургѣ, или нѣтъ. Мнѣ это очень нужно знать. Если они на-случай въ Петербургѣ, то передайте имъ мой поклонъ и скажите, что я писалъ къ нимъ и собирался еще писать, но остановился за незнаніемъ ихъ мѣстопребыванія и что я непремѣнно отыщу ихъ гдѣ бы то ни было и принесу имъ лично мою благодарность за все то, что они дѣлали для васъ и для всего нашего семейства.

Увѣдомьте меня также, какія перемѣны у васъ въ институтѣ и кто тамъ остался изъ тѣхъ, которые меня еще помнятъ... Пишите ко мнѣ по тому же адресу въ Москву на имя профессора Погодина [3]).

Прощайте, мои безцѣнныя! Будьте здоровы! Не замедлите вашимъ отвѣтомъ.

Много васъ любящій братъ,
Николай Гоголь.

Когда вы получили письма отъ маменьки? и что вамъ пишутъ?

---

[1]) Начало этого письма, кончая этими словами, у Кулиша пропущено и пропускъ этотъ впервые сообщенъ нами въ «Матеріалахъ для біографіи», т. III, стр. 326—327, (по копіи, принадлежащей Московскому Румянцовскому и Публичному Музею).

[2]) См. письмо къ М. П. Балабиной въ концѣ письма отъ 7 ноября 1838 года (стр. 548).

[3]) Начиная отъ словъ: «пишите ко мнѣ», у Кулиша пропущено: возстановляемъ по копіи, принадлежащей Московскому Публичному и Румянцовскому музею.

CII. Къ А. А. Иванову.

Вѣна. Сентября 20 (1839, по новому стилю) [1]).

Здоровы ли вы и какъ поживаете, почтеннѣйшій signor [2]) Alessandro [3]), какъ называетъ Луиджи? Я къ вамъ пишу потому, что полагаю васъ уже въ Римѣ, возвратившимся изъ Венеціи, безъ сомнѣнія, съ большою пользою и оконченнымъ schizzo вашей большой картины подъ мышкой, въ чемъ помогай вамъ Богъ! Я, между прочимъ, исполнилъ вашу комиссію, купилъ для васъ въ Женевѣ часы. Такихъ, какъ хотѣлъ [4]), я не сыскалъ [5]), то есть, серебряныхъ плоскихъ, съ золотымъ ободочкомъ [6]). Ихъ уже не дѣлаютъ, а дѣлаютъ или просто [7]) всѣ серебряные и нѣсколько толще, или же золотые, изъ которыхъ добрые и вѣрные дороги. Подешевле же я не рѣшался купить, не будучи увѣренъ въ настоящемъ и внутреннемъ [8]) ихъ достоинствѣ. Притомъ меньше 150 р. нѣтъ, а такъ какъ вы просили въ 100 р. [9]), то я ихъ не взялъ и хорошо сдѣлалъ, потому что скоро потомъ нашелъ у одного знакомаго мнѣ часового мастера, именно такіе часы, какъ хотѣлъ, серебряные съ золотымъ ободочкомъ [10]) и тонкіе, извѣстной мнѣ доброй работы. Онъ носилъ эти часы самъ и для продажи ихъ не назначалъ, но я упросилъ его уступить за 90 р., что я нахожу очень недорого. Онъ же къ тому жъ [11]) и всѣ ихъ вызолотилъ, такъ что они имѣютъ видъ золотыхъ. Вы ихъ получите скоро послѣ этого письма вмѣстѣ съ моею палкою, которая служила мнѣ въ Римѣ и которую прошу поставить въ углу вашей комнаты до моего пріѣзду [12]). Вы получите также три дюжины вѣнск(ихъ) [13]) карандашей, которые я нахожу очень хоро-

[1]) Это письмо было перепечатано въ «Современникѣ» (1858, XI, стр. 126—127).

[2]) Гоголь всегда пишетъ это слово ошибочно: Signior.

[3]) У Кулиша тутъ и въ другихъ мѣстахъ ошибка: «Alexandro»; у Гоголя вездѣ правильно: «Alessandro».

[4]) У Кулиша невѣрно: «хотѣли».

[5]) Послѣ этого зачеркнуто на ходу письма: «теперь почт(и)».

[6]) У Кулиша: «ободкомъ».

[7]) Это слово у Кулиша пропущено.

[8]) Въ подлинникѣ: «витуренномъ» (sic).

[9]) Въ подлинникѣ нѣтъ послѣ *100* слова *р.*; оно прибавлено Кулишомъ.

[10]) У Кулиша: «ободкомъ».

[11]) Послѣ этого зачеркнуто: «взялся».

[12]) У Кулиша: «пріѣзда».

[13]) Не дописано.

шими. Одну дюжину изъ нихъ возьмите себѣ, другую отдайте Моллеру [1]), а третью оставьте для меня. Въ этой же посылкѣ четыре серебряныхъ стакана, которые пусть у васъ до моего пріѣзда [2]). Вы явитесь къ Кривцову и спросите только слѣдуемую [3]) на ваше имя посылку.

Я, къ сожалѣнію, не буду въ Римѣ раньше февраля [4]). Никакъ не могу отклониться отъ неотразимой для меня поѣздки въ Петербургъ [5]). Но въ февралѣ непремѣнно намѣренъ очутиться на Via Felice и на моей старой квартирѣ, и мы вновь примемся съ вами за capretto arrosto и asciuto [6]). А до того времени прощайте и будьте здоровы.

Да, просьба къ вамъ, чтобы не позабыть. Навѣдайтесь на почту, и если есть письма ко мнѣ, то возьмите ихъ, заплатите [7]) за нихъ что̀ слѣдуетъ и удержите ихъ у себя до моего пріѣзда. Не дурно бы это повторять каждый мѣсяцъ, потому что ко мнѣ часто пишутъ знакомые и незнакомые, знающіе только по слуху, что я долженъ быть въ Римѣ. Я думаю, Рихтеръ уже давно оставилъ Римъ. Эту маленькую записочку отдайте Моллеру вмѣстѣ съ моимъ поклономъ.

Да еще. Если случится время, побывайте у меня на квартирѣ и скажите моему хозяину, что я не буду въ октябрѣ въ Римѣ, что деньгами онъ можетъ располагать, какъ хочетъ, но что вещи въ сундукѣ пусть онъ держитъ до моего пріѣзду [8]), что я буду непремѣнно если не въ февралѣ, то въ мартѣ непремѣнно. Если вы уже обзавелись часами, то все-таки удержите ихъ у себя. Мнѣ понадобятся... [9]).

---

[1]) Художникъ, жившій въ Римѣ.

[2]) Отъ словъ: «Въ этой же посылкѣ» и кончая словомъ: «пріѣзда», приписано между строкъ.

[3]) У Кулиша: «слѣдующую».

[4]) О намѣреніи Гоголя вернуться именно *въ февралѣ* см. въ концѣ письма къ Шевыреву отъ 10 августа (выше, стр. 620).

[5]) Эти слова доказываютъ ясно, особенно въ связи съ соображеніемъ, высказаннымъ въ предыдущемъ примѣчаніи, что данное письмо относится къ 1839 г.

[6]) Послѣ этого зачеркнуто: «у Фалькона».

[7]) У Кулиша: «заплативъ».

[8]) У Кулиша: «пріѣзда».

[9]) Послѣднія слова отъ слова: «если» составляютъ приписку.

CIII. Къ П. С. Шевыреву.

1839. Вѣна. Сентября 21 (по новому стилю).

Пишу къ тебѣ на самомъ выѣздѣ [1]). Благодарю за письмо, а за стихи вдвое. Прекрасно, полно, сильно! Переводъ, каковъ долженъ быть на русскомъ языкѣ, Данта. Это же еще первыя твои пѣсни, еще не совершенно расписался ты, а что̀ будетъ дальше! Люби тебя Богъ за это, и тысячи тебѣ благословеній за этотъ трудъ. Больше некогда сказать ничего. Пиши ко мнѣ въ Москву и пришли ко мнѣ еще нѣсколько листиковъ. Никому не покажу и сохраню ихъ у себя въ портфелѣ. Прощай. Не забывай...

Твой *Гоголь.*

---

[1]) Дѣйствительно, Гоголь съ Погодинымъ выѣхали изъ Вѣны 22-го сентября (10 по *старому* стилю). См. «Годъ въ чужихъ краяхъ», т. IV, стр. 222.

PG
3335
A3
1901
t.1

Gogol', Nikolai Vasil'evich
Pis'ma

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY